НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ТОЛСТОВА, Т. А. ЖДАНКО,
С. М. АБРАМЗОНА, Н. А. КИСЛЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет собой второй полутом книги «Народы Средней Азии и Казахстана», публикуемой в серии «Народы мира» Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Первый полутом этого труда содержит введение, пять вводных глав: «Географический очерк Средней Азии и Казахстана»; «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана»; «Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана»; «Иранские языки народов Средней Азии», «Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана» и три главы, посвященные отдельным народам Средней Азии: «Узбеки», «Каракалпаки» и «Таджики» (в последней главе имеется раздел «Припамирские таджики»).

Второй полутом, представленный настоящей книгой, содержит этнографическое описание остальных крупных народов: туркмен, киргизов, казахов, а также живущих на территории среднеазиатских республик и в Казахстане мелких народностей и национальных меньшинств; завершается книга главой, посвященной русскому, украинскому и белорусскому населению этих республик.

Второй полутом подготовлен научными сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР совместно с учеными академий наук среднеазиатских союзных республик и Академии наук Казахской ССР. Некоторые главы полностью подготовлены учеными союзных академий, другие написаны сотрудниками Института этнографии АН СССР частично в соавторстве с учеными среднеазиатских республик или с использованием подготовленных на местах материалов и текстов к отдельным разделам.

Авторами отдельных глав второго полутома являются: «Туркмены» — Г.П. Васильева; отдельные разделы главы написали: «Исторические сведения» — А. А. Росляков, А. Каррыев и Г. П. Васильева; о современной экономике — В. Б. Жмуйда; «Устное народное творчество» и «Художественная литература» — Н. Мередов; «Народное образование», «Музыка, театр, кино» — И. Л. Репин; для раздела «Физкультура и спорт» использованы материалы К. Овезбердыева; «Киргизы» — С. М. Абрамзон; в разделах, посвященных материальной культуре и прикладному изобразительному искусству, привлечены неопубликованные материалы, собранные и обработанные Е. И. Маховой и К. И. Антипиной; характеристика старого земледелия и скотоводства содержит некоторые данные из рукописей А. С. Бежковича; частично использованы материалы, подготовленные учеными и специалистами Киргизской ССР: по сельскому хозяйству — О. Сейдахматовым, по науке — Ш. Ширияздановым, по художественной литературе — К. Асаналиевым, по профессиональному изобразительному

искусству — Г. Айтиевым, по здравоохранению — А. Айдаралиевым; «Казахи»— авторский коллектив Академии наук Казахской ССР; разделы главы написали: «Исторический очерк»— В. Ф. Шахматов, при участии [С. К. Ибрагимова], «Основные занятия» и «Материальная культура» — В. В. Востров и И. В. Захарова, «Общественный и семейный быт»— В. В. Востров, «Культура и искусство»—Х. И. Бисенов, Б. Г. Ерзакович, В. В. Востров и З. Ахмедов; «Уйгуры»— И. В. Захарова; «Дунгане»— Г. Г. Стратанович, с использованием некоторых материалов М. Сушанло и Л. И. Думана; «Корейцы»— Ю. В. Ионова; «Среднеазиатские арабы» — Б. Х. Кармышева; «Среднеазиатские цыгане»— Г. П. Снесарев и А. Л. Троицкая; «Среднеазиатские евреи»— Я. И. Калонтаров; «Белуджи»— Э. Г. Гафферберг; «Курды»— Т. Ф. Аристова и А. Мамедназаров; «Русское, украинское и белорусское население»—Т. В. Станюкович.

Общее редактирование осуществлено редколлегией в составе член-корр. АН СССР С. П. Толстова (ответственный редактор), Т. А. Жданко (зам. ответственного редактора), С. М. Абрамзона и Н. А. Кислякова.

Рецензировали книгу А. А. Валитова, М. С. Иванов, А. И. Першиц и М. Г. Рабинович.

Этнографические карты составлены Я. Р. Винниковым. Рисунки и таблицы выполнены художниками Т. В. Полетикой, В. А. Гиппиус, И. В. Савицким и Н. А. Юсовым.

Основная часть фотографий подобрана из собраний Музея антропологии и этнографии АН СССР, Музея этнографии народов СССР и научных архивов экспедиций Института этнографии АН СССР; использованы также фотоматериалы ВДНХ, фотохроники ТАСС, фотохроник Казахского и Туркменского ТАГ; часть фотографий прислана с мест авторами и соавторами отдельных глав книги. В подборе и подготовке иллюстраций принимали участие Л. Ф. Моногарова, Н. П. Лобачева, Е. П. Николаичева.

В составлении списков рекомендуемой литературы принимала участие Т. Н. Томина. Глоссарий редактировала Б. Х. Кармышева. В составлении указателя участвовали Г. П. Снесарев, Н. Г. Борозна, Э. Г. Гафферберг, В. Н. Басилов, Т. Н. Томина, А. М. Хазанов, Л. А. Фирштейн, Е. П. Николаичева.

Статистические сведения о численности населения во всех главах тома основаны на данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.; в тех случаях, когда для этого использованы другие данные, в подстрочных примечаниях сделаны ссылки на источник.

Статистический материал переписи 1959 г. разработали и подготовили сотрудники лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР.

Местные термины в главах об отдельных народах даются в тексте в первый раз курсивом, на литературном языке и алфавитом данного народа, а в главах «Корейцы», «Белуджи» и «Курды»— на русском алфавите. При дальнейшем повторении термины даются в русском написании, с максимальным приближением к произношению на языке данного народа; исключение составляют широкоизвестные слова народов Средней Азии и Казахстана и географические наименования, вошедшие в русский язык (джигит, джайляу, Дешти-Кыпчак и др.).

ТУРКМЕНЫ

Туркмены называют себя так же, как называют их все окружающие народы,— *туркмен*; живут они главным образом на территории СССР, где составляют основное население Туркменской ССР. В русской литературе XVIII в. и первой половины XIX в. туркмены упоминаются под искаженными названиями «трухмяне», «трухмены» или «трухменцы».

Туркменская ССР образована 27 октября 1924 г. Она занимает западную часть Средней Азии и расположена между 35°08′ и 42°48′ с. ш. и 52°27′ и 66°41′ в. д. от Гринвича.

Туркмения граничит на севере с Казахстаном, на северо-востоке — с Кара-Калпакией, на востоке — с Бухарской областью Узбекской ССР, на юге — с Афганистаном и Ираном. На западе границей республики является восточное побережье Каспийского моря.

В указанных выше границах Туркменская ССР занимает территорию в 488 тыс. кв. км. Численность населения республики, составлявшая по переписи 1926 г. 998,2 тыс. человек увеличилась за последующие 30 лет на 368 тыс. и исчислялась к 1956 г. в 1366 тыс. человек [1], а на 15 января 1959 г. достигла 1516 тыс. человек [2]. В то время как по своим размерам Туркмения уступает из всех союзных республик лишь Российской Федерации, Казахстану и Украине, по численности населения она занимает одно из последних мест.

В административном отношении республика подразделена на три области: Марыйскую, Чарджоускую и Ташаузскую и девять районов центрального подчинения.

Туркмения — многонациональная страна. Самым многочисленным народом являются туркмены (60,9% населения). Они живут повсеместно, преимущественно в сельских местностях; немало туркмен в городах и промышленных центрах.

В Туркмении живут также узбеки (125,2 тыс. человек), казахи (69,6 тыс. человек) и каракалпаки (2,5 тыс. человек), обитающие главным образом в районах, прилегающих к границам соответствующих республик. Среди узбеков много городских жителей, занятых в промышленности и работающих в учреждениях; казахи в основном работают на промышленных предприятиях, транспорте и рыболовных промыслах; некоторые из них

[1] «Народное хозяйство Туркменской ССР»., Статистический сборник. Ашхабад, 1957, стр. 7.

[2] Уровень образования, национальный состав и возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1960, стр. 16.

продолжают заниматься скотоводством; каракалпаки занимаются преимущественно земледелием.

В южных районах республики живет небольшое число выходцев из соседних зарубежных стран—белуджи, курды и др.; они занимаются преимущественно сельским хозяйством.

В городах и промышленных центрах республики живут русские (262,7 тыс. человек) и украинцы (21 тыс. человек), часть из них работает также в сельском хозяйстве. Из других национальностей в республике живут татары (29,5 тыс. человек) и армяне (19,7 тыс. человек), составляющие население городов и работающие в учреждениях и торговых организациях, а также азербайджанцы (12,9 тыс. человек), занятые главным образом в нефтяной промышленности.

В связи с исключительно быстрыми темпами индустриализации республики, большим притоком сельской молодежи в учебные заведения, бурным ростом культурных учреждений увеличивается численность городского населения за счет сельского. На долю городского населения в 1926 г. приходилось 13,7%, в 1939 г.— 33,2%, а по данным переписи 1959 г.— 46%.

В Туркмении 13 городов, из них семь — города республиканского и областного подчинения. Наиболее значительны Ашхабад, расположенный вблизи предгорий Копет-Дага, столица республики, ее промышленный и культурный центр; Красноводск —порт на восточном берегу Каспийского моря, Мары (Мерв) [1], Чарджоу (Чарджуй) на левом берегу р. Аму-Дарьи; меньше по величине Ташауз, Керки, Кизыл-Арват, Байрам-Али; самый молодой город Туркмении, Небит-Даг, обогнал по численности населения многие старые города. Остальные города Туркменской ССР являются административными и экономическими центрами районов.

За годы Советской власти в Туркмении создано 64 новых поселка городского типа. Это возникшие около промыслов, буровых вышек, рудников, водохранилищ поселки Дарваза, Кум-Даг, Поселок Северных промыслов озера № 6 на Кара-Богаз-Голе, Ташкепри на Мургабе и др.

Постепенно начинает исчезать разница между обликом города, поселением городского типа и селением. На месте старых аулов создаются благоустроенные, хорошо распланированные поселки, радиофицированные и электрифицированные, со школой, клубом, яслями, больницей и другими общественными зданиями.

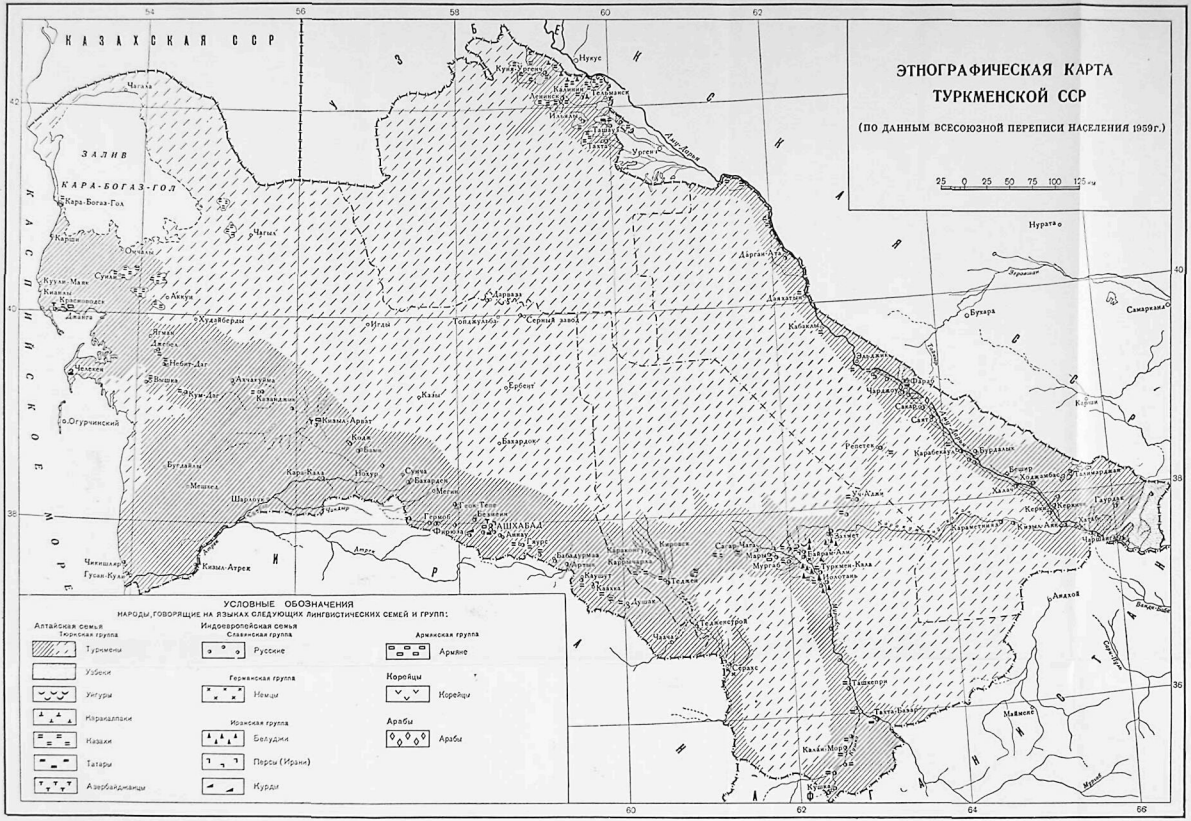
Кроме городов и селений обычного типа (аулов), существуют и другие населенные пункты, чаще всего с небольшим количеством жителей — животноводческие фермы колхозов и совхозов в пустыне, поселки при железнодорожных станциях и разъездах, рыболовецкие поселки, курорты и дачные места (Арчман, Молла-Кара, Фирюза, Чули).

В соответствии с географическими особенностями и характером орошения Туркмения заселена неравномерно. Средняя плотность населения по республике — 2,8 человека на 1 кв. км, в районах песков и гор она составляет 1 человек на 10 кв. км, а в районах искусственного орошения (оазисах) — 100 человек на 1 кв. км. Наиболее плотно населена долина р. Мургаба (Марыйская область), где на небольшом сравнительно пространстве сосредоточено свыше 25% населения республики.

Общая численность туркмен в СССР определяется, по данным переписи 1959 г., в 1004 тыс. человек. По отдельным районам СССР туркменское население распределяется так: в Туркменской ССР живет 923,7 тыс. человек, в Узбекской ССР (вместе с Кара-Калпакской АССР)—54,8 тыс.; кроме того,

---

[1] В скобках даются дореволюционные названия городов.


ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ТУРКМЕНСКОЙ ССР
(ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959г.)
25 0 25 50 75 100 125 км
КАЗАХСКАЯ ССР
ЗАЛИВ КАРА-БОГАЗ-ГОЛ
Кара-Богаз-Гол
Карши
Чагыл
Очагыл
Сукак
Кулан-Мала
Кишлы
Красноводск
Джигита
Хушгбсрды
Ягман
Джерен
Челекен
Огурчинский
Игды
Небит-Даг
Вышка
Кум-Даг
Ачакумы
Кызылдаир
Кизыл-Арват
Кизыл
Бекдаш
Бугдайлы
Мешек
Шорлуджа
Кара-Кала
Нохур
Сунча
Бахардок
Мигин
Чаудар
Гасан-Кули
Чикишляр
Кизыл-Атрек
Атрек
Гасан-Кули
Джебел
Гяурс
Гоган-Тепе
Ашхабад
Аннау
Теджен
Тахта
Безмеин
Кушка
Серный завод
Джанга
Кабакли
Дарган-Ата
Дянгистан
Бухара
Самарканд
Нурата
Керки
Чарджоу
Репетек
Карабекаул
Бурдалык
Бешир
Хазарасп
Ханабад
Газли
Кунград
Ургенч
Ташауз
Ташкепри
Тахта-Базар
Мары
Байрам-Али
Тагтакупыр
Иолотань
Керки
Гаурдак
Амударья
Аму-Бухарский канал
Каракумский канал
Каракумская железная дорога
Амударья
Мургаб
Теджен
Герируд
Сумбар
Атрек
Каспийское море
Аральское море
Б Е З В О Д Н А Я П У С Т Ы Н Я
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ НА ЯЗЫКАХ СЛЕДУЮЩИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЕМЕЙ И ГРУПП:
Алтайская семья
Тюркская группа
Туркмены
Узбеки
Уйгуры
Караногайцы
Казахи
Татары
Азербайджанцы
Индоевропейская семья
Славянская группа
Русские
Германская группа
Немцы
Иранская группа
Белуджи
Персы (Иранц)
Курды
Армянская группа
Армяне
Корейцы
Корейцы
Арабы
Арабы

туркмены живут в Таджикской ССР (свыше 7 тыс. человек) и Российской Федерации — в Ставропольском крае («ставропольские туркмены», или, как их там называют, трухмены), в Дагестанской АССР и в Астраханской области — 11,6 тыс. человек.

Все зарегистрированные переписью туркмены говорят по-туркменски, за исключением небольших групп, расселенных среди узбеков и говорящих по-узбекски.

За пределами СССР часть туркмен живет в северо-западных провинциях Ирана — около 330 тыс. человек, в северном Афганистане — 270 тыс. человек, в Турции, Ираке и других странах Передней Азии—немногим более 190 тыс. человек.

До последнего времени туркмены делились на племена, наиболее значительными из которых являлись теке—общей численностью свыше 270 тыс. человек, эрсари — свыше 150 тыс. человек, йомуты — свыше 100 тыс. человек, салыры — свыше 35 тыс. человек, сарыки — свыше 32 тыс. человек[1]. Численность прочих племен, из которых более крупными считались гоклены и чоудоры, колебалась от 20 тыс. с лишним до нескольких сот человек. Каждое племя делилось на роды и более мелкие подразделения.

В связи с различными политическими и экономическими обстоятельствами размещение отдельных племен на протяжении ряда столетий неоднократно менялось. В XIX в. (начиная с его середины и кончая последними десятилетиями) важнейшие туркменские племена разместились на территории современной Туркменской ССР следующим образом. Йомуты заняли более или менее сплошную территорию на восток от Каспийского моря; границей этой территории является линия, идущая с юго-запада на северо-восток: р. Атрек — г. Кизыл-Арват — г. Куня-Ургенч. Текинцы заселили бассейны рек Мургаба и Теджена и предгорные оазисы вдоль северных склонов Копет-Дага до Кизыл-Арвата на западе; на севере границей их пастбищных территорий служили Заунгузские Каракумы. Эрсари разместились по левому и частично правому берегу Аму-Дарьи, между городами Келиф и Чарджоу; салыры — в центральной части Чарджоуской области и в Серахском районе; сарыки — в бассейне среднего течения Мургаба (районы Иолотанский и Тахта-Базарский); гоклены — в основном по рекам Сумбар и Чандыр (Кара-Калинский район); чоудоры — в Хорезмском оазисе (Калининский район); али-или (алили) — в предгорьях восточного Копет-Дага (Каахкинский район); карадашлы и емрели — в западной части Хорезмского оазиса (Ильялинский и Ленинский районы) и небольшими группами на юге Туркмении и т. д. В Иране расселились йомуты, гоклены, емрели, алили, сарыки, салыры; в Афганистане — эрсари, алили, сарыки.

Живущие замкнуто на своей территории и слабо связанные экономически с внешним миром и с соседями, отделенные иногда большими, труднопроходимыми пространствами друг от друга, туркменские племена жили обособленной жизнью.

Эта обособленность отразилась не только на различии исторических судеб каждого из крупнейших туркменских племен, но и на многих сторонах народного быта.

В результате часто повторявшихся в конце XVII в. и первой четверти XVIII в. грабительских набегов хивинских ханов на мангышлакских туркмен часть туркмен переселилась с п-ова Мангышлака на Северный Кавказ — в бассейн рек Маныча и Кумы, где потомки их живут и по настоящее время. Связь этих так называемых ставропольских туркмен с их сородичами, живущими на территории Туркменской ССР, крайне незначительна, а их бытовой уклад и язык подверглись сильному влиянию

[1] Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены (Историко-этнографический очерк). «Туркменоведение», 1929, № 10—11, стр. 39—40.

со стороны соседящих с ними ногайцев. Главная масса ставропольских туркмен отделилась от племен чоудор и игдыр, потомки которых и поныне живут в Туркмении.

Быт туркмен, живущих в районе Нурата Самаркандской области и в районе Каракуля Бухарской области Узбекской ССР, мало отличается от быта окружающего узбекского населения.

В антропологическом отношении туркмены резко отличаются от всех остальных народов Средней Азии долихокефалией. По всей вероятности, туркмены наследовали эту особенность от древнейших обитателей страны. Смешение с тюркскими народами, в первую очередь с огузами, отразилось в появлении некоторых монголоидных особенностей, но в целом древний европеоидный длинноголовый тип остался мало измененным.

Туркменский язык относится к огузо-туркменской подгруппе огузской группы тюркских языков; основу его составили диалекты западных огузских племен и племен, вошедших в состав сельджукского союза (XI в.). Значительное влияние на него оказал литературный язык Караханидского государства (X—XI вв.), а в более поздний период он приобрел некоторые черты кыпчакских языков.

В XV—XVII вв. важную роль в формировании туркменского литературного письменного языка играл староузбекский язык. Разговорный язык туркмен распадается на множество диалектов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Происхождения названия «туркмен» точно не установлено. По толкованию Махмуда Кашгарского (XI в.), этот термин означает «тюркоподобный», «похожий на тюрка»[1].

Впервые название «туркмен» встречается в конце X в. в арабоязычной географической литературе: так называли часть тюркских племен (огузов, карлуков и др.), живших на границе земледельческой полосы Средней Азии или в глубине ее, среди ираноязычного земледельческого населения. По сообщению Марвази — автора начала XII в., туркменами стали называть ту часть огузов, которая приняла ислам. Можно предполагать, что так назывались тюркоязычные племена арало-каспийских степей и отчасти Семиречья в отличие от тюркоязычных племен Центральной Азии.

С XI—XII вв. термин «туркмен» распространялся все шире и постепенно стал названием народности, сложившейся в западной части Средней Азии. Кроме того, туркменами назывались многие скотоводческие племена огузского происхождения, поселившиеся с XI в. в Малой Азии, Азербайджане и северном Ираке и вошедшие позднее в состав азербайджанской и турецкой народностей.

В науке еще недавно преобладала точка зрения, согласно которой туркмены (огузы) на территории Туркменской ССР появились лишь в первой половине XI в. в связи с сельджукским движением, до этого здесь они будто бы встречались лишь небольшими группами как временные пришельцы в периоды набегов на Хорезм или Хорасан.

Однако нет никаких оснований полностью отождествлять туркменскую народность с огузами и сводить всю историю ее формирования к приходу огузов из Приаралья в закаспийские степи в период сельджукского движения.

В действительности этногенез туркмен восходит к племенным союзам автохтонного населения арало-каспийских степей (дахов и массагетов) и к

[1] Махмуд ибн ал-Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат-ат-тюрк, т. III, стр. 304—307. Стамбул, 1333 г. х. (1914—1915 гг.).

древнему оседлому земледельческому населению южной Туркмении и Хорасана; в этом процессе приняли участие и парфяне.

Тюркизация древнего ираноязычного населения степей и оазисов Туркмении началась задолго до проникновения в эти области огузов. До них в IV—V вв. н. э. в эти области Средней Азии проникали хиониты и эфталиты, пребывание которых в Туркмении убедительно подтверждается новейшими археологическими и палеоантропологическими данными, а в VI в. здесь обитали уже значительные группы тюркских племен, что отмечается в письменных источниках. Большое число тюрок в конце VII и начале VIII в. жило в районе р. Атрека и г. Дихистана (ныне развалины Мешхед-и-Мисриан). Арабские историки сообщают, что владетелем Дихистана в 716 г. был тюрк Сул и что во время похода арабского полководца Иезида в Дихистане и его окрестностях было перебито 14 тыс. тюрок.

Частичные переселения огузов в Туркмению также начались значительно раньше XI в.; одно из них было связано еще с событиями IX в.— столкновением огузов с печенегами в районе Джурджанского (Аральского) моря. После переселения печенегов на запад некоторые огузские группы захватили районы, расположенные от Устюрта в направлении к р. Эмбе, примыкавшие с северо-запада к Хорезму; отсюда значительное число огузов стало передвигаться на юг. Однако, несмотря на то, что огузы, пришедшие впервые в Туркмению, явились не на пустое место и не были первыми тюрками на этой территории, роль их в этногенезе туркмен чрезвычайно велика. Важнейшим этапом формирования туркменской народности было безусловно передвижение в XI в. сельджукских племен из присырдарьинских областей на запад, когда в Туркмению и Хорасан нахлынули значительные массы огузов, поселившиеся здесь и слившиеся с местным населением.

Монгольские полчища, пришедшие в Среднюю Азию в начале XIII в., с особенной силой обрушились на оседлое население северного Хорасана. Города были разорены, многие ирригационные сооружения разрушены и заброшены, всей древней земледельческой культуре был нанесен тяжелый удар. На первое место в хозяйстве выдвинулось кочевое и полукочевое скотоводство. Тюркоязычная часть местного оседлого населения в XIII—XV вв. окончательно получила общее название «туркмен», а за территорией их расселения начало постепенно закрепляться название «Туркменистан», т. е. страна туркмен.

Завершение процесса формирования туркменской народности относится, по-видимому, к XIV—XV вв., когда в оазисах современного южного Туркменистана в основном уже произошло слияние осевших степных племен (языров, огузов) с оседлыми северными хорасанцами и когда в степях и пустынях северного Туркменистана из частей древних огузских и других скотоводческих племен (аланы, кыпчаки и т. д.), а также из части хорезмийцев на основе территориальной общности сложились новые племена, сохранявшие свои названия до недавнего прошлого. В XIV—XV вв. складывался туркменский язык (включавший ряд племенных диалектов и местных говоров). Его основой был огузский язык (или языки огузских племен), который обогатился множеством слов и даже некоторыми грамматическими формами персидского, таджикского, хорезмийского и других языков коренного земледельческого населения Средней Азии.

На рубеже XV и XVI вв. среднеазиатские туркмены заселяли все восточное побережье Каспийского моря, п-ов Мангышлак, берега огромного Сарыкамышского озера, Каракумы, северо-западные окраины Хорезмского оазиса и оазисы южного Туркменистана, где наряду с туркменами сохранялось еще довольно многочисленное ираноязычное население, главным образом в городах. В степях и пустынях юго-восточного

Туркменистана, помимо туркмен, жило немало кочевников из различных других тюркских и иранских племен (так называемые чагатаи и аймаки), в районе Чарджоу было довольно много арабов.

Основными источниками, из которых мы узнаем о расселении туркмен в XVI в., служат труды хивинского историка XVII в. Абуль-Гази-хана «Шеджере-и-тюрк» («Родословное древо тюрков») и «Шеджере-и-теракиме» («Родословная туркмен»), хроники хивинских историков XIX в. Мунис и Агехи «Фирдаус-уль-Икбаль»[1], археологические исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в районе Сарыкамыша и туркменские предания, поныне бытующие в народе.

Самыми северными из туркменских племен в XV—XVI вв. были чоудоры и родственные им абдалы и арабачи, населявшие Мангышлак и северную часть Устюрта. Эта группа туркменских племен и родов носила общее название эсен-хани (хасан эли). Все остальные туркменские племена относились к группе саин-хани.

Южнее на берегах Сарыкамышского озера и на Больших Балханах жили теке, салыры, сарыки, йомуты. Эта наиболее сильная и многочисленная группировка туркменских племен возглавлялась, видимо, салырской феодально-племенной знатью, так как салыры считались «старшим» племенем; теке, йомуты и сарыки назывались «внешними салырами» (*ташки-салыр*), в отличие от собственно салыров, которые назывались «внутренними салырами» (*ички-салыр*)[2].

Кроме салырской группировки, на Больших Балханах обитало племя эрсари, ранее также входившее в ее состав; на восточном берегу Сарыкамыша жили адаклы-хызыр, на Узбое — алили, дюечи, караойли. Очевидно, в этом же районе жило тогда и большинство гокленов, а также эймуров и ата (точных сведений о расселении их в начале XVI в. не имеется).

В южном Туркменистане жили туркменские племена языр (карадашлы), емрели, нохурли, а также часть баятов, основная масса которых обитала южнее, на территории восточного Ирана. Трудно сказать точно, с какого времени в состав туркменской народности вошли племена мурчали, мехинли, махтум, анаули, меджеур и многие другие, более мелкие, происходившие от коренного ираноязычного оседлого населения южного Туркменистана, ассимилированного тюркоязычными степными племенами. Во всяком случае включение этих племен в состав туркменской народности произошло несколько веков назад, если судить по тому, насколько глубоко усвоены ими общая туркменская культура и быт.

В южном Туркменистане проживала и часть салыров. Известно, что еще в XV в. существовало сел. Салур в окрестностях Нисы. Туркмен-салыр Гулаль Салыр-баба, проживавший в Нисе, в 60-х годах XVI в. перевел на чагатайский язык для хорезмского Али-султана «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Возможно, именно эта часть салыров называлась «хорасанскими салырами»[3].

Основным занятием большинства северных туркменских племен было скотоводство. Туркмены разводили курдючных овец, верблюдов и лошадей. В то же время все туркменские племена в какой-то мере занимались

---

[1] Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Пер. Г. Саблукова. Казань, 1906; его же. Родословная туркмен. Пер. А. Туманского. Асхабад, 1897 (новейший перевод этой работы сделан А. Н. Кононовым, М.— Л., 1958); хроники Муниса и Агехи в русском переводе помещены в сборнике «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, Л., 1938.

[2] Абуль-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 178, 185, 186; В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 43, 44, 51.

[3] Абуль-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 186—187.

и земледелием; наименьшее значение оно имело на Мангышлаке и Больших Балханах, но и здесь немногочисленные мелкие родники использовались для орошения полей. Зато в окрестностях Сарыкамышского озера туркмены, в первую очередь адаклы-хызыр, создали сложную систему искусственного орошения, позволившую освоить не менее 50 тыс. га земли. Следы туркменского примитивного земледелия обнаружены и в западной части Хорезмского оазиса. Южные туркменские племена имели старинное и развитое земледельческое хозяйство (языры — с XII в.), хотя скотоводство у них также играло большую роль.

Для большинства туркменских племен в XVI в., как и позже, было характерно сочетание орошаемого земледелия с кочевым или отгонным скотоводством и связанный с этим полукочевой образ жизни, при котором часть одних и тех же групп населения (*чарва*) кочевала вместе со стадами, а другая часть (*чомры*) жила оседло, занимаясь земледелием. О полукочевом образе жизни туркмен рассказывает Абуль-Гази в «Родословном древе тюрков», подчеркивая, что кочевали только те, кто имел скот, т. е. более богатые.

Ремесло у туркмен было развито слабо, городов почти не было; известны лишь укрепленный город Адак, принадлежавший племени адаклы-хызыр, язырская крепость Дурун, да несколько довольно значительных туркменских поселений на островах Каспийского моря.

В целом туркмены XVI в. по степени экономического развития отставали от населения Ирана, Мавераннахра и Хорезма с их высокой земледельческой культурой, большими ремесленно-торговыми городами. Отсталые и разрозненные туркменские племена не смогли создать собственного государства и оказались под тяжелым игом феодальных правителей Среднего Востока — шахов Ирана, султанов и ханов Хорезма и Бухары.

В XVI—XVIII вв. происходило массовое переселение северных туркменских племен в южный Туркменистан. Этот процесс был вызван постепенным усыханием Сарыкамышского озера, что заставило туркменские племена, жившие на его берегах, искать себе новые пахотные земли. В результате теке, салыры, сарыки, эрсари, гоклены, алили и частично йомуты заселили оазисы и степи южного Туркменистана, вытеснив или подчинив и ассимилировав многие южнотуркменские племена (языров, емрели и др.), а также остатки праноязычного населения. Эти передвижения племен сопровождались бесконечными межплеменными распрями, которые разжигались соседними феодальными властителями и еще более ослабляли туркменские племена.

В XVI в. на территории Туркменистана развернулась ожесточенная борьба между шахами Ирана и ханами Бухары. Воспользовавшись этой борьбой, ослабившей обе стороны, узбекские ханы Хорезма подчинили себе большую часть туркменских земель, включая Ахал, Мерв, Большие Балханы и Мангышлак. Многие из узбекских ханов опирались не только на узбекскую, но и на туркменскую феодально-племенную знать. Несмотря на это, установление власти хорезмских ханов встретило отчаянное сопротивление туркменских племен. В 20-х годах XVI в. произошло массовое восстание туркмен салырской группировки. Восстание было жестоко подавлено, туркмен обложили огромной контрибуцией, превратившейся потом в постоянный налог.

Туркмены, поселившиеся по берегам Гургена и Атрека, попали под гнет иранских шахов и их наместников. В 1550 г. здесь произошло крупное восстание туркмен под предводительством Аба-сердара. Туркмены, получившие помощь от Али-султана, хана Хорезма, разбили несколько иранских армий, но позднее в результате предательской, капитулянтской политики туркменской знати в этом районе была восстановлена власть Ирана.

К началу XVII в. вся прикопетдагская полоса и Мерв были покорены иранскими шахами; среднее течение Аму-Дарьи удержала Бухара. Весь северный Туркменистан — от Больших Балхан до Мангышлака остался под властью хорезмских ханов. Здесь развернулась ожесточенная борьба между туркменской и узбекской феодально-племенной знатью. В 20-х годах XVII в. туркменской знати удалось посадить на хорезмский престол своего ставленника Исфендиар-хана (1623—1643 гг.), но в дальнейшем верх взяла узбекская знать; ее победы сопровождались грабительскими набегами на туркменские кочевья, что усилило переселение туркмен на юг. В середине XVII в. на побережье среднего течения Аму-Дарьи осели эрсари, на юг переселились сарыки и частично теке и йомуты. В XVII в. продолжались войны между иранскими шахами, бухарскими и хивинскими ханами за обладание оазисами южного Туркменистана; кроме того, территория Туркменистана подвергалась опустошительным набегам калмыков.

Начиная с 20-х годов XVIII в. туркменские земли стали объектом нападений со стороны Надира, крупного хорасанского феодала, с 1736 г. ставшего шахом Ирана. Спасаясь от грабежа и истребления, часть туркмен (йомутов, теке, эрсари и сарыков) на время вернулась в Хорезм, а после 1740 г., когда Надир-шах завоевал и Хивинское ханство, туркмены ушли на Мангышлак и Большие Балханы. Большая часть туркменских племен вынуждена была формально подчиниться завоевателю, но фактически восстания туркмен против кровавой власти Надир-шаха не прекращались ни на один год, вплоть до его гибели в 1747 г. и распада его империи.

После смерти Надир-шаха туркменские племена, временно ушедшие на север, вновь устремились в южный Туркменистан. Теке окончательно заселили Ахал, вытеснив оттуда алили (ушедших в Атек), емрели и карадашлы (ушедших в Хорезм), салыры заняли Мервский оазис, йомуты подразделения чони-шереф заселили побережье Атрека и Гургена. В то же время в Хорезме йомуты подразделения байрам-шали вновь вступили в ожесточенную борьбу с узбекскими феодалами и даже на время захватили весь оазис, но узбекская знать сумела спровоцировать столкновение между йомутами, теке и салырами и вернула себе власть в Хивинском ханстве. Йомуты, а также пришедшие в Хорезм карадашлы и емрели были поселены на западных окраинах оазиса, несколько севернее их разместилась часть чоудоров, вытесненных казахскими феодалами с северного Устюрта и Мангышлака; другая часть их подчинилась казахским султанам. Мерв был в конце XVIII в. захвачен войсками бухарского эмира Шах-Мурада. По его приказанию была разрушена плотина на Мургабе, что повлекло за собой упадок старого Мерва; салыры переселились в Серахс, Мервский оазис был заселен сарыками и теке, которые создали новое поселение на берегу Мургаба.

И в XIX в. на территории Туркменистана продолжались бесконечные войны, взаимные грабительские набеги и междоусобные распри. В первой половине XIX в. хивинские ханы овладели богатым Мервским оазисом и прикопетдагской полосой и насильственно переселили в Хорезм племена гоклен и алили. В то же время территория южного Туркменистана неоднократно подвергалась нападениям иранских войск, которые разрушали крепости, угоняли скот, уводили в рабство жителей; так, в 1832 г. иранцы разрушили Серахс, принудив салыров переселиться в Иолотань. Район Серахса временно заселили текинцы.

Испытывая феодальный гнет и тяжелое чужеземное иго, туркменские племена неоднократно поднимали восстания. В 1800 г. восстали мервские сарыки и теке, в 1801 г. — керкинские эрсари, в 1802 — 1803 гг. разгорелась настоящая война на границах Хорасана: гоклены и йомуты подняли восстание на Гургене, в то время как в Теджене поднялись теке,

а в Серахсе — салыры. В 1804 г. восстали емрели и йомуты в Хивинском ханстве, в 1813 г. вновь восстали йомуты на Гургене, в 1821—1822 гг. продолжали борьбу против эмира бухарского эрсари, которые затем частично переселились в Мерв; в 1827 г. мервские сарыки опять восстали против хивинского хана.

Основной движущей силой этих восстаний было крестьянство, поэтому все они имели целью добиться смягчения феодальной эксплуатации, в частности отмены налогов. Обычно в этих восстаниях участвовала и знать, которая стремилась в своих интересах использовать народное возмущение: обеспечить себе возможность получать как можно больше дохода со «своего» крестьянства, не отдавая значительной доли иранскому шаху или хивинскому хану.

Но та же знать, боясь своего народа, легко переходила на сторону врага. Поэтому восстания туркменских племен в большинстве своем сравнительно быстро подавлялись феодальными правителями.

Наиболее упорным было восстание сарыков, теке и салыров юго-восточного Туркменистана против хивинских ханов, длившееся с 1842 по 1855 г. Ни ежегодное вытаптывание посевов, ни разрушение плотин на Мургабе, ни угон скота и разграбление имущества восставших, — ничто не могло подавить сопротивления народа. В 1855 г. текинцы, сосредоточившиеся в Серахсе, наголову разбили хивинскую армию, причем был убит хан Мухаммед-Рахим. Вслед за этим началось массовое восстание туркмен в самой Хиве.

Видя ослабление Хивы, усилили свою агрессию против туркмен иранские шахи, которым удалось захватить Ахал, Атек, вытеснить текинцев из Серахса и поселить там салыров, признавших власть Ирана. Текинцы вернулись в Мары и потеснили сарыков, которые вынуждены были переселиться в Иолотань и Пенде, расположенные выше по течению Мургаба. Но в 1858 и в 1861 гг. текинцы нанесли сокрушительные поражения шахским войскам под Кара-Кала и Мервом. В бою под Мервом в 1861 г. 30-тысячная иранская армия была полностью уничтожена, текинцы захватили 30 пушек, казну и тысячи пленных. Однако текинцы, добившиеся независимости от Ирана, все же были вынуждены хотя бы формально подчиниться Хиве.

С целью наживы туркменская знать организовывала грабительские набеги (*аламан*) на соседние страны. Главными участниками этих набегов были рядовые туркмены. При организации аламанов знать использовала ненависть народа к иноземным властителям; участникам аламанов она внушала надежду на улучшение экономического положения в результате удачно проведенного набега.

Постоянные войны и набеги, столетиями терзавшие туркменский народ, приводили к разрушению производительных сил страны и препятствовали экономическому, общественному и культурному развитию туркменских племен, закрепляли их крайнюю отсталость, обрекали на нищету и страдания.

Русско-туркменские связи, прежде всего торговые, начали развиваться со второй половины XVI в., после выхода Русского государства на берега Каспийского моря. Важнейшими центрами русско-туркменской торговли стали Астрахань и пристани на п-ове Мангышлак. Туркмены охраняли русские торговые караваны, шедшие в глубь Средней Азии через Мангышлак и Устюрт. Непрерывно развивалась русско-туркменская торговля на берегах Каспийского моря; туркмены покупали хлеб, деревянную посуду, чугунные котлы, продавали рыбу, овчины, шерсть. В первой половине XVII в. туркменские торговцы ездили уже и в Москву. Русско-туркменские связи особенно окрепли при Петре I. Представитель прикаспийских туркмен Ходжа Непес, явившись в Петербург, просил Петра I принять туркмен в русское подданство и повернуть воды Аму-

Дарьи в Каспийское море для орошения туркменских земель. В 1715—1717 гг. в Хивинское ханство была направлена русская экспедиция под руководством Бековича-Черкасского, а на восточном берегу Каспийского моря были построены три русские крепости. Однако при попытке проникнуть в глубь Средней Азии отряд Бековича был истреблен хивинцами и крепости оказались заброшенными. При преемниках Петра I активность России в Закаспии ослабела, хотя прикаспийские туркмены и позднее не раз обращались к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство.

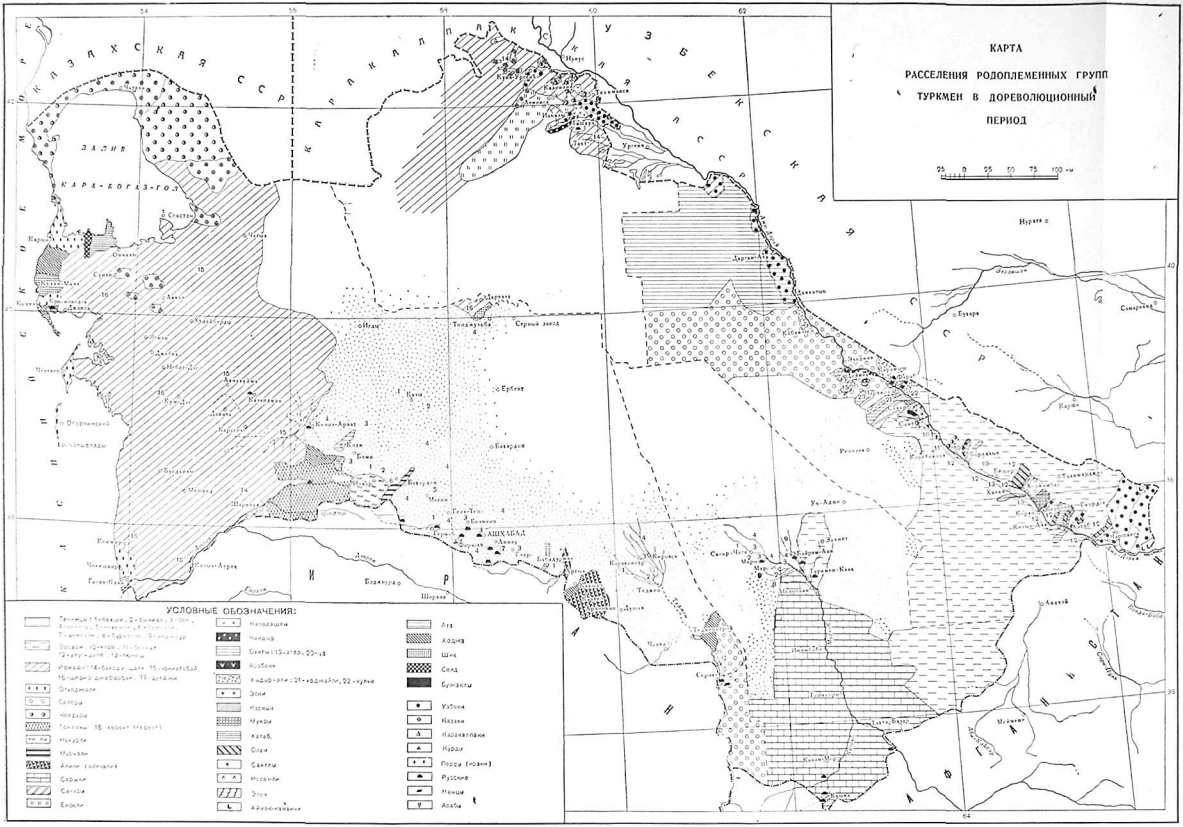
В конце XVIII и первой половине XIX в. восточный берег Каспийского моря посетил ряд русских экспедиций — Войновича, Муравьева, Карелина и др. Сюда проникали русские рыбопромышленники; русские товары все шире распространялись в Туркменистане, вплоть до Мерва. К середине XIX в. около 115 тыс. прикаспийских туркмен добровольно приняло русское подданство. На Мангышлаке было построено русское укрепление — форт Александровский. Приатрекские йомуты участвовали в русско-иранских войнах 1804—1813 и 1826—1828 гг. на стороне России. Наиболее видную роль в укреплении политических связей прикаспийских туркмен с Россией в первой половине XIX в. играл йомутский предводитель Киат-хан. О принятии хорезмских йомутов в русское подданство в 50-х годах XIX в. просил также руководитель восстания туркмен против Хивы Ата-Мурад-хан. Идея добровольного присоединения к России, наиболее сильному государству, способному прекратить феодальные войны, обеспечить мир в туркменских землях и наладить снабжение Туркменистана хлебом и промышленными товарами, приобретала все большее распространение среди туркмен.

Это было уже время усиления колониальной экспансии царизма в Средней Азии. В 1869 г. отряд русских войск высадился на восточном берегу Каспийского моря и основал г. Красноводск. В 1874 г. из присоединенных туркменских земель был образован Закаспийский отдел, подчиненный Кавказскому наместничеству. В тот же период России подчинились Бухара (1868 г.) и Хива (1873 г.) вместе с туркменскими племенами, жившими на их территории.

Прикаспийские туркмены (йомуты, гоклены и др.) встретили русские войска дружелюбно и оказывали им всяческое содействие. Но вскоре грубые и насильственные действия царских колонизаторов стали оскорблять и раздражать местное население. При попытке проникнуть в глубь Туркменистана русские войска встретили упорное сопротивление текинцев Ахала. В 1879 г. русский отряд, пытавшийся взять штурмом крепость Геок-Тепе, был разбит и отступил с большими потерями. В 1880 г. царское правительство направило в Ахал значительные силы русских войск во главе с генералом Скобелевым. 12 января 1881 г. крепость Геок-Тепе была взята штурмом, и Ахал был присоединен к России. В 1884 г. русское подданство добровольно приняли мервские текинцы, в 1885 г.— салыры Серахса и сарыки Иолотани и Пенде.

В 1881 г. на территории Туркменистана была создана Закаспийская область, с 1898 г. включенная в состав Туркестанского края. Хорезмские туркмены остались в составе Хивы, приамударьинские — на территории Бухары, вассальных государств России. Таким образом, туркменский народ оказался в политико-административном отношении разделенным на три части (не считая туркмен, проживавших на территории Ирана и Афганистана).

В Закаспийской области был установлен жестокий военно-колониальный режим. Высшая власть была сосредоточена в руках русской военной администрации. Низшие должности (аульных старшин, аульных судей и т. п.) замещались представителями туркменской феодальной знати, охотно шедшей на царскую службу. Царизм всячески стремился задержать


КАРТА
РАССЕЛЕНИЯ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУПП
ТУРКМЕН В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ПЕРИОД
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
КАЗАХСКАЯ ССР
КАРАКАЛПАКСКАЯ АССР
УЗБЕКСКАЯ ССР
ТАДЖИКСКАЯ ССР
ИРАН
АФГАНИСТАН
ЗАЛИВ КАРА-БОГАЗ-ГОЛ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АШХАБАД
Ереймет
Ерсары
Сарыки
Ясаулы
Ата
Ходжа
Шик
Сеид
Бумалы
Узбеки
Казаки
Каракалпаки
Курды
Порси (ирани)
Русские
Немцы
Арабы

экономическое развитие Туркменистана, сохранить его в качестве аграрного придатка центральной России, помешать проникновению в Туркменистан русской демократической культуры, революционных идей.

Однако вопреки колонизаторской политике царизма присоединение Туркменистана к России имело объективно прогрессивные последствия для туркменского народа. Прекратились феодальные войны, опустошавшие туркменские земли. Туркменистан стал втягиваться в экономическую систему российского капитализма.

В 1880—1885 гг. через территорию Туркменистана была проведена Закаспийская (Среднеазиатская) железная дорога, которая, по словам В. И. Ленина, «стала «открывать» для капитала Среднюю Азию» [1]. На Аму-Дарье было создано речное пароходство. В Закаспийской области появились города с пришлым (русским и армянским) населением, возникли промышленные предприятия — железнодорожные мастерские в Кизыл-Арвате, судоремонтные мастерские в Чарджоу, хлопкоочистительный и маслобойный заводы в Байрам-Али. Трудящиеся туркмены стали сближаться с русскими рабочими и приняли участие в борьбе против царизма и капитализма.

С возникновением промышленности и появлением пролетариата в Туркменистане с 1900-х годов началось революционное движение, возглавлявшееся кружками и группами Российской социал-демократической рабочей партии, появившимися первоначально в Ашхабаде и Кизыл-Арвате. Под руководством партии трудящиеся Закаспийской области вместе с революционными рабочими всего Туркестанского края приняли активное участие в революции 1905—1907 гг. В Закаспии действовало шесть организаций РСДРП, создавших в феврале 1907 г. Закаспийский областной комитет партии, имелось пять подпольных типографий, издавались нелегальные социал-демократические газеты «Молот» и «Солдат», распространялись большевистские газеты и сочинения В. И. Ленина. В городах происходили забастовки рабочих, получившие особенный размах в октябре-ноябре 1905 г. Летом 1906 г. произошли солдатские восстания в Ашхабаде и Красноводске, в некоторых городах были созданы Советы.

Революция 1905—1907 гг. сыграла огромную роль в политическом пробуждении туркменского крестьянства. Дайхане (так назывались туркменские крестьяне) отказывались платить налоги, требовали возвращения земель, ранее захваченных царским правительством, устанавливали связь с городскими революционными организациями, укрывали революционеров. Немногочисленные туркменские рабочие активно участвовали в стачках, митингах и демонстрациях.

В 1911—1913 гг. быстро выросла нефтяная промышленность о-ва Челекен, где было довольно много рабочих туркмен. Здесь под руководством И. Т. Фиолетова сложилась сильная большевистская организация, которая провела ряд стачек, распространяла газету «Правда».

Колониальный гнет в Туркменистане особенно усилился в годы первой мировой войны. После опубликования царского указа о наборе на тыловые работы рабочих из местного коренного населения в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, началось массовое движение дайхан, достигшее наивысшего подъема в июле 1916 г. Это движение было стихийным, так как не получило пролетарского руководства. В некоторых, главным образом отсталых, районах народным движением воспользовалась наиболее реакционная часть феодальной знати, которая организовала антирусские феодально-националистические восстания под панисламистскими лозунгами. Эти восстания были жестоко подавлены царскими карательными отрядами.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 74.

* * *

Общественный строй туркмен и после присоединения к России отличался глубокой отсталостью, сохраняя пережитки патриархально-родовых социальных институтов.

В XVIII—XIX вв. еще в полной мере сохранялось родоплеменное деление. В названиях многих туркменских племен и родов сохранились этнонимы огузских и других, подчас очень древних, групп, участвовавших в этногенезе туркмен. Кроме крупных племен (*тайпа*, *ил*) — *теке*, *ёмут*, *эрсары*, *сарык*, *салыр*, *човдур*, *гёклең* и других, существовало еще много более мелких племен, сохранявших свою самостоятельность или постепенно сливавшихся с более крупными. Среди них следует назвать *емрелы*, *алили*, *гарадашлы*, *нохурлы*, *мәхинлы*, *эневли*, *мурчалы*, *сунчалы*, *арбачы*, *ата*, *хожа*, *магтым*, *шых*, *саят*, *мүҗевур*, *баят*, *эски*, *мукры*, *улам*, *огурҗалы*, *абдал* [1]. Племена делились на множество более мелких родовых подразделений — *тире*, *уруг*, *ковум*. Так, племя теке делилось на два колена — *отамыш* и *тохтамыш*; колено тохтамыш делилось на более мелкие подразделения: *бег* и *векил*, бек — на *гоңур* и *аманшагёкче*; иногда последнее подразделение делилось на два самостоятельных; конгур — на *ак-гоңур* и *гара-гоңур*. Йомуты разделялись на крупные поколения *байрам-шалы* и *гара-чока*, или *чоны-шереф*; последние — на *чоны-атабай* и *шереф-жафарбай*, распадавшиеся в свою очередь на более мелкие подразделения. Эрсари делились на *гара* и *бековул*, *гүнеш* и *улугдепе*; салыры — на *кичи-ага*, *гараман*, *ялавач*; гоклены — на *гайы* и *додурга*; алили—на *онбеги* и *йүзбашы*.

Все указанные выше родовые подразделения крупных туркменских племен не были последними в цепи родоплеменного деления: такие племена, как теке или йомуты, насчитывали до 5—6 ступеней. Более мелкие племена, хотя и не имели такой сложной многоступенной структуры, так же состояли из многих родов; так, например, нохурли делились на два колена: *нохурлы* и *зертлы*, которые в свою очередь состояли из большого числа родов общей численностью до 24.

Существование этой разветвленной сложной родоплеменной системы давало повод некоторым авторам говорить о «родовом строе», якобы сохранившемся у туркмен до начала XX в. [2] В действительности у туркмен родовой строй был разрушен уже много веков назад. В XVIII—XIX вв. сохранялись лишь его традиции в общественном строе и сильные пережитки родовых обычаев; экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство способствовало сохранению патриархального быта. Но туркменские «роды» давно уже не были первобытными кровнородственными коллективами, а представляли собой конгломерат самых разнообразных этнических элементов, часто даже нетюркского происхождения.

Об этом свидетельствуют даже сами родовые названия, встречающиеся у туркмен: *овган*, *арап*, *гуллар*, *гүрд*, *гурама*, *тат*, *кыпчак*, *аймаклар*, *гирей*, *газак*, *калмыклар*, *гарамугол* и многие другие. В этих названиях отражается лишь последний этап этногенеза туркменского народа, происходивший в условиях классового общества, когда существование родовой организации туркмен являлось уже пережитком. Многие роды и племена возникли в силу тех или иных причин из объединений, сложившихся

---

[1] Относительно некоторых племен (например, абдал, саят) трудно сказать, были ли они до последнего времени самостоятельными или уже слились с другими, более крупными племенами.

[2] И о м у д с к и й. Присяга закаспийских туркмен. Сб. в честь 70-летия Н.Г.Потанина. «Зап. Русского географического общества по отд.этногр.»,т.XXXIV,СПб.,1909; е г о ж е. Очерки туркменского быта. «Туркменоведение», 1928, № 9; см. также П. Ф. П р е о б р а ж е н с к и й. Разложение родового строя и феодальный процесс у туркмен-йомудов. «Этнография», 1930, № 4.

Родоплеменная структура туркмен к началу XX в.

вокруг крупного степного феодала, и даже сохраняли имя (эрсари, хызрили) или почетный титул своего основателя: бек, векиль (почетный представитель), юзбаши (сотник), онбеги (десятник). Некоторые составились из населения какого-либо городка или аула, которое в условиях господства патриархального быта стало рассматриваться как особое «племя» (анаули, мехинли, *неразымли*). Иногда в племя превращалась даже та или иная сословная группировка (сеид, ходжа, меджеур). Образование этих поздних форм «родов» и «племен» было связано с тем, что в процессе этногенеза туркмен ведущую роль играли кочевые и полукочевые скотоводческие племена (например, огузы) с устойчивыми традициями родоплеменного деления, оказавшие влияние на возрождение у древнего оседлого населения земледельческой полосы давно исчезнувшей у него родоплеменной организации.

До присоединения к России в туркменском обществе существовало патриархальное рабство. Рабов мужчин было не особенно много — их предпочитали продавать в Бухару и Хиву или отпускать за выкуп; большее значение в домашнем хозяйстве имели рабыни-наложницы.

Наличие пережитков родового строя и, в частности, родоплеменной организации обусловливало сохранение в туркменском обществе архаического деления на *иг* — полноправных членов родовой общины («чистокровных»), *гул* — рабов, *грнак* — рабынь и *ярым* — потомков от смешанных браков свободных с рабынями. К этим основным социальным категориям следует добавить *гелмишек* [1] — пришельцев, принадлежавших к другим родам и племенам, и *тат* — потомков тех покоренных оседлых племен, которые еще не были полностью ассимилированы (например, часть таджикоязычного населения в дельте Аму-Дарьи). Но это деление далеко не соответствовало реальному положению, так как среди самих иг не было равенства.

Туркменские племена, особенно наиболее крупные, редко выступали как единое целое. Хорезмские йомуты, например, чаще выступали совместно с хорезмскими емрели, чем с гургено-атрекскими йомутами. Многие роды были рассеяны еще в большей степени, чем племена. Части текинского рода сычмаз, например, жили и в Бахардене, и в Меана, и в Мерве, кизыл-гёз — в Ахале и в Чаача. В то же время многие аулы имели смешанное население. Так, в Кеши жили представители восьми различных текинских родов, в Багире — теке, махтумы и др. Случаи, когда весь род жил в одном ауле, были очень редки; как правило, роды были разбросаны по нескольким аулам, а иногда и по разным оазисам.

Длительное сохранение родоплеменной структуры у туркмен объясняется, помимо других причин, и условиями их политической жизни. Отсутствие своего государства заставляло племя, а иногда и род принимать на себя функции защитника племенной или родовой собственности на землю и воду, организовывать народ на ее защиту в случае военной опасности. Почти вплоть до присоединения Туркмении к России военную организацию туркмен составляли все способные носить оружие мужчины племени.

В XVIII—XIX вв. основу туркменского войска составляли отряды нукеров (воинов) феодально-племенных вождей и родоплеменное ополчение. Обычно войско состояло из всадников (*атлы*), вооруженных саблями, легкими ружьями, копьями, и пеших стрелков-охотников (*мерген*), вооруженных тяжелыми нарезными ружьями (*хырлы*) на подсошках. Туркмены особенно ценили сабли и кинжалы из булатной стали (*жовхер-гылыч* и *жовхер-пычак*). Защитное снаряжение (кольчуги, шлемы, щиты) употреблялось редко; луки и стрелы, бывшие в XVI—XVII вв. излюбленным оружием туркмен, с середины XVIII в. также почти вышли из

[1] В западной Туркмении у йомутов их называли *гоңши* — соседи.

употребления, хотя изредка встречались даже накануне присоединения Туркменистана к России.

Туркменские всадники, располагавшие отличными конями, быстро и легко передвигались по степям и пустыням. Их набеги, которые организовывали обычно ханы и сердары (военные вожди), были грозой для населения соседних стран. Мергены в бою располагались на гребнях холмов и барханов, маскируясь в траве и кустах, а конница маневрировала, стремясь заманить противника под огонь стрелков, чтобы затем энергично атаковать и опрокинуть его. Туркменские воины известны были своим неудержимым натиском в рукопашном бою и искусством владеть холодным оружием, а также умением совершать внезапные нападения и набеги.

В тех случаях, когда враг нападал на туркменские аулы, за оружие бралось все население, даже женщины и подростки. Это народное ополчение было вооружено ножницами для стрижки овец, привязанными к длинным палкам, ножами, палицами, утыканными гвоздями, а то и просто дубинами; однако оно не раз проявляло массовый героизм и решало исход битв.

Почти в каждом туркменском ауле в земледельческой полосе имелись небольшие крепости (*гала*) с башнями по углам и у ворот, построенные из пахсы или сырцового кирпича. Стрелки размещались в башнях и вели огонь через маленькие бойницы. Иногда стены с башнями и бойницами окружали весь аул. Племя теке во второй половине XIX в. стало строить огромные крепости (Коушут-Хан-Кала, Геок-Тепе), куда в случае войны укрывались десятки тысяч людей с имуществом и частью скота.

К концу XIX в. фактически общественной организацией туркмен был не род, а *оба* — территориальная (сельская) община, аул, населенный иногда представителями одного рода, иногда — нескольких родов; оба являлась собственником орошаемой земли и воды, организатором сельскохозяйственных и других общественных работ. Родственные связи (*гарындашлык*), в широком смысле этого слова, прочно сохранялись в сознании людей, но в хозяйственной и общественной жизни частично вытеснялись и заменялись территориальными связями (*обадашлык*).

Туркменская община ежегодно (а иногда по два раза в год) перераспределяла пахотную землю и воду между полноправными членами общины; такой порядок назывался *санашык*. Почти каждый аул имел свои местные правила, на основании которых производились подобные переделы.

Однако первоначально, до сложения территориальной общины, владельцем земли и воды являлся род, который и выступал самостоятельной первичной единицей в сфере земле-водопользования. Еще в конце XVIII и в первой половине XIX в. при занятии земель нынешнего расселения туркмены оседали целыми родами, захватывая у прежних обитателей землю и расчищая старые или прорывая новые арыки, которые они называли своим родовым именем [1]. Так было в Ахальском, Атекском и Мервском оазисах, так было и на средней Аму-Дарье при занятии земель эрсаринцами и другими туркменскими племенами, пришедшими с запада. В Хорезмском оазисе туркмены получали от хивинского хана землю также в большинстве случаев на целую родовую группу, а затем уже вождь делил ее между отдельными семьями.

Члены рода проводили арыки на свои поля и периодически очищали от ила ирригационную сеть, орошавшую их земли, а в случае военной опасности вставали на защиту своих аулов и земель. Именно поэтому участками земли и долями воды — *сув* — первоначально (в XVIII и в начале XIX в.) наделяли всех взрослых мужчин, способных носить оружие,

[1] Наглядной иллюстрацией такого положения могут служить старые дореволюционные карты, на которых нанесена ирригационная сеть. Подавляющее большинство арыков носит название родовых групп.

позднее ими стали наделять только женатых. Как и когда совершился этот переход — неизвестно, но он имел немалое значение для экономического расслоения аула, так как *баи* (богатые люди) получили дополнительную возможность концентрировать орошаемую землю в своих руках. Они женили малолетних сыновей и получали на каждого по одному су, в то время как многие бедняки, не имевшие возможности уплатить калым за жену, оставались холостыми и безземельными. Женщины не имели права на землю и воду, так же как и пришельцы из других аулов. Аульные старшины (*яшулы*) обычно получали несколько су. Таким образом, санашиковое землевладение не обеспечивало полного равенства земельных наделов, хотя затрудняло концентрацию земли и создание крупной земельной собственности.

Наряду с санашиковой формой пользования землей широкое распространение (особенно в Ахале, на Мургабе и Аму-Дарье) имел *мулк* — частное землевладение. Мюльковая земля и вода передавались по наследству и продавались, хотя продажа была затруднена рядом ограничений и формальностей. Размеры мюльков были различны. Так, текинские семьи, захватившие орошенную землю сел. Кеши у курдов, поделили между собой эту землю и воду на правах мюлька. Почти всегда мюльками считались земли рода, который первым захватил водные источники. Это были сравнительно мелкие крестьянские владения. Но были и крупные мюльки, возникавшие на основе пожалования земли и воды туркменским предводителям соседними феодальными владетелями. Этот вид мюлька представлял типичную феодальную собственность, служившую основой для различных феодальных форм эксплуатации крестьянства.

В туркменских районах Хорезма существовал еще один вид феодального землевладения — служилое держание (*атлык*). Хивинские ханы принимали часть туркмен на военную службу в качестве нукеров, получавших земельные наделы, обычно по 20—50 танапов (8—20 га), через родовых вождей. За это нукеры являлись на войну на своем коне, со своим оружием и продовольствием. Феодально-родовые вожди сосредоточивали в своих руках по 20—50 атлыков и содержали целые дружины.

Несколько иначе обстояло дело в скотоводческих районах. Формально пастбищные территории принадлежали всему племени и могли использоваться любым туркменом. Но колодцы и водосборные ямы (*как*), без которых скотоводческое хозяйство в Туркменистане невозможно, принадлежали тем, кто их соорудил, т. е., как правило, баям, крупным скотовладельцам, в руках которых сосредоточивалось подавляющее большинство скота, особенно овец и верблюдов. Бедняки-крестьяне, не владевшие колодцами и располагавшие несколькими головами скота или вовсе не имевшие его, не могли на практике осуществить своего чисто формального права на владение общинными пастбищами. Фактически пастбища находились в руках богатых собственников стад и колодцев. Некоторые из них, имея тысячи голов овец и сотни верблюдов, владели десятками тысяч гектаров пастбищных территорий и эксплуатировали множество пастухов и другой бедноты, связанной со скотоводческим хозяйством.

В Туркменистане часть земли и воды представляла собой *вахым* (вакф)— участки земли, пожертвованные отдельными владельцами в пользу мечетей, медресе и духовных орденов, а также *сылаг-сув* — участки земли, которые общины выделяли в пользование духовенства.

Правители Ирана, Хивы и Бухары, опираясь на мусульманское феодальное право (шариат) и полагая себя верховными собственниками туркменских земель, требовали от туркмен уплаты ренты-налога: *зекат* со скота и *хараж* с возделанной земли. Таким образом, все трудящиеся туркмены, в том числе и лично свободные общинники, владевшие землей на правах санашика и даже мюлька (крестьянского, не пожалованного государем), подвергались жестокой феодальной эксплуатации. Против

этого туркменские племена боролись особенно упорно, поднимая десятки восстаний. Ахальским, мервским, атрекским и балханским туркменам удавалось иногда освободиться от уплаты ренты-налога, но хорезмские туркмены, сидевшие на так называемых подшалычных (принадлежавших хану) землях Хивинского ханства, а также приамударьинские эрсари и другие мелкие племена, получившие от эмира бухарского участки на амляковых (государственных) землях, почти всегда платили высокие налоги. Единственно, чего обычно удавалось добиваться хивинским и бухарским туркменам, это того, чтобы налоги с туркменских племен собирали не ханские и эмирские чиновники, а туркменские старшины и феодально-племенные вожди.

В результате неравномерного распределения собственности на средства производства в самом туркменском обществе, прежде всего на землю, воду и скот, в нем также существовала эксплуатация, чаще всего прикрытая патриархальными формами, но от этого не менее грубая и жестокая.

В земледельческих оазисах одной из наиболее распространенных форм эксплуатации была издольная аренда. Далеко не все крестьяне имели достаточно земли, воды и инвентаря для ведения самостоятельного хозяйства. Недостающее приходилось арендовать у бая из доли урожая. Чаще всего арендатор получал половину урожая (*ярпачы*, *ярымчы*), иногда одну четверть или даже меньше (*чэряекчы*, соответствующее узбекско-таджикскому «чайракар»).

В скотоводческом хозяйстве существовали различные специфические формы эксплуатации. Бедняк, не имевший колодца, должен был за пользование колодцем бая пасти байский скот и чистить колодец; бедняк, имевший немного скота, мог присоединить его к байскому стаду, но за это должен был обрабатывать землю бая в оазисе или пасти байский скот; бедняцкие хозяйства могли получить у бая некоторое количество молочных продуктов или шерсти, но за это женщины из бедняцких хозяйств должны были «помогать» женам и рабыням бая перерабатывать молочные продукты, прясть шерсть, валять кошмы. Таким образом, в скотоводческом хозяйстве туркмен преобладали разные формы отработок.

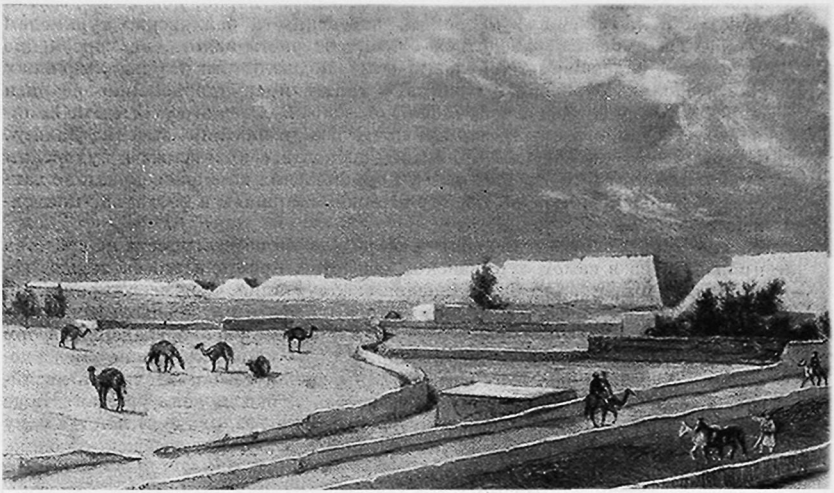
Весьма архаической формой эксплуатации, распространенной у туркмен, была отработка калыма (выкупа) за жену; бедняк вынужден был отрабатывать у бая взятое в долг для уплаты калыма, иногда же просто работать условленное количество лет в доме тестя.

Довольно широко был распространен труд наемных работников — *гуллукчы*, *хызматкэр*. Но это не был капиталистический наем — бай формально оказывал «благодеяние» обедневшему сородичу и в порядке «родовой взаимопомощи» давал ему работу в своем хозяйстве. Фактически же «облагодетельствованный» сородич расплачивался за это годами тяжелого труда за харчи и обноски.

В корыстных целях баи использовали и пережитки коллективного труда общинников, сохранившиеся в виде обычаев *ёвар* и *уме*, близких по типу к русской «помочи».

Несмотря на то, что туркменское общество имело классовую структуру, у туркмен сохранялись значительные пережитки патриархально-родовых отношений.

Эксплуататорскую верхушку туркменского общества составляли феодалы — вожди племен (ханы, беки), военнослужилый люд (нукеры), высшее духовенство (*пир*, *ишан*, *казы*). Это были крупные землевладельцы, собственники огромных стад скота, колодцев. Они же были, как правило, рабовладельцами и работорговцами, вели другие торговые операции, занимались ростовщичеством, были организаторами аламанов — грабительских набегов. Вожди родов и племен умело использовали свои традиционные права и авторитет для угнетения эксплуатируемой бедноты.



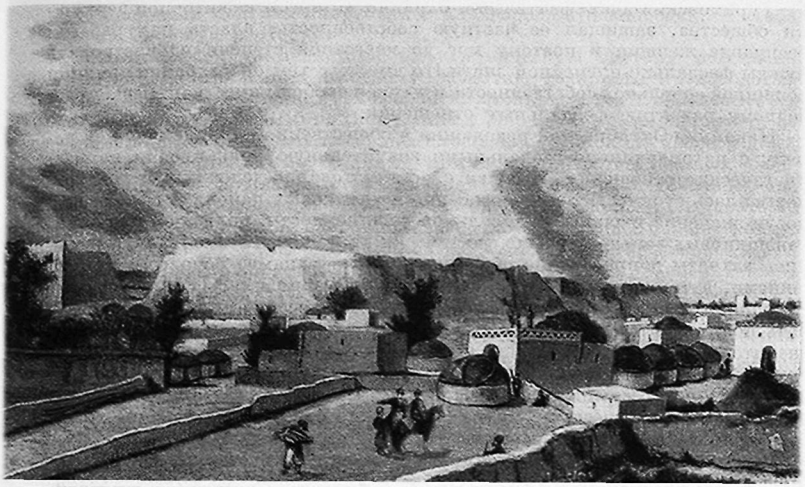
Общий вид крепости Коушут-Хан-Кала

Промежуточное положение между феодалами и трудящимися крестьянами занимали баи — богатые крестьяне, эксплуатировавшие труд издольщиков, батраков, а часто и рабов. Однако по методам эксплуатации баи мало отличались от крупных феодалов.

Трудовое крестьянство состояло из полноправных общинников, ведущих самостоятельное хозяйство, и из малоземельных или безземельных издольщиков. Окончательно обедневшие и разорившиеся крестьяне переходили на положение батраков. Низший слой эксплуатируемой массы составляли рабы. Наличие у туркмен при господстве феодальных отношений многочисленных пережитков патриархально-родового строя, в частности сохранение родоплеменной организации и патриархального рабства, позволяет определить общественные отношения туркмен XVI—XIX вв. как патриархально-феодальные.

В силу преобладания патриархально-феодальных отношений у туркмен в XVIII—XIX вв. в туркменском обществе не сложилось наследственного и замкнутого феодального сословия. В общественном сознании туркмен их общество делилось не на классы, а на роды и племена. Сословное деление у туркмен было связано не столько с классами, сколько с родовой принадлежностью, с «чистотой» крови (иг, ярым, гул).

Это, несомненно, затушевывало классовые противоречия, затрудняло развертывание классовой борьбы внутри туркменского общества. И если имеется множество фактов, говорящих о борьбе туркменских племен против чужеземных поработителей, то почти ничего не известно о борьбе туркменской бедноты против своих ханов и баев. Однако несомненно, что классовые противоречия в туркменском обществе достигли большой остроты. Об этом свидетельствуют произведения туркменских поэтов демократического направления Махтумкули, Зелили и особенно Кемине, который не только обличает жадных богачей и их покровителя — продажного судью (казия), но и прямо грозит последнему расправой со стороны бедняков. А в туркменских преданиях рассказывается о восстании туркменского населения области Дурун против текинского хана Кара-оглана.



в Мерве. Рис. Н. Каразина, 1884 г.

Туркменская феодально-племенная знать играла видную роль в политической жизни государств, где было туркменское население (особенно Хивинского ханства), и являлась иногда главной опорой того или иного правителя. Туркменские вожди часто выступали в роли наместников хивинского хана или иранского шаха в туркменских землях, что позволяло им использовать силу государственной власти для угнетения туркменского крестьянства.

В то же время у туркменских племен сохранялись остатки общинно-племенного самоуправления, приспособленные частично к нуждам феодального общества. Феодально-племенные вожди не являлись единоличными правителями, они были вынуждены считаться с мнением совета родовых старейшин и духовенства (*маслахат* или *генеш*). Генгеш стоял даже выше хана, так как ханы выбирались и смещались им. Однако наиболее важный орган общинно-племенного самоуправления — народное собрание — у туркмен уже не существовал. Сохранялись лишь остатки его в виде аульных сходок.

В юридической надстройке сильнее удерживались пережитки дофеодальных порядков, в частности большое значение имел суд старейшин (яшулы), судивший на основе обычного права (адат). Он пользовался бо́льшим авторитетом, чем казийский суд, где судопроизводство велось на основе шариата. Юридически ответственным за проступки или преступления той или иной личности по обычному праву являлось не только отдельное лицо, но и племя, род, к которому оно принадлежало. Если преступник оказывался не в состоянии уплатить наложенный на него штраф, его должны были внести сородичи, в первую очередь ближайшие родственники. По адату совершившего убийство полагалось убить. Если убийца успевал скрыться, представители потерпевшей стороны мстили одному из его родственников. Позднее, в результате ослабления родовых уз, а также вследствие вмешательства русской администрации в дела, решавшиеся по адату, за убийство все чаще присуждался денежный штраф (*хун*), издавна существовавший наряду с кровной местью.

Туркменский адат фактически охранял интересы зажиточной верхушки общества, защищал ее частную собственность, власть над рабами, бесправие женщин и поэтому мог до известной степени удовлетворять нужды феодально-племенной знати. Но вместе с тем он сохранял принцип общинной земельной собственности и личной свободы крестьян, мешая свободному развитию феодальных отношений.

Накануне Октябрьской революции в общественном укладе туркмен наряду с патриархально-феодальными значительную роль играли капиталистические отношения. В связи с ростом товарно-денежных отношений повысилась стоимость земли, особенно в хлопковых районах, сильно возросло значение мюльковой земельной собственности, большое количество санашиковых земель перешло фактически на положение мюльков, участились захваты и присвоение общинных земель ханами, родовыми старейшинами, а также ишанами и казиями. Они становились фактическими распорядителями воды. Крестьяне вынуждены были бесплатно обрабатывать поля своего хана — иначе они могли лишиться получаемой ими незначительной доли воды. Земельная собственность некоторых ханов и других влиятельных лиц достигала 700—800 га на одно хозяйство при средней величине крестьянского надела в 0,25 га — 0,5 га. Помимо дарового труда зависимых крестьян, крупные ханские и феодально-байские хозяйства пользовались также дешевым трудом батраков.

Лишившийся скота или земли туркменский крестьянин-бедняк вынужден был работать в качестве батрака или пастуха (*чопан*) в хозяйстве бая; иногда он уходил в поисках работы в город, где поступал в мастерские или на завод, а часто существовал на скудный заработок поденщика. Некоторая часть нуждавшегося в заработках крестьянства нанималась на сельскохозяйственные работы в крупное поместье царской фамилии — Мургабское «государево имение» или становилась ремонтными рабочими на железной дороге.

В западной, прибрежной части Туркмении избыток рабочих рук отчасти поглощался местными рыбными промыслами. Не имея своих сетей и другого необходимого оборудования, туркмены нанимались в качестве рабочих на купеческие рыбные промыслы; иногда же объединялись в небольшие артели и вели лов самостоятельно, но, лишенные оборотных денежных средств, были вынуждены продавать свою продукцию за бесценок кредиторам-скупщикам. Часть туркменского населения восточного побережья Каспийского моря была занята на нефтяных, озокеритовых и соляных промыслах на о-ве Челекене, близ маяка Куули-Маяк, а также на Узбое в местности Молла-Кара и в других местах.

Туркмены издавна вели довольно оживленную торговлю с соседними странами. Они приезжали на базары Хивы, Бухары и Ирана, продавая там продукты скотоводства, ковры и рабов, сами же покупали хлеб, а также оружие, ткани, посуду и другие ремесленные изделия. Туркмены настолько нуждались в этой торговле, что запрещение посещать базары было одним из средств усмирения непокорных туркменских племен, и это средство неоднократно использовали феодальные государи Среднего Востока. Большие базары были и в туркменских оазисах, в частности в Мерве, Куня-Ургенче и в эрсаринских селениях по среднему течению Аму-Дарьи.

Часть туркменских племен, как отмечалось выше, уже с XVIII в. вела довольно оживленную торговлю через Каспийское море с Россией. Важную посредническую роль в торговле с соседними странами Востока играл г. Мерв.

После присоединения к России торговля в Туркмении получила значительное развитие. Хлопок, каракулевые шкурки, шерсть и кожевенное сырье являлись главными предметами вывоза в Россию. Из России ввозились чай, сахар, текстильные, металлические и прочие промышленные изделия, а также хлеб, лесные материалы.

Основными центрами торговли стали города Красноводск, Ашхабад, Мерв, Чарджуй и Керки.

Втягивание Туркменистана в экономическую систему российского капитализма привело к быстрому развитию товарного производства в ауле. Особенное значение имело развитие хлопководства, начавшееся с середины 90-х годов. К 1915 г. хлопчатник в Мервском уезде, например, уже занимал свыше 50% всех посевных площадей. Хлопок скупался у дайхан русскими текстильными фирмами при посредничестве местных баев и ростовщиков. Сложная система контрактации и выдачи денежных авансов под хлопок вынуждала дайхан для расплаты с долгами отдавать хлопок скупщикам по цене вдвое ниже рыночной. Земля все больше концентрировалась в руках феодалов и баев. Туркменские крестьяне задыхались от малоземелья, 60, 8% крестьянских хозяйств Закаспийской области имело не более 2 десятин посева на хозяйство.

Наряду с обнищанием и разорением широких дайханских масс началось развитие буржуазии из среды туркменского байства, особенно в хлопкосеющих районах. Баи стали заводить паровые мельницы, кирпичные заводы и другие предприятия. В то же время сельскохозяйственная техника оставалась по-прежнему примитивной — в 1914 г. туркмены Закаспийской области имели всего 64 фабричных плуга.

Характерной чертой экономики дореволюционной Туркмении, как и других окраин царской России, являлось почти полное отсутствие обрабатывающей промышленности при низком уровне сельского хозяйства, приспособлявшегося в большинстве районов к производству сырья для промышленных центров метрополии. Преобладали полукустарные предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и производству строительных материалов, с 10—15 рабочими. Наиболее крупным отрядом пролетариата в Закаспии были железнодорожники, которых насчитывалось до 4 тыс. человек. Численность промышленных рабочих не превышала 1 тыс. Среди них туркмен было всего 200—300 человек. и они по преимуществу были чернорабочими.

В начале XX в. в Закаспийской области усилилось развитие капиталистических отношений. Росло производство хлопка, продажа шерсти, каракуля. В связи с развитием товарно-денежных отношений стала развиваться денежная аренда, денежная форма оплаты труда батраков. Крепла национальная буржуазия (преимущественно сельская), зародилась местная буржуазная интеллигенция. Вместе с экономическим развитием Туркменистана началось складывание туркменской буржуазной нации, но этот процесс не успел завершиться до Великой Октябрьской социалистической революции.

Весть о победе февральской буржуазно-демократической революции подняла на борьбу трудящихся Туркменистана. В результате массовых выступлений русских революционных рабочих и солдат совместно с туркменским трудовым дайханством в марте 1917 г. царская администрация Закаспийской области была свергнута.

В Закаспии, как и во всей России, установилось двоевластие. В Советах засели меньшевики и эсеры. Туркменские феодалы и буржуазные националисты создали свои органы — «туркменские исполнительные комитеты», пытаясь оторвать туркменский трудовой народ от союза с российским революционным пролетариатом. Дайхане требовали возвращения земли и воды, захваченной царским правительством и русскими плантаторами, в аулах начались повсеместные перевыборы старых судей и старшин; эти перевыборы происходили в обстановке острой борьбы, часто сопровождались кровавыми столкновениями. В городах продолжались забастовки и массовые политические демонстрации; в демонстрациях активное участие принимали туркменские трудящиеся. Революционную борьбу трудящихся масс Туркменистана возглавляли большевист-

ские организации; разгромленные царизмом в годы реакции и мировой войны, они были вновь восстановлены в городах Закаспия осенью 1917 г.

Временное правительство продолжало колонизаторскую политику царизма, что вызывало недовольство трудящихся и способствовало укреплению боевого союза туркменского крестьянства с российским революционным пролетариатом. Туркменские трудящиеся принимали активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В ноябре 1917 г. дайхане повсеместно отказывались подчиняться чиновникам Временного правительства, поднимались против них с оружием в руках, изгоняли их, а местами стали силой отнимать землю и воду у феодалов.

2 декабря 1917 г. IV областной съезд Советов провозгласил Советскую власть в Закаспийской области. Туркменские ханы и буржуазные националисты попытались организовать контрреволюционный переворот, но дайханство не пошло за ними, оставшись верным союзу с российским пролетариатом, возглавляемым Коммунистической партией.

* * *

С первых же дней установления Советской власти в Закаспии началось создание туркменской национальной советской государственности. Представители туркмен вошли в Ашхабадский, Байрам-Алийский, Тедженский, Кара-Калинский и другие Советы, а затем и в Совнарком Закаспийской области. С весны 1918 г. стали организовываться Советы в туркменских аулах. Большое количество туркмен вместе с русскими рабочими вступило в Красную гвардию, а затем в том же году стали формироваться самостоятельные туркменские красноармейские части и красногвардейские отряды в Ашхабаде, Теджене, Кушке и Мерве. Наиболее сознательные, передовые туркменские трудящиеся (и среди них мервский машинист Заман Заманов, ашхабадский дайханин Овезберды Кулиев и др.) вступили в ряды большевистской партии. При поддержке туркменских трудящихся масс Закаспийский Совнарком в феврале 1918 г. разогнал контрреволюционный Областной мусульманский комитет, возглавлявшийся туркменскими буржуазными националистами.

Летом 1917 г. в Хиве начались восстания туркменских племен против хивинского хана, но вскоре один из наиболее реакционных туркменских феодально-племенных вождей Джунаид-хан сумел забрать руководство движением в свои руки; в январе 1918 г. Джунаид-хан захватил власть в Хиве (сохранив, однако, хивинского хана на престоле в качестве своей марионетки) и установил там кровавую контрреволюционную диктатуру. Хива, как и Бухара, сделались оплотом антисоветских сил в Средней Азии.

В июле 1918 г., воспользовавшись экономическими трудностями, эсеро-меньшевистские главари, контрреволюционное офицерство и туркменские буржуазные националисты, установив связь с английскими империалистами, подняли вооруженный мятеж и свергли Советскую власть в Закаспийской области. От руки мятежников пали лучшие сыны большевистской партии и трудового народа Закаспия — Овезберды Кулиев и др. Вскоре в Закаспийскую область вступили английские войска. Так началась гражданская война и иностранная военная интервенция в Закаспии.

Рабочие Чарджуя при поддержке подоспевших частей Красной Армии дали отпор наступавшим белогвардейцам, но ликвидация антисоветского очага в Закаспии затянулась более чем на год.

Интервенты и белогвардейцы установили в Закаспии режим террора. Английские интервенты грабили Туркменистан, вывозили нефть, хлопок, ковры, ахалтекинских коней, музейные редкости. Тех, кто осмеливался поднять голос протеста, бросали в тюрьмы, вешали, расстреливали, зарывали живыми в землю. Контрреволюционное временное правительство Закаспия проводило массовые принудительные мобилизации русского и

туркменского населения в белую армию. В ноябре 1918 г. белые войска вновь перешли в наступление. В то же время многотысячные банды Джунаид-хана осадили Петроалександровск и пытались прорваться к Чарджую.

Однако мужественное сопротивление частей Красной Армии и вооруженных трудящихся сорвало планы интервентов, белогвардейцев и туркменских феодалов. В тылу у белых начали действовать подпольные большевистские группы и отряды красных партизан. Наиболее крупным из них был смешанный русско-туркменский отряд Аллаяра Курбанова, действовавший в долине Сумбара. Туркмены, насильно мобилизованные в белую армию, сотнями бежали с фронта, отдельные туркменские отряды с оружием в руках переходили на сторону Красной Армии. Революционное брожение началось также среди сипаев — солдат английских колониальных войск. Английское командование было вынуждено вывести свои войска из Закаспия.

В мае 1919 г. Красная Армия перешла в решительное наступление на Закаспийском фронте. В ее рядах вместе с полками, состоявшими из русских рабочих и крестьян, сражались узбекские батальоны и отряды интернационалистов — чехов, венгров, австрийцев. С июня 1919 г. возобновилось формирование туркменских красноармейских частей, впоследствии сведенных в Туркменскую конную бригаду. Туркменское дайханство восторженно встречало Красную Армию и обеспечивало бесперебойное снабжение ее продовольствием и фуражом. 9 июля был освобожден г. Ашхабад, переименованный в Полторацк в память большевика-комиссара П. Г. Полторацкого, расстрелянного белыми в 1918 г. 6 февраля 1920 г. войска Красной Армии освободили Красноводск, и Закаспийский фронт был ликвидирован. В Закаспии была восстановлена Советская власть.

Части Туркменской конной бригады и другие туркменские отряды и подразделения участвовали в освобождении Казахстана, Киргизии и Азербайджана. Из среды туркмен вышло немало отважных красных командиров — Сапар Мурадов, Гаип Назаров, Аннамурад Сарыев и др.

Успехи Советской власти в Туркестане способствовали возникновению революционной ситуации в Хиве; в ноябре 1919 г. в северо-западных районах ханства началось вооруженное восстание отдельных туркменских племен против Джунаид-хана. К восставшим присоединилась часть узбеков, казахов и каракалпаков, в движении приняла участие также узбекская торговая буржуазия во главе с партией младохивинцев и даже часть туркменских феодально-племенных вождей. Хорезмские революционеры обратились за помощью к правительству Советской России; при помощи красногвардейских отрядов банды Джунаид-хана были разбиты, сам он бежал. Хорезмская революция завершилась ликвидацией феодального строя в Хиве — хан отрекся от престола, власть перешла к Ревкому.

В сентябре 1920 г. совершилась народная революция в Бухаре. Она началась также в туркменских районах — в Сакаре и окрестностях Старого Чарджуя, где дайханство выступило с оружием в руках против чиновников эмира.

Гражданская война разрушила и без того отсталое хозяйство Туркменистана. Промышленные предприятия почти полностью прекратили работу, посевы хлопчатника сократились более чем в 10 раз, поголовье скота уменьшилось более чем вдвое. Транспорт работал с перебоями. Население испытывало нужду в самом необходимом. В песках действовали контрреволюционные басмаческие банды, нападавшие на мирные аулы. Восстановленные в 1919—1920 гг. советские и партийные органы возглавили борьбу народных масс с хозяйственной разрухой и басмачеством.

В 1920—1924 гг. трудящиеся Закаспийской (с 1921 г. — Туркменской) области под руководством Областной организации РКП (б) добились значительных успехов в восстановлении народного хозяйства. В результате

проведения новой экономической политики оживились сельское хозяйство и промышленность, стал налаживаться товарооборот между городом и деревней. Были ликвидированы басмаческие банды.

С ноября 1920 г. ревкомы, созданные после освобождения Закаспия от белогвардейцев, были повсеместно заменены Советами, что способствовало повышению политической активности дайханства. В 1921 г. был создан союз «Кошчи» («Пахарь»)— первая массовая крестьянская организация в Туркменистане, сыгравшая историческую роль в деле вовлечения широчайших масс туркменского дайханства в советское строительство. Создавались и крепли аульные партийные организации. Много туркмен было выдвинуто на руководящую советскую и партийную работу. Часть национальной буржуазной интеллигенции выразила готовность сотрудничать с Советской властью. Началось развитие туркменской советской культуры.

Одновременно в Хорезмской и Бухарской народных советских республиках шел процесс развития туркменской национальной советской государственности. В Бухарской НСР районы, населенные туркменами, были выделены в Аму-Дарьинский (Туркменский) округ, состоявший из двух вилайетов — Чарджуйского и Керкинского; были созданы Советы в туркменских аулах. В Хорезмской НСР, где после вмешательства Туркестанского бюро ЦК РКП (б) были прекращены разжигавшиеся младохивинцами многовековые распри между узбеками и туркменами, было создано Туркменское исполнительное бюро под руководством М. Ходжамамедова, а позднее на территории республики была образована Туркменская область. Однако вследствие крайней отсталости хорезмских туркмен и живучести феодально-патриархальных порядков в туркменских районах Хорезма местные Советы здесь были образованы позднее.

* * *

В 1924 г. было проведено национально-государственное размежевание Средней Азии, основы которого были намечены еще в 1920 г. Предпринятое по инициативе Коммунистической партии, оно отвечало коренным национальным интересам и чаяниям народов Средней Азии. Решение о проведении размежевания было принято советскими и партийными органами Туркестана, Бухары и Хивы и утверждено сессией ЦИК СССР 27 октября 1924 г.

14 февраля 1925 г. в Полторацке[1] открылся I Всетуркменский съезд Советов, который провозгласил создание Туркменской ССР и принял декларацию о вхождении ее в СССР. Все туркменские земли были отныне воссоединены в едином туркменском национальном социалистическом государстве. 8 мая 1925 г. Туркменская ССР вошла в Советский Союз. На II Всетуркменском съезде Советов в 1927 г. была утверждена Конституция Туркменской ССР.

Одновременно с I съездом Советов состоялся I съезд Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана, которая в то время насчитывала 5647 коммунистов, объединенных в 194 партийных ячейки.

Образование Туркменской ССР и Коммунистической партии Туркменистана создало наиболее благоприятные условия для всестороннего развития края, национальной консолидации туркменского народа и формирования туркменской социалистической нации.

Теоретической основой решения о строительстве социализма в Туркменской ССР, как и в других отсталых республиках и областях, где до революции преобладали докапиталистические отношения, являлось ленинское положение о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные

[1] С 1927 г. Ашхабад.

ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [1].

Важнейшее значение для построения социализма в Туркменской ССР имели решения X и XII съездов РКП (б) о ликвидации фактического неравенства между народами нашей страны путем подтягивания отсталых, ранее угнетенных народов России до уровня передовых наций Советского Союза. Большую роль в ликвидации фактического неравенства сыграла широкая и действенная помощь ранее отсталым народам со стороны передовых наций, направляемая правительством СССР и ЦК РКП (б). В отдельные годы дотации из союзного бюджета составляли до 80% государственного бюджета Туркменской ССР.

В Туркменскую ССР было направлено большое количество опытных партийных и советских работников, квалифицированных специалистов разных отраслей народного хозяйства, работников культуры и искусства, врачей, учителей. В то же время принимались все меры для подготовки туркменских кадров и приближения государственного и партийного аппарата к массам туркменского населения. Туркменская ССР во все возрастающих размерах получала промышленное оборудование, современную сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения. Благодаря осуществлению ленинской национальной политики Коммунистической партии туркменскому народу удалось в короткий исторический срок преодолеть свою отсталость, унаследованную от времен феодализма и колониализма, и построить социалистическое общество.

Важнейшей задачей в борьбе за построение социализма в Туркменской ССР было осуществление социалистической индустриализации и создание туркменского рабочего класса.

Борьба за социалистическую индустриализацию Туркменистана развернулась уже с 1927—1928 гг., но в первое время здесь создавались главным образом предприятия легкой промышленности. В частности, начали работать текстильная и шелкомотальная фабрики в Ашхабаде. Одновременно проводились широкие геологические изыскания, в которых участвовали виднейшие ученые СССР — академики И. М. Губкин и А. Е. Ферсман. Были найдены богатые запасы полезных ископаемых, особенно нефти.

Решающие успехи в области социалистической индустриализации Туркменской ССР были достигнуты в годы второй пятилетки, когда были созданы крупные предприятия нефтедобывающей и химической промышленности в западном Туркменистане (Небит-Даг, Кара-Богаз-Гол, Челекен). Добыча нефти в 1937 г. выросла по сравнению с 1925 г. в 74 раза и стала одной из основных отраслей народного хозяйства Туркменской ССР. На нефтяных промыслах сложился и вырос один из наиболее многочисленных и сплоченных отрядов рабочего класса Туркменистана; в рядах нефтяников много рабочих-туркмен.

В 1941 г. удельный вес промышленной продукции в общей продукции народного хозяйства Туркменской ССР достиг 73% против 28,9% в 1925 г. При этом уже в 1938 г. 94% промышленной продукции давали предприятия, построенные или полностью реконструированные в годы первых двух пятилеток. Место прежних полукустарных предприятий в Туркменистане заняли крупные фабрики и заводы, оборудованные новейшей техникой. Ашхабадская железная дорога первой в СССР перешла на тепловозную тягу.

Рабочих и служащих, занятых в промышленности и строительстве, числилось в 1940 г. почти 42 тыс. человек; из них более 30% составляли туркмены. Решена была проблема создания туркменского рабочего класса и технической интеллигенции. Многие высококвалифицированные рабочие-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

туркмены (железнодорожник Ораз Ходжаев, текстильщица Дурдынияз Сапармухаммедова и др.) показали замечательные примеры мастерства и трудового героизма.

Второй важнейшей и наиболее трудной задачей было социалистическое преобразование сельского хозяйства. Оно было облегчено земельно-водной реформой 1925—1927 гг. в земледельческой полосе Полторацкого и Мервского округов, в ходе которой свыше 27 тыс. малоземельных и безземельных хозяйств получило 58 тыс. десятин орошаемых земель. Реформа повысила политическую активность дайхан. Большую роль в подготовке коллективизации сыграло очень широкое распространение в Туркменской ССР в 1920-х годах снабженческо-сбытовой и кредитной сельскохозяйственной кооперации, мелиоративных и машинно-прокатных товариществ, снабжение туркменских аулов современными сельскохозяйственными орудиями.

Первые бедняцко-батрацкие колхозы в Туркменистане возникли в 1926 г., а с 1929 г. здесь под руководством партии началось массовое колхозное движение.

Преодолев с помощью ЦК ВКП (б) ошибки, допущенные на первом этапе массового колхозного движения (нарушение принципа добровольности коллективизации, стремление, не считаясь с условиями, насаждать сразу высшие формы коллективных хозяйств, вплоть до коммун), партийная организация Туркменской ССР обеспечила победу колхозного движения в ауле. В 1932 г. в колхозы входило 75%, а в 1937 г. — 95,4% всех дайханских хозяйств. При этом, если в первые годы коллективизации в Туркменистане были наиболее распространены товарищества по совместной обработке земли, то после 1935 г. почти все колхозы перешли на устав сельскохозяйственной артели.

Байство было ликвидировано как класс. В результате деятельности политотделов машинно-тракторных станций, проведения партией ряда мероприятий в годы второй пятилетки было осуществлено значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов, что привело к окончательной победе колхозного строя в Туркменистане, как и во всем Советском Союзе.

В то же время произошло массовое оседание кочевого населения; кочевое скотоводство как форма ведения хозяйства перестало существовать. Одновременно были созданы крупные животноводческие совхозы.

В 1937 г. в республике имелось уже 49 машинно-тракторных станций с 3900 тракторами, которые обслуживали 96,2% посевных площадей колхозов; появились тракторные сеялки, культиваторы, комбайны, хлопкоуборочные машины. Были проведены крупные работы по созданию новых ирригационных сооружений и реконструкции всей старой оросительной сети. На поля Туркменистана ежегодно поступало много минеральных удобрений. Но животноводство находилось в тяжелом положении, так как в результате деятельности классового врага поголовье скота в первой половине 1930-х годов резко сократилось.

Сельское хозяйство Туркменистана в 1936 г. обслуживалось многочисленными квалифицированными специалистами, среди них было 283 агронома, 267 зоотехников, ветеринарных врачей и фельдшеров, 135 гидротехников и более 3 тыс. механизаторов. В массовом порядке готовились колхозные кадры.

Посевные площади Туркменистана к 1941 г. расширились по сравнению с 1928 г. на 24% (в том числе под хлопчатником на 36,3%), урожайность основной сельскохозяйственной культуры — хлопчатника — выросла до 15,5 ц с 1 га против 7,1 в 1925 г. Увеличились доходы колхозного крестьянства. В 1940 г. в республике имелось 67 колхозов-миллионеров. Туркменская ССР внесла немалый вклад в обеспечение хлопковой независимости СССР.

Построение социализма в Туркменистане осуществлялось в ожесточенной борьбе с силами старого мира. Феодалы и баи дважды — в 1927 и в 1931 гг. — поднимали вооруженные восстания против Советской власти. Басмаческие банды, вооруженные английским оружием, нападали на аулы, районные центры и железнодорожные станции; баи и их агенты убивали из-за угла колхозных активистов или, пробравшись в колхозы, пытались их развалить. Буржуазные националисты стремились отравить сознание туркменских трудящихся, восстановить их против Коммунистической партии и русского народа. Но все выступления классового врага встречали отпор сплоченных вокруг партии и Советского правительства туркменских трудящихся масс и неизменно терпели поражение.

В 1937 г. среди туркмен насчитывалось 31,9% рабочих и служащих, 56,9% колхозников и кооперированных кустарей, 6,5% трудящихся единоличников и некооперированных кустарей и 4,7% прочего населения (пенсионеров, военнослужащих и т. п.) [1]. Ни феодалов, ни капиталистов, ни кулаков, ни частных торговцев уже не существовало.

Великие исторические перемены в Туркменистане были закреплены в новой Конституции Туркменской ССР, составленной на основе Конституции СССР и утвержденной VI съездом Советов Туркменской ССР 2 марта 1937 г.

С началом Великой Отечественной войны лучшие сыны туркменского народа ушли на фронт и мужественно сражались с немецко-фашистскими захватчиками, освобождая временно оккупированные ими земли. 51 воину Советского Туркменистана, среди них Курбану Дурды, Пена Реджепову, Айдогды Тахирову было присвоено звание Героя Советского Союза, свыше 19 тыс. человек было награждено орденами и медалями СССР. В тяжелых военных условиях трудящиеся Туркменской ССР продолжали снабжать промышленность Советского Союза хлопком, нефтью, серой, шерстью; движимые высоким чувством советского патриотизма, они собрали в помощь фронту 243 млн. руб. и 7392 кг серебра и золота [2].

За активное участие и братскую помощь в восстановлении разрушенных войной районов трудящиеся Туркменской ССР получили благодарность от украинского народа, от населения Волгоградской области, от населения Волоколамского района Московской области, Ельнинского района Смоленской области и др. 4 тыс. комсомольцев Туркменистана работали на строительстве оборонных предприятий, на восстановлении Донбасса.

В настоящее время туркменский народ вместе со всеми братскими народами Советской страны успешно решает задачи, намеченные семилетним планом развития народного хозяйства.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Занятия населения Советского Туркменистана многообразны. Основная часть работает в промышленном и сельскохозяйственном производствах, многие заняты на транспорте, в торговле, работают в общественных и административно-политических учреждениях, участвуют в культурном строительстве. Почти пятая часть населения обучается в специальных высших и средних учебных заведениях, либо в общеобразовательных школах.

---

[1] 15 лет Туркменской ССР. Статистический сборник. Туркменпартиздат, Ашхабад, 1939, стр. 5.

[2] Материалы X съезда Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана, Ашхабад, 1950, стр. 8.

Многообразие занятий населения обусловлено различными причинами, в том числе особенностями природных условий. Географическая среда, в которой развивается хозяйственная деятельность туркмен, своеобразна. Большая часть пространства Туркмении (70%) занята обширной песчаной пустыней Каракумы, общей площадью 350 тыс. кв. км. Каракумы ограничиваются на юге горами Копет-Даг и предгорьями Паропамиза, на севере—Хорезмским оазисом, а на востоке Аму-Дарьей.

На юге пустыня частично прорезается долинами рек Мургаба и Теджена, образующих здесь цветущие оазисы. Такие же оазисы существуют в неширокой (от 10 до 40 км) предгорной равнине, расположенной между Копет-Дагом и Каракумами, а также в низовьях и по среднему течению Аму-Дарьи (Ташауз, Чарджоу, Керки и некоторые другие). Остальное пространство Каракумов занято песками, образующими во многих местах правильно расположенные гряды. Барханные пески, лишенные растительности, встречаются лишь в некоторых районах; больше всего их в приамударьинской части Каракумов. Кроме различного рода песчаных образований, в Каракумах встречаются такыры — плоские понижения с чрезвычайно плотной, как правило, лишенной всякой растительности, почвой, а также—шоры, т. е. солончаки, иногда с изреженной солевыносливой растительностью.

Постоянная жизнь в Каракумах возможна лишь около колодцев, разбросанных в отдельных местах пустыни нередко на расстоянии многих десятков километров один от другого. Горы, окаймляющие Туркмению на юге, принадлежат к Копет-Даг-Гиндукушской системе, описывающей огромную дугу от Памира до Красноводского залива.

Из наиболее значительных горных возвышенностей следует отметить северные отроги хребта Паропамиз—Бадхыз и Карабиль, расположенные между реками Аму-Дарья, Теджен и Мургаб, ряд хребтов Копет-Дага, составляющих естественную границу между Туркменской ССР и Ираном, Кюрен-Даг — западный отрог Копет-Дага, Малый и Большой Балханы и Красноводские горы, заканчивающиеся на северном побережье Красноводского залива. Высота гор колеблется от 500 до 2000 м, лишь отдельные вершины хребтов Копет-Дага достигают почти 3000 м.

Во многих местах горы прорезаны поперечными ущельями, в которых берут начало мелкие речки, орошающие южные и северные предгорья. Последние покрыты лугами и представляют собой хорошие пастбища.

На северо-западе Туркмении, между Каспийским и Аральским морями, расположено плато Устюрт, южные обрывы которого достигают высоты 325 м.

В Туркмении находятся наиболее глубокие депрессии СССР: Сарыкамышская впадина (— 44,7 м), впадина на плато Эшек Анкрен (— 92м), впадина Каспийского моря (— 27,9 м).

Недра Туркмении богаты полезными ископаемыми, среди которых важнейшее место занимают нефть и природный газ. Значительные месторождения нефти в западной Туркмении начали разрабатывать только в годы Советской власти. Всесоюзное значение имеют запасы мирабилита в заливе Кара-Богаз-Гол Каспийского моря. На высокую ценность их обратил внимание в 1918 г. В. И. Ленин [1]. Туркмения известна также месторождениями серы, сосредоточенными частью в горных районах (Гаурдак), частью в Каракумах, залежами калийной соли (Гаурдак), брома, йода, озокерита (Челекен) и др.

На большей части территории Туркменской ССР выпадает ничтожное количество осадков, не превышающих 100—200 мм в год и приходящихся почти исключительно на весну и зиму. Узкая полоса предгорий на юге

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 228.

Туркменской ССР характеризуется несколько большим количеством осадков (от 250 до 350 мм), выпадающих впрочем также только в холодное полугодие, и более умеренными температурами. Наибольшая разница между высшими температурами жаркого и низшими холодного времени года достигает здесь 75°. По количеству безморозных дней южная часть Туркменской ССР занимает первое место среди среднеазиатских республик (свыше 270 дней в году), так же как и по количеству тепла (свыше 4800°) за вегетационный период. Велико в Туркмении количество ясных дней в году (свыше 180).

Почвы Туркменской ССР довольно разнообразны. В районах предгорий и долинах рек преобладают лёссовидные сероземы, отличающиеся отсутствием засоленности и высоким содержанием углекислых солей. При достаточном орошении почвы эти очень ценны для земледелия.

Важнейшее значение для Туркмении имеет орошение. Основная и наиболее крупная водная артерия — р. Аму-Дарья — орошает узкую полосу на восточных границах республики — от Келифа на юге до Дарган-Ата на севере. Аму-дарьинские воды важны для Хорезмского оазиса, где они используются для орошения больших площадей. С проведением Каракумского канала воду Аму-Дарьи получили юго-восточная Туркмения, ряд районов южной Туркмении и г. Ашхабад.

Ряд крупных каналов — Газават, Шават, Совет-яб и др., выведенных из Аму-Дарьи на территории Хорезмской области Узбекистана, достигает своими низовьями Ташаузской области Туркмении и обеспечивает поливной водой все ее районы. Вторая по величине река — Мургаб — орошает большой и богатый Марыйский оазис. К западу от Мургаба и параллельно ему протекает р. Теджен (Герируд), берущая начало, как и Мургаб, за пределами СССР, в Афганистане.

На западе республики течет р. Атрек с притоком Сумбар, служащая почти на всем протяжении (кроме верховьев) государственной границей СССР с Ираном. Раньше р. Атрек впадала в Каспийское море. Теперь ее воды летом не доходят до моря, они в значительной мере разбираются на орошение еще в Иране.

Водные ресурсы Туркмении достаточно велики. Только ежегодный сток рек Аму-Дарьи, Мургаба, Теджена, Атрека, мелких горных речек и каризов достаточен для орошения в вегетационный период свыше 4 млн. га земель. Однако фактически орошается только десятая часть этой площади. Географическое расположение рек в Туркмении не соответствует расположению земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. Районы наиболее плодородных, пока не используемых земель находятся главным образом на юге, северо-востоке и западе, в то время как главнейшие реки, такие, как Аму-Дарья, Мургаб, протекают на востоке.

На территории Туркмении судоходное значение имеют только Аму-Дарья и часть Каракумского канала. Велико для республики также рыболовное и судоходное значение Каспийского моря.

Из островов Каспийского моря следует отметить Огурчинский, представляющий собой хорошую базу для рыбной ловли, из полуостровов — Челекен, известный нефтяными и озокеритовыми месторождениями, и Красноводский, на юге которого расположен крупный промышленный центр и порт Туркмении — Красноводск.

Для водопоя скота, а частично и орошения, в Каракумах используются, кроме колодцев, временные скопления воды, образующиеся в дождливое время года в различных искусственных водохранилищах.

Растительный мир Туркменской ССР довольно разнообразен и богат. Широко представлены кустарники, к которым относятся многочисленные виды кандыма *(гандым)* и саксаула *(сазак)*, песчаная акация, древовидные солянки *(черкез)* и некоторые другие. Среди полукустарников наибольшее

Сортировка дынь «гуляби» в Сакарском дынесовхозе

значение имеют полыни. Травянистая растительность Каракумов— песчаная осока, селин, пырей и другие злаки, зонтичные, крестоцветные — пышно расцветает весной, но в начале лета большая часть ее засыхает.

Растительность в песках не образует сплошного покрова. Помимо кормового и топливного значения, песчаная растительность важна тем, что скрепляет пески, не позволяя им передвигаться и засыпать соседние оазисы. Особенно большую роль в этом отношении играет песчаная осока (*илак*).

Характерными растениями предгорной полосы являются мятлик луковичный, пустынная осока толстостолбиковая, ирисы, дикий мак, а на культурных землях — верблюжья колючка (*яндак*) и некоторые другие сорняки. В горах и горных ущельях встречаются заросли джиды (лох), барбариса, жимолости, фисташки, миндаля, гранатника, арчи, клена, платана и других видов кустарниковых и древесных пород. По берегам рек имеются заросли камыша, рогоза, дикого сахарного тростника, солодки и различных кустарников, а также древесных пород. Наиболее распространены гребенщик (*йылгын*), тополь, джида.

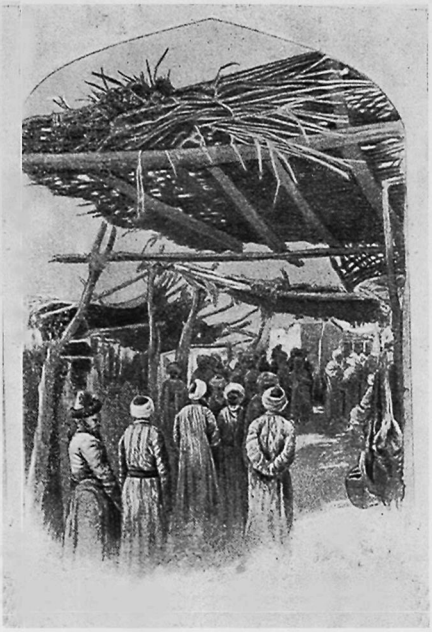
Различие природных условий определило своеобразие экономики отдельных районов Туркменистана. Это, во-первых, оазисная часть — обеспеченные водой, преимущественно земледельческие, густонаселенные территории, с развитой промышленностью: Аму-Дарьинский, Мургабский, Тедженский, Копет-Дагский, состоящий из ряда более мелких оазисов; во-вторых, западная Туркмения — преимущественно промышленные районы, почти лишенные поверхностных текучих вод, и, в-третьих, пустынная — животноводческая часть, где для обеспечения скота водой роют колодцы.

Аму-Дарьинский оазис образован р. Аму-Дарьей. Это наиболее крупный из всех оазисов Туркменистана: на его долю приходится около поло-

вины сельского населения и свыше 40% поливных площадей республики.

В пределах Туркменской ССР Аму-Дарьинский оазис делится на Средне-Амударьинский и Нижне-Амударьинский оазисы.

Средне - Амударьинский оазис протянулся на многие сотни километров почти непрерывной лентой возделанных полей. Обширные пространства пойменной зоны заняты зарослями солодкового корня, дикого сахарного тростника, камыша и другими влаголюбивыми растениями, пригодными в качестве сырья для различных производств. В оазисе издавна распространены хлопководство, шелководство, а также бахчеводство; ныне по производству хлопка и шелковых коконов он является одним из первых среди других районов Туркмении. В советские годы в южных районах оазиса стали успешно выращивать тонковолокнистые сорта хлопчатника. Значительна роль оазиса в производстве кенафа и в поставке дикорастущего солодкового корня (*буян*), который добывается только в этом районе. Выращиваемые на бахчах Чарджоуского оазиса необыкновенно сочные, сладкие и душистые дыни сорта «гуляби» известны далеко за пределами республики.

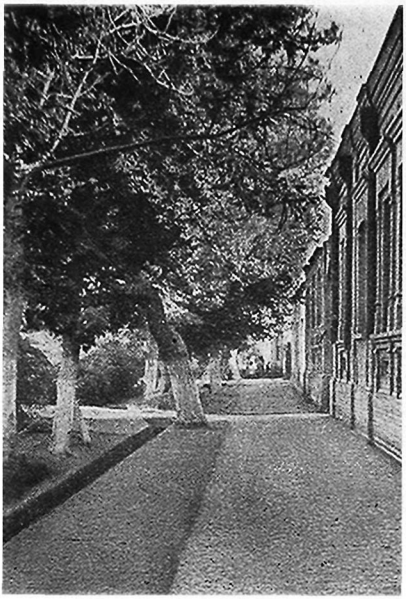


Чарджоу. Одна из улиц города в прошлом. Рис. Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1894 г.

В пресноводных озерах оазиса начато разведение нутрии, дающей высококачественный мех. В прилегающих пустынях пасутся стада каракульских овец; колхозы и совхозы района дают почти треть каракулевых шкурок республики.

За годы Советской власти в оазисе и в прилегающем горном Гаурдак-Кугитангском районе началось усиленное развитие промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции и ценных минеральных ресурсов. Здесь обнаружены крупные месторождения серы, которые усиленно разрабатываются; имеются большие запасы калийных и других солей, различных строительных материалов, цветных металлов.

Центр оазиса и Чарджоуской области — город Чарджоу расположен в узле железных дорог — Ашхабадской и Чарджоу-Кунградской, на берегу Аму-Дарьи. Это второй по численности населения город и один из самых крупных индустриальных центров Туркменистана. В нем действуют крупнейший в Туркмении хлопкоочистительный завод и ватная фабрика, каракулевый и солодковый заводы, судоремонтный завод, предприятия по ремонту железнодорожного подвижного состава и автомашин. В окрестностях города построен крупный суперфосфатный завод. В пригородной зоне развито садоводство и виноградарство, бахчеводство и огородничество.



Чарджоу. Улица в современном городе

Другой значительный пункт оазиса—Керки, связан переправой с правобережным населенным пунктом Керкичи, расположенным на железной дороге и имеющим хлопкоочистительный завод по переработке тонковолокнистого хлопка-сырца, выращиваемого в южных районах оазиса.

У сел. Боссага, южнее Керки, берет начало Каракумский канал.

Нижне-Амударьинский оазис составляет часть обширного Хорезмского оазиса и расположен в низменной равнине древней дельты Аму-Дарьи, имеющей незначительный уклон от реки на запад; территория оазиса входит в состав Ташаузской области. В большей своей части оазис удален от Аму-Дарьи и питается водами из многочисленных каналов и арыков, густой сетью которых (а также староречий) изрезана его территория. Климат оазиса более континентальный, чем в остальных оазисах республики; он характеризуется высокими летними и сравнительно низкими зимними температурами.

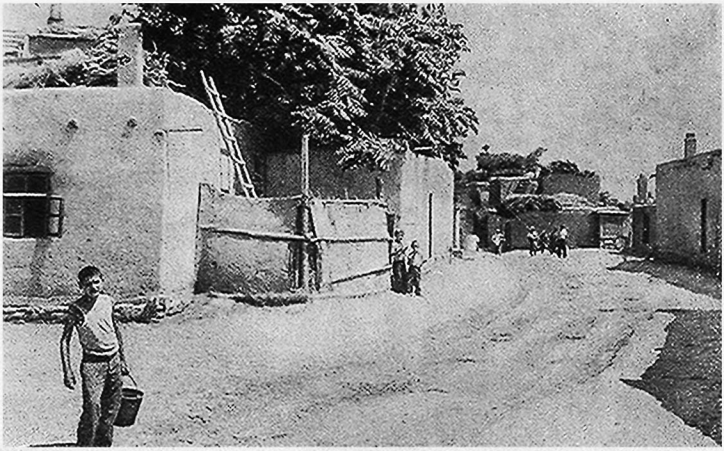
Оазис играет важную роль в сельскохозяйственном отношении. Здесь выращиваются средневолокнистые сорта хлопчатника и его спутника — люцерны, семена которой своими высокими качествами славятся в СССР и за границей. В оазисе выращивают также рис, джугару, кукурузу, мак, кенаф и кунжут. Значительную роль в хозяйстве района играет животноводство, а также шелководство, виноградарство, огородничество и бахчеводство.

Все крупные и значительная часть мелких промышленных предприятий сосредоточены в областном центре — г. Ташаузе, выросшем за советские годы из небольшой крепости. Здесь имеются заводы хлопкоочистительный, маслоэкспеллерный, пивоваренный, стройматериалов, а также по переработке кенафа.

Мургабский оазис — самый южный оазис Туркмении и всего Советского Союза. Это второй по величине оазис республики; на его долю приходится примерно четверть населения Туркменистана и такая же часть его поливных площадей.

Население здесь выращивает тонковолокнистый хлопок, разводит овец каракульской породы, занимается шелководством и выделывает лучшие в мире текинские и пендинские ковры.

Река Мургаб, вода которой в значительной степени разбирается на орошение в Афганистане, может оросить лишь около 100 тыс. га земель. В 2—3 раза бо́льшая территория плодородных земель, расположенных в дельтовой части реки, издавна оставалась неосвоенной. В маловодные же годы и орошаемые площади оазиса сильно страдали от недополивов, и многие тысячи гектаров посевов гибли или давали пониженный урожай. Так



Ташауз. Один из сохранившихся кварталов старого города

было до 1959 г., когда в строй вступила первая очередь Каракумского канала. Теперь обводнены миллионы гектаров пастбищ и десятки тысяч гектаров посевных площадей. В зоне канала, где прежде была пустыня, созданы новые поселки и среди них один из самых крупных Карамет-Нияз. В Карамет-Ниязе благоустроенные дома, завершается строительство водопровода; есть кинотеатр, клуб, магазин, детский сад, школа, больница, разбит парк. В окрестностях поселка разместились животноводческие фермы, станы охотничьих и рыболовецких бригад.

Центр области и оазиса, г. Мары, один из главных городов республики. Он расположен по обоим берегам Мургаба на соединении Ашхабадской железнодорожной магистрали и Кушкинской ветки, ведущей к самой южной точке Советского Союза — Кушке.

В Мары имеются хлопкоочистительный, кожевенный, пивоваренный, гренажный заводы, фабрика первичной переработки шерсти, мельничный комбинат, хлопкопрядильная, швейная и красильная фабрики, хлебный и мясной комбинаты, а также мастерские по производству ковров и по крашению ковровой пряжи.

В г. Байрам-Али находится крупный масложирокомбинат; за годы Советской власти он значительно расширен и оснащен новой техникой. Имеющиеся здесь здания б. царского имения использованы под санаторий общесоюзного значения для лечения почечных заболеваний.

Тедженский оазис, значительно уступающий по своим размерам первым двум, питается водами р. Теджен. Оросив земли Афганистана и Ирана, она приносит на территорию Советского Туркменистана лишь остаточные и паводковые воды, которых обычно не хватало для орошения полей.

Сооружение Тедженского водохранилища и проведение Каракумского канала полностью обеспечивает развитие сельского хозяйства в оазисе.

Население производит главным образом хлопок, кунжут, зерновые культуры, развивает виноградарство и бахчеводство. В прилегающих к оазису пустынных районах выпасаются каракульские и мясо-шерстные овцы.

Ташауз. Новый город. Здание школы-интерната № 1

Оазисы, расположенные вдоль предгорий Копет-Дага и орошаемые небольшими водными источниками, составляют Копет-Дагский оазис.

Горная система Копет-Дага является водосборным бассейном, который питает многочисленные горные речки, источники, кяризы, буровые скважины. На склонах гор имеются значительные земельные площади для неполивного земледелия, используемые лишь в небольшой степени. Горы и предгорья богаты минеральным сырьем, которое широко используется в промышленности строительных материалов—цементной, стекольной и др.

Население в распространенных здесь пригородных хозяйствах выращивает преимущественно овощи, бахчевые и частично зерновые; здесь же сосредоточена большая часть виноградников республики. Развито садоводство, местами культивируются также тонковолокнистый хлопчатник и в порядке опыта — цитрусовые. Наряду с полеводством сельское население занимается животноводством, разводя овец сараджинской и каракульской пород, коз и верблюдов. Крупный рогатый молочный скот находится на стойловом содержании в оазисах и выгоняется на пастбище лишь на дневное время. Копет-Дагский оазис является родиной знаменитых ахалтекинских лошадей. Зеленые, богатые водой Фирюзинская и Чулийская горные долины с их мягким климатом превратились за годы Советской власти во всетуркменскую здравницу с многочисленными санаториями, домами отдыха и пионерскими лагерями.

Весь район тяготеет к Ашхабаду, расположенному на стыке пустыни и предгорий Копет-Дагского хребта.

Ашхабад, насчитывающий лишь три четверти века существования, в дореволюционное время был областным центром Закаспийской области, одной из опорных баз царского самодержавия в Средней Азии и крупным пунктом торговли Российской империи с Персией.

Происшедшее в октябре 1948 г. землетрясение почти до основания разрушило город и ближайшие к нему селения. Из руин ныне поднялся новый социалистический город с широкими озелененными улицами, красивыми зданиями, садами и парками.

Ашхабад теперь является наиболее развитым в промышленном отношении городом республики. В нем сосредоточены большой стекольный завод, ряд предприятий пищевкусовой и легкой промышленности,

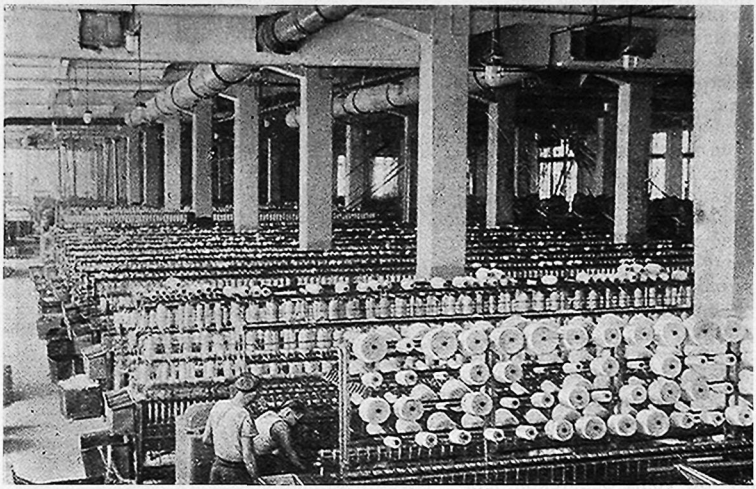
(прядильно-ткацкая, шелкомотальная, швейная, трикотажная и др. фабрики). Имеются машиностроительные и электротехнические предприятия, предприятия металлообрабатывающей, мебельной промышленности, промышленности строительных материалов, полиграфии, кинсфабрика. В городе развито экспериментальное и промышленное ковроделие. В окрестностях Ашхабада построена новая тепловая электростанция, поблизости от нее работает крупный цементный завод. В промышленных предприятиях занято свыше 16 тыс. человек. Развивается Ашхабад и как научный, культурный центр республики. За годы Советской власти выросли многочисленные кадры туркменской интеллигенции — люди науки, просвещения, различных видов искусства, писатели, инженеры, работники здравоохранения. В Ашхабаде сосредоточены Туркменский государственный университет, сельскохозяйственный и медицинский институты, Академия наук Туркменской ССР, 14 техникумов и средних специальных учебных заведений, многочисленная сеть научно-исследовательских учреждений, музеи, Государственный театр оперы и балета, русский и туркменский театры драмы, филармония, разветвленная сеть других культурно-просветительных и медицинских учреждений.

Подрезка винограда весной в колхозе. Бахарденский район

Западная Туркмения, совпадающая с территорией б. Красноводской области, представляет собой огромные почти безводные пустынные пространства с небольшим оазисом, орошаемым р. Атрек. Это один из наиболее индустриальных районов республики. По своим производственным мощностям западная Туркмения не уступает Копет-Дагскому оазису и превосходит его и другие районы по численности рабочих. Ныне значительная часть сельского населения западной Туркмении вовлечена в промышленность, морской или железнодорожный транспорт.

Невысокие горы западной Туркмении располагают разнообразными минеральными и топливно-энергетическими ресурсами полезных ископаемых.

Население занято добычей мирабилита в районе залива Кара-Богаз-Гол, нефти с ее спутниками—озокеритом, горючими газами, водами, содержащими йод и бром в районах Небит-Дага, Кум-Дага, Челекена, Чикишляра и Кеймира, имеющих важное значение для всего Советского Союза. Определенный интерес представляют месторождения бентонитовых глин (Огланлы). В районе Красноводска добываются различные строительные материалы — известняки, легко поддающийся пилке строительный



Прядильно-ткацкая фабрика в г. Ашхабаде. Прядильный цех

камень — гюша, из которого построена бо́льшая часть зданий Красноводска и многие здания Ашхабада, бутовый камень, а также поваренная соль.

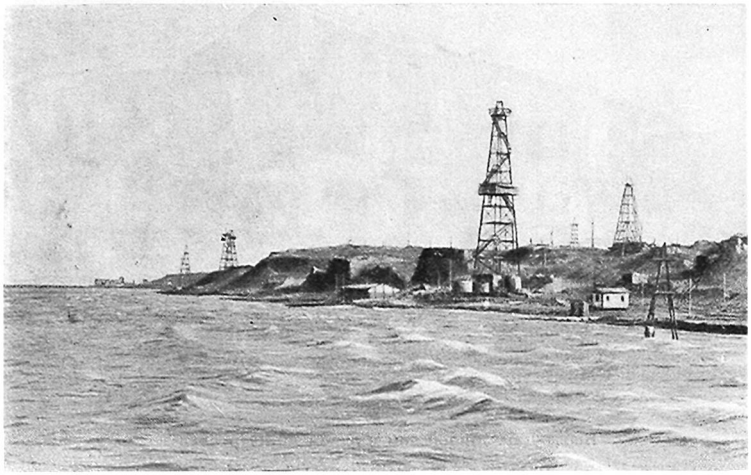
Западная Туркмения, несомненно, будет иметь в ближайшее время еще большее значение как район развитой нефтяной и химической промышленности. Ныне на Красноводском нефтеперерабатывающем заводе сооружен первый в Советском Союзе крупный цех по производству синтетического моющего вещества.

Сельское население занимается разведением овец, коз и верблюдов, в небольших размерах — посевом зерновых или бахчевых культур, а также рыболовством. По добыче рыбы этот район имеет всесоюзное значение. В бассейне р. Атрек наряду с зерновыми возделываются субтропические растения: маслины, инжир, гранат, финиковая пальма.

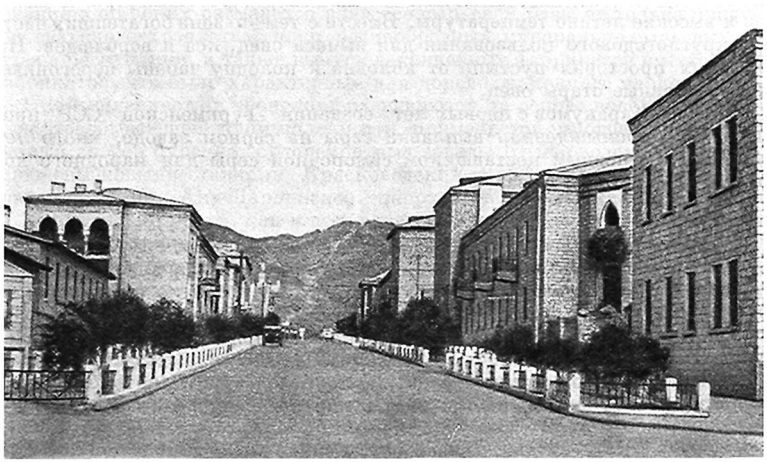
Каспийское море, омывающее берега западной Туркмении, служит ближайшим путем в другие районы Советского Союза. Здесь добывается глауберова и поваренная соли, развито рыболовство.

На берегу залива, у южной окраины Красноводского плато, расположен центр западной Туркмении — г. Красноводск — «ворота Средней Азии». Некогда военный форпост России на подступах к Средней Азии, этот городок с постройкой железной дороги приобрел значение торгового, перевального, портового пункта. Ныне он вырос в значительный транспортно-индустриальный центр. За последние годы в городе возникли кварталы новых благоустроенных белокаменных домов, дворец культуры и другие общественные здания. Новым для города является озеленение его центральной части и новых кварталов.

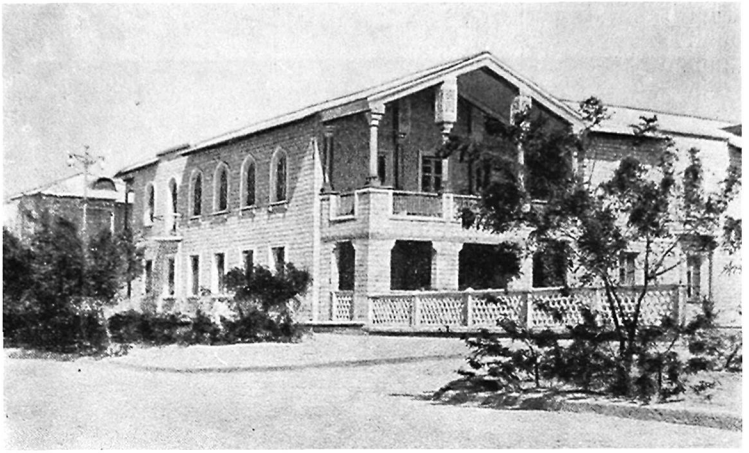
На восток от Красноводска расположена «столица туркменских нефтяников» — г. Небит-Даг, благоустроенный и озелененный. Город вырос вместе с нефтяной промышленностью республики. Красноводск, Челекен и Небит-Даг сейчас получают в достаточном количестве пресную воду местных источников, тогда как прежде в Красноводск она доставлялась из Баку морем, а из Кизыл-Арвата и Джебела по железной дороге.



Нефтяные вышки на берегу Каспийского моря. Город Челекен



Красноводск. Одна из улиц города



Небит-Даг. Жилой дом в одном из кварталов

Пустынные территории Каракумов и других равнинных пустынь, занимающие большую часть площади республики, входят в той или иной части в состав каждой из трех административных областей Туркменистана и теснейшим образом связаны с хозяйством оазисов. Их объединяет однообразие песчано-пустынных ландшафтов, отсутствие поверхностных текучих вод, исключительно малое количество атмосферных осадков и высокие летние температуры. Вместе с тем это зона богатейших пастбищ круглогодового пользования для выпаса овец, коз и верблюдов. На огромных просторах пустыни от колодца к колодцу чабаны перегоняют многочисленные отары овец.

В центре Каракумов с первых лет создания Туркменской ССР производилась промышленная выплавка серы на серном заводе, много лет служившем основным поставщиком самородной серы для народного хозяйства Советского Союза.

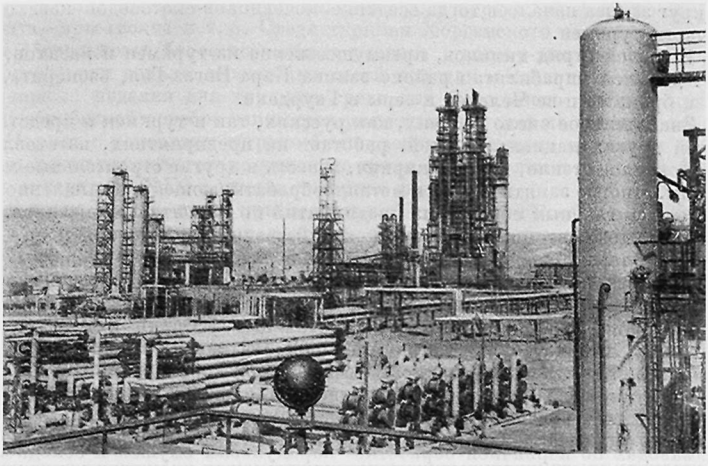
* * *

Туркменская ССР — индустриально-аграрная страна; ведущую роль в ее народном хозяйстве играет созданная за годы Советской власти промышленность. Основное направление экономического развития республики — дальнейший рост главных отраслей ее промышленности: нефтяной, газовой и химической, легкой (текстильной и др.) и пищевой, а в области сельского хозяйства — продолжение специализации по производству хлопка, особенно тонковолокнистых сортов, каракулеводству, по которому Туркмения занимает одно из первых мест в мире, и шелководству.

Промышленность

В социалистическом переустройстве Туркменистана решающее значение имела индустриализация. Из года в год рос рабочий класс, численность которого достигает теперь нескольких сотен тысяч человек. Валовая продукция промышленности республики сравнительно с 1913 г. выросла в 22 раза и в общей продукции народного хозяйства Туркмении занимает свыше 70%.

Вместо нескольких небольших частнокапиталистических предприятий периода колонизации ныне в Туркменской ССР действует свыше тысячи крупных и средних промышленных предприятий, из них более 350



Нефтеперерабатывающий завод в г. Красноводске

крупных. Создан ряд новых отраслей: нефтеперерабатывающая, химическая, цементная, стекольная, шелкомотальная, шерстомойная, текстильно-ткацкая, швейная, обувная, мясная и др.

Особенностью промышленности советского периода является использование в широких размерах в качестве сырьевой базы не только продуктов сельского хозяйства, но и разнообразных минерально-сырьевых ресурсов республики, а также выпуск законченных фабрикатов вместо полуфабрикатов, что было характерным для дореволюционного периода.

Промышленность и транспорт развиваются на основе новой техники — в нефтедобывающей промышленности применяется прогрессивный турбинный способ бурения, судоремонтные заводы Красноводска и Чарджоу оснащены новыми станками, Красноводский порт — мощными кранами и транспортерами, Аму-Дарьинское пароходство — новыми теплоходами.

Туркменский народ, как и весь советский народ, в первую очередь создавал и развивал отрасли тяжелой промышленности; на их долю приходится более половины всех основных средств промышленности республики. Среди отраслей тяжелой индустрии важнейшее значение имеют нефтяная, химическая и промышленность строительных материалов.

Туркмены, казахи, азербайджанцы, русские единой дружной семьей работают в нефтедобывающей промышленности Прикаспийской низменности. Трудовые достижения нефтяников выдвинули Туркменистан на третье место среди нефтедобывающих союзных республик. Буровые вышки в настоящее время покрывают обширную территорию нефтяных месторождений Небит-Дага, Кум-Дага, Челекена и др. В результате геологических изысканий открыто и разрабатывается крупнейшее нефтяное месторождение Ленинское (Котур-Тепе). Осваиваются новые месторождения газа — Окарем, Камышлыджа. Нефтедобывающая и возникшая в районе Красноводска нефтеперерабатывающая промышленность получает энергию от крупных электростанций и компрессорных установок; на сотни километров проложены нефтепроводы.

Развитию химической промышленности в Советском Туркменистане всегда уделялось большое внимание. Начало широкого использования богатств Кара-Богаз-Гола относится к 1929—1932 гг. В связи с этим

вокруг залива началось тогда оседание кочевников-скотоводов казахов и отчасти туркмен.

Большой отряд химиков, преимущественно из туркмен и казахов, занят добычей мирабилита в районе залива Кара-Богаз-Гол, озокерита, йода и брома на п-ве Челекен и серы в Гаурдаке.

Значительное число рабочих, как русских, так и туркмен и представителей других национальностей, работает на предприятиях, изготовляющих оконное стекло, цемент, кирпич, известь и другие строительные материалы. Многие заняты также в металлообрабатывающей промышленности, состоящей главным образом из предприятий по ремонту локомотивов, вагонов, судов, автомобилей, сельскохозяйственного инвентаря и др.

Еще больше рабочих, преимущественно женщин, занято в разных отраслях легкой промышленности, в частности на предприятиях по переработке хлопка. В республике имеется семь хлопкоочистительных заводов. В советские годы построены шелкомотальные фабрики в Ашхабаде и Чарджоу, хлопчатобумажная в Ашхабаде, ватная в Чарджоу, шерстомойная в Мары. В годы Великой Отечественной войны организовано производство искусственного меха и приводных ремней в Чарджоу. Развита в республике кожевенно-обувная промышленность (Ашхабад, Мары) и швейная (более 20 предприятий). Туркмены и узбеки в Чарджоу работают на заводах по первичной обработке каракулевых смушек и солодкового корня.

Значительное число рабочих занято в отраслях пищевой промышленности и прежде всего мясной, рыбной и маслобойной, расположенных в Ашхабаде, Красноводске, Байрам-Али, Ташауза и др.

Первостепенное внимание уделяется в Туркмении развитию энергетического хозяйства: построены тепловые электростанции, работающие на жидком топливе, и гидростанции на р. Мургабе и водных источниках Копет-Дага; началось применение в виде опыта ветросиловых установок, которые, как и солнечные установки, могут в дальнейшем получить в республике значительное развитие.

Ремесла

Ремесла у туркмен в XIX в. были развиты слабо. Цеховых организаций почти не существовало, необязательно было строгое наследование профессии в семье ремесленника, характерное для народов с развитыми ремеслами. Правда, в мастерской, помимо владельца-мастера, часто работали ученики (*шагирд*). Туркменские ремесленники каждой специальности имели уставы — *рисале*, очень близкие к средневековым рисале Ирана и Мавераннахра. В некоторых ремесленных центрах в XVIII—XIX вв., например в Абиверде и Анау, мастерские уже составляли даже нечто вроде особого квартала. Но это было скорее исключением из общего правила.

Ремесло обычно не было единственным источником существования для семьи мастера, а сочеталось с земледелием или скотоводством. Ремесленники в основном работали на заказ, а не на рынок. Специальных мастерских в аулах не было, и, как правило, ремесленники работали там же, где жили.

Обработка металлов (кузнечное, оружейное и ювелирное дело), обработка кожи и плотничество были распространены по всей Туркмении. Вместе с тем в различных районах были развиты специальные ремесла, иногда на том или ином ремесле специализировался какой-нибудь один род или племя. Так, например, гончарство более всего было развито среди туркмен причарджуйских районов; выделкой деревянных частей юрт славились жители Гасан-Кули и Кумыш-Тепе, нохурцы и некоторые группы мервских текинцев. Среди населения Мургабского оазиса ремесленная специализация отдельных родовых групп во второй половине XIX в. была уже значительной: производством седел занимались мастера из рода

язы, нагайки выделывали представители рода буркоз, деревянную посуду и сита—яры-геокча и т. д. Среди туркмен Хорезмского оазиса ремесленная деятельность более всего была развита у хыдыр-эли (живших возле Гурлена): они делали деревянные части юрт для населения всего оазиса, гончарные изделия для туркмен, среди них было много опытных кузнецов; обработкой серебра занимался род кызыл-эргенек из племени абдал.

Наряду с ремеслами широко были развиты домашние промыслы — область почти исключительно женского труда. Ковроделие и шелкоткачество уже к середине XIX в. имели товарное значение.

В конце XIX в., после присоединения Туркмении к России такие ремесла, как шорное и седельное, потеряли прежнее значение. Седла и упряжь, требовавшиеся в большом количестве ранее, когда все время приходилось держать лошадей наготове на случай внезапного нападения врага или аламана, теперь были нужны только для выездов в гости и на базар, а также для конных соревнований, в которых участвовали далеко не все. Седельных мастеров, так же, как и шорников, было немного, обычно по одному на несколько близлежащих аулов. Выделкой конской сбруи зачастую занимались и сапожники.

Гончарное и кузнечное ремесла сохранялись, хотя в колониальный период не имели тенденции к развитию, так как на туркменском рынке появились изделия русского производства, постепенно вытеснявшие местную продукцию.

Отдельные виды ремесел и среди них выделка серебряных украшений продолжали существовать и в какой-то степени развиваться[1]. Мастера, занятые обработкой серебра,— *кумушчи*, *зергэр* — были почти в каждом селении; многие прославленные ювелиры изготовляли украшения не только для жителей своего аула, но выполняли заказы из других районов. Более всего производилось женских серебряных украшений, которые были весьма разнообразны по формам и назначению, а украшения у отдельных крупных племен (теке, йомутов, чоудоров) отличались значительным своеобразием.

В более отдаленное время (конец XVIII — начало XIX в.) наряду с женскими украшениями ювелиры изготовляли также украшения для сбруи лошади, отделывали серебром ножны и рукоятки кинжалов, нагаек. В первой половине XIX в. некоторые туркменские ювелиры чеканили также серебряные монеты. Однако позднее ювелиры стали заниматься изготовлением только женских украшений (серебряные украшения для верховой упряжи изготовляли кузнецы — *демирчи*).

Из других видов ремесел, бытовавших у туркмен в XVIII — XIX вв., но не сохранившихся как профессиональное занятие до наших дней, следует отметить шелкоткачество. Это ремесло особенно процветало в Мары, где изготовлялись мервские шелка (*гызыл донлык*, *гырмызы кетени* и др.) преимущественно красных цветов, сбывавшиеся во все районы Туркмении. Во время многочисленных походов бухарских и хивинских ханов в XVIII в. и первой половине XIX в. многие опытные мервские ткачи были насильственно переселены в другие места, в частности в Бухару и Самарканд, где способствовали развитию шелкоткачества.

Шелкоткачеством занимались и жители прикопетдагских районов, селений среднего течения Аму-Дарьи и по Мургабу, т. е. везде, где было развито шелководство. Продукция шелкоткачества находила сбыт не только внутри селений, где производили шелка, но и далеко за их пределами. В конце XIX — начале XX в. продажа шелковых тканей стала подспорьем в бюджете многих семей прикопетдагских селений.

[1] По словам стариков-туркмен, после присоединения Туркмении к России спрос на серебряные украшения увеличился; жены богатых и зажиточных туркмен стали носить украшений значительно больше, чем в прежние времена.

Кроме шелковых тканей, почти во всех селениях женщины ткали хлопчатобумажные, а в скотоводческих районах — шерстяные. Большинство тканей производилось для домашних нужд, однако кое-где и эти виды ткачества приобретали товарный характер. Так, в юго-восточной Туркмении в XIX в. очень высоко ценились на базарах ткани из верблюжьей шерсти для мужских халатов, изготовленные сарыкскими женщинами.

Наиболее распространенными домашними промыслами до последнего времени были ковроткачество и валяние войлоков. Ковроткачеством занималось большинство племен; его не знали только нохурли, мурчали, карадашлы и некоторые другие небольшие племена, прямые потомки древнего оседлого населения южной Туркмении.

Ковровые изделия не только украшали туркменские жилища, но и служили для хранения вещей, употреблялись для скрепления отдельных частей юрты и т. д. Приданое невесты в значительной степени состояло из различного рода ковровых изделий; девочки с детства приучались к ковроделию.

Туркменские ковры, издавна известные в странах Европы и Азии под названием бухарских, пользовались большим спросом на базарах Бухары, Самарканда и других городов, куда они вывозились для продажи. Уже в конце XIX в. ковроткачество начало превращаться в специализированную отрасль кустарной промышленности. Так, в одном только Мервском уезде в 1897 г. было продано 1200 ковров.

Текинские (мервские, ахальские) и сарыкские ковры особенно ценились. Увеличение спроса вызвало некоторое ухудшение качества выделки и рисунка ковровых изделий. Тем не менее цены на туркменские ковры быстро повышались; уже в 1900 г. платили по 10 руб. и более за 1 кв. аршин.

Не менее важное значение в Туркмении имело производство войлоков — как узорных для внутреннего убранства дома, так и простых для покрытия остова юрты. Хотя войлоки изготовляли почти в каждом хозяйстве, спрос на них на базарах был велик. Особенно много продавалось их в Мервском оазисе. По данным 1898 г., за год в Мервском уезде было продано 3 тыс. войлоков.

Несмотря на значительное экономическое развитие туркменских районов в составе Российской империи и усиление экономических связей между отдельными районами, ремесло до самой Великой Октябрьской революции так и не выделилось в особую отрасль хозяйства. К этому времени в аулах сохранились такие ремесла, как кожевенное, кузнечное, шапочное, плотничье, гончарное.

С первых лет существования Советской власти было обращено большое внимание на развитие старинных кустарных промыслов. На всей территории республики: в городах, районных центрах, крупных селениях и поселках кустари-одиночки стали объединяться в артели промысловой кооперации. Этот процесс в основном закончился в третьей пятилетке. К этому времени в промысловой кооперации насчитывалось до 30 видов промышленных производств: швейное, трикотажное, пищевкусовое, кожевенно-обувное, производство стройматериалов, ковровое и др.

В промысловую кооперацию Туркмении вошел и Ковровый союз — объединение по производству ковров. Для облегчения труда ковровщиц в городах и крупных населенных пунктах были организованы ковровые мастерские в специально приспособленных или выстроенных вновь помещениях, оснащенных необходимым оборудованием. Ковровый союз взял на себя заботу о снабжении мастериц готовой шерстяной и хлопчатобумажной пряжей.

В Ашхабаде организована экспериментальная ковровая мастерская, к работе в которой привлекаются наиболее талантливые и способные ков-

ровщицы со всей республики. Здесь обучаются молодые мастерицы и на основе традиционных орнаментов разрабатывается новая тематика.

Сельское хозяйство

В XIX в. основу хозяйства громадного большинства туркмен составляло орошаемое земледелие в сочетании с экстенсивным скотоводством (кочевым и отгонным) и домашними промыслами. Лишь некоторые мелкие туркменские племена (мурчали, мехинли, ануали, улам) были полностью оседлыми и только немногие племена — балханские ата, мангышлакские чоудоры и абдалы были почти исключительно кочевниками-скотоводами.

По роду занятий туркмены издавна делились на кочевников (чарва) и оседлых земледельцев (чомур). Кочевое скотоводческое население, в разной степени связанное с земледелием, преобладало в приатрекских степях. В остальных районах в составе туркменских племен численно преобладали чомуры, жившие в оазисах; впрочем, весной часть населения оазисов на полтора-два месяца выходила в степь, на кочевье для помощи родственникам скотоводам. Один из авторов, описывавших быт и хозяйство туркмен непосредственно после присоединения к России, когда русское влияние еще не успело сказаться, правильно отмечал, что «туркмен, обитающих в Закаспийской области, нельзя назвать ни вполне кочевым населением, ни вполне оседлым... Даже чарва — не чистые кочевники. Их семьи и имущество — в аулах; только в конце весны жены и работницы идут в пески для сбора молока и приготовления его продуктов, а хозяева и работники занимаются стрижкой шерсти. Ко времени уборки хлебов чарва возвращаются в аулы, стада кормятся жнивьем и сохранившейся соломой» [1]. Таким образом, резкого разграничения между чомурами и чарва не было: нередко часть членов одной семьи занималась земледелием в одном из оазисов, в то время как другая часть пасла стада в Каракумах.

Оседание на землю часто бывало вызвано бедностью и оказывалось временным состоянием; если чомур накапливал средства для покупки скота, он снова переходил в категорию чарва.

Скотоводство наряду с земледелием являлось традиционным занятием туркмен. На рынках Среднего Востока туркмены издавна выступали как поставщики продуктов скотоводства.

Основными видами животных в туркменском скотоводческом хозяйстве были овцы и верблюды, составлявшие вместе до 80% поголовья скота, лошади и в меньшей степени крупный рогатый скот. В районе Чарджоу и Керки, входивших в состав Бухарского ханства, а также в б. Мервском уезде разводилось много каракульских овец. Выращивание знаменитых туркменских лошадей к началу нашего столетия утратило свое значение. Место прежнего кровного туркменского скакуна — *ат* — заняла простая рабочая лошадь — *ябы*, использовавшаяся наряду с верблюдом и волом для различного рода сельскохозяйственных работ. Меньшую роль в хозяйстве играли козы и ослы.

Для охраны стад использовались собаки-овчарки. Основная масса скота (кроме лошадей) круглый год содержалась на подножном корму. Заготовки кормов почти не производились. Это приводило к массовому падежу скота в сухие или слишком холодные годы. Источниками воды служили колодцы — *гуйы* и водосборные ямы — как.

По характеру кочевания скотоводство в различных районах, в зависимости от метеорологических условий и расположения пастбищ, имело свои особенности. В районах, прилегающих к Каспийскому морю, и в бассейне р. Атрек скотоводы иногда совершали большие перекочевки, выходя за пределы своего района. В Центральных Каракумах скотоводы в течение зимы и весны выпасали скот около естественных углублений

[1] Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Изд. 2, Асхабад, 1897, стр. 25—26.

почвы, где скапливалась и задерживалась осенняя и зимняя влага, образуя иногда естественные водохранилища. Нередко скотоводы специально устраивали такие углубления, окружая их валиками из глины. Когда вода в таких водохранилищах иссякала, скотоводы перегоняли стада в районы песков, где имелись колодцы. В районах, прилегающих к средней Аму-Дарье, и выше, между Чарджоу и Кушкой, наблюдались сезонные перекочевки скотоводов из полосы предгорий в пустыни и обратно.

При каждой выпасавшейся в степи отаре, обычно численностью в 400—500 голов, находился пастух — *чопан* и его помощник — *чолук*, который выполнял в основном подсобную хозяйственную работу. В восточной части пустыни, где воду приходилось доставать из глубоких колодцев, отару обычно обслуживали втроем; на обязанности третьего—*сувчы* лежал подъем воды из колодца. Работа пастухов была чрезвычайно тяжелой и опасной. Жили они в убогих шалашах — *чатма* или в землянках, по нескольку дней оставались под открытым небом, страдая летом от жары и жажды, а зимой от дождей и морозов. Их жизни грозила постоянная опасность от нападения грабителей и хищных зверей. Большую часть времени они были оторваны от семьи. Обычно в пастухи шли молодые люди из бедных семей, надеясь заработать средства на выплату калыма.

Богатые скотоводы, владея землей в оазисах, сами ее не обрабатывали, предпочитая кочевать со скотом в песках. Землю они сдавали беднякам из доли урожая. Туркмены сеяли пшеницу, особенно озимую — *гуйзлук*, которая являлась главной сельскохозяйственной культурой, возделывали джугару, ячмень, люцерну, хлопок, кунжут, кое-где рис, выращивали дыни, тыквы, арбузы. Огородов было мало, и овощи — морковь, огурцы, редиску — выращивали главным образом старые оседлые племена — ануали, мехинли, мурчали, махтумы, а также гоклены. Лук сажали повсеместно. Во многих аулах имелись виноградники, но плодовые сады встречались редко.

Земледелие в основном было пашенным, но техника его стояла на крайне низком уровне. Землю пахали примитивным деревянным орудием, называемым у туркмен *азал кунде*, несколько отличающимся от распространенного в Средней Азии. Азал имел железный наконечник — *ер демир*. Бороной служила доска — *мала*, на которую для тяжести становился человек, или своеобразная волокуша с деревянными зубьями — *дандана*. Уборочным орудием был серп *орак* с гладким лезвием или же с зазубринами.

Молотили с помощью животных, ногами выбивавших зерно из снопов, сложенных на очищенной площадке — *харман*. Урожай сохраняли в ямах — *уры* или *амбар чукур*, выложенных соломой. Необходимыми орудиями для полевых работ были железная лопата — *пил* и *кэтмен*, представляющий собой массивную мотыгу овальной формы, насаженную под прямым углом к черенку. Для первичной переработки продуктов земледелия служили небольшие водяные и ручные мельницы — *дегирмен*, а также жернова — *хараз*, *кеш-кеш*, приводимые в движение животными, прессы — *жуваз* для выжимания кунжутного масла, грубые деревянные ступы — *соку*.

Преобладало орошаемое земледелие. Для орошения сооружали каналы и плотины, а в прикопетдагской полосе — еще и подземные водосборные колодцы — *кяриз* и наземные бассейны для сбора воды — *ховдан*. Постройка каналов, плотин и кяризов, а также ежегодная очистка каналов требовали огромного труда. Необходимость трудоемких работ по созданию и поддержанию ирригационной сети была серьезным фактором, обусловливавшим стойкое сохранение у туркмен общинной организации, особенно в Мервском оазисе и в районах нижнего течения Аму-Дарьи. Орошение было главным образом самотечным, но существовали и простейшие водоподъемные сооружения — *жыкыр*[1] и еще более примитивное — *нова* (колода), приводимое в действие силой человека.

[1] Чигирь-водоподъемное колесо, приводимое в движение животными.

Правильных севооборотов туркмены не применяли. Было широко распространено переложное земледелие. В то же время довольно широко применялись местные удобрения — навоз, зола, земля с древних городищ или из старых каналов. Орошаемую землю тщательно обрабатывали. Поле делили на небольшие, идеально выровненные участки — *пел*, *пелче*, окруженные невысокими валиками — *чил*. Затем проводили предпосевной полив, вспахивали землю два-три раза азалом, сеяли вручную зерно, вновь

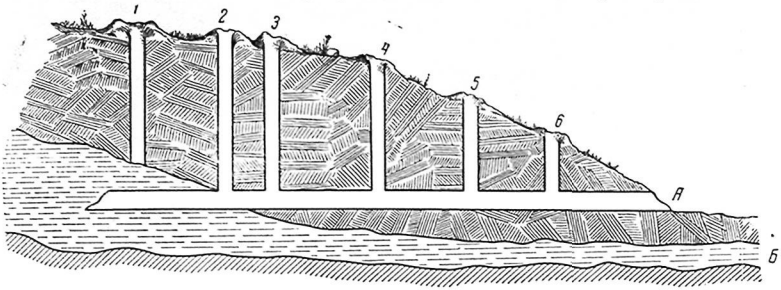


Схема кяриза (по Л. И. Цимбаленко, 1896)

А — выход кяриза; *Б* — водоносный слой; *1* — *6*—колодцы

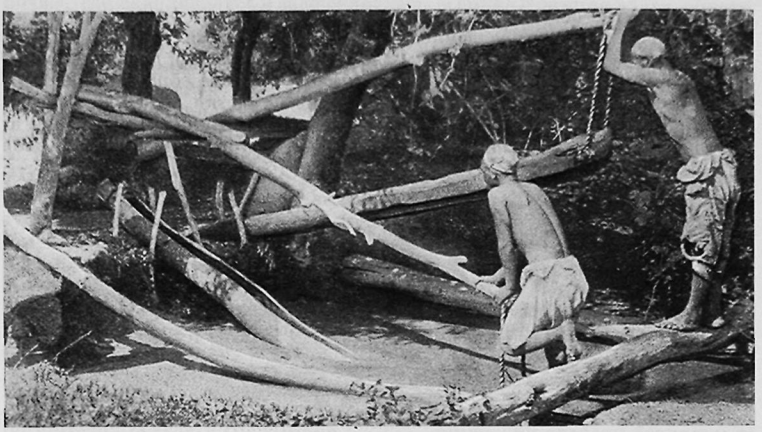
проходили азалом, а после него малой. Полив после посева проводили три-четыре раза. Для посадки дынь разбивали грядки. Жаркий климат позволял снимать по два урожая: после уборки ячменя и озимой пшеницы на этих полях сажали дыни или сеяли джугару, которую осенью скашивали на корм скоту.

Некоторое значение имели посевы на неполивных землях: богарные посевы зерновых в горах, посевы зерновых и посадка дынь-сорокадневок на землях в складках гор или в котловинах — *ойтак*, обильно увлажняемых дождевыми водами или силевыми потоками[1], наконец, на влажных пойменных землях. В двух последних случаях земледелие носило самый примитивный характер — сеяли и сажали без вспашки.

Современное сельское хозяйство является одной из важнейших отраслей социалистической экономики Туркменистана. В нем занято около 300 тыс. колхозников, работников совхозов и ремонтно-технических станций. Сельское хозяйство имеет земледельческо-скотоводческое направление с преобладанием в земледелии поливных культур и среди них в качестве главнейшей культуры — хлопчатника; в животноводстве преобладает разведение овец каракульской породы; кроме того, развито шелководство. Общая посевная площадь увеличилась в 1960 г. по сравнению с 1925 г. более чем в полтора раза.

Созданные в свое время при МТС политотделы провели большую работу по укреплению колхозов и окончательному очищению их от кулацких элементов. Велика была роль МТС и в подготовке кадров. Первоначальный их персонал состоял из трактористов и механиков, прибывших из Российской Федерации. Каждый тракторист с Кубани или из Воронежа, каждый механик из Ленинграда или Калинина имел десятки учеников туркмен. А некоторое время спустя тракторист или механик туркмен сам выступал в роли инструктора. Усадьбы МТС с новыми опрятными жилыми домами, тенистыми деревьями, с клубом и библиотекой становились культурными центрами. Работа по подготовке кадров облегчила освоение передовой техники колхозами после реорганизации МТС.

[1] В этом случае для задержания силевых вод устраивались запруды.



Старинный способ подъема воды на высокие поля при помощи примитивного устройства «нова́»

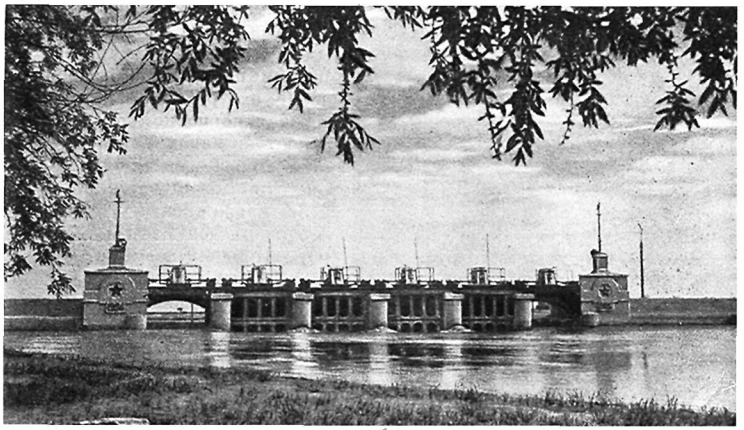
Большую роль в подъеме сельского хозяйства и особенно животноводства сыграли совхозы, осваивавшие огромные просторы пустынно-пастбищных территорий, наиболее приспособленных для выпаса овец, коз и верблюдов. К 1961 г. в республике был 49 совхозов (из них 15 созданы в последние 5 лет): 21 каракулеводческий, 16 животноводческих, 6 плодоводческих и 6 хлопководческих. Совхозы дают третью часть каракуля, четвертую часть мяса и шерсти, заготавливаемых в республике.

Только в годы Советской власти трудящиеся Туркмении смогли под руководством специалистов перестроить всю оросительную систему и обеспечить хозяйства водой. За годы пятилеток в ирригацию вложено около 2 млрд. руб. Мелкие системы были объединены в крупные, ликвидированы параллельные холостые пробеги воды. Решительно покончено с тяжелыми средневековыми колесными сооружениями — чигирями; повсеместно орошение стало самотечным или производится при помощи механизированных установок. Построены новые каналы — Пальвартский, Боссага-Керкинский, Карабекаульский, Саятский, Кульарыкский и др., появились новые водохранилища—Ташкепринское, Колхозбентское, Сарыязынское, Тедженское, а также образованные Каракумским каналом.

Закончилось строительство трех очередей Каракумского канала. Это уникальное гидротехническое сооружение соединило Аму-Дарью с реками Мургабом и Тедженом. В центре междуречья Мургаб—Теджен строится крупнейшее Хаузханское водохранилище для регулирования стока вод канала. Уже в настоящее время в Марыйской области водами Аму-Дарьи орошено 72 тыс. га. В зоне канала созданы новые совхозы, получили возможность осваивать целинные земли ранее существовавшие колхозы.

В мае 1962 г. канал доведен до Ашхабада. Протяженность канала после завершения его строительства у Ашхабада составляет около 800 км. В окрестностях столицы выстроены водохранилища и пляжи для отдыха трудящихся, значительно улучшилось водоснабжение города.

Канал обводнил юго-восточные Каракумы и часть пустынной территории у северных склонов Копет-Дага; он способствует дальнейшему развитию животноводства, рыбоводства и охотничьих промыслов, обеспечивает водоснабжение населенных пунктов и железной дороги, позволяет организовать судоходство.



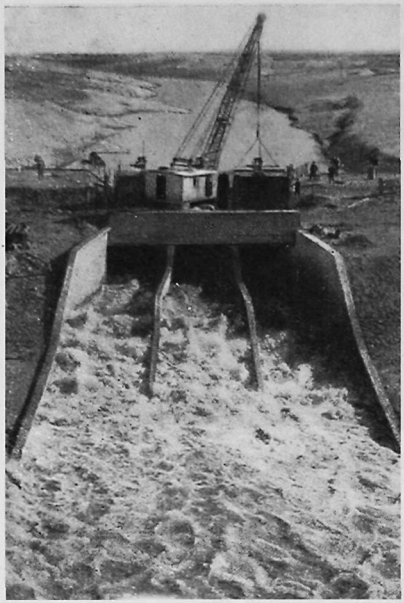
Общий вид плотины Карры-Бент у Тедженского водохранилища

Осуществляемая с 1951 г. новая система орошения, при которой вместо постоянно действующей мелкой ирригационной сети ежегодно нарезается временная сеть оросительных каналов и создаются укрупненные поливные площади, позволяет широко применять современную мощную технику и более рационально использовать водные ресурсы.

Почти полностью покончено с ручным трудом, изнурявшим людей на очистке ирригационных каналов от ила. Ежегодно 14—16 млн. кубометров земли должны были вынимать из каналов туркменские земледельцы. Советская власть облегчила их труд, дала обильную и разнообразную технику. Ныне почти на 90% очистка каналов проводится машинами. Тракторы, сложные сельскохозяйственные машины облегчили труд туркменского дайханина и на колхозных полях. Пахота, сев, обработка культур почти полностью механизированы. Все больше внедряются машины и на уборке хлопка.

Заботами партии и правительства Туркменская республика превратилась в одну из основных баз хлопководства Советского Союза, особенно тонковолокнистого хлопчатника. За годы Советской власти валовая продукция хлопка возросла более чем в 6 раз. Под хлопчатником занято до половины всей посевной площади республики. Хлопкоробы, применяя новейшие достижения сельскохозяйственной науки и используя передовой опыт новаторов производства, добиваются высоких урожаев, намного превышающих урожайность полей основных хлопкопроизводящих стран мира. В 1960 г. с каждого гектара туркменские хлопкоробы собрали свыше 23 ц хлопка советских сортов.

Передовые колхозы добиваются еще более высоких и устойчивых урожаев. В 1961 г. крупнейший хлопкосеющий колхоз им. Тельмана Ленинского района Ташаузской области получил на площади в 2800 га средний урожай по 29 ц с 1 га; колхоз «Коммунизм» Куня-Ургенчского района сдал более чем по 35 ц, а отдельные передовые бригады (например, в том же колхозе им. Тельмана Ленинского района) по 53—55 ц хлопка с га. Правительство Советского Союза высоко оценило успехи туркменских хлопкоробов в развитии сельского хозяйства, увеличении производства, выведении высококачественных тонковолокнистых сортов хлопчатника и строительстве ирригационных сооружений. Президиум Верховного Совета



Одно из сооружений Каракумского канала у Хауз-Хана.

СССР наградил орденами и медалями около 2,5 тыс. работников сельского хозяйства республики. За особо выдающиеся успехи в развитии хлопководства многие колхозники были удостоены звания Героя Социалистического Труда; второй золотой медалью «Серп и Молот» награжден знатный руководитель колхоза им. Тельмана Оразгельды Эрсарыев.

Большое значение в сельском хозяйстве Туркмении имеет животноводство. Туркмения дает пятую часть каракуля, заготовляемого в СССР. Черные смушки — «араби», золотистые — «сур» и серебристо-серые—«ширази» очень красивы, прочны и пользуются большим спросом на мировом рынке. Намного улучшена породность скота. Овцы каракульской породы, создателями которой по праву признаются узбеки и туркмены, составляют в многомиллионном стаде свыше 70%.

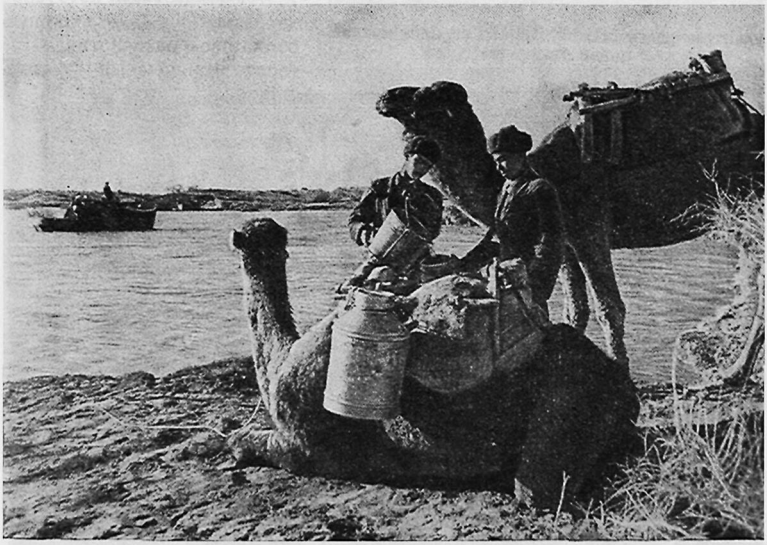
Ежегодно для колхозных стад организуется заготовка всех видов кормов, доставка которых на отдаленные пастбища в Каракумах позволяет содержать скот круглый год на выпасах. Введение правильных севооборотов в колхозах сыграло огромную роль не только в деле восстановления и повышения плодородия почв и получения высоких урожаев хлопчатника, но и создания прочной кормовой базы для животноводства. За последние годы в практикуемые хлопково-люцерновые севообороты вошла и кукуруза.

Большое внимание уделяется улучшению условий выпаса скота в пустыне и прежде всего строительству и содержанию колодцев. Большинство туркменских колодцев имеет круглое или четырехугольное отверстие, диаметром немного более полуметра, расположенное на уровне земли, чтобы возле него не задерживался песок. Колодец сильно расширяется по направлению к дну; чем беднее колодец водой, тем он шире у дна для увеличения притока воды. В юго-восточных пустынях Туркмении колодцы чрезвычайно глубоки — от 8 до 20 м, а иногда глубина их достигает 200 м. Стенки внутри большинства колодцев из естественного грунта. Лишь дно колодца и стенки в верхней части приблизительно на одну треть высоты укреплены плетенками из ветвей саксаула или гребенщика.

В настоящее время отверстия колодцев облицовываются жженым кирпичом и цементируются.

Форма туркменского колодца (небольшое отверстие и расширение книзу) объясняется стремлением предохранить его от засорения песком. Воду из колодцев черпают в большинстве случаев кожаными ведрами *гова*. Как правило, для подъема воды над колодцем устраивают деревянный блок на вилообразной подставке. Возле многих колодцев устроены цементированные бассейны (раньше их выкладывали хворостом, обмазан-

Хауз-Хан. Поселок строителей Каракумского канала



Каракумский канал. Животноводы с далеких отгонных пастбищ запасают пресную воду

Канавокопатель на тяге трактора ДТ-54. Кировский район

Опыление хлопчатника ядохимикатами на землях колхоза «Большевик». Ильялинский район

ным глиной) с цементированными или деревянными желобами, служащими для водопоя, иногда бассейн выкладывают жженым кирпичом. За последние годы в местностях с хорошим травостоем, но глубоким расположением подземных вод строят колодцы, оборудованные насосом для выкачивания воды.

Многовековой народной опыт скотовода нашел благотворное сочетание с достижениями советской науки. Туркмены-скотоводы учились у русских зоотехников и в то же время помогали им применять свои знания в самобытных условиях местного скотоводства. За годы Советской власти выросли национальные кадры квалифицированных специалистов сельского хозяйства. Немало колхозников-туркмен, работающих в области скотоводства, пользуется известностью, а опыт их стал достоянием всего народа.

Подъем воды из колодца кожаным ведром «гова». Дейнауский район

Правительство Советского Союза за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии овцеводства, увеличении производства и сдачи государству мяса, шерсти и каракульских смушек, за широкое применение в работе достижений науки и передового опыта присвоило звание Героя Социалистического Труда директору совхоза «Талимарджан» Аразову Анна Мураду, зоотехнику Хуммедову Баллы, нескольким чабанам колхозов и совхозов. Орденами и медалями СССР награждены сотни передовиков животноводства Туркменской ССР.

Туркменские колхозники достигли высокого мастерства и в области шелководства.

Колхозы республики развиваются как многоотраслевые крупные хозяйства, а их денежные доходы неуклонно растут.

Производство хлопка и люцерны, джугары и кукурузы в сочетании с шелководством и отгонным животноводством характерно для большинства многоотраслевых хозяйств как в зоне выращивания тонковолокнистых сортов хлопчатника (Марыйская область, районы Ашхабада и южные районы Чарджоуской области), так и в прочих районах республики, где выращиваются средневолокнистые сорта хлопка. О подобном сочетании отраслей и огромных достижениях сельского хозяйства республики свидетельствуют замечательные показатели колхозов — участников ВДНХ.

Среди передовых колхозов республики размерами своего хозяйства и производственными достижениями выделяется колхоз им. Тельмана Ленинского района Ташаузской области, где председателем является дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Оразгельды Эрсарыев. За колхозом закреплено в бессрочное пользование

Бонитировка овец при рождении. Племсовхоз «Равнина». Байрам-Алийский район

Клуб в колхозе им. Тельмана. Ленинский район

около 14 тыс. га земель, в том числе пашни 4260 га, из них хлопчатником занято почти 3 тыс. га. Вновь освоено более 400 га земель древнего орошения в урочище Уаз. На фермах колхоза более полутора тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец, много кур и уток. Валовой сбор хлопка-сырца приближается к 80 тыс. ц. Денежные доходы от всех отраслей колхозного производства достигают 3 млн. руб.

Сбор коконов. Туркмен-Калинский район

В колхозе непрерывно растет производительность труда и снижается себестоимость сельскохозяйственной продукции. Во главе бригад стоят опытные и инициативные организаторы, хорошо знающие колхозное производство и умело применяющие современную агротехнику. Многие из них работают в колхозе 15—20 лет и более. Почетное звание Героя Социалистического Труда присвоено 26 колхозникам, свыше 300 человек награждено орденами и медалями СССР. Большую воспитательную и организаторскую работу в колхозе проводят партийная и комсомольская организации. Вместе с ростом хозяйства поднимается материальное и культурное благосостояние колхозников. Оплата труда колхозников этой артели — одна из наиболее высоких в республике. На трудодни выдается значительное количество овощей и фруктов. Колхоз имеет два дома отдыха, два детских сада и пионерский лагерь; имеются также библиотека, клуб, летний кинотеатр на 500 мест, родильный дом, больница на 20 мест, электрическая и телефонная станции.

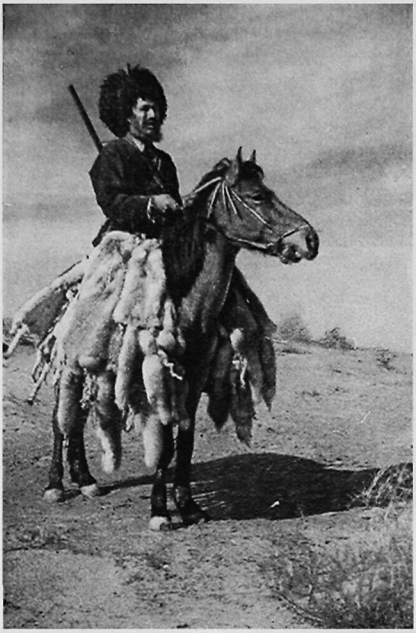
Рыболовство

Значительная часть туркмен и казахов, проживающих вдоль побережья Каспийского моря, занята ловом и переработкой рыбы. Не так давно рыбаки на своих небольших парусных либо гребных лодках проводили лов главным образом в прибрежных водах. Ныне на самоходных судах, оснащенных новейшей техникой, рыбу ловят не столько у прибрежья, сколько в глубинных водах, притом во все сезоны года.

Рыбаки объединены в рыболовецкие колхозы. Рыбу сдают в сооруженные на побережье приемочные и рыбозавалочные пункты или в рыбокомбинат.

Охота

Охота у туркмен известна с давних времен. Она была распространена на территории всей Туркмении, а для населения западных районов имела промысловое значение. Дичь занимала важное место в пищевом рационе жителей побережья Каспийского моря.



Колхозник охотник. Тедженский район

Туркмены охотились на лис, волков, диких кошек, джейранов, диких коз, зайцев, на различных степных и водоплавающих птиц: куропаток, фазанов, дроф, гусей, уток, лебедей. Русское население охотилось также на кабанов.

Наряду с ружьями широко применялись капканы и различного рода силки для птиц, а на побережье Каспийского моря и другие приспособления. Осенью, когда на побережье прилетало с севера несметное количество всякой птицы, охотники просто били их палками.

Часто птиц ловили при помощи специальных сетей — *дарадан*. Такую сеть укрепляли близ берега в мелководье на двух высоких шестах таким образом, что нижняя ее часть провисала, образуя своего рода мешок. С наступлением сумерек птицы, не замечая этого сооружения, ударялись о слабо натянутую сеть, запутывались и падали в мешок.

Традиционный характер носила охота с соколами-балобанами (*ителгуш*) на зайцев, лис и джейранов. Она сохранилась до наших дней у туркмен-текинцев и йомутов, живущих как в оазисах, так и в степях. Охотничьим приемам обучают обычно птенцов балобана, которых берут из гнезд в обрывах Устюрта; обучение длится три-пять месяцев. Тренированная птица ценится очень дорого, обычно за нее дают одного-двух баранов. Охотятся на лошади с ружьем и гончей собакой — *тазы*. Птицы сидит на правой руке хозяина (у казахов и киргизов охотничьи птицы — беркуты — сидят на левой руке) и ее освобождают от пут, как только появится дичь. У западных и мангышлакских туркмен охота с балобанами известна очень давно, во всяком случае с XV—XVI вв.

В наши дни охота сохраняет промысловое значение. Благодаря организации охотников в Охотничий союз она упорядочена и взята под контроль. Запрещено хищническое истребление водоплавающей птицы на Каспийском море; около Гасан-Кули учрежден заповедник, охотничья инспекция ведет работу по учету дичи. В различные районы Туркмении завозятся для акклиматизации новые виды животных; так, в Мургабский оазис была завезена нутрия, которая удачно там акклиматизировалась, ее разведение приносит колхозам значительный доход. Разводится теперь и ондатра. В результате своевременно проведенных мер (запрет охоты в определенные годы) снова стала возможна охота на куницу — ценнейшего пушного зверька, обитающего в Копет-Даге. В Туркмении вылавливается для отечественных зоопарков и обмена с зарубежными странами большое количество дикобразов, куланов, оленей, горных козлов, джейранов, гепардов, леопардов, рысей.

Тренировка коня ахалтекинской породы перед скачками. Ашхабадский район

Общий годовой доход от охотничьего хозяйства республики в 1958 г. превышал 7 млн. руб. За год добывается до 500 т дичи.

Транспорт и связь

Разбросанные на обширном, безводном пространстве Каракумской низменности отдельные оазисы Туркмении были слабо связаны между собой, особенно до проведения железной дороги. Передвигались главным образом верхом на лошади, верблюде, осле. Известные далеко за пределами края туркменские лошади, ахалтекинская и йомутская, произошли от помеси местных пород с арабскими. Они отличаются быстротой бега и выносливостью и хорошо приспособлены к передвижению в местных условиях. Сами туркмены славятся как прекрасные наездники. Для верховой езды, как и прежде, служит специальное седло — *эер* — характерной формы с довольно высокой передней лукой. Мастера по их изготовлению были раньше почти в каждом ауле, но особенно славились искусством выделки седел мастера-текинцы из рода язы, проживавшие в Мургабском оазисе. Луку седла украшали тиснением по коже, а у более богатых — инкрустацией из кожи.

Тяжести, в том числе и юрты, перевозили главным образом на верблюдах, отличающихся крайней неприхотливостью в пище и способностью долгое время обходиться без воды. У туркмен встречаются верблюды трех пород: одногорбые — «туркменские» (*арвана*), двугорбые — «казахские» (*бугра*) и их помеси. На территории оазисов, где были колесные дороги (Ташаузский, Чарджуйский, Мервский), грузы перевозили на двухколесной «хивинской» арбе, в которую обычно запрягали лошадь. Не менее широко была распространена арба той же конструкции, но меньших размеров— *эшек араба*, в которую впрягали осла. У туркмен Хорезмского оазиса в арбу иногда впрягали верблюда.

Для сообщения между районами, расположенными по берегам Аму-Дарьи и Каспийского моря, некоторое значение имел также водный транспорт, особенно при перевозке грузов. Грузы перевозили на довольно больших плоскодонных баркасах (*кеме, нав*), вместимостью до 25—35 т. Рыбаки пользовались, кроме того, узкими длинными плоскодонными челноками (*таймун, ек мердем*), выдолбленными из целого куска дерева.

Со вхождением в состав Российской империи в Туркмении постепенно стала развиваться телеграфная и телефонная связь. Огромную роль в улучшении связи между отдельными пунктами сыграла Закаспийская железная дорога.

Рост социалистического хозяйства Туркменистана вызвал развитие разнообразных видов транспорта — железнодорожного, морского, речного и особенно воздушного и автомобильного.

Ашхабадская железная дорога, обслуживающая южную и юго-восточную окраины республики, подверглась за последние годы всестороннему техническому перевооружению. Построены десятки новых разъездов, удлинены станционные пути, введена механическая централизация и блокировка, тепловозная тяга — более мощная и экономически более выгодная для безводных районов Туркмении. Все это позволило резко увеличить пропускную способность дороги.

Событием большой важности в послевоенные годы явилось строительство железной дороги от Чарджоу до Кунграда, общим протяжением около 600 км. Богатые районы Туркмении, Узбекистана и Кара-Калпакии, расположенные в Хорезмском оазисе, впервые получили беспрепятственный выход для своей разнообразной продукции сельского хозяйства в центральные районы, так как аму-дарьинский речной транспорт не справлялся с перевозкой грузов.

Коренному техническому переоборудованию подвергся Красноводский порт, через который в Среднюю Азию и в обратном направлении следует огромное количество грузов.

Значение порта возрастет еще более с пуском в ближайшее время морского железнодорожного парома по линии Баку—Красноводск. С началом регулярного движения увеличится скорость перевозки грузов и значительно уменьшатся расходы, связанные с перегрузкой товаров с железнодорожного транспорта на морской.

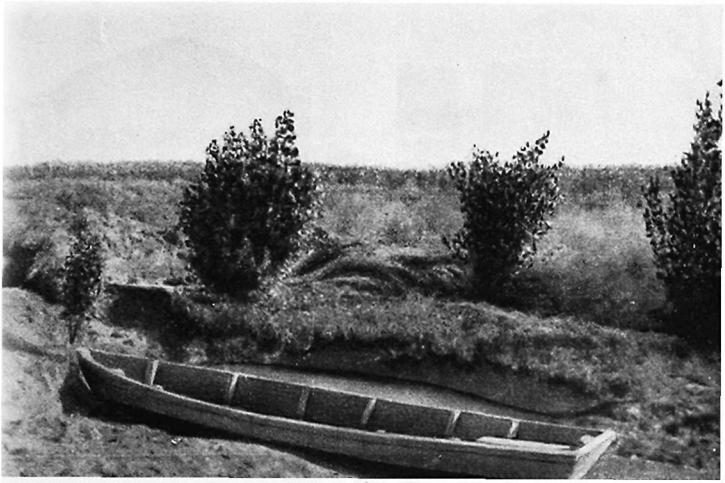
Созданные после войны авиалинии соединяют Ашхабад с отдаленными районами Туркмении, Москвой, курортами Кавказа и Крыма и соседними союзными республиками.

Большое развитие в республике получил автомобильный транспорт. Ныне сеть автогужевых дорог в республике возросла до 12 тыс. км. Колхозы приобретают большое количество грузовых и легковых автомашин, которые в оазисах республики почти полностью заменили вьючный верблюжий транспорт, сохраняющийся еще в пустынных районах.

На юге республики появилась новая водная транспортная магистраль— Каракумский канал, по которому на протяжении более 300 км от г. Керки до Мары идут суда.

На различных видах транспорта наряду с русскими рабочими и специалистами работает много туркмен и казахов. На транспорте, как в промышленности и сельском хозяйстве, выдвигается много передовых людей; среди них — первый знатный водитель тепловоза, депутат Верховного Совета Союза ССР Мурад Чулетов, Герой Социалистического Труда машинист Мамед Аширмурадов и др.

Благодаря развитию транспорта несравнимо улучшились межрайонные связи республики и создалась возможность расширения экономических связей Туркмении с различными районами Советского Союза. За пределы республики вывозятся хлопок, шерсть, каракуль, нефть и нефтепродукты, сера, сульфат, озокерит, йод, бром, оконное стекло, бутылки,



Лодка «таймун», распространенная на Аму-Дарье

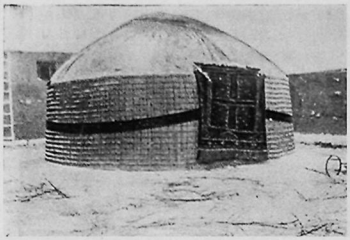
соль, рыба, вино, ковры и прочие товары; в республику ввозятся различные товары широкого потребления, а также товары производственного назначения — машины, лесоматериалы, металл, минеральные удобрения и многое другое.

Почти в каждом колхозе и обязательно в каждом аулсовете есть телефон, многие колхозные поселки радиофицированы, почти в каждом колхозе имеются радиоприемники. Передовые колхозы обеспечивают радиоприемниками и чабанские бригады, выпасающие скот на отдаленных пастбищах, в пустыне.

Жилище

Работы советских исследователей — архитекторов, археологов и этнографов по изучению туркменского народного жилища доказали несостоятельность господствовавшей до сих пор теории о том, что туркменский народ в прошлом не имел оседлого жилища, а пользовался только переносным — юртой. Теперь уже достоверно выяснено, что оседлое жилище в XIX в. бытовало наряду с юртой, а в некоторых районах и преобладало. В то же время у некоторых туркменских племен юрта издавна была основным, а иногда и единственным видом жилища. Преобладание юрты объяснялось исторически сложившимися условиями жизни: необходимостью быстрых перекочевок в случаях военной опасности, с одной стороны, и ролью скотоводства в хозяйстве туркмен — с другой.

Туркменская юрта — *өй, гара-өй*, сохраняющаяся до настоящего времени в качестве летнего жилища, состоит из деревянного остова и войлочных покрышек. Нижняя цилиндрическая часть остова — деревянная складная решетка — *тэрим* — в свою очередь состоит из четырех отдельных складных частей — канат (*ганат*, буквально — «крыло»). В колониальный период у текинцев встречались иногда юрты из шести и более канатов, что считалось обычно признаком большого богатства. Верхняя часть остова — деревянный обод — *туйнук* — соединяется с нижней решеткой посредством тонких, слегка изогнутых жердей — *ук*—длиной 2—2,5 м. Жерди прикрепляются к решетке плетеными или витыми шнурками — *укбагжик*, продетыми в отверстия на нижних концах уков.



Типы туркменских юрт

1 — юрта йомутов Ташауэской области; *2* — юрта западных йомутов, Кизыл-Атрекский район; *3* — юрта чоудоров, Ташауэская область; *4* — юрта марыйских текинцев; *5* — юрта эрсаринцев, Хэлачский район, Чарджоуская область

Войлоки, составляющие наружный покров юрты, обычно изготовляются из серой овечьей шерсти. Юрты, крытые белыми кошмами, встречались только в богатых хозяйствах и предназначались либо для почетных гостей, либо ставились молодоженам. Один из войлоков — *серпик* — покрывает верхнюю часть юрты до обруча, два войлока — *үзүк* — служат для покрытия остальной части куполообразного верха и, наконец, четыре специальных кошмы — *дурлук* — предназначаются для покрытия нижней решетчатой части юрты.

Для большей устойчивости деревянный остов с внешней стороны обтягивается особыми шерстяными, иногда богато орнаментированными ткаными лентами — *йүп*, служащими одновременно и украшением. В бедных хозяйствах ленты прежде заменялись иногда волосяными или шерстяными веревками. Отдельные части деревянного решетчатого остова скрепляются веревками. Войлоки, составляющие наружный покров деревянной решетки терим, прикрываются с внешней стороны камышовыми циновками, предохраняющими их от порчи. Это отличает туркменскую юрту

Аул туркмен-текинцев у Ашхабада. Начало XX в.

по внешнему виду от казахской. Камышовые циновки удерживаются на войлочной покрышке у текинцев веревкой — *урган* (в богатых хозяйствах вместо веревки прежде употреблялась металлическая цепь), а у йомутов — широкой тканой полосой — *голаң*. Зимой — это простая черная полоса — *гара голаң*, в сухое время года ее заменяет красивая, богато орнаментированная *гызыл голаң*. Двустворчатая дверь юрты в деревянной раме вставляется между двух решеток. С наружной стороны дверь завешивается войлоком или камышовой циновкой. Раньше встречались специальные коврики на дверь — *эңси*.

Одной из характерных особенностей туркменской юрты, также отличавшей ее от типов юрт, распространенных у других среднеазиатских народов, являлся более пологий купол. Но он не был одинаково пологим у всех туркменских племен. Йомутская юрта отличалась самым пологим куполом, чоудорская — самым высоким, а текинская занимала промежуточное положение. По форме купола чоудорская юрта напоминала каракалпакскую. Сближало их и наличие в чоудорской юрте узорных тканых полос — *дармык*, украшавших купол юрты с внешней стороны и внутри.

В прошлом у бедной части населения и пастухов были распространены юрты меньших размеров — *ороча*, или *гөтдикме*, без решетки терим; концы уков прикреплялись к низеньким колышкам, вбитым в землю.

Земляной пол в юрте устилали войлоками — *кече*, а затем покрывали паласами и коврами. На стенах развешивали различной величины и формы ковровые вещевые сумки для чайной посуды, ложек, веретен и других мелких домашних вещей. Сразу же около двери, обычно справа от входа [1], на полу, расставляли медные или глиняные кувшины для воды, масла и других жидкостей, деревянные или медные блюда, чашки, самовар. Это было место для приготовления пищи. Место у стены, противоположной хозяйственной, называлось *телгр*, или *йүкери*; оно служило для складывания мягких вещей — стеганых ватных одеял, подушек, ковров, войло-

[1] В Ташаузской области у йомутов хозяйственная часть могла помещаться на противоположной стороне.

Старый дом с купольными перекрытиями, ныне служащий хозяйственным помещением. Селение Кодж, Кизыл-Арватский район

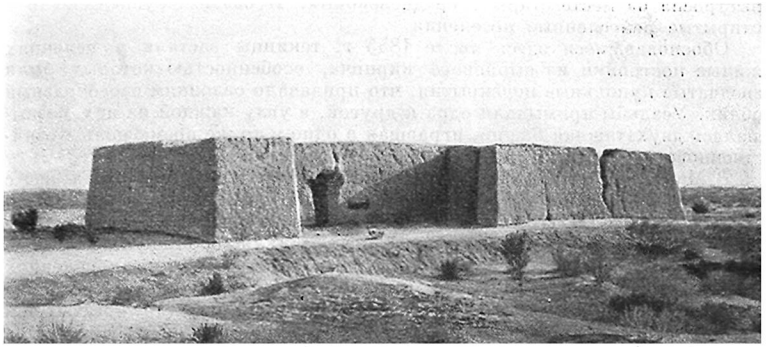
ков. Здесь же помещались мешки с зерном и мукой, конская сбруя, стояла ручная мельница и развешивалось оружие. В глубине юрты, за очагом, справа стоял сундук, чаще всего русской работы, и висела люлька — *салланчак*.

Туркменское оседлое жилище по внешнему облику имеет много общего с жилищем других среднеазиатских народов — узбеков и таджиков, но вместе с тем отличается рядом своеобразных черт. Больше того, в самой Туркмении, в соответствии с природными условиями, историческим прошлым и этническими традициями, могут быть ориентировочно выделены три района, в каждом из которых оседлое жилище прошло свой путь развития, вследствие чего оно до сих пор еще сохраняет некоторые особенности. В недавнем прошлом эти районы отличались один от другого и по характеру поселений, и по типу жилища.

Первый район — южная и юго-восточная Туркмения. Здесь следует выделить два подрайона: Ахальский и Атекский оазисы с долинами северного Копет-Дага и Мургабский оазис на всем его протяжении. Второй район включает северную и восточную части Туркмении. Здесь также должно быть выделено два подрайона: туркменские районы Хорезмского оазиса и все приамударьинские районы восточной Туркмении. Третий район охватывает запад Туркмении и прикаспийские селения.

В долинах северных склонов Копет-Дага, а также в Ахальском и Атекском оазисах оседлое жилище имеет давние традиции. Эти районы еще задолго до прихода в них текинцев (80-е годы XVIII в). были заселены небольшими оседлыми туркменскими племенами (алили, карадашлы, емрели, нохурли, мурчали, анаули), которые часто подвергались опустошительным набегам хивинских и бухарских ханов, стремившихся подчинить их своей власти.

Постоянная угроза нападения заставляла туркмен строить глинобитные крепости — *гала*, приспособленные для обороны (селения Пештак, Анау и др.). Чаще всего поселение располагалось внутри крепости, иногда выходило за ее пределы, но усадьбы строились неподалеку от крепости с таким расчетом, чтобы в случае нападения неприятеля можно было быстро укрыться за ее стенами. Для наблюдения за безопасностью по краям крепости строились сторожевые двухэтажные башни — *дин*; такие же башни были почти при каждой усадьбе — они служили местом укрытия членов семьи в периоды военной опасности. В нижний этаж башни входили через небольшую дверь. В верхнее помещение проникали



Усадьба туркмена в урочище Уаз, покинутом на рубеже XIX—XX вв. из-за отсутствия воды

изнутри через узкий лаз в потолке первого этажа или же по приставной лестнице через отверстие в наружной стене башни. Жилые постройки сооружали из сырцового кирпича, реже строили глинобитные дома. Селения были довольно крупными, иногда в них проживало до 1000 семей, обычно представителей одного племени. В горных долинах северных склонов Копет-Дага крепости и большинство жилых построек были выстроены из камня и лишь небольшая часть домов из сырцового кирпича.

Поселившись в конце XVIII в. в оазисах Ахала и Атека, текинцы, в отличие от своих предшественников, укрывались в крепостях лишь в военное время. Их крепости были меньше укрепленных поселений названных выше аборигенов оазиса.

Первоначально текинцы строили крепости для защиты целой родовой группы, позднее, в XIX в., появились текинские усадьбы-крепости, выстроенные для одной семьи и поэтому совсем небольшие. В них, как и в более крупных текинских крепостях, было мало жилых построек. Текинская крепость была квадратной или прямоугольной в плане, с угловыми башнями — *бурч*. В центре ее было совершенно свободное пространство, а у стен — несколько жилых и хозяйственных помещений. В мирное время эти постройки, как и свободное пространство внутри крепости, служили для хранения запасов зерна и другого продовольствия. Население жило в юртах; их переносили в зависимости от сезона или на окраины возделываемых полей, или к ближайшим пастбищам.

Аулы текинцев состояли чаще всего из юрт, располагавшихся на территории аула группами по три-четыре хозяйства. Величина аулов была различна. В оазисе встречались аулы до 500 юрт и больше. На кочевьях, в песках аулы располагались вокруг колодцев (или колодца), в них жили небольшие родственные группы из 5—10 юрт (хозяйств). Один от другого аулы находились обычно далеко.

На границах селений, при выходе из долин стояли сторожевые башни, глинобитные в оазисах и каменные в горах. Значительная часть населения не жила в аулах круглый год, наиболее зажиточные уходили весной со скотом в пески.

В течение всей первой половины XIX в. жившие в Мургабском оазисе сарыки и салыры подвергались опустошительным нашествиям войск хивинских ханов и иранских шахов. К этому времени такие крупные города средневековья, как Мерв и Серахс, лежали в развалинах. Население укрывалось от завоевателей в громадных крепостях, часть которых была

выстроена на месте старых, средневековых. В оазисах существовали и открытые ремесленные поселения.

Обосновавшиеся здесь после 1855 г. текинцы застали в селениях жилые постройки из сырцового кирпича, особенностью которых были сводчатые купольные перекрытия, что придавало селениям своеобразный облик. Усадьбы примыкали одна к другой, в углу каждой из них возвышалась двухэтажная башня, игравшая в одно и то же время роль хозяйственного и оборонного сооружения.

В Мервском оазисе текинцы, которые начали проникать сюда еще с конца XVIII в., к моменту присоединения к России уже перешли к оседлости, но большинство из них все еще продолжало жить в юртах. Их селения, как и селения текинцев Ахала, представляли собой группы юрт, довольно часто менявших свое расположение. Однако во многих селениях наряду с юртами и рядом с ними были постройки из сырцового кирпича с плоскими балочными и купольными перекрытиями; для богатых они служили местом хранения вещей и продуктов, а для бедноты и средней по зажиточности части населения — жилищами.

Туркмены, населявшие Хивинское ханство, а также жившие на берегах Аму-Дарьи в пределах Бухарского ханства, в XIX в. имели иные формы жилища. Для этих районов был характерен хуторской тип расселения. Усадьбы — *ховлы* — располагались в 200—500 м одна от другой, обычно группируясь по родственному признаку. Каждая усадьба представляла собой небольшую крепость, прямоугольную в плане, обнесенную высокой глинобитной стеной — *дивар*. Углы усадьбы и вход в нее нередко оформлялись в виде узких башенок. Такие башенки были особенно характерны для усадеб средней Аму-Дарьи.

Каждая усадьба включала в себя и жилые и хозяйственные постройки, глинобитные или каркасные, перекрытые общей крышей.

Среди хозяйственных построек значительное место занимали помещения для скота: лошадей — *атхана*, *сейисхана*, верблюдов — *дүеятак*, овец — *малхана*, *гоюнятак*; сараи для сена — *саманхана*. Кладовые — *амбар*, *үчек*, *телек* — располагались неподалеку от жилых помещений; часто под кладовую использовали второй этаж, образующий башенку, возвышающуюся над стенами ховлы.

На усадьбах в зажиточных хозяйствах встречались помещения с мельничными установками — *харазхана*, *кеш-кеш* и маслобойни — *жувазхана*. В усадьбах богатых хорезмских туркмен жилых помещений было немного. Центральное место в таких усадьбах занимала *мыхманхана* — помещение для гостей. Для жилья в туркменских усадьбах Хорезмского оазиса, как и у части эрсаринцев Аму-Дарьи, во дворе ставили юрты.

Непременным элементом усадьбы был *эйван* — терраса; у хорезмских туркмен часто встречались *терсэйван* — террасы, обращенные на север и вынесенные за стены усадеб. В усадьбах приамударьинских туркмен было много зелени.

Усадьбы на мужскую и женскую половины делились главным образом у зажиточной части населения и чаще у приамударьинских туркмен. Наряду с общими чертами усадьбы приамударьинских и хорезмских туркмен имели свои особенности.

Так, усадьбы хивинских чоудоров и гокленов отличались очень интенсивной застройкой и походили на усадьбы оседлого узбекского населения оазиса. Весьма своеобразны были усадьбы йомутов и емрели в западных районах оазиса. Хозяйственные и жилые постройки располагались вдоль стен, а середина двора оставалась свободной. Здесь зачастую ставили до четырех юрт. Особый характер имели в XIX в. поселения полукочевых туркменов-йомутов по Дарьялыку. Они располагались внутри глинобитных укреплений — *сеңңер* — и состояли как из многокамерных,

Хозяйственное помещение «чатма». Кара-Калинский район

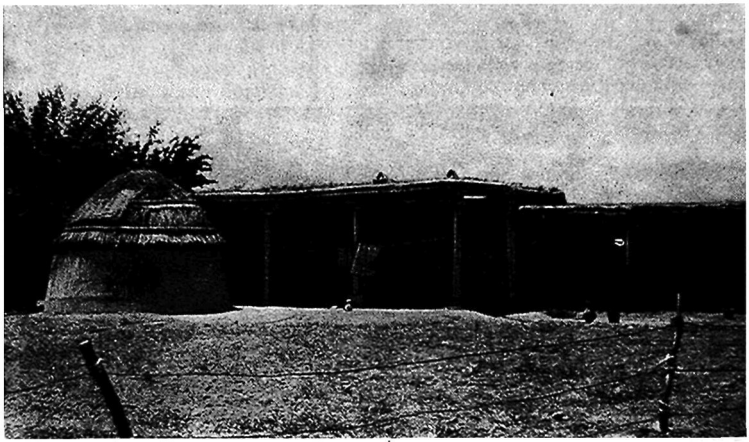
так и из одно-, двухкамерных жилых помещений, в которых население жило в периоды военных столкновений с казахами. В мирное время йомуты переселялись на берега каналов, выведенных из Дарьялыка, где находились их поля, и жили в землянках или юртах.

На средней Аму-Дарье и в хорезмских районах усадьбы—ховлы отнюдь не были единственным и даже преобладающим типом жилища, хотя и определяли облик района. В таких усадьбах, как правило, жили зажиточные. Около них обычно располагались открытые дворы более бедных родственников, состоявшие из одно-, двухкамерного жилого помещения — *там* с пристроенными к нему хозяйственными постройками — конюшней, кладовой, иногда помещением для хранения корма скоту. Участок отгораживался от поля невысокой глинобитной стеной, высотой в один ряд пахсы (40—50 см). Жилые постройки здесь, как и в других районах, были крайне невзрачными. Они представляли собой небольшие темные помещения, освещавшиеся через специальные отверстия под потолком и в крыше. Отверстие в крыше *туйнук* служило и для выхода дыма, так как комнаты отапливались по-черному.

На юго-западе, у гокленов и йомутов Атрека, основным жилищем являлась юрта, хотя уже в конце XIX в. наряду с ней у гокленов были кирпичные или глинобитные постройки, имевшие главным образом хозяйственное назначение.

Очень простым по устройству жилищем, сохранившимся до настоящего времени в качестве хозяйственного помещения, был шалаш—*чатма*—из ветвей кустарника, камыша или дерева, с крышей из хвороста. В таких шалашах, обмазанных глиной, жили обычно бедняки. На западе Туркмении скотоводы йомуты и текинцы, кочевавшие в песках, жили в юртах, которые они утепляли на зиму внешними загородками из хвороста или циновками, обмазанными глиной. В холодные зимы домашний скот держали около юрт или в камышовых загонах, поставленных в закрытых от ветра местах.

По мере увеличения значения жилищ постоянного типа все большую роль стали играть постройки, называемые *кепбе*. Они сооружались из камышовых циновок, укрепленных между угловыми деревянными стой-



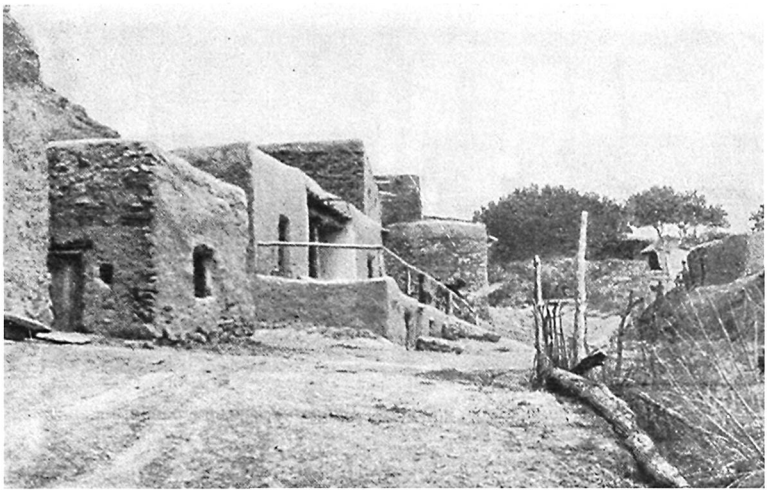
Усадьба туркмена. Слева «тамкепбе», ныне служащее хозяйственным помещением. Чарджоуская область

ками и обмазанных глиной изнутри и снаружи. Постепенно из простейшего типа однокамерных помещений эти постройки превращались в многокомнатные — *тамкепбе*, по типу и планировке приближавшиеся к глинобитным домам— там. Крышу тамкепбе делали из тонких жердей, прикрытых сверху камышовой циновкой, поверх которой накладывали слой земли; сверху крышу обмазывали глиной. Марыйские текинцы строили тамкепбе с плоско-двускатной крышей. У них же, а южнее у сарыков, на средней Аму-Дарье и у гокленов Сумбара и Чандыря довольно широко было распространено круглое кепбе со сферической крышей, повторяющее форму юрты. Для сооружения тамкепбе не требовалось большого количества рабочих рук и особого мастерства. Поэтому такой тип жилища получал все большее распространение у средних слоев населения, занимавшихся земледелием. Таким способом сооружались и различного рода хозяйственные постройки.

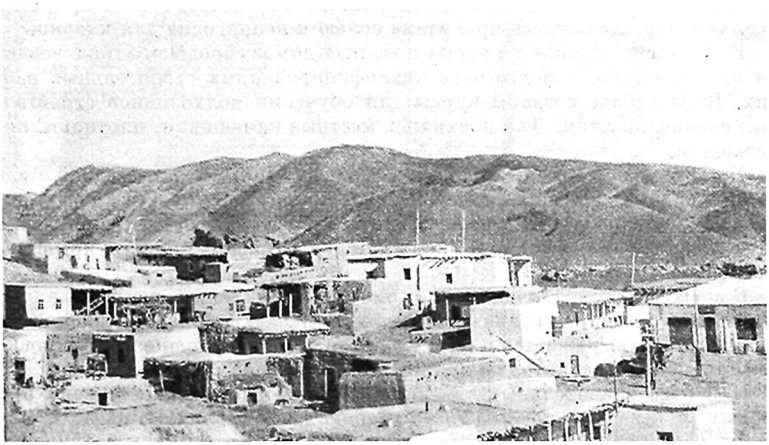
Уже в колониальный период по мере вытеснения юрты стал меняться и облик жилых домов. В глинобитных и кирпичных постройках окна, хотя и небольших размеров, устраивали не под крышей, как раньше, а в середине стены, в них вставляли иногда уже не бычий пузырь, а стекло, благодаря чему свет проникал в помещение и в зимнее время. Коптящий светильник — *чыра* в семьях состоятельных туркмен был заменен лампой, хотя в домах бедняков он сохранялся еще долгое время.

В доколониальный период почти все жилые помещения отапливались по-черному: посредине жилища устраивался очаг, дым выходил в отверстие в крыше. С появлением в Туркмении русских распространились железные печи, которые ставили обычно в центре помещения; трубу выводили в дымовое отверстие в потолке, сделанном из досок или щепы, положенных на поперечные балки на расстоянии 40—60 см одна от другой.

Современное жилище туркмен, унаследовавшее традиции старого, дореволюционного жилища, имеет вместе с тем много нового, появившегося в результате влияния более высокой русской культуры, а также вследствие роста общей социалистической культуры и благосостояния колхозного крестьянства и городского населения. В Советском Туркменистане выросли колхозные поселки, поселки городского типа и новые города.



Жилые постройки из камня в горах. Селение Койне-Гумме, Бахарденский район



Селение Койне-Касыр. Кара-Калинский район

Новые дома в пос. Равнина. Байрам-Алийский район

Наиболее распространен при строительстве домов в сельских местностях традиционный способ пахсовой кладки (из битой глины). Он применяется в Чарджоуской, Ташаузской областях и отчасти в селениях вокруг Ашхабада. В Южной Туркмении и Марыйской области дома строят из сырцового кирпича, а в горных селениях Копет-Дага также и из камня. Камень применяется в настоящее время для фундамента и для строительства хозяйственных помещений. На берегах Каспийского моря, на о-ве Огурчинском и п-ве Челекен для строительства используется привозной лес, так как глина здесь пропитана солью и непригодна для кладки.

В связи с постройкой в новых поселках домов городского типа возникла необходимость в подготовке квалифицированных строительных рабочих. В Ашхабаде созданы курсы для обучения колхозников строительным специальностям. Так появились местные каменщики, плотники, кровельщики.

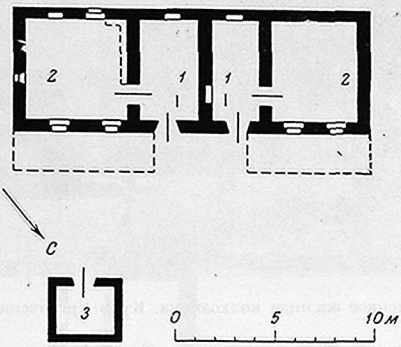
Дома в туркменских селениях, в общем типичные для Средней Азии, как правило, небольших размеров, с плоской крышей, часто с крытой верандой — эйван, выходящей на теневую сторону. В городах, прикаспийских селениях и в некоторых типах домов Марыйской области крыши делают двускатными.

В новых поселках большинство домов в той или иной мере приближается к типу городских, отличаясь от них степенью сохранения национальных форм. Это выражается и во внешнем виде и во внутренней планировке, которые обычно характерны для каждой отдельной группы районов.

Наиболее значительные изменения во внешнем облике селений произошли в северных и восточных районах республики, где до начала 1940-х годов сохранялся хуторской тип расселения, а также в западной Туркмении, где на смену кочевому аулу пришло поселение оседлого типа, с домами вместо юрт.

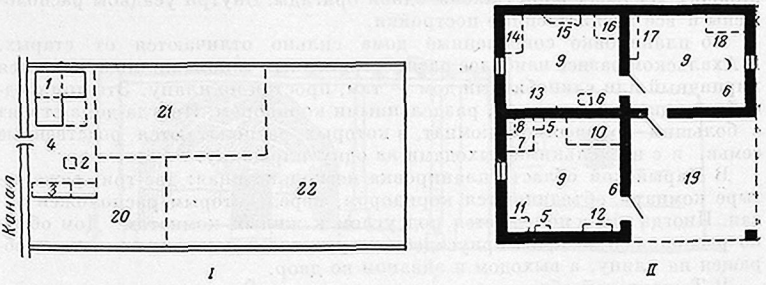
В долинах Копет-Дага и в Ахальском оазисе сохраняются старые поселения; из них некоторые возникли еще в XIX в. Однако большая часть домов селения перестроена заново; они имеют большие застекленные окна; стены изнутри и снаружи побелены известкой. Как и прежде, дома сохраняют плоские крыши и чаще всего юго-восточную ориентацию, что

не исключает и другие варианты. Сады и виноградники размещаются отдельно от селения, вдоль главного водного источика или его боковых ответвлений. Около домов располагаются хозяйственные постройки и небольшие приусадебные участки, занятые огородными культурами или джугарой. Нередко усадьба состоит из нескольких домов близких родственников (братьев, отца с сыновьями).



План дома. Колхоз им. Кирова. Бахарденский район

1 — коридоры; *2* — жилые комнаты; *3* — «доле» — помещение для хранения дров и сена

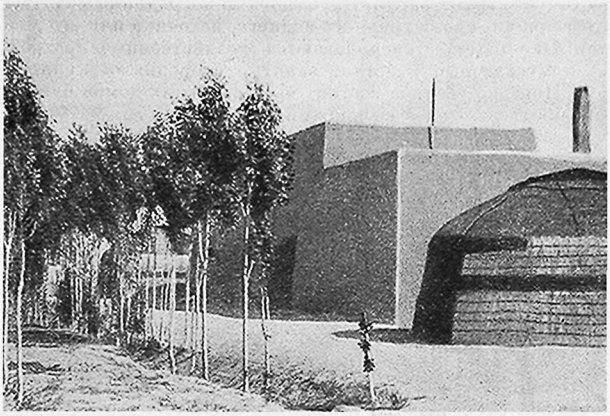


План усадьбы (*I*) и дома (*II*) колхозника. Колхоз «Зарпчи». Марыйский район

1 — жилой дом; *2* — очаг; *3* — навес; *4* — двор; *5* — стулья; *6* — железная печь; *7* — стол; *8* — радиоприемник; *9* — пол, покрытый цветными кошмами; *10* — железная кровать; *11* —шкафчик; *12* — вешалка; *13* — люлька; *14* — шкаф; *15* — ковровый «чувал»; *16* — сундук; *17* — настил для хранения продуктов; *18* — кухонный шкаф; *19* — веранда; *20* — огород; *21* — виноградник; *22* —посевы

В большинстве остальных районов Туркмении после укрепления колхозов начали возникать колхозные поселки с правильно распланированными улицами, приусадебными участками, засаженными фруктовыми деревьями, с большими жилыми домами и хозяйственными постройками. При планировке поселков учитывался рельеф местности, размещение основной оросительной сети, дорог.

Среди домов колхозников выделяются общественные здания: правления колхозов, клубы и гостиницы, детские сады и школы, бани. В центре многих колхозных поселков разбиваются парки.



Современное жилище колхозника. Куня-Ургенчский район

В некоторых колхозах Ташаузской и Чарджоуской областей наряду с поселками сохраняется старый тип расселения — хуторами. Он связан с необходимостью осваивать новые массивы земли, расположенные далеко от центрального поселка. На хуторах в одной или нескольких близко стоящих усадьбах живут члены одной бригады. Внутри усадьбы расположены и все хозяйственные постройки.

По планировке современные дома сильно отличаются от старых. В Ахальском оазисе наиболее распространенным типом жилища является кирпичный или глинобитный дом — там, простой по плану. Это дом с одной или двумя комнатами, разделенными коридором. Иногда дома строят с большим количеством комнат, в которых располагаются родственные семьи, и с несколькими выходами на одну площадку.

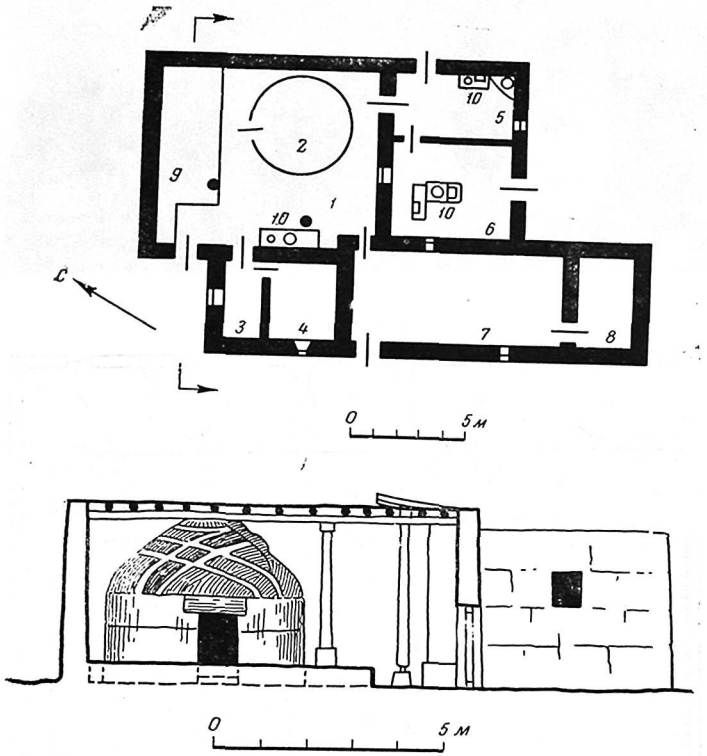
В Марыйской области планировка несколько иная: две-три, реже четыре комнаты объединяются коридором, перед которым расположен эйван. Иногда эйван помещается под углом к жилым комнатам. Дом обычно расположен на краю приусадебного участка и жилыми комнатами обращен на улицу, а выходом и эйваном во двор.

В Ташаузской области в поселках, возникающих на вновь освоенных землях, обычны дома из двух-трех комнат, расположенных в плане по одной линии. Среднее помещение (эйван) по размерам больше двух боковых комнат. Потолок его приподнят над уровнем остальной части на 0,5—1 м. Эйван имеет две двери, одна из них (западная или юго-западная) служит зимним выходом, другая, противоположная, — летним. Такая ориентация вызвана климатическими условиями северо-востока Туркмении. Дом расположен несколько в глубине приусадебного участка. Весь участок огорожен глинобитной стеной. Иногда между домом и стеной посажены деревья. Хозяйственные помещения вплотную примыкают к дому, но иногда располагаются в некотором отдалении в глубине двора.

В поселках центральной и восточной частей области планировка усадьбы более сложная и сохраняет больше традиций дореволюционного жилища. Здесь все жилые и хозяйственные помещения находятся под одной крышей, примыкая к узкому сквозному коридору (*далан*). С севера и юга строят эйваны, которыми пользуются в соответствующее время года. В этих районах чаще, чем на западе области, встречаются двухэтажные кладовые — телек.

До сих пор еще по среднему течению Аму-Дарьи, в районах Керки и Чарджоу, встречаются глинобитные дома, окруженные вместе с хозяйственными постройками высокой глинобитной стеной, скрывающей от посторонних глаз жизнь обитателей дома.

Другой старый тип дома, бытующий до настоящего времени, — тамкепбе. Тамкепбе обычно состоит из одной или двух комнат, при них часто бывает эйван.

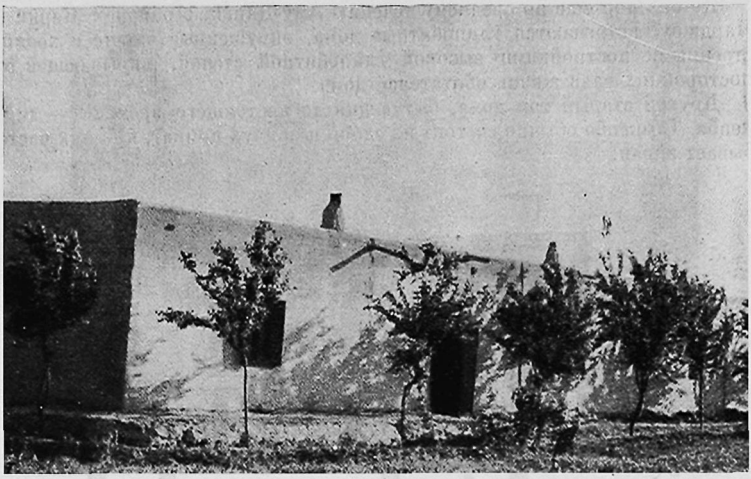


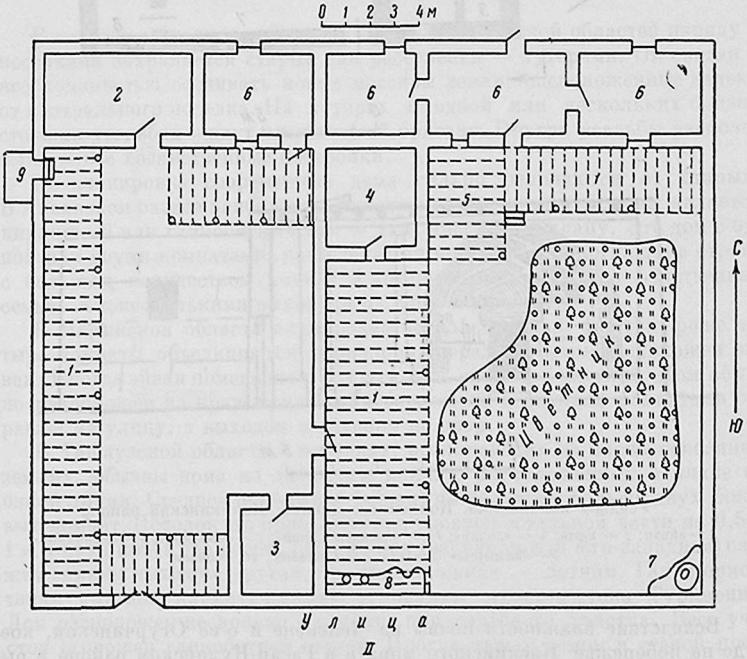
Усадьба колхозника. Колхоз им. Ленина, Калининский район

1 —эйван; *2* — юрта; *3* — «долан»; *4—6*—комнаты «дикай»; *7* —«малхана»; *8*—«саманхана»; *9*—«басдырма»—крытая часть эйвана; *10* — очаги

Вследствие влажности почвы на Челекене и о-ве Огурчинском, коегде на побережье Каспийского моря и в Гасан-Кулийском районе в рыбачьих поселках строят деревянные дома на сваях; высота свай 1,5—2 м. Теперь обычно пространство между землей и полом дома обшивают досками и используют в качестве хозяйственного помещения. Появление таких домов на побережье относят к 80-м годам прошлого столетия. Первыми мастерами, научившими туркмен строительству деревянных домов, были русские из Астрахани. Оттуда же привозили лес.

Планировка деревянных домов несложна: две, иногда три комнаты (одна из них используется как кухня) окружены крытой узкой галереей—

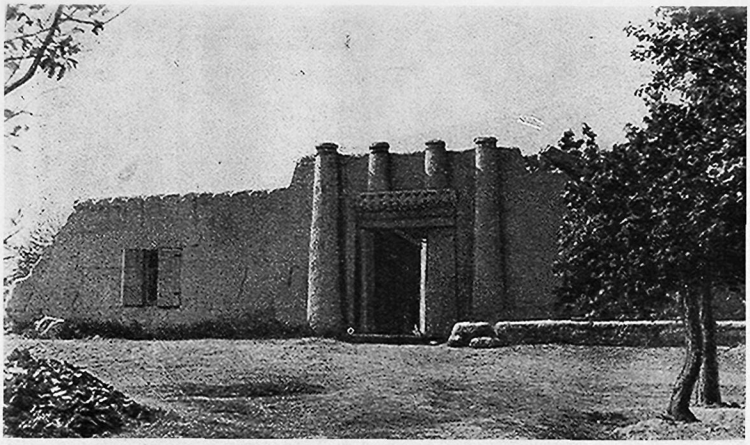




II

Современная усадьба туркмена. Чарджоуская область

I — внешний вид; *II* — план хозяйственного двора и внутреннего двора; *1* — эйван — навес на столбах; *2* — «малхана» и «саманхана» — помещение для скота и соломы; *3* — «кеш-кеш» — помещение для жерновов; *4* — кладовая для продуктов; *5* — эйван — веранда; *6* — жилые помещения; *7* — тандыр; *8* — очаги; *9* — уборная



Усадьба туркмена. Чарджоуская область

саяван. Каждая комната имеет отдельный выход на галерею. Внизу иногда также делают одну жилую комнату.

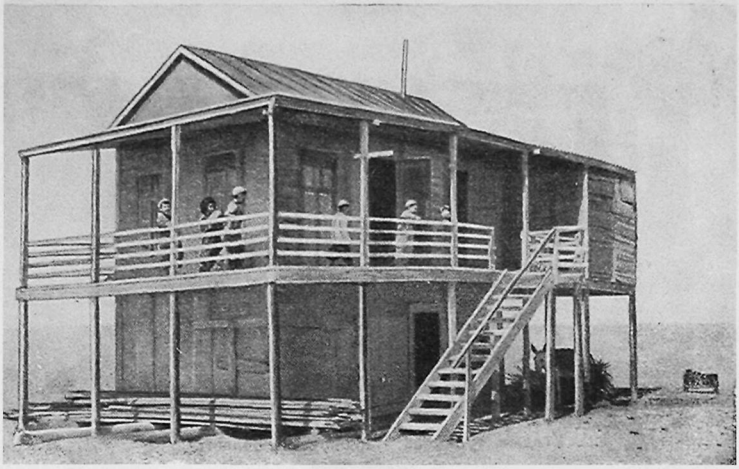
На западе Туркмении, в пустынных районах, в годы Советской власти вместо сезонных кочевых аулов около колодцев выросли постоянные поселки — центры животноводческих колхозов, совхозов или ферм. Наряду с кирпичными домами из двух-трех комнат с плоской крышей в поселках сохраняются еще юрты. Они используются главным образом как летнее подсобное помещение.

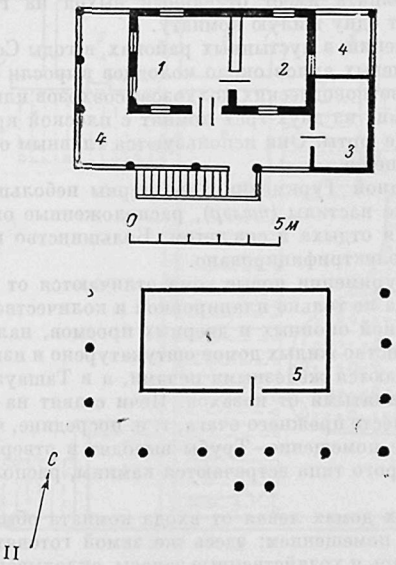
Для аулов западной Туркмении характерны небольшие деревянные двух- и трехэтажные настилы (*телгэр*), расположенные около домов или юрт. Они служат для отдыха и сна летом. Большинство поселков скотоводческих районов электрифицировано.

Повсеместно в Туркмении новые дома отличаются от сохранившихся старых форм жилища не только планировкой и количеством жилых помещений, но и величиной оконных и дверных проемов, наличием деревянных полов. Большинство жилых домов оштукатурено и изнутри побелено. Помещения отапливаются железными печами, а в Ташаузской области и кирпичными, воспринятыми от казахов. Печи ставят на зиму в каждой комнате обычно на месте прежнего очага, т. е. посредине, чтобы равномерно обогревалось все помещение. Трубы выводят в отверстие в потолке. Кое-где в домах старого типа встречаются камины, расположенные в стене против входа.

В двухкомнатных домах левая от входа комната обычно служит повседневным жилым помещением; здесь же зимой готовят пищу. В этой комнате хранят утварь и хозяйственные запасы, складывают вещи (подушки, одеяла и кошмы), используемые в повседневной жизни обитателей дома.

Правая комната — мыхманхана убрана значительно богаче. В ней на полу постелены ковры, а не кошмы, как в левой; на подставке или столе сложены новые красивые одеяла и подушки. Обычно в домах имеется множество ниш — *тегче* — самых разнообразных размеров и форм, расположенных на разной высоте от пола. Они служат местом хранения посуды и различных мелких вещей.





Дом туркмена-рыбака в прибрежном поселке. Чекишляр. Гасан-Кулийский район

I — общий вид дома; *II* — план первого и второго этажей; *1, 2* — жилые комнаты; *3* — кухня; *4* — «саяван» — крытая галерея вокруг второго этажа; *5* — помещение нижнего этажа

В новом доме колхозника. Марыйская область

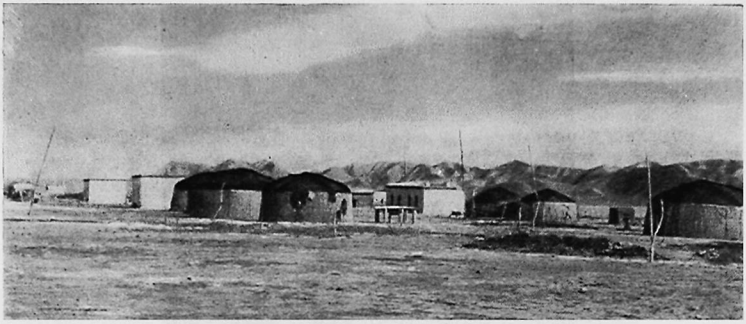
Городская мебель не получила пока большого распространения в домашнем быту туркменских колхозников; столы, стулья и скамейки вошли в обиход лишь в общественных местах. Встречаются и в домах колхозников столы, кровати и стулья, но они в большинстве случаев стоят в мыхманхане, где принимают гостей. Обедать и спать предпочитают, как и раньше, на полу. Ковровые изделия по-прежнему играют главную роль в убранстве комнат.

Большое значение в домашнем быту приобретают радио и патефон. Многие колхозные поселки электрифицированы.

Большинство городов и поселков городского типа (кроме таких, например, как Ташауз, Куня-Ургенч) возникли сравнительно недавно. Они сильно выросли за последние годы. В старых городах и поселках сохранились еще кривые и узкие улицы, зелень сосредоточена преимущественно во дворах; однако таких кварталов осталось очень мало. От них выгодно отличаются улицы, возникшие недавно. На них много зелени, они широкие и прямые, покрыты асфальтом.

Везде в промышленных пунктах ведется усиленное жилищное строительство. В Ашхабаде, восстановленном после землетрясения, жители получили новые квартиры в благоустроенных больших домах или отдельные маленькие хорошо оборудованные домики. Совершенно изменились жилищные условия на предприятиях нефтяной и озокеритовой промышленности. В красивом новом чистом городе Небит-Даге рабочие нефтяники имеют удобные квартиры: в каждой из них есть водопровод, газ, электричество. На п-ве Челекен — крупном районе химической промышленности — тоже выстроен новый город с красивыми домами и зданиями культурно-бытовых учреждений.

Внутренняя обстановка в домах туркмен рабочих и городских жителей отличается от сельской. Широко вошли в обиход кровати и столы, стулья, шкафы и этажерки. Все дома электрифицированы и радиофицированы. Наряду с мебелью городского типа отчасти сохраняется убранство, типичное для прежнего туркменского дома: ковры и орнаменти-



Селение Шарлоук в юго-западной Туркмении

рованные войлоки на полу, постельные принадлежности, сложенные стопкой на сундуке или столе.

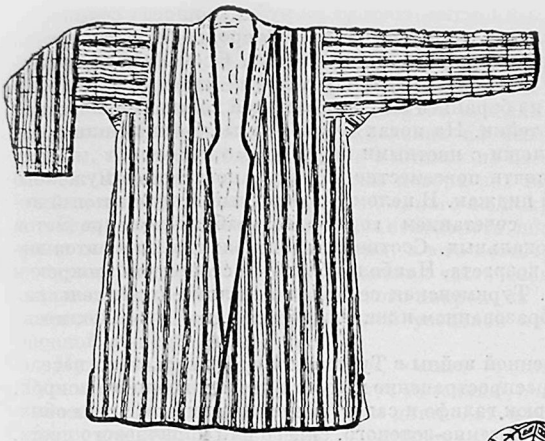
Стены принято украшать портретами, репродукциями с картин русских и туркменских художников, фотографиями родных и друзей, зеркалами; на полках и этажерках размещены книги на русском и туркменском языках, газеты. Увеличился и значительно изменился ассортимент посуды: вошли в обиход фарфоровые тарелки, алюминиевые и эмалированные тазы и кастрюли и др.

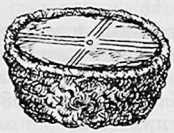
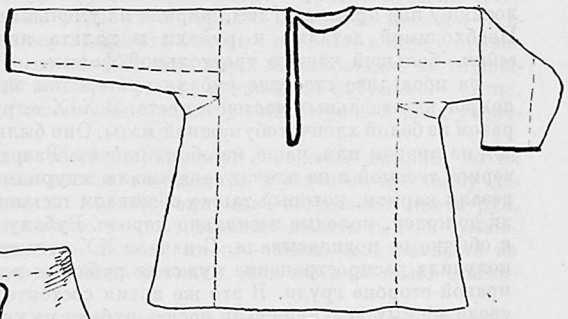
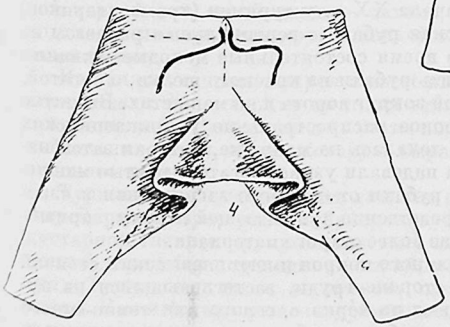
Одежда

Туркменский национальный костюм по комплексу, покрою основных элементов и названиям близок к старому национальному костюму других народов Средней Азии — узбеков, каракалпаков, казахов и таджиков. Это свидетельствует не только об общности их исторического и культурного развития, но и о наличии общих элементов в их этногенезе. Вместе с тем туркмены сквозь века пронесли много совершенно своеобразных, им одним свойственных особенностей быта и костюма.

Туркменский народный костюм представляет богатый материал для исследователя, занимающегося вопросами этногенеза. В костюме отдельных этнографических групп, образовавшихся из разобщенных в прошлом племен, до сих пор еще сохраняются различия, особенно заметные в женском костюме и головном уборе.

Помимо племенных особенностей, традиция которых восходит к далекому прошлому, многие черты в костюме отдельных групп обязаны своим происхождением связям туркмен с их непосредственными соседями. Так, костюм приморских туркмен имеет некоторые общие черты с костюмом народов Кавказа, а в его отдельных элементах прослеживаются связи с одеждой народов Ирана. В костюме хивинских туркмен встречаются формы, характерные также для узбеков и казахов, живущих с ними по соседству. Аму-дарьинские туркмены и отчасти туркмены-сарыки Пенде и Иолотани имеют в костюме общие элементы с населением Бухарского оазиса, с которым они тесно соприкасались длительное время. Современный городской национальный костюм развивается по пути стирания племенных различий и сближения с городским костюмом других национальностей Советского Союза, а поэтому, естественно, отличается от старого национального костюма. Прежде всего это различие обусловлено ростом потребления фабричных тканей, которые в мужской одежде почти полностью заменили кустарные. Меняется покрой одежды, иногда и ее цвет. Фабричная обувь почти полностью вытеснила национальную.



Мужская национальная одежда

1 — стеганый халат «дон»; *2* — рабочая шапка туркмен-йомутов «кермен»; *3* — шапка-кубанка; *4* — штаны — «балак»; *5* — туркмен в традиционной нарядной шапке «тельпек»; *6* — тюбетейка; *7* — рубаха; *8* — обувь пастуха «елкен»; *9* — рабочая обувь «чарык»

Несмотря на это, туркмен можно сразу отличить по костюму от представителей других среднеазиатских народов.

Мужской национальный костюм состоит из рубахи, иногда сохраняющей старый покрой, а иногда сшитой по образцу городской, и штанов на вздержке, более или менее суживающихся книзу. Особый колорит национальному мужскому костюму придают шелковый красный в полоску халат и большая шапка из бараньей шкуры с длинной волнистой шерстью, надеваемая поверх тюбетейки. На ногах — фабричные ботинки или среднеазиатского фасона галоши с цветными шерстяными носками.

В настоящее время почти повсеместно обязательной частью мужского костюма стал городской пиджак. В целом современный национальный костюм характеризуется сочетанием городских, фабричных предметов одежды и старых национальных. Соотношение отдельных элементов меняется в зависимости от возраста. Наиболее близок к старому по покрою и цвету костюм стариков. Туркменская сельская интеллигенция, сельская молодежь со средним образованием и жители городов, как правило, носят городской костюм.

Со времени Отечественной войны в Туркмении среди сельского населения довольно широкое распространение получил костюм военного покроя, состоящий из кителя, брюк галифе и сапог. Шьются такие костюмы обычно из вельвета или бархата темно-зеленого, синего или коричневого цвета. В качестве выходного и праздничного костюма его носят не только люди среднего возраста, побывавшие на фронте, но и молодежь.

Национальные рубахи туркмен — *көйнек* — имеют туникообразный покрой: спину и грудь рубахи кроят из одного полотнища, в котором посредине делают разрез для головы. Рукава пришивают к основному полотнищу под прямым углом, ширина их уменьшается от плеча к запястью. Необходимой деталью и рубахи и халата являются ластовицы — *бегейик*, большей частью треугольной формы.

За последнее столетие рубахи претерпели значительные изменения в покрое их отдельных частей и цвете. В XIX в. рубахи шили главным образом из белой хлопчатобумажной маты. Они были без воротника, с разрезом на правом или, чаще, на обоих плечах. Разрез обшивали красной или черной тесьмой и на плечах завязывали шнурками. С правой стороны прорезали карман, который также обшивали тесьмой. Старики носили рубахи до колен, молодые несколько короче. Рубаху надевали поверх штанов и обычно не подпоясывали. С начала XX в. у туркмен (кроме стариков) получила распространение мужская рубаха с вертикальным разрезом на правой стороне груди. В это же время состоятельные молодые мужчины среди южных туркмен стали носить рубахи из красного шелка, с богатой, изящной и очень тонкой вышивкой вокруг ворота и на манжетах. Вышитые рубахи получили особенно широкое распространение у прикаспийских туркмен. Однако здесь вышивка делалась на манишке, которая затем надевалась на рубаху, а на рукава надевали узкие, богато вышитые манжеты (*голбаг*). Для предохранения рубахи от быстрого загрязнения и изнашивания в верхней части, непосредственно прилегающей к телу, пришивали подоплеку (*ягырын ишлик*) из более старого материала.

Современные рубахи национального покроя имеют невысокий стоячий воротник и разрез на правой стороне груди, застегивающийся на пуговицы. Повседневные рубахи шьют из черного, серого или темно-синего сатина. Старики продолжают носить белые рубахи со старинным покроем ворота, а иногда и с подоплекой. В северных районах пожилые мужчины поверх рубах носят теплую стеганную куртку (*күрте*, *күртекче*) с завязками на плечах; в прежнее время у текинцев курте считалась частью одежды духовенства. В праздники мужчины среднего возраста и молодежь надевают рубахи различного цвета, скроенные по городскому образцу, а чаще всего фабричного производства, купленные в магазинах.

Туркменские штаны — *балак* принадлежат к типу штанов с широким шагом. Полотнища штанин кроят из целого куска; штанины, узкие у щиколотки, расширяются кверху за счет клиньев, пришитых к основному полотнищу. Между штанинами вшивается ромбовидная вставка. Штаны носят на завязке. В широкий рубец на поясе продевают тесьму или шнур. В XIX в. мужские штаны шили из нескольких полотнищ; они были настолько широкими, что при езде верхом свисали по бокам лошади почти до земли. У большинства туркменских племен мужчины носили белые штаны, только молодежь ходила в штанах из цветной ткани, зеленой или синей. Зимой при выходе из дома поверх них надевали *жалбар* — более теплые штаны из темной ткани, но такого же покроя как балак.

В настоящее время штаны национального покроя носят обычно старики как часть рабочего костюма; в юго-восточных районах Туркмении у туркмен-сарыков, где значительная часть сельского мужского населения еще носит штаны национального покроя, их украшают у щиколотки вышитой цветными нитками белой узенькой полоской (7—8 см), выпущенной из-под нижнего края.

Мужские халаты —*дон*, *чапан*, *чэ́кмен*—одинакового покроя по всей Туркмении, разнообразны по цвету, названию, виду и качеству ткани и назначению. В старину халаты были длинными и широкими, с большим запа́хом, что достигалось вставкой клиньев с боков и спереди вдоль разреза. Рукава, довольно узкие по всей длине, спускались значительно ниже концов пальцев, поэтому их приходилось собирать на руке в складки[1]. Воротник, сзади невысокий стоячий, переходил спереди в шалеобразный; на груди халат завязывался тесемками или застегивался на пуговицу.

Сбоку был прорезной карман, а внизу по бокам — разрезы. Полы халата, воротник, края боковых разрезов и кармана обшивали цветной тесьмой. Вокруг кармана и в верхней части боковых разрезов в виде украшения шла узкая полоска вышивки. Халаты шили на подкладке из хлопчатобумажной домотканной набивной маты, позднее из фабричного ситца.

С конца XIX в. халаты постепенно стали делать короче и у́же, укоротились и рукава.

Современные халаты в общем сохраняют прежний покрой, но их шьют обычно до колен или несколько длиннее. Рукава по-прежнему делают узкими, но значительно короче, они едва закрывают кисти рук. Широко распространены в качестве повседневных халаты дон из бумажной черной или серой ткани — сатина, иногда плюша или вельвета на подкладке из ситца или другой тонкой ткани. Для зимы их шьют стеганными на вате.

Из халатов старого покроя в настоящее время наиболее часто встречаются *хывалы дон* — халаты из ткани темных тонов, в узкую полоску, стеганные на вате. Раньше такие халаты шили из лощеной полосатой кустарной ткани — *хыва мата*, которую вырабатывали узбеки в городах Хивинского ханства.

Туркмены-эрсаринцы носят гладкие серо-лиловые халаты; по средней Аму-Дарье распространены бухарские халаты из фабричной, а иногда кустарной ткани с крупными цветами по светлому фону. Повседневный летний халат без подкладки — *ектай*, распространенный во многих районах Туркмении, шьют из легкой, одноцветной, иногда очень светлой ткани. Как и большинство современных халатов, его делают нешироким и недлинным.

В большинстве районов Туркмении, особенно в ее южной и восточной частях, а также в городах широко бытует до сих пор *гырмызы дон* — празд-

[1] Черта — общая для старинных халатов всех народов Средней Азии. Г. А. Пугаченкова прослеживает ее по миниатюрам до XV—XVI вв. См. ее работу «К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр» (Труды Среднеазиатского государственного университета, н. с., вып. XXXI. Ташкент, 1956, стр. 87).

Мервский текинец в халате «гырмызы-дон». 1909 г.

ничный халат из красного кустарного шелка в узкую черную и белую полоску. Его шьют на подкладке и простегивают по длине. В настоящее время такой халат вместе с высокой шапкой является неотъемлемой частью туркменского национального костюма. Таким же сугубо национальным считается чэкмень — халат из верблюжьей шерсти. У скотоводов в прошлом этот халат светло-коричневого цвета (естественный цвет верблюжьей шерсти) был единственной верхней одеждой, которую носили ежедневно круглый год. Более зажиточные шили праздничные тонкие халаты с голубоватым оттенком *ак чэкмен*, ткань для которых приготовляли из шерсти верблюжонка, пропуская в основу шелковую нитку. У богатых были также халаты из тонкого дорогого сукна (*мавут*) и бархата.

В прежнее время, когда ватные халаты у большинства населения служили также верхней зимней одеждой, в холодное время года носили по два халата, подпоясывая нижний. Пожилые люди, особенно богатые, даже летом, направляясь в гости, надевали два-три халата.

До сих пор в аулах зимней дорожной одеждой мужчин служат широкие тулупы из дубленой овчины — *ичмек*, *постун*. В одних районах их отделывают по краям узким кантом из черного каракуля, в других — полоской красной шелковой ткани. На спине между лопатками нашивают треугольник из такой же ткани. Тулуп для повседневной носки шьют из овчины, а праздничный — *силкме ичмек* из шкурок шестимесячных ягнят.

В настоящее время наряду со старинными формами зимней одежды широко распространились среди городского и сельского населения *палтун* — пальто фабричного производства. Рабочей одеждой служат стеганые куртки, которые называют *куфайка*.

Наряду с халатами в последнее время у туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей получила некоторое распространение верхняя одежда в талию с отложным воротником и со вшивными рукавами, спереди застегивающаяся на пуговицы. Такая одежда называется *кемзор*, ее шьют из хлопчатобумажной гладкой ткани или вельвета.

У прибрежных йомутов в прошлом широко бытовала верхняя одежда *курт бичим* (курдский покрой), похожая на бешмет. Сами туркмены считали ее заимствованной из Ирана. Длиной до колен, она имела широ-

Туркмен в зимней одежде «ичмек». Ташаузская область

кий рукав с продольным разрезом до локтя, а по бокам, на бедрах — широкие сборы, придававшие пышность фигуре. Грудь оставалась открытой а застежка — пуговица с петлей — пришивалась на талии. Богатые шили курт бичим из ткани *тирме*, привозимой из Ирана или Индии. Теперь курт бичим описанного покроя вышел из употребления; однако на побережье встречается верхняя одежда под таким же названием, представляющая собой нечто среднее между халатом и кемзором со вшивными рукавами.

Обычно халаты носят нараспашку или завязывают тесемками, пришитыми на груди у края воротника. Подпоясывают их во время работы для удобства или в холодную погоду для сохранения тепла. Кушаками — *гушак* — служат специальные длинные узкие полоски ткани, которые можно обернуть вокруг талии несколько раз, или сложенные с угла на угол квадратные платки, завязываемые так, чтобы углы платка находились справа сзади. В прежнее время концы кушаков обоих типов отделывали бахромой, а иногда вышивали. Особенно красивый, тщательно вышитый кушак должна была приготовить невеста жениху.

В особо торжественных случаях (а в XIX в. и во время военных походов) богатые надевали кожаные пояса — *кемер*, украшенные серебром.

Мужская обувь довольно разнообразна. Широко вошли в обиход и стали повседневной обувью городского и сельского населения ботинки фабричного производства. Зимой и летом многие мужчины носят сапоги. Летом широко распространенной обувью являются чувяки кавказского образца, носимые на босу ногу. Национальная обувь сохраняется в качестве рабочей. Это — *чокай* и *чарык*, а также *чепек* или *елкен*.

Чокай — это обувь из телячьей кожи, выделанной в виде замши, с острым, загибающимся кверху носком. У марыйских туркмен чокай шьют из темно-красной кожи с черным наведенным рисунком. Чарыки делают

Мальчик-пастух в обуви «чарык». Куня-Ургенчский район

из целого куска сыромятной кожи, который собирают сборками на ремешок; по типу они напоминают русские поршни. Эту обувь носят с шерстяными белыми портянками — *долак*. И чокай и чарык хорошо предохраняют ноги от сырости.

Чепек — обувь пастухов; это своего рода сандалии в виде кожаной подошвы, укрепляемой на ноге шерстяным шнурком, пропущенным между большим и следующим за ним пальцами ноги и соединенного у щиколотки с такими же шнурками, прикрепленными по обеим сторонам в средней части чепека.

До революции богатые имели белые сапоги — *эдик* — на тонком высоком каблуке, служившие для верховой езды; духовенство и пожилые люди носили сафьяновые *меси* —мягкие сапожки без каблуков, на которые надевали кожаные, а позднее резиновые остроносые галоши — *ковуш* среднеазиатского фасона. Ковуши многие носят и теперь, надевая их непосредственно на шерстяной или бумажный носок.

Головные уборы мужчин весьма характерны и сохраняют еще в какой-то степени племенную специфику. Обязательным головным убором сельского населения и части городского является вышитая тюбетейка — *тахя* и надеваемая поверх нее большая баранья шапка — *тельпек*. Тельпек представляет собой высокую, слегка расширяющуюся кверху шапку из черной или коричневой шкурки с длинными мягкими завитками. Большинство туркмен носит тельпек из шкурок молодых барашков, привозимых из северной Туркмении. В южной Туркмении молодые люди шьют шапки из шкурки белого цвета.

Наиболее сохранил свою форму тельпек, носимый в южной Туркмении, хотя и здесь он за последнее столетие претерпел немалые изменения. До присоединения к России туркмены носили тельпек конической формы и сравнительно небольших размеров [1]. Со временем тельпек постепенно увеличивался в высоту и терял коническую форму. Современных размеров он достиг к 20-м годам нашего века.

Рабочая шапка — *чвв у рме* — северных йомутов и других групп туркмен имеет много общего с каракалпакской шапкой. В противоположность текинской, это очень широкая, низкая шапка из черной овчины с длинными, крутыми и пушистыми завитками.

У туркмен-сарыков и эрсари некоторые старики до сих пор сохранили головной убор, заимствованный из Бухары в XIX в. Это белая чалма —

[1] По форме и размерам тельпек того времени имел много общего со средневековым кулохом, который позднее сохранялся у дервишей.

селле, навертываемая поверх тюбетейки. Раньше такую чалму синего цвета или пеструю носили молодые люди; белая чалма была распространена и у других туркменских племен, но в ней ходили лишь духовные лица или наиболее религиозные старики.

Зимой аму-дарьинские туркмены носят круглые небольшие шапки сферической формы — *силкме телпек* из серого или светло-коричневого каракуля, а иногда из бархата, отороченные узкой полоской каракуля другого цвета или пушистого меха выдры по нижнему краю и подбитые изнутри бараньим мехом, выступающим из-под околыша. У туркмен эрсари и сарыков большие шапки общетуркменского типа — тельпек теперь уже встречаются редко.

С 20-х годов текущего столетия у туркмен появилась шапка, несколько отличающаяся от традиционного туркменского тельпека. Околыш такой шапки шьют по типу кавказской кубанки из черного, серого или коричневого каракуля (лучшие тельпек этого типа шьют из шкурок новорожденных каракульских ягнят). Верх делают из цветного бархата или сукна и разделяют черным шнурком крест-накрест на четыре равные части. Эта шапка завезена с Кавказа йомутами, о ней туркмены обычно говорят: *телпек лезги пормасы* — тельпек лезгинской формы.

В городах, а также среди части сельской интеллигенции получила распространение кепка. Те, кто ходят в кепке, обычно не носят тюбетейку и отпускают шевелюру, которая несовместима с ношением традиционного национального головного убора. В северных районах Туркмении и кое-где в городах зимой теперь носят шапки-ушанки. Многие туркмены и сейчас наголо бреют голову; мужчины зрелого возраста и старики носят бороду и усы. По традиции бороду оставляют в виде узенькой полосы, идущей от ушей к нижней части подбородка, остальную растительность со щек и подбородка тщательно удаляют щипчиками. Усы полоской проходят над верхней губой и спускаются по обеим сторонам рта. Однако в настоящее время традиционная прическа сохраняется главным образом в сельских местностях. В городах мужчины, как правило, бреют бороду и усы и оставляют волосы на голове.

Женские костюмы различных групп туркмен, в прошлом отличавшиеся большим своеобразием, сближают между собой общность основных элементов одежды и стойкое сохранение традиционных красных тонов [1] а также общая для всех туркменок манера носить их.

Более или менее высокий головной убор, задрапированный шелковой или шерстяной шалью малиново-красных тонов, с накинутым поверх нее халатом, длинная красная рубаха-платье с виднеющейся из-под нее узкой полоской вышитых штанов, поверх платья в холодное время года халат, туфли на ногах и большое количество серебряных украшений самых различных видов, фасонов и назначения — таков в общих чертах традиционный костюм туркменки.

Этот костюм сохраняется главным образом в сельских местностях, однако и здесь он претерпел изменения. Больше старых, традиционных черт сохраняют женские костюмы в районах, находящихся далеко от городских центров и менее связанных с ними экономически. Племенные особенности в женском костюме там до сих пор прослеживаются четко.

Платье туркменок *кёйнек* представляет собой свободную рубаху, по покрою аналогичную мужской. Его шьют длиной до щиколотки, с прямыми длинными рукавами. Спереди посредине платье имеет разрез, доходящий до середины груди. Вокруг шеи — маленький (2—3 см высотой) стоячий воротничок. По краям разреза на груди, а также на рукавах — более или менее широкая вышивка. Подобно мужской рубахе платья

[1] Женщины из племени салыров в прошлом носили платья синего цвета (А. Фельк е р з а м. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, стр. 101—102).

Женская национальная одежда

1 —«чабыт»; *2* —«енсиз кемзор»; *3*—штаны; *4*—«чапраз»— деталь украшения на халате; *5* — старинная чоудорская верхняя шапка; *6* — «эгме» — серебряное украшение на головном уборе туркменок-текинок; *7*—туркменка-текинка; *8*— «гульяка»; *9*—платье; *10*—«ковуш»—туфли без задника

Молодая женщина в национальном костюме.
Туркмены-йомуты, начало XX в.

делают с подоплекой. Их шьют из специального кустарного шелка или полушелковых тканей, реже из одноцветного красного сатина. Вообще туркменки носят одноцветные платья коричнево-красных тонов, реже зеленых и лилово-синих. Лишь на туркменках, живущих в приморских районах, да у женщин восточных, пограничных с Узбекистаном районов можно встретить платья из пестрых тканей. Туркменки-сарычки и эрсари шьют платья очень широкие в плечах и в подоле, что придает фигуре характерный вид.

Непременной частью женского национального костюма являются длинные, по щиколотку, штаны — *балак*, покрой которых аналогичен мужским, но с более резким сужением к щиколотке. Нижняя часть штанов— *балак йүзи* — делается из шелковой или шерстяной ткани на подкладке, простегивается по длине и обязательно вышивается по нижнему краю, который выступает из-под платья на 5—6 см. У туркменок Прикопетдагских районов и Ташаузской области вышивка на штанах скромная, узкая; в юго-западных районах — наоборот, очень яркая и широкая. Многие женщины, живущие в городах, сохранив национальное платье, перестали носить балак, заменив их бельем.

Женская верхняя одежда, которую носят и летом и зимой, в настоящее время встречается двух видов — *чабыт* и *кемзор*. Чабыт и его разновидности (наиболее древняя форма верхней одежды) — халат с длинными, сужающимися к запястью рукавами. Кемзор — верхняя одежда в талию со вшивными прямыми рукавами, небольшим воротником и отворотами на груди. Он появился у туркменок окраинных районов (юго-западные районы республики, Ташаузская и Чарджоуская области) в последние 50 лет под влиянием соседей—казахов, каракалпаков и узбеков, в свою очередь заимствовавших его у татар. Туркменки Ташаузской области обычно шьют кемзор без воротника, а грудь и полы украшают машинной вышивкой белыми нитками. Здесь он является и повседневной и праздничной одеждой, в зависимости от качества ткани. Очень нарядны плюшевые кемзоры, которые обычно носят по праздникам.

Чабыт — выходной праздничный халат из шелка или бархата. Раньше зажиточные женщины шили его из тонкого дорогого сукна красного или зеленого цвета. В южной Туркмении для чабыта до сих пор изготовляется специальная шелковая красная ткань с черными и белыми полосами — *чепбетов*. Ворот чабыта обшивают серебряными бляхами и другими серебряными украшениями, а иногда вышивают; вышивкой покрывают также полы, края боковых разрезов и концы рукавов. У туркменов-йомутов западных районов чабыт шьют с короткими рукавами, до локтя, и с более длинными, чем в других районах Туркмении, боковыми разрезами, доходящими до талии; края их украшают серебром. Чабытом здесь называется только одежда из красного шелка; аналогичная по покрою верхняя женская одежда из плюша, вельвета и различных хлопчатобумажных тканей называется *голтурмак* или *зенана гейим*.

Аналогичен чабыту по покрою и другой женский халат — *дон*, *күрте*, распространенный как в южной, так и в северной Туркмении. В южной Туркмении курте украшают вышивкой на полах, вороте и обшлагах. Для этого халата используют менее дорогие, чем для чабыта, ткани; он *является повседневной верхней одеждой женщины*. Курте иногда накидывали на голову при выходе из дома. В последние десятилетия у туркмен-текинцев произошла эволюция этого вида верхней одежды: из наплечного рабочего халата он превратился в халат-накидку, набрасываемую на голову при выходе из дома, выезде в город или в другое селение.

До революции богатые женщины носили также ватные халаты — *хывалы дон*, сшитые из тех же тканей, что и мужские.

Все халаты — летние, праздничные и теплые — шьют на подкладке и простегивают по длине.

Накидка «курте»— верхняя одежда туркменок-текинок

Ташаузские туркменки носят также длинные, до колен безрукавки, сшитые в талию, из плюша или хлопчатобумажной ткани разных цветов. Называются они *ең сиз кемзор* или *голмак*. В западной части Кара-Калинского района и в западной Туркмении распространена короткая жилетка — *жилитке*, *гурсакча* — с глухой застежкой на груди. По словам местных жителей, этот вид одежды пришел к ним из Ирана[1].

Наряду с верхней национальной одеждой в городах и сельских местностях в качестве зимней одежды встречается фабричное пальто. *Ичмек* — овчинная шуба — сохраняется лишь в качестве рабочей одежды, а также на случай дальних поездок.

До сих пор еще женщины сельских местностей носят разнообразные и характерные для каждого племени головные уборы.

У текинских и сарыкских женщин в недавнем прошлом бытовал свое-

[1] В Иране женщины-персиянки носят безрукавку «джалетке» (см.«Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 198).

образный головной убор — *бөрик*[1]. Это высокая шапка довольно разнообразных форм: в Ахале носили цилиндрические борики, в Мерве — расширяющиеся кверху с плоской верхушкой; у сарыков борик напоминал гриб — он сильно расширялся кверху и имел овальный сферический верх. Основу борика составлял твердый каркас, который изготовлялся из разнообразных материалов (крашеного холста, бумаги, сшивался из тонкого соломенного жгута, толстых бумажных шнуров и т. п.). Каркас драпировали платками и шелковыми повязками, преимущественно красного цвета. Так, борик в Ахалтекинском оазисе покрывали нарядным большим платком — *гыйҗач* — из красного домотканного шелка с большой тканой каймой и бахромой. В Мерве нередко применяли для этого шелковые шарфы. Для драпировки каркасов пользовались и бумажными ситцевыми платками. Один конец платка свисал на спину, другой, называемый *яшмак*, проходил свободно под подбородком и прикреплялся с левой стороны головного убора. При встрече с мужчиной женщина, придерживая яшмак зубами, прикрывала им нижнюю часть лица. Очень своеобразно драпировался борик у сарыков; он весь затягивался цветной тканью и спереди украшался серебром. Нижняя часть борика у самой головы обертывалась несколько раз в виде чалмы жгутом из длинной шали или платка.

Туркменка нохурли в национальном головном уборе

Туркменская интеллигенция в 1930-х годах повела успешную пропаганду против ношения борика. Этот тяжелый головной убор со множеством серебряных украшений туркменка не снимала даже на ночь, что вредно отражалось на ее здоровье, служило причиной частых серьезных заболеваний спинного мозга. В настоящее время борик превратился в очень невысокий головной убор — *комсомол бөрик*, но еще встречаются и высокие старинные борики со всеми присущими им украшениями.

У туркмен-эрсари несколько вариантов головных уборов. В некоторых аулах носят борики наподобие марыйских, в других головной убор женщин—*богмач*—напоминает русский кокошник, затянутый цветным платком.

Современный головной убор туркменок-йомуток Ташаузской области—*оромак* имеет совершенно иной вид. Невысокая налобная повязка—*алындаҗы* — из хлопчатобумажного платка, сложенного по диагонали в несколько слоев, иногда с подложенной в него для твердости бумагой, укрепляется поверх нижнего платка, покрывающего волосы. Алынданы завязывают на затылке узлом, концы его спускаются на спину. Один конец нижнего платка, проходя спереди под подбородком, образует яшмак, другой, обычно свисающий сзади, набрасывается на голову при выходе из дома. В холодное время года, а в торжественных случаях даже летом поверх

[1] Головной убор, напоминающий по форме борик, можно разглядеть на парфянских статуэтках из Нисы (III—I вв. до н. э.) (Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 30).

Богатая туркменка из племени сарык в национальном костюме. 1901 г.

этих платков накидывается еще один большой шелковый или шерстяной платок.

Такой головной убор носят не только йомутки, но и женщины других этнографических групп, живущих по соседству с ними: карадашлы, чоудоры, ата Дарган-Атинского района и гоклены Ташаузской области.

Алынданы западных туркмен имеет две разновидности. У женщин группы джафарбай это невысокий, сшитый из красного хлопчатобумажного платка обруч, в который для твердости подложено несколько слоев газеты. Алынданы у женщин группы атабай, как и у ташаузских туркменок, состоит из сложенного по диагонали платка с той разницей, что атабаевки завязывают платок узлом на лбу, а концы его красиво закладывают сверху за платок. Поверх алынданы накидывается *чаргат* — большой тонкий шерстяной платок фабричного производства или клетчатый из тяжелого шелка кустарного производства.

Старинный йомутский головной убор — *хасаба* — значительно отличался от современного и был близок по внешнему виду к текинскому и сарыкскому. Он имел форму высокого, несколько сплюснутого сзади и спереди усеченного конуса, расширяющегося кверху. Каркас из мешковины или сплетенных веревок обтягивался красным шелковым платком и украшался большим количеством серебряных бляшек и подвесок. В начале XX в. хасаву носили как праздничный и выходной убор лишь молодухи до появления первых детей, раньше же, в середине XIX в., хасава, как и текинско-сарыкский борик, была повседневным головным убором зажиточных женщин.

Весьма своеобразен старинный головной убор чоудорских женщин. Летом это платок, накинутый на тюбетейку, а зимой красивая суконная, богато вышитая шапка — *топбы* или *шепке*, на войлочной подкладке, отороченная мехом. Поверх шапки набрасывался большой теплый платок. Старинные чоудорские головные уборы теперь уже не бытуют, они лишь кое-где сохраняются у женщин старшего поколения в качестве семейных реликвий.

Жительницы городов и сельская интеллигенция почти повсеместно отказались от ношения традиционного головного убора. Его заменил большой цветной шелковый или тонкий шерстяной платок, накинутый на голову треугольником (под ним обычно повязывается небольшой шелковый или хлопчатобумажный платок).

Туркменки-текинки в современных головных уборах

Девичьим головным убором служит небольшая вышитая шапочка — *тахя* — с серебряным куполом на макушке, обильно украшенная серебряными монетами.

Еще в недавнем прошлом были широко распространены специальные халаты-накидки, набрасываемые на головные уборы женщин при выходе из дома. В связи со своим назначением они утеряли ряд деталей, характерных для халатов. Рукава их превратились в декоративную деталь; сильно суживаясь книзу, они соединяются на спине узкой полоской ткани с бахромой. Халаты-накидки являются неотъемлемой частью старинных головных уборов; поэтому там, где перестали носить старинные головные уборы, исчезли и халаты-накидки. Так, вышел из употребления йомутский *пуренжек*, который носили поверх хасавы[1]. Шили пуренжек из тонкого зеленого или красного шелка; в отличие от других халатов-накидок он не имел подкладки, его не вышивали, а украшали тонкими серебряными пластинками. В южной Туркмении халат-накидку носят женщины, продолжающие ходить в борике. До сих пор бытует *чырпы* — праздничный выходной сплошь расшитый халат-накидка на подкладке, обычно из желтого, зеленого или белого шелка. Туркменки-нохурли носят халат-накидку, называемую *елек* и отличающуюся обилием серебряных украшений по краю. Как было сказано выше, повседневной накидкой на борик стал курте, превращение которого из наплечного халата в халат-накидку произошло на наших глазах.

Женщины повсеместно носят фабричную обувь, чаще всего туфли на низком каблуке. Из молодежи многие ходят в туфлях на высоком каблуке. Старая, дореволюционная обувь туркменок не отличалась большим разнообразием. Теперь кое-где еще встречаются кожаные туфли на высокой подошве без задника — *ковуш* и красные сапожки на высоких

[1] В западной Туркмении старые женщины в знак глубокого траура по умершему мужу или сыну набрасывают их халат на голову и носят его в течение года (сообщено С. Н. Иомудским).

Туркменка с детьми в современной одежде. Куня-Ургенчский район

каблуках — *эдик*. В настоящее время сапожки надевают в торжественных случаях пожилые женщины; раньше их носили только богатые, бедные женщины в прошлом совсем не имели обуви и большую часть года ходили босиком; зимой при выходе из дома они надевали обувь мужа.

Женщины эрсари, сарыки и йомуты носили кожаные туфли с острым носком на низком каблуке, подобные современным среднеазиатским галошам — ковуш, имеющим распространение и среди других народов. Надевают ковуш и другую обувь на шерстяные узорчатые носки, вязать которые туркменских женщин научили курдянки. Носят и фабричные бумажные носки.

Девичий костюм отличается от женского головным убором и меньшим количеством серебряных украшений, столь характерных для костюма туркменских женщин.

Одежда детей с 4—6-летнего возраста подобна одежде взрослых, но сохраняет больше национальных черт в покрое и формах, чем одежда взрослых. В комплексе одежды детей младшего возраста, в том числе и грудных, наряду с рубашкой, одинаковой для всех, и халатиков прямого покроя, обычно теплых, стеганных на вате, имеется еще вид одежды, надевающейся через голову, с маленькими треугольниками вместо рукавов или без них, не сшитой в боках, а завязывающейся тесемками. В разных районах такая одежда называется по-разному (*ала-елек*, *кӯрте*, *елек*, *вселик*, *кирлик* и др.), хотя и имеет общее назначение: предохранять рубашку ребенка от загрязнения, его самого от холода и от «дурного глаза». В прошлом особенно боялись «дурного глаза», который, по поверьям, мог принести младенцу всяческие беды. В качестве оберега на платье ребенка вешали множество различных амулетов в виде голубых бусин, ракушек, больших пуговиц, деревянные амулеты — *дагдан*.

Всю одежду маленьких детей шили швами наружу и не подшивали, чтобы, по поверью, не лишить мать возможности иметь еще детей.

Девочкам с четырех лет начинали отращивать косички, а до этого, так же как и мальчиков, их остригали, оставляя с боков у висков волосы — *гулпак*, *кекул*. Волосы на висках у мальчиков также называли *гулпак*. Наиболее любимый или единственный сын иногда носил гулпак до самой женитьбы, а у йомутов даже до рождения ребенка.

Маленьким детям на третий-четвертый день после рождения надевали тюбетейку, которую меняли по мере роста ребенка на бо́льшую; поверх тюбетейки туго завязывали вокруг головы платок. В холодное время года маленьким ребятам надевали *гулакчын*, *сопбаш* — стеганные на вате шапочки с наушниками, иногда отороченные мехом.

Теперь и в городах, наряду с покупными распашонками, платьицами и штанишками, дети еще носят национальную одежду.

Ювелирные украшения пользуются особой любовью у туркменок. Так же как и головные уборы, их ассортимент, формы, способы ношения дают возможность проследить племенные различия, хотя в настоящее время эти различия значительно стерлись.

Украшения носят с раннего детства до глубокой старости. На шапочки и халатики грудных ребят нашивают множество серебряных подвесок монет и бусин. Мальчики постарше уже не носят серебряных украшений. Шапочки же девочек неизменно украшаются серебром в виде монет и бляшек, на макушку шапочки часто пришивают массивный серебряный остроконечный куполок — *гупба*, украшенный бирюзовыми вставочками и серебряными подвесками по краю. Девочки носят также ожерелье *хунжи*, состоящее из монет, бусинок, блях и медальонов с сердоликами. На груди на платье и халаты нашивают монеты с припаянным ушком или просто круглые пластинки серебра наподобие монет — *апбасы*[1]; их носят также и взрослые женщины. Кроме того, женщины надевают на шею или нашивают на халат много крупных украшений, отделанных резьбой, сердоликами и бирюзой. Формы украшений очень разнообразны: круги, квадраты, треугольники, трапеции, параллелограммы, часто с подвесками и бубенчиками, которые при движениях звенят. Некоторые из этих украшений носили как амулеты, в качестве оберега, а другие имели утилитарное назначение: например, кожаная сумочка *хейкел*, украшенная серебром, служила для хранения ключей и мелких вещей.

Туркменка в современном костюме. Красноводский район

С 1920-х годов очень широкое распространение среди туркменок, в том числе и городских, получила йомутская брошь *гуляка*, скрепляющая разрез на груди рубахи. Сначала это была очень большая круглая бляха из серебра с богатой позолотой, украшенная сердоликом и бирюзой. В таком виде она продолжает сохраняться в сельских районах, в городах же стала небольшим, очень изящным украшением. Иногда гуляка делается из золота.

К косам подвешивают массивные сердцевидные пластинки *асык*. В косы вплетают монеты и медальоны различных форм, прикрепляют ключи и серебряные ногтечистки. Очень распространены браслеты *бизелик*, массивные, из дутого серебра, своеобразные по форме, напоминающие тяжелый обшлаг, плотно охватывающий кисть руки, с зубцами на незамкнутых концах.

---

[1] Обычай украшать перед платьев серебряными монетами и бляшками находит аналогию в парфянских статуях из Квадратного зала Нисы.

Туркменка из Ташаузской области. На ребенке стеганая шапочка «гулакчын»

Кольца — *йузук* — довольно просты. Интересны гарнитуры на руку: пять сцепленных между собой колец и наперсток. Все это соединено цепочками с браслетом. Необычны по размерам были кольца ходжинцев. Разнообразны серьги — *гулакхалка*, *ысырга*, теперь встречающиеся только у йомутских женщин и туркменок побережья (ходжа, игдыр). В XIX в. исерга состояли из семи-восьми длинных пластинок с подвесками на концах. Носили их также эрсаринки. Обычно их украшали сердоликами. Надевали такие серьги на уши и закрепляли крючками на головном уборе; они опускались до самой шеи, закрывая обе щеки.

На Аму-Дарье ранее широко были распространены носовые серьги — *ирбек*. Это обычно серебряные, реже золотые небольшие изящные круглые бляшки на тоненькой дужке. Их носили, продевая в ноздрю, большей частью в левую. Теперь такие серьги носят крайне редко, значительно чаще встречается маленькая невисячая серьга — *бурунхалка*, типа клипсов.

У эрсаринцев и других этнографических групп на средней Аму-Дарье до сих пор сохраняются бисерные украшения на шею — *боюнча*, *нарванча* и нагрудные бисерные украшения — *хапаванд*, совершенно идентичные украшениям таджичек и узбечек Междуречья.

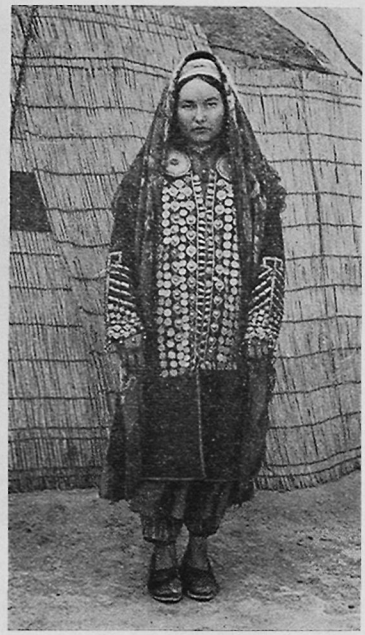
Чрезвычайно разнообразны ювелирные изделия для украшения головных уборов: простые серебряные монеты, скромные бляшки круглой и квадратной формы, тонкие изящные цепочки, цепи из блях и медальонов самой разнообразной формы, украшенные сердоликами и подвесками. Довольно широко распространены *эгме* — украшения на борик в виде сплошной серебряной доски.

Большие вычурные украшения, которые повседневно носили богатые туркменки еще в начале XX в. почти совершенно вышли из обихода. Они сохраняются лишь как свадебные или отчасти праздничные украшения. Почти полностью исчезли широкие кожаные пояса — *тегбент*, сплошь украшенные серебром. Много серебряных украшений было сдано туркменками в фонд обороны во время Великой Отечественной войны. Однако и теперь традиционные украшения встречаются почти повсеместно даже на рабочих костюмах.

Пища и утварь

Пища туркмен в общих чертах сходна с пищей других среднеазиатских народов, в первую очередь соседних узбеков и каракалпаков, что объясняется общностью природных условий и хозяйства, а также этническими связями этих народов. В наше время эта общность еще более усиливается благодаря тесным эко-

Девочка в нарядном халате.
Куня-Ургенчский район



Женщина в праздничной одежде.
Западная Туркмения

номическим связям между отдельными районами и республиками. Значительное влияние на пищу туркмен оказали русские. В пищевом рационе туркмен появилось много новых, ранее не известных им блюд, разнообразие которых особенно увеличивается в городах. Вместе с тем пища туркмен сохраняет много традиционных особенностей. Они прослеживаются как в ассортименте блюд и способах их приготовления, так и в ритуале подачи пищи. У населения разных районов Туркмении также наблюдается некоторое своеобразие в пище, связанное или с этническими традициями, или с особенностями в хозяйстве, или, наконец, с влиянием соседних народов.

Основное место в пищевом рационе занимают молочные и мучные блюда. В дореволюционной этнографической литературе, содержащей крайне скудные сведения о пище туркмен, высказывалось неправильное мнение, что у туркмен в питании первое место занимают мясные блюда. Действительно, они играли довольно большую роль в пищевом ассортименте зажиточных кочевников, имевших большие стада овец; для основной же массы населения мясные блюда были доступны лишь в дни праздников или семейных событий.

Насколько большое место в питании туркмен занимали зерновые продукты, видно из того, что наиболее сильное наказание непокорных туркмен со стороны хивинских ханов в XVIII—XIX вв. заключалось в запрещении пользоваться базарами, где они могли купить зерно для собственного потребления. Хлеб — *чөрек*, *нан* — употребляется в виде довольно больших пшеничных и меньших размеров джугаровых

Девушка с серебряными украшениями на руках. Куня-Ургенчский район

лепешек из кислого теста, выпекаемых по мере надобности в каждой семье в особых круглых печах из глины — *тамдыр*.

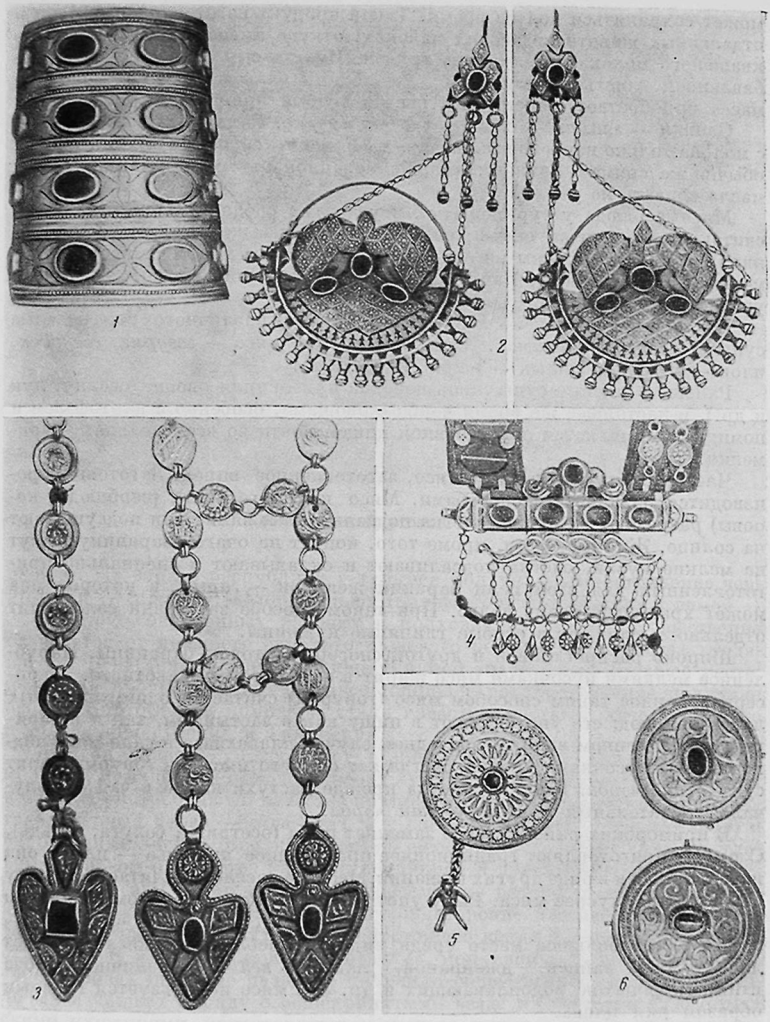
Лепешки из пресного теста *петир нан* — обычно пекут в тех случаях, когда на приготовление кислого теста не хватает времени, например в случае неожиданного прибытия гостей, спешной поездки и т. д.

В городах и поселках городского типа употребляют хлеб заводской выпечки, однако и здесь пользуется большим спросом чурек, выпекаемый в хлебопекарнях.

Помимо чурека, в селениях выпекают из кислого теста лепешки других сортов на сале или на масле, пирожки — *гутап* — с различного рода начинкой, мясной слоеный пирог — *этли нан*, а из пресного теста готовят пельмени — *бөрек* и лапшу — *унаш*, заправляемую кислым молоком.

Для изготовления различного рода молочных продуктов туркмены употребляют коровье, козье, овечье и верблюжье молоко. Из коровьего молока приготовляют масло — *яг*, кислое молоко — *гатык* и особый вид творога — *сузме*, а также своеобразный сыр *гурт*; из козьего и овечьего молока делают сыр *пейнир*. Верблюжье молоко используют для приготовления прохладительного, очень любимого туркменами напитка *чал*. Снятые с верблюжьего молока сливки — *агаран, ак* — весьма питательные и вкусные, но недоступные для широких масс населения в прошлом, в настоящее время признаны лечебным средством. Коровье и верблюжье молоко редко употребляют в свежем виде. Обычно все молоко идет на переработку.

Масло сбивают в особых кожаных мешках — *тулум, яныk яйык* или в деревянных, а на востоке Туркмении — в глиняных сосудах *купы, гуфы*. Для приготовления масла используют цельное коровье молоко, добавив в него воды, или же кипяченое, а затем слегка заквашенное. Последний способ чаще всего применяется в животноводческих районах. Для сбивания масла служит мутовка — *пишек* — с крестовиной на конце. Оставшееся после приготовления масла пахтанье идет в пищу в чистом виде или с водой и тогда называется *айран*. Иногда из пахтанья приготовляют сузме. Для этого пахтанье наливают в бурдюк из неочищенной шкуры барана — *сузме дери* — и подвешивают на долгое время, чтобы дать воде стечь. В результате получается довольно густая масса, напоминающая творог. Слегка подсоленное сузме сохраняется очень долго и используется в течение всего года. Разбавленное водой, оно служит приправой ко многим жидким кушаньям.



Женские серебряные украшения

1 — «билезик» — браслет, Ташаузская область; *2* — «гулакхалка» — серьги с подвесками, укрепленными на головном уборе, юго-западная Туркмения; *3* — «асык» — подвеска к косам, юго-западная Туркмения; *4* — «тумар» — серебряное украшение, носимое на ленте через плечо, Ташаузская область; *5* — «бозбент»; *6* — брошь «гульяка», Ташаузская область

Простоквашу — катык приготовляют из свежего пахтанья. Его кипятят, а затем, почти остывшее, заквашивают готовым катыком. Из катыка иногда приготовляют сыр гурт. Для этого кислое молоко кипятят, затем отделяют сыворотку, а оставшуюся густую массу подсаливают и делают из нее небольшие шарики, которые высушивают на солнце. После этого гурт

может сохраняться долгое время. Такой продукт изготовлялся обычно в отдаленных животноводческих районах, откуда вывоз свежего или даже квашеного молока чрезвычайно труден. Иногда сыр приготовляют с добавлением листьев или стеблей солодки, благодаря чему молочная масса приобретает шоколадный цвет и особый привкус.

Сливки — *гаймак* — собирают очень редко. Раньше гаймак снимали с молока только наиболее зажиточные туркмены, сохраняя его для гостей; обычно же снимать сливки считалось нерациональным, так как из сливок масла сбивать не умели.

Мясные блюда у туркмен, как и у других среднеазиатских народов, считаются самыми вкусными; из всех видов мяса наиболее любима баранина. Конину туркмены не едят (хотя в прошлом мангышлакские туркмены, по свидетельству Каруцца[1], употребляли в пищу и конину); много употребляется куриного мяса.

Из мясных блюд наиболее распространены различного рода мясные супы — *чорба*, *гайнатма*[2], а также жареное мясо — *говурма*, *говурдак*, плов — *палав*, шашлык — *шара* или *кебап*.

Раньше в мясные супы лишь изредка прибавляли овощи (свеклу, лук и др.), в настоящее же время чорба с овощами, особенно с картофелем и помидорами, является повседневной пищей почти во всех районах Туркмении.

Часто используют в пищу мясо, заготовленное впрок. Заготовка производится различными способами. Мясо крупного скота (верблюда, коровы) разрезают на куски, слегка подсаливают и вялят или подсушивают на солнце. Жирные части, кроме того, коптят на очаге. Баранину режут на мелкие куски, слегка подсаливают и складывают в специально приготовленный для этой цели бараний желудок — *гарын*, в котором она может храниться очень долго. При таком способе заготовки сало топят отдельно и сливают в особые глиняные кувшины.

Широко распространен и другой способ заготовки баранины. Нарубленное мелкими кусочками мясо жарят в сале того же животного. Законсервированное таким способом мясо (говурма) считается одним из самых лакомых блюд; его употребляют в пищу как в застывшем, так и в горячем, растопленном виде. В последнем случае плавающее в сале мясо подхватывают кусочками чурека. Когда нет свежего мяса, из говурмы варят суп — *гара чорба*. Говурму иногда прежде пастухи клали в чай — получался питательный напиток — *чай чорба*.

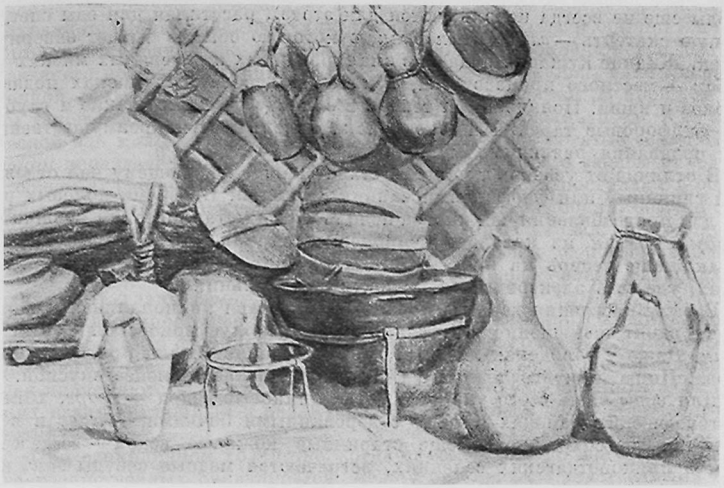
В приморских районах мясо заменяет рыба (осетрина, белуга, сельдь). С рыбой приготовляют традиционное праздничное кушанье — плов, она используется и в ряде других кушаний. Местное население считает осетрину значительно вкуснее мяса. Рыбу употребляют также в соленом и вяленом виде.

Довольно большое место среди видов потребляемого мяса занимает дичь — мясо зайцев, джейранов, ланей — *кейик*, различного рода птиц — куропаток, водоплавающих и др. Это мясо используется главным образом для плова.

Кроме мясных и рыбных блюд, туркмены приготовляют и другие кушанья, например яичницу — *хэйгенек*, различные виды каш из риса, пшена, маша (среднеазиатский вид бобового растения), джугары, похлебку из маша с кунжутным маслом или бараньим салом, сушеные, точнее вяленые, дыни — *как*, особое варенье из сока арбузов, винограда. В летнее время много потребляют фруктов, арбузов и дынь. Во всякое время года пьют в большом количестве зеленый чай — *гөк чай*; раньше его пили обыкновенно без сахара, с сушеными урюком, дыней или плодами лоха (*игде*,

[1] Д. Каруцц. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 29.

[2] Обычно в бульон крошили лепешки, такая похлебка называлась *дограма*.



Хозяйственный уголок в юрте

джида). На западе республики у туркмен получил распространение черный чай — *гара чай*, который пьют главным образом осенью и зимой.

Питание современных рабочих и колхозников туркмен существенно отличается от прежнего скудного пищевого режима большинства трудящихся. В настоящее время в пище туркмен значительно большее место, нежели в прошлом, занимает мясо; широкое распространение получили овощи. Картофель и помидоры стали известны местным жителям только с появлением русских в Туркмении.

Жители оазисов употребляют в пищу картофель, капусту, свеклу морковь, помидоры и особенно любят лук. Его едят в сыром виде, подают к обеду и употребляют в качестве приправы. Распространен как приправа также черный перец — *гара бурч*, а у жителей оазисов — гранат (*нар*) и виноградные листья. Все же овощи до сих пор продолжают служить главным образом в качестве начинок и приправ к другим кушаньям.

Лишь в годы Советской власти повсеместно распространились и стали доступны широким массам сахар и кондитерские изделия, ранее встречавшиеся только в семьях баев. В настоящее время в пищу туркменской семьи также входят макаронные изделия, покупаемые в магазинах.

В городах широкое развитие получило общественное питание. В столовых и чайных наряду с общепринятыми везде в Советском Союзе русскими кушаниями приготовляют и национальные — чорба, плов, пельмени — борек и другие, а также кавказские — шашлык, харчо, люля-кебаб и ставшие общесреднеазиатскими такие кушания, как манты (пельмени, приготовленные на пару), лагман (длинно нарезанная лапша с мясным соусом) и др. Широкое признание получили столовые в рабочих центрах — Небит-Даге, Челекене, Чарджоу, где ими пользуются многие занятые в производстве семьи. В колхозных поселках также стали открываться столовые и чайные.

Некоторые виды пищи, например жаркое, плов, кашу, туркмены по традиции довольно часто едят руками, подхватывая пищу пальцами правой руки или кусочками чурека. Для жидких кушаний применяют ложки — *кашык* или *чемче*. Даже городские жители обедают нередко на полу

(столы еще не всегда используются для этого), расстилая для еды специальную скатерть — *сачак*, *дестерхан*, в которую обычно бывает завернут чурек. Жидкие кушанья подают в эмалированных и деревянных мисках — *табак* — местного производства, в плоских деревянных мисках подают жаркое и каши. Появившиеся теперь в обиходе туркмен мелкие и глубокие фарфоровые тарелки и блюда пока используются преимущественно для подавания различных кушаний.

В отличие от узбеков туркмены ставят каждому пьющему чай отдельный глиняный или фарфоровый чайник с пиалой. Во время полевых работ для приготовления чая иногда используется металлический кувшин — *кундук*, *кумган*, из которого непроцеженный чай разливается в пиалы, однако чаще теперь на полевых станах ставят кипятильники, а в колхозах, где есть электричество — электрокипятильники.

В быту населения все еще прочно сохраняется национальная утварь. Пищу варят непременно в чугунном котле полусферической формы — *газан*. Даже у городских жителей казан сохраняется для приготовления плова. Пища, приготовленная в кастрюлях, считается менее вкусной.

Для воды чаще всего употребляются цинковые ведра — *бедре*, хотя в скотоводческих районах наряду с деревянными бочками — *челек* и ведрами кое-где сохраняются еще старинные кожаные ведра — *гова*, а на юге, в прикопетдагских селениях, встречаются медные сосуды *мис*, которые в прежние времена привозились из Ирана. Глиняные сосуды бытуют главным образом у приамударьинского населения и в Ташаузской области.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Семья

Основной формой современной туркменской семьи является малая семья, обычно состоящая из супругов и их детей, с которыми иногда живут также родители мужа или один из них. Семья насчитывает в среднем пять—семь человек. Главой семьи обычно бывает мужчина, но семьи, во главе которых стоит женщина, не являются исключением и составляют значительный процент. Доходы семьи складываются из заработков всех взрослых трудоспособных членов семьи. Женщина, если в доме нет маленьких детей, обычно работает в колхозе или на производстве; в городах, где сеть детских учреждений развита лучше, чем на селе, работают также и многие женщины, имеющие маленьких детей. Все дети школьного возраста ходят в школу.

Малая семья в современной ее форме сложилась в последние два-три десятилетия в результате переустройства хозяйства и быта в Советских республиках. Большую роль сыграли декреты и постановления Советской власти, направленные на ликвидацию неравенства женщин, упорядочение семьи и т. д. После земельно-водной реформы не стало безземельных и малоземельных семей, укрепилась малая семья. На I съезде Советов Туркменской ССР в феврале 1925 г. было отменено брачное право на воду, по которому владеть наделом поливной земли мог лишь женатый мужчина; по новому закону водой и землей наделялись и все неженатые взрослые сыновья, выделившиеся из семьи отца, а также вдовы.

Наряду с малыми семьями до сих пор в сельских местностях нередко встречаются большие неразделенные семьи, широко бытовавшие в Туркмении в прошлом и вплоть до начала коллективизации. Такая неразделенная семья, насчитывающая 10—20 человек, состоит из семей нескольких братьев или семьи родителей, в которой, кроме маленьких детей, живут один или несколько женатых, но не выделившихся сыновей со своими детьми. Живут все обычно в одном доме, каждая малая семья чаще всего

занимает отдельное помещение. В тех районах, где наряду с домами еще сохраняется юрта, родители или старший брат с семьей обычно живут в юрте, поставленной около дома. В юго-западных районах, где юрта до недавнего времени сохранялась как основной вид жилья, члены неразделенной семьи жили в двух-трех юртах, стоящих рядом. В прошлом члены такой семьи часто жили все в одной юрте, отгораживая часть ее занавеской для молодоженов; две-три юрты имели лишь богатые семьи. Признаком неразделенной семьи является общий котел: все запасы находятся в общем владении, основные доходы ее членов также поступают в общую казну. Во главе семьи стоит мужчина, иногда и женщина, обычно старшие по возрасту. Но и в больших неразделенных семьях произошли коренные изменения, стала проявляться значительная экономическая самостоятельность ее членов, исчезла прежняя беспрекословная патриархальная власть главы семьи.

Родоплеменное деление и племенные связи, прочно сохранявшиеся в хозяйственном и семейном быту туркмен до 30-х годов XX в., в сельских местностях имеют некоторое значение в их жизни и в настоящее время. Они проявляются в довольно тесных связях между родственными семьями, в их взаимной помощи в различных хозяйственных делах и семейных событиях.

При единоличном хозяйстве, когда на семье лежало значительно больше хозяйственных обязанностей, между отдельными родственными семьями существовала своего рода кооперация: одна семья, обычно отца или старшего брата, занималась скотоводством, другая — земледелием, затем семьи обменивались продуктами своего хозяйства. В больших семейных общинах подобное разделение труда происходило между отдельными малыми семьями[1].

Колхозный строй сделал излишним такого рода кооперацию.

В большей степени пережитки родоплеменных связей продолжают сохраняться в идеологической жизни туркмен. Празднование всякого рода семейных торжеств и советских праздников часто организуют совместно: в случаях отправки сына или дочери на учебу, при организации свадьбы семья находит помощь у своих родственников и сородичей. До сих пор еще довольно часто при решении какого-нибудь важного вопроса обращаются за советом к старшему родственнику.

Патриархально-родовые пережитки, еще частично сохранившиеся в семье, мешают установлению подлинного равноправия и независимости женщины.

Патриархальные традиции в туркменской семье еще в первой четверти XX в. сохранялись в полной неприкосновенности. Власть главы семьи была неограниченной, она выражалась не только в том, что глава семьи распоряжался всем имуществом семьи и судьбою каждого из ее членов, но сказывалась и на поведении членов семьи. В присутствии главы семьи даже представители мужской части семьи не могли громко разговаривать и смеяться, к нему нельзя было обращаться с вопросами. Глава семьи сам распределял работу между ее членами; старшая женщина, обычно его жена, была полной хозяйкой над всей женской половиной семьи. Особенно тяжелым в семье было положение невестки; она не имела никаких прав, хотя обязанности ее были многочисленны. Сразу же после выхода замуж молодая женщина оказывалась под действием многих запретов по отношению к старшим родственникам мужа, независимо от их пола и возраста. Женщина обязана была закрывать себе рот концом головного платка (яшмак), а в молодые годы, кроме того, скрывать свое лицо и фигуру большой шалью. У йомутов было принято, чтобы молодая

[1] Такая межсемейная кооперация бытовала до колхозного строя у йомутов Ташаузской области и западной Туркмении, у текинцев Ахала и многих других туркмен.

женщина закрывалась и дома в присутствии старших родственников мужа, особенно свекра и свекрови.

Говорить в присутствии старших членов семьи молодая могла только сдавленным шепотом. Она вообще не имела права обращаться непосредственно к родственникам мужа — мужчинам и разговаривала с ними в случае необходимости через мальчика или подростка. В песнях *лэле*, посвященных женской доле, девушка, выдаваемая замуж, сравнивается с камнем, брошенным в глубокий колодец, с цветком, побитым морозом. Особенно тяжелым было положение бедной девушки, бесприданницы, которую мог за выкуп (калым) взять всякий и которая не могла рассчитывать на защиту и поддержку своих родных. Со временем положение молодой женщины улучшалось; став старшей в семье по возрасту — *кейсаны*, она считалась уже госпожой над своими невестками и младшими женами своего мужа[1].

Легче было положение женщины в малой семье, где над ней старшим был только ее муж. Однако власть мужа и здесь была велика, о чем красноречиво свидетельствует пословица, имевшая хождение у прибрежных туркмен: *эри аялының кичи таңрысыдыр* (муж для своей жены младший бог, т. е. второй после бога).

Муж мог развестись с женой, не спрашивая ее согласия, женщина же имела право требовать развода лишь в немногих случаях. Даже если муж был захвачен в плен, пропал или скрывался, избегая кровной мести, что особенно часто случалось до присоединения к России, жена обязана была дожидаться его и не могла выходить замуж за другого.

Хозяйственные обязанности женщины были многочисленны, но они ограничивались лишь работой по дому и домашним хозяйством: уход за детьми, приготовление пищи, ткачество, обработка шерсти и войлока, шитье, уход за домашним скотом, сбор топлива. Отлучаться из дома на большие расстояния женщине одной не разрешалось. На базар женщина выезжала только в сопровождении мужа; если ей нужно было навестить родных, живших далеко, ее обычно сопровождала какая-нибудь родственница старуха. В полевых работах женщина почти не участвовала. Женщина была экономически бесправной, так как все средства находились в распоряжении главы семьи. Ее экономическая зависимость была скреплена юридически: по адату женщина не могла быть наследницей имущества ни после мужа, ни тем более после отца. Бесправное положение женщины в туркменском обществе обнаруживалось особенно четко, если умирал ее муж. Вдову старались выдать замуж снова, причем интересы ее родственников и родственников ее мужа не совпадали: первые хотели выдать ее за постороннего семье человека, чтобы снова получить калым, родственники мужа старались удержать вдову в семье и выдать ее за младшего родного или двоюродного брата мужа (левират), который иногда был значительно моложе ее[2]. Женщина, имеющая маленьких детей, соглашалась обычно на такой неравный брак, чтобы не разлучаться с детьми, так как в случае ухода из семьи покойного мужа она навсегда лишалась детей, которые оставались у родных отца. По договоренности с опекунами женщина могла откупиться от насильственного брака, но в таких случаях была обязана оставаться вдовой навсегда.

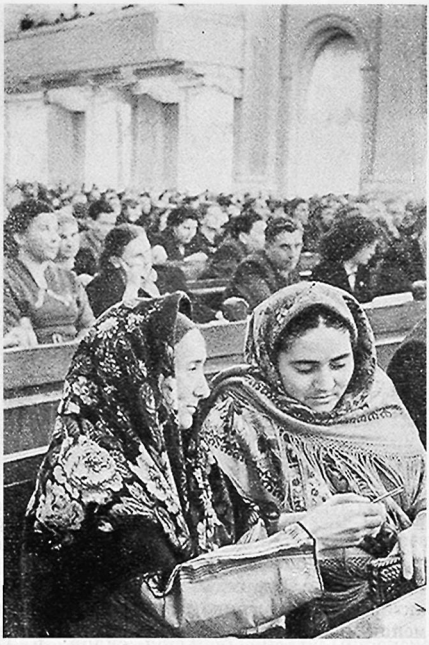
Несколько иным было положение старшей женщины: с ней считались, ее советов слушались не только дети, но и другие родственники; нередки были случаи, когда после смерти мужа она оставалась фактической гла-

[1] Каждый мусульманин мог иметь четырех законных жен одновременно, однако практически двух жен и более имели немногие. До присоединения к России наряду с законными женами у туркмен Закаспийской области были также наложницы (гырнак) из числа пленниц, захваченных в аламанах.

[2] Брак с невесткой у туркмен не считался «настоящим», и если на ней женился холостой деверь, то он старался взять еще одну жену.

вой семьи. Внешне сыновья были совершенно самостоятельны в своих действиях, но советы и указания матери играли очень большую роль.

С первых лет существования Советской власти началась борьба за раскрепощение женщины. Декреты Советской власти об отмене калыма и повышении брачного возраста, об упорядочении книг актов гражданского состояния и введении гражданского брака ликвидировали неравноправие женщины. Кроме того, этими декретами было положено начало борьбы за фактическое раскрепощение женщины. II сессия ЦИК Туркменской ССР (1927 г.) подтвердила ранее изданные постановления об отмене калыма и других патриархально-родовых обычаев. Однако эти обычаи в семье и семейной жизни, господствовавшие в течение многих веков, изживались очень медленно. Ломка их вызывала сопротивление культурно отсталых людей старшего поколения, в том числе и женщин, которых поддерживали в заблуждении муллы и баи. В борьбе с этими пережитками погибло немало передовых женщин-общественниц.



Делегаты профсоюзных организаций Туркменской ССР С. Байсахатова и О. Аннаева в зале заседаний Большого Кремлевского дворца

На основе постановления Совнаркома РСФСР «О привлечении рабочих и крестьянок к работе в советских учреждениях» (1921 г.) в Туркмении развернулась работа по организации женских производственных кружков, артелей, мастерских. Женщины, вступившие в ковровые, шелкоткацкие и другие артели, становились экономически самостоятельными. В этот же период в городах Туркмении были созданы рабфаки с интернатами, куда поступали на учебу юноши и девушки, что приучало юношей к товарищескому отношению с девушками, учившимися с ними; это было также большим достижением в деле установления равноправия женщин. Прежде девочка с девяти лет считалась невестой и ей не разрешалось быть вместе с юношами.

Очень долгое время, в некоторых районах Туркмении почти до Великой Отечественной войны, женщины не участвовали в коллективных сельскохозяйственных работах. Главную роль в этом играл укоренившийся порядок, запрещающий женщине появляться там, где есть посторонние мужчины. Культурно-просветительная работа в колхозах, повышение культурного уровня туркменских женщин привели к постепенному преодолению этого пережитка.

Большие сдвиги в сознании произошли в период Великой Отечественной войны, когда женщины вышли на полевые работы в колхозах, заменив ушедших на фронт мужей.

Слушательницы курсов механиков-водителей хлопкоуборочных машин при Чарджоуском отделении «Туркменсельхозтехники»

Теперь в Туркмении, как и везде в Советском Союзе, женщины стали активными участницами социалистического строительства: 7 тыс. туркменок работает на промышленных предприятиях страны. В колхозах женщины стали большой силой; в Туркменской ССР 50 колхозниц (1961 г.) имеют звание Героя Социалистического Труда, сотни колхозниц награждены орденами и медалями.

Колхозная звеньевая Айнабат Бегенчева прославилась в годы Великой Отечественной войны сбором исключительно высоких урожаев хлопка. Она же явилась инициатором создания пришкольных хлопковых участков, на которых стали обучаться и воспитываться будущие мастера высоких урожаев. За трудовые успехи Айнабат Бегенчева удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда. В настоящее время она работает председателем колхоза им. Ленина Каахкинского района. Многие другие женщины также работают председателями колхозов, заместителями их. Много женщин — председателей сельских Советов, бригадиров, заведующих животноводческими фермами и т. п.

Среди туркменок большое число учителей, агрономов, врачей и немало представительниц других специальностей. 15 туркменок (1961 г.) имеют звание кандидатов наук. Научной общественности хорошо известно имя кандидата филологических наук, члена-корреспондента Академии наук Туркменской ССР З. Б. Мухаммедовой, которая ведет большую научно-исследовательскую и педагогическую работу, сочетая ее с общественной деятельностью и воспитанием детей. Кандидат медицинских наук Сачли Дурсунова, мать которой была убита за то, что не хотела быть рабыней бая, работает в Ашхабадском научно-исследовательском институте эпидемиологии и гигиены. За подвиги на фронтах Отечественной войны она награждена орденами и медалями. Женщины принимают активное участие в развитии литературы и искусства республики. Высокое звание народных артистов СССР имеют туркменки Майя Кулиева и Сона Мурадова. Аннагуль Аннакулиева, Сурай Мурадова и другие удостоены звания народных артисток Туркменской ССР.

Рождение и воспитание ребенка

В каждой туркменской семье всегда с нетерпением ждут ребенка; особенно желательным бывает рождение сына. Отсутствие детей переживают тяжело. Прежде в этом всегда винили женщину, которая обычно сама просила мужа взять вторую жену.И теперь еще встречаются случаи, когда отсутствие детей в семье ставится в вину женщине. Бездетные супружеские пары нередко берут на воспитание детей своих многочисленных родственников. Многодетные семьи считаются счастливыми. Женщины, у которых много детей, всегда пользовались заслуженным уважением. Несмотря на это, в старое время женщина, ожидавшая ребенка, не освобождалась от домашней тяжелой работы до самых родов. При приближении родов все мужчины и дети уходили из дома, а на помощь роженице приходила повитуха — *гөбек эне* с помощницей. Если роды были трудными, повитуха применяла различные манипуляции, например, сильно давила на живот, иногда при родах за домом или юртой стреляли из ружей, полагая, что выстрелом можно отпугнуть злые силы, мешающие разрешению роженицы от бремени. Если рождался мальчик, спешили оповестить об этом отца ребенка, который одаривал известившего подарком — *сөйүнҗи* или *бушлук хакы*. Рождение девочки не считалось радостным событием: ведь девочка была временным жильцом в семье и впоследствии уходила в семью будущего мужа. Туркменская пословица гласила: *огул — дөвлет, гыз — мехнет* (сын — богатство, дочь — обуза).

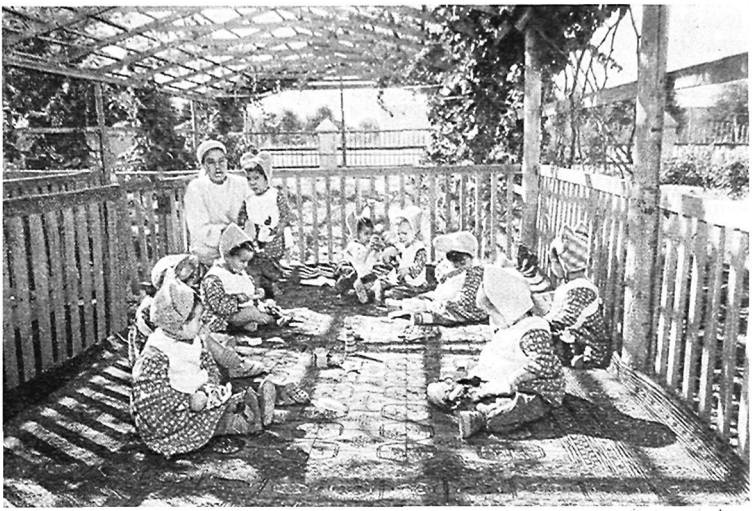
Рождение сына отмечалось у всех слоев населения празднеством — *огул той*, которое особенно торжественно проводилось богатыми. В честь новорожденного устраивалось обильное угощение и проводились состязания — скачки на конях, стрельба из ружей по сложной цели, борьба. Рождение девочки никак не отмечалось, навестить роженицу в этом случае приходили только самые близкие ей женщины.

Женщина поднималась с постели на пятый—седьмой день и сразу же принималась за работу.

Темнота и невежество масс, тяжелый труд, от которого женщина не освобождалась даже в период беременности, отсутствие медицинской помощи — все это было причиной большой смертности детей в первые месяцы их жизни. Болезни и смерть, различные неудачи и несчастья в жизни объяснялись действиями злых духов. Страшно боялись также «дурного глаза». Поэтому жизнь ребенка охранялась множеством суеверных обрядов и церемоний, магических действий. Особенно опасными считались первые 40 дней жизни ребенка (*чиле*) как для него самого, так и для жизни его матери. С целью предохранения от опасности под подушку в колыбель ребенка клали нож. В течение этого периода ребенка не рекомендовалось выносить из дома; как женщина, так и ее ребенок в течение чиле считались «нечистыми» и приносящими в случае встречи с ними неудачу в делах.

Имя ребенку старались дать сразу же; по поверьям туркмен, ребенок, долго не имевший имени, вырастает лжецом.

Первое укладывание в колыбель, окончание чиле, появление первого зуба, первая стрижка волос, проводившаяся одними туркменскими племенами по исполнении ребенку года, другими — двух лет,— все это отмечалось более или менее торжественно и сопровождалось выполнением соответствующих обрядов. Особенно торжественно отмечалось обрезание, проводимое мальчику обычно в возрасте пяти-семи лет, но обязательно до 12 лет. По этому случаю устраивали торжество — *сүннет той*. Многие из этих обрядов и связанные с ними празднества сохраняются и теперь, хотя молодые родители зачастую выполняют их по традиции, из уважения к старшим и не придают им того смысла, какой вкладывают в эти обряды люди старшего поколения.



Детские ясли в колхозе им. Горького. Чарджоуская область

Выпечка лепешек в игрушечном тандыре

С изменением жизни туркмен в результате строительства социализма в СССР многое изменилось и в условиях рождения и воспитания детей. В городах и сельских местностях широко практикуется акушерская помощь при родах, патронатное медицинское наблюдение за ребенком в первые месяцы его жизни. Во многих колхозах построены родильные дома и созданы детские консультации. Страх перед врачами и медицинской помощью окончательно преодолен. Там, где нет еще родильных домов женщины рожают дома, однако нередко и домой уже приглашается акушерка. Случаи смерти при родах стали редкими.

В связи с привлечением женщин к общественному труду часть функций по воспитанию детей взяли на себя детские учреждения — ясли и сады. Во многих колхозах детские ясли и сады, детские площадки организуются на летнее время при полевых станах, в бригадах, где работают женщины-матери. Однако роль семьи в воспитании детей велика и традиционные формы воспитания сохраняются в наше время.

Детей воспитывают в духе строгого и беспрекословного подчинения старшим. Их рано приучают к труду, и девочка восьми-девяти лет обычно бывает уже настоящей помощницей матери. Мальчик также начинает приучаться к труду примерно с этого же времени. Прежде в семьях, где не было взрослых помощников, мальчику девяти-десяти лет уже приходилось помогать отцу в выпасе скота или в сельскохозяйственных работах. С этого же времени, если были средства, мальчика отдавали учиться в мектеб. Девочек грамоте не учили. С девяти лет девочкам не разрешалось играть вместе с мальчиками, так как они считались взрослыми и должны были заниматься подготовкой приданого.

Как отмечалось выше, в туркменской семье по-разному воспринималось рождение мальчика и девочки. Это сказывалось и на их воспитании: мальчика баловали, беспрекословно исполняли его прихоти, особенно если сын был один. Правда, в семье, где девочка была единственным ребенком, ее также баловали, но это скорее было исключением, нежели правилом. Такое неровное отношение к детям продолжало сохраняться в течение некоторого времени и после революции; так, например, мальчикам старались дать полное среднее образование, девочек оставляли дома после 5—6-го класса, считая, что 14—15-летняя дочь уже взрослая девушка и должна думать о подготовке приданого. В 7—8-м классах средней школы девочек было значительно меньше, чем мальчиков. Однако в настоящее время положение изменилось и большинство девочек получает полное среднее образование.

Брак

Свадьба у туркмен всегда отмечалась особенно торжественно, с соблюдением множества традиционных обрядов. Подготовка к свадьбе начиналась задолго до ее проведения.

В настоящее время в брак вступают обычно после окончания средней школы, т. е. с 18 лет, а в городах даже в более позднем возрасте, однако в некоторых сельских районах еще встречаются случаи выдачи замуж девушек в 15—16-летнем возрасте, что осуждается общественностью и преследуется законом. В прошлом совместная супружеская жизнь обыкновенно начиналась для мальчиков с 15, а для девочек с 12 лет[1]. Неравенство брачущихся в летах не являлось препятствием для заключения брака. Женитьба 50—60-летних мужчин на 12—15-летних девочках не была редкостью. Со второй половины XIX в. у текинцев вошло в обычай заключать ранние браки между мальчиками и девочками, иногда находивши-

[1] По данным сельскохозяйственной переписи 1913 г., у йомутов юго-западной Туркмении нередки были случаи выдачи замуж девочек в 8—10-летнем возрасте (ЦГА МВД, ф. 127, оп. 5, д. 33, 39, 42, 45 и др.). О ранних браках у йомутов пишет также К. Бодэ (О туркменских поколениях ямудах и гокланах, «Зап. Русского географического общества», 1847, кн. II, стр. 289).

мися еще в колыбели [1]. Такие «браки» были вызваны тем, что для женатых мужчин выделялась доля поливной воды, а тем самым и соответствующее количество земли. Неженатый, хотя бы он имел преклонный возраст, не пользовался правом на получение доли воды. Понятно, что зажиточные туркмены имели возможность женить своих сыновей в раннем возрасте и получать дополнительные наделы и *ника-сув* (брачную воду), тогда как бедняк, не имевший денег для выплаты калыма, оставался без жены и без земли. Бывало, что мальчика женили на девушке, значительно старше его по возрасту, приобретая таким образом в дом даровую работницу.

До сих пор иногда родители сами подыскивают для своего сына невесту, но и в этом случае юноша и девушка знакомятся до свадьбы, хотя и незадолго; чаще же молодые люди вступают в брак по взаимной склонности. Родители обычно не препятствуют такому браку.

В городах нередки случаи женитьбы на русских, украинках и девушках других национальностей. В недавнем прошлом такие браки вызывали осуждение и были чрезвычайно редки, а если и заключались, то при условии перехода жены в мусульманскую веру. Браки на татарках встречались как прежде, так и теперь, хотя и не одобрялись стариками. Девушку-туркменку не выдавали замуж за представителя другой национальности, и до настоящего времени брак туркменки с нетуркменом встречается как исключение.

У туркмен в недавнем прошлом сохранялись лишь немногие пережитки экзогамии. Как правило, племена туркмен были эндогамны. В связи с ростом товарных отношений получила развитие своеобразная «родовая» эндогамия — предпочитались браки двоюродных брата и сестры по отцовской линии, так как в этом случае имущество оставалось в своем роде.

Случалось, что туркмен для подыскания жены своему сыну выезжал в далекие аулы своего рода, если в своем ауле он не находил подходящей по возрасту и положению невесты. Невеста из своего рода, притом «чистокровная», расценивалась гораздо дороже других девушек. Довольно часты были браки детей двух сестер. Брачные запреты носили строго индивидуальный характер и соответствовали обычным мусульманским запретам.

Широко были распространены *гарша*, *гаршылык* — перекрестные браки двух дочерей и двух сыновей родственников, а иногда соседей; в условиях классового общества такая форма брака, ведущая свое происхождение от дуальной экзогамии, была удобной, так как давала возможность избежать затрат на калым. Нередко туркмены-бедняки покупали курдских и персидских женщин — это обходилось дешевле, чем выплачивать калым за туркменок. Тем не менее уплата калыма была главным условием заключения брака. У различных туркменских племен накануне Великой Октябрьской революции калым был различный, но везде очень высокий [2].

Отличие современной свадьбы от дореволюционной заключается прежде всего в некотором упрощении обрядности, сглаживании деталей, характерных для отдельных племен, уменьшении роли религиозных обрядов и постепенном исчезновении их. К сожалению, совершение *ника* — религиозного бракосочетания — довольно частое явление и в наши дни. Основные моменты свадебного церемониала едины во всей Туркмении.

Цикл свадебных празднеств начинается со сватовства — *гудачылык*.

---

[1] У некоторых туркменских племен (алам, нохурли и др.) обычай сговора (*адаглы*) малолетних существовал издавна.

[2] В конце XIX в. калым у западных йомутов равнялся стоимости 5—12 верблюдов, у гокленов составлял от 2000 до 3500 иранских кран, у текинцев — от 2000 до 4000 кран, у жителей Атека — 3300 кран, а у сарыков — 1600—2000 кран (Дьяволетшин. Народный суд в Закаспийской области. Газ. «Закаспийское обозрение», 1902, № 153). Один иранский кран равнялся тогда примерно 20 коп.

Свадебный поезд текинцев. Невеста сидит в «кеджебе». Конец XIX века

В тех случаях, когда родители наметили для своего сына невесту или юноша сам выбрал себе девушку и решил на ней жениться, в дом к ее родителям посылаются сваты — *савчы*— из наиболее почтенных и уважаемых людей. Случаи, когда девушка и юноша сами договариваются о дне свадьбы, в сельских местностях еще редки и встречаются чаще среди городских жителей.

Получив согласие на брак, сваты договариваются о дне свадьбы, величине приданого, а в прошлом и калыма. Окончательная величина калыма устанавливалась после посещения родителей невесты женщинами из дома жениха через несколько дней после первого сватовства. В прошлом до свадьбы требовалась уплата большей части калыма. В настоящее время как пережиток калыма следует рассматривать установившийся среди определенной части населения обычай обязательного подношения ценных подарков родителям и родственникам невесты со стороны жениха.

Свадьба происходит через два-три месяца после сговора, иногда этот срок несколько удлиняется. В день свадебного пиршества—*той*, который определяется заранее стариками, с утра начинают съезжаться приглашенные. Обычно приглашенных бывает очень много, поэтому для празднования свадьбы занимают и соседние дома. Раньше для этой цели ставили дополнительно две-три юрты. За невестой едут к концу дня. Теперь свадебный поезд состоит из одной или двух грузовых автомашин, прежде — из нескольких верблюдов, на одном из которых устанавливалась специальная свадебная палатка *кежебе* для невесты и ее спутницы — *енце* — жены старшего брата невесты или другого ближайшего родственника. Йомуты и теперь набрасывают покрывало на машину с невестой.

Увоз девушки из дома ее родных сопровождается шуточной борьбой, которая раньше нередко перерастала в настоящую. В доме будущего мужа невесту помещают в особой комнате за занавеской. Йомуты-джафарбаевцы в прошлом ставили для невесты специальную юрту — *өрүк өй*, *өргей*, в которой происходило первое свидание жениха и невесты. У тех же джафарбайцев сохраняется до наших дней интересный персонаж дружка жениха — *мысайып*, в доме которого жених находится во время свадебного тоя и бракосочетания. Мусайыб руководит действиями жениха и первый

Молодая (закрыта белым платком) в кругу подруг на второй день после свадьбы

открывает лицо невесты. В отдаленном прошлом роль мусайыба была более значительна — судя по фольклору и устным преданиям, ему принадлежало право первой ночи. Через несколько часов после привоза невесты совершали обряд бракосочетания (ника).

Празднование свадьбы продолжается два-три дня. В прошлом на второй день праздника устраивались скачки, состязания в стрельбе в цель, борьба и другие развлечения. Теперь ограничиваются борьбой *гөреш* — одним из самых любимых видов спорта, и по вечерам — музыкальными состязаниями на лучшее исполнение народных и героических песенных сказаний.

Через несколько дней после свадьбы молодую увозили в дом ее родителей, где она находилась до полной уплаты калыма. Даже в том случае, если калым к моменту бракосочетания был уплачен полностью, молодая все же обязана была поселиться на известное время в доме своих родителей. Период раздельной жизни супругов длился от двух недель[1] до нескольких лет. Время пребывания в родном доме проходило в приготовлении приданого: шитье одежды, тканье ковров и хлопчатобумажной ткани, стегании одеял. Молодая в период пребывания в доме родителей называлась *гайтарма* (возвращенная) или *чувалгыз* (мешочная девушка). Она встречалась с мужем тайно. Если мужа заставали с женой, то обычай позволял убить его или затравить собаками. У йомутов-джафарбайцев свидания мужа с женой организовывал мусайыб в одном из домов селения, где жили родители жены.

В случае беременности жена обязана была возвратиться в дом мужа, независимо от количества внесенного калыма, дальнейшая уплата которого в этом случае считалась не обязательной. Обычай «возвращения домой» у туркмен, как и у ряда других народов, рассматривается исследователями как пережиток переходной стадии между матрилокальной и патрилокальной формами брачного поселения. В наше время этот

[1] Период пребывания в доме мужа после свадьбы, так же как и период пребывания в родительском доме, у разных туркменских племен был различен. У нохурли, например, пребывание в доме родителей длилось 15—30 дней, если, разумеется, калым был уплачен сполна, у йомутов — от 1 года до 10 лет и более.

обычай сохраняется в пережиточной форме. Молодая приезжает в родной дом погостить на несколько дней, а затем возвращается в дом мужа. Возвращение молодой как прежде, так и теперь сопровождается небольшим пиршеством и ценными подарками, с которыми она уходит из дома родителей.

Существовавший ранее у туркмен обычай умыкания девушек без согласия родителей в первые годы Советской власти получил некоторое развитие как протест молодежи против насильственных браков с нелюбимыми. Юноша, тайно сговорившись с девушкой, увозил ее из родительского дома. Родителей ставили перед свершившимся фактом после регистрации брака. В этих случаях прежде, если хотели полюбовно решить дело, калым выплачивали в значительно большем размере. В годы Советской власти подобные браки обходились без уплаты калыма.

Лечебная помощь

Недостаточное питание и крайне неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, в которых находилось подавляющее большинство населения Туркмении до Октябрьской революции, способствовали массовому распространению различного рода заболеваний, а также высокой смертности, особенно в детском возрасте. Как показывают статистические данные за 1912—1914 гг., у туркмен были наиболее распространены болезни органов пищеварения, малярия, глазные болезни, сифилис и другие венерические заболевания, цинга, дизентерия, корь, скарлатина, дифтерит.

К врачу обращались далеко не все больные, а только в самых тяжелых случаях. Одной из наиболее типичных местных болезней была трахома, часто заканчивавшаяся слепотой, многие болели также малярией, дававшей большой процент смертности, так называемой пендинской язвой (пендинкой) и сифилисом, обычно в бытовой форме. В некоторых районах, например на юго-восточном побережье Каспийского моря, постоянно наблюдались случаи заболевания проказой.

Общее количество лечебных учреждений области, если исключить военные лазареты и железнодорожные больницы, не превышало десятка (1914г.). Все они находились или в Ашхабаде или в уездных городах и для массы населения, разбросанного на огромном пространстве области, были недоступны. Медицинский персонал области состоял в 1914 г. из 26 врачей (кроме 15 зубных врачей), 51 фельдшера, 11 акушерок и 34 оспопрививателей. Население не было знакомо даже с элементарными правилами санитарии и гигиены. Бани туркменскому населению были не известны.

Население обращалось обычно за помощью к местным лекарям — *тебип*, в роли которых нередко выступали муллы, лечившие молитвами, или шаманы — *порхан*, применявшие различного рода заклинания. У тебибов искусство врачевания передавалось из поколения в поколение. Особенной славой среди тебибов у туркмен пользовались местные хирурги (костоправы). При лечении ран наилучшим средством считалось сало из бараньего курдюка, им покрывали обычно свежую рану; затем применяли мази, в состав которых входило то же курдючное сало, воск, медный купорос и др. При лечении паралича и ревматизма применялись свежеснятые бараньи шкуры, которыми обертывали большую часть тела, а при внутренних болезнях — кровопускание. Некоторые тебибы для лечения широко пользовались различными местными травами.

Для врачевания обычно применялись различные приемы и церемонии, основанные на суевериях, наносившие большой вред больным. Большинство болезней объяснялось сглазом, порчей или действиями злых духов. Отсюда и исходили в выборе средств исцеления, часто прибегая к магическим приемам. При малярии завязывали на руку нитку из верблюжьей шерсти с семью узлами, при кори поили водой, в которую выдавливали верблюжьих клещей. Подобным же образом «лечили» и во многих других случаях.

В кабинете детской консультации при медицинском пункте сельсовета Багир

За годы Советской власти в Туркмении создана широкая сеть лечебных учреждений, в том числе 313 больничных учреждений (1960 г.), много сельских врачебных участков и фельдшерских пунктов. В республике работает 3035 врачей, 10 479 человек среднего медицинского персонала; в большинстве районов республики организованы приемы врачей различных специальностей. Особенно усиливается медицинское обслуживание в периоды напряженных полевых работ. На полевых станах, в отдаленных бригадах и отарах организуются выездные фельдшерско-акушерские пункты и санитарные посты.

Благодаря большому вниманию, уделявшемуся борьбе с малярией, и проведению связанных с ней профилактических мероприятий — опыление ядами водоемов со стоячей водой, осушение и нефтевание заболоченных мест—это заболевание почти полностью ликвидировано; уничтожены многие социальные болезни, так же как и оспа, парша, значительно снижены желудочно-кишечные заболевания.

Хорошо организован отдых трудящихся, они получают путевки в дома отдыха, санатории, на курорты Крыма, Кавказа, Прибалтики. В самой Туркмении имеется семь домов отдыха (1120 коек), 14 колхозных санаториев (1985 коек). Инвалиды и лучшие производственники обеспечиваются бесплатными или льготными путевками. Курорты Туркмении — Байрам-Али, Молла-Кара, Арчман привлекают много больных со всего Советского Союза.

Создана большая сеть детских садов и яслей; в городах и колхозах насчитывается свыше 400 (16 500 коек) постоянно действующих детских яслей, из них больше половины в колхозах. На период полевых работ в колхозах создаются еще тысячи сезонных яслей; при врачебных и акушерских пунктах исключительно для беременных женщин и рожениц организовано около 1400 коек, в одних только колхозах работает больше 100 родильных домов. Детей обслуживают десятки домов отдыха и пионерских лагерей. Так, в горных местностях Чули и Фирюзе, под Аш-

Родильный дом в г. Ташауз

хабадом, славящихся своим прекрасным климатом и множеством фруктов, создано 11 благоустроенных домов отдыха для детей рабочих Небит-Дага и других промышленных центров, а также для детей колхозников республики. Ежегодно в них отдыхает более 2500 детей.

Среди медицинских кадров, подготавливаемых в специальных учебных заведениях республики, значительный процент составляют туркмены.

Физкультура и спорт

У туркмен весьма распространены разнообразные игры, в большинстве своем имеющие характер состязаний. Скачки на лошадях — *ат чапышдырмак*, *ярыш*, *байрак* и соревнования в стрельбе — *нышана атышмак*, *атышык* являлись прежде непременной частью празднеств, устраивавшихся по случаю свадеб и других семейных торжеств или в связи с выдающимися событиями, в которых участвовало много народа.

Наряду с состязаниями на конях и в стрельбе, у туркмен широко развиты различные виды спортивных игр, а также игры, способствующие развитию ловкости, памяти, осязания и слуха.

Широкое распространение и прежде имели у туркмен шахматы. Теперь ими увлекаются не только старики, но и юноши и девушки. На республиканских шахматных чемпионатах долгое время первенство держал туркмен Р. Валиев, хорошо известны также шахматисты К. Ханов, Назаров.

Особенно популярна у туркмен игра *чеке* или *йузук* (дословно — колечко). Она проводится обычно во время больших праздников. Играющие делятся на две примерно равные группы, в каждую из которых входят обычно одноаульцы. Играющие одной группы усаживаются на корточки, спиной к стене, забору. Вожатый этой группы — *йузук берижи* — подходит к каждому участнику, присаживается около него, засовывает ему за пазуху спрятанную в рукаве халата руку, и, приговаривая: «На тебе», «Бери», «Не выдавай», делает вид, что оставляет у него условленый предмет (обычно ключ, кольцо, перочинный нож). Мастерство вожатого заключается в том, чтобы по его поведению противная сторона не догадалась, у кого из сидящих действительно оставлен за пазухой предмет (юзук). Закончив обход, вожак молча садится на корточки с края своей группы. Отгадывающий из другой группы, не дожидаясь конца обхода, подходит к сидящим, мимо которых прошел юзук

Борьба «гореш». Начало XX в.

бериджи, усаживается против каждого из них на корточки и наблюдает за выражением лица, глаз, не дрожит ли испытуемый, пульсирует ли у него на шее «живчик» (*алкым дамар*) — этому признаку придается особое значение. Если после кратковременного наблюдения отгадывающий не обнаружил признаков наличия вещи у данного лица, он берет испытуемого рукой за плечо или, ударяя по плечу, говорит: «Пуча» (пустота). После этого испытуемый должен встать и выйти из игры. Когда сидящих остается трое-четверо, игра становится особенно напряженной. Лучшие знатоки отгадывающей стороны начинают чаще советоваться друг с другом, делая вид, что они обнаружили спрятанный предмет, что в свою очередь приводит к весьма большому напряжению сидящего с юзуком, он должен проявить самообладание и сохранять спокойствие.

Выигравшая сторона получает приз, который распределяет поровну между участниками. В XIX в. в качестве приза обычно выделяли барана или козу, животное закалывали, и выигравшая сторона устраивала совместное пиршество. Если был установлен денежный приз, выигравшие, по традиции, на эти деньги покупали мясо и рис и готовили плов, который также сообща съедали.

Искусные игроки в чеке, как отгадывающие, так и прячущие (*йзучкчи*), были всегда популярны и уважаемы. Их ценили за железную волю, хорошую наблюдательность, выдержку и зачастую приглашали для участия не только в играх, но и в различных серьезных мероприятиях.

Большой интерес представляет борьба гореш. Борющиеся опоясываются кушаками, но очень свободно, с таким расчетом, чтобы под кушак могла пройти рука. Противники обхватывают друг друга так, чтобы обеими руками можно было держаться за спиной противника за кушак. После этого начинается борьба. В состязании победителем становится обычно не тот, кто сильнее и тяжеловеснее, а тот, кто искуснее владеет методом *бадак салмак* (*бадак атмак*) — быстро и неожиданно подставить ногу противнику, чтобы он потерял равновесие и упал. Побежденным считается тот, кто первым коснется земли рукой, плечом или коленом. В настоящее время гореш — одна из самых популярных спортивных игр. С 1928 г. установлены твердые правила борьбы, которых до этого не существовало. Ни одна спартакиада, ни одно празднество, как обществен-

ное, так и семейное, не проходит без этой игры. Победители в этой игре на республиканских спартакиадах — *пэлван* — Ильяс Текемамедов (тракторист), Ата Овезов (колхозник), тренер, мастер спорта СССР Х. Палтаев, Кулиев (агроном) и многие другие пользуются известностью и большим уважением.

В прошлом одним из любимейших видов спорта были конные состязания, получившие в наши дни дальнейшее развитие. Так же как и борьба, конные соревнования были непременной частью народных празднеств и богатых тоев.

В годы Советской власти туркменские конники заслужили мировую славу своим беспримерным в истории конным пробегом Ашхабад—Москва (в 1935 г.). За 83 дня они преодолели 4300 км по пескам Туркмении, степям и просторам России. Стали традиционными ежегодные конные состязания по областям, а также республиканские, в которых выступают колхозные джигиты на своих лучших скакунах.

В Туркмении при Советской власти началось массовое развитие физкультуры и спорта. Появились спортплощадки современного типа при школах, в колхозах, при комсомольских клубах. Туркмены познакомились с видами спорта, развитыми у русских и других народов нашей страны. Среди молодежи и в школах регулярно проводятся физкультурные занятия и различные спортивные игры. Старшее поколение не всегда сразу признавало за молодежью право участия в новых, нетуркменских видах спорта[1], все же с течением времени эта косность была преодолена.

Лучшим показателем того, что различные виды спорта завоевали в Туркмении признание и широко бытуют не только в городах, но и сельских местностях, являются массовые республиканские областные и районные спартакиады, проводимые ежегодно; в них активное участие принимают не только туркменские юноши, но и девушки.

Религия

Господствующей и официальной религией туркмен был ислам суннитского толка. Муллы, ахуны, ишаны и другие представители мусульманского духовенства существовали за счет «доброхотных даяний» верующих, а также за счет неофициальных налогов —закят или *хүшүр*, собиравшихся с населения на религиозные нужды. Мечети располагались в постоянных глинобитных помещениях или в обыкновенных юртах. Количество мечетей в Туркмении и численность духовенства, в сравнении с центральными районами Средней Азии, были невелики, что в значительной степени объяснялось отдаленностью туркменских оазисов от центров религиозной пропаганды — Бухары, Коканда и Хивы. Туркменский мулла являлся нередко единственным грамотным человеком в ауле и выступал поэтому в роли советника населения при разрешении различного рода тяжб по шариату. Многие из духовных лиц выполняли также функции лекарей, они лечили заговорами и продавали своим пациентам амулеты от болезней и других несчастий.

В Туркмении подвизались также ишаны — представители суфийских (мистических) толков — кубрави, накшбенди, насаждавшие среди населения мюридизм. Ишаны оказывали огромное влияние на население. Их звание передавалось по наследству. Мюридизм объединял самые отсталые слои населения Туркмении, которым внушалась слепая дисциплина и безоговорочное подчинение наставнику-мюршиду. Эти наставники разжигали ненависть к «неверным» и вели проповедь «священной войны».

Ишаны пользовались среди населения большой популярностью. Туркмены — члены суфийских орденов устраивали под руководством ишана

[1] В небольшом рассказе «Честь» туркменского писателя А. Мамедова хорошо показано, как девушкам-туркменкам приходилось преодолевать сопротивление своих родителей и родственников, не разрешавших им участвовать в различных спортивных состязаниях, в частности в баскетбольных и волейбольных играх (А. Мамедов. Человек находит правду. Ашхабад, 1959).

Колхозная читальня. Игра в шахматы. Колхоз «Большевик». Куня-Ургенчский район.

общие моления — *зикир*, во время которых практиковалось и «изгнание» злых духов из больных.

Наряду с официальной религией значительную роль играли также пережитки старых домусульманских верований и обрядов. Остатки поклонения огню сохранялись в форме прыгания через костер и пускания бумажных змеев с зажженной паклей вечером в день *гара-чаршамбе* (черная среда); женщины после прыгания через костер били посуду; считалось, что прыгающие через огонь очищались и избавлялись от всяких несчастий и болезней. В некоторых местах этот обряд приурочивался к последней среде мусульманского лунного года, в других — к последней среде старого иранского солнечного года, перед новым годом — *новруз* (21 марта).

Культ предков, вера в духов-покровителей прослеживались у всех туркменских групп. Память предка была священной, а надругательство над ней считалось величайшим оскорблением не только его непосредственных потомков, но и всего рода. В честь предков приносилось в жертву животное, устраивались поминки по умершим—*пата* и *худай ёлы*. Принесение жалобы предку на одного из живущих потомков считалось величайшим наказанием для провинившегося. Обычно в честь умершего деда называли первого родившегося после его смерти ребенка, девочек называли в честь бабки.

Суеверия были широко распространены среди всех туркмен. Верили в приметы, в «звезду», в «дурной глаз», в «счастливые» и «несчастливые» дни и т. д. Чтобы обезопасить себя от действия враждебных сил, применяли различные средства, о чем уже говорилось выше.

Успехи советской науки и техники, развитие народного образования и ликвидация неграмотности, широкое распространение газет и книг, радио и усиление культурно-просветительной работы в сочетании с общим ростом материального благосостояния трудящихся произвели коренные изменения в сознании широких масс. Теперь значительная часть населения отошла от религии, перестала верить в бога, признавать догмы

ислама и убедилась в том, что духовенство живет обманом верующих. Этому способствовала и массовая атеистическая пропаганда, особенно усиленно проводившаяся в 20—30-х годах и сыгравшая огромную роль в подрыве позиций мусульманской религии.

Однако и до сих пор в быту продолжают сохраняться суеверия, некоторые старые обряды и обычаи, идущие от ислама и доисламских верований.

Среди старшего поколения, преимущественно женщин, сохраняется почитание некоторых мазаров — Парау-Биби (около Кизыл-Арвата), Эзбер-Баба (Куня-Ургенчский район), мавзолеев Меана-Баба (Каахкинский район) и др. Некоторая часть населения все еще совершает пятикратный намаз, соблюдает уразу и т. п. Это положение обязывает советскую общественность, наиболее сознательных трудящихся вместе с партийным активом усиливать пропаганду атеистического мировоззрения, решительно противодействуя попыткам духовенства укреплять влияние ислама.

Характерно, что теперь наблюдается стремление приспособить религию к современным условиям, убедить людей, что коммунизм может существовать с религией. Так, в Чарджоуской области муллы объявили верующим, что женщинам, поскольку они теперь равноправны с мужчинами, разрешается посещать богослужения в мечетях.

В 1954 г. ЦК КПСС в постановлении от 10 ноября указал на крупные недостатки в научно-атеистической пропаганде. В последующие годы на страницах центральной и республиканских газет появились статьи и заметки, посвященные этому вопросу. Большую атеистическую работу проводит Общество по распространению политических и научных знаний. Значительную роль в преодолении религиозных пережитков играют школы, печать и культурно-просветительные учреждения республики.

Постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. наметило задачи партийной пропаганды в современных условиях. Атеистическая пропаганда, как и партийная пропаганда в целом, должна быть связана непосредственно с жизнью, с практикой строительства коммунизма, она должна стать по-настоящему широкой, массовой и доступной для каждого трудящегося.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Народное образование

Грамотность среди туркмен к концу XIX в. была чрезвычайно низка. Для того чтобы найти человека, умеющего прочитать самый элементарный текст, нужно было объехать, по словам стариков, не менее пяти-шести аулов.

Единственным типом начальной школы было низшее учебное заведение конфессионального характера — *мектеп*, задачей которого являлось не столько обучение детей грамоте, сколько воспитание их в духе мусульманского благочестия. Большинство окончивших его оставались фактически малограмотными или совсем неграмотными. Главную массу учащихся составляли мальчики в возрасте до 14 лет, девочек было чрезвычайно мало. В противоположность центральным областям Средней Азии, мальчики и девочки в Закаспийской области обучались совместно, но девочка могла учиться в общем мектебе только до девяти лет. Количество мектебов в Закаспийской области в 1915—1916 гг. достигало 209 при 2492 учащихся, из которых было 470 девочек.

Другим типом учебного заведения была высшая богословская школа — *медресе*. В 1915 г. в Туркмении существовало 43 медресе. Содержались они обычно за счет неофициальных сборов среди местных богачей. Царская администрация в деятельность мектебов и медресе не вмешивалась.

В Туркмении существовало также несколько русско-туземных школ, предназначавшихся для обучения детей туркменского населения; в

них обучали учителя (как русские, так и туркмены), получившие среднее педагогическое образование. Популярность русско-туземных школ среди населения в первое время была незначительна, чему способствовала враждебная агитация мулл; после революции 1905—1907 гг. число их несколько увеличилось.

После Октябрьской революции и особенно после образования Туркменской ССР (1924 г.) в деле народного образования были достигнуты большие успехи. В результате осуществления ряда пятилетних планов Туркменская ССР по уровню развития народного образования превратилась в одну из передовых республик Востока. В республике была проведена большая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности. Успешному ходу культурной революции способствовала замена старого арабского алфавита, существовавшего до 1929 г., новым — сначала латинским, а с 1940 г.— основанным на русской графике. Это помогло туркменам приобщиться к передовой культуре великого русского народа и создало необходимые условия для дальнейшего развития социалистической культуры в Туркменской ССР.

В республике имеется около 1300 средних, неполных средних и начальных школ (1960 г.), из них 994 в сельской местности. В них обучается 267 600 детей, среди них 88 тыс. девочек-туркменок. Разрешена задача по завершению всеобщего семилетнего образования. В столице, в областных центрах и в крупных городах республики осуществлен переход от семилетнего образования к всеобщему среднему образованию. Только в 1960 г. окончило десятый класс 4665 человек. В средних школах республики введено политехническое обучение. Создано шесть школ-интернатов, их сеть расширяется и увеличивается контингент учащихся. Обучение ведется на родном языке, а в ряде городских школ — на русском. Вместе с тем усиливается стремление учащихся средних туркменских школ к изучению русского языка.

За последние годы подготовлено значительное количество национальных педагогических кадров. В общеобразовательных школах республики работают 15142 учителя, из них 9402 с высшим и незаконченным высшим образованием. В школах республики нет учителей, не имеющих среднего образования.

Большая группа учителей Туркменской ССР награждена за выслугу лет и безупречную работу орденами и медалями Советского Союза, сотни педагогов удостоены звания Заслуженного учителя Туркменской ССР. Многие учителя облечены высоким доверием народа — избраны депутатами Верховного Совета СССР, Верховного Совета Туркменской ССР, местных Советов депутатов трудящихся. В числе их директор школы № 22 Тельманского района Ташаузской области Айсолтан Моллаева — депутат Верховного Совета СССР.

Туркменскому народу впервые стало доступно высшее и среднее специальное образование. В Туркменском государственном университете им. М. Горького, сельскохозяйственном, медицинском, в педагогических институтах и в 23 специальных средних учебных заведениях обучается более 25 тыс. студентов. Кроме того, многие туркмены обучаются за пределами республики в различных вузах Советского Союза. В народном хозяйстве республики в настоящее время работает 22 400 специалистов, имеющих высшее образование.

В Туркменской ССР на каждые 10 тыс. человек приходится 91 учащийся в высших учебных заведениях.

Выросли многочисленные кадры советской туркменской интеллигенции, в том числе большое число партийных и советских работников, а также специалистов в различных областях народного хозяйства и культурного строительства, растут кадры колхозной интеллигенции и квалифицированных рабочих.

Средняя школа в колхозе. Тахтинский район, Ташаузская область

Уделяется большое внимание развитию научно-исследовательской работы. В Туркмении в 1940 г. был создан филиал Академии наук СССР, а в 1951 г.— Академия наук Туркменской ССР, которая возглавляет творческую деятельность научно-исследовательских институтов и лабораторий. В них работают 20 докторов и 112 кандидатов наук (1961 г.).

Ученые Туркменистана совместно с новаторами производства сделали ряд крупных открытий и изобретений, опубликованных в многочисленных изданиях соответствующих научных учреждений республики. Далеко за пределами нашей страны известны труды Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции. Достижения науки систематически внедряются в производство. Так, работа Репетекской научной песчано-пустынной станции непосредственно связана с важными запросами различных отраслей хозяйства республики. В течение ряда лет проводились и удачно завершены опыты по выращиванию в пустыне овощей, поливаемых солоноватой водой из колодцев, бахчевых культур в траншеях без полива и т. п. Эти опыты помогают решить важную задачу обеспечения продуктами питания чабанов, живущих на отгонных пастбищах и в пустыне.

В республике имеется широкая сеть культурно-просветительных учреждений; к началу 1961 г. функционировало 934 клубных учреждения, из них 764 в сельских местностях. Количество массовых библиотек к концу 1960 г. дошло до 1161 (5 607 100 книг), в том числе в сельских местностях 931 (2 689 100 книг). В каждом городе, районном центре, почти в каждом рабочем и колхозном поселке имеются дворцы и дома культуры, клубы, парки культуры и отдыха. Все эти учреждения ведут разнообразную массовую работу. При них созданы сотни драматических, музыкальных, агрономических, физкультурных и других кружков, народные театры, университеты культуры.

В музеях республики экспонируются, наряду с другими ценными коллекциями, и образцы старинного, переходившего из поколения в поколение национального искусства ковроткачества — высокохудожественные ковры и ковровые изделия, в которых отражено неисчислимое богатство и разнообразие накопленного веками народного опыта.

Население дореволюционной Туркмении имело смутное представление о газете и книге, так как на туркменском языке они совсем не издавались. Периодическая печать и книгоиздательство на родном языке

В Небит-Дагской школе-интернате. Дежурство в столовой

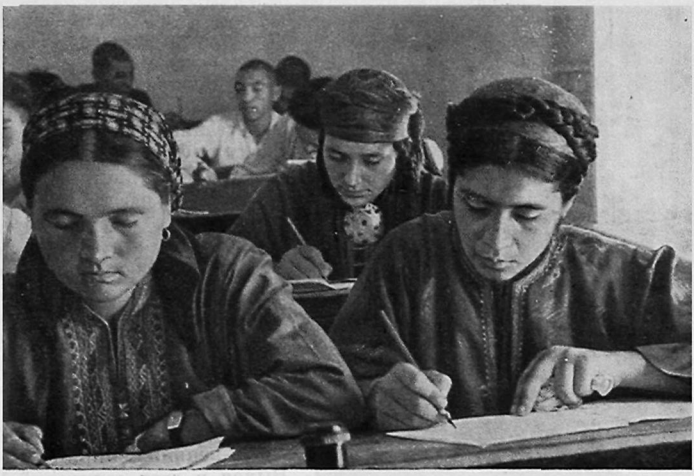
стали развиваться в республике только после Великой Октябрьской социалистической революции.

У туркменского писателя Нурмурада Сарыханова есть небольшая, подкупающая своей правдивостью новелла «Книга». Ее герой, задавленный нуждой и бедностью, неграмотный крестьянин Вельмурат-ага, восхищенный стихами классика туркменской литературы поэта-мыслителя Махтумкули, променял свое единственное достояние — верблюдицу — на рукописную книгу его произведений. Но читать эту книгу Вельмурат-ага не мог. Только в советское время с помощью сына, получившего образование, старик-дайханин в полной мере насладился своим сокровищем. В новелле ярко показано, каким уважением у неграмотного, но духовно одаренного дайханина пользовалась книга.

Коммунистическая партия и Советское правительство с первых же дней победы Великого Октября приняли меры к изданию газет, журналов, книг на национальных языках, так как развитие культуры могло успешно осуществляться только на родном языке народа. Первенцем туркменской печати была газета «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов города Асхабада», издававшаяся с января по июль 1918 г.

В настоящее время в республике выходят газеты на туркменском, русском, узбекском и казахском языках. Они имеют массового читателя и издаются большими тиражами. Если в 1925 г. газета «Совет Туркменистаны» выпускалась тиражом до 2 тыс. экз., то теперь ее разовый тираж составляет около 70 тыс. экз. Тираж газеты «Туркменская искра» с 4,5 тыс. экз. в 1925 г. вырос до 50 тыс. экз. в 1961 г.

Массовыми тиражами выпускаются журналы «Коммунист Туркменистана» (с 1925 г.), «Совет эдебияты» («Советская литература») (с 1928 г.), «Токмак» («Колотушка») (с 1925 г.), «В помощь учителю» (с 1936 г.), «Известия Академии наук Туркменской ССР» (с 1944 г.), «Женщина Советского Туркменистана» (с 1952 г.), «Пионер» (с 1926 г.). С 1957 г. началось издание журналов «Сельское хозяйство Туркменистана», «Здравоохранение Туркменистана» и литературного альманаха «Ашхабад» на русском языке.



Вступительные экзамены по литературе в Туркменский государственный университет

Занятия студентов в лаборатории Ашхабадского медицинского института

Репетекская песчано-пустынная станция. Чарджоуская область

Газеты и журналы проникли в самые отдаленные уголки республики. Теперь на каждые пять жителей Туркменской ССР приходится по два экземпляра газет и журналов.

В январе 1925 г. было организовано Туркменское государственное издательство, это создало большие возможности для развития книгоиздательского дела в республике. Среди литературы, издаваемой на туркменском языке, большое место занимают произведения классиков марксизма-ленинизма. Издание произведений Маркса, Энгельса и Ленина на туркменском языке намного улучшилось и ускорилось после организации в 1949 г. Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Выход в свет сочинений В. И. Ленина на туркменском языке имеет огромное значение для дальнейшего повышения уровня идеологической работы в республике, для еще большего расцвета науки и культуры туркменского народа.

Национальное издательство проделало огромную работу по выпуску произведений художественной литературы. В Советском Туркменистане впервые в истории туркменской литературы были изданы и неоднократно переиздавались большими тиражами произведения Махтумкули, Кемине, Зелили, Сеиди, Молланепеса и других поэтов, глубоко любимых народом. Эти книги можно встретить теперь во всех самых глухих уголках республики — на животноводческих фермах, в далеких рыбачьих поселках. Большой популярностью пользуются произведения советских писателей Туркменистана Б. Кербабаева, А. Каушутова, Н. Сарыхачова, Б. Сейтакова, Х. Исмаилова, Ч. Аширова, К. Сейтлиева, А. Кекилова, Х. Дерьяева и др. Произведения крупнейшего туркменского писателя Б. Кербабаева изданы на 12 языках общим тиражом свыше 2 млн. экземпляров. В 1961 г. завершено издание собрания сочинений Б. Кербабаева в шести томах на туркменском языке.

Трудящиеся республики читают на родном языке бессмертные творения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Д. А. Фурманова, М. А. Шолохова и многих других русских и советских писателей. Издается много книг детских писателей. Только за последние пять лет выпущено более ста названий книг в переводе с русского языка. На туркменском языке изданы произведения украинских, узбекских, казахских, киргизских, латышских, таджикских, армянских, азербайджанских и других писателей братских национальных республик. В 1960 г. на туркменский язык были переведены книги с восьми языков народов СССР. Вместе с тем произведения классиков турк-

Дворец культуры нефтяников в г. Небит-Даге

менской литературы и советских писателей Туркменистана переводятся на русский язык, языки других народов СССР и стран народной демократии.

Широкое распространение в Туркменистане получили произведения художественной литературы народно-демократических стран Европы и Азии, а также писателей Англии, Франции, Индии, Афганистана, Бирмы и других зарубежных стран. Только в 1960 г. на туркменском языке издано 17 книг иностранных авторов. Трудящиеся Туркменистана читают теперь на своем родном языке произведения В. Шекспира, В. Гюго, Ч. Диккенса, Э. Золя, Марка Твена, Д. Лондона, С. Сервантеса, Н. Хикмета, Р. Тагора, Лу Синя, А. Барбюса, Э. Хемингуэя, Ш. Петефи, А. Зегерс, М. Садовяну, А. Стиля и многих других писателей.

Огромная работа проводится по обеспечению школ учебниками. Если в 1940 г. в Туркменской ССР было издано 58 учебников тиражом 688 тыс. экз., то в 1960 г. Учпедгизом республики было выпущено 95 учебников общим тиражом 1321 тыс. экз. Издается большое количество учебно-методической литературы для учителей.

Плодотворную работу по выпуску научной литературы ведет издательство Академии наук Туркменской ССР. За последние годы вышли в свет такие фундаментальные издания, как «История Туркменской ССР» в двух томах на русском и туркменском языках, «Присоединение Туркмении к России», т. I, «Флора Туркмении» в шести томах, «Русско-туркменский словарь», индийский эпос «Махабхарата» в переводе на русский язык и др.

Устное народное творчество

Отличительной чертой богатого и разнообразного устного народного творчества туркмен является преобладание лирических форм. Это прежде всего различные песни: колыбельные — *хувди*, девичьи — ляле, плачи — *агы*, своеобразные подблюдные — *монжук атды*, подчас высокохудожественные, социально заостренные. В таких эпических жанрах, как героический эпос (например, Гёр-оглы), повествование ведется в прозе, а кульминационные моменты и психология героев раскрываются через стихотворные лирические монологи. Видимо, переходным звеном между чисто лирическими песнями и героическим эпосом следует считать *дестан*. Лю-

бовно-приключенческий сюжет в дестанах излагается прозой, внутренний же мир героев обрисовывается в лирических монологах. Очень часто даже загадки — *матал*, поговорки и пословицы — *накыл*, *аталар сёзи* выражаются или в виде целой стихотворной строфы или же ритмической прозой. Чисто прозаическим жанром следует считать сказки — *эртеки*, в них тоже встречаются стихотворные заставки, но не так часто, как в дестанах.

Наиболее популярное произведение туркменского фольклора — это эпос «Гёр-оглы», переходящий из уст в уста; главными хранителями являются сказители — *бахшы*. Содержащиеся в нем лирические монологи, как правило, отличаются значительной художественной силой, они все без исключения положены на музыку. Эпос повествует о таких высоких качествах своих героев, как любовь к родине, неизменная готовность отразить ее врагов. Гёр-оглы и его 40 удальцов защищают пределы своей страны, им чужая территория не нужна. Они ведут справедливую борьбу и поэтому, как правило, всегда побеждают. Происходят они все из народных масс. «Гёр-оглы» — сын бедного туркмена[1]. Герои эпоса проявляют уважение к женщине, готовность поступиться своими интересами ради общенародных. Эпос «Гёр-оглы», как один из памятников художественного творчества туркменского народа, играл особенно большую роль в формировании мировоззрения выдающихся поэтов прошлого, таких, как Махтумкули, Сеиди, Зелили, Кемине, Молланепес.

Второе по популярности место занимают дестаны — героические, романтические и фантастические; всем им присущ приключенческий характер. Часть их анонимные (например, «Шасенем и Гариб»), у других известны авторы («Зохре и Тахир» Молланепеса и «Лейли и Меджнун» Андалиба); но даже на каждом из анонимных дестанов лежит отпечаток стиля единого автора. Возможно, их авторами были сами бахши. Все дестаны исполняются бахши, стихотворные заставки поются на уже установленные мотивы. Эта нераздельность музыки и поэзии широко отражена как в дестанах, так и в эпосе «Гёр-оглы».

Значительное место в туркменском народном творчестве занимают сказки. В отличие от дестанов на них почти нет отпечатка книжной традиции, у туркмен не было каких-либо профессиональных распространителей и хранителей сказок. Их рассказывали повсеместно обычно пожилые люди. Содержание сказок чрезвычайно разнообразно. Они делятся на три основные группы: а) сказки о животных; б) волшебные или фантастические и в) бытовые или новеллистические сказки.

Наиболее древние сказки о животных просты по сюжету, несложны по композиции и в настоящее время их рассказывают чаще всего детям взрослые или сами дети. Более поздние представляют собой сатирические рассказы-сказки. Под видом животных в сказках выведены баи, муллы, иногда падишахи. Такова, например, сказка «Лиса-паломница», являющаяся сатирой на фальшивое благочестие духовенства.

В противоположность сказкам о животных, волшебные сказки имеют сложную композицию и большой объем. Героями волшебных сказок обычно являются падишахи и визири, их сыновья, иногда представители других слоев населения. Герои волшебных сказок попадают в трудные положения, борются с дэвами, превращаются в животных, но в большинстве случаев их похождения имеют благополучный конец. Характерно, что женские персонажи волшебных сказок, будь то красавицы-пери, царицы или простые девушки, как бы умны и находчивы они ни были, всегда в конце концов попадают в зависимость от мужчины.

Бытовые или новеллистические сказки почти всегда короче волшебных, сюжет их и композиция не сложны. Главными действующими лицами их обычно являются крестьяне, иногда представители других клас-

[1] В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 170.

сов. Бедняки занимают первое место среди героев. Падишахи и визири, казии и купцы, ишаны, муллы и баи в сказках подобного типа играют отрицательную роль. Сказки с их участием часто превращаются в анекдоты. В бытовых сказках отразилось резко отрицательное отношение бедняцкого крестьянства к эксплуататорам.

К бытовым сказкам примыкают анекдоты. Их очень много. В них высмеяны различные слабости человеческого характера. Множество анекдотов бичует мулл и баев. Обычно серия анекдотов группируется вокруг определенного исторического лица. Так, героями многих анекдотов являются Алдар-Косе, хитроумный весельчак из народа, вечно споривший и боровшийся с представителями эксплуататорских классов — баями, муллами, купцами, казиями и ловко использовавший глупость и доверчивость окружающих его людей, Насреддин, известный в Туркмении под именем Эпенди, туркменский поэт-сатирик XIX в. Кемине, Мирали (Алишер Навои), Эсен Полат, Джанбаклар и др. Анекдоты быстрее других жанров заполняются современным содержанием.

В туркменских пословицах и поговорках отразился многовековый жизненный опыт народа, подчеркиваются лучшие черты характера, бичуются слабые. В них отразились любовь к труду, родной земле, гостеприимство, а также взгляды на семью, честность, доблесть, верность слову. В туркменском фольклоре больше пословиц, связанных со скотоводством, чем с земледелием; это говорит о большой роли скотоводства в жизни туркмен. Незначительное число пословиц, возникших в среде правящей верхушки, отражает ее интересы.

Туркменские пословицы особенно ярко характеризуют социальные отношения, идеологию и быт создавшего их народа, например: «Безумец любит безумца, мулла — мертвеца», «Счастливый ищет выгоду, несчастный — родину», «На еду зови, на землю не зови», «И богатый дает богатому и бог дает богатому», «Стать муллой легко, трудно стать человеком». На тему труда: «Кто рано встает, тот [быстро] справляется с работой», «У кого летом не кипела голова [на солнце], у того зимой не закипит котел», «Встань пораньше, навести отца, после отца навести коня», «Не работающий не ест [буквально: не кусает]». О гостеприимстве: «Гость старше твоего отца», «Если у тебя нет пшеничного хлеба, разве у тебя не было пшеничного слова». О честности и прямоте: «Сядь криво, скажи прямо».

В наши дни в Туркмении создаются новые пословицы. Возникают они преимущественно в колхозах и касаются главным образом колхозной жизни и работы

Загадки туркмен отличаются замечательной конкретизацией: и явления природы, и отвлеченные понятия передаются образами, заимствованными из обыденной жизни аула. Загадки чрезвычайно богаты аллитерациями, звуковыми повторами, иногда большую роль в них играет звукоподражание. Созданные в последнее время загадки обогащают старую тематику. В этих загадках отражены изменения, происшедшие в жизни туркмен, многие связаны с появлением новой техники — трактора, автомобиля, комбайна и других видов сельскохозяйственных машин.

Распространены также скороговорки — *яңлытмач*, они имеют шуточный характер.

Большую популярность у туркмен имеют народные песни — *айдым*, связанные с разными сторонами быта. Именно в песне, за небольшим исключением, дошли до нашего времени произведения туркменских поэтов-классиков. Самое большое место в старинном песенном фольклоре занимают любовно-лирические песни. Они распадаются на мужские и женские (девичьи).

Мужские лирические песни преимущественно любовные; они отличаются большой образностью, в них много сравнений, эпитетов, метафор, некоторые имеют строго выдержанную музыкальную инструментовку.

Бахши играет на дутаре, аккомпанирующие — на гыджаках. 1909 г.

Очень интересны девичьи песни-четверостишия — ляле. В старых ляле девушки часто пели о той печальной доле, которая их ждала,— о продаже их родителями:

Несчастная я,
13—14 лет мне,
Продали меня 60-летнему,
Высушили мое тело...

Однако немало ляле, в которых выражена не только жалоба, но и протест девушек против их бесправия в тогдашнем обществе:

Что мне делать, что?..
Я жалуюсь на опекуна,
Не буду продаваться,
Выйду замуж за любимого.

Содержание ляле не ограничивается передачей исключительно личных чувств. Английская интервенция, гражданская война, классовая борьба в аулах — все это находило в них отражение. Особенно интересны ляле последних лет, в которых отражена новая жизнь, любовь к советской Родине.

В ляле, созданных в годы Великой Отечественной войны, особенно глубоко проявляется советский патриотизм. Девушки выражали в них свою ненависть к врагу и призывали народ к защите Родины.

Особенно богатыми сравнениями и образными выражениями отличаются ляле, посвященные создателю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину.

К великой цели устремились мы,
До счастливой жизни дожили мы,
Расцвели цветами в садах,
Которые посадил великий Ленин.

В последнее время в Туркмении звучат новые песни, создаваемые народными поэтами. Популярны также некоторые русские песни и песни народов Средней Азии. Кроме того, поются как народные песни многие произведения советских поэтов и классиков, широко распространившиеся среди народа.

Художественная литература

Туркменская литература своими корнями уходит в глубь веков, но древний период ее весьма слабо изучен. Старинные памятники языков и письменности тюркских народов — орхоно-енисейские надписи и сочинение Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» — в известной степени относятся и к истории туркменской литературы.

Такие произведения, как «Кысса-и-Юсуф» Али (XIII в.) и «Мухаббатнаме» Хорезми (XIV в.) или диван Бурхан-эд-дина-Сиваси (XIV в.), в которых черты туркменского языка отразились лишь частично, свидетельствуют о развитии в послемонгольскую эпоху туркменского языка и о том, что он безусловно находил художественное выражение в памятниках, не дошедших до нас.

Расцветом туркменской литературы, ее классическим периодом являются XVIII—XIX вв.; к этому времени относится много литературных памятников. Если раньше литература отдавала большую дань религии, то в рассматриваемый период центральное место стала занимать идея борьбы туркменского народа за освобождение от экономической и политической зависимости, за объединение всех туркменских племен. Стремление к содружеству перед лицом врага и мысль, что сила заключается в единстве, нашли художественное выражение и в образцах народного творчества («Гёр-оглы»), и в произведениях туркменских поэтов того времени. Во многих произведениях разоблачались враждебные народу слои общества, вскрывались пороки общественной жизни и утверждались высокие идеалы народной свободы и счастья.

Глубокая реалистичность, правдивое изображение тяжелой жизни эксплуатируемых классов, беспощадность в изобличении реакционных слоев, высокая идейность и патриотизм — таковы лучшие традиции туркменской классической литературы.

Крупным поэтом-ученым первой половины XVIII в. был Доулет-Мамед-Азади, отец выдающегося поэта-философа Махтумкули. В знаменитой книге «Вагзы-Азат» («Свободное увещевание») Азади призывает шахов прислушиваться к голосу народа, так как народ является основой общества, без него не могут существовать шахи.

Современником Азади был туркменский поэт Нурмухаммет Андалиб (1711—1770 гг.). Он является автором ряда известных в Туркмении дестанов: «Зейнель-Араб», «Юсуф-Зулейха», «Сагды-Вакгас», «Лейли и Меджнун», «Огуз-Намэ». Использовав широко распространенный сюжет «Лейли и Меджнун», Андалиб изменил его применительно к условиям жизни туркмен своего времени.

Великим туркменским поэтом, родоначальником классической туркменской литературы, сделавшим своим творчеством вклад в мировую литературу, был Махтумкули, справедливо считающийся отцом туркменских поэтов. С его именем связан подлинный расцвет туркменской классической поэзии.

Махтумкули (1733—1782 гг.) родился в местности Хаджиговшан на берегу р. Гурген. Он учился в медресе Хивы и Бухары. Литературное наследие Махтумкули огромно. К сожалению, до нас дошла лишь часть его произведений. Большая часть его творений, согласно преданию и по свидетельству самого поэта, была уничтожена во время одного из нападений персидских феодалов.

Творчество Махтумкули отражает глубокое знание автором предшествующей культуры, литературы и фольклора туркменского народа,

а также соседних народностей, особенно творчества великих поэтов Фирдоуси, Низами, Навои. Поэт-мыслитель неоднократно путешествовал по всей Средней Азии, он, по-видимому, побывал в Астрахани, Азербайджане, Иране, Афганистане, Индии, что необычайно расширило его кругозор. Поэзия Махтумкули многогранна и глубока по своему идейно-философскому содержанию, изумительна по совершенству формы, богатству и красоте языка. Живя в эпоху ломки родовых и племенных отношений, Махтумкули в своем творчестве отразил социально-экономические противоречия своего времени.

Тематика песен Махтумкули разнообразна. В качестве главной темы в творчестве Махтумкули выступает пламенный патриотизм, беспредельная любовь к родине, народу. Поэт в своих многочисленных произведениях положил начало великой идее независимости и целостности родины; он неустанно призывал разрозненные туркменские племена к сплочению, к прекращению межплеменных раздоров, к объединению для отпора иноземным захватчикам:

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли,
Теке, йомут, гоклен, языр и алили,—
Все пять! — должны мы стать единою семьею!

В стихотворении «Будущее Туркмении» поэт красочно воспевает тот идеал, которому он посвятил всю жизнь, прозорливо рисует грядущее своего народа, когда будет изжита межплеменная рознь:

Единой семьею живут племена,
Для пиршеств расстелена скатерть одна;
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред сынами Туркмении!..
Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен.
И если на битву народ ополчен —
Трепещут враги пред полками Туркмении.

Махтумкули неустанно воспитывал в своем народе беззаветную храбрость, героизм, ловкость и отвагу в битвах, верность и честность, любовь к героям и презрение к трусам.

Важное место в творчестве Махтумкули занимают стихотворения, в которых поэт выражает свои отрицательные взгляды на господствующий класс современного ему общества, разоблачая и осуждая несправедливость ханов, продажность и лживость судей и мулл.

Поэт смело ввел в свои стихи простую народную речь, он постоянно обращался к неисчерпаемым источникам народного творчества, используя пословицы и поговорки, народные песни и легенды. В свою очередь жемчужины его поэзии, его афоризмы, отрывки из его стихотворений вошли в золотой фонд туркменской литературы, стали песнями, пословицами и поговорками.

Глубокое изучение и последовательное собирание классического наследия туркменского народа, в том числе и произведений Махтумкули, началось лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Видными последователями Махтумкули были Сеиди (1768—1830 гг.) и Зелили (1800—1853 гг.), связанные между собой не только общностью характера творчества, но и долголетней личной дружбой. Сеиди был поэтом-воином, пером и мечом боровшимся за великую идею национального объединения и отпора врагам. Его стихи, полные возмущения и гнева,

направленные против всевозможных притеснителей, остаются в туркменской литературе непревзойденными образцами гражданской лирики. Зелили больше семи лет пробыл в плену у хивинского хана Мухаммед-Рахима, терпя горечь разлуки с родиной, унижение, тяжело переживая рабское положение своих соотечественников в Хиве. Им было создано много песен, лучшие из них — песни о родине, о любимом народе.

В блестящей плеяде поэтов XIX в. особое почетное место по праву принадлежит туркменскому поэту-сатирику Кемине (1770—1840 гг.). Песни Кемине в большей степени, чем песни его современников, насыщены глубокими социальными мотивами. Защищая интересы бедняков, Кемине высмеивает власть имущих как злейших врагов народа, разоблачает несправедливость общественного строя своего времени. Такой резкой и обличительной сатиры, как у Кемине, не найти в творчестве туркменских поэтов XVIII—XIX вв. Даже Махтумкули, который в своих лучших произведениях обличал духовенство и эксплуататоров, не бросал в лицо угнетателям столько горькой правды, как Кемине.

Непревзойденным мастером любовно-лирического жанра туркменской поэзии является Молланепес (1810—1862 гг.). Он был не только поэтом, но и известным певцом-бахши. Молланепес был большим знатоком письменной литературы Востока. Многие стихотворения поэта, построенные в виде диалога между возлюбленными, являются лучшими образцами любовной лирики в туркменской литературе. Перу Молланепеса принадлежит знаменитый роман «Зохре и Тахир», повествующий о горестной любви юноши Тахира и дочери шаха Зохре. В основе романа лежит народная легенда, широко распространенная в Средней Азии.

В XIX в. были и другие поэты, многие из которых продолжали линию классической литературы — Мятаджи, Талиби, Мискин-Клыч, Ашики, Дос-Мамед, Зынхари, Абду-Саттар-Кази.

Туркменская советская литература возникла и стала развиваться на основе критического освоения лучших образцов своей классической литературы при благотворном влиянии литературы великого русского народа.

Начавшие свою творческую деятельность еще до Октября, поэты Молла-Мурт (1870—1930 гг.), Кёр-Молла (1874—1934 гг.), Молла Дурды (ум. в 1922 г.), Байрам-шахыр (1871—1948 гг.), Дурды-Клыч (1866—1950 гг.) стремились в своем творчестве отразить невыносимо тяжелую в прошлом жизнь трудящихся, своим острым словом смело разоблачали чиновников, родовых старшин. Они приняли Великий Октябрь, как осуществление великой мечты, радовались каждому успеху большевиков.

С середины 20-х годов начался новый этап в развитии туркменской литературы. Большую роль в возникновении и развитии туркменского литературного языка сыграла национальная печать. Особенно важна роль газеты «Совет Туркменистаны» и журнала «Токмак». Почти все представители старшего поколения, такие, как Б. Кербабаев, К. Бурунов, Я. Насырли, печатали свои первые стихотворения в этих органах.

В литературу вступили молодые народные поэты *шахыр* — Ата-Салых (род. в 1908 г.), Ата Копек-Мергенов (род. в 1898 г.), Нуры Аннаклыч (род. в 1911 г.). Стихи этих поэтов написаны простым народным языком, большинство их посвящено современной советской тематике — коллективизации и строительству новой жизни.

Современные крупные поэты Туркмении — А. Кекилов, Ч. Аширов, К. Сейтлиев, Поммa-Нурбедыев в своем многогранном творчестве воспевают созидательный труд советских людей, строящих коммунистическое общество, выступают за мир и дружбу между народами, разоблачают политику империалистов, поджигателей войны. В туркменской литературе появились талантливые молодые поэты А. Хандов, К. Курбаннепесов, А. Ковусов, М. Сеидов.

Усиленное изучение туркменскими писателями произведений русской и советской литературы, лучшие образцы которой стали переводиться на туркменский язык, привело к расширению тематики и появлению новых жанров и форм современной туркменской литературы, к увеличению числа произведений художественной прозы, драматургии, почти совсем не известных дореволюционным туркменским классикам.

В последнее время туркменская советская литература достигла больших успехов. Особенно заметны эти успехи в области художественной прозы. В многочисленных рассказах Н. Сарыханова, А. Дурдыева, посвященных колхозной жизни, ярко показаны те коренные изменения, которые произошли в туркменской деревне в годы Советской власти. Для этих писателей характерно умение верно раскрывать жизненные конфликты, борьбу нового со старым.

Число поэтов и писателей непрерывно растет. В республике выходят четыре общественно-литературных журнала и один альманах, в которых публикуются произведения советских писателей.

Крупными представителями реалистической прозы являются Б. Кербабаев и А. Каушутов. Б. Кербабаев родился в 1894 г. в ауле Кавкы-Зерен Тедженского района. Впервые в печати Б. Кербабаев выступил как поэт (цикл стихов, поэмы «Девичий мир», «Закрепощенная», «Аму-Дарья», «Айлар» и ряд драматических произведений). В дальнейшем он обратился к прозе. Крупным произведением Б. Кербабаева является «Решающий шаг» — первый реалистический роман в туркменской литературе. Роман охватывает события начала нашего века. В нем автор правдиво показывает жизнь, быт и обычаи народа, бесправие бедняков в условиях тяжелой эксплуатации. Последняя часть романа посвящена эпохе Октябрьской революции в Туркмении, борьбе за установление Советской власти.

Последняя книга Б. Кербабаева — роман «Небит-Даг», в котором рассказывается о рабочем классе, о жизни нефтяников Туркмении. Перу Б. Кербабаева принадлежит ряд переводов на туркменский язык произведений русских классических и советских писателей, а также классиков Востока.

Ата Каушутов (род. в 1903 г.) выступает как поэт, драматург и писатель-прозаик. Наиболее значительными произведениями А. Каушутова являются романы «Мехри и Вепа» и «У подножья Копет-Дага». В романе «Мехри и Вепа» автор показывает героические подвиги советских воинов в борьбе против фашизма, а также самоотверженный труд народа в тылу. А. Каушутов — замечательный знаток туркменского фольклора и классической литературы — в своем творчестве умело использует прогрессивные *традиции прошлого*.

Успешно развивается туркменская драматургия, а также детская литература. За последнее время появилось несколько новых пьес на современные темы— Г. Мухтарова «Семья Аллана», «На берегу Мургаба», К. Сейтлиева «Джахан» и в соавторстве с Г. Мухтаровым — «Сын чопана», А. Карлиева «Башлык».

Музыка, театр, кино

Богата и разнообразна по своим формам и жанрам музыкальная культура туркменского народа, имеющая многовековую историю. Развитие музыкальной культуры туркменского народа в прошлом неразрывно связано с замечательным искусством бахши, которые несли из века в век суровую повесть былого и дум народных. Бахши были не только певцами, но и почти единственными летописцами истории страны, хранителями великолепных памятников народного музыкального и поэтического творчества.

В советское время созданы все условия для раскрытия дарований и искусства бахши. Новым содержанием наполняют свои песни известные

бахши и инструменталисты Ораз-Мятиев, Халлы Мередов, Тачмамед Суханкулиев, Махтумкули Карлиев, Мыллы Тачмурадов и др. Огромной популярностью и уважением в народе пользуются народные бахши Туркменской ССР Сахи Джапаров, Гичгельды Аманов, заслуженные артисты Туркменской ССР Набад Нурмухаммедова, Нурджемал Адыева, бахши Курбандурды Дженов, солисты-инструменталисты народный артист Туркменской ССР Пурли Сарыев, заслуженный артист Туркменской ССР Гельды Угурлиев, заслуженный деятель искусств Туркменской ССР Чары Тачмамедов, Джепбар Хансахатов и др. Они поют о счастливой и свободной жизни в стране победившего социализма, о дружбе между народами в мире, воспевают Родину и Коммунистическую партию, ведущую советский народ к коммунизму. Ныне в республике насчитывается более тысячи бахши и инструменталистов, среди которых много молодежи.

Студентка Керкинского педагогического училища — участница художественной самодеятельности

Большую помощь в развитии и популяризации народного музыкального творчества оказал В. А. Успенский — один из первых музыковедов-фольклористов, который занимался этим с первых лет Советской власти до конца своей жизни. Успенский записал большое количество песен и инструментальных произведений туркменского народа, передаваемых бахши из поколения в поколение, для чего совершил несколько экспедиций в различные отдаленные районы республики.

Профессиональное музыкальное искусство Советского Туркменистана развивается на основе богатого музыкального наследия туркменского народа и его художественных традиций, достижений мировой музыкальной культуры и, в частности, русской музыки. Туркменская музыка наполнилась новым содержанием, вышла из узких рамок традиционного одноголосия, обогатилась новыми жанрами, она отличается многообразием тем, сюжетов, образов.

Появление первых произведений туркменской профессиональной музыки относится к предвоенным годам. В 1939 г. композитор Ашир Кулиев написал к 15-й годовщине Туркменской ССР «Торжественную увертюру», в 1941 г. — поэму для скрипки и фортепиано. В годы Великой Отечественной войны композиторы Туркменистана в содружестве с русскими и украинскими композиторами создали шесть национальных опер и балетов. В послевоенный период талантливый композитор Велимухаммед Мухатов создал «Туркменскую сюиту» (1949 г.) для симфонического оркестра и симфоническую поэму «Моя Родина» (1951 г.), отмеченные

Государственными премиями. Эти произведения волнуют слушателей своей эмоциональностью, художественным совершенством, народностью. Он создал и другие произведения, в том числе гимн Туркменской ССР. Популярностью пользуется творчество народного артиста Туркменской ССР композитора Дангатара Овезова. За последнее время композиторы создали ряд симфонических, кантатно-ораториальных, камерных и инструментальных произведений на актуальные темы современности. Успешно развивается песенный жанр.

Наиболее активно работают композиторы В. Ахмедов, Г. Аракелян, Х. Алланyров, Н. Мухатов. Молодые композиторы А. Агаджиков, А. Курбанов, Ч. Артыков, Д. Нуриев выступают с песнями и инструментальными произведениями.

Важную роль в развитии музыкальной культуры играет Туркменское музыкальное училище, организованное в 1929 г. За 30 лет училище окончило более 400 человек. Работают Республиканская и Ашхабадская музыкальные школы, а также семилетние музыкальные школы в Мары, Чарджоу, Керки, Ташаузе, Челекене, Небит-Даге, Красноводске, в настоящее время в них обучается свыше 2500 человек. Помощь в подготовке певцов и музыкантов оказывает Московская государственная консерватория. Здесь получили высшее музыкальное образование композиторы В. Мухатов, В. Ахмедов, А. Кулиев, О. Курбанниязов, вокалисты Б. Артыков, С. Дурдыева, С. Шадурдыева, М. Шахбердыева, музыканты Г. Аннамамедова, А. Реджепов, К. Эзизов, хормейстер Д. Бегенчева и др. На туркменском национальном отделении, открытом в 1935 г. при консерватории, учились композиторскому, дирижерскому, вокальному искусству композитор Д. Овезов, дирижеры Х. Алланyров, К. Кулиев, певицы М. Кулиева, А. Оразова, А. Шарипова и др.

Первым коллективом Туркменской государственной филармонии был музыкально-вокальный ансамбль, который подготовил почву для создания других творческих коллективов филармонии. В 1940 г. при Госфилармонии был организован оркестр народных инструментов, ныне состоящий из 50 исполнителей и являющийся проводником музыкальной культуры в массах.

Интенсивно развивается хоровое искусство. В дореволюционной Туркмении была распространена одноголосая песня. Ныне Туркменский государственный хор, возглавляемый главным хормейстером, заслуженным артистом Туркменской ССР А. Эсадовым, представляет слаженный творческий коллектив, обладающий высокой исполнительской культурой. Хор добился замечательной чистоты звучания, глубокого проникновения в музыкальный образ произведения, непосредственности, эмоциональности в передаче содержания, тонкой нюансировке.

На пленку и грампластинки записано большое количество туркменских народных песен и лучших образцов богатейшего песенного творчества народов СССР и других стран в исполнении Туркменского государственного хора, тем самым этот хор является активным пропагандистом искусства хорового пения в кружках художественной самодеятельности. Исполнительская деятельность хора стала одной из важных форм художественно-эстетического воспитания широких масс трудящихся.

Самым молодым творческим коллективом является Туркменский ансамбль народного танца. Создание туркменского хореографического искусства было особенно трудным. «Не танцевал испокон веков народ моей страны»,— говорит старейший писатель республики Б. Кербабаев в поэме «Айдар».

В ансамбле выросли одаренные танцоры и танцовщицы — заслуженные артисты Туркменской ССР А. Курбанов, А. Мамедова, М. Ташлиева, артисты И. Кошаева, С. Джафарова, К. Аширов, В. Агаджанов, Э. Кулханова, Б. Рахимов, Т. Алламурадов и др. Ряд солистов ансамбля вы-

Танец пастухов. Республиканская филармония

ступал в Афганистане, Индии, Индонезии, Вьетнаме, Польше и других странах.

Успехи в развитии музыкальной культуры туркменского народа широко известны. Корреспондент чилийской газеты «Эль Сигло» Марини Сальвадор, побывавший в Туркменской ССР, говорил: «Искусство Туркмении имеет свои ярко выраженные национальные черты. Оно имеет свои особенности, свой колорит, свой ярко выраженный национальный характер. Турменское искусство сохраняет свои древние традиции и в то же время это очень молодое искусство, это искусство молодых. Оно полно жизни, исключительно богато народными талантами и, несомненно, имеет большое будущее»[1].

Профессиональный театр возник в Туркменистане лишь после Октябрьской революции. В настоящее время в республике работают пять туркменских и один русский театр. Их развитие неразрывно связано с народным искусством и художественной самодеятельностью. 5 июня 1926 г. при Народном комиссариате просвещения Туркменской ССР была организована первая национальная театральная студия, в которую пришли 15 туркменских юношей из самодеятельных театральных кружков, рабфака, механического техникума и Центральной совпартшколы. 2 ноября 1926 г. студия показала инсценировку дестана Молланепеса «Зохре и Тахир», а вслед затем небольшие агитационные пьесы — «Кровавый лес» А. Каушутова, «Без калыма» А. Халдурдыева, «Терьякеш и Табиб» Б. Кербабаева, переводные азербайджанские и русские пьесы, сыгравшие положительную роль в утверждении национальной драматургии, в воспитании молодых туркменских артистов.

В мае 1929 г. студия была реорганизована в театр, ныне Туркменский государственный академический театр драмы. Первое время театр переживал серьезные трудности: не хватало национальных пьес, режиссеров, была еще слаба профессиональная подготовка артистов. Становление и развитие театрального искусства проходило в борьбе с буржуазными

[1] «Туркменская искра», 25 июня 1961 г.

националистами стремившимися протащить на сцену пьесы, искаженно отображавшие действительность, увести молодой туркменский театр от реалистического искусства.

Важным этапом в истории Туркменского драматического театра явилась поездка коллектива летом 1930 г. в Москву на Олимпиаду искусств народов СССР, где артисты театра установили творческие связи с мастерами искусств Художественного и Малого театров, познакомились с лучшими спектаклями этих прославленных столичных коллективов.

Большое значение для повышения общей культуры, совершенствования сценического мастерства артистов имело обращение театра в первой половине 30-х годов к пьесам многонациональной советской и мировой классической драматургии — «Мятеж» Д. Фурманова и С. Поливанова, «Гибель эскадры» и «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Невеста огня» Дж. Джабарлы, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Проделки Скапена» Мольера, «Разбойники» Шиллера. Это сказалось и на культуре спектаклей и на пьесах национальных драматургов.

Весной 1936 г. коллектив театра совершил вторичную поездку в Москву, где показал театральной общественности спектакли «В пустыне Каракум» Ш. Кекилова, Х. Чарыева и М. Клычева, «Невеста огня» Дж. Джабарлы и др. Во время пребывания в Москве артисты в течение двух месяцев овладевали сценическим мастерством, занимаясь у известных театральных педагогов О. И. Пыжовой, С. Г. Бирман, бывали в московских театрах, беседовали с выдающимися деятелями советского театрального искусства К. С. Станиславским, Л. М. Леонидовым и др. Все это, несомненно, явилось одним из важнейших условий в преодолении формалистических срывов и в утверждении социалистического реализма. Именно во второй половине 30-х годов театр поставил несколько интересных пьес туркменских драматургов, создав спектакли большой художественной ценности. Пьеса Б. Кербабаева «Подъем» повествовала о строительстве оросительного канала в туркменском ауле. А. Карлиев в пьесе «Айна» воспел героический подвиг туркменской комсомолки, выступавшей за коллективизацию сельского хозяйства; вторая пьеса А. Карлиева была посвящена восстанию 1916 г. в Туркмении. Историко-революционная пьеса «Джума» А. Каушутова рассказывала о годах гражданской войны. Лирическая комедия «Шемшат» Т. Эсеновой показывала культурный рост туркменской женщины, ее роль в социалистическом строительстве. Героическому прошлому туркменского народа посвящена пьеса «Кеймир Кер» Б. Аманова и К. Бурунова. В работе над этими спектаклями ярко проявилось мастерство туркменских актеров, использовавших для раскрытия образов героев такие грани своего искусства, как простота и лаконичная выразительность, сдержанность и скульптурная монументальность. Творческая зрелость коллектива отчетливо проявилась при постановке таких шедевров мировой классики, как «Отелло» В. Шекспира и «Враги» М. Горького.

В годы Великой Отечественной войны театр перестроил свою работу, в его репертуаре центральное место заняли пьесы на патриотические темы.

Послевоенный период ознаменовался дальнейшей борьбой коллектива театра за повышение исполнительской культуры и связи с жизнью народа. Репертуар театра стал более разнообразным, в него вошли произведения туркменских драматургов о современной жизни Советского Туркменистана — «Джахан» К. Сейтлиева, «Сын пастуха» Г. Мухтарова и К. Сейтлиева, «Башлык» А. Карлиева, «Семья Аллана», «На берегу Мургаба», «Веселый гость», «Тридцатые годы» Г. Мухтарова, «Решающий шаг» Б. Кербабаева, «Судьба» Х. Дерьяева и др. Театр обращался к пьесам из жизни народов Азии — «Белый лотос» В. Винникова и О. Оснос по поэме индийского поэта Шудрака «Глиняная повозка», «Легенда о любви» Н. Хикмета, «Ураган» Цао Юя и др.

Государственный драматический театр в г. Ашхабаде

В театре выросли национальные кадры артистов, режиссеров и художников. Имена народных артистов СССР Амана Кульмамедова, Алты Карлиева и Соны Мурадовой, народных артистов Туркменской ССР Сурай Мурадовой, Нурджамал Союновой, Базара Аманова, Ата Дурдыева, Клыча Бердычева, Мухаммеда Черкезова, Мурада Сейдниязова и других широко известны за пределами Туркменистана.

В настоящее время коллектив театра пополнился молодыми артистами, окончившими театральные институты в Москве и Ташкенте, а также театральную студию в Ашхабаде.

В 1949 г. театр был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В ноябре 1959 г. коллектив театра первым из национальных театров выступил в Кремлевском театре, показав спектакли «Решающий шаг» Б. Кербабаева и «На берегу Мургаба» Г. Мухтарова.

В 1926 г. постановкой пьесы «Бешеные деньги» А. Н. Островского начал свою творческую жизнь Государственный русский драматический театр (ныне им. А. С. Пушкина). Театр стал проводником традиций русского театрального искусства и богатой культуры русского народа, пропагандистом классических и современных пьес русских драматургов. За три десятилетия театр поставил около трехсот пьес отечественных и зарубежных авторов.

Важнейшей заслугой русского театра явилась его помощь в формировании национального театра и развитии драматургии. При нем была организована первая национальная студия, в которой получили путевку в искусство молодые туркменские артисты, впоследствии составившие основное ядро туркменского драматического театра. Творческое содружество двух театров способствовало их взаимному идейно-художественному обогащению. Театр им. А. С. Пушкина показал русскому зрителю пьесы ряда туркменских драматургов — «Шемшат» Т. Эсеновой, «Джахан» К. Сейтлиева, «Веселый гость» Г. Мухтарова, «Небит-Даг» Б. Кербабаева.

В 1937 г. при Туркменском драматическом театре была создана Государственная оперная студия, в нее пришла одаренная туркменская молодежь из художественной самодеятельности, артисты драматического

Хидыр Алланyров, дирижер Театра оперы и балета в г. Ашхабаде

театра и учащиеся туркменского отделения московской консерватории. 10 февраля 1941 г. оперная студия показала ашхабадскому зрителю свой первый спектакль — оперу «Судьба бахши» (музыка Г. Кахиани). В этом же году на базе студии был создан Туркменский государственный театр оперы и балета, носящий ныне имя классика туркменской литературы Махтумкули. 6 ноября 1941 г. оперный театр показал первую национальную оперу «Зохре и Тахир». А. Шапошникова. В последующие годы были поставлены оперы «Абадан» Ю. Мейтуса и А. Кулиева, «Шасенем и Гариб» А. Шапошникова и Д. Овезова, «Лейли и Меджнун» Ю. Мейтуса и Д. Овезова, «Кемине и Казы» А. Шапошникова и В. Мухатова, «Айна» А. Шапошникова и Д. Овезова, «Махтумкули» Ю. Мейтуса. Огромной школой мастерства для артистов театра является постановка произведений русских и западноевропейских композиторов на туркменском и русском языках. В репертуаре театра имеются произведения азербайджанских и узбекских композиторов.

На сцене оперного театра выросла плеяда крупнейших мастеров туркменского музыкального искусства, обладающих самобытными дарованиями. Майя Кулиева, учившаяся на Туркменском отделении Московской консерваторий, ныне народная артистка СССР, обладает сильным и красивым по тембру сопрано, глубокой музыкальностью, даром сценического перевоплощения. Она с большой артистичностью исполняет различные по характеру партии — Шасенем («Шасенем и Гариб»), Мехым («Зохре и Тахир»), Абадан («Абадан»), Айны («Айна»), Татьяны, Маргариты, Микаэлы. Народная артистка Туркменской ССР Аннагуль Аннакулиева, обладая прекрасными вокальными и сценическими данными, завоевала большую любовь и популярность у зрителя. Заслугой театра является подготовка таких ведущих исполнителей, как заслуженные артисты Туркменской ССР Б. Артыков, С. Мурадова, Х. Аннаев, М. Масумов, Х. Мамадьяров, К. Ризаев и др.

В 1942 г. был поставлен первый национальный балет — «Алдар Косе» К. Корчмарева, явившийся своеобразной школой воспитания молодых хореографических кадров, положивший начало развитию национального балета. Появление туркменского балета было подготовлено всем предшествующим развитием музыкального театра. Большим событием в музыкально-театральной жизни явился показ новых национальных балетов — «Чудесный лекарь» М. Равич и Н. Мухатова (1959 г.) и «Студенты» И. Якушенко и Х. Алланурова (1962 г.). Театр поставил также ряд клас-

сических балетов. Выросла большая группа артистов балета — заслуженные артисты Туркменской ССР М. Ахундов, Б. Мамедова, Х. Исмаилов, артисты О. Ниязов, И. Алланурова, Н. Аннаева, С. Язкулиев, И. Гельдыев, Э. Аннабердыев, И. Байсахатов и др. В настоящее время для театра готовится молодое пополнение артистов балета. Значительную роль в развитии оперного искусства республики играют заслуженные артисты Туркменской ССР дирижеры Х. Аллануров, Н. Мухатов, хормейстер Б. Нигматулин, балетмейстер К. Джапаров и художник А. Кулиев.

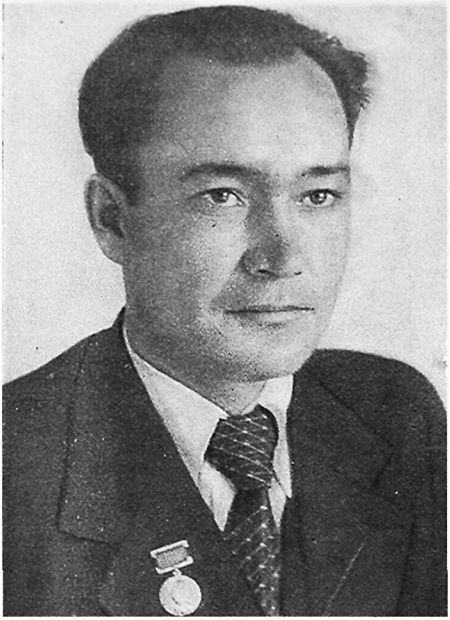
Майя Кулиева, народная артистка СССР
Театр оперы и балета в г. Ашхабаде

Представители туркменского народа успешно показывают свое искусство и на арене советского цирка. Конный цирковой ансамбль «Всадники солнечного Туркменистана» под руководством заслуженного артиста Туркменской ССР Д. Ходжабаева с 1947 г. выступает на манежах цирков Советского Союза, демонстрируя ловкость, бесстрашие и отточенную технику джигитовки. В 1950 г. артисты ансамбля принимали участие в создании кинофильма «На арене цирка». Туркменские конники вместе с артистами госцирка неоднократно выезжали на гастроли в зарубежные страны.

Богатство и многообразие культуры туркменского народа были ярко продемонстрированы во время декады туркменской литературы и искусства, проведенной в октябре 1955 г. в Москве. Декада явилась первым широким смотром достижений литературы и искусства туркменского народа на всесоюзной арене, подлинным праздником туркменской культуры.

Важное место в программе декады заняли выступления туркменских театров. В лучших театральных и концертных залах, в многочисленных клубах и домах культуры Москвы выступали с концертами Туркменский государственный хор, оркестр народных инструментов, Туркменский ансамбль народного танца, ансамбль песни и пляски пограничников, коллективы художественной самодеятельности, туркмены — студенты Московской консерватории и учащиеся Ленинградского хореографического училища. В Москве в Большом зале консерватории был дан симфонический концерт из произведений туркменских композиторов. Особенно большой успех имел заключительный концерт туркменской декады, который состоялся в Большом театре Союза ССР.

После проведения декады за заслуги в развитии культуры Туркменский государственный театр оперы и балета был награжден орденом Трудового Красного Знамени, трое мастеров сцены — Майя Кулиева, Сона Мурадова и Алты Карлиев удостоились почетного звания народного артиста СССР, восемь деятелей литературы и искусства были награждены



Алты Карлиев, народный артист СССР. Театр оперы и балета в г. Ашхабаде

орденом Ленина и 251 — другими орденами и медалями Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета Туркменской ССР 19 работникам искусства были присвоены почетные звания заслуженных деятелей искусств, заслуженных и народных артистов республики, 240 человек были награждены почетными грамотами.

Декада подвела итоги огромного культурного строительства в Туркменской ССР, осуществленного за годы Советской власти под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Туркменистане развивается национальная кинематография. В феврале 1926 г. в Ашхабаде была организована студия «Туркменфильм», а в декабре 1927 г. был показан первый короткометражный документальный фильм «Празднование десятой годовщины Октябрьской революции в Ашхабаде». В последующие годы студия создала несколько короткометражных фильмов, показывающих борьбу трудящихся за индустриализацию республики и коллективизацию сельского хозяйства.

От фильма к фильму повышалось мастерство туркменских кинематографистов. В 1935 г. студия «Туркменфильм» по поэме туркменского писателя О. Ташназарова «Батрак» выпустила первый полнометражный художественный фильм «Я вернусь», рассказывающий об освобождении туркменского аула от феодально-байской верхушки, о героике гражданской войны в Туркмении. Этот фильм вывел туркменскую кинематографию на всесоюзную арену. В 30—40-х годах были созданы фильмы «Семь сердец», «Люди долины Сумбар», «Советские патриоты», «Дурсун» и др. Кинокартина «Умбар» (1936 г.), рассказывающая о выращивании знаменитых туркменских коней ахалтекинской породы, была закуплена Монголией, Китаем и Турцией.

Богатством тем, разнообразием жанров, повышением художественного мастерства характеризуются туркменские фильмы послевоенного периода. Крупнейшей вехой в истории туркменского киноискусства явился выпуск в 1948 г. веселой жизнерадостной кинокомедии «Далекая невеста», посвященной дружбе народов СССР. Тема морального облика советского человека, вопросы коммунистической морали и этики нашли воплощение в фильмах «Сын пастуха» (1954 г.), «Хитрость старого Ашира» (1955 г.), «Честь семьи» (1956 г.). Картина «Особое поручение» (1957 г.) раскрывает героику гражданской войны в Туркмении. Фильм «Первый экзамен» (1958 г.) поднимает вопросы эстетического воспитания молоде-

Кинотеатр в г. Чарджоу

жи; подвигу аульной комсомолки в годы коллективизации сельского хозяйства посвящена картина «Айна» (1959 г.). Фильм «Десять шагов к востоку» разоблачает действия разведок западных держав и показывает патриотизм советских людей.

В 1938 г. с фильмов «Партийный билет» и «Ленин в Октябре» началось дублирование кинокартин на туркменский язык; с тех пор на туркменском языке прозвучало около тысячи лучших советских и зарубежных художественных фильмов. Студия выпускает в год до 40 номеров киножурнала «Советский Туркменистан», десятки хроникально-документальных фильмов.

Киноискусство Туркменистана вышло на международный экран. Кинокомедия «Далекая невеста» демонстрировалась более чем в 40 странах мира. В 1958 г. туркменские кинематографисты участвовали в кинофестивале стран Азии и Африки, проходившем в Ташкенте.

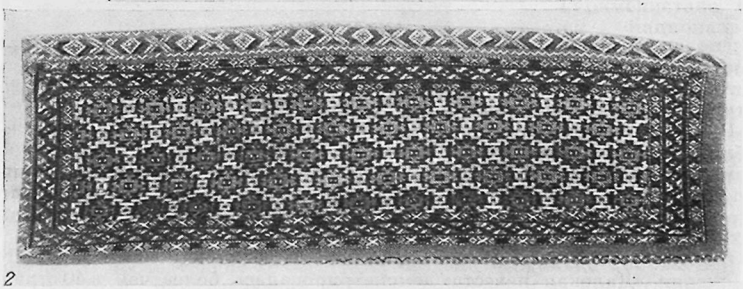
В Советском Туркменистане создана широкая киносеть, кино проникло в самые отдаленные населенные пункты. Неизмеримо возросло число киноустановок. Если в 1915 г. насчитывалось шесть киноустановок, то в 1930 г. работало 152 киноустановки, в 1940 г.— 363, в 1955 г.— 315, а в начале 1960 г.— 457.

Изобразительное искусство

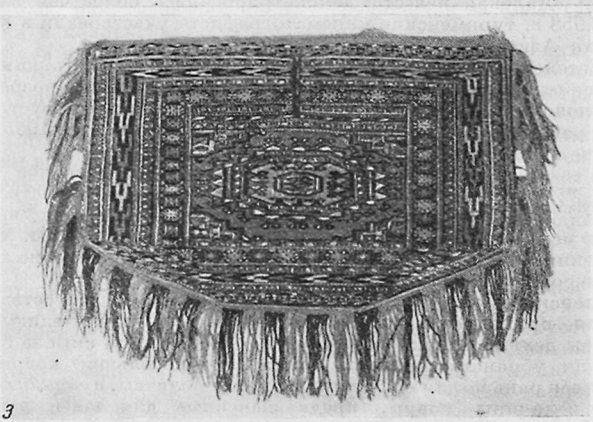
Народное прикладное изобразительное искусство у туркмен достигло большого совершенства. Оно тесно связано с народным бытом. Среди видов прикладного искусства первое место принадлежит ковроделию. Мастерство изготовления ковров передавалось из поколения в поколение и достигло высокого совершенства.

Туркменский ковер — не только произведение искусства, но и необходимая принадлежность быта. По своему назначению туркменские ковры делились на *халы* — ковры в собственном смысле слова, служащие для убранства жилищ; *намазлык* — небольшие коврики, употреблявшиеся раньше для подстилки во время молитвы, и *гапыкилим*, энси— средней величины ковры, предназначенные для завешивания входа в юрту. Помимо того, к ковровым изделиям относятся различные сумки — *торба*, развешиваемые на стенах дома или юрты и служащие для хранения

1



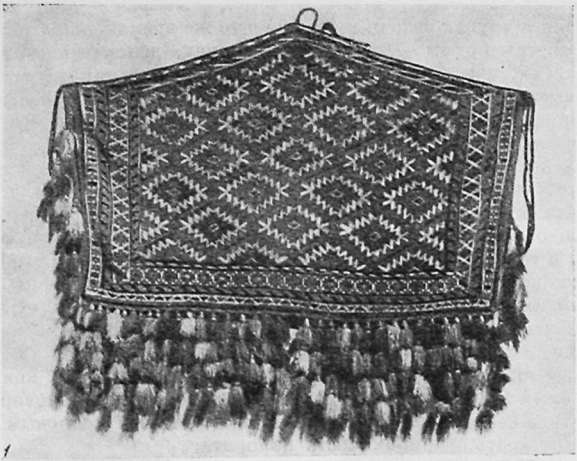
2



3

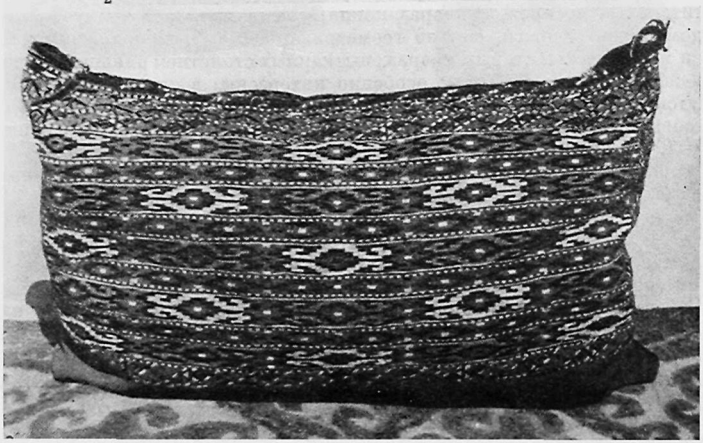
Ковровые изделия южных туркмен

1 — «гапыгуннук» — ламбрекен на дверь юрты (70×43 см); *2* — «кап» — текинская шерстяная ковровая торба (100×35 см); *3* — коврик для седла. 1901 г.



1

2



Ковровые изделия северных туркмен:

1 — «дуе халык» — украшение для свадебного верблюда у йомутов; *2* — «осмалдык» — украшение для свадебного верблюда у чоудоров; *3* — «чувал»—сумка для хранения мягких вещей у йомутов

мелких домашних вещей; мешки — *чувал*, *мапрач* — для хранения платья, белья и других вещей, имеющие в то же время декоративное значение; переметные сумы — *хоржун* и, наконец, декоративные украшения — *осмалдык*, *халык*—для верблюжьего вьюка, а также различного рода ковровые ленты—*акйуп*,*голанц* (йолам) до 10—15 м длиной и 20—40 см шириной, употребляемые для украшения внутренних стенок юрты и для опоясывания ее наружных войлочных покровов.

Ковры отдельных крупных туркменских племен различались между собой по рисунку и манере выработки. Наиболее известны и пользовались большим спросом текинские и пендинские (салырские) ковры. Йомутские ковры, отличающиеся большим своеобразием и не менее красивые по рисунку и тональности, были меньше известны на мировом рынке. Вместе с тем все ковровые изделия туркмен роднит общий колорит и стиль, отличающий их от ковров других народов. В туркменских коврах преобладают красные тона, цветовая гамма варьирует от темно-вишневого (в пендинских коврах) до почти алого цвета (у текинцев). Из других цветов чаще всего присутствуют черный и белый, а в йомутских коврах еще и синий. Белый цвет со временем приобретает оттенок слоновой кости, а красные тона несколько блекнут, что придает старым ковровым изделиям особую легкость, гармоничность колорита.

До конца XIX в. для окраски шерсти туркмены употребляли исключительно растительные, весьма стойкие красители. В более поздний период на смену растительным пришли более дешевые нестойкие анилиновые краски, что значительно ухудшило цветную гамму. Узор ковров — геометрический, причем характерный для каждого крупного племени. В больших коврах особенно четко видно деление на центральное поле и кайму. В центре в шахматном порядке располагаются восьмиугольники и ромбы, заполненные разным узором; в коврах йомутов, например, узор выполняется в виде зубчатых ромбовидных розеток. Центральный узор, называемый обычно *гёл*, по мнению крупного знатока ковров В. Г. Мошковой, некогда представлял собой эмблему племени — деформированное под влиянием ислама, запрещавшего изображение живых существ, изображение тотема.

Кайма состоит из простых стилизованных геометрических, а иногда растительных мотивов. В коврах конца XIX — начала XX в. с большим трудом можно уловить сильно геометризированные изображения растений и животных. В старых коврах, вытканных столетием раньше, встречались живые сцены из быта; особенно интересны в этом смысле были йомутские ковровые дорожки,на которых изображались перекочевки и другие сцены. В Музее этнографии народов СССР (в Ленинграде) хранится старый, по всей вероятности, йомутский палас, на котором изображено возвращение из набега — аламана. Геометризированные растительные узоры встречаются и на современных йомутских дорожках.

Среди туркменских ковров различаются ковры ворсовые (техника *читме*) и безворсовые (техника *какма*); наряду с этими двумя основными типами встречается промежуточный, когда ворсовый узор выполняется по безворсовому фону.

Собственно ковры, ковровые сумки и украшения на верблюда изготовляют ворсовыми. Ворсовые ковры туркмен отличаются высоким качеством: плотностью узлов и низким ворсом.Безворсовые изделия встречаются значительно реже и характерны главным образом для йомутов. Это большие паласы, вещевые мешки — чувал[1], а также дорожки для опоясывания деревянного остова юрты и внешних камышовых циновок (*дузи*, *билйуп* и т. п.). Однако наиболее красивые дорожки, которые теперь

[1] У йомутов встречаются вещевые мешки и с ворсом. Такие мешки называются *ёарчын*.

1

2

3

4

5

6

Образцы туркменской вышивки

1 — на тюбетейке. Туркмены-сарыки; *2* — на тюбетейке. Туркмены Ташауэской области (йомуты, емрели); *3* — на рукаве мужской рубахи. Туркмены-огурджали; *4* — по краю халата. Туркмены-чоудоры; *5* — на халате-накидке «черпы». Туркмены-текинцы; *6* — на тюбетейке. Западные йомуты

Ковровщицы за работой на горизонтальном станке. Ковровая артель в пос. Гасан-Кули

встречаются редко[1], изготовлялись путем нанесения коврового узора на безворсовый фон. Так ткали, например, дорожки голан и акйуп йомуты. Дорожки весьма оригинальны по рисунку: на белом фоне в длину располагается геометрический узор, изменяющийся на протяжении длины дорожки несколько раз. Основной рисунок этого узора напоминает разветвленное дерево, сильно стилизованное. Эти комбинированные дорожки чрезвычайно близки к каракалпакским. Значительно чаще у всех туркмен для крепления юрты встречаются дорожки другого типа, а именно с цветным, напоминающим вышивку, узором по белому фону.

Несмотря на разнообразие форм ковровых изделий, техника их выделки не отличалась сложностью. Ковры изготовляли на горизонтальном ткацком станке чрезвычайно простого устройства. Две пары кольев вбивали в землю в соответствии с величиной и формой намечаемого ковра. За кольями укрепляли два бруса, между которыми натягивали основу. Для перестановки ниток основы служила палка с петлями, захватывающими один порядок основы, и дощечка. Палка с петлями устанавливалась на рогульках, вбитых в землю, или на сделанных из глины столбиках. Чтобы нитки основы не сдвигались с места, их примазывали к палке глиной. Уточные нитки пропускали пальцами без челнока. Для прибивания утка во время тканья служила массивная железная гребенка с деревянной рукояткой. Ворс подрезали ножницами, которые изготовляли местные мастера. Ткацкий станок в холодное время устанавливали в юрте, освобожденной для этого от утвари, а летом — под навесом. Обычно ковры ткали в теплое время года, так как зимой работать было значительно трудней. Нитки заготовляли исподволь, преимущественно из *овечьей шерсти весенней стрижки. Станок такого типа сохраняется* и в наши дни без изменения[2].

[1] Они подробно описаны в работах А. Фелькерзама «Старинные ковры Средней Азии» (журнал «Старые годы», октябрь — декабрь 1914 г.) и С. М. Дудина «Ковровые изделия Средней Азии» (Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VII. Л., 1928). Там же приведены их рисунки.

[2] В ковровых артелях введен вертикальный, более удобный станок. Для выделки небольших ковров сохраняется горизонтальный станок.

Неизмеримо бо́льшим изменениям подверглась орнаментика туркменских ковров. После Октябрьской революции начался подлинный расцвет коврового искусства. Орнаментальные традиционные мотивы обогатились новыми сюжетами. Появились сюжетно-тематические ковры (портреты, жанровые сценки и т. д.), каймы которых сохраняют старые орнаменты или оживляются новыми, ранее не употреблявшимися в туркменских коврах изображениями коробочек хлопка, пятиконечной звезды и т. д. Стали изготовляться новые ковровые предметы. Для разработки новых форм художественного ковроделия в Ашхабаде организована экспериментально-художественная мастерская. Следует отметить такие работы, как ковер с портретом В. И. Ленина, изготовленный в 1935 г. ашхабадской ковровщицей Амансолтан Нуралиевой по эскизу ее мужа, известного художника Бяшима Нурали, огромный ковер на тему «Дружба народов СССР», созданный в 1955 г. в ковровой мастерской по эскизам художников Г. Я. Бруснецова и Г. В. Соснина руками 22 ковровщиц.

Насколько искусство ковроделия является народным, показывают смотры художественной самодеятельности, проводимые в республике. На одном из них в 1957 г. вторую премию получили бахарденские ковровщицы Анногозель Хаммедова и ее дочь Курбангуль, восстановившие один из незаслуженно забытых видов текинского орнамента *кежебе-гёл*. Заслуживает внимания работа юной ковровщицы Мукарам Мамедкуловой, с помощью своей матери выткавшей небольшой ковер с рисунком «Ракета»,— в нем воплотилась мечта о путешествии в космос. Новые ковровые предметы также служат для украшения быта. Это обычно вещи небольших размеров — настенные коврики, чехлы на кресла и велосипедные седла, дамские сумочки и т. п. Во многих из них найдено удачное сочетание новых форм с традиционным орнаментальным мотивом.

Искусство туркменских ковровщиц получило всенародное признание. Пятнадцати мастерицам в 1950 г. присвоено почетное звание заслуженных ковровщиц Туркменской ССР. Международное признание туркменских ковров еще раз подтвердила всемирная ковровая выставка в Париже в 1937 г., где туркменский ковер был отмечен большой золотой медалью; на выставке 1958 г. в Брюсселе получили свидетельства 200 туркменских ковровщиц.

Большой интерес представляют и другие виды народного прикладного искусства: вышивка на одежде и головных уборах, производство орнаментированных войлоков, ювелирных изделий, шелковых тканей и т. д.

У туркменок принято расшивать цветными шелками девичьи и мужские тюбетейки, ворот и рукава женских платьев (а в более отдаленное время и мужских рубах), нижнюю часть штанов, выступающих из-под платья, различные небольшие сумочки для хранения мелких вещей, а в последнее время вышивкой украшают также футляры для часов и мужские галстуки. Значительно реже встречалась в прошлом вышивка шерстью на тканых дорожках или коврах.

Для бытующей у туркмен вышивки характерны три основных типа шва: *акгайма*, *кожиме* и *илме* (или *илдирме*—тамбурный шов). Каждый из этих швов в значительной мере пользуется распространением у определенных групп туркмен. Аккайма [1] почти никогда не встречается самостоятельно, а сочетается с вышивкой, выполненной техникой второго типа — коджиме (или просто *кешде* — вышивка) [2], которая широко бытует и отдельно.

И аккайма и коджиме широко распространены на юге у туркмен-текинцев, гокленов, сарыков и других мелких групп, живущих среди них. Аккайма применяется главным образом при вышивании мужских тюбе-

[1] Этот шов называется иногда *сарыгайма*, что зависит от цвета ниток (ак — белый, сары — желтый).

[2] Термином *кожиме* (*кожуме*) называется также переплетение веревочных петель на хурджуме; вышивка этим швом очень похожа на подобное переплетение.

Опытная мастерица беседует с молодой ковровщицей. Экспериментальная мастерская в г. Ашхабаде

теек, этим же швом обшивают ворот платьев и мужских рубах, края женских штанов.

Вышивание ведется вперед иголкой, очень мелкой строчкой, так что получается точечный орнамент в виде треугольников и ломаных линий. Шов кожиме очень похож на известный у русских под названием «козлик с окантовкой», но с петельным обрамлением. Он применяется у южных туркмен для вышивания девичьих тюбетеек и халатов. Особенно богато расшиваются этим швом женские халаты-накидки, в частности ныне почти не бытующий халат-накидка чырпы, обычно сплошь покрытый узором.

Кроме южных туркмен, шов кожиме распространен у ташаузских туркмен — йомутов, емрели и в современных вышивках чоудоров, в прошлом знавших технику вышивки тамбурным швом. Последняя бытует у западных туркмен — йомутов и у небольшой по численности группы туркмен — ходжа, игдыр, ших, живущих к северу от Красноводска. В прошлом тамбурный шов был распространен, видимо, более широко, он характерен для всех туркмен, которые в XVI—XVII вв. были известны под названием туркмен эсен-хани (хасан эли). Об этом свидетельствуют, в частности, старинные халаты и женские шапки чоудоров Ташаузской области, сплошь расшитые узором, выполненным тамбурным швом по красному или синему тонкому сукну, которое ввозилось из России. Старинные вещи шихов, ходжа, игдыров, живущих ныне на побережье Каспийского моря, очень близки по характеру и технике вышивки на тонком сукне и по узору к старинным чоудорским.

Тамбурный шов у туркмен выполняется иглой, тогда как другие народы Средней Азии вышивают тамбуром при помощи крючка. Для большинства узоров, выполняемых тамбурным швом, характерна двойная линия.

В качестве подсобных швов, обычно скрывающих внутренний соединительный шов, у туркмен распространены еще два вида: кроющий шов типа глади, прямыми или косыми стежками, называемый *пугтыма* (текинцы) или *гүртикин* (йомуты), т. е. скрепляющий, и петельный, в котором петли идут посредине узора, образующего елочку. Изредка встречается также стебельчатый шов и другие, но все они не определяют

Изготовление кошмы. Раскладывание узора

Изготовление кошмы. Первоначальное сваливание войлока

Изготовление кошмы. Процесс окончательного валяния

характера туркменской вышивки, весьма своеобразной по технике и орнаменту.

Техника выполнения туркменской вышивки, с нашей точки зрения, красноречиво свидетельствует о различных этнических компонентах в составе туркменского народа и при детальном и тщательном изучении даст, вероятно, много материала для исследования этногенеза туркмен. Здесь же следует отметить чрезвычайно интересный факт: техника кожиме, широко распространенная среди большой части туркмен, у других народов Средней Азии почти не встречается. Исключение составляет лишь часть южных киргизов, населяющих Ошскую область, у которых эта техника вышивки широко распространена.

Узоры вышивки, так же как в коврах, строго геометрические, однако для старинных вышитых халатов и девичьих шапочек текинцев, гокленов и йомутов, равно как и для женских головных накидок текинцев— чырпы, курте, характерен растительный, хотя и сильно геометризированный орнамент, близкий к орнаменту на ювелирных изделиях.

Чрезвычайно интересны и своеобразны по рисунку орнаментированные войлоки — *кече*. Основной, обрамляющий центральное поле рисунок, бытующий у всех туркменских племен, называется *сары ичян* (желтый скорпион), *сайлан* (выборный) или *гочак* (рога барана). Центр поля обычно занимают два—четыре крупных однотипных круга, имеющих различные наименования у отдельных племен. По названию центрального рисунка называется и весь войлок. У йомутов-джафарбаевцев и прибрежных жителей восточного побережья Каспийского моря распространены двусторонние орнаментированные войлоки *гошма кече*; местные мастерицы считаются наиболее искусными в выделывании войлоков. Процесс изготовления войлоков в основном тот же, что и в других районах Средней Азии; выделкой войлоков у туркмен занимаются исключительно женщины.

Ювелирные изделия туркмен по художественным качествам и технике занимают особое место среди украшений всех других народов Средней

Азии[1]. Украшения в большинстве своем серебряные, массивные, со множеством мелких изящных серебряных подвесок. У богатых в колониальный период встречались золотые кольца и серьги. У чоудоров, арбачей и других близких к ним племен бытовали небольшие носовые подвески из золота.

Наиболее характерные для туркменских ювелирных изделий виды техники — гравировка и штамповка; филигрань применяется значительно меньше, обычно для отделки краев украшений. Узор на изделиях создавался позолотой из тонкого слоя золота по серебру, причем позолота создавала фон узора, последний же образовывался из серебряной основы. Очень широко применялись полудрагоценные камни, главным образом сердолик — *хакык*, несколько меньше бирюза — *пейруза*; их вставляли в гнезда в центре и по краям изделия. В последнее время камни заменяют цветными стеклышками, а иногда пластмассой. Западные йомуты, в отличие от всех других, украшали ювелирные изделия штампованными золотыми мелкими пластинками различных геометрических форм, которые припаивали к серебряной основе.

Ювелирное мастерство требовало больших навыков и хорошего художественного вкуса. Мастера-серебряники обычно передавали свое ремесло по наследству, они приучали своих сыновей с детства помогать им в мастерской. Несмотря на высокую технику изготовления туркменских ювелирных изделий, инструментарий ювелира был несложен. Он состоял из небольшой наковальни и горна с мехами для раздувания огня, молотка, ножниц своеобразной формы для металла, одной-двух каменных чашечек для плавки золота и серебра, щипчиков, с помощью которых доставали чашечки из огня, инструмента для сварки швов и скрепления отдельных частей украшений и определенного количества штампов (хорошие мастера должны были иметь 21 штамп). Материал для изготовления того или иного украшения обычно приносил заказчик. Зачастую на новые изделия шли старые украшения или серебряные монеты.

В наше время ювелирное мастерство сохраняется, хотя и не так широко распространено, как раньше. Изделия стали менее массивными и более простыми по форме. Подвергся некоторому изменению и орнамент украшений. В прошлом на большинство украшений наносился стилизованный растительный орнамент, а в йомутских вещах — геометрический. Современные ювелиры, и среди них известные в республике Аннали Чокаев, Кул Бабаниязов и другие, вводят в украшения новые мотивы. Наиболее часты они на национальных брошах; так, Кул Бабаниязов вписывает в их круглую традиционную форму пятиконечную звезду, а Аннали Чокаев гравирует изображение танца.

До Октябрьской революции туркмены не знали национального реалистического изобразительного искусства — живописи, графики, скульптуры, чему в значительной мере препятствовали запреты ислама. Правда в коврах, как говорилось, встречались изображения отдельных животных и даже сцен, но все они были сильно стилизованы и довольно редки.

Реалистическое изобразительное искусство у туркмен начало развиваться в советское время под сильным влиянием и с помощью русских художников. Однако первым туркменским художником был Назар Юмудский, который жил во второй половине XIX в. (1860—1897 гг.). Он окончил в Петербурге Академию художеств. Своими рисунками, помещенными в «Ниве», «Всемирной иллюстрации» и других журналах, он знакомил широкий круг русских читателей с жизнью туркменского народа, изоб-

[1] Следует отметить, что украшения населения среднего течения р. Аму-Дарьи или, например, чоудоров Ташаузской области, а также туркмен побережья Каспийского моря севернее Красноводска менее своеобразны и имеют больше общего с украшениями казахов, каракалпаков и узбеков нежели украшения туркменского населения остальных районов республики.

ражая сцены быта, эпизоды из строительства Ашхабадской железной дороги, делая портретные зарисовки. Н. Юмудский был участником Товарищества передвижных выставок, дружил со многими видными русскими художниками демократического направления, был знаком с В. В. Стасовым и И. Е. Репиным.

В 1920 г. в Ашхабаде была организована художественная студия, вскоре преобразованная в «Ударную школу искусств Востока»; ее организаторами были художники И. М. Мазель и А. П. Владычук. Школа оказывала большое влияние на молодежь Туркмении, расширяя ее общий культурный кругозор, вызывая интерес к незнакомому им ранее искусству — живописи и рисунку. Первым туркменом, поступившим в школу, был Бяшим Нурали, ныне народный художник республики; учился в ней также и художник С. Н. Бегляров (1898 — 1949 гг.), впоследствии заслуженный деятель искусств Туркменской ССР. Коллектив школы проводил работы по художественному оформлению празднеств, выпускал плакаты на темы социалистического строительства, организовывал кружки изобразительного искусства в воинских частях.

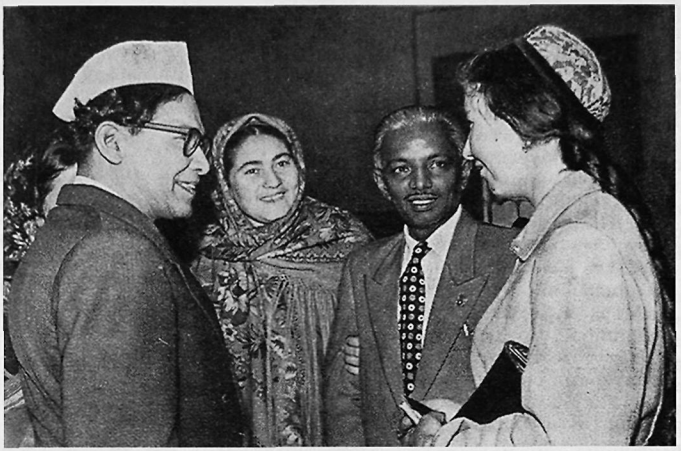
Художник Иззат Клычев

Художники Туркменистана в 20-х годах работали также в области газетно-журнальной графики и плаката. В газетах и журналах печатались иллюстрации, отражающие борьбу за новый быт, за раскрепощение женщины, индустриализацию и коллективизацию страны.

В 1933—1934 гг. был создан Оргкомитет Союза советских художников Туркменистана, в работе которого приняла участие бригада московских художников (Н. Терпсихоров, П. А. Радимов и др.), к которым присоединился М. С. Сарьян. В 1935 г. в Ашхабаде было организовано художественное училище, где учились многие из ныне известных художников республики — Хаки Аллабердыев, Айхан Хаджиев, Иззат Клычев и др.

Огромную помощь передовым художникам республики в их борьбе за утверждение реализма в живописи и графике оказал Туркменский государственный музей изобразительного искусства, созданный в 1939 г. В нем, наряду с уникальными образцами туркменского искусства, была собрана коллекция картин, написанных крупнейшими русскими художниками — И. Е. Репиным, В. И. Суриковым, В. А. Серовым, В. Д. Поленовым, полученными в дар от крупнейших музеев страны.

Перед войной выступили со своими, правда еще не совсем зрелыми, работами молодые художники-туркмены Х. Аллабердыев и А. Хаджиев, а вскоре после окончания войны и другие — Ниязмурад Доводов, Якуб



Делегатки XII съезда профсоюзов от Туркменской ССР беседуют в перерыве между заседаниями в Большом Кремлевском дворце с представителями Индии и Цейлона

Аннануров, Иззат Клычев. Это поколение художников-туркмен достигло дальнейших успехов в развитии мастерства. Их лучшие работы способствовали общему подъему изобразительного искусства Туркменистана. Так, картина А. Хаджиева «Махтумкули» удачно раскрывает образ любимого поэта туркменского народа. С интересными работами выступает также И. Клычев, умело подмечающий различные стороны быта («В обеденный перерыв», «В пустыне Каракум»). За последние годы его мастерство значительно выросло. На Всесоюзной художественной выставке 1961 г. он показал себя талантливым художником-портретистом (портреты дважды Героя Социалистического Труда Оразгельды Эрсарыева, Героя Социалистического Труда Р. Машериповой и др.). На этой же выставке были представлены работы других мастеров старшего поколения: А. Жадлиева, Н. Доводова, Г. Я. Бруснецова и других, а также молодых художников: одного из лучших пейзажистов Нури Ходжамухаммедова. Амана Амангельдыева.

Наряду с художниками-туркменами в Туркмении работают и русские художники (Ю. П. Данешвар, И. И. Черинько, Е. М. Адамова, И. А. Мягков, И. И. Ильин и Г. И. Колояров и др.).

Туркменские художники участвуют вместе с ковровщицами в создании портретных и сюжетных ковров. Наряду с живописью развивается графика и скульптура.

* * *

За годы Советской власти Туркменистан из отсталой страны с преобладанием патриархально-феодальных отношений превратился в передовую социалистическую республику с современной крупной промышленностью, крупным механизированным социалистическим сельским хозяйством. Теперь это республика сплошной грамотности, располагающая многочисленными кадрами национальной интеллигенции. В экономическом и культурном развитии Туркмения значительно обогнала такие

Ковровые изделия туркмен — торба ахальских текинцев

б

Ковровые изделия туркмен — чувал марыйских текинцев

1

2

Двусторонняя кошма «гошма кече». Западные йомуты

1 — лицевая сторона; *2* — обратная сторона

зарубежные страны, как Иран, Афганистан, Ирак и Турция, от которых сильно отставала до революции. Туркменистан, как и другие Советские республики Средней Азии и Закавказья, стал подлинным маяком социализма для народов колониальных и зависимых стран зарубежного Востока.

В связи с увеличением населения, массовым переселением трудящихся на вновь орошаемые земли и оседанием скотоводов крайне усилилось перемешивание туркменских родов и племен, происходит быстрое стирание племенных различий. Итогом всего этого явилось полное разрушение родоплеменной организации. В результате проведения ленинской национальной политики и развития экономики страны были ликвидированы эксплуататорские классы, сложился национальный рабочий класс, получила особое развитие общетуркменская советская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Сочетание всех этих явлений обусловило сложение туркменской социалистической нации.

Туркменская социалистическая нация, как и все нации Советского Союза, коренным образом отличается от старых, буржуазных наций. Она гораздо крепче и монолитнее их, так как, в отличие от буржуазных наций, не разъедается непримиримыми классовыми противоречиями. В ней сочетаются лучшие черты туркменского народного характера — свободолюбие, прямота, честность, смелость, решительность, уважение к старшим — с новыми чертами, воспитанными Коммунистической партией в условиях социалистического строительства,— чувство коллективизма, высоко сознательное отношение к труду и к общественному долгу, пролетарский интернационализм, социалистический патриотизм, уважение к женщине и др.

Выдающиеся успехи в области культурного развития составляют предмет законной гордости туркменского народа.

Равный среди равных в братской семье советских народов, сплотившихся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, туркменский народ уверенно идет по пути, указанному великим Лениным, вперед, к победе коммунизма.

КИРГИЗЫ

Киргизы (само название *кыргыз*) были известны в дореволюционной литературе под названием кара-киргизов, т. е. черных киргизов (а также «закаменных» или «дикокаменных» киргизов). Это название продолжало отчасти сохраняться и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (до 1925 г.). Соседей киргизов — казахов раньше ошибочно называли казак-киргизами, вследствие чего очень часто казахов и киргизов неправильно рассматривали как единый народ. В китайских источниках XVIII в., а также среди калмыков киргизы были известны под названием бурут.

Киргизы составляют основную массу населения Киргизской Советской Социалистической Республики. Эта республика, занимающая площадь в 198,5 тыс. кв. км, на севере граничит с Казахской ССР, на западе — с Узбекской ССР и Таджикской ССР, на юге — с Таджикской ССР (здесь граница проходит по Заалайскому хребту) и на юго-востоке, на протяжении 820 км,— с Китайской Народной Республикой. В ее состав входят две области — Ошская и Тянь-Шаньская и 15 районов республиканского подчинения, расположенных в Чуйской и Таласской долинах и в Иссык-Кульской котловине.

Столица республики — г. Фрунзе, ранее уездный г. Пишпек. В нем родился и вырос виднейший деятель Советского государства, полководец Красной Армии М. В. Фрунзе.

В 1959 г. в Киргизской ССР насчитывалось 2 066 тыс. жителей, тогда как в 1913 г. на этой же территории жило 864 тыс., а в 1939 г.— 1 450 тыс. человек. Увеличение численности населения в Киргизской ССР было вызвано не только значительным притоком населения из других республик, но все более прогрессирующим его естественным приростом.

Большой приток населения в Киргизскую ССР был обусловлен переводом сюда промышленных предприятий из центральных районов страны во время Великой Отечественной войны и развертыванием нового строительства в послевоенный период. Вследствие этого при абсолютном увеличении численности киргизов в пределах Киргизской ССР на 11% удельный вес их во всем населении республики уменьшился с 52% в 1939 г. до 40,5% в 1959 г.

Все населенное киргизами огромное пространство в пределах Киргизской ССР и за ее границами представляет собой горную страну, пересеченную высочайшими хребтами Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской систем и отчасти Гиндукуша.

Киргизов, проживающих на территории СССР, насчитывалось в 1926 г. 762,7 тыс., а в 1939 г. 884,3 тыс. По данным переписи населения 1959 г., численность киргизов в СССР составляет 968,7 тыс. человек.

Большой прирост киргизского населения в СССР за годы Советской власти виден из сопоставления этих данных со сведениями, относящимися к 1917 г., согласно которым численность киргизов определялась в 670—680 тыс. человек.

Подавляющее большинство киргизского населения (836,8 тыс. человек, или 86,4%) проживает в пределах Киргизской республики. Среди основного, киргизского, населения республики более или менее компактными массивами живут русские (623,6 тыс. человек) и украинцы (137 тыс. человек). Их селения расположены в Чуйской и Таласской долинах, в Иссык-Кульской котловине и в некоторых районах Ошской области. В граничащих с Узбекской ССР сельских районах и городах Ошской области довольно многочисленны узбеки (218,6 тыс. человек). Кроме того, в Киргизской ССР живут татары (56,3 тыс. человек), казахи (20,1 тыс. человек), таджики (15,2 тыс. человек), уйгуры (13,8 тыс. человек), дунгане (11,1 тыс. человек), немцы (39,9 тыс. человек), чеченцы и др. Таким образом, Киргизия является многонациональной республикой.

Киргизы живут также на территории названных выше соседних республик: 92,7 тыс. человек в Узбекской ССР (главным образом в Ферганской и Андижанской областях), 25,6 тыс. человек в Таджикской ССР, преимущественно в пределах Джиргатальского района (в Каратегине) и в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области — на восточном Памире, представляющем собой высокое пустынное нагорье, 6,8 тыс. человек в Казахской ССР и 0,2 тыс. в Туркменской ССР.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что расселение киргизов в XVIII—XIX вв. несколько отличалось от современного. Они распространялись значительно далее на запад. Так, по сведениям, собранным таджиковедами, 200—300 лет назад весь Каратегин (на территории современной Таджикской ССР) был заселен киргизами, но затем они были постепенно вытеснены оттуда таджиками и остались лишь в самой восточной части Каратегина, находящейся по соседству с долиной Алая (современный Алайский район Киргизской ССР). Позднее происходил процесс частичного заселения таджиками и этого района. В третьей четверти XIX в. небольшие группы киргизов еще жили в долине Зеравшана: в Самаркандском отделе их насчитывалось 665 человек, в Катта-Курганском отделе 372 двора, в Ургутском тюмене (волости) 17 дворов.

В конце XIX в. в Бухарской части долины Зеравшана было 20 селений и шесть арыков, носивших название «кыргыз». Прямыми потомками киргизов, населявших ранее долину Зеравшана, следует считать жителей Бухарского, Гиждуванского, Кермининского и Шахрисябзского уездов, которые отнесли себя в 1924 г. к узбекскому племени кыргыз. Этих кыргызов насчитывалось 5600 человек.

Продвижение киргизов в эти районы в более раннее время было связано с политическими и военными событиями, происходившими в XVII—XVIII вв. В дальнейшем значительная часть киргизов осела здесь и подверглась влиянию окружающего оседлого населения, а затем и стала относить себя к узбекам.

За пределами СССР киргизы живут главным образом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Здесь расположены киргизский автономный округ Кызыл-Суу, в котором проживает около 50 тыс. киргизов, киргизский район Кёк-Терек в уезде Кызыл-Курэ (Текес) Илийского (Казахского) автономного округа и киргизская волость в уезде Монгол-Курэ (Чжаосу). Всего в КНР, по переписи 1953 г., насчитывалась 71 тыс. киргизов. До 25 тыс. киргизов кочует в пределах Большого и Малого Памира и на склонах Гиндукуша в Бадахшанской области Афганистана, немногочисленные группы живут в ближайших к советскому Памиру горных областях Пакистана. Тесно

связана с киргизами по своему происхождению небольшая тюркоязычная (но сильно омонголившаяся) этническая группа под названием хотоны, проживающая в районе Улангома и р. Убса (северо-западная часть Монгольской Народной Республики) в количестве нескольких сот семей.

Еще в недавнем прошлом у киргизов сохранялось родоплеменное деление, но племенные различия не были резко выражены. В большей степени некоторые особенности быта были свойственны крупным территориальным группам. Так, в известной мере отличаются от остальных киргизы, населяющие Ферганскую котловину, прилегающие к ней хребты и восточный Памир. Этих киргизов условно принято называть южными киргизами в отличие от северных киргизов, населяющих Тянь-Шань, Прииссыккулье, долины рек Чу и Таласа.

В то же время среди киргизов имеется несколько групп, которые хотя и причисляются к киргизам, но по некоторым данным имеют иное происхождение. К ним относятся, например, группы под названием *куркурөө* (свыше 100 семей в Кировском районе), *курөн* (60—70 семей в Ат-Башинском и Нарынском районах Тянь-Шаньской области), *калча* (несколько десятков семей) и др. К киргизам причисляют себя и входившие раньше в те или иные киргизские родовые подразделения небольшие группы калмыцкого происхождения, которые называются *калмак* или по имени предка группы. Они живут в некоторых пунктах Чуйской долины и Тянь-Шаньской области и насчитывают немногим более 100 семей.

Несколько более обособленное положение среди киргизского населения Прииссыккулья занимала до Октябрьской революции группа калмыков, которая была известна под названием *сарт-калмак* (*сарт-калмык*). Она сохраняла некоторые этнографические особенности в быту и отчасти родной язык. Предки сарт-калмыков поселились в окрестностях г. Каракола (ныне Пржевальск) в 1884 г. Позднее в состав этой группы вошли также киргизы из разных племен. От других калмыков эта этнографическая группа отличалась главным образом тем, что исповедовала ислам. В настоящее время большинство сарт-калмыков причисляет себя к киргизам, и по существу они уже слились с окружающим киргизским населением. Сарт-калмыки живут в основном в селениях Бёрюбаш и Чельпек Каракольского района. По данным переписи 1959 г., их насчитывается в Киргизии 2,4 тыс. человек, причем 1845 человек назвали своим родным языком киргизский.

К киргизам относит себя и смешанная этнографическая группа под названием *чала-казак*, населяющая западную часть г. Фрунзе (б. сел. Кызыл-Аскер) и некоторые пункты в Таласской долине.

Киргизский язык принадлежит к северо-западной группе тюркских языков. Во время всесоюзной переписи населения 1959 г. 98,7% киргизов, проживающих в СССР, назвали своим родным языком киргизский.

В антропологическом отношении киргизы в общем мало отличаются от казахов. Однако при тщательном изучении большого числа разных территориальных и этнографических групп киргизов, при детальном сопоставлении их с казахами, с другими народами Средней Азии, а также с алтайцами удалось все же установить, что центральноазиатский монголоидный элемент входит в состав киргизов в еще большем объеме, чем в состав казахов. Но, несмотря на это, киргизы все же немного отличаются и от южных алтайцев и от бурят и занимают промежуточное положение между алтайцами и казахами.

В отличие от казахов, территориальные различия в антропологическом типе киргизов все же намечаются. На Иссык-Куле, на Тянь-Шане и в некоторых группах на Алае особенности центральноазиатского монголоидного типа выражены несколько более отчетливо, чем в Чуйской, Таласской и Ферганской долинах. Интересно, однако, что среди киргизов ослабление выраженности монголоидных особенностей в общем не

сопровождается уменьшением доли карих глаз, но, хотя и в незначительной степени, связано с уменьшением ширины лица и размеров головы. Это говорит о том, что тип Среднеазиатского междуречья, который не удается обнаружить в составе казахов, в составе киргизов все-таки имеется, хотя доля его участия очень мала.

Преобладающим в составе киргизов является, таким образом, центральноазиатский монголоидный тип. Безусловно имеется и примесь европеоидных элементов, причем в состав киргизов вошли, по-видимому, оба европеоидных элемента Средней Азии: андроновский, имеющийся также в составе казахов, и памирский, составляющий основу таджикско-узбекского типа Среднеазиатского междуречья.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Вопрос о происхождении киргизского народа, принадлежащего, по мнению В. В. Бартольда, к числу древнейших народов Средней Азии, относится к наиболее сложным в историографии СССР. Его обсуждают в русской и западноевропейской литературе около полутора столетия. Сложность этого вопроса заключается в том, что историческими источниками засвидетельствовано существование двух этнических общностей, носивших название *кыргыз*: в Южной Сибири — на Енисее и в восточной части Средней Азии — в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

В течение некоторого времени главное внимание уделялось истории енисейских киргизов, которые стали известны русским в XVII в. Первым русским ученым, который привел достоверные сведения о киргизах, обитавших в Средней Азии, был П. И. Рычков, написавший в конце 1740-х годов исследование «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под имянем татар разумеются». В 1749 г. эта рукопись была направлена В. Н. Татищеву как материал для его исторических работ. Рычков дает оригинальную краткую характеристику собственно киргизов, которых он отличает от «киргиз-кайсаков» или «казаков» (казахов).

В его исследовании под названием «алатай киргизы» описывается «народ кочевой и силной», который «за Ташкентом, от Большой Кайсацкой орды расстоянии в пяти или шести днях, кочует около городов Ходжента, Найматана (Наманган.— *Ред.*) и Марталана (Маргелана.— *Ред.*) в горах каменистых и неприступных. Они имянуются Ала Тау (отколь сей народ и звание имеет) и суть между Зюнгарского владения и реки Сыр-Дарьи называемой при урочищах Балхаши и Коркур. Их некоторая часть состоит под Зюнгарами, а протчие — особо, которые часто воюют с зюнгорскими калмыками. И збирается их на войну от двадцати до тридцати тысяч человек»[1]. Характерно, что среди киргизов до сих пор сохраняется самоназвание *алатоолук кыргыздар* (алатауские киргизы). В опубликованном позднее труде П. И. Рычков дополнил свою характеристику киргизов: «...и хотя их на войну сбирается не более как около тридцати тысяч человек, но по ситуации жилищ их, зюнгорцы и никто из тамошних владетелей преодолеть их не могут»[2].

Одновременное существование этнонима «кыргыз» в Сибири и Средней Азии наводило на мысль об общем происхождении и родстве носителей этого этнонима. С 1820-х годов в этом направлении начали высказываться различные гипотезы. Н. Я. Бичурин (Иакинф) выступил с

[1] Рукопись П. И. Рычкова хранится в Архиве АН СССР, разр. II, оп. I, № 126, лл. 1—21. Значение трудов П. И. Рычкова охарактеризовано в статье Л. Шеймана «Русский ученый XVIII в. о киргизах» («Литературный Киргизстан», 1959, № 2).

[2] П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. [Сочинение П. И. Рычкова 1762 года]. Оренбург, 1887, стр. 95.

обоснованием своей точки зрения, согласно которой тянь-шаньские киргизы имеют самостоятельное происхождение. Он полемизировал с И. Э Фишером и А. И. Левшиным, настаивавшими на этнической общности енисейских и тянь-шаньских киргизов. Крупный вклад в разработку вопроса о происхождении киргизов внес казахский ученый Чокан Валиханов. В его взглядах имеются противоречия, но все же он склоняется к мысли о том, что киргизы являются аборигенами Тянь-Шаня и прифергансних областей. Он доказывал, что кочевые пути киргизов простирались до Алтая и Хангая, куда они совершали переходы на летние пастбища [1]. Впервые с концепцией о переселении киргизов выступил В. В. Радлов. Он высказал предположение, что киргизы переселились на Тянь-Шань в период расцвета их государственности на Енисее в X в. Позднее другие исследователи поддержали эту концепцию, считая лишь, что енисейские киргизы могли появиться на Тянь-Шане позднее, в период монгольского завоевания (XIII в.).

С новой, но весьма малообоснованной гипотезой происхождения тянь-шаньских киргизов выступил Н. А. Аристов, отождествлявший древних киргизов с усунями.

В основанном на письменных источниках труде, посвященном истории Семиречья, в состав которого входила значительная часть современного Киргизстана, В. В. Бартольд широко использовал написанное в середине XVI в. на персидском языке сочинение «Тарихи Рашиди» Мухаммеда Хайдера Дуглата, содержащее первые достоверные сведения о пребывании киргизов на Тянь-Шане. Хотя В. В. Бартольд и допускает возможность частичного появления здесь киргизов в X в., но приходит к выводу, что «главная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже» [2].

Для решения проблемы происхождения киргизского народа учеными были привлечены письменные источники, в особенности китайские, а также народные предания и данные этнонимики. Тем не менее в дореволюционной литературе эта проблема не получила разрешения. Это можно объяснить прежде всего ограниченностью источников и крупными пробелами в них, а также недостаточным учетом данных сопредельных наук.

Только в советское время появилась возможность поставить решение проблемы этногенеза киргизского народа на прочное научное основание. Первым крупным вкладом явилось издание в 1927 г. труда акад. В. В. Бартольда «Киргизы» [3], написанного по просьбе научного центра Киргизской автономной области. В этом труде В. В. Бартольд обобщил все известные к тому времени письменные и литературные источники о киргизах.

Как он сообщает, первым по времени известием о енисейских киргизах является упоминание в труде китайского историка Сыма Цяня о подчинении гуннами на севере царства Гэ-гунь в 201 г. до н. э. Название «гэ-гунь», встречающееся позднее в виде «гянь-гунь» или «цзянь-кунь», некоторые историки отождествляли с названием «кыргыз».

По мнению синолога Пелльо, гянь-гунь — монгольское образование единственного числа и должно читаться как кыркун. На основании анализа многочисленных источников советский ученый Ю. А. Зуев пришел к выводу, что термин «кыркун» (цзянь-кунь китайских летописей) относился к тюркоязычному гуннскому этносу, появление же этнонима «кыр-

---

[1] Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. «Зап. Русского географического общества по отд. этногр.», т. XXIX СПб., 1904. стр. 184 — 189; его же. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 342—363, 415—417.

[2] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Изд. 2. Фрунзе, 1943, стр. 24—25.

[3] В. В. Бартольд. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1927. Эта книга была переиздана в 1943 г. с предисловием А. Н. Бернштама.

гыз» он связывает с дроблением гуннского племенного образования и относит к V—VI вв.

Страна Гянь-гунь первоначально находилась, по-видимому, в пределах современной северо-западной Монголии, в той местности, где теперь расположено оз. Кыргыз-Нор. Во время гуннских нашествий гянь-гуньцы были вытеснены на север, в Минусинскую котловину (бассейн р. Енисея), где и смешались с жившими там динлинами. Древнейшей территориально-племенной общностью, в рамках которой начался процесс этногенеза древних киргизов, С. П. Толстов[1] считает именно динлинские племенные союзы.

Из истории китайской династии Тан — «Тан Шу» (618—907 гг.) известно, что китайский полководец Ли-лин, перешедший в 99 г. до н. э. на службу к гуннам, получил от них во владение страну Хягас (так при династии Тан писали этноним «кыргыз»).

В связи с описанием появившихся в VI в. на обширных пространствах Азии тюркоязычных племен, известных под названием ту-кю, «Тан Шу» сообщает о подчинении западнотюркскому правителю Ду-лу в 638 г. народа Гэ-гу (одна из транскрипций этнонима «кыргыз»). По-видимому, одновременно другая часть страны Хягас находилась в зависимости от восточной ветви тюрков, господствовавшей в восточной Монголии. Уже для этого периода источники отмечают наличие среди киргизских племен знати, имущественного неравенства, классовой борьбы.

Некоторые сведения о древних киргизах содержатся в эпитафиях на древнетюркских камнеписных памятниках, известных под названием енисейско-кыргызских и орхонских (открыты на Енисее и Орхоне, притоке Селенги). В них, в частности, сообщается, что восточнотюркским правителям — каганам — пришлось вести борьбу с кыргызами. Борьба продолжалась почти до полного поражения тюрков-огузов и перехода их владений к уйгурам (745 г.). В течение этого времени киргизы поддерживали тесные отношения с Китаем, неоднократно снаряжали к китайцам посольства и вступали с ними в коалицию в борьбе против тюрков. Пространство, населенное киргизскими племенами, простиралось в этот период от верхнего Енисея до Байкала. Южная граница их страны достигала Восточного Туркестана.

После ряда столкновений с киргизами уйгурам удалось в 758 г. покорить киргизские племена. Однако и после этого киргизы продолжали оказывать уйгурам сопротивление. В 840 г. борьба киргизских феодалов с уйгурскими закончилось поражением последних и взятием их столицы на Орхоне. Часть уйгуров подчинилась киргизам, другие ушли на юг. Между прочим в качестве соседей и союзников киргизов в этот период и позднее постоянно упоминаются карлуки — племена, занимавшие господствующее положение в северной части Тянь-Шаня со второй половины VIII и почти до середины X в.

В описываемое время (VII—IX вв.), как сообщают китайские хроники, киргизские племена занимались не только скотоводством, но также охотой и земледелием. Они разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей и верблюдов. Охотились на маралов, лосей, косуль. Сеяли просо, ячмень, пшеницу. У них было свое металлическое производство. Жили в войлочных юртах, питались преимущественно мясом и кобыльим молоком. Одевались в бараньи тулупы, носили войлочные шляпы. Женщины носили шерстяную и шелковую одежду. Перед домом предводителя киргизов, известного под названием ажо (ср. кирг. *ажа* — старшой), стояло знамя. Войско собиралось из всех киргизских родов. На войне пользовались луком и стрелами. Для предохранения от стрел и сабельных ударов ноги,

[1] С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 303—304.

руки и плечи прикрывали небольшими деревянными щитками. Подчиненные киргизам племена платили дань соболями и белками. У киргизов была своя письменность, Исчисление времени велось по двенадцатилетнему животному циклу. По религии киргизы были шаманистами; покойников они сжигали, оставшиеся после сожжения кости через год зарывали в землю.

Китайские сведения о киргизах дополняются персоязычными и арабоязычными источниками IX—XI вв. В них сообщается, что киргизы кочуют со своим скотом, у них нет ни деревень, ни городов, едят они просо, рис и всякое мясо (кроме верблюжьего). Приводятся сведения о почитании огня и планет Сатурна и Венеры, о наличии дома богослужения и молитв, при совершении которых они обращаются к югу, о существовании у них трех годовых праздников.

По степени культурного развития киргизы стояли, по-видимому, выше своих северных и восточных соседей.

Победив уйгуров, киргизские племена, предводительствуемые военно-феодальной знатью, продвинулись на юго-восток и заняли территорию Монголии. Их влияние распространилось до западного Тянь-Шаня. Они продолжали поддерживать дружественные отношения с китайской династией Тан, посылали в Китай посольства, вели торговлю с тибетцами, карлуками и арабами. По-видимому, достигли они соглашения и с уйгурами, жившими уже в Восточном Туркестане, от уйгуров к ним приходили караваны. Из страны киргизов вывозилось много мускуса, высоко ценившегося в мусульманских странах, и мехов, а также березовое дерево и рог.

Центром складывавшегося военно-политического объединения, во главе которого стояла знать киргизских племен, являлась Минусинская котловина и территория, занимаемая современной Тувинской АССР. Киргизская государственность того времени характеризовалась господством раннефеодальных отношений. Для военно-административного объединения киргизских племен были еще весьма характерны сильные пережитки патриархально-родового строя и племенных связей. Вместе с тем это была пора наивысшего расцвета политического могущества киргизов.

В начале X в. временное господство киргизских племен в Монголии закончилось, оно перешло к киданям (или кара-китаям), которые в 924 г. совершили поход из Северного Китая в Монголию. Часть киргизских племен, вероятно, осталась при кара-китаях в Монголии. Однако в течение нескольких последующих столетий источники упоминают главным образом о пребывании киргизов на Енисее, к северу от Саянского хребта.

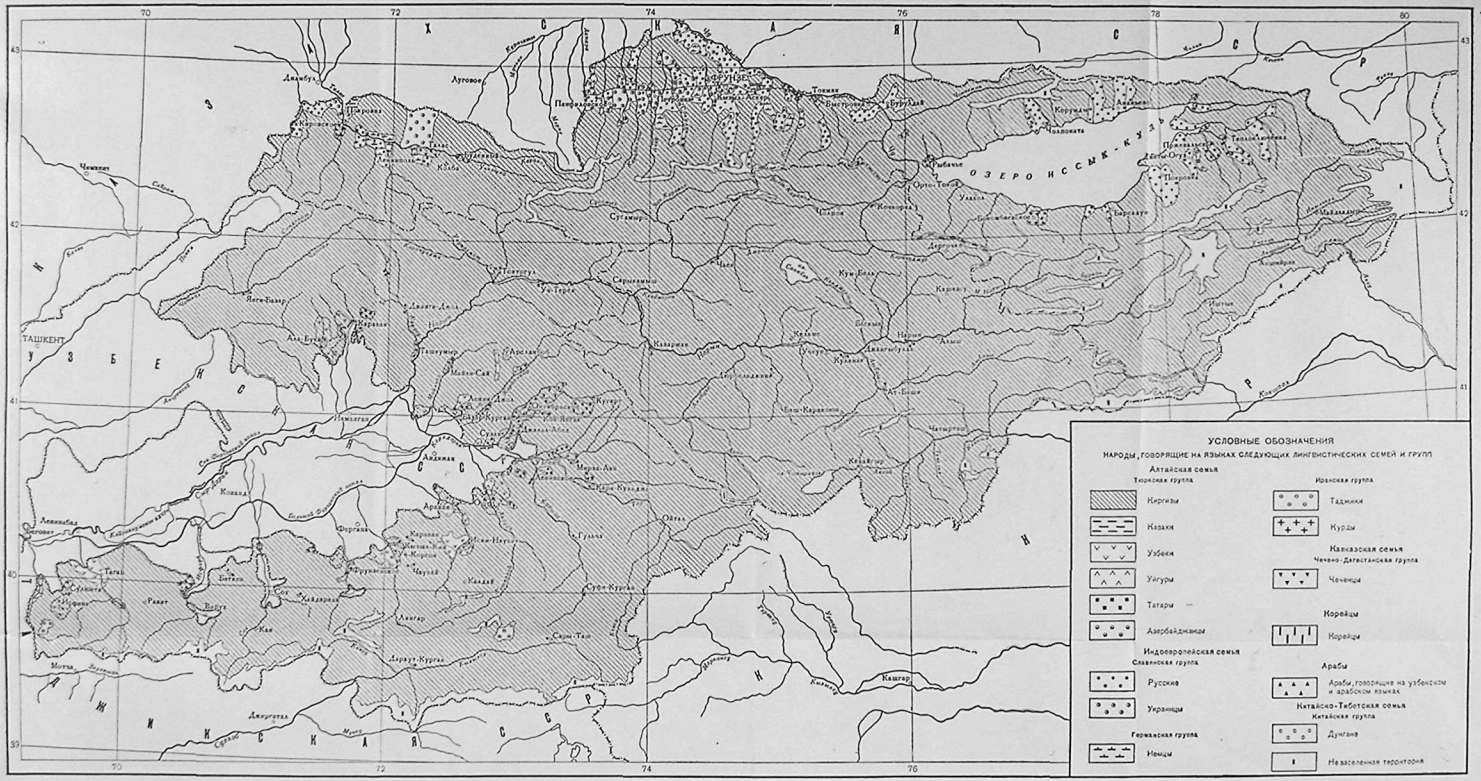
С возвышением Чингис-хана и завоеванием им Монголии и Средней Азии роль киргизов в политической жизни соседних стран несколько возросла. В 1207 г. Чингис-хан отправил к киргизам послов с требованием покорности. Однако киргизские вожди оказали сопротивление, а в 1218 г. начали войну с монголами. Чингис-хан оказался вынужденным послать против киргизов войско под начальством старшего сына — Джучи. Страна киргизов вместе с Китаем и Монголией вошла в состав владений младшего сына Чингис-хана — Тулуя. Участия в монгольских завоеваниях киргизы, по-видимому, не принимали.

О судьбе киргизов в XIV и XV вв. имеются лишь крайне фрагментарные сведения, преимущественно в монгольских, отчасти в персоязычных источниках. Новые сведения о киргизах появились в связи с событиями начала XVI в., но, как говорилось выше, эти сведения относятся уже к киргизам, живущим в пределах Тянь-Шаня.

Большая часть заселенной ныне киргизами территории входила в XVI в. в состав страны, носившей название Моголистана. В упомянутом труде «Тарихи Рашиди» при описании междоусобиц, происходивших в 1503—1504 гг. между наследниками монгольского хана Ахмеда, упоминаются киргизы, которых враждующие стороны признали виновниками

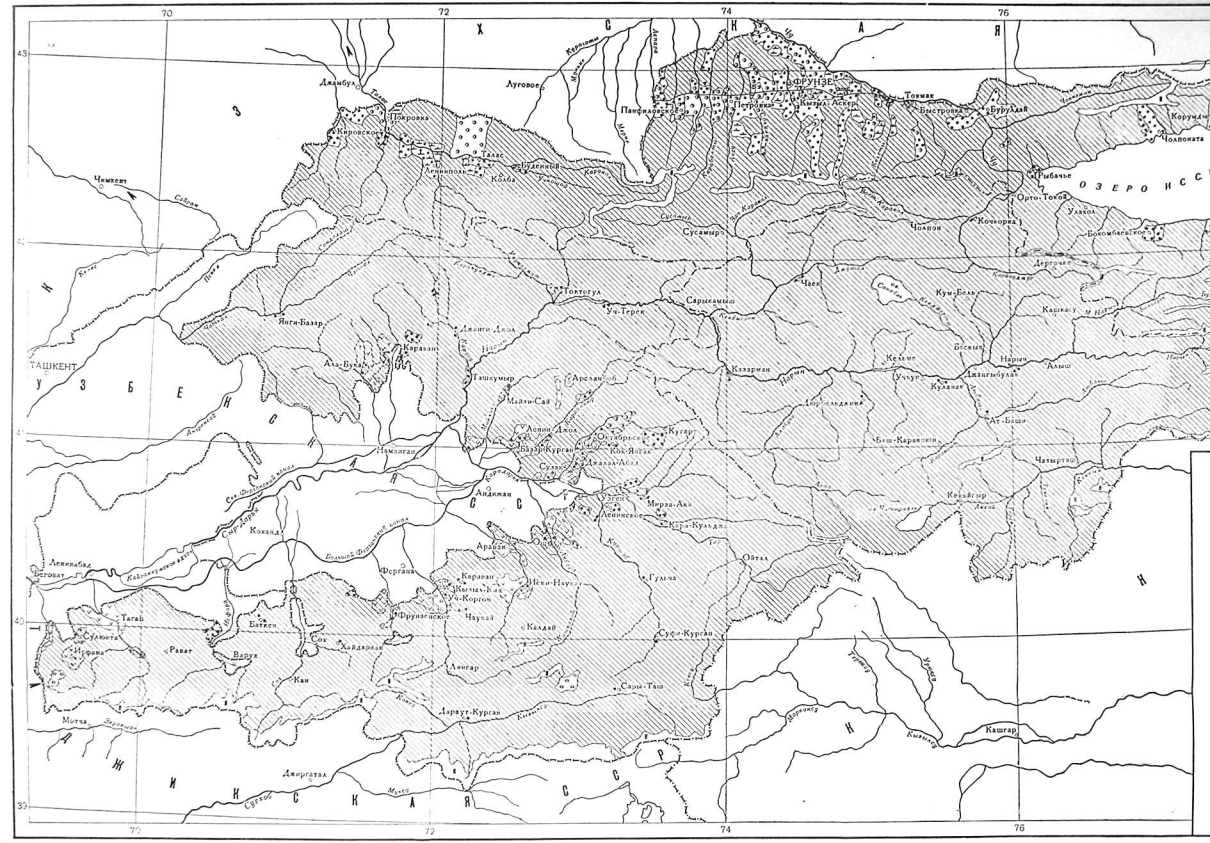
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КИРГИЗСКОЙ ССР

(По данным всесоюзной переписи населения 1959 г.)


70
72
74
76
78
80
43
42
41
40
39
ТАШКЕНТ
ОЗЕРО ИССЫК-КУЛЬ
Джувалы
Луговое
Чаткал
Сусамыр
Кара-Буура
Ат-Баши
Нарын
Кочкорка
Балыкчи
Каракол
Тюп
Пржевальск
Ананьево
Кызыл-Суу
Ош
Сары-Таш
Кашгар
Джергалан
Фрунзе
Токмак
Кант
Кара-Балта
Беловодское
Аламедин
Кегеты
Чолпон-Ата
Тамга
Тосор
Джеты-Огуз
Барскаун
Кок-Джар
Кара-Коль
Джумгал
Кара-Кульджа
Узгент
Араван
Кара-Суу
Ноокат
Кызыл-Кия
Сузак
Джалал-Абад
Базар-Коргон
Ленинабад
Исфана
Аксы
Кочкор-Ата
Кара-Куль
Сон-Куль
Чаек
Кара-Ой
Ак-Терек
Ак-Булун
Ак-Суу
Ак-Джол
Кара-Ой
Кара-Булун
Кара-Кол
Кара-Ой
Кара-Суу
Кара-Кол
Кара-Ой
Кара-Суу
Кара-Кол
Кара-Ой
Кара-Суу

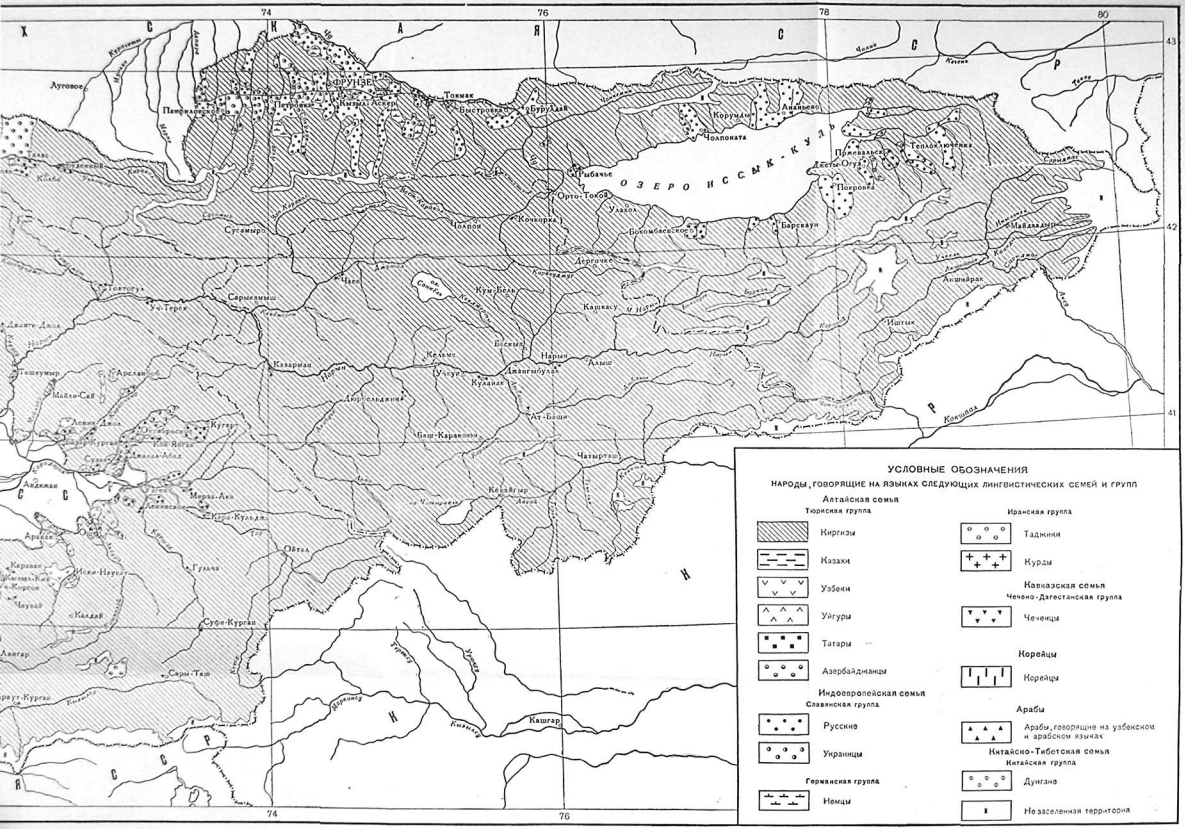
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КИРГИЗСКОЙ ССР

(по данным всесоюзной переписи населения 1959 г.)



ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КИРГИЗСКОЙ ССР

(по данным всесоюзной переписи населения 1959 г.)


74
76
78
80
43
42
41
Луговое
Пишпек
Токмак
Пристань-Луговая
Орловка
Кара-Балта
Беловодское
Кочкорка
Сусамыр
Сарыкамыш
Кетмень-Тюбе
Джалал-Абад
Кызыл-Кия
Кок-Янгак
Арсланбоб
Кара-Куль
Ош
Узген
Кара-Суу
Гульча
Сузак
Сары-Таш
Кашгар
Иссык-Кульская котловина
Чолпонata
Рыбачье
Ортo-Токой
Балыкчи
Тюпский
Каракол
Тамга
Покровка
Теплоключенка
Барскаун
Джергалан
Чолпон
Кутемалды
Каджи-Сай
Кочкорка
Нарын
Ат-Баши
Чаек
Кочкорка
Чаек
Кок-Ой
Кызыл-Суу
Кара-Коль
Ишпик
Ак-Терек
Кок-Ой
Кочкорка
Кочкорка
Кочкорка

происходивших в Моголистане смут и большей частью перебили. Оставшимся было разрешено кочевать на южной стороне Иссык-Куля. В 1514 г. киргиз Мухаммед оказал большие услуги монгольскому хану Султан Саид-хану в завоевании Кашгарии, за что был награжден подарками и отправлен в Моголистан, где ему подчинились все киргизы. В 1524 г. в страну киргизов пришел казахский хан Тахир, к которому присоединилась большая часть киргизов. Некоторое время киргизы и казахи имели общих ханов, но затем стали выступать самостоятельно. В 1558 г. киргизы и казахи уже не составляли единого политического целого. На протяжении XVI в. и почти всего XVII в. мирная жизнь киргизского населения непрерывно нарушалась. Трудящимся приходилось вести борьбу с гнетом моголистанских ханов, а затем против вторгавшихся на их земли калмыцких, узбекских и других ханов и феодалов. Нередко и киргизские феодалы устраивали грабительские набеги, принуждая своих сородичей принимать в них участие. Мужество киргизских воинов признавали даже враги. Недаром современники называли киргизов «дикими львами» Моголистана. В этот период киргизов не считали мусульманами, хотя отдельные их предводители (в частности, названный выше Мухаммед) исповедовали ислам. По описаниям того времени, киргизы жили в труднодоступных местах; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи в глубь гор и сами защищали проходы.

После краткого обзора истории енисейских и тянь-шаньских киргизов уместно снова вернуться к вопросу о том, каким образом и когда появились киргизы на Тянь-Шане, какое они имеют отношение к енисейским киргизам и происходило ли переселение последних на Тянь-Шань.

Много сил посвятил разрешению этих вопросов А. Н. Бернштам. Его гипотеза происхождения современного киргизского народа основывается на дальнейшем развитии положений, выдвинутых в свое время Аристовым и Радловым. А. Н. Бернштам рассматривал появление киргизов на Тянь-Шане как результат переселения сюда енисейских киргизов, которое происходило несколькими этапами: во время движения северных гуннов во главе с шаньюем Чжи-Чжи (начиная с 49 г. до н. э.), в период существования Западно-Тюркского каганата, но главным образом в IX—X вв., в период политического возвышения енисейских киргизов[1]. В обоснование своей гипотезы А. Н. Бернштам положил письменные источники (китайские хроники и сочинения восточных авторов), а также археологические материалы, свидетельствующие о связях Тянь-Шаня с Саяно-Алтаем.

Некоторые источники содержат упоминания о пребывании киргизов в домонгольский период в непосредственном соседстве с Тянь-Шанем. Так, в анонимном персоязычном источнике X в. («Худуд ал-Алем») упоминается о киргизах и городе Кыркыз-хана к северу от Тянь-Шаня. Подобного рода указания имеются у Истахри (X в.), Бекрана (XIII в.). Но данные этих и других источников не вполне отчетливы и не позволяют уверенно утверждать, что киргизы обитали здесь до XV—XVI вв., хотя на это и указывают некоторые косвенные факты. Часть страны Хягас, т. е. киргизов, уже в VII в. входила в состав владений западных тюрков, занимавших северный Тянь-Шань; в IX в. енисейские киргизы были соседями карлуков и находились в оживленных сношениях с ними и с другими племенами, занимавшими территорию Тянь-Шаня.

Предложенная А. Н. Бернштамом гипотеза приобрела много сторонников, но в ней имелись слабые места и недостаточно обоснованные

---

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 46 и сл.; его же. К вопросу о происхождении киргизского народа. «Советская этнография», 1955, № 2; его же. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв. «Советское востоковедение», 1956, № 4.

утверждения. Назрела необходимость решить эту проблему коллективными усилиями.

Вопрос о происхождении киргизского народа вызывал и вызывает огромный интерес со стороны научной общественности Киргизии. Учитывая неполноту имеющихся источников по этому вопросу и придавая большое значение правильному решению проблемы этногенеза киргизского народа, основанному на выработанном советской наукой комплексном методе, Киргизский филиал Академии наук СССР (ныне Академия наук Киргизской ССР) совместно с Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР организовал в 1953—1955 гг. Киргизскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию, в составе которой действовали археологические, антропологический, этнографический и картографический отряды. После окончания полевых работ экспедиции в 1956 г. в г. Фрунзе была созвана научная сессия по этногенезу киргизского народа, которая подвела итоги исследований этой проблемы и наметила основные пути ее решения.

Еще до проведения сессии складывалось мнение, что в этногенезе киргизского народа принимали участие и центральноазиатские и местные, среднеазиатские, этнические элементы. Однако необходимо было определить удельный вес тех и других и наметить хронологические рамки появления на современной территории выходцев из центральной Азии.

На основе собранных Киргизской комплексной экспедицией материалов и других исследований, а также широкого обсуждения проблемы киргизского этногенеза на указанной научной сессии представителями различных научных дисциплин было установлено, что основное ядро киргизского народа или по крайней мере один из основных компонентов, вошедших в его состав, имеет центральноазиатское происхождение[1].

Антропологические исследования, проведенные под руководством Г. Ф. Дебеца, показали, что центральноазиатский антропологический тип входит в состав киргизов в большей мере, чем в состав любого другого народа Средней Азии, не исключая казахов. При этом удельный вес монголоидного элемента в составе населения Киргизии в I тысячелетии н. э. был гораздо меньше, чем в настоящее время. Палеоантропологические материалы свидетельствуют о резком повышении в Киргизии доли монголоидного элемента центральноазиатского происхождения в первые века II тысячелетия н. э. Эти данные приводят к выводу о том, что именно в это время происходили значительные по своим этногенетическим последствиям исторические события.

Существенное значение для решения проблемы киргизского этногенеза имеют данные языка. Известно, что по ряду важнейших классификационных признаков киргизский язык наиболее близок к горно-алтайскому. Признаки, объединяющие эти языки, могли возникнуть лишь на единой языковой основе и в пределах общей для предков киргизов и алтайцев территории — на Алтае или в приалтайских областях. Киргизский язык не мог сформироваться в обстановке значительной разобщенности между крупными племенными объединениями киргизов, которая была характерна для киргизов на Тянь-Шане. Исследуя историю киргизского языка в свете всех этих факторов, киргизский языковед Б. М. Юнусалиев пришел к выводу, что языковая общность киргизов должна была сложиться за пределами современного местообитания киргизов, скорее всего к востоку от него, причем это произошло в относительно недавнее время, что может быть подтверждено не слишком значительными расхождениями в существующих диалектах киргизского языка.

Таким образом, выводы антропологов и языковедов оказались чрезвычайно близкими друг другу.

[1] Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959.

Широко привлеченные к решению проблемы этногенеза киргизского народа этнографические данные позволили сделать чрезвычайно важные выводы. Хотя в культуре киргизского народа, в особенности в его материальной культуре, имеется много черт, свидетельствующих о его тесных связях с другими народами Средней Азии и Казахстана, следует признать, что эта общность элементов культуры должна рассматриваться как сравнительно позднее явление. В то же время многочисленные факты, относящиеся к различным сторонам материальной культуры, хозяйства и мировоззрения, а также этнонимика и народные предания убедительно говорят об этногенетических связях киргизов с народами Алтая, Прииртышья, Монголии, Восточного Туркестана, а также притибетских районов.

Эти факты позволяют выдвинуть положение о том, что процесс формирования современных киргизских племен происходил главным образом на территории восточного Притяньшанья и прилегающих областей на базе тюркоязычных племен, значительная часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов и государств VI—X вв. В более поздний период в процесс киргизского этногенеза включились и некоторые племена монгольского происхождения. На территории Средней Азии, куда киргизы продвинулись, очевидно, в послемонгольское время, состав формировавшейся здесь киргизской народности пополнялся, с одной стороны, казахско-ногайскими элементами, а с другой — местными, среднеазиатскими, в лице узбеков и отчасти таджиков.

В этой связи значительный интерес представляет сложная группа так называемых ичкиликов, обосновавшихся на территории современной Киргизии, в ее юго-западных районах. Высказывавшиеся неоднократно мнения о чуждости этой группы киргизам в целом в свете последних данных этнографии и языкознания должны быть отброшены. Однако сложение этой группы происходило в силу разных причин особыми путями. Появление основного ядра ичкиликов в Средней Азии, куда они пришли преимущественно с территории Восточного Туркестана, можно связывать с движением группы киргизов через Каратегин в Гиссар в 1635—1636 гг. Однако здесь ичкилики впитали в себя значительные группы местного тюркоязычного населения. Об одной из таких крупных групп упоминал в своих мемуарах узбекский султан Бабур, называя ее чакрак (чорак, чегерак) и отмечая, что она занималась разведением яков. Известно, что яководством в пределах Средней Азии и поныне занимаются главным образом памиро-алайские киргизы — ичкилики. В этническом же составе ичкиликов выявлены среди племен нойгут и тейит небольшие группы, сохранившие этноним «чогорок».

В самое последнее время положение, выдвинутое этнографами и языковедами, нашло подтверждение в сведениях, обнаруженных в хранящейся в Ленинграде таджикоязычной рукописи «Маджму' ат-таварйх» («Собрание историй») ферганского автора муллы Сейфаддина Ахсикенди, датируемой началом XVI в. Рукопись была описана А. Т. Тагирджановым и исследована им и В. А. Ромодиным. В этом источнике приводятся названия почти всех основных киргизских племен, известных и в XIX и XX вв.; таким образом, их можно отнести к числу наиболее древних этнических компонентов, образовавших киргизскую народность. На основании указаний, содержащихся в рукописи, можно считать, что этнический состав киргизов к началу XVI в. уже успел стабилизироваться, а это не могло произойти слишком далеко за пределами территории Тянь-Шаня и Памиро-Алая, на которой киргизы жили уже в XVI в.

Как показывают многочисленные данные, в настоящее время вопрос об исконном генетическом родстве между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами должен, по-видимому, решаться отрицательно, хотя и нельзя

отвергать возможности частичного включения потомков енисейских киргизов на более позднем этапе в состав формировавшейся киргизской народности. Заслуживает внимания мнение А. Х. Маргулана[1], который развивает выдвинутую в свое время Чоканом Валихановым концепцию об исконной связи киргизских племен с территорией Тянь-Шаня и Памира, и доказывает, что, совершая перекочевки из этих областей вплоть до Саяно-Алтая, киргизские племена имели связи с жившими там племенами, в том числе и с енисейскими киргизами.

Вопрос о более точной локализации и этническом облике центральноазиатского ядра киргизской народности и о времени его появления на территории современного местообитания киргизов все же не может пока считаться окончательно выясненным. В последнее время К. И. Петровым сделана попытка его решения[2]. Автор отрицает тождество енисейских киргизов с тянь-шаньскими и отклоняет версию о переселении основной массы предков киргизов на Тянь-Шань в домонгольский период. Киргизская народность на Тянь-Шане сформировалась, по его мнению, из трех основных этнических компонентов, главным из которых были тюркоязычные племена, вышедшие из так называемого Енисейско-Иртышского междуречья после разгрома Чингис-ханом найманов и изгнания их с Алтайского нагорья.

Судьбу киргизских племен К. И. Петров рассматривает в тесной связи с судьбой восточнокыпчакских племен. Эти кыпчакско-киргизские племена продвинулись в XIII в. в Или-Иртышское междуречье и на Алтайско-Хангайское нагорье. Их продвижение сюда, по утверждению автора, началось в ходе междоусобной борьбы потомков Чингис-хана — Хубилая и Хайду и их преемников. Основываясь на данных некоторых монгольских хроник, К. И. Петров выдвигает гипотезу о временной гегемонии киргизов во главе с ханами Угэчи Хашага и его сыном Эсэху над ойратами на Алтайско-Хангайском нагорье в первой четверти XV в. Именно в этот период киргизские племена начали активное продвижение на Тянь-Шань и к последней трети XV в. распространились по всему Тянь-Шаню.

Большое значение в этом движении киргизов автор придавал 70-м годам XV в., когда центральный Тянь-Шань стал местом пребывания улуса ойратского предводителя Амасанджи-тайши, которого он также считает потомком киргизских ханов. Пришедшие с ним киргизы стали самым многочисленным этническим массивом на Тянь-Шане, слившимся в дальнейшем с конгломератом местных тюркско-монгольских племен, известных под названием моголов. Во второй половине XV в. завершилась консолидация киргизской народности. На Тянь-Шане возникло обширное «киргизско-монгольское государство (улус)».

Как можно видеть из краткого изложения концепции К. И. Петрова, в ее основе лежат те идеи, которые были выдвинуты большинством ведущих участников упомянутой выше научной сессии по этногенезу киргизского народа (1956 г.). Главными источниками, на которых построены его работы, и явились, с одной стороны, материалы этой сессии, а с другой — неопубликованные переводы извлечений из сочинений восточных авторов, выполненные группой востоковедов, и, кроме того, давно опубликованные, но заново прокомментированные автором труды и источники.

Ряд важных положений, сформулированных К. И. Петровым, носит убедительный характер, другие — чрезвычайно спорны. Выводы автора не свободны от противоречий. В целом же выдвинутая им концепция еще

---

[1] Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, стр. 175—201.

[2] К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961; его же. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961.

нуждается в серьезном обосновании, так как многие из приводимых в ее пользу аргументов зиждутся на случайных фактах, не всегда доказательной интерпретации источников и умозрительных заключениях. Труды К. И. Петрова могут оказаться полезными для дальнейшей разработки сложной проблемы происхождения киргизской народности.

Исследования советских археологов вскрыли картину богатой культуры, развивавшейся на территории современной Киргизии. Поскольку в состав киргизской народности в той или иной мере вошли потомки племен, населявших Тянь-Шань в древности и в средние века, сохраняется известная преемственность их культуры с культурами этих племен. В скотоводческом хозяйстве киргизов можно усматривать продолжение кочевых традиций древних насельников Тянь-Шаня — саков (VII—IV вв. до н. э.), усуней (III в. до н. э.— IV в. н. э.), тюрков. В земледельческой культуре киргизов оставила следы широко развитая земледельческая культура ираноязычного населения Тянь-Шаня — согдийцев (V—VI вв. н. э.) с их искусными ирригационными сооружениями и техникой обработки земли. В прикладном изобразительном искусстве киргизов обнаруживаются отдельные элементы орнамента согдийцев и тюркского населения Тянь-Шаня VIII—XII вв.

Таким образом, киргизы выступают перед нами не только как участники создания культурных ценностей на Тянь-Шане, но и как продолжатели традиций культурной жизни населения Тянь-Шаня, сохранившие ее следы в своей материальной культуре и в народном творчестве.

Как же сложилась судьба той части киргизов, которая осталась на Енисее? Ко времени прихода в Сибирь русских в XVII в. киргизы составляли четыре княжества: Тубинское, Езерское, Алтырское и Алтысарское. Они занимались тогда охотой и скотоводством. Посевов у них не было. Рядовые охотники и скотоводы, искавшие мирной и безопасной жизни, стремились переходить в русское подданство. Киргизские же князья, не желавшие лишаться доходов, которые давала им эксплуатация труда местного населения, а также дани, поступавшей от подвластных племен, начали вести упорную борьбу с русскими воеводами, которая продолжалась в течение всего XVII в.

В начале XVIII в. 2500 семей киргизов были уведены из Южной Сибири калмыками, и с тех пор среди народов Сибири киргизы не упоминаются. Однако имеются основания считать, что отдельные группы из среды киргизских племен остались в пределах своего прежнего местообитания, и, утратив свое самоназвание, язык и бытовой уклад, вошли в состав племен, консолидировавшихся ныне в народность хакасов в пределах Хакасской автономной области, а также в состав тувинцев.

В конце XVII в. усилилось Джунгарское государство, и в 1680-х годах тянь-шаньские киргизы оказались под властью калмыков (ойратов). При этом большая часть киргизов, по-видимому, была вытеснена калмыками и ушла в Ферганскую долину, на Памир и Алай, а также отчасти в соседние районы Кашгара. Обратно из Ферганы на Тянь-Шань часть киргизов вернулась после прекращения существования ойратского государства в 1758 г., когда на территории Джунгарии уже почти не осталось калмыцкого населения. В местах, оставшихся свободными от калмыков, в дальнейшем были расположены кочевья некоторых киргизских племен. Передвижения кочевых групп киргизов совершались тогда на весьма значительные расстояния.

Киргизское население, жившее в Кашгаре, так же как и киргизы Тянь-Шаня и Ферганы, принимало участие в различных политических событиях, происходивших на этих территориях. Часть киргизских феодалов вместе с подвластным им населением была втянута в междоусобную борьбу так называемых белогорских и черногорских ходжей в

Восточном Туркестане. В китайском сочинении того времени киргизы описываются как отважные и храбрые воины. Сообщается, что они бреют голову, не едят свиного мяса, платье носят с узкими рукавами, шапки квадратные с плоским верхом, своих старейшин называют биями; каждое племя имеет своего бия; это звание передается по наследству.

Ценные сведения о киргизах, относящиеся к последней четверти XVIII в., привел капитан И. Г. Андреев, один из первых русских авторов, писавших о тяньшаньских киргизах. В третьей главе его «Описания Средней орды киргиз-кайсаков» он пишет о расселении, политической жизни, занятиях и родоплеменном устройстве киргизов[1].

Правители возникшего в Ферганской долине в XVIII в. Кокандского ханства избрали киргизские земли одним из главных объектов своей захватнической политики. Киргизские народные массы оказывали кокандским войскам упорное сопротивление. Последние, постепенно продвигаясь на Тянь-Шань, построили здесь ряд военных укреплений: в Тогуз-Торо, Кетмень-Тюбе, Куртке, Джумгале, Кочкорке. Проникнув в Чуйскую долину, они воздвигли крепости в Кара-Балты, Аксу (Беловодске), Пишпеке, Токмаке, а затем на Иссык-Куле — в Барскоуне, Караколе и т. д. Созданные укрепления служили опорными пунктами управления захваченным краем, они должны были охранять от нападений торговые караваны, обеспечивать сбор податей. Около многих крепостей возникли узбекские оседлые поселения.

Кокандским феодалам удалось подчинить себе большую часть киргизских племен, пользуясь их раздробленностью и межплеменной борьбой. В полной зависимости от них оказалось киргизское население, жившее в восточной части Ферганской долины. Ставленники кокандского хана регулярно собирали дань с племен солто, саяк, кытай и других; племена бугу и сары багыш временами выходили из подчинения кокандским властям; территория расселения племен черик и багыш была труднодоступна, но и они отчасти подчинялись кокандцам; памирские, бадахшанские и каратегинские киргизы в разное время были подвластны Бухаре, Кундузу и Коканду. В горных районах власть держалась исключительно на военной силе. Насколько непрочно чувствовали себя сатрапы кокандского хана в Киргизии, говорит тот факт, что гарнизоны крепостей не рисковали уходить далеко в кочевья и отсиживались в крепостях, а для сбора податей им приходилось ежегодно весной и осенью снаряжать иногда довольно внушительные военные отряды.

Закончив в 30-х годах XIX в. захват всей территории современной Киргизии, кокандские ханы ввели здесь тяжелый деспотический военно-феодальный режим. Господство Кокандского ханства было ознаменовано установлением многочисленных и обременительных для трудового населения налогов и поборов.

Основными видами податей, которые взимались с трудящихся киргизов, являлись «подымный» сбор по овце с юрты (*тундук зекет*), сбор по одной голове скота с 50 голов, а иногда с 40 и даже 10 (*алал зекет*) и сбор с земледельцев по три овцы с гумна (*караж*). Собиралась и военная подать — три овцы с юрты. Кроме того, трудящиеся массы киргизов обязаны были снабжать хлебом гарнизоны, поставлять скот для продовольственных нужд не только хана, но и его двора, кормить сборщиков податей, в случае надобности — выставлять всадников в ханские войска и т. п. Тяжесть податей усугублялась злоупотреблениями и поборами со стороны сборщиков. Особенно жестокой была земельная политика кокандских властей, сго-

[1] И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. «Новые ежемесячные сочинения», ч. CX — CXVIII. СПб., 1795—1796.

нявших трудовые киргизские хозяйства с плодородных земель в Ферганской долине. Для несения полицейской службы кокандские наместники назначали в каждом киргизском роде чиновников (*илбеги*), которые кочевали вместе с аилами (аулами) киргизов.

Феодально-родовая знать южнокиргизских племен принимала активное участие в политической жизни ханства. Она оказывала большую помощь кокандским ханам в сохранении господства над киргизами. Таким образом, политика насилий и грабежа, проводившаяся кокандскими властями, пользовалась поддержкой киргизских феодалов, на которых в первую очередь и опирались ханские чиновники. Представителям киргизской знати кокандские ханы раздавали чины и должности как в войсках, так и в гражданском управлении.

Захват освоенных трудовым киргизским населением земель, беззастенчивая эксплуатация и обирательство трудовых скотоводческих хозяйств со стороны купцов, скупавших за бесценок сырье и скот, разорительные поборы и повинности, жесточайший произвол—такова была политика кокандских правителей по отношению к киргизам. Усилилось также влияние реакционной идеологии ислама на киргизов. Доведенные до отчаяния систематическими притеснениями и насилием, киргизы систематически восставали против кокандской власти. Так, в 1843 г. иссыккульские киргизы выгнали кокандцев из укреплений в Караколе, Барскоуне и Конур-Улене, в 1845 г. восстали ошские киргизы, в середине 50-х годов XIX в. поднялись на борьбу тяньшаньские киргизы, а в 1857—1858 гг. произошли совместные восстания против ханского гнета киргизов и казахов в Чуйской долине и в районе современного Джамбула. В первой половине 60-х годов XIX в. началось освободительное движение против Кокандского ханства среди племен солто и саяк, приведшее к добровольному принятию ими подданства России.

Наконец, в 1873—1874 гг. в южной Киргизии вспыхнуло одно из самых крупных в истории киргизского народа в XIX в. народно-освободительное восстание, направленное против колониально-феодального гнета Кокандского ханства. Восставшие уничтожали кокандские крепости, убивали сборщиков податей, ханских чиновников. Движущей силой восстания были киргизские скотоводы и дехкане, а также часть трудящихся узбеков. Это восстание было борьбой не только за освобождение от гнета Кокандского ханства, но, как будет показано ниже, и за присоединение к России.

В период господства кокандских ханов не прекращалась междоусобная борьба между киргизскими феодалами. Когда же в результате перечисленных восстаний зависимость ряда крупных киргизских племен от Коканда сильно пошатнулась, феодальные междоусобицы еще более обострились. Страдающей стороной всегда оказывались трудовые массы, подвергавшиеся ограблению.

Межплеменные и феодальные войны были повсеместным явлением вплоть до присоединения к России. Характер феодальных набегов приобрели и нападения с целью угона скота (*барымта*), ранее служившие средством разрешения межплеменных споров или насильственного возмещения ущерба, понесенного тем или иным аилом, иногда своего рода формой обеспечения иска. К началу XIX в. барымта превратилась уже в средство захвата скота и пленных в интересах феодальной верхушки киргизского общества. С развитием классовых противоречий масштабы и цели этих войн менялись. Из мелких набегов они превращались в крупные военные столкновения с целью захвата территории, скота и расширения эксплуатации трудовых масс.

Кокандский гнет, обременительные для народных масс войны киргизских феодалов между собой, войны между киргизскими и казахскими феодалами толкали трудящиеся массы киргизских племен на поиски

выхода из кризиса. К середине XIX в. войска царского правительства, осуществляя завоевательную политику царизма в Средней Азии, вплотную подошли с севера к территории Кокандского ханства. Стремление киргизских народных масс к освобождению от власти кокандских ханов, от их непосильных поборов и грабежей, а также к прекращению разорительных междоусобных феодальных войн нашло выход в добровольном присоединении всех основных северокиргизских племен к России. Переход под покровительство и защиту России был единственным реальным выходом из назревшего кризиса. Интересы некоторых крупных киргизских феодалов — манапов, рассчитывавших при поддержке царской администрации упрочить свое положение в междоусобной борьбе, временно совпали со стремлением народных масс.

Присоединение северной Киргизии к России происходило одновременно с военным разгромом кокандских отрядов русскими войсками. В борьбе России с Кокандским ханством основные массы киргизского населения встали на сторону России.

Дипломатические сношения северокиргизских племен с Россией начались значительно раньше, еще в конце XVIII в. В 1786 г. киргизский бий Атеке отправил посольство ко двору Екатерины II. В 1814 г. племя бугу послало своих представителей к русским властям в Западной Сибири. Следующая делегация была направлена этим племенем в 1824 г. в Семипалатинск и Омск. Она возвратилась в 1825 г. на Иссык-Куль в сопровождении русского отряда. Участник этого похода лекарь Зибберштейн в своих «Путевых замечаниях»— одном из самых обстоятельных описаний киргизов первой половины XIX в.— рассказал о дружелюбном приеме, оказанном русским на Иссык-Куле. В дальнейшем (844, 1847, 1852 гг.) также предпринимались попытки вождей племен бугу и сары багыш вступить в подданство России, в сношения с русской администрацией. Но практических результатов эти попытки установления связи с Русским государством не имели. Причины заключались в большой удаленности Киргизии от России и в сложности внутреннего и международного положения России. Лишь в 1855 г. племя бугу, возглавлявшееся дальновидным вождем Бороомбаем, вновь пославшее своих представителей в Россию, было принято в подданство России и включено в состав Алатавского округа.

В 1862 г., с завоеванием кокандской крепости Пишпек, была присоединена к царской России вся Чуйская долина. В течение последующих лет присоединились к России другие киргизские племена северной Киргизии.

Включение южнокиргизских племен в состав Русского государства произошло позднее, после упомянавшегося народного восстания 1873—1874 гг. и присоединения почти всего Кокандского ханства к России. Однако многие из южнокиргизских племен также рассматривали принятие подданства России как единственный путь облегчения своего тяжелого положения.

Присоединение Киргизии к России, совершившееся в 60—70-х годах XIX в., сыграло огромную прогрессивную роль в истории киргизского народа. Самым решающим последствием включения Киргизии в состав России было то, что киргизский народ вошел в состав страны, которая быстрыми шагами шла навстречу революции, становилась центром мирового революционного движения. Оказавшись в составе Русского государства, киргизский народ избавился от гнета кокандской деспотии и от опасности быть порабощенным одним из соседних отсталых восточных государств. Тем самым он уже не мог стать и колониальной добычей британского империализма, алчные интересы которого все более приближали его к границам Киргизии.

Важнейшим положительным результатом присоединения Киргизии к России было сближение киргизского народа с великим русским народом,

осуществлявшееся независимо от целей, которые ставил себе царизм, от его воли и желания. Это сближение привело к тому, что киргизский народ начал испытывать благотворное влияние русской культуры на различные стороны своей материальной и духовной жизни и знакомиться с демократическими, революционными идеями передовой части русского общества. Судьба киргизского народа соединилась с судьбой русского народа, самого революционного в мире русского рабочего класса. Свою подлинную свободу киргизский народ получил в дальнейшем из рук этого революционного народа.

Царское правительство в первые годы осуществляло управление киргизами через представителей феодально-родовой знати — манапов, которые были признаны главарями племен и родов. С 1867 г. было введено выборное начало, согласно которому в качестве волостных управителей, биев (народных судей) и аильных старшин, составлявших низовую администрацию, могли избираться не только манапы, но и другие лица. «Выборы» сопровождались борьбой различных манапов за названные должности, в ход пускались подкупы, взятки, нередко дело доходило до крупных вооруженных столкновений с человеческими жертвами; после выбора манапа или его ставленника все понесенные расходы и убытки перекладывались на плечи подчиненного ему населения. В осуществлении своей колониальной политики царское правительство широко пользовалось поддержкой киргизской знати — манапов и байства.

К моменту присоединения Киргизии к России в киргизском обществе безраздельно господствовали патриархально-феодальные производственные отношения. Основные черты этих отношений у киргизов, как и у других кочевников, сложились еще в конце I тысячелетия н. э. Разумеется, за истекшее тысячелетие патриархально-феодальные отношения претерпели некоторые изменения. Однако низкий и застойный характер производительных сил в условиях кочевого скотоводства, постоянные потрясения, которые переживали кочевые племена в результате опустошительных набегов со стороны завоевателей, сменявших друг друга, были причинами крайне медленной и мало ощутимой эволюции в производственных отношениях.

Своеобразие господствовавших в киргизском обществе патриархально-феодальных отношений заключалось в том, что эти отношения развивались в условиях полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства и патриархально-родового быта. Для них были характерны многие черты, свойственные ранним формам феодальных отношений. Одну из основных особенностей этих отношений можно видеть в том, что они переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых общинных отношений.

Основную массу киргизского населения составляли *букара*, *чарба* — владельцы сравнительно небольших стад. Во главе той или иной группы населения стояла феодально-родовая знать в лице биев и манапов. Эксплуатация трудящихся манапами и биями происходила в рамках пронизывавшей общественную жизнь идеологии «родового единства», «родовой солидарности», находивших выражение в многообразных явлениях патриархально-родового быта. Букара была опутана сетью различных форм эксплуатации и повинностей, ставивших ее в зависимое положение от манапов и биев, причем ей внушалось, что она получает «благодеяние» и «помощь». Пользуясь большой живучестью патриархально-родовых традиций, манапы и бии не только широко использовали их для маскировки феодальных по своему содержанию форм эксплуатации, но и активно способствовали консервации этих традиций, выступая в роли хранителей и толкователей родовых обычаев и обычного права (*заң*, *нарк*).

В основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к главному средству производства, каким являлась

земля, особенно пастбища. Решающее значение в условиях скотоводческого хозяйства имела именно феодальная собственность на землю, которая и была основой патриархально-феодальных отношений у киргизов. Хотя владение пастбищами у киргизов внешне имело общинный характер, на деле все пастбища были поделены между крупными биями и манапами, которые и распоряжались ими и другими землями в качестве феодальных владельцев. Тем самым создавалась монополия владения землей, принадлежавшая феодальной верхушке киргизского общества, другими словами, возникали своеобразные формы частной земельной собственности, далеко не соответствовавшие той форме общинной собственности на землю, представление о которой отражалось в обычном праве киргизов и ревниво охранялось феодальной знатью в ее классовых интересах. Таким образом, племенная и родовая собственность на пастбища существовала лишь номинально, выступая как юридическая фикция фактически феодальной формы земельной собственности.

Феодальная верхушка киргизского общества присвоила себе главным образом право распоряжения территорией кочевий. Манапы устанавливали границы кочевания для подвластных им групп кочевников, определяли порядок пользования теми или иными пастбищами. Пользуясь захваченным ими правом распоряжаться общинными землями, манапы установили особенно строгий контроль над наиболее ценными пастбищами: долиной р. Сусамыра, районом вокруг оз. Сон-Куль и др. Широко известными пастбищами в Алайской долине фактически владели крупная родоправительница Курманджан-датха и ее сыновья.

Захват общинных земель происходил и путем образования феодальной собственности в формах, аналогичных земледельческому феодальному обществу. Отдельные манапы объявляли некоторые урочища своей личной собственностью (*корук*). Лучшие из этих урочищ, иногда участки леса, огораживались глинобитными дувалами и охранялись; в них никому не разрешалось пользоваться деревьями, охотиться и т. д.

Богатейшие и наиболее посещаемые кочевниками пастбища крупные манапы превратили в источник доходов. За пастьбу скота они взимали натуральные поборы, своеобразную ренту в виде скота, носившую название *от май*, или *чөп ооз* (т. е. побор за траву). Взимались также поборы за прогон скота через мосты и даже через территорию, на которую распространялась власть данного манапа. О таких поборах (их называли *туяк-пул*, т. е. покопытная подать), взимавшихся со скотопромышленников и торговых караванов, упоминает в своем описании Чокан Валиханов.

Своеобразие имущественных отношений заключалось, таким образом, в том, что понятие «родовой» или «племенной» собственности прикрывало захват земли феодальной знатью. Концентрация больших земельных массивов и скота в руках манапов, биев и баев приводила к тому, что многие рядовые кочевники постепенно лишались важнейших средств производства и попадали в кабальную зависимость от феодально-байской верхушки.

Охарактеризованные формы собственности определяли классовую структуру киргизского общества, положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения.

В течение всего периода существования классового киргизского общества феодально-родовая знать выступала как экономически и политически господствовавшая группа. Основной костяк ее в XVIII в. и в более раннее время составляли феодальные владетели — бии, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд — главнейшая функция управления в то время. Поэтому в дальнейшем звание бия и стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось раньше не судебными функциями, а господством в жизни киргизского общества. Для XVIII в. это очень хорошо отмечают китайские источники.

В первой половине XIX в. в северной Киргизии получил распространение новый социальный термин «манап», который постепенно вытеснил понятие бия как феодального владетеля (в южной Киргизии феодалов по-прежнему продолжали называть биями). Появление этого ового термина до недавнего времени было принято связывать с образованием манапства как нового, отличного от прежних биев социального института. В действительности, как это позволяют теперь установить этнографические данные, манапами называли вначале всех лиц, принадлежавших к одному из подразделений в составе племени сары багыш, носившему наименование манап по имени своего родоначальника, жившего в XVII в. Феодалы из подразделения манап не только заняли привилегированное положение внутри племени сары багыш, но и распространили свое влияние на другие киргизские племена. В силу этого термин «манап» стал нарицательным для феодалов и из других подразделений этого племени, а впоследствии начал применяться и по отношению к биям из других племен. Таким образом, с термином «манап» нельзя связывать появление нового социального института. Никакой принципиальной разницы между биями и манапами не было.

Власть манапа, как правило, передавалась по наследству. Наиболее крупные из манапов и биев распространяли свою власть на обширные территории с разноплеменным населением.

В зависимости от крупных феодалов (*ага манап* или *чоң манап*) находились средние манапы (*орто манап*) и мелкие манапы (*чала манап*). Каждый из них имел то или иное количество зависимого от него населения. Вся эта феодальная верхушка не только распоряжалась пастбищами в своих узкокорыстных интересах, прикрываясь общинными порядками. Крупные манапы и бии сами являлись владельцами многочисленных табунов лошадей, отар овец, стад коров, верблюдов и яков. В их руках была сосредоточена бо́льшая часть скота. Остальной скот составлял частную собственность мелких скотоводов, хотя и среди них он был распределен весьма неравномерно.

В первой половине XIX в. в числе крупных феодалов северной Киргизии, державших в зависимости средних и мелких феодалов и значительное количество подвластных им кочевников, а отчасти и земледельцев, были старший манап племени сары багыш Джантай, у которого насчитывалось до 700 юрт букары, главный манап племени[1] бугу Бороомбай — до 1000 юрт, манап Уметаалы (сын известного феодала Ормона) из племени сары багыш — 1500 юрт и его брат Чаргын — до 1000 юрт букары. Некоторые крупные манапы передавали в наследство сыновьям целые родовые подразделения. Так, сыновья манапа Тюлёёберди (из подразделения талкан племени солто) после его смерти разделили принадлежавшую им букару как наследство. Каждый из них получил свою долю (*энчи*). Чыны взял себе роды беш кёрюк и мааке, Канаю отдали род тёлёк, Эшкоджо — роды жоо чалыш, шалта и кара сакал, Карбозу — род асыл баш. Это очень походило на своеобразную удельную систему. Весьма многочисленным был слой манапов, имевших в подчинении менее 100 хозяйств.

Феодально-родовой знати противостояла букара. Это была преимущественно феодально-зависимая масса трудящихся кочевников и земледельцев. Однако букара не представляла собой однородной массы. Внутри букары была отчетливо выражена имущественная дифференциация. По

[1] Следует подчеркнуть условность употребляемых в тексте терминов «племя» и «род». По своему содержанию племенные и родовые деления уже давно не соответствовали родоплеменной организации, свойственной первобытнообщинному строю. Это уже не были кровнородственные союзы, о которых писал Ф. Энгельс. Возглавляв шиеся манапами и биями большего или меньшего размера группировки сохранял и старую форму племен и родов, которые были объединены друг с другом реальным или легендарным генеалогическим родством, как звенья строго регламентированной родоплеменной структуры.

существу не отличался по общественному положению от знатных манапов выделившийся в составе букары слой баев — богатых скотовладельцев, поэтому его с полным основанием можно отнести к господствующему классу. В то же время росло число бедняцких хозяйств, находившихся в полной зависимости от баев и манапов. Часть бедняков (*коңшу*) кочевала вместе с манапами и баями и обслуживала их скот на условиях отработок, другие бедняки не кочевали, но обрабатывали на тех же условиях землю баев. Бедняки, лишившиеся скота, были самой угнетенной частью общества. Их использовали в качестве домашней прислуги (*малай*), пастухов овец (*койчу*), табунщиков (*жылкычы*) и поденщиков (*жалчы*).

Середняки до поры до времени сводили концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне при всесилии манапов и частых бескормицах была весьма относительной.

Но не только труд букары обогащал представителей феодальной знати. Вплоть до присоединения к России у киргизов продолжали существовать остатки патриархального рабства. Рабами (*кул*) были главным образом военнопленные. Кроме того, рабами становились преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить выкуп. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими уплачивали выкуп за кровь (*кун*). В основном их использовали в домашнем хозяйстве в качестве прислуги и отчасти в скотоводстве. Сами рабы не считались членами родовой общины, потомки же их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Широкого распространения рабство у киргизов не получило. Кроме потомков рабов, в состав родовой общины могли входить припущенники — члены чужих родов (*кирме*), продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Они обычно попадали в такую же зависимость от местного феодала, как и другие члены общины.

Системе патриархально-феодальных отношений у киргизов была свойственна характерная черта феодализма — неполная собственность феодала на работника производства. Она проявлялась в своеобразных формах закрепощения сородичей — под видом покровительства и помощи нуждающимся родственникам. Одни манапы отдавали своих сородичей в качестве составной части калыма, другие — дарили или обменивали их на киргизов же, но не сородичей, третьи — насильственно переселяли целые группы хозяйств своей букары по каким-либо политическим или семейным соображениям. Манап вмешивался и в личную, семейную жизнь букары, лишая рядового кочевника возможности жениться без своего разрешения или иногда заставлял его развестись с женой, отбирая полученный сородичем калым и т. п.

Киргизские феодалы широко пользовались различными формами эксплуатации букары, прикрываемыми патриархально-родовой оболочкой «помощи» обедневшим скотоводам. Одной из наиболее распространенных форм такой эксплуатации являлось наделение бедняков скотом, носившее название *саан* (буквально — доение). За предоставление во временное пользование части принадлежавшего ему молочного скота или овец нуждающимся сородичам-беднякам, с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть, манап обязывал их отрабатывать в своем хозяйстве иногда целыми семьями: ухаживать за скотом, заготовлять топливо, обслуживать земледельческое хозяйство — поливать посевы, караулить их и т. п. Полученный от манапа скот надо было целый год кормить, а приплод сохранить.

Другой формой эксплуатации этого же типа, носившей название *куч*, являлось предоставление манапами и баями во временное пользование нуждающимся сородичам вьючного скота для перекочевки, либо рабочего скота для обработки поля. За эту «помощь» бедняк должен был отработать манапу или баю в его хозяйстве.

Обе эти формы феодальной эксплуатации имели характер отработочной ренты, своего рода барщины, носившей лишь внешние признаки родовой взаимопомощи. Вступая в такого типа отношения с манапом и баем, обедневший скотовод или земледелец попадал в кабальную зависимость к феодалу, оказывался в известной мере закрепощенным им.

Явные черты барщины имела и такая форма «помощи» манапу или баю, как *ашар*. По предложению манапа зависимая от него букара в короткое время коллективно выполняла в его хозяйстве какую-либо большую работу, связанную с обработкой полей и уборкой урожая. От манапа требовалось только угостить своих даровых работников.

Среди киргизов, в особенности на юге, получила развитие эксплуатация беднейшего дехканства и в форме издольщины (*орток*).

Все эти виды эксплуатации были очень изнурительными для букары. Однако ими дело не ограничивалось. У киргизов получила большое развитие и рента продуктами, ложившаяся тяжелым бременем на плечи букары. Манапы заставляли подвластное им население систематически платить оброк, носивший название *салык*; он взимался скотом (обычно овцами и лошадьми) и продуктами. Кроме того, букара была обязана доставлять скот и продукты для манапского стола (*союш*), покрывать расходы, произведенные манапами на угощение гостей, пиры и праздники (*чыгым*), собирать скот для призов на скачках и состязаниях, для подарков по случаю свадьбы членов манапской семьи. Охотники должны были в обязательном порядке доставлять добытую дичь к столу манапа, искусные мастера — «дарить» манапу лучшие образцы своего труда.

В тех случаях, когда авторитет и сила патриархальной традиции, освященной веками, оказывались недостаточными, на сцену выступали исполнители манапской воли — безжалостные джигиты, с нагайкой в руках приводившие в повиновение непокорных, а также манапский суд. Манапы нередко сами, наряду с судьями-биями, осуществляли судебные функции, получая за решение дела с тяжущихся судебную пошлину (*бийлик*), а с виновной стороны штраф (*айып*). В большинстве случаев бии-судьи также были ставленниками манапов и не решали ни одного дела без совета с ними.

В судебной практике и манап и бий руководствовались неписанным обычным правом. Оно исходило из уже сложившихся твердых положений неравенства между богатыми и бедными, между мужчиной и женщиной. Например, величина выкупа за кровь колебалась в зависимости от того, какое общественное положение занимал убитый, был ли он богат или беден. Таким образом, родовые обычаи и суд биев служили важным идеологическим оружием в руках господствовавших классов. Использовались и другие формы идеологического воздействия на массы.

Большую роль в сохранении косности,отсталости общественной жизни и семейно-бытового уклада киргизского населения играло родоплеменное деление и связанные с ним представления. Феодальная верхушка киргизского общества была кровно заинтересована в сохранении родоплеменного деления и умело его использовала в качестве орудия угнетения собственного народа. Она способствовала распространению генеалогических преданий, в которых утверждались чистота и древность происхождения тех или иных манапских родов. Таким образом, феодалы выступали в качестве главных носителей и хранителей пережитков идеологии патриархально-родового общества, чрезвычайно облегчавшей их господство над трудовыми массами.

Существовавшие у киргизов племенные и родовые группировки уже давно утратили прежнюю основу. В состав племен входили более или менее крупные роды, имевшие нередко многочисленные подразделения. Эти разросшиеся социальные объединения — племена — не

были однородными по составу, они включали остатки других племен и родов и даже целые иноплеменные группы. Принципом, который объединял исторически складывавшиеся различные социальные и этнические группировки, были уже не кровнородственные связи, а общность территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов. Решающее влияние на эти интересы оказывали манапы, стоявшие во главе того или иного рода и племени. Наряду с этим у киргизов существовало понятие *сөөк* (кость). Этим термином называли свойственников, т.е. людей, породнившихся через браки своих кровных родственников; несомненно, когда-то термин «сёёк» обозначал родство по крови.

Мельчайшие подразделения родов представляли собой чаще всего бо́льшие или меньшие семейно-родственные группы (*бир атанын балдары*, т. е. дети одного отца), внутри которых сохранялись еще некоторые стороны прежнего патриархально-родового уклада. Большинство таких групп насчитывало от 5 до 15 семей близких родственников. Цементирующим началом многих подобных групп являлось объединение вокруг одного или нескольких богатых хозяйств, использовавших родственные связи для эксплуатации членов группы. Тем не менее именно в этих группах в известной степени проявлялись элементы производственной кооперации (при сохранении частной собственности отдельных семей на скот), отдельные черты потребительской общности, внутригрупповой солидарности, кровнородственное начало.

Основной формой общественной организации у киргизов была аильная (аульная) община, состоявшая из некоторого числа семейно-родственных групп. По сообщению Г. С. Загряжского, вплоть до середины XIX в. «киргизы стояли всегда большими аулами, кибиток по 200 и более; пастухи были всегда вооружены пиками и ходили в табун в большом числе»[1].

Аильные общины продолжали внешне сохранять формы родовых общин. Однако их экономическое содержание было уже совершенно иным. В них входили частные собственники скота, объединенные прежде всего совместным пользованием кочевьями и пастбищами. Производство и присвоение продуктов в аильной общине осуществлялись на индивидуальных началах, кочевание же и пользование пастбищами строились на общинном принципе. Но это не было, как говорилось выше, свободное общинное владение землей, распоряжались землей феодалы — бии и манапы. Общинным было фактически не владение, а пользование кочевьями. Внутри аильной общины наблюдалось имущественное неравенство, классовое расслоение. Самый состав таких общин нередко был неоднородным. В них иногда входили неродственные группы, а в некоторых случаях и группы различного этнического происхождения. Киргизская кочевая аильная община по своему экономическому содержанию вполне соответствовала тому типу общественной организации, какую в применении к земледельческим народам К. Маркс называл сельской общиной.

Внутри родовых подразделений и особенно семейно-родственных групп продолжали еще бытовать разного рода пережитки патриархально-родовых отношений, часто видоизмененные манапами в своих интересах. Они проявлялись в некоторых сторонах общественной и семейной жизни, а также в идеологии.

У киргизов бытовали обычаи взаимопомощи, в частности в виде объединения для поочередной уборки полей каждого из участников (*алгоо, уюшма*). Эти формы артельного труда, применявшиеся в наиболее чистом виде в маломощных и бедняцких хозяйствах, нередко служили прикрытием для эксплуатации баями своих бедных соседей. Более устойчивые

[1] Г. С. Загряжский. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). «Туркестанские ведомости», 1874, № 44.

формы простейшей производственной кооперации сохранялись в скотоводческом хозяйстве. Здесь почти весь цикл сезонных работ, включая и работы по уходу за посевами, осуществлялся на артельных началах. Для совместных работ объединялись иногда до десятка и более хозяйств соседей по зимнему стойбищу, чаще всего являвшихся близкими родственниками.

Празднества (*той*) по случаю свадьбы, обрезания и в особенности тризны (*аш*), справлявшиеся ранее всем родом и состоявшие из обильных угощений и различных народных увеселений, манапы и баи стали устраивать с особой пышностью, рассматривая их как способ укрепления своего авторитета и влияния, а также как немаловажный источник дохода (по обычаю приглашенные на празднество должны были оказать устроителю помощь в виде подношения — *кошумча*).

Обязательными для всех близких сородичей обычаями были материальная помощь члену рода, оказавшемуся в особо трудных обстоятельствах, в нужде — *жардам*, и трудовая помощь в хозяйстве — *кол кабыш*.

Родоплеменная структура у киргизов в XIX в., как и в более ранние периоды, была сложной. Основные киргизские племена в совокупности составляли три группы. Первые две назывались *отуз уул*, т. е. тридцать сыновей. Они составляли два крыла (*канат*): правое (*оң*) и левое (*сол*). Левое крыло по численности было значительно меньше правого. Когда и при каких условиях сложилось такое деление, не установлено, но несомненно корни членения на два крыла относятся к глубокой древности и связаны с ранними формами социальных отношений. В более позднее время деление на два крыла было отражено в военной организации.

Правое крыло распадалось на три ветви: *тагай*, занимавшую основную часть Тянь-Шаня, *адигине и муңгуш*; две последние жили на территории южной Киргизии. К ветви тагай киргизы относили следующие племена: *саяк*, *чекир саяк*, *черик*, *бугу*, *тынымсейит*, *сары багыш*, *солто*, *жедигер*, *азык*, *багыш*, *суу мурун*, *моңолдор*, *баарын*. Ветвь адигине включала племена *жору*, *бөрү*, *баргы*, *кара багыш* и *сарттар*. Ветвь мунгуш состояла из двух подразделений: *жагалмай* и *кош тамга*. Особняком стояло племя *коңурат* [1].

В состав левого крыла входили племена: *кушчу* (*кутчу*), *саруу*, *мундуз*, *жетиген*, *кытай*, *басыз*, *төбөй*, *чоң багыш*.

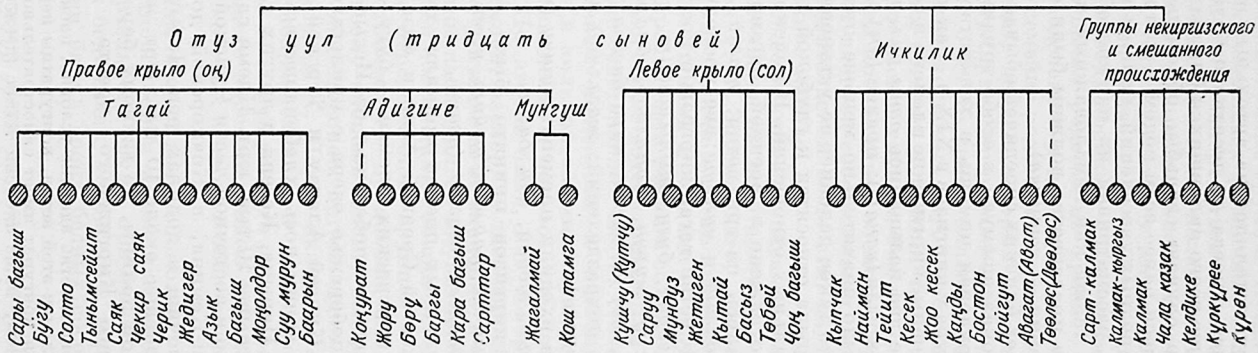
Третью группировку киргизов принято было называть *ичкилик*. В нее входили племена: *кыпчак*, *найман*, *тейит*, *кесек*, *жоо кесек*, *бостон*, *каңды*, *нойгут*, *төөлөс* (*дөөлөс*), *авагат* (*ават*).

Некоторые из перечисленных племен приняли также участие в образовании других народностей Средней Азии и казахов.

Одно из крупнейших киргизских племен — бугу — жило на небольшом восточном отрезке северного побережья оз. Иссык-Куль, на восточном и почти на всем южном побережье озера с прилегающими предгорьями и хребтами Тянь-Шаня, Кунгей Алатау и Терской Алатау, вплоть до границы с Китаем. Оно занималось хлебопашеством и скотоводством, используя верховья рек Нарына, Кегена и других для летних кочевок. Бугинцев насчитывалось свыше 10 тыс. юрт. Племя сары багыш, имевшее около 9 тыс. юрт, кочевало в восточной части Чуйской долины, в долинах рек Чонг-Кемина и Кичи-Кемина, в Кочкорской долине, к западу от Иссык-Куля и в ряде урочищ в долинах рек Нарына и Ат-Баши.

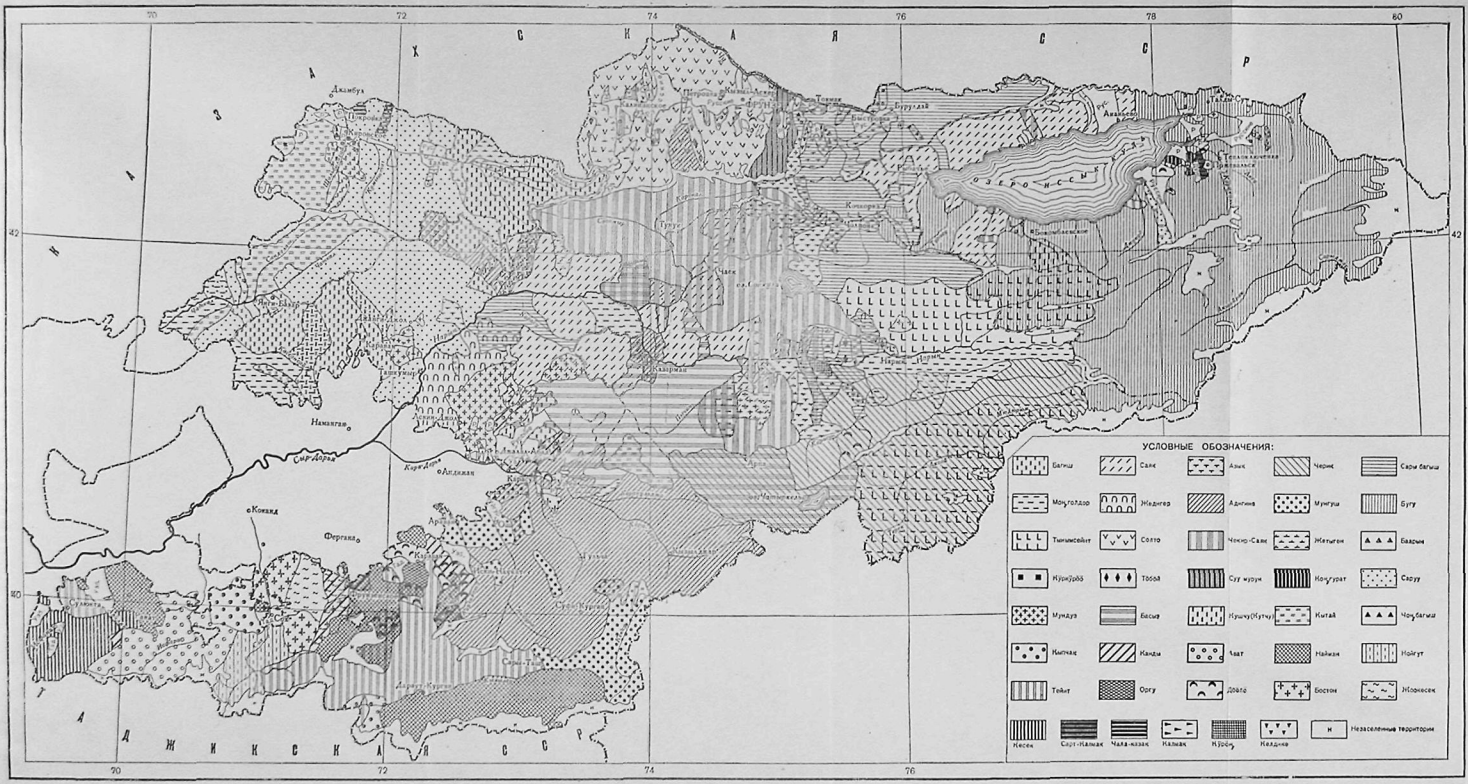
Племя солто, насчитывавшее около 10 тыс. юрт, жило в центральной и западной частях Чуйской долины, по южному берегу р. Чу, а также в урочищах прилегающего Киргизского хребта.

[1] Племя конгурат включено в ветвь адигине условно, поскольку, проживая длительное время среди других племен этой ветви, конгуратцы нередко относили себя к адигине. Фактически же племя конгурат имеет самостоятельное происхождение. То же самое относится к названному ниже племени тёёлёс (дёёлёс), большинство представителей которого не относило себя к группировке ичкилик.

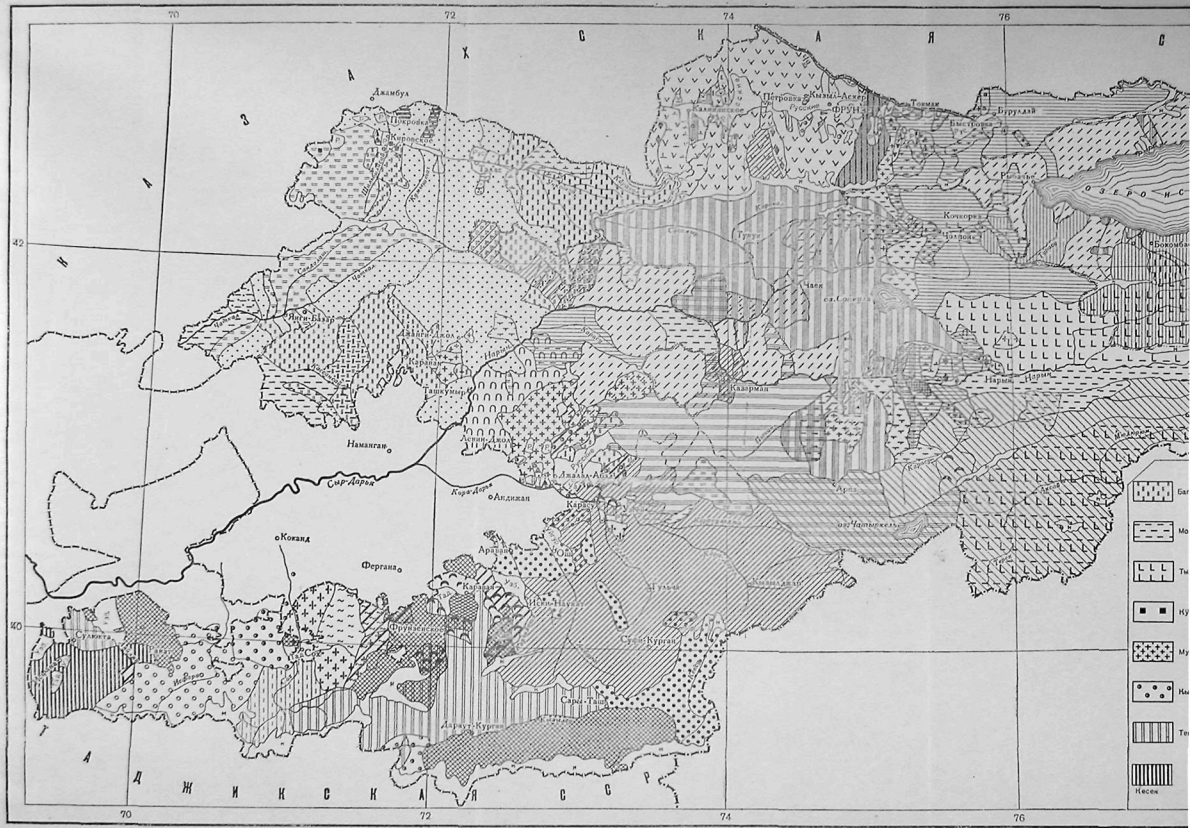


Родоплеменная структура киргизов

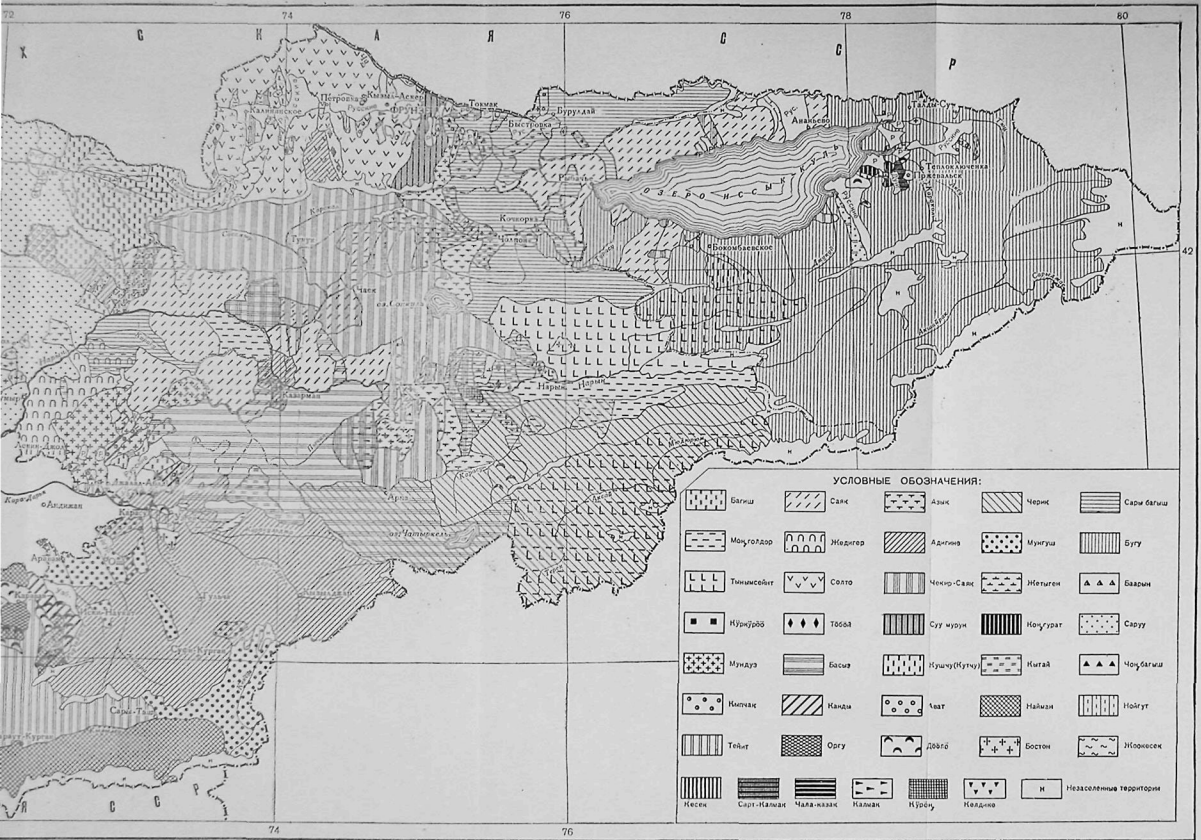
КАРТА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУПП КИРГИЗОВ


70
72
74
76
78
80
42
40
Джамбул
Нарын
Нарын-Дарья
Кара-Дарья
Наманган
Андижан
Коканд
Фергана
Ош
Аулие-Ата
Пржевальск
Каракол
Кызыл-Джар
Кызыл-Адыр
Таш-Рабат
Бурулдай
Чаек
Кочкорка
Джумгал
Ат-Баши
Тогуз-Торо
Кара-Буура
Кара-Балта
Сусамыр
Ала-Бука
Сузак
Аксы
Джалал-Абад
Кара-Куль
Ленинское
Ленинполь
Кара-Суу
Ак-Терек
Ак-Тюз
Ак-Суу
Ак-Джар
Ак-Джол
Ак-Кыя
Ак-Чий
Ак-Шийрак
Ак-Шор
Ак-Ширак
Ак-Ширек
Ак-Ширин
Ак-Ширинский
Ак-Ширинский хребет
Ак-Ширинский перевал
Ак-Ширинский ледник
Ак-Ширинский водопад
Ак-Ширинский каньон
Ак-Ширинский ущелье

КАРТА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУПП КИРГИЗОВ


70
72
74
76
42
40
Джамбул
Пржевальск
Нарын
Наманган
Андижан
Коканд
Фергана
Ош
Сыр-Дарья
Кара-Дарья
Чаек
Кочкорка
Фрунзе
Кемин-Аксы
Быстровка
Бурулдай
Каварман
Нарын-Карын
Аралтобе
Кызыл-Курган
Ленинабад
Ура-Тюбе
Сулюкта
Исфара
Ходжент
Дарьинское
Ленинское
Ленинский
Ленинградский
Ленинградское
Ленинградская
Ленинградский
Ленинградское
Ленинградская
Ленинградский
Ленинградское
Ленинградская

КАРТА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУПП КИРГИЗОВ



Племя чекир саяк (около 5,5 тыс. юрт), находившееся в постоянной борьбе с бугинцами и сарыбагышцами, держало в своих руках огромные кочевья по среднему течению р. Нарына и в долинах Джумгала и Сусамыра. Дальше на юг и юго-запад, по склонам Ферганского и Алайского хребтов, в восточной части Ферганской котловины, в Алайской долине и на восточном Памире находились зимние стойбища и кочевья крупных племенных объединений адигине и мунгуш и группировки ичкилик, насчитывавшие около 14 тыс. юрт. Естественной границей между этими южными группами и наиболее многочисленной группой тагай правого крыла, которую южане называли *аркалык*, служил Ферганский хребет, огибающий Ферганскую котловину с северо-запада.

К югу от р. Нарына кочевало племя черик, которое насчитывало свыше 4 тыс. юрт. Богатые замечательными пастбищами Таласскую и Чаткальскую долины и отроги одноименных хребтов заселяли небольшие племена: саруу, кушчу, багыш и другие, имевшие в общей сложности свыше 9 тыс. юрт. Кроме того, в различных долинах и урочищах Киргизии были расселены разные более мелкие племена.

Всего у киргизов насчитывалось около 40 племен. В киргизском героическом эпосе киргизы нередко называются «сорокаплеменным народом».

* * *

Занимаемая ныне Киргизской ССР территория до Октябрьской революции входила в состав Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и отчасти Самаркандской областей Туркестанского генерал-губернаторства. Управление страной, осуществлявшееся через уездных начальников и названный выше низовой административный аппарат, сопровождалось произволом, взяточничеством, незаконными поборами и разорением населения. К эксплуатации и вымогательствам со стороны манапов, бесконтрольно распоряжавшихся имуществом своих сородичей, присоединились национальный гнет и новые экономические тяготы. Помимо сохранившихся манапских поборов и повинностей, был установлен кибиточный сбор, составлявший вместе с другими сборами по 8 руб. на хозяйство, натуральная земская повинность по устройству и ремонту дорог, особенно обременявшая беднейшую часть киргизов. Низкая товарность хозяйства приводила к тому, что масса киргизов для уплаты налогов вынуждена была продавать за бесценок много скота или брать ссуды у кулаков и торговцев с последующей отдачей скотом.

Царское правительство всей своей политикой поддерживало привилегированное положение манапства. Однако изменившиеся экономические условия вынуждали манапов прибегать к новым методам хозяйствования. Некоторые из них начали захватывать удобные участки пахотной земли, используя ее для продажи и сдачи в аренду переселенцам. Отдельные манапы превращались в торговцев и ростовщиков, другие создавали товарные скотоводческие и земледельческие хозяйства. Произвол, поборы и вымогательства, вошедшие у манапов в систему, вызывали неоднократные возмущения букары, иногда сопровождавшиеся убийством отдельных манапов, наиболее безжалостно грабивших народ.

После присоединения края к России классовая дифференциация приняла более четкие формы. На одном полюсе выросла кулацкая верхушка — баи, на другом все более увеличивалась группа бедняцких хозяйств, которые были вынуждены идти в наем или в кабалу к баю и манапу, а также сельских пролетариев. Часть бедняков кочевала вместе с баями и обслуживала их скот на условиях найма или отработок, другие же (*жатакчы*) обрабатывали на тех же условиях землю баев. Батраки были многочисленной и наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества, они получали за свой труд лишь обноски с байского плеча и объедки со стола.

В результате присоединения Киргизии к России в хозяйственной жизни киргизского народа произошли глубокие изменения. Под влиянием проникавших в страну товарно-денежных отношений началось постепенное разложение натурального в своей основе киргизского хозяйства, усиление классовой дифференциации кыштака (кишлака) и аила в капиталистическом направлении, ломка патриархально-феодальных отношений, перестройка всей экономики.

Вместе с проникновением в Киргизию элементов нового, более прогрессивного экономического уклада — капитализма — Киргизия включилась в общероссийское и мировое товарное обращение. Здесь стали появляться современные средства связи, первые улучшенные пути сообщения, что вместе с другими факторами способствовало уничтожению замкнутости и оторванности Киргизии. Начался процесс хозяйственного сближения киргизского народа с русским. Появились города, базары; усиливался обмен и торговля с соседними районами, с центральной Россией. Вместе с тем появился новый эксплуататорский класс. Наряду с торговцами узбеками, русскими, татарами на арену хозяйственной жизни выступали торговцы, предприниматели и ростовщики из среды киргизских баев и манапов — возникала национальная буржуазия.

Быстро развивалось земледелие. Большинство киргизских хозяйств в 1913 г. имело помимо скота и посевы. По мере роста классовой дифференциации основа благосостояния кочевников — скот — все более сосредоточивался в руках небольшой группы. Так, по данным обследования киргизских хозяйств в 1912—1913 гг., в Пишпекском уезде 5,52% хозяйств в трех наиболее мощных группах владели 33,51% всего скота, а на долю 49,22% хозяйств, относившихся к четырем наименее обеспеченным группам (не имевших скота и имевших его не свыше восьми голов на хозяйство), приходилось только 11,12% всего поголовья скота. Велико было число бедняков и среди земледельцев: 47,75% всех хозяйств не имело никакого сельскохозяйственного инвентаря и 40,77% хозяйств, занимавшихся земледелием, пользовалось чужим инвентарем. В байских хозяйствах кулацкого типа начал широко применяться наемный труд.

Много изменений в хозяйственную жизнь края внесло организованное царизмом переселение сюда значительного числа русских и украинских крестьян из пределов центральной и южной России. Царское правительство изъяло из пользования киргизов и передало в руки переселенцев большое количество пахотоспособной земли. Этому активно способствовали и киргизские манапы: они продавали и отдавали в аренду переселенцам захваченные у трудового населения земли. Значительная часть трудящихся киргизов была вытеснена в малопригодные для земледелия горные районы, где беднота была обречена на полуголодное существование.

Процесс пролетаризации захватывал не только киргизский аил, но и русское село. Трудящиеся массы пришлого русского и местного киргизского населения, подвергавшиеся эксплуатации со стороны кулаков, баев и манапов, оказались в сходных условиях. Классовое расслоение киргизского аила, усиливаемое зарождавшимися буржуазными отношениями, создавало реальную почву для сближения русского и киргизского народов.

Переход значительной части киргизской бедноты к земледелию и оседлости был вызван прежде всего классовым расслоением киргизского общества, но на трудящихся киргизов оказал также влияние пример русских крестьян. Переходившие к земледелию киргизы охотно воспринимали хозяйственный опыт и навыки русских крестьян. В киргизское хозяйство стали проникать русская коса, плуг и борона. От русских крестьян киргизские дехкане восприняли новые сельскохозяйственные культуры. Начало практиковаться сенокошение. В свою очередь и русские переселенцы заимствовали у киргизского населения некоторые приемы ведения хозяйства, например поливное земледелие, отгонное животновод-

ство. Начавшееся хозяйственное сближение двух народов не могло получить широкого развития из-за проводившейся царизмом политики разжигания национальной розни и религиозных предрассудков, насаждавшихся духовенством обеих сторон.

Устойчивое сохранение патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе способствовало тому, что в народном мировоззрении киргизов удерживалась наиболее отсталая форма идеологии — религиозная. Она играла существенную роль в духовной жизни киргизов, хотя содержание ее далеко не ограничивалось официальной господствовавшей религией этого периода — исламом.

Ислам среди киргизов распространился сравнительно поздно. Даже в исторических источниках, относящихся к XVII в., киргизы еще называются кафирами, т. е. немусульманами. Более интенсивное проникновение ислама в среду киргизов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII и к XVIII в. Этот процесс, по-видимому, принял еще более активные формы с момента захвата киргизских земель Кокандским ханством.

Основную роль в насаждении и распространении ислама, помимо всякого рода проповедников — дервишей, ходжей и ишанов, сыграла киргизская феодальная знать. С помощью узбекского духовенства манапы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако среди подавляющего большинства киргизского населения религиозного фанатизма не наблюдалось. Догматы ислама были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми. Чокан Валиханов писал по этому поводу: «...Пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом. Буруты (киргизы.— *Ред.*) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву»[1]. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует тот факт, что однажды по ходатайству сородичей крупный феодал Ормон разрешил перенести тридцатидневный пост (*орозо*) с летнего времени на зиму.

В народных массах были широко распространены антиклерикальные настроения. Они были направлены против официального мусульманского духовенства. Так, в одной из молитв, обращенных к высшему божеству — Кудаю, содержалась следующая просьба: «От нестрохалатных ходжей сохрани! От тихо ступающих мулл сохрани!»

Стремясь использовать религию как орудие укрепления своего господства, феодальная знать всеми доступными средствами насаждала мусульманскую идеологию, нетерпимость к «неверным». Идеология панисламизма внедрялась феодалами в народно-поэтическое творчество. Народные традиционные обряды постепенно заменялись мусульманской обрядностью. Идеология ислама была глубоко реакционной. Она тормозила развитие производительных сил, задерживала рост культуры. Одной из наиболее агрессивных форм идеологии ислама был суфизм, который имел некоторое распространение и среди киргизов. Его представители — ишаны — призывали к борьбе с «неверными», духовно закабаляли своих приверженцев. Они вербовали себе мюридов среди киргизов-кочевников и, систематически посещая их, собирали в свою пользу большое количество скота в виде религиозной подати. О таких поездках говорили: «ишан отправился на охоту». В некоторых местах, даже на Тянь-Шане, существовали киргизские суфийские общины.

Такая религиозная обязанность мусульман, как пятикратная молитва, регулярно исполнялась главным образом лицами, принадлежавшими к

[1] Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 413.

эксплуататорскому классу. Посещение мусульманских святынь в Мекке (хадж) получило некоторое распространение среди манапов и баев в конце XIX — начале XX в. Но мусульманские религиозные праздники соблюдались и в народной среде. Однако в их празднование вплетались языческие обряды. Религиозный пост связывался с культом предков. Окончание поста (*орозо айт*) отмечалось как поминание умерших и предков вообще. В этот день жарили кусочки теста в сале (*боорсок*) и зажигали 40 свечей (стебли чия, обмотанные ватой и обмазанные жиром), которые ставили вокруг костра в юрте. После произнесения имен умерших остатки свечей бросали в огонь. Пища, которую ели в этот день, считалась посвященной духам предков. Мужчины собирались и вместе читали молитву.

Другой религиозный праздник (*курман айт*) сопровождался принесением в жертву какого-либо животного. Этот праздник считался праздником живых. Угощение предназначалось для членов своей семьи, родственников, соседей. В первый день этого праздника иногда устраивали скачки (*кыз куумай*), в которых участвовала молодежь.

Более архаичные черты носил праздник встречи Нового года (*нооруз*, или *оруз дама*), в котором в своеобразной форме переплетались черты среднеазиатского земледельческого праздника науруза с остатками местных древних культов. Во время этого праздника, который приурочивался к концу февраля, приготовляли специальное блюдо — жидкую кашу из пшеницы (*көчө*). Разжигали костры, мужчины и дети прыгали через них, дымом от горящей арчи окуривали людей и скот.

О поверхностном усвоении ислама киргизами свидетельствовали бытовавшие среди них многочисленные пережитки древних религиозных представлений. Особенно большое место занимали культ предков и элементы шаманизма. Среди южных киргизских племен ислам пустил гораздо более глубокие корни; некоторые из сохранявшихся у них древних верований подвергались заметному влиянию ислама. Главным центром религиозного мракобесия на юге современной Киргизии был г. Ош, с его «священной» горой Тахти Сулейман. Кроме того, центрами паломничества и распространения мусульманской идеологии служили «священные» целебные источники Азрет-Аюп (около современного г. Джалал-Абада), мавзолей Шах Фазиль около сел. Сафид-Буленд в современном Ала-Букинском районе, мавзолей Идрис Пайгамбар в Чаткальской долине и др.

Благоприятной почвой для бытования многообразных домусульманских верований являлась живучесть патриархальных традиций, коренившихся в отсталых формах кочевого скотоводческого хозяйства. Неустойчивость последнего, приводившая к систематическим голодовкам и разорению трудовых хозяйств, бессилие перед власть имущими, а также перед эпидемиями и разного рода болезнями, вызывали к жизни превратные представления о причинах бед и несчастий. Беспомощные перед социальными силами гнета и бесправия, перед стихийными силами природы отсталые скотоводы и земледельцы искали поддержки у созданных их же фантазией сверхъестественных существ. В то же время они пытались прибегать к защите и помощи своих умерших предков, которым приписывалась способность влиять на судьбу потомства.

По представлениям киргизов, духи предков (*арбак*) покровительствуют оставшимся в живых родственникам; всякого рода несчастья и болезни объяснялись тем, что духи предков отступились от человека за какой-либо проступок, недостойный их памяти. Результатом этого воззрения являлось особое уважение к могилам предков. В старину за оскорбление могилы полагалась смертная казнь. На могилах умерших обязательно ставили какой-либо памятник или знак. Так, у племени саяк на могиле мужчины было принято водружать высокий шест с привязанным к нему хвостом самой любимой лошади покойного. Обычно могилу обносили глинобитной

стеной, а около могил зажиточных и богатых скотоводов устраивали надмогильные сооружения (*кумбөз*), иногда довольно крупных размеров, типа мавзолеев.

С культом предков был связан сохранявшийся местами древний обычай: после смерти мужчины — главы семьи на деревянный остов или на подушку надевали верхнюю одежду и шапку покойного. Сделанную таким образом куклу, изображавшую умершего, держали в юрте в течение года, до устройства большой тризны. Отражением этого же культа являлось поклонение огню домашнего очага, сохранявшееся в свадебном обряде. С развитием патриархально-феодальных отношений и с усилением влияния ислама культ предков начал постепенно приходить в упадок, его место занял культ мусульманских «святых», находивший выражение в почитании разного рода гробниц (*мазар*). Например, объектом паломничества служила гробница Арстанбап (Арсланбоб) на юге Киргизии.

Наряду с представлением о духах предков стало распространяться пришедшее вместе с исламом верование в Кыдыр-ата (Хызра), невидимого странствующего святого, приносящего с собою счастье, богатство, славу и прочие блага. Это верование укреплялось в среде кочевников мусульманским духовенством. Оно воспитывало в киргизах приниженность и фаталистическое убеждение в том, что счастливым и богатым становится только тот, кому помогает Кыдыр-ата.

Среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников, камней и т. п., сопровождавшееся многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, тоже называемых мазарами, иногда еще до сих пор кладут кости и черепа животных, рога горных козлов, архаров, ставят шесты с хвостами яков, к деревьям привешивают лоскуты ткани, кусочки ваты и т. п. Около мазаров в случае каких-либо стихийных бедствий (засуха, падеж скота и др.) или во время мусульманских праздников еще совсем недавно устраивали общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями (*тулөө*). У таких мазаров совершали и частные жертвоприношения в случае недомогания кого-либо из семьи или заболевания скота, а также когда не было детей. При жертвоприношениях произносили молитвы, иногда ничего общего с исламом не имеющие. Мазары устраивали и на особенно высоких перевалах.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических существах, якобы способных нанести вред человеку или его богатству, каким для кочевников был скот. Так, они верили в существа, имеющие образ женщины с медным клювом и медными когтями, нападающей особенно часто на охотников (*жез тырмак*), или образ старухи, сосущей кровь из пятки человека (*мастан кемпир*), а также образ женщины с длинными грудями, главная опасность от которой будто бы грозит роженицам (*албарсты*), и др. Сохранялись следы почитания древнего божества Джер-Суу (Земля-Вода), которому приносились умилостивительные жертвы. Это божество упоминается еще в орхонских надписях (там оно называется в числе добрых божеств). Вера в это божество была связана с циклом представлений, относящихся к культу природы. Таковы были представления о духах-хозяевах гор, рек, перевалов, различных видов животных и птиц. Остатки культа гор были зафиксированы В. В. Радловым в 60-х годах XIX в. Среди женщин было распространено почитание Умай-эне — покровительницы женщин и детей, особенно новорожденных (божество Умай олицетворяло у древних тюрков культ матери, покровительницы домашнего очага, хранительницы потомства).

Особое место занимало верование в злых духов (*жин*). Их представляли себе в виде маленьких мошек и мух, вызывающих якобы различные болезни у человека и животных, чаще всего сумасшествие, падучую и другие нервные болезни. Способность влиять на джиннов, изгонять их из тела больного приписывалось определенным лицам (мужчинам — *бакшы*

и женщинам — *бубу*), их приемы лечения во многом напоминали шаманские камлания. Передача способностей бакшы по наследству, наличие у них духов-помощников и некоторые другие признаки позволяют рассматривать бакшы как шаманов.

В киргизском шаманстве сочетались особенности, свойственные сибирскому и центральноазиатскому шаманству, с одной стороны, и шаманству среднеазиатскому, которое было связано с исламом и прежде всего с суфизмом,— с другой. Киргизское шаманство отличалось некоторыми чертами от казахского. Бакшы не применяли во время камлания музыкальных инструментов.

Шаманы оказывали большое влияние на скотоводов, используя их отсталость и невежество. У киргизских шаманов была своеобразная специализация, в зависимости от которой они носили различные названия. Так, бакшы и бюбю занимались главным образом лечением, но в то же время выступали и как прорицатели. *Сынчы* предсказывали будущий характер подрастающих детей, угадывали свойства скаковых лошадей, способность людей к воинским подвигам. Различались также *жайчы* — вызыватели дождя, *эсепчи* — предсказатели погоды, *төлгөчү* — гадальщики на камешках, *далычы* — гадальщики на бараньей лопатке, *куучу* — шаманы, способные отгонять злых духов от рожениц, и др.

Ислам и пережитки доисламских верований широко использовались феодальной верхушкой для усиления эксплуатации трудовых масс киргизов. Идеология ислама закрепляла угнетенное положение киргизской женщины. Она поддерживала и узаконивала многоженство, утверждала непререкаемое господство мужа и отца в семье, устанавливала разные ограничения для женщин.

Пережитки патриархальных отношений и господство отсталой идеологии способствовали затушевыванию классовых противоречий в киргизском обществе. Забитость кочевого населения, неразвитость классового сознания бедноты, закабаленных пастухов и батраков мешали усилению классовой борьбы. Но все же антагонизм между аристократической феодальной верхушкой и эксплуатируемой массой рядовых кочевников, земледельцев и бесскотных пастухов прорывался и сквозь патриархальную оболочку. Еще в первой половине XIX в. классовая борьба проявлялась в отсталых формах, чаще всего в виде ухода или откочевки отдельных групп населения из-под власти манапов, отличавшихся особым деспотизмом и жестокостью, угона скота у некоторых феодалов-эксплуататоров, убийства отдельных ненавистных манапов и баев. Но в конце XIX— начале XX в., по мере углубления классовых противоречий, классовая борьба достигала уже большой остроты.

Трудящиеся массы киргизского народа тяжело страдали от грабительской политики царизма, от произвола манапов и баев. С помощью созданной царским правительством администрации с населения взималось большое количество налогов, податей и сборов. Вся тяжесть их ложилась на плечи бедноты. Попутно с этим существовали и неофициальные налоги и поборы, практиковавшиеся местной администрацией. Все это ставило трудящихся в бедственное положение, вело к их разорению и обнищанию, поскольку кабальная зависимость киргизской бедноты от манапов и баев не только не уменьшалась, но все более увеличивалась. Ко всему этому надо прибавить политическое бесправие трудящихся, их полную беззащитность перед лицом царских законов, стоявших всегда на стороне знатных и богатых.

Невыносимый национальный и социальный гнет вызывал революционное брожение в киргизском народе, толкал его на борьбу с баями и манапами, на освободительную борьбу против царизма. Наиболее активные формы классовая борьба и национально-освободительное движение приняли начиная с первой русской революции 1905 г. Они проявлялись в форме разного рода «беспорядков» в связи с выборами волостных управи-

телей, столкновений и конфликтов из-за земли между дехканами с одной стороны, баями и манапами, с другой, отказов от уплаты налогов. Трудящиеся массы киргизского населения часто объединялись с русскими трудящимися для совместных выступлений против царизма и местных эксплуататорских классов. В отдаленную от центра России Киргизию проникало влияние революционного русского пролетариата и его большевистской партии (здесь существовало несколько социал-демократических кружков), и Киргизия втягивалась в общероссийское революционное движение, направленное против царизма. Но революционная борьба в Киргизии вследствие слабости и малочисленности местного пролетариата не достигла того уровня, какой она имела в других областях Туркестана.

Более широкий размах революционное движение приняло в 1916 г., когда назревшее возмущение трудящихся масс киргизского населения произволом царских чиновников, кулаков-колонизаторов, баев и манапов вылилось в национально-освободительное восстание. Оно возникло стихийно и проявлялось в разрозненных вспышках, у него не было единого центра и руководства, оно протекало изолированно от революционных выступлений рабочих, солдат и русской крестьянской бедноты, хотя местами и были совместные выступления трудящихся русских и киргизов. Восстание в целом было антиимпериалистическим и антифеодальным. Однако в некоторых местах феодально-клерикальным элементам — баям и манапам — удалось обманным путем использовать это стихийное движение темных, забитых масс в своих классовых интересах, превратить его в антирусское, националистическое движение и тем самым заглушить остроту классовых противоречий. В результате в некоторых районах северо-восточной Киргизии движение принимало реакционный характер — имело феодально-монархическую направленность и приводило к национальной розни.

Последствия киргизского восстания, потерпевшего поражение, были очень мучительными для народа. Множество киргизских хозяйств было разорено. Около 150 тыс. человек, боясь расправы со стороны царских карательных отрядов и под влиянием байско-манапской агитации, бежало в пределы Китая.

После ликвидации восстания царской администрацией было решено «отобрать от киргизов те земли, где пролита русская кровь». Предполагалось изъять у киргизского населения огромную площадь в 4 млн. га освоенных земель в долине р. Чу и в Иссык-Кульской котловине и выселить его в высокогорные пустыни Тянь-Шаня. Осуществлению этого помешала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Тяжелый путь прошел киргизский народ за время господства царского самодержавия, вместе с манапами и баями стремившегося закабалить грудовые массы киргизского населения, лишить их возможности политического, экономического и культурного развития. Однако, несмотря на всю тяжесть колониальной политики русского царизма, включение киргизов в состав Российской империи сыграло огромную прогрессивную роль в дальнейших судьбах киргизского народа.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла трудящимся киргизам освобождение от колониального рабства и социального угнетения, предоставила человеческие права огромной массе людей, разоренных и лишившихся родины в результате восстания 1916 г.

Под руководством Коммунистической партии и с помощью русского рабочего класса киргизский народ установил у себя Советскую власть, которая в первые годы существования встречала ожесточенное сопротивление белогвардейцев, контрреволюционного байства и манапства.

Верхушка семиреченского казачества совместно с кулацкими колонизаторскими элементами русского крестьянства на протяжении 1918—1920 гг. неоднократно поднимала контрреволюционные восстания. В южной Киргизии развернулось басмаческое движение, организованное буржуазными националистами, баями и манапами при поддержке из-за кордона. Казачье-кулацкая и байско-манапская контрреволюция, как и басмаческое движение, были ликвидированы при бескорыстной помощи Советской России.

Туркестанским фронтом руководили тогда М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. В начальный период гражданской войны красногвардейские отряды, в рядах которых боролась наиболее сознательная часть киргизской бедноты, как и созданные затем части Красной Армии, в борьбе с врагами опирались на широкое сочувствие и помощь киргизского трудового крестьянства. В борьбе с басмачами участвовали киргизские партизанские отряды.

Вскоре после Октябрьской революции и в особенности после окончания гражданской войны в северной Киргизии бежавшие в Китай кочевники-киргизы начали массами возвращаться на родину. Государство оказывало им широкую помощь. В 1921—1922 гг. в северной Киргизии была проведена земельная реформа, в результате которой бедняцкие и середняцкие хозяйства беженцев были наделены землей, изъятой у захвативших ее казачье-кулацких элементов, а также скотом и инвентарем.

Населенные киргизами районы вошли после Октябрьской революции в состав Туркестанской Советской Социалистической Республики. В процессе национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область, которая вошла в состав РСФСР (25 мая 1925 г. она была переименована в Киргизскую автономную область). В 1926 г. решением III сессии ВЦИК, утвержденным Всероссийским Съездом Советов, Киргизская автономная область была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дальнейшим этапом было создание в 1936 г., в соответствии с утвержденной VIII Чрезвычайным Съездом Советов Конституцией, Киргизской Советской Социалистической Республики, вошедшей в состав Союза ССР в качестве его равноправного члена. Тем самым был завершен процесс создания национального киргизского советского государства, что сыграло крупную роль в окончательном оформлении киргизской социалистической нации.

Киргизский народ вследствие своей патриархально-феодальной отсталости, раздробленности по административным областям царской России, слабого развития капиталистических отношений и наличия лишь зачаточных форм общности экономической жизни до Октябрьской социалистической революции не успел сложиться в буржуазную нацию. Образовавшаяся в условиях Советской власти киргизская социалистическая нация коренным образом отличается от прежней киргизской народности.

Решающие изменения в экономике, классовом составе киргизского населения и его бытовом укладе произошли за годы первых пятилеток.

Благодаря коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшейся ликвидацией эксплуататорского класса — байства и манапства — киргизское крестьянство вышло на широкий путь зажиточной жизни.

Пользуясь неослабной помощью великого русского народа и других народов СССР, киргизский народ преобразил свою жизнь, построив ее на совершенно новой основе. Киргизская ССР обогатилась десятками современных промышленных предприятий; замечательных успехов в развитии социалистического сельского хозяйства добились колхозы и совхозы, из года в год в городах, аилах и кыштаках повышалось материальное благосостояние населения, расцвела культура киргизского народа.

Созидательный мирный труд народов Киргизии, как и всех советских народов, был нарушен вероломным нападением гитлеровских орд 22 июня 1941 г. По призыву Коммунистической партии киргизский народ, которому царизм не доверял оружия, плечом к плечу с другими народами нашей страны встал на защиту свободы, чести и независимости своей советской Родины.

Бойцы киргизы вписали в летопись Великой Отечественной войны немало ярких страниц. Среди героев Отечественной войны немеркнущей славой овеяны имена верных сынов киргизского народа Героев Советского Союза Дюйшенкула Шопокова, Чолпонбая Тулебердыева, Даира Асанова, Ташмамата Джумабаева, Анварбека Чортекова, Розы Азимова, Самата Садыкова.

Героические подвиги сынов Киргизии на фронтах Великой Отечественной войны были подкреплены самоотверженным трудом киргизского народа в тылу. Усилиями рабочих, колхозников и интеллигенции Киргизская республика превратилась за годы войны в один из важных районов, беспрерывно снабжавших фронт различными видами вооружения, боеприпасов и продовольствия. На территории Киргизии работали многие промышленные предприятия, эвакуированные из западных областей страны.

Огромную роль в выполнении Киргизией своего патриотического долга сыграли женщины, молодежь и старики, заменившие ушедших на фронт мужей, отцов, братьев и сыновей.

Трудящиеся Киргизии приняли активное участие в создании финансовой и материальной базы для победы Красной Армии, охотно отдавая государству личные сбережения, ценности, продовольствие.

Дружба и братство народов нашей страны нашли яркое воплощение в повсеместно развернувшейся в Киргизии помощи населению районов, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистской оккупации. В тяжелые месяцы блокады Ленинграда — в феврале и октябре 1942 г., а также в октябре 1943 г. из Киргизии были отправлены эшелоны с подарками для его жителей и защитников — всего около 100 вагонов.

В своих подвигах на фронтах и в тылу киргизский народ показал высокие образцы советского патриотизма. После победоносного окончания Великой Отечественной войны трудящиеся Киргизии перешли к мирному труду, который влился в общий поток трудовых усилий советского народа по осуществлению грандиозных планов восстановления и развития народного хозяйства СССР.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Хозяйственная жизнь и занятия киргизского народа после Великой Октябрьской социалистической революции подверглись коренным преобразованиям. Некоторые отрасли прежнего хозяйства совершенно изменили свой облик, другие — потеряли прежнее значение, но главное — появилось много таких видов хозяйственной деятельности и занятий киргизского населения, которые раньше не были и не могли быть ему известны.

Сельское хозяйство в прошлом

В дореволюционном прошлом производительные силы киргизского общества находились на относительно низком уровне развития. Главным занятием киргизов в течение многих веков было скотоводство экстенсивного типа. Мелкие скотоводческие хозяйства вели кочевой и полукочевой образ жизни. Природные условия страны давали возможность содержать скот в течение всего года на подножном корму. Горный рельеф и наличие в связи с ним по вертикали зон, различных по климатическим условиям и растительному покрову, позволяли скотоводам планомерно совершать установившийся веками круглогодичный цикл кочевания, переходить со скотом с одного

сезонного пастбища на другое. Следует, однако, заметить, что скотоводство у киргизов уже давно сочеталось с земледелием, которое, как правило, существовало не обособленно, а входило неразрывной частью в хозяйство кочевого аила. Лишь местами в более позднее время стали возникать небольшие земледельческие оазисы, которые, впрочем, были в той или иной мере связаны с окружающими их скотоводами.

Направление скотоводческого хозяйства менялось в зависимости от исторических условий. В период, предшествовавший присоединению Киргизии к России, когда часто возникали феодальные войны и совершались нашествия завоевателей, киргизы разводили главным образом лошадей, меньшее значение имели овцы и верблюды.

С переходом киргизов после присоединения к России к мирной жизни первое место заняло овцеводство и одновременно увеличилось количество крупного рогатого скота и верблюдов. При переходе части хозяйств к земледелию как основному занятию, особенно в южных районах, главное место в их стаде стало принадлежать лошадям, крупному рогатому скоту и отчасти козам. Крупный рогатый скот приобретал все большее значение в бедняцких хозяйствах, которые были вынуждены переходить на оседлый образ жизни.

Одним из основных видов животных, издавна разводимых киргизами на восточном Памире и в южной, горной части Ошской области, являются яки (*тоноз*). Ослов и мулов раньше держали преимущественно байские хозяйства на юге Киргизии для своих пастухов. Только с 20-х годов нашего века они получили более широкое распространение, частично и на севере.

Киргизская лошадь — одна из разновидностей монгольской. Крупный рогатый скот был низкорослый, малопродуктивной местной породы. Грубошерстные курдючные киргизские овцы имели некоторые локальные особенности. У киргизов преобладал двугорбый верблюд (бактрийский).

Каждое племя и род кочевали на определенной территории. Кочевание совершалось преимущественно не в меридиональном направлении (с севера на юг), как у многих групп казахов, а в вертикальном направлении: из низколежащих горных долин к высокогорным альпийским пастбищам и обратно. В течение зимы скотоводы находились в защищенных от ветра лощинах и ущельях. На территории, прилегавшей к зимнему стойбищу (*кыштоо*), многоскотные байские хозяйства выпасали только крупный рогатый скот, верблюдов, молодняк и лошадей, предназначенных для дальних поездок. Овец и остальных лошадей выпасали обычно на отдаленных отгонных пастбищах (*отор*), расположенных в местах, где снег со склонов гор сдувало ветром. Богатые и зажиточные хозяева нанимали в последнем случае пастухов и табунщиков или пользовались трудом зависимых от них общинников. Условия зимнего выпаса были очень тяжелыми. Морозы и бураны, длительное нахождение под открытым небом, неотепленные жилища и плохая одежда делали пребывание на отгонных пастбищах тягостным и изнурительным. Хозяйства среднего достатка объединяли скот для совместного выпаса собственными силами или сообща нанимали пастухов.

Зимний выпас скота был сопряжен с большими трудностями и требовал мобилизации всех сил для сохранения скота. Поэтому техника зимнего выпаса была разработана особенно тщательно. Для выпаса овец и крупного рогатого скота, не обладающих способностью самостоятельно добывать корм из-под снега, использовались южные склоны гор. Лошади тебеневали в местах, покрытых снегом. В тех случаях, когда бесснежных участков не было, скот выпасали в определенном порядке: сначала шли лошади, которые разгребали копытами снег, после них пускали крупный рогатый скот, а за ним овец.

Ранней весной, но обычно уже после посевных работ на своем небольшом поле, расположенном около зимнего стойбища, скотовод среднего

достатка откочевывал со скотом на близлежащие, находившиеся в предгорьях весенние пастбища (*көктөө* или *бөксө*). Здесь происходил окот овец. С наступлением летней жары и появлением беспокоящих скот оводов и разной мошкары часть скотоводов перегоняла свой скот на высокогорные пастбища (*жайлоо*), а хозяева, владевшие небольшим количеством скота, оставались большей частью на весенних пастбищах до возвращения на зимнюю стоянку. Многие летние пастбища находились на высоте до 3,5 тыс. м, поблизости от линии вечного снега и ледников. Осенью, с наступлением холодов в горах, скотоводы спускались с летних пастбищ на осенние (*күздөө*), которые в большинстве случаев совпадали с весенними, где к этому времени подножный корм успевал возобновиться. По окончании уборки хлебов и сенокоса, производившихся посланными для этого членами семьи, а у богатых зависимыми от них бедняками, кочевники возвращались на зимние стойбища.

Необходимо заметить, что полный цикл кочевания сохранялся только в богатых и зажиточных хозяйствах, которые владели большим количеством скота, в том числе вьючного. Бедняцкие же хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно совсем не кочевали. Одни из них оставались около своих или байских посевов, другие кочевали со своими богатыми сородичами, получая от них часть скота для выпаса на условиях отработки. Некоторые богатые скотоводы в течение всей зимы кочевали со своими стадами на обширных высокогорных пустынных плато (*сырт*). В некоторых местностях летние пастбища были четко разграничены по социальным группам. Таким образом, группа хозяйств, объединенных зимой общими выпасами в остальное время года распадалась на несколько частей. Пользование пастбищами, как говорилось выше, в большинстве случаев осуществлялось на общинных началах, хотя фактически ими распоряжалась феодально-байская верхушка; сенокосы были поделены и, за небольшими исключениями, находились в подворно-наследственном владении.

Выход на кочевье после суровой зимней стоянки превращался в своеобразный праздник. Все мало-мальски состоятельные скотоводы надевали самую лучшую одежду, лошадей покрывали чепраками и попонами, головы и шеи верблюдов украшались покрывалами. Навьюченные на верблюдов или лошадей части юрты и другой домашний скарб принято было покрывать коврами или яркими паласами, а наиболее дорогие вещи (самовары, сундуки, подносы) привязывать сверху. Согласно обычаю, те, которые ранее прикочевывали на место стоянки, преподносили вновь прибывшим угощение (*өрүүлүк*).

Длина кочевых путей в различных районах была неодинакова, она колебалась от нескольких десятков до 100—120 км, а местами достигала 150—200 км. Для отдельных хозяйств дальность кочевок зависела от обеспеченности скотом.

Для выпаса каждого вида скота выбирали пастбище с соответствующим рельефом местности и определенным травостоем. Трудовые хозяйства объединяли лошадей и овец для выпаса в весенне-летний сезон. Объединяли скот чаще всего родственники, иногда — соседи. Число хозяйств, входивших в подобную кочевую группу, зависело от количества принадлежавшего им скота. Такие объединения облегчали выпас скота, охрану стад, преодоление трудных перевалов, бурных рек, позволяли более эффективно использовать пастбища. Байские хозяйства предпочитали кочевать отдельно, небольшими аилами.

В предметах, связанных с уходом за скотом, с ловлей животных, их лечением у киргизов имелось много общего с казахами[1].

---

[1] Сводная таблица этих предметов дана в главе «Казахи».

Табунщик имел всегда с собой аркан (*чалма*) и шест (*укурук*) со скользящей петлей из шерстяной веревки для ловли пасущихся лошадей. Жеребят до определенного возраста днем держали на специальной привязи (*желе*). В течение дня шесть—восемь раз к ним пригоняли кобылиц для доения, а на ночь жеребят отпускали на пастбище вместе с матками. Чабан сопровождал овец верхом на лошади или на быке, на ночь он пригонял их к аилу. Ночью охрана стад возлагалась на девушек или молодых женщин. Коротая время, они пели песню (*бекбекей*), которая должна была отпугивать волков.

Техника скотоводства, хотя и представляла собой систему проверенных многовековым опытом приемов, стояла на низком уровне. Заготовка кормов на зиму в прошлом почти совершенно не практиковалась. Несколько раньше у южных киргизов, а с конца XIX — начала XX в. и у северных под влиянием русских переселенцев начало распространяться сенокошение. Корм запасали в небольшом количестве, преимущественно для подкормки больного и истощенного скота, молодняка, а также лошадей, предназначенных для дальних поездок. Для уборки сена применяли обычно серп, но уже с начала XX в. стала распространяться русская коса-литовка (*чалгы*, *чапкы*).

Отсутствие достаточных запасов кормов на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных явлений природы. Большой урон скотоводству приносили эпизоотии, в частности чума, и периодически повторявшиеся массовые падежи скота (*жут*) от бескормицы. Скот (прежде всего овцы) погибал ранней весной оттого, что после затяжной и суровой зимы с глубокими снегами и особенно гололедицей, он не имел сил пробить ледяную корку и добыть корм.

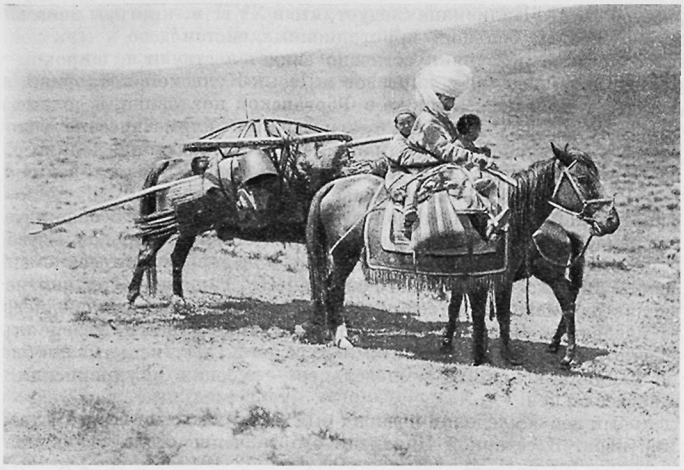
До третьей четверти XIX в. киргизы почти не строили каких-либо помещений для скота. Загоны возводили из камня, камыша, хвороста. Загоны из глинобитных стен, а потом и хлева появились сначала в богатых хозяйствах. Позднее они распространились несколько шире, особенно в южной Киргизии, однако бóльшую часть скота по-прежнему содержали в загонах, которые могли служить лишь защитой от ветра, но не укрывали от снега, метели и бурана.

В трудовом скотоводческом хозяйстве на мужчине лежали все работы, связанные с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. Женщины должны были ухаживать за скотом, пасущимся поблизости от аила, доить кобылиц и коров, коз и овец, следить за молодняком, вести молочное хозяйство, временами охранять стада ночью, а также выполнять главную часть работы, связанной с перекочевкой аила.

Скот киргизы повсеместно доили с припуском молодняка, т. е. с применением подсоса.

Для лечения домашних животных киргизы применяли оперативное вмешательство, кровопускание и различные средства народной ветеринарии. Если болезни не поддавались лечению, они использовали разного рода магические приемы: окуривали стада дымом арчи, гнали скот к «священным местам»— мазарам, где устраивали моления, приносили жертвы патронам-покровителям домашних животных. Естественно, все это не могло предотвратить бедствий, от которых чуть ли не ежегодно страдали скотоводы. Сеть ветеринарных учреждений, возникших после присоединения к России, была очень ограниченной и не могла обслужить разбросанные на огромных пространствах киргизские аилы.

С поселением в крае русских и украинцев в местной хозяйственной жизни появились некоторые нововведения. В котловине Иссык-Куля В. П. Пяновский создал конный завод. Породистые производители имелись и на основанной в г. Пржевальске случной конюшне. В Киргизию были завезены улучшенные породы крупного рогатого скота, тонкорунные овцы. Кое-где были созданы сельскохозяйственные школы. Но все эти про-



Перекочевка. Алайская долина

грессивные мероприятия, как и развитие сенокошения и заготовки кормов, не дали сколько-нибудь ощутимых результатов в киргизском скотоводстве. Оно по-прежнему было отсталым и малопродуктивным, всецело зависящим от природных условий и господства патриархально-феодальных отношений.

Земледельческая культура на территории расселения современных киргизов существует с давней поры. Значительного развития она достигла в античный период в Фергане; во второй половине I тысячелетия н. э. она переживала пору расцвета в Чуйской долине под влиянием занимавшихся земледелием выходцев из Согда[1]. В послемонгольское время в пределах северной Киргизии земледелие пришло в полный упадок.

В недавнем прошлом существовало мнение, что возрождение земледелия на территории Прииссыккулья, Чуйской долины и других районов северной Киргизии было связано с переселением сюда русских и украинских крестьян, начало которому было положено в 60—70-х годах XIX в. В действительности земледельческая культура в этом крае возродилась еще раньше. Носителями ее были аборигены-киргизы, занявшиеся возделыванием земли тотчас же после своего возвращения на места прежнего жительства, временно захваченные ойратскими феодалами в XVII в. Как показывают собранные в последние годы полевые материалы, в соседней с Ферганой долине Тогуз-Торо (Тянь-Шань) на рубеже XVII—XVIII вв. киргизы уже занимались поливным земледелием. Эти данные находят подтверждение в китайских источниках, относящихся к последней четверти XVIII в.[2], а также в упомянутой работе капитана И. Андреева, написанной в конце XVIII в. Андреев сообщает, что киргизы «имеют довольно изобильное хлебопашество», в котором «в летнее время упражняются».

На территории Ферганской котловины и окружающих ее предгорий земледелие у киргизов, несомненно, существовало еще раньше. Из

[1] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17, 24; А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. VI, 1940.

[2] А. Н. Бернштам. Источники по истории киргизов XVIII в. «Вопросы истории», 1946, № 11-12, стр. 131.

материалов В. П. Наливкина следует, что в XVII в. киргизы занимались здесь сооружением больших ирригационных систем[1].

Более поздние источники согласно свидетельствуют о широком распространении земледелия у киргизов в Иссык-Кульской котловине, в долинах рек Чу и Таласа, а также в Ферганской котловине, в долине Кетмень-Тюбе и повсюду в горах, где позволяли климатические условия, иногда на значительной высоте (например, в высокогорной долине р. Ат-Баши). Одним из крупных центров земледелия еще до присоединения Киргизии к России было Прииссыккулье.

В киргизской земледельческой культуре имеется много общих черт с древней земледельческой культурой соседних оседлых народов — узбеков и таджиков и оседлого населения, живущего на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Таким образом, киргизское земледелие развивалось в тесном взаимодействии с местным среднеазиатским земледелием. Вместе с тем киргизские земледельцы на севере страны (а частично и на юге), начиная с 60-70-х годов XIX в., испытывали благотворное влияние исконных земледельцев — русских и украинских крестьян-переселенцев.

Удельный вес земледелия издавна был более высоким в хозяйстве южных киргизов. В северной Киргизии его значение стало увеличиваться после присоединения Киргизии к России. В 1913 г. уже свыше 90% киргизских хозяйств Пишпекского уезда занималось хлебопашеством. Переход значительной части киргизской бедноты к земледелию и оседлости, как уже отмечалось выше, был вызван прежде всего усиливавшимся классовым расслоением киргизского общества, проникновением в киргизское хозяйство капиталистических отношений. Большую роль при этом сыграла колонизаторская политика царизма: происходило изъятие больших массивов земли и сокращение пастбищ, особенно более ценных — зимних, приводившее к уменьшению поголовья скота в малообеспеченных хозяйствах. Некоторое влияние на развитие земледелия у киргизов оказал также положительный пример их соседей — русских крестьян.

Часть обедневших хозяйств, имевших ничтожное количество скота, перейдя к земледелию, все же совершала неполный цикл кочевания. Для многих бедняцких хозяйств, у которых вовсе не было скота, земледелие превратилось в единственный источник существования.

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, значительное распространение получило смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство полуоседлого типа: часть семьи в таком хозяйстве оставалась летом на месте зимней стоянки для обработки полей. Однако переход к земледелию не всегда совпадал с оседанием ранее кочевых хозяйств. Так, в Пишпекском уезде среди киргизских хозяйств насчитывалось всего 15,1% оседлых. Попытки перехода киргизской бедноты на положение крестьян встречали резкое сопротивление манапов, видевших в этом сужение возможностей для эксплуатации зависимого от них населения. Борьба за переход на оседлость достигала иногда очень большой остроты. После длительной борьбы в 1900 г. в Пишпекском уезде было основано первое киргизское оседлое сел. Таш-Тюбе. Почти одновременно с ним возникло сел. Боз-Учук в Пржевальском уезде. Незадолго до Октябрьской революции киргизы образовали несколько других оседлых селений, в том числе смешанное киргизско-русское сел. Дархан (1912 г.)[2].

---

[1] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 25.

[2] Об истории этого селения см. в кн.: С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XXXVII. М., 1958, стр. 26—32.

Несмотря на то, что в условиях аграрной политики царизма переход к земледелию и оседание бедняков-киргизов протекали далеко не безболезненно, эти явления, с общеисторической точки зрения, безусловно имели прогрессивное значение, знаменуя переход к более высоким формам хозяйства и культуры.

В хозяйстве основной массы киргизов земледелие было подсобной отраслью и имело преимущественно потребительский характер. Посевы, особенно в бедняцких хозяйствах, были небольшие. Лишь у богатых скотоводов они достигали нередко значительных размеров. В Ферганской долине земледелие все более приобретало товарный характер, что было связано с развитием там хлопководства. Помимо хлопка на юге киргизы выращивали пшеницу, кукурузу, джугару, рис, бахчевые культуры, люцерну. На севере Киргизии основными культурами были пшеница, просо и ячмень, в небольшом количестве овес и люцерна. Ячмень был особенно распространен в высокогорных районах. Посевы овса начали распространяться в крае под влиянием русского населения. Наиболее древним злаком у киргизов было, по-видимому, просо. Огородные культуры имели очень незначительное распространение. Так, в Пржевальском уезде в 1913 г. их возделывал лишь 1% киргизских хозяйств.

Земледелие у киргизов было главным образом поливное, с искусно разработанными приемами орошения, приспособленными к высокогорным условиям. Оросительные каналы (*арык*, *өстөн*) устраивали нередко на большой высоте, в скалистом грунте с каменным ложем. Для переброски воды через овраги сооружали акведуки (*ноо*) из выдолбленных стволов ели, установленных на высоких подпорках. Местами киргизы восстанавливали и древнюю, давно заброшенную ирригационную сеть. Применялось исключительно самотечное орошение. Система орошения позволяла кочевникам после посева откочевывать на пастбища и возвращаться к уборке урожая. Для проведения поливов в этот промежуток времени приезжали лишь отдельные члены семей скотоводов.

Кое-где поливное земледелие сочеталось с богарным, зависящим от атмосферных осадков. Но более широко богарные посевы распространились позднее, что было связано с использованием опыта окружающего русского населения.

Основным орудием для обработки почвы был *буурсун* (на юге — *амач*, *омоч*, *ысфар*; ср. тадж. «сипор»), аналогичный украинскому однозубому ралу и не отличавшийся по типу от подобных орудий у большинства народов Средней Азии. Обычно на его заостренный конец надевали чугунный наконечник (*тиш*). Древность этого орудия подтверждается тем, что во время раскопок буддийского храма в Чуйской долине в 1953 г. было найдено точно такое же орудие, сделанное из арчи, которое датируется VIII в. н. э. Из-за несовершенства этого орудия приходилось проводить перекрестную вспашку поля. Тип пахотного орудия у киргизов и связанная с ним терминология указывают на общие черты в технике земледелия киргизов и оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана.

Накануне Октябрьской революции деревянный буурсун еще продолжал господствовать в сельскохозяйственной технике у киргизов. Но под влиянием русских крестьян начали получать распространение и русские железные плуги. В 1913 г. в Пишпекском уезде насчитывалось уже 3538 плугов. в то же время буурсунов было 13 217.

В киргизском земледелии господствовала залежная система, севооборот встречался очень редко, удобрение полей частично применялось в южной Киргизии.

Засевали поля киргизы вручную, сеяли и по вспаханной почве и до пахоты, стерню потом пропахивали и бороновали. Сеяли из шапки, полы халата, кожаного ведра, торбы. Позднее были заимствованы русские приемы сева из мешка. У киргизов местами сохранялись еще способы сева,

характерные только для кочевников. Сидя верхом на лошади, сеятель бросал семена через ее голову. Для боронования использовали связку ветвей и сучьев боярышника, арчи (*мала, шак мала*) или бревно с сучьями, нередко боронили буурсуном, положенным на бок, на который для тяжести становился человек. С течением времени начали пользоваться бороной с деревянными или железными зубьями, конструкция которой была заимствована у русских.

Единственным орудием уборки урожая служил серп двух видов: старинный *орок, кол орок*, крючкообразной формы, и гладкий, без зазубрин — *маңгел*, распространенный и в других районах Средней Азии. По воспоминаниям стариков, когда-то использовали для жатвы овечью челюсть или конское ребро. При небольшой площади посева иногда просто срывали колосья руками, срезали обыкновенным ножом или вырывали растения с корнем. Позднее получила некоторое распространение русская коса. Снопы (*боо*) или складывали на поле или перевозили к току (*кырман*) на волокуше (*чийне*), реже — на русской телеге или украинской бричке.

Обмолот урожая в более ранний период, когда площади посевов были очень небольшие, производили ударами простой палки по куче колосьев. Для этой цели применяли и деревянную ступу (*соку*), в которую набрасывали колосья. Однако наиболее распространена была молотьба (*темин басуу, пайкан*) путем прогона по разостланным снопам животных (лошадей, быков, ослов), которых привязывали к врытому посредине тока шесту (*момук, мамы*) с надетым на него кольцом из прутьев (*чамберек*). В южной Киргизии для молотьбы применялось заимствованное у узбеков и таджиков приспособление в виде прямоугольной деревянной рамы, переплетенной сучьями, хворостом, травой, или в виде связки хвороста (*увал*; тадж. «чапар»). От переселенцев — русских и украинцев был заимствован способ молотьбы при помощи молотильных каменных катков (*мала таш*).

Для веяния после первого обмолота применяли вилы (*беш илик*), а после вторичного обмолота — лопаты. На юге еще просеивали зерно через решето (*паран*). По окончании обмолота, когда очищенное зерно было ссыпано в кучу, устраивали обрядовое угощение (*чеч*). Для этого считалось желательным заколоть какое-либо мелкое животное. Под голову животного подстилали веник (*шыпырги*), а кровь стекала на лопату. Кровью животного обрызгивали зерно и шест. Это угощение посвящали покровителю земледелия (Баба Дыйкан). Данный обряд аналогичен таджикскому («чошбанди»).

Для помола зерна, наряду с водяными мельницами общего для Средней Азии типа, часто употребляли ручные каменные жернова (*жаргылчак*). Киргизы применяли в хозяйстве и такое универсальное орудие, как мотыга (*кетмен*) с овальной лопастью, насаженной перпендикулярно к рукоятке. Это орудие было повсеместно распространено в Средней Азии.

Таким образом, киргизское земледелие, сохраняя некоторые архаичные самобытные черты, было органически связано со всем среднеазиатским земледелием. Но на нем уже заметно сказывалось прогрессивное влияние общения с соседним русским и украинским населением, а также укрепление экономических связей с Россией.

Охота

Охота, бывшая в древности одним из основных занятий киргизов, еще в XIX в. являлась значительным подспорьем в их трудовых хозяйствах. В фольклоре сохранились воспоминания о том, что в отдельных случаях охотники снабжали мясом бедные аилы или небольшие общины. Доказательством большого значения охоты в прошлом служит киргизский народный календарь, в котором пять месяцев носят названия промысловых животных: оленя (*бугу*), горного козла (*теке*), архара (*кулжа*) и самца косули (*чын куран*, т. е. истинный куран, и *жалган куран*, т. е. ложный куран).

Охотники с ловчими птицами. Прииссыккулье

Охотились с ловчими птицами и с ружьями, ставили тарелочные капканы (железные) и силки. Значительное распространение до Октябрьской революции имели фитильные ружья с деревянными сошками, но уже появлялись шомпольные ружья и берданки. Объектами охоты были горные бараны, козлы, косули, медведи, волки, лисицы; в первой половине XIX в. была распространена охота на маралов, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились в Китае; их скупали у киргизов китайские купцы. Киргизы славились как искусные, исключительно меткие стрелки и неутомимые охотники.

В старину на горных баранов и козлов устраивались иногда коллективные облавы (*уу*), напоминающие такие же способы охоты у таджиков.

Охотники, как и пастухи, для ходьбы в горах пользовались особыми приспособлениями из конских копыт (*тай туяк*), которые пристегивались к подошвам сапог. У них были «ступающие», круглой или четырехугольной формы, лыжи (*жапкак*) и железные приспособления типа «кошек» (*темир чокой*) для ходьбы по скалам.

С давних времен у киргизов была распространена охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили орлы, соколы, ястребы. Промысловое значение имела главным образом охота с орлами-беркутами (*бүркүт*), с помощью которых добывали лисиц, иногда волков, косуль. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь была скорее любительской — спортивным занятием. Чаще всего она служила развлечением феодальной знати. Искусно проводилась охота с борзыми собаками. Киргизы издавна разводят особый, горный тип борзой собаки (*тайган*), которая хорошо идет на лисицу. Собаки использовались также во время облавы на зверей.

У киргизов существовал обряд посвящения в охотники. Применялись заговоры на дичь.

После Октябрьской революции охота не утратила значения подсобного промысла, но характер ее претерпел большие изменения. Охотники-промысловики объединены в особые звенья, входящие в состав колхозов.

За сдаваемую ими пушнину деньги поступают в колхоз, а охотникам начисляются трудодни. Объектами охоты служат преимущественно лисы, сурки и суслики, но и теперь охотятся на хищников — волков, медведей, барсов. Фитильные ружья почти повсеместно вышли из употребления — их заменили современные охотничьи ружья. Для охоты на хищников и сурков и теперь применяют капканы. Продолжает бытовать и охота с беркутами, особенно на лис. Охотой занимаются и колхозники, не состоящие в охотничьем звене. Это преимущественно животноводы. Они бьют главным образом хищников, представляющих опасность для отар и табунов. В Киргизии в широких размерах производится отлов диких животных и птиц для зоопарков страны. Киргизы-охотники активно участвуют в снаряжаемых для этой цели экспедициях и с большим мастерством ловят снежных барсов, рысей, горных козлов, горных баранов (архаров) и других зверей.

Охота с ловчими птицами и в настоящее время принадлежит к числу излюбленных спортивных развлечений киргизов.

Домашние промыслы и ремесла

Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из шерсти овец, которых мужчины стригли весной и осенью, женщины изготовляли пряжу при помощи ручного деревянного веретена (*ийик*) с пряслицем из дерева, свинца или камня. На примитивном ткацком стане (*өрмөк*) из этой пряжи изготовляли ткань для пошивки халатов, штанов, мешков, переметных сум, а также тесьму для обвязывания остова юрты. По своему устройству киргизский ткацкий стан в общих чертах совпадает с такими же станами у соседних, в прошлом кочевых, народов Средней Азии.

Овечья шерсть шла также на выделку тканых ворсовых ковров (у южных групп киргизов) и войлоков, которыми покрывали юрты. Из нее изготовляли войлочные ковры для подстилки, халаты, головные уборы, обувь, различные принадлежности к седлам. Верблюжью шерсть использовали для выделки тканей на пошив одежды, из шерсти коз и яков вили веревки (*аркан*). Из овечьих шкур шили тулупы, головные уборы, подстилки для юрты. Шкуры обрабатывали кислым молоком с солью, а затем очищали мездру. Из козьих шкур изготовляли мешки для хранения и перевозки жидкостей. Кожи крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов шли на выделку обуви и различных типов посуды. В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи и ложившихся почти целиком на плечи женщин, необходимо еще упомянуть изготовление циновок из стеблей степного растения чия, переплетаемых шерстяными и хлопчатобумажными нитками.

В бедняцких и середняцких хозяйствах в домашних промыслах были заняты члены собственной семьи; богатые хозяйства привлекали для домашних работ зависимых от них бедных сородичей.

Деревообделочные работы заключались главным образом в изготовлении остовов юрт, ленчиков для седел, колыбелей и частично посуды. Для изготовления точеной деревянной посуды деревообделочники (*жыгач уста*) применяли примитивный токарный станок (*кырма, дүкөн*). Некоторые мастера работали на заказ, на непосредственного потребителя, часто из его материала. Оплата за работу производилась преимущественно натурой. Ремесло у киргизов не было развито. Мастера продолжали заниматься скотоводством и земледелием.

Обработка металлов известна киргизам уже давно. Из добывавшегося на оз. Иссык-Куль шлихового железного песка, путем плавки его в примитивных горнах, получали железо. Кузнецы (*темир уста*) изготовляли подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные из них — оружие. Серебряных дел мастера (*күмүш уста, зергер*) делали из серебра жен-

ские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи и т. п., часто отличавшиеся большим художественным вкусом. Некоторые виды ремесла у киргизов передавались по наследству; были потомственные кузнецы, ювелиры, мастера по изготовлению жерновов.

В некоторых местах из цветного камня изготовляли пулелейки, светильники, пуговицы. Памирские киргизы добывали хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда. Южные киргизы жгли уголь и продавали его в городах Ферганы.

С соседними странами киргизы издавна вели оживленный меновой торг. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стеганными бумажными и полушелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, бумажными и шелковыми тканями, из которых особенно большим спросом пользовались бязи и бумажная армячина. Оттуда же привозили оружие. Из Кульджи купцы привозили чай, табак, рис, шелковые ткани. Проникали к киргизам также и товары российского производства. Торговля с Россией установилась задолго до принятия киргизами русского подданства. Из России привозили ткани, выделанную кожу (юфть), железные и чугунные изделия, украшения. Эти товары пользовались большим спросом у киргизского населения. В обмен на привозившиеся товары купцы получали от киргизов скот, шкуры, войлоки, кожи, шерсть, пушнину, волос. В качестве всеобщего эквивалента при обменных операциях служила овца. Более ценные из привозимых товаров (например, шелковые ткани, кожи, рис) приобретали только богатые скотоводы.

Несмотря на некоторое развитие торговли и обмена с соседними оседлыми народами, товарное производство в киргизском обществе в XIX в. находилось в зачаточном состоянии. Вследствие крайне незначительного числа городов и рынков хозяйство подавляющего большинства скотоводов и земледельцев в основном было натуральным. Исключение составляли населенные киргизами районы, тяготевшие к таким экономическим центрам, как Ош и Андижан, Кашгар и Яркенд. Здесь имели некоторое значение товарные отношения.

В конце XIX — начале XX в. экономическая жизнь в Киргизии стала оживляться. Все более расширялась торговля скотом и продуктами животноводства, товарно-денежные отношения проникали в аил и постепенно расшатывали устои натурального киргизского хозяйства. Меновая торговля все более заменялась денежной. Основное место заняла торговля с Россией.

После Октябрьской революции, в особенности в связи с коллективизацией сельского хозяйства, развитием местной промышленности и советской торговли, значение и удельный вес домашних промыслов и ремесел в хозяйственной жизни киргизского населения резко изменились. Некоторые из них, как, например, кузнечный промысел, обработка дерева, изготовление арканов полностью или частично перешли в область общественного хозяйства. Однако киргизские мастера, работающие в колхозных кузницах, где они заняты ремонтом и изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, выполняют и заказы колхозников на предметы домашнего обихода: таганы, щипцы для углей, шумовки. Отдельные мастера деревообделочники до сих пор занимаются изготовлением частей для остова юрты. Большинство же их работает ныне в качестве плотников и столяров в строительных бригадах колхозов или в колхозных мастерских. В свободное от основной работы время они изготовляют по просьбе колхозников различные виды мебели и домашней утвари: низкие шкафы для посуды, сундучки (*укөк*) для хранения хлеба, лари для зерна и муки, обычные или круглые низенькие столы, кадки (*челек*), ступы (*соку*), детские колыбели (*бешик*), музыкальные инструменты (трехструнный *комуз*), ленчики для седел.

Значительная часть старых киргизских домашних промыслов продолжает в той или иной мере сохраняться и теперь в личном хозяйстве колхозных семей, что объясняется многими особенностями местного хозяйства, климатическими условиями, национальными вкусами и потребностями. Сохраняются и традиционные технические приемы. Значительная часть домашних производств связана с обработкой шерсти. Из нее изготовляют войлоки для покрытия юрты, подстилки, потники, головные уборы, валенки и чулки. В некоторых семьях ткут шерстяные ткани для верхней одежды, переметных сум, паласов, мешков, попон. Такие работы, как катание войлоков, витье арканов, до сих пор выполняются с участием соседок, на коллективных началах. Домашним способом обрабатываются также овечьи шкуры, из которых затем шьют тулупы, шубы, шапки, штаны, коврики для подстилки. В семьях животноводов изготовляют некоторые виды кожаной посуды, удобной при частых переездах на пастбищах. Сохраняется и плетение циновок из стеблей чия[1].

Рыболовство, пчеловодство, шелководство

После присоединения к России в Киргизии получило некоторое развитие рыболовство. Для ловли рыбы в Иссык-Куле киргизы пользовались примитивной острогой (*дегее*), устраивали запруды на реках. В дальнейшем некоторые киргизы, нанимавшиеся к русским промышленникам, стали пользоваться их приемами, рыболовными снастями. Однако сколько-нибудь значительного развития в прошлом этот промысел не получил. Отдельные киргизские хозяйства на Иссык-Куле заимствовали у русских крестьян-переселенцев технику разведения пчел, но и пчеловодство в силу особенностей полукочевого киргизского хозяйства не играло в нем какой-либо заметной роли. Некоторая часть южных киргизов, наряду с земледелием, стала заниматься шелководством, причем выкормка червей стала обязанностью женщин.

В настоящее время рыболовство в Киргизии, особенно на оз. Иссык-Куль, имеет важное народнохозяйственное значение. Рыбы, населяющие водоемы и реки Киргизии, принадлежат к пятидесяти видам и подвидам. Наиболее распространены голый осман, сазан, маринка, чебак, чебачок-селедочка, голец, щука, сом, красноперка. Оз. Иссык-Куль становится ныне рыбоводной базой Средней Азии. Здесь уже акклиматизировались форель, карп, судак. Построен Тонский рыбоводный завод.

На Иссык-Куле организованы рыболовецкие артели.

Многие киргизские колхозы, особенно в Прииссыккулье и в северной части Ошской области, имеют свои пасеки, обслуживаемые пчеловодами-киргизами. Получаемый с пасек мед продается на колхозном рынке и членам колхоза, а также служит одним из видов натуральной оплаты трудодней.

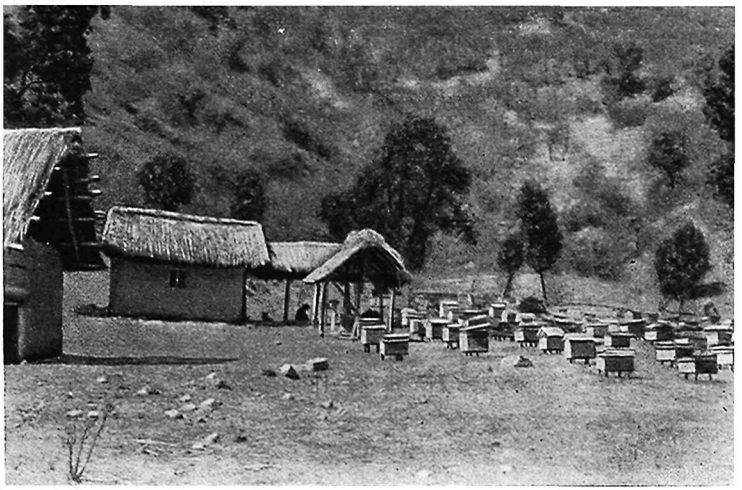
Шелководство развивается ныне как часть общественного хозяйства в колхозах Ошской области.

Современное сельское хозяйство

Социалистическое преобразование сельского хозяйства Киргизии — ранее одной из самых отсталых окраин России с кочевым и полукочевым хозяйством — имело выдающееся значение в жизни киргизского народа.

В первое десятилетие после установления Советской власти большую роль в укреплении экономического положения бедняцко-середняцких масс киргизского аила и в ограничении эксплуататорских тенденций байства и манапства сыграло развитие различных видов сельскохозяйственной кооперации. В Киргизии создавались кредитные товарищества, товарищества, имевшие снабженческо-сбытовые функции, возникали и первые ячейки производственной кооперации: коммуны, сельскохозяйственные артели, товарищества по совместной обработке земли.

[1] О художественных промыслах см. в разделе «Изобразительное искусство».



Пасека колхоза «Кайрма». Северная часть Ошской области

Одним из важных мероприятий по реконструкции сельского хозяйства Киргизии была организация совхозов. В конце 1924 г. в Чуйской долине был основан первый совхоз — «Аламедин» (ныне им. Стрельниковой), имевший мясо-молочное направление, на Тянь-Шане был создан овцеводческий совхоз «Кочкорка» и на юге Киргизии — овцеводческий совхоз «Катта Талдык». С организацией первых совхозов в Киргизии возник новый тип оседлого социалистического животноводческого хозяйства.

Важное значение для хозяйственного подъема трудового населения в аилах и кыштаках и для борьбы с байством и манапством, оказывавшими упорное сопротивление мероприятиям Советской власти, имело проведение на юге Киргизии в 1927—1928 гг. земельно-водной реформы. В результате реформы в экономике были ликвидированы остатки феодализма. 17,5 тыс. безземельных и малоземельных хозяйств было наделено землей. Часть батраков, бедняков и издольщиков, получивших землю, рабочий скот и инвентарь, объединилась в колхозы.

В борьбе с байско-манапскими элементами видное место занимала деятельность батрацко-бедняцкой организации — союза «Кошчи». Большую работу по хозяйственно-культурному обслуживанию животноводов и освобождению их из-под влияния классово чуждых элементов провели созданные с 1927 г. на крупнейших пастбищах джайлоуные Советы. Первый такой Совет был образован в долине р. Сусамыра.

Выселение из пределов Киргизии крупнейших баев и манапов, мероприятия по укреплению Советской власти в киргизском аиле, развитие различных форм кооперации создали предпосылки для массовой коллективизации, которая развернулась в Киргизии в 1929—1930 гг. В Киргизии в процессе коллективизации была решена и другая историческая задача — переход бывших кочевников-киргизов на оседлость.

В результате сельское хозяйство Киргизии из отсталого, насчитывавшего около 100 тыс. мелких разрозненных скотоводческих хозяйств, ведших кочевой и полукочевой образ жизни (они составляли до двух третей всех киргизских хозяйств), превратилось в передовое социалистическое сельскохозяйственное производство, оснащенное новой техникой.

В 1961 г. в Киргизии насчитывалось 304 крупных сельскохозяйственных артели, 67 многоотраслевых и специализированных совхозов (из них 40 овцеводческих и мясо-молочных), десятки ремонтно-технических и машинно-животноводческих станций.

За годы социалистического строительства в сельском хозяйстве республики осуществлена подлинная техническая революция, в результате которой оно переведено на рельсы крупного машинного производства. В сельскохозяйственном производстве используется более 12 тыс. тракторов, свыше 3 тыс. зерновых комбайнов, свеклокомбайнов, хлопкоуборочных машин, около 8 тыс. грузовых автомобилей. Уже к началу 1959 г. почти все колхозы приобрели большое количество техники, в том числе около 6 тыс. тракторов, на общую сумму 232 млн. руб.

Ведущей отраслью сельского хозяйства является животноводство. Еще в 1926 г. байские и манапские хозяйства, составлявшие около 9,8% всех хозяйств в Киргизии, сосредоточивали в своих руках до 22% крупного рогатого скота, до 40% поголовья лошадей и 67% овец. Ныне бо́льшая часть скота является общественным достоянием. Общественному сектору в 1961 г. принадлежало свыше 80% поголовья крупного рогатого скота, 94% овец, свыше 93% поголовья лошадей, 90% свиней.

Переход от примитивного единоличного скотоводческого хозяйства к колхозам и совхозам позволил резко увеличить поголовье скота. Поголовье овец и коз, составлявшее в 1916 г. 2,5 млн., увеличилось до 6,3 млн. в 1960 г., крупного рогатого скота — с 519 до 739 тыс. голов. В настоящее время овцы составляют около 80% общего поголовья скота.

Особенностью животноводческого хозяйства республики является сохранение и широкое использование выработанных веками у киргизов опыта и навыков ведения животноводства, связанных с круглогодичным выпасом на отгонных пастбищах многочисленных отар овец и конских табунов. Применение отгонно-пастбищной системы дает возможность эффективно использовать необозримые, богатейшие пастбища, занимающие более половины всей территории Киргизии и представляющие собой важнейшую базу естественных кормовых ресурсов социалистического животноводства. Из них наибольшей известностью пользуются пастбища, расположенные в долинах рек Сусамыра, Ак-Сая, Арпы, Кара-Куджура, Чаткала, в Алайской долине, вокруг оз. Сон-Куль. Особое место среди них занимают прииссыккульские сырты.

Внешние формы ведения животноводческого хозяйства и производственный быт самих киргизских животноводов на отгонных пастбищах во многом сходны со старым бытом скотоводов-кочевников. Подъезжая к спрятавшемуся где-нибудь в лощине аилу табунщиков или чабанов, видишь большое сходство с прежним стойбищем кочевника. Те же юрты, те же привязи для молодняка, деревянные корыта для соли, привязанная к колу верховая лошадь, помост для сушки сыра, лежащее на земле вьючное седло для быка... Но стоит ближе присмотреться к жизни этого аила, как станет ясно, что перед тобой и люди совсем не те, что были, и отношения между ними построены на новой основе, и организация труда, и его характер, его целенаправленность претерпели глубокие изменения.

Само животноводческое хозяйство стало принципиально иным, непохожим на прежнее. Если раньше кочевание скотоводов имело бытовой характер: все они вместе со скотом и домашним скарбом отправлялись на восемь-девять месяцев на пастбища, то теперь выпас скота подчинен исключительно производственным целям общественного хозяйства: со скотом на отгонные пастбища отправляется только часть населения — колхозники и работники совхозов, непосредственно связанные с обслуживанием и выпасом скота. Отгонное животноводство сочетается со стойловым и полустойловым содержанием части скота и с самыми последними достижениями сельскохозяйственной науки и передового опыта.

Ветеринарное обслуживание колхозных отар на высокогорном пастбище. Тянь-Шаньская область

Продолжая применять традиционные приемы выпаса и содержания скота, киргизские животноводы заблаговременно готовятся к наиболее ответственной поре — перегону животных на высокогорные летние пастбища. Предварительно вместе со специалистами разрабатываются маршрут и график движения отар, гуртов и табунов, очередность при переходе через перевалы скота, принадлежащего отдельным колхозам и совхозам. Чабаны, скотники и табунщики проходят производственное обучение на специальных курсах и семинарах. Составляется план стравливания пастбищных участков, а для нагульного скота — график сдачи животных на заготовительные базы. Зоотехники и ветеринарные работники тщательно проверяют состояние скота.

Начало перегона скота рассматривается как ответственное хозяйственное мероприятие и в то же время как большой праздник. Иногда перегону скота действительно предшествует устраиваемый колхозом праздник животноводов. После официальной части организуются национальные игры и состязания (борьба на конях, конские скачки), а в заключение — угощение.

Перегон начинается обычно в конце мая или начале июня, местами — несколько позднее. Перед этим весь скот сосредоточивается поблизости от одного из первых перевалов. Сюда выезжают работники бухгалтерии для пересчета поголовья скота. Накануне дня перегона нередко устраиваются проводы с традиционным угощением. Уезжающим дают наказы, желают успеха, провозглашают тосты за удачный перегон.

Впереди идут лошади, за ними отары овец и остальной скот, последними движутся навьюченные юртами и домашними вещами животноводов быки и верблюды. Колхозы и совхозы принимают меры к тому, чтобы бригады чабанов были обеспечены транспортом для частых передвижений, а каждый чабан — верховой лошадью. Многие хозяйства снабжают животноводов хорошими юртами и палатками (иногда и домиками), теплой одеждой, своевременно завозят им продукты питания.

Беседа зоотехника с табунщиками на летнем пастбище. Кеминский район

На пути к пастбищам, после каждого небольшого перехода, останавливаются для отдыха. Обычно перегон занимает несколько дней.

Во время пребывания на летних, а тем более на зимних пастбищах ведется напряженная и сложная работа. Чабанам приходится преодолевать большие трудности и работать нередко с исключительной самоотверженностью. Десятки тысяч животноводов круглый год трудятся на пастбищах, вдали от родных селений. Аилы чабанов и табунщиков обычно расположены неподалеку один от другого. Иногда животноводы навещают друг друга, между ними строго соблюдается закон взаимопомощи. Они радушно встречают приезжающих в аилы зоотехников и ветработников, библиотекарей, агитаторов. Иногда животноводы той или иной округи объединяются для поочередных групповых угощений (*шерне*).

Животноводы выезжают на пастбища обычно с семьями и часто целыми семьями там и работают. Но иногда они живут вдали от семьи. Большинство их имеет в поселках дома с приусадебными участками, в которых живут (преимущественно зимой) члены их семей или близкие родственники. В дальнейшем намечается во всех хозяйственно-культурных центрах, на межколхозных и межрайонных пастбищах создать школы-интернаты и круглосуточные детские сады с тем, чтобы животноводы не возили своих детей с места на место, а могли оставлять их под надлежащим присмотром.

Летом семьи животноводов занимаются заготовкой молочных продуктов на зиму, осенью — некоторыми видами домашних работ, связанных с обработкой животноводческого сырья, шитьем одежды. В сентябре происходит стрижка части овец, отбивка ягнят весеннего приплода, формирование отар. Часть животноводов начинает осенью передвигаться вниз, к зимним стоянкам, остальные готовятся к выпасу скота на зимних пастбищах. На период расплода и весенней стрижки овец в феврале-марте

скот перегоняют с зимних пастбищ в предгорья и долины. Снова приходят в движение огромные массы скота, для животноводов наступают тревожные дни и ночи. В пунктах перегона, около перевалов заготовляют корма для скота, для животноводов открываются походные столовые, организуется развозная торговля.

Молочнотоварные фермы выпасают скот обычно на более близких пастбищах. Здесь размещаются сепараторные пункты, а местами и сыроваренные заводы.

Хотя животноводческое хозяйство в целом качественно преобразилось, в условиях содержания скота еще осталось многое от старого кочевого животноводства. Дальнейшее развитие животноводства потребует коренного изменения устарелых способов и методов ведения хозяйства, основанных на круглогодичном выпасе без подкормки.

Освоение обширных пастбищ, используемых для выпаса скота, превратилось в большую государственную задачу. Она имеет особенно большое значение потому, что в больших масштабах применяется не только весенне-летний, но и зимний выпас скота, а это требует огромной подготовительной работы. Проведение зимовки скота — самый ответственный этап в животноводческом хозяйстве, к ней бывает приковано внимание всех партийных и советских организаций, не говоря уже о самих колхозах и совхозах. На пастбищах создаются страховые запасы кормов. С этой целью туда перебрасываются фураж и прессованное сено. Это вызвало необходимость сооружения автомобильных дорог, связывающих колхозные поселки со всеми основными пастбищами. Однако в некоторых случаях условия рельефа не позволяют проложить дороги. И тогда на помощь животноводам приходит авиация.

Однако обеспечить страховыми запасами кормов многие сотни тысяч голов скота, круглый год содержащегося на подножном корму в зоне высокогорных субальпийских и альпийских лугов, только путем переброски кормов из долин не представляется возможным. Для решения этой задачи предприняты попытки организации на самих пастбищах травосеяния и возделывания фуражных культур. На одном из крупнейших в Средней Азии высокогорном пастбище Сусамыр и в Кенес-Анархае работают МТС и большие площади засеваются зернофуражными культурами. Уже начато создание искусственных сенокосов, производятся посевы кормовых трав на тысячах гектаров. Это требует в свою очередь прокладки оросительной сети. Одновременно практикуются улучшение сенокосов и полив луговых трав. Благодаря этому появилась возможность на самих пастбищах создавать необходимые запасы кормов, применяя для их заготовки конные и тракторные сенокосилки.

Из-за недостатка водопоев некоторые пастбища не могли быть эффективно использованы. Теперь в широких масштабах проводится обводнение пастбищ. Только за 1959—1960 гг. было обводнено 413 тыс. га пастбищ. Около буровых скважин оборудуются железобетонные резервуары и водопойные площадки. Это позволило оживить безводные пастбища. Особенно крупные работы по обводнению проводятся на пастбище Кенес-Анархай. Это пастбище, находящееся на территории братской Казахской ССР, *решением правительства последней предоставлено* Киргизии для выпаса скота, принадлежащего колхозам и совхозам Чуйской долины. На пастбищах Кенес-Анархай и Прибалхашской низменности, занимающих 528 тыс. га, зимует до 300 тыс. овец. Построенные на безводных пастбищах республики 36 буровых и 84 шахтных колодца обеспечивают водопой скота. Для орошения и обводнения 15 тыс. га в степях Кенес-Анархая сооружается Джилгындинское водохранилище.

Большое значение в развитии отгонного животноводства имеет создание в 11 основных, наиболее крупных урочищах (Ак-Сай, Орто-Сырт, Кара-Куджур, прииссыккульские сырты) хозяйственно-культурных

Агитатор читает чабанам газету. Урочище Кен-Кол, Таласская долина

центров. Здесь открыты медицинские пункты или больницы, зооветеринарные участки, магазины, красные уголки и библиотеки, школы с интернатами, русские бани (с раздевалками, парными), стационарные киноустановки, построены радиостанции, удобные жилые дома. Повсеместно на отгонных участках развернулось строительство домиков для чабанов и табунщиков, зимующих со скотом на пастбищах, в том числе и на высокогорных пустынных сыртах. О том, какое значение придают этому сами чабаны, свидетельствуют слова Героя Социалистического Труда Тёлёсуна Исмаилова: «...В нынешних условиях семья чабана не может довольствоваться юртой или палаткой на горных пастбищах, надо строить для них домики на две комнаты. В этом случае можно лучше организовать быт людей...». Хозяйственно-культурные центры посещают агиткультбригады, здесь демонстрируются кинофильмы. На отдаленные урочища выезжают передвижные библиотеки, туда доставляются газеты и журналы, направляются магазины-караваны, снабжающие животноводов теплой одеждой, тканями, бельем, кондитерскими изделиями, мукой. Сюда же завозится кормовая соль. Наряду с автолавками и гужевыми «развозками», в Тянь-Шаньской области действуют «магазины», пользующиеся вьючным транспортом.

Специализация животноводства в зависимости от природных и экономических условий резко изменила соотношение его отдельных отраслей. Если в дореволюционное время значительный удельный вес в стаде еще имели лошади, то теперь преобладающая часть общественного животноводства представлена продуктивными животными. Ведущей отраслью животноводства стало овцеводство, второе по значению место занял крупный рогатый скот.

Радикальным образом изменился породный состав скота. Благодаря многолетним усилиям и упорному труду специалистов сельского хозяйства, ученых и практиков-животноводов в Киргизии выведены и получили широкое распространение новые, улучшенные высокопродуктивные породы скота. К ним прежде всего относится порода овец, получившая название «киргизская тонкорунная». Она хорошо приспособлена к условиям горнопастбищного содержания, дает тонкое руно и много мяса. Выве-

Отара племенного овцеводческого совхоза «Джуан-Тюбе» у кошары. Таласская долина

дение этой породы началось еще в 1928 г. В нем участвовали киргизы-овцеводы Т. Досбергенов, А. Осмонов, З. Тынаева. Если грубошерстная киргизская овца давала 1,5—1,8 кг шерсти, то киргизская тонкорунная дает по 4—5 кг и более.

Выведены также новая высокопродуктивная алатауская порода крупного рогатого скота и новокиргизская порода лошадей верхово-упряжного типа. В совхозах республики почти все поголовье крупного рогатого скота, а в колхозах более 70%, состоит из животных алатауской породы и ее помесей. Более двух третей табунов в колхозах составляют лошади новокиргизской и других улучшенных пород (донской, чистокровной верховой, орловской рысистой), разводимых в Киргизии.

Для качественного преобразования местных пород скота создана разветвленная сеть государственных племенных хозяйств. В Киргизии работают 15 племенных заводов и 115 племенных хозяйств-репродукторов по разведению и размножению основных пород скота, 33 станции по искусственному осеменению животных.

Породное преобразование овцеводства привело к большим положительным результатам. Теперь в совхозах разводят только овец тонкорунной породы, и в колхозах основная часть поголовья представлена овцами тонкорунной и улучшенной пород. Из закупаемой государством в Киргизии шерсти свыше 85% составляет тонкая и полутонкая шерсть. В 1960 г. Киргизия по производству шерсти занимала шестое место в СССР среди других союзных республик. Решается задача в ближайшие годы перевести все маточное поголовье овец и молодняк на пастбищно-стойловое или полустойловое содержание в зимний период с подкормкой животных.

Овец теперь стригут не вручную, примитивными ножницами (*жуушак*), а с помощью электростригальных агрегатов. Получили широкое распространение укрупненные стригальные пункты, благодаря которым повысилась производительность труда и улучшилось качество шерсти. Такие межколхозные стригальные пункты, а также ванны для профилактического купания овец начинают строить и на высокогорных пастбищах, чтобы избежать необходимости перегонять животных в долины.

В овцеводстве стали широко применяться прогрессивные методы ведения хозяйства. Их инициаторами были передовые чабаны совхоза «Оргочор», преобразованного ныне в Иссык-Кульскую опытную станцию по овцеводству. В этом совхозе впервые был применен зимний окот овец, благодаря которому от сотни овцематок удалось получить и сохранить до 120—130 ягнят и более. Заслуга применения этого метода принадлежит Герою Социалистического Труда Ишемби Илиппаеву, знатному чабану Зууре Тынаевой и др. По инициативе чабана той же станции Таппырма Садывакунова началось движение за переход к уплотненному окоту овец, метод которого разработал знатный чабан страны И. Н. Малашенко. Почин Т. Садывакунова подхватили более 300 бригад, которые обязались от закрепленных за ними 145 тыс. овец получить 513 тыс. ягнят. Проводя три окота за два года, чабаны добиваются получения от 100 маток 370—400 ягнят и более. Лучших результатов в 1960—1961 гг. достигла бригада старшего чабана совхоза «Улахол» (Прииссыккулье) Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Тёлёсуна Исмаилова. Она провела за два года три окота и сохранила по 426 ягнят от каждых 100 маток, настриг шерсти составил в 1961 г. в среднем 5,5 кг с каждой овцы. Такие же показатели у известного чабана из совхоза «Джуан-Тюбе» Тюлюбека Досбергенова.

Применяемые методы выпаса овец все более совершенствуются. Организуется своевременное искусственное осеменение овец, перед отправлением на пастбища проводится профилактическая обработка животных. Маточное поголовье до конца ягнения подкармливают концентратами. В осенне-зимний период овцематкам дается кукурузный силос. Повсюду введен сакманный метод содержания овцематок и молодняка: маток с ягнятами одинакового возраста объединяют в группы (сакманы). В передовых хозяйствах помещения, где содержатся ягнята, хорошо вентилируются, в них часто меняют подстилку и белят стены.

Перед зимним выпасом заблаговременно выбирают участки для пастьбы овец, намечают места стоянок — так называемые «чабанские точки». Лучшие чабаны не держат отару более пяти-шести дней на одном месте. Они применяют загонную систему пастьбы, во время дают животным минеральную подкормку, регулярно поят. Благодаря правильному перегону овец и умелой пастьбе многие опытные чабаны, среди которых уже немало женщин, добиваются нажировки овец, хорошего приплода и повышенного выхода шерсти. В 1960 г. впервые 27 чабанам за достижение высоких показателей и применение новых прогрессивных приемов ведения овцеводства присвоено почетное звание «Лучший чабан Киргизской ССР». В их числе Зуура Тынаева и Бюбюкан Тыныбекова.

В результате замены малоудойного крупного рогатого скота высокопродуктивными породами резко улучшилось производство молока в республике (в 1960 г.— почти в 2 раза по сравнению с 1953 г.). Этому способствует также осуществляемая на многих фермах комплексная механизация и автоматизация. Разработанный Киргизским институтом животноводства и ветеринарии совместно с практиками метод беспривязного сменно-поточного содержания скота позволяет содержать в коровнике, имеющем 100 кормушек, 300 голов скота. Кормораздаточный конвейер вместе с автопоилками и электродоильными агрегатами заменяет труд десятков людей. Этот метод, примененный первоначально в колхозе им. Мичурина Чуйского района, начали вводить у себя десятки колхозов.

Одним из основных резервов увеличения производства мяса является организация в широких размерах откорма и нагула скота. Большой опыт в этом направлении накопили животноводы Тянь-Шаня. В 1961г. 288 тыс. животных, выделенных в нагульные отары, гурты и табуны, были отогнаны на самые отдаленные летние пастбища. В ряде районов возрождается яководство. Яководческие фермы созданы во всех колхозах Ат-Ба-

Колхозный табун на высокогорном пастбище. Прииссыккулье

ицинского района на Тянь-Шане и в некоторых колхозах Прииссыккулья. Они дают самое дешевое мясо.

Развиваются новые для киргизского хозяйства отрасли животноводства: свиноводство, птицеводство, кролиководство.

Важнейшими условиями качественного улучшения животноводства и повышения его продуктивности являются создание устойчивой кормовой базы и строительство животноводческих помещений. Кормовая база создается путем широкого использования естественных сенокосов, развития посевов многолетних трав — люцерны, эспарцета, кормовых корнеплодов, зернофуражных и кормовых бахчевых культур, а главное — кукурузы. На заготовке кормов (сенокошение и сеноуборка, возделывание и уборка кукурузы) все в более широких размерах применяется комплексная механизация. Благодаря резкому увеличению производства кукурузы, росту урожайности зеленой массы в 1960 г. в республике было заложено в среднем по 12 т силоса на корову. В ближайшие годы площадь под кукурузой увеличится со 140 (1961 г.) до 250 тыс. га.

Массовый характер приняло в колхозах строительство животноводческих помещений, в том числе и на отгонных пастбищах. Активное участие в этом строительстве принимает по инициативе комсомольцев молодежь, как сельская, так и городская.

Большая сеть ветеринарных учреждений, зоотехническое обслуживание, организация выставок, распространение передового опыта способствуют все большему подъему животноводства.

В области полеводства в Киргизии также произошли коренные изменения. Современное крупное механизированное полеводство уже ничем не напоминает дореволюционного земледелия у киргизов, основанного на крайне отсталой технике. По существу в своем современном виде

Яки. Восточный Памир (Горно-Бадахшанская автономная область)

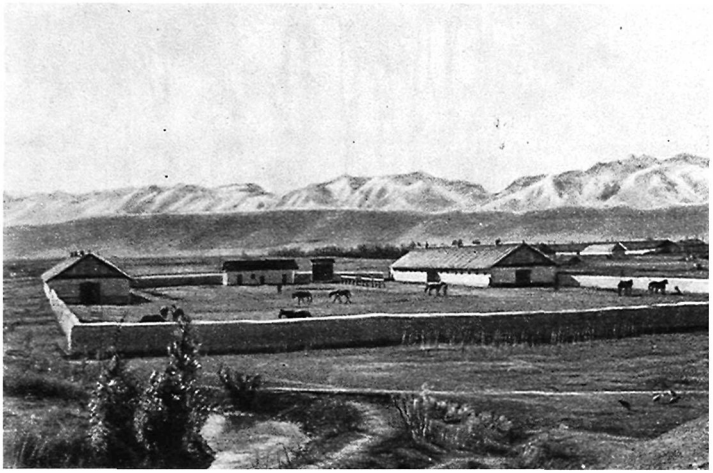
полеводство сложилось как новая отрасль хозяйства. Старые производственные традиции и навыки, в отличие от животноводства, сохранились здесь в очень ограниченных размерах, в частности в ирригации и отдельных видах работ, проводимых в горных условиях, где не всегда возможно применить сельскохозяйственные машины.

Важное значение для развития социалистического земледелия в Киргизии имеют обширные межгорные долины (Чуйская, Таласская, Кочкорская, Джумгальская) и котловины (Ферганская, Иссык-Кульская, Кетмен-Тюбинская). Расположенные в них районы отличаются высокоразвитой земледельческой культурой.

Посевные площади в республике (свыше 1200 тыс. га) по сравнению с 1913 г. увеличились почти вдвое, а под техническими культурами, в частности под хлопчатником,— в 4,5 раза. Базой развития хлопководства (свыше 70 тыс. га) являются районы южной Киргизии, расположенные в Ферганской котловине и соседних предгорных и некоторых горных долинах. Возделыванием хлопка здесь занимаются 70 колхозов и совхозов. В Чуйской долине заняли прочное место не возделывавшиеся ранее сахарная свекла, лубяные (кенаф, конопля) и эфиромасличные культуры (мускатный шалфей, ажгон, базилик). В Прииссыккулье, частично на Тянь-Шане и в Таласе выращивается лекарственный мак. В Таласской долине и некоторых районах южной Киргизии (в особенности в Наукатском) успешно развивается табаководство (более 6 тыс. га).

Зерновые (пшеница, кукуруза, ячмень, просо) и бобовые культуры, занимающие свыше половины всей посевной площади, возделываются в большинстве районов республики. Однако основным производителем зерна является северная Киргизия.

Решающую роль в развитии сельского хозяйства Киргизии играет ирригация. На орошаемых землях выращивается более 65% всех сельскохозяйственных культур. Широко развернувшееся ирригационное строительство потребовало крупных затрат со стороны государства. По сравнению с дореволюционным периодом площадь орошаемых земель выросла более чем вдвое. Длина всех оросительных каналов составляет 25 тыс. км.

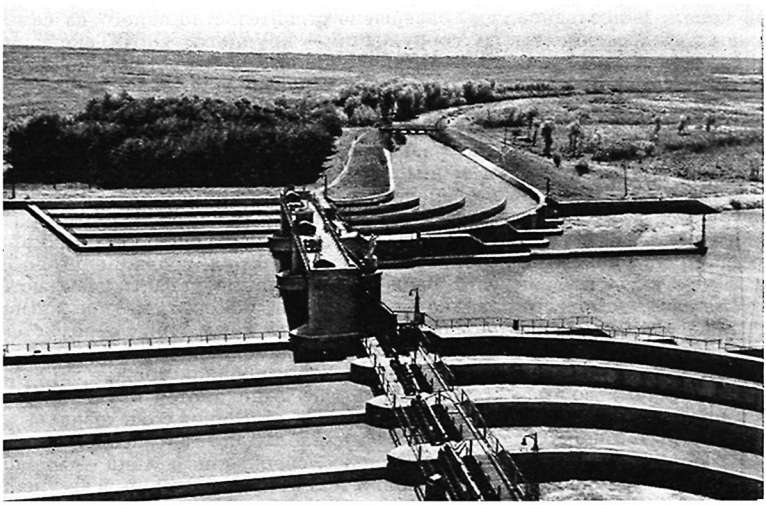


Помещения коневодческой фермы колхоза «Кенеш». Чуйская долина

На них построено и действует 12 тыс. гидротехнических сооружений инженерного типа, проведен ряд крупных оросительных каналов — среди них созданный в годы войны методами народной стройки Большой Чуйский канал. В последние годы завершено строительство одного из самых сложных гидротехнических сооружений — крупного Орто-Токойского водохранилища в глубине Тянь-Шаня и Западной магистральной ветки Большого Чуйского канала. Ввод их в эксплуатацию позволит оросить до 100 тыс. га земель Чуйской долины. Сооружаются крупные водохранилища на юге республики (Базар-Курганское, Найманское, Папанское), которые дадут возможность развивать хлопководство и производство кормов. К концу семилетки темпы ирригационного строительства возрастут в 3,5 раза. Несмотря на реконструкцию старых и сооружение новых ирригационных систем, при осуществлении которых внедрены инженерные устройства (плотины, водораспределители), в процессе эксплуатации ирригационной сети пока еще используются ручной труд, традиционные приемы и навыки. Отведенные от реки магистральные каналы называются *өстөн*, каналы второго порядка — *ок арык* и, наконец, мелкие арыки, подающие воду непосредственно на поля,— *кол арык*. При новой системе орошения создается временная мелкая ирригационная сеть. По мере надобности ее прокладывают, а перед вспашкой и уборкой урожая заравнивают. Эта работа во многих хозяйствах еще выполняется вручную. Для работ по орошению в колхозных бригадах и отделениях совхозов выделяют опытных поливальщиков (*сугатчы*); наблюдают за распределением воды, особенно на магистральных каналах, специальные лица — мирабы (*мурап*). В последние годы при орошении технических культур, в частности лекарственного мака, стал широко применяться более экономичный бороздковый полив. Ведутся работы по механизации поливов, оборудуются трубопроводы для воды, дождевальные установки.

Благодаря оснащению сельскохозяйственного производства новейшей техникой все основные процессы, связанные с возделыванием зерновых культур (пахота, сев, уборка урожая), почти полностью механизированы. Широко механизируется возделывание сахарной свеклы, которым

Головной регулятор распределителя Ат-Башинской оросительной системы. Чуйская долина



Чумышская железобетонная плотина на р. Чу

Продольная и поперечная обработка хлопчатника на колхозных полях. Ошская область

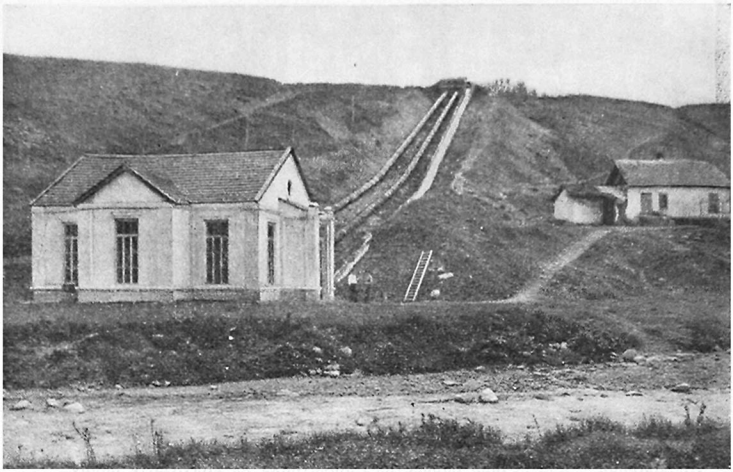
заняты 88 колхозов и совхозов, все больший процент площади под сахарной свеклой (свыше 34 тыс. га) обрабатывается в двух направлениях.

Использование усовершенствованных машин, широкое внедрение агротехнических мероприятий и достижения передовых колхозников привели к тому, что Киргизия уже в 1936 г. завоевала и долго удерживала первенство по урожайности свеклы в Советском Союзе, получая ежегодно устойчивый урожай в среднем выше 300 ц с 1 га. В 1940 г. по урожайности сахарной свеклы Киргизия обогнала Америку. После многолетнего перерыва свекловоды Киргизии вновь начали возрождать свою славу. В 1956 г. они достигли урожайности 374 ц с 1 га, а в 1959 г.— 381 ц с 1 га. В 1960 г. Киргизия производила свеклы в 2,4 раза больше, чем в 1953 г.

Хлопчатник — основная техническая культура Киргизии. В последние годы сделаны крупные шаги в области механизации хлопководства. Большие площади засеваются квадратно-гнездовым способом, свыше 80% посевов обрабатываются в двух направлениях. Внедряется комплексная механизация возделывания хлопчатника. Бригады комплексной механизации обрабатывали в 1961 г. 43% всех посевов хлопчатника без применения кетменя. Начинает широко применяться машинная уборка хлопка-сырца. В 1961 г. хлопкоробы республики получили в среднем по 20,4 ц хлопка с 1 га, а отдельные колхозы добились значительно бóльшей урожайности.

В сельскохозяйственном производстве во все бóльших размерах применяется электрическая энергия, вырабатываемая, в частности, колхозными и межколхозными электростанциями.

Среди многочисленной армии мастеров земледелия, овладевших управлением сложными машинами, теперь уже имеются тысячи киргизов. В овладении современной техникой большую помощь киргизам оказали русские механизаторы и специалисты сельского хозяйства. В 1960 г. 63 киргизские и узбекские девушки Ошской области, следуя примеру Турсуной Ахуновой, управляли хлопкоуборочными машинами.



Колхозная гидроэлектростанция. Чуйская долина

Все более расширяется в Киргизии производство овощей и картофеля, причем эти культуры продвинулись уже далеко в горные районы Тянь-Шаня.

Благоприятные природные условия Киргизии открывают богатые перспективы для развития садоводства и виноградарства. Здесь выращиваются такие сорта яблок, как апорт, славянка, пармен зимний золотой, грушовка алма-атинская. Среди хозяйств, получающих высокие урожаи яблок, пользуется известностью Чуйский плодоовощный совхоз, который собирает по 120 ц апорта с 1 га. Большое внимание садоводству уделяется в Прииссыккулье. Уже не мало садоводов-киргизов, бывших кочевников, с любовью ухаживает за колхозными садами. Виноград возделывался в Киргизии, в частности в Чуйской долине, и раньше. Теперь он переживает свое «второе рождение». Чуйская долина оказалась особенно благоприятной для выращивания сортов винограда, идущих на изготовление шампанских вин. На этой базе здесь создан комбинат шампанских вин. Сады и виноградники также постепенно продвигаются в высокогорные районы.

Огромный перелом в развитии сельского хозяйства Киргизии был достигнут после исторических решений, принятых Сентябрьским пленумом ЦК КПСС (1953 г.) и последующими пленумами ЦК. XX съезд КПСС вдохновил тружеников сельского хозяйства Киргизии на новые успехи в труде. Знаменательным событием для трудящихся республики явилось награждение ее в январе 1957 г. высшей правительственной наградой, орденом Ленина, за увеличение производства хлопка, сахарной свеклы, продуктов животноводства и за успешное выполнение в 1956 г. государственного плана заготовок сельскохозяйственных продуктов. Около 3 тыс. трудящихся были награждены орденами и медалями СССР, 45 передовикам были присвоены почетные звания Героев Социалистического Труда. Дважды Героями Социалистического Труда стали знатный свекловод Суракан Кайназарова и председатель колхоза «Кызыл-Шарк» Кара-Суйского района Ошской области Хайтахун Таширов.

Исторический XXI съезд КПСС открыл новые перспективы дальнейшего расцвета сельского хозяйства Киргизии в 1959—1965 гг. В соответ-

Сад колхоза «Кызыл-Шарк». Ошская область

Сушка табака. Наукатский район, Ошская область

ствии с семилетним планом Киргизия специализируется на производстве хлопка, сахарной свеклы, мяса, развитии тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. Труженики сельского хозяйства республики взяли на себя обязательства в более короткие сроки выполнить задания, которые возложены на них семилетним планом. Они решили довести к концу семилетки производство мяса до 200 тыс. т, молока — до 940 тыс. т, шерсти — до 30,5 тыс. т.

В этой связи имеют большое значение такие прогрессивные меры, как введение гарантированной денежной оплаты труда в колхозах, развитие межколхозных производственных связей, увеличение неделимых фондов в колхозах. В Киргизии уже существуют 43 межколхозные строительные организации, объединившие более 70% колхозов, создаются межколхозные укрупненные стригальные пункты, электростанции, пункты для откорма крупного рогатого скота, крупные механизированные свиноводческие фермы, консервные заводы, пекарни, совместными силами строятся школы-интернаты. Объем неделимых фондов в колхозах увеличился с 1940 г. более чем в 8 раз и достиг 2596,6 млн. руб. в 1960 г. Размер отчислений в неделимые фонды от доходов колхозов продолжает увеличиваться. Росту общественного хозяйства колхозов способствуют также внесенные всеми колхозами в свои уставы изменения, предусматривающие уменьшение нормы скота, находящегося в личной собственности колхозников, и уменьшение размеров приусадебных участков.

Важное значение для подъема сельского хозяйства имеет распространение передового опыта и разработка научно-обоснованной системы земледелия. В Киргизии созданы 36 районных и межрайонных опытно-показательных хозяйств и две областные опытные станции. В районах работает 30 агрохимических лабораторий.

Все более важную роль в развитии сельского хозяйства республики играют совхозы. Помимо совхозов с животноводческим направлением, в республике имеются свекловичные, хлопковые, лубяные, табачные, садоводческие, виноградарские и овощные совхозы. За последнее время, по решению общих собраний колхозников, ряд колхозов в различных районах Киргизии преобразован в совхозы.

Прямым результатом успешного развития сельского хозяйства является непрерывное повышение материального уровня жизни колхозного крестьянства.

Промышленность

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец многовековой экономической отсталости Киргизии. До революции здесь промышленность по существу отсутствовала. Она была представлена преимущественно мелкими кустарными предприятиями по первичной обработке сельскохозяйственного сырья — несколькими кожевенными и маслобойными заводами, мельницами, небольшими хлопкоочистительными заводами, шерстомойками. Некоторое развитие получила лишь горнорудная промышленность на территории южной Киргизии (угольные копи Сулюкта и Кызыл-Кия, добыча нефти, соли). Но и это были предприятия с небольшим числом рабочих. Всего в промышленных заведениях Киргизии было занято менее 1,5 тыс. рабочих, среди которых киргизы составляли незначительный процент.

Киргизы не успели пройти стадии капиталистического развития и поэтому почти не имели промышленного пролетариата. Киргизская беднота и многочисленный сельскохозяйственный пролетариат с начала XX в. постепенно выделяли из своей среды первые десятки и сотни киргизов-рабочих, труд которых применялся в мелкой, полукустарной капиталистической промышленности. Но это были преимущественно сезонные рабочие. Условия труда и быта этих рабочих были исключительно тяжелыми. Владельцы предприятий применяли хищнические методы добычи и обра-

Угольная шахта № 6. Город Кызыл-Кия

ботки сырья, отсталую технику. Машин и механизмов почти не было, господствовал ручной труд. Киргизские рабочие, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, получали нищенскую заработную плату. Работать им приходилось до 14—16 часов в сутки. Охрана труда отсутствовала. Рабочие ютились или в тесных казармах, или в землянках и лачугах, иногда в шалашах, покрытых рваными войлоками. Одежды и постельных принадлежностей не хватало. Главной пищей были лепешки и похлебка из муки. Болезни и ранняя смертность становились уделом многих рабочих.

Возглавленная Коммунистической партией и Советской властью работа по созданию в Киргизии промышленных очагов потребовала больших усилий и борьбы с маловерами и прямыми врагами. Буржуазные националисты пытались задержать рост индустриализации Киргизии, оставить ее на положении аграрной страны. В результате осуществления первых пятилетних планов развития народного хозяйства Киргизия превратилась в индустриально-аграрную республику. Создание высокоразвитой социалистической промышленности с помощью братских народов СССР и прежде всего русского народа является большим завоеванием киргизского народа. Теперь промышленная продукция составляет больше трех четвертей валовой продукции народного хозяйства Киргизии.

Базой для развития многих отраслей современной промышленности в Киргизии являются ее богатые сырьевые ресурсы. За последние десятилетия здесь выявлено много месторождений различных полезных ископаемых. Большая часть всех среднеазиатских запасов каменного угля сосредоточена на территории Киргизии. Здесь открыты крупные месторождения нефти и газа, цветных металлов (олова, свинца, цинка, меди), редких элементов. В различных районах встречаются залежи серы, асбеста, минеральных красителей.

За годы Советской власти полностью реконструирована каменноугольная промышленность Киргизии, ставшая теперь топливной базой среднеазиатских республик. Центрами угольной промышленности Киргизии являются Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак, Таш-Кумыр. Создана нефтегазовая промышленность. Построены оборудованные современной

Прядильный цех хлопкопрядильной фабрики в г. Фрунзе

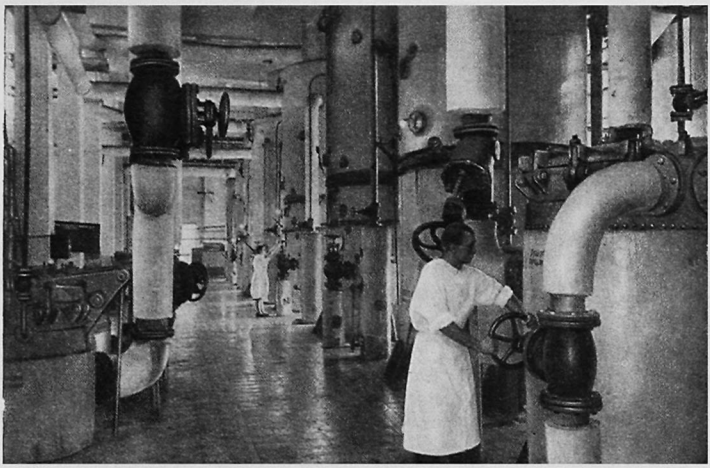
техникой рудники с обогатительными фабриками по добыче цветных и редких металлов, горнометаллургический комбинат им. Фрунзе. Задымили трубы первых машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий: Фрунзенского завода сельскохозяйственного машиностроения, Новотроицкого машиностроительного завода, завода «Красный металлист».

Большое развитие получила легкая и текстильная промышленность. Она представлена крупным шелкоткацким комбинатом в г. Оше, хлопкопрядильной, несколькими трикотажными, швейными и обувными фабриками, кожевенными заводами, суконной и чулочной фабриками. Имеется также несколько хлопкоочистительных заводов, пенько-джутовая фабрика, заводы по переработке новолубяных культур, комбинаты легкой промышленности в городах Оше, Пржевальске, Джалал-Абаде.

Пищевая промышленность Киргизии обогатилась такими крупными предприятиями, как Фрунзенский и Рыбачинский мясокомбинаты, Токмакский овощеконсервный и Джалал-Абадский витамино-консервный комбинаты.

Особенно широко развернулось строительство сахарных заводов в Чуйской долине, где свеклосеяние имеет теперь большой удельный вес в сельском хозяйстве. Уже действуют Кантский и Кара-Балтинский сахарные комбинаты, Токмакский, Беловодский, Новотроицкий сахарные заводы. Построены также молочные и маслобойные заводы, табачная фабрика и другие предприятия пищевой промышленности.

Заново созданы такие отрасли промышленности, как горнохимическая, полиграфическая, лесная, фармацевтическая. Лесная промышленность



Выпарная станция Новотроицкого сахарного завода. Чуйская долина

развивается главным образом на востоке республики, где расположены несколько напоминающие тайгу хвойные леса, в которых главное место занимает тяньшаньская ель, достигающая иногда высоты 50 м и более. В южной Киргизии растут реликтовые лиственные леса, состоящие из грецкого ореха, яблони, клена, алычи (дикая слива). Большой известностью пользуются живописные леса в урочище Арсланбоб — излюбленное место отдыха окрестного населения.

Одновременно с развитием промышленности шло создание энергетической базы. В пределах Тянь-Шаня берут начало многие реки, играющие большую роль в народном хозяйстве среднеазиатских республик. Это — Нарын и Кара-Дарья, после слияния получающие название Сыр-Дарьи, Чу, Талас, Сох, Исфара, Кызыл-Су. Воды их используются для орошения местных плодородных почв — сероземов. Благодаря этим рекам Киргизия располагает огромными потенциальными гидроэнергетическими ресурсами, открывающими широкие возможности для строительства гидроэлектростанций. По этим запасам Киргизия занимает третье место в СССР. Уже построено несколько крупных гидроэлектростанций и более мелких, районного значения, создана сеть сельскохозяйственных и межколхозных гидроустановок. Электрифицировано 99% совхозов и 74% колхозов. Всего в Киргизии насчитывается свыше 700 электростанций. Производство электроэнергии увеличилось с 0,8 млн. квтч в 1928 г. до 871 млн. квтч в 1960 г. В 1962 г. введена в эксплуатацию крупнейшая в Средней Азии Уч-Курганская ГЭС мощностью 180 тыс. квт — первая из каскада гидростанций, мощностью в несколько миллионов киловатт, которые будут возводиться на р. Нарыне и явятся частью общей энергетической системы Средней Азии и Казахстана. Уч-Курганская ГЭС даст энергию не только югу республики, но и народному хозяйству братского Узбекистана.

Развитие промышленности потребовало крупных капитальных затрат. Государственные капитальные вложения в народное хозяйство Киргизии исчисляются сотнями миллионов рублей.

На территории Киргизии имеется около 5 тыс. промышленных предприятий. Все они вместе взятые дают теперь за неделю столько продукции

Поселок строителей гидроэлектростанций

сколько вся дореволюционная промышленность Киргизии давала в течение целого года. По сравнению с 1913 г. объем промышленного производства увеличился в 1960 г. в 61 раз. Характерно, что в Киргизии добывается теперь нефти на душу населения в 17 раз больше, чем в Турции, и в 60 раз больше, чем в Японии. Угля добывается ежегодно более 3,5 млн. т, что равно добыче в Италии и Испании вместе взятых, или в 4 раза больше, чем в Иране и Пакистане вместе взятых. Производство электроэнергии, угля, сахара в Киргизии на душу населения в 5 раз больше, чем в Турции.

После XX съезда КПСС в республике по существу заново созданы промышленность приборостроения, сборного железобетона, газовая и некоторые другие.

За это время в Киргизии введены в строй такие новые крупные промышленные предприятия, как завод физических приборов, электромеханический завод, завод «Киргизкабель», велосборочный завод, швейная фабрика «40 лет Октября» (она производит основную массу швейных изделий в республике), каменноугольные разрезы «Кара-Су» и «Алмалык», первая очередь Фрунзенской ТЭЦ.

Начато строительство в г. Фрунзе одного из самых больших в СССР камвольно-суконного комбината на 40 тыс. прядильных веретен, который будет перерабатывать всю шерсть, поставляемую Киргизией. Его ежегодная мощность — около 9 млн. м высококачественной шерстяной ткани (бостона, метро, габардина), 534 т шерстяной пряжи для трикотажной промышленности. Сооружаются Ошский хлопчатобумажный комбинат, угольная шахта в Джинджигане, крупнейший в Средней Азии Каиндинский сахарный завод, цементный завод в Канте, завод крупнопанельного домостроения в г. Оше.

Многообразны экономические связи Киргизии. Теперь она не только получает промышленную продукцию из всех экономических районов

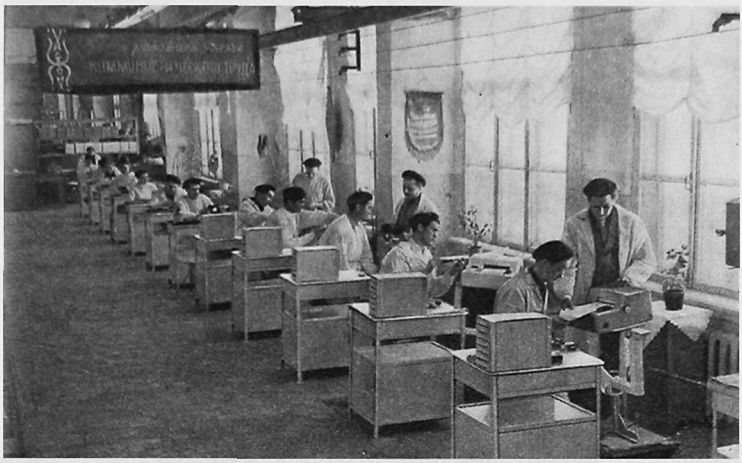
на Чуйском канале

страны, но уже из самой Киргизии вывозится промышленная продукция в 102 экономических района СССР. Часть производимых в Киргизии машин и товаров идет на экспорт в 25 стран. Экспортируются металлорежущие станки, сельскохозяйственные машины, электродвигатели, точные приборы, медицинские аппараты, обувь.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции и проводимой Коммунистической партией политики индустриализации страны в Киргизии вырос рабочий класс — ведущая сила киргизской социалистической нации. В народном хозяйстве республики заняты сотни тысяч рабочих, инженерно-технических работников и служащих. По сравнению с дореволюционным временем численность промышленных рабочих в республике, среди которых теперь много киргизов, выросла более чем в 60 раз. Из них три четверти заняты в крупной промышленности. Киргизский рабочий класс живет и трудится в условиях, не имеющих ничего общего с прежним полуголодным существованием киргизских пролетариев.

Многие рабочие-киргизы овладели сложными специальностями, стали высококвалифицированными рабочими и мастерами. У них шести- и семичасовой рабочий день. Они имеют свободное время для повышения своего политического и культурного уровня, для общественной деятельности, воспитания детей. Благодаря росту производительности труда и заботе Советского государства о повышении материального благосостояния трудящихся непрерывно растет заработная плата рабочих и служащих.

Кроме заработной платы, рабочие обеспечиваются ежегодными оплачиваемыми отпусками, бесплатной медицинской помощью, льготными путевками в санатории и дома отдыха. К их услугам широкая сеть культурно-просветительных учреждений: дворцов культуры, библиотек, клубов. Вечерние школы, технические курсы, ремесленные училища заполнены молодым поколением рабочего класса, свободным от ярма



Завод физических приборов в г. Фрунзе. Сборочный цех

капиталистической эксплуатации, которое влачили на себе их отцы и деды. В настоящее время в 29 ремесленных училищах обучается около 8 тыс. юношей и девушек.

Среди промышленных рабочих все более расширяется соревнование за звание коллективов и ударников коммунистического труда. Сотни бригад уже удостоены этого почетного звания. В числе передовиков соревнования Правительство СССР в мае 1960 г. наградило медалью «За трудовую доблесть» 16 рабочих промышленных предприятий Киргизии, в том числе четырех киргизов. За выдающиеся производственные успехи и проявленную инициативу в организации соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда Сайдулле Тишееву — плавильщику Кадамджайского металлургического завода Южного горнометаллургического комбината им. Фрунзе — присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1961 г. впервые присвоено звание предприятий коммунистического труда Фрунзенской прядильно-ткацкой фабрике и локомотивному депо ст. Пишпек.

В соответствии с семилетним планом развития народного хозяйства страны, одобренным XXI съездом КПСС, промышленность Киргизской ССР будет развиваться еще более быстрыми темпами.

Производство валовой промышленной продукции в Киргизии увеличится в 2,2 раза, в то время как по СССР намечено увеличение в 1,9 раза. Это яркий пример того, как претворяется в жизнь ленинская национальная политика, открывающая простор для мощного развития производительных сил и неограниченного использования природных ресурсов каждой союзной республики в тесной связи с ростом экономики всего Советского Союза. Капитальные вложения в народное хозяйство Киргизии предусмотрены в течение семилетки в объеме 10,5 млрд. руб., что равняется объему капиталовложений за четыре пятилетки.

Ежегодный прирост промышленной продукции намечен в среднем на 12,5%.

Большое развитие получит нефтяная и новая для Киргизии газовая промышленность. Добыча нефти будет доведена в 1965 г. до 1,5 млн. т, т. е. увеличится в 3 раза по сравнению с 1958 г., добыча газа составит

более 2 млрд. куб. м. В 1965 г. г. Фрунзе будет подключен к газопроводу Ташкент — Чимкент — Джамбул — Фрунзе — Алма-Ата. Киргизия увеличит к концу семилетки добычу угля до 4 млн. т. Получит развитие новая отрасль промышленности — химическая. Будет дальше расти цветная металлургия. Наряду со значительным увеличением добычи ртути и сурьмы (в этих отраслях Киргизия занимает ведущее место в Советском Союзе) вырастет производство свинцового концентрата.

В Киргизии предусмотрен также рост выработки электроэнергии в 3,6 раза. Расширится или будет вновь организовано производство различных машин, автомобилей, электрооборудования, металлообрабатывающих станков, насосов, физических приборов, подъемного оборудования, оборудования для пищевой промышленности, выпуск хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

В настоящее время промышленность республики развивается более быстрыми темпами, чем это предусмотрено семилетним планом.

Транспорт и связь

За годы социалистического строительства в Киргизии достигнуты большие успехи в области развития транспорта и связи. Только после Октябрьской революции железная дорога была доведена до городов Фрунзе и Ош. Выстроены сотни километров новых железных дорог. Основные административные и промышленные центры республики имеют теперь железнодорожную связь. Закончено строительство новой железнодорожной магистрали Фрунзе—Рыбачье протяжением 173 км, которая соединила главные зерновые районы Киргизской ССР — Иссык-Кульскую котловину, горные животноводческие и лесные районы, богатые угольные, свинцоворудные и другие месторождения — с Туркестано-Сибирской железной дорогой. Значение этой новой магистрали для дальнейшего расцвета Киргизии очень велико.

Создано и развивается пароходство на Иссык-Куле, обеспечивающее пассажирские и грузовые перевозки.

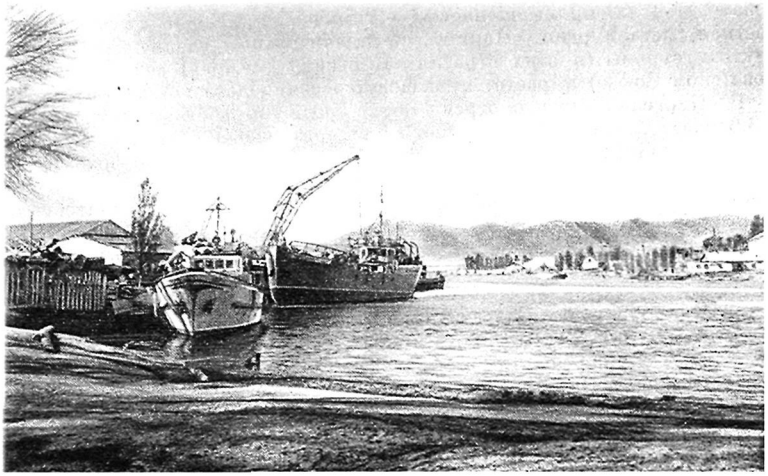
Автотранспорт в Киргизии имеет наиболее важное значение, являясь основным видом механизированного транспорта в условиях горного рельефа. На его долю приходится более 80% всех перевозок в республике.

До 1927 г. Киргизия располагала всего 35 км дорог, приспособленных для движения автотранспорта в течение всего года. Уже во второй пятилетке Киргизия обогатилась первыми крупными дорожными сооружениями: трактами Фрунзе—Рыбачье, Талас—Джамбул. За годы Советской власти построено уже свыше 14 тыс. км магистральных автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием, ликвидирующих вековую изолированность районов, кыштаков и аилов. Автомобильная магистраль связывает столицы Киргизии, Узбекистана и Казахстана.

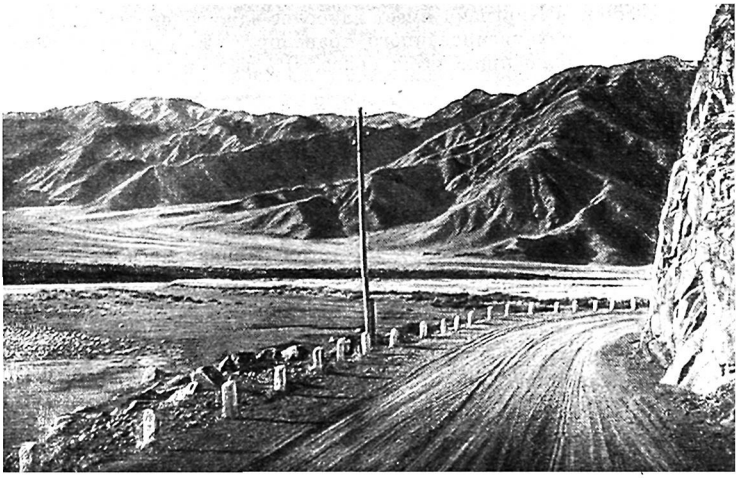
В 1963 г. заканчивается сооружение крупнейшей автомобильной магистрали Фрунзе—Сусамыр—Ош. Она свяжет по кратчайшему направлению северные и южные районы республики, откроет доступ к месторождениям полезных ископаемых, оживит экономику высокогорного Тянь-Шаня.

Все большее значение приобретает воздушный транспорт. Столица Киргизии связана воздушным сообщением с Москвой, Ташкентом, Новосибирском и Иркутском, южными курортами (здесь курсируют комфортабельные самолеты ИЛ-18), Алма-Атой, областными центрами Киргизии. Кроме того, имеется авиасвязь с отдельными районами и городами республики, с участками отгонного животноводства, существует санитарная авиация. Самолеты и вертолеты с врачами на борту совершают вылеты в самые труднодоступные уголки горных пастбищ.

Широко распространенным и теперь способом передвижения является верховая езда. Киргизы — неутомимые наездники, способные в течение



Пристань у г. Пржевальска



Автомобильная дорога

долгого времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжелые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки.

Лошади, быки, верблюды, ослы используются для перевозки тяжестей вьюком. У памирских киргизов основным ездовым и вьючным животным является як. У южных киргизов и раньше имела некоторое распространение узбекская двухколесная арба «ферганского» типа, а у северных киргизов колесный транспорт стал получать распространение лишь в последний период перед Октябрьской революцией. Киргизами были заимствованы у русских крестьян не только типы телег и бричек, но и названия почти всех принадлежностей упряжи. В высокогорных районах и теперь кое-где употребляется волокуша (чийне), состоящая из двух жердей с двумя-тремя поперечными перекладинами; одним концом жерди привязывают к седлу, а другим они волочатся по земле. Волокуша используется для перевозки снопов пшеницы, хвороста.

Седла различаются по типу и назначению: для лошади (верховое) — *ээр*, для быка (верховое и одновременно вьючное, грузовое) — *ыңырчак*, для верблюда (вьючное) — *ком* и для осла. Кроме того, для перевозки детей и обучения их верховой езде еще недавно применялось особое седло (*айырмач*), имеющее приспособления для предохранения маленького всадника от падения: широкие войлочные стремена, вместо луки — две пары высоких крестовин спереди и сзади. Седла для лошадей встречаются нескольких разновидностей. Самым распространенным является седло так называемого андижанского типа (*кушбаш ээр*) с деревянным ленчиком, имеющим лишь одну переднюю луку, заканчивающуюся небольшой раздвоенной головкой, и довольно широкое, слегка вогнутое сиденье. Встречаются иногда и седла с широкой дугообразной передней лукой (*данбаш ээр*, *ак каңгы ээр*), очень близкие по типу одной из разновидностей седел, встречающихся у алтайцев и тувинцев. Это седло генетически связано с древнетюркским типом седла.

Киргизский народ получил возможность пользоваться современными видами связи (телефон, телеграф, радио, телевидение), которые в условиях большой отдаленности многих районов от центров республики имеют важное значение в развитии экономики и культуры края. Связисты Киргизии первыми в СССР положили начало развитию радиорелейных линий. Многоканальная связь осуществляется с Ташкентом и Алма-Атой.

* * *

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял новую Программу партии, в которой начертаны перспективы строительства коммунизма в нашей стране. В создании материально-технической базы коммунизма достойное место займет каждая из равноправных союзных республик, в том числе и Киргизская ССР, обладающая огромными запасами минерального сырья и большими энергетическими ресурсами. Общий объем промышленного производства Киргизской ССР за 20 лет должен возрасти примерно в 20 раз. Особая роль отводится машиностроению, которое займет ведущее место в промышленности республики. Его объем вырастет в 20 раз. Киргизия превратится в один из важнейших районов размещения энергетических производств на базе использования гидроэнергии.

В соответствии с новой Программой партии в ближайшие годы начнется практическое решение проблемы Большого Нарына — комплексного использования гидроэнергии и местного минерального сырья. На р. Нарыне будут возведены Токтогульская и Тогузтороуская гидроэлектростанции. Первая из них явится крупным межреспубликанским ирригационно-энергетическим объектом. Токтогульский гидроузел будет включать в себя ГЭС мощностью 1,2 млн. квт и гигантское водохранилище емкостью 17 млрд. куб. м. Благодаря сооружению этого гидроузла будет

дополнительно орошено около 2 млн. га новых земель в республиках Средней Азии и Казахстане. Токтогульская ГЭС будет давать самую дешевую электроэнергию. Таким образом, будет одновременно обеспечено развитие электрификации и ирригации.

Выпуск товаров народного потребления намечено увеличить за 20 лет в 6—7 раз.

В больших масштабах будет развиваться в предстоящее двадцатилетие и сельское хозяйство Киргизии. Производство мяса и шерсти увеличится в 3,5 раза, молока — более чем в 4 раза. Как и во всей стране, в Киргизии будет осуществлена величественная программа повышения жизненного уровня населения.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Характер господствовавшего хозяйственного уклада — кочевое скотоводство и патриархально-родовой быт наложили глубокий отпечаток на материальную культуру киргизов. Тип жилища, костюм, характер пищи и утвари, транспортные средства всецело определялись необходимостью частых передвижений на большие расстояния, отсутствием прочной оседлости, сезонным характером хозяйственной деятельности.

В целом материальная культура, как и многие стороны духовной культуры, киргизов на обширной территории их расселения — от северных предгорий Тянь-Шаня до отрогов Куэнь-Луня и Гиндукуша на юге и от Ура-Тюбе на западе до оазиса Куча на востоке — во всех ее главных чертах была единой, хотя в ней и наблюдались локальные особенности, обусловленные различными причинами. Главными из них были сохранение остатков былых племенных особенностей у некоторых групп киргизов и культурное взаимодействие с соседними народами.

Наличие локальных особенностей, присущих многим элементам материальной культуры, позволило выделить три основных комплекса: северный (территория центрального Тянь-Шаня, Прииссыккулье, Чуйская долина и часть районов по нижнему течению р. Нарына), северо-западный (территория Таласской и Чаткальской долин и прилегающих к ним районов) и южный (юго-западные районы Ошской области, Алайская долина, восточная часть Каратегина — Джиргатальский район; восточный Памир). Между территориями распространения северного и южного, северо-западного и южного комплексов живут группы киргизов, материальная культура которых имеет смешанные черты двух соседних комплексов. Локализация материальной культуры является следствием определенного размещения в прошлом тех или иных групп киргизских племен. Таким образом, названные комплексы имеют прямую связь с этнической историей киргизов.

Немалые различия в материальной культуре были вызваны классовым строением киргизского общества.

В последние годы существенный вклад в исследование материальной культуры киргизов внесла Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. Установлено, что наряду с преобладанием в киргизской материальной культуре явлений, наиболее близких культурным традициям других народов Средней Азии и казахов, в ней отчетливо выявляются элементы, сближающие ее с культурой народов Южной Сибири, Монголии, современного Синьцзяна и Тибета. Однако эти данные еще недостаточны для решения вопроса о происхождении материальной культуры современных киргизов, который продолжает пока оставаться далеко не выясненным. Исторические свидетельства, главным образом китайских источников, а также результаты предпринятых в широких масштабах археологических исследований Южной Сибири, Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая позволяют более уверенно утверждать, что в материальной культуре

киргизских племен в той или иной мере нашли продолжение традиции материальной культуры кочевников — от саков, усуней и гуннов до тюрков и монголов.

Переносное жилище типа юрты было известно как усуням, так и древним кыргызам. По словам А. Н. Бернштама, впервые исследовавшего памятники гуннского времени на территории Киргизии, «культура кенкольского типа во всех своих основных частях была воспринята киргизскими племенами»[1]. Это особенно убедительно подтверждается материалами Кенкольского могильника, относящимися к покрою одежды и типу обуви, которые без существенных изменений сохранились вплоть до нашего времени не только у киргизов, но и у других народов Средней Азии. Сопоставление типично кочевнической одежды, изображенной на каменных изваяниях тюркского времени, указаний на одежду из валяной шерсти у древних тюрков Семиречья (Сюань-Цзан, VII в.) и описаний одежды древних кыргызов (хагасов) в «Тан Шу» (белые валяные шляпы, платье из овчины и шерстяных тканей) с одеждой современных киргизов не оставляет сомнений в преемственности типов одежды на протяжении по крайней мере 1300—1400 лет. То же самое, по-видимому, можно сказать и об украшениях. Кроме того, у киргизов дожили до нашего времени или лишь недавно вышли из употребления многие предметы утвари и домашнего обихода (круглые плоскодонные деревянные чаши и тарелки, футляры для пиал, светильники, деревянная колыбель), совершенно аналогичные по формам и даже по материалу (например, арча и тяньшаньская ель) соответствующим предметам из гуннских, усуньских и тюркских погребений. Такие же аналогии прослеживаются в частях конской сбруи и ее украшениях. Приведенные здесь некоторые данные указывают на сложный характер киргизской материальной культуры и на ее генетические связи с культурой широкого круга древних и средневековых кочевых племен Центральной и Средней Азии.

Первые достоверные сведения о материальной культуре современных киргизов содержатся в китайских источниках XVIII в.: «Сиюй вэнь цзян лу» («Описание виденного и слышанного о Западном крае») Чунь Юаня, 1777 г., и «Циньдин хуанчао вэньсян тункао» («Свободное обозрение из классических текстов и позднейших пояснений, составленное при цинской династии»). Здесь отмечается характер жилища (войлочные кибитки), пищи, кратко описываются костюм и головные уборы. Расширение этих сведений и появление первых документированных данных падают на середину XIX в., когда один за другим территорию Киргизии посетили известные ученые П. П. Семенов-Тян-Шанский и Чокан Валиханов. Сопровождавший первого художник П. М. Кошаров оставил замечательный этнографический альбом, в таблицах и рисунках которого с почти исчерпывающей полнотой запечатлена материальная культура киргизов Прииссыккулья. Альбом П. М. Кошарова прекрасно дополняет краткие, но точные записи и зарисовки, сделанные Ч. Валихановым.

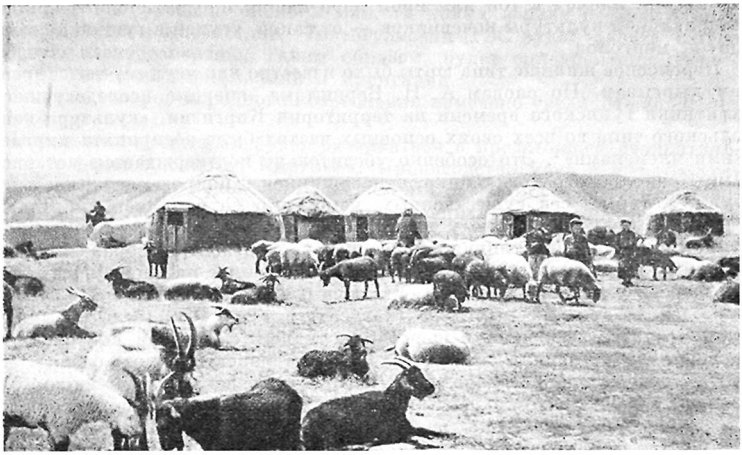
Ценные сведения сообщил также акад. В. В. Радлов, посетивший киргизские племена бугу и сары багыш в 60-х годах XIX в. Эти источники, как и некоторые последующие описания, музейные коллекции и полевые материалы упомянутой Киргизской экспедиции, позволяют охарактеризовать важнейшие стороны материальной культуры киргизов.

Сельское поселение и жилище

Тип поселения у киргизов претерпевал изменения в зависимости от складывавшихся исторических условий.

Втягиваемое феодалами в междоусобные войны, подвергавшееся нападениям со стороны феодалов соседних стран, киргизское население часто

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Материалы и исследования по археологии СССР, 26. М.—Л., 1952, стр. 89.



Киргизский аил. Тянь-Шань

вынуждено было до 50—60-х годов XIX в. объединяться и жить большими аилами-общинами по 100—200 юрт и более, создаваемыми главным образом по родовому признаку. Естественно, что при кочевом и полукочевом образе жизни у киргизов отсутствовала прочная оседлость. В северной Киргизии лишь около середины XIX в. появились зачатки оседлости среди феодальной знати. Вождь племени бугу Бороомбай имел в ущелье Джууку (Заука) подобие усадьбы, состоявшей из глинобитных строений, склада для зерна и мельницы; здесь же были огород и два садика. По сведениям Г. Бардашева, Бороомбай на этом месте еще в 1843 г. возвел небольшое глинобитное укрепление с бойницами для защиты караванов от грабежей и для охраны имущества в случае нападения враждебного племени сары багыш. Внутри укрепления помещалось до десяти юрт, в которых хранились, в частности, запасы зерна. Насколько известно, это единственное достоверное указание на существование у киргизов искусственных укреплений.

После присоединения к России в северной Киргизии возникли первые киргизские оседлые поселения. В более широких размерах и, по-видимому, несколько ранее процесс образования таких поселений происходил в приферганских районах. Он был обусловлен влиянием развитых экономических отношений в Фергане и усилением контакта с местным оседлым узбекским и таджикским населением.

Как уже отмечалось, в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине первые киргизские селения (*кыштак*) появились лишь в самом конце XIX в. Возникновение этих, а позднее и других селений было не только результатом новых социально-экономических условий, связанных с колониальной политикой царизма, но и следствием положительного влияния появившихся здесь русских крестьян-переселенцев.

Основная же масса киргизского населения продолжала жить в селениях кочевого и полукочевого типа (*айыл*). Однако последние стали более мелкими, обособленными. Величина киргизского аила не являлась постоянной. В период кочевания на сезонных пастбищах — весенних, летних и осенних — аилы уменьшались, а в период пребывания на зимних стойбищах — увеличивались. Но чаще всего и зимой такие аилы не

Установка юрты на летнем пастбище. Алайская долина

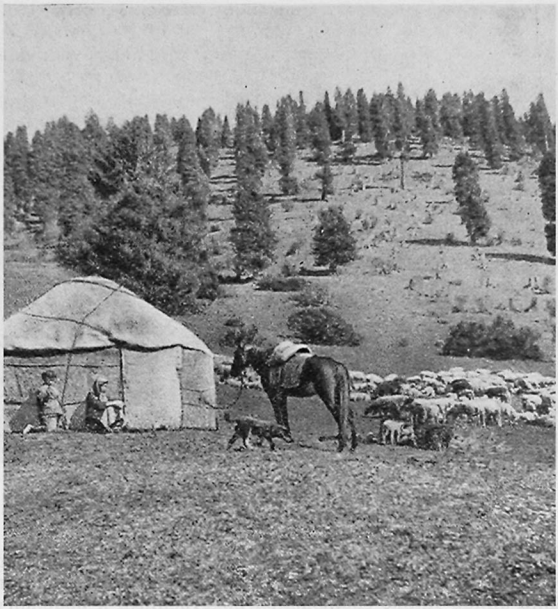
представляли собой компактных селений. Это были небольшие группы жилищ, отделенные одна от другой иногда значительным расстоянием. Многие аилы состояли из небольших групп ближайших родственников. В размещении аилов также соблюдался родственный и родовой принцип.

Господствующим типом жилища не только в аилах, но и в немногочисленных оседлых селениях до Октябрьской революции была юрта (*боз үй*, *кара үй*, *кыргыз-үй*). Киргизские племена, издревле занимавшиеся кочевым скотоводством в горных условиях, выработали наиболее удобный для этих условий тип переносного жилища, которое можно было бы легко разбирать, перевозить на вьючных животных и снова устанавливать. Этим условиям не могли отвечать жилища, перевозившиеся на повозках, имевшие в средние века распространение среди степных кочевников.

Основу юрты составляет деревянный остов, собираемый из нескольких частей: складных решетчатых стенок (*кереге*), придающих юрте в плане круглую форму, укрепленного над ними купола, состоящего из деревянных жердей (*уук*), упирающихся наверху в массивный обод (*тундук*), и дверной рамы (*босого*). Образующееся наверху отверстие служит для выхода дыма и освещения. На дверную раму навешивается двустворчатая дверь или же вход закрывается только циновкой (из чия), обшитой войлоком. Вокруг стенок ставятся чиевые циновки, после чего весь остов юрты покрывается снаружи разной формы и размера войлоками. Дымоходное отверстие на ночь, а также в ненастную погоду закрывается квадратным куском войлока.

В прошлом бедняки жили в маленьких прокопченных юртах, покрытых рваными темными войлоками. Юрты богачей и манапов отличались не только бо́льшими размерами, но и качеством войлочных покрышек; они были покрыты белыми плотными и тонкими войлоками, украшены большим количеством узорных шерстяных (тканых) и войлочных полос. По-особенному отделывались и деревянные части юрты.

Тип юрты в настоящее время не является единым у всех групп киргизов. Основное различие сводится к форме ее купольной части. В то время как в северной Киргизии (за исключением Таласской долины) форма

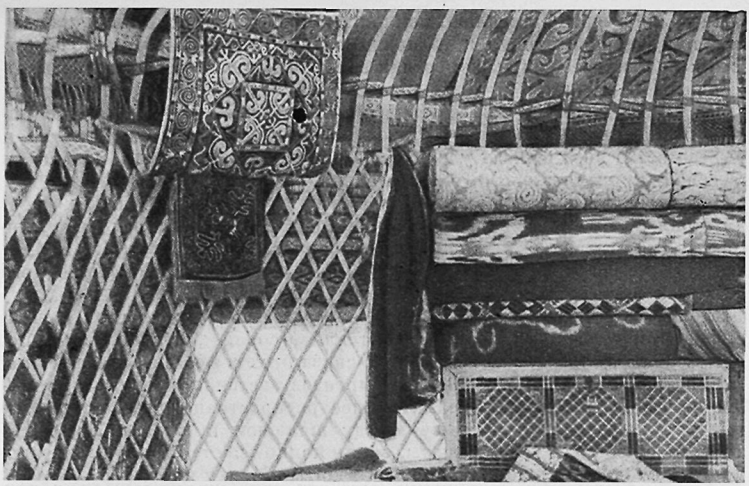


Тип юрты, распространенной в северной Киргизии

купола юрты приближается к конусообразной, в южной Киргизии, в Таласской и Чаткальской долинах купол несколько уплощен и имеет скорее полусферическую форму благодаря более резкому изгибу нижней части купольных жердей. Это различие, по-видимому, позднего происхождения. В середине XIX в. юрта с полусферическим куполом была распространена и в северной Киргизии. Об этом согласно свидетельствуют очевидцы. Юрта с куполом такой формы характерна также для полукочевых в прошлом узбеков и имеет близкую аналогию в юрте монголов.

Наблюдаются также различия в способах покрывания юрт войлоками. В большинстве районов киргизы покрывают остов юрты двумя рядами войлоков (нижний ряд закрывает решетчатую часть остова, верхний — купольную часть). Но в некоторых местностях (долина р. Таласа, отдельные южные районы) юрту покрывают сверху донизу тремя-четырьмя сплошными войлоками, не доходящими до земли лишь на 20—25 см. Такой способ широко практиковался в сезон кочевок на летние пастбища в зоне бытования юрт с полусферическим куполом.

Своеобразно и внешнее декоративное оформление юрты в некоторых районах, относимых к южному и северо-западному комплексу. Так, например, в западных районах Ошской области (этнографические группы кесек и джоо кесек) для крепления покровов юрты применяют широкую белую тканую тесьму; она многократно пересекает переднюю часть купола и боковые части юрты и служит ее украшением. Аналогичное оформление юрты характерно для каракалпаков и полукочевых узбеков. Поиному выглядят и другие украшения на юрте, а также наружная часть навесной двери в районах южной Киргизии.



Интерьер юрты. Южная Киргизия

Во внутреннем убранстве юрты также наблюдались в прошлом и отмечаются теперь некоторые локальные различия как в элементах самого убранства, так и в порядке их расположения. Это относится главным образом к декоративным войлочным и тканым полосам (*жабык баш*, *тегирич*), которые пропускают между войлочным покрытием юрты и ее решетчатым остовом. В частности, для южной Киргизии характерны тканые полосы (*кереге тануу*), стягивающие решетчатый остов юрты. Здесь же обязательным элементом убранства являются различного размера и назначения ворсовые коврики. В то же время в юртах некоторых групп киргизов, относимых к так называемым ичкиликам, отсутствуют узорные войлочные ковры (*шырдак* или *шырдамал*) , а также настенные панно-вышивки (*туш кийиз*), характерные для большинства остальных групп.

Размещение предметов внутреннего убранства и утвари обусловлено бытовым и хозяйственным назначением той или иной части площади юрты и является традиционным. Центральную часть юрты занимает место, на котором разводится огонь (*коломто*). За ним, у задней стенки, прямо против входа складывают (на деревянной подставке, на камнях, на седлах) сундучки, постельные принадлежности, тюфяки, войлоки и ковры, особого рода мешки с мягкими вещами, меховую и другую верхнюю одежду. Сооружение из этих вещей, сложенных в несколько рядов, называется джюк (*жүк*). Место около джюка — *төр* — считается почетным. Здесь принимают гостей, а ночью спят. По правую сторону от входа в большинстве случаев расположена «женская половина» (*эпчи жак*). Здесь узорной ширмой из чия отделен хозяйственный уголок (*чыгдан*, *ашкана*), который служит для хранения запаса продуктов. Тут же развешивают и расставляют посуду и хозяйственную утварь. Противоположная сторона юрты считается «мужской» (*эр жак*). Здесь находятся седло, аркан, ружье, сбруя, предметы ухода за скотом. В прошлом тут же держали новорожденных ягнят и козлят.

Такое размещение, однако, наблюдается не везде. В западной части Алайской долины, местами на восточном Памире женская половина занимает левую от входа часть юрты, мужская — правую.

На земле в юрте расстилают войлоки, а поверх них подстилки из овечьих или телячьих шкур и узенькие ватные одеяльца. На почетном месте в большинстве случаев постлан войлочный ковер. В юртах богатых скотоводов в прошлом стелили ворсовые ковры, медвежьи или волчьи шкуры. Встречавшиеся иногда деревянные кровати и низкие столики также были принадлежностью богатой юрты. Да и вообще количество и качество всего внутреннего убранства юрты всецело зависело раньше от классовой принадлежности ее владельца.

Отапливается юрта обычно посредством разводимого в ней костра. Для отопления использовали помет животных или хворост, сучья, сухой бурьян. Для освещения в прошлом пользовались чугунным или глиняным (иногда — каменным) светильником (*чырак*) очень древней формы, его наполняли животным жиром или растительным маслом.

Наряду с описанным типом переносного жилища в прошлом были и другие. Наиболее древний тип представляет собой конусообразный покрытый войлоками шалаш из жердей, связанных в верхней части. Имеются сведения, что такие шалаши у киргизов восточного Памира покрывали иногда звериными шкурами. Более распространено было жилище другого типа — *алачык*, среднее между шалашом и юртой. Его остов составляли жерди от купола юрты, одним концом поставленные на землю, а другим вставленные в обычный обод от юрты. Сверху алачык покрывали одним-двумя большими войлоками. Оба эти типа жилища были характерны для беднейшей части населения и байских пастухов.

Во время дальних перекочевок, а в далеком прошлом и в период военных походов жилищем служила обычная юрта уменьшенного размера (*кош, отоо*).

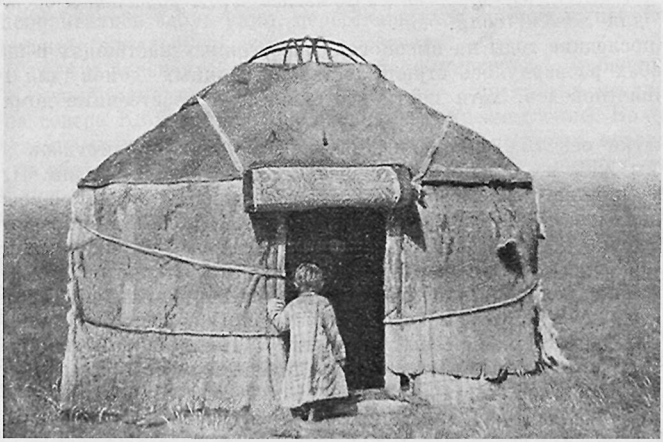
Для подавляющей части кочевого населения еще в первой половине XIX в. юрта была не только летним, но и зимним жилищем. Для утепления юрты зимой вокруг нее насыпали снежный барьер, иногда ее обкладывали соломой, а памирские киргизы — камышом или пометом яков. Появление в дальнейшем жилищ постоянного типа несколько уменьшило роль юрт, однако процент киргизских хозяйств, круглый год живших в юртах, продолжал оставаться высоким. Работники переселенческого управления объясняли это обстоятельство климатическими условиями: «Зима очень ровная и теплая, больших холодов нет. Поэтому особой надобности в прочном, тепло устроенном жилище нет и киргизы обходятся только юртой»[1]. Социалистическая действительность опрокинула эти реакционные утверждения. Объединившись в колхозы, скотоводы переселились в дома современного типа и начали вести вполне оседлый образ жизни.

Казалось бы, это должно было привести к исчезновению старой киргизской юрты. В действительности же она еще далеко не потеряла своего значения вплоть до настоящего времени.

Частичное сохранение юрты в быту киргизов обусловлено специфическими особенностями хозяйства горных животноводческих колхозов и совхозов. В тех районах, где процесс оседания завершился сравнительно недавно, юрта играет некоторую роль как вспомогательное летнее жилище при наличии жилого дома: ее перевозят и ставят вне селения, в ближайшем урочище. В ней все лето живут нетрудоспособные взрослые члены семьи и дети. Многие колхозы Киргизии изготовляют юрты для табунщиков и пастухов, отправляющихся с колхозными стадами на отгонные пастбища. Часть из *ях* проводит зиму на сыртах и живет круглый год в юрте, остальные пользуются ею только в весенне-летний сезон, проводя

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VII. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство, вып. 2. Текст, Пг., 1916, стр. 290.

Упрощенное жилище переносного типа — «алачык». Северная Киргизия



Юрта уменьшенного размера. Северная Киргизия

зиму в построенных для них домах. Юрты используют также во время расплодной кампании как помещение для молодняка (ягнят, телят), их ставят в этих случаях рядом с юртами колхозных пастухов. В некоторых районах бывшие кочевники, живущие уже в домах, наряду с хозяйственными постройками ставят во дворе юрту, которую используют главным образом для приготовления пищи. Во время сезонных земледельческих работ юрты ставят иногда на полевых станах; они служат для отдыха колхозников, а также используются как кухни для общественного питания. Совхозы также предоставляют юрты под жилье для пастухов, пасущих скот на дальних пастбищах.

Юрту часто используют и в качестве помещения для проведения культурно-просветительной работы на пастбищах. В ней помещаются библиотечка и читальня, хранятся настольные игры и музыкальные инструменты, проводятся беседы, читки газет. Она сопровождает животноводов, когда они переходят на новые пастбища. Во многих горных районах без юрты не обходятся во время тех или иных общественных торжеств (День животновода, прием почетных гостей). Юрту обязательно ставят в связи с такими семейными событиями, как свадьба и похороны.

Внутреннее убранство юрты у колхозников и рабочих совхозов претерпело некоторые изменения. В ней иногда теперь ставят кровать, стол, шкаф, табуреты, на стенах вешают зеркало, плакаты и фотографии. В юртах пастухов и табунщиков сохраняются преимущественно наиболее необходимые предметы обстановки и утвари: железный таган, под которым разжигают костер и на который для варки пищи ставят котел; обитый жестью сундук, некоторые виды кожаной посуды. На землю стелят паласы и войлоки, а под них нередко циновку из камыша или чия. Джюк, как и прежде, стараются сделать нарядным. Теперь у большинства колхозников много шелковых одеял, которые встречались раньше только у баев. Здесь же переметные сумы и свертки с мелкими вещами, платьем и бельем, войлоки. На деревянных решетках юрты развешаны одежда, мешочки для ложек, соли, чая.

За последние годы на высокогорных отгонных пастбищах в широких масштабах развернулось строительство постоянных домов для колхозных животноводов, хотя почти все они имеют собственные дома в поселках.

Зачатки оседлых поселений начали возникать у киргизов около середины XIX в., причем преимущественно на юге Киргизии. На месте зимних стойбищ, возле небольших участков пашни, строили простейшие помещения для скота. Наряду с загонами для овец, которые представляли собой площадки, обнесенные невысоким барьером, выложенным из камней (*таш короо*), глинобитным или сделанным из кустарника (*чырпык короо*), стали появляться полуземлянки, навесы (*бастырма*), крытые загоны и сараи (*кепе*), стены которых возводили из утрамбованной глины, камней и дерна. В некоторых случаях усадьбы, состоявшие из юрт и помещений для скота, огораживали глинобитным забором.

В северной части Киргизии тип хозяйственных построек был воспринят во второй половине XIX в. у пришлого русского и украинского населения. Влияние русских и украинцев сказалось на развитии нового вида жилища — домов постоянного типа, которые киргизы начали здесь возводить в последней четверти XIX в. Вначале такие дома строили только феодальная знать и богатые скотоводы. Их сооружали русские мастера. Но вскоре кое-где на зимних стоянках рядовых скотоводов также начали возникать зимние помещения, в которых люди могли укрываться от стужи и непогоды в самые холодные месяцы. В Прииссыккулье, например, в конце XIX — начале XX в. богатые скотоводы строили бревенчатые дома, обмазанные глиной, на каменном фундаменте, у других были дома из сырцового кирпича с деревянными полами, двускатной

тесовой крышей и террасой. В то же время бедняки и середняки собственными силами сооружали на зимовьях домики из одной-двух комнат, с глинобитными стенами и полом, почти плоской крышей и маленькими окнами. Отапливались они вначале очагом-камином, лишь позднее стали получать распространение железные печи.

В средней и нижней частях Алайской долины (Маргеланский Алай) уже в 80-х годах XIX в., по описаниям очевидцев, у киргизов были «весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя»[1]. Под общей плоской крышей здесь помещались жилая комната с сенями, а также конюшня, коровник, овчарня, хранилище для сена и соломы. Стены таких домов строили из высушенных овальных комьев глины, скрепленных и обмазанных той же глиной. Крыша держалась на столбах, поставленных в углах стен. Вместо окон были щели в верхней части стен, в потолке имелось отверстие для выхода дыма. Отапливалось жилище по-черному, тепло в нем держалось плохо.

У киргизов Памира кроме юрт были и хижины, сложенные из камней и поставленные в укрытых от ветра местах, где скотоводы ютились во время суровых морозов.

В южных районах киргизы заимствовали у своих соседей узбеков и таджиков некоторые особенности архитектуры жилых домов: каркасный тип постройки, небольшая терраса перед входом, наличие внутри ниш и глинобитных возвышений — *супа*, на которых едят и спят члены семьи. Возникавшие в этих районах селения по типу иногда напоминали соседние узбекские и таджикские кишлаки. В северной же Киргизии первые киргизские оседлые селения по общему облику походили на соседние селения русских и украинских крестьян-переселенцев. Сел. Таш-Тюбе, как сообщает О. А. Шкапский, было вытянуто в одну улицу, обсаженную тополями, дома в нем были русского типа, преимущественно с камышовыми двускатными крышами и небольшими окнами. По типу русского села строилось и сел. Тарханы (Дархан) в Прииссыккулье (1912 г.). Здесь дома располагались вдоль улиц, пересекавшихся широкими переулками. Одновременно началось и озеленение селений.

Хотя тяга к переходу на оседлость среди киргизов, особенно среди бедноты, непрерывно возрастала, образование киргизских оседлых селений на севере Киргизстана происходило крайне медленно. Более быстрыми темпами шел процесс возведения жилых построек, которые зачастую не образовывали селения, располагаясь на месте зимних стойбищ или поблизости от них. В 1913 г. у киргизов Пржевальского уезда насчитывалось уже 2619 жилых строений, что составляло около 12% общего числа домов и юрт вместе взятых. Но даже при наличии жилых домов большинство скотоводов продолжало жить главным образом в юртах. Иная картина наблюдалась в южной части Киргизии. Здесь оседлые селения возникали в большем количестве, особенно в районах соседства с оседлыми узбеками и таджиками. К концу XIX в. около двух третей киргизов Ферганской области перешло на оседлость и занималось земледелием.

После Великой Октябрьской социалистической революции процесс создания оседлых селений и жилищ постоянного типа начал усиливаться. В северной Киргизии этому способствовало проведение земельно-водной реформы в 1921—1922 гг. Однако радикальные перемены в этом отношении принесла сплошная коллективизация сельского хозяйства. Объединяясь в колхозы, бывшие кочевники одновременно переходили на оседлый образ жизни. Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение проблеме оседания кочевников. Для этого были отпущены крупные средства, выделены строительные материалы, организована техническая помощь. В результате только за три года (1932—

[1] Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. «Изв. Русского географического общества», т. XX, 1884, стр. 237.

1934 гг.) на оседлость перешло 34 500 кочевых и полукочевых хозяйств. Для них было построено 200 новых селений, в них имелось 7895 жилых домов, 67 школ и 23 лечебницы. Строительство жилых домов проводилось при деятельном участии самого населения. В 1933 г. в Ат-Башинском районе вместо запланированных 855 домов был возведен 2341 дом.

Там, где совсем недавно на десятки километров простирались необжитые пустынные пространства с редкими аилами, в местах, где скотоводы устраивались на зимние стойбища, раскинулись теперь сотни благоустроенных селений. Большая помощь в их строительстве была оказана государством. В районах оседания кочевников в общей сложности было построено около 35 тыс. жилых домов, в некоторых пунктах сооружены водопроводы, для озеленения колхозных усадеб выделены сотни тысяч саженцев. Образование новых поселков не было простым переселением с одного места на другое. Объединение разбросанных раньше семей в одном поселке должно было привести и привело к выработке новых форм жизни, к перестройке производственного и домашнего быта.

Современные киргизские селения, взятые в целом, представляют собой сложную картину переплетения различных типов и вариантов, возникших в разное время и под влиянием различных исторических условий. На сложение тех или иных типов селений повлияли такие факторы, как характер хозяйства, рельеф местности, особенности водных источников, местные традиции, связи с соседними народами. Как и прежде, на характер селений в южной части республики оказывает заметное влияние общение с соседним узбекским и таджикским населением, а селения в северной Киргизии несут на себе явственный отпечаток хозяйственного и культурного сближения киргизов с русским и украинским населением.

В настоящее время у киргизов преобладают селения уличного типа, но часто встречаются также селения линейного типа. В последних дома располагаются в один, иногда два-три ряда и обращены фасадом в сторону гор или реки. Селения этих типов размещены обычно на широких равнинах и в межгорных долинах. Они распространены преимущественно в Иссык-Кульской котловине, Чуйской и Таласской долинах. Селения уличного типа имеют правильную планировку, состоят из нескольких обычно прямых, широких параллельных улиц, пересекающихся переулками. Около многих домов имеются зеленые насаждения. Иногда селение состоит из одной очень длинной улицы, которая тянется вдоль проходящего через нее тракта. В некоторых районах Таласской долины дома в таких селениях бывают обращены к улице глухой стеной, что свидетельствует о влиянии старой узбекской архитектуры.

В южной Киргизии большинство селений этих типов — сравнительно недавно возникшие поселки, построенные при участии колхозов. Они хорошо озеленены, имеют широкие улицы-аллеи. В некоторых предгорных районах и долинах юга много киргизских селений линейного типа, причем нередко — это отдельные усадьбы, расположенные в один-два длинных ряда по течению реки, иногда на некотором расстоянии одна от другой, что несколько напоминает хуторской тип расселения.

В горных районах (Тянь-Шань, урочища Ферганского и Алайского хребтов) до сих пор в значительной степени сохраняется тип поселения, характерный для прежнего зимнего стойбища кочевников. Дома в этих небольших селениях расположены беспорядочно, без определенного плана, группами или в одиночку, не образуя улиц. Это характерно для «кучевого» типа поселения. В небольших долинах с крутыми склонами можно встретить селения, дома в которых расположены террасами или ярусами, образуя иногда своеобразный амфитеатр. Такие селения в южной Киргизии очень сходны с селениями горных таджиков. В Тянь-Шаньской области получили распространение и селения, состоящие из одного ряда домов или из одной улицы, но еще больше возникло селений с отно-

Улица в поселке колхоза «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область

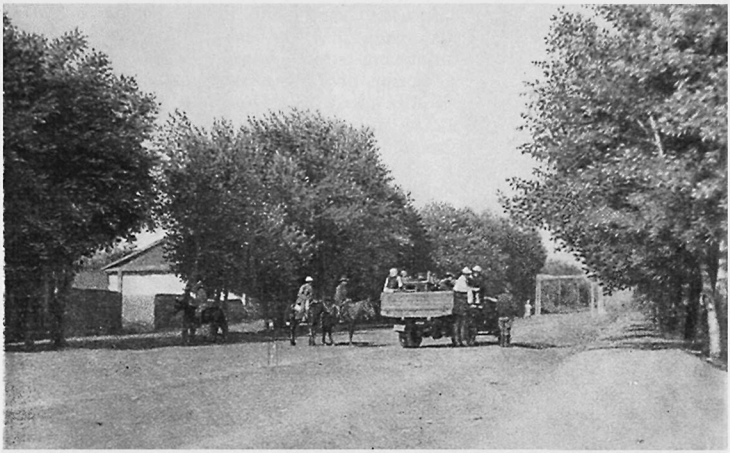
сительно правильной планировкой и с несколькими улицами. В горных районах юга такие селения встречаются реже. В некоторых из них дома тянутся сплошной линией, но окна их часто обращены во двор.

Черты населенного пункта нового типа, возникшего в горной Киргизии, отчетливо выражены в сел. Чаек, которое является центром Джумгальского района Тянь-Шаньской области. В нем живут колхозники одноименного колхоза. Селение построено в 30-х годах. В начале селения раскинулся большой тенистый парк. На главной улице, с обеих сторон усаженной пирамидальными тополями, немало домов городского типа. Среди них — здания районных учреждений, клуба, почты, типографии, детского дома, кооперативного магазина, новые жилые дома. В раскинувшейся на холмах части селения высится прекрасное здание средней школы с интернатом, здесь же расположены постройки Райпромкомбината, хозяйственные помещения колхоза. Дальше к окраине, среди густого сада, — районная больница и амбулатория. Новое селение Чаек возникло на том месте, где в прошлом размещалась обширная усадьба крупнейшего богача и эксплуататора, фактического властителя судеб населения Джумгальской долины — манапа Мурзабека Дикамбаева.

Центр деловой жизни колхозных селений составляет комплекс построек, в которых размещаются правление колхоза, материальный и продовольственный склады, мастерские, кузница, хозяйственный двор, на котором хранятся сельскохозяйственные машины и строительные материалы, здесь же находится и гараж. На самом лучшем месте расположены обычно школа, клуб или дом культуры.

Среди зданий культурно-бытового назначения, во все большем количестве появляющихся в киргизских селениях, имеются здания радиоузла, отделения связи, медицинского пункта, родильного дома, детского сада, детских яслей, бани. Колхозы по собственной инициативе возводят больницы, интернаты для школ, спортивные сооружения.

Многие селения, возникшие в 20-х и особенно в начале 1930-х годов, в последующее время совершенно изменили свой облик. Старый кыштак Карымшак (Чуйская долина) состоял из нескольких десятков беспорядочно



Главная улица в сел. Чаек — центре Джумгальского района. Тянь-Шаньская область

разбросанных глинобитных хижин и юрт. Вместо улиц были тропы. Зелень отсутствовала. Керосиновых ламп никто не имел, и по вечерам в кыштаке была непроглядная темень. На месте старого Карымшака теперь создан кыштак Октябрьский; в нем живут колхозники одного из передовых хозяйств республики — колхоза «Кенеш». Главная улица селения расположилась по тракту, вдоль нее выстроены новые белые уютные домики колхозников. Пешеходные дорожки вдоль тракта обсажены тополями. Рядом со зданием правления колхоза помещается клуб с читальней и кинозалом. За этими зданиями посажен молодой фруктовый сад. Почти все усадьбы колхозников обсажены тополями, а около многих домов есть молодые яблони. Самое лучшее здание в селении — средняя школа.

Некоторые селения перестраиваются, другие застраиваются по генеральному плану. Новые прямые улицы появляются там, где раньше были пустыри или хаотически разбросанные дома. Большое внимание уделяется озеленению селений (в отдельных селениях уже разбиты парки), строительству мостов, колодцев, водопроводов, которые имеют особенно большое значение в местных условиях. Проводится сплошная радиофикация селений.

В Киргизии уже давно появился новый тип сельского поселения — поселки совхозов. На хорошо озелененных центральных усадьбах совхозов — электрифицированные и радиофицированные дома рабочих и служащих, столовые, больницы и другие культурно-бытовые учреждения. Поселки отдельных совхозов связаны автобусным сообщением.

Огромное большинство жилых домов в киргизских поселках построено уже после начала коллективизации. Именно с 30-х годов началась новая историческая полоса в жизни киргизского населения, ознаменовавшаяся массовым переходом к оседлому быту, что было осуществлено как большое государственное мероприятие. Первыми мастерами, у которых киргизские колхозники учились строительному искусству, были русские, узбеки, таджики, уйгуры. В настоящее время в строительных бригадах колхозов уже немало квалифицированных мастеров-киргизов, ведущих большую работу по возведению хозяйственных и жилых построек.

Дома рабочих в поселке Иссык-Кульской опытной станции по овцеводству (ранее совхоз «Оргочор»). Джеты-Огузский район

Современные жилища колхозников построены большей частью из сырцового кирпича, реже — глинобитные и каркасные. Многие из них сохраняют черты построек обычного среднеазиатского типа, но в них имеются и существенные различия. В колхозах северной Киргизии сказывается влияние русского и украинского жилища. Оно проявляется и в планировке и в особенностях конструкции дома. В некоторых населенных пунктах строят и стандартные типовые дома. В строительстве жилых домов колхозникам помогают колхозы: отпускают кредит, выделяют рабочую силу, помогают заготовлять строительный лес, приобретать кровельные материалы, цемент. Живейшее участие в строительстве домов принимают в порядке старого обычая взаимопомощи соседи и ближайшие родственники. Нередко колхозники трудятся коллективно в добровольном порядке и на строительстве общественных зданий (бань, детских яслей).

Типы домов, возведенных ранее и возводимых в последнее время, отличаются большим разнообразием. Отдельным типам домов в отдаленных друг от друга районах свойственны и некоторые локальные особенности. Для Прииссыккулья в целом характерны добротно построенные дома с побеленными внутри и снаружи стенами, с плоско-двускатной, высокой двускатной или четырехскатной кровлей, боковыми террасами, воротами русского типа (не всегда), ставнями, палисадниками. Здесь представлены дома трех типов. Дома первого типа имеют стены из сырцового кирпича, реже — глинобитные, возведенные без фундамента, с почти плоской крышей. Они состоят из двух-трех комнат, включая кухню. В одной из комнат пол деревянный. Большинство домов этого типа было возведено в 20—30-е годы. Ныне они все чаще уступают место более совершенным домам.

Относящиеся ко второму типу дома имеют такие же стены, но на высоком фундаменте, двускатную крышу, потолок, деревянные полы в одной или двух комнатах, большие окна, террасы (*калидор*). Они состоят из двух, реже трех комнат. Очаг-камин заменила железная печь, иногда голландка с плитой-обогревателем. Помещение для кухни выделено из жилого комплекса. Дома этого типа широко распространены. За последние

годы все большее признание получает третий тип жилища, отличающийся совершенством конструкции, тщательностью отделки стен. Дома этого типа имеют высокую двускатную крышу из теса, часто с чердаком, деревянные полы во всех комнатах, террасу или крылечко русского типа, выходящее на улицу. Фасадом с окнами они обращены на улицу. На окнах нередки ставни русского образца. Строительство новых домов улучшенного типа принимает все более массовый характер.

Близкие к обоим последним типам дома распространены и в Чуйской долине. Здесь дом состоит из двух-трех комнат с террасой, имеющей общую крышу с домом и обращенной во двор или узкой стороной к улице. Кровля двух- или четырехскатная, крытая камышом, реже — шифером. Дома, расположенные к улице боком или фасадом, обсажены со всех сторон деревьями, заменяющими забор. Стены в домах выбелены, полы чаще деревянные. Отапливаются дома плитами с обогревателями, реже — железными печами.

Во дворе иссыккульские и чуйские киргизы возводят хозяйственные постройки: помещения для скота—или закрытые, или в виде навесов на столбах, кладовые для хранения продуктов и громоздкой утвари, очаг или печь для приготовления пищи летом. В Прииссыккулье во дворе стоит и хлебная печь (для печения лепешек). На приусадебных участках зеленеют сады. Некоторые колхозники сажают возле домов не только деревья, но и цветы.

Для Таласской долины характерны трехкомнатные дома с высокими двускатными крышами. Они обращены окнами или во двор или на улицу. В одной из комнат сложен камин-очаг, но довольно часто для отопления используется плита с обогревателем. Об узбекском влиянии на архитектуру местных домов свидетельствует наличие ниш в стенах и приподнятого пола.

Большим разнообразием типов домов отличается юг Киргизии. Основная часть жилого фонда в сельских местностях отражает глубокое влияние традиций, воспринятых киргизами от соседнего оседлого населения. Однако в подавляющем большинстве киргизских домов отсутствует характерное в прошлом для жилища и усадьбы оседлого населения Ферганы деление на мужскую и женскую половины. В части районов отчетливо выступает влияние живущего здесь русского населения.

В северных районах Ошской области и в большинстве горных районов, расположенных на юге области, преобладают трехкамерные дома. Комнаты разделены кухней-прихожей (*дализ*), в которой помещается камин-очаг. Стены сложены из сырцового кирпича или каркасные; внутри устроены ниши. К дому примыкает небольшая терраса (*айван*). Эти дома несут на себе заметные следы влияния общеферганской архитектуры.

В некоторых селениях западной части Алайской долины, Фрунзенского и Баткенского районов (по р. Соху), а также у киргизов Джиргатальского района Таджикской ССР распространен иной тип жилища. В нем жилые и хозяйственные постройки находятся под одной крышей, причем в крыше имеется колодцеобразное отверстие для освещения и выхода дыма, устроенное в виде приподнятого свода из положенных один на другой массивных деревянных квадратов. Этот тип жилища, известный под названием припамирского, характерен для припамирских стран, Восточного Туркестана, отчасти Закавказья. У киргизов он локализован среди потомков тех, кто относил себя к родоплеменным группам тейит, найман и нойгут. Эти дома ныне подвергаются реконструкции: отверстие в крыше перекрывают, в стенках пробивают оконные проемы, устанавливают камин-очаг.

Дома киргизов в восточной части Сузакского и Узгенском районах Ошской области несколько напоминают украинские хаты. Стены в них снаружи побелены, кровли—высокие двускатные (иногда четырехскатные), покрытые

камышом. Этот тип кровли, как и некоторые другие архитектурные элементы, заимствован у живущих в этих районах русских крестьян. Часто дома имеют небольшие террасы типа навеса, а в стенах ниши. Дома состоят из двух-трех комнат.

В остальных районах южной Киргизии господствует дом общеферганского типа, преимущественно двухкомнатный. Комнаты или смежные, или разделены небольшой прихожей, напоминающей закрытую террасу, и имеют отдельные входы. Стены таких домов или возводят на деревянном каркасе, заполняя его высушенными комьями глины (*гуваляк*), или строят с применением глинобитной техники (*пакса*), а также из сырцового кирпича. Кровля обычно плоская или плоско-двускатная; новые дома строят с высокими двускатными крышами, покрывая их шифером. В стенах внутри дома обязательно устраивают много ниш (*такча*). Непременная принадлежность дома — терраса, на которой в теплое время года протекает почти вся жизнь семьи. Кроме того, во дворе устраивают и другие помещения летнего типа и приспособления для сна и отдыха на воздухе: высокий помост (1—1,5 м) с крышей и со стенами из камышовых или чиевых циновок, глинобитные возвышения под навесами или просто под деревом. На айване или во дворе часто ставят большую широкую деревянную кровать (*чарпая*, *сере*).

Окна в большинстве случаев имеют рамы со стеклами, глухие или створчатые; в старых домах встречаются и проемы с одностворчатыми досчатыми ставнями (*дарча*), укрепленными на петлях, они служат для освещения и вентиляции. Окна расположены обычно в одной стене и выходят на айван. В новых домах этот принцип нарушается. При реконструкции старых домов в них устраивают хорошие застекленные окна и двери, в комнатах настилают деревянные полы.

Пищу приготовляют, как и везде в Фергане, на очаге-камине (*мору*) с большим дымоходом; камин устраивают или внутри дома или на айване. Широко распространена и хлебная печь (*тандыр*) ферганского типа. В последнее время в домах стали устанавливать плиты с обогревателями. В западных районах области появилось стремление, в подражание узбекам и таджикам, возводить отдельные от дома помещения — *мейманкана*, предназначенные для гостей

В последнее время в киргизских селениях юга стали уже строить дома смешанного типа, в которых черты современного городского дома сочетаются с лучшими традициями ферганской архитектуры. Их строят на фундаменте, из сырцового кирпича, с окнами на улицу, но с айваном и с нишами в стенах. Эти дома более просторны, их стены внутри и снаружи тщательно обмазаны глиной. Потолки часто очень тщательно отделывают деревом, иногда фанерой. Дворы и здесь хорошо озеленены.

В противоположность южной Киргизии, жилые дома в Тянь-Шаньской области отличаются некоторым однообразием. Это большей частью трехкомнатные дома, сооруженные из сырцового кирпича, с плоской крышей и с камином в средней комнате, которая служит кухней. Для отопления на зиму ставят железные печурки. Кое-где на окнах встречаются ставни. Все большее распространение получают деревянные полы. Дворы огораживают дувалами.

Внутреннее убранство жилых домов представляет собой совершенно новую черту национального быта, возникшую в процессе освоения бывшими кочевниками нового для них типа жилища. Оно органически сочетает в себе традиционные элементы, присущие интерьеру старой юрты, с новыми предметами обстановки и домашнего обихода, часто воспринятыми у соседних народов. Многое из современного национального убранства было доступно в прошлом только обеспеченной части населения.

Сочетание старых и новых элементов оказалось отнюдь не механическим: оно придает интерьеру очень приятный и своеобразный вид и

свидетельствует о большом вкусе киргизских колхозниц, стремящихся создать уютную, располагающую к отдыху домашнюю обстановку. Именно им принадлежит решающая роль в художественном оформлении жилища, их руками сделаны все украшения.

У иссыккульских и чуйских киргизов внутреннее убранство дома более или менее однотипно. Характер его определяется назначением тех или иных комнат. Одну из комнат (если дом трехкомнатный) используют главным образом для приема гостей, а также для таких занятий членов семьи, как чтение, приготовление уроков, вышивание. Эту комнату обставляют и украшают особенно тщательно. Пол покрывают простым войлоком, либо узорным войлочным ковром яркой расцветки, поверх которого кладут стеганную на вате подстилку для сидения или меховой коврик. Стены украшают панно (*туш кийиз*), центральное поле которого состоит из полотнища бумажной, шелковой ткани или плюша, а кайма вышита разноцветными нитками тамбурным швом. Одежду, висящую на стене, всегда завешивают белой занавесью, отделанной вышивкой и вязаным кружевом. Стоящую здесь металлическую или деревянную кровать закрывают снизу подзором,тоже с вышивкой. В некоторых местах на стены и зеркало вешают декоративные полотенца (*сүлгүр*). Во многих домах, кроме вышитых занавесок, на окна навешивают еще шторы и ставят живые цветы. В комнате висят рисованные портреты и фотографии членов семьи и их родных.

Из мебели современного типа здесь ставят еще стол, стулья или табуреты. На столе обычно лежат книги и учебники, стоит патефон. Местного типа мебель (особенно в Прииссыккулье) представлена низкими круглыми столиками для еды.

Почти обязательным элементом убранства является традиционный джюк — сооружение из сложенных у стены против входа постельных принадлежностей. Их укладывают в несколько рядов на подставке. Кроме одеял (в скатанном виде), подушек, на которые надеты обычно белые наволочки с кружевами или вышивкой, а также тюфяков, здесь укладывают простые и узорные войлоки, свертки с зимней одеждой. В нижнем ряду часто стоят сундуки и чемоданы. Следует подчеркнуть, что постельное белье у киргизов получило широкое распространение только в последние 20—25 лет.

Среди предметов домашней обстановки и утвари обычными стали радиорепродукторы, часы, утюги. В некоторых домах в качестве украшения на стене висят старинные женские серебряные подвески к косам, отделанные серебром принадлежности сбруи (узда, подхвостник), шапки из дорогого меха, шкуры пушных зверей.

Другая комната служит для повседневных бытовых нужд: в ней семья обедает, пьет чай, выполняет домашние работы, здесь обычно спят старшие члены семьи. Декоративное убранство этой комнаты более скромное. Меблировка сводится к простому столу или столу-шкафчику, на котором стоят самовар, посуда, лампа. В этой же комнате держат различную хозяйственную утварь, сбрую, иногда здесь помещается деревянный ларь для муки. У некоторых тут же стоит кровать, детская колыбель.

Во многих тысячах домов колхозников появилось электрическое освещение. Уже начали входить в домашний обиход и электроприборы. Электроэнергию дают свои колхозные или межколхозные гидроэлектростанции. Там, где электричества еще нет, население пользуется керосиновыми лампами, которые повсеместно вытеснили примитивные светильники-коптилки (*чырак*).

В домах колхозников Тянь-Шаня в основном те же элементы убранства, только здесь значительно меньше покупной мебели; ее отчасти заменяют небольшие деревянные двустворчатые шкафчики, расписанные национальным орнаментом, иногда низкие продолговатые шкафы с раздвиж-

ными дверцами (*жаван*), которые служат подставкой для джюка. Нередко в комнате имеется сучковатый шест для подвешивания хозяйственной утвари (*бакан*). В районах, граничащих с югом, можно встретить в домах ковровые изделия южного происхождения.

У южных киргизов большую роль в размещении домашней обстановки играют стенные ниши. Они служат для складывания постельных принадлежностей, войлоков, одежды и хранения посуды (в таких случаях ниши оборудованы полками). Расставленные в них фаянсовые расписные блюда, тарелки, чайники, пиалы, металлические подносы служат и украшением.

Обстановку в доме колхозника южной Киргизии составляют кровать, стол, обитые жестью и раскрашенные сундуки, джаван, часто украшенный росписью или резьбой, иногда стул, табуреты. Непременной принадлежностью каждого джюка является длинный узкий мешок (*чабадан*), лицевая сторона которого сделана из специально для этой цели вытканного шерстяного коврика. Он используется для хранения мелких мягких вещей и окрашенной шерсти. Особенность подушек (они здесь узкие и длинные или прямоугольной формы) — большое разнообразие наволочек, нередко украшенных вышивкой. В джюк убирают и завернутые в палас домашние вещи.

Большим разнообразием отличаются настенные украшения. Среди них паласы, сшитые из узорных полос ткани домашнего производства, полотнища с традиционной вышивкой—туш кийиз, а также декоративные коврики с аппликацией из кусков различных тканей (сатин, шелк, бархат, ситец) разного цвета, полотенца с расшитыми концами и кружевами. Полы покрывают узорными войлоками, паласами и тканными коврами, а поверх них — выделанными овечьими шкурами, узкими стеганными подстилками.

По декоративному убранству домов в Ошской области выделяются юго-западные районы, населенные потомками киргизов-ичкилик. Здесь отсутствуют типичные для северных и некоторых групп южных киргизов настенные вышивки и узорные сшивные войлочные ковры. Повсеместно распространены ковры с вкатанным узором (*ала кийиз*).

В последнее время в комнатах, предназначенных для приема гостей, в этих районах появились своеобразные фризы в виде длинных бумажных полос с нанесенным на них красочным орнаментом. Эти «фризы» прикрепляют в верхней части стен. Они напоминают декоративные тканые полосы, которыми украшали внутри юрту.

Таким образом, вчерашние кочевники-киргизы за короткий срок создали важнейшую основу оседлого быта — жилище постоянного типа. При всем разнообразии его вариантов это жилище стало неотъемлемой частью современного бытового уклада. Вместе с этим типом жилища сложился и новый образ жизни киргизского крестьянства. Новые жилища не связаны уже с хозяйственной специализацией живущих в них семей, но вполне отвечают их современным бытовым потребностям. С ростом этих потребностей совершенствуются и качественно улучшаются сельские жилые дома. Их строительство представляет собой часть государственного плана удовлетворения жилищно-бытовых нужд трудящихся.

Из всего многообразия фактов, связанных с созданием и ростом колхозных селений, развертывающимся в них благоустройством, сложением нового интерьера в колхозных домах, можно сделать неоспоримый вывод, что мы становимся очевидцами уже начавшегося процесса стирания различий между городом и деревней, процесса постепенного выравнивания условий городского и сельского быта.

Города и поселки городского типа

Вследствие экономической отсталости Киргизии в прошлом городская жизнь здесь была развита чрезвычайно слабо. В немногочисленных тогда городах — Пишпеке, Пржевальске, Оше — основную массу населения составляли ремесленники, торговцы, военные, чиновники, служащие.

Часть горожан занималась сельским хозяйством и извозом. Рабочие составляли очень небольшую прослойку городского населения. Численность киргизов в городах была ничтожной.

Совершенно иное положение сложилось в Киргизии после Октябрьской революции. Наряду с бурным ростом и реконструкцией старых городов началось строительство новых городов и поселков городского типа. Преобладающую часть населения современных городов и поселков составляют рабочие, инженерно-технические работники и служащие промышленных предприятий и учреждений, советская интеллигенция, учащиеся.

Рост материального благосостояния и повышение культурного уровня трудящихся, неустанная забота советских и партийных организаций об удовлетворении их потребностей создали предпосылки для резкого улучшения условий жизни городского населения.

Вместе с развитием народного хозяйства и культуры республики росла и благоустраивалась ее столица—г. Фрунзе. Здесь, на месте занятой русскими войсками в 1860—1862 гг. кокандской крепости Пишпек, возникло военное укрепление, которое в 1878 г. было преобразовано в город. Но до самой Октябрьской революции Пишпек был небольшим захолустным уездным центром, похожим скорее не на город, а на крупное селение с одноэтажными, крытыми камышом домами и пыльными улицами. Он находился в 500 км от ближайшей железнодорожной станции. Население Пишпека к 1914 г. составляло около 14 тыс. человек.

В 1924 г. Пишпек стал административно-политическим центром Киргизской автономной области, а с 1926 г. — Киргизской АССР. Тогда ему и было присвоено имя М. В. Фрунзе.

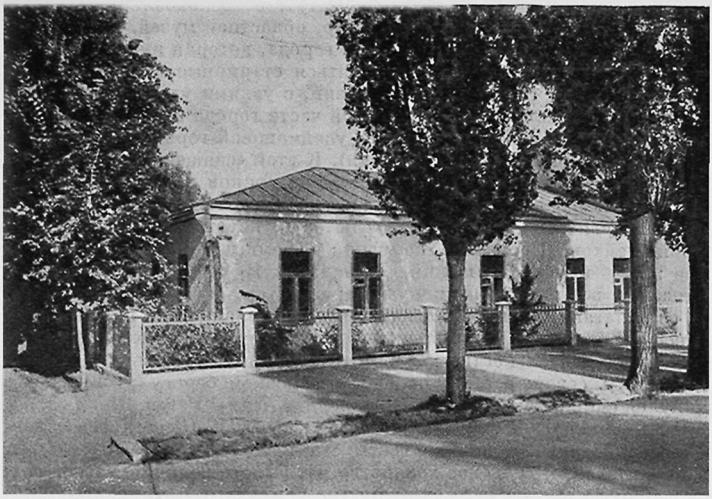
Большим толчком к развитию города явилось подведение к нему в 1924 г. железной дороги.

Фрунзе расположен почти в центре Чуйской долины, на высоте 725—800 м над уровнем моря, поблизости от предгорий Киргизского хребта. Это один из красивейших городов Средней Азии. Он весь утопает в зелени. Его улицы — тенистые аллеи, обсаженные рядами пирамидальных тополей. В городе несколько парков, засаженных дубами, карагачами, кленами; много скверов, украшенных цветочными газонами. Ныне Фрунзе — вполне современный крупный город. В нем воздвигнуто большое число многоэтажных общественных зданий новейшего архитектурного облика. К лучшим из них относятся Дом правительства, здания оперного театра, медицинского института, республиканской библиотеки, ряд зданий монументального архитектурного ансамбля Академии наук Киргизской ССР.

Территория города расширилась в несколько раз. Целые улицы и кварталы во вновь возникших, частью на пустырях, районах города, расположенных главным образом к юго-западу от центра, застроены новыми красивыми домами, в которых с удобствами живут семьи рабочих, инженерно-технических работников и служащих столичных предприятий и учреждений.

Новые жилые кварталы вырастут и в юго-восточной части города. В 1959—1965 гг. в строительство городских жилых домов вкладывается в 3 раза больше средств, чем за предыдущие семь лет.

Проведены большие работы по благоустройству города. Многие его улицы асфальтированы, действуют водопровод и канализация, началась газификация квартир, налажено троллейбусное и автобусное сообщение. Из находящегося поблизости от города аэропорта ежедневно отправляются в разных направлениях самолеты. В окрестностях города расположены крупный ботанический сад Академии наук, выставка достижений народного хозяйства республики, ипподром, знаменитая карагачевая роща, заложенная в 1881 г. энтузиастом-садоводом Фетисовым, с Комсомольским озером, созданным в 1939 г. Здесь проводят свой досуг жители го-



Дом, в котором родился М. В. Фрунзе

рода. В самом городе к их услугам имеются многочисленные зрелищные предприятия, клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. С начала 1959 г. вступил в строй телевизионный центр.

В г. Фрунзе сосредоточено большинство высших учебных заведений, Академия наук и другие научные учреждения республики, больницы, поликлиники, стадионы. С полным основанием его можно назвать центром культуры и науки Киргизской ССР.

Вместе с тем Фрунзе — самый крупный в республике промышленный центр, в котором расположено много предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности, а также промышленности строительных материалов. В соответствии с семилетним планом развития народного хозяйства в городе возводятся корпуса новых заводов и фабрик.

Население г. Фрунзе, составлявшее в 1939 г. 93 тыс. человек, выросло до 219,7 тыс. в 1959 г. Бурный рост населения города сопровождался большими изменениями в его национальном составе. Теперь в нем живет много десятков тысяч представителей основной национальности — киргизов.

В 60 км к востоку от Фрунзе на берегу р. Чу широко раскинулся г. Токмак — в прошлом торговое селение. В нем насчитывается 26,5 тыс. жителей (1959 г.). Токмак постепенно превращается в один из крупных промышленных центров северной Киргизии. Здесь работают авторемонтный, сахарный, консервный и маслодельный заводы, размещена крупная автобаза.

Вторым по величине городом после Фрунзе является Ош — центр одноименной области, расположенный в восточной части Ферганской котловины, на подступах к Алайскому хребту. В 1959 г. в нем насчитывалось 65,2 тыс. жителей. Ош — один из старейших городов Средней Азии. О его существовании в X в. писал Ибн Хаукаль. Как и Фрунзе, Ош стал многонациональным городом, хотя и теперь в нем преобладает узбекское население. В Оше работает около 40 промышленных предприятий, в том числе один из крупнейших в СССР шелковый комбинат им. ВЛКСМ.

В городе имеется педагогический институт, сельскохозяйственный техникум, музыкально-драматический театр, областной музей.

Наряду с быстрым ростом той части города, которая имеет вполне современный облик, продолжают сохраняться старинные кварталы, характерные для старых городов Средней Азии, с узкими улочками, тупиками и скрытыми за дувалами домами. В этой части города возвышается скалистая гора, известная под названием Сулеймановой горы (*Сулайман тоо*), или трона Соломона (*Тахти Сулейман*). К этой «священной» горе еще недавно стекались многотысячные толпы паломников из соседних районов Киргизии и Узбекистана для поклонения расположенным здесь многочисленным «святыням», пропаганда которых неустанно велась большой группой шейхов. Последние получали огромные доходы от верующих в виде жертв и преподношений. Начиная с 1959 г. местная партийная организация возглавила активную и разностороннюю научно-атеистическую пропаганду, направленную на прекращение паломничества. Большое участие в ней приняла интеллигенция города. В результате число паломников и деятельность шейхов стали резко сокращаться.

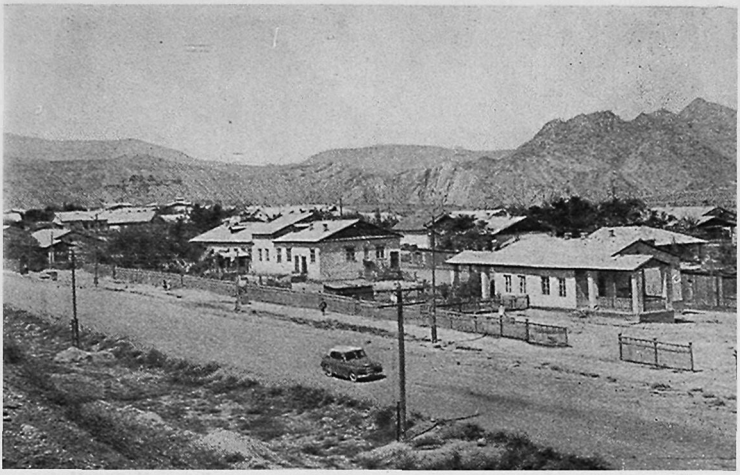
В 68 км к северо-востоку от Ош на высоком берегу р. Кара-Дарьи раскинулся один из древних городов Средней Азии—Узген (16,5 тыс. жителей). В XI—XII вв. он был столицей Средней Азии. Ныне Узген является районным центром. Большая часть его населения — узбеки. Главное занятие жителей — сельское хозяйство. От былого величия Узгена сохранились лишь выдающиеся архитектурные памятники караханидского времени: три мавзолея и минарет, находящиеся под охраной государства.

Сравнительно молодым является небольшой г. Джалал-Абад — конечный пункт железной дороги на востоке Ферганы. В нем насчитывается 31,2 тыс. жителей (1959 г.), имеется несколько промышленных предприятий, педагогическое училище. Наибольшую известность город получил в связи с расположенным рядом с ним санаторием, оборудованным на месте популярной в прошлом «святыни» Хазрет Аюб. Санаторий славится своими целебными источниками.

Одновременно с развитием каменноугольной промышленности в южной Киргизии около крупных угольных рудников на месте небольших шахтерских поселков выросли города Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак и Таш-Кумыр. Заплесневелые бараки и жалкие лачуги возле копей предпринимателей Батюшкова и Ракитина на «красных косогорах» (*кызыл кыя*) давно ушли в прошлое. На смену им пришли светлые многоквартирные дома. Самый молодой в г. Кызыл-Кия Январский поселок застроен двухквартирными домами. В каждой из квартир две просторные комнаты, кухня и ванная, большая терраса. Многие шахтеры построили для себя небольшие коттеджи, удовлетворяющие современным требованиям и национально-бытовым традициям. Обычно в них имеется две-три комнаты. В одной из них приготовляется пища, отсюда ее название *ашкана*, вторую называют *катта үй* (большая комната), или *меймankана* (гостиная), а иногда *уктай туреан үй* (спальня). В ней принимают гостей, здесь же спит большинство членов семьи. Крыши домов почти везде шиферные.

Примером благоустроенного одноквартирного жилища служит дом почетного шахтера, Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева. В нем две большие светлые комнаты, отделенные от них коридором кухня с плитой и водопроводом и ванная. Частью жилого комплекса является застекленная веранда. Во дворе кусты винограда, фруктовые деревья, разбит цветник.

Характерной чертой, присущей новым жилым домам не только киргизских рабочих, но и интеллигенции, является наличие в них наряду с комнатами, обставленными современной мебелью, комнаты, сохраняющей в обстановке национальный стиль. Здесь на полу разостлан войлочный ковер, около одной из стен сложены стопкой одеяла, на стенах висят выши-



Поселок шахты «Северная» в г. Таш-Кумыре

тые панно. Но и при отсутствии такой комнаты во внутреннем убранстве и обстановке жилого дома киргизского рабочего сохраняются национальные особенности. В южной Киргизии в домах рабочих нередко встречаются сделанные в стенах традиционные ниши, в которых размещают сундуки, швейную машину, постельные принадлежности, расставляют посуду. Пол устилают войлоками и паласами, стены украшают вышивками. Среди обстановки наряду со столом, стульями, металлическими кроватями можно увидеть круглый низенький столик, деревянную кровать старого типа, национальный музыкальный инструмент (*комуз*). Хотя главное место в убранстве принадлежит новым предметам домашнего обихода, использование отдельных традиционных элементов придает вполне современному интерьеру жилищ рабочих своеобразный колорит.

Положительное влияние на убранство и меблировку жилищ рабочих-киргизов, а также на их быт, оказывал и оказывает близкий контакт с русскими рабочими. Совместный труд и братская дружба русских и киргизских рабочих сопровождаются их тесным общением в быту.

В г. Кызыл-Кия имеются Дворец культуры, библиотека, больница и поликлиника, несколько специальных учебных заведений (горный техникум, горнопромышленное училище), издаются две газеты — на киргизском и русском языках. Здесь живет 30,2 тыс. человек (1959 г.). Ведутся подготовительные работы по газификации городов юга Киргизии.

В северной Киргизии большую роль в развитии экономики и культуры играют прииссыккульские города Пржевальск и Рыбачье. Если первый возник в 1869 г. (тогда он назывался Каракол), то второй — один из самых молодых и быстро растущих городов республики.

Имя Н. М. Пржевальского было присвоено Караколу после смерти путешественника в 1888 г. В 12 км от города, на высоком берегу Иссык-Куля, покоится прах отважного исследователя, завещавшего похоронить его именно здесь. Рядом с могилой — памятник Пржевальскому и дом-музей его имени. Пржевальск в течение многих десятилетий до Октябрьской революции был проводником передовой русской культуры. Здесь еще в 1902 г. была основана публичная библиотека. Местная русская демократически

Поликлиника, обслуживающая шахтеров и их семьи. Город Кызыл-Кия

настроенная интеллигенция вносила в среду киргизского народа элементы прогрессивной культуры.

Пржевальск — небольшой, но хорошо озелененный и удачно распланированный красивый город. Его гордостью является городской парк с разнообразными древесными насаждениями. Основное население Пржевальска (в 1959 г.— 32,6 тыс. человек) составляют русские и киргизы, в нем живет также много татар и уйгуров. В настоящее время в Пржевальске работает несколько предприятий местной промышленности, имеется педагогический институт, техникумы, краеведческий музей им. Н. М. Пржевальского, драматический театр, несколько научных учреждений.

Город Рыбачье раскинулся у западного конца Иссык-Куля, на скрещении дорог, ведущих из Фрунзе в Иссык-Кульскую котловину и на высокогорный Тянь-Шань. Здесь расположены порт и железнодорожная станция, крупный мясокомбинат, рыбные промыслы, несколько автохозяйств, поэтому и население города (в 1959 г.— 17,9 тыс. человек) состоит главным образом из рабочих, шоферов, рыбаков, железнодорожников и их семей.

В самом сердце Тянь-Шаня, на берегу р. Нарына, разместился второй областной центр Киргизии — г. Нарын, начавший свое существование в третьей четверти XIX в. в качестве маленького военного укрепления. Теперь это по существу совсем новый растущий город, своеобразная столица обширного животноводческого края. Население Нарына составляют в основном киргизы. Здесь живет 14,9 тыс. человек.

В послевоенный период в связи со строительством новых промышленных предприятий, энергетических, ирригационных и других сооружений в Киргизии возникло много поселков городского типа. Среди них — поселок строителей большого Орто-Токойского водохранилища в Прииссыккулье, поселки киргизских нефтяников — Кочкор-Ата, строителей Уч-Курганской ГЭС — Шамалды-Сай, горняков — Сумсар. Общим для них является необычно быстрое возведение передовыми методами жилых домов и культурно-бытовых учреждений. Рабочие поселки буквально на глазах растут и хорошеют. В них обязательно сооружаются клубы, стадионы, детские учреждения, школы, бани, предприятия общественного

Кочкор-Ата, поселок нефтяников

питания. В Кочкор-Ата имеется техникум. Поселки озеленяются. В центре поселка Шамалды-Сай по инициативе приезжавшей на стройку ГЭС молодежи Народной Республики Болгарии посажена Аллея дружбы народов СССР и стран народной демократии. Все эти поселки, как правило, многонациональны. Среди жителей Шамалды-Сая представители более 20 национальностей.

Благоустраиваются и давно существующие рабочие поселки. Так, например, в поселке Фрунзе, где живут рабочие горнометаллургического комбината им. Фрунзе, разбиты парк и сквер, открыт летний кинотеатр, оборудован ночной санаторий.

Всего в Киргизии насчитывается 15 городов и 29 поселков городского типа. Численность городского населения увеличилась с 1939 г. (270 тыс. человек) в 2,5 раза и достигла в 1959 г. 696 тыс. человек, что составляет 34% всего населения республики. В 1913 г. удельный вес городского населения определялся всего лишь в 12,3%. В наиболее отдаленной, высокогорной Тянь-Шаньской области до Октябрьской революции вовсе не было городского населения, а в 1959 г. оно составляло уже 20% всего числа жителей области. Быстрый рост городского населения обусловлен главным образом промышленным развитием республики.

Важнейшим мероприятием, осуществляемым во всех городах и поселках городского типа, является улучшение жилищно-бытовых условий. В этом направлении уже достигнуты первые ощутимые результаты. В течение 1956—1960 гг. государственными и кооперативными организациями, а также населением городов и рабочих поселков построены жилые дома общей площадью 2245 тыс. кв. м.

Кроме того, колхозниками и сельской интеллигенцией за это же время возведено 46,6 тыс. индивидуальных жилых домов. Темпы жилищного строительства будут нарастать с каждым годом.

Одежда, украшения

Одежда киргизского населения Средней Азии претерпела за время своего развития много изменений, обусловленных различными историческими причинами: ростом производительных сил, развитием обмена и торговли, связями с соседними народами. Как и в других сторонах материальной культуры, в киргизской

одежде отчетливо выступают особенности, которые были свойственны в прошлом отдельным территориальным и племенным группам.

Киргизская одежда характеризуется также многими своеобразными чертами, типичными для одежды кочевников. Известный отпечаток на характер одежды киргизов накладывает и климат высокогорной страны с его резкими колебаниями температуры, местами довольно суровый. Это вызывает потребность в различных видах теплой одежды, используемой иногда и в летний сезон.

«Постоянный холод и отсутствие теплого жилища,— писал в конце XIX в. Б. Тагеев о памирских киргизах,— заставляют кочевника быть всегда одетым в теплую одежду, которою служат ему ватный халат и тулуп на овечьей шерсти...»[1].

Натуральный в основном характер киргизского хозяйства в дореволюционном прошлом оказывал влияние на одежду населения. В широком употреблении была одежда, сшитая из грубой шерстяной ткани домашнего производства, изготовлявшейся почти в каждой семье, из войлока, шкур и кожи домашних и диких животных. Ткань из шерсти (*таар*) вырабатывалась различными способами: *тепме* делали с ворсом, плотного тканья (ее заливали кипятком и катали как войлок; разновидность этой ткани — *басма таар*); *чыйратма* изготовляли из крученой пряжи; на выделку *пиязи таар* шла тонкая пряжа из верблюжьей шерсти.

Однако часть одежды киргизы шили из покупных тканей, поступавших в XVIII — XIX вв. из Кашгара и среднеазиатских ханств, особенно из г. Намангана. Отсюда же частично привозили готовые одежду, обувь, материал для украшений. Около середины XIX в. из России начали ввозить в северную Киргизию ткани русского производства (ситцы, коленкор, нанки, миткаль и др.), а также красную юфть. Они получили распространение в первую очередь в более зажиточных слоях населения.

Несмотря на широкое распространение основных типов одежды и общие черты ее покроя, главное, что определяло в прошлом внешний облик того или иного киргиза, была его классовая принадлежность. Бедняк обычно вынужден был довольствоваться в качестве верхней одежды халатом из грубой армячины, к тому же иногда надеваемым на голое тело. Пастухи и работники получали за свой труд старую, изношенную одежду кого-либо из членов семьи своего хозяина. Наблюдатели отмечали во второй половине XIX в., что киргизы очень редко меняли одежду; они делали это только тогда, когда она расползалась от ветхости. Дети до 10 лет ходили либо нагими, либо в каком-либо рубище. М. И. Венюков многозначительно замечает: «Иногда носят рубашки, но они не составляют белья...»[2] Все эти показания относились, несомненно, к беднейшей части населения. В то же время феодалы и богатые скотоводы носили одежду из дорогих привозных тканей; их тулупы, например, были сшиты из мягких шкурок ягнят. Особенностью их костюма были широкие кожаные пояса, отделанные ценными украшениями из серебра. Такие же различия наблюдались в обуви, головных уборах и украшениях.

Традиционный характер киргизской одежды, а также серьезные изменения, которые она претерпела, выявляются при знакомстве с данными, относящимися к XVIII и середине XIX в. Китайские источники XVIII в. различают одежду вождей (старшин) и простого народа. Первые, как сообщают источники, носили одежду из парчи и войлочные шляпы с украшениями из меха, опоясывались красными шелковыми кушаками, обувь у них была из красной кожи. Простой народ носил одежду из грубой шерстяной ткани с поясом из холста, шляпы без украшений и сапоги из сыромятной кожи. Из описаний можно также заключить, что одежда

[1] Б. Тагеев. Памирские киргизы. «Нива», 1897, № 38, стр. 898.

[2] М. И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. «Зап. Русского географического общества», 1861, кн. 4, стр. 110.

Киргизская женская одежда первой четверти XX в.

1—рубаха «кёйнёк»; *2*—вышитый нагрудник «онгур», надеваемый поверх рубахи; *3*—украшение для кос «чолпу»; *4*—девичья шапка «тебетей»; *5*—женский камзол «камзур»; *6*—женский головной убор «элечек», северная Киргизия; *7*—женский головной убор «чач кеп», южная Киргизия; *8*—женская распашная набедренная одежда «бельдемчи»; *9* — женская шуба «ичик»; *10* — старинная женская обувь «отюк»

Мужская одежда киргизов первой четверти XX в.

1—халат из войлока «кементай»; *2*—пояс «кемер»; *3*—нагольный тулуп «тон»; *4*— шляпа из войлока «калпак»; *5*—тюбетейка «топу»; *6*—шапка «тебетей»; *7*—штаны кожаные «джаргак шым»; *8*—кушак «кур»

у киргизов того времени была распашная, покрой мужской и женской одежды был более или менее одинаков, воротники носили шалевидной формы. Сведения о том, что войлочные шляпы отделывались мехом и имели высокие тульи, подтверждаются приобретенной в 1946 г. Историческим музеем г. Фрунзе шляпой, принадлежавшей одному из киргизских вождей XVIII в. Она имеет очень высокую тулью и, судя по названию (*кары боюу киш калпак*, т. е. высотой с *кары*[1] соболья шляпа), была отделана со-

[1] Кары — часть руки от локтя до плеча.

больным мехом. Кроме того, по рассказам, на ней имелась вышивка. Китайская династийная хроника «Тан Шу» в повествовании о древних киргизах сообщает, что их предводитель «зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы»[1].

Данные наблюдений Ч. Ч. Валиханова, П. М. Кошарова и В. В. Радлова позволяют воссоздать киргизский костюм 50-х годов XIX в. Не касаясь всего костюма, отметим те его черты, которые свидетельствуют о его самобытности, сохранении в нем древних традиций и в то же время о несомненных его связях с костюмом некоторых народов Центральной Азии. Так, по словам В. В. Радлова, специфически киргизскими являлись верхняя войлочная одежда с рукавами (по Радлову — *кебенек*, у современных киргизов — *кементай*), белые войлочные сапоги из козьего пуха, а также «белые войлочные шляпы, которые редко встречаются у казахов и благодаря которым племени (киргизам.— *Ред.*) присвоено наименование Ак-калпак (белая шапка)»[2]. Действительно, и в киргизском фольклоре встречается название «*ак калпактуу кыргыздар*» (белошляпочные киргизы). Киргизские войлочные шляпы имеют ближайшее сходство с головными уборами некоторых групп населения провинции Цинхай (КНР). Не случайно в одном из китайских источников XVIII в. отмечается, что они похожи на шляпы буддийских монахов ордена Пилу.

В этом же направлении устанавливаются черты сходства киргизской женской набедренной одежды (*белдемчи*), представлявшей собой короткую распашную юбку, пришитую к широкому поясу; полы ее сходились спереди. Такую юбку носили замужние женщины. Аналогичная одежда поныне входит в состав праздничной и обрядовой одежды у монголоязычного народа ту (монгоров), живущего на границе провинций Цинхай и Ганьсу.

Характерный для середины XIX в. мужской и женский кафтан (*чапан*) со стоячим воротником и пестрыми шнурами, с пуговицами на груди, имевший распространение у киргизов Прииссыккулья, свидетельствует о тесных связях киргизов с Восточным Туркестаном, где у некоторых народов встречалась аналогичная одежда. Наконец, отрывочные данные позволяют заключить, что в прошлом у киргизов имел некоторое распространение способ запахивания одежды, близкий к тому, который был типичен для монгольских народов.

Отпечаток своеобразия придавали одежде и обуви киргизов в середине XIX в. такие ее элементы, как женская рубаха с вышивкой на груди или с отдельно надевавшимся нагрудником (*өңүр* или *жака*), сплошь расшитым цветными нитками; конусообразная шлемовидная шапочка с украшениями (*шөкүлө*), которую надевали невесте; мужские штаны из выделанной кожи или замши (*чалбар*, *кандагай*, *жаргак шым*), изготовлявшиеся преимущественно из кожи косули и дикого козла и нередко вышитые шелковыми нитками с гарусом; сапоги из красной юфти с умеренно длинными голенищами, коротким следом, узкими, слегка загнутыми носками, на высоком деревянном каблуке, со вшитыми из цветной кожи кантами (их носили и мужчины и женщины). Некоторые из этих видов одежды и обуви имели аналогии в одежде казахов и отдельных народов Средней Азии, но в сочетании с названными ранее элементами одежда киргизов в целом имела собственный национальный облик.

После присоединения Киргизии к России, к концу XIX — началу XX в., киргизский костюм несколько изменился. Прежде всего получили более широкое распространение покупные русские ткани. Благодаря развитию рыночных связей, усилению контакта с другими народами

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.— Л., 1950, стр. 352.

[2] W. Radloff. Aus Sibirien, T. I. Leipzig, 1893, стр. 527—528.

(русские, татары — на севере, узбеки и таджики — на юге), сдвигам в хозяйственной жизни некоторые виды одежды исчезли вовсе, у других изменился покрой, распространение третьих резко сократилось. В костюм начали входить новые, заимствованные элементы, заменявшие или вытеснявшие старые. Так, совсем вышли из употребления названные кафтаны, сапоги на высоком каблуке, постепенно исчезало нагрудное украшение женских рубах, девичья свадебная шапочка, реже носили кожаные штаны. Становились иными по покрою мужские рубахи: распашную рубаху (*ачык көйнөк*), напоминающую халат, в северной Киргизии сменила рубаха туникообразного покроя, сшитая из перегнутого пополам полотнища, со стоячим воротником и разрезом спереди, аналогичная рубахе казанских татар. У них же, по-видимому, был заимствован и однобортный бешмет (*бешмант*), сшитый в талию, со стоячим воротником. Менялся и покрой женского платья-рубахи: его начали шить со стоячим воротником; позднее стали носить отрезные платья — к свободному лифу пришивали юбку в сборку, что отразилось и на названии этой одежды — *бүйүрмө көйнөк* (*бүйүрмө*—стягиваться в мелкие сборки).

Решающую роль в преобразовании киргизского костюма после Великой Октябрьской социалистической революции сыграли такие факторы, как коллективизация сельского хозяйства и переход бывших кочевников на оседлость, индустриализация страны и развитие городской жизни. Благодаря расширению торговли и повышению жизненного уровня населения, под влиянием новой, особенно городской, культуры и в результате развития межнациональных связей киргизский костюм в значительной мере изменил свой облик. Самым характерным для него стало сочетание исторически сложившихся традиционных форм одежды, в свою очередь подвергшихся некоторым изменениям, с новыми, главным образом городскими видами одежды, в основе которых лежит современный русский костюм. Выработались уже довольно устойчивые комплексы одежды, в особенности среди разных возрастных групп.

Киргизское население городов и рабочих поселков носит костюм городского покроя, включая в него изредка лишь отдельные элементы традиционной одежды (мужчины — головной убор, женщины — безрукавку). Только некоторые представители старшего поколения, а в городах южной Киргизии иногда и среднего, надевают верхнюю одежду, рубаху или платье старого фасона. Почти полностью перешла на одежду городского покроя и сельская интеллигенция, а также обучающаяся в городах киргизская молодежь, приезжающая из всех районов республики.

Иное положение в сельских местностях. Здесь, несмотря на широкое проникновение одежды городского типа, еще устойчиво сохраняются многие виды традиционной одежды, хотя их место и удельный вес находятся в зависимости от возраста и характера производственной деятельности. Но частично сохраняющаяся одежда старого покроя существенно изменилась благодаря тому, что в обиход населения прочно вошли ткани фабричного производства, большая часть которых ранее была недоступна широкой массе неимущих и малоимущих слоев киргизского населения. За небольшим исключением, всю одежду сельское население шьет теперь из фабричных тканей. Излюбленными их видами являются вельвет, бархат, плюш, шерстяные и полушерстяные ткани, шелк (в южной Киргизии — местного производства), сатин, ситцы и штапельное полотно ярких тонов.

Старый покрой некоторых видов одежды переработан, а отдельные элементы традиционного костюма, не соответствующие новым требованиям, быстро выходят из употребления, удерживаясь лишь среди пожилых и престарелых колхозников и колхозниц. Вообще национальные особенности более отчетливо прослеживаются в одежде старшего поколения, но в еще большей мере — в одежде колхозников, занятых выпасом скота

Молодая киргизская женщина в национальном костюме.
Начало XX в.

на сезонных пастбищах, что в значительной мере обусловлено рациональностью веками выработанных форм, приспособленных к климатическим условиям высокогорья.

Пути распространения новых видов одежды разнообразны. Здесь и покупка готового платья и обуви в магазинах, и подражание образцам одежды соседей—прежде всего русских и украинских колхозников, и городские фасоны, заносимые сельской интеллигенцией, родственниками-горожанами, студентами. Готовую одежду и обувь колхозники покупают охотно и в самом разнообразном ассортименте, но еще больше одежды шьют дома, и не только легкое платье и белье, но и некоторые виды верхней одежды и головных уборов. Этому способствует широкое распространение швейных машин.

Девочка в старинной шапочке «тебетей». Тянь-Шань

Следует подчеркнуть очень важное новшество: для всех возрастов и всех слоев киргизского населения стало обычным ношение нательного белья. Белье и платье часто меняют, и систематическая стирка стала обычным делом в каждой семье. Мыло домашнего производства почти вышло из употребления, его заменило фабричное. Все более входит в быт глажение белья. У женщин получает распространение фартук городского покроя, надеваемый во время приготовления пищи и других домашних работ. Повсеместно вошло в обиход постельное белье, которого в прошлом киргизы не знали. Во многих населенных пунктах сооружены бани. Все это свидетельствует о глубоких изменениях в гигиене одежды и личной гигиене сельского населения.

Современный киргизский костюм отличается большим разнообразием, что является следствием главным образом сохранения некоторых былых племенных особенностей, а также расширения связей с соседними народами. Отразить все это разнообразие в кратком описании костюма не представляется возможным, поэтому остается упомянуть лишь о некоторых его локальных особенностях. Определенные различия могут быть отмечены прежде всего в костюме киргизов, населяющих северную и южную части республики.

В северной Киргизии в общем господствует более или менее единый тип одежды, хотя здесь и отмечаются некоторые локальные черты. Характерно, например, что в Тянь-Шаньской области женщины носят более длинную одежду, чем в других местах, а в долине Таласа сохранилось относительно больше элементов довольно своеобразного старого женского костюма. На юге Киргизии отчетливо выявляются три разновидности

комплекса одежды. В юго-западных районах Ошской области (районы расселения киргизов группы ичкилик) бытует одежда, характерная для узбекского и таджикского населения всей Ферганы, но в сочетании с рядом элементов общекиргизского костюма. В восточных и юго-восточных районах той же области (районы расселения групп, называвших себя адигине, мунгуш и монголдор) киргизский костюм как бы объединяет в себе северокиргизские элементы с отмеченными чертами юго-западного варианта одежды. Наконец, в районах северной части Ошской области преобладают формы костюма, сходные с северокиргизскими, но они сочетаются с элементами русского городского костюма, с одной стороны, и современного узбекского костюма «ферганского типа» — с другой. Узбекское влияние особенно ощутимо в районах, расположенных по соседству с Узбекистаном.

Как и у многих других народов, бо́льшая устойчивость национального костюма наблюдается у женщин. Однако женщины молодые и среднего возраста, и особенно девушки в большей мере, чем пожилые женщины, подвергли изменению традиционные формы одежды и усвоили ее новые виды. Это является прямым результатом повсеместного вовлечения женщин в общественное производство, их участия в общественной жизни. Современное женское платье (*көйнөк*) по покрою постепенно приближается к городскому: его укорачивают, делают отложной воротник, к лифу пришивают юбку в сборку, а иногда шьют ее из четырех косых клиньев. В южной части Киргизии носят платья двух видов: свободного туникообразного покроя со стоячим воротничком, с прямыми или слегка суженными рукавами и современного узбекского фасона — отрезные, на высокой кокетке, с пышными сборами, вшивными рукавами и отложным воротником; последние получили также распространение среди девочек и девушек на севере. Для платья южанок характерны цвета красных тонов.

Наряду с нательным бельем современного типа часть женщин продолжает носить шальвары старого покроя, но более короткие.

Непременной принадлежностью женского костюма служит короткая безрукавная одежда (*пенжек, камзур, кямзир*) типа мужского жилета, которую шьют из тканей преимущественно темных цветов (праздничные — из вельвета или бархата), на подкладке. Она бывает или без воротника, с большим вырезом на груди или закрытая с небольшим стоячим воротником (северные районы Ошской области). Ее украшают иногда серебряными пуговицами (Талас). Все шире распространяется жакет (*кастум, камзур*) городского покроя, заимствованный от русского населения. Его также шьют из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, в частности из вельвета, бархата и плюша. Надевают иногда и вязаные кофточки. Молодые женщины на юге носят легкую летнюю одежду (*желек*) разного покроя — или в виде чапана, или с узкой по талии спинкой, с небольшим воротником шалью.

Верхней одеждой северных киргизок служат теперь обычно теплые пальто (*дукаба палто*) из черного плюша, слегка прилегающие в талии, с воротником шалью. Их покупают готовыми или шьют дома. В южной части Ошской области в качестве верхней одежды носят халаты (*чапан*), по покрою или аналогичные мужским (прямые в боках, с расширяющимися передними полами и узкими рукавами, без воротника), из черной хлопчатобумажной или полушелковой пестрой ткани местной выработки, или «модные» — с более узкой спинкой, отложным воротником, прорезными карманами и прорезными петлями, застегивающиеся на пуговицы. Для таких халатов-пальто излюбленным материалом стал плюш. На севере также часть женщин носит весной и осенью чапан из темной ткани или вельвета, с отложным воротником, но иного покроя. Зимой, особенно на высокогорных пастбищах, женщины надевают шубы на меху.

Обычные головные уборы женщин — это хлопчатобумажные платки

ярких расцветок, а праздничные — шелковые платки или вязаные шелковые шали с бахромой. Во многих районах наблюдается своя, местная манера повязывания платка. Зимой женщины надевают шерстяные или пуховые вязаные шали.

Девушки на севере уже перестали носить прическу, состоящую из множества мелких косичек; они заплетают волосы в две косы, ходят летом с открытой головой, а некоторые в платках или тюбетейках. Распространенные ранее повсеместно старинные девичьи шапки с меховой опушкой (*тебетей*) еще носят в долине Таласа. На юге девушки по-прежнему заплетают множество косичек и ходят в тюбетейках.

В комплекс девичьей одежды начинает входить костюм, состоящий из белой кофточки с вышивкой крестом на груди и рукавах и черной юбки на широких бретелях (*сарапан*). Этот костюм заимствован от местного русского и украинского населения.

Молодая женщина в национальном костюме и головном уборе «элечек»

Повседневная обувь женщин и девушек — туфли или ботинки, обычно на низком каблуке. Праздничная обувь — ичиги (*маасы*) с галошами или мягкие сапожки на низком каблуке, иногда с узором, на юге такие сапожки обычно красные или из лаковой кожи. В обиход вошли чулки фабричного производства. В холодное время года, особенно на работе, ходят в сапогах с шерстяными или войлочными чулками, а также в валенках.

Старинные громоздкие и дорогие серебряные украшения, например нагрудное украшение (*сөйкө*), имеющее форму больших соединенных цепочкой конусовидных серег, с множеством подвесок филигранной работы, вышли из употребления. В настоящее время охотно носят коралловые ожерелья, серебряные серьги, браслеты, кольца, покупные или работы местных мастеров. Местами (например на Тянь-Шане) можно встретить подвешиваемое к косам серебряное украшение (*чолпу*, *зээр*), состоящее из монет или крупных пластинок. В долине Таласа к косам подвешивают вправленные в серебряные трубочки черные шнуры, заканчивающиеся кистями (*чач папик*).

Значительно больше традиционных черт сохранилось в костюме пожилых женщин. Северянки шьют длинное и широкое платье-рубаху, отрезное, со стоячим воротником. Южанки носят платье с вертикальным разрезом на груди (без воротника), скрепляемым большой круглой старинной брошью (*бучулук*, *төөнөч*); у старух же бытует платье с треугольным вырезом спереди, аналогичное таджикскому. Для платья пожилых женщин на юге характерна отделка разреза узкой орнаментированной тканой, плетеной или вышитой по бязи тесьмой. В отличие от севера,

Киргизская женщина в старинном головном уборе. Алайская долина

на юге широко распространено опоясывание платья на бедрах свернутым вышитым платком или широким стеганым поясом (*белдик*), а иногда, как в старину, тканым кушаком (*белкур*). Костюм пожилой женщины дополняют длинные шальвары старого покроя (с широким шагом).

Северянки носят безрукавку и однобортный камзол (*бешмант*), доходящий до колен, со стоячим воротником, скроенный слегка в талию. В долинах Таласа и Чаткала безрукавку заменяет камзол с короткими рукавами (*чолок бешмант*), из-под которых выступают длинные и широкие рукава платья. Его шьют из темных тканей, бархата или вельвета. В Таласе камзол носят женщины всех возрастов и девушки.

Верхней одеждой пожилых женщин служит чапан. На севере он представлен двумя разновидностями: без воротника и с большим отложным воротником (на территории прежнего расселения племени бугу). Теперь рукава чапана делают короче, чем раньше. У южанок чапан характерного «ферганского» покроя. Зимней одеждой является шуба (*ичик*) на овечьем меху с воротником из того же меха или меха сурка. Встречается и упомянутая выше набедренная одежда — бельдемчи. Она имела в прошлом несколько вариантов. Так, в северной Киргизии и представители племен адигине и мунгуш, проживавшие на юге, бельдемчи шили из черного бархата с пышными сборами у пояса и украшали тамбурной вышивкой. У группы южных племен, которую называли ичкилик, эта одежда была из цветного бархата или полушелковой ткани, без вышивки, из нескольких раскошенных клиньев, без сбор. Теперь на севере бельдемчи носят главным образом женщины-чабаны, они шьют их из овчины и покрывают сверху хлопчатобумажной тканью. Местами эта одежда сохранилась и в некоторых южных районах (Баткенский, Фрунзенский, Ляйлякский, западная часть долины Алая).

В прошлом важную роль в костюме всех замужних женщин играл головной убор, имевший много вариантов, по которым можно было даже определить племенную принадлежность женщины. В наше время ношение национальных головных уборов в большинстве районов Киргизии почти сошло на нет.

В северной Киргизии головной убор женщины состоял из небольшой, облегающей голову шапочки (*кеп такыя*) с полосой, спускавшейся на спину, и повязанного поверх нее тюрбана (*элечек*). На тюрбан шла тонкая белая ткань или кисея. В зависимости от формы тюрбана, а также украшений шапочки различались четыре типа женского головного убора.

Иссык-кульские, чуйские и тянь-шаньские киргизки ткань для тюрбана наматывали спиралью, образуя идущие кверху от головы ровные выступы; сам тюрбан имел цилиндрическую форму, конец его заворачивали на левую сторону.

В долине Таласа и в районах северной части современной Ошской области, которые были населены родоплеменными группами саруу, кытай, кутчу, джетиген и багыш, носили тюрбан (*илеки*) круглой или овальной формы; он был очень широким в верхней части (без отворота) и имел сравнительно небольшой налобный выступ.

В восточных районах современной Ошской области (группы адигине, мунгуш и монголдор), а также у киргизок из племен мундуз и басыз тюрбан имел большие размеры и сильно нависающий над лбом выступ. Шапочку (кеп такыя, *баш кеп*), имевшую шлемовидную форму, искусно расшивали цветным шелком очень тонким швом; вышивали части, прилегающие ко лбу и щекам, и полосу, спускающуюся на спину. К шапочке прикрепляли очень длинные, спускавшиеся на грудь подвески из снизок кораллов, скрепленных серебряными пластинками.

Женщина племени кыпчак в старинном головном уборе «кяляк». Алайская долина

В юго-западных районах Ошской области, где жили группы под названием ичкилик, тюрбан (*кяляк*) имел более округлую форму и был довольно высоким, шапочка же (*чач кеп, кеп чач*) была аналогична предыдущей. Иногда на тюрбан накидывали нарядный платок (*дурия*), угол которого, спадавший на спину, украшали вышивкой и бахромой.

Тюрбан украшали по-разному: вышитыми полосками, перекрещивающимися спереди, шелковой тесьмой (ичкилики), серебряными украшениями, кораллами, монетами, жемчугом. Украшения называли *кыргак, тартма, калкан*.

В Прииссыккулье, в Чуйской долине элечек уже очень редко можно встретить на старухе или пожилой женщине, на Тянь-Шане он встречается несколько чаще. В Таласской же долине старинный головной убор — илеки распространен значительно шире, его можно увидеть и на женщинах среднего возраста. К югу этот головной убор встречается реже, а в южной части Ошской области он совершенно вышел из употребления. У киргизов, живущих в Джиргатальском районе Таджикистана, старинный головной убор сохранился только как свадебный наряд.

Исчезновение из быта киргизских женщин в большинстве районов республики таких принадлежностей национального костюма, как головной убор и распашная юбка (бельдемчи), было обусловлено многими социально-экономическими причинами и прежде всего тем, что они перестали удовлетворять современным требованиям. Для повседневного обихода

Мужчина в национальной одежде. Алайский район, Ошская область

они оказались непригодными. Но как элементы праздничного костюма элечек и бельдемчи еще иногда встречаются.

В настоящее время некоторые девушки и женщины надевают национальные костюмы на демонстрации во время больших советских праздников, в дни фестивалей, их заказывают для участников спортивных праздников, театральных постановок, художественной самодеятельности. К сожалению, при массовых заказах подлинные национальные черты костюма нередко сильно искажаются или чрезмерно преувеличиваются, а иногда используются без должного вкуса, вопреки свойственным традиционному костюму естественной простоте и изяществу.

Потребность в национальных женских украшениях очень велика и еще далеко не удовлетворяется местной промышленностью. Стремление некоторых женщин к ношению близких их вкусам художественных изделий проявляется и в том, что они украшают себя изделиями киргизских и узбекских серебряных дел мастеров. Среди этих изделий встречаются и отвечающие новым вкусам.

В целом, несмотря на глубокие изменения, женский костюм во многих районах имеет национальный облик, в чем немалую роль играет сохранение присущей ему цветовой гаммы, жизнерадостного колорита.

Некоторое распространение у киргизских женщин имеет косметика. У киргизок юга она выражается в небольших окрашиваемых надрезах между бровями, окрашивании зубов, сурмлении бровей (в районах, находящихся по соседству с Узбекистаном).

В мужской одежде, в отличие от женской, наблюдается гораздо более заметное влияние городских форм костюма, однако не одинаковое в различных возрастных группах. Большое распространение современный городской костюм получил среди молодых колхозников. Их обычную одежду составляют разного фасона сорочки, пиджаки, гимнастерки и брюки, часто заправленные в сапоги. Вошел в моду костюм, состоящий из кителя и брюк-галифе, который шьют из вельвета (преимущественно коричневого). Его носят и колхозники среднего возраста. Обычное теплое пальто нередко заменяется шубой на меху киргизского покроя, крытой темной тканью. В Прииссыккулье вошли в обиход русского типа овчинный полушубок (*бүйүрмө тон*) и одежда на овечьем меху, сходная с русской поддевкой (*бүйүрмө ичик*). Головные уборы очень разнообразны, вплоть до городских фетровых и соломенных шляп, но нередко носят киргизские шапки и войлочные шляпы (*калпак*). Сказанное выше относится главным образом к северной Киргизии. На юге несколько чаще можно встретить элементы национального костюма, например верхнюю одежду (чапан) из

полушелковой ткани (бекасаба) ярких тонов, опоясывание вышитыми платками. Здесь повсеместно распространена тюбетейка (чустского фасона).

Одежда киргизского сельского населения среднего возраста в большей мере смешанного типа. В ней обычный пиджак или ватник может сочетаться со штанами старого покроя. Впрочем, иногда и штаны имеют смешанный покрой: пояс и карманы у них как в городских брюках, а сами они с широким шагом. На севере носят еще похожий на китель, более короткий, чем у стариков, однобортный камзол (бешмант, *кемсел*), надеваемый поверх рубахи. Обувь современного типа, головные уборы — старинные киргизские. На юге киргизы среднего возраста носят верхнюю одежду традиционного покроя.

Многие виды национальной одежды устойчиво сохраняются в костюме мужчин пожилого возраста и стариков. Как и в женском костюме, здесь много локальных вариантов. В то время как для северян типичны белая рубаха (*көйнөк*), сшитая из перегнутого полотнища, со стоячим воротником и застежкой посередине, южане носят длинную распашную рубаху (*жегде*), с завязками, напоминающую узбекский яктак, или более короткую, с треугольным вырезом (*узун жака*). Теперь на юге стали шить рубахи и со стоячим воротником. Штаны (*ыштан, шым*) сохраняют общий среднеазиатский покрой (с очень широким шагом, на вздержке). Шьют их из различных тканей, иногда из кожи, в горных районах — из овчины шерстью внутрь. Носят и брюки, заправляя их в сапоги.

В северной Киргизии, а также в северных районах Ошской области сохраняется длинный (до колен) однобортный камзол (бешмант) с небольшим стоячим воротником; его шьют обычно из тканей темного цвета, праздничный — из коричневого вельвета. Верхней одеждой у пожилых киргизов является повсеместно распашной халат (чапан), стеганный на шерсти или вате, на подкладке, без воротника или с отложным воротником старого фасона (в районах Прииссыккулья, где он был характерен для племени бугу). На севере республики, как и в восточных районах Ошской области и на западе Алайской долины, носят чапан свободного покроя, с широкими клиньями внизу. Он имеет большой запáх на правую сторону, как и вся распашная одежда у киргизов. В других районах южной Киргизии чапан имеет покрой, аналогичный узбекскому и таджикскому: прямой в боках, узкий, со скошенной передней полой и узкими рукавами, с разрезами внизу на боках. Здесь его шьют, как и на севере, из тканей темных цветов, часто из черного сатина. На юге принято опоясывать чапан свернутым по диагонали большим платком (*чарчы*), вышитым по краям. Иногда опоясываются двумя платками. Для южан характерна одежда для теплого времени года в виде легкого халата (желек) из хлопчатобумажной ткани на подкладке и без нее. По покрою различаются легкие халаты двух видов: аналогичные узбекскому яктаку и напоминающие северокиргизский бешмант.

В северной Киргизии у чабанов и табунщиков не вышли из употребления своего рода плащи (кементай) из коричневого или белого войлока, свободного покроя, хорошо предохраняющие от дождя или снега, и очень широкий длиннополый халат (*чепкен, чекмен*) с длинными и широкими рукавами, из сукна домашнего производства, который надевают на другую верхнюю одежду. Его шьют как на подкладке, так и без нее.

Зимними видами национальной одежды служат меховые шубы — ичик, крытые темной тканью, на Тянь-Шане и в Прииссыккулье — с меховыми воротниками шалью, и нагольные овчинные тулупы. На севере и в северных районах Ошской области тулупы (*тон*) шьют с большими меховыми воротниками и окрашивают в желтый или черный цвет. На юге тулупы (*постун*) иногда шьют без воротника, в восточных районах их окрашивают в белый цвет, в западных районах тулупы имеют боковые разрезы внизу. Очень разнообразна отделка тулупа: полы, подол и ворот обшивают

Киргиз в нагольном тулупе. Южная часть Ошской области

полосами меха или черной ткани, нашивают полосы и треугольники из ткани на плечах и внизу у разрезов.

Большим разнообразием отличаются меховые шапки. На Тянь-Шане, в Прииссыккулье, во многих районах Ошской области носят шапку — тебетей — с широкой опушкой из овчины или лисьего меха, чаще с бархатной или вельветовой тульей, сшитой из четырех клиньев. В долине Таласа и местами в долине Джумгала, а также в Тогуз-Тороо и юго-восточной части Ошской области носят шапки с округлой тульей и узкой опушкой, которую в холодное время года отворачивают, чтобы прикрыть уши и лоб.

Почти повсеместно распространена войлочная шляпа нескольких вариантов, различающихся по форме тульи, наличию или отсутствию разрезов на полях, характеру строчки. Так, у южан шляпа в целом более высокая, чем у северян, имеет широкие поля с разрезами; в некоторых районах Таласской долины поля шляпы почти прямые, тулья — сплошная, без клиньев; в Прииссыккулье и Чуйской долине встречаются шляпы полуовальной формы с полями без разреза. Поля обшивают черным бархатом, сатином или другой тканью; место соединения клиньев обшивают черным кантом или конским волосом. Иногда шляпу украшают незатейливым орнаментом, вышитым черными нитками.

В южной Киргизии кое-где носят белую чалму (*селде*), а в западных ее районах иногда повязывают голову вокруг тюбетейки вышитым платком.

Из национальных видов обуви сохраняются местами сапоги с невысокими голенищами (*чокой*), скроенные из одного куска кожи, с наружным швом, закрепляемые на ноге кожаными ремешками. Многие пожилые мужчины и старики носят с резиновыми галошами сапоги (*маасы*) без каблуков и твердого задника, на мягкой подошве. Широко вошли в обиход современные русские сапоги, которые надевают зимой на войлочные чулки (*байпак*), а в некоторых местах южной Киргизии и у киргизов Джиргаталя и Восточного Памира — на шерстяные вязаные чулки с узорами (*жороп*), заимствованные у таджиков.

Теперь в обеспечении одеждой и обувью животноводов, выпасающих скот зимой, принимают участие и колхозы и совхозы. Их снабжают ватными куртками и штанами, валенками, шапками-ушанками, брезентовыми плащами, сапогами.

В киргизском быту некоторые виды одежды имели обрядовое значение. Так, халат из красного сукна — *манат чапан* — считался свадебным нарядом невесты. Головным убором невесты была шапочка шлемовидной формы — *швкулв*, богато украшенная бисером, жемчугом, монетами, се-

ребряными бляшками. При переезде молодухи в дом мужа на нее надевали (закрывая с головой) парчевый халат (*кымкап*) или (на юге) закрывали ей лицо особой занавеской (*чүмбөт, бет жабуу, бет калка*), которую прикрепляли к головному убору. Она во многом напоминает лицевые занавески у таджиков (рубанд).

Парчевым халатом раньше покрывали покойников (местами это применяется и теперь). Траурным цветом одежды до сих пор считается синий.

Заканчивая обзор киргизской национальной одежды и происшедших в ней изменений, нельзя не подчеркнуть, что по сравнению с прошлым у большинства населения за последние десятилетия улучшилось качество одежды и увеличилось ее количество на каждого члена семьи, включая детей и подростков. Теперь уже различают будничную (или рабочую) и праздничную одежду, которая имеется у каждого. Многие имеют по нескольку смен белья и разных видов одежды, а верхнюю одежду меняют в зависимости от сезона. Повышение материального уровня как сельского, так и городского киргизского населения позволяет ему все более совершенствовать свой костюм. Вносимые в него изменения и улучшения отражают также растущие культурные запросы горожан и сельских жителей.

Пища

Питание киргизского населения находилось в прямой зависимости от направления его хозяйственной деятельности. В связи с небольшим распространением земледелия у киргизов они обычно испытывали недостаток в муке и зерновых продуктах; в XIX в. в составе их пищи преобладали молочные продукты и мясо. По наблюдениям Ч. Валиханова, в середине XIX в. киргизы питались главным образом «молоком да палым скотом», но он упоминает и о просяной каше[1]. В это время жителям отдаленных районов, например, киргизам Памира и Каратегина, лишь очень редко удавалось доставать муку; если она у них и появлялась, то из нее не пекли хлеб, а варили похлебку.

Наступившие вскоре после присоединения Киргизии к России изменения хозяйственного уклада киргизов привели к заметному увеличению в пищевом рационе доли зерновых продуктов. В последующий период, особенно в конце XIX — начале XX в., большинство киргизского населения стало потреблять в основном молочную и растительную пищу и лишь отчасти мясную. Объективные наблюдатели отмечали, что у киргизов мясо являлось предметом роскоши и было повседневной пищей лишь очень богатых людей.

Одной из самых характерных особенностей пищевого режима киргизов был его сезонный характер. В теплое время года они питались в основном молочными продуктами, зимой же преобладала пища из муки и зерна, к которой добавляли некоторые молочные продукты (сыр, масло, подсоленный творог). Уделом большей части населения было постоянное недоедание, особенно зимой; во время массового падежа скота нередко наступал настоящий голод.

При значительном ассортименте национальных блюд и кушаний питание основной массы населения отличалось крайней скудностью и однообразием. Обычно бедняки и малосостоятельные середняки в течение круглого года питались жидкой пищей. Наиболее распространенными видами ее были *максым* и *жарма*. Максым — это питье из толокна или дробленого ячменя: в отвар клали немного муки. Джарму варили из подсушенного на огне ячменя (или пшеницы), зерна которого размельчали в деревянной ступе и опускали в кипящую воду. В отвар, после того как он остынет, добавляли солод или старую джарму и муку. Джарму употребляли холодную, в кислом виде. Кроме того, были распространены *талкан* — толокно из поджаренного и измельченного ячменя, пшеницы или кукурузы (его распускали в молоке, простокваше или воде), *көжө* (*көчө*) — жидкий

[1] Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 259, 412.

суп из пшена, который заправляли молоком или айраном (реже варили с мясом), и *ботко* — просяная каша.

Не все бедняки имели возможность питаться ежедневно обычной пищей кочевника — слегка разбавленным водой кислым молоком (*айран*). Одно из любимых блюд скотоводов — кумыс (*кымыз*) — подвергшееся брожению кобылье молоко, так же как и мясо, бедняк употреблял изредка, да и то большей частью получал его с байского стола как подачку или как угощение во время устраивавшихся баями и манапами торжеств. Чай, не говоря уже о сахаре, был почти недоступен бедняку, даже хлеб в виде лепешек не был его повседневной пищей.

За последние десятилетия питание неузнаваемо изменилось. Не может идти в сравнение с прежней пищей основной массы киргизского населения, с его постоянными заботами о чашке джармы и айрана, пищевой режим современного колхозника. На нем сказались глубокие преобразования социально-экономического уклада, повышение культурного уровня населения и особенно переход к оседлому образу жизни бывших кочевников. Эта сторона быта свидетельствует о неизмеримо возросшем жизненном уровне. Удовлетворение потребностей колхозников в питании основывается прежде всего на росте многоотраслевого общественного хозяйства, а также на использовании продуктов из личного хозяйства.

Вместе с тем на видах пищи отразилось расширение связей с городом и с соседним русским, узбекским, таджикским, дунганским и уйгурским населением. Это особенно заметно в Прииссыккулье, Чуйской долине, южной Киргизии. Хотя пища в целом и продолжает сохранять свое национальное своеобразие и способы ее приготовления не подверглись существенным изменениям, в ней появились и новые, не знакомые в прошлом блюда, она стала разнообразной. Пища обогатилась в значительной мере в связи с развитием новых отраслей хозяйства, почти не известных ранее кочевникам: огородничества, садоводства, пчеловодства, птицеводства. Тем не менее она не утратила в полной мере и своего сезонного характера, особенно у животноводов. Осенью и зимой пища более питательна и разнообразна, летом в ней значительное место занимают чай и холодные жидкие кушанья, лишь вечером приготовляют горячее блюдо.

Резко улучшилось питание подавляющей массы колхозников, в нем повысился удельный вес наиболее питательных видов пищи. Прежде всего, на столе колхозника перестали быть редкостью мясо, животные жиры. В пищевой обиход вошли картофель, овощи, фрукты, мед, покупные продукты (сахар, кондитерские изделия), стал доступен широким массам рис, а с ним и плов, в пищу стали употреблять птичье мясо и яйца в вареном и жареном виде. Наиболее часто употребляются такие овощи, как лук, помидоры, огурцы, морковь, капуста (из нее иногда варят щи). В южной Киргизии, где овощи и фрукты уже давно вошли в пищевой режим, значительное место принадлежит тыкве (*ашкабак*), которую кладут в суп, в пельмени, едят с мясом и приготовляют как самостоятельное блюдо. Наряду с традиционными лепешками, испеченными в котле (*көмкөрмө токоч*) или на углях между двумя сковородками (*көмөчтөн*), в южной Киргизии и отчасти в долине Таласа лепешки пекут в глиняной хлебной печи ферганского типа — *тандыр* [1]. Местами употребляется и печенный современным способом хлеб.

Из молока и молочных продуктов приготовляют, кроме айрана и кумыса, следующие кушанья: род кислого сыра (*курут*), заготовляемого на зиму и употребляемого в пищу в сухом виде или растертым и разбавленным в теплой воде; творог (*сүзмө*); разбавленный водой айран (*чалап*), используемый летом как прохладительный напиток; пресный сыр из кипяченого створоженного молока, засушенный в виде небольших лепешек,—

[1] На севере она распространена преимущественно в пределах Прииссыккулья и имеет иную форму.

Приготовление лепешек. Наукатский район, Ошская область

быштак или *пышлак* (изготовляется преимущественно у южных киргизов и употребляется в пищу в ближайшие дни после приготовления); особый сорт сладковатого твороговидного сыра из подвергающегося длительному кипячению овечьего молока (*эжигей*); топленое масло (*сары май*); кипяченые сливки (*каймак*). В разных районах Киргизии способы приготовления масла отличались. На юге была широко распространена деревянная маслобойка (*күп* или *гүү*), имеющая форму узкого цилиндрического сосуда.

Молочная пища летом составляет основное питание колхозных животноводов. Еще в больших размерах, чем другие колхозники, они заготовляют на зиму курут, топленое масло и подсоленный творог. По случаю возвращения животноводов с летних пастбищ до сих пор принято устраивать угощение (*өрүүлүк*). Прежде его приносили вновь прикочевавшему скотоводу те, кто уже раньше прибыл на место стоянки. Теперь живущие в селениях родственники приносят вернувшимся бузу (род пива), *боорсок* (кусочки теста, жаренные в котле в бараньем сале), лепешки, фрукты. Животноводы в свою очередь угощают их копченым мясом, сыром. Вообще одной из своеобразных черт киргизского сельского быта является постоянный обмен продуктами между животноводами, находящимися на пастбищах, и членами их семей или родственниками, живущими в селениях.

Обилие зерновых продуктов позволяет колхозникам употреблять в пищу разнообразные мучные изделия. Из муки приготовляют излюбленное лакомство — боорсок, печеные в золе хлебцы — *көмөч*, печенье типа хвороста — *чоймо токоч*, слоеные лепешки — *жупка*, которые кладут в горячее молоко и сдабривают маслом и творогом; слоеные лепешки на масле, иногда со сливками — *каттама*, жареные в масле лепешки — *май токоч*, оладьи — *куймак*. На юге, а также в долине р. Таласа сохраняется блюдо из проса или зерен кукурузы: зерна поджаривают, толкут в ступе или размалывают на ручных жерновах, затем заливают горячим молоком и едят с маслом и сахаром или подают к чаю. Приготовляют лапшу (*кесме*), которую обычно варят с мясом, иногда с молоком; на юге

частым блюдом бывает молочная рисовая каша. Хлебные изделия потребляют главным образом с чаем.

Чай принадлежит к числу самых популярных напитков у киргизов. В Иссыккульской котловине в прошлом нередко чай приготовляли сами, покупной чай, преимущественно кирпичный, был доступен не всем. Ч. Валиханов отмечал, что киргизы заваривали чай с солью и он напоминал «калмыцкий чай». У иссыккульских киргизов до революции был распространен *куурма чай*: в молоко, разбавленное водой, клали жаренную в масле муку или талкан, добавляли соли и кипятили.

Теперь повсеместно пьют покупной чай, причем в южной Киргизии летом предпочитают зеленый чай (*көк чай*). Северяне воду для чая кипятят, как правило, в самоварах, которые появились здесь в конце XIX — начале XX в., а южане — преимущественно в металлических кувшинах. У северян принято подавать чай каждому из пьющих в отдельной пиале, а южане пьют по очереди из одной-двух пиал. Угощением к чаю, кроме лепешек и боорсока, служат масло, каймак, сушеные фрукты, сладости, в частности мед. В Прииссыккулье чай пьют иногда со свежим молоком, чуть подсаливая его. Из других напитков распространены джарма, а также буза (*бозо*), которую приготовляют главным образом зимой из проса, ячменя или кукурузы, добавляя для брожения солод — проростую пшеницу и муку.

Теперь нередко приготовляют кумыс и из коровьего молока (*уй кымыз*), которое заквашивают настоящим кумысом.

На юге часто варят болтушку (*атала*) — жидкую пищу из кукурузной муки, которую едят с кислым молоком или маслом.

Киргизы употребляют в пищу различные виды мяса: конину (которая особенно ценится), баранину, говядину, а также мясо диких животных: горных козлов, баранов и косуль и, наконец, птичье мясо. Охотники до сих пор применяют иногда старинный способ варки мяса (*таш боркок*): мясо убитого животного складывают в его желудок (*карын*), наливают туда воду и опускают раскаленные камни, от которых вода закипает. Вообще же мясо обычно варят в чугунных котлах.

Наиболее распространенным видом мясной пищи является вареная баранина. Куски мяса обмакивают в соленый мясной бульон (*сорпо*), кроме того, бульон подают отдельно перед едой и после нее. Излюбленным блюдом является мелко накрошенное вареное мясо (*тууралган эт*; теперь его чаще называют *бешбармак*), политое бульоном, которое смешивают со сваренной в этом бульоне лапшой. В XIX в. в северной Киргизии лапшу в мясо не добавляли и называли это блюдо *нарын*. У южных киргизов нарын распространен и теперь. В него добавляют нарезанный лук. Лакомством считается легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде (*куйган өпкө, олобо*), а также колбаса из мяса с жиром (*чучук*). Вареное мясо (в этом случае подают крупные куски, которые режут во время еды) едят также с кусочками тонко раскатанного теста (*кулчөтай*), жареное мясо (*куурдак, куурма*) подается без приправ.

В прошлом заготовлять мясо впрок имели возможность только крупные и отчасти средние скотоводческие хозяйства; теперь почти каждая колхозная семья заготовляет мясо на зиму (*согум*). Поздней осенью забивают одну-две овцы, иногда лошадь. Части туши слегка подсаливают, затем, продержав их несколько дней завернутыми в шкуру, развешивают в кладовой. Характерно, что в каждом киргизском доме имеется помещение для хранения запасов продуктов; раньше небольшие запасы пищи хранили в юрте и лишь для хранения зерна устраивали ямы в земле (*ороо*).

Мясную пищу потребляют главным образом поздней осенью и зимой, хотя вареное крошеное мясо приготовляют и в другое время года—по случаю семейных и общественных праздников или приезда гостей. У животноводов зимой мясная пища преобладает. Кроме крошеного мяса, на

праздничный стол подают еще особый род вареной колбасы из печени и крови (*быжы*), в которую кладут сало, лук и перец, иногда рис.

Наряду с традиционными видами пищи получили распространение и новые. Они появились благодаря изменениям в экономике и тесным контактам с русскими. Среди них мясной суп (*сорпо, шурпа*) с картофелем и луком, жареный картофель с мясом (*жаркоп*), пирожки с начинкой из картофеля. Приготовляют теперь и некоторые уйгуро-дунганские блюда, например паровые пельмени (*чучбара*), подобные узбекским и уйгурским *мантуу* большие пирожки с мясом, также испеченные на пару в особом металлическом приспособлении (*каскан*); соус из кусочков мяса, который добавляют в вареную лапшу, — *лагман*. Узбекский плов теперь распространился как праздничное блюдо и в северной Киргизии; в Прииссыккулье его часто делают из пшена.

Характерно, что наиболее сытную мясную пищу употребляют преимущественно вечером — в этом сохранилась старая традиция. Но куурдак или джаркоп, например, едят иногда и днем.

Национальное лакомство — боорсок — употребляют теперь нередко с сахарным песком.

Из местных наркотиков основным является особо приготовленный жевательный табак (*насыбай*), закладываемый за нижнюю губу. Уже давно вышла из употребления курительная трубка (*канжа*).

Исторически сложившиеся национальные особенности в пище (ее состав и способы приготовления) наиболее устойчиво сохраняются в семьях животноводов на отгонных пастбищах.

Некоторое место в колхозах начинает занимать общественное питание. Его организуют во время сезонных работ на полевых станах и во время стрижки овец. На этот период выделяют поваров, большей частью женщин; варят обычно мясной суп с лапшой. В горных районах колхозников, работающих в поле, снабжают лепешками, айраном, иногда кумысом.

Горячую пищу приготовляют в котле (*казан*) на очаге. К столу ее подают в эмалированных или фаянсовых чашках. Обедают и пьют чай в большинстве случаев сидя вокруг скатерти, разостланной на войлоке, покрывающем пол. Но в Прииссыккулье и Чуйской долине (в меньшей мере в Таласе и на Тянь-Шане) получили распространение круглые низкие деревянные столики, вокруг которых во время трапезы усаживается вся семья. Женщины и дети, получавшие в прошлом худшую пищу, питаются теперь наравне с остальными членами семьи.

Старая домашняя утварь, приспособленная в прошлом к полукочевому образу жизни, сохраняется главным образом в юртах животноводов. Это деревянная и кожаная посуда. Но деревянные ступы, кадки, ведра, глубокие блюда для мяса бытуют еще и в поселках. Современная утварь, появившаяся вместе с изменениями, внесенными в хозяйственную жизнь и в культуру колхозным строем, представлена большим количеством разнообразной посуды: алюминиевой, эмалированной, фаянсовой. Молочные продукты приготовляют и сохраняют почти всегда в эмалированных тазах и кастрюлях, но молоко, а также массу для приготовления сыра кипятят по-прежнему в котле.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Общественная жизнь

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила классовую структуру киргизского общества и полностью преобразила общественные отношения, существовавшие в киргизском аиле.

Утверждение социалистической системы хозяйства, победа коллективизации в сельском хозяйстве Киргизии предопределили ликвидацию

эксплуататорских классов — байства, манапства, кулачества. Колхозное крестьянство, рабочий класс и интеллигенция составили новое советское киргизское общество. Молодой киргизский рабочий класс возник и растет в тесном союзе с крестьянством, и этот союз представляет собой одну из монолитных основ киргизской социалистической нации.

В рядах многочисленной киргизской интеллигенции есть инженеры, техники, агрономы, врачи, художники, писатели, артисты, учителя, ученые, в том числе много женщин. Под руководством Коммунистической партии воспитаны многочисленные национальные кадры партийных и советских работников, государственных деятелей, хозяйственников.

Трудно даже сопоставлять общественную жизнь в современном киргизском обществе с монотонным и вялым течением прежней жизни киргизского аила, основанной на всевластии байско-манапской и чиновничьей верхушки и на бесправии большинства рядовых скотоводов и земледельцев. Многообразна, содержательна, проникнута новыми отношениями общественная жизнь в городах, аилах и кыштаках Киргизии. Она основана на принципах товарищества и взаимной помощи, тесно переплетается с интересами общественного хозяйства и труда, многими нитями связана с общественно-политической жизнью всего Советского Союза. Руководителем и организатором, душой всей общественной жизни в Киргизии является ее Коммунистическая партия, объединявшая в своих рядах к XXII съезду (1961 г.) свыше 68 тыс. человек.

Советы депутатов трудящихся привлекают население к активному участию в общественной жизни. Сессии Верховного Совета Киргизской ССР и местных Советов обсуждают самые насущные вопросы общественного хозяйства, культурно-бытового обслуживания трудящихся. Свыше 15 тыс. депутатов местных Советов и многие тысячи активистов участвуют в постоянных комиссиях, занятых улучшением деятельности всех советских организаций. В целях дальнейшего развития советской демократии число депутатов в Советах республики было увеличено в 1959 г. более чем на 2 тыс. Выборы в Советы всегда проходят как большой народный праздник.

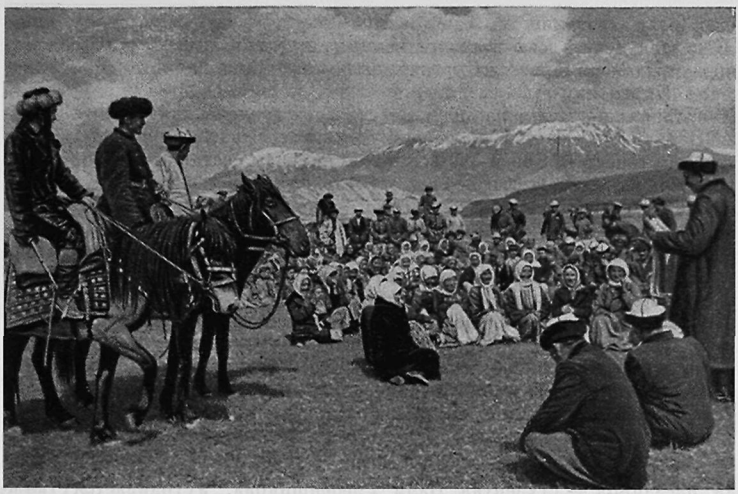
Об общественной активности трудящихся Киргизии свидетельствует тот факт, что на городских и районных партийных конференциях, открытых партийных собраниях и собраниях трудящихся, посвященных обсуждению проекта новой Программы КПСС, присутствовало более 435 тыс. человек. Тысячи коммунистов и беспартийных выступали на собраниях и в печати со своими откликами и предложениями.

Большую роль в коллективном управлении хозяйственными делами играют рабочие собрания и производственные совещания на предприятиях и общие собрания колхозников.

Коммунистический Союз Молодежи Киргизии, насчитывающий в своих рядах около 150 тыс. юношей и девушек, является признанным вожаком киргизской молодежи. Его деятельность ознаменована многими славными делами. Под его руководством развернулось движение за массовый переход комсомольцев и молодежи на работу в ведущую отрасль сельского хозяйства — животноводство.

Сотни тысяч членов объединяют профсоюзные организации Киргизии. При деятельном участии профсоюзов трудящиеся соревнуются за досрочное выполнение семилетнего плана. Самое замечательное явление современности, возникшее в связи с созывом XXI съезда КПСС,— движение за звание коллективов и ударников коммунистического труда — охватило свыше 75 тыс. трудящихся. В середине 1961 г. за это почетное звание боролись около 3 тыс. коллективов, 609 его уже завоевали.

Общественный труд сплотил людей независимо от их прежней родовой принадлежности, от их национальности. Родовое и племенное самосознание уже давно уступило место национальному самосознанию. Первен-



Собрание колхозников. Тянь-Шаньская область

ствующее место заняло сознание принадлежности к определенному трудовому коллективу.

Однако из памяти старшего поколения киргизов еще не исчезли представления о принадлежности к тому или иному племени и роду, о генеалогии своей семейно-родственной группы и семьи. Эти представления, как правило, уже не играют какой-либо роли в общественной жизни, но иногда проявляются в пределах группы родственных семей — бир атанын балдары. Имеющая характер народного обычая, взаимная помощь внутри такой группы используется иногда лицами, преследующими корыстные цели, для создания обстановки семейственности и круговой поруки, что причиняет тот или иной ущерб общественным интересам. Солидарность членов группы родственных семей, выражающаяся в коллективной помощи члену группы по случаю свадьбы, похорон и т. п., базируется на той же отсталой и ныне вредной идеологии «родового единства». Молодежь в своей массе не поддерживает патриархально-родовых пережитков, связанных с воспоминаниями о прежнем родоплеменном делении.

Основой государственного и общественного строя в Киргизской ССР, как и в других братских республиках СССР, является идеология дружбы народов. Она пронизывает всю производственную, общественную и духовную жизнь трудящихся республики. Если в дореволюционное время на пути подлинной дружбы киргизского народа с русским и другими народами стоял русский царизм и киргизские феодалы и баи, то в годы Советской власти, когда для развития дружбы не осталось никаких препятствий, она приняла широкие и многообразные формы.

На предприятиях, в колхозах, учреждениях, институтах, вузах учатся и рука об руку трудятся на благо Родины представители всех национальностей, населяющих Киргизию. Многонациональные колхозы — частое явление как в северной, так и в южной Киргизии. Двенадцать национальностей представлены среди колхозников сельскохозяйственной артели «Кызыл-Шарк» Кара-Суйского района Ошской области: дунгане, киргизы, узбеки, русские, таджики, уйгуры, корейцы и др. Этот

колхоз до недавнего времени возглавлял дважды Герой Социалистического Труда дунганин Х. Таширов.

В деятельности всех государственных, партийных и других общественных организаций всегда учитывается многонациональный состав населения Киргизии.

В органах власти все национальности представлены депутатами. В составе Верховного Совета Киргизской ССР IV созыва были представители 13 национальностей. Среди 329 депутатов киргизы составляли 52,8%, русские 25,2%, украинцы 9,4%, узбеки 5,4%. В местных Советах Киргизии имеются депутаты 36 национальностей, в том числе киргизов — 55,5%.

Делается все необходимое для того, чтобы не допустить ущемления интересов какой-либо национальности, представленной в республике. Партийные организации воспитывают трудящихся в духе социалистического интернационализма, сближения наций.

Большим событием в общественной жизни являются устраиваемые по нескольку раз в году на ипподромах городов Фрунзе и Пржевальска, а также в других пунктах конно-спортивные праздники, программы которых обязательно включают наиболее любимые народом национальные игры и состязания. В них обычно входят состязания народных силачей (*күрөш*), борьба на конях (*оодарыш*), скачки юношей и девушек — «погоня за девушкой» (*кыз куумай*). Интересно отметить, что на новогоднем празднике в Пржевальске в 1959 г. победу в этой скачке одержала русская наездница — студентка Валя Гребенщикова. Устраивается также состязание по перетягиванию аркана (*аркан тартыш*). После скачек и заездов племенных скакунов организуются так называемые гладкие скачки с участием колхозных лошадей — *ат чабыш* или *аламан байга* на дистанцию до 8—10 км, в которых наездниками бывают обычно юные джигиты, в возрасте 10—12 лет. Иногда устраивают гладкие скачки с жокеями-девушками. Демонстрируют свою ловкость джигиты и в состязании *тыйын эңмей*, во время которого нужно на всем скаку поднять с земли монету. Наконец, в заключение обычно устраиваются проходящие с большим спортивным азартом конские скачки с козлом (*улак тартыш*). На этих праздниках всегда присутствуют многие тысячи зрителей, остро реагирующих на все перипетии состязаний и игр.

В г. Фрунзе иногда организуются выставки национальных предметов быта, выпускаемых предприятиями местной промышленности. Это национальные женские платья разных расцветок, мужская одежда (чапан, чепкен, бешмант). Кроме того, швейные предприятия выпускают женскую одежду из вельвета и плюша. Фабрика головных уборов освоила выпуск мужских национальных головных уборов (калпак, тюбетейки). Производятся и национальные виды обуви. Для продажи таких товаров в г. Фрунзе открыт магазин национальных изделий. В нем продают вышитые ковры-панно — туш кийиз, ткани соответствующих местным вкусам расцветок, косынки с национальным орнаментом и др. Джалал-Абадский литейно-механический завод начал производить из алюминия кувшины местной формы — кумганы. Налаживается в городах продажа таких отвечающих национальным вкусам продуктов, как конина и кумыс.

В Киргизии издаются газеты и литература, ведутся радиопередачи на русском, дунганском и узбекском языках, лекции читаются также на разных языках; в г. Оше работает старейший узбекский музыкально-драматический театр с ведущей актрисой Таджихон Хасановой, он ставит пьесы и киргизских драматургов; в быт киргизской молодежи широко вошли узбекские танцы. Пользуются популярностью самодеятельные уйгурские ансамбль и хор, дунганские ансамбли народных инструментов. В Киргизии, как и в других республиках, происходит закономерный процесс сближения наций. Культура киргизского народа впитывает в себя элементы культур братских народов, развивается по пути сближения с

ними. Важное значение в связи с этим имеет принимающее все более широкие размеры изучение, наряду с родным языком, русского языка. Он уже стал для киргизов вторым родным языком.

Выросшее на основе общих интересов строительства социализма и совместного труда морально-политическое единство народов Советской Киргизии неоднократно получало яркое выражение в единодушном голосовании во время выборов в Верховные Советы СССР и Киргизской ССР и в местные Советы.

Важным фактором общественного развития в Киргизии является нерушимая дружба, тесные экономические связи, сотрудничество и взаимопомощь между Киргизией и другими братскими республиками. В течение многих лет трудящиеся республики участвуют в социалистическом соревновании с трудящимися Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Армении. Делегации Киргизии посещают с целью изучения передового опыта другие республики, а также Москву, Ленинград. Киргизия в свою очередь принимает у себя представителей братских народов. Постоянно происходит обмен делегациями с братскими республиками, связанный с теми или иными важными датами, историческими событиями, съездами. Киргизская делегация присутствовала на торжествах, связанных с 300-летием воссоединения Украины с Россией, делегации Казахской ССР, Узбекской ССР и Таджикской ССР вместе со всем киргизским народом участвовали в торжествах по случаю вручения республике ордена Ленина (1957 г.).

Широки и многообразны взаимные связи в области литературы и искусства. За 1956—1960 гг. переведено на киргизский язык и издано более 200 названий книг авторов 14 национальностей братских республик общим тиражом около 600 тыс. экземпляров. На многих языках народов СССР издаются произведения киргизских писателей. В последнее время получила признание новая форма культурных связей — проведение недель искусства и литературы республик. В 1959 г. в Киргизии была проведена неделя литературы и искусства Казахстана, в Туркмении— неделя киргизской литературы. В 1960 г. в Киргизии состоялись неделя туркменской литературы и неделя узбекского искусства, в Узбекистане — неделя киргизского искусства, в 1962 г. в Киргизии—декада русской литературы.

В театрах Киргизии идут пьесы драматургов многих республик. Превратились в традицию взаимные гастроли театральных коллективов Киргизии и соседних республик, к которым общественность проявляет неизменный горячий интерес. В 1959 г. в Алма-Ате была открыта большая выставка произведений киргизских художников. Важное общественное значение имели проводившиеся в Москве в 1939 и 1958 гг. декады киргизского искусства и литературы.

Проявлением дружбы и братства является переименование далекого с. Селявное Воронежской области в с. Тулебердиево в память о славном сыне киргизского народа, Герое Советского Союза Чолпонкуле Тулебердиеве, погибшем близ этого села во время Великой Отечественной войны. В 1958 г. почтить память земляка туда ездила делегация трудящихся Кировского района Киргизии. Она была принята с большой теплотой.

Все более расширяются многообразные интернациональные связи киргизского народа с народами социалистических и других дружественных стран. Эти связи имеют глубокие корни. Одним из очень ярких проявлений интернациональной солидарности трудящихся явилось переселение в Киргизию в 1925 г. большой группы чехословацких и венгерских рабочих, организовавших близ г. Фрунзе интернациональное кооперативное товарищество «Интергельпо» («Взаимная помощь»), сыгравшее важную роль в индустриализации республики. Членами кооператива состояли рабочие 14 национальностей, в том числе и киргизы. На предприятиях

«Интергельпо» готовились квалифицированные кадры из местных национальностей. Чувства дружбы киргизских трудящихся к народам, выдвинувшим крупных революционных и демократических деятелей, нашли выражение в присвоении вновь открытым альпинистами вершинам и пикам в хребтах Тянь-Шаня имен Георгия Димитрова, Эрнста Тельмана, Юлиуса Фучика, Манолиса Глезоса. Именем Ю. Фучика, не раз приезжавшего в Киргизию, названы улица и большой парк в г. Фрунзе.

В последние годы Киргизию посетили делегации многих стран, в особенности социалистических стран Азии. Происходит постоянный обмен делегациями общественных деятелей, деятелей науки, литературы и искусства. В Индии побывали писатели Т. Сыдыкбеков, Т. Уметалиев, А. Токтомушев, известная артистка Бакен Кыдыкеева, участвовавшая в фестивале советских кинофильмов, где демонстрировался и фильм «Салтанат», в котором эта артистка исполняет главную роль. Фильм «Салтанат», рассказывающий о новой жизни киргизского народа, демонстрировался и во время фестивалей в Англии и Франции. Народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев, художник А. Усубалиев посетили Китай. В Киргизию приезжала делегация деятелей искусства и культуры соседнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, а перед этим в Синьцзяне гостили работники искусств Киргизии. Они ездили также в Монголию, Индию, Индонезию, Германскую Демократическую Республику, Объединенную Арабскую Республику. Деятели искусств зарубежных стран встречают в Киргизии горячий прием.

Многие произведения писателей социалистических стран, а также Индии, Ирака, Алжира, Афганистана, Японии, Камбоджи и других стран Востока изданы на киргизском языке. В то же время произведения киргизских писателей, журналистов, ученых опубликованы в КНР, Чехословакии и других странах народной демократии.

Углублению дружбы с народами зарубежных стран способствовало участие киргизской молодежи во всемирных встречах молодежи. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в составе делегации Киргизии было 350 человек. Киргизская делегация имела встречи с посланцами молодежи Индии, Камбоджи, Лаоса, Монголии, Чехословакии, Финляндии. Золотой медалью лауреата был награжден исполнитель народных песен Джапар Чабалдаев, серебряной медалью — студенческий ансамбль комузистов из восьми человек, бронзовой — исполнительница на комузе Мееркан Козубекова, племянница и ученица знаменитого мелодиста и виртуоза Атая Огонбаева. Лауреатами других фестивалей являются известная балерина Бюбюсара Бейшеналиева, певица Салима Бекмуратова, разносторонне одаренный артист Асек Джумабаев.

В Киргизии созданы Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Отделение Общества советско-китайской дружбы. Интернациональные связи и дружба с народами зарубежных стран укрепляют дело мира между народами. Движение сторонников мира, борьба за мир встречают в Киргизии горячую поддержку трудящихся масс.

Широкий общественный отклик получают такие события, как областные и республиканские фестивали молодежи, спартакиады. Обычно молодежь готовит трудовые подарки к фестивалю, сооружает спортивные площадки, ремонтирует клубы, сажает деревья. На этих фестивалях общается молодежь различных областей и районов республики, разных национальностей, в них участвуют и гости из других союзных республик. Многие художественные ансамбли состоят из представителей нескольких национальностей. Русские юноши и девушки, а также многонациональные хоры исполняют киргизские песни, киргизы поют украинские песни, киргизские девушки исполняют узбекские танцы. Концерты, состязания, игры, музыка фестивалей привлекают к себе сотни тысяч жителей селений и городов. Такое же значение имеют спартакиады, в особенности—

по национальным видам спорта, встречи со спортсменами братских республик, международные спортивные встречи с делегациями различных стран.

К числу важных явлений общественной жизни в Киргизии следует отнести широкое участие стариков-колхозников, считающихся нетрудоспособными и находящихся на отдыхе, в общественном труде в наиболее напряженные сезоны сельскохозяйственных работ; инициативное строительство культурно-бытовых учреждений на селе силами колхозников и на средства колхозов по почину тружеников Ат-Башинского и Кочкорского районов Тянь-Шаньской области; различные формы обмена положительным опытом производственных коллективов. Этой же цели служит поток экскурсий на республиканскую выставку достижений народного хозяйства.

Своеобразно проводится в Киргизии ставший традиционным День животновода. И в прошлом выход скотоводов на летние пастбища отмечался как торжественный день. Но тогда он проводился отдельными мелкими хозяйствами или в рамках небольшой кочевой группы. Теперь День животновода имеет совершенно иную функцию и носит широкий общественный характер. В этот день происходит как бы смотр работы животноводов, они берут новые социалистические обязательства. С этого дня начинается период летнего нагула общественного скота, борьбы за высокие привесы мяса и надои молока. В долине р. Сусамыра, где летом выпасается до миллиона голов овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, свиней из колхозов и совхозов Чуйской долины, в День животновода в пойме р. Каракол собирается свыше 4 тыс. чабанов, табунщиков, пастухов, доярок, свинарей. После официальной части устраиваются национальные игры, борьба, конские скачки. Остаток дня животноводы проводят в долгих беседах за чашкой кумыса. Подобные праздники устраиваются и на таких крупных пастбищах, как Кенес-Анархай, Арпа. Нередко здесь же вручаются переходящие Красные знамена. Перед животноводами выступают приехавшие из города артисты, здесь звучат духовой оркестр, национальные мелодии.

Для Киргизии, как и для других республик Советского Востока, было характерно в прошлом угнетенное, неравноправное положение женщины. Глубокие изменения, происшедшие в общественном положении киргизской женщины, явились прямым следствием вовлечения ее в общественно-производительный труд. Важную роль в борьбе за фактическое раскрепощение киргизских женщин сыграли передовые русские женщины. Ныне киргизские женщины являются активными участницами коммунистического строительства. Среди рабочих и служащих в республике женщины составляют 41%, в колхозном производстве — 52%. До революции грамотные женщины в Киргизии исчислялись лишь десятками. Даже в 1926 г. они составляли всего 7,4%. В 1959 г. 97% женщин были грамотны. Ныне 55% учителей — женщины, они же составляют 85% медицинских работников. В вузах и средних специальных учебных заведениях учатся тысячи девушек-киргизок. В Киргизии насчитывается около тысячи женщин — научных работников, более 150 из них — доктора и кандидаты наук. Несколько десятков киргизок имеют уже ученые степени. В республике хорошо известны имена медиков В. А. Исабаевой, К. Рыскуловой, литературоведа Б. Керимджановой. Свыше 36 тыс. женщин Киргизии имеют высшее и специальное среднее образование, в том числе 5,6 тыс. киргизок. Имеются уже первые инженеры-киргизки.

Пользуются популярностью киргизские поэтессы Сатин Абдукаримова и Субайылда Абдукадырова.

В Киргизии много женщин — общественных деятельниц. В 1961 г. 39 женщин работали секретарями городских и районных комитетов партии. В составе депутатов Верховного Совета СССР, избранных от Киргизской

ССР, 10 женщин, в составе Верховного Совета республики 111 женщин, среди депутатов местных Советов 7 тыс. женщин. Пять киргизских женщин возглавляют исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся. Более 6 тыс. женщин руководят звеньями, бригадами, животноводческими фермами, колхозами. Девять женщин работают министрами и заместителями министров, среди них министр культуры Кулийпа Кондучалова и министр социального обеспечения Батый Салиева.

Своими трудовыми успехами завоевали общественное признание такие киргизские женщины, как С. Батманкулова, одна из зачинательниц движения за коммунистический труд на прядильно-ткацкой фабрике, последовательница В. Гагановой на швейной фабрике «40 лет Октября» Алима Усупова. За выдающиеся заслуги перед Родиной более 6 тыс. женщин награждены орденами и медалями, 49 женщинам присвоено звание Героя Социалистического Труда и среди них — видному свекловоду, вдове героя Отечественной войны Дюйшенкула Шопокова, Керимбюбю Шопоковой, прославленному чабану совхоза «Кочкорка» Телегей Сагымбаевой, депутату Верховного Совета республики, имеющей также звание Матери-Героини (она воспитала 12 детей). Высокого звания Матери-Героини удостоены более 850 женщин Киргизии.

Общественность республики под руководством партийной организации ведет непримиримую борьбу с проявлениями феодально-байского отношения к женщине, с такими позорными пережитками прошлого, как выдача замуж несовершеннолетних девочек и отрыв их от учебы, продажа девушек за калым, похищение девушек, многоженство, которые иногда встречаются в отдельных районах республики. В этой борьбе почетная роль принадлежит общественным женским советам, созданным в городах, на предприятиях, в колхозах и совхозах. Под их контролем находится также работа детских учреждений, бытовых предприятий.

У киргизского населения вошли в быт празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции и Дня 1 Мая. Жители городов и сел отмечают революционные праздники не только участием в торжественных заседаниях и демонстрациях, но и путем устройства коллективных вечеров. В колхозах принято устраивать групповые угощения, ходить друг к другу в гости. Вообще у киргизов широко развит обычай гостеприимства, которое по старой традиции распространяется не только на отдельных лиц, приезжающих по делам, на почетных гостей, но и на своих односельчан, членов своего колхоза, случайных путников.

Встреча Нового года — обычное явление в городских семьях, но в аилах она еще не стала общей традицией. Здесь на встречу Нового года собираются только группы сельской интеллигенции. Торжественные вечера и елки устраиваются в киргизских школах, как и в русских.

Религиозные праздники, утратившие свое прежнее значение, частично еще отмечаются, в особенности в южной Киргизии, но главным образом людьми старшего поколения. Мусульманского поста большая часть киргизского населения не соблюдает, но верующие празднуют окончание поста — *орозо айт*. По мере возможности они отмечают и праздник жертвоприношения — *курман айт*. Во время этих праздников мусульманское духовенство собирает у верующих пожертвования в пользу мечетей.

В сельских местностях еще продолжают сохраняться традиционные виды сборищ с угощениями. К ним прежде всего относятся *жоро-бозо* и *шерне*. Джоро-бозо — это поочередные групповые сборища для угощения бузой, устраиваемые обычно в зимнее время. В этих группах объединяются мужчины и женщины обычно одного возраста. Некоторые группы состоят из 30—40 участников. Главным угощением бывает буза, но, кроме того, приготовляют как лакомство боорсок, иногда варят мясо. Объединяющиеся в компанию выбирают одного из ее членов в качестве орга-

низатора угощений (его называют *бий*). Другому участнику, называемому *эрке бала*, поручается организация игр и развлечений.

Несколько по-иному проводятся шерне — летние групповые угощения. Они организуются значительно реже, так как каждый участник должен заколоть для угощения остальных ягненка. К участию в шерне допускаются теперь и женщины, что раньше не разрешалось. Организация шерне падает на период напряженных сельскохозяйственных работ, поэтому эта традиция не получает поддержки и одобрения.

Иногда шерне устраивают на летних пастбищах животноводы, выпасающие скот на соседних участках.

Семья и брак

Семейно-брачные отношения у киргизов в прошлом находились в тесной зависимости от патриархально-феодальных отношений. Господствующей формой семьи была индивидуальная (малая) семья. Однако она еще сохраняла многие черты своей предшественницы — патриархальной семьи и не являлась единственной формой семьи.

Имеются достоверные сведения о том, что в XIX в. наряду с малой семьей у киргизов еще продолжало существовать значительное количество неразделенных больших семей, внешне обладавших многими признаками патриархальных семейных общин, процесс распада которых начался уже давно. Они состояли из родственников трех поколений и более, живших общим домохозяйством; количество членов в таких семьях доходило до нескольких десятков человек. Скот считался общесемейным достоянием, запасы пищи, так же как и питание, были общими.

Сохранение этой формы большой семьи было связано с ростом имущественного неравенства. Развитие семейной собственности, ее накопление требовали пополнения крупного хозяйства рабочей силой. Наем рабочей силы в условиях господства натурального хозяйства, конечно, не мог получить какого-либо распространения. Не могло в полной мере удовлетворить потребности в рабочей силе и существовавшее еще в первой половине XIX в. патриархальное рабство. Естественно, что в этих условиях большое значение в крупных хозяйствах приобретала семейная кооперация. Не случайно, а вполне закономерно, что в экономическом отношении большие неразделенные семьи были обычно довольно состоятельными.

Разложение натурального хозяйства и рост его товарности, особенно в связи с проникновением в киргизский аил капиталистических отношений, привели в дальнейшем к распаду остатков большесемейных общин. Однако этот распад, как правило, не заканчивался полным обособлением малых семей. Они образовывали группы родственных семей, которые прежде всего объединяло сознание происхождения от общего предка в третьем-четвертом, а более редко — и в пятом поколениях. Между семьями внутри таких групп сохранялись тесные хозяйственные, бытовые и идеологические связи. Для этих групп были характерны обычаи материальной помощи родственникам в уплате калыма, в расходах, связанных с похоронами и поминками. Существовал особый тип погребальных сооружений для захоронения близких родственников.

Малая семья состояла обычно из главы семьи, его жены и детей, иногда еще и родителей. Многоженство было распространено главным образом в манапских и вообще в богатых и зажиточных семьях; бедняцкие семьи, как правило, были моногамны. В байских хозяйствах многоженство нередко являлась своеобразной формой эксплуатации женского труда.

Заключению брака предшествовало сватовство. Существовал обычай, согласно которому сговаривали только что появившихся на свет малолетних детей, а нередко объектом сговора были и еще не родившиеся дети. Этот обычай был более характерен для обеспеченных семей. Распространенными формами брака были выдача вдовы замуж за младшего брата ее умершего мужа и женитьба вдовца на младшей сестре умершей жены.

Среди бедняков встречалась и такая форма брака, как обмен сестрами или родственницами без уплаты калыма. Наконец, практиковалось иногда (хотя и редко) умыкание девушек. В большинстве случаев оно происходило с согласия девушки. Умыкание не освобождало от уплаты калыма.

Чаще всего брак имел характер сделки между родителями юноши и девушки, в основе ее лежала уплата выкупа (калыма) за невесту. Согласия на брак юноши и девушки обычно не требовалось. Уплата калыма, являвшегося обязательным условием заключения брака, была крайне трудным делом для неимущих слоев населения, наемных пастухов и бедняков. Нередко бедняки были обречены из-за этого на бессемейность. Даже в середняцких семьях уплата калыма была нередко делом всей семейно-родственной группы, к которой принадлежал жених. Размеры калыма были различны, они зависели от достатка семей жениха и невесты. Калым в некоторой мере компенсировался приданым (*сеп*), в которое у богатых семей входила и юрта для молодых; обычно же оно состояло из одежды, украшений, домашнего убранства и утвари. Изредка практиковалась отработка за невесту: жених в течение нескольких лет трудился в хозяйстве ее отца.

Обычным явлением были ранние браки. Выдавали замуж 13—15-летних девочек. Власть родителей приводила нередко к тому, что мальчиков женили на взрослых девушках, а 9—10-летние девочки становились женами глубоких старцев.

У киргизов сохранялась экзогамия, но она имела «поколенный» характер: в прошлом, по обычаю, разрешалось брать жену из семьи родственника по мужской линии не ближе чем из седьмого колена, однако это ограничение местами постепенно отмирало. Реальное значение в киргизской семье имело лишь родство по мужской линии, хотя сохранялись некоторые следы и более древних семейно-брачных отношений, связанных с материнским правом. У киргизов были распространены кузенные браки. В литературе (Н. П. Дыренкова) отмечалось, что у киргизов бытует лишь односторонний кузенный брак — с дочерью брата матери. Действительно, особым предпочтением пользовались браки с родственниками по матери, в том числе и браки детей сестер и даже браки с сестрой матери. Но уже в 1948 г. удалось установить, что у киргизов встречались, хотя и реже, браки с дочерью сестры отца. Таким образом, можно считать, что и у киргизов существовал перекрестно-кузенный брак. Вместе с тем в некоторых племенах на юге Киргизии практиковались браки между близкими родственниками по мужской линии, в чем нельзя не видеть влияния норм шариата.

Среди родственников матери особое место отводилось брату матери, который по отношению к детям сестры имел определенные права и обязанности. Он пользовался с их стороны особым уважением. Брат матери жениха и брат матери невесты играли важную роль в свадебном обряде. Род матери проявлял особое расположение к племянникам по женской линии. Во время свадебных и других празднеств гостей-племянников выделяли в особую группу, для них устраивали специальное угощение (*жээн аяк*), им раздавали подарки. Наряду с этим племянник также пользовался значительными правами. Его право на получение подарков от дяди по матери отразилось в киргизской пословице: «лучше пусть придут семь волков, чем племянник».

Помимо обычаев левирата и сорората, у киргизов существовали и другие обычаи, свидетельствующие о древних формах брака. Так, старики сохранили воспоминание о существовавших некогда у киргизов своеобразных внебрачных отношениях, допускавшихся обычаем: младший брат имел право на внебрачное сожительство с женой своего старшего брата. Такого рода отношения представляли собой пережитки особой формы брака, предшествовавшего моногамному браку и возникновению норм леви-

рата и сорората. Подобные формы внебрачных отношений были отмечены Л. П. Потаповым и у некоторых народов Алтая. Отчетливо выступали в некоторых обычаях и пережитки брака, для которого было характерно матрилокальное поселение. Таков обычай добрачных посещений невесты женихом (*күйөөлөө*). После первого свидания с невестой, происходившего в аиле ее отца, жених приезжал сюда совершенно открыто, избегая лишь встреч со старшими родственниками невесты. Важная роль в этих свиданиях принадлежала родственницам невесты. Период досвадебных посещений невесты женихом был в отдаленном прошлом не чем иным, как фактическим началом супружеской жизни, собственно брака. Приезды жениха сопровождались разного рода обрядами и обычаями. В южной Киргизии бытовали обычаи длительного проживания молодой после свадьбы в доме отца, куда ее муж приезжал лишь время от времени. Общераспространенным был и обычай посещения молодой своих родителей — *төркүлөө*, которое происходило через год после свадьбы. Пребывание у них продолжалось нередко до месяца. Это одна из разновидностей известного обычая «возвращения домой».

В терминологии родства у киргизов сохраняются до сих пор черты классификаторской системы. Она включает значительное число терминов, каждый из которых относится к целой группе лиц.

Отношения в киргизской семье строились на патриархальной основе. Глава семьи считался распорядителем всего имущества и судьбы своих детей. Положение женщины в семье, как и в обществе, было неполноправным. Выкуп — кун — за убийство или увечье женщины уплачивался в половинном размере. Женщина не могла быть, за редким исключением, свидетельницей на суде. Она не обладала имущественными правами и фактически была лишена права наследования. После смерти мужа или отца женщина расценивалась как часть имущества, переходящего к родственникам мужа или братьям. При разводе дети должны были оставаться у отца. В то же время женщина являлась главной рабочей силой в семье, выполняя все работы по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу за скотом, изготовлению одежды и утвари. Все это тяжелым бременем ложилось на киргизскую женщину и приводило ее к преждевременной старости. Такие обычаи, как выдача замуж малолетних, калым, многоженство были унизительными для киргизской женщины, низводили ее до положения рабыни.

Необходимо, однако, отметить, что, находясь под полной опекой и в подчинении у мужчины, киргизская женщина пользовалась все же некоторой свободой и самостоятельностью в домашнем быту и в хозяйстве. В бедняцких семьях она была гораздо менее бесправной, чем в зажиточных и байских, являясь помощницей и советчицей мужа во всех хозяйственных и семейных делах. В отдаленном прошлом женщина в киргизском обществе, как об этом можно судить по данным фольклора, занимала более высокое положение.

В результате глубоких революционных преобразований общественных отношений, осуществленных в нашей стране под руководством Коммунистической партии, в такой же степени, как и другие стороны быта, подверглись ломке и прежние патриархальные семейные отношения. Колхозное строительство и развитие промышленности, сопровождавшиеся широким привлечением киргизской женщины к общественно-полезному труду, принесли ей экономическую независимость, что обеспечило равноправное положение ее в семье. А это в свою очередь явилось крупнейшим фактором, вызвавшим глубокие изменения в семейно-брачных отношениях, которые привели к возникновению нового типа семьи — киргизской, советской семьи.

Существенной чертой нового типа семейно-брачных отношений является заключение браков по инициативе самих молодых людей, по их взаимной

склонности и любви, чему обычно не препятствуют и родители. Этому в огромной степени способствовало то обстоятельство, что унизительный для женщины обычай уплаты калыма был запрещен законом. Однако надо отметить, что в некоторых местах до наших дней пережитки калыма иногда еще сохраняются, но в скрытой или замаскированной форме. Браки оформляются в установленном советским законом порядке — путем регистрации в ЗАГСе, хотя по традиции во многих семьях совершают и мусульманский акт бракосочетания.

Таким образом, современный брак утратил в целом прежний характер сделки между родителями юноши и девушки. Все меньше становится браков, заключаемых по настоянию родителей. Если родители девушки не дают согласия на брак с ее избранником, намереваясь выдать ее за другого, молодые люди договариваются, и жених тайно уводит к себе девушку. Такой способ заключения брака не имеет ничего общего с встречающимися иногда случаями похищения девушек без их согласия с целью вступления в брак. Этому нетерпимому в советском обществе явлению дается решительный отпор.

Исчезли обычаи сговора родителей о будущем браке детей, еще находящихся в колыбели. Прекратил существование и позорный обычай левирата.

В прошлом, когда прочно сохранялись экзогамные брачные запреты, довольно часто привозили жену издалека. Теперь многие молодые люди берут жен в пределах своего селения, так как с переходом к оседлому образу жизни во многих случаях в одном селении или колхозе поселились группы различного происхождения и стали возможны без нарушения традиционных запретов браки между близкими соседями. Это несомненно способствует укреплению браков, поскольку молодые люди обычно хорошо знают друг друга с детства, вместе учились в школе, совместно трудятся на производстве.

Серьезные успехи достигнуты в борьбе с ранними браками, имевшими раньше широкое распространение, хотя отдельные случаи браков с несовершеннолетними девушками еще встречаются. В советских условиях стал абсолютно господствующим принцип моногамии. С уродливыми пережитками многоженства, которые иногда обнаруживаются, ведут борьбу советская общественность и судебные органы.

Одним из важных последствий установления новых национальных взаимоотношений, основанных на дружбе между народами, братском сотрудничестве между ними, следует считать появление смешанных браков. Такие браки, например, между киргизами и узбеками, бывали и раньше, ныне же они стали обычным явлением. Теперь уже перестали быть редкостью, как то было прежде, браки между киргизами и русскими. Это свидетельствует о преодолении былой национальной и религиозной замкнутости. Смешанные киргизско-русские семьи, в которых мужья — киргизы, жены — русские, являются своего рода проводниками многих культурных навыков, передовых форм домашнего быта и семейных обычаев, характерных для русских.

Свадьба является значительным событием не только для семей брачущихся, но и для довольно широкого круга родственников. В ней участвует обычно и колхозный актив. В свадебных обычаях сохраняется еще много традиционных элементов. Но эти обычаи нередко выступают уже в значительно измененном виде. Торжественное празднование свадеб было доступно в прошлом только обеспеченной части населения. Теперь большинство колхозных семей имеет возможность богато справлять их. Хотя и подвергся изменению, но еще бытует обычай сватовства. Довольно часто девушка переезжает в дом будущего мужа вскоре после окончания переговоров между сторонами, не дожидаясь обязательного в прошлом свадебного пира в доме отца невесты.

В тех случаях, когда свадьба происходит в доме отца невесты, соблюдаются такие церемонии, как осмотр приданого, переодевание жениха в новый комплект одежды, который дарят ему родители невесты. Устраиваются игры молодежи (*кыз оюн*). Наиболее популярна игра *токмок салуу*, в ходе которой молодые люди исполняют лирические песни, шутки, импровизированные произведения. Перед отъездом молодой происходит ее прощание с матерью и другими родственницами и подругами.

Когда жених отправляется за молодой, чтобы устроить пир в своем доме, его сопровождает несколько друзей, выполняющих функции дружек (*күйөө жолдош*). Они должны преподнести родственницам молодой подарок (*женгетай*), чаще в виде денег. Молодая берет с собой обычно самую необходимую одежду и обязательно — свадебную занавеску (*көшөгө*).

По пути следования новобрачных в южной Киргизии иногда дети и подростки протягивают через дорогу аркан. Чтобы освободить путь, их одаривают мелкими деньгами.

Приезжающих встречает среди других мать молодого, которая осыпает новобрачных домашним печением, произнося благопожелания. По приезде в дом мужа молодая иногда по-прежнему несколько дней сидит за занавеской. Родственники и знакомые семьи мужа заходят в дом, чтобы посмотреть молодую, и делают подарок за смотрины — *көрүмдүк*.

Свадебный пир — той — проводится обычно очень торжественно. Иногда его устраивают сначала для представителей старшего поколения и почетных гостей, а затем уже для женатых сверстников и друзей из молодежи. Помимо обильных угощений, организуется поочередное пение, проводят игры, заводят патефон. Иногда на свадьбу приглашают артистов и музыкантов, которые исполняют произведения народной музыки.

В расходах на свадебное угощение, как и в других свадебных расходах, принимают большое участие близкие родственники жениха. Видное место в свадебных церемониях до сих пор занимает многократный взаимный обмен подарками между семьями брачущихся. В состав приданого, в изготовлении которого участвует и сама девушка, входят предметы домашнего обихода (одеяла, войлочный ковер, декоративное вышитое панно, свадебная занавесь) и одежда для невесты (несколько платьев, пальто, жакет, туфли). Приданое привозит чаще всего мать молодой после свадьбы. Но привозу приданого обычно предшествует визит родителей молодого и его родственников к родителям молодой. Они привозят с собой подарки для родственников семьи молодой.

Изменение характера брачных отношений, в которых отразились выросшая самостоятельность киргизской молодежи, ее новое советское мировоззрение, самым благоприятным образом повлияло на весь уклад семейной жизни.

Значительный прогресс отмечается в самой форме семьи. Правда, обычай проживания большими неразделенными семьями в некоторой степени еще сохраняется и теперь: в каждом селении можно встретить семьи, в которых совместно проживают и ведут общее хозяйство отец с несколькими женатыми сыновьями или два женатых брата. Но преобладающей, типичной стала малая семья. Ее утверждение как абсолютно господствующей формы семьи способствовало освобождению семейных отношений от свойственных неразделенным семьям черт патриархальности. Это положительный и крупный шаг в развитии киргизской семьи, особенно ощутимый для женщин.

В неразделенных семьях насчитывается иногда до 15 членов. Во внутреннем их укладе можно наблюдать более отчетливо выраженную власть главы семьи. Но в этих же семьях развита материальная и трудовая взаимопомощь, облегчающая участие их членов в общественном труде. Отдельные неразделенные семьи были зарегистрированы и среди киргизских рабочих-шахтеров.

У киргизов преобладают средние по числу членов семьи, состоящие из четырех-пяти человек. Однако значительный процент составляют семьи из шести членов и больше. Характерной чертой киргизской семьи является прочность родственных связей, поэтому принято за обыкновение включать в состав семьи тех или иных близких, а иногда и дальних родственников, по каким-либо причинам лишившихся семейного очага (взрослого брата или сестру главы семьи, брата или сестру отца, вдову брата или брата отца, сына или дочь брата или сестры, детей брата отца или матери).

В настоящее время нередко можно наблюдать своеобразное «расщепление» семьи, чаще большой, неразделенной, на две части, обособленные семь-восемь месяцев в году (а иногда и круглый год) в территориальном отношении, но связанные как семейно-родственными узами, так и интересами общего домашнего хозяйства. Часть членов такой семьи работает на животноводческой ферме и находится со скотом на отгонных пастбищах, а другая часть — в полеводческой бригаде. Этим семьям приходится жить «на два дома», что налагает известный отпечаток на их домашний быт. Необходимость деления семьи на две части вызывается нередко и наличием детей-школьников, живущих в поселке. В то же время другие семьи животноводов в течение многих лет в полном составе живут вне поселка на дальних пастбищах.

Совершенно иной стала экономическая основа семьи, что изменило и характер внутрисемейных отношений. В прошлом все устои семьи определял принцип частной собственности на средства производства. С переходом всех средств производства в общественную собственность и установлением безраздельного господства социалистической системы хозяйства киргизская советская семья хотя и продолжает сохранять некоторые хозяйственные функции, но главные свои силы трудоспособные члены семьи отдают не развитию частного хозяйства (своего или чужого), а развитию социалистического производства. Поэтому и основу материального благосостояния семьи составляют доходы, получаемые ею от участия ее членов в общественном производстве. Второстепенную роль играют доходы от личного хозяйства. Все эти виды доходов служат теперь для удовлетворения все возрастающих разносторонних личных потребностей колхозников и их семей, для повышения материального и культурного уровня их жизни.

Совсем отпали некоторые прежние стороны хозяйственной жизни семьи, утрачены и многие производственные функции. Теперь киргизская женщина освобождена от некоторых видов труда, требовавших затраты огромных сил и времени и обусловленных в прошлом особенностями полунатурального единоличного хозяйства, кочевым образом жизни. Труд в личном хозяйстве и в домашнем быту распределяется теперь более равномерно, поскольку в нем принимают участие и мужчины. Имущественные отношения строятся на новой основе, в соответствии с советским законодательством. Весьма существенно отмирание старого обычного права наследования имущества покойного его братьями и родственниками по мужской линии. В настоящее время его законными наследниками стали жена и дети.

Самым веским показателем преобразования всей внутренней основы семьи являются новые взаимоотношения между мужем и женой, являющиеся результатом все более укрепляющейся экономической самостоятельности женщины. Равноправное положение мужа и жены, подлинно товарищеские отношения между ними, как и более свободное и самостоятельное положение молодежи, сочетаемое с уважением к старшим, возникли в процессе преодоления господствовавших в старой семье патриархальных традиций. С встречающимися еще иногда случаями проявления феодально-байского отношения к женщине и детям партийные организации и советская общественность Киргизии ведут неослабевающую борьбу.

Большую роль в изменении внутрисемейных отношений у киргизов сыграло многообразное влияние русского народа, его передовой культуры, общение с русскими семьями, живущими по соседству. Особенно отчетливо это влияние проявляется в городах и поселениях городского типа, но его можно наблюдать повсеместно и в сельских местностях, не исключая и отдаленных высокогорных районов республики.

В киргизской семье детям прививают трудовые навыки, воспитывают у них чувство ответственности, взаимопомощи, привязанности к семье, уважения к старшим. Именно поэтому общей чертой киргизского семейного быта является отмеченная выше большая прочность родственных связей. Воспитание молодого поколения, являющееся важнейшей функцией семьи, осуществляется совместно с советской школой, пионерской и комсомольской организациями. В детях воспитываются любовь к Родине, к Коммунистической партии, преданность делу коммунистического строительства, чувство интернационализма. Со своей стороны школа помогает выработке правильных принципов самого семейного воспитания. Учителя, большинство которых получило образование в городах, воспринимали там не только знания, но и лучшие стороны русской культуры. В тех сельских местностях, где отсутствуют компактные массивы русского населения, семьи колхозников именно с помощью учителей и получили представление о современных взглядах на воспитание детей в семье. Всюду же, где киргизское население близко соприкасается с русским, пример русских семей и опыт долголетнего общения с ними сказываются положительно на воспитании детей в киргизских семьях. Результаты этого влияния прослеживаются в более внимательном, чем раньше, отношении к детям, их нуждам и запросам, в поощрении способностей детей к музыке, пению, вышиванию, в благожелательном отношении к получению детьми не только среднего, но и высшего образования, в выделении детям-школьникам своего «рабочего места» в доме для приготовления уроков, в более строгом отношении к внешности ребенка, его одежде, опрятности.

Теперь принято давать детям новые, в том числе и русские, имена. Но живуча еще и старая традиция отражать в детских именах особо знаменательные события окружающей жизни и памятные даты. В именах киргизских детей можно найти названия советских праздников, в них отражены Советская власть, Отечественная война, мир, перепись населения, переезд на сырты и т. п. Большинство детских имен имеет традиционный характер.

Рождение ребенка рассматривается в любой семье как счастливое событие. Оно отмечается обязательно угощением (*жентек*), состоящим из национального лакомства боорсок и лепешек с топленым маслом. Через пять-семь дней ребенка кладут в колыбель (*бешик*). Несмотря на отрицательные качества колыбели, унаследованной от старого кочевого быта, детские кроватки пока распространены незначительно. Первое укладывание ребенка в колыбель сопровождается устройством небольшого женского праздника (*бешик той*). Колыбель окуривают дымом горящего можжевельника, бросают жир в огонь и совершают некоторые другие обряды. Устраивается угощение и на 40-й день (*кыркы*), когда на ребенка надевают рубашечку, сшитую из 40 лоскутов, собранных у соседей, и купают в «40 ложках» воды. Эти и другие обряды, которыми сопровождается период младенчества, составляют пережитки древних верований, связанных с желанием сохранить жизнь ребенка, сделать ее долгой и счастливой. Они выполняются в некоторых семьях по инициативе старых женщин, оказывающих влияние на своих невесток, дочерей и других молодых родственниц, которые подчиняются установившейся традиции, не вдумываясь в содержание этих обрядов. К числу укоренившихся обычаев относится и мусульманский обряд обрезания, совершаемый над мальчиками.

Входят в быт и новые обычаи, соблюдаемые в первую очередь в семьях интеллигенции: отмечать день рождения детей, устраивать для них елку. Детям покупают игрушки, дают деньги на посещение киносеансов.

Большим уважением пользуются многодетные матери. Советское правительство окружило киргизскую женщину-мать, как и других женщин нашей страны, огромной заботой. Пособия многодетным и одиноким матерям, бесплатная медицинская помощь, детские ясли, отпуска по беременности и многое другое создали благоприятные условия для увеличения рождаемости в киргизских семьях и уменьшения детской смертности.

В киргизских семьях, где так велика любовь к детям, нередко можно встретить усыновленных, в том числе и детей здравствующих близких родственников. Во время Великой Отечественной войны получило распространение усыновление киргизскими семьями русских детей. В этом явлении проявилась новая, советская идеология, основанная на идее дружбы и братства народов.

Если процесс развития старой киргизской семьи шел в направлении постепенного распада патриархальных связей, обособления и индивидуализации семьи, ее укрепления в качестве хозяйственной единицы феодального общества, то процесс развития киргизской семьи в советском обществе идет принципиально иным путем и на новой основе. Став уже моногамной семьей и постепенно утрачивая черты хозяйственной единицы общества, она превратилась в важную ячейку советского трудового коллектива как в городе, так и в деревне. В противоположность старой семье прогресс современной киргизской семьи характеризуется развитием и укреплением ее многосторонних связей со всем социалистическим обществом. Важнейшее значение при этом имеет упрочение в семейной жизни принципов коммунистической морали, неразрывно связанное с преодолением феодально-байского отношения к женщине.

Остатки религиозной идеологии прочно удерживаются в семейных обычаях, связанных с погребальным обрядом. Хотя все основные элементы ритуала погребения совершаются в соответствии с требованиями мусульманской религии, многое в нем восходит и к народной традиции, к воззрениям, вытекающим из древнего культа предков.

У киргизов похороны и поминки превращаются обычно в своего рода общественное событие, в котором участвуют не только члены семьи и близкие родственники, но и широкий круг дальних родственников, которых специально извещают, если они живут в других селениях, районах и городах, а также односельчане. Похороны и связанные с ними обычаи вызывают очень большие расходы.

Во многих сельских местностях до сих пор принято тело умершего до погребения помещать в юрте, которая специально ставится во дворе для этой цели. Традиционный характер носит оплакивание покойного, в котором участвуют женщины, исполняющие трогательные плачи-причитания. Они сидят в юрте, где помещается усопший. Близкие родственники-мужчины стоят около юрты, опершись на посохи. Пока прибывают родственники или желающие выразить соболезнование, плач и рыдания слышатся и в юрте и вне ее. Вдова обычно сидит с распущенными волосами, покрытая темным или светлым платком (в зависимости от возраста покойного).

После двукратного обмывания тела умершего, которое затем заворачивают в белый саван, совершается обряд отпущения грехов (*доорон*) и читается заупокойная молитва. В обмывании местами и теперь обязательно участвуют свойственники (*свек тамыр*) из разных групп (из тех, откуда брали в семью девушек, и из тех, куда девушек отдавали из данной семьи замуж). Представителям других крупных семейно-родственных групп, присутствующих на похоронах, иногда и теперь вручают деньги «на помин души» (*мучв*).

На кладбище, по старому обычаю, отправляются только мужчины. До настоящего времени во многих населенных пунктах каждая семейно-родственная группа имеет свое кладбище, но все чаще теперь наблюдается смешанное захоронение.

В устройстве могил отмечается несколько вариантов, причем один из них восходит, по-видимому, к древнему, так называемому катакомбному типу погребальных сооружений.

В северной Киргизии до сих пор сохраняется традиция устраивать вокруг могил глинобитные оградки или возводить надмогильные сооружения в виде небольших мавзолеев — глинобитные (*моло*) или из сырцового кирпича (*кумбез*).

В погребальный обряд входит определенный цикл поминок, которые совершаются на третий день после смерти (*учулук*), на седьмой день (*жетилик*) и на 40-й день (*кыркы*). На 40-й день (или на 20-й день) ближайшие родственники посещают могилу покойного. Они берут с собой различные продукты, которые съедают возле могилы. Это посещение называют *бейит башына баруу* (хождение на сороковины). Завершаются все церемонии тризной — аш, устраиваемой через год после смерти, а иногда и раньше. Тризны нередко бывают очень многолюдными, с обильным угощением, для чего забивают много скота. Советская общественность выступает против устройства таких расточительных тризн, тяжело отражающихся на бюджете семьи. После тризны прекращаются оплакивание умершего и соблюдение траура.

Здравоохранение

Тяжелые экономические и бытовые условия жизни киргизских трудящихся в прошлом усугублялись широким распространением различных болезней и почти полным отсутствием медицинской помощи. Теснота юрты, в которой обычно помещались также новорожденные ягнята и козлята, постоянный дым от костра, загрязненность земляного пола — все это создавало антисанитарные условия для ее обитателей. Из наиболее распространенных у киргизов болезней можно назвать разной формы тиф, преимущественно возвратный, натуральную оспу, чесотку, цингу, ревматизм, сифилис. В результате вспышек эпидемии оспы или тифа население, лишенное медицинской помощи, вымирало тысячами. При наличии свыше 70 тыс. населения в Пржевальском уезде за 1890 г. обратилось за врачебной помощью всего только 1157 больных. На весь уезд имелся один врач в г. Пржевальске. Немногочисленные врачи в большинстве своем не были знакомы с бытом кочевников и не знали их языка. Однако и среди них, как и среди других представителей русской интеллигенции, были прогрессивные деятели, положившие немало сил для внедрения в массы кочевников современной культуры. Такими деятелями были пишпекский врач Ф. В. Поярков, а также отец и брат М. В. Фрунзе; первый из них работал фельдшером, второй—врачом в г. Пишпеке.

В 1913 г. на территории нынешней Киргизии было шесть земских больниц на 100 коек, девять амбулаторных учреждений с 15 врачами и 21 фельдшерский и фельдшерско-акушерский пункт. Таков был более чем скромный вклад царской администрации в дело оздоровления сотен тысяч человек киргизского населения, обитавшего в труднодоступных горных районах. Естественно, что население само вынуждено было изыскивать способы лечения, обращаться к помощи многочисленных местных знахарей (*табып, тамырчы, дарымчы, эмчи*). От сифилиса, например, были в ходу ртутные подкуривания (каломелем) и втирания. Для излечения желтухи применялось магическое средство — больного заставляли смотреть целый день на медный таз. Раны, чтобы остановить кровь, присыпали жженым войлоком и тертым табаком или заливали горячим салом. При головных болях и укусах ядовитого паука-каракурта применяли кровопускания. Лихорадку лечили испугом, при простудных

Скорая помощь в колхозе. Араванский район, Ошская область

горячках заставляли потеть, для чего завертывали больного в свежеснятую шкуру животного.

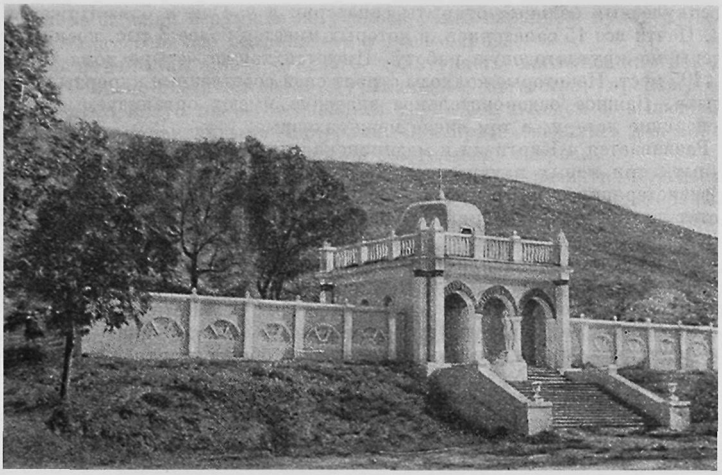
Киргизские знахари, нащупывая пульс, определяли характер болезни и сообразно этому назначали ту или иную «диету». Всю пищу они делили на горячительную (*ысылык*), прохладительную (*сууктук*) и нейтральную (*мунөз тамак*). Часто при затяжных болезнях применялось лечение голодом и водой. Некоторые знахари лечили заклинаниями, заговорами и различного рода магическими действиями.

Все эти и подобные им способы лечения, при крайне ограниченной медицинской помощи, в большинстве случаев только увеличивали рост смертности. Падала и рождаемость. Основными причинами этого были неблагоприятные экономические условия, частые голодовки и истощение, наступавшие преимущественно при массовом падеже скота. Только за 10 лет, с 1903 по 1913 г., киргизское население уменьшилось почти на 10%. Особенно велика была детская смертность.

Первые представления о современной медицине проникали в среду киргизского населения благодаря русским медицинским работникам. Первую больницу построили на киргизской земле русские. И это высоко ценит киргизский народ.

Подлинная охрана народного здоровья в Киргизии начала развиваться только после Октябрьской социалистической революции. В 1960 г. в Киргизии работало уже около 1300 медицинских учреждений, оснащенных новейшей аппаратурой и оборудованием. В них насчитывалось 16,3 тыс. коек. Больницы, амбулатории, фельдшерские пункты созданы теперь даже в самых отдаленных районах и селениях. В медицинских учреждениях республики трудится 3413 врачей (1960 г.), свыше 10 000 фельдшеров, акушерок, медсестер и других медицинских работников средней квалификации. В Киргизии выросли многочисленные национальные медицинские кадры.

Если в дореволюционной Киргизии один врач приходился на 100 тыс. человек, то теперь один врач приходится на каждые 750—800 жителей. Обеспеченность населения Киргизии врачами в несколько раз выше, чем Турции, Ирана и Пакистана. За 20 лет существования Киргизский меди-



Здание солярия на Джалал-Абадском курорте

цинский институт подготовил 3340 врачей. Среди 300 окончивших институт в 1960 г. половину составляли киргизы.

Помимо больниц и амбулаторий, развернута широкая сеть родильных домов, постоянных детских яслей и детских садов (в тех и других насчитывается более 36 тыс. мест), работают 198 женских и детских консультаций. В колхозах Киргизии ежегодно действует около тысячи сезонных детских учреждений — яслей-площадок. Непрерывно расширяется сеть постоянных медицинских учреждений на отдаленных пастбищах, где колхозники находятся в период зимовки скота. Медицинское обслуживание животноводов проводится и на летних пастбищах, в период массового выпаса скота.

Только за 1958—1959 гг. по инициативе и силами колхозов построено около 200 зданий под больницы, амбулатории, родильные дома. Например, в колхозе им. Фрунзе горного Кочкорского района на средства колхоза возведена больница на 25 коек с центральным отоплением и канализацией. Развертывается строительство и детских учреждений. Некоторые колхозы построили для детских садов специальные типовые здания, другие — бригадно-полевые детсады и ясли. Колхозы Иссык-Кульского и Кантского районов первыми начали создавать колхозные молочные кухни для детей младшего возраста. Широкий размах мероприятий по медицинскому обслуживанию населения привел к полной ликвидации натуральной оспы, холеры, чумы и других остроинфекционных заболеваний, к снижению заболеваний малярией и свежими формами бруцеллеза до единичных случаев. Большую роль в оздоровлении населения играют прекрасные киргизские курорты, из которых наибольшей известностью пользуются горно-климатические курорты Койсара и Тамга на берегу оз. Иссык-Куль, Джалал-Абадский курорт, минеральные источники Арасан (близ г. Фрунзе) и Джеты-Огузские источники (близ г. Пржевальска). На Иссык-Куле работают Джеты-Огузский и Чолпон-Атинский зимние детские курорты, курорты Ак-Су и Светлый мыс. Летом на Иссык-Куль приезжают отдыхать тысячи людей. Здесь вырастают палаточные городки различных предприятий и учебных заведений. Специально для

туберкулезных больных открыты санатории в г. Оше и близ Пржевальска. Почти все 15 санаториев, в которых имеется более 3 тыс. коек, переведены на круглогодовую работу. Имеются также четыре дома отдыха на 1105 мест. Некоторые колхозы строят свои собственные курорты и дома отдыха. Важное оздоровительное значение имеют организуемые летом пионерские лагери, в том числе межколхозные.

Развивается в Киргизии и медицинская наука. В 1957—1959 гг. были открыты три новых научно-исследовательских института: курортологии и физиотерапии, туберкулеза, онкологии и радиологии. Сотрудники института краевой медицины создали новые препараты, особенно ценные для лечения животноводов, работающих в высокогорных условиях, а также для рабочих и специалистов предприятий цветной металлургии. Столичные врачи посещают отдаленные районы и аилы, проводят там приемы больных, дают консультации местным врачам. Осуществляемые в широких масштабах мероприятия по медицинскому обслуживанию населения привели к тому, что за годы Советской власти общая смертность снизилась в 4 раза, а детская в 5 раз. В 1959 г. смертность детей в Киргизии была ниже, чем во всех других братских союзных республиках. В результате увеличивается естественный прирост населения. Если в 1940 г. он составлял 16,7 на 1000 человек населения, то в 1960 г. составил уже 30,7.

В соответствии с переустройством всего бытового уклада населения изменились и его гигиенические навыки. Этому способствуют лекции, доклады и беседы на медицинские темы, ставшие частым явлением в киргизском аиле. Увеличилось потребление мыла, которое давно уже стало для рабочих и колхозников необходимым предметом в быту. Теперь и бани, о которых кочевники-киргизы не имели раньше представления, появились во многих колхозах и совхозах; посещение их стало насущной потребностью местных жителей. Некоторые колхозы ввели бесплатное пользование баней для колхозников. Партийные организации Киргизии борются за то, чтобы во всех населенных пунктах были построены бани, работающие круглый год, чтобы местное население повсеместно пользовалось кроватями, индивидуальной постелью.

Получили распространение в быту металлические ложки и вилки (раньше густую пищу ели руками), индивидуальная посуда для каждого члена семьи. Сохраняется традиционный обычай обмывания рук перед едой. Во время общественной трапезы присутствующих обносят тазом с кувшином, наполненным водой, и полотенцем.

Совершенно исключительное значение для оздоровления всего быта имеет строительство водопроводов в колхозах. Население вынуждено было раньше летом пить загрязненную воду из оросительных каналов, а зимой пользоваться снеговой водой. Благодаря помощи государства и активному участию самих колхозников трудом, транспортом и средствами во многих районах десятки колхозов получили чистую питьевую воду. В одном лишь Чуйском районе водопроводы действуют в девяти колхозах и четырех совхозах.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Киргизский народ, находившийся до Великой Октябрьской социалистической революции под тяжелым гнетом царского буржуазно-помещичьего режима и подвергавшийся манапско-байской эксплуатации, не только был обречен на неимоверные страдания и нищету, но и был лишен возможности развивать свою культуру.

Поголовная неграмотность, широкое распространение суеверий и знахарства, оторванность от культурных центров тормозили приобщение трудовых киргизских масс к современной культуре. Но ни царизму, ни

феодально-байской верхушке не удалось убить народную культуру. Она продолжала бережно сохраняться в гуще народа.

Лучшие образцы многообразного культурного наследия киргизского народа — устно-поэтические и музыкальные богатства, произведения прикладного искусства — создавались трудовым народом и вышедшими из его среды талантливыми мастерами. Они предназначались для народа и обслуживали его познавательные и эстетические запросы.

Однако с углублением классовых противоречий в развитии киргизской культуры все более отчетливо выступали две тенденции: с одной стороны — подлинно народная, демократическая, с другой — феодально-байская, стремившаяся идейно подчинить себе все творения народа. Отсюда возникали феодальные версии эпоса, появились придворные музыканты, вырабатывались малохудожественные, но пышные образцы декоративного искусства.

Создаваемая народом культура в условиях классового общества далеко не всегда была доступна самим трудящимся, ее нередко присваивали и использовали господствующие классы.

Демократические элементы киргизской культуры во второй половине XIX и в начале XX в. особенно усилились в результате сближения ее с передовой русской культурой.

Октябрьская социалистическая революция произвела коренной переворот не только в экономике, в производственных отношениях, но и во всех видах надстроек старого патриархально-феодального общества. Возникли предпосылки для создания новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Она складывалась в упорной борьбе с буржуазными националистами, тянувшими назад, пытавшимися отравлять ядом антинародной идеологии молодые всходы новой киргизской культуры, содержание которой было принципиально противоположным старой патриархально-феодальной культуре.

Благодаря широкой и многосторонней воспитательной работе Коммунистической партии киргизский народ навсегда порвал с отсталой идеологией старого общества и воспринял новую, марксистско-ленинскую идеологию, приобщился к высшим достижениям передовой русской и советской науки и культуры.

Идеология интернационализма, дружбы и братского сотрудничества между народами, вошедшая в плоть и кровь советского общества, неизмеримо расширяет возможности для обогащения киргизской культуры достижениями всей многонациональной культуры народов СССР.

Октябрьская революция вместе с тем возродила к полнокровной жизни все наиболее ценное из богатого наследия киргизской народной культуры, дала ему новое развитие и вдохнула в него новое содержание.

Расцвет культуры киргизской социалистической нации представляет собой яркий контраст упадку культуры, наблюдаемому в тех соседних странах Востока, народы которых еще страдают под игом колониализма.

Народное просвещение

На протяжении многовековой истории киргизский народ накопил богатый запас эмпирических знаний, которые, в частности, нашли отражение в народном календаре. В нем представлен оригинальный 12-месячный цикл и крайне древний счет по Плеядам (*тогоол*). Наряду с этим был распространен и счет по так называемому 12-летнему животному циклу, знакомый другим народам Средней Азии и известный далеко за ее пределами.

В быту киргизы до сих пор пользуются народными мерами длины и расстояния и способами определения времени. Их космогонические представления были связаны с пастушеским образом жизни. Опыт наблюдения за цветением растений и их ростом, за поведением животных и птиц позволил киргизам выработать приметы, по которым они пытались определять время наступления весны или зимы, предвидеть ее малоснежность

или многоснежность, предугадывать качество будущего травяного покрова. Среди народных метеорологов (эсепчи) большой известностью в Прииссыккулье пользовался в конце XIX в. Манаке Айманбаев. Обобщая народный опыт и знания, некоторые эсепчи своими прогнозами и советами помогали скотоводам и земледельцам в их трудовой деятельности.

Совершенно исключительны познания киргизов в области живой природы. С глубокой старины им известны сотни различных горных растений, причем хорошо выяснены их ядовитые или полезные свойства как для домашних животных, так и для человека. Особой, можно сказать, виртуозности в распознавании видов и подвидов хищных птиц, использовавшихся для охоты, достигали обслуживавшие киргизскую знать опытные охотники.

Довольно точны были анатомические познания киргизов, особенно в отношении домашних животных, хорошо разработана терминология для мастей домашних животных, их возраста.

Однако, несмотря на всю их ценность, эмпирические знания не могли помочь трудящимся выйти из состояния культурной отсталости, в котором киргизский народ пребывал веками и которое лишь усугубилось в условиях колониальной политики царизма.

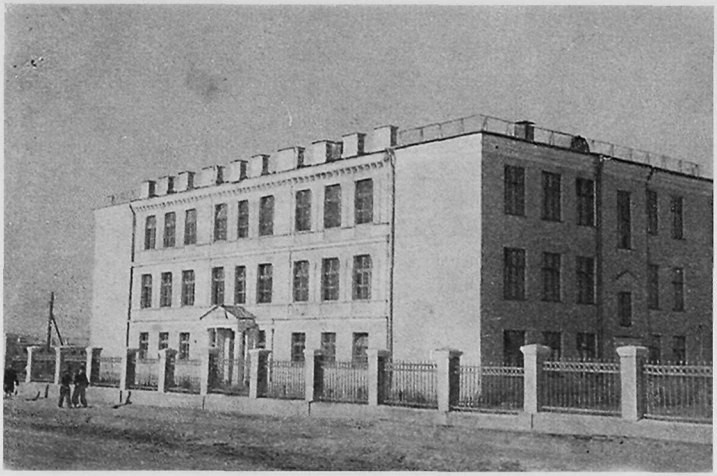
Всячески задерживая развитие культуры на окраинах, царизм стремился оставить киргизский народ в темноте и невежестве. До Октябрьской революции киргизы были почти сплошь неграмотными. Грамотных насчитывалось менее 2%. Это были преимущественно манапы, баи, чины местной администрации, служители культа. Грамотные женщины исчислялись десятками. На территории современной Киргизии в 1914—1915 гг. было 103 начальных, три семилетних и одна средняя школа. Во всех школах обучался 7041 ребенок и среди них всего 360 киргизских детей.

До присоединения к России обучением киргизских детей занимались приглашавшиеся манапами в собственные аилы узбекские муллы, все знания которых сводились к умению читать некоторые главы корана, который они плохо понимали. С присоединением края к России в аилах начали появляться татарские учителя, обладавшие несколько бо́льшими знаниями, чем их предшественники. Возникавшие аильные начальные школы конфессионального типа — мектебы (*мектеп*) — устраивались обычно при мечетях, где имелся имам, который и обучал детей. Родной язык в них не изучался. Ряд таких мектебов содержали манапы и баи; в них обучались дети их приближенных и родственников. Усвоившие грамоту получали должности писарей у волостных управителей или же какое-либо место в аппарате местной администрации. Бедняк, если он и был грамотным, обычно на такие должности попасть не мог.

Русско-туземные училища, существовавшие в некоторых пунктах (Пишпек, Ош, Кетмень-Тюбе, Пржевальск), готовили преимущественно кадры переводчиков и мелких чиновников для местного административного аппарата. Хотя количество этих училищ было крайне незначительно, а система преподавания в них не приводила к ощутимым результатам, все же они сыграли некоторую положительную роль, оказывая известное влияние на общее развитие киргизской молодежи, открывая путь для проникновения элементов русской культуры в среду киргизского населения. Овладение русской грамотой создавало предпосылки для знакомства с русской литературой. Среди учителей (их было всего 216) также имелось некоторое количество прогрессивных представителей русского народа.

Таким образом, вопреки желанию царского правительства, через школы, через общение с демократически настроенными учителями киргизский народ, хотя и медленно, начинал приобщаться к передовой русской культуре.

Последовавшая за установлением Советской власти культурная революция в Киргизии распространилась до самых отдаленных кыштаков



Средняя школа. Чуйская долина

и аилов и подняла к сознательной жизни огромные массы людей, интересы и кругозор которых дотоле замыкались в границах своего мелкого хозяйства, своего зимнего стойбища, родовой общины.

Особенно большого темпа роста достигло народное просвещение в годы довоенных пятилеток.

Ныне уже обеспечена поголовная грамотность подрастающего поколения. В республике было осуществлено всеобщее обязательное семилетнее обучение, в крупных городах — десятилетнее обучение детей.

В 1960/61 учебном году в Киргизии насчитывалось 1763 школы, из них 376 — средние. В них обучалось 380 тыс. детей, что более чем в 50 раз превышает количество детей, обучавшихся до революции. В течение 1960 г. в целом по республике было построено и приспособлено под школы помещений на 30 тыс. ученических мест. В 1961 г. строительство приобрело еще бо́льшие размеры: 33 школы на 13,7 тыс. ученических мест построены за счет госбюджета и, кроме того, 100 новых школьных зданий и около 300 пристроек сооружено на средства колхозов.

Органы народного образования проводят большую работу по укреплению связи школы с жизнью, с производством. В соответствии с законом, принятым Верховным Советом Киргизской ССР, с 1959/60 учебного года в республике начался перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение, создаются одиннадцатилетние трудовые политехнические школы с производственным обучением. Новые учебные планы и программы введены в первых — пятых классах всех общеобразовательных школ. В 1960/61 учебном году в республике работало 450 восьмилетних и 300 средних школ с производственным обучением на базе промышленных предприятий, колхозов, совхозов и РТС. Организованы сотни ученических производственных бригад.

При многих сельских школах созданы интернаты, облегчающие возможность обучения детей, родители которых по разным причинам живут далеко от школы, в том числе детей колхозников, которые проводят зиму с колхозным скотом на отгонных пастбищах. Более половины интернатов полностью содержится государством, остальные организованы с частичным

Общежитие в интернате киргизской средней школы № 3 в г. Фрунзе

участием родителей. В интернатах живет около 5 тыс. учащихся. Кроме того, в 1960/61 учебном году в республике насчитывалось 38 школ-интернатов, в которых обучалось 12 тыс. детей.

Велика тяга к получению среднего образования среди молодежи, работающей на производстве. В 215 школах рабочей и сельской молодежи без отрыва от производства обучается 17,4 тыс. человек. Из года в год растет количество киргизской молодежи, получающей среднее образование. Если в 1952 г. средние школы окончили около 2500 киргизских юношей и девушек, то в 1956 г. их было уже около 4500, в том числе 1292 девушки. Теперь большая часть выпускников средних школ, иногда целые классы, остается работать в колхозах и совхозах или идет работать на промышленные предприятия.

Учащиеся киргизских школ проявляют большой интерес к изучению русского языка, преподавание которого введено во всех нерусских школах. В некоторых киргизских школах существуют кружки по изучению русского языка дополнительно к классным занятиям.

В школах Киргизии работает около 22 тыс. учителей, среди них свыше 8 тыс. киргизов. 1197 киргизских учителей имеют высшее педагогическое образование.

Школа принесла с собой не только грамотность и знания, но и многие навыки культурного быта в самые отдаленные кыштаки и аилы.

За последние годы развернуто большое строительство новых школьных зданий, в том числе в таких отдаленных высокогорных районах, как Тогуз-Тороуский, Советский, Ат-Башинский. Все большее развитие получает строительство школ силами колхозников и на средства колхозов. Только за 1956—1960 гг. колхозами было построено 194 школы на 30 800 ученических мест. Это создает возможности для перевода занятий в школах на одну смену.

Наряду с сетью общеобразовательных школ в Киргизии имеется 28 различных техникумов, педагогических училищ и других специальных средних учебных заведений. В них учится 17,2 тыс. человек. Кадры высшей квалификации готовятся в Киргизском государственном универси-

Работа на пришкольном участке П. анфиловская средняя школа

тете, политехническом, сельскохозяйственном, медицинском и педагогических институтах. Во Фрунзе создан женский педагогический институт. В восьми высших учебных заведениях в 1960/61 г. обучалось более 17 тыс. студентов. В одном лишь университете учится свыше 5 тыс. студентов и аспирантов более 30 национальностей. В большинстве вузов открыты вечерние и заочные отделения, имеются филиалы Заочного финансового и библиотечного институтов. Кроме того, в различных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов СССР учатся сотни киргизских юношей и девушек. В последние годы некоторые колхозы и совхозы начали за свой счет направлять девушек и юношей на учебу. В 1960 г. в сельскохозяйственном институте обучалось 50 студентов, направленных туда колхозами и совхозами и получавших от них стипендии.

Только в 1958 и 1959 гг. вузами и средними специальными учебными заведениями Киргизии выпущено 4450 специалистов с высшим образованием и 8040 — со средним образованием.

Важно отметить, что число студентов на 10 тыс. жителей в Киргизии (80) примерно в 2 раза больше, чем во Франции, в 2,5 раза больше, чем в ФРГ, и в шесть раз больше, чем в Пакистане.

В Киргизской ССР около 34% студентов высших учебных заведений и 27% — средних учебных заведений составляют киргизы. В 1960 г. здесь насчитывалось более 71 тыс. специалистов только с высшим и средним специальным образованием, в том числе 18,1 тыс. киргизов. Среди них инженеры, агрономы и зоотехники, учителя, врачи, писатели, ученые, артисты, художники. До революции лишь единичные киргизы имели высшее и среднее образование.

Велики успехи, достигнутые в области создания киргизской письменности и литературного языка. Это находит проявление в росте печатной продукции.

Киргизский государственный университет

В первые годы после Октябрьской революции преподавание в школах северной Киргизии велось на татарском и казахском языках, а в южной Киргизии — на узбекском и татарском. Только с 1923 г. начали появляться первые учебники на киргизском языке и именно к этому году следует отнести возникновение подлинно национальной киргизской письменности. После национального размежевания Средней Азии появилась первая многотиражная печатная газета на киргизском языке — «Эркин Тоо» («Свободные горы»). С 1923 по 1928 г. официально признанным киргизским алфавитом был реформированный арабский алфавит, а с 1928 г. был осуществлен переход на латинизированный алфавит. В дальнейшем латинизированный алфавит был заменен новым, в основу которого положена русская графика.

В период зарождения современный киргизский литературный язык базировался на северной группе диалектов. Ныне, сохраняя в основном северную фонетику, в части лексики киргизский литературный язык широко использует богатство всех киргизских диалектов.

С первых же дней существования киргизский литературный язык столкнулся с массой понятий, которые до того или вовсе не были известны киргизам, или были известны в очень малой степени. Потребовались новые слова. Естественный путь для удовлетворения этой потребности состоит в расширении значения старых слов и в заимствовании новых. Буржуазные националисты в Киргизии, широко использовав первую возможность, игнорировали вторую, стремясь отгородиться от языка великого русского народа. Попытки помешать прогрессивному развитию литературного языка не имели успеха. В настоящее время киргизский язык обладает хорошо разработанной терминологией во всех отраслях знания, которая выросла в нем главным образом за счет советских, русских и интернациональных терминов. Под влиянием коренных социально-экономических изменений в жизни киргизского народа не только расширяется лексика, но отчасти изменяются морфология и синтаксис киргизского языка.

В настоящее время, удовлетворяя первую потребность в школьных учебниках, специалисты по киргизскому языку, работающие в научных

учреждениях и учебных заведениях Киргизской ССР, широко развернули работу по дальнейшему изучению киргизского литературного языка и диалектов и по изданию капитальных пособий. Уже изданы научная грамматика, киргизско-русский и русско-киргизский словари. Правительством Киргизской ССР утверждена подготовленная учеными совместно с работниками просвещения новая орфография. На киргизском языке ведется преподавание в начальной, средней и частично высшей школе.

До Октябрьской революции на территории Киргизии существовала одна типография (частная), в которой печаталась газета «Пишпекский листок». В настоящее время в Киргизской республике издается 140 газет, журналов и других периодических изданий, в том числе шесть республиканских, четыре областных, городские, районные газеты и многотиражки, 13 журналов общим тиражом более 600 тыс. экз. Две трети газет издается на киргизском языке, остальные — на русском, узбекском, таджикском и дунганском языках. Киргизское государственное издательство печатает большое количество политической, художественной, социально-экономической, сельскохозяйственной литературы и учебников на киргизском языке.

В 1926 г. в Киргизии было выпущено всего 16 названий книг. Их общий тираж составил 65 тыс. экземпляров. За 30 лет в республике издано свыше 10 тыс. названий книг, тираж которых достиг 67 млн. экз. Теперь в Киргизии ежегодно выпускается свыше 800 названий книг общим тиражом около 5 млн. экз. Большая их часть выходит на киргизском языке.

Огромную роль в идейной и культурной жизни киргизского народа играет издание трудов классиков марксизма-ленинизма. На киргизском языке опубликованы отдельными изданиями около ста произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, издан первый том избранных произведений великих основоположников марксизма, завершается перевод «Капитала». Переведено на киргизский язык и издано массовым тиражом Собрание сочинений В. И. Ленина. На киргизском языке напечатаны три тома сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», массовыми тиражами выпущены учебные пособия «История КПСС», «Основы политических знаний», «Основы марксизма-ленинизма», «Основы марксистской философии», материалы XXII съезда КПСС.

Благодаря большой и разветвленной сети культурно-просветительных учреждений широкие массы киргизского населения имеют возможность приобщиться к передовой советской культуре, овладеть политическими и научными знаниями. В республике работает около 800 клубов, домов и дворцов культуры, свыше тысячи массовых библиотек, книжный фонд которых превышает 5 млн. экз., большая сеть кинотеатров и кинопередвижек.

Новая духовная жизнь киргизского народа особенно отчетливо проявляется в широком распространении печатного слова. Книга стала повседневной потребностью киргизского рабочего и колхозника. Многие из них имеют личные библиотеки, десятки тысяч являются постоянными читателями общественных библиотек. Помимо чтения издаваемых в республике газет и журналов, трудящиеся выписывают 320 тыс. экз. центральных газет и журналов.

Массовые библиотеки начали применять новые формы работы: читателям открывается доступ к книжным фондам, в небольших селениях, на колхозных фермах, на крупных стойбищах животноводов организованы пункты выдачи книг, в наиболее отдаленные селения и труднодоступные урочища выезжают энтузиасты-книгоноши. Работают и библиотеки-передвижки.

Значительное развитие получила кинофикация. В Киргизии действуют 570 стационарных и 182 передвижных киноустановки. Посещение киносеансов стало излюбленной формой проведения досуга городских и

сельских жителей. 20 автокинопередвижек обслуживают и животноводов, находящихся со скотом на отдаленных отгонных пастбищах. Там действует более 120 культурно-просветительных учреждений. К отгонщикам приезжают на гастроли артисты театров, передвижные выставки, их обслуживает свыше 50 культбригад.

Среди киргизов, и в прошлом не отличавшихся религиозным фанатизмом, получили широкое распространение атеистические взгляды. Сознание молодого поколения в подавляющем большинстве случаев свободно от религиозных предрассудков. Однако среди некоторых слоев киргизского населения еще сохраняется религиозное мировоззрение, а во многих семьях старики соблюдают религиозные обряды. Еще выполняются такие требования мусульманской религии, как обрезание мальчиков — *сунnет*, обряд бракосочетания — *нике*, религиозные праздники. Некоторые обряды связаны с пережитками доисламских верований. Хотя большая часть обрядов выполняется по привычке, под влиянием стариков или из желания не обидеть их, нельзя недооценивать отрицательного влияния религиозных пережитков (которое более ощутимо среди южных киргизов). Пережитки религиозной идеологии мешают повышению идейного и культурного уровня трудящихся. В этих условиях особое значение приобретают различные формы научно-атеистической пропаганды, которую ведут партийные организации и культурно-просветительные учреждения и благодаря которой постепенно усиливается отход населения от религии.

Все большее развитие получает за последние годы лекционная пропаганда. В ряде районов республики работают отделения Общества по распространению политических и научных знаний. В наиболее крупных пунктах созданы лектории. Многие передовые колхозы являются коллективными членами общества. Только за 1960 г. членами общества прочитано 54 тыс. лекций.

Массовой формой культурного досуга повсеместно стало радио. Радиопередачи ведутся не только на киргизском, но и на языках других национальностей. В республике насчитывается более 200 тыс. радиотрансляционных точек. Кроме того, население пользуется 82 тыс. радиоприемников. Они имеются и во многих чабанских бригадах. В последние годы получает развитие телевидение. Помимо передачи собственных программ, Фрунзенская студия телевидения ретранслирует передачи из Алма-Аты. Передачи студии смотрят жители Чуйской долины, части Иссык-Кульской котловины, долинных районов Ошской области. В Киргизии каждый вечер включаются экраны 15 тыс. телевизоров.

Научные и политические знания несут в массы музеи. В республике работают Музей природы и Исторический музей Академии наук, Домузей М. В. Фрунзе, Музей изобразительных искусств в г. Фрунзе, краеведческие музеи в городах Оше, Джалал-Абаде и Пржевальске (здесь имеется также мемориальный музей Н. М. Пржевальского).

В Киргизии начала развиваться такая форма повышения культурного уровня населения, как университеты культуры. В 1961 г. 27 университетов культуры посещали тысячи слушателей.

Большое место в эстетическом воспитании населения занимает художественная самодеятельность.

В Киргизии уже создано 12 народных самодеятельных театров.

Наука

Начало изучению Киргизии и населяющих ее народов положили выдающиеся русские исследователи и путешественники П. П. Семенов-Тян-Шанский, А. П. Федченко, Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов; с территории Киргизии начинал свои знаменитые путешествия Н. М. Пржевальский, на берегу Иссык-Куля и оборвалась жизнь этого отважного исследователя.

Язык и культура киргизского народа были впервые исследованы русским акад. В. В. Радловым. Основы киргизской историографии заложил

русский акад. В. В. Бартольд. Большая плеяда деятелей русской культуры — Н. Аристов, Ф. Поярков, Н. Зеланд — с симпатией относилась к киргизскому населению, стремясь помочь его культурному росту. Но эти представители передовой русской науки и культуры, способствовавшие своими трудами наступившему много позднее экономическому прогрессу страны, развитию киргизской культуры, были немногочисленны. Киргизский народ в условиях колониального режима продолжал оставаться в своей массе отсталым, обреченным на прозябание.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия не только для расцвета научных исследований в Киргизии, но и для возникновения местных научных учреждений, для роста национальных научных кадров.

Первая научная ячейка появилась в Киргизии в 1926 г., когда был создан Государственный музей краеведения. На его базе в 1928 г. возник комплексный научно-исследовательский институт краеведения, из которого в дальнейшем вырос ряд самостоятельных научных учреждений: институт животноводства, институт киргизского языка и письменности и др. Затем в республике появились многочисленные ведомственные научные учреждения: ветеринарная, селекционная и плодоовощная станции, институт эпидемиологии, успешно развивал свою деятельность Комитет наук.

В 1943 г. благодаря помощи русских ученых возник Киргизский филиал Академии наук СССР, а на его базе в 1954 г. была создана национальная Академия наук. Это было выдающееся событие в развитии культуры киргизского народа. В составе учреждений Академии наук три отделения: естественно-технических наук, биологических наук и общественных наук. Эти отделения объединяют 13 институтов и несколько самостоятельных отделов, а также ботанический сад и музеи, в которых работает свыше 500 научных сотрудников. В настоящее время в Академии наук Киргизской ССР представлены уже такие важные специальности, как ядерная физика и радиофизика, математика и механика, электроника, автоматика и телемеханика, горное дело и металлургия, органическая химия. В конце 1960 г. в Академии наук и вузах республики насчитывалось 2315 научных работников, в том числе 643 кандидата и доктора наук.

Академия наук координирует в общей сложности деятельность 39 научных учреждений республики, обслуживающих различные нужды народного хозяйства и культурного строительства, и высших учебных заведений. Она превратилась в крупный центр научной мысли и подготовки кадров.

В аспирантуре высших учебных заведений и Академии наук Киргизской ССР проходят подготовку более 180 будущих ученых, большая часть которых — киргизы.

За годы своего существования Академия наук Киргизской ССР и другие научные учреждения подготовили много ценных научных исследований, содействующих дальнейшему развитию народного хозяйства республики, раскрывающих ее несметные природные богатства, помогающих развитию национальной культуры. Наука все теснее связывается с производством. В содружестве с практиками ученые Киргизии (совместно с учеными Казахстана) вывели высокопродуктивные породы скота, геологи провели важные исследования по выявлению полезных ископаемых, проделана работа по определению путей наилучшего использования богатейших гидроэнергетических ресурсов, ценные результаты дали опыты создания искусственных сенокосов в горных условиях, сделано обобщенное описание почв Чуйской долины, разработан новый способ кормления крупного рогатого скота, подготовлены и выпущены в свет двухтомная «История Киргизии», ряд монографий, освещающих отдельные проблемы истории киргизского народа, издан капитальный русско-киргизский словарь.

Устное поэтическое творчество и художественная литература

Крупную роль в культуре киргизов играло устное народное поэтическое творчество. В нем в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, трудовая жизнь, надежды и чаяния, поэтическое восприятие природы.

На пути развития устного народного творчества стояло в прошлом много препятствий. Социальный и национальный гнет, влияние идеологии ислама задерживали естественный рост народных талантов. Но вопреки всем трудностям трудовой народ рождал своих певцов (*акын*), которые скитались от кочевья к кочевью со своим нехитрым комузом и несли народу свое творчество. Некоторые из них поднимали свой гневный голос против манапов и баев, жестоко угнетавших трудовой люд, против царских приспешников, призывали к борьбе. Неудивительно, что баи и манапы преследовали акынов, отказывавшихся подчинять свою творческую деятельность их интересам. Несмотря на травлю, издевательства со стороны манапов и баев, стремившихся приспособить народное творчество к своим вкусам, оно продолжало жить и развиваться, сохраняя лучшие демократические и художественные традиции.

Донесенное до наших дней киргизское устное творчество отличается большим жанровым разнообразием. Наряду с трудовыми, лирическими и обрядовыми песнями значительное развитие в творчестве киргизского народа получили и другие виды народных произведений: сказки, предания, героические поэмы типа народных романов и в особенности богатырский эпос.

Кочевой образ жизни киргизов в прошлом породил такие произведения, как пастушеские женские песни (*бекбекей*) и песни пастухов-табунщиков (*шырылдак*). Песни бекбекей исполнялись женщинами и девушками ночью, когда они караулили овечьи отары возле аила. Пение их сопровождалось протяжными заунывными выкриками. В песнях женщины предостерегали друг друга о грозящей от волков опасности, призывали к бдительной охране отар, угрожали волкам:

...Надо чутко в загоне стеречь овец!
Из боярышника жердь у меня.
Волк-ворюга, тебе смерть у меня!
...Только сунься волк, окружим!
Палками его оглушим!

Песни шырылдан распевали пастухи, приходившие с далеких пастбищ в аилы за пищей. Табунщики пели:

...Шырылдан — это наш удел.
Мы сегодня не смеем спать.
Только был бы табун наш цел,
Сон успеем мы наверстать.
Я устал от долгой езды,
Я коня по нагорьям пас...

Помимо трудовых пастушеских песен, существовали песни, сопровождавшие процессы земледельческого труда, в частности молотьбу. Песни, исполнявшиеся во время молотьбы, назывались *оп-майда*.

Жизненный опыт народа, его мудрость получили яркое отражение в многообразных пословицах и поговорках. Как и всякие народные изречения, киргизские пословицы и поговорки в образной и доходчивой форме прививают любовь к родине и к народу, воспитывают чувство мужества, порицают пороки, осуждают зло. Они были раньше тесно связаны со скотоводческим, а отчасти и с военно-кочевым бытом народа. На почве этого

жанра устного народного творчества выросли самостоятельные, специфические для киргизского фольклора произведения, представляющие собой нравоучительные песни и поэмы. Они состоят из бытующих в народе пословиц (часто имеющих стихотворную форму) и рифмованных афоризмов. Такие поэмы называются *санат* (поучение или пример, достойный подражания). Пословицы подбираются или на одну какую-либо тему, или разнообразны по тематике, но в целом выступают в виде поэтических моральных поучений.

Другой вид нравоучительных поэм (*насыят*, т. е. наставление, совет) включает пословицу лишь в качестве дополнительного элемента. Более поздние дореволюционные насыяты содержали наставление об обучении ремеслу и грамоте, в них говорилось о пользе знаний. Существовали насыяты и религиозного содержания.

Большое место в киргизском фольклоре занимает песенное творчество. Это связано в первую очередь с выдающимся поэтическим даром киргизов, с их редкой способностью к импровизации, к воплощению в поэтических образах и в стихотворной форме всех наиболее значительных событий окружающей жизни. Широкое развитие песни связано также с музыкальной одаренностью народа. Ведущую роль в песенном жанре занимает лирика. Здесь и песни любовные (*сөкетбай* и *күйөгөн*), и песни-жалобы (*арман*), исполнявшиеся по случаю какого-либо горя, личной утраты. В них рассказывается о нужде и бедности, о насильственном замужестве. К песням-жалобам примыкают песни-прощания (*коштошуу*), исполнявшиеся при прощании с родным краем, с народом, с близкими, с любимой.

Особую разновидность представляют песни-состязания (*айтыш*), исполняемые во время своеобразных поэтических и музыкальных турниров между народными поэтами — акынами. Состязаются в умении владеть даром импровизации чаще всего два акына, но на больших празднествах устраивались раньше состязания, в которых принимали участие многие из присутствующих. Иногда проводились также состязания-диалоги, которые состояли из загадок и разгадок.

В прошлом киргизские манапы культивировали жанр песен-восхвалений (*мактоо*). Им противостояли слагавшиеся демократически настроенными акынами песни-издёвки (*кордоо*), высмеивавшие баев, манапов, а также вообще разные неблаговидные поступки людей.

Существуют песни различных возрастных групп, особенно молодежи, которые поют обычно во время игр, во время качания на качелях, девичьи песни-состязания (*акый* или *акыйнек*). Большой любовью к детям насыщены колыбельные песни.

Среди бытовых песен видное место занимали причитания и обрядовые песни, которыми, в частности, сопровождались свадебный и погребальный обряды. Перед отправлением невесты из родительского дома в дом будущего мужа ее мать, родственницы и подруги пели трогательные песни-плачи. В них с большой силой раскрывалось бесправие девушки, выходившей замуж, и содержались наставления дочери о том, как вести себя в доме мужа, просьбы к родителям мужа хорошо обращаться с невесткой.

Большой художественной силы достигали похоронные плачи (*кошок*), слагавшиеся обычно женщинами. В одних случаях это были причитания, короткие лирические произведения, в других же — более крупные произведения типа элегий, подробно повествующие о жизни покойного. Последнего типа плачи зачастую слагались в прошлом профессиональными певцами по заказу феодальной знати. Содержанием их было прославление «заслуг» того или иного манапа с целью идеологического воздействия на трудящихся. Причитания, исполнявшиеся в дни поминания умерших, перерастали в особые поминальные песни — *жоктоо*. Причитания-плачи исполняются иногда и в наше время.

Большое место в устном творчестве киргизов занимает эпический жанр. Необходимо прежде всего остановиться на эпических произведениях малой формы. Насчитывается более десятка эпических поэм, являющихся, по-видимому, в значительной части остатками эпических сказаний тех племен, которые вошли в состав киргизской народности. Некоторые из них, несомненно, древнего происхождения. Такова сказочная поэма «Эр Тёштюк», герой которой действует в подземном мире. Сюжет и образы этой поэмы перекликаются с эпосом народов Алтая. Сказочные мотивы отражены и в поэме «Коджоджаш», которая повествует об охотнике, ведущем длительную борьбу с диким животным, обладающим сверхъестественной силой. Эту борьбу после гибели Коджоджаша завершает его сын Молдоджаш. Поэма возникла, по-видимому, в обществе, находившемся на низком уровне развития производительных сил, в ней ощутимы черты анимистического мировоззрения.

В поэмах «Курманбек» и «Эр Табылды» уже отчетливо выражены интересы двух противоположных классов — феодалов и зависимых от них рядовых скотоводов. В этих поэмах, возникших, несомненно, в народной среде, главные герои наделены чертами защитников народных интересов, выразителей народных чаяний. Здесь отразилась борьба против иноземных захватчиков — калмыцких феодалов. Эпос этого типа характерен для эпохи объединения киргизских племен в народность. В противоположность ему есть поэмы, например «Джаныш и Байыш», воспевающие захватнические войны. Они возникли в феодально-аристократической среде, которая была заинтересована в таких войнах.

Наконец, среди произведений этого жанра представлены новеллистические поэмы с социально-бытовым и сказочно-романтическим содержанием («Олджобай и Кишимджан», «Мендирман», «Джангыл Мырза»). Они приближаются по типу к народным романам. Их содержание — приключения героев, семейно-бытовые конфликты. Особо должна быть отмечена глубоко народная поэма «Кедей-кан», представляющая собой образец социальной сатиры, обращенной против угнетателей народа. Она повествует о бедняке, хитростью занявшем место хана и использовавшем ханскую власть в интересах таких же, как и он сам, простых людей.

Значительное место в киргизском фольклоре занимают легенды и предания. Помимо преданий генеалогического характера, должны быть отмечены древнейшего происхождения легенды с мифологическим содержанием, отражающие главным образом космогонические представления. В некоторых легендах сохранились остатки тотемистического мировоззрения; такова легенда о происхождении прародительницы племени бугу от оленей. Многочисленны легенды и о происхождении животных и птиц. Имеют и теперь некоторое распространение исторические предания.

К эпическому жанру примыкают сказки (*жөө жомок*), очень разнообразные по содержанию. Здесь и сказки волшебные, которые содержат необыкновенные приключения героев, описания фантастических животных, и бытовые, в которых ярко запечатлена жизнь народа, его мечты о лучшей жизни, и анекдотические сказки, и сказки о животных. Создателями и распространителями сказок были сказочники-профессионалы (*жомокчу*).

Наиболее крупным произведением киргизского героического эпоса является поэма «Манас».

«Манас» представляет собой большую по объему эпическую трилогию, созданную в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей — *манасчы*. Впервые отрывок из «Манаса» был записан в середине 50-х годов XIX в. казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым. На русском языке в прозаическом переводе он был опубликован лишь в 1904 г. Сокращенный вариант «Манаса» был

позднее записан также В. В. Радловым, который опубликовал его в 1885 г. в киргизском оригинале и переводе на немецкий язык.

Среди киргизов «Манас» бытовал только в устной традиции. Сохранению «Манаса» до самого последнего времени способствовала не только феноменальная память сказителей, но и большая популярность его в народе. Немалую роль в популяризации некоторых сюжетов «Манаса» с антинародным содержанием сыграла манапско-байская верхушка и позднее буржуазные националисты.

Эпос у киргизов в известной степени подчинил себе все остальные жанры фольклора, вобрав в себя в той или иной мере все его богатство: и предания, и сказки, и песни, и поговорки.

Сказители в своем большинстве были не только исполнителями эпоса, но и поэтами-импровизаторами, создателями его новых вариантов.

Для исполнения «Манаса» требовались многие дни и даже недели. Приглашать к себе манасчы на длительный срок могли преимущественно манапы, бии и баи. Большую роль в распространении «Манаса» в народе играли рапсоды (*ырчы*), исполнявшие отдельные, наиболее популярные эпизоды поэмы. В отдельных отрывках «Манас» был известен широким слоям населения. Исполнялся «Манас» обычно при большом стечении слушателей, без инструментального сопровождения. Часть поэмы, содержащая рассказы и описания, излагается в более быстром темпе, а диалоги и речи героев поются речитативом, плавно и торжественно. Исполнение их ведется в духе музыкального сказа. Существует свыше 20 мелодий, используемых при исполнении «Манаса». Сказитель сопровождает исполнение поэмы разнообразными жестами и богатой мимикой.

Основная сюжетная линия, проходящая через первую часть трилогии «Манас», — это богатырские подвиги легендарного Манаса, совершаемые им в Средней Азии и соседних странах. Здесь представлены циклы песен, посвященные рождению, юношеским годам Манаса, избранию его ханом, военным подвигам Манаса и его дружины, состоящей из 40 витязей (*кырк чоро*). Один из циклов посвящен тризне по ташкентскому хану Кокетею, союзнику Манаса. Тяжело раненный в последнем походе, Манас возвращается в долину Таласа, где и умирает. Вторая часть трилогии «Манас», поэма «Семетей», относится к жизни сына Манаса — Семетея, а третья, «Сейтек», посвящена сыну Семетея — Сейтеку. По объему «Семетей» не уступает первой части трилогии. В отличие от «Манаса», стиль которого характеризуется чертами торжественности, суровой героики, поэмам «Семетей» и «Сейтек» присущи черты лирических произведений.

Первый исследователь «Манаса» Ч. Валиханов указывал, что в нем нашли отражение «образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их»[1].

В «Манасе» подробно разработано несколько отдельных сюжетов, из которых наиболее крупными являются сватовство и женитьба Манаса на Каныкей, заговор семи ханов против Манаса, переселение к Манасу его родственников — *көз-каман*.

Большое место в эпосе занимает социально-бытовой материал: мастерски написанные картины свадьбы, поминок, народных игр и развлечений, домашнего быта. Манас выведен в эпосе как главное, стержневое действующее лицо, вокруг которого группируются все остальные. В поэме нет почти ни одного эпизода, где бы не участвовал сам Манас. Эпос рисует замечательные образы киргизских женщин и прежде всего красавицы Каныкей — умной и проницательной жены Манаса, верной и мужественной подруги богатыря. Большое место в поэме отведено Ак-Кула — волшебному коню Манаса.

[1] Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 420.

Многое в «Манасе» относится к области сказочного, фантастического, богато представлена в нем мифология. Но часть событий, которые описываются в «Манасе», является художественным отображением некоторых периодов истории киргизской народности и консолидировавшихся в ней племен, в том числе и довольно древних.

Киргизам неоднократно приходилось выступать против чужеземных захватчиков и угнетателей — монгольских, ойратских, узбекских и других феодалов и ханов. В большинстве военных эпизодов эпоса отражены события, связанные с ожесточенной борьбой киргизских племен против ойратов (джунгаров), вторгавшихся на территорию Средней Азии в XV—XVIII вв. Мотив борьбы с джунгарами сближает киргизский эпос с эпосами других народов Средней Азии (казахов, узбеков, каракалпаков).

Вместе с тем, в эпосе «Манас» нашли отражение и эпизоды более раннего исторического прошлого киргизских племен, с характерным для него господством военно-демократического строя. «Манас» представляет собой в целом чрезвычайно сложный «сплав» различных по происхождению и времени возникновения жанров и сюжетов. Он складывался на протяжении длительного времени, постепенно обрастая все новыми сюжетами и песнями, впитывая в себя прежде всего эпические сказания тех племен, которые образовали в конечном итоге киргизскую народность. В упомянутом выше сочинении «Маджму' ат-тавари'х» содержится прозаический пересказ некоторых эпизодов из эпоса «Манас», которые свидетельствуют в пользу существования казахско-ногайского слоя в эпосе.

В своей основе эпос «Манас», веками бытующий среди киргизов, является, безусловно, народным произведением. Вместе с тем, развиваясь в прошлом в классовом обществе, он подвергался активному воздействию со стороны байско-манапской верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить его к своей идеологии. Позднее на некоторых сказителей оказали вредное влияние буржуазные националисты. В результате в киргизском эпосе сложились две группы редакций эпоса: с одной стороны, народная, демократическая, с другой — феодально-байская, пропитанная чуждыми и враждебными народу идеями.

В идейном содержании «Манаса» отражены противоречия, присущие патриархально-феодальному строю. Сложившийся как эпопея в эпоху начавшегося объединения разрозненных племен и формирования киргизской народности, что было тесно связано с необходимостью защиты от ойратских завоевателей, эпос «Манас», с одной стороны, содержит прогрессивную идею объединения племен и изгнания из своей страны чужеземных захватчиков, а с другой — идеализирует патриархально-феодальные порядки, в том числе те, подчас жестокие, методы, при помощи которых утверждала и поддерживала свое господство над трудовыми массами правящая знать киргизских племен.

Реакционную направленность эпоса характеризует воспевание таких черт социального уклада и быта господствовавших классов, как ханская власть, система вассалитета, феодальные междоусобицы, рабы, обслуживающие своим трудом знать; захватнические набеги, сопровождающиеся угоном скота и пленных, увозом богатой добычи, пышность ханского двора, расточительные и обременительные для народа тризны. В поздних вариантах к этому прибавились все усиливавшиеся мотивы борьбы с «неверными».

Реакционные мотивы в эпосе были обязаны своим возникновением тем манасчы, которые составляли окружение феодальной знати. Но среди манасчы были и такие, которые исполняли отдельные сюжеты эпоса перед народными массами и были по своим духовным устремлениям близки народу. Они по-своему, в демократическом духе, осмысливали сказания эпоса. Многочисленные военные столкновения такие манасчы истолковывали в плане защиты родины, борьбы против чужеземных посягателей на неза-

висимость и достоинство народа. Эта идея воплощалась в образе главного героя эпоса — Манаса, который во главе народа добивается объединения родственных, но разобщенных племен для защиты от внешних врагов, борется и с внутренними врагами. Тенденция к преодолению племенной и феодальной раздробленности, к целостности, единству и независимости киргизского народа была объективно прогрессивной.

Феодальные круги, а позднее буржуазные националисты стремились использовать эту здоровую целеустремленность эпоса, порожденную конкретной исторической обстановкой, в своих классовых целях, усиленно внедряя в эпос пантюркистские и панисламистские идеи, придавая образу Манаса черты вождя и объединителя всех тюркоязычных народов, борца за веру. Автор одного из вариантов эпоса сказитель Сагынбай Орозбаков (1867—1930 гг.) отразил в своей редакции именно эти чуждые народу антидемократические идеи. Однако они не могли лишить эпос его широкой народной основы. Наиболее близкими к народной среде являются две части трилогии: «Семетей» и «Сейтек», хотя и они не свободны от идеализации патриархально-феодального строя.

Новые условия жизни, новые культурные явления, начавшееся преобразование социального строя киргизского общества после присоединения к России внесли крупные изменения в характер устного народного творчества. В нем все более отчетливо стали разграничиваться интересы различных классов.

В поэме «Курманбек», как и в некоторых других произведениях «малого» эпоса, усиливались демократические идеи. Резче подчеркивалась борьба против внутренних врагов народа — манапов и баев. В поэме «Жээрен Чечен» воспевается труд, пропагандируется польза знаний, оседлости. В некоторых из поэм-сказок женщина выступает уже не в качестве бессловесной рабыни, а борющейся за свои права. В поэме «Ак-Мёёр» героиня протестует против насильственной выдачи ее замуж за дряхлого старика. Героиня поэмы «Каптагайдын кызынын арманы» («Песня дочери Каптагая») пытается освободиться от пут традиции: стремясь к свободе, она переодевается в мужскую одежду и в поисках достойного себе спутника жизни убегает из отцовского дома. Во всем этом сказалось изменение самосознания народа и, в частности, женщины, вызванное влиянием новых общественных условий, начавшегося сближения с русским народом, с передовой русской культурой.

В творчестве народных поэтов— акынов также отчетливо выступают противостоящие друг другу направления. Представителями реакционного направления, начавшими свою деятельность еще в первой половине XIX в., были акыны Калыгул и Арстанбек. В своих произведениях, созданных как во время господства Кокандского ханства, так и после присоединения Киргизии к России, эти акыны характеризуют переживаемое ими время как *зар заман*, или *тар заман*, т. е. эпоху народного плача, бед, страданий и скорби. В этих произведениях отражалась идеология феодальной верхушки киргизской народности. Именно феодалам были выгодны затушевывание классовых противоречий, уход в мир мистики, идеализация патриархально-феодальных порядков.

Мотивы уныния и тоски, предчувствия несчастий пронизывают произведения поэтов реакционного направления. Они выступали против присоединения Киргизии к России, ориентировали общественные идеалы киргизского народа на страны мусульманского Востока, проповедовали идеи мюридизма и как следствие этого вражду и непримиримость ко всем иноверцам. Охваченные боязнью нового, реакционные акыны выступали против прогрессивных явлений, возникавших в киргизской среде под влиянием общения с представителями русского народа. Страшась наступающих событий и рассматривая их как приближение «конца мира», эти акыны видели в новых явлениях только отрицательные стороны. Они

жаловались на разрушение семейных устоев, упадок нравов, падение благочестия. Отсюда призывы к сохранению патриархально-феодального строя. Борьбу против колониального гнета царизма реакционные акыны подменили борьбой против русских вообще.

Творчество крупного киргизского поэта колониального периода Молдо Кылыча Шамырканова (1866—1917 гг.) в значительной степени находилось под влиянием идеологии его предшественников — акынов реакционного направления. Он был грамотным и в отличие от многих других акынов записывал свои произведения. Первой печатной книгой на киргизском языке, изданной до Октябрьской революции, была поэма Молдо Кылыча «Зилзала» («Землетрясение»), содержащая реалистическое изображение большого стихийного бедствия, постигшего часть территории Киргизии и Казахстана — землетрясения 1911 г. В этой поэме Молдо Кылыч отдал солидную дань религиозному мировоззрению, она проникнута пессимизмом и мистическими мотивами, поэт уповает на бога, на милосердие феодально-родовой знати. Землетрясение он истолковывает как наказание аллаха за грехи людей. Это одно из произведений, послуживших основанием для оценки Молдо Кылыча как поэта реакционного направления. Ограниченность мировоззрения Молдо Кылыча, его представлений об общественном устройстве того времени лишала его возможности понять значение происходивших в жизни народа изменений. Однако в творчестве Молдо Кылыча звучат мотивы и другого характера. Его сатирические поэмы «Пир беркута» и «Пернатые» содержат обличение и осуждение господствовавших классов и сочувствие к обреченной на бесправие и нищету киргизской бедноте. Поэт отразил в своем творчестве противоречия, которые были свойственны киргизскому аилу во второй половине XIX — начале XX в., находившемуся под двойным гнетом — своих феодалов и царских колонизаторов.

Наряду с пессимистическими произведениями реакционного направления и в борьбе с ними зрело и утверждалось другое, глубоко демократическое направление. Представлявшие это направление акыны Токтогул и Тоголок Молдо создавали песни с ярко выраженными демократическими тенденциями, обличающие манапов и баев, а также царских колонизаторов как виновников бедствий и страданий народа. Эти акыны выражали в своем творчестве сокровенные чаяния народа, открыто восставали против социальной несправедливости, воспевали дружбу народов и стремление к свободе. Именно они воплотили в своих песнях лучшие художественные традиции прошлого. Демократическая линия развития народно-поэтического творчества окрепла благодаря новым общественным условиям, складывавшимся после присоединения Киргизии к России в результате проникновения передовых идей русского общества в киргизскую среду.

Наиболее ярким представителем демократического направления в киргизской поэзии был талантливый акын и композитор Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.). Он родился и вырос в местности Сасык-Джийде, расположенной в горной котловине Кетмень-Тюбе (современный Токтогульский район Ошской области), в семье бедняка, вынужденного работать на баев. Большое влияние на формирование творческих способностей будущего поэта оказала его мать Бурма, известная сочинительница и исполнительница кошоков — трогательных причитаний на свадьбах и похоронах.

Уже в детстве Токтогул, помогая отцу, работал пастухом у бая. В кругу таких же, как он, подростков, Токтогул начал складывать песни, в которых выражал сочувствие к угнетенным и обездоленным беднякам.

Как хорошего певца и музыканта (он играл на комузе) Токтогула начали приглашать на общественные сборища, свадьбы, тризны.

Вдохновенные песни Токтогула завоевали ему популярность и любовь среди широких масс киргизского населения. Они отличались изумительной простотой и ясностью мысли, глубокой лиричностью. Особенно широкое признание народа талант Токтогула получил после его знаменитого поэтического состязания в 1882 г. с известным акыном Арзыматом, придворным поэтом знатного манапа Дыйканбая. Токтогул стал акыном профессионалом. Но он пел не для баев и манапов, а для рядовых кочевников. Он не только исполнял популярные народные песни, но и сочинял новые, в которых наряду с лирическими все громче звучали гражданские мотивы.

Токтогул Сатылганов

Многие поэмы Токтогула возникли под непосредственным влиянием знакомства с русской культурой. В отличие от своих предшественников, Токтогул не смешивал русский трудовой народ с царскими колонизаторами. Он выступал в своих произведениях как смелый и гневный обличитель колониального порабощения, а также гнета баев и манапов. Токтогул вступил в открытую борьбу с сыновьями манапа Рыскулбека — неограниченными властителями и эксплуататорами киргизского населения Кетмень-Тюбе. Подвергаемый гонению и насилиям, он боролся с манапами единственным оружием — песней. В сложенной им песне «Пять кабанов» Токтогул с исключительной силой изобразил пятерых всесильных манапов, бесчеловечно и жестоко обиравших народ.

Образ бедняка (*кедей*), страдающего, но готового к борьбе, протестующего против насилия, занял центральное место во всем творчестве Токтогула.

Как яркий представитель прогрессивной киргизской общественной мысли Токтогул обличал и разоблачал не только манапов, баев, волостных управителей, царских чиновников, но и реакционное мусульманское духовенство. Он зло и остро бичевал жадность, ханжество и лицемерие клерикалов, стремясь помочь своему народу осознать наносимый ими вред. Широкой известностью пользовалась, например, его песня «Ишан Калпа».

Поэзия Токтогула, проникнутая духом классовой борьбы, делала его имя ненавистным для байско-манапской верхушки. Воспользовавшись удобным случаем, манапы решили избавиться от Токтогула. Во время андижанского восстания 1898 г., по доносу сыновей Рыскулбека, Токтогул был арестован царскими властями. Это был открытый акт мести, расправа над смелым и мужественным певцом и борцом за социальную справедливость. Ложно обвиненный за участие в восстании, Токтогул был приговорен к смертной казни через повешение, замененной затем каторгой. Его сослали в Сибирь. После неудачной попытки побега он получил дополнительно 12 лет каторжных работ.

Тяжелая жизнь в ссылке не сломила дух вольнолюбивого поэта. И там, оторванный от родной земли, он продолжал творить. Разлука с народом, который Токтогул безгранично любил и который отвечал ему взаимностью, глубоко терзала сердце поэта.

Токтогул был неграмотным, но он видел страдания народа в царской России и не из книг, а в общении с политическими заключенными разных национальностей, в беседах со ссыльными русскими революционерами познавал правду жизни, обогащал свою память новыми сведениями, проникался идеями интернационализма.

Под влиянием русских революционеров окончательно сформировались и окрепли передовые демократические взгляды Токтогула. Его творчество приобрело острую и зрелую политическую направленность, окрасилось чертами революционности.

При содействии русских друзей Токтогул второй раз пытался бежать, но снова неудачно. Срок наказания был увеличен до 25 лет. Только после 12-летнего пребывания на каторге, с помощью русских поселенцев, Токтогулу удалось вырваться на свободу. Два года пришлось ему скитаться по незнакомым местам, пока в 1910 г. он не добрался до родной земли.

Токтогулу пришлось жить нелегально, скрываясь от мести манапов и баев и расправы царских тюремщиков. Снова посаженный в 1913 г. в тюрьму по происках манапов, он был взят на поруки и дожил до светлых дней освобождения своего народа от ига эксплуататоров.

Токтогул стремился сблизить свой народ с Россией и русскими. Он связывал будущее родного края не с мусульманскими странами, что было характерно для акынов реакционного направления, а с русским народом, с его культурой. В сближении с нею он видел верный путь к избавлению от средневековой отсталости. Токтогул был первым общественным деятелем в Киргизии, который часто высказывал такую, например, мысль: «клад науки — у русских» (*окуунун кени оруста*).

Наряду с политическими стихами Токтогул создал много произведений на лирические и бытовые темы. Все они проникнуты оптимизмом, глубокой уверенностью в торжество справедливости.

Токтогул является родоначальником новой, высокоидейной, демократической киргизской литературы. Он воспитал целую школу акынов, творчество которых стало в дальнейшем неотъемлемой частью киргизской советской литературы.

Крупную прогрессивную роль сыграл Токтогул и в развитии киргизской народной музыки. Его музыкальные произведения вошли в сокровищницу киргизского народного искусства.

Токтогул является самым выдающимся представителем демократического направления не только в киргизском искусстве, но и в киргизской общественной мысли второй половины XIX — начала XX в.

Октябрьскую революцию, Советскую власть Токтогул встретил вдохновенными произведениями. Широко известно его стихотворение, посвященное В. И. Ленину, в котором впервые в киргизской литературе с большой любовью и теплотой создан образ великого вождя трудящихся.

Крупную роль в развитии демократического направления в киргизской устной и письменной литературе сыграл акын-«письменник», талантливый киргизский поэт-просветитель Байымбет Абдырахманов (1860—1942 гг.), по прозвищу Тоголок Молдо. Родина поэта — местность Куртка в долине р. Нарына (ныне Ак-Талинский район Тянь-Шаньской области). Тоголок Молдо, выходец из трудовой семьи, воспитывался у своего деда Музооке, известного акына и музыканта. От деда он и воспринял любовь к поэзии и демократические взгляды.

На формирование творчества Тоголока Молдо, его демократическое мировоззрение оказали большое влияние, с одной стороны, окружавшая

его действительность, с характерным для нее углублением классовых противоречий, усилением байско-манапского и колониального гнета, а с другой — начавшееся сближение трудовых масс киргизского и русского народов. Знакомство с Токтогулом и его произведениями также отразилось на характере творчества Тоголока Молдо.

Байымбет Абдырахманов (Тоголок Молдо)

Хорошо зная жизнь киргизской бедноты, ее бедствия и страдания, Тоголок Молдо в некоторых своих произведениях выступает против грабежа, произвола, насилий, чинимых баями и манапами, волостными управителями и царскими чиновниками. Его оружием является острая сатира. В сатирической поэме «О наземных и водяных птицах», сходной с басней, Тоголок Молдо под видом пернатых выводит, с одной стороны, бедняков, а с другой — в образе коршунов, ястребов — их угнетателей. Манапы отвечали на творчество Тоголока Молдо преследованиями и гонениями поэта.

На более позднем этапе творчества в произведениях акына отчетливо отразились демократические идеи, крепнувшие в киргизском обществе под влиянием передовой революционной русской общественной мысли.

Для поэзии Тоголока Молдо характерны мотивы просветительства. Он обращается в своих поэмах к родному народу с призывом учиться у русских культурному ведению хозяйства, овладевать знаниями, ремеслами, бороться с отсталостью, невежеством, суевериями. В поэме «Дети земли и вселенной» он в художественной форме рационально объясняет различные явления и законы природы, опровергая вместе с тем их религиозные толкования.

Цикл нравоучительных поэм Тоголока Молдо посвящен обличению лени, самодовольства, которым противопоставляются трудолюбие, справедливость, любовь к человеку.

Творчество Тоголока Молдо получило широкую известность и пользовалось в народе большой популярностью.

К числу крупных акынов-демократов принадлежал также Барпы Алыкулов. Пользуются известностью произведения акынов-«письменников» Ысака Шайбекова, Абылкасыма Джутакеева, Токторалы Талканбаева.

После Великой Октябрьской социалистической революции возникли новые стимулы для развития устного творчества киргизского народа. Началась большая работа по его записи и изучению. До установления в Киргизии Советской власти «Манас» бытовал лишь в устной традиции. В 1920-х годах, после окончания гражданской войны в Киргизии, была впервые предпринята запись полного текста «Манаса». Позднее от крупного

советского сказителя Саакбая Ааралаева был записан один из наиболее ценных вариантов эпоса объемом свыше 400 тыс. строк. Много вариантов и отрывков из «Манаса» собрано от других сказителей. В послеение годы издан сводный текст эпоса.

В целом киргизское устное народное творчество во всем многообразии его жанров и богатстве содержания можно рассматривать как одно из важнейших достижений народной культуры. В прошлом оно непрерывно обогащалось за счет усиления мотивов социального протеста против феодального гнета. Многие лучшие образцы киргизского фольклора дожили до наших дней и вошли составной частью в киргизскую советскую социалистическую культуру.

Лучшие художественные образцы старого фольклора записываются и изучаются, многие из них продолжают исполняться и теперь. В то же время, используя традиционные формы фольклора, народ создает новые произведения, в особенности лирические песни, наполненные новым содержанием, отражающие яркую современную действительность.

В театре, с концертной эстрады, в полевом стане, в записи на патефонной пластинке и по радио можно услышать наиболее созвучные нашей эпохе произведения фольклора. Всюду желанными гостями являются популярные акыны и сказители. Во всех уголках Киргизии известны имена лучших киргизских певцов-импровизаторов Алымкула Усенбаева, Осмонкула Бюлебалаева, сказителя Саякбая Каралаева. В их песнях нет прежней печали и горя, в них советская Родина сравнивается с цветущим садом; вдохновенные строки посвящены Коммунистической партии, великому русскому народу, дружбе народов, Москве.

Акыны провели большую работу по собиранию и восстановлению лучших образцов киргизского фольклора. Ценные исследования эпического творчества киргизов принадлежат академику Академии наук Казахской ССР М. О. Ауэзову, члену-корреспонденту АН СССР В. М. Жирмунскому, литературоведу У. Джакишеву.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря систематической помощи великого русского народа киргизский народ стал на путь создания национальной художественной литературы. Сохраняя и развивая свою национальную форму, киргизские литература и искусство имеют новое, социалистическое содержание.

Писатели и поэты Киргизии, объединенные в Союз советских писателей, насчитывающий более 90 членов, в своих произведениях не только повествуют о тяжелом прошлом киргизского народа в эпоху царизма, но и воспевают радость жизни и труда в стране социализма, нерушимую дружбу советских народов. Их творчество утвердилось в борьбе с попытками представителей буржуазно-националистической литературы всячески приукрасить, идеализировать прошлое.

Письменная литература у киргизов начала развиваться одновременно с возникновением киргизской письменности (1924 г.). Киргизская художественная литература выросла под благотворным влиянием передовой русской и советской литературы. Воспринимая ее богатейший опыт и лучшие традиции, киргизская литература черпала все лучшее и из устного народного творчества. Но новое содержание советской литературы требовало и новых форм. Настойчиво изучая произведения русских классиков и ведущих советских писателей, киргизские литераторы обогатили свою молодую литературу новыми жанрами и новыми средствами художественного изображения действительности. Крупную роль в формировании творчества многих киргизских поэтов и писателей сыграло широкое восприятие традиций М. Горького и В. Маяковского с их острой революционной направленностью. Для творчества киргизских писателей характерны тесные взаимосвязи с литературами других братских народов СССР.

Киргизская литература поднялась в своем развитии до таких слож-

ных жанров, как новелла, рассказ, повесть, роман, поэма, драматическое произведение. Метод социалистического реализма, которым упорно овладевали киргизские писатели, помог им создать ряд значительных произведений. Решения ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам явились крупнейшей вехой в развитии киргизской литературы. Киргизские писатели обратились к темам социалистической действительности. Из-под их пера вышли произведения, заслужившие одобрение широкой общественности. К ним прежде всего относятся роман Тугельбая Сыдыкбекова «Люди наших дней», удостоенный Государственной премии и переведенный на русский язык и на языки народов почти всех союзных республик, а также на китайский, польский и чешский языки, повесть Касымалы Баялинова «На берегах Иссык-Куля», роман Насридина Байтемирова «Салтанат» («Торжество»).

Но в произведениях некоторых писателей были вскрыты ошибки националистического характера, которые заключались в идеализации феодального прошлого, в восхвалении реакционных личностей. Другие писатели неправильно освещали советскую действительность. Благодаря помощи партийной организации республики эти ошибки успешно преодолеваются.

До последнего времени господствующее положение в киргизской литературе занимала поэзия. Но теперь уже ведущим жанром является проза. Признанным мастером киргизской литературы, создавшим поэтические прозаические и драматургические произведения большой эмоциональной силы, считается народный поэт Киргизии, действительный член Академии наук Киргизской ССР, бывший пастух Аалы Токомбаев (псевдоним «Балка», т. е. «Молот»). Его стихотворением «Октябрьдин келген кези» («Победное шествие Октября»), напечатанным в первом номере киргизской газеты «Эркин Тоо» 7 ноября 1924 г., начинается история киргизской советской письменной литературы. Его перу принадлежит около десяти сборников стихов. Он явился создателем политической лирики. Пионер новых жанров в киргизской литературе, А. Токомбаев в своих стихах поднимается до высот философской лирики. Среди его произведений целый цикл своего рода философских элегий. К ним относятся «Воспоминания», «Ночь поэта». В них он обращается к проблеме человеческой личности, затрагивает мотивы общественного служения народу, победы человеческого разума над природой. Некоторые прозаические произведения А. Токомбаева построены на фольклорных сюжетах.

В годы Великой Отечественной войны вышли сборники стихов А. Токомбаева, он написал также драмы «Ант» («Клятва») и «Намыс» («Честь»).

Новые произведения поэта свидетельствуют о его дальнейшем творческом росте. Накануне завершения его новый большой роман в стихах «Токтогул», посвященный жизни великого акына-демократа.

В творчестве Кубанычбека Маликова представлено все многообразие литературных жанров. Им издано более полутора десятка книг стихов Широко известны в республике стихи Алымкула Усенбаева, Темиркула Уметалиева, Толена Шамшиева, Абдрасула Токтомушева, Мусы Джангазиева, К. Акаева, С. Шимеева и других поэтов.

Большой популярностью пользуются талантливые жизнеутверждающие стихи поэта-лирика Джоомарта Боконбаева, а также отличающиеся задушевностью стихи Алыкула Осмонова, ныне покойных. Для поэзии А. Осмонова характерны глубокая выразительность образов, богатство содержания и тонкость чувства.

Истоками киргизской прозы в некоторой мере послужили такие жанры устного творчества, как сказки, прозаические варианты эпических сказаний, анекдоты, легенды. Но главную роль в ее зарождении сыграло влияние русской литературы. Она развивалась значительно медленнее, чем поэзия. Первым прозаическим произведением была повесть Касымалы Баялинова «Аджар», написанная в 1928 г. и рассказывающая о тяжелой участи киргизской девушки до Октябрьской революции. Она переведена

на десятки языков, в том числе на английский, испанский, французский. Следующим прозаическим произведением был автобиографический роман «Узак джол» («Долгий путь») Мукая Элебаева. Большой историко-приключенческий роман Касымалы Джантошева «Каныбек» посвящен жизни и быту киргизского аила второй половины XIX в. В реалистический сюжет романа вплетена фантастика, идущая от волшебных сказок и эпоса.

Переход к реалистической прозе, отображающей советскую действительность, был сделан в повести А. Токомбаева «Раненое сердце». В полной мере современная тема зазвучала в романах крупнейшего киргизского прозаика, действительного члена Академии наук Киргизской ССР Тугельбая Сыдыкбекова. Внимание автора привлекла к себе тема коллективизации. Ей был посвящен первый роман Т. Сыдыкбекова «Кен-Суу», написанный под влиянием «Поднятой целины» М. Шолохова и положивший начало жанру реалистического романа. Эту же тему автор разрабатывает в романе «Темир». Наиболее крупным произведением Т. Садыкбекова является упомянутый выше роман «Люди наших дней». С эпической широтой автор рисует героический труд киргизских колхозников в годы Великой Отечественной войны, дружбу и братство народов нашей страны, высокий моральный облик советских людей. Среди прозаиков известны также Н. Байтемиров, Т. Абдумомунов, У. Абдукаимов.

В творческом содружестве с театром выросла и киргизская драматургия. Зачинателями этого жанра явились Молдогазы Токобаев и Касымалы Джантошев, пьесы которых «Кайгылуу Какей» и «Карачач» долгие годы пользовались популярностью. Над драматургическими произведениями работают также А. Токомбаев, К. Маликов, Р. Шукурбеков, К. Эшмамбетов, Т. Сыдыкбеков. Заметный вклад в драматургию внес Т. Абдумомунов (пьесы «Узкое ущелье» и «Дочь Атабека»).

За последние годы созданы новые талантливые произведения. Заново переработав роман «Кен-Суу», Т. Сыдыкбеков написал крупное многоплановое произведение «Среди гор». Он закончил работу над романом «Батыйна» — первой книгой трилогии «Женщина». Большое произведение о рабочем классе Киргизии «Свет под землей» создал С. Сасыкбаев. Заслужил признание своей жизненной правдой роман Мамасалы Абдукаримова «Жить хочется».

Молодой киргизский прозаик Чингиз Айтматов приобрел широкую известность небольшой повестью «Джамиля». В ней с большой художественной силой рассказана история молодой киргизской женщины, нашедшей в себе силы преодолеть отжившие обычаи и пойти навстречу своему светлому чувству. Эта повесть получила широкое международное признание. Во Франции она вышла с предисловием Луи Арагона, назвавшего ее «самой прекрасной на свете повестью о любви». С большим интересом были встречены такие рассказы Ч. Айтматова, как «Лицом к лицу», «Верблюжий глаз». Новые повести писателя «Тополёк мой в красной косынке» и «Баллада о первом учителе» показали его дальнейший творческий рост. Произведения Ч. Айтматова переведены более чем на 20 языков в СССР и за рубежом.

К числу творчески одаренных молодых писателей принадлежат также поэты Б. Сарногоев, С. Джусуев, прозаики К. Каимов, посвятивший свое новое крупное произведение «Атай» киргизскому композитору Атаю Огонбаеву, и Ш. Бейшеналиев. Последний известен как автор повести «Кычан» (о киргизском Павлике Морозове) и романа «Путь к счастью» из жизни студенчества. Способный поэт и литературовед Мухтар Борбогулов успешно выступил с прозаическим произведением «Юноша из аила».

В Киргизии издаются ежемесячные общественно-политические и литературные журналы «Ала-Тоо» (на киргизском языке) и «Литературный Киргизстан» (на русском языке).

Одним из крупнейших достижений киргизских поэтов и писателей, оказавшим большое влияние на процесс формирования киргизской лите-

ратуры, является перевод на киргизский язык классических образцов русской и советской, а также западноевропейской литературы. Уже вышли из печати многие творения великого Пушкина в переводах А. Осмонова, К. Маликова и других поэтов и писателей. «Евгений Онегин» был впервые переведен на киргизский язык К. Баялиновым. Стали доступны киргизскому читателю произведения Лермонтова, Л. Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Горького. На киргизском языке изданы и лучшие произведения советской художественной литературы.

Становится известным киргизскому народу творчество великих писателей братских народов. А. Осмонов перевел «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели; изданы произведения Низами. Наконец, К. Эшмамбетовым и А. Осмоновым переведены на киргизский язык и такие произведения классической литературы, как «Гамлет», «Отелло» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, а также «Тысяча и одна ночь».

Изобразительное искусство

Издавна развитое у киргизов декоративное прикладное искусство отмечено изяществом и богатством форм, четкостью рисунка, высокой культурой цвета. В силу особенностей кочевого уклада жизни применение его было ограничено в прошлом художественным оформлением жилища, одежды, предметов утвари, сбруи. Тем не менее в этой стороне народного творчества также проявлялась высокая художественная одаренность народа.

Киргизское изобразительное искусство всегда имело подлинно народный характер. Его лучшие образцы, украшавшие чаще всего юрты, предметы внутреннего убранства, костюм, седла, сбрую киргизской феодальной знати и крупных скотовладельцев были изготовлены руками мастеров и мастериц — выходцев из народа. В художественном замысле этих произведений искусства сохранялись лучшие народные традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Малохудожественные, но поражавшие пышностью декоративной отделки предметы убранства юрт, отдельные украшения, выполненные по заказу феодалов, были сравнительно редки и не характеризовали в целом демократического, по своему содержанию, изобразительного искусства киргизов.

Прикладное искусство у киргизов представлено ковроделием, изготовлением разных типов узорных войлоков, орнаментированных циновок, узорным ткачеством, тиснением по коже, резьбой по дереву и художественной обработкой металла.

Выделкой шерстяных ворсовых изделий уже давно занимаются памиро-алайские и ферганские киргизы, а также киргизы, живущие в юго-западной части Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Ковроделие было развито раньше преимущественно у племен группы ичкилик, но оно было хорошо знакомо и другим южным киргизам. Теперь ковры изготовляют главным образом в юго-западных районах Ошской области.

В прошлом ковровые изделия были очень широко распространены в быту. Кроме ворсового ковра (*килем*), до сих пор можно встретить мешки разного назначения, имеющие ковровую лицевую сторону (*чабадан*, *кош жабык*), ковровые дорожки для украшения юрты (*тегирич*), переметные сумы (*куржун*), коврики для седла (*эгер көпчүк*). Раньше было принято изготовлять ковры небольших размеров, но с конца XIX в., когда они стали поступать в продажу на местные рынки, начали делать ковры крупных размеров. Теперь преобладают ковры размеров 3—3,2 × 1,4—1,5 м.

Киргизские ковры изготовляются на таком же примитивном горизонтальном станке (*дүкөн*), как туркменские и узбекские. Он состоит из двух жердей, длина которых несколько превышает ширину основы, и трех палок, служащих для создания зева, его раскрытия и перемены ниток основы. Уток и ворсовые узлы прибивают деревянной колотушкой с зубьями, ворсовую нить отрезают ножом, а ворс подравнивают ножницами.

Ворсовый ковер. Восточный Памир

Высота ворса 5—7 см. Ворсовый узел полуторный, вяжется руками. Плотность киргизского ковра в среднем 900 — 1000 узлов на 1 кв. дм. Ковры большого размера изготовляют обычно коллективно.

Ковры ткут из овечьей шерсти, но на основу идет и верблюжья и козья шерсть.

Преобладающими цветами в коврах являются мареново-красный и индигово-синий, оба — в глубоко приглушенных тонах. Реже используются желтый, коричневый, зеленый, белый. Тона и оттенки красок своеобразны, а сочетание их свидетельствует о тонкости вкуса ковровщиц. Киргизы пользовались для окраски шерсти растительными красителями, а с конца XIX в. —анилиновыми красками, применение которых ухудшило качество ковров.

Киргизские ковры имеют рамку, окаймляющую центральное поле. Узоры на рамке отличаются от узоров на центральном поле. Композиция орнамента ковров имеет несколько вариантов. Например, центральное поле разделено на долевые полосы, по которым располагаются узоры, или на нем расположен однородный узор в шахматном порядке либо по диагоналям, или на центральном поле образованы ромбы с узорами внутри них.

Ковровый орнамент слагается из восьмигранников, крупных крестов, простых и ступенчатых ромбов, часто в сочетании с мотивами типа «бараньих рогов» и др. В названиях орнамента отражен окружающий реальный мир, но сами узоры уже в большинстве случаев не напоминают реальных предметов. В орнамент проникли отдельные китайские мотивы, которые утвердились в качестве составного элемента декора киргизского ковра. Ковровый орнамент имеет очень большое сходство с орнаментом на киргизских чиевых циновках (*ашкана*, *чыгдан*).

По орнаменту и особенностям расцветки киргизские ковры наиболее близки к коврам современного Синьцзяна и к узбекским (андижанским) коврам. В мотивах орнамента много общего с каракалпакскими коврами.

Под влиянием разного рода неблагоприятных причин ковровое производство у киргизов накануне Октябрьской революции пришло в упадок. К настоящему времени оно несколько оживилось. Киргизские ковры поступают в продажу, в особенности на рынок в г. Исфаре (Таджикская ССР). В Киргизской ССР организуются ковровые мастерские, к работе в которых привлекаются народные мастерицы. Появляются новые ковры с современной тематикой узора.

Более распространены у киргизов войлочные ковры, а также различные бытовые предметы из орнаментированного войлока. Для орнаментации войлока применяются три технических приема. Первый прием — это вкатывание в основной фон войлока узоров из цветной шерсти. Такого

Изготовление войлочного ковра с вкатанным узором «ала кийиз». Наукатский район, Ошская область

типа ковры называют *ала кийиз*. Второй прием — аппликация: на войлочную основу нашивают узор из окрашенного войлока или из ткани. Наконец, третий прием состоит в сшивании вместе элементов одного узора, вырезанных одновременно из двух разных по цвету кусков войлока. Ковры, изготовленные таким способом, называют *шырдак* (*шырдамал*, *төрбөлжүн*). Кроме ковров, из орнаментированного войлока изготовляют мешки и сумки для хранения и перевозки утвари, принадлежности сбруи и т. п.

Орнамент на войлочных изделиях отличается простотой и ясностью узора, сравнительно крупными размерами; он не перегружен мелкими деталями и окрашивается чаще всего в два основных цвета: синий и красный, коричневый с оранжевым или с красным.

По композиции орнамента войлочные ковры типа шырдака имеют свои особенности не только на разных территориях (Прииссыккулья, Чуйской долины, Таласа и др.), но и в пределах одной территории. Наиболее характерны следующие разновидности: ковры с крупным сплошным узором и каймой разной ширины; с большими квадратами, поставленными на ребро, с узорами внутри квадратов и между ними; с центральным полем, разделенным на две половины (по принципу негатива и позитива); с крупными кругами на центральном поле и др.

По характеру орнамента войлочные ковры киргизов сходны с коврами казахов.

Одно из видных мест в искусстве киргизской женщины занимает вышивка. Вышивкой украшают одежду, различные предметы домашнего обихода (подвесные сумки, мешочки, наволочки, покрывала, подзоры, декоративные полотенца), чепраки. Лучшими образцами вышивального искусства являются богатые по мотивам цветные композиции, обрамляющие настенные украшения — особого типа панно-ковры — туш кийиз. Вышивают бумажными, шерстяными или шелковыми нитками разных цветов по бархату, хлопчатобумажной и шерстяной ткани, по сукну, войлоку и, наконец, по коже. Из технических приемов чаще всего встречается тамбурный шов, но вышивают также гладью. Среди узоров вышивок имеются стилизованные растения, крестообразно расположенные парные

Сшивание узоров для войлочного ковра «шырдак». Джеты-Огузский район, Прииссыккулье

«рога», зигзаг, розетки и другие геометрические фигуры. Все эти мотивы близки к казахским. Встречаются также изображения птиц, животных и даже людей. За последнее время под влиянием соседнего русского населения распространилась вышивка крестом и мотивы русского и украинского орнамента.

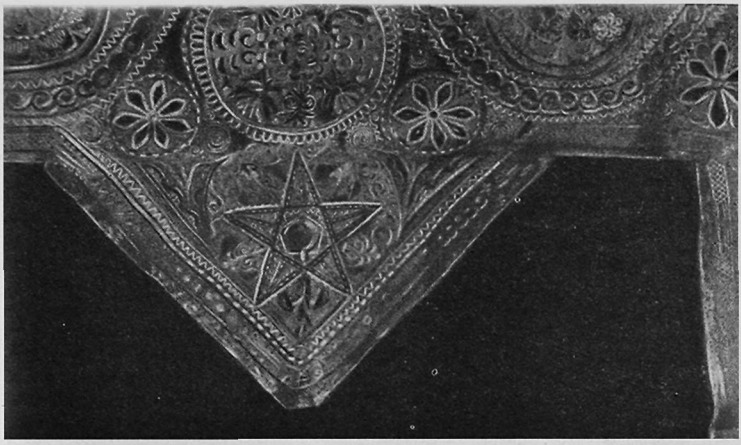
Оригинальны по технике и рисунку узоры из цветной шерсти, которыми покрывают циновки из стеблей чия, употребляемые для обтягивания деревянного остова юрты. В них встречаются восьмигранники, внутри которых помещен квадрат с парными «рогами» на концах. Этот узор, а также композиция орнамента, наличие бордюра, наконец, расцветка с применением диагональной симметрии цвета — красного, белого, синего — ближе всего напоминают тканые киргизские и туркменские ковры.

Тканые полосы, служащие для скрепления различных частей юрты, также часто делают орнаментированными.

Повсеместно распространенное узорное ткачество отличается большим разнообразием. На всей территории Киргизии бытует способ тканья *терме* — с одним утком, со скромной цветовой гаммой. В южной части республики встречается способ тканья *кажары*, *букары*, для которого характерны большая плотность, особая техника и своеобразный орнамент. Третий способ — *беш кеште* — распространен главным образом в северной части Ошской области, отчасти в южной, а также в Таласе. Он напоминает вышивку гладью. Его особенности — тканье с двумя утками, геометрический узор, белый фон и определенное сочетание тонов узора.

Тиснение по коже и аппликация из кожи встречаются главным образом на старых сундуках, футлярах для чашек, различных кожаных сосудах для кумыса и молока, принадлежностях седла. Орнаменты, вытисненные на кожаных сосудах для кумыса (*көөкөр*), по форме очень близки алтайским тисненым узорам на таких же сосудах.

Конскую сбрую, изредка мужские пояса и некоторые другие предметы украшают металлическими пластинками и бляхами, покрытыми узором, выполненным путем чеканки, насечки, гравировки, черни, или прорезным узором. Из серебра и теперь изготовляют различные женские укра-



Образец современной вышивки на настенном ковре «туш кийиз». Ат-Башинский район, Тянь-Шаньская область

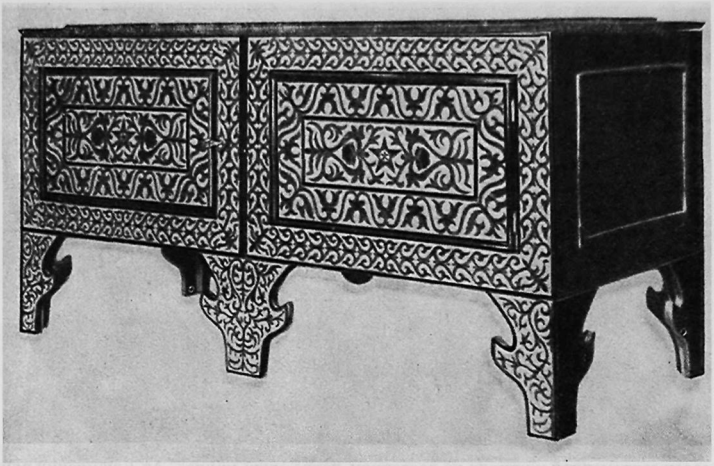
шения. Самым распространенным видом техники, применяемой ювелирами, является аппликация серебром (с применением серебряной проволоки) по металлу. Кроме того, мастера применяют штамповку, зернь, вставку цветных камней.

Резным орнаментом покрывают иногда двери и дверные рамы в юрте, сундуки и шкафчики, музыкальные инструменты. Применяют две техники резьбы: плоскую и глубокорельефную, при этом плоская резьба часто окрашивается красной, синей, белой, желтой красками. Мотивы резьбы — растительные и геометрические. За последнее время появилась и роспись по дереву.

Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производится, как правило, мужчинами, остальные виды прикладного искусства составляют область художественного творчества женщин. В киргизском орнаменте встречаются реалистические изображения животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, применяются фантастические узоры, называемые *кыял*.

Проведенные в последнее время исследования киргизского орнамента показали, что он формировался постепенно, в его состав входят и древние, и более поздние элементы, в ряде случаев на нем отразилось влияние тех народов, с которыми киргизы и их предки входили в разное время в тот или иной контакт. Наиболее древние элементы киргизского орнамента — простейшие геометрические мотивы, встречающиеся главным образом на предметах из дерева, отчасти в вышивке и на войлоке. Однако более распространены и определяют общий характер киргизского прикладного искусства рогообразные мотивы, волна с завитками, крестообразные фигуры, пальметты и другие, которыми киргизы украшают изделия из кожи, дерева, металла, войлока. Этот комплекс орнаментальных мотивов восходит, по-видимому, к искусству поздних кочевников (IX—XII вв.). В киргизском орнаменте, несомненно, отразились и связи с искусством оседлого населения Средней Азии.

Кроме орнамента, киргизам был известен и тематический рисунок, применявшийся начиная с XVIII в. в росписи надгробных сооружений.



Резной шкафчик работы мастера Касымова. Город Токмак

Это — живопись типа фресок, аналогичная живописи в мазарах Казахстана, но, так же как и последняя, изученная еще очень недостаточно. Среди рисунков на стенах мавзолеев встречаются изображения различных животных (верблюдов, лошадей, собак, козлов), предметов утвари, вооружения и одежды, наконец, человеческих фигур. Иногда чувствуется попытка расположить фигуры в связную композицию (сцены охоты, перекочевок), а также намек на пейзаж. Так же как и у казахов, исполнение всех этих рисунков диктовалось анимистическими идеями и представляло собой область религиозного искусства. Композиции отражали события, происходившие при жизни умершего. Изображения предметов должны были заменить реальные предметы, необходимые, по верованиям киргизов, для удовлетворения нужд покойного в «загробном мире».

Киргизское изобразительное искусство не однородно на всей территории его распространения. Чем ближе к периферии, тем заметнее становятся его связи с искусством соседних народов. Так, на юге Киргизии отмечается значительная общность элементов киргизского орнамента с узбекским и таджикским. Наблюдаются особенности в орнаменте у различных территориальных групп киргизского населения. В целом киргизское искусство носит вполне самобытный характер, но обнаруживает известную близость с казахским, отчасти с каракалпакским искусством, а также и более отдаленную — с изобразительным искусством народов Алтая.

После Великой Октябрьской социалистической революции народное творчество, получившее стимул для дальнейшего развития благодаря повышению материального благосостояния и росту культурного уровня, окруженное заботой со стороны партии и правительства, начало использоваться и осмысляться по-новому. Одновременно зародились и начали приобретать национальное своеобразие неизвестные ранее киргизам формы изобразительного искусства — живопись, графика, скульптура.

Богатая и яркая киргизская орнаментика покрывает в виде росписей и фресок стены новых монументальных зданий, она украшает в виде декоративных панно и войлочных ковров стены и полы новых жилищ

Киргизская вышивка

Киргизская вышивка

рабочих и колхозников, ею расцвечены костюмы физкультурников. Орнаментика широко и многосторонне используется в декоративном оформлении и в костюмах национальных музыкальных и драматических спектаклей.

Орнаментика начинает обогащаться новыми мотивами, органически включаемыми в традиционный узор: пятиконечной звездой, серпом и молотом и другими советскими эмблемами; мастера работают над новыми композициями и расцветкой орнамента.

Мастеров декоративного прикладного искусства можно встретить во всех районах Киргизии. Среди них имеются представители старшего поколения и талантливая молодежь. Лучшие изделия замечательных вышивальщиц и мастериц по изготовлению войлочных ковров А. Бокбаевой (Чуйская долина), Турдукан Мамыркановой (Прииссыккулье), Кюмюш Ормоновой и Сайры Ашыровой (Ошская область) представлены в республиканском историческом музее. Хранительницы лучших традиций ворсового ковроткачества Марзия Сатарова, Ырыс Нарынбетова, Толгонай Исманова, Айша Маткаримова, Баян Мадалиева продолжают творчески трудиться в различных районах южной Киргизии. По всей Таласской долине славится мастер художественной обработки металла Бейшеналы Курманкулов из Кировского района, а на Тянь-Шане известен потомственный ювелир Андашбай Ырсалиев из Джумгальского района. Изящные ювелирные вещи из серебра изготовляет женщина-мастер Барниса Джээнбекова из Алайского района.

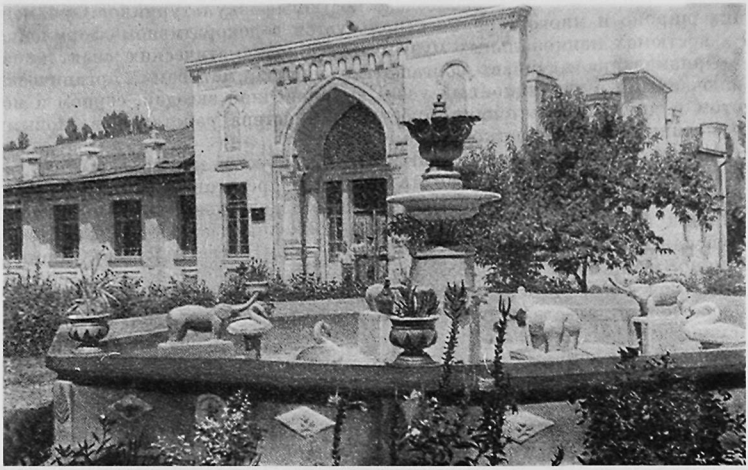
Образцы киргизского прикладного искусства неоднократно экспонировались на международных выставках в Нью-Йорке, Париже. В их изготовлении участвовали Мадакан Сасыкова, Алтын Майрыкова, ныне покойные искусные мастерицы Суура Асарбекова и Машон Алымбекова.

В настоящее время изготовлением ковров, туш кийизов, изделий из дерева, рога и кости занимаются мастерские декоративно-прикладного искусства Художественного фонда Киргизской ССР. Изготовленные в этих мастерских по эскизам киргизских художников ковры ручной работы демонстрировались на Всесоюзной выставке образцов декоративно-прикладного искусства в Москве в 1960 г.

Создание в г. Фрунзе в 1943 г. Государственного музея изобразительных искусств и помощь русских художников имели огромное значение в развитии киргизского профессионального изобразительного искусства. Оно возникло как совершенно новая область художественного творчества. Его пионерами стали получившие художественное образование в Москве первые национальные художники Гапар Айтиев (ныне народный художник Киргизской ССР) и Сабырбек Акылбеков (заслуженный деятель искусств). Г. Айтиев создал ряд крупных произведений, в которых отобразил различные стороны жизни родного народа и природы Киргизии. В его даровании сочетаются пейзажное, жанровое и портретное мастерство. В картинах и пейзажах Г. Айтиева нашли отражение события Великой Отечественной войны («Письмо с фронта»), образы его современников (портреты героев труда, писателей, артистов, картина «Чабаны»), пленительная красота Иссык-Куля («На Иссык-Куле», «Вечер в Чолпон-Ата», «Ущелье Орто-Урюкты»). Он выполнил в мраморе скульптурный портрет акына Токтогула, совместно с Д. Коджоакматовым написал сложный групповой портрет «Акыны», оформил спектакль «Алтын-кыз» для декады киргизского искусства (1939 г.), участвовал в росписи плафона зрительного зала в здании театра оперы и балета.

С. Акылбеков создал ряд полотен, отличающихся яркой живописностью, отличной колористичностью («Уборка урожая», «Полдень», «Вечером в табуне»). Им создано пейзажное панно в главном фойе театра оперы и балета.

Печатью таланта и самобытности отмечено творчество более молодого поколения — воспитанников художественных вузов Москвы и Ленинграда



Колхозный музей изобразительных искусств. Колхоз «Кызыл-Шарк», Кара-Суйский район, Ошская область

Алтымыша Усубалиева, Джакуля Коджоакматова, Асанбека Молдоакматова. Портреты, гравюры, картины А. Усубалиева, жанровые пейзажи К. Керимбекова, фризы, декоративные панно, портреты, картины на темы гражданской войны в Киргизии — «Последние», «В отряд Фрунзе» Д. Коджоакматова дополняются оригинальными работами А. Молдоакматова — декоратора, оформившего ряд оперных и балетных спектаклей. В последнее время ряды киргизских художников пополнились. Среди молодых художников — Аалы Джусупов (картина «Киргизские дети»), Мурза Оморкулов (линогравюры, посвященные строительству дороги Фрунзе — Ош), скульпторы Г. Сатаров и Т. Сыдыков.

В Киргизии сложился крепкий творческий коллектив художников, в котором вместе с киргизами работают завоевавшие широкую известность русские мастера изобразительного искусства. Особенно большую роль в развитии изобразительного искусства в Киргизии играет ее уроженец народный художник Киргизской ССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии С. А. Чуйков. Он оказал глубокое влияние на творчество киргизских художников, был инициатором создания Музея изобразительных искусств. Он является подлинным певцом новой Киргизии. Им созданы «Киргизская колхозная сюита», талантливая серия «У нас в Киргизии», крупные полотна «Дочь Киргизии», «Токтогул среди народа» и большое число других произведений. Много сил отдают воспитанию молодых кадров народный художник Киргизской ССР скульптор О. М. Мануйлова — автор ряда монументальных произведений и скульптурных портретов, заслуженные деятели искусств график Л. А. Ильина, живописцы И. П. Гальченко, А. И. Игнатьев.

Работы киргизских художников неоднократно были представлены на всесоюзных и международных выставках. 70 лучших картин, гравюр и скульптур художников Киргизии были выставлены на Всесоюзной художественной выставке в 1961 г.

Большую работу по популяризации лучших произведений искусства проводит Государственный музей изобразительных искусств. Он систематически организует передвижные выставки — картинные галереи на колесах, которые проникают в самые отдаленные районы, вплоть до пастбищ Тянь-Шаня. Силами художников создан первый в республике музей изобразительных искусств в колхозе «Кызыл-Шарк» Ошской области. Кадры художников готовятся во Фрунзенском художественном училище и в художественных вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента.

Музыкальное творчество

Киргизская музыка уходит своими корнями в глубокую древность. О любви киргизов к музыке и поэзии свидетельствуют почти все наблюдатели и исследователи. Музыка сопровождала в прошлом различные общественные события, в том числе празднества, тризны, военные походы, а также семейные торжества.

Она была наиболее любимым и широко распространенным видом народного искусства.

Музыкальное творчество киргизского народа представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Оно выработало свой законченный стиль, отличается богатым запасом ритмических средств и характерно своим лиризмом, сдержанностью и эпической простотой. Главным признаком своеобразного стиля киргизской народной музыки является ее программность, конкретность создаваемых художественных образов. Киргизской музыке свойственны жизнерадостность и оптимизм. Они проявляются в мягкой, плавной, повествовательной художественной форме.

Важнейшие черты художественного стиля киргизской музыки сближают ее с музыкой казахов, некоторых народов Алтая и хакасов. Киргизская музыка выросла из семиступенной диатонической основы, сформировавшись на ее раннем этапе. Древние основы и самобытные черты, заметно сохранившиеся в киргизской музыке, находят выражение в таких ее важнейших признаках, как речитативность и импровизационность Речитативность сохранилась в большей чистоте лишь в отдаленных районах, например у алайских киргизов, но она также продолжает существовать как манера исполнения эпических произведений, многих массовых народных песен, особенно обрядовых. Однако в киргизской музыке возникла и развивалась и другая линия песенного творчества в виде протяжных распевных песен. К ним относятся лирические, любовные, пастушеские песни. Распевные песни получили большое распространение у северокиргизских племен.

Импровизация характерна как для вокальной, так и для инструментальной киргизской музыки. Киргизский музыкант часто является в то же время и автором исполняемого произведения; если он и не импровизирует его полностью, он вносит в него элементы своего творчества. Яркими представителями киргизского музыкального творчества в прошлом являлись народные певцы — акыны. Они развивали лучшие художественные традиции прошлого. Акын чаще всего являлся не только певцом, но и музыкантом, и композитором. В более ранний период народные певцы были одновременно и поэтами-импровизаторами, и мастерами инструментальной музыки, и сказителями эпоса.

У акынов имелись свои специфические песенные жанры: песни-наставления, песни-порицания, небольшие эпические произведения, песни, с которыми они выступали в соревнованиях. Эти жанры обладали древними музыкальными признаками и звучали при исполнении как речитативная, эпически размеренная и уравновешенная музыкальная речь.

Творчество акынов по идейной направленности не было однородным. Передовая часть акынов — выходцев из народа выражала в своих музыкально-поэтических импровизациях демократические устремления народа, протест против произвола и бесправия, мечты народа о лучшей

жизни. Приближенные к феодальной знати акыны культивировали жанр восхваления этой знати, стремились своим творчеством поддержать и укрепить ее господство, патриархально-феодальные устои общества. Эти две противоположные тенденции в музыкально-поэтическом творчестве вначале не были еще четко оформившимися и не всегда строго дифференцировались, но в дальнейшем получили свое развитие, предопределенное общественно-историческими условиями.

Большой степени выразительности и оригинальности по мелодическому содержанию, несмотря на сравнительную простоту исполнительских средств, достигает киргизская инструментальная музыка. Среди народных музыкальных инструментов первое место по степени распространения и популярности занимает *комуз* — трехструнный щипковый инструмент лютневого типа, близкий к казахской домбре, но имеющий, в отличие от нее, три струны и гладкий гриф, без ладовых подразделений. Далее следует струнный смычковый инструмент (*кыяк*), состоящий из деревянного кузова грушевидной формы, несколько удлиненного книзу, с вытянутой кверху шейкой. Нижняя половина кузова обтянута верблюжьей кожей, служащей декой инструмента. Кыяк имеет две струны из пучков конских волос; из таких же волос делается и смычок.

На металлическом инструменте (*темир комуз*, *ооз комуз*) типа варгана играют преимущественно женщины и дети. Звук его очень мелодичен, похож на тихий свист. *Сурнай* близок к аналогичным среднеазиатским инструментам типа гобоя. Как и барабан (*доолбаш*), сурнай использовался в прошлом главным образом во время военных походов. *Чоор* — разновидность пастушеской дудки, продольная открытая флейта с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями. Изготовляется из стебля степного растения, реже из дерева, обтянутого в некоторых случаях пищеводом теленка. Отдельные исполнители пользуются своеобразным «ударным» инструментом в виде подвижной фигурки козла (*так теке*), прыгающей на столике. Она приводится в движение ниткой, протянутой к руке исполнителя, и, отбивая такт музыке, проделывает в то же время забавные движения.

Виртуозность исполнителей-инструменталистов доведена у киргизов до большого совершенства. Инструментальное трехголосие является большим достижением киргизской народной музыки. Среди пьес (*кууу*) для комуза встречаются подлинные шедевры народно-музыкального творчества. Пьесы для кыяка — более древнего происхождения и по своей тематике часто отражают события военной эпохи. Таковы, например, пьесы «Ураан» (боевой клич), маршеобразная пьеса «Кер өзён», героическая пьеса «Кайра-качба» («Не отступать»). На кыяке исполняют также музыкальные бытовые сценки.

В киргизской музыке вообще широко представлены пьесы программно-изобразительного характера.

Из народных композиторов и музыкантов XVIII—XIX вв. в памяти народа сохранились имена Тилена, Кальчеке, Сыртбая, Куренкея, Музооке. Большим мастером-инструменталистом был наш современник Мураталы Куренкеев. Крупнейшим композитором, музыкантом и певцом, имя которого пользуется необычайной популярностью, а произведения составляют богатейшую сокровищницу киргизского музыкального искусства, является Токтогул Сатылганов. Мелодии его песен, как и их слова, запоминались и распевались на всех народных празднествах.

После Октябрьской революции начало развитию и совершенствованию киргизской музыки было положено созданием Киргизской государственной ордена Трудового Красного знамени филармонии им. Токтогула Сатылганова. Киргизские музыканты-исполнители никогда не знали коллективного исполнения и игры по нотам. Впервые в Киргизии среди коллективов филармонии был создан государственный оркестр народных

инструментов, который составился из усовершенствованных и модернизированных национальных инструментов — комуза и кыяка, разделенных по образцу профессиональных оркестров (прима, альт и т. д.), и присоединенных к ним современных флейт, гобоя, фагота и ударных инструментов. Под руководством ныне покойного композитора П. Ф. Шубина оркестранты овладели нотной грамотой. Все это позволило оркестру исполнять произведения не только киргизского народного творчества, но и советских, русских и западноевропейских композиторов. В составе оркестра представлены крупнейшие солисты-музыканты, акыны и певцы Киргизии. Здесь протекала деятельность популярных музыкантов и певцов Атая Огонбаева, Мусы Баетова и Шаршена Термечикова, искусство которых до сих пор пользуется большой любовью народа, здесь расцвело мастерство виртуозов комузистов Карамолдо Орозова и Ибрая Туманова. Оркестр вырастил первых киргизских дирижеров.

Помимо оркестра народных инструментов, в составе Киргизской филармонии был создан ансамбль комузистов из учеников виртуоза Атая Огонбаева. Он выступал в 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе. Работает также ансамбль исполнителей на металлических инструментах (темир комуз), бригады акынов-импровизаторов, исполнителей собственных и народных песен. Здесь же существует государственный национальный хор, исполняющий не только киргизские народные песни, но и произведения советских композиторов, и, наконец, ансамбль народного танца.

Киргизский народ, не имевший своего народного танца, теперь успешно создает его. Русскими мастерами хореографии совместно с выросшими уже киргизскими кадрами проделана в этом направлении большая работа. Существуют уже созданные по мотивам народных игр, трудовых процессов, орнамента новые киргизские танцы «Кийиз» («Войлок»), «Джаш кербез», «Кыздардын кыялы» («Девичьи мечты»), танец чабанов и др.

Настойчивая работа по освоению богатств русской и советской музыки, проведенная одаренной киргизской молодежью, принесла богатые плоды. Родилась новая киргизская профессиональная музыка, представленная разнообразными, в том числе и наиболее сложными жанрами. А. Тулеев создал симфонию «Слава тебе, партия!», посвященную XXII съезду КПСС, симфоническую сюиту для оркестра сочинил Т. Эрматов, марш для симфонического оркестра написал К. Молдобасанов, сюиту для фортепиано — С. Медетов. А. Аманбаев сочинил ораторию «День Тянь-Шаня», А. Малдыбаев и М. Абдраев — вокальную симфоническую поэму. Киргизскими композиторами написано много массовых песен. О творчестве композиторов, связанном с развитием театра, будет сказано ниже.

Театр, кино

Киргизское театральное искусство, несмотря на свою молодость, успело вырасти в серьезный фактор культурной жизни республики. В нем представлены уже такие новые для киргизов виды современного искусства, как драма, опера, балет. Оно выросло на основе использования лучших достижений русской и советской музыкальной и театральной культуры.

Больших успехов в развитии новых форм и жанров национального искусства достигли ведущие театральные коллективы — Киргизский государственный ордена Ленина театр оперы и балета и Государственный ордена Трудового Красного Знамени театр драмы.

Созданный на базе существовавшей с 1926 г. студии, Государственный драматический театр подготовил первые кадры киргизских артистов. После реорганизации его в Музыкальный театр, с приездом присланных в помощь деятелей русского искусства, началась работа по подготовке национальных музыкально-артистических кадров и первых музыкальных спектаклей. Результаты этой работы не замедлили сказаться. На двух декадах киргизского искусства, состоявшихся в Москве в 1939 и 1958 гг.,

перед советской общественностью были продемонстрированы яркие художественные достижения киргизского народа.

Во время первой декады были показаны музыкальная драма «Алтын-Кыз», рисующая борьбу трудящихся против руководимых буржуазными националистами остатков басмаческих шаек на юге Киргизии в 1931—1932 гг., пытавшихся сорвать коллективизацию; музыкальная драма «Аджал-Ордуна» («Не смерть, а жизнь», буквально — «Вместо смерти»), в которой развертывается картина восстания 1916 г., и, наконец, первая киргизская национальная опера «Ай-Чурек», созданная по мотивам эпоса «Семетей». Музыка оперы, написанная В. Власовым, А. Малдыбаевым и В. Фере, построена на киргизских народных мелодиях.

За выдающиеся заслуги в развитии киргизского театрального искусства многие участники декады, работники Киргизского музыкального театра и Киргизской государственной филармонии были награждены орденами и медалями Союза ССР. Был награжден также и ряд русских театральных и музыкальных деятелей, оказавших огромную помощь в деле развития киргизского искусства.

Композитору и артисту Абдыласу Малдыбаеву было присвоено почетное звание народного артиста СССР.

Эта декада послужила мощным стимулом для дальнейшего развития театрального искусства. Музыкальный театр был реорганизован в Киргизский театр оперы и балета. В его репертуаре появились классические оперы, в том числе «Евгений Онегин» Чайковского. Постановка ее на киргизском языке, явившаяся большим событием в театральной жизни и имевшая большой успех, совпала по времени с варварским разрушением фашистскими вандалами музея Чайковского в Клину.

Важным этапом в жизни театра явилась первая постановка на русском языке оперы «Чио-Чио-Сан» Пуччини, причем ряд ведущих партий исполняли киргизские артисты. Заслуженный успех выпал на долю исполнительницы трудной партии Баттерфляй Сайры Киизбаевой. Создание этого спектакля способствовало росту киргизских актеров и певцов. Театр сделал значительный шаг вперед, поставив новую оперу В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере «На берегах Иссык-Куля», посвященную событиям наших дней.

Из балетных постановок необходимо отметить национальный балет «Анар» (музыка В. Власова и В. Фере) и классические «Соперницы», «Волшебная флейта» и «Коппелия».

Новыми удачными постановками театра явились балеты «Лебединое озеро» Чайковского, «Чолпон» М. Раухвергера, «Раймонда» Глазунова, «Спящая красавица» Чайковского. Несмотря на все трудности, с которыми сопряжено создание балетных спектаклей при отсутствии предшествующей хореографической культуры, киргизский балет переживает процесс заметного роста и совершенствования. Наибольшей известностью пользуются балерины Бюбюсара Бейшеналиева, Сайнат Джакабаева, Чолпон Джаманова. Среди одаренной молодежи Рейна Чокоева и Уран Сарбагишев. Важную роль в развитии балета играют киргизские балетмейстеры и постановщики Н. Тугелов и Э. Мадемилова.

Коллектив Государственного театра драмы укомплектован в основном молодежью, получившей специальное образование в Московском государственном институте театрального искусства им. Луначарского. В его репертуаре пьесы киргизских драматургов, переводные пьесы современных советских драматургов, русских классиков, «Отелло» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера.

Помимо указанных театров, в Киргизии работают областной музыкальный драматический театр в г. Нарыне, театры в городах Оше, Пржевальске и других центрах. Коллективы городских театров систематически выезжают в кыштаки, где они являются желанными гостями. Нацио-

нальные оперы «Ай-Чурек» и «Ак-Шумкар» (музыка Ряузова), музыкальная драма «Аджал-Ордуна», балеты «Анар» и «Чолпон» пользуются широкой популярностью у зрителей. На гастрольные постановки, устраиваемые часто на открытом воздухе, собираются многие тысячи сельских жителей. Только в 1959 г. для них было организовано 3500 спектаклей и концертов. На них присутствовало свыше миллиона зрителей.

Национальные кадры актеров, режиссеров и дирижеров имеют, как правило, хорошее профессиональное образование, воспитаны на лучших традициях русского и мирового театра. Умелым постановщиком зарекомендовал себя А. Куттубаев, талантливыми дирижерами — А. Джумакматов, К. Молдобасанов, Н. Давлесов. Крупнейшую роль в развитии музыкально-театрального искусства играет выдающийся артист и талантливый композитор народный артист СССР Абдылас Малдыбаев. Он сочинил популярные ныне песни, в творческом содружестве с композиторами В. Власовым и В. Фере написал музыку ряда национальных опер.

Кроме киргизских, в республике имеются старейший русский драматический театр им. Н. К. Крупской, узбекский музыкально-драматический театр в г. Оше. В восьми театрах Киргизии объединено свыше тысячи творческих работников. Много киргизской молодежи учится в театральных, музыкальных и хореографических учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в созданном в г. Фрунзе музыкально-хореографическом училище им. Мураталы Куренкеева.

Во время второй декады киргизского искусства и литературы в Москве театральное искусство Киргизии продемонстрировало свои новые творческие успехи. Коллектив оперного театра показал новую национальную оперу «Токтогул» В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере, оперу «Опричник» Чайковского, балеты «Анар» и «Чолпон». В киргизском драматическом театре москвичи смотрели пьесы киргизских драматургов «Курманбек» К. Джантошева, написанную по мотивам одноименного эпоса, и «Тар-Капчыгай» («Узкое ущелье») Т. Абдумомунова, «Грозу» А. Островского и пьесу «Тайфун» современного китайского драматурга Цао Юй.

Достигнутые деятелями искусства успехи были достойно оценены общественностью. За выдающиеся заслуги в развитии искусства почетные звания народных артистов СССР были присвоены талантливой солистке балета Киргизского театра оперы и балета Бюбюсаре Бейшеналиевой, солистке того же театра, популярной певице Сайре Киизбаевой и выдающемуся артисту Киргизского драматического театра Муратбеку Рыскулову. В числе ведущих киргизских артистов должны быть названы также Бакен Кыдыкеева, Марьям Махмутова, Салима Бекмуратова, солистка филармонии Мыскал Омурканова, А. Мырзабаев, С. Токтоналиев. Многие участники декады были награждены орденами и медалями СССР.

Среди новых музыкальных постановок, свидетельствующих о дальнейшем росте киргизского театрального искусства, балет «Куйручук» (музыка К. Молдобасанова и Г. Окунева), музыкальная комедия «Бойдоктор» («Холостяки») (А. Аманбаева), «Борис Годунов» Мусоргского, узбекская опера «Проделки Майсары» (музыка С. Юдакова по пьесе Хамзы) и балет «Тропою грома» азербайджанского композитора Кара Караева.

Большой интерес киргизской общественности вызвала постановка театром оперы и балета новой оперы М. Раухвергера «Джамиля», либретто которой написано по мотивам популярной повести Чингиза Айтматова. Несмотря на отдельные недостатки, эта интересная лирико-психологическая опера, утверждающая высокие нравственные идеалы и бросающая вызов отсталым взглядам на любовь и брак, была горячо принята зрителями. В опере широко использованы киргизские народные мелодии.

К творчеству Ч. Айтматова обратился и драматический театр, осуществивший постановку спектакля «Бетме бет» («Лицом к лицу»), по мотивам одноименного рассказа писателя.

Успешно развивается в Киргизии самая молодая в Советском Союзе кинематография. В г. Фрунзе создана студия художественных и документальных фильмов. Она выпустила уже фильмы «Токтогул», «Моя ошибка» и «Далеко в горах». С участием киргизских артистов центральными киностудиями выпущены такие фильмы, как «Салтанат» (Мосфильм, 1955 г.), демонстрировавшийся на международных кинофестивалях, фильм-сказка «Легенда о ледяном сердце» (Мосфильм, 1957 г.) и фильм-балет «Чолпон» (Ленфильм, 1959 г.). Киргизская студия подготовила ряд документальных и научно-популярных фильмов, в том числе цветной полнометражный документальный фильм «Рождение песни» («Киргизстан сегодня»). В основу новых художественных фильмов, создаваемых студией, также положены произведения киргизского прозаика Ч. Айтматова. Это фильмы «Ботокёз» («Верблюжий глаз»), повествующий о киргизском юноше, покоряющем целину, и «Джамиля».

Игры, развлечения, спорт

У киргизского населения издавна пользуются большим распространением разнообразные игры и развлечения.

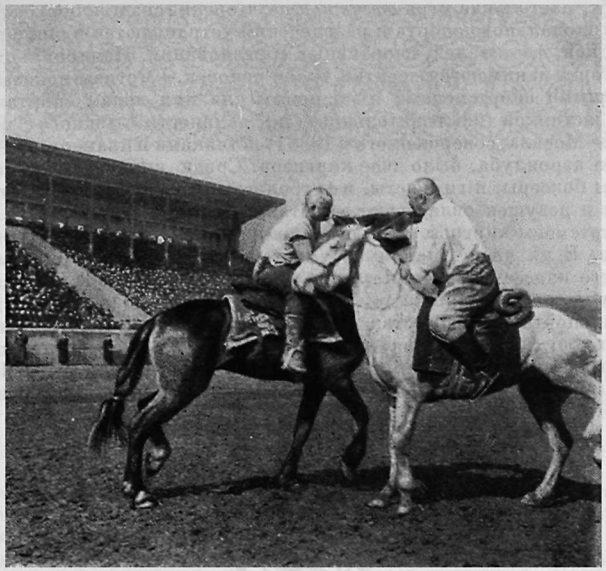
Различаются игры молодежи, мужские и детские. Наиболее распространенными среди молодежи играми являются *жоолук таштамай* (аналогичная русской игре в «жгут»), *дүмпүлдөк* — игра в «волков и овец», *жашынбак* — игра в прятки, различные виды игр в жмурки. Одно из самых любимых развлечений молодежи — качели (*селкинчек*) из веревок, привязываемых к деревьям или столбам. Качаются по двое, с пением. Среди игр мужской молодежи следует отметить игру с мячом (*кара казан*), имеющую некоторое сходство с футболом, *оромпой* — игру в догонялки на одной ноге, *коон үзмөй* —игру, заключающуюся в том, что две группы, взявшись за руки перетягивают одна другую, *акчөөлмөк* — ночную игру, во время которой две партии соревнуются в том, чтобы раньше разыскать и доставить к черте брошенную кость или белый мяч из шерсти.

Излюбленная игра — состязание мужчин *аркан тартыш* (перетягивание каната), но особенной популярностью среди них пользуется игра в бабки (*ордо*), которая воспроизводит бой за захват ханской ставки.

Из детских игр наиболее популярны *чикит* — игра в чижика, различные виды игр в бабки, *эшек секиртмей* — игра, аналогичная русской чехарде, *ала күчүк* — игра в «кошки-мышки».

Массовые развлечения, спортивные упражнения и зрелища всегда играли весьма значительную роль в жизни киргизского народа. Самый характер многих развлечений связан исторически с условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к защите и нападению и, следовательно, способствовавшей развитию храбрости, силы и ловкости. Однако эта область народного быта нередко использовалась в целях укрепления личного авторитета и получения доходов с населения феодальной верхушкой, устраивавшей пышные празднества по различным поводам семейной и общественной жизни. Наконец, некоторые развлечения носили пережиточный характер, они сопровождали в прошлом различные обряды или являлись их составной частью.

Наиболее древнее из спортивных развлечений — это *сайыш* — поединок двух всадников, вооруженных длинными деревянными пиками. Цель состязания — выбить противника из седла. Обязательной частью одежды в этих случаях был кожаный или войлочный (в несколько слоев) нагрудник. Иногда в поединках выступали женщины. Такие поединки имели нередко смертельный исход, поэтому уже в начале XX в. устраивались очень редко, а после Октябрьской революции были вовсе запрещены. Поводом к излюбленному виду развлечений — скачкам (*ат чабыш*) — в прежнее время служили главным образом поминки и тризны. В дальнейшем скачки превратились в излюбленный вид спорта.



Борьба «эниш». Стадион в г. Фрунзе

В скачках, устраивавшихся раньше обычно с призами, главную роль играет быстрота бега лошадей и их выносливость. Дистанции для скачек были всегда большими, иногда до 50 км. Для выбора лошадей, пригодных для скачек, их тренировки, так же как и подготовки жокеев (ими бывают обычно мальчики), разработана целая система различных приемов и правил, требующих большого искусства и специального навыка. В настоящее время скачки устраиваются на меньшие дистанции (до 8—10 км) и проводятся с целью испытания колхозных и совхозных скакунов.

Другим видом состязаний являются скачки с козлом (*көк бөрү* или улак тартыш). В них уже имеет большое значение не только хорошее качество лошадей, но и умение наездника хорошо держаться в седле, его выносливость и сообразительность. Для состязания закалывают козленка и отрезают ему голову и нижние части ног. Цель состязания — поднять, не слезая с лошади, козла и доставить его к условленному месту, уходя от противников и не давая им вырвать козла. Состязания обычно привлекают большое число участников. Нередко они делятся на две партии. У памирских киргизов скачки на лошадях заменялись раньше скачками на верблюдах.

Весьма популярными видами развлечений являются борьба на лошадях — *эниш*, оодарыш, заключающаяся в стаскивании противника с лошади, и борьба кюрёш, цель которой — свалить противника на землю.

После Октябрьской революции современная физическая культура и спорт получили в Киргизии большое развитие. В настоящее время в Киргизии культивируется более 40 классических и национальных видов спорта, в том числе киргизские скачки, борьба кюрёш, борьба

на конях, настольная игра *тогуз коргол*. Конские скачки, борьба и другие виды национального спорта и развлечений устраиваются в дни советских праздников, фестивалей, спортивных соревнований. Национальными видами спорта занимаются десятки тысяч человек. Киргизы показали себя прекрасными спортсменами и по новым для них видам спорта. Среди семи участников исключительного по дальности лыжного перехода Фрунзе—Москва, совершенного в 1936 г. летчиками и планеристами Фрунзенского аэроклуба, было двое киргизов. Среди киргизов есть и альпинисты, и боксеры, и гимнасты, и футболисты, и велосипедисты — тысячи юношей и девушек овладевают высотами спортивного мастерства. Многие спортсмены-киргизы являются чемпионами республики и рекордсменами. В их числе, например, мастер спорта СССР, прыгун международного класса Тобокел Мамыров. В Киргизии создана широкая сеть спортивных сооружений, в том числе 10 крупных стадионов. В добровольных спортивных обществах работают сотни специалистов, имеющих специальное физкультурное образование. Новые кадры спортсменов воспитываются в молодежных и детских спортивных школах, в Институте физической культуры (г. Фрунзе). Физкультурное движение в Киргизии охватывает более 200 тыс. человек.

КАЗАХИ

Казахи — один из крупнейших тюркоязычных народов. Всесоюзной переписью населения 1959 г. в СССР было зарегистрировано 3621,6 тыс. казахов (в 1939 г. — 3089 тыс.). Основная масса казахов — 2794,5 тыс. человек, или 77,2% всего казахского населения СССР — живет в Казахской ССР.

Казахская ССР простирается с запада на восток на 3 тыс. км и с севера на юг немного менее чем на 2 тыс. км, занимая огромное пространство общей площадью 2756 тыс. кв. км.

Казахстан граничит на северо-западе с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями, на севере — с Оренбургской, Челябинской, Курганской, Тюменской и Омской, на северо-востоке — с Новосибирской областью и Алтайским краем, на юго-востоке и востоке с Китайской Народной Республикой, на юго-западе и юге — с Киргизской, Узбекской и Туркменской ССР.

В Казахскую ССР входит 15 областей. Пять из них — Целиноградская, Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Кустанайская и Павлодарская — включены в Целинный край. Шесть областей составляют два вновь образованных в 1962 г. края: Западно-Казахстанский край (Актюбинская, Гурьевская и Уральская области) и Южно-Казахстанский край (Джамбулская, Кзыл-Ординская и Чимкентская области). На остальной территории республики расположены Алма-Атинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Семипалатинская области.

Столицей Казахстана с 1929 г. является г. Алма-Ата (456,5 тыс. жителей).

Численность казахов в Казахской ССР увеличилась по сравнению с данными переписи 1939 г. на 19%, но удельный вес их во всем населении республики уменьшился с 38% в 1939 г. до 30% в 1959 г. Это объясняется тем, что одновременно со значительным естественным приростом быстро росла численность населения Казахской ССР за счет притока из других республик, особенно во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период— главным образом в связи с освоением огромных массивов целинных и залежных земель.

Казахская ССР — многонациональная республика. Значительную часть ее населения составляют русские и украинцы (50,9%). Отцы и деды многих из них переселились на территорию Казахстана до Октябрьской революции, в основном в XIX—начале XX в. Кроме того, в Казахской ССР проживают десятки других народностей: татары (2,1%), узбеки (1,5%), белорусы (1,2%), немцы, корейцы, уйгуры, дунгане, мордва, азербайджанцы и др. Общая численность населения Казахской ССР, согласно данным переписи 1959 г., составляет 9310 тыс. человек.

На территории Казахстана казахи живут повсеместно. Наиболее высокий процент они составляют в центральных и юго-западных, преимущественно животноводческих, областях республики (в Гурьевской области — 68%, в Кзыл-Ординской — 61%). В областях Северного Казахстана, в районе старой русско-украинской земледельческой колонизации, а также в предгорьях Восточного и Южного Казахстана процент казахов значительно ниже.

Кроме Казахской ССР, большие группы казахов живут в РСФСР (Астраханская, Волгоградская, Оренбургская, Челябинская, Омская области, Кош-Агачский район Горно-Алтайской автономной области), где их насчитывается 383 тыс. человек, в Узбекской ССР (Кара-Калпакская АССР, Самаркандская, Бухарская области) число казахов достигает 335,3 тыс. человек, в Туркменской ССР — 69,6 тыс. человек, в Киргизской ССР — 20,1 тыс. человек, в Таджикской ССР — 12,6 тыс. человек.

За пределами Советского Союза значительное число казахов (580 тыс. человек) живет в Китайской Народной Республике: в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (большинство) и в провинциях Цинхай и Ганьсу, в небольшом числе — в Тибете. 40 тыс. казахов кочует также в западной части Монгольской Народной Республики (Баян-Улэгэйский аймак); группа казахов в несколько сот человек отмечена в Индии (Кашмир).

Казахи называют себя *qazaq* (казах), под этим же названием они известны и у соседних народов. Еще в XVI — XVII вв. в русских документах их именовали казаками, казатцкой, или казацкой ордой. В дальнейшем в русских источниках казахов ошибочно стали называть киргизами, киргиз-казаками и киргиз-кайсаками. Под этими названиями они фигурировали как в русской, так и в европейской литературе и в официальных документах до Октябрьской социалистической революции. Только в 1925 г. V съездом Советов Казахстана было восстановлено подлинное национальное название казахов.

Казахский язык относится к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков. Вместе с каракалпакским и ногайским языками он образует кыпчакско-ногайскую подгруппу в группе кыпчакских языков.

Несмотря на то, что казахи расселены на очень большой территории, антропологические различия между территориальными группами очень малы и неопределенны. Кочевой образ жизни, обычай заключать браки между представителями разных родов и даже племен, переселения отдельных племен и их частей на большие расстояния — все эти обстоятельства, наблюдавшиеся в самом недавнем прошлом, привели к нивелировке антропологического типа казахов на всем протяжении Казахстана — от Волги до Иртыша. В антропологическом отношении казахи являются наиболее характерными представителями туранского, или, как его теперь чаще называют, южносибирского антропологического типа.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

В Казахстане исследовано огромное количество археологических памятников, раскрывающих историю населявших его племен и народов со времен глубокой древности. Благодаря работам археологов установлена непрерывность развития человеческого общества на территории Казахстана с эпохи палеолита. Уже в отдаленный период неолита и в бронзовом веке прослеживаются широкие связи, свидетельствующие о давности постоянного общения жителей территории современного Казахстана с племенами сопредельных территорий Сибири, Средней Азии, Урала и Поволжья. С давних времен прослеживаются и связи обитателей территории Казахстана с населением стран Центральной Азии.

Племена эпохи бронзы явились той древнейшей основой, на которой через много столетий, в результате позднейших смешений и напластований, происходивших процессе этногенеза, сформировалась казахская народность.

По данным античных источников, на территории различных районов Казахстана с VII по IV в. до н. э. обитало несколько племенных объединений. Наиболее крупное из них носило собирательное название саков. Сакские племена занимали бо́льшую часть обширной области казахстанских степей, распространяясь на юго-восток до Тянь-Шаня. К юго-западу от саков располагалось другое крупное объединение племен—массагеты, в состав которого входили, помимо обитателей нижней Аму-Дарьи хорасмиев (хорезмийцев), дербиков, локализуемых на средней Аму-Дарье, и дахов (тохаров), живших в этот период на Куван-Дарье, также и некоторые степные сакские племена: так называемые водные саки — апасиаки и аугасии, обитавшие на территории древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, жившие к югу от приаральских племен сакараваки и др. В первых веках нашей эры массагеты почти полностью слились с саками. На средней Сыр-Дарье и далее к востоку, частично захватывая и Семиречье, жили ассии (ятии, ассианы, исседоны), отождествляемые с усунями древнекитайских авторов. В III — II вв. до н. э. усуни образовали на юге территории современного Казахстана крупный самостоятельный племенной союз, распавшийся лишь в IV в. н. э. Племена, населявшие в древности территорию западной части Южного Казахстана, входили в состав государства Кангюй. В степях Западного Казахстана в середине I тысячелетия до н. э. жили савроматы (сарматы), а в начале нашей эры аланы (яньцай китайских летописей).

Большинство древних степных племен, обитавших на территории Казахстана, занималось кочевым и полукочевым скотоводством, но многие, например апасиаки, аугасии, дахи, населявшие обильно обводненные дельтовые области, судя по археологическим данным, сочетали занятие скотоводством с примитивным орошаемым земледелием и рыболовством, живя в оседлых поселениях и даже городах. Существовало земледелие и у усуней в долинах рек Чу и Таласа.

Многочисленные остатки древних племен продолжали существовать и в последующие века, и потомки их вошли в состав казахского и некоторых других народов Средней Азии. Помимо местных племен (в основном саков и усуней) большое влияние на этногенез казахов оказали в древности пришлые гуннские и другие этнические элементы. В период раннего средневековья, на заре феодальной эпохи, в VI — VIII вв. н. э. важную роль в процессе этногенеза казахского народа сыграл Тюркский каганат, власть которого распространялась на юго-восточные и южные области территории Казахстана — Семиречье и бассейн Сыр-Дарьи. В Семиречье, в г. Суябе на р. Чу, находился центр Западно-Тюркского каганата. В этот период на территории современного Казахстана расселились большие группы пришедших с востока тюркоязычных племен: тюргеши, теле, карлуки, чигили, ягма и др. Тесные взаимоотношения их с местным населением сопровождались тюркизацией последнего, этническим сближением и частичным слиянием местных племен с пришельцами.

На смену Тюркскому каганату пришли Тюргешский (40-е годы VIII в.), а затем Карлукский (766—940 гг.) каганаты, включавшие в себя в основном те же племена, что и предшествующие государства. В период существования Западно-Тюркского, Тюргешского и Карлукского каганатов наблюдалось развитие оседлости и земледелия, рост городов и усиление торговли.

В IX — X вв. территория Центрального Казахстана и область нижней Сыр-Дарьи входили в состав союза тюркоязычных племен, известных под названием огузов. Резиденцией правителя огузов, носившего титул ябгу,

был г. Янгикент в дельте Сыр-Дарьи. Западными соседями огузов были печенеги, жившие между низовьями Волги и Урала (Яика). Огузы в дальнейшем участвовали преимущественно в этногенезе туркмен, а печенеги — каракалпаков, однако обе эти группы племен оказали известное влияние и на этногенез казахского народа.

На севере и северо-востоке территории Казахстана жили степные кочевые скотоводческие племена кимаки и кыпчаки; в XI в. кыпчаки (называемые в русских летописях половцами), заняли обширные пространства казахстанских и южнорусских степей. В этот период они играли большую политическую роль. В XII в. их господство распространилось до Днепра. Кыпчакские племена в наибольшей степени участвовали в этногенезе казахов, но частично вошли также в состав узбеков, каракалпаков, башкир, киргизов и других тюркских народностей. Часть кыпчаков, живших по соседству с Русью и другими земледельческими областями, постепенно переходила к оседлости и земледелию.

В конце X в. на территории Кашгара и Семиречья возникло сильное государство, возглавлявшееся тюркской династией Караханидов. Вскоре это государство расширилось, караханидские ханы присоединили к своим владениям Среднеазиатское междуречье, завоевав ослабевшее государство Саманидов. Это был важный период в этнической истории Средней Азии и Казахстана; в рамках феодального государства Караханидов шел интенсивный процесс экономического, культурного, этнического и языкового взаимовлияния племен и народностей Семиречья, Восточного Туркестана и Среднеазиатского междуречья.

В XII в. власть Караханидов пала, в Семиречье и на территорию Южного Казахстана вторглись переселившиеся с Дальнего Востока кидани, *или кара-китаи, народность тунгусо-маньчжурского происхождения*, принявшая участие в этногенезе казахов и других народов Средней Азии. Очевидно, значительная часть племен кара-китаев (местное произношение кытай, китай была ассимилирована местным тюркским населением.

Консолидация в XI—XII вв. средневековых степных тюркских племен, тесно связанных в экономическом и культурном развитии с земледельческими оазисами, расположенными на территории Казахстана, была важнейшим этапом сложения казахской народности.

Завершение этногенеза казахов было надолго задержано нашествием монголов, вызвавшим новые значительные перемещения населения казахстанских степей и нарушившим экономическую жизнь страны.

Еще до провозглашения себя великим ханом и принятия титула Чингис-хана Темучин разбил улусы меркитов, кереитов и найманов, остатки которых перекочевали и на территорию Казахстана. Имена их впоследствии сохранились в качестве названий крупных племен в составе казахской народности. В 1218 г. войска Чингис-хана вторглись на территорию Казахстана. Завоевание ее монголами сопровождалось уничтожением земледельческих оазисов, разрушением городов Семиречья, Отрарского оазиса и присырдарьинских городов, физическим истреблением населения, переселением и рассеиванием целых племен и родов.

После смерти Чингис-хана (1227 г.) в середине XIII в. почти вся территория нынешнего Казахстана, за исключением Семиречья, вошла в состав Золотой Орды. Семиречье составляло часть улуса Чагатая.

В область культуры и в особенности языка местного населения завоеватели не могли внести какие-либо коренные изменения. Уже в XIV в. процесс ассимиляции пришлых завоевателей местными племенами, в первую очередь кыпчакскими, был настолько силен, что, по словам арабского географа аль-Омари, они все стали точно кыпчаки, как будто они с ними одного рода. Борьба потомков Чингис-хана за верховную власть в степях Казахстана и разгром Тимуром Золотой Орды повлекли за собой распад ее и образование нескольких самостоятельных ханств — Ногайского,

Родоплеменная структура казахов

возникшего в конце XIV — начале XV в. между Волгой, Камой и Яиком, и Узбекского, охватившего территорию от низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря на север до Урала и Тобола и на северо-восток до Иртыша.

Этнический состав населения Узбекского ханства и Ногайского улуса был в основном один и тот же. В них были объединены кочевавшие на этих территориях тюркоязычные племена (кыпчак, карлук, канглы, аргын и др.), а также некоторые ассимилированные местным населением, но сохранившие свои названия монгольские племена (мангыт, минг, меркит, тангут и др.). Из коренных жителей территории Казахстана в состав Узбекского ханства и Ногайского улуса не входили дулаты, большая часть усуней и некоторые другие племена, кочевавшие в Семиречье.

После смерти Абулхайр-хана в 1468 г. крупное кочевое объединение, созданное им на территории Казахстана, распалось. Вновь разгорелись феодальные войны за верховную власть в степи, в ходе которых возникло несколько феодальных владений, объединившихся в начале XVI в. в отдельное государство — Казахское ханство, с определенной территорией и населением, имевшим сходные формы хозяйства, быта, культуры и говорившим на одном языке (правда, с некоторыми диалектными различиями).

Население этого государства вначале называлось то узбеками, то казахами, а зачастую и узбек-казахами, но с 30-х годов XVI в. за ним прочно закрепилось наименование «казак».

Крупные политические события, происходившие на территории Казахстана в XV — начале XVI в., способствовали завершению процесса сложения казахской народности. Процесс этот продолжался и в XVI в. путем включения разных крупных и мелких племенных групп. Так, в середине XVI в. в состав казахской народности влились довольно многочисленные группы родов, входивших в восточную часть Ногайского улуса, отдельные группы племен и родов, присоединившиеся к казахам после падения Сибирского ханства Кучума (вторая половина XVI в.), некоторые роды из Семиречья, находившиеся ранее в подчинении у ханов Моголистана, и другие этнические группы.

Однако в Казахском ханстве сохранялась феодальная раздробленность. В XVI в. окончательно завершилось образование в его составе трех обособленных владений — трех казахских жузов — Старшего, Среднего и Младшего. В дореволюционной русской литературе вместо «жуз» неправильно применялся термин «орда». Слово «*жүз*» означает «часть», «сторона». В Казахстане уже с древних времен определились три основных хозяйственных района, значительно обособленных друг от друга: Семиречье, Центральный Казахстан и Западный Казахстан. Каждый из них включал зимние и летние пастбищ (*қыстау* и *жайлау*), на которых кочевали определенные казахские роды. Каждый район был связан экономически с определенными оседло-земледельческими оазисами. В древности в этих районах обитали крупные племенные союзы. Таким образом, каждый из жузов, объединявший группу казахских племен, занимал географически и хозяйственно обособленный район, который до образования казахских ханств и казахской народности являлся территорией племенного союза. В Семиречье образовался Старший (Большой) жуз, в который входили племена *сары үйсін*, *қаңлы*, *дулат*, *албан*, *суан*, *жалайыр* и др. К северу от него, в районах Сыр-Дарьи, Каратау и Муюнкумов, с летовками по притокам Тобола, Ишима, Нуры, Сары-Су, и в степных районах Центрального Казахстана образовался Средний жуз, в который входили племена *қыпшақ*, *аргын*, *найман*, *керей*, *қоңрат* и др. Младший жуз сложился в Западном Казахстане из трех основных объединений: *жеті ру* (семь родов — *табын*, *тама*, *кердері*, *жағалбайлы* и др.), *әлім ұлы* (*шөмекей*, *кете*, *төрт қара*, *қара сақал* и др.) и *бай ұлы* (*адай*, *тана*, *байбақты*, *беріш*, *серкеш* и др.).

Несмотря на образование в начале XVI в. Казахского ханства во главе с Касым-ханом и завершение в этом же столетии процесса формирования казахской народности, в Казахстане в силу объективных исторических причин не сложилось прочного централизованного государства. Не достигли своих целей и попытки создать единое казахское ханство, предпринимавшиеся в этом и в последующие столетия Хакназаром (ум. в 1580 г.), Тевеккелем (1582—1598 гг.), Есимом (1598—1629 гг.) и Тауке (1680—1718 гг.). Казахские жузы сохраняли свою обособленность вплоть до присоединения Казахстана к России.

Исследователи истории казахского народа характеризуют общественные отношения казахов как патриархально-феодальные; однако в трактовке сущности этих отношений имеются расхождения. Большинство ученых считает, что по существу это были отношения феодальные, развившиеся под воздействием общих закономерностей феодальной формации, на основе возникновения и упрочения феодальной собственности на землю. Именно земля в скотоводческом кочевом хозяйстве была, по их мнению, основным средством производства.

Однако феодальная собственность на землю у казахов в условиях кочевого скотоводческого хозяйства имела свои специфические особенности. Феодальная собственность выступала в завуалированной форме, поскольку земля формально еще считалась собственностью аульной или родовой общины. Специфическая же форма феодальной собственности на пастбища в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства казахов выражалась в том, что феодалы присваивали себе право распоряжаться кочевьями, регулировать перекочевки. Они использовали сохранение общинного землепользования в своих интересах: лучшие летовки и зимовки находились в пользовании феодальной верхушки.

Основной формой объединения кочевников-казахов в условиях феодализма была аульная община. Это была территориальная, соседская община, основанная на общинном землепользовании, сочетавшемся с частной собственностью на скот.

Мелкие крестьянские хозяйства использовали пастбища аульной общины сообща, причем летом аульные общины объединялись, образуя большой кочевой коллектив, а зимой каждый аул занимал определенную стоянку (кыстау).

В аульной общине сохранялись патриархально-родовой быт и родовые традиции, но по социально-экономическому содержанию она была классовым, антагонистическим коллективом.

Фактическая собственность на пастбища создавала объективные условия для концентрации в руках феодалов скота, являвшегося у казахов важнейшим средством производства. Скот был основным богатством кочевников-казахов, предоставлявшим им продукты питания, материал для одежды и жилища, транспорт. Он также использовался для обмена с соседними народами на предметы первой необходимости.

Специфические особенности феодальной собственности на землю в условиях казахского кочевого хозяйства определили и характер ренты, являвшейся формой реализации фактической собственности феодалов на землю. Наиболее распространенной и древней формой ренты были отработки в хозяйстве феодала. Наряду с этим существовали различного рода подношения феодалам, а также различные виды обслуживания феодала, выдаваемые за «родовую помощь». Таким образом, и здесь была развита система внеэкономического принуждения. В пользу хана взимались с оседлого населения *ушір* (десятая часть урожая), а со скотоводческого населения зякет (*зекет*) — сороковая часть скота.

Такова точка зрения большинства исследователей по вопросу об особенностях патриархально-феодальных отношений у казахов. Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, считают, что патриар-

хально-феодальные отношения у казахов являлись неразвитой формой феодальных отношений, т.е. раннефеодальными. В условиях патриархально-феодальных отношений, при господстве кочевого скотоводства основным средством производства, по их мнению, был скот, а не земля, которая использовалась в ее естественном состоянии как пастбище. В связи с этим определяющим фактором эксплуатации, по мнению этих ученых, было владение скотом, а не землей, и взимание ренты было формой реализации собственности на скот, а не на землю[1].

Формой организации казахского феодального общества была родоплеменная система. Претерпев коренные изменения в условиях феодализма, она поддерживалась и сохранялась классом феодалов, интересам которого полностью соответствовала. Родоплеменные союзы казахов в условиях патриархально-феодальных отношений по сути дела были общественными категориями, сохранявшими главным образом внешние формы племен и родов. В основе же этих образований лежал ряд экономических и политических факторов, связанных с борьбой феодалов между собой за пастбища и за верховную власть, ослаблением или исчезновением одних и усилением или появлением других феодалов.

Высшим правящим сословием в феодальной иерархии казахского общества были султаны (*төре*), которые не входили в родоплеменную организацию и вели свою родословную от потомков монгольского завоевателя Чингис-хана. Они считались *ақ сүйек*, т. е. «белой костью». За ними сохранялось монопольное право быть избранными в ханы. Ниже стояла феодально-родовая знать, не относящаяся к роду чингисидов: батыры, бии и баи. Самое низшее сословие составляли эксплуатируемые массы крестьян — кочевники-скотоводы, объединенные в родовые общины, во главе которых стояли старшины — бии или баи.

В зависимости от силы и влияния султан владел и управлял одним или несколькими родами или частями нескольких родов. Для поддержания подданных в покорности хан и крупные султаны имели при себе небольшие вооруженные группы, состоявшие из тюленгутов (см. ниже) и батыров. Хан обладал правом распоряжаться лучшими пастбищами. Хан и султаны имели также право на получение подати с общин в виде зякета, им обычно доставляли скот во время осеннего забоя (*согым*). Сбор зякета и согыма зависел от влияния и авторитета султана, усердия сборщиков и преданности управителей родов — биев. Хан и султаны имели право вершить суд при разрешении споров между родами, выступая арбитрами в делах, связанных с взаимными нападениями, угоном скота (*барымта*). Сам султан не подлежал наказанию по суду.

Другую социальную группу класса феодалов составляли батыры. Первоначально это были представители военно-демократической знати, военачальники, но в процессе феодализации общества батыры из орудия народной воли превратились в угнетателей собственного народа. Они стали выступать как самостоятельные феодальные владетели, отстранившие от власти родовых старшин и подчинившие себе весь род или несколько родов. Как и другие феодалы, они узурпировали право не только управления, но и суда.

Основной функцией батыра в условиях феодальных междоусобиц и набегов было предводительство воинами рода. По призыву батыра все способные носить оружие обязаны были явиться под его знамя (*ту*), чтобы выступить в поход для защиты от нападения, для ответного нападения с целью возврата разграбленного скота и имущества, для набега на враждебный род, на торговый караван. Власть батыра усиливалась во время обострения межродовой вражды.

---

[1] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 17—135.

Влиятельную группу класса феодалов составляли бии, или старшины. Ее происхождение также относится к глубокой древности, к тому времени, когда начало складываться классовое общество. Бий, он же старшина, первоначально — родоначальник, глава рода, старейшина. Термин «бий», или «бек», употреблялся в этом значении еще в орхонских надписях VI в.

Бии как управители родов вначале выбирались, а затем стали присваивать себе эти функции. Позднее биев частично оттеснили от управления выдвинувшиеся в процессе феодальных междоусобиц батыры, ставшие во главе родов. С течением времени бии стали терять функции управления, но в их руках оставалось право суда. Постепенно судебные функции биев, которые не мог выполнять батыр, занятый в походах и на войне, расширились. К XVIII в. бии стали единственными хранителями обычного права, на основе которого производили суд у казахов. Появились батыры-бии, которые соединяли права этих двух феодальных групп, бии-старшины, которые управляли родами и отделениями родов, но подчинялись другим владетелям, и, наконец, бии, которые являлись только судьями по адату. Бии-судьи по имущественному положению были неоднородны; среди них были и выходцы из низших слоев населения — знатоки обычного права, старики, пользовавшиеся авторитетом. Бий имел право на получение бийлика (*білік*) — десятой части имущества, которая взыскивалась с ответчика; кроме того, он получал подарки мясом или скотом, не являвшиеся, впрочем, обязательными. Бий разрешал выигравшей суд стороне производить барымту, чтобы заставить ответчика выполнить судебное решение, в случае если он добровольно его не выполнял.

В XVII—XVIII вв. казахское общество знало еще влиятельных биев-владетелей, управлявших родами (*ру*) самостоятельно и не подчинявшихся ханам (Толе-бий, Казибек-бий). Ханы всегда считались с биями-управителями родов и в важных случаях испрашивали их совета. Так, некоторое подобие совета биев иногда созывал хан Среднего жуза Тауке (1680—1718 гг.).

К классу феодалов можно отнести и старшин-управителей родов, которые не были ни биями, ни батырами, а управляли частями родов (*тайпа*) как главы своего многочисленного потомства, благодаря личному авторитету. Среди них были различные по имущественному положению люди.

Феодальными привилегиями пользовались также ходжи, которые вели свою родословную от первых четырех арабских халифов; они, как и султаны, считались «белой костью».

Наиболее многочисленной группой класса феодалов у казахов были баи — богатые скотоводы. Их положение в обществе как эксплуататоров определялось имущественным положением. Бай, имевший много скота, мог кочевать дальше всех и захватывал лучшие общинные пастбища.

Каждый бай имел при себе некоторое число семей зависимых крестьян, не имевших скота. Этих крестьян, носивших название *қоңсы*, бай использовал для работы в своем хозяйстве. Крупные баи имели по нескольку сот консы, баи помельче — по нескольку десятков, другие же скотоводы — одну-две семьи бедняков-сородичей. Число консы было непостоянным; оно то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от состояния хозяйства бая. Пользуясь различными видами «помощи» со стороны бая (уплата баем калыма за невесту его сына, выдача ему в долг хлеба), консы оказывался у него в вечной кабале. Консы были фактически бесправны, для них существовал только один закон — беспрекословное исполнение воли бая-феодала.

Помимо того, что каждый казах-кочевник принадлежал к какому-нибудь определенному роду (ру) и его отделению—тайпа, он входил вместе с другими скотоводами в ту или иную общину.

Казах-кочевник не мог уйти из своей общины, подчиненной баю, бию или батыру, и кочевать самостоятельно, отдельно от общины. В условиях

феодального строя, междоусобиц, набегов, барымты он оказался бы вне защиты рода и стал бы жертвой другого феодала или барымтачей и грабителей. Таким образом, он был как бы прикреплен к баю-феодалу через род. Он мог уйти только к другому феодалу, но это не улучшало его положения.

Кочевники-крестьяне были неоднородны по имущественному положению, среди них были группы средних крестьян, так называемых *дәулетті шаруа*, были группы мелких и маломощных середняцких хозяйств— *күнгеріштi шаруа*, были бедняки —*кедей шаруа*. Последняя группа была наиболее многочисленной. Чтобы вести самостоятельное хозяйство, семья в пять человек должна была иметь в среднем до 15 лошадей, шесть голов крупного рогатого скота, двух верблюдов и 50 овец. Основная масса казахов имела значительно меньше этого количества скота и влачила жалкое, полуголодное существование, находясь в зависимости у баев.

Надо отметить еще две социальные группы — тюленгутов и рабов. Группа тюленгутов возникла в процессе феодализации казахского общества из комендации. В условиях феодальных междоусобиц многие крестьяне прибегали к покровительству какого-либо султана, на их скот ставили султанскую тамгу, и он считался условно принадлежащим султану. К покровительству султанов прибегали выходцы из различных социальных слоев: крупные скотоводы, середняки и бедняки, потерявшие связь с родом или отвергнутые им. Комендирующийся уже не считался подчиненным роду, скоро терял свое родовое имя и назывался тюленгутом. За покровительство, оказываемое султаном, тюленгуты обязаны были поддерживать его в междоусобной борьбе, выставлять воинов, сборщиков налогов, защищать его. В зависимости от имущественного положения тюленгутов их обязанности были различны; одни ограничивались только взносом налогов и поддержкой султана в распрях, другие были его воинами, третьи — слугами, а беднейшие из них обслуживали хозяйство султана в качестве пастухов и работников при султанской юрте.

Самой бесправной социальной группой были рабы. Рабов часто продавали и покупали, проигрывали на скачках, отдавали друг другу во временное пользование. Рабство имело домашний характер, существенной роли в производстве рабы не играли. Главным источником приобретения рабов служили набеги на соседние народы. Пленных обращали в рабов, большую часть которых, впрочем, продавали. Становились рабами в результате кабалы и некоторые бедняки-казахи. Казахские феодалы часто покупали рабов в среднеазиатских ханствах. Рабов имели только богатые и знатные люди. Обычно через несколько лет хозяин наделял своего раба юртой и скотом, и раб оставался жить в его ауле.

Формы феодальной эксплуатации в казахском кочевом обществе в условиях патриархально-феодальных отношений и господства патриархально-родового быта имели свою специфику.

Для Казахстана была характерна отработочная рента, одновременно с ней существовала и рента продуктами, которая, однако, имела незначительное распространение.

Эксплуатация феодалами трудящихся кочевников нередко облекалась в пережиточные патриархально-родовые формы взаимопомощи. В условиях классового общества вместо рода, помогавшего обедневшему сородичу, выступал крупный собственник, который, узурпировав функцию «родовой помощи», превратил ее в средство эксплуатации. Основное содержание феодальной эксплуатации под видом родовой помощи заключалось в том, что бай-феодал временно наделял малоскотного или бесскотного крестьянина скотом, а за это крестьянин должен был отработать баю в его хозяйстве.

Одной из форм феодальной эксплуатации под видом родовой взаимопомощи был *сауын* — наделение баем-феодалом бесскотного кочевника мо-

лочным скотом. Бедняк, взявший корову или кобылицу, содержал ее круглый год, одновременно растил и приплод, от нее полученный, который он был обязан отдать баю взрослым. Помимо того, он должен был выполнять еще какую-нибудь работу в хозяйстве бая: пасти скот, участвовать в стрижке овец, заготовлять дрова, помогать при перекочевке. На бая работала также жена кочевника, помогая в доении кобылиц и овец, катании войлоков, заготовке топлива.

На тех же условиях бай наделял своих бедных сородичей овцами для пользования шерстью (*жүн беру*), лошадью или верблюдом для перекочевки (*көлік майы, ат майын беру*).

Большое распространение имела эксплуатация трудящихся скотоводов под видом совместного выпаса скота. Эта форма эксплуатации была наиболее древней, она возникла еще в период появления имущественного неравенства отдельных семей и сложения классовых отношений. В практике кочевого скотоводства выпас скота обычно производился совместно группой хозяйств, входящих в кочевую общину. Кочевники, скот которых пасся вместе, принадлежали, однако, к самым различным социальным группам. Получалось, что бай, имевший большое стадо, и бедняк, у которого было всего несколько голов, выставляли одно и то же количество рабочей силы для выпаса, т. е. бедняк фактически бесплатно пас байский скот. Иногда бай раздавал часть своего скота на выпас по бедняцким хозяйствам, чтобы они содержали скот в течение определенного времени за какую-то долю продукции этого скота (молоко, осеннюю шерсть).

Феодалы широко использовали и другие формы родовой взаимопомощи, под видом которой собирали поборы с зависимых от них общинников или же присваивали себе их труд. Одной из них был *асар* — помощь в срочных сезонных работах (стрижка овец, постройка кошар, сенокос). В этом случае бай объявлял по аулам, чтобы сородичи в такой-то день шли помочь ему и отплачивал им за это угощением (мясом, кумысом). Сам бай, конечно, никогда не отплачивал ответным трудом, тем более, что бедняк, имевший всего несколько овец, в такой помощи не нуждался.

При потере скота или части его от стихийного бедствия бай объявлял по аулам своего рода *жылу* — сбор скота для восстановления своего хозяйства, т. е. просил по народному обычаю помочь ему. Зависимое от бая население аулов естественно не могло отказать в этой помощи. Баю давали лучший скот, и в иных случаях собиралось больше того количества, которое бай потерял. Для бедняка, желавшего воспользоваться этим обычаем, он превращался в сбор подаяния.

Бай собирал со своих сородичей на калым для сына или на приданое дочери, на годовые поминки по умершему родственнику. Калым также использовался для закабаления бедняка: нередко бай на долгие годы получал дарового работника из среды бедняков, за невесту которого обещал уплатить калым. Бедняк работал в течение нескольких лет, а затем, после женитьбы, вместе с женой отрабатывал уплаченный баем калым.

В казахском ауле бытовала еще одна форма эксплуатации, стоявшая несколько особняком от остальных, — эксплуатация бедняка-сородича под видом усыновления. Для обеспечения своего хозяйства даровой рабочей силой бай иногда усыновлял сына одного из бедняков своего рода. Усыновленный баем подросток выполнял всю работу, которую поручал ему бай, ничего не получая за это. Фактически он являлся приемным работником. Такого усыновленного бедняка называли *еншілес* (от слова *енші* — доля в имуществе).

С XVII в. казахские ханства вели непрерывные войны со своим восточным соседом — Ойратским государством. Войны эти велись с переменным успехом. В ряде случаев племенам левого крыла Ойратского государства — джунгарам — удавалось вторгаться в глубь казахских степей, в особенности на юге. Особенно большой поход против казахов джунгары

предприняли в 1723 г. Весной этого года они вторглись в Семиречье. Теснимые джунгарскими войсками, казахи откочевывали, оставляя скот и имущество. Джунгары истребляли население аулов, не успевших откочевать, а попадавших в плен превращали в рабов. Уцелевшие аулы Среднего и Старшего жузов откочевали в район Ходжента, к каракалпакам, в Хиву, а часть казахов из восточных и северных районов — к границам России. Эти откочевки совпали с джутом, начался голод, многие аулы целиком погибли. Около 1725 г. джунгары дошли до Сайрама, Туркестана и Ташкента, угрожая покорением Младшему жузу. В этот период казахи, несколько оправившись от первоначального разгрома, организовали отпор врагу. Были созданы ополчения, во главе которых стал хан Младшего жуза — султан Абулхайр. Казахское ополчение провело несколько сражений, благодаря которым движение джунгар было приостановлено.

Джунгары нанесли большой ущерб хозяйству казахов: много скота было захвачено, земледельческие оазисы Семиречья разрушены. В связи с захватом джунгарами Туркестана, Ташкента и других городов казахи оказались отрезанными от ремесленных и земледельческих центров Средней Азии. Начался упадок хозяйственной жизни, сопровождавшийся ослаблением политической власти ханов. Власть Абулхайра распространялась только на часть Младшего жуза. В Среднем жузе было два хана и несколько самостоятельных султанских владений. Несмотря на угрозу джунгарского завоевания, феодальная знать по-прежнему продолжала междоусобную борьбу за власть. Все это ставило в крайне тяжелое положение трудовые массы казахского народа и обусловливало неустойчивость ханской власти в Казахстане. В этой обстановке перед казахскими политическими верхами встала задача сохранить не только свою власть, но и народ от истребления джунгарами. Среди феодальных верхов выделилась группа батыров и султанов во главе с Абулхайром, которая решила искать у России поддержку в борьбе с джунгарами. К сближению с Россией их побуждали также и экономические причины.

Казахи издавна тяготели к России как к более развитой в экономическом отношении стране, с которой они, начиная с XVI в., вели торговлю и имели дипломатические связи. К началу XVIII в. эти связи стали более тесными. Из всех соседних государств только Россия могла удовлетворить запросы кочевого скотоводческого населения в товарах ремесленного и промышленного производства, а также потребность в хлебе, которого среднеазиатские ханства производили недостаточно. В то же время Россия являлась огромным потенциальным рынком для сбыта продуктов казахского скотоводческого хозяйства. В годы нашествий джунгаров тяготение Казахстана к России усилилось.

В начале XVIII в. границы России вплотную подошли к северной части Казахстана. В 1715 г. Петр I послал в Восточный Казахстан и на Алтай военную экспедицию подполковника Ивана Бухгольца. С 1715 по 1718 г. она заложила последовательно крепости на Ямышевом озере, Омскую, Железинскую и Семипалатинскую. Так было положено основание Иртышской военной линии, сыгравшей положительную роль в борьбе казахов против джунгар. В 1720 г. экспедицией генерал-майора Лихарева была заложена крепость Усть-Каменогорская. В последующие годы началось заселение Иртышской линии казаками. По Иртышу вблизи крепостей возникали казачьи форпосты и станицы.

В 1730 г. собранные Абулхайром бии Младшего жуза поручили ему обратиться к царскому правительству с предложением заключить военный союз против джунгар. Но Абулхайр отправил грамоту с просьбой о принятии казахов в русское подданство. Царское правительство благоприятно отнеслось к просьбе Абулхайра, так как это соответствовало его политическим интересам на Востоке.

В 1731 г. к хану Абулхайру из Петербурга было отправлено посольство во главе с А. И. Тевкелевым. Абулхайр принес присягу на верность России. Позднее Тевкелеву удалось склонить к присяге и часть враждебных Абулхайру биев и батыров.

Другие султаны и батыры продолжали выступать против подданства России. Борьба вокруг подданства имела характер борьбы феодальных группировок за власть, причем вопрос о подданстве использовался ими как предлог для возбуждения недовольства против Абулхайра. Народные массы одобрительно отнеслись к принятию российского подданства. В памяти народа были живы ужасы джунгарских набегов. Непрестанные междоусобные войны, борьба между феодалами за верховную власть, выражавшаяся в набегах и барымте, несли с собой бедствия и разорение и без того истощенному казахскому хозяйству. Поэтому бóльшая часть народа восприняла подданство как своеобразный военный союз с Россией, который мог обеспечить мирную и спокойную жизнь и возвращение в старые кочевья, покинутые под натиском джунгар.

Ориентация казахов на Россию оправдалась всем последующим ходом исторического развития Казахстана. Отличавшийся феодальной раздробленностью, экономически отсталый край, Казахстан не мог избежать участи быть завоеванным и порабощенным соседними феодальными государствами, которые по уровню экономического развития стояли гораздо ниже России. Благодаря присоединению к соседней могущественной России казахскому народу удалось сохранить свою территориальную и национальную целостность.

В последующие годы царское правительство предприняло ряд мер, направленных на закрепление господства в Казахстане. Отправленный в 1734 г. в Казахстан во главе экспедиции И. К. Кириллов построил в устье р. Ори крепость, которая была названа Оренбург. Впоследствии она была переименована в Орск, а название Оренбург было перенесено на крепость, построенную в начале 1740-х годов.

В 1738—1741 гг. войска джунгарского хунтайши предприняли новый поход на Казахстан. Они вторглись в пределы Среднего жуза и учинили кровавый разгром казахских аулов. Тогда султан Среднего жуза Аблай и хан Абулмамбет приняли российское подданство (1740 г.). Продолжая свое движение на запад, джунгары натолкнулись на русские посты и крепость Орск и остановились. Вмешательство русских властей заставило джунгар повернуть назад и тем самым спасло казахский народ от ужасов нового нашествия.

Таким образом, к 1741 г. Младший и Средний жузы — бóльшая часть Казахстана — приняли подданство России. Только Старший жуз (Семиречье) оставался под гнетом джунгар до их разгрома в 1758 г. Позднее он попал под власть ташкентских беков и Кокандского ханства.

В ходе присоединения Казахстана к России царское правительство построило на территории Младшего и Среднего жузов ряд укреплений и городов. Так, в середине XVIII в. возникли Уйская укрепленная линия от Верхнеяицка (ныне Верхнеуральск) до Звериноголовской крепости; Иртышская линия, соединившая Омск с Семипалатинском и Усть-Каменогорском; Новая Ишимская линия от Звериноголовска на Тоболе и до Иртыша, соединившая Уйскую линию с Иртышской. Несмотря на то, что эти линии являлись опорными пунктами царской колониальной политики, строительство их имело прогрессивное значение, так как они превратились в центры дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей Казахстана с Россией.

С присоединением Младшего и Среднего жузов к России казахское хозяйство постепенно втягивалось в рыночные отношения, что не могло не сказаться положительно на его развитии, так как расширение рынков сбыта продукции скотоводческого хозяйства стимулировало развитие

скотоводства у казахов. Вместе с тем дальнейшее развитие казахско-русских торговых отношений способствовало разложению натурального хозяйства, росту товарного производства и денежного обращения в Казахстане.

Вскоре же после присоединения к России в Казахстане были открыты месторождения полезных ископаемых, что имело большое значение для экономического развития страны. В открытии некоторых из них участвовали казахи. В 1780-х годах началась разработка отдельных месторождений, где наряду с русскими работали и казахи.

К началу XIX в. относится переселение части казахов Младшего жуза за р. Урал. Причиной этого послужило усиление феодального и национального гнета в Младшем жузе. Среди трудящихся масс Младшего жуза росло недовольство, и многие стремились откочевать в другие места. Создавшейся обстановкой воспользовался султан Букей, который хотел упрочить свое влияние среди казахов. В начале 1801 г. он обратился к императору Павлу с просьбой разрешить переселиться ему с частью казахов на постоянное жительство в Нарынкумы, расположенные между Уралом и Волгой. Переселение сюда казахов на постоянное жительство соответствовало планам царского правительства, так как разделяло и, следовательно, политически ослабляло Младший жуз. В марте 1801 г. разрешение было дано. Так было создано новое ханство, получившее название Внутренней, или Букеевской, орды. В его состав вошли представители всех трех крупных племен Младшего жуза, преимущественно племени байулы, меньше — алимулы и совсем немного родов жеты ру.

После принятия казахами российского подданства постепенным, но существенным изменениям подверглась и политическая жизнь казахского общества. Ханская власть становилась номинальной; ханы назначались и смещались царским правительством, получали от него жалованье. Уже следующий после Абулхайра хан Младшего жуза — Нурали — целиком находился на службе царского правительства. Со смертью хана Аблая (1781 г.), который, маневрируя в своих отношениях с соседними странами, сумел сохранить относительную независимость, ханская власть в Среднем жузе пришла в упадок. Два хана, назначенные после него — Вали-хан и Букей-хан,— фактически никакой политической роли уже не играли.

С начала XIX в. царское правительство отказалось от поддержки ханской власти в Казахстане. В Среднем жузе с 1822 г. был введен в действие «Устав о Сибирских киргизах», по которому ханская власть была ликвидирована. В 1824 г. была упразднена ханская власть и в Младшем жузе. Султаны-правители стали просто чиновниками царского правительства.

Ликвидация ханской власти, ограничение прав и привилегий феодальной аристократии казахского общества — султанов-чингисидов вызвали недовольство с их стороны. Потомки ханов начали борьбу за восстановление ханской власти и своих привилегий. По Казахстану прокатилась волна феодально-монархических движений, целью которых являлось восстановление ханской власти (движение султанов Каратая Нуралиева, Габайдуллы Валиханова, Саржана и Кенесары Касымовых). Эти движения не получили широкого размаха, так как не были поддержаны массами.

В первой половине XIX в. казахи Старшего жуза, находившиеся под властью кокандских ханов, также обратили свои взоры к России и отдельными группами и владениями вступили в подданство Российской империи. В 1819 г. подданство России приняли 55 462 казаха рода усунь во главе с султаном Сююком. В 1845 г. вступили в российское подданство казахи, кочевавшие в окрестностях Капала, и с этого времени царское правительство стало рассматривать казахов Старшего жуза как подданных России.

С 40-х годов XIX в. началось присоединение к России Южного Казахстана, которое шло с двух сторон — с запада, по Сыр-Дарье, и с востока, через Семиречье. На Сыр-Дарье было построено несколько укреплений, а в 1853 г. была взята кокандская крепость Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда) и образована Сыр-Дарьинская военная линия.

В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. был заложен ряд укреплений в Семиречье, в том числе в 1854 г. укрепление Верное (ныне г. Алма-Ата), и здесь возникли первые казачьи станицы.

В начале 60-х годов XIX в. царское правительство начало продвижение в Среднюю Азию. В 1864 г. русскими войсками были взяты крепости Аулие-Ата, Чимкент, Туркестан. К 1865 г. вся территория Старшего жуза была освобождена от власти Коканда и присоединена к России.

В 1867—1869 гг. царское правительство ввело в Казахстане российскую систему управления. Согласно «Временным положениям», утвержденным в 1867 и 1868 гг., был образован ряд областей. Области Уральская и Тургайская были переданы в ведение Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская — Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, Семиреченская и Сыр-Дарьинская подчинялись Туркестанскому генерал-губернатору, находившемуся в Ташкенте. Во главе каждой области стоял военный губернатор, в подчинении которого находилось областное правление. Области делились на уезды во главе с уездными начальниками из офицеров, помощниками которых назначались обычно представители казахской феодальной знати. Была учреждена должность уездного судьи, назначаемого правительством. Уезды делились на волости, возглавляемые выборными волостными управителями.

Волости создавались не по родовому принципу, а по территориальному — из аулов-кыстау, расположенных по соседству. Волости в свою очередь делились на административные аулы, состоявшие из 120—200 кибиток каждый, во главе которых ставились выборные аульные старшины.

Административное деление по территориальному принципу, без учета родового деления, было введено с целью ослабить роль родового объединения и влияние родовых старшин и биев.

Выборы волостных управителей и аульных старшин были двухстепенными. От каждых 50 хозяйств назначался один выборщик. Съезд этих выборщиков выбирал волостного управителя. Аульный старшина выбирался на сходе выборщиков от каждых 10 хозяйств. Такой же порядок выборов устанавливался и в оседлых поселениях (в кишлаках и аулах). Волостные управители и старшины утверждались уездной администрацией, имевшей право отстранять их от должности.

Система выборности позволяла обладавшему большим влиянием байству захватывать в свои руки все низшее звено административного аппарата: «избранным» почти всегда оказывался бай.

Положения 1867 и 1868 гг. внесли изменения в судоустройство Казахстана. Были введены в действие право и суд Российской империи, хотя частично оставались действующими обычное право и суд биев, функции которого были ограничены и приспособлены к новой системе управления. Из ведения суда биев изымались все крупные уголовные дела. Им были оставлены лишь дела по временным искам не свыше 300 руб. у кочевников и не свыше 100 руб. в оседлых районах.

«Положением об управлении степных областей», изданным в 1891 г., все земли, занимаемые казахскими кочевьями, в том числе и леса, были объявлены государственной собственностью, причем земля оставлялась в пользовании аульных обществ, а пользование этой землей определялось по «народным обычаям».

Наряду с политическими и административными мероприятиями царского правительства по освоению Казахстана происходило переселение

сюда жителей из Европейской части России. Переселялись главным образом крестьяне, которые, за исключением кулаков, не выступали эксплуататорами местного населения. Они сами являлись непосредственными производителями и своим трудом способствовали не только развитию земледелия в Казахстане, но и дальнейшему развитию казахского хозяйства вообще.

Появление первых русских переселенцев в Казахстане относится еще к началу XVIII в. Это были казаки, составлявшие гарнизоны укреплений и крепостей, построенных царским правительством. Образование казачьих поселений сопровождалось вытеснением казахов с лучших земель. В XVIII в. в Восточном Казахстане (на Алтае) осели и первые крестьяне-переселенцы, беглые крепостные, ссыльные (раскольники).

Крестьянская колонизация Казахстана усилилась в 60-х годах XIX в., после падения крепостного права, причем первоначально она происходила стихийно, без участия правительства. На местах крестьяне-переселенцы иногда даже наталкивались на противодействие местной царской администрации, боявшейся, что стихийное образование русских поселений приведет к сокращению пастбищ и нанесет урон скотоводству края. В то же время, помещики и капиталисты центральной России также не были заинтересованы в уходе крестьян, так как это могло привести к повышению цен на рабочие руки.

Несколько иное положение было в присырдарьинском районе и в Семиречье. Здесь царское правительство начиная с 1870-х годов проводило заселение в плановом порядке. Это привело к тому, что в Семиречье уже к 1882 г. было образовано 29 новых крестьянских поселений, имевших около 15 тыс. жителей.

В дальнейшем переселение русских крестьян в Казахстан шло неравномерно: в голодные 1891—1892 гг. число переселенцев увеличилось, в 1902—1905 гг. наблюдалось снижение потока. Наиболее массовый характер переселение приняло в годы столыпинских буржуазных реформ. Так, с 1906 по 1915 г. число переселенцев по четырем областям (Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской) составило 883 255 человек, что увеличило население в них на 30%.

Переселенческая политика царского правительства сопровождалась изъятием у казахов лучших земель. При этом основная тяжесть ложилась на плечи трудящихся, так как царское правительство принимало меры по охране интересов баев.

Одним из проявлений колонизаторской политики царизма было то, что большинство изъятых у казахов под видом излишков земель, переданных казакам, крестьянам и городским мещанам, не использовалось ими под посевы. Так, из 13,9 млн. десятин, изъятых в указанных выше четырех областях, крестьяне засевали всего 2043 тыс. десятин. Часть свободной и неиспользованной земли сдавалась прежним владельцам-казахам в аренду под пастбища и даже пашни за плату скотом и отработки, что ложилось тяжелым бременем на трудящиеся массы казахов.

В связи с изъятием земель площадь кочевого скотоводства уменьшилась, что привело к сокращению расстояния перекочевок. Это вызывало нарушение старых меридиональных путей кочевания. Средняя длина летних перекочевок некоторых аулов, волостей и хозяйств сократилась до 10—15 км. Сокращение пастбищных пространств и нарушение выработанной столетиями пастбищно-кочевой системы подрывали кормовую базу кочевого скотоводства. Это приводило к массовым падежам скота в суровые зимы. В конце XIX — начале XX в. в Казахстане было несколько сильных периодически повторявшихся падежей скота. В иные годы погибало от 42 до 72% поголовья. Лишенные скота кочевники были обречены на голодную смерть.

Усиление колониального гнета царизма после введения в Казахстане российской системы управления в 1860—1870-х годах выразилось также в росте налогов. Если в первой половине XIX в. с хозяйства взималось по 1 р. 50 к. кибиточного сбора, то теперь налог вместе с земским и другими сборами стал доходить до 10 руб. с кибитки, что было непосильным бременем для бедноты. Налоговая система открывала широкие возможности для злоупотреблений со стороны аульных старшин и волостных управителей. Последним предоставлялось право устанавливать по приговору общества сбор на общественные нужды и благотворительные цели, так называемый *шығын*. Этот сбор превратился в источник дохода старшин и управителей, так как квитанций при этом не выдавалось и все собранное присваивалось сборщиком. Одновременно усилился произвол чиновников, местной администрации, стали процветать взяточничество, незаконные поборы, вымогательство различных *сыйлау* (подношений, подарков), в особенности со стороны переселенческих и судейских чиновников. Но несмотря на реакционную колониальную политику царизма, присоединение Казахстана к России имело прогрессивное значение, так как открыло возможность проникновения в казахские степи более передовой экономики и культуры. Включение Казахстана в сферу влияния развивавшейся экономики России было тем прогрессивным толчком, который нарушил вековую застойность и замкнутость натурального казахского хозяйства.

С начала XIX в. торговля казахов с Россией приняла еще больший размах, чем в XVIII в. Торговые сделки происходили не только в городах и крепостях, но и в форпостах и казачьих станицах. Казахстан становился крупным поставщиком скота. В первой половине XIX в. из Казахстана ежегодно вывозилось скота на 3—3,5 млн. руб. Значительное место в торговом обороте занимало животное сырье: кожа, шерсть, сало. Из России в Казахстан ввозились хлопчатобумажные ткани, металлические и галантерейные изделия. Все большее развитие получала торговля зерном. Дальнейшее развитие торговли привело к открытию в Казахстане ярмарок, обороты которых с каждым годом росли. Вместе с тем росло и денежное обращение. Так, начиная с 1830-х годов в северных районах Казахстана почти две трети товаров у казахов покупали за деньги и только одна треть выменивалась.

Развитие торговли и спрос на скот и продукты скотоводства вели к тому, что казахское хозяйство, и в первую очередь байское, приобретало товарный характер. У казахов получили распространение рыболовство и добыча соли специально для продажи. Ввоз в Казахстан железа и железного лома содействовал развитию кузнечного ремесла.

Под благотворным влиянием экономики России и непосредственного общения с русским населением дальнейшее развитие получило земледелие. В Казахстане возникли новые земледельческие очаги по рекам Уралу, Тургаю, Илеку, Иртышу и их притокам, в районе оз. Зайсан, а также вблизи степных пресных озер Северного Казахстана.

Во второй половине XIX в. экономика Казахстана претерпела еще более существенные изменения. Развитие капитализма в России, как известно, шло не только вглубь, но и вширь. Оно захватило во второй половине XIX в. огромную территорию Казахстана, ускорило разложение патриархально-феодальных отношений в ауле, рост товарно-денежных отношений и зарождение капиталистических элементов в хозяйстве казахов. Наряду со старыми меновыми дворами и ярмарками, возникли новые крупные ярмарки с миллионными годовыми оборотами. Появилась широкая сеть торговых агентов в самых отдаленных районах страны. Они скупали в огромном количестве скот, а также всевозможные виды продуктов скотоводства, изделия из животного сырья.

Торговля с Россией все больше превращала Казахстан в район, предназначенный поставлять сырье в центральные промышленные районы России.

В результате развития земледелия Казахстан постепенно становился скотоводческо-земледельческой страной. Площадь посевов росла не только за счет хозяйств переселившихся крестьян, но и в результате развития земледелия у казахов, как это видно из табл. 1.

Таблица 1

Рост посевных площадей за 1907—1916 гг. (в тыс. десятин) *

Область	Крестьянство		Казаки		Казахи	
	1907 г.	1916 г.	1907 г.	1916 г.	1907 г.	1916 г.
Акмолинская	282	969	59	222	33	63
Тургайская	132	649	—	—	233	364
Уральская	9	154	207	290	100	143

* Тресвятский. Степной край. СПб., 1917, стр. 50.

В связи с увеличением посевной площади производство хлеба в Казахстане в предреволюционные годы значительно возросло.

С развитием русского капитализма вширь тесно связано развитие в Казахстане во второй половине XIX в. промышленности. Первыми промышленными предприятиями, появившимися на территории Казахстана, были приписки по добыче золота из россыпей, открытых в глубине степи. По архивным данным, в 1839 г. только в Кокпектинском округе Среднего жуза функционировало 15 приисков, на которых было занято 473 русских рабочих и 848 казахов.

В середине XIX в. в Казахстане зародилась горная промышленность. В 1844 г. на границе Баян-Аульского и Каркаралинского округов был построен Благодатно-Стефановский медеплавильный завод. В 1848 г. на нем работало 184 постоянных и много сезонных рабочих, в основном казахов.

В 1847 г. промышленником Ушаковым была сделана заявка на рудные месторождения в 342 верстах от Акмолинска и в урочище Джезказган. Для эксплуатации вновь открытых месторождений им был открыт ряд рудников, а в 1852 г. впервые в Казахстане была создана промышленная компания.

Одновременно с этим начала развиваться и угледобыча. В 1856 г. было открыто Карагандинское каменноугольное месторождение и начата плавка на Спасском заводе Рязановых медной руды на местном угле.

Развивалась соляная промышленность, в особенности на озерах Баскунчак, Эльтон и на соляных копях Павлодарского уезда. Добыча на горных предприятиях увеличивалась с каждым десятилетием. В 80-х годах XIX в. Казахстан занимал в России третье место по добыче меди (после Урала и Кавказа).

Одновременно с горной развивалась и фабричная промышленность, в первую очередь по переработке сельскохозяйственного сырья. Открывались кожевенные, салотопенные, мыловаренные, винокуренные и другие предприятия — в основном кустарного и полукустарного типа, на которых было по нескольку рабочих. Однако сырьевые богатства Казахстана обусловили довольно широкое развитие местной обрабатывающей промышленности, которая по удельному весу далеко обгоняла горную промышленность. После открытия богатейших месторождений нефти на Эмбе началось развитие нефтедобычи. Но несмотря на богатство Эм-

бенских месторождений, эксплуатировались только два из них: Доссор (с 1911 г.) и Макат (с 1915 г.)

У местных промышленников не хватало своих капиталов для создания технически оснащенных предприятий. Развитие промышленности тормозилось также отдаленностью рудников и заводов от путей сообщения. Железных дорог не было, техника добычи и обработки была примитивной.

После постройки Закаспийской, Сибирской и других железнодорожных линий усилилось не только развитие торговли, но и промышленности. Однако до революции на каждые 1000 кв. км территории Казахстана приходилось всего 0,89 км железнодорожных путей.

Во второй половине XIX в. начало развиваться пароходство. Первый пароход прошел по Иртышу до Семипалатинска в 1861 г.. а в конце XIX в. по линии Омск — Зайсан открылись регулярные рейсы грузовых и пассажирских пароходов. Расширилось пароходство на линии Гурьев — Астрахань, Красноводск — Форт-Александровский. В середине 1870-х годов была проведена телеграфная линия из Верного через Аулие-Ата и Чимкент до Ташкента.

В конце XIX в. в Казахстан устремился иностранный капитал. Царское правительство отдало иностранным капиталистам лучшие рудные месторождения. Французские капиталисты получили в концессию Зыряновские рудники, Карагандинские копи, Успенский рудник и Спасский медеплавильный завод (последние два в 1907 г. были перепроданы английским капиталистам). В руки американского «Акционерного общества Спасских медных руд» перешло крупнейшее в Казахстане месторождение меди — Джезказган. Английское акционерное общество монополизировало крупнейшие в России Риддерские полиметаллические рудники на Алтае. Эмбенские нефтяные промыслы были приобретены английскими предпринимателями, которые учредили Урало-Каспийское нефтяное общество.

Однако иностранные капиталисты, получив концессии, не стремились к развитию добывающей промышленности в Казахстане. Концессии эти преследовали чисто спекулятивные цели. В иных случаях концессионеры искусственно тормозили добычу руды, чтобы затруднить развитие в России отечественной промышленности и поставить ее, таким образом, в еще большую зависимость от иностранного капитала. Когда же концессионеры организовывали добычу руды (например, на Риддере), она велась хищническим способом, приводившим к обесцениванию и обеднению месторождений. Капиталовложений в оборудование и механизацию не производилось — руду добывали ручным способом.

Возникновение капиталистической промышленности положило начало формированию промышленного пролетариата Казахстана, в среде которого были и казахи. В середине XIX в. в ближайших к России районах насчитывалось уже немало казахов-бедняков, нанимавшихся рабочими и батраками. Так, на Оренбургской линии в это время ежегодно уходило на заработки в сельское хозяйство и в горную промышленность до 10 тыс. казахов.

Развитие товарного хозяйства, проникновение капиталистических отношений в аул ускоряли обнищание беднейших слоев казахского населения. В то же время расширение промышленности создавало возможность использования местной рабочей силы. Много казахов стало работать на шахтах, приисках, рыбных и соляных промыслах. В некоторых отраслях промышленности они составляли большинство. Так, в горной промышленности в начале XX в. казахи составляли 70—80% рабочих; на Урало-Каспийских и Аральских рыбных промыслах они были основной рабочей силой.

Значительная часть казахских рабочих работала на предприятиях только в течение весенне-летнего сезона, прикочевывая на этот период

из отдаленных районов вместе со своими семьями и даже скотом и откочевывая на родину как только кончалась работа. Однако часть их оставалась на постоянную работу, превращаясь в кадровых рабочих.

Положение рабочих было очень тяжелым. Заработная плата была низкой и к тому же выдавалась зачастую не деньгами, а товарами из заводских лавок. Многие предприятия находились за сотни верст от населенных пунктов, поэтому рабочие вынуждены были покупать в заводских лавках продукты низкого качества и по дорогой цене. Рабочий день продолжался по 12—14, а иногда и 16 часов. Условия труда были значительно хуже, чем на подобных же предприятиях в Европейской части России.

О чрезвычайно тяжелых условиях работы на соляных промыслах Баскунчака газета «Астраханский вестник» в 1894 г. писала: «Труд его (казаха-рабочего.— *Ред.*) каторжный. Целый день он в озере под палящими лучами солнца, погруженный по грудь в разъедающую рапу, а вечером выходит на отдых весь в кровоточащих язвах»[1].

Техника безопасности почти отсутствовала, в результате часто происходили несчастные случаи, за которые капиталисты не несли никакой ответственности. В лучшем случае искалеченному рабочему выдавались какие-нибудь гроши.

Особенно тяжелым было положение рабочих-казахов, так как они имели меньше возможностей для защиты своих интересов, чем русские. В 1912 г. за одну и ту же работу на Эмбенских нефтепромыслах чернорабочий-казах получал 70 коп. в день, русский чернорабочий — от 85 до 95 коп. Казахи, как правило, на квалифицированные работы не допускались, их использовали исключительно на наиболее тяжелых работах.

Казахи-рабочие жили в своих юртах, однако многие настолько уже обнищали, что им приходилось ютиться в шалашах или землянках с нарами в один-два ряда, с маленькими, едва пропускающими свет окнами. Здесь вповалку спали на тряпье, брошенном на нары, вместе с мужчинами женщины и подростки. Летом там было душно, зимой и осенью — холодно и сыро. Жилища казахов-рабочих на соляных промыслах состояли из четырехугольных ям, покрытых досками. В них помещалось по 30—40 человек, которые спали на соломе в два ряда.

Хозяева некоторых предприятий строили для своих рабочих казармы. Они мало отличались от описанных выше жилищ и были, по словам очевидцев, более похожи на звериное логовище, нежели на местожительство человека, тем более, что в таких обиталищах часто можно было только сидеть в согнутом положении, как в шахтах.

Тяжелые жилищные условия, скудная, часто недоброкачественная пища, изнурительный труд пагубно влияли на здоровье рабочего и членов его семьи, сокращали продолжительность их жизни. Среди рабочих не прекращались массовые заболевания — простудные, желудочные, ревматизм, цинга, тиф. О медицинском обслуживании рабочих почти не заботились. На редких предприятиях были фельдшера, аптеки, приемные покои.

В условиях господства патриархально-феодальных отношений эксплуатация рабочих-казахов на предприятиях сочеталась с различными формами полуфеодальной эксплуатации их в ауле ростовщиком и баем-сородичем. Связи рабочих с аулом в большинстве случаев были очень прочными, что вызывалось отчасти и сезонным характером труда на многих предприятиях. Нередко рабочий, вернувшись в родной аул, весь остаток своего заработка отдавал в уплату налога или долга баю или ростовщику.

При всем том совместная работа бок о бок с русскими способствовала зарождению и укреплению дружбы между рабочими разных националь-

[1] См. П. М. Алампиев. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности. М., 1958, стр. 117

ностей, развитию классового самосознания среди казахских рабочих, преодолению традиций патриархально-родового быта.

С проникновением в Казахстан товарно-денежных отношений, развитием торговли и обмена и русским переселенческим движением связано появление на территории Казахстана новых городов. Возникшие в XVIII—XIX вв. сперва как крепости и форпосты, они быстро становились торговыми и административными центрами, а впоследствии, в особенности после реформы 1868 г., — городами. Часть крестьян-переселенцев оседала в городах, превращаясь в мещан. Население городов пополнялось также за счет татар, узбеков, башкир.

Все городские центры Казахстана были небольшими. Жители казахстанских городов, кроме чиновников и военных, занимались земледелием и скотоводством, торговлей. На юге (Семиречье, Сыр-Дарьинская область) в хозяйстве горожанина большую роль играло садоводство. Число ремесленников в городах было весьма незначительным.

Всего в Казахстане насчитывалось 30 городов и поселений городского типа. Население городов увеличивалось медленно: к 1917 г. в среднем на город приходилось от 7 до 9 тыс. жителей. Самым крупным городом был Семипалатинск (50 тыс. жителей). Кустанай, Актюбинск, Уральск, Петропавловск имели население более чем по 20 тыс. человек.

Некоторые города становились культурными центрами края. Так, накануне революции в Верном (Алма-Ата), кроме гимназии, были учительская семинария, три высших городских училища, 14 двухклассных и четыре одноклассных училища, две русско-туземные школы, татарское новометодное училище, школа садоводства, лесная школа, большая городская библиотека, два музея, три клуба и несколько кинотеатров.

Изменения в экономике Казахстана, проникновение элементов капитализма и разложение натурального хозяйства казахов привели к серьезным изменениям в общественных отношениях казахского аула.

Если раньше основной формой хозяйства было кочевое скотоводство, то в XIX в. в отдельных районах все увеличивалось число оседлых земледельческих хозяйств. В некоторых северных районах к концу XIX в. уже от 70 до 80% казахов занималось земледелием, а от 40 до 50% полностью превратились в оседлых земледельцев.

В конце XIX в. в Казахстане наряду с кочевыми скотоводческими хозяйствами появились подобные русским оседлые земледельческие хозяйства и ряд переходных форм от первых ко вторым. Некоторые казахи занимались кочевым скотоводством, но в то же время имели небольшие посевы и косили сено. Были земледельческо-скотоводческие хозяйства казахов; они вели полуоседлый образ жизни, в зависимости от сезона; были также оседлые скотоводы, занимавшиеся сенокошением, но еще не перешедшие к земледельческому труду.

Одновременно с изменением в формах хозяйства менялись формы общинного землепользования, началось разложение пастбищно-кочевой общины и развитие частного пользования пастбищами и земледельческой общины с наделами. В ходе этого процесса возникали разнообразные переходные формы землепользования. В кочевом хозяйстве остались прежние формы общинного землепользования, но в отдельных районах на севере и юге происходил постепенный процесс обособления пастбищ и закрепления их первоначально за общинами и за группами хозяйств, а затем за отдельными хозяйствами в частное пользование, хотя земля по-прежнему считалась принадлежащей роду, его отделению, аулу. Прежде всего закреплялись зимние пастбища. Летние кочевья, как и весенне-осенние, в большинстве районов еще оставались в общинном пользовании.

У оседлых казахов возникла иная форма общины и землепользования. В основе оседло-земледельческой общины лежало владение пахотной землей, а на юге и водой. Усадебные участки находились в подворно-

наследственном пользовании. Их наследовал младший сын. Эти земледельцы имели первоначально пахотные участки и сенокосы на землях кочевой общины и производили посевы и покосы там, где была свободная земля, удобная для пахоты. Но по мере присоединения к оседлым аулам новых земледельцев, из-за ограниченности удобных участков вблизи для землепользования, стали характерны периодические переделы пашен и сенокосов по хозяйствам. Таких общин было немного, они возникли прежде всего на севере (Омский и Петропавловский уезды). В некоторых общинах из-за недостатка сенокосов применялись самые различные формы их использования. Например, сено косили сообща, а затем делили по числу выставленных косцов; в других случаях производили передел сенокосных угодий по жребию, по числу душ, иногда по количеству скота.

На юге, где земледелие было поливным, оседлая община имела несколько иные формы, сближающие ее со среднеазиатской земельно-водной общиной. Наиболее характерными в этом отношении были земельные общины по р. Чу в Чимкентском уезде. Здесь право пользования участком определялось правом на воду (на полив), а право пользования водой из арыков имел тот, кто участвовал в работах по проведению головного канала и его очистке. Площадь пашни, получаемой хозяйством от общества, определялась количеством воды, которое приходилось на его долю соответственно числу его работников, участвовавших в устройстве оросительной системы.

Как при переходе на новые земли, так и при возвращении на старые, залежные, производился передел земли, обычно весной, по жребию. В таких общинах равноправного землепользования не существовало. В связи с тем, что водный пай определялся числом участвовавших в проведении и очистке арыка работников, бай, выставляя на работы по очистке оросительной сети наемных батраков, увеличивал свой пай за счет бедняков. Со временем в таких общинах бедняки стали продавать свои паи баю. К началу XX в. многие головные каналы попали в собственность баев, которые, владея водой, закабаляли общину, отдавая крестьянам землю исполу.

В хозяйствах, сочетавших кочевое скотоводство с земледелием и сенокошением, были смешанные формы землепользования, как смешанной была и сама форма хозяйствования. На пастбищах землепользование строилось по тому же принципу, что и в кочевых хозяйствах, а пользование сенокосами, которые обычно находились вблизи зимних стойбищ, было различным: их делили по едокам, по числу выставленных на сенокос работников.

Более сложными были формы землепользования в оседлых земледельческо-скотоводческих общинах. Они имели в основном рогатый скот и небольшое количество овец. Зимой скот ставили в стойла, для чего заготовляли в большом количестве сено. Здесь при подворно-наследственном владении усадебным участком наблюдались различные формы пользования сенокосами и пашнями: от переделов до частного владения, в зависимости от количества пашен и сенокосов в общине. Оседлые скотоводы на время кочевки иногда присоединялись к своим дальним родственникам-кочевникам и использовали их пастбища или, чаще, отдавали свой скот на выпас, а сами оставались дома, ухаживали за посевами и запасали сено. Были скотоводческие хозяйства, которые на призимовочных участках не занимались земледелием, но запасали сено для своего скота на зиму. У них была смешанная, переходная форма землепользования: от пастбищно-кочевой общины к оседлой земледельческой. Для сенокосов они использовали обычно часть своих летних или зимних пастбищ.

По мере развития капиталистических отношений усиливалось развитие частного землевладения. Баи, пользуясь своим авторитетом, в особенности те из них, которые находились на официальных должностях

стали захватывать отдельные участки пастбищ и пахотной земли и объявлять их своей собственностью. Зачастую захватывали они значительно больше, чем это было нужно для содержания имеющегося у них скота. Излишнюю землю они сдавали в аренду своим же сородичам под сенокосы и выпасы и даже для кочевания.

В XX в. началось сложение буржуазной земельной собственности, о чем говорит наличие денежной ренты и аренды земли. Баи стали продавать участки общинной земли русским крестьянам, мещанам, промышленникам и торговцам. В этот период началось также заключение сделок на продажу участков между отдельными крестьянами-казахами, между общиной и крестьянином другой общины.

В процессе развития товарно-денежных отношений, а затем капиталистических, все социальные группы претерпели существенные изменения. После ликвидации ханской власти только те из султанов, которые поступали на службу к царскому правительству, еще имели власть над народом. Но им было запрещено собирать налоги, производить суд и расправу. Юридически они были уравнены в правах с остальными казахами.

Феодальная группа батыров отмерла в середине XIX в., когда в Казахстане прекратились междоусобицы, барымта и было введено в действие российское уголовное право. По положению 1868 г. бием считался только тот, кто был избран на эту должность и утвержден местными властями.

Рабство в Казахстане было отменено царским правительством в 1859 г. Рабы были освобождены; некоторые остались жить при баях на правах консы, другие, имевшие скот, занялись хозяйством самостоятельно.

Дальнейшее развитие получила социальная группа баев. Появились баи нового типа, которые вели крупную торговлю скотом, скупая его в аулах, и хлебом, выращиваемым зависимыми от них земледельцами. Многие баи начали заниматься торговлей в аулах, продавая по повышенной цене необходимые скотоводам предметы. Некоторые из крупных баев стали участниками торговых компаний и поставляли в большом количестве шерсть, масло и другие продукты скотоводческого хозяйства для вывоза на европейские рынки. Они открывали небольшие предприятия по первичной обработке сырья.

Классовая дифференциация в казахском ауле усиливалась по мере проникновения капиталистических отношений. В табл. 2 приведены относящиеся к 1910—1911 гг. данные статистического обследования казахских аулов в двух уездах.

Как видно из этих данных, в казахском ауле в начале XX в. имелось уже значительное число байско-кулацких хозяйств, а наряду с ними —

Таблица 2

Социально-экономическая характеристика казахского аула *

Уезд	Число обследованных хозяйств	Из них							
		оседлых	полуоседлых	пользующихся наемным трудом	беспосевных	бесскотных	безлошадных	отпускающих батраков	число батраков
Усть-Каменогорский . .	18 775	1222	1410	3114	4873	21	305	—	4923
Джаркентский	14 594	—	—	1666	4589	137	1123	1009	3490

* Данные по Усть-Каменогорскому уезду взяты из книги «Материалы по киргизскому землепользованию. Семипалатинская область» (т. IX, Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905), а по Джаркентскому уезду — из сборника «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования Семиреченской области» (т. IV. Джаркентский уезд. СПб., 1913).

большая прослойка бедняков, лишенных средств производства и продающих свой труд по найму. Новое, капиталистического типа байство постепенно становилось подлинным хозяином аула.

В ауле возникали новые формы эксплуатации, связанные с торговлей. Развивалось ростовщичество в своеобразной форме, приспособленной к кочевому скотоводству: бай давал бедняку в долг скот, который тот обязывался возвратить весной с приплодом. Если бедняк не мог возвратить долг, он попадал к баю в кабалу и отрабатывал долг в его хозяйстве.

В связи с развитием земледелия и ростом частного землепользования в конце XIX в. появились новые формы эксплуатации. Так, баи взимали плату за пропуск скота к водопоям через свои пастбища, сдавали в аренду общинникам пахотные участки, брали плату за пастьбу скота на захваченных ими родовых пастбищах. Развивалась капиталистическая земельная рента. Во второй половине XIX в. в земледельческих районах возникла эксплуатация в форме уртачества (от узбекского слова «уртак» — товарищ), являвшегося своеобразной формой испольщины. Если бедняк из-за отсутствия скота был вынужден заниматься земледелием, он обращался «за помощью» к баю и тот давал ему рабочий скот, а иногда и примитивное пахотное орудие. За это бедняк обязывался отдать баю треть собранного урожая. Если же бай давал не только рабочий скот, но и семена, то бедняк отдавал ему половину урожая.

В процессе развития капиталистических отношений в байском хозяйстве стал применяться наемный труд. Бай нанимал батраков обычно на сезон: пастухов на пять-семь месяцев, косцов сена на месяц или меньше. Плата была весьма низкой и производилась скотом. Однако наемный труд не получил распространения в кочевом хозяйстве казахов. Феодальная эксплуатация под видом родовой помощи была более выгодна баю, чем наемный труд. Некоторые формы родовой помощи весьма своеобразно использовались баями в новых условиях. Так, обычай жылу баи стали применять для покрытия своих торговых долгов, производя сборы зачастую деньгами. Устойчивость пережиточных форм феодальной эксплуатации, особенно отработок под видом родовой помощи, тормозила проникновение в казахский аул капиталистических отношений.

Феодальная эксплуатация и произвол со стороны баев-феодалов вызывали сопротивление трудящихся-скотоводов. Стремясь избавиться от эксплуатации, они чаще всего откочевывали от своего феодала. Распространенность такой формы борьбы объясняется спецификой кочевого хозяйства. Скотовод имел больше возможности для ухода, чем крестьянин-земледелец, который не мог взять с собой своего хозяйства. Откочевки совершались группами и целыми общинами. Массовость откочевок делала их эффективной формой сопротивления скотоводов феодалу, поскольку они наносили материальный ущерб эксплуататору и подрывали систему внеэкономического принуждения. За откочевку феодалы жестоко наказывали захватом скота, разгромом аулов. Это ожесточало скотоводов, заставляло их организовывать отпор и ответные набеги.

Во многих случаях классовая борьба против феодалов принимала форму межродовой борьбы, сопровождавшейся кровавыми столкновениями, набегами, барымтой. Иногда обнищавшие, недовольные казахские крестьяне в одиночку или группами нападали на табуны феодалов и угоняли скот. Угон скота у феодала беднотой считался воровством, грабежом, и за него жестоко карали.

Вспыхивали и крестьянские восстания, но они были мало характерны для казахского патриархально-феодального общества. Специфическая особенность крестьянской борьбы в Казахстане, как колонии, состояла в том, что, выступая против своих феодалов, трудящиеся массы вместе с тем выступали и против царизма, на службе у которого находилась феодальная верхушка. Поэтому в ходе выступления трудящиеся массы име-

ли против себя не только реакционные силы местных феодалов, но и вооруженные силы царского правительства. Крестьянские выступления против феодалов приобретали, таким образом, черты национально-освободительной борьбы.

Важным этапом в национально-освободительной борьбе казахов было их участие в крестьянском восстании Емельяна Пугачева 1773—1775 гг. Восстание яицких казаков быстро распространилось на все Приуралье, вызвав волнения среди казахов. Сам Пугачев, придавая большое значение участию казахов в восстании, обратился к ним с воззванием, обещая даровать землю и свободную жизнь. Часть казахов примкнула к Пугачеву и вместе с башкирами участвовала в сражениях с царскими отрядами. Жители аулов снабжали войска Пугачева скотом для продовольствия. Группы казахов по своей инициативе нападали на форпосты, расположенные внутри линии, доходя до Новоузенска и берегов Волги. Однако от широкого участия в восстании Пугачева казахов удерживала феодальная верхушка Младшего жуза во главе с ханом Нурали, который регулярно доносил о намерениях казахов царским властям и требовал посылки карательных отрядов против своих подданных.

После подавления восстания Пугачева в 1775 г. казахи долгое время не верили, что он казнен, и ждали его появления в степи, чтобы снова начать борьбу против царизма.

Одно из крупных крестьянских восстаний против феодального и колониального гнета произошло в 1836—1837 гг. под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в Букеевской орде. Оно было подавлено царскими карательными отрядами. В 1857 г. произошло восстание в районе форта Казалы на Сыр-Дарье, вызванное притеснениями местных чиновников и изъятием пашен. Восставшие осадили форт Казалы, но были разбиты подошедшими из Перовска (Ак-Мечеть) войсками. Такое же локальное стихийное крестьянское восстание против колониального гнета произошло в 1871 г. на Мангышлаке.

Господство экстенсивных форм хозяйства и патриархально-феодальных отношений определяло и культурную отсталость трудящихся казахов. Опираясь на баев-полуфеодалов, царизм, не заинтересованный в развитии культуры народа, стремился консервировать отсталость Казахстана как в экономическом, так и в культурном отношении. Массы оставались в темноте и невежестве. Население было сплошь неграмотным, только в среде господствовавшего класса и мусульманского духовенства встречались грамотные.

Отсталым патриархально-феодальным отношениям соответствовали игравшие большую роль в духовной жизни примитивные верования, характерные для периода разложения доклассового общества, сочетавшиеся с феодальной религией—исламом. Пережитки домусульманских верований были весьма сильны в народе, в некоторых случаях они были едва прикрыты мусульманской оболочкой.

У казахов сохранялись культ неба (*көк тәңір*), культ предков, культ огня. Культ неба к XIX в. уже сочетался с мусульманским представлением о едином боге — аллахе. Было распространено верование, что многие несчастья являются результатом гнева небесного. Особенно устойчивой была вера в духов умерших предков (*аруақ*), которые якобы являлись покровителями и защитниками своих живых родственников. Почитание умерших находило выражение в тщательном оберегании могил предков и в уважении к ним. На могилах ставили памятники: богатые—из камня и глины (*мола, мазар*), бедняки — в виде груды камней или высокого шеста, к которому привязывали пучок конских волос. На могилах предков приносили жертвы, клали на них кости животных. Казахи верили в очистительную силу огня и выполняли обряд очищения. Очищающийся должен был пройти между двух огней (*аластау*). С этой же целью иногда при

отправлении на летние пастбища прогоняли скот между двух костров. То же делали во время эпизоотии. Огонь считался покровителем жилища, нельзя было его топтать, плевать в костер. Молодая жена, вступавшая в юрту мужа, совершала обряд поклонения очагу.

Казахи верили также в сверхъестественные существа в образе мужчин и женщин—джиннов и пери, в злых духов (*албасты*), в наносящие вред существа с медными когтями (*жез тырнақ*), леших (*сөрес*), великанов (*дәу, алып*). Для ограждения от злых духов пользовались различными амулетами (*тұмар*), заговорами. Особая защитная роль приписывалась филину (*үкі*). Значительная часть амулетов была из его перьев или когтей (*үкі аяқ*). Заговоры нередко сопровождались мусульманскими молитвами.

Казахские шаманы (*бақсы*) считались обладающими способностью общаться с духами и изгонять их из тела больного. Камлание сопровождалось игрой на смычковом инструменте (*қобыз*), которой шаман якобы вызывал своих духов-помощников. Злых духов он изгонял громкими дикими криками, ударами по телу больного рукой или кусками мяса. После камлания шаман уводил больного в степь, где протаскивал его через шкуру с костями козла или овцы, затем оба возвращались, не оглядываясь, в юрту. Считали, что после этого болезнь оставалась вместе со шкурой в степи. Иногда при камлании шаманы читали также мусульманские молитвы или призывали святых.

Ислам впервые проник в южные районы Казахстана в VIII—IX вв., после завоевания арабами Средней Азии, и стал одной из религий оседлого населения земледельческого Юга. Дальнейшее распространение он получил в южных районах в X—XI вв. в период Караханидов.

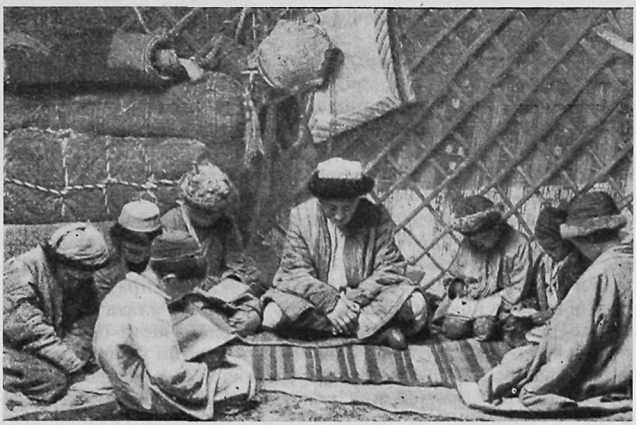
После образования в XVI в. казахских ханств ислам стал господствующей религией феодальных верхов казахского общества, однако в гущу народных масс он проникал медленно. Влияние ислама усилилось после присоединения Казахстана к России в XVIII — начале XIX в. В период колонизации царизм в своих интересах укреплял позиции ислама в Казахстане. Специальными указами царское правительство предлагало строить мечети и посылать в казахские роды мулл. Одновременно и казахская знать, стремясь закрепить господствующее положение и свои феодальные привилегии, тоже ратовала за насаждение ислама в низах, для чего предпринимала постройку мечетей и мусульманских религиозных школ. К середине XIX в. мечети имелись в большинстве возникших в Казахстане городов и во многих русских торговых пунктах. Почти в каждом казахском роде или отделении имелись муллы. Наибольшее распространение ислам получил в близких к России районах.

Со второй половины XIX в. царское правительство изменило свое отношение к исламу и стало стремиться ограничить его распространение и влияние. По положениям 1868 и 1891 гг. казахам разрешалось иметь только одного муллу на волость и запрещалось строить мечети без разрешения русских властей, были запрещены также принудительные сборы в пользу мулл.

В начале XX в., в связи с развитием панисламизма и пантюркизма среди народностей России, исповедовавших ислам, царское правительство заняло по отношению к нему резко отрицательную позицию.

Ограничивая влияние ислама, царское правительство одновременно обращало серьезное внимание на расширение миссионерской деятельности в казахской степи и насаждение среди казахов христианства. Провозгласив принцип «просвещения инородцев» на родном языке, оно пыталось путем крещения и русификации казахов добиться внедрения через христианство идеологии самодержавия. Однако попытки в этом направлении дали ничтожные результаты.

Присоединение к России открыло возможность проникновения в Казахстан более передовой культуры русского народа. Влияние и воздейст-



В мусульманской школе. Семиречье. 1907 г.

вие передовой экономики и культуры России содействовало повышению культурного уровня населения. В 1789 г. в Омске была открыта «азиатская» школа, готовившая из детей казахов переводчиков и чиновников для местной администрации. Представителям казахской знати был открыт доступ в войсковые училища и кадетские корпуса. В 1841 г. была организована школа в Букеевской орде, в 1850 г.— семилетняя школа для казахских детей в Оренбурге.

В дальнейшем с каждым годом число школ увеличивалось. После введения положения 1868 года было открыто много так называемых русско-киргизских (русско-казахских) школ. Школы эти, независимо от желания царского правительства, ставившего перед ними задачу русификации народа, играли прогрессивную роль в приобщении казахов к культуре русского народа.

Одновременно во второй половине XIX в. в Казахстане были открыты первые больницы и введено оспопрививание, которое ослабило эпидемии оспы. Карантины, устанавливаемые во время эпидемий, ограничили распространение холеры, чумы, тифа.

В конце XIX — начале XX в. в Казахстане начали выходить первые газеты и книги на казахском языке. Формировалась казахская интеллигенция, испытывавшая сильное влияние передовой русской демократической культуры. В XIX в. появились первые казахские просветители: талантливый востоковед Чокан Валиханов (1835—1865 гг.); педагог-просветитель, последователь Ушинского — Ибрай Алтынсарин (1841—1889 гг.); поэт, классик казахской литературы Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.).

Передовые слои казахского общества видели единственно верный путь для выхода из вековой темноты и невежества в сближении с русским народом и в приобщении казахов к русской культуре. «Изучай культуру и искусство русских,— говорил Абай Кунанбаев,— это ключ к жизни».

Большое значение для проникновения русской культуры в Казахстан имела деятельность передовых русских ученых — исследователей Азии: географа П. П. Семенова-Тян-Шанского, географа Н. А. Северцова, военного историка М. И. Венюкова, востоковедов Г. Н. Потанина, Н. А. Аристова, писателя В. И. Даля. В отличие от реакционных правительственных кругов они с большой теплотой отзывались о казахском народе и искренне желали его просвещения. Через их труды передовые слои

русского общества знакомились с Казахстаном, с населяющим его народом и его культурой.

Казахские крестьяне, соприкасаясь с населением русских сел и станиц, заимствовали у него навыки земледелия. В хозяйство казахов, особенно зажиточных, начали проникать русские земледельческие орудия, орудия ремесла. Скотоводы на севере Казахстана одновременно с частичным переходом к стойловому животноводству стали предпринимать первые попытки улучшения пород разводимого скота.

Проникновение русской культуры вызывало реальные сдвиги не только в быту и хозяйстве, но и в психическом складе казахов. В близких к России районах, в особенности у оседлых казахов, появилось стремление жить «как русские» (*орысша*). Усиливалась тяга к образованию; постепенно, в связи с изменением бытового уклада, начали отмирать многие из традиционных обычаев и норм обычного права, например плата за кровь—*құн*.

В связи с развитием наемного труда и уходом части обедневшего населения на заработки в русские города и села у этой части населения постепенно нарушалось традиционное представление о единстве рода, могуществе родственных связей и о власти родовых биев и старшин.

Постоянное общение казахов с русским населением, в особенности совместный труд на заводах и рудниках, укрепляли дружбу казахского и русского народов. Эта дружба росла и крепла не только в процессе совместной трудовой деятельности, но главным образом в борьбе против безудержной эксплуатации. Так, уже в конце XIX в. на ряде предприятий Казахстана происходили забастовки казахов и русских. Одной из первых была забастовка на Зыряновских медных рудниках 5 марта 1898 г. Более значительные забастовки произошли в годы промышленного кризиса 1901—1903 гг. Так, в июне 1903 г. объявили забастовку более 3 тыс. рабочих Экибастузских каменноугольных копей Воскресенского общества. В декабре 1903 г. произошли забастовки и в других местах Казахстана. Во время этих забастовок рабочие-казахи выступали совместно с русскими.

Революционное движение в России оказывало большое влияние на трудящихся Казахстана, в том числе и на его молодой промышленный пролетариат. Казахский народ включался в революционную борьбу русского пролетариата против общего врага — царского самодержавия. Весной 1905 г. по Казахстану прокатилась волна забастовок рабочих и служащих. На этот раз рабочие не ограничились уже экономическими требованиями, как это было раньше, а выдвинули и политические требования. На Успенском руднике забастовкой в декабре 1905 г. руководил созданный рабочими «Русско-киргизский союз». Забастовка кончилась победой рабочих: хозяева вынуждены были частично снизить цены на товары, повысить заработную плату и удовлетворить ряд других требований рабочих.

В 1905 г. в Казахстане возникли первые большевистские организации и кружки, развернувшие революционную работу среди трудящихся. Наиболее крупная социал-демократическая организация была создана в г. Уральске. Она имела связь с Петербургским комитетом РСДРП и Центральным Комитетом.

Забастовочное движение не утихало и после первой буржуазно-демократической революции. Революционная борьба не прекращалась и во время национально-освободительного восстания казахов в 1916 г.

В годы первой мировой войны колониальный гнет усилился. Царское правительство ввело обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов, увеличило земские сборы и налоги. Производились реквизиции скота, кошем, кож, фуража. Одновременно усилились произвол, взяточничество и воровство чиновников, наживавшихся на поставках армии. В городах снизилась заработная плата, возросли цены. В связи с этим на некоторых предприятиях вспыхнули забастовки, в городах — бунты солдаток. Росло недовольство в казахском ауле, особенно усиливавшееся в свя-

зи с тем, что в эти годы продолжалось еще в большем объеме изъятие казахских земель.

25 июня 1916 г. царское правительство издало указ «О реквизиции» в армию на тыловые работы казахов, узбеков, туркмен и др. В списки лиц, подлежащих набору, включалась только беднота, так как байство фактически вследствие ряда льгот было освобождено от мобилизации. Этот указ переполнил чашу терпения казахского народа. В Казахстане вспыхнуло национально-освободительное движение. Первоначально оно охватило всю Семиреченскую область, где восстали также и киргизы. Одним из руководителей восставших в Семиречье был Токаш Бокин. Однако здесь в отдельных районах феодально-клерикальные элементы спровоцировали реакционные антирусские выступления.

Наибольшего подъема восстание достигло в Тургайской области. Повстанцы под руководством Амангельды Иманова осадили г. Тургай. Царское правительство, встревоженное размахом восстания, вынуждено было снять с фронта несколько казачьих полков и направить их на подавление восстания. К концу 1916 г. во всех областях, кроме Тургайской, восстание было жестоко подавлено. Сотни аулов были уничтожены, десятки тысяч людей погибли от рук карателей. Из Семиреченской области более 300 тыс. казахов и киргизов бежали в пределы Китая, в Кульджинский край и Кашгарию. Активное участие в борьбе с повстанцами и в расправе с ними принимали буржуазные националисты и казахские баи.

В Тургайской области, после неудачной осады Тургая, повстанцы ушли в глубь степей, где их застала февральская революция.

* * *

После февральской революции в Казахстане, как и во всей стране, создалось двоевластие. Наряду с органами Временного правительства образовались Советы рабочих и крестьянских депутатов. Особенностью двоевластия в Казахстане было то, что органы Временного правительства опирались здесь не только на русскую буржуазию и кулачество, но и на феодально-байскую верхушку казахского аула и на формировавшуюся казахскую буржуазию. Казахские буржуазные националисты в июле 1917 г. оформились в партию «Алаш».

Временное правительство в Казахстане продолжало проводить колониальную политику царизма. По-прежнему велась расправа с участниками восстания 1916 г.; по-прежнему действовали органы Переселенческого управления, отмежевывая у казахов лучшие земли.

Процесс революционной мобилизации широких народных масс в Казахстане развивался под непосредственным влиянием революционных событий в центральной России. Росло влияние большевиков в Советах. Этому способствовали возвращавшиеся в аулы солдаты-фронтовики и участники тыловых работ в районах действующей армии.

Ярким показателем роста политического сознания и активной мобилизации народных масс летом и осенью 1917 г. явились массовые выступления трудящихся и забастовки в ряде городов и промышленных центров Казахстана — на Риддере, Экибастузе, Эмбе, в Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре, Лепсинске — против контрреволюционного Временного правительства и эсеро-меньшевистского руководства в Советах; население же деревень и аулов поднималось против кулаков и баев, отбирая у них землю и скот.

Установлению Советской власти в Казахстане способствовали разгром корниловского мятежа и революционные события в сентябре 1917 г. в Ташкенте.

Осенью 1917 г. руководство Советами рабочих и солдатских депутатов в Оренбурге, Перовске (Кзыл-Орда) и Петропавловске перешло к больше-

виками. В ноябре 1917 г. Советская власть была установлена в Сыр-Дарьинской области, в декабре 1917 и январе 1918 г.— в Акмолинской и Семипалатинской областях.

Наибольшей остроты борьба за установление Советской власти достигла в Тургайской и Семиреченской областях. Здесь англо-американским империалистам удалось организовать через своих агентов контрреволюционные очаги в виде «войсковых» и «национальных» правительств. С помощью меньшевиков, эсеров и казахских буржуазных националистов — алаш-ордынцев атаман Дутов захватил власть в Оренбурге. Однако уже в январе 1918 г. Красная гвардия освободила Оренбург. Вслед за этим Советская власть была установлена во всей Тургайской области.

В результате руководимого большевиками вооруженного восстания в Верном (март 1918 г.) установилась Советская власть и в Семиречье. В Уральской области развернулась вооруженная борьба местного Совета, возглавляемого большевиками, против контрреволюционного «Войскового правительства» Уральского казачьего войска.

В 1918—1920 гг. империалисты Антанты, во главе с США, попытались отторгнуть Казахстан и Среднюю Азию от Советской России, реставрировать там феодально-капиталистические порядки и превратить эти территории в свои колонии. С помощью белогвардейцев, буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров они организовали антисоветские мятежи и военные походы. Однако в результате успешных боевых действий Красной Армии на Восточном фронте в январе 1919 г. были освобождены захваченные белогвардейцами Оренбург и Уральск и восстановлена железнодорожная связь с Советской Россией. В Тургайской области большую работу по организации национальных частей Красной Армии провел Амангельды Иманов. В конце 1919 — начале 1920 г. советские войска во главе с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым разгромили армию Колчака, а затем и уральских белоказаков, ликвидировав Актюбинский и Уральский фронты.

Активную помощь Красной Армии в борьбе против контрреволюционных белогвардейских войск оказывали широко развернувшие свои действия партизанские отряды, руководимые большевиками.

В марте 1920 г. советские войска разгромили последнюю на территории Казахстана белогвардейскую армию на Семиреченском фронте.

В 1920 г. агенты иностранных империалистов подготовили в Верном кулацкий мятеж. Но и этот мятеж был подавлен при активном участии уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта Д. А. Фурманова.

Уже в ходе революции и установления Советской власти в Казахстане казахи вместе со всем советским народом приступили к социалистическому строительству. Были созданы новые органы власти — Советы, проводилась национализация земли, промышленности, транспорта и банков. Советская власть, опираясь на союз рабочего класса и крестьянства, создавала новые, социалистические формы хозяйства, преодолевая ожесточенное сопротивление отживающих классов.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России спасла казахский народ от империалистической эксплуатации и закабаления, создала условия для его национального возрождения и консолидации в социалистическую нацию.

На основе указаний Коммунистической партии и Советского правительства в Казахстане шла подготовка к образованию советской автономии. 26 августа 1920 г. В. И. Лениным и М. И. Калининым был подписан декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР о создании Киргизской (первоначальное название будущей Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики в составе областей Семипалатинской, Акмолинской,

Тургайской, Уральской (и части Астраханской губернии, населенной казахами). В октябре 1920 г. была образована Киргизская (Казахская) АССР, вошедшая в состав РСФСР.

В результате национально-государственного размежевания Средней Азии, проведенного в 1924 г., из состава Туркестанской АССР были выделены и вошли в Киргизскую (Казахскую) АССР части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, населенные преимущественно казахами. Присоединение этих областей завершило воссоединение казахского народа в единое национальное советское государство. В 1925 г. V съезд Советов Казахстана восстановил исторически правильное название казахов и соответственно изменил название республики, которая стала именоваться Казахской Автономной Советской Социалистической Республикой.

В соответствии с Конституцией СССР, принятой 5 декабря 1936 г. Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР, Казахская АССР была преобразована в союзную республику.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ под руководством Коммунистической партии, на основе советского государственного строя, в результате социалистического преобразования экономики, развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры консолидировался в социалистическую нацию.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Природные условия Бóльшая часть территории Казахстана представляет собой плоские равнинные пространства (низменности, невысокие плато), чередующиеся с мелкосопочником — невысокими округлыми холмами, остатками древней горной страны. Наиболее пониженные части территории лежат на западе и юго-западе — в Прикаспийской низменности. Южнее ее расположено невысокое плато Устюрт и горы Кара-Тау и Актау на п-ове Мангышлак. На востоке Мугоджарские горы и Подуральское плато отделяют Казахстан от обширной Туранской низменности, также окаймленной невысоким плато. К востоку рельеф постепенно повышается. Центральный Казахстан в основном занят мелкосопочником, который на севере, понижаясь, сливается с южной окраиной Западно-Сибирской низменности. Восток и юго-восток Казахстана заняты высокими хребтами, чередующимися с межгорными впадинами. Это Рудный и южный Алтай, с высотами свыше 4 тыс. м (в районе горы Белуха), Калбинский хребет, Саур и Тарбагатай. На юге — Джунгарский Ала-Тау с вершиной Кокжота (4463 м) и ряд хребтов Тянь-Шаня: Кетмень, Терскей Ала-Тау, Чу-Илийские горы и др. Наиболее крупные межгорные впадины — Балхаш-Алакольская, Зайсанская, Илийская, Иртышская и Чуйская.

Реки Казахстана, за исключением Иртыша, принадлежат к внутренним бассейнам морей Каспийского и Аральского, озер Балхаша, Зайсана, Марка-Куля и др. Они обычно имеют истоки в горных массивах, многие из них из-за сухости климата теряются в равнинах. Главные реки: Иртыш с притоками Тобол и Ишим; Урал и Эмба — бассейна Каспия; Сыр-Дарья — бассейна Аральского моря; Или, Каратал, Аягуз — бассейна Балхаша. Кроме них, на территории Казахстана протекают реки Чу, Сары-Су, Нура, Иргиз и другие, часть из них питает небольшие озера.

Природные условия Казахстана очень разнообразны. Климат резко континентальный и сухой, с резкими колебаниями температуры. На большей части территории республики за год выпадает менее 250 мм осадков. Наибольшей засушливостью отличаются области Приаралья, Прикаспия, Прибалхашья и некоторые районы Центрального Казахстана (Бет-Пак-Дала).

В районах предгорий и гор, а также на южной окраине Западно-Сибирской низменности количество осадков значительно выше, здесь вполне возможно богарное (бесполивное) земледелие.

На севере страны простираются разнотравно-злаковые степи на обыкновенных и южных черноземах с островками древесной растительности (березовыми колками и сосновыми рощами). В целом черноземы занимают немногим более 7% площади Казахстана. Южнее расположена значительная полоса равнинного Казахстана, характеризующаяся преобладанием почв каштанового типа и совпадающая с зоной сухих ковыльно-типчаковых и полынно-типчаковых степей. Далее идет зона бурых и серо-бурых почв с полынно-злаковыми степями и полынно-солянковыми пустынями. Эта зона занимает около 35% территории республики. Тут широко распространены голые пески и солончаки, занимающие до 16% площади Казахстана. На юге, в зоне предгорий, развиты сероземы на толщах лёссовых отложений. Горные районы Казахстана в зависимости от высоты имеют несколько почвенно-растительных зон: степь, лесостепь, горные леса, высокогорные альпийские луга. Выше них расположены ледники.

Богат и разнообразен животный мир Казахстана. Многочисленны виды водящихся здесь птиц. В степях и пустынях много грызунов: хомяки, сурки, суслики, зайцы, встречаются крупные копытные звери — сайга, джейран, марал. Из хищников водятся волки, гиены, лисицы, шакалы, еще недавно в камышовых зарослях Балхаша и пойме Сыр-Дарьи встречались тигры. Реки и озера изобилуют рыбой.

Недра Казахстана скрывают разнообразные и богатые залежи полезных ископаемых: каменный уголь, нефть, цветные металлы, золото, железные руды, редкие металлы, химическое сырье. По запасам меди, свинца, цинка, никеля Казахстан занимает первое место в СССР, по нефти — второе, по углю — третье.

Казахстан обладает богатыми природными ресурсами, обеспечивающими возможность широкого развития народного хозяйства. Обширные травянистые степи и высокогорные луга издавна служили базой для животноводства. Северные степи и лесостепи, области предгорий на востоке и юге Казахстана благоприятны для развития земледелия. Огромные запасы водной и других видов энергии и полезных ископаемых создали предпосылки для развития промышленности и способствовали быстрому превращению отсталого аграрного Казахстана в индустриальную страну.

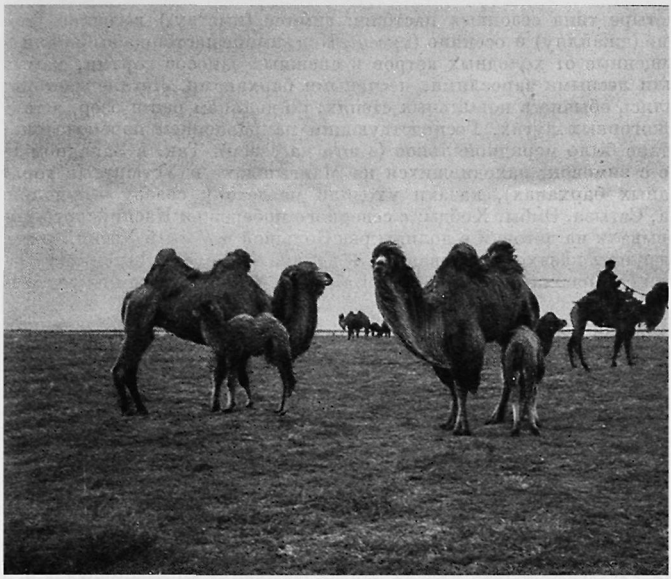
Сельское хозяйство в прошлом

На протяжении многих веков основной отраслью хозяйства казахов являлось кочевое скотоводство, базировавшееся на круглогодичном пастбищном содержании скота и целиком зависевшее от природных условий.

Состав стада определялся, с одной стороны, значением того или иного вида скота в домашнем хозяйстве казахов, а впоследствии, с развитием торговых связей с Россией, и потребностями рынка, а с другой — особенностями и количеством пастбищ и степенью приспособленности к ним местного скота. Основными видами скота, разводимого казахами, были овцы, лошади, крупный рогатый скот и верблюды; держали также немного коз.

Ведущее место по хозяйственному значению и количеству занимали овцы. Разводили преимущественно грубошерстных курдючных овец. Мясо и молоко их служили пищей. Огромное значение в хозяйстве казаха-кочевника имели овечья шерсть, овчина, мерлушка. Вместе с тем овца являлась предметом обмена и долгое время служила в степи эквивалентом стоимости, заменявшим деньги.

Не менее важную роль в хозяйстве казахов играло коневодство. Лошадь служила основным средством передвижения. Из молока кобылиц приготовляли кумыс — и в наше время излюбленный казахами напиток; мясо лошади, особенно жеребенка, служило лакомым кушаньем. Шкуры



Двугорбые верблюды на пастбище. Южный Казахстан

кожи, конский волос широко применялись для изготовления многих предметов быта. Казахские лошади отличались большой выносливостью и нетребовательностью к уходу и корму и сравнительно легко переносили суровые условия круглогодичного выпаса.

Верблюдоводство было особенно развито в южных, центральных и западных пустынных и полупустынных районах Казахстана. При скудости пастбищ и водных источников в этих местах верблюды имели огромное хозяйственное значение: они были незаменимы для перекочевок и перевозки грузов. В Казахстане разводили одногорбых верблюдов (*нар*) и двугорбых (*айыр өркеш*), существовали различные помеси и разновидности этих пород. Особенно ценились одногорбые верблюды, наиболее сильные и выносливые. Помимо использования верблюдов как транспортных животных, казахи снимали с них шерсть, доили верблюдиц; питательный и вкусный напиток из верблюжьего молока (*шұбат*) местами служил летом основной пищей населения.

Крупный рогатый скот до середины XIX в. занимал в казахском хозяйстве довольно незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма из-под снега. Его разводили преимущественно бедняки, имевшие очень мало скота и утратившие возможность кочевать, а также некоторые богатые скотоводы, оставлявшие свой рогатый скот и летом на призимовочной территории под ответственность зависевших от них бедняков. На зиму для него заготовляли сено и камыш. Из-за плохих условий содержания скот этот отличался малым живым весом и низкой продуктивностью (40—50 ведер молока за период удоя).

На основе многовекового опыта ведения скотоводческого хозяйства казахи выработали рациональный порядок чередования пастбищ, приемы и методы выпаса домашних животных. Вся территория выпасов делилась

на четыре типа сезонных пастбищ: зимние (кыстау,) весенние (*көктеу*), летние (джайляу) и осенние (*күзеу*). Под зимние пастбища выбирали места, защищенные от холодных ветров и снежных заносов горами, камышовыми или лесными зарослями, песчаными барханами. Летние пастбища находились обычно в ковыльных степях, по долинам рек и озер, а также на высокогорных лугах. Господствующим направлением перекочевок в Казахстане было меридиональное (с юга на север). Так, в Западном Казахстане с зимовок, находившихся на Мангышлаке и Устюрте (в горах или песчаных барханах), казахи уходили на лето к северу — в долины рек Уила, Сагыза, Эмбы, Хобды; с северного побережья Каспийского моря откочевывали на летовки в долины рек Большой и Малый Узени. Значительные группы казахов, зимовавшие в долинах рек Сыр-Дарьи, Чу, Таласа, Или, в прибрежных камышах оз. Балхаша, уходили летом на север Казахстана.

В горных районах Восточного и Южного Казахстана практиковалась вертикальная система кочевания, при которой летовки находились на альпийских лугах, а зимние пастбища в предгорьях.

Радиус перекочевок был различен и достигал иногда значительных расстояний. В XVIII в. зажиточные казахи Младшего и Среднего жузов совершали перекочевки на расстояние в 1000—1200 км, а казахи Старшего жуза — на 200—300 км. Места стоянок наиболее сильных и многочисленных родов и их отделений находились всегда на одной и той же территории, а кочевые пути были строго определены и на них никто не мог посягать.

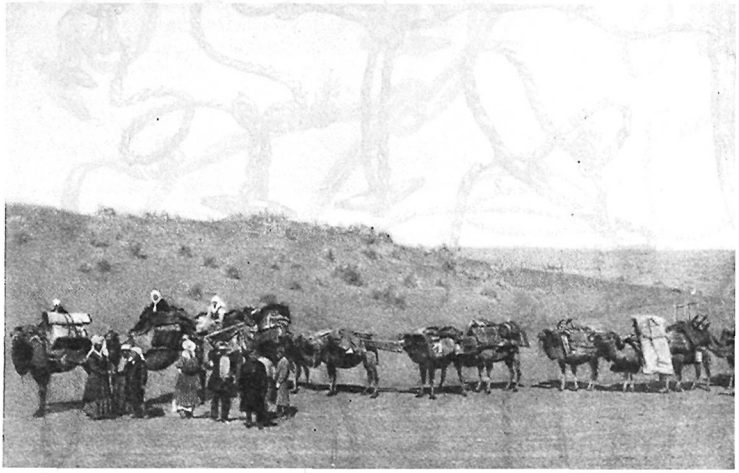
Необходимость содержания скота на пастбищах в течение круглого года вынуждала казахов-скотоводов к постоянному кочевому образу жизни. С наступлением весны казахи спешили покинуть зимовку — кыстау, так как зимние пастбища были истощены, а скот к этому времени обычно был изнурен длительным полуголодным режимом питания. Время перехода на весенние пастбища в различных местах Казахстана зависело от климатических условий, характера весны. В южных районах с зимовок уходили, начиная с февраля, но в основном откочевывали в первой половине марта.

После суровой и трудной зимы перекочевка на весенние пастбища была для казахов настоящим праздником. В назначенный день на верблюдов навьючивали юрты и домашние вещи. Шествие каравана (*көш*) открывали девушки в ярких цветных нарядах, сидящие на конях. Празднично одетые женщины с детьми ехали на верблюдах. За верблюдами двигался байский скот под присмотром едущих верхом батраков. Вперед высылали конные дозоры, чтобы разведать безопасные пути, состояние пастбищ, водопоев, наметить места стоянок. Следом за богатыми байскими кошами шли коши середняков и верблюды с жалким скарбом бедняков.

Отощавший за зиму скот не был в состоянии совершать длительные переходы, поэтому вначале аулы проходили не более 10—15 км в день и останавливались на отдых где-нибудь у естественного водоема или колодца. К концу марта — началу апреля аулы достигали весенних выпасов. Здесь скот отдыхал и поправлялся на молодой траве. На весенних пастбищах происходил окот овец, приносили приплод верблюдицы и кобылицы.

Появление молодняка и первого молока у домашних животных казахи отмечали угощением. Так, согласно обычаю, очевидно, весьма древнего происхождения, после появления на свет первого верблюжонка хозяин приглашал соседей и угощал их молозивом верблюдицы (*ұыз*).

На весенних пастбищах стригли овец, снимали с верблюдов шерсть, приучали к седлу гулевых трехлеток и четырехлеток. В мае готовили стада к перекочевке на джайляу: метили ягнят, козлят и годовалых жеребят, разбивали на косяки (*үйір*) конские табуны. В конце мая — начале



Перекочевка аула. Юго-западные Кызылкумы

июня, в зависимости от характера весны, казахи отправлялись на летние пастбища.

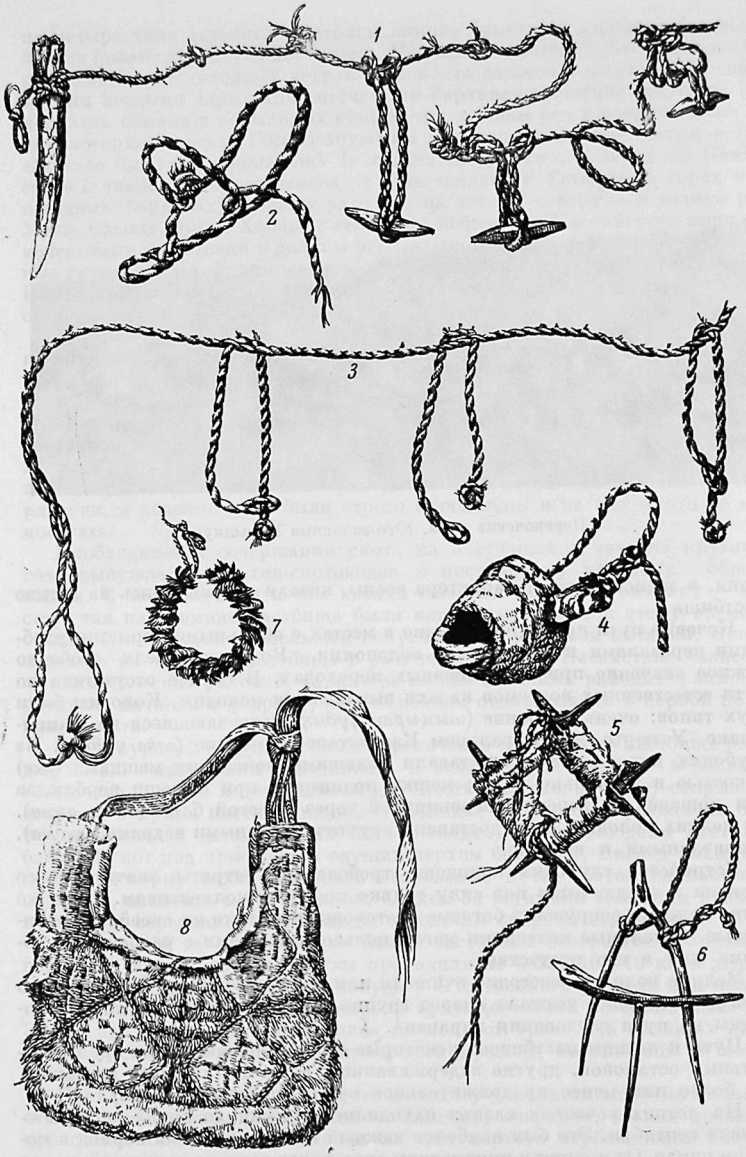
Кочевые пути проходили обычно в местах с обильными кормами, удобными перевалами и хорошими водопоями. Водопои имели особенно важное значение при многодневных переходах. В случае отсутствия по пути естественных водоемов казахи выкапывали колодцы. Колодцы были двух типов: очень глубокие (*шыңырау құдық*), встречающиеся на Мангышлаке, Устюрте, в Центральном Казахстане, и мелкие (*саяз құдық*). Из глубоких колодцев воду доставали большими кожаными мешками (*мес*) емкостью в несколько ведер; мешки поднимали при помощи верблюдов или лошадей на веревке, перекинутой через простой блок (*айыр агаш*). Из мелких колодцев воду доставали вручную кожаными ведрами (*қауға*), привязанными к веревке.

Устройство глубоких колодцев, требовавшее затраты значительного времени и труда, было под силу только крупным коллективам. Нередко такие колодцы сооружали богатые скотоводы и считали их своей собственностью. Остальные кочевники могли пользоваться ими с разрешения хозяина или в его отсутствие.

Мелкие колодцы ежегодно очищали или же рыли новые. За несколько дней до откочевки уезжала вперед группа мужчин, которая готовила колодцы на пути следования каравана.

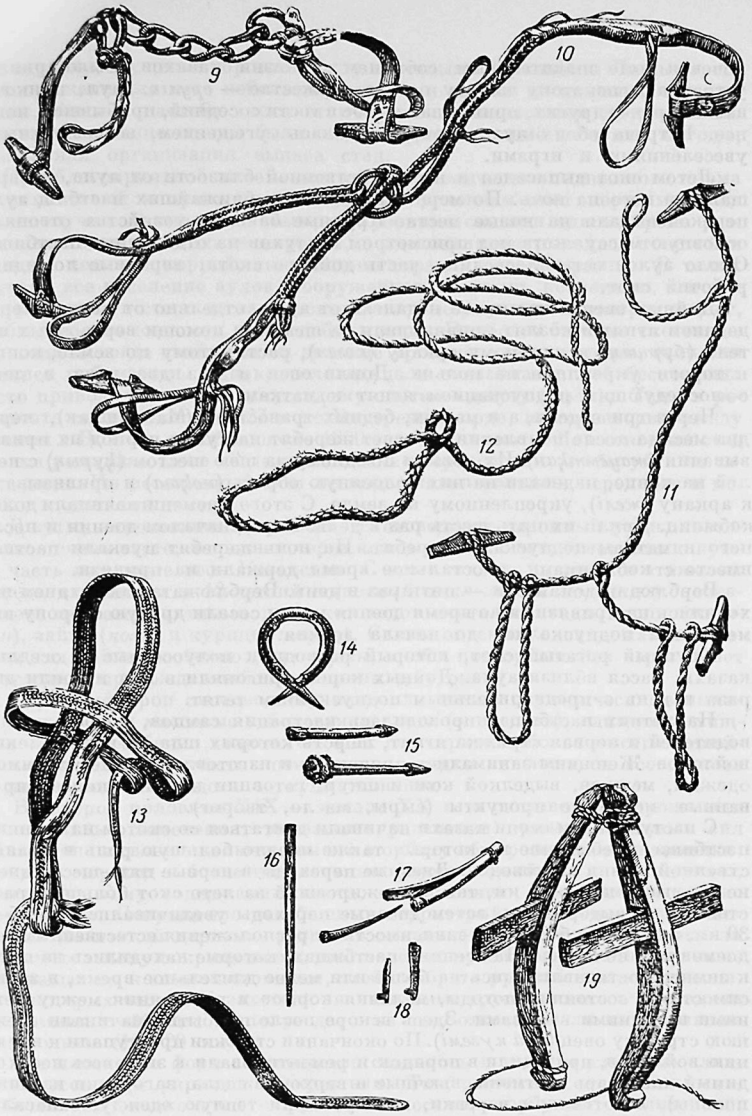
Путь к летним пастбищам некоторые аулы проходили без продолжительных остановок, другие задерживались, встречая хорошее пастбище, на более или менее продолжительное время (до двух недель).

На летних кочевьях казахи находились с июня до конца августа — начала сентября. Это был наиболее важный и ответственный период в кочевом цикле. От умения и инициативы скотоводов зависел успешный нагул скота, подготовка его к предстоящей суровой зиме. Вместе с тем после трудностей зимнего выпаса скота жизнь на джайляу летом, благодаря сравнительной легкости ухода за скотом и обилию молочных продуктов, была самым привольным временем для кочевников. Прибытие на летние



Предметы, связанные с животноводством у казахов и киргизов XVIII

1—«джеле» (казах. «желі»)—привязь для жеребят из конского волоса и шерсти. Киргизы, Каракольский уезд; *2*—«ноктo» (казах. «ноқта»)— оброть для жеребенка. Киргизы, Семиречье; *3*—«коген»—привязь из шерсти для ягнят и козлят. Казахи, Акмолинская область; *4*—«томылдырык» (кирг. «шырге») —войлочный намордник для телят, предохраняющий от высасывания молока у коровы. Казахи, Акмолинская область; *5*—разновидность «томылдырык». Там же; *6*—«сирге» (кирг. «шырге»)—намордник для теленка. Казахи, Семипалатинская область; *7* — связка меток овец (срезы с ушей). Киргизы, Семиречье; *8*—«куйек» (кирг. «бельдик»)—надевавшийся на барана войлочный передник, препятствовавший несвоевременной случке. Казахи, Семипалатинская область;



9 — «тасау» (кирг. «кишен») — железные конские путы с ременными петлями (только на две передние ноги лошади). Казахи, Семипалатинская область; *10* — «шидер» (кирг. «чидер») — конские путы ременные. Казахи, Семипалатинская область; *11* — «шидер» — конские путы из шерстяного аркана. Казахи, Акмолинская область; *12* — аркан из конского волоса с петлей на конце для привязи коров. Казахи, Семипалатинская область; *13* — «нокта» (кирг. «нокго») — оброть для верблюда, сшитая из крученых волосяных полос. Казахи, Семипалатинская область; *14*—«чюлюк»—деревянное кольцо, продеваемое в носовую перегородку быка. Киргизы, Семиречье; *15* —«мурындык»(кирг. «буйла»)—деревянные стержни, продеваемые сквозь носовую перегородку верблюда и служащие для управления им. Казахи, Актюбинская область; *16* — деревянная палочка для удаления червей из ран овец. Казахи, Актюбинская область; *17* — «кашкан» и «истик»—деревянные инструменты для кастрации молодых жеребцов. Казахи, Семипалатинская область; *18* —«пранкы»— железный инструмент для кровопускания лошадям и мелким животным. Казахи, Семипалатинская область; *19* — «жаулр сагаш»—деревянное приспособление, надеваемое на шею лошади для предохранения от расчесывания ран. Казахи, Акмолинская область

кочевья было значительным событием в жизни казахов. Было принято устраивать по этому поводу особое торжество — *ерулік*: аул, прикочевавший ранее других, приглашал к себе в гости соседний, прибывший позднее. Встреча обоих аулов сопровождалась угощением, всевозможными увеселениями и играми.

Летом скот выпасался в непосредственной близости от аула, возвращаясь в него на ночь. По мере стравливания ближайших пастбищ аулы перекочевывали на новые места. Крупные байские хозяйства отгоняли основную массу скота под присмотром пастухов на отдаленные пастбища. Около аулов оставалась лишь часть дойного скота, верховые лошади и рабочий скот.

Дойных овец и коз пасли недалеко от аула, отдельно от ягнят. Перед доением ягнят и козлят привязывали за шею при помощи веревочных петель (*бұршақ*) к длинному аркану (*көген*), растянутому по земле, концы которого укрепляли на кольях. Доили овец и коз два раза в день с последующим подпусканием ягнят к маткам.

Через три недели, а в местах, бедных травостоем (Мангышлак), через два месяца после появления на свет жеребят наступал период их привязывания (*жаусытқан*). Их ловили по одному за шею шестом (*құрық*) с петлей на конце, надевали на них волосяную оброть (*ноқта*) и привязывали к аркану (*желі*), укрепленному на земле. С этого времени начинали доить кобылиц. Доили их пять-шесть раз в день. Перед началом доения и после него к маткам подпускали жеребят. На ночь жеребят пускали пастись вместе с кобылицами, а остальное время держали на привязи.

Верблюдиц доили три — пять раз в день. Верблюжата также днем находились на привязи, а во время доения матки сосали другую сторону вымени *или подпускались до начала доения.*

Крупный рогатый скот, который разводили полуоседлые и оседлые казахи, пасся вблизи аула. Дойных коров пригоняли в аул и доили два раза в день с предварительным подпусканием телят.

На летних пастбищах проводилась кастрация самцов, подбор производителей и первая стрижка ягнят, шерсть которых шла на изготовление войлоков. Женщины занимались прядением и изготовлением необходимой одежды, мешков, выделкой кож и шкур, готовили на зиму консервированные молочные продукты (сыры, масло, творог).

С наступлением осени казахи начинали двигаться со скотом на осенние пастбища, пребывание на которых также играло большую роль в хозяйственной жизни скотоводов. Дневные переходы в первые пять-шесть дней не превышали 10—15 км, так как ожиревший за лето скот бóльших расстояний не выдерживал, затем дневные переходы увеличивались до 25—30 км, а иногда и больше, в зависимости от расположения естественных водоемов или колодцев. На осенних пастбищах, которые находились на пути к зимним, останавливались на более или менее длительное время, в зависимости от состояния погоды, наличия кормов и расстояния между летними и зимними выпасами. Здесь вскоре после прибытия начинали осеннюю стрижку овец (*қой күземі*). По окончании стрижки приступали к валянию войлоков, приводили в порядок и ремонтировали к зиме весь необходимый инвентарь (кетмени, вьючные и верховые седла, загородки из чия, попоны), изготовляли веревки, тесьму, шили теплую одежду, запасали топливо, подготовляли к зиме жилища, помещения для скота. В октябре — начале ноября производили случку овец, коз и массовый забой скота для заготовки мяса на зиму (согым).

В ноябре, а в Южном Казахстане в декабре казахи возвращались на зимние стойбища. Корм на зиму до середины XIX в. не заготовляли или заготовляли в незначительных количествах, поэтому основная масса скота продолжала находиться на подножном корму, добывая его из-под снега. В сильные бураны и метели скот загоняли в камышовые или лес-

ные заросли, в ущелья гор или между песчаными барханами. Лишь изредка сооружали для него небольшие затиши и загоны из камыша, чия или камня. Зимняя пастьба скота отличалась значительными трудностями. При этом особенно важны были опыт, хорошее знание пастбищ, погоды, правильная организация выпаса стад.

При благоприятной зиме и достаточном количестве подножного корма неприхотливый и привычный к суровым условиям скот перезимовывал благополучно. В холодные зимы, с глубокими снегами или во время резких переходов от тепла к морозам, когда земля покрывалась толстой и прочной ледяной коркой, скот сильно страдал от бескормицы. В таких случаях все население аулов, вооруженное лопатами, кетменями, топорами, выходило в степь и старалось взломать корку льда и разгрести снег, чтобы дать возможность скоту добыть корм. Наиболее богатые скотоводы перегоняли тогда свой скот на дальние урочища или в камыши, если они имелись поблизости. Однако гололедица и связанная с ней бескормица часто приводили к массовому падежу скота — джуту (*жут*). Так, в результате тяжелой зимы 1827 г. во Внутренней орде, на территории между Уралом и Волгой, погибло около 1200 тыс. голов скота. Для спасения стад казахи решались даже на дальние зимние перекочевки, чтобы уйти от гололедицы. Но истощенный скот не выдерживал больших переходов и погибал десятками тысяч.

Джуты, наносившие казахскому скотоводству огромный урон, повторялись очень часто, в среднем через каждые 10—12 лет, охватывая какую-то часть или даже весь Казахстан. С этим связано поверье о «тяжелых годах», входивших в 12-летний животный цикл летоисчисления у кочевников; неблагоприятными для скотоводов считались годы мыши (*тышқан*), зайца (*қоян*) и курицы (*тауық*). Самым опасным, однако, казахи считали год зайца, особенно *үлкен қоян*, якобы повторявшийся через 35 лет и всегда сопровождавшийся жестоким джутом.

Огромный урон скотоводству наносили также периодически вспыхивавшие в степи массовые заболевания скота (эпизоотии), нападения хищных зверей, особенно волков. От этих бед страдала больше всего беднейшая и середняцкая часть кочевников, нередко лишавшаяся всего скота и тем самым — средств к существованию.

Во второй половине XIX — начале XX в. в скотоводстве произошли значительные изменения, вызванные развитием производительных сил Казахстана в связи с включением его в орбиту общероссийской экономики. Начался переход к более интенсивным формам хозяйства — земледелию, полустойловому содержанию скота, сенокошению, усилилось оседание кочевников. Сокращение пастбищных территорий, вызванное переселенческой политикой царизма, развитие сенокошения и земледелия привели к значительному сокращению длины кочевых путей. Казахи стали раньше возвращаться к зимним стоянкам, чтобы собрать урожай и накосить сена. В некоторых частях Казахстана значительные группы казахов проводили на зимних стойбищах до полугода, а на лето откочевывали на небольшие расстояния (10—20 км).

На изменении форм скотоводства сказалось и непосредственное влияние русских и украинских крестьян. Так, развитию сенокошения способствовало знакомство с русскими косами, горбушей и литовкой, намного облегчавшими и ускорявшими эту работу. В 1900 г. в трех уездах Семипалатинской области заготовкой сена занималось уже 75% хозяйств.

Со второй половины XIX в. казахи перешли к массовому строительству зимних помещений для скота. К концу XIX в. в Северном и Восточном Казахстане каждое самостоятельное хозяйство имело какое-то количество построек для скота на зиму. Хотя и в меньших размерах, но то же наблюдалось и в других частях Казахстана.

Изменение форм скотоводства отразилось и на составе стада. Все большее значение приобретал крупный рогатый скот, особенно в хозяйстве оседавших и полуоседлых казахов. Об этом говорят следующие цифры. В Верненском уезде в 1870 г. крупный рогатый скот составлял 3,1% всего поголовья, к 1911 г. его количество возросло до 5,92%. Еще показательнее было изменение стада в Семипалатинской области: в 1883 г. там было 3,65% крупного рогатого скота, а в 1909 г.— 55,06%.

Расширение рынка сбыта скота и продуктов скотоводческого хозяйства стимулировало превращение скотоводческого хозяйства из натурального в товарное. Если прежде торговля скотом и сырьем велась только частью феодально-байской верхушки, то теперь в нее включилась значительная часть средних хозяйств. В связи с увеличившимся спросом на отдельные виды скота и сырья наметилась специализация скотоводческих районов. В Кокчетавском и Кустанайском уездах широко развивалось коневодство, в Актюбинском уезде преобладало разведение крупного рогатого скота, а в полупустынных степях Атбасарского уезда — овцеводство. Отдельные байские хозяйства приступили к улучшению пород скота, повышению его продуктивности.

Многовековой опыт выращивания скота и ухода за ним помог кочевникам приобрести эмпирические знания в области лечения заболеваний домашних животных, из которых наиболее распространенными и губительными были сибирская язва (*топалаң* — у овец, *жамандат*— у лошадей, *қарабез* — у верблюдов), ящур (*аусыл*), сап (*маңқа*), заболевание от клещей (*зіл тұсу*). Сибирскую язву казахи лечили прижиганием каленым железом или срезанием больного места. При ящуре полость рта больного животного полоскали настоем сосновых углей и соли на керосине. Раны от укусов клещей лечили специальной мазью (*қыймайы*), которую приготовляли сами. Этой же мазью лечили чесотку овец, коз и верблюдов. Широкое применение в народной ветеринарии имели медный купорос, нашатырный спирт, семена некоторых дикорастущих трав. Однако положительные результаты от применения этих средств часто были ничтожными.

Научная ветеринария в дореволюционном Казахстане была слабо распространена. Первый ветеринарный врач был послан в Казахстан в 1841 г. Немногочисленные ветеринарные пункты и появившиеся позднее отдельные специалисты обслуживали главным образом хозяйства русского городского и сельского населения, а также отдельных представителей казахской знати. Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. ветеринарное обслуживание в Казахстане значительно улучшилось. Так, в 1900 г. только в Семипалатинской области работало уже 30 ветеринарных врачей и 32 ветеринарных фельдшера. Однако этого числа ветеринаров для эффективной борьбы с заболеваниями скота было явно недостаточно. Все эти улучшения не привели к коренным изменениям в скотоводстве, и оно по-прежнему сохраняло экстенсивный характер и полную зависимость от погоды.

* * *

Земледелие играло в хозяйстве казахов второстепенную роль. До XIX в. оно было слабо развито, хотя в Южном Казахстане — в Семиречье, на склонах Кара-Тау, по рекам Чу, Таласу и Сыр-Дарье, а также в верховьях Иртыша и местами в Центральном Казахстане (например, в Каркаралинском районе) издавна существовали очаги земледельческой культуры. Занимались земледелием преимущественно беднейшие казахи, лишившиеся скота. Феодальные междоусобицы, набеги внешних врагов (джунгар и др.) нередко служили причиной гибели земледельческих оазисов и разрушения оросительных сооружений.

Присоединение Казахстана к России, сопровождавшееся постепенным сокращением междоусобиц и ликвидацией угрозы нападений соседних фео-

дальных государств, а также непосредственное соседство русских и украинских переселенцев создали благоприятные условия для развития земледелия у казахов. В конце XVIII — начале XIX в. существовало земледелие у казахов Среднего и Младшего жузов в степном Казахстане, по рекам Эмбе, Темиру, Иргизу, Тургаю, в долинах Нуры и Иртыша, возле озер Кургальджина, Зайсана.

Вовлечение Казахстана в общероссийскую экономику вызвало во второй половине XIX в. серьезные сдвиги в хозяйстве казахов и в частности привело к значительному развитию земледелия, особенно в Северном, Северо-Восточном и Южном Казахстане, где оно сопровождалось полным или частичным оседанием бывших кочевников. Переход к оседлому земледелию обусловливался проникновением в казахские степи капиталистических, товарно-денежных отношений, что способствовало резкой имущественной дифференциации. Проводившаяся царскими властями отрезка значительных массивов земель вела к сокращению пастбищ. Большое значение для развития земледелия у казахов имел пример русских и украинских крестьян-переселенцев, которые поднимали целинные земли и знакомили казахов с более передовой сельскохозяйственной техникой. На землю оседала значительная прослойка бедняков, лишившихся скота (*жатақ, егінші*). В то же время и баи захватывали крупные участки лучших пахотных земель для производства товарного хлеба. В начале XX в. ряд районов Казахстана уже снабжал хлебом соседние области. Из Семиречья хлеб вывозили в хлопководческую Фергану. Небольшие запашки были и у полукочевых скотоводов.

Развитие земледелия у казахов в разных районах происходило крайне неравномерно. В некоторых районах земледельческое хозяйство приобретало все более важное значение, а в других оно по-прежнему было развито слабо.

Так, в 1913 г. в районе р. Чу и низовьев Таласа (Черняевского и Аулиеатинского уездов), где был относительно низкий процент оседлости, посевы имели 58% хозяйств. В Актюбинском уезде в начале XX в. посевы имели 95,4% казахских хозяйств, а в Омском уезде земледелием занималось всего 3,2% хозяйств.

Размеры обрабатываемых участков на одно хозяйство были весьма различны и зависели как от состоятельности хозяев, так и от природных условий местности. Преобладали небольшие участки. Так, в Семиречье в 1910 г. в среднем на сеющее хозяйство приходилось около 2,2 десятины пашни.

В том же районе р. Чу и низовьев Таласа в 1913 г. свыше $^{9}/_{10}$ сеющих хозяйств засевали менее 3 десятин и даже двух, а хозяйств с посевами выше 5 десятин было зарегистрировано всего несколько десятков.

Наряду с крохотными участками в 5—10 кв. сажен, характерными для полукочевых скотоводческих хозяйств, были и чисто земледельческие хозяйства, засевавшие по 2—6 десятин, и байские, запахивавшие до 20 десятин и более. В конце XIX в. отдельные крупные баи имели сотни десятин посевов. Однако они или нанимали батраков, или, чаще, дробили свои участки и сдавали в испольную аренду джатакам.

До появления русских переселенцев казахи запахивали только искусственно орошаемые земли. В степном Казахстане, где летом нередко выпадает достаточно осадков для роста хлебов, искусственное орошение применяли лишь в засушливые годы, но сеяли все же на землях, где была проведена оросительная сеть. Наибольшее распространение имела самотечная арычная система. Реку или горный ручей перегораживали выше пашен плотиной (*тоған*) и там из нее выводили головной арык (*бас арық*), из которого вода по ответвлениям шла на поля. Многие исследователи отмечали довольно высокое искусство казахов-земледельцев в проведении оросительной сети, несмотря на ручную технику. Арык «в своем длинном

пути,— сообщается в корреспонденции о земледелии в Каркаралинском уезде,— пересекает овраги, через которые с одного берега на другой перекидывается особое ложе, сплетенное из ив и обмазанное глиною; увалы, в которых приходится делать глубокие выемки, и, наконец, низины, в которых делается насыпь. Вся эта сложная работа производится под руководством кого-нибудь из земледельцев киргиз, который не пользуется никакими нивелирными приборами..., обнаруживает поразительную сметку и опытность»[1].

Местами (по Сыр-Дарье, Тургаю и другим рекам) использовалось лиманное орошение: посевы производились на участках, заливаемых водой при весенних разливах рек. Нередко затопляли водой пахотные участки во время весенних разливов, строя плотины. На Сыр-Дарье, Тургае, Иргизе, Нуре и других реках, текущих в глубоких руслах и с незначительным уклоном, орошение осуществлялось путем подъема воды на поверхность. Возле берега выкапывали водоем, куда вода поступала из реки и откуда ее поднимали на поля. Наиболее примитивным способом подъема воды был ручной: воду доставали кожаными ведрами или деревянным лотком на длинном шесте, подвешенном к треноге (*аяпа*). Работающий держал в руках конец шеста и, раскачивая его, выплескивал воду на поверхность. Таким способом можно было полить только небольшой участок, а требовалось на это не менее целого дня тяжелой работы.

Значительно более сложным и развитым водоподъемным сооружением был чигирь (*шығыр*), хорошо известный и другим народам Средней Азии. Чигирь приводился в движение животными (верблюдом, быком). В районах Тургая и Иргиза применялся чигирь оригинальной формы — *аяқ шығыр*; работающий приводил его в движение ногами. Такой чигирь употреблялся еще в 1920-х годах[2].

Если берега реки были очень высоки, воду подавали в два приема: на определенной высоте делали водоем, который наполнялся водой при помощи нижнего чигиря, верхний же черпал воду из этого водоема и подавал ее на поля.

Опыт неполивного (богарного) земледелия был принесен русскими переселенцами, и оно стало быстро распространяться с середины XIX в.; с 80-х годов богарное земледелие уже стало известно и в южных районах. Его развитию содействовало знакомство с русской сельскохозяйственной техникой.

У казахов господствовала экстенсивная форма земледелия. Наиболее обычна была переложная система без севооборотов и удобрений. Один участок земли засевали в течение нескольких лет (до пяти—семи), а когда земля истощалась, его забрасывали и распахивали соседний. Нередко причиной заброса участка был буйный рост сорняков, появлявшихся в результате неглубокой вспашки. Заброшенную землю оставляли «отдыхать» на длительный срок, до 20 лет. Местами существовала определенная строгая система перелогов. По Сыр-Дарье, в районе севернее современного Казалинска, казахские пашни располагались в двух местах — в долине р. Айгерик и на берегах оз. Камышлы-Баш. Когда земля на Айгерике истощалась, долину заполняли водой и одновременно восстанавливали плотину Карабугут, преграждавшую приток воды из реки в оз. Камышлы-Баш. Озеро постепенно мелело, а его берега по мере высыхания запахивали. Озеро высыхало за несколько лет, в течение которых долина Айгерика находилась под водой, восстанавливая свое плодородие, затем пашни вновь переносили в долину.

---

[1] Об арычном земледелии в Каркаралинском уезде. «Восточное обозрение», 1903, № 80.

[2] Д. Букинич. Задачи мелиорации в Центральном районе Кирреспублики в Тургайском и Иргизском уездах). «Советская Киргизия», 1924, № 1—2, стр. 100.

Земледельческий инвентарь у казахов был весьма простой. Землю пахали деревянным орудием типа однозубого рала (*міс агаш*, *омаш*), представлявшим собой изогнутый кусок дерева, с одной стороны заостренный. Посередине проделывалось отверстие для дышла, к которому припрягали пару верблюдов или быков, реже лошадей. Там, где почвы были твердые, на острый конец надевали железный или чугунный сошник (*міс*). Пахали несколько раз вдоль и поперек, но глубина вспашки была очень незначительна. Посев производили обычно до пахоты. По вспаханному полю затем волочили бревно (*мала*), на которое для тяжести становился человек. Местами боронили просто пучком сучьев, накладывая на них камни. Бедняки-джатаки нередко вскапывали землю кетменями, а затем разбивали комья палками или дубинками. Сеяли вручную.

Толчение проса. Акмолинская область. 1907 г.

Созревший хлеб срезали ножами и казахскими серпами, имевшими длинную рукоятку и лезвие со слабым изгибом; иногда просто выдергивали колосья руками. Молотили на ровной утоптанной площадке (*қырман*), сделанной тут же на поле; снопы укладывали на ток и гоняли по ним животных (лошадей или быков). Затем зерно провеивали лопатами на ветру и в мешках отвозили к местам зимовки, где для его хранения выкапывали глубокие ямы, обмазанные глиной. Сверху зерно прикрывали соломой и присыпали землей.

Развитие экономики в XIX в. и непосредственное влияние русского крестьянского населения привели к некоторому прогрессу в земледельческой технике. Старое пахотное орудие обычно стали употреблять с чугунным сошником; распространились русская борона с деревянными и железными зубьями, русский круглый серп с зазубренным лезвием, косы — горбуша и литовка. У зажиточных появились вначале деревянные, затем и железные плуги, а также конные сельскохозяйственные машины — молотилки, жнейки, сеялки. Для хранения зерна стали строить амбары с глинобитными закромами, приобретали также русские деревянные лари.

Широкому распространению более передовой русской техники препятствовала бедность огромного большинства казахов-земледельцев. Баи же, пользовавшиеся дешевым трудом бедных сородичей и применявшие патриархально-феодальные методы эксплуатации, не проявляли большой заинтересованности в приобретении новых, более совершенных орудий труда. Поэтому до самой революции в казахском земледелии преобладал примитивный самодельный инвентарь. Земледельцы среднего достатка чаще покупали у русских крестьян уже бывшие в употреблении орудия (сохи, бороны), на новые не хватало средств.

Муку казахи мололи на небольших водяных мельницах простейшего устройства и очень низкой производительности. Г. Н. Потанин[1] сообщал в 1860-х годах, что обычно мельница смалывает в день не более 15 пудов зерна, а есть и такие, которые мелют только по 5 пудов. Помимо того, широко пользовались ручными мельницами (*диірмен*), имевшимися в каждой семье, или толкли зерно в ступе. В районах, где жили значительные группы русского населения, казахи обычно отдавали зерно на помол русским мельникам.

Главное место на полях казахов занимали просо и пшеница. Сеяли также ячмень, овес, на юге кунак (сорт проса) и джугару, горох, на севере — рожь. В бассейне Сыр-Дарьи, по р. Чу и в других местах издавна возделывали бахчевые культуры (арбузы и дыни). На юге в небольших размерах занимались огородничеством и садоводством.

Итак, в предреволюционные годы под влиянием русского населения и проникавших в степь капиталистических отношений в земледельческом хозяйстве наблюдался некоторый прогресс. Все большее число казахских хозяйств переходило к земледелию и увеличивало запашки. Земледелие появилось даже в таких засушливых местах, как Западный Казахстан, Мангышлак. Примитивные земледельческие орудия постепенно заменялись фабричными русскими. Но этот процесс шел очень медленно, его задерживало господство феодально-патриархальных отношений; искусственные препятствия создавала для него и колониальная политика царизма. Царские чиновники отбирали у казахов под переселенческие участки наиболее плодородные, иногда и орошенные земли. Они поддерживали баев-феодалов, мало заинтересованных в развитии земледелия. Нередки были случаи потрав пашен бедняков-джатаков.

Охота и рыболовство

Огромная, слабо населенная территория Казахстана с разнообразным животным миром давала большие возможности для охоты. Однако у казахов охота не выделилась в самостоятельное занятие какой-то части населения, оставаясь второстепенной, хотя и довольно важной отраслью натурального хозяйства. Меха пушных зверей (лис, волков, выдр) шли на одежду. Лисий мех до сих пор охотно используется как материал для зимних головных уборов. Часть пушнины шла на обменную торговлю со Средней Азией, а с XVIII в.— с Россией. Укрепление торговых связей с Россией повысило товарность пушной охоты; в XIX в. в Казахстане появилась и промысловая охота, в частности у казахов. Так, в 1888 г. в Степном крае было добыто зверей на сумму свыше 33 тыс. руб. Однако число охотников, преимущественно из бедняков, лишившихся скота, было невелико. Охотились казахи обычно от случая к случаю, чаще на отгонных пастбищах и в отдаленных урочищах. Для баев охота служила любимым развлечением.

Существовало несколько видов охоты: с ловчими птицами, гоньба по степи, охота загоном, охота с борзыми собаками (*тазы*); на мелкую дичь (зайцев, куропаток) зимой ставили различные силки и ловушки, например петли из белого конского волоса. Некоторых зверей (барсуков, лис, хорьков) выкапывали из нор.

Наиболее древняя форма охоты — загоном — практиковалась только на сайгу. К концу XIX в. она сохранялась лишь в западных степях, где еще встречались тысячные стада сайги. Охотники устраивали четырехугольную изгородь из заостренных стеблей камыша, втыкая их так, что часть камышин была направлена острием внутрь изгороди. Такая изгородь состояла из 7—12 рядов, поставленных на расстоянии 50—70 см один от другого. Со стороны водопоя в изгороди оставляли проход, по бокам

[1] Г. Н. Потанин. Зимняя поездка на оз. Зайсан (зимой 1863—1864. г.) «Зап. Русского географического общества по отд. общ. геогр.», 1867, т. I, стр. 446.

которого охотники прятались в засаду. Как только показывалось стадо, его загоняли в изгородь, и загнанные звери, пытаясь перескочить ограду, натыкались на заостренные камышины. Раненых сайгаков охотники добивали ножами.

Чаще на сайгаков и других копытных животных, а также на волков и лисиц охотились верхом, гоняя их по степи. Уставших зверей добивали дубинками или нагайками.

Наиболее популярна была охота с ловчими птицами. Казахи обладали умением воспитывать и готовить к охоте до восьми видов различных хищных птиц (орла-беркута, ястреба, кобчика, сокола и др.), каждый из которых предназначался для определенного вида дичи. Так, с беркутом охотились зимой на волков и лисиц; с кречетом, ястребом и соколом — на зайцев и перелетную птицу — гусей и уток. Умение правильно воспитать охотничью птицу передавалось из поколения в поколение, а крупные баи держали при себе особых знатоков ловчих птиц (*құсбегі*).

Орудиями охоты у казахов служили ножи, длинные, в 1,5—2 м, палки с набалдашником (*сойыл*) из корня дерева, обычно аргала или березы; плетеные из кожи нагайки (*қамшы*), иногда с каким-нибудь грузом, зашитым в конце; сложные луки (*садақ*) из дерева, обвитого жилами, иногда прослоенного роговыми пластинками, и стрелы из камыша с железными наконечниками. Дорогие и редкие в степи огнестрельные ружья использовались обычно лишь для военных целей. С XVIII в. в казахскую степь стали проникать и русские ружья заводского производства. В XIX в. кремневые винтовки-малопульки получили значительное распространение среди казахов, их стали широко применять для охоты на крупных животных. От русских переселенцев казахи заимствовали новые для них способы охоты, которые особенно широко применялись в конце XIX в.: установка фабричного производства капканов на волков, на мелкую дичь и птиц, применение стрихнина для отравы волков и др. Охота с ружьем и капканами в значительной мере вытеснила загоны, гоньбу по степи и другие старые виды охоты, привела к изменению ее организации. Если прежде преобладала коллективная охота, то в конце XIX в. обычно охотились уже в одиночку с ружьем или капканом. Лук и стрелы вышли из употребления уже к середине XIX в.

По мере истощения пушных богатств Казахстана удельный вес охоты падал, и в начале XX в. она потеряла прежнее значение в хозяйстве.

Рыболовство в Казахстане играло незначительную роль. Им занимались немногие бедняки, осевшие по берегам рек и озер. Значение его увеличилось в XIX в. в связи с происходившим бурным процессом расслоения казахской общины, появлением значительного числа джатаков, лишившихся возможности заниматься кочевым скотоводством. Часть их оседала у водоемов, богатых рыбой: на побережье Каспия и Арала, по течению Сыр-Дарьи, Тургая, на берегах озер Балхаша, Зайсана и др. На развитие рыболовства благотворное влияние оказали русские, у которых казахи стали приобретать более совершенные орудия — железные крючки, сети, неводы, морды и другие снасти.

Наиболее древние способы рыболовства напоминают охоту. Так, в начале XIX в. в Младшем жузе ловили рыбу зимой следующим образом: «Сделав во льду прорубь, опускают туда багор, примечают, когда рыба пойдет: как скоро поровняется она с зубцами, на крюке вверх торчащими, тотчас приподнимают багор и вытаскивают рыбу»[1]. Рыбу глушили дубинами, летом били трезубой острогой, иногда, в мелкой воде, убивали стрелами. У осевших бедняков главными орудиями лова были удочки, сети из конского волоса, а также сети и невода русского производства. На мелких речках Восточного Казахстана ловили рыбу в волосяные петли.

[1] Савва Большой. Замечания о киргизах. «Сын Отечества», 1822, ч. 80, стр. 54.

Зимой и осенью во время хода рыбы (на Сыр-Дарье, Балхаше) ее ловили мешком из редкой ткани (*сүзгіш*), забрасываемым на палке. На Сыр-Дарье этим способом ловили леща. Часть улова продавали, а большую часть сохраняли на зиму; этой рыбой казахская семья питалась до весны, когда начинали доить скот.

Рыболовство с годами развивалось и к концу XIX — началу XX в. стало самостоятельным промыслом. Особенно развиты были рыбные промыслы на р. Урале и Сыр-Дарье, на Аральском море, Зайсане, на Мангышлаке и в Гурьевском уезде. Рыболовство приобрело товарное значение, часть улова казахи продавали. Много рыбы шло на вывоз в Россию.

Домашние промыслы и ремесла

В условиях полунатурального хозяйства казахского кочевого и полукочевого аула огромная роль в удовлетворении его потребностей в предметах широкого потребления принадлежала домашним промыслам и ремеслам. Производства, связанные с обработкой животного и растительного сырья, при общем низком уровне развития производительных сил в ауле, находились в своем большинстве на стадии домашних промыслов. Лишь позднее, с расширением торгово-экономических связей Казахстана с Россией, отдельные отрасли домашней промышленности начали приобретать признаки ремесла и отчасти стали отделяться от скотоводческо-земледельческого хозяйства в самостоятельную отрасль труда. Однако ремесло, возникшее и развившееся в условиях кочевого скотоводческого хозяйства и отсталых форм патриархально-родового быта, сильно отличалось от ремесла оседлых народов Средней Азии. В противоположность среднеазиатским цеховым организациям ремесленников казахские мастера работали в одиночку, нередко на дому у заказчика, на полном его обеспечении.

В большинстве случаев ремесло не служило основным источником существования, а являлось дополнением к животноводческо-земледельческим занятиям.

В домашних промыслах у казахов существовало разделение труда. Переработка шерсти и изготовление из нее различных изделий целиком лежали на женщине. Обрабатывать кожи и шкуры могли как женщины, так и мужчины. Изделия из металла и дерева изготовляли исключительно мужчины.

Преобладающим видом сырья в хозяйстве скотовода была шерсть овец и верблюдов. Основная масса овечьей шерсти осенней стрижки (*күзем жүн*) шла на изготовление войлоков, имевших в домашнем быту широкое применение. Шерсть, предназначенная для кошмы, предварительно сортировалась по цвету. Белая шерсть шла на изготовление высококачественных войлоков для покрытия юрты, для войлочных ковров и головных уборов; черная и бурая — на войлоки более низкого качества. Отобранную шерсть тщательно очищали от ости и раскладывали на шкуре крупного рогатого скота (*тулақ*). Вокруг нее садилось несколько женщин, которые специальными палками (*сабау*) ритмичными ударами по шерсти взбивали ее. Это заменяло расчесывание шерсти. Необходимое для изготовления войлока количество шерсти настилали слоями на чиевую циновку, по величине равную будущему войлоку, при этом вначале расстилали слой шерсти худшего качества, а затем белую. Обильно сбрызнув горячей водой, шерсть скатывали вместе с циновкой в трубку, которую обвязывали в нескольких местах веревкой, и начинали катать по земле, толкая ногами. Затем циновку разворачивали, снова поливали шерсть горячей водой и, свернув полусваляный войлок уже без циновки, опять начинали его катать, на этот раз руками.

Процессы валяния войлока сменялись в определенной последовательности. Валяние продолжалось до тех пор, пока войлок не становился достаточно плотным и эластичным. Готовый войлок расстилали на солнце для просушки.

Взбивание шерсти. Семиречье. 1907 г.

Из шерсти овец и верблюдов женщины пряли при помощи деревянного веретена (*ұршық*) с каменным, костяным или свинцовым пряслицем нитки, из которых затем ткали армячину на простейшем узконавойном станке (*өрмек*). Армячину более высокого качества изготовляли из шерсти молодых верблюдов. Перед тканьем пряжу кипятили в соленой воде, затем просушивали, после чего приступали к подготовке основы. Ткацкий станок у казахов довольно прост. Главные его части — натянутая на колья параллельно земле основа, распялка (*адарғы*), нитченки (*күзеу*), привязанные к тонким палочкам и подвешиваемые к деревянной треноге, бердо (*қылыш*), челнок в виде палочки или камышинки с намотанной нитью утка (*арқау*). При тканье женщина садилась на основу лицом к нитченкам. На этом же станке ткали узкие шерстяные полосы (*бау*), шедшие на скрепление остова юрт. Узкую тесьму плели на четырех дощечках.

Из верблюжьей и овечьей шерсти делали подпруги (*құрайыл*) и цветную узкую тесьму (*таңғыш*). Толстые нитки располагали в ряд на палке соответствующей толщины. Длинной иглой с толстой ниткой в один прием прошивали все ряды сначала в одну, а затем в обратную сторону, близко друг к другу; получалась очень прочная тесьма. Из овечьей шерсти весенней стрижки (*жабағы жүн*) с добавлением конского волоса вили веревки (*арқан*), всевозможные шнурки и тесемки, имевшие широкое применение в домашнем хозяйстве казаха-скотовода.

Издавна была распространена выделка шкур и кож домашних животных. Из кожи крупного рогатого скота, коз, лошадей, верблюдов изготовляли обувь, различные виды кожаной посуды. Из кожи лошадей и верблюдов делали конскую сбрую, кожаные принадлежности седла, всевозможные ремни. Шкуры шли на изготовление одежды. Из них делали также коврики — подстилки на пол.

Выделка кож и шкур производилась с помощью молочно-кислых продуктов. Шкуру мыли теплой водой и тщательно соскабливали с мездры остатки мяса и сала. Затем мездру густо смазывали слегка посоленным кислым молоком в смеси с отрубями, сворачивали шкуру шерстью наружу

Ткацкий станок. Павлодарский уезд. 1907 г.

и оставляли в таком положении на несколько дней. По истечении этого срока шкуру разворачивали, промывали мездру теплой солоноватой водой и просушивали. Затем ее мяли руками, или, если это была толстая шкура крупного животного, специальной кожемялкой (*талқы*) до тех пор, пока она не становилась совершенно мягкой и годной к употреблению. Для изготовления кожи, лишенной шерсти, только что снятую шкуру верблюда или лошади опускали в котел или кадку с густопосоленным айраном, куда добавляли отруби, и держали там в течение шести-семи дней. После этого смывали айран, соскабливали остатки шерсти, кожу просушивали и мяли описанным выше способом. Казахи умели также выделывать из шкуры овец и сайгаков кожу под замшу, из которой шили халаты.

Немалое место в быту казахов занимали изделия из дерева. Обработка дерева была одним из наиболее развитых ремесел, в нем наметилась даже некоторая специализация ремесленников по разным видам изделий. Основными центрами производства изделий из дерева были северные и северо-восточные районы Казахстана, богатые лесом. Инструменты мастеров по дереву были весьма несложны и состояли из теслообразных топориков (*шаппа шот*) с лезвиями плоской и полукруглой формы, стамесок (*қашау*), ножа (*пышақ*), струга (*жонғы*).

Специальные мастера (*үйші*) делали остовы юрты. Решетчатую часть остова и купольные жерди изготовляли при помощи простейшего станка (*тез*), на котором их выгибали, а сверлили отверстия в них столь же простым станком (*үскі*).

Большой популярностью в степи пользовались хорошие мастера по изготовлению деревянных частей седел (*ерші*), на которые шла обычно береза. Мастера по дереву (*агаш шебер*) делали, кроме того, деревянные кровати, сундучки и другие предметы быта, вытачивали, чаще из березы, разнообразную посуду. Значительного развития достигло производство циновок из чия (*ши*).

На территории Казахстана издавна было известно металлургическое производство. На местах древних горных выработок производилась выплавка железа. Из железа кузнецы (*теміршi*) изготовляли различные инструменты для кузнечного дела, для обработки дерева, земледельческие орудия (кетмени, серпы, сошники), а также некоторые предметы домашнего обихода. Значительное место в работе кузнецов занимало изготовление оружия: ружей, кинжалов, сабель, копий.

В XIX — начале XX в. ремесла и домашние промыслы казахов испытали влияние товарно-денежных отношений. С середины XIX в. повысился спрос на некоторые изделия казахских промыслов (войлоки, армячину, арканы), что привело к расширению их производства на рынок. Некоторые виды ремесел начали отделяться от сельского хозяйства, появились ремесленники, работавшие на рынок (кожевники, мастера по дереву). Наряду с этим казахские ремесленники начали заимствовать у русских мастеров фабричные инструменты, некоторые приемы изготовления новых для казахского быта вещей (упряжи, телег, русской мебели).

В северо-восточных лесных районах у казахов появились новые виды промыслов — заготовка строительного леса, смолокурение, обжиг угля. Широкое распространение получил извозный промысел.

Плетение циновок. Семиречье. 1907 г.

Развитие социалистического хозяйства. Промышленность

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед казахским народом новый, социалистический путь развития. В условиях советского строя Казахстан в короткие сроки превратился в страну с передовой индустрией и высокоразвитым сельским хозяйством.

В первые годы Советской власти Казахстан оставался отсталой аграрной республикой с весьма слабо развитой промышленностью. В ауле в значительной степени сохранялись кочевое скотоводческое хозяйство и патриархально-феодальный быт. К общей экономической отсталости добавилась еще хозяйственная разруха, вызванная империалистической и гражданской войнами. Кулацкие контрреволюционные банды и белогвардейцы превратили ряд городов, деревень и аулов в развалины. Посевные площади к 1920 г. уменьшились по сравнению с 1914 г. на 40%. Еще значительнее они сократились в тех местах, где происходили длительные бои, например в Уральской области — на 70%, в Семиречье — больше чем вдвое[1]. Пришло в упадок животноводство. Бо́льшая часть промышленных предприятий была выведена из строя или не работала из-за отсутствия топлива и сырья.

Перед Коммунистической партией и Советским правительством встала задача не только восстановить народное хозяйство, но и ликвидировать экономическую отсталость Казахстана, помочь казахскому народу перейти от патриархально-феодальных отношений к социалистическим, минуя капитализм.

Наряду с аграрными мероприятиями, направленными на ликвидацию последствий колониальной политики царизма и засилья кулацко-байских

[1] История Казахской ССР, т. II, Алма-Ата, 1949, стр. 103.

Карагандинский угольный

элементов, решающим этапом социалистического строительства в Казахстане явилась его индустриализация.

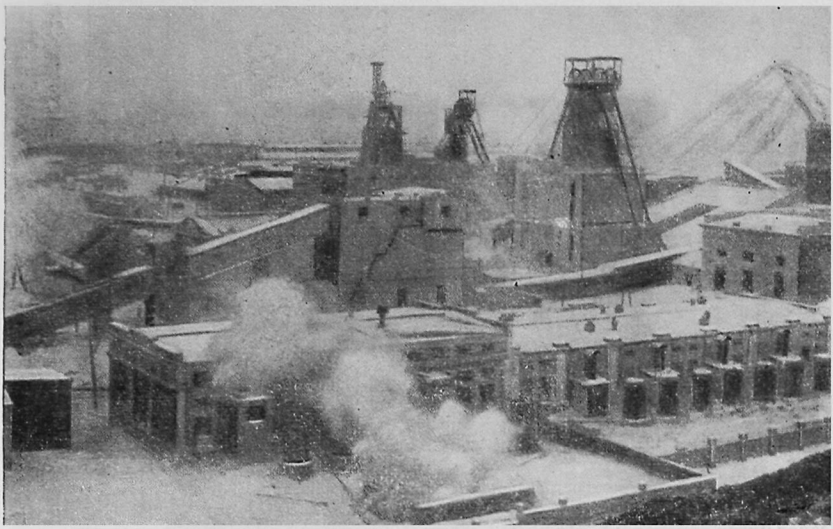
Восстановительный период в Казахстане затянулся, и в 1925 г. валовая продукция промышленности республики составляла всего 45% довоенной, а большинство крупных предприятий (Риддер, Джезказган, Карсакпай) только начало восстанавливаться. В промышленности преобладали мелкие кустарные предприятия. Природные богатства края были изучены очень слабо, отсутствие хороших путей сообщения затрудняло эксплуатацию открытых месторождений и строительство на их базе промышленных предприятий. Остро ощущался недостаток в кадрах промышленных рабочих и технической интеллигенции.

Для преодоления этих трудностей необходима была серьезная помощь. *Добиваясь социалистической индустриализации Казахстана, Советское* государство вложило огромные средства в народное хозяйство республики. Если в восстановительный период в промышленность Казахстана было вложено 48,5 млн. руб., то в годы первой пятилетки — уже 434 млн. руб., а во второй пятилетке свыше 1,5 млрд.

Многочисленные экспедиции, отправляемые в Казахстан союзными научными учреждениями, начали планомерную разведку богатейших залежей полезных ископаемых, на базе которых можно было развивать промышленность.

Огромную помощь в индустриализации Казахстана оказал русский рабочий класс, снабдивший новостройки Казахстана первоклассной отечественной техникой, пославший тысячи своих представителей на промышленные предприятия Казахстана. Они передавали свой опыт национальным кадрам казахских рабочих.

К 1933 г. промышленная продукция уже составила около 40% всей продукции республики, а во второй пятилетке ее удельный вес возрос до 56,8%. Таким образом, в результате социалистической индустриализации



бассейн. Шахта № 86-87

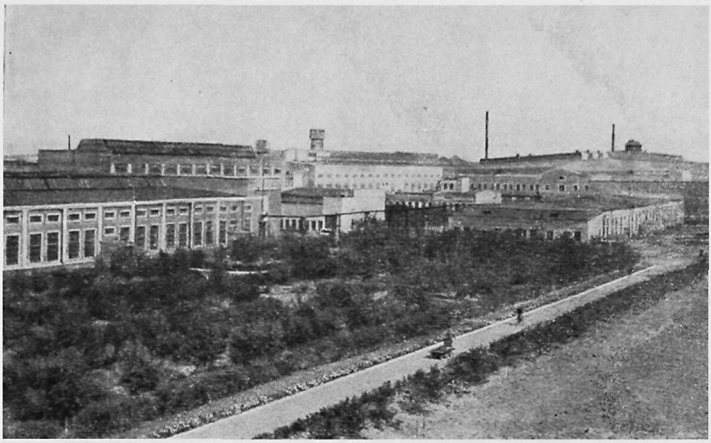
Казахстан в кратчайшие сроки превратился из отсталой страны в передовую индустриально-аграрную республику.

За годы первых пятилеток Казахстан стал третьей угольной базой СССР. Большое развитие здесь получила тяжелая промышленность: нефтяная, металлургическая, химическая и машиностроительная. Были построены новые промышленные гиганты — шахты Караганды, Джезказганский медеплавильный завод, Лениногорский полиметаллический комбинат, Чимкентский свинцово-цинковый завод, Актюбинский химический комбинат, ряд крупнейших заводов обрабатывающей промышленности. Вокруг промышленных центров выросли новые социалистические города: Караганда, Балхаш и др.

В третьей пятилетке промышленность Казахстана достигла новых успехов в своем развитии.

Проведенная в Казахстане огромная работа по развитию промышленности привела к большим сдвигам в ее структуре и территориальном размещении. Крупные промышленные центры теперь имеются везде — на Алтае, на Эмбе, в Кара-Тау и Алма-Ате и особенно в Центральном Казахстане, который превратился в основной индустриальный очаг Казахской ССР.

В современной промышленности республики ведущее место занимает тяжелая индустрия. Среди ее отраслей важнейшая роль принадлежит цветной металлургии (Балхаш, Чимкент, Усть-Каменогорск, Текели, Джезказган), угольной (Караганда, Экибастуз) и нефтяной (Эмба) промышленности. С постройкой передельного завода в Темиртау и Актюбинского завода ферросплавов была создана черная металлургия. Эвакуированные в годы войны из западных районов СССР заводы послужили основой развития машиностроительной промышленности (Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения, Актюбинский завод рентгеноаппаратуры, Карагандинский завод горного оборудования, Чимкентский



Машиностроительный завод в г. Караганде

завод пресс-автоматов). Крупные масштабы приобрела химическая промышленность, целиком базирующаяся на местном сырье (фосфориты Кара-Тау, заводы синтетического каучука в Темиртау и Караганде, производство искусственного волокна). Бурное развитие промышленного, жилищного, дорожного строительства вызвало большой рост производства строительных материалов.

Из отраслей легкой промышленности наиболее развиты разные виды пищевой промышленности, кожевенная, меховая, валяльно-войлочная, швейная. Новыми для Казахстана явились хлопчатобумажное и трикотажное производства.

За годы, прошедшие после XX съезда КПСС, в развитие народного хозяйства Казахстана вложено средств в полтора раза больше, чем за все предыдущие 35 лет. Были вызваны к жизни новые промышленные районы с их богатейшими природными ресурсами. Благодаря этому коренным образом изменился экономический облик республики. Возникли новые индустриальные центры, города, сотни крупных рабочих поселков. Заложен фундамент новой крупной металлургической базы на востоке СССР.

Валовая продукция промышленности Казахстана за годы Советской власти выросла в 57 раз. За послевоенные годы в республике заново организовано производство чугуна, стали, проката, добыча железной руды, выпуск сельскохозяйственных машин, производство минеральных удобрений, цемента.

По объему промышленной продукции Казахская ССР заняла уже третье место среди республик Советского Союза, уступая только Российской федерации и Украинской ССР. Многочисленные виды оборудования и машин вывозятся из Казахской ССР не только в другие экономические районы страны, но и в различные зарубежные страны.

В результате Октябрьской революции и последующего социалистического строительства в Казахстане выросли многочисленные кадры рабочих из среды казахов и других местных национальностей. Формирование казахского рабочего класса в процессе индустриализации Казахстана коренным образом отличалось от формирования рабочего класса в эпоху капитализма. Если прежде оно происходило на основе разорения трудя-

Сборка каркасно-камышитовых 8-квартирных жилых домов в г. Алма-Ате

щегося крестьянства, то при Советской власти оно основывалось на социалистическом преобразовании аула и общем подъеме материального и культурного благосостояния трудящихся.

Подготовке и воспитанию национальных кадров рабочих Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли особое внимание. В казахских аулах велась постоянная агитационно-массовая работа, направленная на вовлечение казахских трудящихся в промышленность. Казахам, пожелавшим работать в промышленности, предоставлялись определенные льготы и преимущества. С начала 1930-х годов в основу вовлечения казахских трудящихся в промышленность был положен принцип организованного набора путем заключения договоров с колхозами. В результате в 1934 г. казахи составляли уже 46,5% общего числа промышленных рабочих, в то время как в 1926 г. около 24%. Численность их за это время возросла в 4,5 раза.

Казахские трудящиеся, пришедшие в промышленность и на транспорт, овладевали производственной квалификацией. Этой цели служили многочисленные курсы и школы. Сотни казахских рабочих обучались на передовых промышленных предприятиях в центре страны. Высшие учебные заведения и техникумы РСФСР готовили кадры казахской технической интеллигенции.

В промышленность Казахстана пришло много женщин, в том числе и казашек. Это имело огромное значение для осуществления фактического равенства женщин. Вовлечение женщин в промышленность сопровождалось строительством детских яслей и садов, работой по повышению культурного и политического уровня женщин.

Новые кварталы жилых домов в г. Усть-Каменогорске

За годы пятилеток в промышленное производство влились сотни тысяч человек, из них почти половина — казахов. В 1960 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве республики достигла 3 млн. человек, в том числе в промышленности — 500 тыс., строительстве — 304 тыс., сельском хозяйстве — 672 тыс. человек.

Предприятия социалистической промышленности Казахстана оснащены первоклассной техникой, все трудоемкие производственные процессы механизированы. Так, до революции в Караганде, как и в других угольных копях Казахстана, уголь добывался вручную, теперь же здесь высятся копры мощных шахт, оснащенных богатейшей техникой. На Балхашском медеплавильном заводе только одна пятая рабочих занята непосредственно металлургическим процессом — обогащением и плавкой. Четыре пятых — это механики, энергетики, ремонтники.

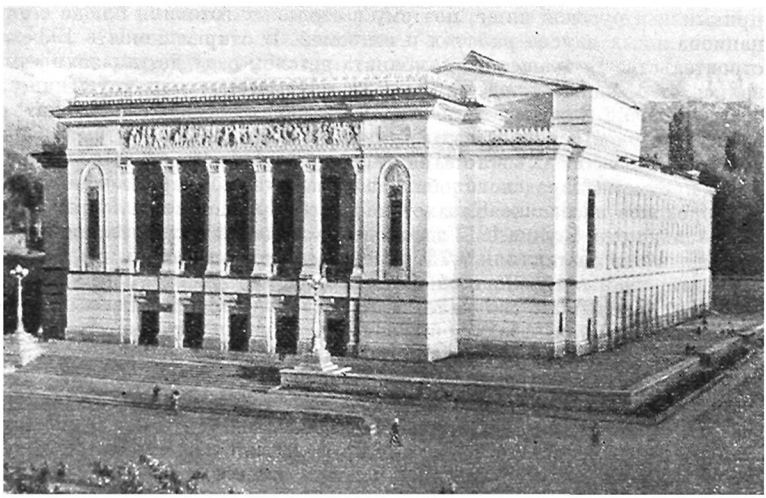
Переход к новой технике, освоение ее, развитие социалистического соревнования обусловили значительное повышение производительности труда, в частности и рабочих-казахов. Из темного, забитого в прошлом бедняка, пришедшего из аула и нередко приписывавшего машине свойства «злого духа», казах вырос в передового советского рабочего. Вместе с овладением современной техникой производства и приобретением квалификации в новых, социалистических условиях произошла коренная ломка сознания людей, расширился их политический и культурный кругозор.

С необычайной быстротой менялись быт и культура казахских рабочих. Росли потребности, менялись вкусы и привычки.

В быту рабочих особенно быстро исчезли пережитки патриархально-феодальных отношений, устаревшие предметы национального быта (в одежде, утвари).

Большую роль в изменении домашнего быта сыграла культурно-просветительная работа среди казашек. Наряду с кружками по ликвидации неграмотности и другими для них создавались специальные кружки гигиены и ухода за детьми.

Дворец культуры металлургов в г. Балхаше



Театр оперы и балета им. Абая в г. Алма-Ате

Жилой квартал в поселке строителей Карагандинского

В первое время пришедшие из аула на промышленные предприятия казахи нередко жили в юртах или землянках. Своеобразен был вид новостроек, рядом с которыми целые улицы состояли из юрт. Казахи не сразу привыкли к русской пище, поэтому в столовых готовили блюда с учетом национальных вкусов рабочих и их семей. В открывшемся в 1934 г. на строительстве Балхашского комбината детском саду дети-казахи отказывались от овощных блюд, ели только мясную или молочную пищу, поэтому вначале для казахских детей готовили отдельные блюда.

Однако очень скоро казахи привыкли к новым формам быта, юрты и землянки исчезли, их место заняли современные дома. В быт быстро входили предметы городского обихода — мебель, электрические приборы.

Городское население Казахстана за годы Советской власти возросло в несколько раз. Если в 1913 г. городских жителей насчитывалось 541 тыс. человек и они составляли 9,7% всего населения, то на 15 января 1959 г. число горожан возросло до 4 млн. человек с лишним (44% населения).

Город Алма-Ата — вначале заилийское укрепление Верный, созданное в 1854 г., затем небольшой городок — за 40 лет стал центром индустриально-аграрной республики. По пыльным улицам Верного скрипели только арбы, двигались пешеходы, всадники на лошадях и ослах, проходили караваны верблюдов. Теперь в Алма-Ате трамвайное и троллейбусное движение, по асфальту широких проспектов движутся сотни автомобилей. Двух-, трехэтажные жилые дома, здания общественных, государственных и научных учреждений, клубов, кинотеатров, школ украшают город. Алма-атинцы гордятся зданием оперного театра имени Абая, построенным в 1940 г. В центре города возведены крупные архитектурные ансамбли — Дом правительства, здание Академии наук. Алма-Ату заслуженно называют городом-садом. Проспекты его обсажены высокими пирамидальными тополями, деревья почти закрывают здания, в городе несколько великолепных тенистых парков. Алма-Ата — центр культурной и научной жизни республики. Здесь имеются научные учреждения, высшие учеб-

металлургического завода в г. Темиртау

ные заведения, библиотеки, казахские и русские драматические и оперный театры, государственная филармония; издается несколько республиканских газет и журналов. Город стал также крупным промышленным центром. В нем развиты новые отрасли промышленности: металлообрабатывающая, текстильная, трикотажная, мясоконсервная.

Одним из красивейших областных центров Казахстана стал г. Чимкент. Он принадлежал ранее Кокандскому ханству и жизнь в нем до 1864 г. была типична для старого Востока. С присоединением к России жители города начали испытывать влияние русской культуры. Но все же и к 1910 г. здесь было всего три начальных школы, один врач, два фельдшера и повивальная бабка. Зато было 42 мечети и три православных церкви. При мечетях работало восемь духовных школ — медресе.

На месте старого Чимкента ныне вырос социалистический город, на широких улицах которого, в зелени деревьев, построены многоэтажные дома. На окраине высятся корпуса величайшего в Европе и Азии свинцово-цинкового завода им. Калинина. Недалеко от него, там, где стоял сантонинный завод купца Иванова, вырос Химико-фармацевтический завод им. Дзержинского — единственное в мире предприятие, производящее из дикорастущих степных трав сантонин. Там же вырабатывается эфедрин и другие ценные препараты. Город насчитывает 153 тыс. жителей. Молодежь всех населяющих его национальностей — казахская, узбекская, русская — получает высшее и среднее образование в учительском и технологическом институтах и пяти техникумах. С утра до поздней ночи заполнены читальные залы библиотек. Сотни людей посещают различные лекции. В областном театре идут современные пьесы. В городе выходят две газеты.

В новых промышленных районах Казахской республики, в недавно еще мертвых степях и в горах рождаются новые города, рабочие поселки, рудники, заводы и фабрики. Так, на берегу бухты Бертыс оз. Балхаш, в голой степи, где почти не встречались даже стойбища казахов, вырос город меди — Балхаш, население которого достигло уже 53 тыс. человек.

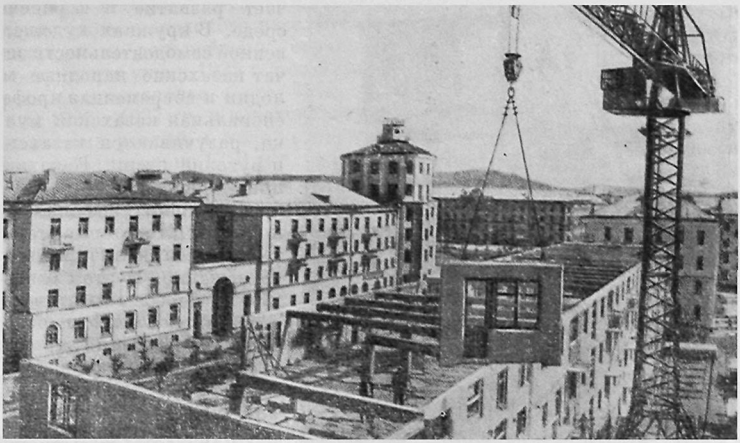
Улица Костенко в г. Караганде

Несмотря на трудности, связанные с неблагоприятными почвенно-климатическими условиями и недостатком пресной воды, город и его окрестности за короткое время были озеленены, на площади в несколько десятков гектаров раскинулся созданный медеплавильщиками ботанический сад. Построены многоэтажные дома с канализацией, водопроводом, электрическим освещением. В городе работают начальные и средние школы, горно-металлургический и сельскохозяйственный институты, детские сады и ясли, драматический театр, клубы, библиотеки, стадион, водно-спортивная станция, кинотеатр — все, что необходимо для удовлетворения культурных потребностей советских людей.

Караганда — крупный город Казахстана, занимающий со своими шахтерскими поселками десятки квадратных километров и насчитывающий 398 тыс. жителей. В центре его высоко поднимаются нарядные многоэтажные дома со всеми удобствами для их обитателей. Вдоль улиц тянутся аллеи деревьев и кустарников, на площадях разбиты яркие цветники, на окраинах широко раскинулись густые зеленые парки. Огромный город продолжает расти и строиться. Сооружены величественное здание Дворца горняков, новые клубы, школы, целые кварталы многоэтажных жилых домов. Непрерывно расширяется сеть предприятий коммунально-бытового обслуживания.

В совсем недавно возникших новых городах — таких, как Рудный, Текели, Темиртау, Абай, Шахтинск, Чулак-Тау, наряду с большим строительством проводятся мероприятия по благоустройству. В Чулак-Тау, городке горнохимического комбината Кара-Тау, для рабочих построены десятки небольших особняков. Рабочий городок электрифицирован. В двухэтажном здании зимнего клуба имеются звуковая киноустановка, обширный читальный зал, библиотека, комнаты для кружков художественной самодеятельности. В красивое здание средней школы многие горняки по вечерам приходят с тетрадями и книгами: они получают здесь среднее образование.

Как и во всей стране, в Казахстане широким фронтом развернулось жилищное строительство. После XX съезда КПСС государственными и



Строительство крупнопанельного сборного дома на проспекте им. Ленина в г. Усть-Каменогорске

кооперативными организациями построено около 12 млн. кв. м жилой площади, или в 1,6 раза больше, чем за предыдущие 15 лет.

Современный быт казахских рабочих мало отличается от быта горожан других национальностей. Около предприятий для рабочих возведены высокие многоквартирные дома с паровым отоплением, электричеством, водопроводом. Наряду с этим на окраинах городов нередко целые кварталы застраиваются индивидуальными домиками рабочих типа коттеджей. Чистые светлые квартиры обставлены хорошей удобной мебелью. Городская меблировка сочетается с красочным убранством комнат в национальном стиле. Во многих семьях сохраняется пользование традиционным низеньким столом для еды, кровать завешивается белым пологом (*шымылдық*), в убранство входят тканые ковры, паласы, орнаментированные войлочные ковры.

Городские рабочие большей частью носят одежду фабричного производства, приобретаемую в магазинах. Пища обогатилась множеством новых блюд, ранее не известных казахам. Однако немалое место в питании продолжают сохранять и традиционные казахские кушанья; вошли в обиход блюда из узбекской и уйгурской кухни — плов, манты.

Показателем культурного роста казахских рабочих является любовь к книге, тяга к искусству. Нет, пожалуй, ни одной рабочей семьи, которая не имела бы домашней библиотечки. Многие рабочие получают газеты и журналы, берут книги в городских или клубных библиотеках.

Советское государство оказывает большое внимание обслуживанию культурных запросов рабочих. Одним из первых общественных зданий в каждом новом рабочем поселке строят клуб. В промышленных центрах воздвигаются дворцы культуры. Великолепный Дворец культуры горняков сооружен, например, в Караганде.

Казахский рабочий класс занимает передовые позиции в развитии быта и культуры. Именно он является проводником нового, социалистического быта в аул. Но казахские рабочие не утрачивают национальных особенностей быта и культуры. Все лучшее, прогрессивное, что имелось в традиционной национальной культуре казахского народа, сохраняется и полу-

В доме Дулатбека Рахимбергенова, рабочего Чимкентского свинцово-цинкового завода

чает развитие и в рабочей среде. В кружках художественной самодеятельности звучат казахские народные мелодии и современная профессиональная казахская музыка, разучиваются казахские и русские песни. Казахское прикладное искусство живет и в домашних женских рукоделиях. Некоторые старинные формы получили новое содержание. В этом отношении интересны поэтические состязания (*айтыс*), которые на ряде предприятий стали традицией. Так, в конце 1957 г. в клубе шахты им. Кирова в Караганде состоялся традиционный айтыс молодых акынов Караганды, посвященный итогам социалистического соревнования угольщиков. Молодые акыны-горняки Максут Бейсеитов и Орымбай Аймагамбетов в своих песнях воспевали успехи рабочих—передовиков своего предприятия и в шуточном споре, востро сатирических стихах критиковали имеющиеся недостатки в работе и строительстве на других шахтах.

Социалистическое сельское хозяйство

Одним из первых мероприятий Советского правительства в области сельского хозяйства Казахстана была ликвидация последствий колониальной политики царизма. 3 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанской республики издал декрет о ликвидации Переселенческого управления. Более 3500 тыс. десятин было передано трудящимся после ликвидации помещичьих имений, земельных владений крупных торгово-промышленных предприятий и верхушки казачьего войска. Казахское трудовое население получило несколько миллионов гектаров, в том числе из свободного переселенческого фонда, пригодной для земледелия и богатой прекрасными сенокосами и выпасами земли. Многие тысячи казахских хозяйств освободились от кабальной зависимости, отработок и уплаты больших сумм за пользование землей.

В 1921—1922 гг. была проведена земельно-водная реформа в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, в результате которой казахские трудящиеся получили более 230 тыс. десятин земли из излишков, отобранных у кулачества. Реформа способствовала дальнейшему укреплению союза русского рабочего класса с трудящимся казахским крестьянством, нанесла сильный удар кулакам-колонизаторам и ослабила позиции байства.

Уже в результате первых аграрных мероприятий Советского правительства значительно сократилось число беспосевных и бесскотных трудовых хозяйств и в то же время уменьшилось кулацко-байское землепользование. Большую роль в подготовке условий для осуществления социалистического преобразования сельского хозяйства сыграло проводившееся в 1923—1928 гг. землеустройство трудящегося крестьянства, особенно кочевого и полукочевого казахского населения. Землеустраиваемым выдавался кредит для приобретения скота и инвентаря с рассрочкой платежа на 10 лет, бесплатно отпускался лес для сооружения домов и хозяй-

ственных построек. Это способствовало переходу бедняцких и середняцких слоев казахского населения на оседлость, расширению посевных площадей и дальнейшему ограничению эксплуататорских элементов. В результате уже к 1925 г. посевные площади достигли 67,6% довоенного уровня, а поголовье скота 75%.

В 1926—1927 гг. в казахском ауле был проведен передел пахотных и сенокосных угодий, в ходе которого аульная беднота и середняки получили дополнительно 1250 тыс. га пахотной земли и 1360 тыс. га сенокосов, ранее принадлежавших баям и другим эксплуататорским элементам. Затем, в 1928 г., последовала конфискация у 700 крупных баев-полуфеодалов скота, а также строений, транспортных средств, сельскохозяйственного инвентаря и другого имущества. Скот и имущество получили 25 тыс. бедняцких и середняцких хозяйств. На базе конфискованного у баев скота и инвентаря было также создано около 300 новых колхозов и пять образцовых совхозов. Наиболее антисоветски настроенные баи и потомки феодальной казахской знати были выселены. Ликвидация оплота патриархально-феодальных пережитков подготовила полную ликвидацию эксплуататорских классов в Казахстане. Сельское хозяйство шло по пути подъема; уже в 1929 г. посевные площади превысили уровень 1913 г.

Коммунистическая партия и Советское правительство систематически и во все возрастающих масштабах оказывали помощь в развитии производительных сил и ликвидации вековой отсталости в ауле. Трудовому крестьянству отпускался семенной материал, денежные кредиты; расширялась зооветеринарная и агрономическая помощь. Все это усиливало доверие трудящихся масс аула к Советской власти и создало необходимые условия для коллективизации.

Первые коллективные хозяйства в Казахстане возникли в 1918 г.; их организовали батраки, бедняки и частично рабочие. Одной из основных форм сельскохозяйственной кооперации в Казахстане в первые годы были товарищества по общественной обработке земли (ТОЗы), в которых крестьяне постепенно получали навыки коллективного труда.

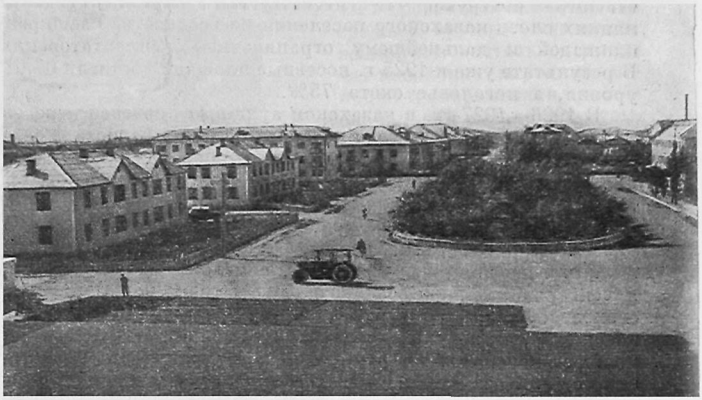
На юге Казахстана большое распространение получили мелиоративные товарищества, помогавшие крестьянским хозяйствам в улучшении оросительной сети: объединенные ими хозяйства строили каналы, которые затем совместно использовали. В кочевых и полукочевых животноводческих районах, вследствие слабого развития земледелия и наличия сильных пережитков патриархально-феодальных отношений, преобладали другие первичные формы кооперации: снабженческо-сбытовые кооперативы, колодезные и другие товарищества.

Коренной перелом в развитии производственных отношений произошел в Казахстане, как и во всей стране, в 1929 г. К этому времени были достигнуты успехи в индустриализации страны, сельское хозяйство получило много машин. В 1929 г. в Казахстане было организовано 30 совхозов, пять машинно-тракторных станций.

Большую роль в проведении сплошной коллективизации в Казахстане сыграли направленные партией в конце 1929 — начале 1930 г. в деревни и аулы промышленные рабочие-двадцатипятитысячники (свыше 1000 человек), основное ядро которых осталось работать в колхозах.

К концу 1929 г. по сравнению с его началом число колхозов в республике удвоилось, а число хозяйств, вошедших в колхозы, увеличилось более чем в 3,5 раза. В последующие годы темпы коллективизации увеличивались. К концу 1934 г. колхозы Казахстана объединяли уже 85,9% всех трудовых крестьянских хозяйств и свыше 90% посевных площадей. В 1937 г. сплошная коллективизация была завершена; в колхозы объединились 97,5% хозяйств.

Одновременно со сплошной коллективизацией отсталых кочевых и полукочевых казахских хозяйств и на ее базе осуществлялось оседание быв-



Целинный край. Поселок Есиль — центр

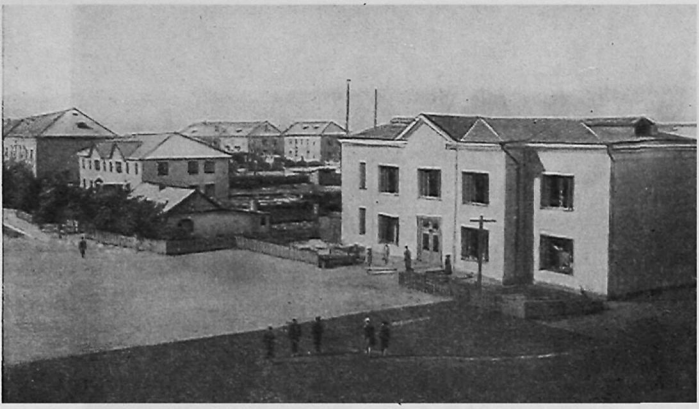
ших кочевников. Советское государство оказывало им огромную помощь кредитами, сельскохозяйственными машинами и др.

Объединение единоличных крестьянских хозяйств в крупные производственные коллективы решило успех реконструкции сельского хозяйства Казахстана. Рост колхозов сопровождался оснащением сельского хозяйства сложными сельскохозяйственными машинами и инвентарем. В 1931 г. для обслуживания колхозов было создано 43 МТС. В 1934 г. МТС уже обеспечивали обработку 53% посевных площадей колхозов. В годы первой пятилетки МТС и созданные при них политотделы провели большую работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, выращиванию колхозных кадров, подъему политического уровня колхозного населения. В 1940 г. на полях республики работало уже более 30 тыс. тракторов и 11 тыс. комбайнов.

В результате победы колхозного строя старые производственные отношения в аулах и селениях Казахстана сменились новыми, социалистическими. В республике выросло высококультурное механизированное земледелие, сосредоточенное в крупных колхозах и совхозах.

Большинство посевных площадей находится в северных и южных районах республики. Огромные пространства Центрального и Западного Казахстана используются главным образом для отгонного животноводства. В северных районах зерновое хозяйство сочетается с молочным животноводством. В южных районах, в предгорьях Джунгарского Ала-Тау и других горных систем Тянь-Шаня, развито поливное земледелие и мясо-молочное животноводство. На поливных землях наряду с зерновыми возделываются ценнейшие технические культуры.

Большую роль в развитии сельского хозяйства сыграло происходившее в 1950—1953 гг. укрупнение сельхозартелей. Однако самое важное значение для дальнейшего подъема сельского хозяйства имели решения сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС. Осуществляя выдвинутую Коммунистической партией задачу—довести в 1965 г. валовой сбор зерна в стране до 11,7 млрд. пудов, трудящиеся республики вместе с огромной армией новоселов, по зову партии прибывших в Казахстан из других братских республик, провели огромную работу по освоению целинных и залежных земель, развернув самоотверженное наступление на пустовавшие веками степные просторы. За короткий срок здесь было освоено



упного зернового района Казахстана

более 23 млн. га новых земель. В степи выросли сотни новых благоустроенных поселков с жилыми домами, клубами, больницами, школами, библиотеками, проложены тысячи километров железных и шоссейных дорог, построены новые элеваторы и зерносклады. Освоение целины стало великим трудовым подвигом всех народов Советского Союза.

Ведущую роль в освоении целинных земель сыграли созданные здесь сотни новых крупных зерновых совхозов. Их теперь насчитывается свыше 700. Во много раз увеличили производство зерна и колхозы республики. За годы освоения целины производство товарного зерна увеличилось в 4,3 раза. Казахстан превратился во вторую после РСФСР житницу советской страны. За успехи в освоении целинных и залежных земель Казахская ССР была удостоена высокой правительственной награды — ордена Ленина.

Большое значение для Казахстана имеет орошение. Орошаемые земли (их насчитывается более 1400 тыс. га) расположены главным образом в Южно-Казахстанском крае. За годы Советской власти проделана огромная работа по орошению больших массивов плодороднейших земель, не использовавшихся раньше из-за отсутствия воды. Так, например, реконструкция старых оросительных систем и строительство новых дали в 1945 г. по сравнению с 1915 г. 400 тыс. га новых площадей. На орошаемых землях выросли новые культурные районы поливного земледелия. Колхозники Южного Казахстана покрыли Голодную степь мощной сетью каналов, выведенных из Сыр-Дарьи. Первый хлопководческий совхоз «Пахта-Арал», организованный около 40 лет назад в южной части этого пустынного в прошлом района, стал крупнейшим хлопководческим хозяйством, он имеет более 5,5 тыс. га посевов хлопчатника и собирает высокие урожаи хлопка (в 1961 г. по 35—36 ц с 1 га). Здесь широко применяется машинный сбор хлопка. Совхоз развивает также животноводство, садоводство и виноградарство. Его центральная усадьба стала городом с многочисленным населением. Богатейшие колхозные нивы раскинулись на территории трех новых районов — Пахта-Аральского, Кировского и Ильичевского. Помимо хлопка и зерновых культур, здесь значительные площади занимают сады и виноградники, бахчевые культуры. К концу семилетки в казахстанской части Голодной степи будет обводнено 73 тыс. га новой земли, сооружено Чардаринское водохранилище.

Общий вид поселка совхоза «Свободный». Целиноградская область

В настоящее время в республике ведется строительство крупных оросительных каналов и водохранилищ: на юге Казахстана — Большого Туркестанского канала, Большого Чуйского, Терс-Ащибулакского и Куртинского водохранилищ; на западе — Урало-Кушумской обводнительной системы, Тайпакского магистрального канала; в долине Сыр-Дарьи — левобережного канала. В сельском хозяйстве применяются такие эффективные способы полива, как бороздковый, сифонный, дождевание.

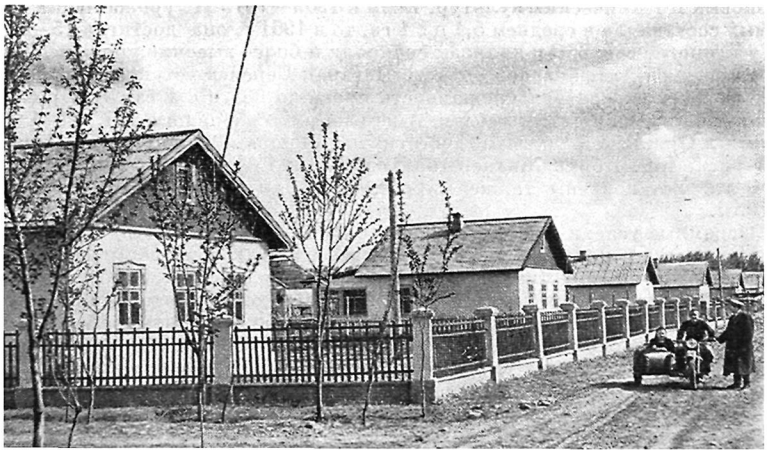
Большое значение для развития сельского хозяйства Казахстана имеет строительство Кзыл-Ординской железобетонной плотины, которая даст возможность оросить свыше 100 тыс. га под посевы риса.

Высокого уровня достигла механизация земледелия в Казахстане. На совхозных и колхозных полях работает 363 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), в том числе 234 тыс. в Целинном крае, 100 тыс. зерновых комбайнов, почти полностью обеспечивающих посев и уборку зерновых культур. Здесь применяются новейшие сельскохозяйственные машины: широкозахватные жатки, плуги без отвалов и др. Ручной труд и простые машины с конной тягой все больше вытесняются из процессов обработки полей и уборки урожая технических и огородных культур (хлопка, сахарной свеклы и др.). В сельскохозяйственном производстве внедряется электроэнергия.

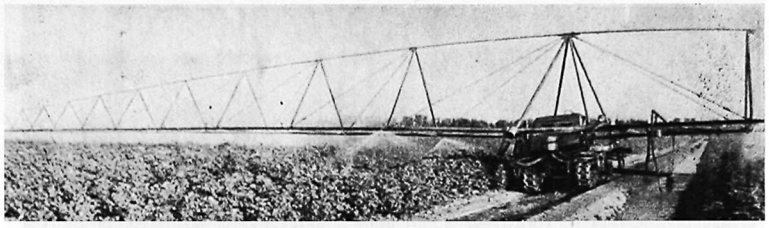
Значительно изменилось соотношение сельскохозяйственных культур на полях. Большое развитие получило возделывание ценных технических культур, в особенности хлопчатника (Южно-Казахстанский край), сахарной свеклы (Алма-Атинская и Джамбулская области), табака. Распространены также посевы подсолнечника, лекарственного мака. На юге Казахстана много садов и виноградников. Увеличились площади под огородными и бахчевыми культурами, особенно под картофелем, арбузами и дынями. Из зерновых культур главными являются яровая и озимая пшеница, кукуруза, просо, ячмень. В долине Сыр-Дарьи развито рисосеяние.

Улучшение структуры посевных площадей идет в настоящее время по линии замены малоурожайных культур такими, как кукуруза, сахарная свекла и бобовые, особенно горох. В зерновом балансе республики

Арычная система. Карагандинский совхоз,



Улица в поселке совхоза «Пахта-Арал». Чимкентская область



Полив хлопчатника дождевальным агрегатом в совхозе «Пахта-Арал». Чимкентская область

все большее значение приобретает кукуруза. В 1961 г. ею были заняты сотни тысяч гектаров. Ее плантации простираются уже от Волги до Алтая, от Заилийского Ала-Тау до Уральских гор. Широкую известность получили такие мастера возделывания кукурузы, как Марьям Ниязова, Турсун Ушуров, Усман Маметов. В 1961 г. в республике было собрано по 50 ц сухого зерна кукурузы с 1 га.

Вместе с ростом посевных площадей и широкой механизацией сельскохозяйственных процессов происходит массовое внедрение передовых агротехнических мероприятий. Это обеспечивает получение высоких урожаев, уменьшает и постепенно ликвидирует зависимость земледелия от капризов природы.

Показателем успехов земледелия является повышение урожайности зерновых и технических культур. Если в 1909—1913 гг. урожайность зерновых составляла в среднем 5,1 ц с 1 га, то в 1961 г. она достигла 15—17 ц с 1 га, многие совхозы и колхозы собирали и более высокие урожаи. Знатный просовод Актюбинской области Чаганак Берсиев установил в 1943 г. мировой рекорд, доведя урожайность проса до 201 ц с 1 га. Этот рекорд вскоре был перекрыт Алусбаем Аманбаевым, собравшим 207 ц с 1 га. В Кзыл-Ординской области достигнуты мировые рекорды урожайности риса; так, Ибрай Жахаев (колхоз «Кзыл-Ту») добился урожая 171 ц с 1 га. Установлены также мировые рекорды урожайности сахарной свеклы.

Огромные успехи в земледелии были достигнуты благодаря самоотверженному труду колхозного крестьянства, рабочих совхозов и специалистов сельского хозяйства. В ходе развития социалистических отношений в ауле, реконструкции земледелия и животноводства изменился характер труда, изменились люди и их отношение к общественному делу.

Труд в сельском хозяйстве все больше связывается с машинами, все больше становится трудом профессиональным. Из казахов-крестьян выросло много механизаторов: трактористов, комбайнеров, шоферов. Сельское хозяйство обслуживает целая армия специалистов. Современный уровень техники и агротехники, требуя значительных знаний, в большой степени способствует повышению культурного уровня трудящихся.

Глубочайшие изменения произошли и в животноводстве. Для перестройки этой отрасли сельскохозяйственного производства казахскому народу пришлось провести огромную работу. Классовая борьба, развернувшаяся в первые годы социалистического переустройства казахского аула, массовое уничтожение скота кулаками и баями, ошибки и перегибы, допущенные при проведении коллективизации и оседания, привели в начале 1930-х годов к резкому снижению поголовья скота в Казахстане.

Раздельная уборка пшеницы в Самарском зерносовхозе. Атбасарский район, Целиноградская область

Сбор яблок в колхозе им. Кирова. Ильичевский район, Чимкентская область

Ряд последовавших за этим специальных мероприятий партии и правительства помог выправить допущенные ошибки. В результате уже к 1933 г. был успешно закончен реконструктивный период. Колхозы и совхозы республики развернули борьбу за увеличение поголовья скота, за превращение Казахстана в основную базу животноводства на востоке СССР. К 1940 г. Казахстан по темпам роста поголовья занял первое место в СССР, увеличив количество скота в 1940 г. по сравнению с 1933 в 2,5 раза.

В послевоенный период на подъем общественного животноводства было обращено особое внимание партийных и советских органов. В результате уже в 1950 г. количество овец и коз только в колхозах превысило довоенный уровень почти в 3 раза, лошадей — на 106%, крупного рогатого скота — на 75%. За пять с половиной последних лет, к октябрю 1961 г., только поголовье овец возросло на 16,3 млн., составив (вместе с козами) 34 млн. В республике насчитывается свыше 6 млн. голов крупного рогатого скота, более 2 млн. свиней, 28 млн. штук птицы.

Наличие в республике огромных естественных пастбищ позволило широко использовать особую форму животноводства — отгонное животноводство, базирующееся на сезонном использовании естественных кормовых ресурсов. Социалистическое отгонное животноводство республики в корне отличается от кочевого скотоводства дореволюционного Казахстана. Сочетая достижения современной науки с богатым практическим опытом, казахский народ в условиях социалистического строя создал крупное общественное животноводство. Его отличает высокая товарность, господство новых, социалистических форм организации труда, наличие передовой сельскохозяйственной техники, применение научных методов и приемов хозяйствования.

Создание страховых запасов кормов на участках отгона, сооружение водоемов и теплых помещений для скота, зоотехническое и ветеринарное обслуживание—все это обеспечивает эффективность современного отгонного животноводства, способствует повышению его продуктивности.

Огромное внимание уделяется в настоящее время вопросам механизации производственных процессов в животноводстве. В колхозах и совхозах республики все шире применяется механизированная заготовка кормов, закладка силоса, подача воды на животноводческие фермы, электромеханическая дойка коров, электрострижка овец.

Современный период развития животноводства характеризуется всемерным укреплением отгонно-пастбищной системы содержания скота в животноводческих районах и переходом к стойловой системе в земледельческих районах.

Наличие в Казахстане 170 млн. га естественных кормовых угодий, значительная часть которых используется еще недостаточно, позволяет расширить и укрепить отгонно-пастбищное животноводство, особенно такую его важнейшую отрасль, как овцеводство. Освоение миллионов гектаров целинных и залежных земель дает возможность развивать продуктивное животноводство на базе широкого внедрения высококалорийных кормовых культур, таких, как кукуруза, сахарная свекла, кормовые бобы, горох. Республика в настоящее время борется за увеличение производства важнейших продуктов животноводства, особенно мяса.

Значительные работы проведены в Казахстане по улучшению местных пород скота, а также по выведению новых. На территории республики созданы многочисленные племенные питомники, пункты искусственного осеменения скота.

Разведение крупного рогатого скота наиболее развито в северных областях Казахстана (Северо-Казахстанской, Павлодарской, Кустанайской, Кокчетавской и Целиноградской), где преобладает молочное направление животноводства. Здесь разводят главным образом красную

Механизированный сев риса. Колхоз «Кзыл-Ту». Чиилийский район, Кзыл-Ординская область

Ломка табака в колхозе. Джамбулский район, Алма-Атинская область

Электростpижка овец

Спаренные камышитовые кошары на отгонном участке Эден. Джамбулская область.

степную породу рогатого скота, отличающуюся высокой удойностью. В обширной зоне степей (Семипалатинская и Уральская области) разводят симментализированный скот. Наряду с хорошей молочностью, этот скот отличается высокими мясными качествами. В сухостепной и пустынно-степной зонах, в районах преимущественно пастбищного содержания (Центральный и Южный Казахстан), преобладает новая высокопродуктивная казахская белоголовая порода, которая лучше, чем другие, переносит условия зимнего пастбищного содержания. Она создана на основе метизации местной малопродуктивной породы коров с астраханской и герефордской породами. Из года в год увеличивается число колхозных и совхозных ферм с алатауской, швицкой, аулиеатинской и другими породами рогатого скота.

Сакманщица с ягнятами. Колхоз им. Калинина, Кировский район, Алма-Атинская область

В республике разводят также более десяти основных пород овец (в том числе советский меринос, казахская тонкорунная, кавказская, алтайская, ставропольская). Ведутся работы по созданию новых пород тонкорунных овец применительно к особенностям различных зон республики: бескарагайский меринос в Павлодарской области, приаральская тонкорунная, приспособленная к существованию в условиях пустынь Кзыл-Ординской области, и др. На значительных площадях пустынь и полупустынь Южного, Центрального и Западного Казахстана разводят высокопро уктивные породы овец мясо-сального направления (эдельбаевские курдючные и каракульские).

Местная порода лошадей улучшается на основе использования английской, англо-донской и донской пород. Распространяется местная адаевская порода лошадей, отличающаяся быстротой и выносливостью. Основное поголовье разводимых в Казахстане лошадей сосредоточено на естественных пастбищах степной и полупустынной частей Западного, Центрального и Южного Казахстана. Здесь же расположена большая часть колхозов и совхозов, занимающихся верблюдоводством.

За годы Советской власти огромные изменения произошли в организации выпаса и в условиях содержания скота. При господстве отгонной системы в животноводстве большое внимание уделяется созданию прочной кормовой базы. Казахские животноводы, сочетая опыт своих предков с новейшими достижениями сельскохозяйственной науки, организуют сезонный выпас тех видов скота, которые содержатся в основном на естественных пастбищах. С наступлением весны стада колхозов и совхозов, находившиеся на скотных дворах в местах зимовки, передвигаются на весенние пастбища, а затем на летние (джайляу) и обратно. Перегон скота

Табун лошадей колхоза им. Ленина. Энбекши-Казахский район, Алма-Атинская область

проводится под наблюдением специалистов-зоотехников по заранее разведанным маршрутам. На участках отгона и на трассах перегона десятки гектаров засеваются кормовыми травами, оборудуются водопои. В местах зимовки устраиваются помещения для скота, создаются запасы грубых и концентрированных кормов. С целью расширения кормовой базы ежегодно осваиваются десятки тысяч новых естественных пастбищ, их орошают, засевают многолетними травами и кормовыми культурами. Совхозы и колхозы строят новые типовые помещения для скота, переводя все большее его количество на стойловое содержание.

С ростом и укреплением экономики колхозов и совхозов значительно улучшились культурно-бытовые условия жизни колхозников, вынужденных большую часть года проводить на отгонных пастбищах, вдали от населенных пунктов.

В отдаленных районах чабанские бригады, находящиеся на пастбищах, держат связь с колхозами посредством радио.

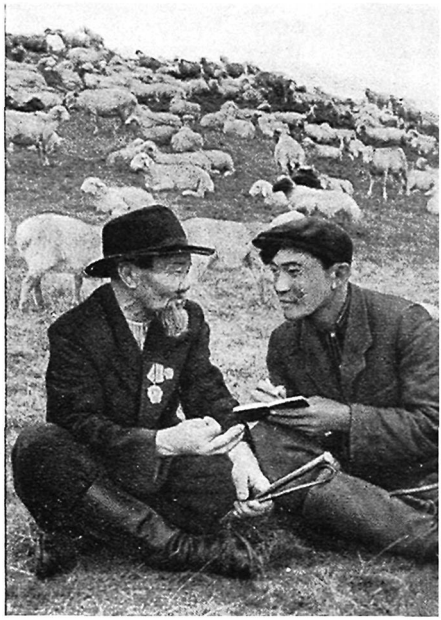
На зимних участках для животноводов построены тысячи жилых домов. В летнее время животноводы живут в легких, удобных для перевозки юртах. Для их массового изготовления в республике производятся тысячи деревянных каркасов и сотни тонн войлоков. Наряду с этим возникла необходимость в изготовлении более дешевых и портативных переносных жилищ для животноводов. Институт пластмасс разработал и изготовил образцы юрт из синтетических материалов. Легкий разборный каркас такой юрты сделан из пенопласта и покрыт снаружи капроном. В ней имеется несколько окон из органического стекла, которые легко вынимаются при проветривании помещения. Юрта большого размера (28 кв. м) предназначается под красный уголок. Разработан также образец юрты-школы для детей животноводов. Юрты нового типа в 1,5—2 раза легче и долговечнее войлочных.

На отгонных участках созданы сотни межколхозных центров, где имеются школы-интернаты для детей животноводов, зооветеринарные пункты, радиоузлы, больницы, библиотеки, бани, торговые точки. Для куль-

турного обслуживания животноводов организованы красные юрты и передвижные автоклубы, регулярно посещающие отдаленные фермы и участки, где демонстрируются художественные и научно-популярные фильмы, проводятся лекции, беседы.

За годы Советской власти в Казахстане выросли десятки тысяч специалистов животноводства, успешно борющихся за увеличение общественного поголовья скота, рост его продуктивности. Многие сотни животноводов удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

* * *



Старший чабан Маматай Сарсенбаев делится опытом с молодым чабаном. Колхоз им. Калинина, Чиликский район, Алма-Атинская область

Семилетний план развития народного хозяйства СССР открыл новую страницу в истории хозяйственного развития Казахстана. В течение 1959—1965 гг. намечено дальнейшее развитие цветной металлургии, энергетики, машиностроения, химической, нефтяной, угольной, цементной, пищевой и легкой промышленности.

Капитальные вложения в народное хозяйство Казахской ССР предусмотрены в объеме 116—119 млрд. руб., или в 2,3 раза больше, чем в предшествующем семилетии. Валовая продукция промышленности к концу семилетия увеличится в 2,7 раза по сравнению с 1958 г., в том числе добыча железной руды вырастет в 6,2 раза, выплавка стали в 17 раз. Выработка электроэнергии достигнет 26 млрд. квт-ч.

В соответствии с семилетним планом в Казахстане развернулось строительство новых промышленных гигантов. На западе, недалеко от Кустаная, вступил в строй крупнейший на Востоке Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат производительностью 26 млн. т железной руды в год. Продолжается строительство «Казахстанской магнитки» — Карагандинского металлургического завода в Темиртау, который превзойдет по мощности Кузнецкий комбинат. Здесь уже введены в эксплуатацию две доменные печи и три коксовые батареи. С вводом в действие этих предприятий, а также Атасуйских рудников Казахстан стал впервые производить чугун и кокс, а добыча железной руды увеличилась в 30 раз. Казахстан превратился в сырьевую базу и для всей металлургии Южного Урала. На берегу Иртыша близ Павлодара сооружается второй в республике завод ферросплавов. В Павлодаре строится алюминиевый завод на базе Тургайского бокситового рудника.

Предусматривается строительство крупных машиностроительных предприятий, увеличение добычи угля в 1,5—1,6 раза. Высокими темпами будет развиваться химическая промышленность: производство

минеральных удобрений, искусственного волокна, синтетического каучука, автомобильных покрышек. Уже строится ряд предприятий большой химии.

За три года семилетки в Казахстане введено в эксплуатацию свыше 400 новых промышленных предприятий и цехов. Валовая продукция промышленности за этот период возросла на 28%.

Преобразование всей экономики республики происходит на базе развития энергетического хозяйства. Построены мощные тепловые и гидроэлектростанции. Крупнейшая Усть-Каменогорская ГЭС построена в годы пятой пятилетки. Введена в эксплуатацию Бухтарминская ГЭС. Предусмотрено строительство Шульбинской ГЭС на Иртыше, Капчагайской на р. Или, Карагандинской ГРЭС № 2 и многих других.

Осеннее купание овец. Совхоз им. Фурманова. Уральская область

В области сельского хозяйства семилетний план ставит перед Казахстаном задачу дальнейшего производства зерна, технических культур и продуктов животноводства. Производство сахарной свеклы к концу семилетки по сравнению с 1958 г. должно увеличиться в 1,9—2,2 раза, хлопка-сырца — в 1,7—2, мяса — в 2,5, молока — в 1,8, шерсти — в 2,1 раза.

В последнее время, по призыву Коммунистической партии, развернулось широкое движение за развитие животноводства и увеличение производства мяса в районах целинных земель. Это движение рассматривается тружениками сельского хозяйства Казахстана как освоение второй — животноводческой—целины.

Еще более величественные перспективы открываются перед Казахстаном после XXII съезда КПСС, утвердившего новую Программу партии. В соответствии с этой Программой роль Казахстана в создании материально-технической базы коммунизма резко возрастает.

В течение ближайшего двадцатилетия в Казахстане будет создана одна из новых мощных общесоюзных металлургических баз страны. Здесь появится ряд новых крупных электростанций, в том числе Иртышская энергетическая группа. В Казахстане будет производиться ежегодно 120—130 млн. т железной руды, 30—35 млн. т стали, 40—50 млн. т нефти, 140—150 млн. т угля, 200 млрд. квт-ч электроэнергии, огромное количество меди, цинка, свинца и других цветных металлов.

Большие перспективы открываются и перед сельским хозяйством республики. Здесь будут осуществлены крупные ирригационные работы, которые дадут возможность создать новые районы хлопководства (в казахстанской части Голодной степи) и рисосеяния (в низовьях Сыр-Дарьи). Намечается переброска больших масс воды из Иртыша с целью водообеспечения Центрального Казахстана. Казахстану отводится большая роль в увеличении производства зерна. Валовой сбор зерна будет доведен здесь

Передача дневной сводки по радио с отгонного участка Кастекского овцесовхоза

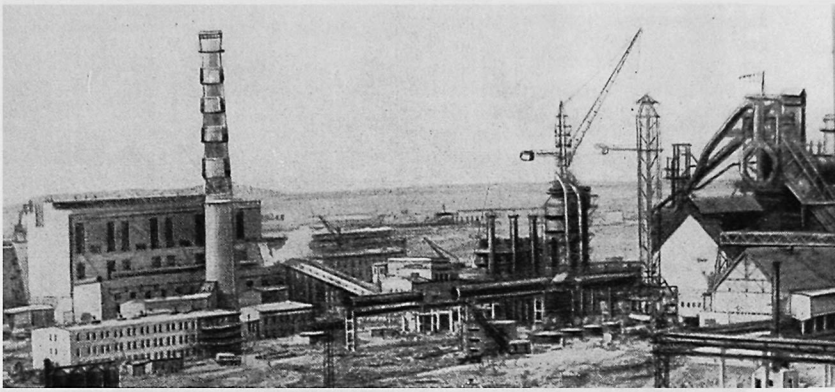
до 3,5 млрд. пудов, в том числе более 2 млрд. пудов товарного хлеба. Наряду с производством зерна Казахстан будет давать миллионы тонн мяса, молока и других животноводческих продуктов. На бескрайних пастбищах республики возникнут сотни новых овцеводческих совхозов. Таким образом, Казахстан внесет весомый вклад и в создание изобилия продуктов сельского хозяйства.

Современное домашнее производство

Социальный характер ремесла и домашнего производства казахов претерпел после Октябрьской революции большие изменения. Современное домашнее производство уже не основывается на эксплуатации чужого труда. За последние десятилетия значение и удельный вес домашних промыслов в личном хозяйстве казахского колхозного крестьянства резко уменьшились. Тем не менее отдельные виды домашнего производства еще сохраняются до наших дней в довольно широких размерах, особенно те виды его, которые связаны с обработкой шерсти. К ним относится производство войлоков разного назначения: на покрытие юрт, для подстилки на пол и на постели, как принадлежностей для седла (потники) и др. Продолжают еще изготовлять грубую ткань для мешков (*қап*) и переметных сум (*қоржын*), вьют арканы, имеющие широкое применение в хозяйстве. Местами, особенно в быту животноводов, сохранилась в небольших размерах выделка кож и шкур домашних животных, из которых шьют зимнюю одежду (шубы, тулупы, кожаные шаровары, головные уборы). Казахи-колхозники изготовляют также кожаную посуду для кумыса и молочных продуктов, шьют из сыромятной кожи конскую сбрую, выделывают ремешки для скрепления остова юрты.

Часть этих изделий предназначается для общественных нужд, остальные потребляются в личном хозяйстве колхозников. В большинстве случаев это предметы, спрос на которые обусловлен национальными традициями, бытовыми привычками, а также хозяйственными навыками.

В новых условиях некоторое развитие получила обработка дерева и металла (железа), которая стала составной частью колхозного производства.



Общий вид строительства металлур-

Обработка дерева в настоящее время сосредоточена в основном в колхозных мастерских, производящих ремонт сельскохозяйственного инвентаря и все плотничные работы, связанные со строительством жилых и хозяйственных зданий. Кроме того, колхозные плотники и столяры изготовляют для общественных нужд и для личных потребностей колхозных семей столы, стулья, сундучки. В отдельных селениях встречаются мастера, занимающиеся изготовлением деревянных остовов юрт, седел, детских колыбелей (*бесік*) и других предметов национального быта.

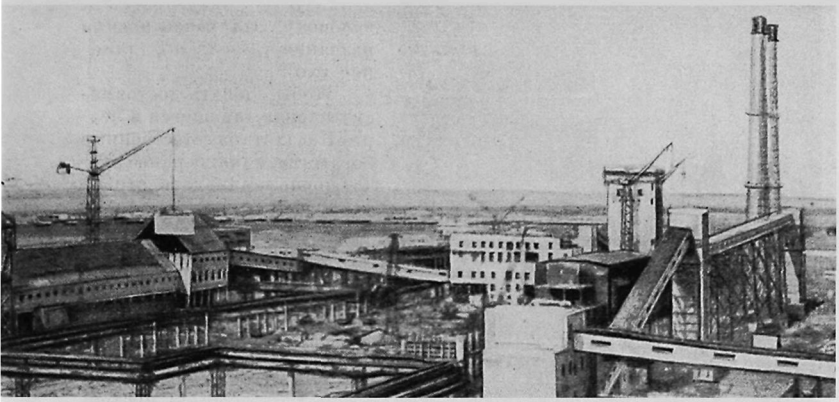
Производство, связанное с обработкой железа, сосредоточено в колхозных кузницах, обслуживающих в основном нужды общественного хозяйства. Технические приемы обработки дерева и железа претерпели существенные изменения. Мастерские обычно оборудованы фабричным инструментарием. Только при производстве предметов национального быта отдельные мастера используют старинные инструменты.

Средства передвижения и связи

До революции проблема путей сообщения и средств передвижения на огромных просторах Казахстана была особенно острой. Слабое развитие транспортных средств в степи долгое время сдерживало развитие производительных сил казахского общества.

Колесный транспорт на территории Казахстана известен давно. Первые сведения о наличии у казахов двухколесных арб и четырехколесных повозок (*күйме*) относятся еще к XVI—XVII вв., однако сколько-нибудь широкого распространения этот вид транспорта не имел. Гужевые дороги здесь отсутствовали совершенно. Основными путями сообщения вплоть до XIX в. оставались караванные дороги, пересекавшие казахские степи во всех направлениях. Они связывали Орск и Оренбург через Казахстан с Хивой, Бухарой и Ташкентом; Астрахань и Среднее Поволжье с Хивой и Ургенчем; Семипалатинск с Кульджой и Чугучаком.

В середине XIX в., с усилением торгово-экономических связей Казахстана с Россией, с ростом городов и появлением в степи значительного русского населения, возникли гужевые дороги и начал развиваться колесный транспорт. Однако основная масса казахов по-прежнему пользовалась для перевозок вьючными животными: верблюдами, лошадьми и быками. Для каждого вида животных были специальные вьючные седла: для верблюдов *жазы* и *ауыт*, для лошади и быка — *ыңыршақ*. В ряде районов на



гического завода в г. Темиртау

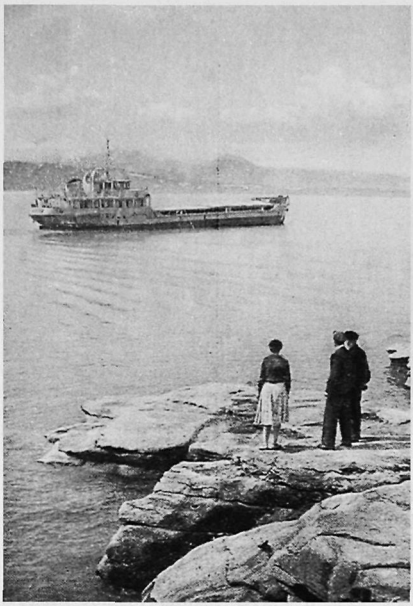
востоке и юге Казахстана применялись волокуши — *сүйреткі*. Главным средством передвижения были верховые лошади, а в полупустынных и пустынных частях Казахстана — верблюды.

Казахские верховые седла (*ер*) подразделяются на мужские и женские, несколько различающиеся формой задней луки. Остов казахского седла делается из нескольких кусков дерева. В форме казахских седел имеются некоторые территориальные различия. В Северо-Восточном и Центральном Казахстане передняя лука невысока, она имеет округлую форму, выпуклую или плоскую переднюю часть. В Западном и Южном Казахстане преобладают седла с высокой передней лукой, оканчивающейся цельной или раздвоенной головкой. Встречаются здесь также седла с округлой, но высокой передней лукой. Ленчики седел обивают кожей или войлоком и покрывают подушкой, под седло подкладывают войлочный потник, обшитый сверху кожей. На ленчике, ближе к передней луке, делают прорез для подпруги и для ремней стремян. Седло снабжается подхвостником, а нередко и нагрудником. Стремена делают деревянные или металлические. В прошлом зажиточные казахи всю верховую сбрую, в том числе и седло, украшали металлическими пластинками с серебряной насечкой.

Водные пути в Казахстане использовались в прошлом очень мало. Судоходство существовало лишь по Иртышу и на Каспийском и Аральском морях.

Накануне Великой Октябрьской революции железнодорожная сеть в Казахстане составляла всего 2081 км. Огромное значение для Казахстана имела Сибирская железная дорога, построенная в 90-х годах прошлого столетия, с ответвлениями на Уральск, Кустанай, Петропавловск и Семипалатинск. В 1905 г. была закончена постройка железной дороги Оренбург — Ташкент. Железнодорожное сообщение способствовало более интенсивному развитию экономики Казахстана, расширению капиталистических отношений, вызвало к жизни новые отрасли промышленности, содействовало росту товарности сельского хозяйства, общественного разделения труда. Однако бездорожье на основной территории по-прежнему оставляло недоступными неисчерпаемые богатства Казахстана.

Такие виды связи, как телеграф, телефон, почта, функционировали в конце XIX — начале XX в. лишь в городах и больших населенных пунктах. Основная масса казахского населения пользовалась передачей све-



Бухтарминское водохранилище

дений устно от человека к человеку. Эта связь носила название *ұзын құлақ* (длинное ухо).

Чтобы сделать достоянием народа таившиеся в недрах Казахстана естественные богатства, а также ранее пустовавшие земли, дать стране уголь, цветные металлы, хлеб, мясо, хлопок, необходимо было решить проблему транспортного строительства. Поэтому железнодорожное строительство стало развиваться в республике уже в первое десятилетие Советской власти. В 1927—1931 гг. была построена Туркестано-Сибирская железная дорога (Турксиб), протяженностью в 1445 км. Эта дорога открыла прямой путь сибирскому хлебу, углю и лесу в Среднюю Азию, хлопку и нефти — в Сибирь. Турксибу суждено было в дальнейшем сыграть огромную роль в экономическом и культурном развитии Казахстана.

В годы первых пятилеток сооружались главным образом ответвления от основных магистралей. К 1940 г. республика имела уже 6581 км железных дорог.

В послевоенный период, в связи с новым мощным подъемом народного хозяйства республики, была построена и сдана в эксплуатацию новая железнодорожная магистраль Моинты—Чу, связавшая республики Средней Азии с Карагандинским угольным бассейном, Сибирью и Уралом. Освоение целинных и залежных земель потребовало резкого увеличения железнодорожных линий, особенно в северных и северо-восточных областях республики. Только за 1954—1955 гг. здесь было построено 1050 км новых широко- и узкоколейных дорог. В результате протяженность линий железных дорог республики по сравнению с 1913 г. возросла более чем в 5 раз и составила в 1960 г. 11 470 км, в том числе 3840 км в Целинном крае. Объем грузоперевозок вырос более чем в 45 раз.

Ряд участков железных дорог переведен на более эффективную тепловую и электрическую тягу. К концу семилетки на электротягу перейдут 1200 км железных дорог. В дальнейшем будет осуществлено строительство новых железнодорожных линий: Гурьев — Астрахань, Моинты — Карагайлы, Октогай — Балхаш — Джезказган — Аральское море, Кунград — Макат, Чулак-Тау — Чулак-Курган, Экибастуз—Иртышское — Куломзино. Будут построены также новые пути — звенья проектируемой Средне-Сибирской магистрали.

Важное значение для хозяйственного развития Казахстана приобрел водный транспорт. На территории республики создан ряд пароходств, в том числе Уральское, Верхне-Иртышское, Аральское, Каспийское. Ежедневно от пристаней и причалов Казахстана отправляются в различных

Перевозка груза на волокуше. Семиречье. 1907 г.

направлениях, в том числе и за пределы республики — в РСФСР, Азербайджан, Туркмению, сотни пароходов с грузом и пассажирами. Для многих районов республики водные пути играют первостепенную роль в снабжении их необходимыми промышленными и сельскохозяйственными продуктами.

Наиболее массовым видом транспорта на территории Казахстана стал автомобиль. За годы Советской власти республика покрылась густой сетью шоссейных и грунтовых дорог, связывающих города, поселки, колхозные аулы, по которым идут сотни тысяч грузовых и легковых автомобилей. Каждый колхоз и совхоз имеет свои автомашины, число которых нередко доходит до нескольких десятков. При помощи автомобилей осуществляется перевозка основных грузов, сообщение с далекими фермами и отгонными участками. Наряду с автомобилями в колхозном производстве используется и гужевой транспорт, а также верховые лошади.

Многие трудящиеся городов, сел и аулов имеют собственные легковые автомобили и мотоциклы. Силами колхозников, а также государственными организациями за последние годы на территории республики сооружен ряд автомагистралей, в том числе «Восточное кольцо», связывающее воедино промышленные и сельскохозяйственные районы Восточного Казахстана и Семипалатинской области, дороги Алма-Ата — Сары-Озек, Джамбул — Байкадам, Алма-Ата — Фрунзе и многие другие. Масштабы автодорожного строительства непрерывно увеличиваются, особенно в районах освоения целинных и залежных земель и в новых промышленных районах Кустанайской, Актюбинской, Павлодарской областей.

Самым молодым, но столь же бурно развивающимся видом транспорта в Казахской республике является авиация. Еще около четверти века назад над территорией Казахстана не проходило ни одной воздушной линии, в настоящее же время их протяженность составляет многие десятки тысяч километров. Ежедневно из столицы Казахстана — Алма-Аты — вылетают самолеты в Москву, Ташкент, Фрунзе, Свердловск, Новосибирск, Омск, Иркутск и десятки других городов и промышленных центров СССР, с различными грузами, почтой и пассажирами. Алма-Ата связана также

Опыление хлопковых полей с самолета. Чимкентская область

воздушным сообщением со всеми областными центрами республики, которые в свою очередь имеют авиасвязь с наиболее отдаленными районными центрами, колхозами и отгонными участками, куда доставляются почта, медикаменты, продукты. Широкое применение получила авиация и в народном хозяйстве республики. Ее используют для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, для подкормки колхозных полей удобрениями, медицинского обслуживания далеких населенных пунктов, разведки на рыбных и тюленевых промыслах.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Жилище и поселения Основным видом жилища казахов в XVIII — начале XIX в. была юрта (*киіз үй*), хорошо приспособленная к условиям кочевой жизни. Надо сказать, что и в наше время юрта, утратив прежнее значение единственного вида казахского жилища, сохраняется в большей части Казахстана в качестве подсобного жилого помещения — на пастбищах, полевых станах и в домашнем быту.

По устройству казахская юрта очень близка к юртам киргизов, каракалпаков и других народов Средней Азии и отличается только некоторыми деталями. Она состоит из деревянного остова и войлочного покрова. Основой ее стен служит решетка (*кереге*) из тальника. Из перекрещенных планок, скрепленных сыромятными ремешками из верблюжьей кожи(*көк*), делают звенья решетки (*қанат*), свободно раздвигающиеся и складывающиеся. Число этих звеньев определяет размеры юрты: большая имеет их до восьми-десяти, маленькая состоит из четырех-пяти. Между двумя из них привязывают дверную раму с двустворчатой деревянной дверью (*есік*). На юге Казахстана деревянные двери нередко отсутствовали, и обитатели юрты довольствовались только навесной дверью из войлока.

Купольную часть юрты образуют обод, связанный из двух гнутых березовых стволов (*шаңырақ*), и жерди (*уық*), сделанные из тала и выгнутые в нижней части, чем и придается кровле форма купола. Жерди встав-

Внешний вид казахской юрты. Темирский район

ляют вверху в отверстия обода, а внизу привязывают к верхним развилкам деревянной решетки. Обод скрепляют несколькими (2—6) парами перекрестных дужек (*күлдіреуіш*), обращенных выгибом кверху.

Части деревянного остова, звенья решетки, дверная рама и жерди связываются узкими тканными из шерсти лентами (бау) и веревками (аркан), которые изготовляют женщины почти в каждой семье. Широкая, обычно узорная, тканая полоса (*басқұр*) стягивает снаружи решетку там, где к ней прикрепляются жерди купола. Узкие тесьмы (тангыш) наперекрест охватывают купол юрты.

Войлочный покров юрты состоит из четырех частей. Три-четыре квадратных куска войлока (*туырлық*) закрывают решетку и нижнюю часть купола; между решеткой и войлоками ставят циновки из чия. Два войлока трапециевидной формы (*үзік*) покрывают купол. Длинный прямоугольный кусок войлока (*түндік*) накидывается на обод; его привязывают за три угла, а четвертый оставляют свободным, чтобы можно было открывать верхнее отверстие, через которое проникают в юрту свет и воздух и выходит дым от очага. Четвертую часть войлочного покрова составляет навесная дверь — прямоугольный, сшитый вдвое кусок войлока, укрепленный на чиевой циновке. Юрту снаружи опоясывают толстым арканом или тканой полосой (*белдеу*).

Юрты в разных частях Казахстана имеют некоторые различия, главным образом в форме купола, устройстве обода и украшении. Так, на юге, на прежней территории расселения Старшего жуза, юрта имеет высокий купол с небольшим ободом и менее изогнутыми жердями. В северном, степном Казахстане преобладает юрта с более плоским куполом и большим ободом.

В течение веков кочевой жизни казахи выработали строгое распределение ограниченной жилой площади юрты, на которой надо было разместить все необходимое для домашнего обихода так, чтобы нужные вещи были всегда под рукой.

Посередине юрты отводилось место для очага (*от басы*). Весь пол, за исключением места для очага и небольшой площадки возле дверей, застилали войлоками. Против двери за очагом около стен находился *жүк* —

Внутренний вид казахской юрты. Павлодарский уезд. 1907 г.

сложенные один на другой сундуки, войлочные чехлы и тюки (*тең*) с домашними вещами, запасные войлоки. Все это укладывалось на специальной деревянной подставке (*жүкаяқ*). Место перед жюком (*төр*) считалось самым почетным в юрте. Его покрывали поверх простого войлока орнаментированными войлоками, коврами, меховыми или войлочными подстилками для сидения. Часть юрты, вправо от входа, считалась женской половиной. Ближе к входу держали хозяйственные припасы и посуду, кожаный мешок для кумыса (*саба*), шкафчик (*кебеже*) для самых ценных продуктов (колбасы, сахара, чая и пр.). Обычно эту часть отделяли ширмой из чия. Далее находилось место хозяина и хозяйки дома. Здесь на ночь устраивалась постель из войлоков, одеял и подушек, которую днем убирали на жюк, нередко тут стояла деревянная кровать (*төс ағаш*), которая к концу XIX — началу XX в. получила уже довольно большое распространение; раньше большей частью обходились деревянными подголовниками (*жастық ағаш*). Кровать зачастую завешивали пологом (*шымылдық*).

Налево от входа было место младших членов семьи. У небогатых хозяев нередко в этой части юрты помещался и женатый сын. Слева от двери вешали сбрую, клали седло, охотники помещали здесь беркута или сокола на невысокой подставке или даже любимую охотничью собаку. В холода сюда заводили больных или слабых животных.

Имущественное расслоение казахов находило яркое отражение в жилище. Юрты богачей резко выделялись среди юрт рядовых сородичей и бедняков своими размерами, качеством остова и войлочного покрова, убранством и украшением. Юрта бая состояла из восьми-десяти звеньев, а нередко он имел две или три юрты, да еще запасные для гостей. Покров состоял из плотных, хорошо сваляных белых войлоков. Все крепления юрты представляли собой тканые полосы с красивым орнаментом, решетки были обнесены узорными чиями, деревянная утварь украшена резьбой и росписью. Огромный жюк из сундуков и тюков, доходящий до кровли, орнаментированные войлоки, ковры, постеленные на полу, узорные резные сундучки, кровати, подставки — все это было характерно для юрт

Старинная казахская кровать. 1907 г.

степной знати. К тому же у богачей нередко жилая юрта была освобождена от хозяйственных вещей, так как все домашние работы производились в специальной юрте. Беднее и проще было убранство юрт рядовых кочевников. Довольно большие по размерам (пять-восемь звеньев), они имели в качестве обстановки лишь необходимый набор постельных принадлежностей, войлоков, одежды, посуды. Юрты бедняков вообще мало походили на человеческое жилье. Маленькие, в четыре-пять звеньев, крытые рваными войлоками, единственным «украшением» которых были разноцветные заплаты, они и внутри имели одну-две ветхих кошмы для сидения и постели, чугунный котел, две-три пиалы, да сундук с самыми ограниченными припасами.

При перекочевках юрту разбирали на составные части; раньше ее перевозили вьюком, на верблюдах, реже на быках, а с середины XIX в. в северных областях Казахстана распространилась перевозка юрты и всего имущества на телегах. Вся работа по разборке юрты, погрузке ее и всей утвари была женским делом, так же как и установка юрты на новом месте; только тяжелый обод поднимал мужчина. На сборку юрты уходил один час, столько же времени тратилось и на ее разборку. Обычно юрту ставили несколько женщин.

Помимо юрты, казахам были известны и другие переносные жилища, более примитивные, но обычно состоявшие из частей юрты. Они использовались на кратких стоянках во время перекочевок, а в XIX в. стали обычным летним жилищем бедноты, особенно пастухов байских стад.

Наиболее простым из них был шалаш (*күрке*), составленный из двух звеньев решетки и покрытый одним-двумя войлоками. Другой вид жилища (*жаппа*, *қос*) состоял только из жердей, несущих вверху обод, т. е. купола, также накрытого одним или двумя войлоками. Более сложной была маленькая юрта из трех-четырех звеньев, с кровлей в виде конуса из жердей, связанных вверху (без обода). Обычно ее называли *жолым үй* (дорожный дом), она была известна русским под названием «джуламейка».

До начала XIX в. юрта была не только летним, но и зимним жилищем большинства казахов. На время холодов юрту ставили около естествен-

ных укрытий от ветра и буранов, покрывали двойным слоем войлоков, обкладывали снегом, снопами камыша, иногда даже обносили полукруглой каменной стеной. Вокруг юрты устраивали загоны для скота, складывали рядом заготовленное сено, кучи кизяка. В юрте круглые сутки горел костер, но, несмотря на это, в морозные дни обитатели ее не снимали теплых овчинных тулупов или ватных халатов.

Первые известия об оседлых жилищах у казахов относятся к концу XVIII в. В XIX в., особенно в его второй половине, под влиянием изменений в хозяйстве начался процесс частичного, а местами и полного оседания, что сопровождалось массовым строительством постоянных жилищ на зимовьях. Так, в 1860-х годах уже две трети всех букеевских казахов имели постоянные постройки на зимовьях, а к 80—90-м годам только на юге Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, да на п-ве Мангышлаке еще значительная часть казахов зимовала в юртах, в остальных же районах Казахстана все казахи строили себе прочные зимние жилища.

Разнообразие природных условий Казахстана вызвало различия в строительной технике, отоплении и планировке возникавшего оседлого жилища. Сильно сказалось и влияние оседлых соседей (русских, а на юге также узбеков и уйгуров).

Для всех северных и центральных областей (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской) была характерна тесная связь жилища с помещениями для скота. Зимнее стойбище казаха представляло собой единый комплекс построек: жилых комнат, хозяйственных помещений, складов и хлевов, связанных общей крышей и одним входом. Вход в жилое помещение был со двора. На всей территории Южного Казахстана связь жилых построек с хозяйственными была более слабой и количество крытых помещений для скота значительно меньше. Это объясняется более мягкой зимой на юге, тогда как в условиях степного Северного Казахстана тесная связь жилых помещений со скотным двором позволяла обслуживать скот в сильные бураны и морозы.

Первоначальной формой оседлого жилища в значительной части Северо-Восточного Казахстана было оригинальное юртообразное сооружение *шошала*, или *тошала*, хорошо известное у народов Западной Сибири. Оно имело цилиндрическую форму и коническую кровлю. Стены складывали из дерна, плетня, дерева, камыша, т. е. из доступного строительного материала. Наверху делали круглое или квадратное дымовое отверстие в деревянной раме, которую изнутри поддерживали три-четыре столба. От рамы к стенам шли наискось жерди, кровлю засыпали землей или обкладывали дерном. Жилище такой же формы из глины или сырцового кирпича было известно казахам Южного Казахстана.

Другой древней формой оседлого жилища была землянка (*жер төле*, или *қазба үй*), уходившая в землю на глубину до 1,5 м. Над ямой надстраивали стены и землянку покрывали плоской крышей. Позднее стены стали возводить со дна ямы. Окна в землянках вначале устраивали в кровле, рядом со специальными отверстиями для дыма. Землянки были распространены в Западном Казахстане и Семиречье.

Однако во второй половине XIX в. эти формы, особенно шошала, были уже отживающими; оседлыми жилищами стали наземные четырехугольные помещения. В конце XIX в. шошала служила только кухней или жильем для батраков, хотя и была обязательным компонентом усадьбы.

Строительные материалы и строительная техника были весьма разнообразны. Наиболее древними были постройки из дерна (*шым*), из двух рядов плетня, пространство между которыми засыпали землей, а также глинобитные и каменные. В XIX в. казахи применяли при возведении жилищ кладку из сырцового кирпича и деревянные срубы. Постройки из сырцового кирпича широко распространились в конце XIX—начале XX в.,

Юртообразная постройка из камыша. Кзыл-Ординская область

повсюду вытесняя более примитивные жилища. Деревянные срубные дома повсеместно, за исключением немногих районов, богатых лесом (северные и восточные районы Казахстана, горные районы), возводили только баи, феодалы и торговцы; рядовым казахам они были недоступны.

Жилище строили обычно без фундамента, с маленькими окнами, расположенными высоко над полом. Кровлю чаще делали плоской, державшейся на одной-двух матицах (*мәтке, белағаш*), поперек укладывали жерди (*сырғауыл*), которые застилали хворостом, камышом и сеном. Сверху крышу засыпали землей или покрывали пластами дерна. Позднее стали делать полого-двускатную кровлю: от центральной матицы слеги с легким наклоном шли на длинные стены; высота ската зависела от диаметра матицы. Полы преобладали земляные, только в богатых домах настилали деревянные полы, причем нередко прямо на землю. Местами (в Акмолинской области) в жилищах половину комнаты занимал деревянный помост (*сәкі*), на котором протекала вся жизнь обитателей дома.

Жилище XIX в. большей частью представляло собой однокомнатное помещение, которое в морозы нередко служило также приютом для теленка и ягнят. Это было довольно большое помещение, в плане близкое к квадрату, отапливавшееся уже, в отличие от шошалы и землянок, очагом с прямым дымоходом; в очаг вмазывали котел. С середины XIX в. в Северном Казахстане стали распространяться так называемые голландки, русские печи и очаги с калориферной стенкой, в которой проходил дымоход в трипять колен. К началу XX в. голландки и очаги с обогревателями были распространены повсюду, за исключением Южного Казахстана и Семиречья.

Развитие типа оседлого жилища до революции шло по линии превращения его в двухкамерное и выделения хозяйственных помещений. С одной стороны, комплекс жилых построек у рядовых казахов стал дополняться отдельным неотапливаемым помещением, служившим кухней и кладовой (отдельно стоящая шошала), с другой — происходило деление первоначально одной комнаты на две, с увеличением ее размеров, причем

вместо квадратной формы ей придавали уже продолговатую. Печь ставили посредине комнаты, и сама печь (или обогреватель) делила комнату на две части; одна, ближе к двери, служила прихожей и кухней (*ауыз үй*), другая, бóльшая по размерам,— чистой жилой комнатой и гостиной (*төр үй, қонақ үй*). В начале XX в. в некоторых домах уже появились отделявшие эти комнаты тонкие перегородки, правда, редко доходившие до потолка.

В оседлом жилище проявлялись резкие социальные различия. Баи, купцы, феодальная знать имели на зимовьях большие усадьбы, состоявшие из деревянных и кирпичных домов самих баев, обширных хозяйственных построек и домов, вернее лачуг, для батраков или бедных родственников. Для последних нередко строили примитивные землянки или использовали старые шошала. Дома баев обычно ставили русские плотники и каменщики или татары. Это были дома на высоком фундаменте, состоявшие из нескольких комнат, нередко с высокими крышами. Во внутреннем убранстве их обитатели стремились подражать городским татарским домам.

Но подобные усадьбы и благоустроенные жилища имели только богачи или феодальная верхушка, в значительной мере воспринявшие городской быт. Большинство же байских жилищ отличалось лишь размерами и убранством, а также качеством строительного материала, но отнюдь не типом жилища. Они были столь же тесно связаны со скотными дворами, лишены притока свежего воздуха и лишь немного менее мрачны, темны и сыры, чем жилища рядовых казахов.

Пристанищем бедняков, особенно батраков, не имевших своего жилища и обслуживавших баев, были землянки, мало отличавшиеся от хлевов для скота. Очевидец, побывавший в Акмолинской области в 1878 г., характеризовал их как «образцы жилищ первобытного человека, вкопанные в землю, с небольшим бревенчатым срубом, покрытым жердями, с земляной насыпью и дымовым отверстием»[1].

Зимним помещением пользовались около трех-четырех месяцев, местами пять-шесть. Появление печи и дробление жилища на две части еще более изменили обстановку по сравнению с юртой. Благодаря наличию сараев, кладовых и других подсобных помещений жилая площадь освободилась от хозяйственных припасов и некоторых вещей.

Обстановка оседлого дома напоминала юрту. Основу убранства составляли войлоки — ими застилали пол, завешивали стены. В чистой половине у стены складывали жюк, справа от него располагалась постель. По стенам и на жердях, подвешенных к потолку, развешивали одежды, сбрую, оружие. Около печки или в отдельной кухне складывали посуду и хозяйственную утварь.

Значительно больше стало деревянной мебели: сундуков, шкафчиков, кроватей. Вошли в обиход низенькие круглые столики. Местами появились своеобразные буфеты, посудные полки, ряд вещей был заимствован из русского обихода: столы, стулья, самовар, фаянсовая посуда. Распространилось освещение керосиновыми лампами, сменившими прежние масляные светильники (*шырақ*).

Оседлое жилище на зимовьях было шагом вперед по сравнению с юртой и надежно укрывало своих обитателей от суровых морозов и ветров. Но в подавляющем большинстве дореволюционное оседлое жилище было крайне неблагоустроенным, отчасти из-за необеспеченности огромного большинства казахов, не имевших средств на покупку хороших материалов и наем опытных строителей, отчасти в силу старой кочевнической тради-

[1] И. Словцов. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. «Зап. Зап.-Сиб. отд. Русского географического общества», кн. III, 1881, стр. 16.

ции, согласно которой зимние дома считались временным, второстепенным жильем и к их благоустройству не прилагалось особых усилий. Так, широко было распространено обыкновение на лето, при откочевке, забирать с собой все рамы окон и двери со створками. В результате непрочная постройка за лето наполовину разваливалась и ее приходилось каждую осень основательно ремонтировать.

Земляные полы, отсутствие фундаментов, несовершенство строительной техники приводили к тому, что жилище быстро сырело. Зимой в нем было душно, так как оно не имело притока свежего воздуха. Это усугублялось тем, что все испарения кухни оставались в комнате. Нередко, помимо людей, в помещении находилось несколько животных, да и соседство жилья со скотным двором далеко не способствовало чистоте воздуха. Помещение обычно было низким, и кубатура воздуха была недостаточна для живших в нем людей.

Антисанитарные условия жизни в зимних домах способствовали развитию различных заболеваний — кожных, простудных, глазных. Жизнь в юрте летом была несравненно легче, и недаром даже джатаки, которые не могли кочевать, все же стремились сохранить хотя бы и плохую юрту и с весны переселялись в нее, ставя ее около дома или близ поселка.

Развитие оседлого жилища до революции тормозилось социальными причинами: обнищанием масс, сохранением кочевого скотоводства как основной формы хозяйства и связанным со всем этим низким культурным уровнем трудящихся. Только Октябрьская революция и последующее строительство социализма в казахском ауле привели к быстрому и коренному изменению форм жилища, ускорили процесс оседания казахов.

Особенно крутой перелом в этом отношении произошел с того момента, когда Коммунистическая партия и Советское правительство в союзе с широкими массами трудящихся нанесли серьезные удары по эксплуататорским классам и в Казахстане победил колхозный строй, что сопровождалось массовым оседанием казахов. На этой основе произошли изменения во всем бытовом укладе, в культуре и психологии казахского крестьянства. С этого времени начался новый этап в развитии оседлого жилища у казахов.

С периодом коллективизации связано появление и развитие новой формы поселения. Господствующий тип поселения у казахов до революции мы условно называем гнездовым. Пять-десять хозяйств (а иногда и двадцать), кочевавших вместе летом, ставили рядом и свои зимние дома. От другого «гнезда» их могли отделять несколько сот метров или десятки километров. Этот тип поселения соответствовал дореволюционному хозяйственному быту и социально-экономическому укладу казахов. Около рек, в районах развития земледелия такие гнезда располагались близко одно от другого и образовывали длинные (вдоль берега) селения, протяженностью в несколько километров. Так, в Амангельдинском районе Кустанайской области на берегу р. Тургая встречаются развалины зимних жилищ старого аула, насчитывавшего 200 хозяйств.

Наряду с этим типом поселения складывался другой: селения джатаков—бедняков, лишившихся скота и перешедших целиком к занятию земледелием, имели уже уличный и линейный планы. Эти селения возникали обычно в районах со значительным количеством русского переселенческого крестьянства и строились по примеру русских сел.

Процесс создания колхозных поселков развивался неодинаковыми темпами в разных районах Казахстана. В земледельческих районах в 1930-х годах создавались довольно крупные (50—100 домов и больше) селения, преимущественно с уличной планировкой. На юге (Джамбулская область) местами возникали селения с беспорядочной застройкой. В этих селениях дома имеют все члены колхоза, в том числе и животново-

Одна из улиц поселка Диевского совхоза. Кустанайская область

ды, работающие на отгонных пастбищах. Для южных селений характерно озеленение.

В животноводческих районах Центрального и Западного Казахстана процесс создания колхозных поселков шел медленно и еще не завершился и поныне. Во многих районах он развернулся в основном в послевоенные годы. В центральных поселках колхозов идет ныне большое строительство новых общественных и жилых зданий. Преобладает уличная планировка (односторонка). Основное население центрального поселка составляют семьи рядовых колхозников, работающих в полеводстве и в мастерских, и семьи работников аппарата правления колхоза, служащих, сельской интеллигенции. Животноводы-отгонщики живут на колхозных фермах. Там построены теплые зимние дома для людей и помещения для скота. Летом животноводы живут в юртах. В некоторых областях (Уральская, Кокчетавская) на летних пастбищах также выстроены небольшие поселки или отдельные домики для животноводов; юрты там постепенно уходят из быта. В последнее время Алма-Атинский совнархоз приступил к производству нескольких тысяч цельнокамышитовых однокварти́рных домов, предназначенных для участков отгонного животноводства, а также для полевых станов.

В Целинном крае, а также в других областях Казахстана, где созданы совхозы, в большинстве случаев в необжитых местах выросли сотни новых населенных пунктов — совхозных поселков.

В настоящее время для совхозных поселков разработан проект двухэтажных домов с вертикальным размещением квартир: внизу — кухня, столовая, вверху — спальня, детская.

Эти дома будут возводиться из каркасных панелей, камышитовых плит, со всеми удобствами. В Алма-Атинской области приступили к строительству таких домов.

Массовое строительство домов колхозников началось в 1930—1934 гг., когда стали возникать и колхозные селения. Создание нового типа жилых построек происходило не одинаково быстро в разных районах Казахста-

Современное жилище казаха-колхозника. Колхоз «Бельбасар», Чуйский район

на, в зависимости от особенностей природных и хозяйственных условий. Наиболее быстро оно шло в областях с развитым земледелием, т. е. в Южном Казахстане, Семиречье, ряде районов Восточного Казахстана, в Северном Казахстане и по Сыр-Дарье. Там, где преобладало животноводство, в условиях господства отгонно-пастбищной системы усовершенствование жилого дома и развитие поселков замедлялось, так что в некоторых местах только после войны, в результате укрупнения колхозов, были созданы большие колхозные селения нового типа. Несмотря на это, всюду в довоенное время сложился новый тип оседлого жилища, в целом имеющий характерные черты для всего Казахстана, несмотря на значительные локальные различия.

В основе его лежит двухкомнатное жилое помещение, состоящее из парадной комнаты (конак уй, тёр уй) и рабочей комнаты и кухни (ауыз уй). В Центральном Казахстане, в животноводческих районах (Семипалатинская, Карагандинская, Целиноградская, южная часть Кустанайской области) еще сохраняется тесная связь жилых помещений с обширным крытым хозяйственным двором. В Южном, Северном и Западном Казахстане эта связь выражается лишь в пристройке помещения для скота к жилому дому, но они имеют отдельные входы с усадьбы. Жилища строят теперь комфортабельные — увеличивается площадь и высота комнат, число и величина окон и дверей, улучшается система отопления, внутренняя и внешняя отделка дома. В целом жилища этого типа представляют собой усовершенствование зимних домов тех типов, которые сложились еще до революции. Количественно они преобладают в колхозных поселках и в настоящее время.

Намечается два основных типа планировки усадьбы: открытая просторная усадьба в южных районах и закрытая — в центральных. На юге дворы в большинстве случаев отделены от улицы или от соседних участков невысоким глинобитным дувалом. Задняя часть усадьбы используется под огородные или кормовые культуры, местами появились и фруктовые сады. Спереди расположены жилой дом и хозяйственные постройки, при-

легающие к нему или стоящие отдельно. Иногда ими застроена вся передняя часть двора по периметру. Помимо крытых хлевов и сараев, во дворе имеется один-два навеса для летнего содержания лошадей. Жилой дом в основном двухкомнатный, но нередко состоит из трех комнат, причем третья комната служит жильем семьи близкого родственника хозяина (сына, брата, матери с младшими детьми), реже — кладовой. Характерно, что все помещения, даже хозяйственная пристройка, вытянуты в одну линию. Окна и двери ориентированы преимущественно на юг, реже на запад или восток. Местами к дому пристраивают террасу. Такой план дома обнаруживает сходство с планом узбекского жилища.

Распространенным типом усадьбы в степном Центральном Казахстане был раньше комплекс хозяйственных и жилых помещений под одной кровлей с входом через закрытый обширный двор. За годы Советской власти вследствие сокращения числа помещений для скота этот тип усадьбы несколько упростился, но общий план остался тот же. Жилые комнаты, обычно две, занимают угол усадьбы. Окна в связи с этим обычно расположены против двери. Основную часть усадьбы составляет обширный двор (*қора*), в котором иногда выделены отдельные хлевы для скота. Далее идет *сенек* [1], своего рода холодные сени, служащие летом рабочим помещением, отчасти складом хозяйственных вещей, орудий труда, упряжи. Из сенек одна дверь ведет в какую-либо жилую комнату, а другая — в кладовую или кухню — темную комнату с крохотным оконцем, называемую *шошала*. В Семипалатинской и Карагандинской областях шошала нередко освещается через отверстие, в которое вставляется обод юрты. В случае увеличения числа жилых комнат, их располагают в один ряд с другими или двумя рядами, в зависимости от вкуса хозяина.

Встречаются усадьбы и с более совершенным планом: вход ведет в коридор — сенек, по одну сторону которого расположены жилые комнаты и шошала, а по другую хозяйственные помещения и хлевы. Характерно отсутствие приусадебной площади или весьма слабое ее использование. Огороды очень редки.

Наконец, промежуточный план усадьбы представлен в Западном Казахстане, где, впрочем, он не очень устойчив. Хозяйственные постройки непосредственно примыкают к жилому дому сбоку или сзади, но имеют отдельный вход. Вход в жилой дом через коридор, из которого иногда имеется специальный проход в хозяйственные помещения. Наряду с этим встречаются и открытые усадьбы с отдельно стоящими хозяйственными постройками. В отличие от жилища южных районов, на западе Казахстана перед жилыми комнатами всегда имеется большое холодное помещение — сенек, служащее летом комнатой.

Для внутренней планировки жилого дома Западного Казахстана характерна тенденция к дроблению двухкамерного в основе жилого помещения на множество мелких комнат. Из прихожей — ауыз-уй — выделяются маленькая столовая и темный коридор, куда выходят устья печей; иногда в коридоре стоят очаги. От чистой комнаты отделена печью с обогревателем крохотная спальня.

Разнообразие строительных материалов и техники значительно уменьшилось в связи с тем, что перестали бытовать некоторые наиболее старые и несовершенные виды строений. В безлесных районах Казахстана основным материалом для постройки служит сырцовый кирпич, местами сохранились дерновые (Тургай) и глинобитные (Семиречье) постройки, широко еще применявшиеся в первые годы строительства колхозных поселков. В районах, богатых лесом (Кокчетавская область, север Кустанайской области), широко распространена срубная постройка. Для строительной техники казахов в безлесных районах характерно отсутствие деревянного

[1] Термин, очевидно, заимствован от русских.

Новые дома колхозников. Колхоз «Трудовик», Курдайский район, Джамбулская область

каркаса. Но стены достаточно прочны и держат на себе тяжелую кровлю дома. В больших помещениях (крытых дворах, коридорах) основные балки кровли поддерживаются дополнительными столбами, вкопанными в пол внутри помещения и возле стен. Иногда столбы-подпорки ставят и в комнатах. Кровля преобладает плоская и полого-двускатная.

Пол в домах обычно земляной, обмазанный глиной, стены штукатурят также глиной, смешанной с соломой, и белят известью. Бревенчатые дома, как правило, штукатурят глиной и белят. Такие дома обычно имеют деревянные полы и зашитые досками потолки.

Начиная с предвоенной пятилетки, у казахов стал появляться новый тип жилища, получивший развитие в основном в послевоенные годы. Его характерные черты: полная изоляция от хозяйственных построек, наличие глинобитных или дощатых полов; плоский потолок, над которым возведена высокая двускатная, реже четырехскатная, дощатая, камышовая, иногда черепичная или крытая железом кровля.

Рост культурного уровня колхозников и повышение материального благосостояния вызвали появление многокомнатного жилища, варьирующего в зависимости от размеров семьи. Дома нового типа отличаются хорошей освещенностью, тщательной отделкой, совершенством отопления. Наибольшего развития достиг этот процесс на юге Казахстана. Так, в Джамбулской и Алма-Атинской областях после укрупнения колхозов развернулось строительство новых поселков на центральных колхозных усадьбах. В Кегенском районе Алма-Атинской области объединились два маломощных колхоза —«Унгурли» и «Социалистик Казахстан». В 1951 г. было организовано строительство жилых домов для колхозников силами строительной бригады. В первую очередь строили дома для тех, кто переселялся на центральную усадьбу из поселков двух объединившихся колхозов. Строители возводили стены и кровлю домов, причем за их труд им начисляли по установленным нормам трудодни за счет тех семей, которым строили дома. За два-три года вырос новый поселок, состоящий из благоустроенных домов.

Благодаря близости леса в этом районе строят срубные жилища. Дом возводят на высоком (60—70 см) фундаменте, срубы делают в 16—17 венцов. По желанию будущих хозяев строят дома в две-четыре и даже шесть комнат; в противоположность прежним обычаям комнаты расположены чаще в два ряда. Окна выходят на три стороны, дверь на четвертую, обычно северную. Большие и светлые окна, высокие дощатые потолки, дощатые полы, двускатные тесовые кровли — характерные черты этих жилищ. Иногда к дому пристраивают небольшую веранду во всю его длину или в одну четверть ее.

Другим примером новой застройки может служить поселок колхоза «Бельбасар» Чуйского района Джамбулской области. Вначале поселок был основан на неудобном месте, после войны его перенесли. Весь поселок застроили стандартного типа домами из сырцового кирпича. Стены стоят на высоком фундаменте, на высоту его внутри дома сделан глинобитный пол (в некоторых домах крытый досками). Крыша высокая, двух- или четырехскатная, крытая камышом. Дом, обычно квадратный в плане, делится на три-четыре помещения (две-три жилые комнаты и кладовая). Угол дома занимает веранда с деревянной балюстрадой. Обычно во дворе стоит небольшое отдельное помещение — летняя кухня с земляным полом и плоской кровлей. Все дома имеют высокие потолки и тщательно отделаны. Окна нередко снабжены створчатыми ставнями, окрашенными, как и наличники, масляной краской.

Для северных районов и особенно для Центрального Казахстана, где процесс перехода к новому типу жилища осуществляется медленнее, характерно в настоящее время усовершенствование жилища старого типа. В нем прежде всего увеличивается число комнат. Так, в Семипалатинской и Карагандинской областях, а также в Тургае преобладающим становится трехкамерное жилище с весьма характерным планом: в середине прихожая, из нее вход в две комнаты по бокам. Жилище с такой планировкой обычно обозначают термином *қарсы үй* (от *қарсы* — противоположный), или *қоржын үй* (*қоржын* — переметная сума).

Изоляция от хозяйственного двора также происходит постепенно: вначале делали отдельные входы в жилой дом и во двор. Некоторые дома строят уже так, что хотя хозяйственные помещения и примыкают к дому и связаны с ним кровлей, но входы у них отдельные. Исчезает устаревшая техника постройки —дерновая, плетневая и др. Улучшается сам дом—выше делают потолки, увеличивают размеры окон. Наконец, некоторые колхозы и совхозы возводят дома нового типа: с дощатым потолком и полом, высокой кровлей, иногда на несколько квартир.

Совершенствуется и способ отопления. В настоящее время всюду начинает преобладать наиболее удобная в условиях Казахстана печь-обогреватель, уже давно вошедшая в быт населения северных, центральных и западных областей. Позднее (уже в годы Советской власти) она стала распространяться и в Южном Казахстане. Топится она обычно через низкий очаг, используемый для приготовления пищи, для чего в него вмазан котел (такой очаг называют *қазандық*). В Семипалатинской и Карагандинской областях, кроме того, нередко встречаются голландки и русские печи.

Значительные перемены произошли в убранстве жилого дома. В домашний обиход казахского крестьянства вошло много элементов городского быта — различная мебель (кровати, столы, шкафы), зеркала, электрическое освещение, радио. Окна и двери обычно завешаны белыми занавесками и портьерами из пестрого ситца. Стены украшены портретами членов семьи, фотографиями, репродукциями картин, иногда красочными плакатами или географическими картами.

Вместе с тем убранство жилого дома сохраняет национальный стиль. Характерно расположение вещей вдоль стен комнаты; середина ее остает-

ся свободной и застелена войлоками, алашой или ковром. Кровати задернуты белыми или вышитыми пологами. У одной из стен сложен жюк, обычно закрытый вышитой занавеской. Интерьер казахского дома красочно оформлен узорными войлоками, коврами, узорной алашой (*терме алаша*), настенными войлочными или сделанными из ткани и украшенными вышивкой или аппликацией ковриками (*тускиіз*).

Во многих домах сохраняются старые предметы быта: резные деревянные ящики (кебеже) или расписные сундучки (*әбдіре*), а также сундучки, украшенные тисненой кожей и серебром, узорные войлочные, ковровые или вышитые сумки для мелких вещей. Национальные традиции сказываются в стремлении по возможности украсить такие бытовые предметы, как покрывало, полотенце, сундучок. Повышение материального уровня предоставляет эту возможность каждому рядовому колхознику и рабочему.

Развитие новых, современных форм архитектуры Казахстана наиболее ярко прослеживается в городском строительстве. Некоторое оживление городского строительства наблюдалось и в дореволюционный период, после окончательного присоединения Казахстана к России. Бывшие военные крепости превращались в города, становившиеся новыми центрами культурного и экономического тяготения отдельных районов Казахстана. Строительство этих городов, имевших прямые и широкие улицы и некоторые элементы внешнего благоустройства, было прогрессивным явлением в практике градостроительства Казахстана.

В то время как в городском строительстве в западных и северных районах Казахстана господствовали приемы и формы различных стилей русской архитектуры, в южных и степных районах строительство велось на основе использования местных традиций. Возрождалась техника арочно-купольных конструкций из жженого и сырцового кирпича в Южном и Центральном Казахстане и из естественного камня — в Западном. Применялись терракотовые и глазурованные плитки для облицовки зданий (Центральный и Южный Казахстан). Совершенствовалась техника резьбы по камню и стенной росписи в Западном Казахстане (долина р. Эмбы и Мангышлак).

Большое число памятников культовой архитектуры, многие из которых являются подлинными произведениями искусства, относится к XIX — началу XX в. Таковы здания мавзолеев Жуздена и Торт-Кара (Центральный Казахстан), Шокея и Кара-Сопы (Южный Казахстан), Айтмана, Калишева и Жубана (Западный Казахстан).

Великая Октябрьская социалистическая революция создала необходимые условия для расцвета новой архитектуры.

Создание гигантов социалистической индустрии, сооружение железнодорожных магистралей, создание новых городов и рабочих поселков, массовое строительство в совхозах и колхозах, коренная реконструкция старых городов и других населенных пунктов — все это является одним из ярких выражений социалистических преобразований обширной территории Казахстана.

Прогрессивное развитие архитектуры Казахстана, как и любой из национальных республик Советского Союза, идет в общем русле становления новой советской архитектуры, обусловлено единым идейным содержанием. Начиная со второй половины 30-х годов, проводилась усиленная работа по критическому освоению наследия классической и национальной архитектуры. Многочисленные общественные и жилые здания крупнейших городов, построенные в довоенный период, отличаются целесообразностью планировки, логичностью композиции и ясностью художественных образов.

Одним из важных достижений советской архитектуры Казахстана является развитие ее национальной формы. Архитектура здания Казахского

Центральный стадион

академического театра оперы и балета, законченного в начале войны, представляет собой первый положительный опыт поиска национальной формы, основанный на творческом использовании мотивов казахской орнаментики. Вторым и более удачным примером может служить строительство жилого городка нефтяников в г. Гурьеве (архитекторы С. В. Васильковский, А. Г. Арефьев, В. Романовская, удостоенные Государственной премии).

В архитектуре большого количества жилых, общественных и культурно-бытовых зданий, возведенных в послевоенный период, более широко применяются приемы и формы народного зодчества и мотивы богатого орнаментального искусства. В той или иной степени национальный характер носит архитектура зданий нового Дома Правительства республики, Академии наук Казахской ССР, больницы Турксиба, аэровокзала в Алма-Ате, зданий Дворца шахтеров, почты и телеграфа в Караганде, клуба и жилых домов в поселке суперфосфатного завода в Джамбуле, павильона Казахстана на Выставке достижений народного хозяйства в Москве и многих других.

Из крупных уникальных архитектурных сооружений, выстроенных в последние годы, можно отметить Центральный стадион на 30 тыс. зрителей и широкоэкранный кинотеатр «Ала-Тау» в г. Алма-Ате, Дворец культуры в Усть-Каменогорске, здание Ленинского райкома партии в Караганде.

Здание Дома Правительства, являющееся стержнем ансамбля центральной площади им. В. И. Ленина в г. Алма-Ате, выполнено в крупных, монументальных формах. Национальный характер архитектуры подчеркнут восьмигранными колоннами и своеобразным рисунком капителей, оригинальной трактовкой венчающего карниза, стрельчатыми арками въездных ворот. Здание сооружено из высококачественных материалов — железобетона, гранита, терезитовой штукатурки.

в г. Алма-Ате

Внешняя архитектура Центрального стадиона с четким рисунком пилястр и широкими проемами окон, опоясывающими всю окружность спортивного ядра и трибун, проста и выразительна. После сооружения закрытого плавательного бассейна, крытого спортивного зала, теннисных кортов он будет одним из крупнейших спортивных комплексов страны.

За последние годы архитекторами республики разработано несколько серий типовых проектов жилых домов и объектов культурно-бытового назначения, имеющих более рациональную планировку, отражающую современный уровень развития строительной техники, особенности природно-климатических условий республики.

Огромные масштабы строительства в республике потребовали комплексной разработки проблемных вопросов строительства и архитектуры. Этим занимается созданный в республике филиал Академии строительства и архитектуры СССР.

Одежда

Национальная одежда казахов в прошлом была тесно связана с кочевым бытом и господствующей отраслью хозяйства — скотоводством. Это выражалось и в формах одежды, и в материалах, применявшихся для ее изготовления. Наиболее древними материалами для одежды у казахов были ткань из верблюжьей, реже овечьей шерсти, тонкий войлок, кожи и шкуры домашних и диких животных. Однако в быт казахов давно уже вошли хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, привозившиеся из Средней Азии, Китая; с XVIII в. в степь стали проникать русские фабричные материалы, которые благодаря своей дешевизне быстро вытесняли все остальные. В XIX в. фабричные ткани начали вытеснять из быта, в первую очередь зажиточных казахов, сукна домашнего изготовления, а также кожи и шкуры. Значительную роль в этом сыграл рост товарности казахского хозяйства. Шерсть и кожи стали продавать, а для своих нужд покупали готовые ткани. Однако еще в конце XIX в. одежда, изготовлен-

Казахская семья. Семиречье. 1898 г.

ная из продукции своего хозяйства, занимала видное место, особенно там, где сильнее сохранялся кочевой быт. Ткани покупали главным образом хлопчатобумажные, легкие для нижней одежды и плотные для верхней; шерстяные и шелковые ткани могли приобретать только зажиточные.

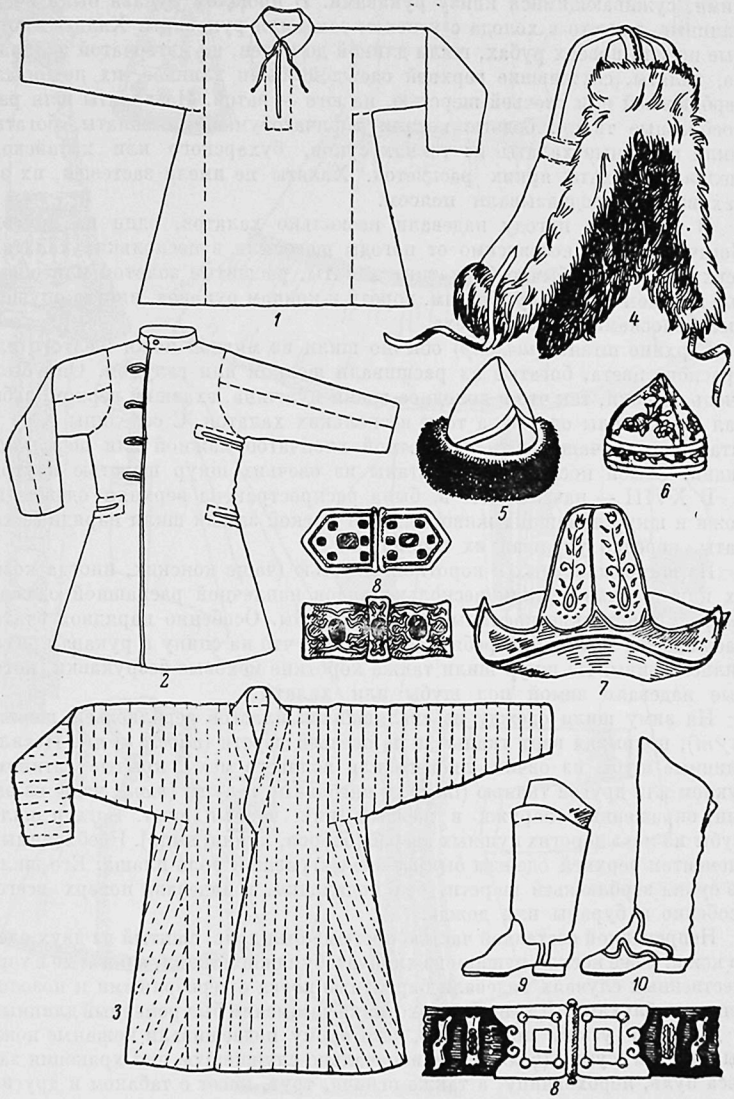
В советское время ткани фабричного производства заняли основное место среди материалов, идущих на пошив одежды. При этом значительно расширились возможности покупки дорогих тканей: сукна, шелка, плюша, из которых шьют праздничную одежду в большинстве колхозных семей.

Наиболее ранние описания казахской одежды содержатся в трудах русских ученых и путешественников второй половины XVIII в. (Георги, Палласа, капитана Андреева, Гладышева и Муравина и др.). По доступным нам источникам значительное изменение одежды прослеживается в XIX в., особенно начиная с середины его. Одежда второй половины XVIII в. и начала XIX в. была довольно близка по формам, в конце же XIX в. она выглядела уже иначе. Ряд старых форм исчез, несколько изменился покрой одежды. Это было связано с изменением всего строя жизни, обусловленным развитием производительных сил Казахстана, ростом товарности хозяйства, начавшимся процессом оседания, а также влиянием одежды других народов, поселившихся в XIX в. в Казахстане (татар, русских, украинцев). Особенно значительны были заимствования из татарского костюма.

Мужская нательная одежда состояла из рубахи и штанов, служивших бельем, а отчасти и летней рабочей одеждой; их шили из легкой светлой ткани, преимущественно хлопчатобумажной, а в семьях бедняков в XIX в.— нередко еще из армячины. В старину распространена была распашная рубаха (*жейде*, *желде*). С середины XIX в. ее стали заменять просторной рубахой (*көйлек*) с широким отложным воротником и разрезом спереди. Обычно завязывали ее тесемками или шнурками, пришитыми к вороту. В XX в. рубахи стали шить уже со стоячим воротником, а разрез обшивали тесьмой и застегивали на пуговицы. Для рубах предпочитали белые ткани, но нередко шили их из полосатых или светлых цветных.

Нижние штаны (*дамбал*) были с широким шагом, для чего прямые штанины соединяли в шагу большой ромбовидной вставкой. Верхнюю часть штанов подшивали широким рубцом, в который продергивали шерстяной шнурок или тесьму для завязывания.

Поверх рубахи надевали бешметы (*бешпент*, *мешпент*), узкие, расширяющиеся к подолу, длиной до колен, застегиваемые от горла до пояса, с узким стоячим воротником и длинными узкими рукавами. Носили также длинные безрукавки с открытым воротом.



Мужская одежда казахов

1—«кёйлек»—рубаха; *2* — бешмет; *3*—«шапан» — стеганый халат; *4*—«тымак» — меховая шапка; *5* — старинная шапка с меховой опушкой; *6* — тюбетейка; *7* — головной убор казахской знати второй половины XIX в.; *8* —«кумис бельдик» — пояс с металлическими бляхами; *9* —«етик»— сапоги с войлочными чулками; *10* — сапоги с цветной аппликацией

Наиболее распространенной формой верхней одежды были халаты (*шапан*) — наплечная распашная одежда с открытым воротом, первоначально туникообразного покроя, без шва на плечах, с довольно широкими, суживающимися книзу рукавами. В прошлом рукава были очень длинные, так что в холода с успехом заменяли рукавицы. Халаты, которые носили поверх рубах, шили длиной до колен, на матерчатой подкладке; халаты, служившие верхней одеждой, были длиннее, их подбивали верблюжьей или овечьей шерстью, на юге — ватой. На халаты шли разнообразные ткани: бедные носили хлопчатобумажные халаты, богатые шили парадные халаты из тонких сукон, бухарского или китайского шелка и бархата ярких расцветок. Халаты не имели застежек, их запахивали и подвязывали поясом.

В холодную погоду надевали несколько халатов, один на другой. Богачи нередко независимо от погоды щеголяли в нескольких халатах; верхними были обычно бархатные халаты, расшитые золотом или обшитые галуном по подолу, бортам, вороту и концам рукавов, иногда опушенные полосками дорогого меха.

Верхние штаны (*шалбар*) обычно шили из мягкой кожи желтого или красного цвета, богатые их расшивали шелком или галуном. Они были очень широки, так что в холодное время мужчина, ехавший верхом, забирал в них полы одного, а то и нескольких халатов. С середины XIX в. штаны стали чаще шить из плотной хлопчатобумажной или шерстяной ткани. Зимой носили также штаны из овечьих шкур шерстью внутрь.

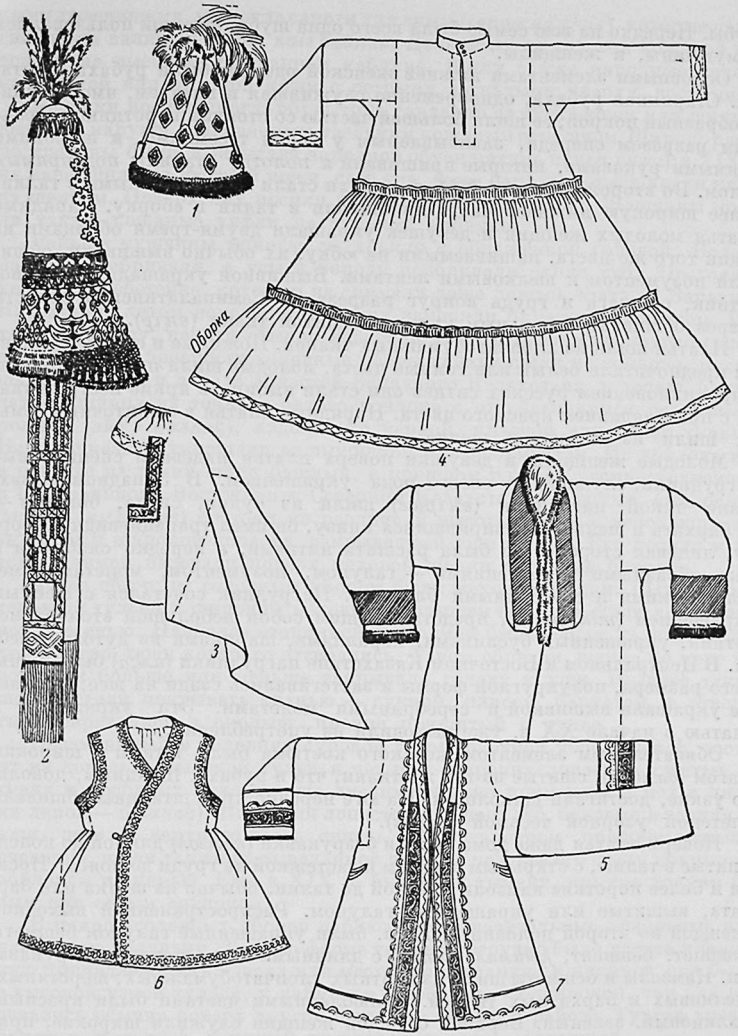
В XVIII — начале XIX в. была распространена верхняя одежда из кожи и шкур домашних животных. Из мягкой замши шили нарядные халаты, нередко украшая их вышивкой.

Из шкур животных с короткой шерстью (чаще конских, иногда козьих или телячьих) шили несколько видов наплечной распашной одежды (*жареақ*): короткие кафтаны, длинные шубы. Особенно нарядной считалась одежда из шкур жеребят, сшитая так, что на спину и рукава приходились гривы. Из шкур шили также короткие меховые безрукавки, которые надевали зимой под шубы или халаты.

На зиму шили одежду из свалявшихся пластов верблюжьей шерсти (*кγпі*), покрывая верх тканью, и из овечьей шерсти (*шідем кγпі*). Носили длинные шубы из овчин, лисьего или волчьего меха, крытые сатином, сукном или другой тканью (*ішік*), и нагольные тулупы (*тон*), чаще из овчин, окрашенные снаружи в желтый или черный цвет. Богачи шили шубы из меха дорогих пушных зверей (бобров, куниц, выдр). Необходимым элементом верхней одежды был *шекпен*, игравший роль плаща. Его шили из сукна верблюжьей шерсти, без подкладки, и надевали поверх всего, особенно в бураны или дождь.

Непременной составной частью костюма был пояс, сшитый из двух слоев кожи; реже носили кушаки из хлопчатобумажной ткани, а богатые в торжественных случаях надевали бархатные пояса с серебряными и позолоченными бляхами. Для воина и охотника незаменим был ременный длинный и довольно узкий пояс (*кісе*), к которому подвешивали кожаные ножны с ножом, сумку (*қалта*), первоначально служившую для хранения запаса пуль, пороховницу, а также огниво, трут, кисет с табаком и другие нужные в дороге вещи. Эти подвески к поясу и сам пояс украшали металлическими бляхами или вышивкой, а богатые — серебром. В XIX в., постепенно утратив свое значение, подвесные сумки и футляры превратились просто в украшение.

Значительные социальные различия до революции мало сказывались в формах одежды, они главным образом касались комплекта костюма, материала, из которого он изготовлен, и украшений. Полный комплект перечисленных форм одежды имели немногие. Трудящиеся казахи довольствовались очень скудным набором принадлежностей одежды. Так, в кон-



Женская одежда казахов

1 — «бёрик» — девичья шапка; *2* — «саукеле» — головной убор молодухи; *3* — «кимешек» — женский головной убор; *4* — «кёйлек» — женское платье; *5* — «шапан» — халат на меху; *6* — безрукавка *7* — бешмет

це XIX в. мужчина обычно имел всего одну пару нательной одежды, которую носил без смены до ее полного обветшания, один или два бешмета, один халат и шубу или два халата. Мальчики-подростки обходились без

шубы. Нередко на всю семью была всего одна шуба, которой пользовались и мужчины, и женщины.

Основными элементами нижней женской одежды были рубаха и штаны. Старинная рубаха, одновременно служившая и платьем, имела туникообразный покрой; ее шили большей частью со стоячим воротником, большим разрезом спереди, завязываемым у горла тесемками, и широкими прямыми рукавами, которые пришивали к полотну станины под прямым углом. Во второй половине XIX в. рубахи стали шить отрезными в талии; более широкую нижнюю часть пришивали в талии в сборку. Нарядные платья молодых женщин и девушек украшали двумя-тремя оборками из ткани того же цвета, нашиваемыми на юбку; их обычно вышивали, обшивали позументом и шелковыми лентами. Вышивкой украшали также воротник, обшлага и грудь вокруг разреза. В Семипалатинской области разрез обшивали отдельным куском вышитой ткани (*өңір*).

Платья шили из хлопчатобумажных тканей. Пожилые и старые женщины предпочитали белый или темные цвета, молодые шили цветные платья; с проникновением русских ситцев они стали выбирать яркие пестрые ткани с преобладанием красного цвета. Нарядные платья в зажиточных семьях шили из атласа и шелка.

Молодые женщины и девушки поверх платья надевали специальные нагрудники, служившие своего рода украшением. В Западном Казахстане такой нагрудник (*өңірше*) шили из сукна, ситца, богатые — из бархата и шелка. Расширявшийся книзу, он имел трапециевидную форму, лицевая сторона его была расшита нитками, а нередко снабжена и разнообразными украшениями — галуном, позументом, монетами, металлическими и серебряными бляхами. Нагрудник сочетался с шейным украшением (*тік жаға*), представляющим собой небольшой стоячий воротник, украшенный бусинками, кораллами, шариками из дутого серебра. В Центральном и Восточном Казахстане нагрудники (*алқа*) были меньшего размера, полукруглой формы и застегивались сзади на шее; их также украшали вышивкой и серебряными монетами. Эти украшения к платью в начале XX в. уже выходили из употребления.

Обязательным элементом женского костюма были штаны с широким шагом (*дамбал*), сшитые из той же ткани, что и рубаха. Штанины, довольно узкие, достигали щиколоток. На юге нередко края штанины обшивали плетеной узорной тесьмой (*жиек*).

Поверх платья даже дома носили безрукавки (*қамзол*) длиной до колен, сшитые в талию, с открытым воротом и застежкой на груди до пояса. Носили и более короткие камзолы, длиной до талии, обычно из шелка или бархата, вышитые или украшенные галуном. Распространенной выходной одеждой во второй половине XIX в. были украшенные галуном бешметы (мешпет, бешпент, *қыймал шапан*) с длинными или с короткими рукавами. Камзолы и бешметы шили из плотных хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и бархатных тканей. Излюбленными цветами были красный, малиновый, зеленый. Верхней одеждой женщин служили широкие, прямого покроя халаты (шапан, *қаптал шапан*), обычно на вате. Зимней верхней одеждой, как и у мужчин, были күпи из овечьей или верблюжьей шерсти.

Верхнюю одежду женщины опоясывали кушаком из ткани или широким кожаным поясом, нередко украшенным металлическими пряжками и бляхами (*белдік*). В парадный костюм богатых девушек и женщин входили расшитые бархатные и шелковые пояса (*кемер*) с серебряными украшениями, иногда позолоченными.

Обувь мужская и женская имела много общего. Самым старинным видом обуви казахов были кожаные (часто юфтевые) сапоги, сшитые на одну колодку (без разделения на левый и правый). Различались сапоги легкие, летние, с более короткими голенищами, сапоги для верховой езды с длин-

ными голенищами, широкие сапоги для зимы (*саптама етік*), которые натягивали на валяный чулок *киіз байпак*. Делали их на толстой кожаной подошве, на высоком деревянном каблуке. Шили также нарядные сапоги из зеленой или красной кожи с острыми загнутыми кверху носками.

Бедняки носили иногда обувь типа сандалий из куска кожи или шкуры, шерстью наружу, стягиваемого узеньким кожаным ремешком. Широко распространены были в качестве нарядной обуви мягкие ичиги (*мәсі*); в XIX в. их чаще шили из цветной кожи, сафьяна, даже бархата и расшивали иногда шелком. Поверх них носили кожаные калоши (*кебіс*). Женщины носили также кожаные туфли на высоком каблуке.

Раньше мужчины никогда не ходили с обнаженной головой. Волосы на голове сбривали, а усы и бороду подбривали около губ. Постоянно ходили в тюбетейке, которую не снимали даже ложась спать. В Западном Казахстане летом нередко тюбетейку заменяли бумажным платком. Выходя на улицу, казахи обычно надевали поверх тюбетейки другие головные уборы. В древности головные уборы казахи шили из войлока, меха и шкур. На юге и в ряде областей Западного Казахстана и теперь бытует летняя шляпа из тонкого белого войлока с отгибающимися разрезными полями (*айыр қалпақ*), подшитыми черной, красной или синей тканью. Богатые казахи украшали ее вышивкой или позументом. Из войлока же, а позднее из ткани шили башлык, в прошлом широко распространенный в Центральном, Восточном и Северном Казахстане. Башлык (*жалбағай, далбай, күләпара*) состоял из различной высоты тульи с небольшим козырьком и широкой лопасти, закрывавшей уши и шею. Его носили и летом, а зимой надевали поверх меховой шапки во время буранов.

Более обычным головным убором были меховые шапки. Шапку с матерчатой тульей и широким меховым околышем (*бөрік*) носили летом, весной и осенью. Наиболее старинной ее формой был колпак из шкуры, мехом внутрь, края которого отгибались. Таким образом, шапка по мере надобности больше или меньше закрывала голову и уши. Позднее такую шапку стали покрывать тканью — сукном, плисом, бархатом, а отвороты превратились в околыш, прочно пришитый к тулье.

Незаменимый в условиях суровой зимы головной убор *тымақ* состоит из довольно высокой тульи и четырех широких лопастей, сшитых из ткани и подбитых мехом, чаще лисьим (обычно применяется мех с лисьих лапок — *бушпақ*). Передняя лопасть защищает лоб, боковые и задняя — уши, шею и верхнюю часть спины. В отдаленном прошлом тымак, очевидно, шили также из выделанной шкуры, позднее его стали покрывать войлоком и тканью. Еще в XIX в. бытовали тымаки, крытые тонким белым или серым войлоком.

В покрое головных уборов наблюдались значительные локальные или племенные различия. Так, по форме тымака нетрудно было узнать племенную принадлежность казаха или место его обитания. У аргынов они были с высокой узкой тульей, у найманов, наоборот,— с широкой, так как надевались обычно поверх другой шапки — бёрик; в районе Тургая вместо боковых и задней лопастей пришивалась одна сплошная.

Особенно большие различия по областям или родоплеменным группам наблюдались в женских головных уборах. Кроме того, форма головного убора зависела от возраста и семейного положения женщины.

Девушки заплетали на голове множество (до 30) мелких косичек, но концы их обычно соединяли в две косы. Местами (Западный Казахстан, Мангышлак) женщины надевали специальные футляры для кос (*шаш қап*), сшитые из ткани и украшенные вышивкой или бляшками. В XIX в. они уже редко употреблялись.

Наиболее древний девичий головной убор представляет собой шапку с матерчатой тульей и широким меховым околышем (*тақыя, бөрік*). Еще в конце XVIII — начале XIX в. она имела форму высокого остроконеч-

Старинный свадебный головной убор «саукеле». Семипалатинская область. 1907 г.

ного колпака, опушенного внизу мехом. Верхушку его украшали бляшками, монетами, вышивкой. Почти обязательным украшением девичьей шапки служил пучок перьев филина (уки), игравший роль оберега. К концу XIX в. форма шапки сильно изменилась, уменьшилась ее высота, а тулью стали шить плоской или полусферической, реже остроконечной.

В XIX в. получила распространение легкая шапочка типа тюбетейки, цилиндрической формы, сшитая на твердом (картонном, бумажном) каркасе; его обтягивали хлопчатобумажной, шелковой, бархатной тканью, предпочтительно красного или другого яркого цвета. Шапочку украшали монетами, серебряными бляшками и подвесками, на макушке пришивали кисточку из шелковых или бисерных нитей с подвешенными к ним монетами; богатые девушки нередко носили шапочки с драгоценными камнями, вышитые жемчугом.

Перед тем как девушку-невесту сажали на коня для переезда в аул будущего мужа, ей меняли девичью прическу на женскую (заплетали волосы в две косы) и надевали на нее особый головной убор *сәукеле*. Саукеле были разнообразны по форме, в зависимости от местности и богатства невесты. Саукеле состояло из конусообразного каркаса до 70 см высотой, покрытого красным сукном или бархатом, богато украшенного разнообразными подвесками, бусами, отделанного мехом, бляхами, драгоценными камнями в оправе. Подвески, нити бус и цепочки спускались вдоль щек на плечи. Сзади к саукеле прикрепляли ленту из галуна или пришивали две затылочные лопасти, также с узорами. Сверху спускалась длинная белая или цветная вуаль или шелковая шаль, закрывающая спину. Иногда спереди к саукеле прикрепляли специальную серебряную узорную пластинку, украшенную драгоценными камнями (*маңдайша*). У богачей стоимость саукеле доходила до 2 тыс. руб. серебром. В менее зажиточных семьях саукеле были проще и украшались галуном, серебряными и золотыми нитями.

Саукеле обычно переходило по наследству от матери к дочери. Уже во второй половине XIX в. саукеле стало исчезать из быта, и в настоящее время его образцы можно видеть только в музее. Саукеле стали заменять кашемировыми или шелковыми цветными шалями, набрасываемыми поверх тюбетейки.

Молодая женщина носила саукеле в течение года после замужества, обычно надевая его при гостях и во время перекочевки. Через год его снимали и надевали головной убор замужней женщины. В семьях рядовых казахов эта замена происходила быстрее. Наиболее распространен-

ной формой женского головного убора был *кимешек*, род капюшона из белой хлопчатобумажной, редко шелковой ткани, закрывающий голову, грудь, плечи и спину и имеющий вырез для лица. Нагрудную и лицевую часть кимешека, а иногда и заднюю лопасть украшали вышивкой. Иногда вырез для лица обрамляли рядами вышивки, нашитых бусинок, кораллов, серебряных бляшек. У разных родоплеменных групп кимешеки различались по покрою, форме и размерам задней лопасти («хвоста»).

Кимешек служил домашним головным убором. При выезде из аула и приеме гостей женщины надевали поверх кимешека еще род тюрбана. Чаще всего это было большое полотнище тонкой белой ткани, особым образом сложенное и обмотанное вокруг головы. В различных племенных группах этот убор имел разную форму и свое название. У казашек Старшего жуза его называли *күндік*, он имел вид высокого тюрбана, верхушка которого склонялась набок или вперед. У аргынов (Средний жуз; территория современных Семипалатинской и Карагандинской областей) молодые женщины повязывали поверх кимешека небольшой платок (*шарші*), пожилые сверху наматывали кундик. В Акмолинской области шарши делали в виде высокого тюрбана, иногда даже на бумажном каркасе.

Казашка в национальном головном уборе «кимешек». Алма-Атинская область

В районах современных Актюбинской и Кустанайской областей (Младший и Средний жузы) бытовали совершенно иные формы женского головного убора. Молодая женщина после снятия саукеле покрывала голову платком, концы которого скрещивались на груди и завязывались на спине; поверх платка она надевала шапку на твердом каркасе (картонном, ранее берестяном), имевшую форму усеченного конуса, 30—40 см высотой, обшитую куском легкой, чаще белой ткани, спускавшимся на спину свободными складками. Такой головной убор назывался *жаулық*. В более зрелом возрасте женщины на нижний платок накручивали тюрбан уже без каркаса.

В западных районах весь головной убор пожилых женщин состоял из одного большого белого полотнища, накрученного на голову так, что им была обмотана шея, небольшой конец спускался на спину, а другой висел сбоку головы.

Во второй половине XIX — начале XX в. у казашек вошли в моду разноцветные шелковые шали с кистями, привозившиеся из России. Молодые женщины в первые годы после замужества накидывали такие шали поверх кимешека или на девичий головной убор. Старинные чалмообразные уборы сохранялись лишь у пожилых женщин.

Женские украшения были весьма разнообразны по назначению и формам. Значительную группу составляли украшения для головы. Девушки вплетали в косы шнурки с монетами на концах, ленты с нашитыми деньгами и серебряными украшениями (*шолпы*, *шашбау*) или длинные черные шелковые кисти.

В Западном Казахстане на женский головной убор накалывали специальное украшение: когти филина в серебряной оправе, очевидно вначале имевшие характер оберега; от пластинки, к которой они были прикреплены, спускались цепочки с монетами и серебряными бляшками или коралловые бусы. Носили также украшение, центр которого занимала треугольная плоская коробочка с заключенной в ней молитвой, написанной на бумаге (*тұмарша*).

Разнообразны были и серьги. Преимущественно носили серебряные сережки, состоящие из дужки или петли серебряной проволоки, с прикрепленным внизу украшением в виде дутых шариков, чеканной или гравированной пластинки, нередко с подвесками из бисера, бус или серебряной цепочки. У богатых в XIX в. были в обычае большие серебряные серьги с подвесками и цветными камнями, нередко столь тяжелые, что их привязывали к волосам, чтобы они не разорвали ушей.

В качестве шейного украшения у девушек Западного и Южного Казахстана были распространены коралловые, бисерные и стеклянные бусы. Украшением являлись также серебряные узорные бляхи, иногда с драгоценными или полудрагоценными камнями, служившие застежками камзолов или бешметов, оправленные в серебро пуговицы из камня или цветного стекла, наконец, шелковые и бархатные пояса с серебряными бляхами.

Наиболее популярны были серебряные или медные браслеты и кольца, которые имелись у каждой женщины, даже самой бедной. Формы их были очень разнообразны. Так, на юге и в Семипалатинской области (среди найманов) были распространены толстые браслеты, круглые в сечении, с несомкнутыми концами, поверхность их часто покрывалась узором (штамповка, гравировка, насечка). У аргынов и кереев в Карагандинской области обычны были плоские толстые браслеты, покрытые насечкой, нередко с фигурными концами (в форме листика, головы змеи). В Тургайской степи кыпчаки и аргыны носили плоские тонкие браслеты, также орнаментированные, нередко с камешком в оправе, часто с застежкой. В Западном Казахстане бытовали массивные, широкие дутые браслеты, похожие на каракалпакские или туркменские. Здесь, как и в Туркмении, носили и своеобразные гарнитуры — браслеты, соединенные цепочками с двумятремя перстнями. Тут же встречались надевавшиеся сразу на два пальца массивные серебряные кольца, украшенные огромной бляхой.

Со второй половины XIX в. на казахской одежде начало сказываться влияние русского костюма, особенно в среде казахской интеллигенции и купечества, связанного с городом. В конце XIX — начале XX в. русская одежда распространилась среди рабочих, отчасти батраков, работавших в русских кулацких семьях.

Наиболее быстро и сильно влияние городского костюма сказалось после Октябрьской революции, а в аулах — с периода сплошной коллективизации. Современный костюм казахов представляет собой сочетание одежды городского типа с традиционной. В костюме казахов-горожан, мужчин и женщин, национальные черты в значительной мере утрачены. Колхозники-мужчины также в большинстве своем носят городской костюм, но сохраняют и некоторые отдельные элементы старинной национальной одежды. Только у пожилых мужчин, особенно у тех, кто занят в отгонном животноводстве, еще широко бытует одежда национального покроя.

В быт вошло употребление нательного белья, трикотажного, покупаемого в магазинах, или сшитого из хлопчатобумажной ткани. Носят бу-

мажные и шерстяные костюмы, сорочки, пальто, популярны гимнастерки и брюки-галифе военного образца. Многие шьют такую же одежду дома, но чаще костюмы и пальто покупают готовыми. В качестве рабочей верхней одежды используют ватные куртки.

Многие виды национальной одежды мужчин в разной степени еще сохраняются в быту сельского населения. Безрукавки, бешметы, халаты распространены среди пожилых мужчин, однако покрой их претерпел некоторые изменения. Так, халаты стали не столь широки, как раньше, их длина — ниже колен, рукава у них несколько короче и у́же. Иначе шьют и рубахи, их покрой теперь приближается к городскому.

Современная женская одежда сохранила больше национальных черт. Полностью по-городскому одеваются только жительницы городов, а в сельских местностях даже для интеллигенции обычен костюм, сочетающий городские и национальные элементы. В выборе городских фасонов платья тоже сказываются определенные вкусы и традиции.

Новое явление в женской одежде — ношение белья. Пожилые, а местами и молодые женщины шьют платья национального покроя из разнообразных хлопчатобумажных и шелковых тканей, причем молодые женщины предпочитают тона ярких цветов. У молодых обычный покрой платья слегка видоизменен, но одновременно среди них распространены платья городских фасонов. Продолжают бытовать в современном костюме пожилых женщин длинные штаны, причем они нередко сочетаются с чулками, которые натягивают поверх штанин. Изредка носят длинные камзолы и бешметы. Почти обязательным элементом женской одежды стала короткая безрукавка (*желетче*), приближающаяся по форме к мужскому жилету. Шьют ее из разных тканей, предпочитая бархат или плюш ярких цветов. Вместо бешмета надевают короткий жакет (*кастім*) с отложным воротником и отворотами, также сшитый из сукна, бархата, плюша. В качестве верхней одежды обычно носят пальто городского покроя, особенно популярны плюшевые разных цветов.

В сельской местности многие казахи носят старинного типа сапоги, ичиги с калошами. Калоши предпочитают глубокие, так называемые азиатские. Но все же преобладает обувь фабричного производства.

Национальная специфика сохраняется отчасти в фасонах мужских и женских головных уборов. Средних лет и пожилые мужчины в аулах обычно бреют голову и, придерживаясь старой традиции, постоянно носят головной убор. Молодые большей частью отпускают волосы и нередко летом ходят с непокрытой головой. Бороды отращивают только пожилые, усы носят и мужчины среднего возраста. Теплые мужские головные уборы, а также войлочные шляпы (калпак) и поныне широко распространены среди сельского населения.

Зимняя шапка тымак — до сих пор незаменимый головной убор пастухов. Наряду с этим вошли в употребление и разнообразные городские головные уборы, покупаемые в магазинах. В аулах летом молодые и средних лет мужчины носят фуражки, фетровые шляпы, заменяющие войлочный калпак. В Южном Казахстане распространены среднеазиатские тюбетейки, особенно чустская, а среди пожилых мужчин — и чеченские широкополые войлочные шляпы. В холодную погоду носят русские ушанки (*құлақшын*).

В современном ауле наиболее распространенным женским головным убором является платок фабричной работы, зимой вязаные или шерстяные шали и мужские ушанки. Девушки на юге Казахстана носят узбекские тюбетейки и часто ходят с непокрытой головой. Изредка еще встречаются девичьи шапочки, однако их носят лишь некоторые девочки; теперь их шьют главным образом для участников художественной самодеятельности. Почти обязательным головным убором женщин аула с 40-летнего возраста является кимешек. Тюрбаны носят только старые женщины.

Перестало бытовать большинство видов местных серебряных украшений; некоторые заменились покупными, другие употребляются лишь в праздники. Больше всего носят браслеты, кольца, перстни. Молодые женщины надевают также браслеты из бус или бисера. Новым видом украшения стали часы с браслетом, которые имеются у многих девушек-колхозниц. На юге носят разнообразные бусы — коралловые (*маржан*), бисерные, стеклянные фабричного производства. Девочки и молодые девушки по-прежнему украшают камзол и шапочки монетами, серебряными пуговицами, бляшками. Старинные украшения на косы и пояса с серебряными бляхами надевают только в исключительных случаях, обычно ими украшают комнату или хранят как реликвию.

Значительные изменения народной одежды за сравнительно короткий срок особенно ярко свидетельствуют о коренной перестройке всего быта казахского аула, связанной с социалистическим строительством. С переходом к оседлости создались новые условия жизни и возникла необходимость облегчения одежды, чтобы она стала удобней для ходьбы и работы. В изменении одежды сказались связи с русской культурой, сильное влияние городского быта в ауле, рост культуры казахского населения, коренное улучшение благосостояния трудящихся.

Для современного быта, в частности сельского, характерно обилие одежды в семьях. Каждый член семьи, рабочей или колхозной, имеет, как правило, полный комплект верхней одежды, летней и зимней, и белья. В каждой семье есть несколько смен одежды и обуви, запас мануфактуры. У многих имеется особая праздничная одежда для взрослых и детей. В формах праздничной одежды наблюдаются определенные различия между разными поколениями. Пожилые люди, нередко и среди горожан, шьют себе праздничную одежду старинного покроя, иногда носят и старинные головные уборы, кожаные пояса. Молодежь предпочитает в качестве праздничной одежду городского типа, сшитую из хорошего материала.

Пища и домашняя утварь

Основой питания населения казахского аула служили в первую очередь молочные, затем мясные и частично растительные продукты. В прошлом преобладание молочных продуктов приводило к тому, что питание имело сезонный характер. С ранней весны, т. е. с получением приплода и началом доения домашнего скота, и до глубокой осени в пище казахской семьи преобладали различные виды молочных продуктов.

Казахи использовали молоко всех домашних животных. Характерным для кочевого быта было то, что молоко не употребляли в свежем виде. Овечье и коровье молоко сразу же после доения кипятили в котле и заквашивали, добавляя старую простоквашу. Полученное таким образом кислое молоко (*қатық*, или *айран*) служило основной пищей летом. Бедняки обычно разбавляли айран водой (этот напиток называли *шалап*). Из сливок (*қаймақ*) сбивали масло (*сары май*), сохраняя его до зимы в сосуде из бычьего желудка. На зиму заготовляли также кислый сыр (*құрт*). Для этого скисшее снятое молоко варили в котле, затем сливали в мешок и подвешивали на один-два дня, чтобы стекла сыворотка. Оставшуюся массу отжимали руками, скатывали в комочки и сушили. Полученный сухой сыр был кисловат на вкус, богат казеином; его разводили по мере надобности в воде или бульоне; этот напиток прекрасно утолял голод и жажду.

Для приготовления сладкого сухого сыра (*ірімшік*) заквашивали молоко специальной закваской: в сосуд из желудка ягненка наливали молозиво и добавляли отрубей. Закисшее молоко варили в котле, а полученную творожную массу отделяли от сыворотки и помещали в мешочек, в котором ее сушили. Из мелко растолченного и смешанного со сливочным маслом и сахаром иримшика приготовляли особое лакомство — *жөнт*. Оставшуюся сыворотку снова варили в котле до выпадения осадка,

из которого руками формовали лепешки, а затем сушили их. В результате получали еще один вид сухого сыра — *сарысу*.

Излюбленным напитком казахов и поныне является кумыс (*қымыз*) из заквашенного кобыльего молока. Для приготовления кумыса молоко сливают в кожаный сосуд (*торсық* или *саба*) и заквашивают старым кумысом или специально приготовляемой закваской. Затем дают ему постоять день-другой, часто взбалтывая специальной мутовкой (*піспек*). В западных и южных областях Казахстана, где разводят верблюдов, приготовляют верблюжий кумыс (шубат). Кумыс и шубат перед употреблением наливают из кожаного сосуда в глубокое деревянное блюдо (*шара*, или *тегене*), откуда разливают по фаянсовым (*кесе*) или деревянным (*аяқ*) чашкам специальным половником для кумыса (*ожау*). Посуду для кумыса нередко украшали резьбой и даже серебром, кожаную — художественным тиснением.

Из зерновых культур наиболее древней было у казахов просо. Пшеницу, рис, ячмень казахи издавна покупали в Средней Азии, а с XVIII в. поставщиком зерна стала Россия. Развитие земледелия в Казахстане, особенно во второй половине XIX в., привело к увеличению мучных продуктов в пищевом рационе казахов. Хлеб стал обязательным элементом питания летом и зимой.

Из пшеничной муки пекут пресные лепешки (*нан*) на стенках раскаленного котла или прямо в горячей золе. Жарят в масле или бараньем сале небольшие кусочки пресного теста (*бауырсақ*, *қыйықша нан*). Со второй половины XIX в. распространился новый способ выпечки лепешек: в двух чугунных сковородках, зарываемых в горячую золу. В Южном Казахстане появились хлебные печи (*тандыр*) узбекского и уйгурского типа. На севере, в местах близкого соприкосновения с русскими, казахи научились выпекать хлеб из кислого теста. Из муки пекут также лепешки, напоминающие блины (*жұқа нан*) и оладьи.

Значительно реже в теплое время года употребляли смешанную молочно-растительную пищу — всевозможные похлебки. Пища из растительных продуктов преобладала осенью, преимущественно после сбора урожая, и зимой.

Мясные блюда в теплое время года раньше употребляли редко. Даже в богатых семьях резали скот только в том случае, если приезжали гости, или в праздники. С наступлением осени, когда переставали доиться домашние животные, основное место в питании населения занимали растительные и мясные блюда: различные похлебки (*көже*) из проса или пшеницы с добавлением кусочков сала или мяса, лапша (*кеспе*) с мясом или с молоком, жареное и вареное мясо.

В ноябре, после возвращения на зимовку, наступал период массового забоя скота (*согым*) для заготовки мяса впрок, на всю зиму. Бедняки резали одну-двух овец, а состоятельные откармливали для этой цели более десятка лошадей, несколько верблюдов, много овец. Мясо вялили, позднее стали солить. В таком виде оно хранится очень долго. В этот же период в богатых семьях готовили одно из лакомых блюд казахов — копченую конскую колбасу (*қазы*). Ее делали из жирного мяса, которым начиняли кишки.

Лакомым блюдом у казахов издавна было вареное мясо (*ет*) без приправ. Позднее, в конце XIX — начале XX в., в мясо стали добавлять куски раскатанного теста. На юге Казахстана это блюдо называют *кулшетай*. Для приготовления другого блюда — *бесбармақ* — варят в котле баранье мясо, затем, вынув его, опускают в котел кусочки или полоски тонко раскатанного теста. После того как тесто готово, его вынимают из котла деревянной ложкой и накладывают в большое деревянное блюдо (*табақ*). Сюда же крошат вареное мясо, добавляют бульон (*тұздық*) и, размешав, подают. Вареную голову барана при этом, по обычаю

преподносят самому почетному гостю. Обычай этот раньше был распространен повсеместно. Запивают мясо бульоном (*сорпа*), в котором оно варилось. Из легких, печени, сердца зарезанных животных приготовляют жаркое (*қуырдақ*) на бараньем сале.

На юге Казахстана распространены большие пирожки с мясом (*манты*) и плов (*палау*), заимствованные у соседних народов — уйгуров и узбеков.

Кроме молочных напитков, с середины XIX в. в богатых семьях стал распространяться чай. Пьют его со сливками или с молоком (*сүт*) из фаянсовых чашек. К чаю раньше подавали сахар и другие сладости только у богатых, а бедняки в лучшем случае пили чай со сладким сухим сыром — иримшик.

В тех местностях, где казахи занимались земледелием, издавна готовили из пшеницы, проса или риса напиток, напоминающий брагу (*боза*).

Наиболее бедная часть казахских трудящихся (кедей, джатак), нередко не имевшая даже муки, особенно в голодные годы, молола семена дикорастущего злака — кумарчика (*Agriopyllum arenarium*) и из этой муки готовила похлебку. Употребление в пищу муки из кумарчика нередко вело к тяжелым кишечно-желудочным заболеваниям, часто встречавшимся среди бедноты.

Рыбу и дичь употребляли в пищу немногие. Рыба служила важным видом питания у бедняков. Из дичи в пищу шло мясо сайги, джейранов, горных козлов, а также птиц (гусей, уток, дроф, уларов).

Овощи и фрукты были редким явлением в пище казахов и употреблялись главным образом на юге, где некоторые земледельцы издавна занимались огородничеством и садоводством. Трудящейся массе кочевого и полукочевого населения эта пища была недоступна.

Таким образом, в прошлом пища казахского населения была однообразной и отличалась преобладанием в ней продуктов животного происхождения. Следствием минерального голода было позднее физическое развитие детей у казахов.

Ели прежде на полу. Поверх войлока или ковра расстилали скатерть (*дастарқан*), на которую ставили посуду. В некоторых районах Казахстана (раньше всего на юго-востоке) вошли в употребление низенькие круглые столики.

Кочевой и полукочевой образ жизни обусловил характер употреблявшейся в быту посуды. У казахов преобладали различные виды кожаной и деревянной утвари. Для перевозки и хранения молочных продуктов шили различные мешки (саба, торсык) из выделанных кож домашних животных. Из хорошо выделанной, нередко украшенной тиснением кожи изготовляли фляги (*кеужерин, қазмойын*). Из кожи делали также подойники для кобыльего молока (*көнек*), ведра для воды (кауга). Деревянная посуда состояла из всевозможных больших блюд для мяса (табак) и кумыса (тегене), корытец для мяса (*астау*), небольших чашек для еды и питья (аяк), поварешек для кумыса (ожау), маслобоек (*күбі*). Легкая, небьющаяся, она была удобна для перевозки при перекочевках. Для фаянсовой посуды (кесе, *пияла*) изготовляли из войлока специальные красиво орнаментированные футляры.

Металлической посуды было немного — котел для варки пищи (*қазан*), самовар, чайники, медный или чугунный кувшин (*құман*).

Национальные блюда в значительной степени и теперь являются основой питания казахов-колхозников. Сохранились также способы заготовки и хранения мясных и молочных продуктов. В ряде животноводческих районов Казахстана, где занятие земледелием и огородничеством в силу климатических условий затруднено (Гурьевская область, юг Кустанайской области), свежие овощи по-прежнему почти отсутствуют в питании местного населения. В таких местах сохранилась и сезонность в пита-

нии казахского крестьянина. Однако старые национальные блюда стали питательнее и вкуснее, так как жиры и мясо доступны теперь всей массе трудящихся. В целом же в Казахстане за годы Советской власти огородничество получило широкое развитие. Овощи прочно вошли в пищевой рацион казахского населения. Многие продукты, в прошлом совершенно не известные основной массе казахов (различные кондитерские изделия, фрукты, крупы, макароны), теперь пользуются большим спросом. Благодаря тесному общению с русским населением многие казахские семьи, особенно в городах, стали приготовлять русские и украинские блюда (супы, борщ, каши). Очень многие как в городах, так и в сельских местностях, пользуются общественными столовыми, где наряду с обычными русскими блюдами готовятся и среднеазиатские блюда—куырдак, манты, палау.

В несравненно более широких размерах казахи потребляют теперь хлеб. Наряду с его национальными видами (бауырсак, *таба нан* и др.) во многих областях пекут в специальных печах (*нан пеш*) кислый хлеб. Вместе с тем многие городские хлебозаводы наладили выпечку национальных пресных лепешек, пользующихся спросом и у казахского, и у русского населения. Полностью сохранили свое значение старые национальные молочные напитки и сыры. Любимый напиток казахов — кумыс — пользуется большой популярностью и в городах среди русского населения.

Сохранение в значительной степени национальных традиций в питании местного, особенно сельского, населения обусловило использование некоторых форм национальной посуды: кожаных мешков и фляг, деревянных блюд, котлов для приготовления пищи. Вместо старой, связанной с кочевым бытом и поэтому исчезающей посуды широко бытует новая, более удобная и гигиеничная: фарфоровые и фаянсовые чашки с блюдцами, стаканы, эмалированные тазы, ведра, кастрюли, чайники, ложки, вилки. Не редкость в колхозах примусы, керогазы, а также электроплитки.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Общественная жизнь

Победа Октябрьской революции в Казахстане привела к коренным изменениям в общественной жизни народов этой отсталой в прошлом окраины царской России. Впервые широкие массы трудящихся Казахстана стали активными деятелями и творцами политической, общественной жизни.

Однако путь приобщения казахских трудящихся к участию в общественной жизни был чрезвычайно сложен и требовал огромных усилий со стороны партийных организаций и органов Советской власти. В первые годы после революции в Казахстане еще сохранялись кабальная зависимость и безграничная эксплуатация бедноты со стороны баев, прикрываемые пережитками патриархально-родовых отношений.

В аульных советах и волостных исполкомах зачастую главенствовали баи или их родственники. Для привлечения рядовых казахов к участию в общественной жизни необходимо было начать наступление против байства, политическое просвещение бедняцких масс. В аулах стали создаваться профессиональные ячейки союза работников земли и леса. Наряду с организацией батрачества и приобщением его к участию в профессиональном движении велась большая политическая, организационная и культурная работа. Особенно большую роль в сплочении бедноты и привлечении ее к в восстановлению хозяйства и советскому строительству сыграл организованный в 1926 г. союз «Кошчи». Невиданный рост политической активности проявили трудящиеся массы казахского населения в период передела сенокосных и пахотных угодий.

Крупные изменения в жизни трудящихся произошли в период коллективизации, которая окончательно подорвала пережитки патриархально-родовых отношений в казахском ауле.

Ленинская национальная политика расчистила путь к коренному переустройству общественной жизни в ауле, подготовила почву для индустриализации Казахстана. Важнейшим условием индустриализации Казахстана было создание кадров промышленных рабочих из местного, в первую очередь казахского населения. Рабочие-казахи должны были стать прочной опорой Советской власти среди местного населения, решающей силой в борьбе с влиянием баев и мулл в ауле. На протяжении трех довоенных пятилеток в Казахстане были созданы многочисленные кадры национальных рабочих путем вовлечения в промышленность аульного населения. Работая на производстве, прежде отсталые крестьяне проникались новым социалистическим сознанием, росли политически, избавлялись от пережитков патриархально-родовых отношений. Казаха-рабочего характеризует новое отношение к общественному труду, к социалистической собственности. Одним из проявлений творческой инициативы национальных кадров рабочих явилось социалистическое соревнование, движение новаторов. За годы Советской власти была проведена огромная работа по интернациональному воспитанию рабочих, были навсегда искоренены остатки былого неравенства казахов-рабочих с рабочими других национальностей в оплате труда и квалификации. Благодаря товарищеской помощи русских рабочих, их вниманию к казахским рабочим, создавалась атмосфера взаимного понимания, братского доверия между рабочими всех национальностей. Промышленные предприятия даже в самых глухих уголках республики превратились в очаги культурно-массовой работы. Все это способствовало широкому вовлечению казахов в общественную жизнь.

Общественная деятельность, общественный быт казахов в настоящее время по своим формам чрезвычайно многообразны.

Большое число лучших представителей казахского народа выполняет обязанности депутатов Верховного Совета СССР и Казахской ССР, депутатов городских и сельских Советов.

В общественной жизни республики принимают активное участие не только выборные представители народа, но и широкие массы трудящихся казахов. Они обсуждают деятельность государственных, хозяйственных, общественных органов, участвуют в выборах, в работе создаваемых на общественных началах комиссий.

Важным средством развития самодеятельности масс, формой непосредственного участия их в общественной жизни являются собрания на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах. Собрания эти содействуют подъему политической и трудовой активности масс, мобилизуют их на борьбу за успешное выполнение народнохозяйственных задач, приобщая массы к общественной деятельности.

Одним из проявлений новых общественных отношений в Казахстане является постепенное исчезновение представлений о прежнем делении казахов на роды и племена. Не только в городах, но даже и в сельских местностях утратили свое значение, забываются представления о прежней родовой принадлежности. Сознание родовой принадлежности вытеснено сознанием принадлежности к тому или иному производственному коллективу—предприятию, учреждению, колхозу. На смену исчезнувшим старым аулам, населенным представителями какого-либо одного рода, пришли колхозные селения, в которых родовой признак потерял всякое значение. В основу организации труда в промышленности и сельском хозяйстве положены интересы производства, деловые качества, квалификация и склонности членов коллектива, не имеющие ничего общего с идеей родовой солидарности. Производственные бригады или звенья в колхо-

зах формируются из представителей различных национальностей (русских, казахов, украинцев и т. д.), что несомненно помогает укреплению дружеских взаимоотношений, способствует полному исчезновению у казахов представлений о былой родовой принадлежности.

Огромное значение в развитии новых отношений в общественном быту играют советские праздники, массовые развлечения и другие формы общения трудящихся в свободное от работы время. Помимо сохранившихся до настоящего времени старых праздников (некоторые из них еще связаны с религиозными представлениями), важное место принадлежит новым праздникам, связанным с советской действительностью (1 Мая, 7 Ноября, 8 Марта, День Конституции). Эти праздники отмечаются как торжественные события. В сельских местностях в эти дни проводятся конноспортивные состязания по национальным видам спорта, привлекающие массу зрителей и участников.

Значительным событием в жизни населения являются также проводящиеся периодически выборы депутатов в Верховные Советы СССР и Казахской ССР, областные, городские и районные Советы депутатов трудящихся. Агитпункты, особенно в сельских местностях, становятся важными центрами общественной жизни. У населения республики давно уже стало традицией проводить свой досуг в домах культуры, клубах, в красных юртах и красных уголках.

В аулах систематически проводят «День чабана». Передовики общественного животноводства делятся своим опытом работы, рассказывают о приемах и методах выращивания овец. В этот день демонстрируют фильмы, устраиваются совместные вечера отдыха. Многие колхозники-казахи проводят свободное время в библиотеках, участвуют в читательских конференциях.

В семейных праздниках, в прошлом справлявшихся лишь в кругу близких родственников, в настоящее время нередко принимает участие общественность. Так, среди гостей на свадьбе бывают представители общественности, молодые получают подарки от колхоза, совхоза, учреждения, заводской бригады. Устраиваются коллективные встречи Нового года.

Новые общественные отношения тесно связаны с господствующей в сознании казахских трудящихся социалистической идеологией. Для современного общественного быта казахов характерна активная борьба со всевозможными пережитками в сознании людей, наиболее живучими из которых являются религиозные пережитки.

Некоторая часть казахов старшего поколения (обычно не работающие нигде старики), посещает мечети, соблюдает пятикратный намаз, мусульманские праздники и пост. Вместе с тем большинство религиозных обрядов соблюдается, как правило, в упрощенной форме, с большими отклонениями от строгих предписаний ислама. Так, пост соблюдается только частью верующих, во время праздников не проводятся совместные общие молебствия, даже в праздник жертвоприношения (*құрбан айт*) многие верующие уже не режут скот. В республике непрерывно ведется антирелигиозная и научно-атеистическая пропаганда. Наряду с партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями большую роль в атеистическом воспитании трудящихся играет республиканское Общество по распространению политических и научных знаний и его областные и районные отделения.

Казахский народ, как и другие народы Советского Союза, переживает в последнее время огромный подъем общественной и политической активности, вызванный успешным развертыванием коммунистического строительства в соответствии с принятой XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза новой Программой партии. Этот подъем находит выражение в дальнейшем развитии движения за коммунистический труд,

в росте общественных начал во всех сферах жизни, в усилении процесса сближения наций, имеющего особое значение в условиях такой многонациональной республики, как Казахстан.

Стремление работать и жить по-коммунистически охватывает все большее число трудящихся. С переходом к коммунистическим формам труда растет потребность активного участия в работе различных общественных организаций, непрерывно возникают новые формы общественной деятельности: появились нештатные инструкторы, нештатные контролеры, работники печати, общественные советы в различных культурных учреждениях и т. п.

Многонациональные коллективы, образовавшиеся в целинных совхозах, в колхозах многих районов республики, на крупных промышленных предприятиях и стройках семилетки, являются той средой, которая благоприятствует развитию подлинно дружеских связей между представителями различных национальностей. Эти связи не ограничиваются совместным трудом и взаимопомощью в общественном производстве. Они распространяются и на быт, и на духовную жизнь. Обмен культурными ценностями между казахским народом и другими народами, населяющими Казахстан, а также народами братских республик приобретает все более многообразные формы, приводит к углублению взаимовлияния и взаимному обогащению культур. Такие формы этого обмена, как проведение литературных декад братских республик в Казахстане и недель казахской литературы в других республиках, издание переводов художественных произведений писателей братских республик на казахском языке и произведений казахских писателей на узбекском, туркменском, таджикском и других языках братских народов, взаимные поездки театральных и музыкальных коллективов, устройство на взаимных началах художественных выставок и многие другие формы взаимного общения становятся неотъемлемой частью духовной жизни казахской социалистической нации.

Семейный уклад

В XIX в. для казахского общества была характерна малая семья, состоящая из родителей и несовершеннолетних детей, в которой господствовали патриархальные отношения, основанные на превосходстве мужчины над женщиной, старшего над младшим. Власть главы семьи — мужчины, приниженное положение остальных ее членов закреплялись обычным правом (адатом) и шариатом, которые регулировали семейные отношения у казахов.

Целый ряд положений обычного права и обычаев принижал достоинство женщины и полностью отгораживал ее от общества. Законы Тауке-хана (*жеті жарғы*) закрепляли нормы шариата о неравноправном положении женщины. На суде вместо одного свидетеля или поручителя мужчины необходимо было свидетельство двух женщин. Но реально женщины свидетелями на суде вообще не могли выступать. За убийство женщины полагался вдвое меньший выкуп (кун), чем за убийство мужчины.

Экономические права казашек были ограничены: муж мог распоряжаться имуществом жены по своему усмотрению. После смерти мужа вдова получала право на семейное имущество, но лишь до совершеннолетия младшего сына. Однако и в этом случае она являлась скорее лишь опекуном. Если же вдова выходила замуж снова, то ей выделялась только шестая или восьмая часть имущества.

Вместе с тем казашка несла на своих плечах основную тяжесть домашних работ. Каждый день ее от ранней зари до темноты был заполнен разнообразным нелегким трудом.

В условиях кочевого и полукочевого быта женщина должна была при перекочевках навьючивать на верблюдов домашний скарб, ставить и разбирать юрты, доить по нескольку раз в день весь молочный скот, поить его, выгонять на пастбище, готовить пищу, шить и стирать на всех членов семьи. Весной и осенью она помогала мужу в стрижке овец. Кроме того,

женщина собирала шерсть с верблюдов, запасала топливо, бродя с мешком за спиной по степи. На женщине лежала также обязанность катать войлок, прясть шерсть, ткать.

Однако если в общественной жизни казашка была совершенно бесправной, то в семье она нередко находилась в несравненно лучших условиях. Благодаря довольно слабому влиянию ислама на широкие массы трудящихся и большой роли женского труда в кочевом и полукочевом хозяйстве казашка была избавлена от затворничества, характерного для некоторых других мусульманских народов. Это оказывало влияние на ее положение в семье. В бедных семьях, например, женщина пользовалась известной свободой и самостоятельностью в своем хозяйстве, являясь помощницей и советчицей главы семьи.

В положении женщины в семье наблюдались большие различия в зависимости от ее возраста и взаимоотношений с другими членами семьи.

Девушки у казахов пользовались значительной свободой, а в богатых семьях были освобождены от тягостного домашнего труда. Наиболее тяжелым и бесправным было положение молодой невестки в семье мужа, особенно до рождения ребенка. Она поступала в подчинение всей старшей родни, и на нее возлагались наиболее тяжелые работы. Взаимоотношения невестки с другими членами семьи мужа регламентировались многочисленными обычаями, запретами и ограничениями. Так, она обязана была избегать встреч с отцом мужа, не могла называть его, а также мужа и его братьев по имени. После рождения детей женщина приобретала некоторые права, а пожилая женщина, имевшая взрослых детей, пользовалась уже довольно значительным влиянием в кругу своей семьи.

Роль и положение женщины в семье мужа определялись также ее социальным происхождением. Женщина, взятая из богатой, влиятельной семьи, могла рассчитывать на поддержку богатых сородичей и в семье мужа чувствовала себя более независимой.

Патриархальный характер в казахской семье имели и взаимоотношения главы ее с детьми. Дети не могли идти против воли отца, не могли привлекать его к суду. Отец же, даже убивший своего ребенка, не нес ответственности перед судом биев. При разводе дети оставались у отца.

Отец распоряжался имуществом живущих с ним детей, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних. Глава семьи отделял сыновей по старшинству уже с 15 лет. Отделенный сын получал определенную долю имущества (енши). Это имущество уже не подлежало ведению отца.

Наследования по завещанию не было. Все оставшееся после смерти главы имущество переходило в руки еще не отделенного младшего сына.

Каждый мог усыновить ребенка как родственника, так и чужого. Усыновление совершалось при свидетелях. Усыновленный имел одинаковое с родными детьми право на наследство.

Со второй половины XIX в. обычное право казахов начало претерпевать некоторые изменения. Прежний произвол, царивший в степи в брачном праве, а также в вопросах наследования, стал в известной мере ограничиваться. Некоторые вопросы передавались на рассмотрение русских судебных властей. В результате уже не всегда соблюдались прежние обычаи — левират, выдача девушек замуж против их воли. Но тогда были лишь единичные случаи нарушения адата.

Большое место в жизни казахов занимали различные семейные обряды. Все важнейшие события семейной жизни (свадьба, рождение ребенка, похороны) сопровождались комплексом обрядов и обычаев, в которых отражались многие пережитки прежних патриархально-родовых отношений. Крупная роль во всех этих событиях, даже в XIX в., принадлежала сородичам.

В брачных запретах, существовавших у казахов, ярко проявлялись пережитки экзогамии. Нельзя было вступать в брак родственникам

до третьего колена, осуждались также браки людей, находившихся в степени родства от четвертого до седьмого колена по мужской линии. В то же время по женской линии брак мог быть заключен даже во втором колене.

Существовал у казахов и обычай левирата (аменгерство), согласно которому вдова должна была вступить в брак с братом мужа или другим его родственником. В соответствии с обычаем сорората овдовевший должен был жениться на незасватанной еще сестре своей покойной жены. Мусульманская религия допускала многоженство, которое, однако, имело распространение лишь среди феодально-байской верхушки.

Брачный возраст определялся в 15—16 лет, для девушек он снижался нередко до 13 лет.

Необходимым условием бракосочетания была, по обычаю, уплата выкупа — калыма (*қалың*) — семьей жениха отцу невесты. Калым обычно выплачивали скотом, размер его зависел от ряда обстоятельств, в особенности от социального и имущественного положения обеих семей.

Довольно широко у казахов был распространен обычай сосватывания детей в младенческом возрасте (*жастай құдаласу*), возникший еще в глубокой древности. В условиях патриархальной семьи сговор родителей о будущем браке малолетних детей приобрел новый смысл. Богатые и знатные семьи прибегали к нему из стремления породниться между собой и тем самым приобрести новых влиятельных родственников, еще больше повысить свое влияние и авторитет в степи.

В связи с тем, что уплата выкупа за невесту определяла порядок и время брачных церемоний, в частности ту или иную длительность периода между помолвкой и свадьбой, к раннему сватовству прибегали нередко и малоимущие семьи. Это давало им возможность собирать и выплачивать калым постепенно, по частям.

Нередки были случаи, когда бедняки, не имея возможности выплатить за невесту калым, обрекались на безбрачие. Иногда бедняк для выплаты калыма прибегал к «помощи» своего богатого сородича, и тот давал ему необходимый скот, закабаляя его на долгие годы.

В конце XIX — начале XX в., с усилением классовой дифференциации в казахском ауле и разорением значительной массы трудящегося населения, иногда стали заключать браки без уплаты калыма.

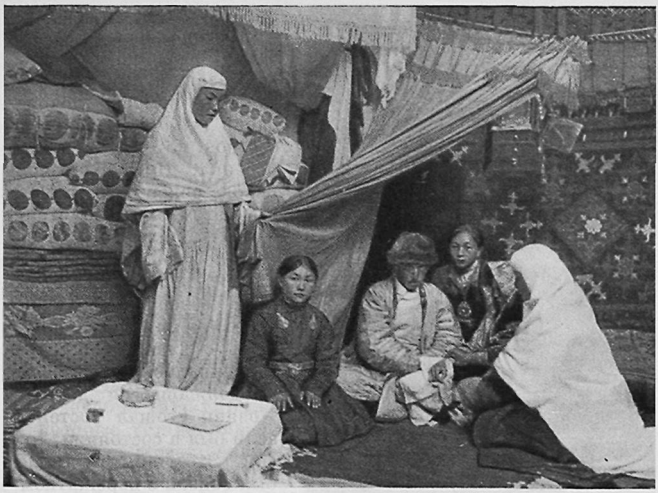
Заключению брачного союза предшествовало сватовство, преподнесение первого подарка (*қаргы бау*) отцу невесты, переговоры о размере калыма и порядке его уплаты.

С этого момента начиналась выплата калыма. Отец невесты одновременно приступал к подготовке приданого (*жасау*), размер которого обусловливался договором или зависел от воли и материального благосостояния отца невесты. В приданое богатой невесты, кроме большого количества нарядов, постели, посуды, убранства юрты и скота, входила еще новая белая юрта (*отау*), предназначенная для молодоженов. Приданое же бедной девушки состояло из скромного комплекта простой одежды, посуды, постели.

В приготовлениях к свадьбе жених и невеста не участвовали, они иногда даже до свадьбы не знали и не видели друг друга. Воля родителей была для них законом. Лишь после уплаты части калыма жених имел возможность «тайно» посетить невесту (*ұрын келу*).

О дне свадьбы договаривались заранее или отец жениха сообщал об этом отцу невесты. В назначенное время жених приезжал в аул невесты, где мулла совершал обряд бракосочетания. При этом должны были присутствовать три свидетеля.

На свадебном празднестве (*той*), которое устраивалось в ауле невесты, исполнялись многочисленные обрядовые песни, например *жар-жар*, *той бастар*, в которых восхвалялись достоинства невесты и высказывались пожелания счастливой жизни.



Свадебный обычай «кол-устатар». Семипалатинская область (летовка у оз. Саумал-Куль). 1907 г.

В программу богатого свадебного празднества входили конские скачки — байга, скачки с козлом, национальная борьба.

По окончании свадебных торжеств невеста прощалась с родным аулом (*қоштасу*) и в сопровождении жениха и многочисленной родни отправлялась в аул жениха. Здесь ее встречали традиционным песнопением *бет ашар* (открывание лица), в котором молодую представляли родным мужа и давали ей наставления для будущей супружеской жизни. После этого один из молодых людей открывал молодой лицо.

Во многих свадебных обычаях казахов сохранились пережиточные явления, характеризующие прежние социальные, главным образом родовые, отношения. К ним могут быть отнесены обычаи, связанные со сбором калыма среди родственников жениха, материальное участие (*көмек*) родственников жениха и невесты в других брачных обрядах, в том числе в многочисленных угощениях и подарках (*той малы*, *тарту*, *кәде*, каргы бау, *киіт*). Сюда же относятся обычаи прощания молодой со своим аулом, с родным очагом, приобщения к очагу мужа.

Многие свадебные обычаи и церемонии, в частности тайное посещение женихом невесты, ритуальная борьба за невесту, всевозможные препятствия, чинимые жениху со стороны родственников невесты, а также обычаи избегания женихом родителей невесты и невестой родителей жениха могут быть объяснены как пережиточные явления, связанные с переходом от матриархата к патриархату и матрилокального брака к патрилокальному.

В свадебных обрядах у казахов выделяются также церемонии, имеющие религиозно-магический характер. Это главным образом обряды обсыпания (*шашу*) новобрачных сладостями, баурсаками, «соединительные» обряды (например, питье воды женихом и невестой из одной чаши), приношение молодой жертвы огню в доме отца мужа (*отқа май құю*).

Свадьбы малосостоятельной и бедной части населения не сопровождались столь пышными многолюдными увеселениями и обильными угощениями. Все было скромнее и проще.

Ребенок в колыбели. Семиречье. 1907 г.

Значительным событием в семье являлось рождение ребенка, особенно мальчика.

Казашки при родах прибегали к помощи повивальной бабки (*кіндік шеше*) и опытных соседок, которые и принимали ребенка. При благополучном исходе родов всех помогавших при этом женщин стремились одарить, особенно в богатой семье, угощали мясом специально для того заколотой овцы.

К вечеру в юрту роженицы собиралась аульная молодежь — джигиты и девушки — и начиналось шумное веселье, продолжавшееся до рассвета. Хозяин угощал гостей чаем, а если был в состоянии, то и мясом. Этот обычай (*шілдеқана*) был связан с пережитком древнего представления, согласно которому в первые три ночи духи (*пері*) могут похитить новорожденного, подменить его уродом. Шумное веселье молодежи должно было отпугнуть духов. По окончании веселья состоятельный хозяин в знак благодарности раздавал молодежи мелкие подарки.

Примерно через пять-семь дней после родов родители новорожденного устраивали празднество (*бесік той*), на которое гости приходили с подарками. После угощения совершали обряд укладывания ребенка в колыбель (бесик). По просьбе родителей одна из уважаемых в ауле старых многодетных женщин давала ребенку имя и укладывала новорожденного в колыбель. В благодарность за это родители младенца преподносили женщине какой-либо подарок (*бесік салар*). Чаще всего это был отрез на платье или головной платок. Позже, с усилением в аулах влияния мусульманского духовенства, имя иногда давал мулла.

Более торжественно отмечали сороковой день после рождения ребенка (*қырқынан шығару*). На это торжество приглашали всех родственников и соседей, а в богатых семьях это празднество сопровождалось национальными играми, состязаниями.

Над мальчиком в возрасте от трех до десяти лет, по мусульманскому обычаю, совершали обряд обрезания, который в зависимости от состоятельности родителей также сопровождался более или менее пышным празднеством.

В погребальных обрядах казахов в XVIII и XIX вв. мусульманские обычаи переплетались с доисламскими верованиями.

Умершего обмывали, завертывали в белый саван (*кебін*), а потом в ковер или войлок. Мулла читал молитву по умершему, а затем его несли на кладбище. По древнему обычаю женщины долго оплакивали покойного. В песнях-плачах (*жоқтау, жылау*) они восхваляли его и сожалели о его безвременной кончине. Вдова в течение года ходила в трауре, носила на голове черный платок (*қара салық*). Поминки по умершему с угощением

приглашенных устраивались родными на третий (*үшi*), седьмой (*жетiсi*) и сороковой (*қырқы*) день. По истечении года вдова снимала траур, на могиле покойного сооружали надгробие, устраивали годовую тризну (*жылы*). В дальнейшем ежегодно также устраивали тризны (*ас*). На тризну по богатому казаху съезжались многочисленные гости, нередко издалека. Родственники умершего ставили для гостей юрты, резали большое количество скота и заготовляли кумыс для их угощения. Такая тризна сопровождалась всевозможными развлечениями. Тризна по небогатому казаху состояла из угощения близких родственников-одноаульцев.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в казахском ауле произошли коренные изменения в общественных отношениях и в семейном быту. Революция раскрепостила казахскую женщину, сделала ее равноправным членом общества. «Советская власть,— говорил В. И. Ленин,— первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношения к детям»[1].

Уже в декабре 1917 г. были опубликованы первые декреты Советской власти, которые устанавливали полное равноправие женщины с мужчиной, утверждали общественное уважение к женщине. С первых же дней Советская власть в Казахстане встретилась с серьезными трудностями при осуществлении закона о равноправии женщин. Местное кулачество и байство противодействовало всем мероприятиям по вовлечению женщин в общественную жизнь. Необходимы были самые решительные меры для пресечения сопротивления действительному раскрепощению женщин.

Серьезным ударом по посягательствам на равноправие женщин Казахстана было принятие в октябре 1924 г. II сессией ВЦИК дополнительной IX главы Уголовного кодекса РСФСР для Автономной Киргизской (Казахской) ССР: «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». В ней предусматривались наказания за многоженство, принуждение девушек к выходу замуж помимо их воли, за вступление в брак с малолетними.

Однако действительное раскрепощение женщин могло быть достигнуто лишь на пути приобщения их к общественно полезному труду. Для этого необходимо было облегчить женщине бремя домашних обязанностей, помочь ей растить, воспитывать детей.

Советская власть с первых же своих шагов проявляла повседневную заботу о матерях и детях. Перед женщиной Казахстана открылся доступ во все отрасли народного хозяйства республики. Казашки стали овладевать самыми сложными профессиями в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, участвовать в государственном управлении, в развитии науки и искусства.

Много казашек работает в органах государственной власти республики. В составе Верховного Совета Казахской ССР насчитывается 146 женщин, а в местных Советах 28 тыс. женщин, 14 тружениц Казахстана — депутаты Верховного Совета СССР V созыва. Много женщин местных национальностей находится на руководящей работе. Среди них казашки — заместитель председателя Совета министров Казахской ССР Зауре Омарова, министр социального обеспечения Б. Бультрикова.

Велика роль женщин в развитии народного хозяйства Казахстана. Республика заслуженно гордится такими передовиками производства, как мастер по добыче нефти промысла Макат, депутат Верховного Совета СССР Балганым Доспаева, оператор нефтепромысла Кулсары, депутат Верховного Совета Казахской ССР Суйрик Самарханова. Всеобщим уважением пользуются в Казахстане Герои Социалистического труда. Из 156

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 346.

женщин, имеющих это высокое звание,— 89 казашек, в том числе звеньевая колхоза «Алга» Илийского района Алма-Атинской области Жамал Рыскулова, старший мастер Аральского рыбокомбината Уштан Утеулиева, звеньевая колхоза «Кзыл-Аскер» Чимкентской области Р. Махатова. Около 5 тыс. женщин Казахской ССР награждены орденами и медалями.

Все больше увеличивается число женщин, участвующих в развитии науки и культуры в республике. С каждым годом растет число девушек-казашек среди учащейся молодежи. Только в высших учебных заведениях города Алма-Аты обучается несколько тысяч девушек-казашек. За годы Советской власти много женщин, в том числе тысячи казашек, окончили высшие и средние специальные учебные заведения, стали врачами, педагогами, инженерами. В Казахской ССР около 50 тыс. женщин работает учительницами, около 9 тыс.— врачами. Из общего числа специалистов-казахов с высшим образованием, работавших в республике к началу 1960 г., 8100 человек, или 29,9%, составляли женщины. Среди специалистов-казахов со средним образованием женщин насчитывалось 10 806, или 34,6%. 34 казашки являются кандидатами наук, три — докторами наук, а имена таких, как академик Академии наук Казахской ССР, доктор биологических наук Н. Базанова, доктор медицинских наук, профессор К. Утегенова, известны далеко за пределами республики.

Изменения в общественной жизни повлекли за собой и коренные преобразования в домашнем быту, в семейных отношениях. Испытав на себе всестороннее влияние революционных преобразований, казахская семья проделала в своем развитии огромный путь. Главная, определяющая черта современной казахской семьи — это ее неразрывная связь с обществом. Все члены казахской семьи являются или готовятся стать активными участниками производственной и общественной жизни.

Советская власть впервые создала такие условия, при которых вступление в брак основывается на свободной воле людей и на их взаимной склонности. Вместе учась в школе, а затем вместе работая, казахские юноши и девушки теперь хорошо знают друг друга и сами могут определить свой выбор. В настоящее время молодой человек, чаще всего сам выбрав себе невесту, сговаривается с нею через посредников. Нередки случаи, когда молодые соединяют свои судьбы вопреки воле родителей. Под влиянием изменений, происшедших в сознании, в экономике и культуре казахского народа, почти исчезли широко бытовавшие в прошлом обычаи сосватывания малолетних, уплаты калыма, насильственной выдачи замуж, многоженство, левират.

Старая свадебная обрядность под влиянием новых взглядов на брак претерпела большие изменения. Многие из свадебных обрядов, хотя и сохранились, нередко выполняются формально. Иногда происходит борьба между старыми и новыми взглядами на брак. В каждом отдельном случае те или иные свадебные обычаи выбираются по желанию или самих вступающих в брак, или их родных. Многие свадьбы теперь ограничиваются регистрацией брака в ЗАГСе и торжественным угощением. Сохранился, однако, обычай устраивать семейное торжество сначала в доме невесты, а затем в доме жениха. Исчезли свадебные церемонии, которые отражали в прошлом подневольное положение молодой женщины.

Традиционный обычай преподнесения подарков женихом родным невесты в настоящее время в каждом отдельном случае решается по-разному в зависимости от отношения к этому обычаю и материального положения сторон.

Нередки сейчас случаи так называемых смешанных браков, т. е. браков казахов с лицами других национальностей, не имевшие в прошлом распространения.

Современная казахская семья — это новая семья, возникшая в результате победы советского социалистического строя. Она представляет собой

подлинно свободный равноправный союз мужчины и женщины, соединенных чувством любви, дружбы и взаимного уважения. Для этой семьи характерны новые взаимоотношения между родителями и детьми, между старшими и младшими. В семьях, где с родителями живет взрослый сын, а родители уже нетрудоспособны, фактическим главой является сын. В этом случае сын и его жена оказывают родителям полное уважение и внимание. Во многих вопросах, касающихся семьи в целом, с ними советуются как с более опытными, их посвящают в свои трудовые интересы. И старик-отец, сознавая роль сына и невестки в экономике семьи, никогда не злоупотребляет правом старшего.

В современном быту казахов постепенно изживаются старые вредные обычаи, принижавшие права отдельных членов семьи, в частности права женщины. Исчезло прежнее отношение к женщине как неполноценному члену семьи, уничтожена почва для угнетения женщины в семье со стороны отца, мужа и его старших родственников, исчезают религиозные предрассудки в отношении женщины. Положение невестки в семье родных мужа (если они живут вместе) ничего общего не имеет с прежним. Унизительные для молодой женщины обряды избегания и запреты почти не сохранились. Участвуя в общественном производстве, будучи независимой, невестка чувствует себя в семье родных мужа равноправным членом, держится спокойно, уверенно.

В условиях социализма, с переходом казахов к оседлому образу жизни, женщина освободилась от тяжелой и изнурительной работы, связанной с перекочевками.

В современной казахской семье каждый ее член, как правило, берет на себя определенную долю домашней работы. Новые отношения между мужем и женой, отсутствие прежних предрассудков сказываются и в стремлении мужа облегчить труд жены в семье. Соответственно по-новому складываются имущественные отношения в семье. Получив возможность трудиться в общественном производстве, казашка вносит наравне с мужем в общий бюджет семьи вознаграждение за свой труд. Благодаря этому она стала экономически независимой от мужа.

Хотя медицинская помощь широко вошла в быт казахов, казашки-колхозницы предпочитают рожать дома, под наблюдением акушерки, но нередки еще и случаи использования при этом помощи повивальной бабки. Казашки, живущие в городах, рабочих поселках и других крупных населенных пунктах, рожают обычно в родильных домах. Постоянная медицинская помощь при родах резко уменьшила, по сравнению с дореволюционным временем, заболеваемость женщин, связанную с родами, и смертность новорожденных.

Как и в прошлом, устраивается семейное торжество по случаю первого укладывания ребенка в колыбель и на сороковой день после его рождения. Среди городского населения многие обряды, связанные с рождением ребенка, сохранили лишь внешнюю форму, превратившись в семейные празднества.

Характерно, что советская действительность находит отражение в детских именах. Казахи теперь нередко мальчикам и девочкам дают такие имена, как Кенес (Совет), Марат, Женис (Победа), Сайлау (Выборы).

Трудовое воспитание детей начинается в семье. Старшие дети помогают родителям в личном хозяйстве (уход за скотом, работа на огороде), убирают в доме и во дворе, носят воду, нянчат маленьких братьев и сестер. Огромная роль в деле воспитания и развития детей принадлежит наряду с семьей школе, которая прививает им основы коммунистического мировоззрения, чувство коллективизма, развивает и закрепляет у них трудовые навыки.

Большинство родителей создают все условия для того, чтобы их дети могли успешно учиться. Теперь уже не редкость в доме колхозника уголок

школьника, где он готовит уроки, где находятся его учебники, тетради, игрушки. Дети, подрастая, так или иначе вовлекаются в производительный труд в сельском хозяйстве и в промышленности, все больше проникаясь сознанием необходимости быть полезными обществу.

Огромная забота Коммунистической партии и Советского правительства о воспитании подрастающего поколения начинается с заботы о будущей матери. Об этой заботе свидетельствует широкая сеть медицинских учреждений (женских и детских консультаций, родильных домов, детских дошкольных учреждений) в республике, этой заботой проникнуты законы о предоставлении отпуска беременным женщинам до и после родов с сохранением за ними прежнего места работы и зарплаты, об установлении для многодетных матерей почетного звания «Мать-героиня», учреждении ордена «Материнская слава» и «Медали материнства», об установлении единовременного пособия многодетным и одиноким матерям.

Все это многообразие форм помощи социалистического государства семье позволяет казашкам воспитывать новое поколение и с успехом участвовать в общественном производстве и в общественно-политической жизни страны.

Одной из наиболее консервативных сторон быта являются обряды, связанные с похоронами. Однако и здесь под влиянием возросшего культурного уровня и нового материалистического мировоззрения наблюдаются значительные изменения. Совершенно исчезли такие обряды, как передача грехов покойного другому лицу (*ысқат*), расцарапывание женщинами своего лица (*бет жырту*) в знак скорби по покойному. В значительной мере упростились и потеряли прежний смысл обряды поминок (*садақа*, ас). Встречаются случаи, когда казахи хоронят своих покойников вместе с лицами других национальностей на одном и том же кладбище.

Социалистический строй вызвал к жизни новые черты в семейных отношениях и в домашнем быту казахов, которые формируются под глубоким воздействием нашей советской общественности. Но нельзя забывать, что новые отношения складываются в процессе преодоления пережитков прошлого. А таких пережитков еще немало в семейном быту более отсталой части населения. Встречаются иногда случаи проявления феодально-байских нравов по отношению к женщине, неправильное отношение к выполнению своих родительских и сыновних обязанностей.

Активную борьбу с этими пережитками ведет у нас прежде всего общественность, воздействуя силой своего мнения на людей, в сознании и в бытукоторых эти пережитки еще не изжиты.

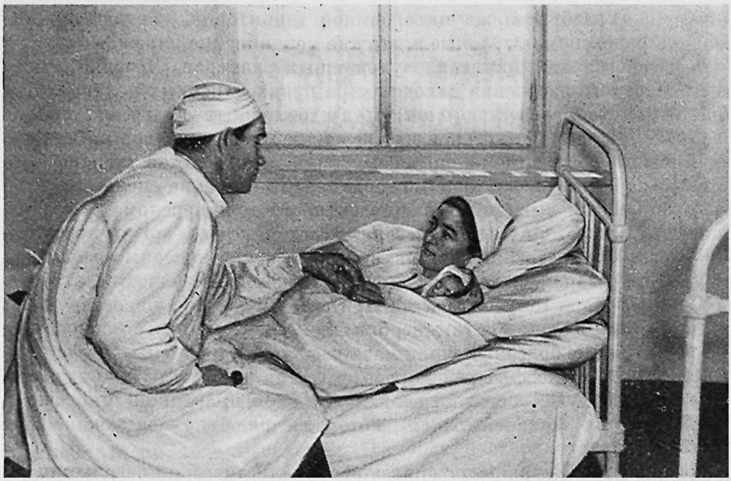
Здравоохранение

Тяжелые социально-экономические условия, низкий культурный уровень населения, нищета, плохие бытовые условия и отсутствие элементарных навыков гигиены являлись в прошлом причиной широкого распространения среди казахского народа всевозможных заболеваний.

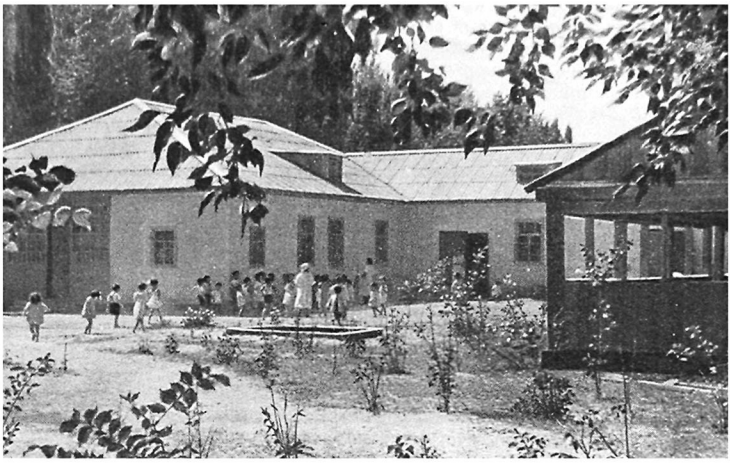
На нужды здравоохранения национальных окраин, какой являлся Казахстан, царское правительство отпускало ничтожные средства. Основная масса казахского народа была лишена квалифицированной медицинской помощи. Достаточно сказать, что в конце XIX в. во Внутренней орде, находившейся в непосредственной близости к России, было всего два врача, обслуживавших территорию в 311 тыс. кв. км с населением в 322 тыс. человек. В 1913 г. в Казахстане насчитывалось всего 98 больниц и врачебных пунктов. На одного врача (их было всего 196) приходилось около 28 тыс. человек.

Оспа, холера, тиф, туберкулез, сифилис, различные кожные заболевания были обычным явлением в городах, селах и аулах дореволюционного Казахстана. Свирепствовавшие нередко эпидемии уносили десятки и сотни тысяч человеческих жизней. Немногочисленные медицинские учреждения функционировали лишь в городах и крупных казачьих станицах и

Санитарное авиаобслуживание далеких аулов



В родильном отделении колхозной больницы. Колхоз «Трудовик», Курдайский район, Джамбулская область



Детский сад колхоза «Октябрь».Каратальский район, Алма-Атинская область

обслуживали главным образом состоятельные слои населения. В казахских аулах, разбросанных на огромной территории, совершенно отсутствовали родовспомогательные и детские медицинские учреждения. Смертность детей в аулах достигала чудовищных размеров. Лечение основной массы сельского населения находилось в руках народных лекарей (*тәүіб, дәрігер*), костоправов (*сынықшы*) и всевозможных колдунов, шаманов, знахарей. Познания некоторой части лекарей основывались на накопленном многими поколениями опыте и носили до известной степени рациональный характер. Костоправы хорошо знали строение скелета человека, умели вправлять вывихи и сращивать кости при переломах. Народные лекари пытались по пульсу определить состояние больного и лечить многие болезни лекарственными травами. Желудочно-кишечные заболевания они лечили отваром щавеля и солодкового корня. В качестве слабительного использовали топленое масло. При туберкулезе поили составом (*жылма*), в который входили сахар, верблюжье молоко, коровье масло, гвоздика и мед. Кожные болезни лечили мазями из ртути и сулемы. Эти народные средства были малоэффективными и не всегда приносили больным облегчение, но еще хуже обстояло дело с «лечебной практикой» многочисленных колдунов и знахарей (*бақсы*), которая в ряде случаев заканчивалась смертью больного.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции здравоохранение стало общенародным государственным делом. С первых же дней установления в Казахстане Советской власти в городах и аулах возникла широкая сеть медицинских пунктов. С целью охвата медицинской помощью кочевого и полукочевого населения медицинских работников включали в отправляемые в аулы и на отгонные участки «красные караваны», в степь посылали также отдельные медицинские отряды и экспедиции.

В 1920—1923 гг. в Казахстане впервые были созданы женские и детские консультации, родильные дома, ясли, открылись туберкулезные и венерологические диспансеры. К началу первой пятилетки количество лечебно-профилактических учреждений в Казахстане увеличилось по сравнению 1913 г. почти в 2 раза, а число врачей в них — более чем в 3 раза.

В результате этих мероприятий уже в годы первой пятилетки в Казахстане были полностью ликвидированы такие эпидемические болезни, как чума, холера, оспа. Значительно сократилось число других тяжелых заболеваний. Особенно важным фактором явился значительный рост сети врачебных участков в селах и главным образом аулах Казахстана, что было связано с оседанием казахского населения. К концу второй пятилетки в сельской местности работало уже более 300 медицинских учреждений.

Больших успехов в области здравоохранения добился Казахстан в послевоенные годы. Ассигнования на нужды здравоохранения в 1960 г. превысили 2 млрд. руб., тогда как в 1930 г. они составляли всего 7,1 млн. руб. Число больничных учреждений в республике (без госпиталей) достигло на конец 1960 г. 1713 (в них имелось почти 20 тыс. коек), а количество врачей превысило 13,3 тыс. (не считая зубных). Численность среднего медицинского персонала составляет более 50 тыс. человек. В 1960 г. на каждые 10 тыс. человек населения Казахстана приходилось около 13 врачей.

За годы Советской власти в Казахстане созданы и успешно работают только в системе Министерства здравоохранения шесть научно-исследовательских институтов. Бактериологический, туберкулезный, венерологический, глазной, раковых заболеваний и другие научно-исследовательские институты имеют в городах, селах и аулах Казахстана широкую сеть диспансеров, больниц, медицинских пунктов и участков, ведущих большую профилактическую и лечебную работу среди населения. К услугам трудящихся десятки станций и пунктов неотложной помощи, санитарная авиация, оказывающая экстренную квалифицированную медицинскую помощь. В республике созданы четыре медицинских института и около 30 медицинских техникумов и училищ, выпускающих ежегодно тысячи врачей и других медицинских работников. В Казахстане существует уже своя промышленность, изготовляющая современную медицинскую аппаратуру и многочисленные фармацевтические препараты.

Огромную заботу проявляет Советское правительство о матери и ребенке. В республике создана сеть родильных домов, женских и детских консультаций, яслей, детских больниц, амбулаторий и поликлиник. Ежегодно десятки тысяч детей отдыхают в многочисленных санаторно-оздоровительных лагерях и детских санаториях.

В живописных местах республики, у целебных водных и грязевых источников созданы к услугам рабочих, колхозников и интеллигенции десятки курортов, санаториев и домов отдыха, в том числе такие известные и за пределами республики курорты, как Боровое, Муялды, Алма-Арасан. Сотни тысяч казахстанцев ежегодно отдыхают и лечатся на курортах РСФСР и других братских республик.

В результате неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, осуществления мероприятий по охране здоровья в Казахстане из года в год снижаются заболеваемость и смертность, повышается естественный прирост населения. Прирост населения на тысячу жителей в 1936 г. составлял 23,5, а в 1955 г. достиг 27,8.

Народные игры и спорт

Среди казахского народа издавна были широко распространены всевозможные массовые развлечения и спортивные состязания.

Состязания и игры, как правило, приурочивались у казахов к важнейшим событиям в их жизни. Свадьба и поминки, рождение ребенка и празднование Нового года (*наурыз*) сопровождались массовыми развлечениями. Большая часть развлечений и игр у казахов была связана с конным спортом, который требовал как хорошей тренировки лошади, так и ловкости, силы и сообразительности наездника.

Наиболее популярным и широко распространенным видом спорта являлись конские скачки — байга (*бәйге*). Существовало два вида скачек:

Республиканский чемпионат по казахской национальной игре «тогыз кумалак»

на выносливость (*аламан бәйге*), проводившиеся на большие дистанции (до 100 км), и просто байга — на дистанции 5—10 км. Скачки происходили обычно на сильно пересеченной местности, с множеством естественных препятствий и поэтому требовали от всадника и лошади большой физической силы, выносливости и выучки.

Победители на скачках награждались призами, достигавшими иногда значительных размеров. Так, в 1860 г. на поминках богатого казаха в Атбасарском уезде в качестве призов на байге было назначено 372 лошади, в том числе первый приз был равен ста лошадям.

Большое число зрителей привлекало единоборство двух джигитов-всадников (*аударыспақ*), каждый из которых стремился сбросить противника с седла. Конно-спортивная борьба *көкпар* была одним из самых массовых и популярных развлечений казахского народа. Ее участники стремились вырвать друг у друга тушу козленка и доставить ее судьям. В ней могли участвовать две партии или велась борьба за личное первенство.

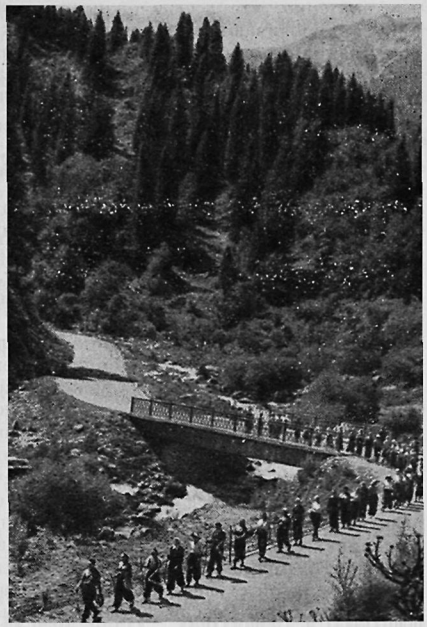
Очень интересной и своеобразной была конная игра (*қыз қуу*). В круг выезжала на резвом коне девушка — бойкая, лихая наездница и шутками, насмешками подзадоривала находившихся здесь же джигитов, а нередко и «угощала» их ударами плети. Какой-либо джигит, не выдержав, вскакивал на коня, и начиналось преследование девушки. Считалось позорным для джигита, если он не мог догнать ее. Устраивались также состязания по поднятию с земли монеты на полном скаку (*теңге алу* или *күміс алу*), джигитовка (*жігіт жарыс*), а также соревнования по стрельбе в цель (*алтын қабақ*); лучшие стрелки (*мерген*) получали нередко крупные призы.

Пользовались известностью у казахов народные силачи (*палуан*), состязавшиеся в борьбе (*күрес*). Этот вид национального спорта очень близок к вольной борьбе. В ней также применялось множество разнообразных приемов, в том числе подножки, подсечки, подбивы. Ухватившись обеими руками за пояс противника, борец стремился положить его на спину.

У казахов в прошлом бытовало много парных и массовых игр. Наибо-

лее популярными из них были *тоғыз құмалақ*, *көк бөрі* (серый волк), *қыз бөрі* (волк-девка), *белбеу соқты* (удар поясом), *торы бие* (гнедая кобыла), *соқыр теке* (слепой козел), в которые играли и взрослые и дети на празднествах и просто в свободное время.

Необходимые условия для всестороннего физического воспитания казахский народ получил лишь при Советской власти. В настоящее время в республике насчитывается свыше 8 тыс. спортивных коллективов, объединяющих более 900 тыс. человек. Сельская молодежь объединена в крупнейшее добровольное спортивное общество «Кайрат», насчитывающее более 2800 низовых коллективов. В них занимается 200 тыс. спортсменов.



Группа туристов в отрогах Заилийского Ала-Тау

К услугам спортсменов Казахстана имеются многочисленные стадионы, площадки, спортивные базы, водные станции. Кузницей спортивных кадров в республике является Казахский институт физической культуры. Имеется и физкультурный техникум. Получили развитие такие новые виды спорта, как футбол, волейбол, баскетбол, легкая атлетика, альпинизм, туризм. За годы Советской власти в Казахстане выросли десятки тысяч спортсменов-разрядников, 198 казахстанцам присвоено почетное звание мастеров спорта СССР. Среди них казахи—альпинисты У. Усенов, С. Мусаев, боксеры М. Омаров, А. Нурмаханов и многие другие.

Наряду с новыми, ранее не известными казахам видами спорта, в республике по-прежнему бытуют национальные его виды: байга, кыз куу, тенге алу и др. Многие из них получили теперь новое содержание. Способствуя развитию силы и ловкости спортсменов, они демонстрируют вместе с тем достижения колхозных и совхозных животноводов, выращивающих прекрасных коней. Пересмотрены правила некоторых видов старых национальных конных состязаний в целях предотвращения увечий наездников и животных.

Большой интерес вызывает и теперь казахская борьба. Для выявления чемпионов-борцов в республике нередко устраиваются областные и республиканские чемпионаты по этому виду спорта. Полностью сохранила свое значение национальная настольная игра тогыз кумалак (девять катышков), в которой участвуют два человека. Она распространена теперь в основном среди людей среднего и пожилого возраста. При игре используется специальная игральная доска, имеющая две больших лунки (*қазан*) и 18 маленьких (*отау*) и 162 шарика (*құмалақ*). Главное значение в игре имеет вычислительный процесс. Выигрывает более сообразительный.

Характерно, что всевозможные состязания по национальным видам спорта приурочиваются главным образом к советским праздникам (1 Мая, День физкультурника, годовщина Октябрьской революции), а также к празднику урожая, окончанию летнего сезона в животноводстве. Проходят они, как правило, при большом стечении зрителей и «болельщиков».

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Народное образование

Культурное строительство в Казахстане в первые годы после революции осложнялось тем, что большинство казахов вело кочевой образ жизни. В условиях господствовавших в казахском ауле патриархально-феодальных отношений еще сильны были родовые институты, огромное влияние имели реакционное духовенство и баи.

Большим тормозом являлось также почти полное отсутствие национальных кадров интеллигенции. Немногочисленные казахские интеллигенты были в основном выходцами из зажиточной части общества, и значительная их часть враждебно встретила Советскую власть.

Ленинская национальная политика, направленная на ликвидацию фактического неравенства между ранее отсталыми народами бывших окраин и населением центра России, обеспечившая высокие темпы развития народного хозяйства и культуры этих отсталых народов, сыграла решающую роль в осуществлении культурной революции в Казахстане, республиках Средней Азии и на других бывших колониальных окраинах.

В дореволюционном Казахстане народное просвещение находилось на крайне низкой ступени развития. Достаточно сказать, что в то время как в центральной России до революции на 100 человек приходилось 24 грамотных, в Казахстане — только два. Расходы царского правительства на народное образование составляли здесь от 16 до 36 коп. на душу населения (в целом по России — 56 коп.). Лишь около одной трети русских детей было охвачено школой, а казахских и того меньше. Так, в Тургайской и Уральской областях на 1 млн. человек населения приходилось только 500 детей, обучавшихся в школе. В 1913 г. среди детей, обучавшихся в 2011 школах, казахи составляли 7,5%. Большинство их обучалось в аульных школах — мектебах, которые в отдельных районах были приспособлены к кочевому образу жизни казахов: занятия в них происходили на зимнем стойбище до откочевки на летние пастбища. В аульных школах учителями были невежественные муллы, заставлявшие детей механически запоминать арабский алфавит и непонятные для них религиозные тексты на арабском языке.

После революции 1905—1907 гг. начали появляться так называемые новометодные школы, в которых детям преподавали основы светских знаний — русский язык, естествознание. Но в них сохранилось и преподавание догматов ислама. Джадиды (сторонники новометодных школ) использовали эти учебные заведения для распространения идей панисламизма.

Помимо мектебов, существовало 350 русско-казахских школ, несколько гимназий, учительских семинарий, сельскохозяйственных и других училищ, в которых казахи составляли ничтожный процент.

Передовые представители казахского народа боролись за развитие просвещения, за сближение казахов с русским народом, с его передовой культурой, против реакционной феодально-байской верхушки казахского общества, против руссификаторской политики царизма. Выдающимися деятелями казахской передовой культуры были Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Первый казахский педагог и просветитель Ибрай Алтынсарин был основателем первых казахских школ, поборником

изучения демократической русской культуры, сторонником женского образования в казахской степи. Он составил первые учебники и хрестоматии для казахских школ.

Только после победы Великого Октября казахский народ получил возможность избавиться от вековой темноты и невежества, ликвидировать безграмотность, создать национальную школу.

Борьба за просвещение казахских трудящихся приняла невиданный размах. Уже в 1920—1921 гг. школы ликбеза закончили 72 052 человека, в 1925 г. ликвидировали свою неграмотность 123 986 человек, а в 1930 г. грамотность среди взрослого казахского населения достигала уже 40%.

Широкое развитие получило школьное образование, причем активное участие в этом принимало само казахское население. Так, в «Экономическом обзоре» по Семиреченской области (1926 г.) сообщается «...Само коренное население во многих местах охотно несло и несет расходы на содержание школ и учителей, собирало пожертвования и на эти средства строило школьные здания».

Было введено обучение детей казахов на родном языке. Казахские учебники печатались в Москве, Ленинграде, Казани, Ташкенте.

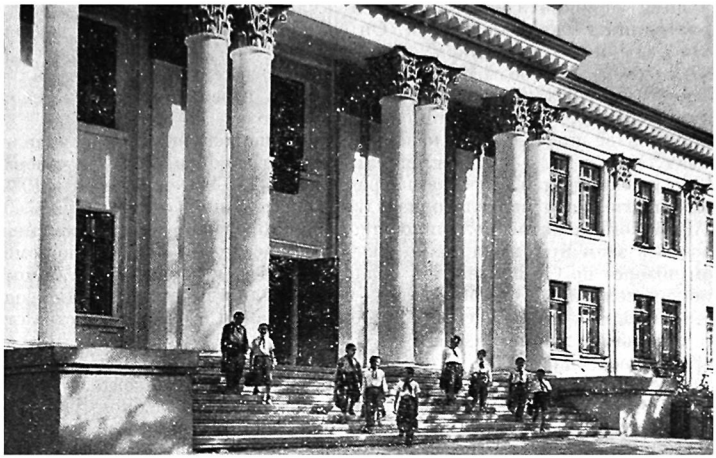
Первоначальным типом казахских школ были школы-коммуны, которые вследствие отсутствия казахских учебников и учителей в значительной степени комплектовались русскими педагогами, знавшими казахский язык. Школы-коммуны подготовляли условия для создания начальных школ в аулах, содействовали подготовке учителей, в них апробировались первые учебники и программы. Со второй половины 1920-х годов было положено начало созданию казахских средних школ. Первые опытно-показательные средние школы были открыты в Оренбурге, Кзыл-Орде, Алма-Ате и Петропавловске.

Однако острая нехватка учителей, почти полное отсутствие школьных зданий, кочевой образ жизни большинства казахского населения не позволили на первых порах создать нормальную школу. В аулах функционировали преимущественно начальные школы, около половины общего числа которых в 1927 г. были одногодичными. Вследствие частых перекочевок учебный год в аульных школах был обычно короче установленного. Начиная с 1929 г. передовые учителя повели борьбу за увеличение числа учебных дней в году. В связи с этим большое внимание уделялось созданию интернатов для детей кочевников, а также организованному подвозу в школы детей, живущих далеко и не попавших в интернаты. Интернаты для детей животноводов, постоянно находящихся на отдаленных отгонных участках, получили дальнейшее развитие и существуют до сих пор. В интернатах дети обеспечиваются питанием, учебными пособиями и постельными принадлежностями. Для детей выделены воспитатели из среды учителей. Все воспитанники интернатов вовлечены в различные кружки, для них систематически читаются лекции, устраиваются вечера художественной самодеятельности, киносеансы.

Для создания кадров учителей и подготовки казахской молодежи к вступлению в вузы в 20-х годах был открыт рабфак в г. Оренбурге, а часть юношей и девушек направлена на рабфаки Москвы, Ленинграда, Казани, Самары, Омска, Ташкента и других городов. В крупных городах республики были организованы подготовительные курсы для молодежи, желающей поступить на рабфак. Уже в 1924 г. группа молодых казахов поехала учиться в вузы различных городов РСФСР.

Огромным завоеванием казахского народа в культурном строительстве явилось введение с 1930 г. всеобщего обязательного начального обучения. В школы республики были направлены тысячи учителей, окончивших педагогические учебные заведения РСФСР, Украины.

Особенно бурное развитие народное образование в Казахстане получило в годы предвоенных пятилеток. По данным переписи 1939 г., число



Средняя школа в г. Алма-Ате

грамотных составило 76,3% населения Казахстана. В настоящее время Казахстан является республикой сплошной грамотности.

В послевоенные годы дело народного образования получило еще более грандиозный размах. С 1949/50 учебного года в Казахстане было введено всеобщее семилетнее обучение. В 1960/61 учебном году в республике насчитывалось более 9900 школ, в которых обучалось свыше 1720 тыс. детей. Здесь работало более 80 тыс. учителей. В соответствии с директивами XX съезда КПСС в республике введено всеобщее обязательное среднее образование в областных городах и промышленных центрах, осуществляется политехнизация обучения. Свыше 480 школ рабочей и сельской молодежи, заочных средних школ охватывают более 100 тысяч учащихся. В 1960/61 учебном году в 123 школах-интернатах воспитывалось более 35 тыс. детей.

Принятие закона об укреплении связи школы с жизнью и перестройке системы народного образования положило начало новому этапу в развитии школы. С 1959/60 учебного года началась перестройка ее работы. Осуществляется переход от семилетнего к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению. В 1960/61 учебном году действовало уже 284 восьмилетних и 418 средних 11-летних политехнических трудовых школ. В школах усиливается трудовое воспитание, создаются учебно-опытные участки, ученические производственные бригады и мастерские. В 1960 г. насчитывалось более 4 тыс. таких бригад. Школы получают тысячи тракторов, станков, электромоторов. В школах готовятся тысячи механизаторов, полеводов, садоводов, овощеводов, животноводов. К концу семилетия (1965 г.) в школах Казахстана будет обучаться 2200 тыс. человек, из них в школах-интернатах свыше 130 тыс.— в 30 раз с лишним больше, чем в 1958 г. Только для детей животноводов на отгонных участках колхозами и совхозами построено 1115 школ и 53 интерната. Подобные школы строят и в таких отдаленных районах, как пески Муюнкум.

Огромное значение в развитии народного образования, науки, литературы и искусства имела замена арабского алфавита латинизированным, а затем введение казахской письменности на основе русской графики.

Старый арабский алфавит тормозил развитие казахского литературного языка и развитие национальной культуры в целом, так как он не соответствовал фонетическим особенностям языка. Кроме того, арабская письменность была сложна для изучения, затрудняла унификацию научно-технической и политической терминологии и развитие печати. В 1929 г. правительство Казахстана издало декрет о переводе казахской письменности на латинскую графику. Однако латинизированный алфавит, в свое время сыгравший большую роль в развитии казахского языка, в ходе дальнейшего социалистического строительства и развития культуры также перестал отвечать требованиям развивавшегося казахского языка. В связи с этим V сессия Верховного Совета Казахской ССР в 1940 г. приняла решение о переводе казахской письменности на русскую графику. В новом алфавите нашли отражение все звуки казахского языка, он правильно передает воспринятые народом интернациональные научно-технические и другие термины, а новая орфография, основанная на морфолого-фонетическом принципе, обеспечивает правильное написание всех слов, независимо от их произношения.

Дочь чабана, ученица местной школы. Урочище Ескара (пески Муюнкум), Свердловский район, Джамбулская область

До революции в Казахстане было всего семь средних специальных учебных заведений с 300 учащимися и ни одного высшего учебного заведения. Развитие специального среднего и особенно высшего образования в первые годы Советской власти было сопряжено с огромными трудностями, связанными прежде всего с отсутствием профессорско-преподавательских кадров и недостатком подготовленных контингентов учащихся.

Выдающиеся успехи трудящихся республики в развитии народного хозяйства, бурное развитие среднего образования в годы предвоенных пятилеток позволили приступить к созданию высшей школы. За десять лет, с 1930 по 1940 г., в республике было создано 15 вузов.

Старейшим вузом Казахстана является Алма-Атинский педагогический институт имени Абая, открытый в 1928 г. За 30 лет существования он выпустил около 10 тыс. специалистов.

В это же время были открыты зооветеринарный и сельскохозяйственный институты в Алма-Ате. Теперь в них учится более 4700 студентов, не считая заочников. Институты оснащены новейшим оборудованием, имеют

Студентки Казахского женского педагогического института. Город Алма-Ата

в своем распоряжении необходимые подсобные учебные хозяйства. В апреле 1931 г. был открыт Казахский медицинский институт, крупнейший в СССР (в нем обучается только на дневном отделении 4 тыс. студентов). В 1934 г. раскрыл свои двери для студентов Казахский государственный университет им. С. М. Кирова. В настоящее время в нем имеется девять факультетов, на которых ведется подготовка кадров по 24 специальностям. В университете учится около 11 тыс. студентов (включая учащихся на вечернем и заочном отделениях).

Несмотря на тяжелую обстановку в годы Отечественной войны развитие высшего образования в республике продолжалось: было открыто еще несколько вузов, в том числе Казахский женский педагогический институт и Алма-Атинская государственная консерватория. Открытие женского пединститута явилось знаменательным событием в жизни республики, проявлением новой заботы партии о вовлечении казашек в общественно-политическую жизнь. Студентки этого вуза находятся на полном государственном обеспечении.

В настоящее время в Казахстане насчитывается 28 вузов. Они имеются в 10 областных центрах; Караганда и Семипалатинск стали важными центрами высшего образования, в них функционирует по три вуза. Инженеры готовятся в четырех технических вузах и на некоторых факультетах других учебных заведений. Филиалы технических вузов открыты в таких крупных промышленных городах, как Балхаш, Темиртау, Рудный, Джезказган. Во многих вузах имеются вечерние и заочные отделения. Только с 1950 по 1960 г. вузы Казахстана подготовили свыше 73 тыс. специалистов высшей квалификации. В 1960/61 г. в вузах республики обучалось более 77 тыс. студентов, в их числе до 40% составляли казахи. В вузах работало более 3800 преподавателей, в том числе около 90 профессоров и докторов наук и свыше 800 доцентов и кандидатов наук.

По числу студентов на 10 тыс. жителей Казахстан превзошел многие страны Западной Европы.

Вузы Казахстана являются живым воплощением национальной политики Коммунистической партии и дружбы народов. Так, в Казахском го-

сударственном университете в 1956/57 учебном году учились представители 37 национальностей, в том числе 1550 казахов, 1650 русских, 115 украинцев, белорусы, узбеки, татары, уйгуры, дунгане, корейцы.

Большой вклад в дело подготовки национальных кадров интеллигенции вносят средние специальные учебные заведения. В 1961 г. в республике насчитывалось 140 таких учебных заведений с 87 тыс. студентов.

Всего в конце 1959 г. в народном хозяйстве Казахской ССР было занято 113,8 тыс. специалистов с высшим образованием, в том числе 27 048 казахов (23,9%). Специалистов со средним специальным образованием насчитывалось 195,5 тыс. человек, среди них 31 174 казаха (16,1%).

За 7 лет (1959—1965 гг.) вузы Казахстана выпустят более 56 тыс. специалистов.

Ныне в вузы Казахстана приезжает учиться молодежь из других социалистических стран Востока.

Наука

До Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане почти не было научных учреждений в полном смысле этого слова. Здесь имелись четыре небольших сельскохозяйственных научных учреждения и Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Изучением Казахстана занимались также отделения Русского географического общества в Оренбурге, Омске и Ташкенте. Малочисленные экспедиции из центра России редко бывали посвящены непосредственному изучению Казахстана.

Однако исследования таких выдающихся русских ученых, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов, положили начало изучению природных богатств, географии, истории и этнографии Казахстана. Передовые русские ученые сыграли большую роль в формировании научных и политических взглядов и первого казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова. Но колонизаторская политика царизма препятствовала развитию научной мысли, а местной, национальной,— особенно.

Только за годы Советской власти в Казахской ССР появилась и достигла большого расцвета подлинная наука.

В конце 1919 г. при Киргизском ревкоме был создан историко-статистический отдел, реорганизованный позднее в Академический центр Наркомпроса Казахской АССР. Этот центр координировал деятельность возникших в 1920 г. научных обществ — Общества по изучению Киргизского (Казахского) края, Физико-медицинского общества, Научно-педагогического общества.

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли огромное внимание изучению производительных сил, истории и экономики республики. В 1926—1927 гг. была организована комплексная Казахстанская экспедиция Академии наук СССР, проводившая статистико-экономическое, бытовое, зоотехническое, почвенно-ботаническое, геологическое и гидрологическое обследования. Всесторонним изучением Казахстана руководили акад. А. Н. Самойлович, проф. С. И. Руденко, Ю. А. Филипченко, С. С.Неуструев, С. П. Швецов.С 30-х годов большую роль в развитии науки стали играть кафедры вузов.

В 1932 г. в Алма-Ате была создана стационарная база Академии наук СССР. В годы первой и второй пятилеток колоссальный размах получило геологическое изучение недр края, осуществлявшееся десятками экспедиций Академии наук СССР и различных центральных министерств и ведомств.

С 1938 г. база Академии наук СССР была реорганизована в Казахский филиал Академии наук. В этот же период был создан Казахский филиал Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук и ряд других научно-исследовательских учреждений.

Огромную роль в развитии научной мысли в республике сыграла помощь выдающихся русских ученых — В. Л. Комарова, А. Е. Ферсмана,

Марьям Ильясовна Даулетбекова, доцент Карагандинского медицинского института, кандидат медицинских наук

В.А.Обручева и деятельность приехавших для работы в Казахстан сотен специалистов из РСФСР и других братских республик.

В 1946 г. в результате бурного развития науки в республике на базе Казахского филиала была создана Академия наук Казахской ССР. В настоящее время Академия наук Казахской ССР имеет в своем составе 76 научных учреждений, в том числе 25 научно-исследовательских институтов. В Академии работает более 6400 сотрудников, из них 1290 казахов. В числе 38 академиков 14 казахов и одна казашка, среди 33 членов-корреспондентов 13 казахов; из 93 докторов наук 29 казахов и три казашки и из 587 кандидатов наук 178 казахов и казашек.

Другими крупнейшими научными учреждениями республики являются преобразованная в 1957 г. из Казахского филиала ВАСХНИЛ Академия сельскохозяйственных наук Казахской ССР и Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР. Кроме того, на территории республики ведут научную работу свыше сорока других научно-исследовательских институтов и их филиалов, 35 научных и опытных станций и многочисленные кафедры вузов. В 1960 г. в научных учреждениях и вузах республики работало свыше 9620 научных работников, в их числе 2290 казахов.

Казахстанские ученые разрабатывают важнейшие проблемы в области математики, физики, геологии, металлургии, химии, энергетики, сельского хозяйства, медицины, имеющие громадное народнохозяйственное значение. Имена многих ученых известны не только за пределами республики, но и за рубежом. Учеными с мировым именем являются президент Академии наук Казахской ССР К. И. Сатпаев, астроном В. Г. Фесенков, химик Д. В. Сокольский, энергетик Ш. Ч. Чокин, биолог Н. У. Базанова. Двенадцати ученым Казахстана за выдающиеся достижения присвоены звания лауреатов Ленинской премии.

Казахстанские геологи осуществили комплексное изучение Центрального, Южного и Западного Казахстана, Алтая и Тургайской впадины и составили первые в СССР прогнозные металлогенические карты на главнейшие полезные ископаемые. Разработаны и внедрены в производство новые методы добычи руд, металлургического производства. Создано оригинальное направление физико-химического анализа. Учеными дано научное обоснование и разработаны основные вопросы строительства маги-

стрального канала Иртыш—Центральный Казахстан, что позволит разрешить проблему водоснабжения засушливого Центрального Казахстана. Астрономы добились значительных успехов в области изучения газопылевых туманностей, их структуры и физических условий звездообразования. Серьезные достижения физиков и математиков привели к созданию в составе Академии наук Казахской ССР Института ядерной физики и Института математики и механики. Новые институты Академии (горнометаллургические, химии нефти, ихтиологии и рыбного хозяйства) созданы непосредственно в промышленных центрах республики.

Представителями гуманитарных наук проделана значительная работа по изучению казахского языка и литературы, составлению учебников, словарей, истории казахской литературы. Написан ряд монографий по истории казахского народа, издана двухтомная «История Казахской ССР» с древнейших времен до наших дней. Созданы новые институты — философии и права, литературы и искусства. Только за 1957—1960 гг. Академией издано более 220 крупных обобщающих трудов и монографий. Многие из них переведены и изданы в Праге, Берлине, Пекине, Бухаресте, Париже. Расширяются международные связи ученых Казахстана. Они помогают развивать науку и экономику народам стран народной демократии и стран, недавно освободившихся от колониального рабства.

Культурно-просветительные учреждения

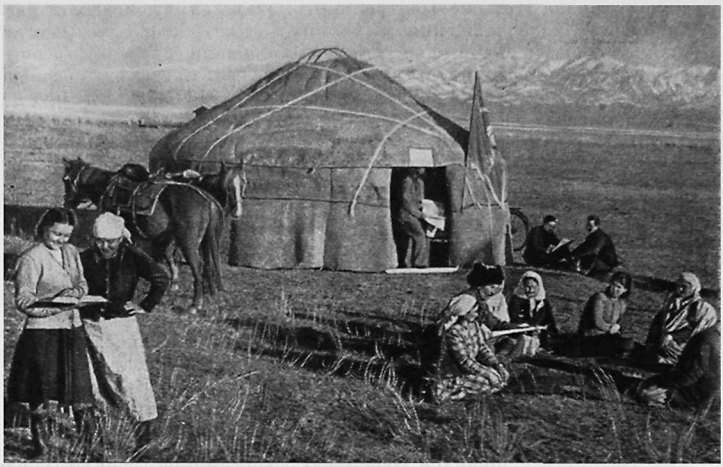
Важное место в идеологическом воспитании трудящихся Советского Казахстана занимают культурно-просветительные учреждения. Царское правительство не заботилось об открытии библиотек, клубов, музеев. Имевшиеся библиотеки и музеи содержались на общественные и частные средства. Библиотеки и читальни имелись только в городах Уральске, Семипалатинске, Верном и некоторых других. Книжный фонд всех 140 библиотек состоял из 139 тыс. книг. До революции не было клубов, имелось два музея, 20 частных киноустановок.

В первые же годы после революции партийные и советские органы нашли наиболее удачную для обслуживания населения кочевых аулов форму политической и культурно-просветительной работы. Это были — *қызыл керуен* (красные караваны), организованные весной 1922 г. по решению II съезда Советов Казахстана. Они состояли из политотдела, бюро жалоб, контрольно-хозяйственной комиссии; при них были врачи, учителя, имелась библиотека; вместе с тем на верблюдов каравана нагружали мануфактуру, продовольствие, медикаменты. Перекочевывая из аула в аул, эти караваны проводили большую работу по воспитанию классового самосознания трудящихся, по ликвидации неграмотности, улучшению медицинского обслуживания населения, по борьбе с голодом, очищению местных органов от враждебных элементов.

В начале 1925 г. кызыл керуен прекратили свою деятельность в связи со значительным укреплением местных партийных и советских органов, ростом национальных кадров.

Другой формой политической и культурно-просветительной работы среди кочевого населения в 20-х годах были передвижные *қызыл отау* (красные юрты). Работники красных юрт занимались ликвидацией неграмотности, читали лекции и доклады, создавали школы политграмоты, оказывали помощь в создании кооперативов, помогали налаживать деятельность народных судов. Среди работников красных юрт был и медицинский персонал. Создавались специальные красные юрты для работы среди казашек. В настоящее время красные юрты используются для культурного обслуживания колхозников и рабочих совхозов, занятых в отгонном животноводстве в отдаленных районах.

С победой колхозного строя, переходом казахов на оседлость и дальнейшими успехами социалистического строительства республика покрылась широкой сетью культурно-просветительных учреждений. В городах



Красная юрта. Алма-Атинская область

и сельских местностях насчитывается почти 13 тыс. библиотек, клубов, дворцов и домов культуры, изб-читален, красных юрт, кинотеатров.

В Казахстане нет не только района, но и колхоза, где не было бы библиотеки. Здесь работает 6140 массовых библиотек. Значительная их часть расположена на селе (в Целинном крае — 2047), обслуживает полеводческие бригады, животноводческие фермы, отгонные участки, отдельных колхозников, рабочих совхозов и их семьи. Имеющимися в них книгами пользуется 3 млн. читателей. Вырос книжный фонд. В каждой из областных библиотек насчитывается от 80 до 150 тыс. книг.

Крупнейшим книгохранилищем республики является Государственная публичная библиотека им. А. С. Пушкина, основанная в Алма-Ате в 1931 г. Книжный фонд ее содержит 1,7 млн. томов. Там имеются древние книги, являющиеся библиографической редкостью, уникальные восточные рукописи, специальные труды по всем отраслям знаний. В республике создана также широкая сеть отраслевых и вузовских библиотек, среди них большие библиотеки Академии наук Казахской ССР, Академии сельскохозяйственных наук, Государственного университета.

Большую работу по популяризации истории казахского народа и успехов трудящихся республики в развитии экономики и культуры, по идеологическому воспитанию народных масс, пропаганде атеистических знаний выполняют 25 музеев Казахстана.

Центральный государственный музей Казахстана в Алма-Ате, созданный на базе основанного В. И. Далем в 30-х годах XIX в. Оренбургского музея и Семиреченского областного музея казачьего войска, является важным культурно-просветительным и научным учреждением республики. Кроме того, имеется 14 областных краеведческих музеев, 4 мемориальных музея — В. В. Куйбышева в Кокчетаве, Абая Кунанбаева в Семипалатинске, Джамбула в Алма-Атинской области, Т. Г. Шевченко в Форте-Шевченко Гурьевской области. В г. Панфилове (б. Джаркент) Алма-Атинской области создан районный музей.

Важную роль в политическом воспитании и обслуживании культурных нужд трудящихся играют клубы и дома культуры, большинство кото-

Коллективная читка газеты в семье колхозника. Колхоз им. Калинина, Алма-Атинская область

рых расположено в сельских местностях. Всего в республике насчитывается свыше 5 тыс. клубных учреждений, среди них более 200 районных домов культуры. В клубах, избах-читальнях, домах культуры организуются лекции, литературные и музыкальные вечера, киносеансы, встречи с передовиками производства, с писателями, участниками революционного движения и др. Клубные учреждения проводят большую работу по организации художественной самодеятельности, выявлению народных талантов, развитию спорта. За счет средств колхозов и других организаций построены и строятся сотни новых клубов, домов культуры, библиотек, красных уголков.

Новым видом культурно-политического обслуживания колхозников-животноводов на отдаленных отгонных пастбищах являются с 1956 г. автоклубы. Автоклуб имеет библиотеку (а также книги для продажи), киноустановку, магнитофон с записями концертов, выступлений и бесед передовиков животноводства, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь. Работники автоклуба знакомят животноводов с новостями, читают им лекции, газеты, разъясняют решения партии и правительства. Они помогают выпускать стенные газеты, оказывают методическую помощь сельским клубным учреждениям, записывают «говорящие письма» чабанов родным и одноаульцам и доставляют их на центральные усадьбы колхозов. Часто автоклуб сопровождает бригада художественной самодеятельности, которая занимает все большее место в работе клубных учреждений республики.

Художественная самодеятельность Казахстана многообразна: созданы казахские, уйгурские и другие ансамбли песни и пляски, домбровые и струнные оркестры, большие многоголосые хоры. Работает более 100 оркестров казахских народных инструментов, 960 танцевальных коллективов. 24 коллективам, в том числе шести казахским, присвоено звание народных театров. Они ставят драматические спектакли, оперы, оперетты, балеты. Яркой демонстрацией достижений социалистической, подлинно народной культуры явился республиканский смотр художественной самодеятельности в 1960 г., посвященный 40-летию республики. Ему

Дом культуры колхоза им. Ленина. Талды-Курганский район, Алма-Атинская область

Выступление бригады артистов районного театра на отгонном пастбище. Актюбинская область

предшествовали смотры в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, затем районные, городские, областные. Лучшие самодеятельные артисты демонстрировали свое искусство на площадях, в парках, клубах, дворцах культуры, на сценах театров, на стадионе Алма-Аты. В смотре участвовало 83 коллектива (3 тыс. человек), почти в 5 раз больше, чем на предыдущем, состоявшемся в 1955 г.

Народная инициатива рождает новые формы самодеятельности, приобщения к высотам культуры. Во всех областях республики уже действуют 160 университетов культуры, в них более 30 тыс. слушателей.

Многочисленные зарубежные гости, посещающие Казахстан, единодушно подчеркивают огромные культурные достижения трудящихся республики, заботу советского государства об удовлетворении культурных нужд народа. Индийский профессор Д. Чиной, побывавший в колхозе «Луч Востока» (Алма-Атинская область), писал: «Сравнивая насыщенную культурную жизнь колхоза с тяжелой жизнью наших деревень, мы начали понимать, почему огромные усилия нашего правительства побудить крестьян больше производить не встречали у них отклика. В период сева и сбора урожая (в Казахстане.— *Ред.*) лучшие представители интеллигенции, артисты, драматурги, танцоры, певцы приезжают из городов в сельские районы, чтобы доставить развлечения и культурно обогатить детей земли, производящих продовольствие для своей родины»[1]. Другой гость из Индии, доктор А. К. Укил, обратил внимание на то, что в Казахстане из 7 млн. населения 1 млн. составляют школьники[2].

Большую роль в расширении кругозора и в идейном воспитании трудящихся играет Общество по распространению политических и научных знаний Казахской ССР.

Прочно вошло в быт трудящихся республики радио. Начало местного радиовещания в Казахстане относится к 20-м годам, когда было построено несколько первых еще маломощных радиостанций. В настоящее время уже радиофицированы все города, районные центры, крупные населенные пункты, 92% совхозов и 93% колхозов. В республике в 1960 г. имелось 2687 радиоузлов (из них 1175 в колхозах), которые обслуживают около 1 млн. радиоточек. 535 тыс. семей трудящихся имеют свои радиоприемники. Республиканские передачи ведутся на казахском, русском, уйгурском и других языках. Во всех областях каждый день проводится местное радиовещание на русском и казахском языках. В 1958—1960 гг. в Алма-Ате, Караганде, Усть-Каменогорске, Джезказгане и Петропавловске вступили в строй телевизионные центры, несколько ретрансляционных станций. 130 тыс. семей приобрели телевизоры.

Обычным и необходимым в жизни трудящихся стало кино. В настоящее время функционирует около 5 тыс. киноустановок. В послевоенные годы большое внимание уделяется сельским кинопередвижкам. Особенно расширилась государственная киносеть республики в 1954—1956 гг., в связи с освоением целинных и залежных земель. Имеется также 1600 профсоюзных киноустановок. По числу киноустановок и размаху кинофикации Казахстан занимает третье место в СССР (после РСФСР и Украины). Только в 1957—1959 гг. построено 124 кинотеатра и киноплощадки почти на 40 тыс. мест. Работает 20 широкоэкранных кинотеатров, из них пять в селах.

Печать

За годы Советской власти периодическая печать и книгоиздательское дело получили в Казахстане небывалое развитие. До революции трудящиеся аулов совсем не знали газет и журналов и почти не видели книг. В 1913 г. на казахском языке

[1] Слово зарубежных друзей о Советском Казахстане. Алма-Ата, 1957, стр. 111.
[2] Там же, стр. 116.

было издано 13 названий книг тиражом 4 тыс. экз., выходила лишь одна газета «Казах» (орган буржуазных националистов).

Уже в первой половине 1918 г. большевики Казахстана, закрыв контрреволюционные (алашордынскую, эсеро-меньшевистские, буржуазные) газеты, начали издавать свои: «Известия Тургайского областного комиссариата» (Оренбург), «Вольное слово» (Кустанай), «Заря свободы» (Верный). В последующие годы возникли казахские газеты «Дурыстык жолы» (Урда), «Бостандык туы» (Петропавловск) и др. В начале 20-х годов были основаны республиканские газеты «Енбекши казах» (ныне «Социалистик Казахстан»), «Степная правда» (ныне «Казахстанская правда») и ряд губернских.

Бурное развитие казахстанская печать получила в годы предвоенных пятилеток. В 1940 г. выходили уже 322 газеты, в том числе 137 на казахском языке, общим разовым тиражом около 1 млн. экз.

В 1960 г. в республике издавалось 366 газет (из них 140 — на казахском языке), в том числе республиканские, областные, городские и районные газеты. Печатаются также совхозные, колхозные и вузовские многотиражки. Газеты общим разовым тиражом свыше 2 млн. экз. издаются на русском, казахском, уйгурском, узбекском и других языках. В Алма-Ате ежедневно с матриц печатаются газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Сельская жизнь» и «Труд». Алмаатинцы читают эти газеты в день их выхода в Москве.

Росту активности печати, упрочению ее связи с массами неоценимую услугу оказывает огромная армия рабочих, сельских и аульных корреспондентов, насчитывающая в своих рядах больше 60 тыс. человек. Свыше 1700 человек объединяет образованный с 1959 г. Союз журналистов Казахстана.

В 1960 г. в Казахстане выходило 97 журналов и других периодических изданий (в том числе 16 журналов на казахском языке) тиражом более 9 млн. экз.

Книгоиздательства на казахском языке до революции не существовало. В 1922 г. декретом правительства республики было создано первое в истории казахского народа Казахское государственное издательство. С этого времени книгоиздательское дело продолжает неуклонно расти: если в 1923 г. было издано 48 названий тиражом 44 тыс. экз., то накануне Великой Отечественной войны республиканские издательства выпустили 762 названия книг, из них 382 на казахском языке. Среди изданных на казахском языке книг — произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, сочинения казахских писателей, переводы классиков русской и мировой литературы, научная, техническая, сельскохозяйственная, учебно-педагогическая литература, книги для детей и юношества.

В послевоенный период книгоиздательское дело в Казахстане приобрело еще более широкие размеры. В одном только 1960 г. было издано 1420 книг общим тиражом около 18 млн. экз., в том числе на казахском языке 572 книги тиражом 7813 экз.

В настоящее время в республике существует несколько крупных издательств: Казахское государственное издательство (Казгосиздат), Казахское государственное издательство художественной литературы (Казлитиздат), Казахское учебно-педагогическое издательство (Казучпедгиз), Издательство Академии наук Казахской ССР.

Изобразительное искусство

Прикладное искусство казахов в прошлом находило применение в украшении жилища, одежды и художественной обработке других предметов быта. Наиболее широко распространенными произведениями прикладного искусства были войлочные ковры и другие изделия из войлока.

Не менее значительной отраслью прикладного искусства являлось узорное ткачество. На простейших ткацких станках женщины изготов-

Изготовление ворсовых ковров. Мастерская в г. Алма-Ате

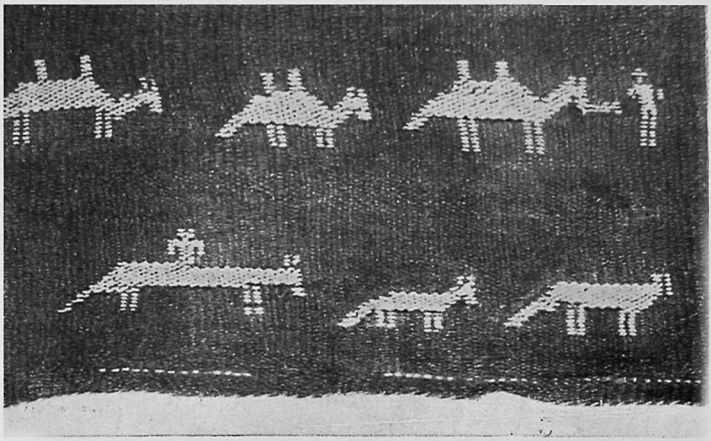
ляли ворсовые и безворсовые ковры, узорные дорожки, которые служили прекрасным украшением жилища. Изделия эти славились совершенством рисунка и расцветки. Яркий нарядный вид придавали юртам узорные циновки, сделанные с большим вкусом и мастерством из стеблей чия, переплетенных цветными шерстяными нитями. Казахские женщины издавна украшали свою одежду и домашние вещи вышивкой. Вышивали они шелком, шерстью, знали золотое и бисерное шитье. Основными техническими приемами были тамбурный шов и гладь.

Видное место в прошлом принадлежало и художественной обработке дерева. Начиная от деталей жилища и кончая посудой и музыкальными инструментами — все покрывалось искусной резьбой. С особенной любовью украшали посуду для кумыса. Широко бытовала в прошлом и резьба по кости. Резными костяными пластинками в сочетании с резьбой по дереву и серебряными украшениями отделывали музыкальные инструменты, седла, кровати.

Художественной обработке у казахов подвергались и изделия из кожи. Применялась техника тиснения кожи при помощи деревянных штампов (*қалып*). Тиснением украшали сосуды для молока, принадлежности сбруи, пояса. Славились своим мастерством и казахские ювелиры (*зергер*), выделывавшие всевозможные женские серебряные украшения, серебряные или посеребренные металлические бляшки на седла, сбрую, пояса.

Казахское прикладное искусство носило подлинно народный, самобытный характер. Изделия народных умельцев, несмотря на примитивную технику, поражали совершенством, законченностью формы и красочностью.

Однако все эти художественные богатства, создаваемые руками народных мастеров, вкладывавших в них все свои дарования, лучшие национальные традиции, являлись в основном достоянием господствовавшей верхушки казахского общества. Подлинные мастера прикладного искусства имели очень ограниченные возможности украшать предметы своего быта.



Тканая полоса «баскур»

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ стал не только творцом, но и обладателем замечательных произведений национальной культуры, в том числе и прикладного искусства.

С ростом материального благосостояния народа и повышением его культурного уровня прикладное искусство, призванное удовлетворять эстетические запросы населения, получило возможность дальнейшего развития.

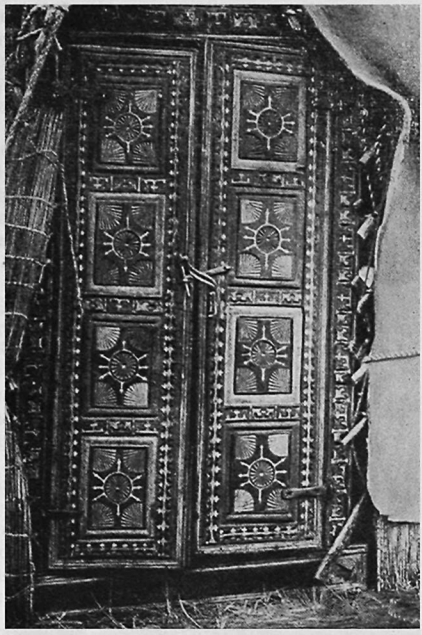
Почти во всех домах сельского, отчасти и городского населения радует обилие предметов быта, украшенных орнаментом, свидетельствующих о сохранении лучших народных традиций казахского прикладного искусства.

Наиболее древней техникой орнаментации войлока является вваливание узора. Ее применяют при изготовлении текемета (*текемет*) — одной из разновидностей войлочного ковра. Поверхность полуготового войлока мастерица покрывает узором из тонкой шерсти другого цвета (естественной или искусственной окраски), затем войлок продолжают катать до полной готовности. Более сложной, но столь же широко распространенной техникой орнаментации войлочного ковра является аппликация. На войлочную основу нашивают орнамент, вырезанный из войлока, сукна или хлопчатобумажной ткани другого цвета. На кромку узора накладывают шнурок, свитый из двух цветных нитей, и пришивают его к войлочному полю. Таким способом изготовляют большие настенные ковры (тускийиз), чехлы для сундуков (*сандық қап*) и другие вещи. Наконец, при изготовлении войлочных ковров (*сырмақ*) применяют третий способ. Из двух кусков тонкого войлока разного цвета вырезают по трафарету совершенно одинаковые узоры и, совместив их, сшивают из них два ковра таким образом, что фон одного совпадает по цвету с узором другого. Кромки узора обшивают цветным шнурком. Иногда сырмак нашивают на плотный войлок.

Орнамент на изделиях из войлока отличается обычно сравнительно крупными размерами, простотой и четкостью рисунка.

В значительных размерах сохраняется изготовление казахскими женщинами узорных полос для стягивания остова юрты и безворсовых ковров

(*кілем, алаша*). Казахам известно несколько способов узорного ткачества. При изготовлении узорных полос (бау, баскур) нити утка и основы берутся одного и того же цвета, а узор при тканье создается вторым утком из цветных нитей с перехватом четных и нечетных нитей основы. При изготовлении безворсовых ковров четные и нечетные нити основы, а также уток имеют разные цвета. Для тканья безворсовых ковров применяют обычно вертикальный станок, состоящий из четырехугольной деревянной рамы, шириной в 2—2,5 м, и подвижной планки для натягивания основы. Ворсовые ковры ткут несколько иначе. Нити утка и основы здесь одного цвета, а узор создается третьей, цветной нитью, которую завязывают узелками и обрезают, благодаря чему образуется ворс.



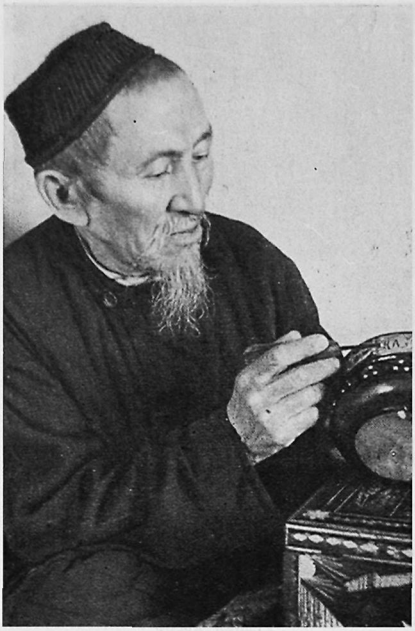
Резная дверь

Разнообразное применение имеет декоративная вышивка (*кесте*). Ею украшают полотенца, покрывала, различные сумки, женские головные уборы, настенные ковры, чехлы для сундуков. Вышивают шелковыми, шерстяными и бумажными нитками по войлоку, хлопчатобумажной и шерстяной ткани. Наряду с традиционными техническими приемами вышивания (тамбурный шов, гладь) в последние годы широко распространилась заимствованная у русских вышивка крестом. В вышивке используются растительные и геометрические мотивы, а также мотивы «бараньего рога» в различных сочетаниях. В настоящее время в вышивке представлены не только старые национальные мотивы, но и узоры, заимствованные у русского и украинского населения. У русских же заимствована техника вязания кружев, которыми украшают различные вещи домашнего обихода.

Еще одним видом прикладного искусства казахских женщин является плетение узорных циновок из стеблей чия (*шым ший*). Их употребляют, как и прежде, для обвертывания снаружи остова (кереге) юрты, в качестве подкладки для войлочной двери юрты, а также для отгораживания хозяйственного уголка внутри юрты.

Из различных видов прикладного искусства, являющихся областью мужского мастерства, наиболее широко распространена резьба по дереву. В зависимости от размеров, формы и назначения предметов для их украшения применяются различные виды резьбы.

Резьба с трехгранной выемкой чаще всего встречается на деревянных сундучках (кебеже), подставках. Рельефная резьба, как наиболее трудная, применяется реже. Ею украшают такие вещи, как шкатулки, подголовники (жастык агаш). В прошлом ею отделывали вышедшие теперь из употребления деревянные кровати. Для украшения мелких вещей



Абдыкарим Есалинов, ювелир и резчик. Павлодарская область

применяют контурную резьбу. Широко распространена также плоско-рельефная резьба для украшения дверей юрты, косяков, сундучков. Резьбой украшают также поварешки для разливания кумыса мутовки, музыкальные инструменты, седла, вешалки (*адалбақан*) и многие другие предметы домашнего быта. Все эти предметы, несущие на себе следы орнаментальной резьбы, еще продолжают бытовать у казахов-колхозников, хотя не во всех частях Казахстана в одинаковой степени. Многие из них изготовлены лет 20—30 тому назад, но и теперь еще почти во всех областях Казахстана живут и работают искусные мастера резьбы по дереву.

Украшение различных деревянных вещей резьбой сочетается по традиции с раскраской как фона, так и узора, а иногда с украшением резными пластинками из кости. Для изготовления пластинок используют обычно кости (челюсти, лопатки) домашних животных. На пластинки наносят чаще всего контурный орнамент, но встречаются иногда мастера-костерезы, которые изготовляют пластинки с прорезным (ажурным) орнаментом.

В казахской степи еще в 30—40-х годах нашего века встречались мастера резьбы по камню. Особенно широко бытовала такая резьба в Центральном Казахстане и на Мангышлаке. Резьба по камню применялась на надгробных сооружениях и на могильных камнях (*құлпы тас*). Основным материалом для резьбы служил известняк. Обладая значительной прочностью и легко поддаваясь резьбе, он позволял создавать удивительные по красоте произведения народного зодчества. Надгробия сооружали из пиленых известняковых блоков. Наружные и внутренние стены надгробий покрывали плоско-рельефной резьбой с последующей раскраской фона и рисунка.

Намогильные камни — кулпытасы — представляют собой четырехгранные в сечении столбы, все грани которых покрыты плоско-рельефной резьбой.

Значительно реже встречается на камнях контурная резьба.

Большим мастерством и вкусом отличаются изделия казахских ювелиров. Сравнительно недавно они еще изготовляли всевозможные женские украшения. С особенной любовью украшали мастера оружие: ножи, сабли, ружья, а также предметы конской сбруи: седла (ер), уздечки (*жүген*), стремена (*үзеңгі*).

Казахские ювелиры применяли холодную и горячую обработку металлов (ковку, штамп и отливку) и самые различные технические приемы

орнаментации: зернь, насечку, чернь, филигрань, штамп; они занимались также гранением драгоценных и полудрагоценных камней.

Происшедшие за годы Советской власти в быту казахов изменения привели к тому, что некоторые виды прикладного искусства потеряли прежнее значение. Так, за последние годы почти забыто тиснение по коже, значительно сократилось производство ювелирных изделий, редко стала применяться резьба по камню.

Народные мастера прикладного искусства, живущие и творящие в настоящее время, используют старый инструментарий, который частично пополнен инструментами фабричного изготовления. Полностью сохранены основные технические приемы, выработанные и проверенные многими поколениями народных умельцев. Мастера продолжают работать у себя на дому, получая сырье в личном хозяйстве и украшая предметами искусства свой быт.

Уже в первые десятилетия Советской власти для дальнейшего развития национального прикладного искусства и более широкого использования его лучших традиций в Казахстане был создан ряд артелей. Так, в 30-х годах в Алма-Ате, Кзыл-Орде и Семипалатинске начали работать артели «Ковровщица», изготовлявшие безворсовые и ворсовые ковры для массового потребления. В годы Великой Отечественной войны Кзыл-Ординская и Семипалатинская артели закрылись. Существующая в Алма-Ате мастерская и в настоящее время производит ворсовые ковры, паласы, алашу, используя национальные мотивы орнамента. В Алма-Ате и Семипалатинске работают также костерезные мастерские.

За годы Советской власти появились новые виды прикладного искусства, которые в условиях кочевого образа жизни не могли существовать. В 30-х годах была создана Алма-Атинская керамическая станция, в изделиях которой нашло широкое применение орнаментальное богатство казахского народа.

Казахский национальный орнамент самобытен, истоки его уходят в далекое прошлое. Происхождение и развитие его было тесно связано с кочевым скотоводческим хозяйством, с представлениями народа об окружающем мире, с его жизнью и бытом. Наиболее широко распространены в орнаменте животные, растительные, геометрические и космогонические мотивы, образующие бесчисленное множество узоров. Так, например, в войлочных коврах и других изделиях из войлока основным мотивом является парная спираль, напоминающая рога барана (*қошқар мүйіз*), или «крестовина» (*төрт құлақ*), заключенные в ромб. В вышивках основное место занимают растительные мотивы. В тканых изделиях используются животные, растительные и геометрические мотивы с преобладанием таких форм, как *түйе табан* (стопа верблюда), *құс қанат* (крыло птицы), *жылан басы* (голова змеи), *жапрақ* (лист), *қармақ* (крючок), *сыңар өкше* (каблук), *тұмарша* (амулет). На чиевых циновках встречаются главным образом геометрические мотивы (ромбы, квадраты с крючками). В то же время отдельные элементы казахской орнаментики свидетельствуют о том, что казахское искусство испытало на себе влияние художественной культуры городских центров Средней Азии. Формирование казахского искусства происходило в процессе широкого общения казахов с другими народами Средней Азии, а также Монголии и Сибири. В казахском орнаменте встречается много мотивов, сходных с мотивами киргизского, отчасти каракалпакского, узбекского и алтайского орнаментов.

Язык линии в казахском орнаменте прост и лаконичен. Казахская орнаментика избегает мелких, запутанных форм, ее элементы представляют собой сравнительно крупные силуэты.

Характерными особенностями казахского орнамента являются равенство площади узора и фона, господство симметрии орнамента по вертикальной оси, четкость рисунка и ограниченность используемых расцветок.

Изделиям казахских мастеров присуще творческое сочетание самого узора с его цветовым решением. Цвет выбирается в зависимости от формы и назначения украшаемых предметов. В вышивке, тканье и резьбе по камню цветовая гамма более богата и разнообразна. Наряду с естественными цветами шерсти — черным, белым, коричневым — теперь широко употребляются искусственные красители, главным образом желтый, оранжевый, красный, синий, малиновый. Особенность цветовой стороны художественных изделий казахов — контрастность. Применение не очень многочисленных тонов и оттенков в прикладном искусстве дает изумительные по своей красочности сочетания. Используя традиционные мотивы орнамента, современные народные умельцы творчески переосмысляют старое наследие и на базе его создают новые узоры и художественные композиции, связанные с нашей советской действительностью, с новым мировоззрением казахского народа.

Заботясь о сохранении и дальнейшем развитии народного прикладного искусства, Совет Министров Казахской ССР в постановлении от 15 мая 1957 г. наметил ряд специальных мероприятий. Прежде всего было решено ежегодно проводить республиканские выставки народного прикладного искусства. Летом 1957 г. были проведены областные слеты народных мастеров и организованы выставки лучших образцов прикладного искусства. В декабре того же года был проведен республиканский слет народных мастеров и организована выставка художественных изделий прикладного и декоративного искусства. Эти мероприятия позволили выявить лучших мастеров и помочь им в их важном и нужном деле. Для улучшения снабжения населения республики национальными изделиями домашнего обихода решено построить в ближайшие годы ковроткацкие фабрики в городах Алма-Ате и Чимкенте, восстановить ковроткацкую мастерскую в г. Кзыл-Орде, а также организовать массовый выпуск узорных войлоков и циновок из чия, изделий из рога и кости. Будет налажено производство национальных ювелирных изделий.

Профессиональное изобразительное искусство в дореволюционном Казахстане было представлено немногочисленными работами отдельных русских художников, в разное время работавших в Оренбурге, Семипалатинске, Верном и других городах края.

Первые произведения на казахстанские темы, выполненные русскими художниками, появились в середине XIX в. Особенно ярко эта тематика запечатлена в произведениях великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко, который жил в Казахстане в 1847—1858 гг., и русского живописца В. В. Верещагина, посетившего Казахстан в конце 60-х годов. Большими художественными способностями обладал выдающийся ученый и просветитель Чокан Валиханов, который по праву считается первым казахским художником.

Советское изобразительное искусство в Казахстане возникло и развилось под плодотворным воздействием русского реалистического искусства, одним из представителей которого был художник Н. Г. Хлудов (1850—1935 гг.), *проживший в Казахстане около 60 лет. Он талантливо* отобразил в своих произведениях дореволюционный быт казахов и сыграл большую роль в подготовке первых национальных художников.

В начале 1920-х годов в ряде городов республики состоялись художественные выставки, на которых были представлены произведения русских художников-казахстанцев Ф. И. Болкоева, Н. И. Крутильникова, С. Столярова, посвященные революционной тематике.

Значительный подъем изобразительного искусства в республике относится к первой половине 30-х годов. В 1933 г. организовался Союз советских художников Казахстана. С этого времени ежегодно проводятся республиканские художественные выставки, в которых деятельное участие принимают А. А. Риттих, Н. И. Крутильников, Аубакир Исмаилов,

1

2

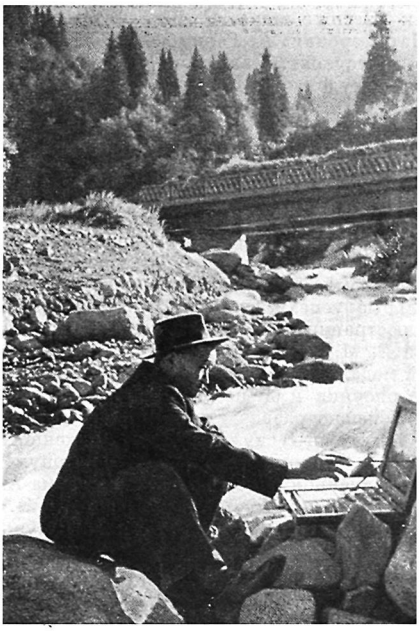
3

5

4

Казахские подвесные войлочные сумки «аяк кап». Аппликация тканью по войлоку

А. И. Бортников, а с середины 30-х годов — Абылхан Кастеев и Урал Тансыкбаев — ныне крупнейшие мастера живописи. Из наиболее значительных произведений, созданных в эти годы, следует отметить «Колхозный ток», «Проданная невеста» и пейзажи А. Кастеева; «На переломе» А. Риттиха и «Выступление Д. А. Фурманова на митинге в Верном» А. И. Бортникова — первое крупное художественное полотно на историко-революционную тему, созданное в республике.



Народный художник Казахской ССР Абылхан Кастеев на этюдах в предгорьях Заилийского Ала-Тау

Большую роль в художественной жизни республики играет Казахская государственная художественная галерея им. Т. Г. Шевченко (основана в 1935 г.), имеющая постоянные выставки, на которых экспонируются ценные произведения русских и зарубежных художников, а также приобретаемые галереей лучшие работы местных художников.

Осенью 1938 г. в Алма-Ате открылось художественно-театральное училище. За годы своего существования оно подготовило национальные кадры художников, часть которых получила затем высшее специальное образование в Москве, Ленинграде и других центрах страны. Из стен Алма-Атинского художественного училища вышли одаренные художники С. Мамбеев, М. Кенбаев, К. Тельжанов, У. Ажиев, А. Галимбаева, С. Романов и др.

В конце 40-х годов в изобразительном искусстве республики появились новые имена, шире стала тематика живописных произведений. В ряде картин получили отражение грандиозные социалистические преобразования в Казахстане. О растущем уровне профессионального мастерства художников старшего поколения свидетельствуют такие полотна, как «Портрет С. Муканова», «Дина и Джамбул» А. М. Черкасского, «В степях Казахстана в 1918 году» (поход Джангильдина) В. И. Урманче, «Портрет Джамбула», «Медеплавильщики Балхаша» Н. И. Крутильникова, «Бывшая ковыльная степь» А. Исмаилова.

Расцветом изобразительного искусства республики отмечены 50-годы, наименовавшиеся большим притоком одаренной казахской молодежи в ряды художников и скульпторов. Работы их все чаще появляются на межреспубликанских и всесоюзных выставках. В тематике произведений художников все большее место начинают занимать актуальные вопросы современности: подъем и освоение целины, развитие социалистического животноводства, промышленное строительство, трудовые подвиги советских людей, успехи культуры и науки. Рост профессионального мастерства заметен в таких произведениях молодых казахстанских художников,

как «Песнь о мире» К. Шаяхметова, «Папа идет» Н. Нурмухаммедова, «Мать-героиня» А. Галимбаевой, «В горах» С. Мамбеева, «Первое чтение» А. Джусупова. Далеко за пределами республики известна картина молодого художника К. Тельжанова «Жамал». Простота замысла, современность темы, проникновенная передача образа девушки-чабана, мастерство живописи покоряют зрителя. Популярны его работы «Казахстан в 1918 г.», «На земле дедов» (поднятие целины). Широко известны также полотна М. Кенбаева «Песня чабана», «Беседа», «Ловля лошадей», насыщенные поэзией степей и казахским народным бытом. Особенной любовью казахстанцев пользуются акварели народного художника республики А. Кастеева. Серия его пейзажей «На земле казахстанской», состоящая почти из 100 работ («Высокогорный каток Медео», «Родина Абая» и др.), была выдвинута на соискание Ленинской премии в 1962 г. Значительные успехи достигнуты в области графики. Привлекают внимание иллюстрации к народной сказке «40 небылиц» Сахи Романова. Иллюстрации Е. М. Сидоркина к книге «Казахский эпос» были удостоены бронзовой медали на книжной выставке в Лейпциге в 1959 г. Интересны также его рисунки к эпопее М. Ауэзова об Абае.

Успешно развивается и скульптура, представленная работами первого казахского скульптора, заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Х. Наурызбаева — автора монументальной скульптуры «Абай», установленной на одной из улиц Алма-Аты. Им созданы выразительные образы «Юный Джамбул», «Юный Абай». Пользуются известностью произведения мастеров жанровой скульптуры З. И. Береговой, А. С. Пономарева и др.

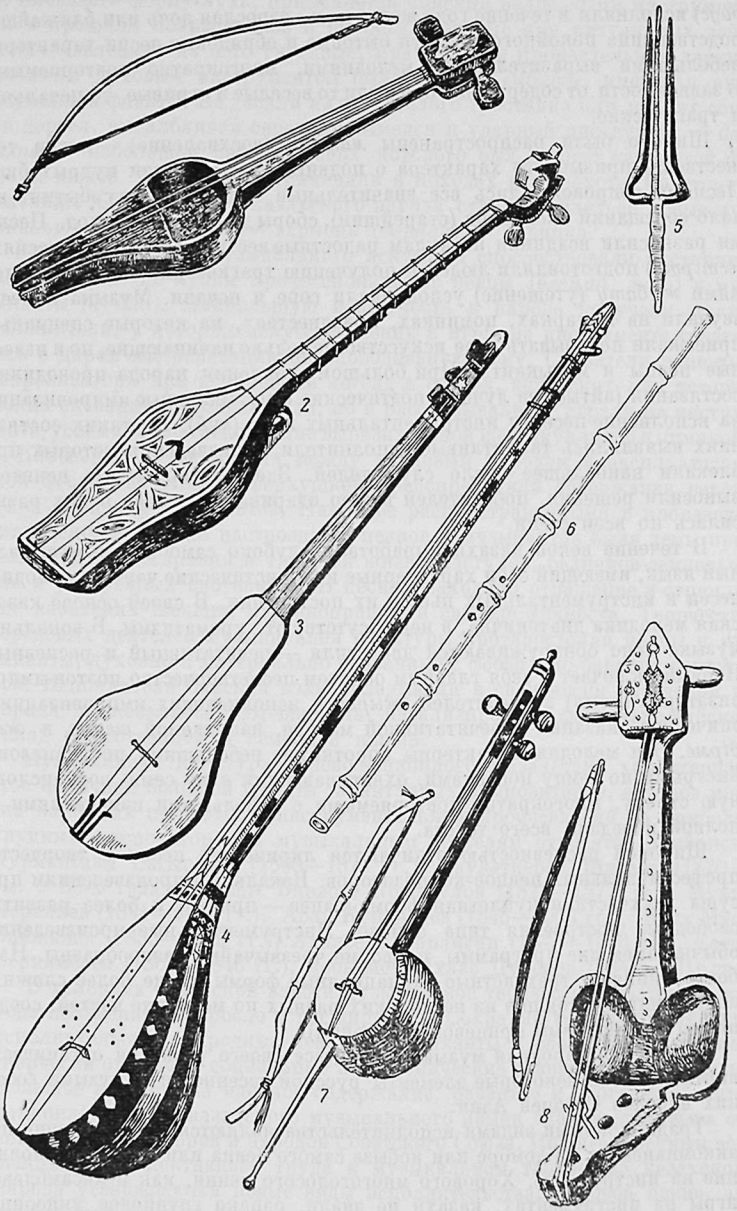
Растут ряды Союза советских художников Казахстана. В 1950 г. в нем насчитывалось 46 человек, из них пять казахов, а в 1960 г.— 136 человек, из них 39 казахов.

Устраиваются выставки периферийных художников: Караганды, Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Уральска и других городов. Лучшие произведения художников и скульпторов республики неоднократно экспонировались на выставках в Алма-Ате и Москве. Во время второй декады казахского искусства и литературы в Москве (1958 г.) на выставке изобразительного искусства демонстрировалось около 600 произведений, содержание которых характеризовало пути развития национальной живописи. На состоявшейся в то же время выставке прикладного и декоративного искусства было представлено более тысячи экспонатов, от предметов, обнаруженных во время археологических раскопок, до современных образцов промышленных и кустарных изделий, в которых нашло отражение творческое использование традиций народного прикладного искусства.

Музыка

Музыкальное искусство, представленное до Великой Октябрьской социалистической революции исключительно народным творчеством, являлось неотъемлемой частью духовной культуры казахского народа.

Наиболее древними видами народного музыкального творчества являются песни, непосредственно связанные с трудовой деятельностью и всем укладом общественной и семейной жизни казахов-кочевников. С песнями перегоняли стада на дальние пастбища; песней облегчали пастухи свою работу при рытье водоемов и колодцев; женщины пели, когда ткали ковры, катали кошмы. Всадник, приближаясь к аулу, желая обратить на себя внимание, затягивал громкую протяжную песню, а уезжая, пел песню благодарности за гостеприимство. Предсвадебные вечеринки, прощание молодухи с родителями и родным аулом и ее приезд в дом мужа привлекали много людей и проходили с музыкой и пением. Тексты свадебных песен, обычно заранее подготовляемые, содержали правила житейской морали. Иногда их импровизировали, воспевая красоту и



Музыкальные инструменты туркмен, киргизов и казахов

1 — «кыяк», киргизы; *2* — «домбыра», казахи; *3* — «комуз», киргизы; *4* — «дутар», таджики (распространен также у туркмен, узбеков, уйгуров и др); *5* — «варган»; *6* — «туйдук», туркмены; *7* — «гыджак», туркмены; *8* — «кобыз», казахи

трудолюбие молодых, высказывая пожелания им счастья и богатства. Циклом песен отмечалась память об умерших. Траурные песни (*жоқтау, даус*) исполняли в течение года жена, мать, взрослая дочь или ближайшая родственница покойного. Все эти бытовые и обрядовые песни характерны небольшими выразительными мелодиями, многократно повторяемыми. В зависимости от содержания они были то веселые и игривые, то печальные и трагические.

Широко были распространены *мақтау* (восхваление) — песни торжественно-призывного характера о подвигах батыров или мудрых биев. Песнями сопровождались все значительные общественные события: начало совещаний аксакалов (старейшин), сборы джигитов в поход. Песнями разносили всадники по аулам радостные вести, печальными песнями (*естірту*) подготовляли людей к получению трагических сообщений, песнями *жұбату* (утешение) успокаивали горе и печали. Музыка и песни звучали на ярмарках, поминках, празднествах, на которые специально приезжали показывать свое искусство не только начинающие, но и известные певцы и музыканты. При большом скоплении народа проводились состязания (айтыс) на лучшие поэтические и музыкальные импровизации, на исполнение песен и инструментальных пьес (*күй*). На таких состязаниях выявлялись талантливые исполнители, произведения которых привлекали наибольшее число слушателей. Здесь авторитетные ценители выносили решения, победителей щедро одаривали и слава о них разносилась по всей степи.

В течение веков казахи выработали глубоко самобытный музыкальный язык, имеющий свои характерные колористические черты в мелодиях песен и инструментальных пьес и их построении. В своей основе казахская мелодика диатонична, в ней отсутствуют хроматизмы. В вокальной музыке ясно обнаруживаются два стиля — речитативный и распевный. Первый включает в себя главным образом песнетворчество поэтов-импровизаторов (*ақын*) и сказителей (*жыршы*), исполняющих импровизации и эпические сказания в речитативной манере, называемой *терме*, и *желдірме*. Эти мелодии характерны короткими, небольшими по диапазону, быстрыми по темпу попевками, охватывающими одну семи- восьмисложную строку, многократно повторяемыми с небольшими изменениями до полной передачи всего текста.

Широкой распевностью отличаются лирические песни и творчество профессиональных певцов-композиторов. Вокальным произведениям присуща двухчастная куплетная форма (запев — припев) и более развитые свободные построения типа ариозо. Инструментальные произведения, обычно имеющие программы, по форме чрезвычайно разнообразны. Наиболее типичны трехчастные вариационные формы и еще более сложные построения, состоящие из нескольких разных по мелодике частей, соединяемых одинаковым припевом (рефреном).

Казахская народная музыка в процессе своего развития органически впитала в себя некоторые элементы русской песенности и музыки соседних народов Средней Азии.

Традиционными видами исполнительства являются сольное пение под аккомпанемент на домбре или кобызе самого певца или сольное исполнение на инструменте. Хорового многоголосого пения, как и ансамблевой игры на инструментах, казахи не знали, однако групповое унисонное пение (раздельно девушки и парни) применялось во время молодежных игр и на свадебных вечеринках.

Наиболее распространенным музыкальным инструментом является *домбыра* — щипковый инструмент с овальным или реже треугольным корпусом, с двумя струнами, скрученными из бараньих кишек. Распространен и *қобыз* — смычковый инструмент, имеющий вогнутый гриф и большой полый ковшеобразный корпус, верхняя часть которого открыта,

а нижняя затянута верблюжьей кожей; на нее ставится резная подставка для струн, не прикасающихся к грифу. Для изготовления струн и смычка, имеющего форму лука, применяется конский волос. Этим инструментом в прошлом пользовались и шаманы, которые при ритуальных действиях извлекали из него гнусавые, мрачные или пронзительные звуки. Любимым духовым инструментом была раньше *сыбызгы*, имеющая вид продольной флейты. Ее делали из пустотелого тростника или мягких сортов дерева, выдалбливая середину. Имелся и ударный инструмент — *даулпаз* — небольшой барабан, верх которого был покрыт натянутой по краям кожей. Его обычно применяли в походах и на охоте. Со второй половины XIX в. в быту казахского народа стали появляться новые музыкальные инструменты — гармонь (*сырнай*) и скрипка.

Распространению музыкального искусства способствовали постоянно разъезжавшие по аулам профессиональные певцы (*өлеңші, әнші*) и музыканты (*күйші*). Наибольшую известность в народе получали такие исполнители, у которых искусство пения и игры на инструменте сочеталось с даром импровизации на злободневную тему. Сказители и поэты-импровизаторы при исполнении легенд и сказок, эпических или исторических сказаний не только пели, но и рассказывали, и играли на инструменте, усиливая свое исполнение выразительной жестикуляцией и мимикой.

Классовые противоречия между трудовым народом и эксплуататорской феодально-байской верхушкой предопределяли содержание репертуара певцов и музыкантов. Наиболее распространенными в произведениях демократически настроенных певцов и музыкантов были темы протеста против бесправия и тяжелой жизни пастухов, бедняков-землепашцев и разоренных скотоводов. В песнях находило отражение и стремление казахских женщин к равноправию и свободе личности. Творчеству передовых деятелей музыкальной культуры противостояли певцы и музыканты, духовно и материально связанные с феодально-байской верхушкой. Исполнители байской воли вкладывали в свои песни изречения из корана, воспевали законы шариата, идеализировали феодально-байский уклад общественной и семейной жизни.

Музыкальная культура дореволюционного Казахстана характеризуется наличием большой группы талантливых композиторов, авторов многих народных песенных и инструментальных произведений. К наиболее крупным композиторам и музыкальным деятелям относятся домбристы Курмангазы Сагырбаев (1806—1879 гг.), Даулеткерей Шигаев (1820 — ум. в 80-х годах), певцы Биржан Кожагулов (1825—1877 гг.), Мухит Мералиев (1841—1918 гг.), Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.), Жаяу Муса Байжанов (1835—1929 гг.), Ахансерэ Корамсин (1843—1916 гг.), Естай Беркимбаев (1868—1946 гг.), кобызист Ыхлас Дукенов (1843—1916 гг.).

В условиях Советской власти музыкальное творчество казахского народа неизмеримо возросло и расширилось. Сохраняя традиционные виды исполнительства, народные певцы и музыканты в своих произведениях творчески отражают социальные и экономические сдвиги в жизни народа. Большое влияние на идейное содержание, развитие и обогащение интонационного строя казахского музыкального языка оказывает музыка советских композиторов и народов Советского Союза. Под несомненным воздействием коллективного труда в музыкальном творчестве казахского народа утверждаются новые виды исполнительства: хоровое пение, ансамбли народных инструментов.

Благодаря изменениям, происшедшим в быту казахского народа, оказались сломанными ранее существовавшие ограниченные рамки бытования музыкальных произведений на определенной территории. Радио, звуковое кино, концертные бригады артистов, слеты и олимпиады участников музыкальной самодеятельности содействуют тому, что произведения народной музыки получают повсеместное распространение и призна-

ние. Только в советское время произведения народных композиторов — Даулеткерея, Курмангазы, Биржана, Ахансерэ и многих других — впервые зазвучали по всему Казахстану и вошли в золотой фонд народной музыкальной классики.

Круг созидателей и исполнителей произведений народного творчества теперь значительно расширился. По старинной традиции, являющейся одной из характерных черт казахской общественной и семейной жизни, многие любители музыки, особенно из колхозного крестьянства и сельской интеллигенции, в часы досуга любят сочинять песни и инструментальные пьесы, вкладывая в них волнующие их мысли и чувства. В полную меру своих возможностей творили и продолжают создавать и исполнять новые произведения выдающиеся певцы и музыканты Дина Нурпеисова, Кали Байжанов, Кенен Азербаев, Жусупбек Елебеков, Куан Лекеров, Манарбек Ержанов, Естай Беркимбаев, Амрэ Кашаубаев.

Профессиональное музыкальное искусство казахского народа зародилось и получило развитие только в советское время. На основе богатейшей народной музыки, используя опыт развития русской и зарубежной музыкальной классики, композиторы, певцы и музыканты начали создавать новые виды и формы искусства, не известные ранее в Казахстане. Началу развития профессиональных форм музыкального искусства предшествовала (а теперь постоянно сочетается с ними) большая работа по собиранию и записи народной музыки, которая творчески используется композиторами в своих произведениях. Особенно большую работу по записи песен провел выдающийся композитор и фольклорист А. В. Затаевич, который собрал более 2300 произведений народного музыкального творчества всех областей Казахстана. Значительное число народных песен и инструментальных мелодий записали композиторы и этнографы А. К. Жубанов, М. Т. Тулебаев, Л. А. Хамиди, Д. Д. Мацуцин, Б. Г. Ерзакович.

Выявлению талантливых людей для привлечения их к профессиональной деятельности в области искусства содействуют регулярно проводимые районные, областные и республиканские слеты, олимпиады и фестивали. На первом Всеказахстанском слете деятелей народного творчества, который состоялся в 1934 г., особенно отличились своим мастерством домбристы Лукпан Мухитов, Кали Жантлеуов, Науша Букейханов, сыбызгист Исхак Валиев, кобызист Жаппас Каламбаев. Они были приглашены потом для работы в первом в истории казахской музыки оркестре казахских народных инструментов им. Курмангазы. В начале репертуар оркестра состоял из народных песен и кюйев, разучиваемых на слух и зачастую исполняемых в унисон. В дальнейшем все музыканты получили специальное образование, что позволяет оркестру исполнять национальные произведения крупной формы (симфонии, поэмы, сюиты), а также произведения русской и западной классики и современных советских и зарубежных композиторов. Оркестр им. Курмангазы, состоящий из 60 музыкантов, является одним из крупных художественных коллективов Советского Союза.

В 1935 г. была открыта Казахская государственная филармония им. Джамбула. В ее состав вошли оркестр, казахский хор, танцевальный ансамбль и большая группа солистов — певцов и музыкантов, еще недавно являвшихся участниками художественной самодеятельности.

В 1934 г. музыкальным спектаклем М. О. Ауэзова «Айман-Шолпан» был открыт музыкальный театр, который в 1937 г. после осуществления ряда национальных оперных постановок был реорганизован в Государственный академический театр оперы и балета им. Абая. Первая казахская опера «Кыз-Жибек» была написана Е. Г. Брусиловским в 1934 г. (либретто Г. М. Мусрепова). Музыкальную основу ее составляют народные мелодии, приспособленные композитором к оперной форме. Сюжетом

Танец «Сбор хлопка» в исполнении артистов Казахской государственной филармонии им. Джамбула

Учебные занятия в хореографическом училище в г. Алма-Ате

для оперы послужила одноименная лирическая поэма, повествующая о трагической любви красавицы Кыз-Жибек. Старинные казахские мелодии, объединенные единым драматургическим замыслом, в оркестровом звучании засверкали новыми красками, они перевоплотились в новые сценические художественные образы. Следующей постановкой театра была опера «Жалбыр»— о революционном движении казахских и русских трудящихся против гнета феодально-байской верхушки и царизма. В основу музыки оперы, как и в «Кыз-Жибек», вошли народные мелодии в обработке Е. Г. Брусиловского.

Могучим стимулом к дальнейшему развитию музыкального искусства явилась первая декада казахского искусства в Москве в 1936 г. Во время декады были показаны «Кыз-Жибек» и «Жалбыр», а также проведены концерты с участием оркестра им. Курмангазы и солистов. Декада показала, что казахское искусство за короткий исторический срок достигло больших успехов, чему содействовало мастерство талантливых национальных артистов — Куляш Байсеитовой, Курманбека Джандарбекова, Канабека Байсеитова, Жамал Омаровой, Шары Жиенкуловой, дирижера Ахмета Жубанова.

После декады национальное оперное искусство стало развиваться еще более интенсивно. Постановкой балета «Калкаман и Мамыр» (музыка В. Великанова, либретто М. Ауэзова) было положено начало казахскому национальному балету. С 1937 по 1957 г. на сцене оперного театра было осуществлено около 20 новых оперных и балетных постановок, охватывающих большой круг тем из разных эпох жизни казахского народа. Наиболее значительными из них являются оперы Е. Г. Брусиловского «Ер-Таргын» и «Дударай», А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай» и М. Тулебаева «Биржан и Сара». За постановку оперы «Биржан и Сара», в которой отражена трагическая судьба выдающегося народного певца Биржана, автор и главные исполнители были удостоены Государственной премии (1949 г.).

Во время второй декады казахского искусства и литературы, проходившей в Москве с 12 по 22 декабря 1958 г., среди произведений искусства были показаны оперы «Биржан и Сара», «Абай» и «Дударай», а также балеты «Дорогой дружбы» Н. Тлендиева и Л. Степанова, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева. С концертными программами выступили коллективы и солисты Казахской государственной филармонии им. Джамбула, представители художественной самодеятельности ряда областей Казахстана. После декады оперный театр им. Абая был награжден орденом Ленина. В последние годы оперный театр поставил новую оперу о целине «Горы золотые» К. Кужамьярова и Н. Тлендиева, оперу «Амангельды» Е. Брусиловского и М. Тулебаева о герое гражданской войны А. Иманове.

Казахский оперный театр не ограничивается постановками только национальных спектаклей. На его сцене на казахском языке были поставлены многие оперные произведения русской и западной классики и композиторов братских республик: «Евгений Онегин» Чайковского, «Демон» Рубинштейна, «Кармен» Бизе, «Ромео и Джульетта» Гуно, «Чио-Чио-Сан» Пуччини, «Даиси» Палиашвили, «Нергиз» Магомаева и Глиэра.

В советское время в Казахстане зародилась и получила большое развитие симфоническая и камерная музыка. На основе творческого освоения народной музыки, используя богатейший опыт русской классики, казахстанские композиторы создали ряд произведений, сочетающих в себе большие художественные достоинства и глубину содержания. Среди симфонических произведений выделяются симфония Е. Г. Брусиловского «Сары арка» («Степь»), посвященная героической борьбе советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., и его кантата «Советский Казахстан», удостоенная Государственной премии, симфони-

Сцена суда из второго акта оперы «Абай». Театр оперы и балета им. Абая в г. Алма-Ате

ческая поэма «Толгау» («Думы») Е. Рахмадиева; оратории «Голос веков» С. Мухамеджанова и «Заря над степью» Г. Жубановой, первая симфония и кантата «О целине» К. Мусина, поэма-кантата М. Тулебаева «Заря коммунизма» — о созидательном труде советского народа, концерт для скрипки и оркестра Г. Жубановой, концерт для фортепиано с оркестром Н. Мендыгалиева, поэма «Амангельды» Е. Рахмадиева, хоровая сюита «За мир» Б. Байкадамова, поэма «Казахстан» М. Кайшабаева (для оркестра казахских народных инструментов). Всем этим произведениям присущи ярко выраженный национальный колорит, красочность гармонического языка и богатство полифонических приемов, что свидетельствует о большом профессиональном мастерстве их авторов.

Большую роль в формировании современной казахской массовой песни и романса сыграло творчество М. Тулебаева, Л. Хамиди, Б. Байкадамова, Е. Брусиловского, С. Мухамеджанова, А. Жубанова. Далеко за пределами республики известны «Казахский вальс» Л. Хамиди, «Две ласточки» Е. Брусиловского, «Ак бидай» Б. Байкадамова, «Молодежный вальс» и «Вышитый платок» М. Тулебаева. Казахстанские композиторы в своих песнях и романсах творчески используют и развивают демократические традиции и песенные интонации казахской народной музыки.

Хоровое искусство казахского народа стало зарождаться в начале 1920-х годов, первоначально в учебных заведениях. Первые профессиональные хоры были организованы на казахском радио (1931 г.), а затем и в филармонии (1934 г.). В их репертуар входили казахские народные песни, песни казахских композиторов, революционные песни, песни советских композиторов. В дальнейшем хор Казахской филармонии был реорганизован в государственную хоровую капеллу, с большим художественным успехом исполняющую сложные многоголосые произведения народной музыки, советской и мировой классики.

Росту и развитию музыкального искусства содействует большая сеть музыкальных учебных заведений, готовящих национальные исполнительские кадры. Музыкальные школы и училища имеются во всех областных городах и крупных промышленных центрах. Шахтеры Караганды,

металлурги Балхаша, Лениногорска и Чимкента, машиностроители Целинограда, Петропавловска имеют возможность давать своим детям музыкальное образование. Успешно воспитывает высококвалифицированные кадры музыкального искусства открытая в 1944 г. Алма-Атинская государственная консерватория им. Курмангазы.

Наличие большого числа композиторов-профессионалов позволило в 1939 г. организовать Союз композиторов Казахстана. Он объединяет 28 человек, из них 14 — казахи. Научным центром музыкознания является сектор искусствоведения Академии наук Казахской ССР.

Казахская музыка стала широко известна благодаря деятельности замечательных национальных артистов и композиторов. Это прежде всего солисты оперного театра и филармонии, среди которых блистала выдающаяся певица, дважды лауреат Государственной премии, народная артистка СССР Куляш Байсеитова (1912—1957 гг.); выделяются также недюжинными способностями народные артисты республики лауреаты Государственной премии Анварбек Умбетбаев и Байгали Досымжанов, Жамал Омарова, Роза Багланова, Шара, Ермек Серкебаев, заслуженные деятели искусств композиторы лауреат Государственной премии Мукан Тулебаев, Латыф Хамиди, Бахитжан Байкадамов.

Казахские артисты с большим успехом выступают в столице нашей Родины — Москве, в братских республиках и за рубежом. Еще в 1928 г. певец Амрэ Кашаубаев участвовал в международном конкурсе народных певцов в Париже, где получил вторую премию. В 1950 и 1957 гг. большие концертные поездки по Китайской Народной Республике совершил Государственный оркестр им. Курмангазы, в 1951 и 1956 гг. в Монгольской Народной Республике выступали Куляш Байсеитова, Жамал Омарова, Мусим и Рашид Абдуллины, Фатима Балтаева и др. На всех всесоюзных и всемирных фестивалях молодежи и студентов молодые казахские артисты удостаивались премий и званий лауреатов.

Театр и кино

Профессионального театрального искусства у казахов до революции не было. Лишь в некоторых бытовых обрядах (особенно в свадебных) и играх содержались элементы зрелищного и драматического характера.

В начале XX в. стали зарождаться самодеятельные формы казахского театра. Первые любительские спектакли, устраивавшиеся учащейся молодежью в школах и во время каникул в аулах, представляли собой инсценировки народных обычаев, свадебных обрядов, сюжетов сказок, эпизодов из эпоса и истории. Одним из первых произведений национальной драматургии является пьеса Имангали Мендыханова «Малдыбай», в которой осмеивается бессердечный и жадный бай, отдающий свою дочь за калым, а ее любимого изгоняющий из родного аула.

В первые же годы после Октябрьской революции в Казахстане получила большое развитие театральная самодеятельность. Театральные кружки стали возникать в школах, институтах, клубах, частях Красной Армии. Один из таких самодеятельных кружков, существовавший при Институте народного образования в г. Оренбурге (тогдашней столице молодой республики), стал впоследствии ядром первого казахского театра, открытого в 1926 г. В состав труппы театра вошли студенты этого Института Елюбай Умурзаков и Капан Бадыров, участники самодеятельности Серке Кожамкулов и Курманбек Джандарбеков и признанные мастера народного творчества — исполнитель бытовых рассказов Калибек Куанышпаев, выдающийся певец Амрэ Кашаубаев, популярный акын и композитор Иса Байзаков.

Первым казахским драматургом, получившим широкое признание, был Мухтар Ауэзов, пьесы которого «Енлик-Кебек» и «Байбише-токал» обличали темные стороны жизни старого аула. Многие постановки театра были посвящены темам борьбы Советской власти за новый быт, за право мо-

лодежи на самостоятельное устройство личной жизни. В 1928 г. на сцене казахского театра с большим успехом была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Женитьба». Регулярные поездки столичного театра по городам, районным центрам и аулам с репертуаром на острые темы современности, талантливая игра артистов породили в народе любовь к не известному им ранее сценическому искусству, что содействовало организации во многих областных центрах казахских театров.

Творческое использование достижений советского театрального искусства, непосредственное участие русских режиссеров в работе театра позволило ему в 30—40-е годы осуществить на высоком уровне сценического мастерства постановки многих произведений национальной драматургии на историко-революционные темы, таких, как «Тунги сарын» («Ночные раскаты») М. Ауэзова, «Амангельды» Г. Мусрепова, «Курес кундеринде» («В дни борьбы») С. Муканова, произведений советской и русской классики — «Любовь Яровая» К. Тренева, «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Гроза» А. Островского. За достигнутые успехи в развитии национального театрального искусства казахскому театру драмы в 1937 г. было присвоено наименование «академический».

В послевоенное время исторические постановления Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам, острые и принципиальные критические выступления печати содействовали дальнейшему расцвету театрального искусства. В репертуаре театров резко увеличилось число спектаклей на современные темы. Были поставлены пьесы А. Абишева «Достык пен махаббат» («Дружба и любовь») — о борьбе передовых рабочих Караганды за механизацию угольных шахт, «Миллионер» Г. Мустафина и «Гульден, дала» («Цвети, степь!») А. Тажибаева — на темы из колхозной жизни. В академическом театре с большим успехом шли «Закон чести» А. Штейна, «Калиновая роща» А. Корнейчука, «Глубокие корни» американских драматургов Дж. Гоу и Д'Юссо. Большой удачей театра явилась инсценировка романа М. Ауэзова «Абай» (авторы инсценировки режиссер Ш. Айманов и Я. Штейн). Исполнители главных ролей были удостоены Государственной премии.

Дальнейший рост творческого мастерства артисты Казахского академического театра драмы продемонстрировали во время второй декады казахского искусства и литературы в Москве. Театр показал спектакли «Одно дерево — не лес» А. Тажибаева, «Чокан Валиханов» С. Муканова, «Трагедия поэта» Г. Мусрепова, «Енлик-Кебек» М. Ауэзова, «Укрощение строптивой» В. Шекспира (в переводе М. Ауэзова). На декаде вместе с казахским искусством было показано искусство русского и корейского народов. Несколько спектаклей было показано Республиканским русским театром драмы. Это было наглядным свидетельством монолитной дружбы народов.

Партия и правительство высоко оценили достижения деятелей искусства Казахстана, присвоив шести наиболее видным из них — Ш. Айманову, Р. Джамановой, К. Куанышпаеву, Е. Серкебаеву, М. Тулебаеву и В. Харламовой — почетное звание Народного артиста СССР. Орденами и медалями было награждено 407 работников искусства и литературы. Декада показала, что в Казахстане выросли высококвалифицированные национальные кадры, творческая и исполнительская деятельность которых находится на высоком профессиональном уровне, отличается глубокой идейностью.

Казахское театральное искусство, начавшее свое существование только в советское время, за короткий исторический срок добилось значительных успехов. В нем творчески сочетается культура русского советского театра с традициями казахского народного творчества. В упорных исканиях театр нашел своеобразные черты и образы, которые присущи казахскому народу, что определило и национальное своеобразие театра.

Театральное искусство получает все более широкое распространение. Все крупные города республики (Караганда, Семипалатинск, Чимкент, Джамбул, Гурьев) имеют казахские театры, располагающие квалифицированными артистическими силами. Почти во всех казахских театрах в последнее время поставлены новые спектакли национальных драматургов: «Сауле» Т. Ахтанова, «Беу, кыздарай» («О, девушки») К. Шандыкбаева и К. Байсеитова, «Ормандастар» («Единомышленники») А. Абишева, «Кудагы келипте» («Сваха приехала») К. Мухамеджанова, «Молдир махаббат» («Чистая любовь») — инсценировка А. Исмаилова по одноименному роману С. Муканова.

С 1934 г. в Казахстане стала развиваться национальная кинематография, сначала в виде хроникальных, а затем и художественных фильмов. При активной помощи русских мастеров в республике ныне производятся полнометражные художественные фильмы. Первым казахским кинофильмом был «Амангельды», посвященный герою казахского народа Амангельды Иманову. Главные роли в картине исполняли артисты академического театра драмы — Елюбай Умурзаков, Шара, Капан Бадыров. Колоритными и яркими произведениями казахской кинематографии являются фильмы «Джамбул» — о жизни великого казахского акына (роль Джамбула великолепно играет артист Айманов), «Дочь степей» — о судьбе казахской женщины в дореволюционное, а затем в советское время, «Поэма о любви» — на эпическую тему, «Ботагоз» — о революционном движении в Казахстане, «Девушка-джигит» — о жизни казахской молодежи. Значительными произведениями казахской кинематографии в последнее время были фильмы «Наш милый доктор», «Его время придет», «Если бы каждый из нас». К 40-летию республики был создан полнометражный художественно-документальный фильм «Лениным озаренный». В республике выросли кадры талантливых киноартистов: З. Шарипова, М. Суртубаев, Л. Абдукаримова, Г. Исмаилова, И. Ногайбаев, режиссеры Ш. Айманов, М. Бегалин. Широко практикуется дублирование лучших русских и иностранных фильмов на казахский язык.

Фольклор и художественная литература

Поэтическое творчество с давних времен глубоко вошло в быт казахского народа. Оно проникает во все стороны его жизни. Памятники древней тюркской письменности, относящиеся к VIII—XI вв., свидетельствуют о наличии сложившихся к тому времени поэтических традиций у тюркоязычных народов, живших на территории Казахстана и Средней Азии.

Важнейшей особенностью казахского устного народного творчества является импровизация. Поэтическая импровизация была характерна не только для видных мастеров народной поэзии, она имела широкое повсеместное распространение.

В казахском фольклоре воплощен богатый и многосторонний жизненный опыт народа. Устно-поэтическое творчество отразило общественное сознание казахов, социальный, семейный уклад их жизни в условиях кочевого патриархально-феодального общества.

В тесной связи с жизнью и бытом народа сложились и своеобразные жанры казахской устной поэзии. Большое место в казахском фольклоре дореволюционного периода наряду со сказками, пословицами, загадками занимали героический и социально-бытовой эпос, поэтические состязания, а также различные обряловые песни. Быт и обычаи казахов разносторонне отражены в обрядовых песнях, которые неизменно сопровождали все значительные события в жизни народа: празднества, сватовство и свадьбу, похороны и поминки. Большое распространение имели такие виды обрядовых песен, как той бастар, жар-жар, бет ашар.

Той бастар — песня, провозглашающая начало празднества. Жар-жар — свадебная песня, которую обыкновенно исполняли мужская и

женская группы. Невеста поет о своей горькой участи, о том, что ей предстоит жить в чужой семье, вдали от родного аула. Мужская группа (жених и его близкие) в ответной песне стремятся убедить невесту в необходимости ее шага, успокоить ее, что она в ауле жениха найдет новую семью, отца и мать ей заменят родители мужа.

Бет ашар — песня, сопровождающая обряд представления молодой родным и близким мужа. Основное содержание песни составляют различные наставления молодой, которая в условиях господства патриархально-феодальных законов должна была беспрекословно подчиняться мужу и его родным, старшим по возрасту.

Широко бытовали также песня естирту, исполнявшаяся при сообщении печального известия (о смерти), и жоктау — песня-плач, песня-оплакивание.

Обрядовые песни, составляя необходимое звено церемониала, в богатой среде служили для прославления патриархально-феодальных обычаев и установлений. В то же время в среде трудящихся они получали иное содержание и направленность. Так, например, в лучших песнях-плачах, созданных народными певцами, возвеличивались не богатство, власть, а личные качества и достоинства человека, его гуманность, честность и трудолюбие.

В казахских сказках часто фигурируют такие волшебные персонажи, как одноглазый великан, семиглавый дракон, старуха-людоед, живьем проглатывающая людей, жез тырнак — существо в образе женщины убивающей людей своими металлическими когтями. Они олицетворяют зло, мешают человеку в достижении цели, создавая одно препятствие за другим. Но в конце концов побеждает человек, потому что он выступает за правду, торжество справедливости. Человеку в его борьбе со злыми силами помогают волшебные существа: *таусоғар* — раздвигающий горы, *көлжутар* — способный проглотить моря, *саңқұлақ*, который слышит за тридевять земель, *желаяқ*, мигом покрывающий далекие расстояния. В роли друзей и помощников человека выступают и домашние животные, наделенные сверхъестественными свойствами. Сказочный конь Керкула быстро пробегает огромные расстояния, он наделен и способностью речи. В роли положительных персонажей часто выступают также овца, коза, верблюд, корова.

Наряду с волшебными сказками и сказками о животных очень большое распространение имеют бытовые сказки, в которых действуют не фантастические существа, а персонажи, взятые из реальной действительности. Так, героем сказки «Аяз бий», пользующейся большой популярностью в народе, является бедняк, который умом и находчивостью превосходит хана и всех его визирей и становится правителем благодаря своим личным качествам.

Широкой известностью в народе пользуются легенды, связанные с именами народного острослова Жиренше и его умной жены Карлыгаш, неоднократно побеждавших хана находчивостью, неотразимой логикой своих суждений, а также легенды об Алдар-Косе, который благодаря своей богатой фантазии, ловкости и хитрости легко расправляется с теми, в чьих руках находятся власть и сила.

Наиболее известными произведениями казахского героического эпоса являются «Камбар-батыр», «Кобланды», «Ер-Таргын», «Ер-Саин», «Алпамыс». В них воспеваются подвиги богатырей, проявляющих необыкновенную отвагу и мужество в защите родной земли от нашествия захватчиков. Сами образы богатырей раскрываются в эпосе в сказочном стиле. Герой обладает невероятными, сверхъестественными качествами, ему на помощь приходят всякого рода чудесные силы. Эпос всячески идеализирует, возвеличивает богатырей; народ утверждает через них свои идеалы и устремления. Камбар-батыр — народный заступник, кормилец целого

рода. Он промышляет охотой, народному герою чуждо ограбление мирных аулов.

Самые значительные произведения социально-бытового эпоса — «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Кыз-Жибек».

«Козы-Корпеш и Баян-Слу» — поэма о трагической любви беспредельно преданных друг другу двух молодых сердец. Произведение утверждает любовь как благородное человеческое чувство. Трагедия в жизни возлюбленных возникает из-за патриархально-феодальных установлений и обычаев, согласно которым судьбу Баян решает не она сама, а ее отец, исходя из своих корыстных интересов: он продает ее Кодару за его услуги. Но поэма в целом оправдывает старинные обычаи, связанные со сватовством. Козы-Корпеш и Баян-Слу засватаны еще до их рождения. Их взаимная любовь как бы предопределена обычаем сватовства, волею их отцов.

В поэме «Кыз-Жибек» высоко ставится человеческое достоинство женщины, ее право на любовь. Вместе с тем в этом произведении идеализируется старый обычай левирата, согласно которому после смерти старшего брата его невеста или жена переходит к младшему брату.

Одним из наиболее распространенных, самобытных видов казахского устного творчества являются поэтические состязания. Известны и обрядовые песни, построенные в форме диалогов, состязаний. В поэтические состязания вступали и рядовые акыны, любители песен, чтобы померяться силами в искусстве слова во время народных увеселений, празднеств и сборищ. Но подлинно творческим характером и большим художественным совершенством отличались выступления крупных мастеров слова, выдающихся поэтов-импровизаторов. Таковы, например, поэтические выступления на состязаниях Джамбула, являвшиеся значительным событием в культурной жизни народа. Обыкновенно акыны в состязаниях выступали от имени рода и в силу этого в их выступлениях часто преобладало стремление всячески превознести свой род, всех его более или менее известных представителей. Это нередко приводило поэтов к идеализации отдельных феодалов и отсталых сторон жизни патриархально-феодального общества.

Передовые, лучшие поэты в своих выступлениях выражали демократические идеи, резко критиковали жестокость и бесчеловечность власть имущих, поднимали голос в защиту бедных простых людей.

Одним из лучших образцов поэтических состязаний, которые народ бережно хранил в памяти, передавая из уст в уста, было песенное состязание Биржана и Сары — произведение, выдающееся как по значительности поставленных в нем проблем, так и по художественному совершенству.

Богато представлены в казахском устном творчестве пословицы, поговорки и загадки.

В пословицах нашли отражение раздоры феодалов, родовые распри, протест трудящихся против гнета и притеснений, зависимое, угнетенное положение женщины. Многие пословицы содержат острую критику ханов и их приближенных, обличение деспотизма и жестокости феодалов, служителей религии. Пословицы утверждают честность, трудолюбие и патриотизм. Многие пословицы, поговорки и загадки тесно связаны со скотоводческим хозяйством казахов, показывают большую роль его в жизни народа. Выразительность, образность пословиц и загадок, имеющих часто стихотворный склад, ритм и рифму, способствует их популярности в народе.

Наиболее распространенные в народной поэзии и творчестве народных акынов песенные, стихотворные формы — преимущественно четырехстрочный одиннадцатисложный стих (*өлең*) и семи- восьмисложный стих тирадного строения (*жыр*), по строю силлабические. Кроме того, имели

распространение иные формы: четырехсложные, шестисложные, семисложные.

Народное творчество казахов развивалось в тесной связи с фольклором среднеазиатских и других соседних народов. Близость казахской народной поэзии к художественному творчеству соседних народов проявилась особенно ярко в народном эпосе. Самостоятельные версии эпоса «Алпамыс», широко распространенного в казахском народе, издавна бытуют и среди узбеков и каракалпаков, имеются также его башкирский и алтайский варианты. Сходны по сюжету с казахским «Козы-Корпеш и Баян-Слу» алтайский эпос «Козын-Эркеш», уйгурская сказка «Козы-Корпеш» и версия, распространенная среди барабинских татар —«Козы-Корпек».

Народ, создающий и хранящий богатейшие художественные ценности, постоянно выдвигает из своей среды яркие таланты. Опираясь на народные поэтические традиции, умело используя веками сложившиеся формы, способы и приемы художественного изображения, талантливые акыны создают самобытные, отличающиеся высоким совершенством произведения. Однако при устном бытовании поэтических произведений индивидуальное начало в художественном творчестве еще не получило такого размаха, как в более позднее время, когда произведения акынов начали распространяться в письменной форме. До этого произведения даже самых крупных акынов постепенно становились безымянными и в силу сложившихся традиций подвергались тем или иным изменениям.

Индивидуальное творчество получило значительное развитие среди казахских акынов в XVIII — начале XIX в. Из них выделялся Бухар-жырау Калкаманов (1693—1787 гг.), живший в Павлодарской области. Бухар был приближенным известного казахского хана Аблая, ближайшим его советником.

В произведениях Бухара нашли отражение такие значительные события в истории народа, как борьба казахов против нашествия джунгарских феодалов. Поэт славил мужество и героизм богатырей, призывал народ к единению. Бухар верно подмечал многие стороны жизни казахского общества. Он был крупным мастером импровизации. Однако творчество Бухара в основном выражало идеологию феодальной верхушки. Он выступал прежде всего как защитник феодального строя, ханской власти, ислама.

Наиболее яркой фигурой в литературе первой половины XIX в. был выдающийся поэт-импровизатор Махамбет Утемисов (1803—1846 гг.), живший в западной части современного Казахстана. В 1836—1837 гг. Махамбет Утемисов и его друг Исатай Тайманов возглавили крестьянское *восстание в тогдашней Букеевской орде. Махамбет, пламенный поэт,* продолжал борьбу против Джангир-хана и других представителей власти и после подавления восстания; он разил притеснителей народа острым поэтическим словом.

В поэзии Махамбета выражена ненависть трудящихся к угнетателям, их стремление к свободной, счастливой жизни:

Как я хотел бы свой меч обнажить,
Груду увидеть мертвых голов,
Слышать предсмертный верблюжий рев
Ханов, что бедный народ томят,
Биев, что брюхо себе растят,
Как я хотел бы средь волжских лугов
Вольной толпою народ расселить.

В своих произведениях Махамбет воспевает подвиги руководителя восстания Исатая Тайманова, его мужество, героизм и честность.

Тема борьбы против угнетателей народа — центральная в творчестве Махамбета. Произведения поэта отличаются большой страстностью, политической злободневностью, выразительностью языка, высоким мастерством.

Огромное значение для развития казахской литературы имела деятельность выдающегося казахского просветителя и ученого Чокана Валиханова. Он внимательно собирал и изучал произведения народно-поэтического творчества казахов. Вопросам народной поэзии казахов Валиханов посвятил специальную статью. Не потеряли своего значения и ныне высказывания Валиханова об особенностях импровизаторского искусства акынов, о видах песни, о ритмике казахского стиха. Он дал ценные сведения о ряде современных ему акынов, записал народную поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (вариант Жанака), записал и перевел на русский язык часть киргизского эпоса «Манас». Ч. Валиханов отмечал бытование в среде казахов русских пословиц.

Казахская письменная литература сложилась во второй половине XIX в. Одним из значительных факторов, способствовавших ее развитию, было воздействие на нее передовой русской литературы. Под благотворным влиянием русской классической литературы казахская литература второй половины XIX в. повернула в сторону реализма, правдивого отображения важнейших сторон социальной жизни общества. В казахской письменной литературе усилилось критическое начало. Центральными проблемами литературы стали изображение тяжелой жизни народа, протест против феодального гнета, призыв к просвещению, сближению с русским народом и приобщению к передовой русской культуре.

Это передовое направление в казахской литературе укреплялось в борьбе с поэтами (Мурат и др.), выражавшими идеологию господствовавшего класса.

Большой вклад в развитие казахской письменной литературы внес Ибрай Алтынсарин. Получив образование в русско-казахской школе, Алтынсарин некоторое время работал переводчиком в Оренбургском областном управлении. Вскоре он стал учителем в начальной школе для казахских детей в Тургае. Своему любимому занятию — педагогическому труду — Алтынсарин посвятил всю жизнь.

В 1879 г. Алтынсарин издал «Киргизскую хрестоматию» и «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку», задуманные и осуществленные им как учебники для казахских школ. Хрестоматия Алтынсарина явилась не только педагогической работой, это вместе с тем — труд литературный, поскольку в нее вошли многие рассказы и стихотворные произведения писателя-просветителя.

В своих произведениях писатель-педагог на первый план выдвигает их познавательную и воспитательную сторону. В стихотворениях «Давайте, дети, учиться», «Просвещенные народы» Алтынсарин призывает казахскую молодежь овладевать знаниями, разъясняет и горячо пропагандирует достижения науки и техники в передовых странах. В них выражена глубокая вера писателя-просветителя в то, что молодое поколение казахов сумеет стать проводником культуры в степи, борцом за развитие науки и техники.

Алтынсарин отмечал, что прогрессу казахского общества мешают патриархальщина, невежество, межродовая, межфеодальная борьба. Во многих произведениях он выступал против суеверий, разоблачал реакционную сущность деятельности мулл и других служителей религии, осуждал жестокость властителей степи («Невежество», «Коварному аристократу»). Алтынсарин убеждал казахских трудящихся в необходимости развивать земледелие, неутомимо заниматься общественно полезным трудом («Кипчак Сеиткул», «Деревянный дом и юрта»). Он с большой любовью показывал ум, человечность, трудолюбие представителей бедноты («Сын бая

и сын бедняка»). Значительное место в произведениях писателя занимает тема тяжелого, неравноправного положения женщины в тогдашнем обществе.

Создавая первую хрестоматию для русско-казахских школ, Алтынсарин включил в нее, наряду с оригинальными рассказами и стихами переведенные им на казахский язык произведения, взятые из русских учебников того времени (К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, Н. И. Паульсона).

Для перевода Алтынсарин тщательно отбирал произведения, имеющие большое познавательное и воспитательное значение, доступные пониманию учащихся школ и соответствующие идейным стремлениям самого казахского просветителя.

Весьма ценными являются опубликованные в записях Алтынсарина казахские сказки «Кара батыр», «Алтын Айдар», отрывок из народного эпоса «Кобланды» и другие произведения народного творчества. Он не просто записывал произведения устного творчества, включая их в свою хрестоматию, но часто подвергал их творческой обработке настолько, что они приобретали самостоятельное художественное значение, превращались в произведения на мотивы народного творчества («Лукпан хаким», «Вред лжи», «Чистый родник»).

Основоположником казахской письменной литературы был Абай Кунанбаев.

Огромное значение в идейно-художественном развитии поэта имело изучение им произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и других русских писателей.

Ведущим и определяющим в творчестве Абая было прогрессивное начало. Во многих произведениях Абай глубоко скорбит о тяжелом положении народных масс, живущих в нищете и темноте. Он подвергает в этих произведениях резкой критике отрицательные явления общественной жизни, с исключительной художественной силой обнажая ее пороки. Поэт стремился показать, чем живут различные социальные группы казахов, разоблачал жестоких и лицемерных правителей, невежественных и жадных мулл.

Важнейшее место в творчестве Абая занимает призыв казахских трудящихся к хозяйственному сближению с русским народом, к занятию земледелием, ремеслами, промыслами, развитию торговли. Эта тема нашла художественное воплощение в одном из главных произведений поэта «Восьмистишья» и во многих стихотворениях и прозаических беседах. В них труд утверждается как преобразующее и животворящее начало, возвышающее человека.

Путь поэта-обличителя был трудным. Он часто переживал чувство одиночества, непонятости, видел враждебное отношение к себе феодально-байской знати. Эти настроения поэта ярко отразились в его произведениях.

Но Абай шел твердо по избранному пути. «Я вырос там, где много преград, но нет пути. С тысячью один сражался...» — гордо сказал он в одном из своих произведений.

Видное место в творчестве Абая занимают переводы произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова («Дума», «Кинжал», «Парус» Лермонтова; «Письмо Татьяны» Пушкина). Перевел он также много басен И. А. Крылова. Переводы Абая поражают тонким пониманием русского оригинала.

Не только поэт, но и даровитый композитор, Абай отмечал важную роль народной песни, видя в ней отражение горестей и радостей народа, мыслей и чувств людей. Он предъявлял большие требования не только певцам и поэтам, но и слушателям, учил их взыскательному и вдумчивому отношению к произведениям искусства.

В лирических произведениях с особой силой сказалась мощная творческая индивидуальность Абая: он расширил тематику казахской поэзии, утвердил в литературе новые формы. Широко используя богатства народной разговорной речи, казахского устно-поэтического и песенного творчества, он совершенствовал выразительные средства поэзии, ввел разнообразные по ритмическому строению и строфике поэтические размеры.

В «Ескендір» («Искандер»), наиболее значительной из поэм, Абай обращается к теме, которую разрабатывали любимые им классики Востока — Фирдоуси, Низами, Навои. Основная идея этого произведения — осуждение захватнических стремлений македонского полководца.

Прозаические сочинения Абая — беседы — представляют собой страстные публицистические произведения, написанные в форме живого разговора с читателем.

Сын влиятельного степного правителя, Абай понял ограниченность своего класса и сумел подняться над ним. Надежды поэта на гуманное отношение властителей к трудящимся постепенно рушились, он выступил обличителем гнета и произвола, стал певцом народного горя, глубоко сочувствующим страданиям придавленных эксплуатацией народных масс.

В условиях Казахстана того времени он не видел правильных путей преобразования общества, не поднялся до признания необходимости социальной революции. Абай переоценивал роль просвещения, считал его решающим фактором в развитии общественной жизни.

Беспощадно разоблачая лицемерных служителей религии, он не отрицал самой религии. В этом выражаются слабые стороны и противоречия его творчества.

Творчество Абая оказало огромное воздействие на все последующее развитие казахской литературы.

Традиции выдающихся просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева получили дальнейшее развитие в казахской литературе демократического направления начала XX в. Видными представителями ее были писатели С. Кобеев, С. Торайгыров, С. Донентаев и писатель-журналист М. Сералин.

В поэме «Гулькашима», изданной в 1903 г., Мухаммеджан Сералин (1872—1929 гг.) выступил в защиту попранных прав казахской женщины, призывал молодежь бороться за свои права, учиться, приобретать знания. Ему принадлежит поэма «Рустем и Зораб» — свободное переложение из «Шахнаме» Фирдоуси, сделанное на основе перевода В. А. Жуковского.

Сералин также автор статей на общественно-политические темы; главное в них — просветительские и демократические идеи писателя.

Пропагандистом идей передовых русских писателей был Спандиар Кобеев (1878—1956 гг.). В 1910 г. он издал сборник «Поучительные переводы», в который включено в переводе на казахский язык 37 басен И. А. Крылова, а также несколько басен других авторов (Л. Толстой, Хемницер).

В сборнике «Примерный мальчик», изданном в 1912 г., также отведено значительное место басням И. А. Крылова.

Роман Кобеева «Калым», изданный в 1913 г., — первое крупное прозаическое произведение казахской литературы. В центре произведения — судьба казахской женщины. Главная героиня Гайша протестует против выдачи ее замуж за богатого старика, отстаивает свою свободу, соединяет свою судьбу с любимым джигитом Кожашем.

Значительные проблемы общественной жизни того времени поднимал в своих произведениях видный казахский поэт Сабит Донентаев (1894—1933 гг.). Он сатирически изображал социальный строй и общественные

отношения в дореволюционном казахском обществе. В стихотворных произведениях «Чье владычество?», «Современникам», «Жаворонок», «Волку, отравленному ядом» Донентаев показал всю жестокость и бесчеловечность эксплуатации казахской бедноты.

Представителей феодальной верхушки и царских чиновников поэт рисует как озверелых хищников, безжалостно терзающих свои жертвы, слабые и беззащитные.

С. Донентаев резко обрушивался на законы и обычаи патриархально-феодального общества, защищал свободу и достоинство женщины («Девушка Джамиля»).

Огромное значение для развития казахской литературы имело творчество выдающегося казахского писателя Султанмахмуда Торайгырова (1893—1920 гг.).

Страстное стремление к знаниям и науке, ненависть к невежеству и предрассудкам, непримиримый и решительный протест против угнетения и произвола характеризуют весь жизненный путь и творчество Торайгырова. В своих произведениях он верно отразил многие стороны жизни народа, создал яркие художественные образы представителей различных классов казахского общества. Торайгыров значительно продвинул развитие лирического жанра в казахской литературе. Его лирика насыщена высокими чувствами: горячей любовью к народу, стремлением к самоотверженному служению ему, решимостью бороться до конца, не боясь трудностей на пути к поставленной цели («Обет моей жизни», «Думы учащегося», «Об одном человеке»).

В стихотворении 1919 г. «Сон или явь?» поэт говорит, что революция, совершенная русским рабочим классом, освобождает от гнета также и казахский народ.

Произведение проникнуто верой в то, что революция, победившая в центральной России, победит и в Казахстане.

В романе «Камар-Слу» он рисует рабское положение женщины в дореволюционном Казахстане, подвергает суровой критике социальную систему, породившую и узаконившую ее бесправие. В романе в стихах «Кто виноват?» Торайгыров разоблачает казахскую правящую верхушку в обобщенном образе ее представителя волостного управителя Ажибая. В поэме Торайгырова «Бедняк» разносторонне показана жизнь бедняка, полная лишений и бедствий, его изнурительный, непосильный труд. Поэт пробуждает гнев против мира эксплуатации, утверждает закономерность и необходимость борьбы за освобождение человека от социальных оков и нравственного гнета.

Казахская советская литература — детище Великой Октябрьской революции, она за короткий срок развилась в большую профессиональную литературу и в настоящее время представлена всеми жанрами — от лирического стихотворения до крупных романов и драматических произведений.

Являясь неотъемлемой составной частью единой многонациональной советской литературы, казахская литература имеет единые с литературами других народов СССР философские, идейно-эстетические основы.

Большую роль в развитии казахской советской литературы сыграло плодотворное воздействие на нее русской классической и советской литературы и глубокие, многообразные ее связи с литературами всех народов СССР.

Современные казахские писатели успешно развивают лучшие традиции казахского народного творчества и литературы, таких деятелей прошлого, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Они в то же время выступают как наследники русских классиков, крупнейших советских писателей—М. Горького, В. Маяковского, творчески осваивают наиболее ценные образцы мировой литературы.

Молодая казахская советская литература уже в 20—30-е годы достигла значительных успехов. Виднейший казахский писатель Сакен Сейфуллин создал яркие, талантливые произведения на советскую тематику.

Лирические произведения поэта дают разностороннюю широкую картину жизни народа, возрожденного Октябрьской революцией. В глубоко проникнутых духом революционной романтики стихотворениях «Марсельеза казахской молодежи», «Товарищи», «Новые песни степей», «Давайте, джигиты», «Рабочим», «Мы» поэт призывает быть активными строителями новой жизни, смело бороться за укрепление нового общественного строя.

В лучших образцах социально-политической лирики Сейфуллина нашли яркое выражение революционный пафос, мотивы убежденности, приподнятости, отражающие горячую веру писателя в созидательные силы социалистического строя. Жизнеутверждающему, оптимистическому духу поэмы «Советстан», представляющей как бы своеобразный гимн социализму, советскому строю, соответствует и форма поэмы, стремительный многозвучный стих, которым она написана.

В наиболее значительном прозаическом произведении «Тяжелый путь, трудные переходы» писатель на фоне больших исторических событий, происходивших в стране, рисует победу революции в Казахстане.

Значительную роль в развитии казахской советской литературы сыграли известные писатели И. Жансугуров и Б. Майлин.

Пламенные стихи, полные любви к вождю революции, Жансугуров посвятил В. И. Ленину. В поэме «Степь» он повествует о революционных преобразованиях в казахской степи, о счастливой жизни возрожденного народа.

Важнейшим сторонам общественной жизни посвящены и такие поэмы писателя, как «Кулагер», «Кюй».

Б. Майлин создал многочисленные рассказы, художественные очерки, повести. В романе «Азамат Азаматович» (часть первая) писатель многосторонне показал жизнь казахского аула в первые годы Советской власти, создал яркие образы советских людей и вместе с тем разоблачил отрицательные типы, пережитки старого.

В своих произведениях он широко показал жизнь казахской женщины, являющейся активным и вдохновенным строителем нового общества («Раушан-коммунистка» и др.).

Немало замечательных поэтических произведений на темы советской действительности создали такие крупные мастера современной казахской поэзии, как С. Муканов, Т. Жароков, А. Тажибаев, Д. Абилев, А. Токмагамбетов. Необычайно расширился круг тем и образов современной казахской поэзии.

В центре произведений казахских поэтов — картины жизни и борьбы советского народа, раскрытие характеров советского человека, основного героя современной поэзии.

Непрерывно совершенствуется казахское стихосложение. Крупная роль в обогащении художественной формы казахской советской поэзии принадлежит С. Сейфуллину, С. Муканову.

О достижениях современной казахской литературы свидетельствует создание больших эпических полотен, которых не знала дореволюционная казахская литература,— крупных романов на исторические и современные темы.

Наиболее значительными по своей обобщающей силе, разработке в них человеческих характеров являются романы писателей М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина.

Основу идейного содержания романов выдающегося казахского писателя Мухтара Ауэзова «Абай» и «Путь Абая», охватывающих события истории казахского народа на всем протяжении второй половины XIX в.,

составляет борьба прогрессивных демократических сил казахского общества с силами феодальной реакции, защитниками старины. В ней участвуют представители трех поколений казахского общества. Писатель показал, как среди демократической части казахского народа в условиях все большего укрепления экономических и культурных связей Казахстана с Россией росло критическое отношение к старым формам жизни, усиливался протест против феодального гнета и произвола. Простые люди постепенно проникались сознанием общности интересов казахских и русских трудящихся. В среде казахских кочевников усиливалась тяга к более тесному сближению с русским народом. Передовые представители общества призывали народ отстаивать свои права, бороться против гнета и притеснений носителей власти, выступали за приобщение народа к культуре и просвещению. Из среды народа в этих условиях выдвинулся общественный деятель, просветитель и поэт Абай Кунанбаев. Несмотря на обилие событий и эпизодов, романы об Абае М. Ауэзова отличаются простотой и жизненностью сюжетного построения, стройностью композиции. Вместе с тем в этих произведениях нашло отражение все многообразие жизненных явлений в казахской среде: труд бедняков, угон скота враждующими группами, раздоры родовых старшин, месть смелых и храбрых людей своим обидчикам, развлечения молодежи, празднества, перекочевка на летние пастбища, сватовство и свадьбы, выборы правителей, решение судебных тяжб, охота и пейзажные картины.

Джамбул Джабаев

Абай находится в гуще всех этих событий. Он проходит тяжелый путь исканий и борьбы. От страницы к странице постепенно вырастает величественная фигура неутомимого просветителя, поэта-гражданина, страстного борца за укрепление дружеских связей казахского и русского народов. И не только через образ Абая, его уважение к русской культуре, а всем ходом произведения, логикой событий, образов, писатель показывает, как глубоко и верно понимал Абай вопрос об отношении Казахстана к России. Будущее казахского народа великий просветитель не мыслил вне передовой демократической России.

В романе «Ботагоз» крупный казахский писатель Сабит Муканов изобразил борьбу казахских трудящихся за установление Советской власти в Казахстане. Роман охватывает события, происходившие в Казахстане в предреволюционные годы и в период Октябрьской революции и гражданской войны. Главный герой произведения — Аскар — проходит нелегкий путь; жизнь все больше убеждает его в том, что казахский народ сможет найти дорогу к освобождению и счастливой жизни лишь в совместной борьбе с русским народом, под руководством большевиков. Про-

стой учитель, посвятивший свою жизнь борьбе за народные интересы, постепенно вырастает до сознательного революционера-большевика, зрелого политического руководителя.

Большим достижением писателя является образ девушки Ботагоз, духовные силы которой раскрываются в политической борьбе, в борьбе за свободу и счастье народа.

Роман «Сыр-Дарья» того же автора посвящен трудовым подвигам советских людей, работающих по орошению пустынных степей Казахстана. Новое произведение С. Муканова «Молдир махаббат» («Чистая любовь») представляет собой переработку его прежнего романа «Адаскандар» (в русском переводе он называется «Сын бая»).

О дружбе казахских и русских рабочих в дореволюционном Казахстане повествует в своем самом крупном произведении — романе «Пробужденный край» (первая книга) — видный казахский писатель Габит Мусрепов. Писатель красочно описывает жизнь и быт казахов, показывает сдвиги, происходившие в социальной жизни казахов в результате экономического и культурного сближения Казахстана с Россией. Духовный рост казахских бедняков, пришедших на производство из аулов, пробуждение их классового сознания — одна из ведущих тем романа. Они перенимают лучшие традиции русских рабочих, видят и чувствуют их бескорыстное дружеское отношение к себе, проникаются сознанием общности интересов казахских и русских трудящихся.

Героическим подвигам советских людей в Великой Отечественной войне посвящен роман Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана».

Впечатляющие образы тружеников колхоза предстают перед нами в повести «Миллионер» одного из талантливых писателей — Габидена Мустафина. Ведущие положительные герои книги — это передовые колхозники-новаторы, безгранично преданные народу, партии, неутомимо борющиеся против косности. Новое произведение Г. Мустафина — роман «Даулдан кейин» («После бури»).

Успешно развивается в казахской литературе жанр драматургии, не имевший сложившихся традиций в дореволюционный период. В произведениях казахской драматургии находят разностороннее художественное воплощение современная жизнь и прошлое казахского народа.

Значительное место в современной казахской литературе занимает творчество народных акынов. Произведения выдающегося казахского певца Джамбула Джабаева (1846 — 1945) пользуются известностью во всем Советском Союзе и у зарубежных читателей. Широко известны также имена таких народных акынов, как Нурпеис Байганин, Доскей Алимбаев и др.

Послеоктябрьское устно-поэтическое творчество казахского народа является качественно новым искусством. Оно сложилось как подлинно массовое искусство, проникнутое горячей любовью к советскому государственному строю, Коммунистической партии. Ярким образцом его является творчество Джамбула, в котором нашли художественное отражение важнейшие политические события в жизни народа, новая, счастливая жизнь советских людей.

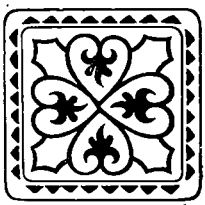
В своих лучших произведениях Джамбул пел о свободном труде советского человека, о социалистическом строительстве в стране, о дружбе народов СССР, прославлял советское правительство и партию, Красную Армию, Советскую Конституцию.

С большой поэтической силой Джамбул Джабаев запечатлел в своих произведениях героику Великой Отечественной войны. Он сложил много волнующих высокохудожественных песен о мужестве и героизме советского народа, о безграничной преданности советских людей своей социалистической Родине.

За годы Советской власти казахская литература обогатилась перево-

дами многих произведений русской и мировой классики, современной литературы русского и других братских народов СССР, а также прогрессивных зарубежных писателей.

В республике выросли многочисленные кадры поэтов, прозаиков, драматургов, литературоведов и литературных критиков. Союз писателей Казахстана объединяет 198 членов. В его составе 146 казахов, 32 русских, восемь уйгуров, четыре украинца, два корейца и представители других национальностей. Издаются литературные журналы на казахском и русском языках, а также литературная газета. Произведения казахских писателей публикуются на родном языке многотысячными тиражами. Многие произведения казахской литературы переведены на русский язык, на языки народов Советского Союза, стран народной демократии и других стран.



УЙГУРЫ

Уйгуры в СССР составляют национальное меньшинство в советских республиках—Казахской ССР, Киргизской ССР и Узбекской ССР, расположенных по соседству с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китайской Народной Республики. По данным переписи 1926 г., численность уйгуров в СССР составляла 108 570 человек, из них около 80% говорили на уйгурском языке. Последней переписью населения (1959г.) в СССР учтено 95,2 тыс. уйгуров, из них 85% считают своим родным языком уйгурский. Уменьшение численности уйгуров в СССР объясняется главным образом тем, что в процессе консолидации узбекской социалистической нации часть уйгуров, живущих в Узбекистане, слилась с соседним узбекским населением и стала относить себя к узбекам. Протекавший весьма интенсивно процесс слияния облегчался восходящей к глубокой древности этнической, языковой и культурной общностью предков уйгуров и узбеков.

В Казахской ССР уйгуры населяют в основном Уйгурский район (центр — сел. Чунджа), составляют половину населения Энбекши-Казахского (центр — сел. Иссык), Чиликского (центр — сел. Чилик) и Панфиловского (центр г. Панфилов, б. Джаркент) районов Алма-Атинской области; кроме того, уйгурское население имеется в Нарынкольском и Илийском районах Алма-Атинской области и в городах Алма-Ате и Чимкенте. Всего в пределах Казахстана в 1959 г. насчитывалось 59,8 тыс. уйгуров.

В Киргизской ССР уйгуров значительно меньше — 13,8 тыс. человек (1959 г.). Они живут в городах Фрунзе, Токмаке, Пржевальске, Оше и на территории сельсоветов: Кашгар-Кишлакского (Ошский район), Лянгарского (Араванский район), Бирликского (Каракольский район).

Несколько уйгурских селений имеется в Андижанской области Узбекской ССР, в районах Ленинском, Избаскентском, Пахтаабадском и др. В некоторых из них уйгуры составляют основное население территории отдельных сельсоветов, например Уйгурского сельсовета Пахтаабадского района и Зарбдарского сельсовета Ленинского района. Всего в Узбекской ССР в 1959 г. жило 19,4 тыс. уйгуров.

Совсем незначительные группы уйгуров живут в Байрам-Али Туркменской ССР (0,8 тыс. человек) и в Таджикской ССР (0,4 тыс. человек).

Две группы уйгуров, живущих в Советском Союзе,— ферганская и семиреченская — сильно отличаются одна от другой. Семиреченские уйгуры сохранили много черт самобытной культуры. Ферганские же уйгуры в значительной мере смешались со своими соседями—узбеками. Их культура составляет по существу одно целое с культурой узбеков Ферганы;

некоторое различие наблюдается лишь в языке, но и он, сохраняя в основном особенности, характерные для кашгаро-яркендского диалекта уйгурского языка, впитал в себя много элементов узбекской лексики.

Следует отметить большое различие и в характере расселения двух основных групп уйгуров. В Казахстане уйгуры живут компактно, их селения составляют почти непрерывную полосу в Алма-Атинской области. Ферганские же уйгуры (Ошская область Киргизской ССР и Андижанская область Узбекской ССР) расселились небольшими «гнездами» (не превышающими каждое 3—5 тысяч человек) среди сплошного массива узбекского и киргизского населения.

Основная масса уйгуров живет за рубежом, составляя преобладающее население Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, где в 1953 г. их было учтено 3640 тыс. человек.

До Великой Октябрьской социалистической революции в России уйгуры не имели единого названия. Они называли себя по месту жительства и происхождения: *ғәшғәрлик* (из г. Кашгара и его округа), *турпанлик* (из г. Турфана), *ақсулук* (из г. Аксу), *яркәнлик* (из г. Яркенда) и т. п.

Илийские уйгуры получили свое название — *таранчи* — по социально-бытовому признаку. Это название носила часть уйгурского населения, переселенного главным образом во второй половине XVIII в. в Илийский край из оазисов Восточного Туркестана. Оно употреблялось в значении «земледельцы». У западных соседей все уйгуры обычно именовались кашгарлыками.

В литературе коренное население Восточного Туркестана с начала XIX в. именовалось, кроме приведенных выше названий, также сартами или татарами Восточного Туркестана. Китайцы называли их общим для мусульман термином «хуэйцзу», «хуэйхуэй» или «чантоу». Монголы и калмыки именовали уйгуров «котон» («хотон»).

Наименование «уйгуры» было принято на съезде представителей уйгуров в г. Ташкенте в 1921 г. как общее национальное название для всего уйгурского народа.

Уйгурский язык вместе с узбекским по существующей классификации относится к юго-восточной, или чагатайской, группе языков тюркской системы.

В антропологическом отношении уйгуры в общем близки к узбекам без родовых делений. Они относятся к брахикефальной европеоидной расе Среднеазиатского междуречья с разной степенью небольшой монголоидной примеси.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Этноним «уйгур» впервые появляется в древнетюркских надписях на надгробных камнях (VIII—IX вв.), найденных на р. Орхоне в Монголии. Этот же этноним встречается позднее в сочинениях XI в. и в документах, найденных на территории современного Синьцзяна и датируемых X—XII вв. В китайских источниках XIII—XIV вв. мы находим тот же этноним в форме «вэйвур». После XV в. этноним «уйгур» в силу ряда причин исчез из употребления и общее самоназвание населения заменилось территориальным — по месту жительства.

Современная уйгурская народность образовалась в результате длительного и сложного процесса этногенеза, протекавшего в основном в пределах современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. В оазисах, расположенных на этой территории, в древности жили народы, говорившие и писавшие на тохарском, сакском, согдийском и других языках, принадлежавших к индоевропейской языковой общности. Эти народы вели оседлый образ жизни, занима-

лись земледелием, основанным на искусственном орошении, и ремеслами. Значительная часть населения жила в городах. Во второй половине I тысячелетия н. э. на эту территорию усилился приток тюркоязычных племен, что ускорило процесс тюркизации местного населения. Наиболее важную роль в этом процессе сыграли карлуки. Однако тюркизация происходила неравномерно. В оазисах Хами, Турфан и Аксу она шла быстрее, чем в южной части современного Синьцзяна.

В IX в. сюда проникают уйгурские племена, жившие до этого на территории современной Монголии, в долинах рек Орхона, Селенги и Толы. В 745 г. там возник уйгурский каганат, во главе которого стал Моюн-Чур. В это время происходил процесс консолидации родственных уйгурских племен. Разгромленные в 840 г. енисейскими киргизами, уйгуры обосновались прежде всего в северо-восточных оазисах современного Синьцзяна. Одержав победу над господствовавшими здесь тибетцами, уйгуры создали в IX в. свое государство раннефеодального типа. Значительная часть уйгуров начала заниматься земледелием и восприняла образ жизни местного населения, постепенно сливаясь с ним в этническом отношении. В конце X—XI в. к западу от Уйгурского государства возникло Караханидское государство. В его образовании приняли участие тюркоязычные племена: карлуки, чигили и особенно ягма. Все эти племена, как и уйгуров, называли в то время токкуз-огузами. Создание этих государств способствовало окончательной тюркизации местного населения, однако процессы этнического развития в обоих государствах шли несколько обособленно. Известную роль в этой обособленности сыграло различие религиозной идеологии: в Уйгурском ханстве господствовал буддизм, в Караханидском государстве — ислам. В результате у населения обоих государств начали появляться различия в языке, материальной культуре, обычаях.

В этническом составе населения Илийской долины, Кашгарского и Хотанского оазисов, а также Мавераннахра, входивших в состав Караханидского государства, было много общего; население Мавераннахра пополнялось за счет тех же карлуков, чигилей, ягма, уйгуров, переселявшихся из Семиречья и Кашгара, воспринимавших культуру местного оседлого населения. Этим и объясняется близость современных узбекского и уйгурского языков и многих черт народной культуры уйгуров и узбеков.

В связи с падением Караханидского государства в первой половине XII в. и Уйгурского государства во второй половине XIV в. границы между восточной и западной частями территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР перестали существовать и появились условия для формирования этнической общности уйгуров. Этому способствовало не только свободное передвижение различных этнических групп, но и установление господства ислама на всей указанной территории. Однако последовавшие вслед за монгольским завоеванием значительные перемещения тюркоязычного и монгольского населения, феодальная раздробленность и междоусобная борьба замедляли процесс консолидации уйгурской народности. Географическая среда в свою очередь влияла на обособление отдельных частей населения, группировавшихся в замкнутых оазисах, разделенных огромными пустынными пространствами и горами.

Было бы неправильно считать основную массу современного населения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР прямыми потомками средневековых, а тем более древних уйгуров. Уйгуры явились лишь одним из основных слагаемых образовавшейся позднее уйгурской народности. Но в результате слияния уйгуров с древним местным населением возникла общая культура. Древнеуйгурский язык и языки древних аборигенов края перестали существовать. На основе взаимодействия этих

языков и языков других тюркских народов сформировался новоуйгурский язык, принадлежащий как отмечалось, к юго-восточной группе тюркских языков.

В процессе этнического развития в состав уйгуров включались компоненты различного происхождения: тюркоязычные (например, карлуки, ягма, позднее — киргизы), монгольские и иранские. В результате уйгуры современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в этническом отношении далеко не однородны. Это отражается и на их антропологическом типе. Так, в южных районах Кашгарии в большей чистоте сохранился европеоидный расовый тип, относимый к расе Среднеазиатского междуречья, тогда как в северных оазисах более резко выражены монголоидные черты.

Появление уйгуров на территории Средней Азии связано главным образом с происходившими на территории Синьцзяна народными антифеодальными восстаниями. Вспышки этих восстаний в XIX в. приводили к эмиграции тысяч семей уйгуров в Фергану (Кокандское ханство). Немало уйгуров появлялось здесь и в мирное время в поисках заработка. Часть из них оседала в Фергане. Переселение уйгуров в Семиречье также было следствием политических событий, происходивших в Синьцзяне. В 1881—1883 г. 45 373 человека из числа уйгуров, живших в Илийском крае, переселилось в пределы Семиреченской области России.

Уйгуры переходили на территорию России целыми деревнями. Каждая группа, образовывавшая сельское общество, обычно составлялась или сплошь из односельчан или из жителей нескольких соседних селений, но и в этом случае жители разных деревень стремились селиться отдельно, чтобы сохранить старые связи. Переселенцы в Фергану, состоявшие из небольших групп односельчан, селились по такому же принципу, давая новым кишлакам названия прикашгарских селений, откуда они вышли.

Уйгурам был предоставлен льготный срок (10 лет) для освоения новых земель. Неудобства размежевки, трудности орошения отдельных участков заставляли уйгуров перераспределять свои земли, покидать одни места и переходить на другие. По истечении льготного периода все уйгурские хозяйства были обложены податями и повинностями. Денежная подать легла тяжелым бременем на бедняцкие и середняцкие хозяйства; низкие цены на хлеб в течение ряда лет, отсутствие рынков сбыта хлеба ставили их в безвыходное положение.

Вначале уйгуры (таранчи) придерживались старого административного деления на тысячи, сотни, полусотни и десятки, хотя число хозяйств не обязательно совпадало с этим делением; на новых местах земли распределялись между уйгурами по полусотням, а внутри такой общины по «дымам» (хозяйствам) или по количеству мужчин в семье. Хотя в основу распределения земли были положены внутриобщинные податные единицы — дымы, все подати и повинности власти раскладывали по общинам.

Владелец надела получал право на наследственное владение, но отказаться от надела мог только с согласия своей общины. Община же была заинтересована в поступлении податей с каждого надела и в выполнении повинностей каждым хозяйством, а это ограничивало право распоряжаться своим наделом и в то же время приводило к увеличению налоговых тягот, так как по разным причинам общины не могли удержать хозяйства, бросившие свои наделы. В некоторых уйгурских селениях практиковались ежегодные переделы. Покосы и выгоны всюду находились во владении общины.

Для продажи недвижимого имущества нужно было согласие соседей, но и это ограничение теряло смысл в обстановке отчаянной борьбы за пригодные орошаемые земли. Достаточно сказать, что все уйгурские хозяйства при переселении в 80-х годах XIX в. получили поровну — по

полдесятины усадебной земли, а уже через два десятилетия, в результате переделов, продажи и захватов, размеры участков колебались от 0,3 до 3 десятин. Это приводило к быстрому росту кулацкой кабалы.

Переселение уйгуров в пределы России ускорило процесс их классового расслоения. Натуральное хозяйство и общинный характер землепользования изменились в новых условиях. Хозяйство уйгуров приобретало все более товарный характер; посевы люцерны, мака, хлопка и хлебов стали производить с расчетом на сбыт продукции на рынке. Сельское хозяйство и ремесла втягивались в круг новых, капиталистических отношений. Однако натуральный характер хозяйства уйгуров не был утрачен окончательно.

Налоговое бремя росло, увеличивались недоимки и задолженность хозяйств, расширялось число беспосевных хозяйств и батраков. На другом полюсе росла кулацкая, байская верхушка в деревне. Кулаки скупали земли, паи поливной воды, эксплуатировали труд бедняков. В 1910 г. сельскохозяйственные рабочие во всех населенных уйгурами районах Семиреченской области составляли преобладающую группу среди «занятых промыслами», т. е. кормившихся заработками. В сел. Большое Аксу Чарынской волости (ныне Уйгурский район) на 715 хозяйств приходилось 267 батраков, в сел. Малыбай (ныне Чиликский район), где числилось 624 хозяйства, 126 хозяйств были беспосевными, 120 имели незначительные посевы; эти хозяйства выделяли сельскохозяйственных рабочих и батраков.

Скупка земель баями, использование ими орошения с целью эксплуатации беднейших слоев населения приняли широкие размеры. Колоритна в этом отношении фигура джаркентского бая, торговца-ростовщика и помещика Вали-Ахуна Юлдашева. Он брал на себя обязательство выплачивать все налоги за целые селения и обеспечивать их водой, за что трудящиеся земледельцы обязаны были отдавать ему третью часть урожая, если сеяли своими семенами и половину урожая, если семена брали у него. В кабалу к нему шли, конечно, бедняки, которые не могли справиться с податями и повинностями. Постепенно в руки Вали-Ахуна Юлдашева, захватившего оросительную систему на большой территории, перешли почти все надельные земли более десяти селений, находившихся на территории современного Панфиловского района. Там, где сельские общества не были в состоянии завершить своими силами все работы по сооружению оросительных каналов, Вали-Ахун Юлдашев заканчивал работы на свои средства, а иногда проводил и новые каналы, становясь фактически хозяином орошаемых этим каналом земель. Вали-Ахун Юлдашев назначал вместо выборной водной администрации своих приказчиков, которые и распоряжались водой на этих арыках.

В руках Юлдашева оказалось четыре пятых всей земли, принадлежавшей джаркентцам. На «своих» арыках бай забирал землю в аренду, а затем сами сдатчики вынуждены были арендовать у него свои наделы; жители целых селений превращались в его издольщиков. По окончании полевых работ появлялись приказчики Юлдашева и опечатывали умолот. Только в присутствии этих приказчиков, после того как была отмерена доля бая, крестьянам разрешалось свозить свой хлеб домой. Мироеды меньшего масштаба сидели в других уйгурских селениях и также нещадно эксплуатировали трудящихся уйгуров. Вали-Ахун Юлдашев получил звание почетного гражданина и пользовался поддержкой и покровительством царских властей.

Классовый и национальный гнет, который испытывали на себе трудящиеся уйгуры, дополнялся влиянием религиозной идеологии. Особенно отрицательную роль играли многочисленные пережитки древних верований.

По религии уйгуры — мусульмане-сунниты. Они не отличались рань-

ше большой приверженностью к религии и не исполняли многих предписаний корана. Так, илийские уйгуры до переселения в Россию пили спиртные напитки, их женщины не закрывали лица, пять установленных молитв читали только немногие набожные люди. После переселения «правоверность» уйгуров значительно усилилась, особенно в Фергане, где они попали под влияние узбекского духовенства. В Семиречье это ощущалось меньше.

В местах новых поселений были построены мечети, в больших селениях их было по нескольку. В г. Джаркенте имелось 25 мечетей, из них выделялась главная мечеть, построенная Вали-Ахуном Юлдашевым в причудливом китайско-мусульманском стиле, свойственном большим мечетям Кульджи.

В быту уйгуров наряду с исламом сохранялись пережитки домусульманских верований; они отчасти отразились в главных мусульманских праздниках: *роза нейти* и *қурбан нейти*. Особенно были ими насыщены празднование Нового года (*навруз*), праздник весны, сопровождавшийся народными гуляньями (*сэйлэ*), праздник урожая.

Навруз праздновали в марте. Приготовляли семь сортов плодов, голову и лопатку овцы, пирожки и другие продукты. Все это ели накануне Нового года, остатки же клали на ночь в воду и на утро эту воду пила вся семья, чтобы быть здоровой целый год. Она называлась «водой семи приветствий».

Наиболее ярко сохранялись пережитки доисламских верований в приемах лечения знахарей, заклинателей и шаманов (*бахши*, *перихан*). Всякую болезнь бахши объясняли вмешательством злых духов (*жин* или *пери*) и лечили своих пациентов заклинанием и изгнанием этих духов. «Лечением» занимались и мужчины, и женщины. Применявшиеся ими способы имели много общего с шаманскими камланиями.

Перед сеансом изгнания духов к потолку комнаты привязывали веревку. Нижний конец ее обматывали белой бумажной тканью и привязывали к колу, вбитому в пол. Бахши брал в руки бубен и конец белой ткани, больной брался за веревку. Бахши начинал быстро кружиться вокруг веревки, наигрывая на бубне и творя заклинания. В трудных случаях знахарь колол больного в различные части тела особым ножом, бил его и присутствующих плетью. Если больной изнемогал, то его заменял кто-либо из присутствующих. Такие сеансы иногда повторялись несколько раз.

Самая главная часть «лечения» продолжалась до рассвета. На рассвете больного выводили или выносили в другую комнату или на двор при звуках барабанов и бубнов. Голову ему закрывали халатом или куском ткани. Затем приносили петуха или курицу, бахши ударял ею больного и обводил вокруг него. Тем самым он якобы переселял злых духов из тела больного в птицу. Иногда в результате подобного «лечения» пациент умирал. Были широко распространены различные амулеты для защиты от злых духов. Детям нашивали на шапочку перья филина; многие носили треугольные ладанки с зашитыми в них молитвами.

Доведенные до отчаяния колониальным гнетом, уйгуры вместе с казахами, узбеками и киргизами восстали в 1916 г. против царизма и своих собственных эксплуататоров — баев, кулаков и старшин. Из среды уйгуров выдвинулись свои руководители. Поводом к восстанию послужил царский указ о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы. Сотни уйгуров были мобилизованы и отправлены на работу в Юзовку, на различные железные дороги. Мобилизация переполнила чашу терпения трудящихся уйгуров. Вспыхнувшее восстание было свирепо подавлено царской администрацией с помощью местных баев. Появившееся у уйгурской бедноты сознание своих классовых интересов с большой силой отразилось в народных песнях, сложенных по поводу восста-

ния 1916 г. Вот отрывок из песни народного певца Аманбаки, по поводу мобилизации в сел. Аксу.

Байские дети остались,
Давши денег волостным.
Дети бедняков ушли,
Надев свои дырявые чапаны.
Плешивый ли, слепой ли —
Все оказались годны бедняки.
Жирных байских сынков
«По болезни» не берут.

Другой певец, Хисамеддин, пел со скорбью:

Братья и родители,
Остались мы осиротелые.
Николаю в рабочие
Продали нас притеснители.
Когда мы шли в рабочие,
В Джаркенте выпал снег.
Продал нас за деньги
Волостной Хаджи Касим-бек.

Как и другие народы Средней Азии и Казахстана, уйгуры испытали всю тяжесть колониальной политики царизма. Вместе с тем сближение уйгуров с русским народом, а также с казахами, узбеками и киргизами внесло в их хозяйственную жизнь, быт и культуру много прогрессивных изменений.

Уйгуры, будучи втянутыми в процесс капиталистического развития, переходили к более передовым формам хозяйственной жизни и приобщались к передовой культуре русского народа.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в жизни уйгурского народа. Трудящиеся уйгуры вместе с другими народами Туркестана под руководством большевистской партии, при бескорыстной помощи русского народа завоевали себе право на свободное национальное существование среди казахов, узбеков и киргизов. Советскую власть трудящиеся уйгуры встретили как родную, народную власть. Много бедняков и батраков уйгуров с оружием в руках боролось в партизанских отрядах против белогвардейских банд, басмачей, казахских националистов — алаш-ордынцев. В 1920 г. был сформирован 16-й таранчинский (уйгурский) полк, который вместе с другими находился в распоряжении командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе.

В течение 1921—1926 гг. Советской властью была проведена земельная реформа, в результате которой бедняки и батраки уйгуры получили землю.

В Казахстане были образованы административные районы, населенные в основном уйгурами, в Киргизской ССР и Узбекской ССР — национальные уйгурские сельсоветы.

Вместе со всеми народами Советского Союза уйгуры приступили к социалистическому строительству. Коллективизация сельского хозяйства происходила в обстановке острой борьбы с буржуазными, кулацкими элементами. Часть уйгурских кулаков и находившихся под их влиянием отсталых крестьян переселилась в Кульджу и Кашгар. В Казахстане кулацкие банды угрозами пытались заставить уйти за границу остав-

шихся уйгуров. Однако попытки врагов не имели успеха. Коллективизация охватила всех уйгуров-земледельцев. Колхозы, неизмеримо увеличив уровень материального благосостояния уйгуров, принесли им зажиточную и радостную жизнь. Годы коллективизации и первых пятилеток были решающим временем, революционизировавшим весь быт уйгуров. Лицо уйгурской деревни неузнаваемо изменилось.

Во время Великой Отечественной войны советские уйгуры принимали активное участие в защите Родины. Уйгурские воины самоотверженно сражались в боях за Москву, Ленинград, в лесах Белоруссии и на полях Украины, на Дальнем Востоке. В героической защите Москвы участвовал инженер Икрам Дуганов (впоследствии погибший в боях) и декканин Абдулла Хамраев. Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено артиллеристу Судхи Лутфуллаеву. В боях на Волге отличились Махмуд Исламов и Хилян Худайбердыев, награжденные орденами.

Уйгурский народ неустанно трудился в тылу под лозунгом «Все для фронта, все для победы» и совершил ряд выдающихся трудовых подвигов. Из среды уйгуров колхозников Андижанской области Узбекской ССР особенно выдвинулись Алим Курбанов и Ахмед Кадырахунов; многие были награждены орденами и медалями. Жители уйгурских селений Андижанской, Ошской, Алма-Атинской областей внесли сотни тысяч рублей личных сбережений на танки и самолеты для Красной Армии. Колхозы посылали на фронт одежду, свежие и сухие фрукты, продовольствие. Колхозники Ошской области собрали деньги на танковую колонну «Трудящиеся уйгуры».

Годы послевоенных пятилеток уйгуры ознаменовали новыми трудовыми успехами в строительстве ирригационных сооружений, в борьбе за высокий урожай на колхозных полях. Некоторые уйгурские колхозы благодаря своим достижениям стали в один ряд с передовыми колхозами среднеазиатских республик. Заслуживают особого упоминания уйгурские колхозы Ленинского и Пахтаабадского районов Андижанской области Узбекской ССР, «Эмгек» Уйгурского района, им. Калинина Панфиловского района Алма-Атинской области Казахской ССР.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Переселившиеся на территорию России, а еще ранее и Кокандского ханства уйгуры в основной массе были земледельцами. Но наряду с крестьянами переселилось и значительное число ремесленников из городов Кульджи и Кашгара, которые осели преимущественно в городах Джаркенте, Верном (Алма-Ата), Андижане и Оше.

Сельское хозяйство

В сельском хозяйстве уйгуров преобладающую роль и поныне играет полеводство, далее следуют садоводство и огородничество. Скотоводство всегда имело лишь подсобное значение. В прошлом уйгуры испытывали большой земельный голод, и в этом отношении страдали иногда больше своих соседей. В Фергане большинство уйгуров, особенно переселившихся в более позднее время, оказались малоземельными бедняками или превратились в батраков и издольщиков у местных баев. В Семиреченской области они получили самые худшие земли. Лучшие земли в Семиречье правительство отводило кулацким элементам из русских крестьян и казаков. Кроме того, в 1905 г. царским правительством была произведена принудительная отрезка земель в фонд переселенческого управления.

В тех местностях, где живут уйгуры, сельское хозяйство возможно только при условии искусственного орошения. Уйгуры были поселены в Семиречье на землях, которые им в значительной мере пришлось оросить заново. Лишь в некоторых случаях ими были расчищены и использованы

старые заброшенные каналы. Они применили здесь выработанную ими в результате долголетнего опыта систему водопользования, влиявшую на характер земледелия и землепользования. Поливная вода считалась общественным достоянием. Каждое селение и каждое хозяйство обязано было участвовать в работах по очистке действующих и проведению новых каналов (арыков). Неучастие в этом общественном деле влекло за собой лишение воды, а следовательно, невозможность вести хозяйство. Ежегодная расчистка каналов производилась силами общинников (по подворной раскладке) или, реже, по найму на общественные деньги.

За распределением воды из арыков следили выборные лица. Распределением воды из головного арыка (*өстәң*) ведало специальное лицо (*мираб* или *чоң мираб*), труд которого оплачивался в установленном правительством размере за счет водопользователей. Каждая община выделяла своего водного надсмотрщика (*көкөвеш*, буквально «глава зелени»), который получал вознаграждение натурой от каждого хозяйства своей общины.

Распределение воды было очень неравномерным в разных местах. Например, в селениях Чарын и Карам воды было достаточно и поливы производились без очереди. В большинстве же селений воды было немного и устанавливалась строгая очередь для полива.

Воду распределяли по полусотням, составлявшим общину, а затем вода распределялась по отдельным участкам. Поле делили на поливные участки (*шаң*), на которые проводили по три-четыре небольших арыка, служащих для пуска воды. Время пользования водой определяли по солнцу различными способами. В день бывало по нескольку очередей, а иногда воду пускали и ночью.

Основными культурами, которые возделывали уйгуры Семиречья, были зерновые: пшеница (*бугдай*) яровая и озимая, ячмень (*арпа*), просо (*териң*), мелкое просо (*қонаң*), кукуруза и джугара. Рис (*шал*) возделывался в отдельных селениях, богатых водой (сел. Чарын современного Уйгурского района, сел. Чолокай Панфиловского района). Из технических культур сеяли лен, горчицу и коноплю (на масло), местами опийный мак. Важное значение имели посевы люцерны (*бедә*). Большинство привезенных уйгурами из Синьцзяна сортов сельскохозяйственных культур было вскоре заменено более подходящими местными казахскими (просо, кунак) или русскими (ячмень, пшеница) сортами.

Общий уровень техники земледелия у уйгуров был довольно низким. Поля, однако, обрабатывались очень тщательно. В Семиречье у уйгуров обычно практиковалась трехпольная система землепользования. Кое-где встречался более сложный севооборот. Главным удобрением были навоз и жмыхи. Однако бедные хозяйства имели очень мало скота, и навоза едва хватало на топливо. Обычно удобряли не все поле, а только самые истощенные участки.

Для пахоты применяли деревянное орудие (*сапан*, или *бугуса*), состоявшее из цельного коленчатого корпуса, на нижний конец которого надевали железный или чугунный сошник (*чиш*). К верхнему концу корпуса прикреплялась ручка, которой пахарь поворачивал сапан; несколько выше колена корпуса вделывалось дышло (*кәшкин*), к концу его прикреплялось ярмо (*боюнтуруқ*) для запряжки волов или лошадей. Глубина вспашки таким орудием не превышала 20 см. Применявшаяся уйгурами борона (*сөрам*) состояла из деревянной рамы, переплетенной прутьями. Для придания тяжести сверху на такую борону накладывали камни или становился боронующий. До посева бороной разбивали комья земли, после посева бороновали, чтобы засыпать зерно. Посев производился вручную.

Хлеба поливали от двух до четырех раз в лето. Уборку хлебов производили серпами (*оғақ*). Уйгурский серп — незазубренный, с широким мало изогнутым лезвием и довольно длинной ручкой — напоминает рус-

скую косу-горбушу. Другой вид серпа — более изогнутый и с короткой ручкой — был распространен на территории современных Чиликского и Экбекши-Казахского районов Алма-Атинской области.

Для молотьбы хлеба тут же на поле устраивали ток (*хаман*) — гладкую укатанную площадку, на которой молотили свезенный в кучи свежескошенный хлеб. Молотили двумя способами: с помощью лошадей или волов, которых гоняли по разложенным снопам, и молотильным камнем (*тулуқ*), сделанным обычно из песчаника в форме цилиндра или многогранной призмы. Камень вращался на шарнирах в деревянной раме, к которой привязывали веревочные постромки для запряжки одной или двух лошадей. Веяли тут же на току деревянной лопатой.

В Фергане уйгуры селились на свободных землях. Частью ими были заняты заболоченные участки по р. Кара-Дарье. Богатые водой участки они использовали под культуру риса. Большое значение имели посевы пшеницы, ячменя, кукурузы, джугары, некоторых масличных культур (кунжут). Роль хлопка в хозяйстве быстро увеличивалась, и в XX в. он выдвинулся на первое место.

Землепользование и техника обработки земли в Ферганской долине отличались не меньшей примитивностью, чем в Семиречье. Господствовала парцелльная система хозяйства. Правильной системы севооборота не существовало. Удобрений было недостаточно, и поля удобряли не каждый год.

Сельскохозяйственные орудия у ферганских уйгуров были такие же, как у узбеков. Важным орудием труда до последнего времени являлась мотыга (*кәтмән*). Бедняки иногда за неимением рабочего скота обрабатывали кетменем все поле целиком; кетменем окучивали хлопок, прокладывали и чистили арыки. Пахотное орудие (*амач*) было в общем похоже на сапан семиреченских уйгуров. Иногда им пользовались без сошника. Бороной (*малә*) служила толстая доска с деревянными зубьями; она применялась главным образом на рисовых полях. Серп (*орақ*) — гладкий, довольно изогнутый (похож на второй тип серпа семиреченских уйгуров).

Отсталая техника земледелия у уйгуров сохранялась почти до коллективизации. В 1910 г. в Казахстане насчитывалось всего два-три плуга на 100 уйгурских хозяйств, да и те принадлежали зажиточным крестьянам.

Уйгуры пользуются заслуженной славой садоводов и огородников. Однако малые земельные наделы, а местами также недостаток удобной для садовых и огородных культур земли препятствовали развитию этих культур. Ферганские уйгуры выращивали овощи только в пригородных районах, где для них имелся сбыт на рынке. В Семиречье огороды и бахчи были лишь у 60% хозяйств. На бахчах (*қогунлуқ*) выращивали дыни, арбузы, тыквы разных сортов; в огородах — лук, морковь, бобовые (фасоль и маш), редьку, редис, перец и различные травы для приправ — анис, укроп и т. п. У русских были заимствованы картофель и помидоры.

Для вскапывания огородов и разделки гряд употреблялся исключительно кетмень. Уйгуры Семиречья пользовались еще заимствованной у дунган маленькой металлической лопаточкой (*чәнчәгә*) для пропалывания и окучки овощей.

Фруктовые сады были особенно распространены в Фергане, где в каждом дворе имелось обычно несколько деревьев, в том числе плодовых. Главные садовые культуры: виноград, персики, урюк, гранаты — в Фергане; яблоки, груши, урюк, джида — в Семиречье.

Шелководством занимались только ферганские уйгуры. Оно стояло на крайне низком техническом уровне. Выкормка червей была исключительно женским занятием.

Как указывалось выше, скотоводство у уйгуров было лишь подсобной отраслью хозяйства. Разводили лошадей, крупный рогатый скот; овцы и козы имелись лишь в зажиточных хозяйствах, их разведение имело

товарное значение. Лучше всего уйгуры были обеспечены лошадьми. Такое же положение было в Фергане, только там скота было значительно меньше. Птицеводство у уйгуров было мало развито; держали кур, реже уток, гусей, индеек.

Первичная обработка продуктов земледелия происходила в сельских местностях. В каждом кишлаке имелись одна или несколько водяных мельниц, маслодельни (для выжимания растительного масла), рисорушки. Мельницы старого типа (*түгмән*) местами сохранились до сих пор. Маслодельни (*жүгаз*) почти исчезли в Казахстане, но сохранили еще некоторое значение в Андижанской и Ошской областях. Основу маслодельни составляет большая ступа, выдолбленная из цельного комля дерева, врытая в землю; в ней ходит деревянный пест. Она приводилась в движение силой животных, а иногда и воды (в Фергане).

Несмотря на проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство уйгуров, более сильное в Фергане, меньшее в Семиречье, — до самой Октябрьской революции в нем не наблюдалось почти никакого прогресса. Далеко зашедшие капиталистические противоречия в Фергане, а также отсталость техники обработки земли привели к тяжелому кризису хлопководства.

Империалистическая война 1914—1918 гг. и гражданская война, сопровождавшаяся в Средней Азии басмаческим движением, сильно отразились на хозяйстве уйгуров. В Фергане создалось катастрофическое положение: бедняки оказались без скота и были вынуждены перейти к обработке полей вручную. Крупным событием было проведение Советской властью земельно-водной реформы, в результате которой земля и вода были переданы трудящемуся дехканству. В Фергане уйгуры были наделены землей в размере 3 десятин на взрослого мужчину-работника, многие из них при этом впервые получили собственные участки. В Казахстане (в Энбекши-Казахском районе) образовалось несколько новых уйгурских селений (Ават, Азат, Уйгур), население которых составилось из бывших батраков, не имевших раньше земли.

Движение за коллективизацию возникло среди уйгурского крестьянства еще до проведения сплошной коллективизации. После земельно-водной реформы в Фергане организовалось несколько ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли). В 1928 г. в кишлаке Пишман Пахтаабадского района организовался колхоз «Кзыл-Аскер», в который вступили 22 бывшие батрацкие семьи, объединившие свои земли и рабочий скот. Организатором и председателем колхоза был батрак Исмаил Якубов. Колхозники получили ссуду, им прирезали землю из государственного фонда. Землю они засевали хлопком, весь урожай которого сдавали государству.

Сплошная коллективизация, начавшаяся в 1930 г., проходила среди уйгуров-земледельцев успешно и быстро. Недавно перед этим проведенная земельная реформа не могла не послужить могучим средством агитации, и большинство бедняков и середняков охотно шло в колхозы. В селениях Пахтаабадского района в первый же год было коллективизировано до 50% хозяйств, а к 1934 г. единоличников совсем не осталось. Примерно такое же положение наблюдалось и в других районах, населенных уйгурами. В течение 1930—1934 гг. все уйгурские крестьянские хозяйства вступили в колхозы, с которыми они связали свою всю дальнейшую жизнь.

Большая часть земельной площади колхозов используется под пашню. Кроме того, колхозы обладают значительной площадью пастбищ, расположенных обычно довольно далеко от колхоза, в горах. Главной культурой в Фергане является хлопок, на втором месте стоит пшеница (озимая). Сильно сократились посевы риса, что было вызвано в свое время стремлением оздоровить местность, зараженную малярией. Возделывается люцерна, являющаяся необходимым элементом севооборота.

Посевы зерновых культур имеют большое значение в уйгурских колхозах Ошской области, где пшеница занимает равную площадь с хлопком; здесь, кроме озимых сортов пшеницы, сеют и яровые.

Уйгурские колхозы Казахстана в основном возделывают зерновые культуры. Наряду с этим в Чиликском и Энбекши-Казахском районах с 1931 г. большое значение приобрели посевы высокосортного табака. В Уйгурском районе выращивают лекарственный мак. Из новых культур можно отметить подсолнечник и картофель, теперь обязательно занимающий часть колхозного поля.

Техника обработки земли претерпела огромные изменения. Повсюду введен севооборот. Земли ежегодно удобряются, причем используются и химические удобрения. В результате правильной обработки полей неизмеримо возросли урожаи, благодаря чему уже не ощущается недостатка земель как в Фергане, так и в Семиречье. Важную роль в подъеме сельского хозяйства сыграло плановое переустройство и расширение оросительной системы, переделка и углубление старых арыков, улучшение системы плотин и шлюзов. Были орошены и превращены в плодородные поля земли, считавшиеся раньше неудобными.

Уйгурское земледелие сразу шагнуло от первобытного деревянного сапана к современной машинной обработке полей. Уйгурские колхозы сразу после организации стали приобретать железные плуги, жнейки, косилки, лишь в некоторых из них в первое время, пока не развернули свою деятельность МТС, продолжали обрабатывать землю омачами.

Первые машины появились в уйгурских районах в 1930—1931 гг. и к 1935 г. первобытные орудия уже были вытеснены с полей (омач и мала в Фергане применялись еще в течение некоторого времени для обработки рисовых полей). Теперь основные виды сельскохозяйственных работ производятся машинами. С их помощью колхозники вспахивают поля и убирают урожай.

Колхозы являются обладателями значительного числа различных сельскохозяйственных машин. Примером может служить хозяйство «Эмгек» Уйгурского района Казахской ССР. Колхоз засевал в 1959 г. 3122 га земли, в том числе 1805 га зерновыми культурами, 100 га люцерной, 90 га лекарственным маком. Для обработки полей колхоз приобрел 21 трактор различных марок и восемь комбайнов. Кроме того, он имел тракторные плуги, сеялки, культиваторы, сенокосилки, грабли.

Механизаторами в уйгурских колхозах работают преимущественно уйгуры, среди них немало женщин. Так, в колхозе «Эмгек» создана женская тракторная бригада во главе с Тохтыхан Розахуновой. Во многих колхозах работают специалисты сельского хозяйства, имеющие среднее и высшее образование, уроженцы этих же селений, вернувшиеся после учебы в родные места.

Показателем прогресса в технике обработки земли являются замечательные урожаи, собираемые на той самой земле, которая уже в начале XX в. считалась выпаханной. Прежде хлопка снимали по 7—8 ц с 1 га, теперь в Андижанской области средним урожаем считается 30 ц, но многие колхозы добиваются урожаев по 35—40 ц с 1 га. В ферганских колхозах широко развернулось соревнование хлопкоробов, добивающихся высоких урожаев.

В борьбе за высокий урожай отражается новое, сознательное отношение колхозников к труду, овладение современной агротехникой и более совершенная организация труда. В колхозах Казахстана уйгурские колхозники добиваются не менее значительных успехов в выращивании зерновых, бахчевых и технических культур. Так, в Уйгурском районе раньше снимали около 40 пудов (6,4 ц) пшеницы с десятины. Теперь урожаи выше в два-три раза. В колхозе «Эмгек» в 1959 г. средний урожай пшеницы равнялся 17,1 ц с 1 га, в колхозе им. Калинина Панфиловского

района — 14—15 ц. Передовые бригады снимают по 30 ц пшеницы с 1 га.

Огороды и сады занимают теперь значительно большее место в хозяйстве. Обычно в каждом колхозе имеется небольшой участок, отведенный под овощи и бахчи. Размеры таких участков крупнее в пригородных колхозах, доставляющих овощи в город. Помимо того, огороды имеются у каждого колхозника на приусадебном участке.

Развитию колхозного садоводства уделяется большое внимание. Местами колхозные сады были созданы на базе садов, принадлежавших ранее крупным баям или кулакам. Но в большинстве случаев колхозные сады еще молодые, посадки 1937—1939 гг. Особенно славятся своими садами колхозы Чиликского и Энбекши-Казахского районов Алма-Атинской области, выращивающие главным образом знаменитый сорт яблок— «апорт». В Семиречье в колхозных садах разводят новые для этих мест культуры, например виноград.

В скотоводстве произошли не меньшие перемены. Из подсобной отрасли оно превратилось в одну из ведущих отраслей хозяйства уйгурских колхозов. Большинство колхозов Уйгурского и Панфиловского районов Казахстана имеет животноводческие фермы с тысячным поголовьем — коневодческие, крупного рогатого скота, овцеводческие. Колхозы Андижанской и Ошской областей также имеют крупные стада.

Колхозы ввели у себя новую для уйгуров отгонно-пастбищную систему выпаса скота. Летом скот выпасают на пастбищах, расположенных в горах. Летовки колхозов Уйгурского района находятся на юге, нередко в соседних районах (Кегеньском и Нарынкольском). Пастбища колхозов Андижанской области размещены частью на территории Киргизии. Зимой скот находится на стойловом содержании или (в Казахстане) его выпасают на отгонных, расположенных на равнинах зимних пастбищах. На пастбищах поставлены дома и юрты для пастухов и доярок, постоянно находящихся со стадами. Там же устроены молочные пункты с сепараторами, где сбивают масло, делают сыр, творог, кислое молоко. В Казахстане уйгуры научились у казахов приготовлению кумыса. В уйгурских колхозах животноводами наряду с уйгурами работают казахи и киргизы — члены этих колхозов.

В колхозах Уйгурского и Панфиловского районов животноводство выдвигается на первое место в хозяйстве. Об успехе животноводства у уйгуров свидетельствует тот факт, что животноводческие фермы некоторых уйгурских колхозов были в свое время участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Скот имеется и в личной собственности колхозников. Почти каждая семья имеет корову и мелкий скот (овец или коз).

В Фергане важнейшей подсобной отраслью в хозяйстве осталось шелководство. В колхозах существуют шелководческие бригады, которые работают под наблюдением и с помощью специалистов. Червей выкармливают в особых помещениях, на плоских корзинах (*севат*) и циновках, разложенных на деревянных нарах. Шелководством начинают заниматься и уйгуры Семиречья.

Хозяйственная мощь уйгурских колхозов увеличилась после их укрупнения, происходившего в 1951—1953 гг. Так, в Казахской ССР в большом сел. Малыбай Чиликского района четыре небольшие сельскохозяйственные артели объединились в 1952 г. в колхоз им. Ленина. В настоящее время это один из крупнейших и передовых колхозов области (в него входит около 400 дворов), с посевной площадью свыше 3 тыс. га, имеющий 23,5 тыс. голов скота.

Еще более укрепились уйгурские колхозы в результате претворения в жизнь решений Коммунистической партии по сельскому хозяйству, начиная с сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.). Улучшилась

организация труда в колхозах, повысилась их техническая оснащенность и в связи с этим выросла производительность труда. Очень важным шагом по пути развития колхозного производства было решение о продаже колхозам сельскохозяйственных машин, ранее принадлежавших МТС. За последние годы увеличились доходы колхозов и колхозников. Например, колхоз «Эмгек» Уйгурского района в 1953 г. получил доход в сумме 1485 тыс. руб., в 1959 г. доходы этого колхоза возросли до 8300 тыс. руб. Колхозники получили в 1959 г. по 2 кг зерна и по 9 руб. деньгами на каждый трудодень (в 1953 г. на трудодень приходилось 1,6 кг зерна и деньгами 2 р. 80 к.). Доход колхоза им. Ленина Чиликского района вырос за это же время с 1239 тыс. до 6100 тыс. руб.

Ремесла и домашние промыслы

Переселявшиеся из Илийского края ремесленники обосновывались главным образом в г. Джаркенте (Панфилов). Мастерские ремесленников размещались на базаре. Уйгуры предпочитали работать на заказчика, но изготовляли также разнообразные предметы и для продажи на рынке. Наибольшее число ремесленников составляли сапожники, портные, шапошники, каменщики, штукатуры, кузнецы, слесари. Второе место по численности занимали жестянщики, ножевщики, ювелиры, плотники, столяры и токари. В меньшем числе были лепешечники, цирюльники, корзинщики, маслобойщики, мыловары.

Среди переселенцев в Фергану также было много ремесленников. Они поселились главным образом в городах Андижане и Оше и в крупных кишлаках около базаров. Особенно выделялись мельники, лепешечники, повара, пекари; они обладали своеобразной монополией в Оше и Андижане.

Из домашних промыслов в Фергане можно отметить прядение хлопка и шелкомотание. Они составляли главное занятие женщин. Орудием производства в обоих промыслах служила разновидность прялки (*чэрх*), весьма распространенной в Узбекистане и Восточном Туркестане формы. В Семиречье существовал домашний промысел по производству циновок из камыша, который впоследствии выделился в ремесло. Им занимались в селениях Байсеит и Чилик (современный Чиликский район). Этот промысел скоро стал объектом эксплуатации со стороны скупщиков, которые перепродавали циновки в г. Верном или на Каркаринской ярмарке. До революции широко был развит среди уйгуров Семиречья отхожий промысел, главным образом извозный.

Ремесла и промыслы уйгуров после переселения их в Россию подверглись большим изменениям. На них сказалось влияние соседних народов: русских, узбеков и казахов. В сел. Кальджат и других (ныне Уйгурский район) уйгуры переняли у казахов искусство изготовления войлоков (занятие, чуждое илийским уйгурам, хотя и известное в других частях Восточного Туркестана). Важные перемены произошли в технике ремесла. В инвентаре уйгуров появились узбекские и русские инструменты, много инструментов фабричного производства. Применявшийся ремесленниками инвентарь почти наполовину состоял из фабричных инструментов. После Октябрьской революции, с развитием легкой промышленности, исчез ряд ремесел и промыслов (например прядение, шелкомотание, ткачество).

При Советской власти живущие в городах уйгуры-ремесленники объединились в промысловые артели. Так, производством циновок занималась уйгурская артель «Красный Восток» (г. Панфилов). Возникли сапожные, плотничьи артели. Теперь артели преобразованы в предприятия местной промышленности. Много уйгуров работает в столовых, чайханах и закусочных. Среди рабочих в промышленности Казахстана и Узбекистана имеется уже немало уйгуров.

Из женских художественных промыслов у уйгуров были раньше распространены изготовление узорных войлоков, вышивка, тканье ковров. Художественные вышивки служат и теперь для удовлетворения бытовых потребностей. Женщины вышивают покрывала, занавески, одежду. Ковроделие, которым славятся Хотан и Кашгар, не было распространено у уйгуров-переселенцев, но после Октябрьской революции в Алма-Ате образовалась промысловая артель, куда вошли уйгурки — ковровщицы и вышивальщицы.

Транспорт

Главными транспортными животными у уйгуров были лошади, волы и ослы. Для перевозки у семиреченских уйгуров употреблялись раньше арба и волокуша. Уйгурская арба — двухколесная повозка, отличающаяся от кокандской и хивинской арб главным образом устройством колес. Колеса у нее меньше в диаметре, а место спиц занимали четыре широких бруса, укрепленные крестообразно по два. Колеса неподвижно прикреплены к вращающейся оси. Запрягали в арбу вола или лошадь. Для ослов изготовляли специальные арбы, поменьше. Волокушу (*чина*) делали из длинных жердей, скрепленных поперечными брусьями и оплетенных ветками. Она служила в основном для перевозки хлебов и сена с полей.

К этим видам транспорта позднее присоединились четырехколесные русская телега и украинская бричка, они в значительной мере вытеснили и арбы, и волокуши.

Ферганские уйгуры пользовались арбами кокандского типа. Возница сидел верхом на лошади. Верховое седло было заимствовано уйгурами у казахов и киргизов. Часто для украшения седла применяли оковку обеих лук железными полосами с серебряной насечкой.

За годы Советской власти в транспорте произошли крупные перемены. Появились шоссейные дороги и автомобильное сообщение, железные дороги. Все уйгурские селения соединены с центрами областей и районов хорошими автомобильными дорогами. В Андижанской области большинство уйгурских колхозов расположено недалеко от железных дорог. Отдаленные районы связаны с Алма-Атой регулярным воздушным сообщением.

В повседневный обиход вошли автомобили. Каждый колхоз имеет несколько автомашин. Машины обслуживают основные дальние перевозки. В быт вошли велосипеды, имеющиеся у многих колхозников.

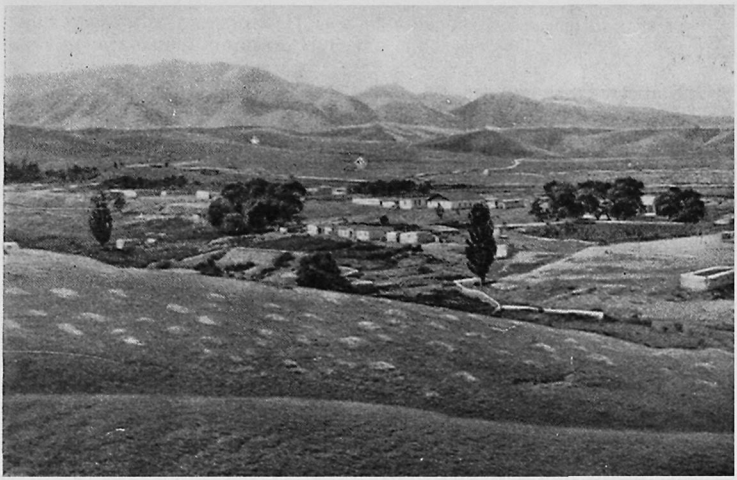
Поселение и жилище

Уйгурские селения в Казахстане образовались в результате массового переселения уйгуров в 1881—1883 гг. При переселении прежние односельчане старались держаться вместе. Они обосновывались отдельным селением, получавшим название прежнего селения, или составляли отдельный квартал в селении, где жили переселенцы из разных мест. В тех местах, где усадебные земли оказались далеко от селения, отдельные семьи селились хуторами.

Размеры уйгурских селений довольно разнообразны, но, как правило, они большие — нередко в несколько сот дворов (например, Пенджим — 500 дворов, Карам — 900 дворов).

Большинство уйгурских селений расположено вдоль дороги, которую пересекает поперек несколько улиц. Так построены все новые селения и новые кварталы. Старые уйгурские селения на территории Уйгурского района Казахской ССР построены вдоль горных речек и отличаются беспорядочным расположением дворов, образующих кривые узкие улочки (таковы селения Кальджат, Тиермень и др.).

Современные уйгурские селения прекрасно озеленены. Улицы по обеим сторонам обсажены рядами деревьев, вдоль арыка растут ивы, тополя, карагачи, тут. Иногда деревья образуют зеленую арку над улицей. Вдоль улицы тянутся высокие глинобитные дувалы, отделяющие приусадебные участки колхозников.



Селение Кальджат. Уйгурский район, Алма-Атинская область

Дворы, включающие все хозяйственные и жилые постройки, пристраиваются один к другому. Сзади почти к каждому двору примыкают огород и сад.

Необходимой принадлежностью каждого двора является цветник. Уйгуры очень любят цветы. Под них отводят одну-две грядки на огороде или сажают их по краям грядок. Иногда для цветов устраивают глинобитные ящики у дома. Излюбленными цветами являются бархатцы, ноготки, астры, розы, петушьи гребешки, базилик.

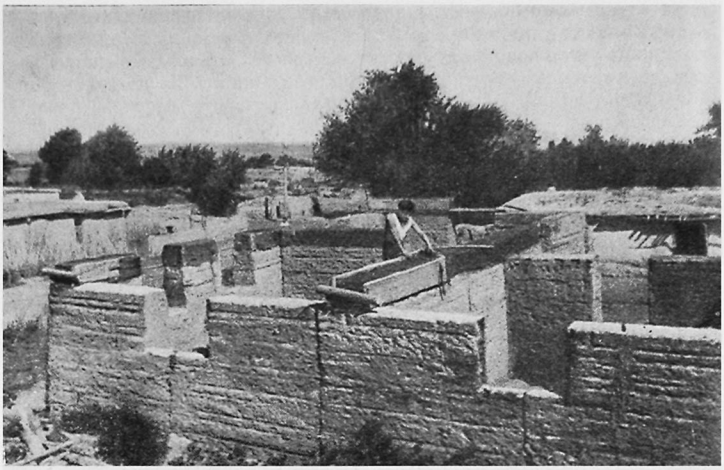
В Казахстане нередко около беседок сажают декоративную тыкву (*қапақ*) — вьющееся растение; плоды его свисают прямо с потолка; из них делают посуду.

В центре селения прежде строили мечеть, здесь же стояла и лавка купца, в некоторых селениях имелись базары. Теперь на центральных улицах располагаются здания правления колхоза с обширным хозяйственным двором, клуба, школы и других культурных учреждений, сельский магазин. Общественные здания отличаются по типу от жилых построек.

Строительная техника, план и обстановка жилого дома уйгуров Казахстана и Ферганы сильно разнятся. Дома уйгуров Андижанской и Ошской областей сходны с домами андижанских узбеков, причем многие термины, связанные со строительством, сами уйгуры считают перенятыми у их соседей узбеков.

Основным материалом для жилых и хозяйственных построек у уйгуров Семиречья служит глина, битая или в виде сырцового кирпича (*хиш*). Целиком из кирпича сооружают только общественные здания, а в жилых домах им выкладывают лишь верх стен. В горных селениях Уйгурского района для строительства применяли еще камень, из которого выводили низ стен, связывая камни глиной.

Основу постройки составляют глинобитные стены без деревянного каркаса. На них опирается крыша. Только в больших постройках крыша поддерживается еще несколькими врытыми в землю столбами, стоящими посреди помещения.



Строительство дома в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область

Для возведения стен пользуются несложным сооружением из досок и жердей (*соқмаяғач*), представляющим собой ящик со слегка наклонными стенками. В эту форму набрасывают глину, которую утрамбовывают сначала ногами, а затем тяжелой каменной кувалдой (*соқматаш*). Стены слегка суживаются кверху (от 70 до 40 см). Таким способом стены возводят только до высоты дверного проема. Верх стен (на высоту 50 см) выкладывают сырцовым кирпичом.

Основу кровли составляет одна или несколько толстых поперечных балок (*лим*), поверх которых кладут тонкие слеги (*чәңзә*). На слеги настилают циновки (*бора*); в последнее время нередко на балки кладут доски, а поверх них толстый слой соломы и камыша, промазанных глиной; сверху все засыпают землей. Кроют крыши и шифером, и железом.

Стены дома снаружи и изнутри обмазывают раствором глины с рубленой соломой, часто их еще белят известью. Внутри стен делают ниши. Пол в доме иногда еще глинобитный. Но все же чаще настилают дощатый пол, причем раньше всего в парадной комнате. В этой комнате сооружают также дощатый или фанерный потолок. Большую часть комнаты занимает глинобитное возвышение (*супа*), высотой 20—35 см. Часто оставляют только маленькие площадки перед дверью (*тапса*), где раньше оставляли обувь, и перед печкой (*манта*). В хозяйственных помещениях и больших крытых дворах вместо окна раньше делали отверстие в крыше (*тунук*). В жилых комнатах в старых домах чаще устраивали нечто вроде слухового окна (*пәнҗәрә*). Раму его ставили на стену вертикально и от ближайшей балки к верху рамы подставляли наискось небольшие жерди, отчего потолок в этом месте был приподнят. Если жилая комната находилась в середине дома, то такое окно выходило на крышу. В раму вставляли деревянную решетку панджара, отсюда и название окна. Решетку раньше заклеивали бумагой.

Окна в стенах стали делать давно, в настоящее время панджара сохранились только в домах, построенных не менее 40 лет назад. В старых домах теперь тоже пробиты окна; для этого использовались места, где были ниши. В начале окна были маленькие и помещались высоко над

землей. В них вставляли деревянные решетки, потом стали делать деревянные рамы со стеклами. Новые дома строят с большими застекленными окнами в каждой комнате. Нередко окна выводят на улицу, что прежде не допускалось.

Двери обычно одностворчатые, сколоченные из вертикально стоящих досок. С улицы в дом ведет одна дверь. В старинных больших домах входом в дом служат большие ворота (*дәвуз*) высотой до 3 м и шириной 2,5—3 м. Створки ворот расположены посредине особого помещения, образованного боковыми стенами, выступающими на расстояние до 1 м от передней стены дома. Крыша над воротами плоская. Иногда такие же ворота являются входом во двор. Нередко ворота богато украшены резьбой.

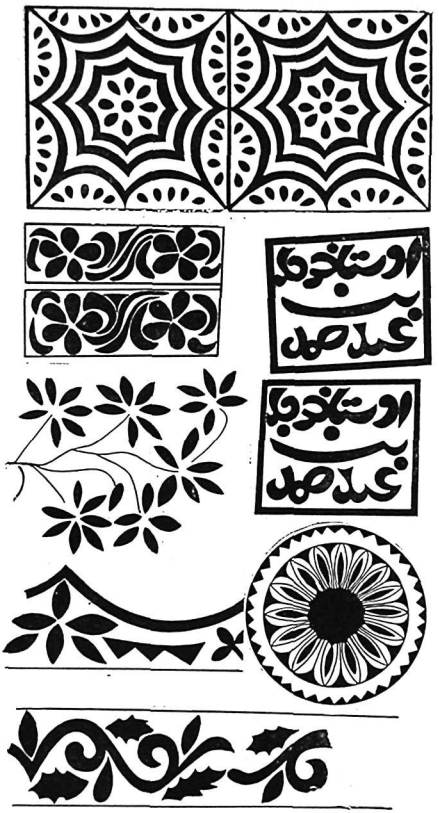
Резьбой по дереву украшают не только ворота, но и окна, потолочные балки домов, домашнюю утварь и орудия труда. У семиреченских уйгуров до революции применялось украшение стен дома штампованным узором. Мастеров этого дела было немного, и они славились за пределами своих селений. Орнамент наносился при помощи деревянного резного трафарета, приготовленного самим мастером, на гладкую, свежеобмазанную глиняную стену. Последний представитель этого забытого искусства умер в 1916 г.

Устройством отопительных сооружений в доме занимаются женщины. Одним из основных видов обогревателей в прошлом был камин (*морочақ*). Его ставили в углу или посредине стены. Он представлял собой нишу, сходящуюся наверху углом; огонь разводили внизу. Ниша немного выступала за плоскость стены, труба шла по стене прямо вверх. Камин ставили только в парадной комнате (*сарай*). В настоящее время камины повсюду исчезли, их заменяют каном или плитой с обогревателем, иногда голландкой

Кан (*кан*) раньше имелся только в домах зажиточных уйгуров, а теперь он распространен повсеместно. Это — часть глинобитного возвышения — супа, внутри которого проходит труба из печи, пристроенной к возвышению или составляющей его часть. Дым выводится наружу по трубе, идущей вдоль стены в углу комнаты. Кан обогревает все жилые комнаты. Печь — глинобитная или сложенная из кирпича, размером около 1 кв. м., обычно служит и для отопления и для приготовления пищи, для чего в нее вставлен или вмазан большой чугунный котел (*қазан*). Такую же печь, но без кана, ставят во внутреннем дворе и на улице, под навесом, на ней приготовляют пищу летом. В больших домах бывают печи на два котла.

Для хлебопечения служит печь среднеазиатского типа (*тону*), стоящая во дворе. Ее сооружают из валиков глины, смешанной с шерстью. Она имеет форму вытянутого полушария со срезанной плоской верхушкой. Вверху имеется отверстие, через которое сажают лепешки на раскаленные стенки печи. Внизу сбоку находится поддувало. Снаружи стенки обычно обкладывают кирпичом. Величина печей различна, иногда ставят рядом и соединяют одной кладкой две печи разных размеров.

По внутренней планировке дома уйгуров Казахстана можно свести к трем-четырем типам. К первому относится старинный дом зажиточной и большой семьи, все хозяйственные и жилые постройки которого объединены в одно целое. Центром дома является обширный крытый внутренний двор (*далан*). В далан ведут ворота прямо с улицы, это единственный вход в дом. По одну сторону далана расположены парадная комната (сарай), кухня, зимнее жилье для семьи (*ашхана*) и различные кладовые: для провизии (*амбар*), для муки и зерна (*сақ*), для всякой утвари (*қазнақ*). Иногда бывает два сарая или две ашханы. По другую сторону далана расположены хозяйственные постройки — хлевы для скота (*егил*), склад для соломы и топлива (*саманлиқ*). Ход в эти помещения также из далана.



Настенный рельефный орнамент «гуль», встречающийся в старинных уйгурских домах в сел. Кальджат. Уйгурский район, Алма-Атинская область

но рядом обычно имеются еще ворота, ведущие во двор. В задней стене далана имеется выход на усадьбу. Там пристроен навес (*ләмпә*), под которым сделано возвышение — супа и стоит печь, используемая для приготовления пищи летом. В саду имеется беседка (*бараңлиқ*) — навес из хвороста с одной глинобитной стенкой, также с возвышением.

Такой тип сложного дома встречается в южной части Уйгурского района (селения Кальджат, Тиермень, Ават, Аксу и др.), в Чиликском и Энбекши-Казахском районах.

Дома второго типа никогда не встречаются в одном селении с домами первого. Дома второго типа имеются в сел. Чарын Уйгурского района и в Панфиловском районе. Это как бы тот же сложный дом, расположенный на обширном дворе, но без общей крыши. Ворота с улицы ведут во двор, по сторонам которого стоят отдельные домики в одну — три комнаты. В одном дворе в домах живут обычно родственные семьи; самый большой дом принадлежит родителям, дома поменьше — женатым сыновьям. В других случаях один дом включает сарай и ашхану, другой — кладовую, третий — комнату для неженатых и незамужних взрослых детей. Хозяйственные постройки стоят отдельно или пристроены к домам, но имеют особые входы. Почти все постройки соединены навесами, тянущимися вдоль дувала. Их используют как хозяйственные постройки. Прежде нередко такой двор (*қора*) наполовину был крытым.

Дома третьего типа встречаются повсюду. Это небольшой дом в две-три или четыре комнаты. Вход в дом — через далан (так называется средняя комната, в общем не отличающаяся от остальных). Кроме далана в доме имеются сарай и ашхана. Кладовая пристроена к дому, но имеет особый вход. Хозяйственные постройки (их обычно очень мало) стоят отдельно, реже пристроены к дому, чаще всего это просто навесы. Если комнат мало, то далан и ашхана совмещаются в одном помещении.

Современные дома строят приблизительно так же, как и дома третьего типа. Вдоль стены со входом (это всегда длинная стена дома) обычно пристроена веранда с крышей, опирающейся на столбы; в отличие от

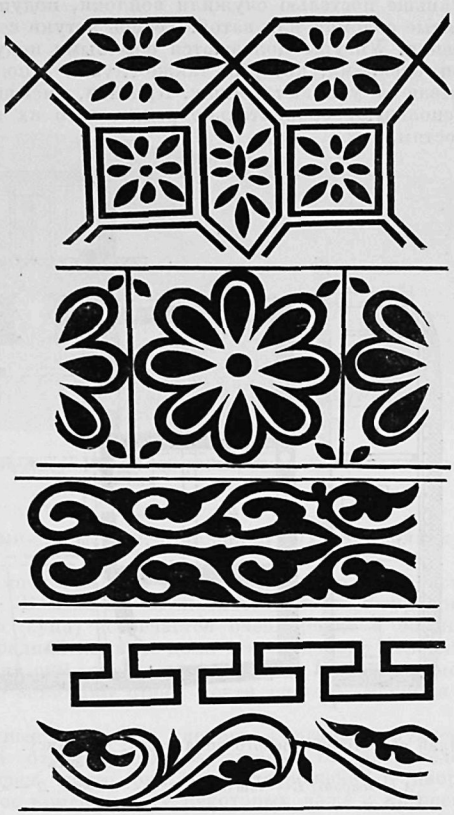
лампе старых домов она часто делается без возвышения и без печи. Новые дома отличаются устройством крыши. Основу ее составляет одна матица — лим, лежащая продольно; укладываемые на нее слеги с небольшим наклоном опускаются на длинные стены, образуя плоскодвускатную крышу.

Дом для своей семьи обычно строит сам колхозник. В случае необходимости в помощь ему выделяют других колхозников. Мужчины возводят стены и делают кровлю, женщины штукатурят стены и выполняют внутреннюю отделку дома.

Для старинных домов было очень характерно почти полное отсутствие мебели. Можно отметить только высокий стол для украшений, прежде обычно китайской работы, стоявший в парадной комнате и маленький низенький столик для еды (*жоза*).

В настоящее время комнаты различного назначения имеют довольно определенное убранство.

Парадную комнату — сарай, предназначенную для гостей, торжественных приемов и обедов, избегают использовать для работы и туда не пускают детей. Большая часть этой комнаты иногда бывает занята возвышением; оно застелено циновками, войлоком, изредка коврами. В углу стоит стол с безделушками и различной красивой посудой, над ним висят семейные фотографии. В стенных нишах (*оюқ*) стоят сундуки с бельем, платьем и другим имуществом, на них лежат скатанные одеяла.

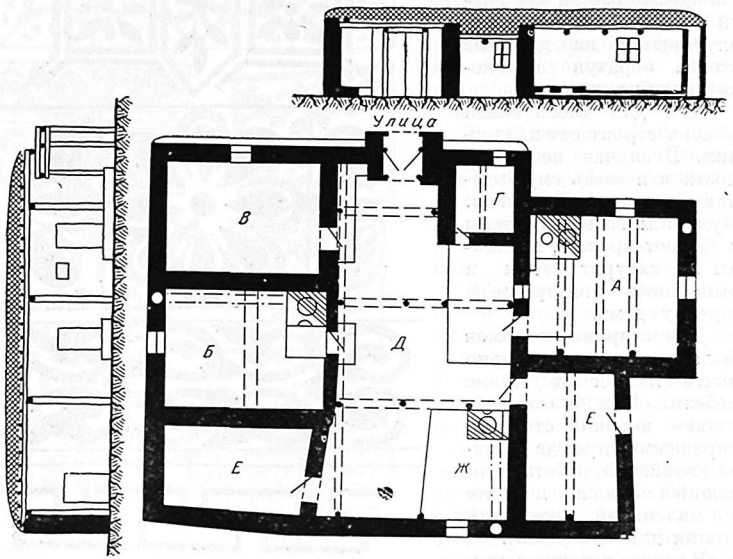


Настенный рельефный орнамент «гуль», встречающийся в старинных уйгурских домах в сел. Кальджат. Уйгурский район Алма-Атинская область

В сарай раньше всего стала проникать городская мебель. Теперь там обязательно имеются одна или несколько кроватей, столы, стулья, вдоль стен стоят чемоданы. Реже встречаются шкафы и этажерки. Стены завешаны коврами, плакатами, географическими картами. На дверях и окнах висят шторы.

В ашхане, занятой возвышением с каном, утварь размещается в нишах. Над печью с котлом приделана к стене полка для посуды (*тахтавеши*). Возвышение застлано войлоками. У стены стоит низенький столик, используемый для еды и работы. Спят обычно в этой комнате на кане.

Раньше постелью служили войлоки, подушками — валики (*ястуқ*), набитые соломой или ватой. Теперь ястуки совершенно вышли из употребления. Уйгуры пользуются обычными подушками, накрываются ватными одеялами, которые также служат и подстилкой. Утром постель скатывают и убирают в нишу. Кровати, имеющиеся в каждом доме, хозяева используют сравнительно редко, зато их всегда охотно предоставляют гостям.



План старого уйгурского дома в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область

А — «сарай»; *Б* — «ашхана»; *В*, *Г* — амбары; *Д* — «далан»; *Е* — «егил», *Ж* — навес

Далан по убранству не отличается от ашханы, иногда только эта комната используется как кладовая и имеет маленький погребок (*ора*) для овощей.

В последние годы в уйгурских колхозах Казахстана развернулось массовое строительство общественных зданий и жилых домов колхозников. Строятся новые здания школ, больниц, клубов. Колхозники благодаря повышению своего материального благосостояния возводят новые просторные дома.

Современный жилой дом обычно имеет перед входом дощатое крылечко с перильцами. Так же строят клубы и школы.

Строительство домов у уйгуров Ферганы возглавляют, как правило, мастера (*уста*). В колхозах на работы по постройке жилых домов выделяются колхозники, которым за их труд начисляются трудодни.

Основу дома, как у узбеков, составляет деревянный каркас, который закладывают сырцовым кирпичом или комьями глины, смешанной с соломой (*гувәләк*); в последнем случае к каркасу добавляют прибитые наискось жерди и доски (*синч*). Снаружи все обмазывают глиной, смешанной с соломой.

Новый дом колхозника в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область

Иногда ставят глинобитные стены, т. е. применяют пахсовую кладку. Такие дома очень редки.

Кровлю делают таким же способом, как в Казахстане. Пол еще часто глинобитный или земляной. В отличие от казахстанского уйгурского дома, возвышение из глины (супа) встречается очень редко и обычно только в старых домах. В парадной комнате дома теперь делают деревянные полы и потолки, но пока они встречается не везде. В стенах домов обычно много ниш, которые занимают стены почти сплошь, начиная с высоты 80—90 см от пола.

Жилой дом и хозяйственные постройки уйгуров Ферганы окружены высоким дувалом, который отделяет дом от улицы. Во двор ведет калитка (или ворота), причем часто она еще отгорожена от двора стенами, образующими особое помещение (у некоторых даже с крышей) *дәрвазҳанә*, которое скрывает от глаз входящего внутренний вид двора. В отличие от жилищ уйгуров Казахстана, окна и двери дома выходят чаще не на улицу, а во двор. Поэтому здесь в большинстве случаев дом расположен в глубине двора и обращен к улице глухой стеной. Все двери и окна размещают в одной из длинных стен дома, вдоль которой идет крытая терраса (*әйван*). Кроме дома (или двух домов), во дворе находятся хозяйственные постройки, иногда пристроенные к дому как его продолжение. В саду напротив дома обычно стоит беседка (*балаҳанә*), представляющая собой маленькую квадратную комнатку на высоких столбах с дощатыми или решетчатыми стенками и двускатной дощатой крышей. Беседка служит кладовой и летней спальней. В ней ставится деревянный помост (*чарпая*), на котором проходит летом жизнь семьи. Иногда нижняя часть беседки также бывает закрыта дощатыми стенками и там устраивают полуподвальную кладовую. Беседка может состоять только из крыши, поддерживаемой столбами.

Комнаты жилого дома располагаются вдоль фасада. Чаще всего дом состоит из двух-трех комнат. Бывает и больше комнат, но обычно, если требуется много помещений, ставят еще один дом. Террасу иногда заменяют помещением между двумя комнатами дома, не имеющим передней стены (*чуҷур әйван*).

В Ошской области иногда встречаются жилые дома несколько иного типа. Они состоят из четырех комнат, образующих в плане квадрат. Одна комната — открытая, т. е. представляет собой айван или чукур айван. Глинобитное возвышение (супа) изредка устраивается на террасе или в одной из комнат.

В главной жилой комнате дома (*кәттә өй*) обычно все ниши, расположенные напротив окон, заставлены посудой: большими тарелками, подносами, чайниками, пиалами. В стене против входа устраивают обычно три ниши: две большие — от пола до потолка (*мейраб*) и одну узенькую посредине (*такчә*), она начинается в 30 см от пола. В этих нишах стоят сундуки и шкафы с бельем и платьем, поверх сложены скатанные одеяла и подушки. В нишах, устроенных в других стенах, помещается хозяйственная и прочая утварь. В простенках между нишами вешают одежду, полотенца и т. п.

Прихожая (*дәһлиз*) одновременно служит и кухней (ашхана). Убранство в ней более скромное, но все вещи также сложены в нишах. Третья комната (*кичик өй*) используется по-разному. Иногда она служит кухней, кладовой, иногда в ней живет один из членов семьи: женившийся, но не отделившийся сын, мать.

Отапливается дом камином, который одновременно используется и для приготовления пищи. Он более широкий, чем в старых уйгурских домах в Казахстане. В катта уй на зиму ставится жаровня (*сандал*). Летом пищу иногда готовят на очаге во дворе. Для выпечки хлеба имеется хлебная печь (*тандир*). Раньше у ферганских уйгуров была такая же хлебная печь, как в Семиречье (здесь она называется *ер тандир* и до сих пор еще сохраняется в некоторых дворах). Но теперь преобладает печь узбекского типа, покупаемая на базаре. Она представляет собой большой глиняный сосуд без дна, который кладут боком на высокий помост из досок, обмазывают глиной и обкладывают кирпичом. Лепешки пекут, прилепляя их к внутренним стенкам сосуда.

Для освещения раньше служила масляная лампа (*чираң*). Она давно уже забыта и заменена керосиновой лампой. Во многих уйгурских кишлаках дома освещаются электричеством.

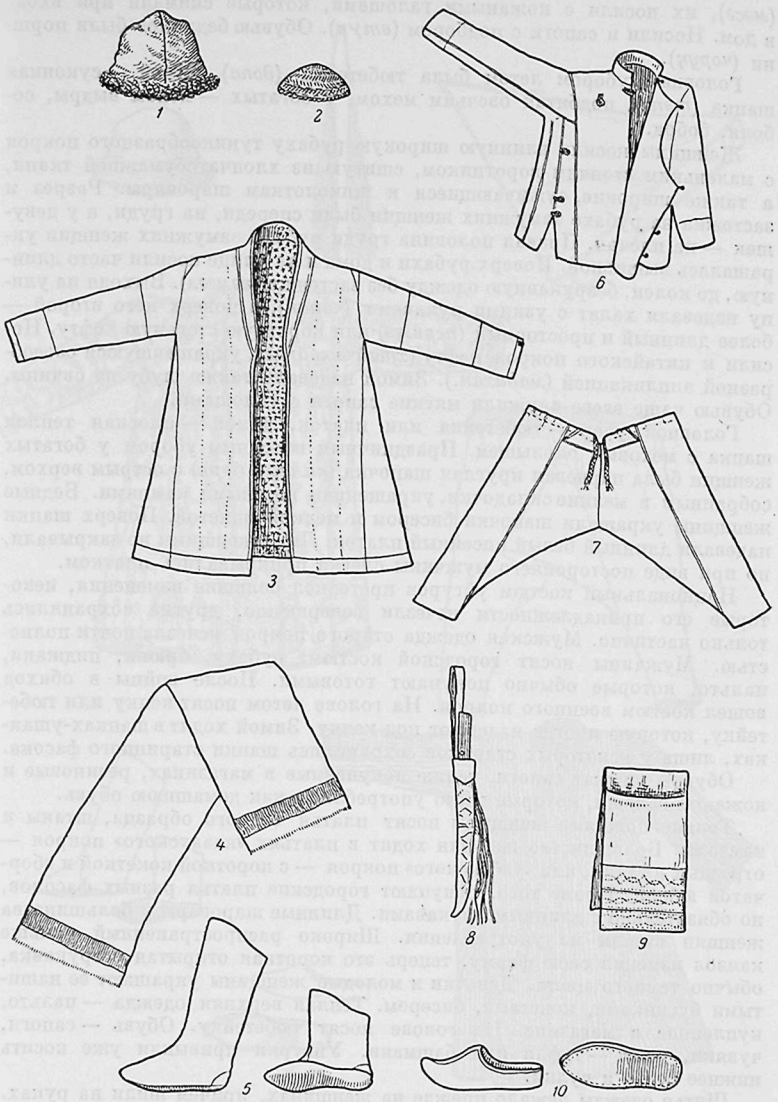
Городское влияние в обстановку уйгурского дома, за исключением пригородных районов, проникает пока очень слабо. В домах мало мебели, только некоторые колхозники завели металлические кровати. Изредка встречаются шкафы, вделанные в нишу, а также столы и табуреты. В пригородных районах мебели значительно больше, она имеется в большинстве домов. Там же встречаются дома с высокой двускатной железной крышей, которую в остальных местах имеют только общественные здания.

Общественные здания, как правило, располагаются в центре селения. Они построены из кирпича, побелены. Стены зданий правлений колхозов и сельсоветов украшены лозунгами, написанными краской. Внутри общественные здания украшены затейливой росписью. Для них характерны железная высокая крыша, большие застекленные окна, дощатые полы и потолки.

Хозяйственные постройки колхоза строят также по-новому. Это обширные высокие помещения, окна в них делают обычно в крыше, которую покрывают железом.

Одежда

Мужской костюм уйгуров Семиречья состоял в прошлом из длинной и широкой распашной рубахи (*көйнәк*) с узким стоячим воротником и широких штанов (*тамбал*), заправлявшихся в сапоги. Поверх рубахи надевали короткий бешмет, на него длинный халат (*чапан*) с узким стоячим воротником и узкими рукавами. Халат подвязывали поясом из длинного куска хлопчатобумажной ткани (*бәлвағ*). Зимней верхней одеждой служила шуба из овчины (*жуға*). На ноги надевали узкие мягкие сапоги с высокими голенищами



Мужская одежда уйгуров конца XIX — начала XX в.

1 — «топа» — шапка из черного бархата с меховой опушкой; *2* — «допа» — тюбетейка; *3* — «чапан» — стеганный на вате халат; *4*—пояс «бельбаг» из синей хлопчатобумажной ткани; *5*—«маса»—кожаные сапоги; *6*— куртка из хлопчатобумажной ткани; *7*— «иштан» — штаны из хлопчатобумажной ткани с гашником «баг»; *8* — нож в кожаных ножнах; *9* — мешочек к поясу с машинной строчкой; *10* — «попуч» — кожаные галоши

(*мәсә*), их носили с кожаными галошами, которые снимали при входе в дом. Носили и сапоги с подбором (*өтүк*). Обувью бедняков были поршни (*чоруҳ*).

Головным убором летом была тюбетейка (*допа*), зимой — суконная шапка (*төпә*), подбитая овечьим мехом, у богатых — мехом выдры, соболя, бобра.

Женщины носили длинную широкую рубаху туникообразного покроя с маленьким стоячим воротником, сшитую из хлопчатобумажной ткани, а также широкие, суживающиеся к щиколоткам шаровары. Разрез и застежка на рубахе замужних женщин были спереди, на груди, а у девушек — на плечах. Правая половина груди рубахи замужних женщин украшалась вышивкой. Поверх рубахи и дома и на улице носили часто длинную, до колен, безрукавную одежду без застежки (*кәмзәл*). Выходя на улицу надевали халат с узкими рукавами (*чапан*), а поверх него второй — более длинный и просторный (*перижә*) или короткую стеганую кофту. Носили и китайского покроя кофту (*хтайчә көйнәк*), украшавшуюся своеобразной аппликацией (*мадихан*.). Зимой надевали также шубу из овчины. Обувью чаще всего служили мягкие сапоги с галошами.

Головной убор — тюбетейка или платок, зимой — плоская теплая шапка с меховым околышем. Праздничным головным убором у богатых женщин была парчевая круглая шапочка (*кимхан бөрк*) с острым верхом, собранным в мелкие складочки, украшенная цветными камнями. Бедные женщины украшали шапочки бисером и мелкой монетой. Поверх шапки надевали длинный белый кисейный платок. Лица женщины не закрывали, но при виде постороннего мужчины слегка прикрывались платком.

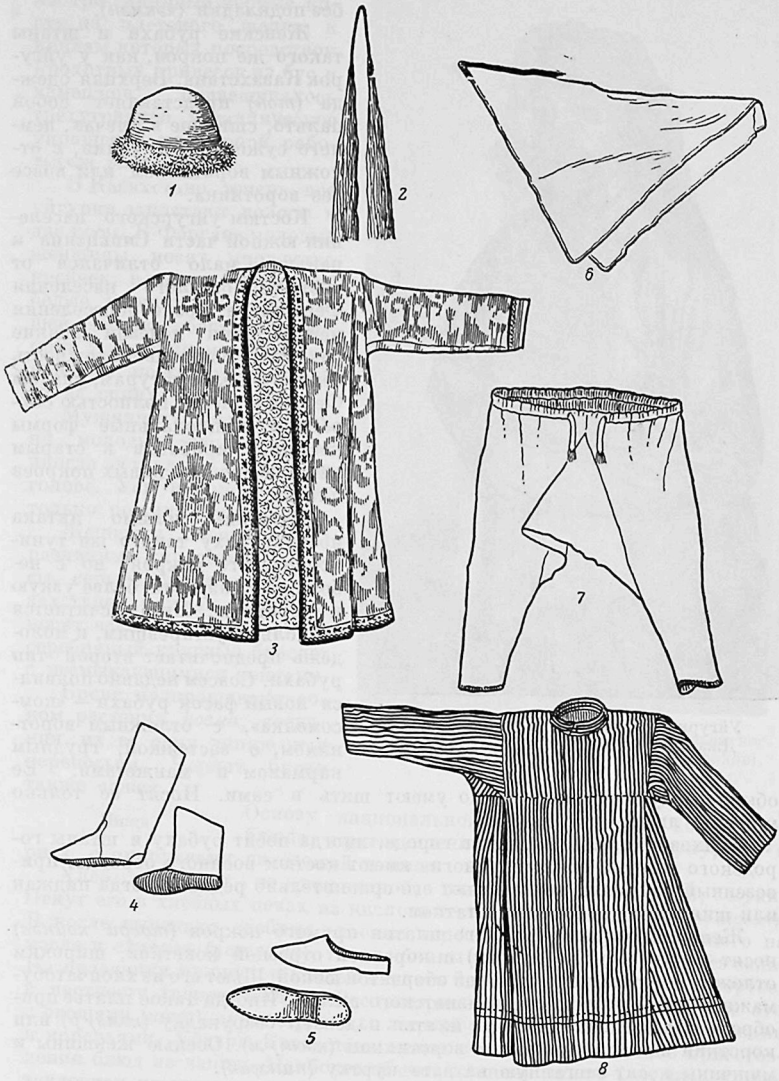
Национальный костюм уйгуров претерпел большие изменения, некоторые его принадлежности исчезли совершенно, другие сохранились только частично. Мужская одежда старого покроя исчезла почти полностью. Мужчины носят городской костюм: рубаху, брюки, пиджак, пальто, которые обычно покупают готовыми. После войны в обиход вошел костюм военного покроя. На голове летом носят кепку или тюбетейку, которую иногда надевают под кепку. Зимой ходят в шапках-ушанках, лишь у некоторых стариков сохранились шапки старинного фасона.

Обувью служат сапоги, также покупаемые в магазинах, резиновые и кожаные галоши, которые часто употребляют как домашнюю обувь.

Только пожилые женщины носят платья старого образца, штаны и камзолы. Большинство женщин ходит в платьях «казахского» покроя — отрезных в талии, или «узбекского» покроя — с короткой кокеткой и сборчатой юбкой. Кроме того, покупают городские платья разных фасонов, но обязательно с длинными рукавами. Длинные шаровары у большинства женщин вышли из употребления. Широко распространенный раньше камзол изменил свою форму, теперь это короткая открытая безрукавка, обычно темного цвета. Девочки и молодые женщины украшают ее нашитыми бусинками, монетами, бисером. Теплая верхняя одежда — пальто, купленное в магазине. На голове носят тюбетейку. Обувь — сапоги, чувяки, реже — туфли или башмаки. Уйгурки привыкли уже носить нижнее белье и чулки.

Шитье одежды лежало прежде на женщинах, причем шили на руках. В настоящее время в семье тоже нередко шьют некоторые виды одежды, поэтому в каждом доме имеется швейная машина. Но чаще покупают готовое платье или отдают шить портным.

Одежда ферганских уйгуров несколько отличается от одежды уйгуров Семиречья. Мужчины носят распашную рубаху (*йәктәк*) туникообразного покроя, с узким воротником, с завязкой на груди. Поверх рубахи и штанов сшитых, как и рубаха, из белой хлопчатобумажной ткани, надевают халат (*тон*), схожий с узбекским. Халаты шьют на вате, причем подкладка прострачивается вместе с верхом. Их подпоясывают куском ткани или скрученным платком. На поясе обычно висят нож и табакерка.



Одежда пожилых уйгурок конца XIX—начала XX в.

1 —бархатная шапка; *2*— искусственные шелковые косы; *3* —«чапан» — шелковый халат; *4* — кожаные сапоги; *5*— кожаные галоши; *6*—головной платок; *7* — «иштан» — штаны; *8* — «койнак» — платье

Уйгурка в старинном костюме. Город Джаркент (ныне Панфилов). 1928 г.

Зимой поверх надевают второй халат — из шерстяной ткани, без подкладки (*чәкмән*).

Женские рубахи и штаны такого же покроя, как у уйгурок Казахстана. Верхняя одежда (*тон*) представляет собой пальто, сшивное в плечах, немного суженное в талии, с отложным воротником или вовсе без воротника.

Костюм уйгурского населения южной части Синьцзяна и раньше мало отличался от костюма оседлого населения Ферганы, а после переселения между ними исчезли всякие различия. В противоположность семиреченским уйгурам, уйгуры Ферганы почти полностью сохранили национальные формы костюма, прибавив к старым лишь несколько новых покроев платья.

Мужчины помимо яктака носят рубаху такого же туникообразного покроя, но с небольшим разрезом, более узкую и короткую. Яктак считается несколько устаревшим, и молодежь предпочитает второй тип рубахи. Совсем недавно появился новый фасон рубахи — «комсомолка», с отложным воротником, с застежкой, грудным карманом и манжетами. Ее обычно покупают в городе, но умеют шить и сами. Носят ее только молодые люди.

Колхозники, побывавшие в городе, иногда носят рубаху и штаны городского покроя, пиджак. Многие имеют костюм военного образца, привезенный из армии, но надевают его сравнительно редко. Иногда пиджак или шинель подпоясывают платком.

Женщины, кроме прежнего платья прямого покроя (*тоғри көйнәк*) носят платье (*бұрмә көйнәк*) с короткой отрезной кокеткой, широким отложным воротником, пышной оборчатой юбкой. Шьют его из хлопчатобумажной ткани или из среднеазиатского шелка. Иногда такое платье приобретают в магазине. Поверх платья надевают безрукавку (*кәмзұр*) или короткий жакет с отложным воротником (*кәстұм*). Осенью женщины и мужчины носят стеганную на вате куртку (*пинҗак*).

Головные уборы — тюбетейка у мужчин, тюбетейка и легкий платок (*ромал*) у женщин; зимой мужчины носят шапку, женщины — теплый платок. Обувь такая же, как у уйгуров Казахстана.

Прическа прежде определялась возрастом и положением женщины. Девочки и девушки заплетали множество тонких косичек; так же причесывались и молодые женщины, не имевшие детей. После рождения первого ребенка женщина заплетала волосы в две косы. Косы обычно удлинялись и украшались черными шелковыми шнурками. Особенно распро-

страненным украшением были три длинные черные кисти из плетеного шелка, к концам которых посредством крохотных привесок из бус и камешков подвешивалось трехугольное металлическое украшение ювелирной работы(*чәч тәңгә*).

В Казахстане теперь все уйгурки заплетают волосы в две косы. В Фергане молодые женщины носят множество косичек, в которые вплетают белые шнурки. Косы большей частью обертывают вокруг тюбетейки и связывают концами, но ходят и закинув их за спину.

Мужчины бреют голову, но молодые люди теперь иногда оставляют волосы на голове. Усы и бороду носят только пожилые мужчины.

Женщины очень любят различные украшения — бусы, серьги, браслеты. В Казахстане каждая уйгурка носит всю жизнь, не снимая, серебряный круглый браслет с несмыкающимися концами.

Брови подкрашивают соком растения *косма*, соединяя их в одну линию над переносьем. Чернят брови также сажей.

Молодая уйгурка в старинном девичьем костюме. Город Джаркент (ныне Панфилов). 1928 г.

Пища

Основу национальной кухни уйгуров составляют блюда, приготовленные из пшеницы, кукурузы и риса, с приправами из овощей и мяса.

Хлеб выпекают из пшеничной, иногда из кукурузной, муки. Пекут его в хлебных печах из кислого теста в виде лепешек (*нан, тогач*). В котле выпекают сдобные слоеные лепешки из теста, замешанного на масле и сливках (*қатлима*), тонкие блины на сале (*пошқал*) или без сала. На праздники принято в котле выпекать сдобные печенья разных сортов, в частности хворост (*саңза*). Распространенные кушанья — мясной суп с овощами (*шова*), супы с рисом, с лапшой (*суюқ аш*), со свежими травами и кореньями. Уйгуры Казахстана знают очень много способов приготовления блюд из лапши. Наиболее обычна длинная лапша (*ләңмән*), приготовленная из тонких нитей теста, длиной до 1 м, с приправой из мелко нарезанных кусочков баранины и различных овощей. Приправа готовится отдельно и прибавляется к отваренной лапше уже на столе. В Узбекистане лангманом называют такое же блюдо с лапшой обычного приготовления. Готовят *халиваш* — блюдо из тонкого теста, нарезанного четырехугольниками и смешанного с мясом и овощами, *мәнжүрә аш* — тесто, нарезанное треугольниками, тоже с мясом и овощами.

Часто приготовляют плов (семир. *полу*, ферг. *палау*) — рис, тушеный с жареной крошеной бараниной, морковью и луком. Это — главное

блюдо на праздничном столе (приготовляется так же, как у узбеков). Варят кашу с бараниной и овощами (*шәвлә*), густую рисовую кашу с бараниной и сухими фруктами (*гүрүч аш*). Кукурузная затируха (*омач*), в прошлом пища бедняков, теперь играет роль только обрядового блюда на поминках.

Любимыми блюдами уйгуров являются также пельмени (*чөшүрә*) с начинкой из баранины, сваренные в мясном бульоне и подаваемые на стол в виде супа, большие пельмени (*манта*), начиненные мясом и тыквой и сваренные на пару, паровой хлеб (*һолуқ нан*)—слоеное тесто с начинкой из моркови и тыквы, приготовляемое на пару. Пекут пирожки с бараниной, луком, тыквой (*гөшнан, самса*).

Ранней весной уйгуры приготовляют пельмени и блинчики (*пөрә*) с начинкой из свежей зелени (дикорастущих трав). Все уйгурские блюда обильно приправляются уксусом, перцем и различными пахучими травами: анисом, тмином, кориандром.

Огромную роль в пищевом рационе уйгуров играет чай. Семиреченские уйгуры пьют соленый чай, забеленный молоком (*эткән чай*). Его приправляют сливками, сметаной, сливочным маслом или даже курдючным салом и пьют из больших пиал (*апқур чина*) с лепешкой. Жирные блюда запивают обычным чаем. Ферганские уйгуры предпочитают зеленый чай (*көк чай*), но пьют и черный. Они едят с чаем лепешки и сладости. Летом дополнением к питанию служат свежие фрукты.

Изменения, происшедшие в пищевом режиме уйгуров после коллективизации, очень значительны. Прежде основная масса уйгуров — бедняки — питалась очень скудно: утром чай с лепешкой, а на обед кукурузная похлебка, забеленная кислым молоком. Мясные блюда были доступны лишь богатым, на столе малоимущего крестьянина они появлялись только в большие праздники.

Кулинарное искусство уйгуров пользовалось прежде признанием почти повсюду в Средней Азии. Уйгурские кухмистерские (*ашхана*) были во многих больших городах и селениях.

Общее повышение материального уровня жизни трудящихся уйгуров прежде всего отразилось на их питании. Благодаря развитию скотоводства сильно увеличилось потребление мяса и молочных продуктов. Изменился и состав блюд. Вместо кунжутного масла теперь в основном потребляют баранье сало и сливочное масло. К чаю подают сухой творожный сыр (*қурут*). В пищевой рацион вошли картофель и некоторые новые овощи: помидоры, капуста. В Казахстане уйгуры часто приготовляют новое блюдо — *қордақ*, состоящее из картофеля с мясом, луком и перцем. В Узбекистане уйгуры добавляют картофель в большинство блюд — в плов, лангман, часто едят и жареный картофель.

Вся пища приготовляется в больших чугунных котлах, вставленных в печь. После каждого употребления казан моют, а время от времени чистят особым железным скребком (*қазан қиргуч*). Обычный чай кипятят в Фергане в медных кувшинах (*қумғлн*), в Казахстане — в самоварах, аткан чай — в котле. Для приготовления паровых блюд (например, манта) пользуются приспособлением, состоящим из системы решет, вставленных друг в друга (*қасқан*) и плоской посудины, сплетенной из камыша(*жимбил*).

В Казахстане до сих пор еще употребляют самодельную деревянную посуду — корытца для теста (*тәқнә*), ступки, тарелки (*тавақ*), ложки. Много посуды из тыквы (капак): разливательные ложки, фляжки и др.

Бо́льшую часть посуды покупают на рынке и в магазинах: большие фаянсовые и фарфоровые блюда, медные подносы, пиалы разных размеров, чайники.

Горячие блюда подают на стол в отдельных мисках, так же как аткан чай. Уйгуры Казахстана прежде пользовались для еды палочками, те-

перь это встречается редко. Некоторые блюда, например плов и манту, подают на общем большом блюде и едят вместе. Черный (или зеленый) чай пьют из маленьких пиал, причем в Казахстане каждому подают отдельную пиалу, а в Фергане пьют по очереди из одной или двух пиал.

Уйгуры Казахстана ставят кушанья на низенький столик, а ферганские уйгуры — на расстеленную на полу скатерть (*дэстихан*). Руки перед едой и после еды моют и вытирают полотенцем.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

В прошлом семья уйгуров имела патриархальный характер, причем у семиреченских уйгуров сохранялись некоторые пережитки большой семьи.

Главой семьи считался старший мужчина в доме, но фактическим главой, распоряжавшимся имуществом, был старший из работоспособных мужчин. Все женщины в семье подчинялись старшей из них, которая распределяла работы по дому.

Женщина находилась в полной зависимости от мужчины: мужа, отца, старшего брата. Положение ее было приниженным. В Фергане уйгурки после переселения из Синьцзяна становились такими же затворницами, как и узбекские женщины. Богатые уйгуры стали разделять дома на мужскую и женскую половины. Изоляция женщин и обычай закрывания лица поддерживались довольно строго. Женщины появлялись на улице только в парандже или с накинутыми на голову халатами.

На женщинах лежали все домашние дела и работы на огороде. В Фергане женщины, кроме того, занимались шелководством, размоткой шелка, прядением. Нередко выходили на поля для сбора хлопка. В тяжелых полевых работах женщины не участвовали.

Господствующей формой семьи у уйгуров давно уже стала малая семья численностью четыре-пять человек. Женатые сыновья иногда жили с родителями до их смерти, но чаще старших сыновей выделяли. Вначале женатый сын жил в доме отца и ему выделяли участок земли, который он обрабатывал самостоятельно, а затем отец выделял его окончательно, ставя ему отдельный дом. В наделении новой семьи различными предметами хозяйства нередко принимали участие родители жены. Совместное проживание женатого сына с родителями объяснялось чаще всего ранним брачным возрастом — 12—14 лет. Так постепенно выделялись все сыновья, за исключением младшего, который оставался с родителями и наследовал их хозяйство.

Брачные запреты касались только ближайших родственников с отцовской и материнской стороны. У ферганских уйгуров были распространены браки между двоюродными братьями и сестрами, до сих пор считающиеся самыми желательными.

Брачный возраст девочек считался с 9—10 лет, мальчиков с 12—13 лет. Многоженство у уйгуров было сравнительно шире распространено, чем у их соседей. Очевидно, здесь сыграло роль то, что уйгурам не был известен калым в его обычном виде и расходы на свадьбу у них были не так велики. Но в кишлаках в большинстве случаев жили моногамными семьями.

Развод у уйгуров практиковался нередко, хотя он был затруднен для женщины. Причиной частых разводов было то, что в первый брак вступали по существу еще дети, нередко не знавшие друг друга до свадьбы. Разведенная жена могла выбирать себе мужа без принуждения со стороны родителей. При разводе большие дети оставались у отца, маленьких, нуждавшихся в уходе, отдавали матери, но потом их тоже полагалось вернуть отцу. Жена забирала с собой свое приданое и подарки мужа;

если же она была признана виновной в разводе, все ее имущество оставалось мужу.

О браке договаривались родители, согласия детей не требовалось. Сватов выбирали обычно из среды родственников. Сначала сват осторожно выведывал у отца невесты, каков будет ответ. Потом приходило пять-шесть официальных сватов. Отец девушки угощал их, предлагая дастархан (чай, фрукты). Прежде чем дать окончательный ответ сватам, отец невесты обычно созывал совет (*мәслиһәт*), на который приглашал всех близких родственников. Через несколько дней родители будущих супругов (чаще через сватов) договаривались о расходах (*селиқ*) жениха на свадьбу. В селик входили подарки для невесты (полный комплект одежды, украшения), подарки ее родственникам и родственницам, а также все расходы, связанные с угощением на свадебном пиршестве. В Семиречье жених обязательно делал матери невесты подарок (*анилиқ*) за воспитание дочери: платье, платок, обувь, котел с пловом. Назначалась также сумма (*мәһр*), которую муж должен был дать жене в случае развода.

Свадебные церемонии совершались в доме отца невесты, куда собирались все родственники и знакомые. Накануне невесту уводила к себе подруга и в ее доме устраивалась вечеринка для девушек с угощением и танцами. Туда невесте приносили от жениха свадебную одежду. Во время свадебного пира (*той*) для совершения обряда бракосочетания приглашали почетных лиц и муллу. Мулла читал установленную молитву и давал жениху и невесте по кусочку хлеба, обмакнутому в соленую воду или молоко.

После этого жених сразу уезжал домой, а невеста в течение некоторого времени оставалась у себя дома. Вскоре за ней приезжали родственники и товарищи жениха. По дороге они распевали соответствующие случаю песни, расхваливая в них новобрачных. Пение сопровождалось игрой на бубнах, барабанах и других инструментах.

Женщины сажали молодую на ковер и, подняв его за четыре угла, несли ее к отцу для благословения, а потом сажали на арбу и отвозили к мужу.

Муж встречал новобрачную у своего дома и снимал ее с арбы. Обычно к ее приезду перед домом разводили костер, вокруг которого трижды обводили новобрачных. На следующий день после свадьбы устраивалось пиршество у родителей мужа, на которое приглашали родителей молодой. На третий день (иногда позднее) новобрачные совершали обход родственников. Мужа вели сначала к родителям молодой, а затем он обходил дома всех новых родственников и всюду получал подарки. Молодую водили по домам родственников мужа.

Первое время после свадьбы молодая должна была каждый день бывать в доме своих родителей, где мать причесывала ей голову. Там она обычно рожала первого ребенка, после чего ее считали уже взрослой женщиной. Она должна была заплетать волосы в две косы и носить платье замужней женщины с вышивкой на правой стороне груди.

Свадебный обряд уйгуров Ферганы отличался от описанного прежде всего тем, что жених и невеста должны были закрывать лицо перед тестем и тещей, свекром и свекровью (соблюдался запрет лицезрения). Родители жениха не присутствовали на свадебных церемониях в доме невесты, готовя свой той. Свадебными церемониями распоряжался посаженный отец (*вәкил ата*), избранный родственниками невесты из родственников жениха. Привезенную в дом мужа молодую усаживали в отгороженный уголок в доме, где она проводила всю ночь с двумя пожилыми женщинами. На другой день происходило открывание лица молодой перед родителями мужа (*юз ачиш*). Молодой еще долгое время скрывался от родителей своей жены (до полугода), пока они не приглашали его на особое угощение, после чего он мог видеться с ними беспрепятственно.

После Великой Октябрьской социалистической революции семейная

жизнь уйгуров претерпела глубокие изменения. В корне изменилось положение женщины в семье и обществе. В большей степени это проявилось в Казахстане. Женщина стала активно участвовать в сельскохозяйственном и промышленном производстве, заняв в нем равное с мужчиной положение, получила экономическую самостоятельность. Это помогло ей стать равноправной и в семейной жизни.

Раскрепощение уйгурской женщины осуществилось в результате длительной и упорной борьбы передовой части уйгурского народа под руководством Коммунистической партии против отсталых патриархальных традиций семейного и общественного быта. В этой борьбе принимали участие и некоторые уйгурки, выросшие потом в крупных общественных деятелей. Хетхан Зяйналдинова (род. в 1879 г.), уроженка Уйгурского района Алма-Атинской области, уже немолодой женщиной начала вести общественно-политическую работу среди женщин и продолжала ее более 25 лет. В 1929 г. она была принята в Коммунистическую партию. Своим примерным трудом в колхозном производстве она завоевала большой авторитет среди уйгурского народа. В 1931 г. она была избрана членом ЦИК СССР шестого созыва и членом Совета Национальностей ЦИК СССР. В течение пяти лет Х. Зяйналдинова работала в женотделе райкома партии, восемь лет заведовала детской площадкой, но большую часть своей жизни она трудилась в поле. Эта неутомимая женщина, несмотря на преклонный возраст, возглавляла одну из полеводческих бригад колхоза.

Уйгурки стали большой силой в колхозном производстве. Как правило, они работают в бригадах вместе с мужчинами. Многие уйгурки, начав свой трудовой путь рядовыми колхозницами, стали организаторами и руководителями производства. Примером может служить Бувихан Обулова. Она родилась в семье батрака. Родители выдали ее замуж в 14 лет за батрака-пастуха, и она батрачила вместе с мужем. После Октябрьской революции Бувихан работала на кирпичном заводе, а в 1931 г. вступила в колхоз «Кадам» Чиликского района. Через два года она уже возглавила табаководческую бригаду и стала пионеркой среди женщин в этой новой отрасли сельского хозяйства. В течение 20 лет (ум. в 1954 г.) она почти бессменно руководила женской бригадой.

В одном из колхозов Панфиловского района на протяжении многих лет неизменных успехов в выращивании зерновых культур добивалась звеньевая Садатхан Аблизова, дважды награжденная орденом Ленина.

Многие уйгурки стали видными партийными и советскими работниками. Так, Уничам Палтаева в 1932 г. окончила начальную школу. Будучи комсомолкой, она продолжала свое образование и окончила высшую партийную школу. В 1938 г. она вступила в ряды Коммунистической партии. После этого работала в редакции уйгурской газеты, в райкоме комсомола. В настоящее время У. Палтаева, окончившая юридическую школу в г. Алма-Ате, работает народным судьей Уйгурского района.

Новое положение женщины изменило уклад жизни уйгурской семьи. Нормы брака и семейных отношений регулируются теперь советскими законами. Исчезли многоженство и женитьба на малолетних. Брак заключается прежде всего с согласия жениха и невесты, при наличии взаимной склонности. Часто ему предшествует длительная дружба юноши и девушки. Благодаря новому образу жизни молодые люди получили возможность повседневного общения друг с другом.

Современный брак у уйгуров освободился от многих обязательных в прошлом обрядов. Однако нередко молодые люди устраивают свадьбу с соблюдением старых обычаев, мотивируя это уважением к старикам-родителям. Когда юноша и девушка уже договорились между собой, они сообщают о своем решении родителям, и отец жениха засылает сватов к родителям невесты. Сохраняются обычаи установления размера селика и

подготовки для девушки приданого, а также значительная часть свадебного ритуала, хотя обходятся, как правило, без муллы. Из свадебного ритуала исключены обычаи, унизительные для молодых людей. Некоторые из старых свадебных обрядов вообще уже не соблюдают. В городах нередки свадьбы без соблюдения традиционных обычаев.

Свобода выбора при заключении брака отразилась на взаимоотношениях не только супругов, но и всех членов семьи. Для уйгурской советской семьи характерны товарищеская солидарность и взаимопонимание, полное равноправие всех ее членов. Особенно ярко новые взаимоотношения в семье отразились на положении невестки (*келин*) среди родни мужа. Раньше самая бесправная в семье, обязанная подчиняться всем старшим, теперь она заняла одинаковое положение с другими членами семьи. Если молодая невестка работает в колхозе, свекровь обычно занимается домашними делами, помогает ей ухаживать за ребенком. Нередко невестка, относясь почтительно к родителям мужа, с которыми живет вместе, фактически является распорядительницей всех домашних дел, а во время войны немало молодых женщин стали во главе семьи.

Здравоохранение

Прежде в районах, где живут уйгуры, почти полностью отсутствовала медицинская помощь, что способствовало практике всякого рода знахарей и шарлатанов. В большом сел. Чарын в 1910 г. был всего один доморощенный лекарь — *тэвип*, ближайший же медицинский пункт находился в 55 верстах. Во всей Кетменьской волости (ныне Уйгурский район) не было ни одного врача или фельдшера. В крупном сел. Малыбай (современный Чиликский район) единственным «медиком» в 1910 г. был знахарь.

Теперь уйгурское население обеспечено квалифицированной медицинской помощью. В г. Панфилове построена новая районная больница с родильным отделением, при больнице имеется консультация. Созданы детские ясли и малярийная станция. Больницы, амбулатории или медпункты имеются в каждом селении.

В сел. Чунджа (Уйгурский район) есть районная больница. Кроме того, имеются больница в сел. Кетмень, врачебная амбулатория в сел. Аксу. В сел. Чарын, где разводится рис, открыт малярийный пункт. В сел. Подгорном действуют постоянные детские ясли. В каждом колхозе работают сезонные ясли.

Авторитет советских медицинских учреждений всецело признан населением. Среди врачей и фельдшеров, работающих в уйгурских селениях, немало уйгуров.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Народное образование

Огромных успехов добились уйгуры в области народного образования.

Прежде образование находилось целиком в руках городского и сельского духовенства, которое ведало школьным обучением. Школы обычно помещались при мечетях, на дому у учителей или в домах зажиточных родителей одного из учеников. Обучение сводилось к чтению религиозных книг на непонятном учащимся арабском языке. Подношения и подарки учителю от родителей школьников составляли вознаграждение за обучение. Процент грамотных среди уйгуров колебался в отдельных селениях от 24 (сел. Чарын) до 9,2% (сел. Малыбай). Антрополог Пайсель, обследовавший в 1895 г. 300 уйгуров г. Джаркента (Панфилов), не встретил среди них ни одного грамотного.

Образование более повышенного типа в пределах населенных уйгурами районов Семиреченской области было представлено лишь в сел. Карам при пятничной мечети, где преподаванием руководил главный ахун

Занятия по машиноведению в средней школе сел. Чон-Аксу. Уйгурский район Алма-Атинская область

(*чоң ахун*); ученики жили в общежитии при мечети. В этом же селении существовала единственная русско-туземная школа, но деятельность ее давала незначительные результаты. Учеба в школе, длившаяся многие годы, была доступна преимущественно детям зажиточных слоев населения. В 1907 г. среди части уйгурской буржуазной интеллигенции возникло было движение за перестройку школьного дела на светский лад, но духовенство сумело быстро преодолеть реформаторские веяния, и новометодные школы не получили никакого распространения.

Теперь образование стало и доступным, и необходимым каждому уйгуру. В районах, где живут уйгуры, появилась широкая сеть начальных, восьмилетних и средних школ; число их непрерывно растет. В районных центрах и в некоторых колхозах открыты интернаты при средних школах, где дети находятся на полном государственном содержании. В настоящее время ежегодно обучается на своем родном языке 10 тыс. детей уйгуров.

Широкое распространение грамотности сопровождалось развитием уйгурского языка и письменности. В основе возникшего после Октябрьской революции литературного языка советских уйгуров лежат северные диалекты народного языка. С 1946 г. этот литературный язык имеет письменность на основе русской графики.

В настоящее время на уйгурском языке издаются учебники, художественная литература, выходит несколько газет, в том числе многотиражные газеты в некоторых колхозах Панфиловского, Уйгурского и Чиликского районов Казахской ССР.

Наряду с начальными и средними школами растет число специальных учебных заведений. Уйгурские отделения Панфиловского и Тургеньского педагогических училищ готовят учителей для средних школ. Сотни уйгурских юношей и девушек получают высшее образование в вузах Алма-Аты, Ташкента, Москвы и Ленинграда. В Казахском педагогическом институте им. Абая на историко-филологическом факультете открыто уйгурское отделение, где преподает Айша Шамиева — первая уйгурка, получившая ученую степень кандидата филологических наук.

Немало уйгуров получило высшее образование и работает в качестве учителей, врачей, инженеров, агрономов. Из среды уйгуров вышли ученые, работающие в различных областях науки. Вопросы истории, литературы и языка родного народа разрабатывают в своих трудах филологи И. Исмаилов (Ташкент), А. Шамиева, К. Садвокасов (Казахстан), историк М. Кабиров и др. Молодой ученый А. Кибиров многое сделал в области археологии Киргизии (ум. в 1956 г.). Р. Д. Ходжаева исследует этнографию Казахстана, в Среднеазиатском государственном университете преподает кандидат биологических наук А. Розыбакиев, в психиатрической клинике Военно-медицинской академии в Ленинграде работает кандидат медицинских наук Махмуд Умаров. Его отец, Бедельжан Умаров, с 1920 г. до конца жизни (1938 г.) работал на обувной фабрике в г. Алма-Ате. Оставшись вдовой, мать благодаря помощи Советского государства смогла не только вырастить своих семерых детей, но и дать им образование. Старшая дочь Шамсинур окончила акушерские курсы в Чимкенте, Гулинур — Алма-Атинский медицинский институт, Нуржихан — Ленинградский технологический институт, младшие дочери — Бибинур и Саниям — биологический и физико-математический факультеты Казахского университета; о старшем сыне, Махмуде, упоминалось выше, младший, Алмас, окончил Горно-металлургический институт. Пример этой семьи показывает, какие творческие и культурные силы разбудила Советская власть в освобожденном уйгурском народе.

Фольклор и художественная литература

У уйгуров развито устное народное творчество, особенно лирическая поэзия. Прекрасная народная лирическая поэма о красавице Назугум, в которой рассказывается о ее тяжелых страданиях, принесенных нашествием калмыцких феодалов на ее родину, остается до сих пор любимой песней уйгуров, живущих в Казахстане.

Все без исключения путешественники и исследователи, знакомившиеся с бытом уйгуров, отмечали их музыкальную одаренность, любовь к песне и музыке. В песенном творчестве выделяется несколько жанров. Большой цикл исторических песен в поэтической форме повествует об исторических событиях в жизни уйгуров, об их безрадостном прошлом. Очень много лирических песен, былин и легенд. Наконец, в уйгурском фольклоре представлены различные обрядовые песни: свадебные, лечебные, колядовые. В настоящее время устное народное творчество продолжает развиваться. Возник новый, советский фольклор.

Письменная литература у уйгуров имеет длительную историю. Крупные памятники XI в.— «Кутадгу билиг» Юсуфа хас хаджиба Баласагунского и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского имеют важное значение в истории не только уйгурской литературы, но и литературы ряда тюркоязычных народов. Первый из них — сочинение дидактического характера, второй — крупный труд, посвященный языкам, фольклору, истории, этнографии и культуре тюркских племен и народностей. Произведения основоположника узбекской литературы Алишера Навои получили широкое распространение среди уйгуров, а некоторые из них вошли в фольклор. В устной традиции сохранились народные романы «Таир и Зохра», «Юсуф и Ахмед», «Кёр-Оглы» и др. В рукописной литературе видное место занимают сочинения историко-мемуарного характера. Их писали в прозе и в стихах. В целом в уйгурской литературе преобладает поэзия. Самые популярные виды ее — дастаны (поэмы), газели, месневи. Если поэмы носили социальный или философский характер, то месневи и особенно газели — лирический.

Однако в условиях господства феодально-клерикальной идеологии и колониального режима уйгурская художественная литература не могла в полной мере получить развитие.

За годы Советской власти уйгурский народ создал литературу и искусство, национальные по форме, социалистические по содержанию. Од-

ним из первых талантливых советских поэтов и прозаиков был Омер Мухаммедыев (1906—1931 гг.), оставивший после себя много стихов и рассказов; он и теперь является любимым уйгурским писателем. Его лучшие произведения «Гэмилэрдин», «Батур Жиллар», «Танг нури», автобиографические рассказы — «Егыр кунлэрдэ» — посвящены описанию тяжелого прошлого уйгурского народа.

Среди уйгурских писателей старшего поколения следует отметить Исмаила Саттарова — поэта и драматурга, переводчика классических произведений на уйгурский язык, безвременно погибшего в годы Отечественной войны (1944 г.). Наиболее выдающиеся его произведения — поэмы «Хур баг кызы» (1941 г.) — о девушке-комсомолке и «Корган» — о радостном колхозном труде. В соавторстве с Ж. Асимовым он написал первые пьесы для уйгурского театра — «Лейлихан-Анархан» и «Герип-Сенем» (1940 г.).

В последние десятилетия в уйгурской литературе ощущается заметный подъем. Новой жизни уйгурского народа посвящает свои стихи Изим Искандеров (род. в 1906 г.). Он обращается к героической истории своего народа, воспевает советскую Родину, великого Ленина и его партию, братскую дружбу всех национальностей, населяющих Страну Советов. В стихотворениях последних лет он откликается на современные события общественной и политической жизни.

Одним из ведущих уйгурских писателей является Кадыр Хасанов. Его творческая работа имеет разносторонний характер. Он пишет стихи и поэмы лирического и публицистического содержания, пьесы для уйгурского театра, составляет учебники и хрестоматии по уйгурской литературе, он же является автором научных статей, освещающих историю уйгурской национальной культуры и литературы. Кадыр Хасанов приложил немало труда и для приобщения уйгурских читателей к передовой литературе русского и других народов. Он перевел на уйгурский язык ряд произведений Пушкина, Шевченко, Лермонтова, Горького, Джамбула, а также несколько пьес классической и советской драматургии для уйгурского театра.

Другими авторами на уйгурский язык переведены произведения Некрасова, Льва Толстого, Чехова, Маяковского и ряд произведений советских писателей.

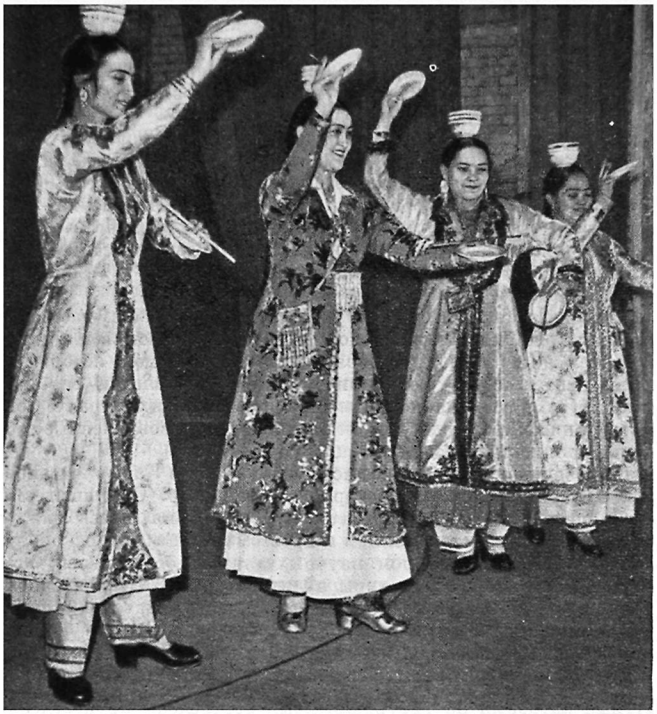
В Казахстане и Узбекистане немало молодых талантливых уйгурских писателей и поэтов, среди них Хизмет Абдуллин и Илья Молутов.

Музыка и танцы

Большое место в быту уйгуров занимают музыка и танцы. Праздники, народные торжества, вечеринки, свадебные и другие семейные торжества редко обходятся без музыки и танцев. Некоторая свобода девушек и женщин у семиреченских уйгуров допускала и раньше их участие в танцах и играх наравне с мужчинами.

Уйгурские народные песни отличаются большой мелодической самобытностью. Их можно слышать как в сольном, так и в хоровом исполнении (в унисон). Раньше их пели только на слух. Пение сопровождается музыкой, которая выводит мелодию песни с вариациями и подчеркивает песенный такт. Во время пения покачиваются в лад песне, иногда такт отбивают ладонями.

Уйгурские музыкальные инструменты довольно разнообразны. Самым распространенным музыкальным инструментом является двухструнный щипковый инструмент *дутар* типа домбры, с кузовом овальной формы и длинным грифом, имеющим от 8 до 15 передвижных ладов из струн. Струны на нем из воловьих кишок или жил. Наряду с дутаром в состав струнных инструментов входят щипковый инструмент с тремя металлическими струнами (*тэмбир*), лютня (*сетар*) с тремя металлическими струнами, девятиструнный смычковый инструмент, трехструнная бандура (*шэңзэ*) китайского происхождения, бандура (*равап*), по типу напоминающая шенгза, но имеющая пять струн; цимбалы (*йәнжин*) китайского



Танец с пиалами в исполнении артистов Уйгурского музыкально-драматического театра

происхождения, с 48 металлическими струнами, гусли (*калун*) с 18 парами струн, смычковый инструмент *гежэк*, имеющий от 4 до 10 струн (верхняя дека его сделана из рыбьей кожи, нижней деки нет; смычок проходит между струнами).

Среди ударных инструментов имеются небольшой бубен (*дап*, или *шалдап*), большой барабан (*думбақ*) и малый (*награ*), литавры (*тевилваз*) из одного медного полушария, обтянутого кожей, и медные тарелки (*жаң*).

Духовые инструменты состоят из небольшой флейты (*нәй*) из китайского камыша, рода кларнета (*сүнәй*) из грушевого дерева и длинной медной трубы (*канай*). Все эти инструменты, кроме медной трубы и барабанов, служат для сопровождения пения.

В Восточном Туркестане существовали оркестры профессиональных музыкантов. Среди уйгуров-переселенцев профессиональных музыкантов не было, но играть и теперь умеют почти все. Дутар является не только излюбленным музыкальным инструментом женщин, но и инструментом, необходимым для аккомпанемента к сольному пению. Музыка непременно сопровождает и танцы, индивидуальные и парные, причем такт танца выделяют ударные инструменты.

Уйгурские танцы очень грациозны; они различаются по манере исполнения. *Уссул* — танец в стоячем положении, без приседания. Танец *седир*

Выступление участников Народного театра колхоза «Эмгек» Селение Чон-Аксу, Уйгурский район, Алма-Атинская область

состоит из различных движений в присядку с хлопаньем в ладоши: танцуют двое. Раньше исполнялись иногда танцы, изображавшие ухаживание мужчины за женщиной; роль последней исполнял переодетый мужчина. Ферганские уйгуры почти совсем забыли свои национальные танцы и танцуют по-узбекски.

Развивается и профессиональная уйгурская музыка. Из среды уйгуров вышли талантливые музыканты — дирижер Газиз Дугашев и композитор Куддус Кужамьяров. К. Кужамьяров родился в 1918 г. в сел. Кайназар Энбекши-Казахского района. Шестнадцатилетним юношей он поступил в Алма-Атинское музыкальное училище, а в 1939 г. — в Московскую государственную консерваторию им. Чайковского. Затем, находясь в рядах Советской Армии, он организовал ансамбль песни и пляски, для которого создал боевые песни. После войны он окончил композиторское отделение Алма-Атинской консерватории.

В творчестве К. Кужамьярова на первый план выступает тема современности. Он создает песни о мире, написал сюиту «Расцветает целина» для солистов, хора и оркестра уйгурских национальных инструментов, симфоническую поэму «Песня о свободе». Одним из самых крупных достижений К. Кужамьярова является его симфоническая поэма «Ризвангуль». В ней воспевается образ партизанки, героини борьбы за победу народно-демократического Китая, уйгурской девушки Ризвангуль. Это произведение первого уйгурского композитора было удостоено Государственной премии. К. Кужамьяров написал первую уйгурскую оперу «Назугум», использовав в ней богатое музыкальное наследство уйгурского народа. Сюжет оперы создан по мотивам популярной уйгурской поэмы о Назугум. Опера поставлена Государственным академическим театром оперы и балета Казахской ССР.

Театр

Появлению национального уйгурского театра предшествовало образование кружков художественной самодеятельности в уйгурских селениях и городах. В 1919 г. возникли театрально-драматические кружки (так называемых синеблузников) в

городах Верном (Алма-Ата), Джаркенте (Панфилов), Чимкенте и других местах. В середине 20-х годов был создан Джаркентский передвижной уйгурский театр (впоследствии колхозно-совхозный), носивший самодеятельный характер. Он просуществовал до 1944 г. В 1930 г., по инициативе любителей театра Назарова, Арабаева и Ахунова, возникла уйгурская труппа в Андижане (Узбекская ССР), через короткое время превратившаяся в государственный музыкально-драматический театр. Последний в 1948 г. слился с узбекским областным театром. В 1934 г. в Казахстане (в Алма-Ате) на основе народной самодеятельности была сформирована уйгурская труппа и создан музыкально-драматический театр.

В настоящее время уйгурский театр имеет постоянное помещение в центре Чиликского района — сел. Чилик. В репертуаре уйгурского театра представлены оригинальные уйгурские пьесы — «Лейлихан-Анархан» и «Герип-Сенем», переводные —«Укрощение строптивой» Шекспира, «Лекарь поневоле» Мольера и много пьес советских драматургов, среди них «Шелковое сюзане» А. Каххара, «В добрый час» В. Розова.

В театре получило полное развитие национальное искусство уйгуров: оркестр, составленный из национальных инструментов, национальные песни и танцы. В уйгурских пьесах широко используются национальные сюжеты и мелодии.

В летний сезон уйгурский театр посещает колхозы, для которых приезд театра превращается в праздник. На спектакли съезжаются жители ближайших колхозов на машинах, подводах, велосипедах, верхом на лошадях и ослах.

В процессе творческого роста театр воспитал немало талантливых артистов (музыкантов, певцов, танцовщиц). Наиболее популярны среди них Мариям Семятова, Рушангуль Илахунова, Хеличам Илиева, Ризван Тохтанова, Халида Джалилова, Джалаль Асимов, Махпир Бакиев, Ахмет Шамиев. В Узбекистане прославились уйгурские артистки Зейнахан Палтусова, Давлятхан Кадырахунова.

Уйгурский театр успешно выступал во время декады казахской литературы и искусства в Москве (декабрь 1958 г.). Он показал москвичам национальные песни и танцы.

На основе развития художественной самодеятельности в конце 1959 г. в сел. Чон-Аксу Уйгурского района (колхоз «Эмгек») организован Народный театр. В его составе около 15 артистов из колхозной молодежи района. Руководитель этого коллектива — артист Уйгурского музыкально-драматического театра Султанмурат Розамов. Он проводит с молодыми артистами большую работу, обучая их не только профессиональному мастерству, но и музыкальной грамоте. Коллектив Народного театра обслуживает колхозы района, где выступает с концертами, в программу которых входят танцы, песни (уйгурские, казахские, русские) и некоторые цирковые эстрадные номера. Одновременно молодой театр подготовил первые постановки: музыкально-драматический спектакль по пьесе «Гунчэм», принадлежащей перу синьцзянского уйгурского драматурга Зунун Кадыра, и комедию «Тэрбия камчиликнин дохтыри» («Воспитание — врач недостатков»), написанную одним из артистов этого коллектива А. Исламовым на тему современной колхозной жизни.

ДУНГАНЕ

В второй половине XIX в. в пределы современных Киргизии и Казахстана переселились три этнические группы народности, известной в русской литературе под названием «дунгане». Основная масса дунган живет в пределах Китайской Народной Республики, где они вошли в состав формирующейся крупной народности хуэйхуэй (или хуэйцзу); по данным переписи 1953 г., численность хуэйцзу превышала 3,5 млн. человек. В октябре 1958 г. в северо-западной части КНР был создан Нинся-Хуэйский автономный район.

Название «дунгане» появилось в провинции Синьцзян во второй половине XVIII в. Так называли переселенцев из внутренних провинций Китая. Часть этих переселенцев служила в китайской армии, часть составляли торговцы, ремесленники, земледельцы, снабжавшие армию продовольствием.

Дунгане, живущие в КНР, называют себя «хуэйцзу жын»; прежде термин «хуэйцзу» распространялся на все группы мусульман Китая как внутренних провинций, так и северо-западных и западных его областей; языком общения для них был китайский и его соответствующие диалекты.

Самоназвание дунган Киргизии и Казахстана — *лаохуэйхуэй* или *чжунъюаньжын* (*двунйуанжын*). Китайцы, соседящие с дунганами, нередко называли их *сяо цзя* — младшая семья.

В русской литературе название «дунгане» появилось в начале XIX в., но вплоть до Октябрьской революции дунган чаще всего продолжали именовать «китайскими мусульманами».

По данным переписи 1959 г., численность дунган в СССР составляет 21,9 тыс. человек, в том числе в Киргизской ССР — 11,1 тыс. в Казахской ССР — 10 тыс., в Узбекской ССР — 0,6 тыс. человек; 94,8% живущих в СССР дунган считают своим родным языком дунганский.

Следует отметить, что современное расселение дунган в республиках Средней Азии отличается от дореволюционного своей компактностью. В значительной мере это объясняется тем, что дунганское трудовое крестьянство только при Советской власти получило земли, которые оно прежде временно арендовало, и осело, создав свои поселки близ этих земель.

В СССР дунгане расселены преимущественно в долине р. Чу. Районы их поселений следующие: Казахская ССР — г. Алма-Ата и пригородный район; г. Джамбул и сел. Джалпак-Тюбе в 7 км от него; г. Панфилов и сел. Чилик; в Курдайском районе Джамбулской области имеются два дунганских селения — Каракунуз и Шор-Тюбе (ныне в Каракунузе

не более 60% дунган); Киргизская ССР — города Фрунзе, Токмак, Пржевальск, селения Ырдык (под Пржевальском), Хунчи, Милянфан, Милянтан (Кантский район), Кызыл-Шарк (Кара-Суйский район Ошской области), Александровка (Московский район) и др.; Узбекская ССР — близ г. Ташкента и в городах Ферганской долины.

Многие селения, где живут преимущественно дунгане, или целиком дунганские, были образованы еще в 80-х годах XIX в. Численность их жителей, указанная в источниках, содержащих первые сведения о дунганах, преувеличена. По-видимому, называемая в этих источниках численность (15 тыс. человек) включает и часть уйгуров соседних сел и городских слободок. Архивные источники и литература свидетельствуют о значительных колебаниях численности дунган, продолжавшихся до 1930-х годов.

После Великой Октябрьской социалистической революции возникли новые поселения (Милянфан, Хунчи, Хунхан, Красный Милянтан, Кызыл-Шарк), в которых преобладает дунганское население.

В антропологическом типе дунган ясно выявляются восточноазиатские черты. Признаки монголоидной расы выражены вполне отчетливо, однако лицо не очень широкое, голова имеет несколько удлиненную форму, что как раз и служит отличительными признаками восточно-азиатского типа монголоидной расы. Тем не менее в антропологическом отношении отдельные группы дунган более близки к представителям брахикефального корейско-маньчжурского типа.

Длительное соседство с другими мусульманскими народами Синьцзяна привело к появлению примеси типа Среднеазиатского междуречья. Распространенное представление о дунганах, как о потомках арабов, женившихся на китаянках, научно не обосновано и не соответствует их антропологической характеристике.

В основе дунганского языка лежат говоры китайского языка провинций Ганьсу и Шэньси. Первые представлены больше в Киргизской ССР, вторые в Казахской ССР. От соответствующих китайских говоров язык дунган отличается лексическими заимствованиями из других языков — арабского, тюркских, русского, а в связи с этим и некоторыми отклонениями в фонетической и грамматической системах. Особенно большие изменения в дунганской лексике произошли после Октябрьской революции, когда в язык дунган вошло множество русских слов, число которых все увеличивается и соответствующим образом влияет на звуковой и даже на грамматический строй дунганской речи. Постоянное общение с представителями других национальностей, а после Октябрьской революции и более тесное приобщение к русской культуре привели к тому, что, в соответствии с требованиями жизни, большинство дунган, в особенности мужчины, двуязычны и даже многоязычны. Они знают, кроме родного языка, русский, один или два тюркских: уйгурский, казахский или киргизский, узбекский.

Дунгане ошской группы, постоянно общающиеся с окружающим их узбекским населением, в значительной мере утратили родной язык. Большинство их говорит и думает по-узбекски.

В основу литературного языка дунган СССР положен ганьсуйский диалект.

На этом диалекте имеется довольно большая литература — художественная, общественно-политическая и учебная. Она издается уже с конца 1920-х годов.

Кроме того, на этом же диалекте в г. Фрунзе два раза в неделю выходит газета «Шыйуэди Чи» («Знамя Октября») и два раза в неделю ведет передачи Фрунзенская радиовещательная станция.

Образцы шэньсийского диалекта зарегистрированы лишь в немногочисленных записях этнографов дореволюционного времени. Лишь в 1960-х

годах этот пробел постепенно заполняется. Китайской иероглифической письменности дунгане в массе своей не знали. Несколько большее распространение имел в дореволюционное время арабский алфавит, на котором сохранились произведения культового и религиозного содержания. Письменность советских дунган строится на основе русской графической системы, пополненной пятью дополнительными знаками, позволяющими отразить фонетические особенности литературного языка дунган. Уточненный алфавит и правила правописания и пунктуации были приняты в 1954 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Историческая наука пока еще не может ответить окончательно на вопрос о происхождении дунган. Высказанные в китайской, западноевропейской и русской литературе взгляды на происхождение дунган не могут быть подтверждены с исчерпывающей обстоятельностью историческими источниками и представляют собой лишь более или менее стройные гипотезы. В западноевропейской и старой русской литературе преобладают две основные гипотезы. Согласно одной из них, дунгане — это *хань* (китайцы), принявшие ислам вследствие длительного контакта с тюркскими народами, арабами и иранцами. По другой версии — это тюркские, арабские или иранские переселенцы, воспринявшие язык, культуру и формы хозяйства окружающего китайского населения.

Мнения, высказанные в китайской литературе, как старой, так и современной, в общем близки ко второй из приведенных выше гипотез.

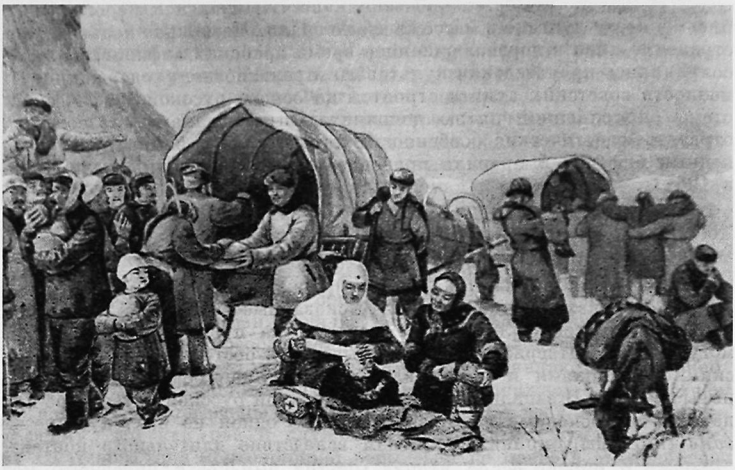
Однако дунгановеды в КНР, подчеркивая сложность процесса этногенеза дунган, отмечают все же значительные включения местных этнических элементов.

Мнения советских ученых в общем не расходятся с мнением ученых КНР. Но в этих мнениях имеется и различие. Оно заключается в том, что советские ученые основное значение в этногенезе дунган придают не пришлому, а именно местному этническому слою, сложившемуся в самом Китае субстрату, прежде всего северокитайскому. Роль пришельцев — народов Средней Азии, арабов, иранцев и других — признается неодинаковой у различных групп нынешней народности хуэйцзу, консолидирующейся в КНР. В северной группе (т. е. у дунган как таковых) основную часть позднего этнического компонента составляли выходцы из различных районов, относящихся ныне к Советской Средней Азии; арабы и иранцы в значительно меньшей мере вливались в их состав и роль их в этногенезе не слишком значительна[1]. Такая точка зрения подтверждается и современными постоянными контактами дунган с народами Средней Азии и даже имевшим место слиянием их с узбеками в Ферганской долине и с уйгурами в районе г. Панфилова и в других пунктах крайнего востока территории расселения советских дунган.

По-видимому, процесс формирования этнической общности дунган происходил в периферийных областях и, в частности, на территории северных и северо-западных провинций Китая — Шаньси, Шэньси и Ганьсу. Заселение дунганами Илийской долины началось издавна и шло различными темпами в различные исторические периоды.

Последнее и наиболее крупное переселение их было связано с так называемым дунганским восстанием конца прошлого столетия. Национальный гнет, феодально-ростовщическая эксплуатация со стороны бюрократического аппарата центральной администрации и местных властей, их

[1] Приморская этническая группа хуэйцзу и юго-западная группа, так называемые пантай, формировались иначе.



Прибытие в Россию дунган-переселенцев в 1877 г.
Картина художника И. А. Белевича

вмешательство в религиозные отношения мусульман были причиной частых восстаний против олицетворявшейся Цинской династией (1644—1912) феодально-бюрократической системы. В восстании, начавшемся в 1861 г. и распространившемся в 1864 г. на весь северо-запад страны, приняли участие все жившие на этой территории народы (т. е. не только те, у которых был распространен ислам).

Антифеодальное по существу, религиозное по окраске восстание 1861—1878 гг. было последней волной великой крестьянской войны — Тайпинского восстания (1850—1864). История дала немало примеров совместных действий китайского трудового крестьянства и дунганской бедноты против общего врага — феодалов и бюрократического аппарата империи.

Несмотря на широкий размах, восстание 1861—1878 гг. было обречено на неудачу вследствие разобщенности отрядов повстанцев, часто отсутствия координации их действий, социальных противоречий в лагере повстанцев, особенно в их руководстве.

В ходе восстания из среды крестьянства выдвинулось немало талантливых вождей. Одним из них был Бый Ян-ху (или Бо Ян-ху), потомки которого и теперь живут в поселках Каракунуз и Шор-Тюбе в Казахской ССР и в сел. Ивановке Киргизской ССР.

Но преобладающее большинство среди руководителей восстания составляли выходцы из среды местных феодалов и торгово-ростовщических слоев, предававшие повстанцев при первых же поражениях или в период, когда соотношение сил начинало складываться не в пользу повстанцев.

Переселение части дунган в 1877—1878 и 1881—1884 гг. на территорию современных Киргизии и Казахстана в результате поражения восстания было последним его эпизодом.

Таким образом на территории России появились крупные локальные группы дунган, различные по численности.

Каракольская (Ырдыкская) группа, во главе которой стояли Да Сы-фу и А Е-Ложэньцзя, насчитывала 1118 человек. Численность Ошской группы во главе с Ма Да-жынем (в архивных источниках Ма Дарын) превышала

1500 человек. В первые же годы часть дунган этой группы из числа осевших в г. Оше ушла под г. Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), где со временем образовалось сел. Джалпак-Тюбе (первоначальное его наименование Дунгановка). Некоторое число беднейших дунган из этой группы разбрелось по городам Ферганской долины. После Октябрьской революции они соединились на территории Кара-Суйского района (Ошская область Киргизской ССР).

Третья, наиболее крупная по численности и наиболее компактно поселившаяся группа во главе с Бый Ян-ху насчитывала 3314 человек. С весны 1878 г. дунгане этой группы начали осваивать не использовавшиеся ранее для земледелия земельные участки по горной речке на правом берегу р. Чу против Токмака. Поселок, созданный ими, был назван по-дунгански *Иньпань* (временный лагерь). Это наименование бытует и теперь (см., например поэму «У нас в Иньпане»), но только среди дунган. Официальное наименование поселка — Каракунуз — восходит еще к тому периоду, когда в нем преобладали землянки и мужчины-дунгане появлялись на зов у входа в землянку в своей черной национальной одежде, «как черные жуки» (по-киргизски черный жук — «кара конгуз»). Поселок быстро застраивался. Усадьбы с белоснежными строениями, огородиками, цветниками, виноградниками образовывали улицы, разбитые на правильные квадраты. Но название Каракунуз осталось. Позднее выходцы из Каракунуза — рисоводы, старавшиеся селиться поблизости к рисовым полям в пойме р. Чу,— создали вытянувшийся вдоль правого берега р. Чу поселок Шор-Тюбе (от слов *шор* — солончак и *тюбе* — холм). Действительно, в восточной части поселка имеется холм с остатками старинной крепости.

Более поздняя по времени формирования и наименее компактно расселившаяся группа, именуемая чаще всего по своему наиболее крупному поселку Сокулукской, или Александровской, насчитывала 1147 человек. Большинство их осело на р. Сокулук в поселке Александровском (ныне с. Александровка Московского района Киргизской ССР). Но небольшие объединения родственных или дружественных семей дунган этой группы поселились в г. Джаркенте (ныне г. Панфилов), в селениях Чилике и Или, пригородах г. Верного (ныне г. Алма-Ата) и др.

Среди дунган Ошской (и Джалпактюбинской), Каракольской (или Ырдыкской) и Сокулукской групп преобладают «ганьсуйцы», т. е. говорящие на так называемом ганьсуйском диалекте дунганского языка.

Дунгане Каракунуза и Шор-Тюбе в основном «шэньсийцы» — они говорят на шэньсийском диалекте дунганского языка. Это деление по языковой принадлежности со временем вытеснило наименования по земляческим. Поэтому в литературе о советских дунганах принято упоминать две группы дунган: ганьсуйцев и шэньсийцев. Очень редко встречается также наименование небольшой группы *ягэ*. Дословный перевод этого названия — подранок (утка, подстреленная охотником и потому отставшая от стаи). В народе название «ягэ» осмыслялось как «беглецы, отставшие, отколовшиеся». В результате полевой исследовательской работы среди потомков этой группы дунган, проведенной в 1960 г. этнографо-лингвистической экспедицией, установлено, что дунгане-ягэ — в массе своей выходцы из Ланьчжоу, Иньчуана и других близлежащих городов и сел. По-видимому, они и составляли главное ядро упомянутой Сокулукской группы дунган. Основными районами их расселения в России были селения Александровка, Сокулук и Чилик. Ныне они расселены во многих поселках с дунганским населением (преимущественно среди ганьсуйцев) и сохранили свои земляческие особенности лишь в районе Чилика. Можно предполагать, что их нинся-ланьчжоуский диалект был своеобразным промежуточным звеном, связывающим значительно расходящиеся между собой ганьсуйский и шэньсийский диалекты

дунганского языка. Материальная культура ягэ и их быт помогают объяснить наличие существенных расхождений в быту шэньсийцев и ганьсуйцев.

* * *

С водворением части дунганского населения на территории России судьбы этих групп дунганского народа, их экономическая жизнь и культура оказались тесно связанными с историей и культурой окружающих народов: казахов, киргизов, узбеков и русских переселенцев.

Дунганам были предоставлены для посевов земли, нуждавшиеся в искусственном орошении, и притом в количестве, значительно меньшем, чем другим переселенцам. Так, русские и другие переселенцы в Аулие-Атинском уезде получали по 20—25 десятин на рабочую душу, дунгане — по 7 десятин[1]. В Верненском и Токмакском уездах представители местной русской администрации нашли достаточным выделить на мужскую душу по 5 десятин. Но и это количество было чисто номинальным, так как неорошаемые, сухие и каменистые земли на две трети не могли быть использованы и лишь висели на общине тяжким грузом, потому что податная сумма исчислялась с общего количества земли данной общины. При этом запланированные Переселенческим управлением суммы на обводнение новых районов поселения дунган, за немногим исключением, не использовались по назначению. Так, в Аулие-Атинском уезде из намеченной суммы 50 тыс. рублей лишь 6 тыс. руб. было израсходовано на ссуды дунганам. Остальная сумма разошлась на организационные и прочие расходы; на ирригацию было израсходовано всего 1573 р. 68 к.[2]

Небольшой земельный надел, плохие земли, почти полное по началу отсутствие орудий труда и достаточных средств (большинство переселившихся было малоимущими крестьянами) — все это привело к тому, что уже к концу первого года поселения, в ноябре 1882 г., волостной управитель дунган сел. Александровки Мацхун сообщил о крайней бедности 260 семейств и просил о выдаче пособий в размере 5 тыс. руб. для покупки голодающим дунганам хлеба и для постройки жилищ бездомным[3]. Зимой 1882 г. обнищавшим сокулукским (александровским) дунганам была выдана продовольственная ссуда, а весной 1883 г. ввиду недостатка семян им было выдано в кредит около 4 тыс. руб.

К 1 июня 1884 г. в Семиреченской области насчитывалось 2026 семей дунган, или 8815 человек. К 1898 г. численность дунган значительно возросла за счет естественного прироста (частично от смешанных браков) и составляла уже 14 222 человека. Почти 80% дунганского населения было сосредоточено в Семиреченской области, особенно в Верненском и Пишпекском уездах.

В 1883 г. дунгане сел. Александровки использовали под посев хлебов и клевера в общей сложности 346 десятин, т. е. немного больше десятины на хозяйство. Такое же положение наблюдалось и в сел. Каракунуз. Позднее, после обмера земель, земельная площадь у дунган увеличилась, но все же была недостаточной. К 1914 г. в Семиреченской области на дунганскую семью приходилось в среднем 7,55 десятины посева. Орошаемую землю брали в аренду у киргизов. Размеры арендуемой земли были чрезвычайно велики, до 40% всей обрабатываемой земельной площади. Среди дунган-земледельцев был высок процент безземельных (29,4%) и малоземельных, имевших до 5 десятин (28,7%) хозяйств. Кулацкая и

[1] ЦАУ Уз.ССР, ф. 17, оп. 1, д. 14179, л. 22.
[2] Там же, д. 1101.
[3] ЦАУ Казах.ССР, ф. 21, д. 735, л. 413.

помещичья прослойка, составлявшая 4,5% всех хозяйств, сосредоточивала в своих руках значительную земельную площадь.

Хотя основная часть дунганского населения образовала сельские поселения, многие дунгане жили в городах: Верном (Алма-Ата), Пишпеке (Фрунзе), Джаркенте (Панфилов), Токмаке, Пржевальске, Оше, Аулие-Ата (Джамбул). Здесь возникли дунганские слободки. Но и городские дунгане занимались земледелием на арендованных землях.

Классовая структура дунганского общества определялась господством феодальных и отчасти капиталистических отношений. Лишь очень немногие пережитки свидетельствовали о существовании у дунган в прошлом родового строя. Это прежде всего наличие одинаковых или однозвучных (но не одинаковых по смыслу) [1] фамилий у отдельных групп дунган как отголосок прежнего родового имени (Майн, Магуй, Мацун, Малянчин и др.). Подобно фратриальному было деление восьми общин в долине р. Салар в провинции Ганьсу на четыре верховских и четыре низовских, причем имеется очень глухое указание на трехродовой союз, точнее на обязательство заключать браки, беря жен из определенных семей «по цепочке», когда семья А берет жен из семьи Б, семья — Б — из семьи С и т. д. Наконец, в свадебном обряде сохранились такие пережитки, как описываемая ниже игра *фа цифур* (по-китайски *шуа си*).

Поселения дунган в конце XIX в. (первый период истории дунган Средней Азии) представляли собой замкнутые или почти изолированные сельские общины, оформленные внешне в виде религиозных объединений.

По традиции, дунгане искони стремились сохранять земляческие связи, селиться преимущественно рядом с выходцами из тех мест, откуда они происходили сами. Нередко дунганский поселок был населен только земляками (например, Дидаоское землячество в Ырдыке, Карашарское в Оше и Джалпак-Тюбе). Воспоминания о земляческих связях живы и поныне.

К моменту переселения в пределы России в среде дунган были помещики, торгово-ростовщическая буржуазия и крестьянство. Переселение на первых порах задержало уже давно развивавшийся процесс классовой дифференциации дунганского крестьянства. Царское правительство первоначально поддерживало сельскую общину как удобную форму социальной организации деревни. При расселении земля отводилась на общину в целом; в ее ведении находилось последующее распределение пахотных участков и водопользование (строительство ирригационных сооружений, поддержание их в порядке, очередность пользования водой для полива). Община облагалась общей податью. В дальнейшем подати раскладывались по дворам (семьям), на все семьи, включенные в первичные податные списки, без учета наличных хозяйств и качества земли (земли дунган были на две трети непригодными к возделыванию). Таким образом, община несла ответственность и за дунган, переселившихся из деревни в города с целью избежать налоговой кабалы и выплаты недоимок. Поэтому очень часто с горожан, уже приписанных к местным группам мещан, взыскивались налоги с недвижимого имущества в городе и оброчная подать за надельную землю в селении.

На общинном принципе держалось и «самоуправление», сохраненное у дунган царским правительством. Сельские общества управлялись выборными старшинами. Во главе волости, объединявшей сельские общества, стоял управитель, избиравшийся выборщиками от сельских общин.

[1] Китайские иероглифы, различные по начертанию и семантике (смысловому значению), зачастую читаются подобно или одинаково. Например, в данном случае первый слог Ма в фамилиях: от Ма — лошадь (Коневы) или Ма — конопля (Коноплевы).

Сохранилась выборность и для занятия духовных должностей. Все эти многоступенчатые выборы сопровождались чрезвычайно острой классовой борьбой, которая порой доходила до драк, поножовщины и даже «изъятия» кандидата (похищение его или убийство). В конечном счете в составе местной администрации оказывались ставленники кулацко-помещичьей верхушки дунганской деревни. Большое давление на выборщиков в этом же направлении оказывали и представители царского правительства, то запрещая, то вновь разрешая самоуправление. Общины существовали и у городских жителей, но они подчинялись еще городской мещанской управе (по указанию властей они были приписаны к мещанскому сословию и должны были отбывать воинскую повинность).

В светских и духовных учреждениях дунган (магометан суннитского толка) ведущую роль играло духовенство. Оно держало под неослабным контролем всю общественную и личную жизнь дунганина, диктуя ему нормы поведения в семье и в общине.

Пережитки домусульманских воззрений у дунган были очень слабо выражены и проявлялись редко. Обычно отмечая приверженность дунган к исламу, наблюдатели вовсе не находили подобных пережитков. Между тем у дунган бытовала вера в оборотней, в злого духа — Албасы (в виде женщины, якобы обязательно присутствующей при родах). Известны также заговоры против духов гор, рек и лесов.

Вся позднесредневековая история дунган заполнена междоусобной борьбой различных мусульманских сект, отличавшихся друг от друга некоторыми догмами и обрядами.

Население было обложено специальным религиозным налогом (*зэкэти*). Он представлял собой ежегодное отчисление части дохода в пользу дунганского духовенства, бедных и больных. Кроме того, духовенство получало отчисление известной части хлеба от нового урожая (*вушэр*). Само собой разумеется, что различные требы оплачивались отдельно: за венчание с бедноты брали от 20 коп. до 100 руб., а с остальных — от 200 до 500 руб.; за похороны мужчины — обыкновенно халат и небольшую сумму деньгами, а за погребение женщины — халат и что-либо из серебряных вещей, принадлежавших покойной (браслет, серьги и т. п.).

На первом месте в духовной иерархии у дунган стояли имам и мударрис-ахун, обычно обучавший детей в духовной школе (имам совершал пятничную службу в мечети). Затем шли муфти-ахун (заместитель и помощник мударрис-ахуна), хатип-ахун (совершавший обрезание) и, наконец, муэдзин, созывавший на молитву. Все они получали содержание из зякетных сумм. В дооктябрьский период эти должности у дунган замещались в общинах-приходах путем выборов. Кадры духовенства пополнялись за счет успешно заканчивавших духовную школу при мечети. Насколько велико было влияние духовенства на дунган, можно судить по тому факту, что в дореволюционный период решения представителей духовенства считались у дунган более обязательными, чем приговор местного (казийского) суда или волостного управления. Иногда даже сам волостной управитель подвергался наказанию по решению ахуна и имамов. Так, в 1888 г. был случай, когда волостному управителю, казию (судье) и одному дунганину по решению ахуна было дано по 30 ударов в мечети за то, что они допустили на обеде, данном волостным управителем в честь новобрачных, танцы и пляски якобы с преобладанием элементов эротического содержания, что было сочтено нарушением правил нравственности.

Дунганское духовенство было тесно связано с эксплуататорскими группами — помещиками и буржуазией, так как помогало им держать в полном повиновении трудящиеся массы дунган.

В результате деятельности духовенства среди дунган был развит религиозный фанатизм, которым они выделялись среди окружающего населения. До Октябрьской революции в одном только сел. Каракунуз было 47 мечетей и домов молитвы, в Пишпеке — семь. Дунганские центральные мечети (*либэ сы*), часто сохранявшие китайские архитектурные традиции, воздвигались обычно на высоком, с крутыми скатами постаменте. Резные фризы с ажурными прогонами, величественные и стройные колоннады, наконец, техника крепления конструкций «в замок» (без гвоздей, болтов, скоб и других металлических предметов) позволяют говорить об этих сооружениях как о памятниках высокоразвитого мастерства зодчих. Особенно интересны действующая мечеть дунганской работы в г. Пржевальске и мечеть в г. Панфилове, центральное здание которой и минареты выполнены дунганскими мастерами.

По мере роста капиталистических отношений классовое расслоение дунганской деревни все более углублялось. На одном полюсе выделялись помещики и кулачество, связанные с ростовщичеством, на другом — масса полуарендаторов, арендаторов и батраков. Фактически влияние общины на распределение земли было постепенно сведено к нулю, многие наделы были переданы или «уступлены» помещикам и кулакам. Так, например, в сел. Каракунуз до Октябрьской революции у помещика среднего достатка имелось более 100 га посева. До 30 батраков обрабатывали его землю и получали заработную плату деньгами. Сохранились и чисто феодальные формы эксплуатации. Так, батраки за свой труд иногда получали от помещика пахотную землю (не более 1 га), причем для ее обработки брали рабочий скот у хозяина.

Характерной особенностью социально-экономических отношений у дунган в то время было использование кулаками и торговцами из дунган патриархально-феодальных пережитков для эксплуатации крестьян. Самой распространенной ее формой была издольщина — *чонгун*. Безземельные и малоземельные крестьяне получали лишь небольшую часть урожая с обрабатываемого участка (иногда только $^1/_8$), остальную часть получал землевладелец без всяких затрат труда и средств.

К формам эксплуатации беднейшего крестьянства следует отнести и совместную обработку земли, которая была развита в дунганских хозяйствах под названиями *дато*, *дадуй* и *дахуэ*.

Дато и дадуй — первичные формы коллективного труда бедняцких крестьянских хозяйств. Их сущность заключалась в том, что бедняки, лишившиеся возможности самостоятельно вести хозяйство, объединяли имевшуюся у них тягловую силу и инвентарь для совместной обработки земли. Продукты между участниками дато и дадуй распределялись в зависимости от доли тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря. Впоследствии этот метод коллективной обработки полей бедняками был широко использован дунганской кулацкой верхушкой в своих эксплуататорских целях.

Дахуэ является более совершенной формой коллективного труда дунганских крестьян. Кроме тягловой силы и инвентаря, по мере возможности объединяли еще и семена и денежные средства. В организации этой формы коллективного труда крестьян большую роль играли зажиточные слои. Вкладывая средства в организацию дахуэ, они получали большую прибыль при распределении продуктов. Эта завуалированная форма эксплуатации непосредственных производителей — крестьян — дунганскими кулаками просуществовала у дунган вплоть до сплошной коллективизации сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане.

Предоставленная дунганам земля постепенно стала переходить в руки эксплуататорских элементов, которые успели за счет эксплуатации соотечественников накопить состояние и получили власть над основной массой переселенцев. Эту категорию лиц деятельно поддерживала местная цар-

ская администрация. Она помогала дунганской верхушке в захвате лучших участков земли и оросительной сети. Вследствие этого рядовые переселенцы испытывали затруднения, за ними накопились крупные недоимки по налогам. Большое распространение получила такая форма эксплуатации маломощных дунганских крестьян, как аренда в форме *зўхў* и субаренда. Дунганские богачи арендовали землю у киргизских и казахских баев и манапов, потом пересдавали ее по частям в аренду дунганским крестьянам. Так, дунганские торговцы из Пишпека арендовали у киргизских обществ Толкановской волости до сотни десятин земли для посева риса и сдавали ее в аренду так называемыми *зазы* (часть) дунганским крестьянам. При этом они имели в каждом зазы свои доли урожая. Дунганские крестьяне называли эту часть *жонгуйдиди зазы* (часть хозяина). Хозяину отходило до половины или трех четвертей всего собранного крестьянином урожая. Субаренда была особенно распространена у дунган Семиречья. Она применялась вплоть до сплошной коллективизации сельского хозяйства в Советской Киргизии и Казахстане.

При субаренде, а также при аренде зуху дунганские крестьяне отдавали урожай натурой. Но были случаи, когда дунганские крестьяне платили за аренду и деньгами (это наблюдалось в субаренде).

В дунганском обществе сохранялась и такая феодальная форма эксплуатации трудового крестьянства, как *чонгун хуэжи*, что означает долгосрочный работник. У семиреченских дунган существовали различные сроки чонгун хуэжи: годичный, трехгодичный, пятигодичный и более длительные. Наиболее распространенным являлся наем на три года. По существу крестьянин прикреплялся к земле на срок, который был согласован с землевладельцем. Временное прикрепление к земле было обусловлено особенностями аграрных отношений у семиреченских дунган. У некоторых сельских богачей работало до 10 чонгун хуэжи. В таких случаях хозяин назначал одного из десяти чонгун хуэжи главным или *чонгун жонтур*. Чонгун жонтур играл важную роль в хозяйстве. Он не только отвечал за работу остальных чонгун, но и являлся главным лицом после хозяина в сельскохозяйственном производстве.

Жизнь чонгун хуэжи в дореволюционном дунганском обществе была очень тяжелой. Они не только подвергались жестокой эксплуатации, но и были лишены элементарных человеческих прав.

Эта форма полуфеодальной эксплуатации была окончательно уничтожена в период сплошной коллективизации сельского хозяйства в Советской Киргизии и Казахстане.

Долгосрочные работники использовались не только в хозяйстве, но и в домашнем быту. Дунганские кулаки, помещики и торговцы нанимали женщин для работы по дому. В песнях дунганского народа рассказывается о тяжелой доле этих домашних работниц. В хозяйстве богатых дунган часто можно было встретить киргизских, казахских работников.

Большую роль в закабалении дунганских крестьян сыграло ростовщичество, тесно связанное с помещиками и буржуазно-торговой прослойкой из дунган.

Таким образом, за 30 лет пребывания дунган в царской России классовая дифференциация среди них приняла ярко выраженные формы. В момент переселения они все получили равные наделы, а через 30 лет одни стали безземельными крестьянами, другие — кулаки и помещики — еще более расширили и укрепили свое хозяйство. Если же учесть, кроме безземельных хозяйств, также хозяйства, главы которых не жили на месте поселения, а занимались промыслами на стороне,— а таких было много,— то окажется, что 41,6% всех хозяйств дунган не имело посева. Крестьяне, составлявшие около 60% общего числа дунганского населения, владели лишь 25—30% земли. В дунганском обществе шел быстрый

процесс пауперизации, непрерывно росло число бедняков и безземельных крестьян-батраков.

Отношение этих категорий дунганского населения к колониальной политике царизма, к политическим событиям в России было неодинаковым. В то время как дунганские богачи относились к самодержавию благожелательно и поддерживали политику царских властей на местах, дунганские бедняки выражали протест против угнетательской политики царизма и его приспешников-кулаков, помещиков, купцов, баев, манапов, состоятельных мещан и мусульманского духовенства. Вот почему трудящиеся дунгане в Средней Азии и Казахстане принимали активное участие в национально-освободительном восстании 1916 г. в Киргизии и Казахстане, а также в свержении царизма в Средней Азии и Казахстане в период Великого Октября. Когда киргизский и казахский народы поднялись в 1916 г. на борьбу против колониальной политики царизма и феодально-байского гнета, дунганская беднота присоединилась к восставшим. После подавления восстания очень многие из дунган-бедняков, потеряв свое скудное имущество, бежали за границу, откуда вернулись только после Октябрьской революции.

Закрия Юсуров, организатор первой дунганской красногвардейской группы в г. Джаркенте

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла дунганам, как и другим народам Средней Азии и Казахстана, социальное и национальное освобождение. Она оказала огромное влияние на жизнь дунганского народа.

Трудящиеся дунгане принимали активное участие в борьбе за установление Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Они оказывали всемерную поддержку русскому рабочему классу и трудящимся других национальностей в годы гражданской войны в деле упрочения рабоче-крестьянской власти. Немало дунганских партизан участвовало в борьбе с белогвардейцами. В мусульманский полк, помогавший подавлять белогвардейский мятеж (1919 г.), входили и дунгане. Значительную роль в нем сыграла группа дунган из Джаркента.

Дунганское кулачество, помещики пытались повести за собой дунганское крестьянство, используя для этой цели духовенство. Однако трудящиеся массы дунган не поддались кулацкой агитации. Уже во время беловодского кулацкого восстания в 1919 г. в Семиречье обнаружился провал планов буржуазно-помещичьих слоев дунганского населения.

Дунганское крестьянство в массе своей не пошло за кулаками и помещиками, и кулацкий мятеж был подавлен при поддержке широких масс дунган. По приказу командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе в 1921 г. из трудящихся дунган был сформирован кавалерийский полк. Этот полк под командованием дунганина Магаза Масанчина сыграл значительную роль в разгроме контрреволюции на севере Семиречья и басмачества на юге Киргизии, в Узбекистане и Таджикистане.

Исключительных успехов на экономическом и культурном фронтах дунганский народ достиг в период социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Этому сопутствовала острая борьба с подрывной деятельностью кулачества. Остатки эксплуататорских классов, а также духовенство агитировали против колхозов. Воздействуя на религиозные чувства верующих, духовенство пыталось вызвать сомнение в преимуществах колхозного строя, подорвать доверие к новым коллективным формам хозяйства и труда. Дунганское кулачество не ограничивалось ведением контрреволюционной агитации, оно осуществляло диверсионные и вредительские акты, угрожая жизни преданных колхозному делу людей, разваливая колхозы, расхищая колхозное имущество.

Под руководством и с помощью Коммунистической партии дунганское крестьянство расправилось с врагами, очистило колхозы от кулацких элементов и вступило на путь зажиточной жизни.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Сельское хозяйство в прошлом

Одним из главнейших занятий дунган издавна является земледелие. Развиваясь за счет интенсификации труда, земледелие дунган до организации колхозов находилось на низком техническом уровне. Как и другие народы Семиречья, дунгане применяли переложную систему, но вследствие ограниченности площади они и уйгуры выработали более правильную форму обработки земли. Поливные земли составляли 71,5%, богарные (орошаемые атмосферными осадками) — 28,5%. Недостаточно орошенные поливные земли оставались под многолетней залежью и использовались по мере нарастания ирригационной сети (что стало возможным в полной мере лишь после победы колхозного строя).

Из сельскохозяйственных культур дунгане возделывали пшеницу (50,7% всех культур), рис (16%), посев которого в Семиреченской области стал практиковаться лишь с поселением дунган и уйгуров, ячмень (6,6%), овес (3,7%). Затем шли масличные растения (горчица, кунжут, конопля, лен, подсолнечник, мак), корнеплоды (2,8%), люцерна (5%). Большое значение как пищевая и кормовая культура имела кукуруза. Такое соотношение культур сохранялось вплоть до 1940-х годов. В послевоенное время у дунган значительно распространились посевы чумизы и джугары (близкой к гаоляну). Но особенно большое значение в дунганских колхозах в последнее десятилетие приобрело выращивание сахарной свеклы.

Поселившись в Средней Азии и Казахстане, дунгане приспособили свою хозяйственную деятельность к определенным социально-экономическим и географическим условиям. Так, пишпекские дунгане больше всего занимались посевами зерновых культур, особенно рисосеянием; пржевальские дунгане возделывали лекарственный мак, различные виды масличных и бобовых культур; ошские дунгане восприняли от братского узбекского народа опыт возделывания хлопчатника и, наконец, дунгане,

жившие в Верненском и Джаркентском уездах, занимались посевами зерновых культур и огородничеством.

Если дунгане в Пишпекском уезде явились пионерами рисосеяния и разведения винограда, то пржевальские дунгане были зачинателями посевов лекарственного мака, бобовых и технических культур в Иссык-Кульской котловине.

Внедрение посевов лекарственного мака и бобовых культур в Прииссыккулье принесло пржевальским дунганам большую славу в годы колхозного строительства. За высокий и устойчивый урожай лекарственного мака на полях колхоза «Дыйшин» («Победа») многие труженики колхоза были удостоены правительственных наград.

Через посредство дунган ознакомились с техникой возделывания лекарственного мака и бобовых культур другие жители Прииссыккулья и прежде всего киргизы. В свою очередь пржевальские дунгане в результате культурно-хозяйственного общения со своими соседями приобрели навыки ведения животноводства.

Дунгане ошской группы начали возделывать хлопчатник, оставив такие традиционные занятия, как рисосеяние и огородничество. С течением времени, особенно в годы Советской власти, они стали замечательными мастерами хлопководства.

Возделывание риса — одно из традиционных занятий дунган, в котором они при Советской власти достигли большого совершенства. Путем долговременной селекционной и акклиматизационной работы им удалось получить высокоурожайный и болезнестойкий сорт риса, носящий название «дунган-шала», широко распространенный теперь в Средней Азии. Селекционная работа дунган получила в советское время одобрение со стороны правительства Киргизии. Проводившие эту работу в колхозе им. Фрунзе Кантского района были удостоены правительственных наград — орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Овощи являются неотъемлемой частью и приправой к дунганской пище — отсюда разнообразие огородных культур. Наиболее распространены из огородных и бахчевых культур лук, чеснок, красный перец, редис, капуста, баклажаны, арбузы, дыни, мак, кукуруза.

В садах дунган растут яблоки, груши, слива, урюк.

Отличительные черты дунган как земледельцев — это тщательность, с какой они обрабатывают землю, любовный уход за посевами, многократная прополка полей и, наконец, замечательная организация оросительной системы, умение во-время пользоваться поливом. При подготовке земель, предназначенных под посев риса, дунгане добиваются равномерного полива отдельных участков и устранения гнили, характерной для застойных вод. Для этого оросительные канавы роют так, чтобы вода с одного участка (*чек*) стекала в другой, а для равномерного полива и задержки воды участки огораживают с четырех сторон невысокими насыпями (*бал*); в одном из углов огороженного участка делается небольшое отверстие для стока воды. Чтобы арычная вода не охлаждала посева, она перед пуском на поле предварительно отстаивается в подобных же, но незасеянных клетках и лишь подогретая поступает на остальные участки. В силу этого урожайность дунганских полей до революции была более высокой, чем у соседних народностей, несмотря на то, что сельскохозяйственные орудия у дунган были очень примитивны. При возделывании риса по традиции применялся комплекс деревянных орудий труда с незначительным количеством железных частей. Это малый китайский плуг (*шао лихуа*), ряд граблей и вил для ворошения на току рисовых зерен и соломы; вертикальная борона, сгребающий совок, лопата для веяния. При обмолоте и других работах применялся каменный, в деревянной раме, восьмигранный каток (*гунза*). Многие из этих орудий применяются в случае надобности и теперь. Однако основные полевые работы

ные механизированы. Прежде сев у дунган был ручной, хлеб убирали серпом и косой, молотили дунгане обычным в Средней Азии способом, т. е. гоняя по снопам на току скот (быков, лошадей).

Еще в 1944 г. дунгане применяли простейшую борону с рыхлителем, сделанную из полутораметровой доски и плетенки из сучьев карагача и иных местных пород деревьев.

Широко распространена и теперь обычная в прошлом у народов Средней Азии железная дисковидная мотыга — кетмень (*кантман*), используемая преимущественно для огородных работ и рытья канав.

Значительную роль в хозяйстве дунганских колхозов, а также тех совхозов, где огородничеством занимаются дунгане, играют товарное огородничество и садоводство. Огороды всегда обрабатывались особенно тщательно. Дунгане, как и китайцы (хань),— весьма искусные огородники. Трудолюбивый дунганин неутомимо расчищает каждую грядку в огороде, пускает воду в борозды между грядками, часть грядок, хорошо унавоженных, оставляет для отдыха. Однако в период до Октябрьской революции безземелье и малоземелье приводили к тому, что многие дунгане были лишены возможности вести огородное хозяйство и культивировали овощи лишь на небольших приусадебных участках для личного пользования. К 1913 г. и эти участки имелись только у 28,8% всех дунганских хозяйств. Две трети дунганских хозяйств имели сады.

Скотоводство играло у дунган подсобную роль. Волов и лошадей применяли в качестве тягловой силы на полевых работах. Кроме того, у дунган был распространен извозный промысел и они держали значительное количество лошадей. Скот у дунган не был обеспечен кормами и пастбищный период продолжался девять месяцев. Ежегодная потребность в сене удовлетворялась наличными запасами лишь на 25%.

Из домашней птицы дунгане разводили уток, кур и гусей.

Промыслы

Необеспеченность землей толкала дунган на поиски дополнительных источников существования. 47,3% дунганских хозяйств занимались, кроме земледелия (полевого и огородного), садоводства и скотоводства, различными промыслами. Значительная часть дунган, не обрабатывая земли, занималась исключительно промыслами. В первую очередь это относится к поселившимся в городах Джаркенте, Верном и Пишпеке, но жители сельских местностей также не составляли исключения. Многие дунгане — жители названных городов (так же как и в Китае) были заняты в мелких кустарных (частновладельческих или артельных) предприятиях выделкой уксуса, соевого масла, мучных полуфабрикатов (специальных сортов лапши — излюбленного дунганского блюда). Они работали также на предприятиях, изготовлявших конскую сбрую, занимавшихся поделками из жести или ремонтом и изготовлением всех средств передвижения, применявшихся тогда в Семиречье.

Наиболее распространен у дунган был извозный промысел. Дунгане славились в Семиреченской области как хорошие возчики. В период, когда еще не было железнодорожной связи, конные обозы с товарами между г. Ташкентом и городами Верным и Пишпеком с дунганами-возчиками были частым явлением.

Торговля и извоз принадлежали к основным традиционным занятиям дунган. Удельный вес торгового сословия среди дунган Семиречья был довольно значителен. Однако крупных предпринимателей, владельцев торговых домов было немного. Привычным занятием дунган была посредническая торговля. Они торговали продуктами сельского хозяйства. Пржевальские дунгане вывозили на рынки Пишпека, Верного и Ташкента растительное масло и хлеб, а пишпекские и токмакские дунгане вывозили зерно, особенно рис, на рынки Верного и Ташкента. На мно-

гих городских базарах Семиреченской области можно было встретить магазины и лавки дунган. Многие из городских дунган стали содержателями харчевен — ашхана (*фангуанзы*), постоялых дворов — караван-сараев (*дян*), где они искусно приготовляли местные блюда; славились дунгане и как искусные повара и как халвачи (*тонҗен*) — специалисты по изготовлению многообразнейших кондитерских изделий — восточных сладостей: сахарной сдобы (*тонмәмә*) и др. Одним из специфических ремесел дунган и поныне является починка посуды (*диңван*).

Социалистическое сельское хозяйство

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в хозяйственной жизни дунган произошли глубокие изменения. Уже в первой половине 1930-х годов основная масса дунганского населения в СССР, занимавшегося сельским хозяйством, объединилась в коллективные хозяйства. В Киргизской ССР существовало в 1936 г. 13 колхозов с преобладающим дунганским населением, 10 таких колхозов имелось к этому времени в Казахской ССР и два колхоза в пригороде Ташкента.

В 1951—1958 гг. в районах расселения дунган происходил процесс слияния и укрупнения колхозов. Так, в сел. Александровке Московского района Киргизской ССР и прилегающих к нему поселках было раньше восемь колхозов. В 1951 г. их стало шесть, в 1955 г. они объединились в три колхоза, а с ноября 1957 г.— это единый мощный колхоз «Дружба», охватывающий 1328 семей, из которых более 600 — дунгане, 325 — киргизы. Колхоз «Кызыл-Шарк»— один из самых передовых в экономическом отношении колхозов в Киргизской ССР. В 1951 г. с ним слились два киргизских колхоза —«Октябрь» и «Кенсай». В 1958 г. в колхоз влилось еще два смешанных по национальному составу колхоза. Теперь в объединенном колхозе «Кызыл-Шарк», которым в течение многих лет бессменно руководил дважды Герой Социалистического Труда Хайтахун Таширов, объединено 1008 семей 12 национальностей. Этот колхоз уже в течение ряда лет получает высокие урожаи хлопка.

Укрупнение колхозов дало большой экономический эффект. После укрупнения в Казахской и Киргизской ССР насчитывается восемь колхозов и два совхоза, в которых преобладает дунганское население.

Большинство дунганских колхозов в Киргизии и Казахстане — многоотраслевые. Во многих ведущей отраслью является рисосеяние, занимавшее и раньше видное место в сельском хозяйстве дунган. Наряду с колхозами, ведущими зерновое хозяйство, есть и возделывающие сахарную свеклу (колхоз «Восток» в сел. Джалпак-Тюбе Казахской ССР, колхоз им. Фрунзе в сел. Милянфан Кантского района Киргизской ССР), хлопок (колхоз «Кызыл-Шарк» в Кара-Суйском районе Киргизской ССР), лекарственный мак (колхоз «Дыйшин» в сел. Ырдык Джеты-Огузского района Киргизской ССР). Большинство колхозов занимается также выращиванием табака, но особенно славятся своими табачными плантациями колхозы в сел. Каракунуз и Шор-Тюбе, хотя главная культура здесь пшеница.

В совхозе около г. Алма-Аты большую роль играют огородничество и виноградарство.

Коллективизация сельского хозяйства коренным образом изменила лицо дунганской деревни. Лишь после Октябрьской социалистической революции многие дунгане получили землю, а коллективизация сельского хозяйства и индустриализация страны создали условия для ее полноценного использования.

В Чуйской долине (Киргизская ССР) проведены значительные работы по осушению заболоченных территорий, что позволило колхозам и совхозам освоить большие площади новых земель. Колхозы им. Фрунзе и «Дружба» Кантского района, «Дружба» Московского района получили

более 600 га новой плодородной земли, на которой выращивают большие урожаи зерновых и технических культур.

Передовые дунганские колхозы, такие, как «Кызыл-Шарк» в Кара-Суйском районе, «Дыйшин» в Джеты-Огузском районе, «Дружба» в Московском районе Киргизии, «Красный Октябрь» в Джамбулском районе, «Коминтерн» и «Коммунистический» в Курдайском районе Казахстана известны своими достижениями далеко за пределами этих республик, а имена замечательных мастеров земледелия из числа дунган стали гордостью всего советского народа. Среди них дважды Герой Социалистического Труда Х. Таширов, Герои Социалистического Труда И. Исмаилова, И. Сулейманов, А. Алиахунов, А. Джубаев, депутаты Верховного Совета Киргизской ССР Х. Хахаза, М. Месизов. В колхоз им. Фрунзе (сел. Милянфан), организованный в 1931 г., вступили дунгане, жившие до того в г. Фрунзе и не имевшие раньше своей земли. До Октябрьской революции они брали в аренду землю у дунганского кулака Хасанахунова, выплачивая ему по 20—25 руб. за десятину. Сам же Хасанахунов арендовал сдаваемую им беднякам-дунганам землю у киргизских баев и манапов, платя им в 3—4 раза меньше. Дунгане, обрабатывая землю баев и беря ее во временную аренду, не знали, будут ли они обеспечены клочком земли на следующий год. Доходы дунганина-бедняка были мизерными, так как урожаи были невысокими, а арендная плата большой; дунганское крестьянство жило впроголодь, попадало в кабалу к помещикам и кулакам.

Только в колхозах дунгане впервые ознакомились с механической обработкой земли и начали применять ее, пользуясь помощью машинно-тракторных станций. Тогда же дунгане ввели современные приемы агротехники, правильные севообороты, отрешившись от многих вековых предрассудков. В частности, они на практике доказали, что ранний сев риса не только не вреден, но дает высокий урожай. Прежде до 1 июля рис не сеяли, считая, что из-за холодной погоды он не даст всходов, теперь посев риса начинают с 1 мая. До объединения в колхозы обычный сбор риса у дунган не превышал 8—10 ц с 1 га, но уже в 1938 г. дунгане передового колхоза им. Фрунзе собрали урожай риса в среднем 32,5 ц с 1 га; на некоторых же участках сбор достигал 40—45 ц с 1 га. Как уже упомянуто, этот колхоз стал теперь свекловодческим. Переход к возделыванию сахарной свеклы позволил применять широкую механизацию труда на полях. Уже в 1955 г. опытные посевы свеклы на 50 га принесли урожай по 293 ц с 1 га. В 1958 г. посевы сахарной свеклы занимали уже 200 га, а урожайность достигла 555 ц с 1 га. В колхозе выросли замечательные мастера свекловоды Хачеза Хахаза, Фусеза Чихаза, Агуэза Динлоэр, Фатима Зазаза, Мамэ Давуза и многие другие. Колхоз неоднократно был участником всесоюзных и республиканских выставок, награжден дипломом первой степени, а передовые колхозники и колхозницы — золотыми и серебряными медалями.

Большая заслуга в достижении высоких урожаев сахарной свеклы принадлежит колхозному агроному, селекционеру В. С. Вечкутову. Ныне колхоз им. Фрунзе — одно из крупных свеклосеющих хозяйств района. В то же время этот колхоз имеет большое поголовье скота, разводит породистых алатауских коров и тонкорунных овец, получает большие удои молока и много шерсти. Благодаря самоотверженному труду колхозников из года в год повышаются денежные доходы колхоза и оплата труда колхозников. За пять лет, с 1953 по 1958 г., только денежная оплата трудодня повысилась в 5 раз.

Блестящих результатов достиг и другой колхоз —«Дыйшин», в котором плечом к плечу с дунганами работают киргизы, русские, украинцы, уйгуры, татары и другие братские народы. Это семеноводческий колхоз. Его прекрасными семенами зерновых и технических культур снабжаются

многие колхозы и совхозы Прииссыккулья. Однако спецификой экономики семхоза «Дыйшин» является лекарственный мак. Длительная селекционная работа, давние навыки техники сбора опия-сырца позволили ырдыкским дунганам вырастить сорт мака, обладающий исключительными качествами как по выходу, так и по морфийности опия-сырца. Колхоз занимается коневодством и имеет большие достижения в области животноводства. За умелое руководство хозяйством председатель колхоза «Дыйшин» Шафуза Дагазиев был удостоен правительственной награды.

Колхоз «Кызыл-Шарк» Кара-Суйского района Киргизской ССР—крупный производитель хлопка. Славу колхозу создали мастера хлопководства, добивающиеся высоких урожаев. В числе девяти Героев Социалистического Труда в колхозе три дунганина: Хайтахун Таширов, Иноxан Исмаилова и Абдыкадыр Алиахунов. Колхоз «Кызыл-Шарк» широко внедряет на своих полях достижения науки и передового опыта. Одним из первых в Ошской области он начал применять посев хлопчатника квадратно-гнездовым способом, вводить комплексную механизацию труда в хлопководстве. После реорганизации МТС колхоз приобрел более чем на 2 млн. руб. (в старых деньгах) тракторов, хлопкоуборочных машин и другой техники. За высокие показатели производства хлопка-сырца колхоз награжден дипломом первой степени Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Вторым важным направлением хозяйства этого колхоза стало животноводство.

Если в прошлом дунгане почти не производили продуктов животноводства и многие из них до недавнего времени не употребляли в пищу молока, то после Октябрьской революции, точнее, начиная с 1925—1927 гг. и особенно после возникновения колхозов, дунгане изменили свое отношение к животноводству и освоили эту отрасль сельского хозяйства.

* * *

Хотя основным занятием преобладающего большинства дунган в настоящее время является земледелие, некоторая их часть занята также в промышленном производстве (в городах Алма-Ате, Ташкенте) и на предприятиях местной промышленности — ковровых (г. Алма-Ата), по производству уксуса, патоки (г. Ташкент). Дунгане по-прежнему славятся как искусные кулинары и кондитеры, многие из них работают на предприятиях общественного питания городов Фрунзе и Джамбула. Уже выросла и дунганская советская интеллигенция, среди дунган имеются врачи, учителя, ученые, писатели, поэты, журналисты и другие деятели в области культуры.

Средства передвижения

Основными средствами передвижения у дунган были арбы и брички, в которые впрягали лошадь. При поездках на дальние расстояния у брички устраивали крытый верх из полусогнутых бердан. Довольно своеобразной была упряжь, украшавшаяся, особенно у профессионалов-возчиков, бубенцами, цветными ленточками, металлическими бляшками, кожаными кистями. У дунган была и малая двухколесная арба (*әргӳлӳча*), в которую впрягали осла или быка. Эта арба, чаще всего без рессор, с плоским настилом и небольшими бортами, имела широкое распространение в долине р. Чу. В Ферганской долине дунгане использовали для перевозок узбекскую арбу.

Ныне главным средством передвижения стал автотранспорт. Бричка или арба очень редко используются. В таких случаях упряжь иногда украшают по-прежнему.

Жилище

Дунгане, переселившиеся в Россию, строили дома по типу среднеазиатских, внося в то же время в их устройство много своих, сходных с китайскими, традиционных элементов. По планировке дунганские дома напоминали северокитайские фанзы, обращенные окнами во двор, окруженный рядом служебных построек. Дом и двор обычно обнесены высокой глинобитной стеной. Иногда и раньше в стене дома, выходившей на улицу, дунгане устраивали окна, что, несомненно, являлось отступлением от старого жилища и китайского, и среднеазиатского типа. В последнее время дома строят окнами на улицу. Часто глинобитную стену теперь заменяют посадкой кустарников или деревьев, обнося усадьбу легкой изгородью. Зеленые насаждения защищают от пыли, что особенно важно для усадеб, расположенных вдоль центральной улицы.

Дома у дунган были глинобитные или каркасно-столбовые, с заполнением из сырцового кирпича или из камня. Размеры кирпича отличались от обычных для Средней Азии, укладка тоже была сложной: горизонтальные слои шли вперемежку с вертикальными. Полы в старых домах дунган были земляные; оконные переплеты с давних времен в них делали решетчатые, вместо стекла применялась промасленная бумага. В домах некоторых зажиточных дунган были русские рамы со стеклами. Побелка стен — явление относительно новое.

Жилое помещение дунган состояло из одной, двух или нескольких комнат, изолированных одна от другой и соединявшихся наружной галереей. Как правило, отапливалась только одна комната, часть которой занимала отапливаемая лежанка — кан (*кон*). Кан представляет собой полую лежанку высотой до 1 м, шириной во всю комнату и длиной в половину или треть ее. Верхняя его плоскость состоит из больших (до 80 × 80 см) плит, толщиной в 7—9 см, сделанных из смеси глины с саманом. Плиты углами опираются на столбики из кирпича или на ряд кирпичных кладок калориферного типа. Дым и жар от маленькой печки (*гуэту*), соединенной с каном, поступают в полую лежанку, обогревая ее стенки и калориферы. Наружу дым выходит по рукаву дымохода, выложенному в стенке дома или вплотную возле нее. Зимой тут же на гуоту приготовляют пищу. Летом используется печь, стоящая во дворе, у стены дома; дым из нее выходит через рукав от кана или же через отдельный дымоход. В других комнатах раньше было холодно, так как печей там не было. Кухня помещалась отдельно, часто во дворе.

При многих домах имелись сады и огороды. Во дворе дунгане строили беседки из легкого деревянного каркаса, который обвивался побегами винограда, устраивали цветочные клумбы и газоны (*хуайуан*), огороженные невысокой сеткой из камыша. К домам богатых дунган, состоявшим из нескольких комнат, пристраивались многочисленные помещения— служебные, для гостей и др.

По внутреннему убранству жилище дунган во многом походило на китайское. Кроме кана, неотъемлемой части северокитайского дома старого типа, в комнатах была иногда и мебель китайского типа — большей частью резные комоды и *гуйжуэ* — небольшие шкафы, круглые и квадратные низкие столики. Значительно чаще вместо комодов и шкафов на кане стояли сундуки для приданого, одежды и различных семейных реликвий. Кан покрывали войлоком, на нем складывали одеяла, служившие постелью. Кое-где сохранялись также прежде обязательные шкафчики (*пўгэчуонзы*), почти полностью вытесненные в начале XX в. сундуком. На стенах вешали парные лубочные картинки, часто с изображением ярких цветов.

В послевоенный период облик поселка, усадьбы и жилого дома дунган весьма значительно изменился. Особенно заметные изменения произошли при укрупнении колхозов. В дунганские колхозы влились со своими по-

Пожилая дунганка и девочка у летней печи. Селение Каракунуз, Казахстан

селками колхозы киргизов, уйгуров, реже русских и казахов. В связи с этим в дунганском поселке значительно расширились площади под административными, культурными и хозяйственными постройками. Хозяйственные постройки колхоза часто включают теперь, кроме складов, большие и хорошо оборудованные ремонтно-механические мастерские, помещения для сельскохозяйственных машин. В хозяйственный комплекс некоторых дунганских колхозов вошли кирпичный и черепичный заводы, пилорама и столярная мастерская. Колхозные поселки утрачивают характерный в прошлом линейный характер. Благодаря посадке тополей вдоль арыков улицы поселков дунган за последнее десятилетие превратились в тенистые аллеи. Лучшими участками считаются теперь уже не те, которые прилегают к главной улице, а удаленные от нее, менее шумные и пыльные. С 1960 г. проводится намеченное по плану реконструкции колхозных поселков асфальтирование главных улиц в колхозах «Кызыл-Шарк», им. Фрунзе, «Красный Октябрь» и др.

Меняется характер усадеб. Уменьшились размеры приусадебных участков (овощи колхозники в нужном количестве получают в колхозе на трудодни). Ниже стали дувалы, как уже отмечалось, все чаще заменяемые легкой изгородью. Основное место на участках заняли фруктовые садики и цветники. Огромное значение для большинства дунганских поселков имеет устройство на базе артезианских колодцев водопроводной сети. В колхозе «Кызыл-Шарк» подпочвенные воды подаются и в арыки главного поселка. Благодаря этому ликвидированы глазные болезни, связанные с воспалением век от лёссовой пыли. Все колхозные поселки теперь электрифицированы (что позволило ввести в обиход электробытовые приборы: утюги, плитки, стиральные машины и др.) и радиофицированы, у многих дунганских колхозников имеются телевизоры.

Особенно заметны изменения в конструкции и убранстве жилого дома.

В 1958 г. в дунганских колхозах в значительной мере был обновлен жилой фонд. Расширение улиц (сел. Джалпак-Тюбе, колхоз «Кызыл-Шарк» и др.), постройка жилых домов в глубине участков (сел. Милянфан, Шор-Тюбе) по типовым проектам сопровождались сломом старых

домов национальной архитектуры, порой очень интересных в историко-культурном отношении, но не удовлетворявших уже возросшим требованиям колхозников. Дома «открыли глаза» на улицу. Земляные полы почти совершенно вытеснены дощатыми, лучше сохраняющими тепло и избавляющими от сырости. Мазанные глиной крыши заменены в новых домах стропильной конструкцией и железным или черепичным покрытием. Все чаще вместо открытой галереи строят веранды. Легкие беседки для летнего отдыха теперь застилают коврами, обставляют мягкой мебелью, вообще делают более комфортабельными и относят в глубину сада. Летние кухни стали обычными в каждой усадьбе; зимние кухни в новых домах выносят из среднего помещения дома в пристройки или присоединяют к хозяйственным помещениям. Меняется система отопления. В новых домах все чаще отказываются от кана и все комнаты используются более рационально, получая определенное назначение (спальни, общая столовая и т. д.). Дома обставляются привозной, фабричного изготовления мебелью. Дунганская национальная мебель становится музейной редкостью; некоторые ее сберегают, другие, наоборот, выбрасывают как несоответствующую общему стилю.

С 1958 г. у дунган Казахстана (г. Панфилов, сел. Каракунуз и др.) широкое распространение получил шанхайского стиля лубок-олеография, который совершенно вытесняет традиционный лубок собственного производства.

Уже с начала 1940-х годов дунганские колхозы превратились в многонациональные. Упомянутый выше колхоз «Дружба» Московского района Киргизской ССР объединяет 15 национальностей — дунган, киргизов, уйгуров, русских, украинцев, белорусов, немцев, татар, узбеков и др. В убранстве домов колхозников отражено взаимовлияние традиционных национальных элементов. Так, у дунган в доме можно увидеть северо-кавказские или киргизские кошмы, полотенца с украинской или белорусской вышивкой. В то же время в домах украинцев и русских можно встретить дунганские вышивки и кухонную утварь (даже палочки для еды).

Значительная часть дунганской интеллигенции живет в городах. Неуклонно растет число рабочих-дунган, многие из них так или иначе связаны с колхозами, где живут их родственники, которых они часто посещают. Быт дунган-горожан специально не изучался, но предварительное знакомство с дунганами-рабочими и с их домашним бытом позволяет заключить, что он сравнительно мало отличается от быта русских рабочих, давних жителей Алма-Аты и других городов. Национальная специфика внешне выражается в наличии многих предметов быта китайского происхождения.

Одежда

До Октябрьской революции одежда дунган, в особенности женщин, по покрою и материалу была близка к одежде населения северных и северо-восточных районов Китая. Мужчины носили платье смешанного типа, в котором сочетались элементы, близкие к китайским и заимствованные из русской одежды, а также одежды окружающего коренного населения; однако северокитайский элемент в одежде преобладал.

Верхняя одежда мужчин состояла из распашной куртки-полукафтана (*гуазы*), иногда с широкими рукавами, преимущественно черного или синего цвета, и длинного халата. Под курткой мужчины носили широкие рубахи (*сансы* или *да сансы*). В последнее время они не были распашными, их надевали через голову. Узкие штаны (*кўзы*) у щиколотки перетягивали неширокими обмотками из той же ткани. На ногах носили матерчатые носки и глубокие, длинные туфли, с темным строченым верхом из ткани и картонной (во много рядов) обтянутой материей и прошитой подошвой, почти без каблука. Дунганская обувь очень удобна, гигиенична,

не натирает ног. Еще в конце XIX в. в сырую погоду к туфлям привязывали типа японских гэта дощечки с выступами-шипами (*нидзы* — подошва для грязи). Носили также мягкие сапоги без каблуков с галошами или русские сапоги.

Головными уборами служили меховые шапки, шляпы из тонкого войлока, белые или серые, с черной каймой, а шэньсийцы летом носили восточно-азиатские соломенные шляпы с большими полями; под шляпы было принято надевать тюбетейки. Мужчины прежде строго соблюдали мусульманский обычай брить голову. Снимая шапку, они оставались в тюбетейке.

Имущие дунгане зимой носили меховые шубы, ватные или подбитые легким мехом куртки; летнее платье богатых людей отличалось лучшим качеством материала — оно было сшито чаще всего из шелковой ткани и имело отделку (вышитые шелком халаты и т. п.).

Одежда женщин мало отличалась от мужской, только ее шили из ткани более ярких цветов, кофты у них были несколько длиннее, чем у мужчин, и их делали с запáхом под правую руку. Женские парадные штаны, как правило, имели иной покрой и были по низу украшены широкими полосами черного шелка или сатина и узкими полосами лент. В тех случаях, когда носили халат и штаны, обязательным элементом костюма была безрукавка (*жяжязы*). Поверх штанов носили прежде ноговицы (*токӯ*). Женские носки, тоже матерчатые, были длиннее мужских (до икр). Штаны поверх носков на уровне икр повязывали узорной лентой. Обувь носили матерчатую, часто богато расшитую шелками.

Дунганские девушки заплетали волосы в косы, женщины делали красивые и пышные прически, завязывая волосы узлом на макушке и закладывая в узел гребень. Молодые женщины украшали прическу цветами, серебряными гребенками, шпильками и искусственными бабочками, к которым прикреплялись колокольчики. Пожилые женщины и старухи покрывали голову платком. Своей прической и обычаем ходить с непокрытой головой дунганские женщины выделялись из массы женщин других народов Средней Азии и Казахстана. В ушах дунганки носили серьги, на руках браслеты и кольца; нагрудные украшения (*хэбор* и *щүнхӯ*) были набивные шелковые или ювелирной работы.

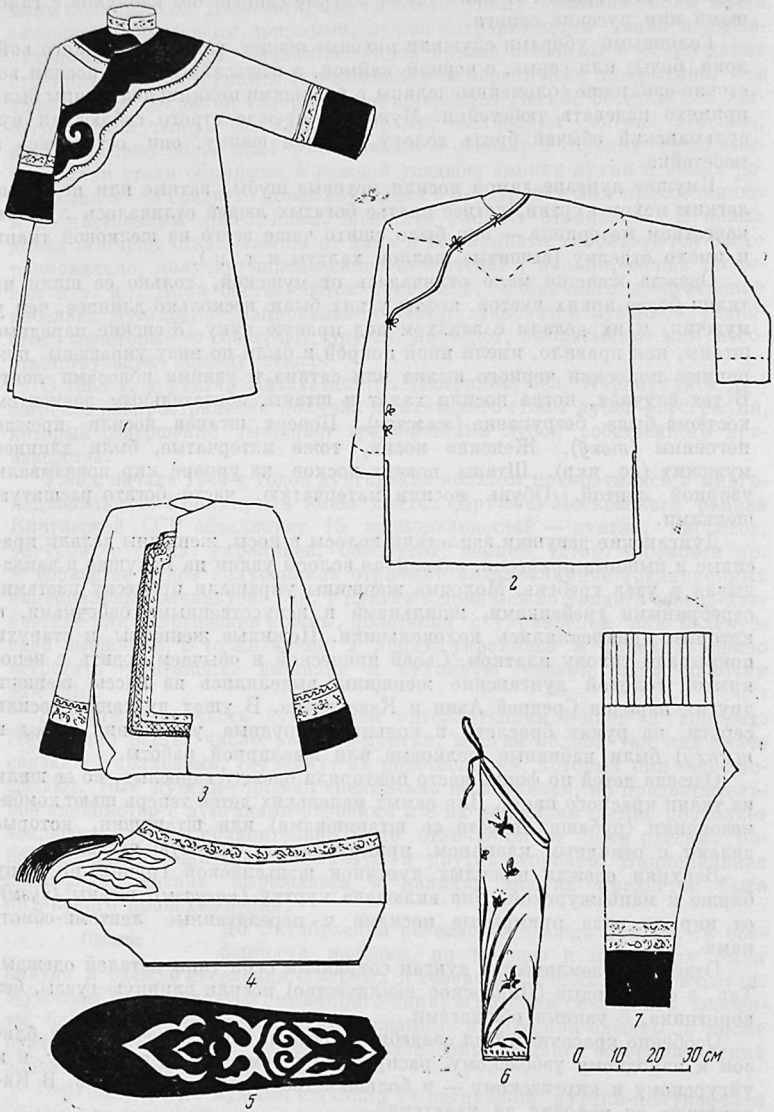
Одежда детей по форме часто повторяла одежду взрослых, но ее шили из ткани красного цвета. Для самых маленьких детей теперь шьют комбинезончики (рубашка вместе со штанишками) или штанишки, которые делают с откидным клапаном, прикрывающим паховую часть.

Верхняя одежда пожилых дунганок шэньсийской группы по типу ближе к маньчжурской. Она включала куртку (*магуазы*), штаны (*кузы*), от икр до низа прикрытые носками и перевязанные лентами-обмотками.

Отдельные землячества дунган сохраняли свои типы деталей одежды. Так, в сел. Ырдык (Дидаоское землячество) носили длинную гуазы, без воротника, с узкими обшлагами.

Особенно красочным был свадебный костюм. Костюм жениха был близок к народному узбекскому, распространенному в Оше и Кара-Су, и к уйгурскому и киргизскому — в большинстве остальных пунктов. В Каракунузе он походил на казахский.

Костюм невесты, кроме шелкового халата, включал нарядный воротник *пыйжян* (*пыйпыйза*). Этот воротник представлял собой пелерину с маленьким стоячим воротничком и идущими от него четырьмя-пятью рядами украшений; два верхние слоя в форме листков ивы, средний в виде ромбиков и нижний в форме стилизованного облака, так как облако (*йүн*) у дунган символизирует пожелание счастья и исполнения желаний. Весь воротник был богато расшит гладью шелками. Вышивкой были



Женская одежда дунган из г. Пржевальска

1 — парадный халат — «пань нор»; *2* — рубаха — «шаньзы»; *3* — женская кофта — «чжу яоза»; *4* — туфля невесты — «гаодир хэй»; *5* — стелька; *6* — ноговица; *7* — женские парадные штаны — «кузы»

украшены носки и обмотки-ленты, а также бока матерчатых парадных туфель невесты. Нередко вышивка на туфлях состояла из сюжетных композиций — иллюстраций к сказкам или аллегорических пожеланий счастья, многодетности и удачи в делах.

Невеста должна была сама вышить и сшить свадебные туфли, и по их узору судили о навыках невесты в вышивании. Бытовало несколько своеобразных форм свадебных туфель. У одних из них многослойная белая жесткая подошва из нескольких слоев картона, обшитых белой бязью, имела срез в передней части от носка книзу на одну треть длины подошвы. Носок такой туфли украшался вышитой гладью бабочкой, а кисточка усиков ее благодаря срезу подошвы красиво свисала от носка. Особо интересен старинный тип туфель, близкий к маньчжурскому. Каблук этого типа туфель находился посредине подошвы, занимая среднюю треть ее. Высота его (7—9 см) позволяла украшать туфлю рядом кистей от носка до задника, но так, что кисти не касались земли.

Дунганки в праздничном наряде. Город Пржевальск. Киргизская ССР. 1931 г.

В современной мужской одежде преобладает русский костюм городского типа. Широко распространено готовое верхнее платье. Носят нередко и национальные киргизские, казахские, узбекские костюмы. Прежняя национальная одежда в большей мере сохранилась у женщин среднего возраста и старух. Однако и они теперь носят белье, а вместо матерчатых носков — трикотажные, старинные туфли вытеснены современной обувью.

Девушки предпочитают носить городской костюм. Одежда городского типа характерна также для детей, особенно школьников.

Пища

Пища дунган по способу приготовления близка к пище китайцев, т. е. состоит из мучных и овощных блюд. Но в отличие от китайцев, которые используют только растительные масла, дунгане широко применяют животный жир, особенно для приготовления кушаний, заимствованных у соседних среднеазиатских народностей, например плова. Готовя мясные блюда, мясо отделяют от костей, тщательно рубят кусочками. На мясном бульоне приготовляют острые приправы, соус. Предпочитают баранину, говядину, мясо птицы: кур, гусей, уток. Свинину, верблюжье мясо и теперь в пищу не употребляют.

Дунгане-бедняки питались главным образом овощной и мучной пищей, преимущественно лапшой из пшеничной, гороховой или бобовой муки; иногда к лапше добавляли мелкие кусочки мяса. Лапшу, как и другие кушанья, дунгане едят с острыми приправами, состоящими из перца,

уксуса, лука, чеснока, имбиря, гвоздики. Зажиточные дунгане, кроме общепринятого национального блюда — лапши, потребляли мясо в различных видах: вареное с луком, морковью и редисом (*тянжу*), рубленное с морковью, типа котлет (*ванзы*), поджаренное мелкими кусочками и приправленное изюмом с зернами грецкого ореха. Рис, хотя и возделывался преимущественно дунганами, был менее широко распространен в их пище, чем лапша. Гостям, например, кушанья из риса, как правило, не предлагали.

Из обычных овощей, употребляемых в пищу и в настоящее время, можно назвать капусту четырех видов, в том числе некочанную и кольраби, морковь, репу, лук, чеснок, огородную черемшу (*жюцэ*), огурцы простые и длинные, дунганские, редис, баклажаны, свеклу, тыкву; кроме того, значительное место в пище занимает картофель. Овощи едят в сыром, квашеном, вареном и жареном виде; картофель и баклажаны чаще всего поджаривают (точнее — варят в масле). Излюбленными видами угощения у дунган являются дыни и арбузы. Хлеб дунгане потребляют паровой: небольшие круглые пышные хлебцы из кислого или пресного теста пекут на пару в специальных деревянных формах, установленных на котле с кипящей водой. Часто пользуются также лепешками обычной среднеазиатской вышечки, а теперь и обычным покупным хлебом. В торжественные, праздничные дни парадный обед состоит из 9, 13, 18 разнообразных блюд, куда входят мясо в разных видах, овощи и мучные кушанья. Обычно перед обедом, так же как и после него, подается душистый чай без сладостей, но с сушеными фруктами и печеньем. Пищевой рацион и перечень блюд различны у различных групп дунган. Так, в сел. Кызыл-Шарк в меню колхозников много узбекских блюд, в г. Панфилове — уйгурских.

Для еды чаще, чем ложки и вилки, дунгане употребляют деревянные, костяные или бамбуковые палочки (*куэзы*).

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

У дунган уже давно господствует малая семья. Однако и поныне местами сохранились большие семьи, насчитывающие 30 членов и более. В сел. Александровке, в Чуйской долине (Киргизская ССР) еще в 1946 г. одна большая семья состояла из 31 человека. Возглавляла ее мать (Айша Давуза). Она же распределяла женские работы, регулируя дежурство снох у общего для семьи очага. Умершего отца заменил в распределении мужских работ старший сын. Несмотря на наличие отдельного для каждой малой семьи жилища, амбар, погреб, прочие хранилища и хлев использовались сообща всей большой семьей. Доходы, получавшиеся на трудодни в колхозе, а также от подсобных работ, поступали в общую кассу семьи. Из этих средств производились расходы на приобретение продуктов и одежды. Все снохи имели одинаковые праздничные костюмы. После смерти матери семья разделилась, но выделившиеся семьи сохранили между собой хорошие отношения.

Пережитки большой семьи сказываются в быту, обрядности и прочности семейно-родственных связей. До последнего времени женившегося сына выделяли из семьи неохотно, после длительного рассмотрения и обсуждения всех возможностей решения вопроса. Раздел нередко не прерывал хозяйственной связи с семьей отца. Имуществом и полевыми работами ведал старший мужчина в семье. Однако, если престарелый дед (отец), оставаясь номинально главой семьи и сохраняя свою роль воспитателя и наставника членов семьи, передавал управление хозяйством сыну, то не обязательно старшему, а наиболее опытному и умелому хозяину.

Распорядительницей в доме считалась старшая из жен — жена главы семьи. Она распределяла работы по дому, ведала всеми запасами продовольствия, давала указания остальным женщинам.

В деревне женщина была в значительной мере самостоятельна, в мещанских же кругах города она была почти бесправна. В обоих случаях женщина в дооктябрьский период сохраняла некоторую долю экономической независимости; так, в ее распоряжении оставались средства, полученные от продажи вышивок (мужские побочные доходы целиком попадали в кассу семьи); женщина свободно распоряжалась предметами, подаренными ей мужем или его и ее родителями. Впрочем, приданым своим без разрешения мужа жена распорядиться не могла. Но муж не препятствовал жене в расходовании небольших средств на женские обрядовые сборища, происходившие в кругу родственных семей. На этой некоторой экономической самостоятельности базировалась довольно оживленная «общественная жизнь» женщины, хотя она и была скрыта от постороннего взгляда, поскольку протекала на женской половине. Мужчинам было запрещено посещать женские сборища.

У дунган-шэньсийцев положение женщины более соответствовало шариату; здесь, например, женщина не участвовала в полевых работах. Такой обычай продержался вплоть до 1933 г. Менее ортодоксально следовали шариату дунгане ганьсуйской группы. Хотя появление с незакрытым лицом на улице города и вообще перед незнакомым мужчиной воспрещалось, регулярного ношения дунганками какой-либо одежды типа узбекской паранджи с сеткой, скрывающей лицо, не наблюдалось ни в Китае, ни в нынешних Киргизии и Казахстане. «Энциклопедия ислама» отмечает как отступление от правил шариата случаи бинтования ног дунганками Ганьсу соответственно китайской моде. Подобные факты наблюдались еще у дунган ганьсуйцев в сел. Ырдык в 1945 г. и у дунган шэньсийцев в сел. Шор-Тюбе в 1948 г.

Многоженство, допускавшееся шариатом (мужчина мог иметь четыре жены), не получило у дунган широкого распространения; особенно редко оно встречалось в деревне и вызывалось обычно чисто экономическими причинами (расширением хозяйства), а также бесплодием первой жены. Ф. В. Поярков отмечал у дунган случаи левирата.

Рождение первенца-мальчика встречалось в семье радостно. Как и у многих других народов, в период родов и после них женщина считалась «нечистой» (ей запрещались на 20—40 дней молитва, пост). С этим, возможно, связан обычай, согласно которому при рождении сына отцу (и деду) мазали лицо черной краской, сажали на осла лицом к хвосту и возили по селению. Затем он смывал краску и радостно принимал поздравления собравшихся родственников. Черная краска и символизирует, что женщина «нечистая». Этот обычай переноса на отца представления о «нечистоте» роженицы близок к куваде. Следы этого обычая удалось обнаружить только у дунган-шэньсийцев. О связи с обычаем кувады говорит и то, что поздравления принимал отец.

Женщина вставала на седьмой-девятый день после родов. В этот или ближайший к нему день в присутствии муллы ребенок получал общемусульманское имя.

Дунгане двуименны (Али-ахун + Лова и т. п.). Исконно дунганское имя (более употребительное) они получают позже.

Брачным возрастом юноши считали 18 лет, девушки — 14—15 лет. Брачный возраст в деревне был ниже, чем в городе. Случаи сговора малолетних детей даже раньше были редки. В сел. Александровке отмечены в прошлом случаи брака через обмен невестами между двумя семьями (*хуан мынчин*).

По достижении юношей 18 лет семья заботилась о подыскании ему невесты. Следует отметить, что жен брали и из соседних народностей —

казахов, киргизов и т. п., тогда как случаи выхода замуж за «иноплеменного» у дунган были исключительно редки. До 1930-х годов соблюдалась эндогамность землячеств. Первой женой по обычаю брали дунганку, второй женой двоеженца могла быть и «иноплеменная» мусульманка. Утверждение, что дунганская девушка «предпочтет смерть позорной роли второй жены» (приравнивавшейся к наложнице), постоянно встречается в фольклоре дунган. В моногамной семье после развода с дунганкой новая жена также могла быть взята из «иноплеменных» мусульман. Брак между родственниками допускался не ближе чем в третьей степени родства; в настоящее время у дунган Ошской группы строгое соблюдение принципа эндогамности приводит иногда к кузенным бракам, но брачный круг фактически все более расширяется за счет межнациональных браков.

Брачные обряды освещены в литературе относительно полно, так. как они бытовали в 1900-х годах. В 1945—1948 гг., одновременно с некоторым оживлением религиозных настроений в послевоенный период, наблюдалось стремление в максимальной мере возродить старую обрядность, однако совершенно естественно, что за внешними формами уже не скрывалось прежнего содержания. Нельзя не отметить также влияния на свадебную обрядность дунган связей с соседними народами Средней Азии. В настоящее время нередки браки и без соблюдения обрядов.

В прошлом профессиональные (реже добровольные) сваты помогали собрать необходимые предварительные сведения о личных качествах невесты и имущественном положении ее семьи. Было не принято выражать свое согласие или отказывать в первый приход свата. Не более чем через 10 дней сват в сопровождении двух почтенных стариков являлся вторично. Обычно родители невесты просили дать им еще 10—17 дней для совета с родственниками. В семье невесты собирали семейный совет, где большую роль играли женщины. Решающее слово принадлежало бабке (со стороны матери невесты). Если она жила в ином селении, ее доставляли на семейный совет. Символом согласия служило поднесение сватам прибора для омовения лица и рук перед угощением. Сговор завершался обрядовым рукопожатием (*зуан шу*): слегка пожимая правую руку друг другу, сват и отец невесты накладывали свою левую руку на правую руку другого и трижды потряхивали сложенными таким образом руками в знак верности своему слову. Затем отдавался одновременный поясной поклон. В это время приносили угощение.

Через восемь дней после сговора жених отправлял в дом невесты малые подарки (*щё лир*), символизирующие официальное объявление о помолвке. В их состав входили поднос с украшениями для невесты, поднос с платком, которым в день свадьбы закрывают лицо невесты, поднос с тканями и нитками для туфель невесты, два подноса с хлебцами *югуэзы* (пожелание многочисленного потомства), поднос с хлебами (пожелание зажиточной жизни), более 10 подносов с орехами и урюком (также пожелание потомства). Все это торжественной процессией несли ахун (духовное лицо), сваты и родственники жениха. Подарки выставлялись на виду для всеобщего обозрения. После получения подарков отец невесты совещался с родственниками по поводу размера калыма. По мнению большинства дунган, калым служил прежде всего для обеспечения молодых в начале их совместной жизни, а также для покрытия расходов на свадебный обед. Оформлялся он в виде больших подарков (*да лир*). Они состояли примерно из следующего (по Пояркову, т. е. на 1900 г.): 1) деньгами от 150 до 300 руб. Небогатые семьи платили 100 руб; 2) овец от 6 до 12 голов (обязательно четное число); 3) серебряные вещи: серьги (*эрхуанзы*)— две пары, браслеты (*жуэзы*) — четыре, кольца — четыре; 4) серебряные головные украшения; 5) одежда большая: зимняя или осенняя, стеганная на вате

(*мянди*), летнее пальто на подкладке, широкая шелковая рубашка (да санзы); шуба на меху (*пино*); 6) одежда малая (*щё йишон*): рубашка ватная, рубашка без ваты и подкладки, штаны ватные, штаны летние; 7) ткани разного цвета, преимущественно ярких цветов, от 15 до 30 аршин; 8) вата (*мянхуа*) для одежды от 4 до 10 фунтов; 9) малые сладкие хлебцы (*югуэзы*) — от 60 до 100 фунтов; 10) большие хлебы — от 40 до 60 штук; 11) сушеные абрикосы (урюк), изюм, грецкие орехи, джида — до 2—3 пудов.

Перечень больших подарков отец невесты отправлял родителям жениха на третий-седьмой день после получения малых подарков. Перед отправкой подарки выставлялись для обозрения в доме жениха. Отправке их в дом невесты предшествовал «малый обед» (*щё чиди*) из 15 блюд и более для родственников жениха, прибывавших целыми семьями (даже с собственными столиками и посудой). Процессия несущих подносы с большими подарками пополнялась встречными знакомыми жениха и невесты.

Получив подарки, родители невесты устраивали угощение для прибывших. Здесь уже были приготовлены подарки жениху: пара башмаков, пара чулок, халат, пояс для денег (*вый дузы*), шапка, наушники, козырек для защиты глаз от солнца, кольцо серебряное, веер, несколько хлебов (*хуа мэмэ*), расписанных красной краской (пожелание благополучия), горка зооморфных печений и, наконец, жареная курица (символ невесты), в которую втыкали петуха из красной бумаги на палочке (символ жениха).

Часто молодежь устраивала шуточное нападение на процессию несущих подарки жениху. Обычно все съедобное поглощалось и кто-либо из юношей — друзей жениха со смехом вручал ему блюдо с обглоданными остатками курицы и потрепанным петухом.

Свадьба устраивалась обычно осенью или зимой, спустя месяц после реализации урожая и отправки больших подарков. В течение этого месяца заготовляли продукты для свадебного пиршества и заканчивали подготовку приданого. В наше время также предпочитают устраивать свадьбы в нерабочий сезон.

За два-три дня до свадьбы родственники и знакомые жениха и невесты дарили им подарки, причем составлялся список подарков с указанием имени дарителя и наименованием подарка.

Накануне свадьбы у невесты собирались подруги, молодые родственницы для совершения обряда типа девишника (*зукон*, т. е. сидение на кане). С невестой рядом сидела ее родственница, исполнявшая роль провожатой (*шучинди*). Посланница жениха приносила завязанный в платок костюм для невесты *нинйи* (дословно — разлучающее платье). В тот же платок были завернуты сладости и орехи. Платком прибывшая покрывала голову невесты, что символизировало начало брачных обрядов. Девушки в причитаниях и песнях оплакивали потерю подружки.

Двор жениха украшали красными полотнищами, подвешенными на веревках, протянутых крест-накрест над двором.

Невесту тщательно причесывали, белили, румянили и, надев брачный костюм, усаживали на кане лицом к западному углу. Голову ее покрывали легким платком, а поверх надевали *чынчынзы* — головной убор из тонкой серебряной проволоки и серебряной же с голубой эмалью фольги, с подвесками из бус и рядами ажурных (из фольги) цветов, птиц, бабочек, иероглифов счастья, радости и других символов благополучия[1].

---

[1] Такой головной убор, как и полный парадный костюм невесты, теперь лишь кое-где можно найти у старых женщин, которые часто для придания большей пышности свадьбе дают надеть их своим внучкам.

Жених из бедной семьи это утро проводил в обычных будничных занятиях, а богатый жених развлекался играми со сверстниками. В дом невесты к полудню отправлялись родственники жениха и посылался свадебный экипаж — двуколка, повозка, крытая войлоками и внутри устланная подушками (теперь невесту обычно везут на легковой машине). Прибывшие за невестой женщины, войдя в дом, посыпали ее урюком и миндалем «для плодовитости». Вскоре прибывал жених с дружкой и двумя товарищами. На женихе была свадебная одежда: халат, обычно синий, украшенный наперекрест идущими через плечо красными перевязями. Остановившись у ворот, жених посылал извещение о прибытии — визитную карточку на красной бумаге. Через брата невесты он получал разрешение войти. После совершения муллой обряда бракосочетания жених отдавал поклоны всем мужчинам по старшинству (кроме тестя, которого, по обычаю, он еще не имел права видеть). Подобная отдача поклонов происходила и на женской половине.

После обеда молодой выезжал домой, по пути он слезал с лошади и кланялся всем знакомым, а порой и просто встречным. Молодую же, оплакиваемую всей родней, выносил брат или дядя и сажал в свадебный экипаж. С ней ехала провожатая. Внесению молодой в дом мужа препятствовала толпа молодежи — ее родичей, требуя, как и извозчик, выкупа. Происходила шуточная борьба с родственниками молодого. Окно брачной комнаты быстро прорывали (оно было прежде из пергамента) любопытные. Оставалась нетронутой только широкая вертикальная красная полоса, символизировавшая девственность невесты. Ее имел право снять только молодой на другой день после свадьбы.

В его доме повторялся обед, во время которого молодая отдавала поклоны всем гостям. Немедленно после ухода гостей в брачную комнату врывались юноши, молодую разглядывали, тормошили, заставляли ее кланяться. Мешающих им старух выталкивали на улицу. Молодой вмешиваться не имел права. С наступлением сумерок начинался обряд *фа щифур* (шутки над женой) [1], который, как и предыдущий «дневной набег», можно считать отголоском уже давно забытого права сородичей молодого (а может быть, участников брака умыканием) на его жену в первую ночь. В обряд фа сифур входили игры, близкие к китайским по происхождению: загадки, доставание цветка, вколотого высоко в стену (молодой поднимал жену на руках так, чтобы она достала цветок; удача символизировала скорое рождение сына), поедание «лапши» (втягивание нитки в рот молодыми с разных концов до поцелуя) и пр. Удача или быстрое исполнение условий игры встречались бурным весельем. За задержку выполнения на мужа сыпались шлепки, его щипали, пинали и пр.

На другой день молодые раздельно объезжали дарителей с благодарственным поклоном. На третий день молодую знакомили с членами семьи мужа, после чего новобрачные раздельно посещали дом отца молодой. Входя в дом тестя, молодой должен был быть готов к различным шуткам. Так, при открывании двери на него вдруг выливалась вода из стоящей на фрамуге банки, пирожки могли быть начинены опилками или сухим перцем, пирожное могло оказаться густо посоленным. Однако сердиться и замечать эти шутки считалось неприличным.

На восьмой день встречались родители обеих сторон, что и завершало круг брачных обрядов.

В настоящее время брачная обрядность упростилась. В брак вступают по взаимному согласию.

Сохраняются со всей пышностью свадебные пиршества в доме невесты и в доме жениха. Приглашения участвовать в свадебном пиршестве рас-

[1] Этот обряд был больше распространен среди дунган-шэньсийцев, бытовал он и у ганьсуйцев.

сылаются на бумаге красного цвета (цвет радости); часто они написаны по-русски. Свадебный поезд состоит теперь из украшенных автомобилей. Праздничные проповеди сменились торжественным напутствием со стороны родичей и уважаемых лиц.

Изменился характер приданого дунганской невесты. Теперь ее родственники готовят иной ассортимент вещей. Если раньше в приданое входили главным образом женские принадлежности (верхняя одежда, вышитые туфли и другие предметы), то теперь в него включают шифоньер, буфет, кровать и другую мебель, радиоприемник, скатерть, ковер и т. п. Этот состав приданого как бы отражает новые запросы современной молодежи. По-современному происходит свадьба и у городских дунган, хотя в порядке угощения еще соблюдаются старые обычаи.

Сохранились и свадебные подарки (конечно, не в форме выкупа) и подарки молодым со стороны гостей. Каждый приходящий на свадьбу должен положить на подарочный поднос деньги для молодых. Этот новый обычай довольно разорителен для многих, особенно для почетных гостей, которых часто приглашают на свадьбы, но отказаться от посещения свадебного пира считается неудобным.

Брак умыканием, бытовавший прежде, сохранялся до 30-х годов XXв. для вдов и разведенных. При женитьбе на вдовах и разведенных вторичных больших подарков не требовалось; по истечении законных выжидательных 30 дней (а иногда, особенно для разведенных, периода трех очищений) бедные, но энергичные соискатели старались завоевать расположение вдовы или разведенной или же увезти ее силой. Иногда похищение совершалось после взаимной договоренности и было простой инсценировкой — данью обычаям предков. Брак умыканием практиковался и в тех случаях, когда молодые люди вступали в брак против воли родителей.

Сразу после смерти мужа вдова с детьми переселялась к своим родителям. Считалось, что дети будут возвращены ею в семью их отца по достижении ими зрелого возраста, что среди дунган, проживавших на территории России, соблюдалось редко. Первичным воспитанием детей, а порой и их образованием ведала все же их мать.

Случаи развода у дунган вообще были редки, так как покрывали мужа и его семью дурной славой легкомысленных людей. Поводом к разводу была в первую очередь бездетность жены или неспособность мужа к супружеской жизни. Впрочем, в этих случаях чаще практиковали усыновление сирот. Прочие причины (неверность жены, ее сварливость и непочтение к мужу и его родителям), по шариату считавшиеся поводом к разводу, карались строго по существу самого преступления. Развод же был лишь отречением от преступника. Следует отметить, что взаимное доверие и условия быта у дунган, равно как и взаимоотношения в их семье, почти исключали возможность таких отклонений от нормы.

Социалистические преобразования в жизни дунган сопровождались и коренными изменениями в семейном быту. Прежде всего это коснулось положения женщины. Дунганки стали равноправными в обществе и в семье. Теперь они работают в поле вместе с мужчинами, участвуют в общественной жизни, выступают на сцене. Девушки посещают школу, учатся в техникумах, живут полнокровной общественной жизнью наравне с юношами. Среди дунганских женщин и девушек немало мастеров колхозного производства, отмеченных высокими правительственными наградами, выросли свои ученые, артистки, учительницы.

Старость у дунган, как и у китайцев, почтенна. Авторитет родителей и старших членов семьи чрезвычайно высок. Особым почетом окружена бабка по материнской линии. Почитание памяти предков (только мужчин) было прежде возведено в культ; у дунган существовал алтарь с таблицами душ предков, перед которым устраивались календарные моления. В настоящее время на месте таблиц предков обычно висит большое зеркало,

сплошь закрытое фотографиями членов семьи и родственников. Стол-алтарь (*бәҗүәвы*) используется теперь для своеобразной выставки семейных «сокровищ» —старинной фарфоровой посуды.

Старея и готовясь к смерти, дунганин должен был не только сам строго соблюдать посты и дневные омовения, но и следить за благочестием членов семьи.

О кончине сородича семья извещает односельчан, родных и друзей через мальчиков-посыльных. Хоронят обычно в тот же день, до захода солнца. Предание тела земле откладывается в исключительно редких случаях, но не больше чем на три дня.

Тело усопшего сразу кладут на землю (в крестьянских домах пол кухни земляной). Для рытья могилы приглашаются могильщики-профессионалы (два-три человека) или друзья покойного. Могилу, как и у большинства мусульман, роют с нишей, ориентированной с севера на юг. Лицо покойного (после того, как тело положат в нишу) стараются обратить к западу. Для переноса тела к могиле служат носилки (*табўцязы*), прежде имевшие вид китайского резного саркофага. Комнату, где лежит тело, отделяют от прочих комнат белой траурной занавесью. Женщины громко оплакивают покойного. Выносу тела предшествует прощание с покойным. У дунганшэньсийцев приходящие проститься прежде делали свой взнос в общую сумму на устройство похорон и поминок. Женщины имели право проводить тело только до ворот. В проводах до могилы участвуют все мужчины селения.

Носилки остаются в доме умершего до следующих похорон в селении. Обмывальщикам обычно дарят одежду покойного; с могильщиками и чтецами корана расплачиваются деньгами. Раньше в доме, где был покойник, огня не зажигали; пищу готовили у соседей и родных. Поминки устраивали на 4, 7, 14, 21, 40 и 100-й день и далее ежегодно. Во время поминок готовили поминальные лепешки (*ющён*).

Траур носят от нескольких дней до трех месяцев и трех лет, в зависимости от уважения к усопшему и родственных отношений к нему. У дунганшэньсийцев близкие (родичи и друзья) носят белый траур (белые канты одежды, пояса, туфли и повязки на шляпах). Дальние родственники (а в прошлом и ученики по учителю) носили голубой траур.

Лечебная помощь

Дунгане отличаются большой чистоплотностью. Содержание жилища в чистоте создавало и раньше известные предпосылки для сравнительно меньшего, чем у других народов, распространения болезней. Основными заболеваниями среди дунганского населения были малярия, глазные болезни (конъюнктивиты от арычной воды и пыли), простуда. Дунгане уже давно охотно прибегали к медицинской помощи. Прежде особенно ценились врачи, лечившие методами китайской медицины. Среди дунган имелись семьи, в которых врачевание было ведущей профессией в трех и более поколениях. Прекрасно зная свойства трав, народные врачи оказывали посильную помощь населению. Однако безоговорочное почтение ко всякому заезжему с Востока врачу открывало возможности для шарлатанства.

Тяжким бичом было прежде опиумокурение, запрещенное, конечно, в СССР и в КНР.

В советское время рост зажиточности и культурного уровня, улучшение жилищно-бытовых условий наряду с осуществлением широких санитарно-оздоровительных мероприятий (снабжение водой из глубоких слоев почвы и др.) способствовали резкому снижению заболеваемости среди дунганского народа. До Октябрьской революции дунгане, в особенности женщины, за редким исключением избегали пользоваться помощью русских врачей. Иная картина наблюдается теперь, когда в Киргизии и Казахстане не только в городах, но и во многих селениях хорошо поставлено медицинское обслуживание населения.

Почти в каждом колхозном поселке, где живут дунгане, имеются лечебные учреждения: в главном поселке своя больница, в остальных поселках медицинские пункты.

В настоящее время дунганское население обслуживают квалифицированные медицинские работники, частью из самих дунган, получивших образование в специальных учебных заведениях. Используются и методы китайской народной медицины, получившей распространение в СССР.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Народное образование

В области образования дунганского населения контроль духовенства в старину был сильнее, чем в какой-либо другой области духовной жизни. Мальчиков в 7—8-летнем возрасте определяли в школы при мечетях, где их обучали арабскому письму и чтению, затем счету. Успешно окончившие школу при мечети либо оставались в селении кандидатами на замещение духовных должностей, становились сами учителями, либо уезжали в центральные города, где получали дальнейшее образование, доступное только богатым вследствие взяточничества экзаменаторов, сложности изучения письменности, длительности обучения и т. д. Девочек обучали лишь с 7 до 10 лет.

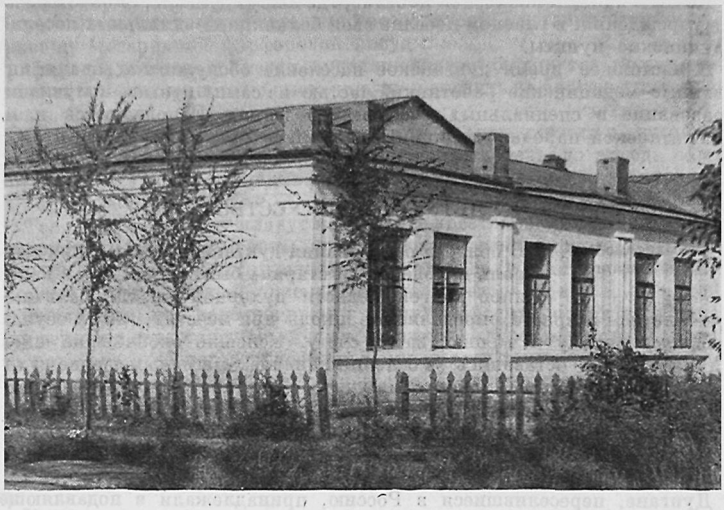
Дунгане, переселившиеся в Россию, принадлежали в подавляющем большинстве к самым бедным слоям населения и были в массе своей неграмотны. В записке генерал-майора Фриде, относящейся к 80-годам XIX в., по этому поводу сказано: «... не только людей ученых, знающих язык корана, но и просто грамотных даже по-китайски, между ними (т. е. дунганами. — *Ред.*) очень мало. Так, между поселившимися в Токмакском уезде кульджинскими дунганами только двое грамотных. В Джаркентском участке грамотных оказалось пять» [1]. Даже в 1903 г. число грамотных среди дунган Джаркентского уезда составляло 0,5%. Как в Китае, так и в царской России дунгане находились в таких социальных условиях, которые мало способствовали развитию их национальной культуры.

Начиная с 1896 г. в местах расселения дунган в России (г. Верный, селения Каракунуз, Мариинское и др.) стали открываться русские школы для дунган отдельно или совместно с уйгурами (сел. Александровка) и русскими (Ново-Троицкое приходское училище).

Расходы по постройке таких школ и содержанию учителей (равно как и персонала редких в то время медицинских учреждений) ложились дополнительным бременем на плечи все тех же сельских обществ, что порой вызывало резкий протест беднейшей части дунган. Следует учесть, что тогда параллельно действовали и духовные школы при мечетях. В этих условиях постройка школы осуществлялась нередко в порядке указа, обязательного к исполнению. Чтобы представить размеры затрат, приведем в виде примера сел. Каракунуз, где постройка школы стоила 4 тыс руб. (не считая выделки кирпича, вывозки камня для фундамента, земляных и других работ, выполненных населением в порядке трудовой повинности). Деньги с населения собирали в течение двух лет, прибегая даже к продаже имущества некоторых лиц, уклонявшихся от взноса денег.

Естественно, что до Октябрьской революции развитие школьного образования шло очень медленно, несмотря на тягу дунган к русскому языку и его быстрое усвоение ими. Дунгане почти не имели школ на родном языке. Однако и названные русские школы сыграли известную положительную роль в распространении знаний среди дунганского населения.

[1] ЦАУ Казах.ССР, ф. 21 д. 744, л. 86—87.



Средняя школа в центральном поселке колхоза «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область, Киргизская ССР

Глубокие изменения в образовании дунган произошли после Октябрьской революции. Первыми очагами культуры в дунганских селениях Киргизии и Казахстана стали советские школы. Вначале обучение в них велось на русском, татарском, узбекском языках, которыми дунганские дети владели слабо. Благодаря огромной заботе партии и правительства с 1929 г. во всех дунганских школах было введено обучение на родном языке. Этому способствовало создание новой дунганской письменности. Во всех дунганских населенных пунктах были созданы начальные и неполные средние школы. Они охватывают всех детей школьного возраста. Особенно отрадно, что из года в год растет процент учащихся девушек. Еще недавно они насчитывались единицами, так как родители неохотно отдавали девочек в школу.

В последнее время в дунганских селениях построены типовые здания восьмилетних и одиннадцатилетних школ: обширные, с большим количеством просторных учебных помещений, с учебными кабинетами, спортивными залами и площадками, мастерскими. Такие школы украшают селения Милянфан, Каракунуз, Александровку, Ырдык и др. Обычно школе передается часть колхозной техники. Уроки биологии сопровождаются работой на опытных школьных участках. Поэтому школы строят не в центре поселка. Часто при школе устраивается интернат для детей из дальних поселков.

Уже в 1924 г. в Ташкентском институте просвещения обучалось 10 дунган. В Алма-Ате было открыто дунганское педагогическое училище им. Бый Ян-ху; при киргизском педагогическом училище в г. Фрунзе — дунганское отделение. Подготовка кадров дунганской интеллигенции в учебных заведениях, созданных братскими народами, сыграла большую роль в развитии новой, социалистической культуры дунган. Ныне в техникумах и вузах продолжают образование более 180 дунган, окончивших неполные средние и средние школы. Дунганские кадры готовят высшие и средние специальные учебные заведения Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты и Фрунзе. Большая тяга наблюдается в сельскохозяйственные, медицинские и педагогические вузы. За последние годы

Детский сад колхоза «Октябрь». Джамбулский район, Казахская ССР

заметно выросли учительские кадры из дунган. Среди учителей есть женщины.

Дети дошкольного возраста воспитываются в яслях, детских садах. В большинстве дунганских колхозов имеется по нескольку детских садов и площадок.

Обучением охвачены не только дети дунган. Пользуясь национальной письменностью, основанной на русской графике, ликвидировали свою неграмотность и повышают уровень знаний и взрослые.

Среди дунганского населения проводится большая и разнообразная культурно-просветительная работа. Во всех дунганских селениях построены клубы, созданы библиотеки, избы-читальни, устраиваются киносеансы. Дома колхозников радиофицированы. В колхозе «Кызыл-Шарк» имеется хороший клуб на 300 мест. При клубе создан первый колхозный музей изобразительных искусств, в котором представлены скульптура и полотна (акварель, масло) молодых и маститых художников Киргизии. Перед клубом разбит розарий. В ближайшие годы намечено построить клубы и в других поселках колхоза, с хорошими библиотеками, комнатами для работы кружков, спортивными городками. Рядом с имеющимся клубом завершена постройка двухэтажной чайханы, при которой имеется и колхозная гостиница. Новые клубы сооружены в пос. Каракунуз, в пригородном совхозе близ Алма-Аты и в других пунктах, населенных дунганами.

Печать и литература

Важным орудием культурной революции среди дунган является печать. Решающую роль в ее развитии сыграло создание новой письменности для дунган в Киргизии и Казахстане. Родиной собственной письменности у дунган стала Советская Киргизия. Большую помощь в деле внедрения новой письменности среди дунганского населения, в издании учебной, политической и художественной литературы на дунганском языке оказывал Киргизский комитет нового алфавита. В 1932 г. вышел первый номер дунганской газеты «Дун хуэшир» («Искра Востока»). Выход в свет первой газеты на дунганском языке явился событием огромного политического и культурного

значения. Эта газета сыграла большую роль в дальнейшем развитии дунганского литературного языка.

Издаваемая ныне в г. Фрунзе межреспубликанская газета на дунганском языке «Шыйуэди Чи» («Знамя Октября») имеет важное значение в пропаганде передовых методов сельскохозяйственного производства, в подъеме культуры и в марксистско-ленинском воспитании трудящихся дунган.

В 1930-х годах были изданы первые буквари и начато издание других учебников на дунганском языке для начальной школы.

За годы советской власти Киргизским государственным издательством, кроме учебников, издавалась переводная и оригинальная художественная литература. Особенно следует отметить издание на дунганском языке важнейших партийных документов и произведений классиков марксизма-ленинизма.

Ясыр Шиваза, дунганский поэт

Художественная литература дунган возникла вместе с развитием новой письменности. Первые молодые писатели и поэты из дунган начали печатать свои агитационные стихи и рассказы на страницах газеты. Они упорно учились у писателей братских народов литературному мастерству. Важным фактором роста дунганских писателей было изучение богатств русской литературы, благодаря чему дунгане получили возможность ознакомиться с передовой культурой русского народа. Уже в 1930-х годах дунганские поэты и писатели начали переводить на дунганский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Горького, Чехова.

Становление и развитие советской дунганской литературы связано с именем талантливого дунганского поэта и писателя Ясыра Шиваза. Первый сборник его стихов «Лёнминшин» («Утренняя звезда») вышел в 1931 г. Творчество Ясыра Шиваза как крупного поэта уже давно пользуется известностью у народов нашей Родины и за рубежом. Позднее Ясыр Шиваза издал еще два сборника стихов на дунганском языке: «Гэминди лон» («Волна революции») и «Цветы труда» (в последнем помещены произведения также и других дунганских писателей — Яншансина, Магуева). Сборники стихов Я. Шиваза «Китайский рисунок», «Надпись на чаше», «Голубая река» изданы на русском языке. Лучшие стихи Я. Шиваза переведены также на украинский язык поэтом Миколой Упенником и на грузинский язык поэтом Романишвили. Зная казахский, киргизский, уйгурский языки, Ясыр Шиваза иногда пишет стихи на этих языках. Большой интерес представляют и его прозаические произведения.

Для творчества Я. Шиваза характерно глубокое проникновение в

жизнь и быт народа. Главный герой произведений Я. Шиваза — передовой советский человек, творец новой жизни на земле. В образах Бао Сан («Я люблю весну»), Бай Дачже («Белая бабочка»), Мусы («Чолпон») воплощены лучшие качества советских людей, верных сынов и дочерей страны победившего социализма.

Крупными произведениями Я. Шиваза в последние годы являются поэма «У нас в Иньпане», повесть «Вэди щин жя» («Мой новый дом»), сборник стихов на дунганском языке «Тёжянхади сывын».

В прологе к поэме «У нас в Иньпане» поэт с большим лиризмом пишет об изменениях в жизни трех поколений дунганского народа:

Мне говорили:
«Счастье льется, как Хуанхэ,
Много его повсюду,
выпей — запрета нет!»
Долго искал я счастье,
все оно вдалеке...
«Нет, я его не видел»,—
часто вздыхал мой дед.
«Гнался и я за счастьем —
реки переплывал,
В горы ходил, где блещет звезд золотой венец.
Долго его искал я,
тоньше бумаги стал,
Все ускользало счастье», —
часто твердил отец.
Счастье свое нашел я,
счастье в моих руках.
Словно большая Волга льется его струя.
Лебедем белокрылым плаваю на волнах,
Нету меня счастливей, —
думаю часто я [1].

Из дунганских писателей необходимо отметить еще прозаиков Ю. Яншансина (он же научный работник) и А. Арбуду, поэтов Макэ, Магуй. Яншансин положил начало дунганской прозе, выпустив первый рассказ на дунганском языке — «Детство Исхара».

Наука

Дунгановедение является детищем Великого Октября. Дореволюционная литература о дунганах невелика, имеет случайный и отрывочный характер. Исследования Ф. В. Поярковa, В. Цыбузгина, А. Шмакова положили начало изучению языка и быта семиреченских дунган.

После победы Советской власти в нашей стране началось систематическое научное и практическое изучение языка, истории и быта дунган. Большая заслуга в изучении дунганского языка принадлежит А. А. Драгунову и Е. Д. Поливанову. Под их руководством готовились первые научные кадры из дунганской интеллигенции.

Большой интерес к изучению истории и этнографии дунганского народа проявляли и проявляют Институт этнографии имени Миклухо-Маклая и Институт востоковедения (ныне Институт народов Азии) Академии наук СССР, организовавшие ряд экспедиций для изучения дунган в Средней Азии и Казахстане. В результате этих экспедиций в местных и центральных изданиях был опубликован ряд работ.

Вместе с учеными Москвы и Ленинграда большой вклад в изучение истории и этнографии дунган внесли ученые городов Фрунзе и Алма-Аты.

[1] Ясыр Шиваза. Голубая река. М., 1958, стр. 136.

Благодаря мерам, принятым Киргизской Академией наук, подготовлены научные кадры дунгановедов. Дунганский народ уже имеет солидный отряд ученых. Среди них выступающий как литературовед поэт Я. Шиваза, лингвисты кандидаты филологических наук Х. Бугазов, А. Калимов, Ю. Цунвазо, Ю. Яншансин, кандидаты исторических наук М. Я. Сушанло, И. И. Юсупов, Х. Ю. Юсуров и первая женщина-ученый Л. Т. Шинло.

Свидетельством роста научных кадров является открытие сектора дунганской культуры в системе Академии наук Киргизской ССР, который укомплектован в основном кандидатами наук. В настоящее время сотрудники этого сектора заняты разработкой актуальных вопросов языка, истории, этнографии и литературы дунган.

Народное творчество

Бесправие дунган до Октябрьской революции, экономическое и политическое их угнетение, влияние духовенства и религии не могли не сказаться отрицательно на народном творчестве дунганских масс. Музыка, танцы, живопись до революции не могли развиваться из-за различных ограничений со стороны религии. По своему характеру музыка у дунган была весьма близка к китайской. Однако вполне сложившаяся дунганская музыкальная культура не лишена своеобразия и располагает оригинальными произведениями, исполняемыми на различных музыкальных инструментах. Необходимо отметить смычковые струнные инструменты (*михўзы, эрхўзы и сыхўзы*), щипковый трехструнный инструмент (*санщянзы*), имевший внутри резонатора колокольчики, цитру (*чин*), ударные инструменты — колокольчики, металлические и бамбуковые кастаньеты и барабан (*гў*). Смычковые инструменты состоят из небольшого цилиндрического резонатора и короткой прямой шейки, служащей грифом. Струны удалены от грифа на расстояние около 5 см и с грифом во время игры не соприкасаются. Смычок проходит между струнами. Дунганские музыканты выступали чаще всего небольшими ансамблями, играя на свадьбах, праздниках по случаю обрезания и в других торжественных случаях.

Ныне в колхозной деревне широко развита художественная самодеятельность. В некоторых дунганских колхозах Киргизии и Казахстана имеются свои ансамбли народных инструментов, получившие широкое признание местных жителей. В радиопередачах для дунган из Фрунзе часто выступают солисты того или иного ансамбля или полный его состав. Отдельные дунганские ансамбли были участниками киргизского республиканского смотра сельской художественной самодеятельности. Ансамбль колхоза «Дружба» Московского района под руководством А. Джона стал лауреатом первого фестиваля молодежи Киргизстана.

Устное народное творчество дунган до последнего времени никем не изучалось. До Октябрьской революции оно в основном было представлено переосмысленным общекитайским героическим эпосом и лирикой, но в то же время были распространены и дунганские произведения.

Кроме эпоса и лирических песен, в дунганском фольклоре представлены трудовые песни, лирико-эпические песни, сказки, пословицы, поговорки. Интересно, что песня «Ма Да-жын лин бин» («Ма Да-жын ведет войска») была для дунган-сказителей как бы образцом формы и размера. Так, по ее образцу сложена поэма «Двенадцать месяцев», составленная из сюжетов двенадцати различных произведений. Большой популярностью у дунган пользовалась песня о курильщике опиума, в которой ярко рисовалась безотрадность жизни опиумокурильщика и неизбежность его гибели. Иногда песни у дунган исполнялись хором, в унисон.

Большим почетом пользовались среди дунган сказители. Под аккомпанемент сансяньзы они рассказывали о героическом прошлом дунганского народа, тяжелой доле бедняков. Сказители знакомили дунганских

крестьян и с китайскими эпическими произведениями, осмысляемыми дунганами на свой лад.

Особенно широко были распространены сказки (*гўжир*) и повествования (*фу*). Если в поэмах (*дачузы*) представлены героические сюжеты, а в песнях (*щёчузы*) — любовная лирика, то в сказках преобладают волшебные сюжеты; дунганские сказки поражают богатством фантазии, сочностью языка. Многие из волшебных сказок имеют антиклерикальную направленность. Сюжеты сказок или их элементы часто находят отражение в вышивке (а также в настенном лубке).

После Октябрьской революции дунганское устное творчество расширило свои жанры и содержание. Появилась народная поэзия, отражающая великие победы социализма, перестройку быта, сдвиги в сознании людей. В настоящее время ведется планомерный сбор и запись фольклорного материала дунганами — сотрудниками сектора дунганской культуры Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР.

Дунганская женщина достигла большого искусства в создании лубочных картин и вышивании. Оба эти искусства входили прежде в круг обучения девушек-невест. Вышивание гладью по зашиваемому трафарету, аппликация, оконтуривание рисунка тамбуром, окантовка изделия лентами ручного или фабричного (прежде китайского) производства были характерными техническими приемами вышивальщиц. Очень красочны изделия каракунузских мастериц, выполненные в технике редкой глади по цветному фону, при которой узор кажется нанесенным цветной штриховкой по фону другого цвета. Вышивкой покрывались одежда, обувь, постельные принадлежности, настенные украшения, дверные занавеси.

Настенный лубок выполняется обычно акварелью. Стиль и состав орнамента варьируются по землячествам. Традиционными являлись всегда и расцветка вышивки, и выбор сюжетов. Часто сюжеты композиции передают моменты из популярных сказок и песен. В ряде случаев орнаментальные мотивы содержат однотипную с китайской благожелательную символику (пожелание богатства — летучая мышь, пожелание счастья — бабочка, пожелание долголетия — персик и т. п.), не осмысляемую уже советскими дунганскими мастерицами. Преобладающим в орнаменте в настоящее время все более становится реалистическое воспроизведение окружающей природы. Интересно отметить возникновение новой символики: колос (колхозный урожай) — символ благополучия, голубь — символ мира и т. п. Даже настенный лубок, прежде сугубо обрядовый (например, изображение восьми ваз с благожелательными символами), либо лубок-оберег (изображение сокола —«разрывателя бесов», тигра и льва, оберегающих от зол и т. п.) становится чисто декоративным или сохраняет сказочную сюжетность. В сел. Каракунуз получили распространение ручные копии китайских рулонных картин с изображением цветов и фазанов (и то и другое близко художественному вкусу исполнительниц).

КОРЕЙЦЫ

Корейцы, живущие в Советском Союзе, называют себя *корёсарам* (люди страны Корё). Большинство корейцев в СССР (всего их числится 314 тыс.) сосредоточено в пределах Средней Азии и Казахстана. По данным переписи 1959 г., в Узбекской ССР корейцев насчитывается 138,5 тыс. человек, или 1,7% по отношению ко всему населению республики, а в Казахской ССР — 74 тыс. человек, или 0,8% к численности населения республики. В других среднеазиатских республиках число корейцев невелико (в Киргизской ССР — 3,6 тыс., в Таджикской ССР — 2,4 тыс., в Туркменской ССР — 1,9 тыс. человек). Остальные корейцы живут преимущественно в РСФСР (в пределах Дальнего Востока и на о-ве Сахалин), где они составляют 91 тыс. человек.

Переселение корейцев в Россию началось в середине XIX в. и продолжалось до 20-х годов XX в. В этот период в Корее происходили глубокие социально-экономические изменения. Она переживала острый кризис феодального способа производства, в недрах которого зарождались капиталистические отношения.

В конце XIX — начале XX в. происходил процесс формирования корейской буржуазной нации. Он протекал в сложных условиях потери Кореей экономической и политической независимости и превращения ее в колонию японского империализма, проводившего в отношении корейского народа политику насильственной ассимиляции. Корейский народ в этот период испытывал двойной гнет — местных феодалов и иностранных капиталистов. Жестокая эксплуатация привела к массовой эмиграции корейцев в соседние страны: Китай и Россию.

Корейские крестьяне семьями и поодиночке переходили границу России и расселялись в Приморском (б. Уссурийском) крае, главным образом в пограничных районах. Большинство переселенцев было выходцами из провинции Северный Хамгёндо, одной из наименее плодородных и мало пригодных для земледелия, расположенной в непосредственной близости к Приморскому краю. В 1869 — 1870 гг. в результате голода из Северной Кореи в Приморье переселилось около 6,5 тыс. корейцев. Число корейцев в Приморском крае довольно быстро увеличивалось, и в 1897 г. их было уже около 24,5 тыс.

В связи с аннексией Кореи (1910 г.) и превращением ее в колонию японского империализма, установившего режим произвола и террора в отношении корейского народа, эмиграция корейцев в Россию усилилась. Особенно она возросла после Октябрьской революции и установления Советской власти на Дальнем Востоке. С 1917 по 1923 г. число корейцев увеличилось здесь с 64 тыс. до 106 тыс. Много корейцев переселилось сюда после жесто-

кого подавления японцами национально-освободительного восстания в Корее в марте 1919 г.

По данным переписи населения 1926 г., на Дальнем Востоке насчитывалось уже 167,4 тыс. корейцев.

Подавляющая масса корейцев жила здесь мелкими хуторами, занимаясь земледелием, главным образом рисоводством, а около городов — разведением овощных культур. Небольшая их часть была занята в промыслах (лесном, рыбном) и на приисках в качестве рабочих. Корейское крестьянство в своей массе было безземельным. До Октябрьской социалистической революции из 14 тыс. корейских семей 11 тыс. не имели своей земли. Они вынуждены были арендовать землю у частных лиц или работать батраками в крупных казачьих хозяйствах и у корейских кулаков.

Беднейшая часть корейского крестьянства и пролетариат, особенно революционно настроенная молодежь, активно участвовали в борьбе за утверждение Советской власти. Корейские красноармейские отряды боролись на уссурийском фронте вместе с русскими рабочими и крестьянами против войск Антанты. Корейское население принимало деятельное участие в партизанском движении против Колчака и японских захватчиков. Серьезные удары японской армии нанесли вооруженные отряды Хон Бон До.

С установлением Советской власти на Дальнем Востоке положение корейского населения резко изменилось. Уже в первые годы Советская власть начала уделять большое внимание повышению жизненного уровня корейского населения. Прежде всего были приняты меры по обеспечению безземельных и малоземельных крестьян земельными наделами. Большая работа была проведена по ликвидации неграмотности среди корейского населения, особенно среди женщин, 80% которых до революции были неграмотными. Расширялась сеть национальных школ для корейских детей.

В 1925 г. большинство корейцев (примерно 120 тыс.), поселившихся на Советском Дальнем Востоке, приняло подданство СССР. Они стали равноправными членами братской семьи народов Советского Союза, активно включились в борьбу за построение социализма.

Поселения корейцев в Средней Азии появились относительно недавно. Отдельные семьи переехали сюда в середине 1920-х годов, в дальнейшем этот процесс продолжался. В 1924 г. под Ташкентом была образована первая корейская сельскохозяйственная артель.

Наибольшее число корейцев (более 71 тыс.) живет в Ташкентской области Узбекской ССР, а также в Кзыл-Ординской и Алма-Атинской областях Казахской ССР. В пределах Узбекистана корейцы живут также в Хорезмской, Самаркандской, Андижанской и других областях и в Кара-Калпакской АССР. Небольшой процент корейцев живет в различных городах. Наибольшее число корейцев-горожан (около 10 тыс.) сосредоточено в г. Кзыл-Орде.

Основная масса корейцев Средней Азии и Казахстана говорит на северо-восточном диалекте корейского языка [1]. В отличие от северо-восточного диалекта самой Кореи, в языке корейцев СССР наблюдаются некоторые особенности, среди них — значительное число заимствований из русского, а также узбекского и казахского языков, причем в заимствованных словах произносятся некоторые звуки, отсутствующие в северо-восточном диалекте. Например, звук *л* в слове Ленин, звук *ф* в слове кенаф. Наблюдается тенденция к созданию гибридных слов путем соединения русских имен существительных с корейским глаголом *хада* (делать). Словообразование в данном случае идет по характерной для корейского языка модели.

Корейское население двуязычно, а отчасти даже трехъязычно. Все корейцы, за исключением глубоких стариков и детей дошкольного возраста,

[1] Корейский язык близок к тунгусо-маньчжурским языкам.

хорошо знают русский язык. Некоторые владеют языками соседних народов: узбекским, казахским и др.

Обучение в средних школах, которые имеются во всех колхозах, ведется на русском языке. Корейский язык преподается с 3-го класса. Кадры преподавателей корейского языка для школ готовятся на корейском отделении Ташкентского педагогического института.

В печати, школе и театре принят литературный язык, он значительно отличается от разговорного, на котором говорят дома и между собой. В г. Кзыл-Орде на корейском языке выходит газета «Ленин кичхи» («Ленинское знамя»). Ее читают корейцы Казахстана и Узбекистана.

Основные занятия

Основная масса корейцев занята в сельском хозяйстве, хотя многие из них работают также и в промышленности, на транспорте, в научных и культурных учреждениях. Среди корейцев много кандидатов и докторов наук.

Корейцы — трудолюбивый земледельческий народ с большими навыками поливного земледелия. Мастерство корейцев в выращивании основной культуры — риса — пользуется широким признанием. Рис возделывается ими с первых веков нашей эры.

При расселении корейцев в Средней Азии, учитывалась их прежняя хозяйственная деятельность — рисоводство и огородничество. Их селения возникли в долинах Сыр-Дарьи и ее притоков, Аму-Дарьи, Или, Каратала и других рек, где возможно поливное земледелие. Государство оказывало всемерную поддержку корейским колхозам, организовавшимся в 1937—1938 гг. на вновь освоенных землях. В первые годы они освобождались от налогов, государство снабжало их сельскохозяйственными машинами и инвентарем, минеральными удобрениями и строительными материалами. Благодаря помощи государства и самоотверженному труду колхозников пустынные места за короткий срок были превращены в культурные земли, на которых корейские крестьяне стали выращивать высокие урожаи риса и других культур.

Корейцы способствовали развитию рисоводства. В местных условиях они вывели новые высокоурожайные сорта риса. Широкое распространение получил новый сорт риса «*кёнъчжо*», выведенный еще в 1928 г. корейскими крестьянами в колхозе «Политотдел» Ташкентской области. Урожайность этого сорта достигает 50 ц с 1 га, в то время как урожай местного сорта не превышает 30 ц

Корейцы возделывают рис на орошаемых полях. В течение всего периода роста рис требует бесперебойного снабжения водой. От умелого орошения зависят качество и размеры урожая. Поэтому поливальщиками на рисовых полях назначаются обычно пожилые люди с большим опытом работы. Для рисовых полей выбирают затопляемые участки с естественным уклоном местности. Применяется самотечное орошение, без водоподъемных механизмов. Поля тщательно выравнивают и делят на мелкие участки, огороженные валиками. На хорошо выровненном участке поддерживается одинаковый уровень воды, что способствует равномерному прогреванию почвы, дружному появлению всходов и облегчает борьбу с сорняками.

В зависимости от сорта риса и местных условий применяется и различная агротехника. Обычно рис высевают в сжатые сроки в апреле-мае предварительно замоченными семенами. Сеют преимущественно вразброс.

Рис — трудоемкая культура. За вегетационный период требуется неоднократная прополка и подкормка растений удобрениями. Механизация в рисоводство внедрена еще слабо. В большинстве колхозов механизированы еще только пахота, поделка валиков и обмолот. Такие же тяжелые работы, как посев, заделка семян в почву, прополка, которые необходимо производить в воде, а также уборка урожая, выполняются руками или простыми ручными орудиями. Для выравнивания почвы под водой при

меняется доска — *пончи*, которую тянет лошадь. При уборке урожая используется корейский серп — *нат* — с прямым лезвием.

В передовых рисосеющих колхозах проводится систематическая работа по повышению уровня механизации возделывания риса. Так, в колхозе «III Интернационал» Кзыл-Ординской области Казахской ССР сеют и убирают рис машинами, что позволяет колхозу намного увеличить производительность труда. Средняя урожайность риса в этом колхозе — 40 ц с 1 га.

Замечательных успехов добились рисоводы Хорезмской области, культивирующие рис на засоленных почвах. Один из передовых колхозов Гурленского района, возглавляемый Нам Хын Дюном, получил в 1960 г. урожай риса в 73 ц с 1 га (при средней урожайности по рисосеющим республикам в 25 ц с 1 га).

Прополка рисового поля. Ташкентская область

Огородничество, как и рисоводство, является древним традиционным занятием корейских крестьян. Они привезли с собой семена многих дальневосточных сортов огородных культур: корейской капусты, лука, чеснока, редьки, огурцов, тыквы-горлянки, а также соевых и крахмальных бобов, которые хорошо привились в условиях Средней Азии, их стали возделывать и местные народы.

При обработке приусадебных участков пользуются ручными орудиями. Универсальное применение находит корейская изогнутая сапка — *хоми*. Ею делают лунки для семян, а также окучивают, пропалывают огородные культуры и рыхлят почву. На огородных работах, а иногда и при рыхлении почвы на рисовых полях применяется корейский плуг (*чэньги*) с плоским лемехом. Наряду с национальными сельскохозяйственными орудиями в корейском хозяйстве широко используется заимствованная у соседних народов мотыга — кетмень. Ее применяют для поделки валиков на рисовых полях, рытья оросительных каналов, прополки и окучивания хлопка, сахарной свеклы и других работ.

В корейских колхозах рис сохранял значение ведущей культуры примерно до 1950-х годов. В последнее десятилетие, в связи с повышением роли технических культур в экономике республик Средней Азии, направление хозяйства в корейских колхозах резко изменилось в сторону преобладания этих культур. Однако важная роль корейцев в рисоводстве сохраняется. Особенно ценен опыт корейских рисоводов для Хорезмской области и для Кара-Калпакии, где создается крупнейший район рисоводства. В 1957 г. в Кунградском районе Кара-Калпакской Автономной Республики на базе корейского колхоза был создан первый в Узбекистане рисоводческий совхоз «Раушан».

Во многих нерисоводческих колхозах работают бригады, состоящие из корейцев. Например, почти во всех колхозах Ферганской долины имеются одна или две такие бригады.

Корейские колхозы Узбекистана с успехом занимаются хлопководством и возделыванием лубяных культур (кенафа), а колхозы Казахстана, кроме хлопка, культивируют и сахарную свеклу. Многие корейские колхозники прославились как мастера высоких урожаев хлопка, сахарной свеклы, риса и других культур. Только в одной Узбекской республике более ста корейцам-колхозникам присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В корейских колхозах развивается многоотраслевое хозяйство (полеводство, животноводство, огородничество, садоводство, пчеловодство, шелководство). Наряду с развитием технических культур сохраняются зерновые (рис, пшеница, ячмень, кукуруза, просо). В передовых колхозах имеются молочнотоварные, овцеводческие, коневодческие, свиноводческие и птицеводческие фермы. Навыки ведения крупного животноводческого хозяйства корейцы заимствовали от соседних народов — казахов и узбеков, раньше у корейцев животноводство было развито слабо. В настоящее время среди корейского населения выросли квалифицированные кадры животноводов. Молодые специалисты, окончившие ветеринарные техникумы и институты, работают на колхозных фермах.

В колхозах имеются подсобные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, созданы механические, кузнечные, столярные и другие мастерские. В послевоенные годы в колхозах развернулось широкое строительство мельниц и крупорушек, поэтому отпала необходимость в использовании таких домашних приспособлений, как деревянная ножная крупорушка — *палпанъа* и состоящая из двух жерновов ручная мельница — *мэттори*, широко ранее распространенные. Они сохраняются в личных хозяйствах некоторых колхозников и рабочих совхозов только для приготовления зерна и муки, предназначенных для национальных праздничных блюд.

Домашняя ножная крупорушка используется главным образом для обдирки риса. Ее устанавливают во дворе, обычно под навесом. Она состоит из горизонтального деревянного рычага длиной в 2,5—3 м, укрепленного на невысокой стойке. Большое плечо рычага снабжено деревянным тяжелым пестом с железным наконечником, другое, раздвоенное на конце, служит для подъема и опускания рычага нажимом ног. Пест входит в каменную ступу, вкопанную под ним.

Слияние мелких колхозов, создание укрупненных корейско-узбекских и корейско-казахских колхозов еще больше укрепило их хозяйственную мощь, создав условия для быстрого развития производительных сил в деревне.

Со времени реорганизации МТС значительно возросла механизация колхозного производства. За короткий срок колхозами у государства было куплено большое количество сельскохозяйственных машин. Так, например, колхоз «Северный маяк» Ташкентской области в начале 1959 г. имел 35 гусеничных и колесных тракторов, 10 хлопкоуборочных машин, 24 хлопковых культиватора, 12 сеялок и много других машин. В ближайшие годы все основные процессы сельскохозяйственного производства в колхозе будут механизированы. С ростом машинно-тракторного парка возросла в колхозе роль механизаторов. В зимний период в колхозе «Северный маяк» на краткосрочных курсах молодежь осваивает новую технику. Все юноши и мужчины в возрасте до 30 лет умеют водить машины. Многие из них получили эти навыки еще в колхозной средней школе.

Большинство корейских колхозов овладело передовыми методами ведения хозяйства. В последние годы в число передовых колхозов страны выдвинулся колхоз «Политотдел» Верхне-Чирчикского района Ташкент-

Домашняя ножная рисорушка. Кунградский район, Кара-Калпакская АССР

ской области, возглавляемый Героем Социалистического Труда Хван Ман Гымом. Переломный момент в жизни колхоза наступил после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. До этого колхоз на протяжении многих лет был одним из слабых в районе. Первое, с чего начали свою работу партийная организация и правление колхоза, была борьба против частнособственнических тенденций и тунеядства. В 1953 г. у колхозников имелись непомерно большие приусадебные участки. На общем собрании колхозников было решено вернуть излишки земли в общественный фонд. Это повысило материальную заинтересованность колхозников в развитии общественного хозяйства. В колхозе резко! увеличилась производительность труда. За последние семь лет производство основной лубяной культуры — кенафа возросло в 30 раз, хлопка в 2 раза, быстрыми темпами развивается высокопродуктивное животноводство. Колхоз прославился большими урожаями хлопка и кенафа. По всей стране известны имена лучших людей колхоза: доярки Розы Квон, обслуживающей 150 коров, бригадира кукурузоводов Любы Ли, снимающей рекордный урожай кукурузы — почти по 2 тыс. ц зеленой массы с початками с 1 га. На базе бригады Любы Ли в колхозе «Политотдел» организована республиканская школа передового опыта, где молодые кукурузоводы знакомятся с новейшими достижениями.

Колхоз ежегодно получает высокие доходы — 6—7 млн. руб., растут неделимые фонды: в 1953 г. они составляли 30 тыс. руб., а в 1960 г.— 1300 тыс. руб. (в старом масштабе цен).

Соответственно из года в год систематически растут и доходы колхозников. Достаток семей все больше определяется тем, что́ получает каждый член колхоза из общественных фондов. За короткий срок за счет колхоза построено 240 благоустроенных домов, проведены водопровод, электричество, радио, газ для отопления. Построены детские сады, ясли, больница, аптека. Завершается строительство школы-интерната, дома культуры. Введено бесплатное питание всех работающих в поле, а также

Любовь Ли, Герой Социалистического Труда, бригадир кукурузоводческой бригады. Колхоз «Политотдел», Ташкентская область

детей в детских садах и яслях. Колхозники пользуются бесплатными домами отдыха. Престарелые получают пенсии. Дети колхозников, учащиеся в институтах и техникумах, получают от колхоза стипендии. Колхоз полностью удовлетворяет потребности семей необходимыми продуктами — мясом, молоком, овощами, фруктами, которые по требованию доставляются на дом. Это привело к тому, что колхозники теперь полностью отказались от приусадебных участков и собственного скота. В связи с этим у колхозников больше стало свободного времени и многие из них поступили учиться в вечерние техникумы и школы, на различные курсы. Массовым становится и спорт в колхозе.

Заслуженную славу завоевал и другой крупный корейский колхоз «Полярная звезда» Ташкентской области Узбекской ССР, возглавляемый дважды Героем Социалистического Труда Ким Пен Хва. В 1959 г. этот колхоз, как и многие другие, был укрупнен. В настоящее время — это корейско-узбекский колхоз, в его составе 2045 корейцев и 1708 узбеков. Укрупнение колхоза способствовало расцвету многоотраслевого хозяйства. В колхозе развито хлопководство, рисоводство, животноводство. Денежные доходы этого колхоза велики, что, естественно, сказывается и на росте благосостояния каждой колхозной семьи.

Для других корейских колхозов Узбекистана, особенно для колхозов Ташкентской области, культивирующих кенаф, также характерны высокие доходы; сильно выросло благосостояние колхоза им. Свердлова и некоторых других колхозов, сдающих государству кенаф.

Колхозы выделяют большие средства на строительство производственных помещений, культурно-бытовых учреждений и жилых домов. Все общественные здания в колхозах, а также дома колхозников электрифицированы и радиофицированы. Полеводческие бригадные станы имеют телефонную связь. У многих колхозников в квартирах установлены телефоны.

Селения и жилище

Корейцы живут в благоустроенных поселках с широкими прямыми улицами, утопающими в зелени. В центральном поселке колхоза обычно размещены правление, клуб, школа, магазин, колхозная электростанция и другие общественные здания.

По обе стороны улицы тянутся усадьбы колхозников, огороженные, как правило, невысокими изгородями из соломы, камыша или прутьев. В некоторых районах Казахстана распространены открытые усадьбы, гра-

Общий вид селения колхоза «Полярная звезда». Ташкентская область, Узбекская ССР

ницами между ними являются кустарники и древесные насаждения (тополи, клены, тутовые деревья). В центре усадьбы возводится жилой дом, за которым разбивается огород и небольшой фруктовый сад. Во дворе располагаются хозяйственные постройки: сараи для хранения продовольственных запасов, свинарник из жердей и прутьев с приподнятым полом, помещения для кур, гусей, уток. Во дворе установлена и плита для приготовления пищи в летнее время.

Корейцы живут в домах стандартного типа. Их возводят строительные бригады колхозов, состоящие, как правило, из узбеков, русских, татар, а также корейцев-мастеров по устройству национальной системы отопления. Дома выкладывают из сырцового кирпича и белят снаружи и внутри. Крыши двускатные. Материалом для них служат черепица, шифер, иногда солома или камыш. В каждом доме имеется четыре — шесть комнат. Квартира каждой семьи состоит из одной-двух комнат и кухни и имеет отдельный вход.

В устройстве жилища корейцев наблюдаются некоторые национальные особенности: своеобразная система отопления, расположение и назначение комнат. В трехкомнатных квартирах отопление устраивается обычно в первых двух комнатах по типу так называемого китайского кана, местное название его *кудыри* (в Корее — *ондол*). Под приподнятым на 30—50 см полом сооружают дымоход, соединяющий кухонный очаг с вытяжной трубой. Дымоход выкладывают на земле из кирпича, сверху его покрывают кирпичной кладкой, на которую насыпают слой земли, а затем обмазывают глиняным раствором. Когда очаг топится, теплый воздух, проходя по дымоходу, хорошо нагревает пол.

В первой комнате — кухне (*пуок*) находится плита, а кудыри в ней занимает только половину площади. В плиту над топкой вмазано два-три котла для варки пищи. Топка расположена в углублении, вырытом в полу. В последнее время во многих районах в связи с переходом на отопление каменным углем топку стали закрывать чугунной дверкой.

Во второй комнате — спальне (*уккан*) кудыри занимает всю площадь комнаты, пол покрыт сплетенными из камыша циновками с характерным корей-

Корейские девушки

ским орнаментом. В последнее время во многих домах циновки заменяют коврами, войлоками, клеенкой или линолеумом.

На теплом полу корейцы сидят во время еды или когда занимаются домашней работой, на нем также и спят. Пол содержат в образцовой чистоте. Корейцы в помещении в обуви не ходят, а оставляют ее у входа в комнаты. Спят на толстых ватных одеялах — *пходан*, накрываются более тонкими и широкими одеялами — *ибуль*. Под голову подкладывают продолговатые корейские подушки — *пегэ*, имеющие форму валиков длиной в 50—60 см и диаметром около 15 см (их набивают чаще всего рисовой шелухой), или обычные перьевые подушки. На день постельные принадлежности, как и в Корее, складывают стопкой в спальне на небольших сундуках и покрывают кружевными накидками своей вязки.

Во многих семьях колхозной интеллигенции спят на кроватях, которые ставят на кудыри.

В третьей комнате (*марупанъ*, т. е. комната с деревянным полом) обычно живет молодежь, принимают гостей, дети готовят уроки. Ее обставляют покупной мебелью (кровати, платяной шкаф, нередко зеркальный, диван, стол, стулья, этажерка). Здесь же ставят и радиоприемник. В убранстве этой комнаты больше всего заметно русское влияние. На стене — большое зеркало, обрамленное вышитым полотенцем, фотографии. На окнах — тюлевые или кружевные, ручной работы занавески, цветы. Над кроватями — набивные или вышитые коврики с широко распространенным русским орнаментом. Вязание кружева корейские женщины переняли от русских еще на Дальнем Востоке. Корейские женщины, издавна славящиеся как искусные вышивальщицы, сочетают традиционные приемы вышивки с новыми. Национальные мотивы ярче всего прослеживаются в вышивках на боковых сторонах корейской подушки — пегэ.

Одежда

У корейцев Средней Азии и Казахстана национальная одежда почти полностью вышла из употребления. Среди мужчин широко распространены покупные готовые изделия — пальто, костюмы и т. д. Обычно женщины сами шьют платье себе и детям. Среди них много хороших мастериц, обладающих неплохим вкусом.

Девушки и молодые женщины носят современные платья. Пожилые женщины предпочитают темные в сборку юбки и белые с длинными рукавами кофты русского покроя. Белый цвет остается любимым цветом корейцев. Поэтому праздничные костюмы шьют из белых тканей: чесучи и полотна. Каждому сезону соответствуют тот или иной костюм и обувь (последняя — фабричного производства). У всех членов семьи имеются рабочие и выходные костюмы.

Национальный костюм можно встретить изредка на пожилых. Им пользуются в кружках колхозной художественной самодеятельности. Он сохраняется также у стариков, они берегут его как погребальную одежду.

Кореянка в национальной одежде. Кара-Калпакская АССР

Национальная женская одежда для всех возрастов состоит из короткой с узкими длинными рукавами кофты — *чогори* и длинной, собранной в сборки юбки — *чхима*. Ее шьют из тканей ярких (розовых, зеленых, желтых) расцветок. Мужская одежда, часто белая, состоит из широких штанов — *падзи* и куртки такого же покроя, как и женская кофта, только несколько более длинной. Поверх куртки надевают жилет — *чокки* — из темной ткани.

Из национальных головных уборов сохранилась соломенная шляпа (*кат*), которую надевают на время работы в поле. Обычно же мужчины среднего и старшего возраста носят фетровые шляпы, а молодые — фуражки. Пожилые женщины летом покрывают голову белым платком. Молодые женщины и девушки ходят с непокрытой головой. Девушки носят косы, а женщины укладывают волосы сзади в пучок. В зимнее время голову покрывают шерстяными платками и косынками.

Пища

Основными продуктами питания корейцев в сельской местности являются рис и овощи. Пищу принимают обычно три раза в день. Горячую пищу варят утром и вечером. Готовят рисовую кашу — *пап*, вторые блюда — овощные, мясные, рыбные. Рисовая каша является и самостоятельным блюдом, и подается вместо хлеба к супу и вторым блюдам. Рис варят без соли на пару: в котел наливают небольшое количество воды и вставляют деревянную решетку. На решетку, покрытую куском ткани, насыпают промытый рис. Затем котел закрывают деревянной крышкой. Варят неклейкие сорта риса, поэтому каша получается рассыпчатой.

Повседневным блюдом, кроме риса, является овощной салат — *кимчхи* из квашеной капусты, иногда из огурцов или редьки, приправленных

перцем, корейским луком и чесноком. Салат из капусты и редьки приготовляется на всю зиму.

По праздникам и по случаю семейных торжеств готовят национальные блюда *куксу* и *чхалттоκ*. Куксу — домашнего приготовления лапша из пресного теста. В нее кладут мелко нарезанные кусочки вареного или жареного мяса, для остроты добавляют перец, сою и салат— кимчхи. В поселках и городах, где корейцы составляют значительную часть населения, во многих столовых приготовляют корейскую лапшу с мясным бульоном.

Чхалтток — отбивной хлеб, приготовляемый из клейкого сорта риса. Сваренный на пару рис выкладывают в большое деревянное блюдо и двое мужчин поочередно большими деревянными молотками отбивают его до тех пор, пока он не превратится в сплошную тестообразную массу, которую раскладывают затем в миски и подают на стол. Обычно приправой к нему служат растертые поджаренные соевые бобы или фасоль. Наиболее распространенной и любимой острой приправой ко всем блюдам — мясу, рыбе, овощам — является соя: пастообразная — *чанъ* и жидкая — *канчанъ*.

Некоторые блюда корейцы заимствовали у соседних народов, например узбекский плов, вареное мясо в крошеном виде по-казахски, среднеазиатские лепешки. Широко употребительны теперь, особенно в питании детей, русский печеный хлеб, молоко и молочные продукты. В детских садах молоко и хлеб стали повседневной пищей. Следует отметить, что молоко и молочные продукты у корейцев, как и у многих других народов Восточной и Юго-Восточной Азии, до последнего времени в национальную пищу не входили. Чай у корейцев Средней Азии, как и в самой Корее, мало распространен.

Пищу подают каждому в отдельной посуде, только рис подается на одной тарелке, из которой каждый берет его своей ложкой. Перед каждым обедающим ставится пиала с сырой водой. Ее пьют небольшими глотками во время еды. Палочки для еды теперь встречаются в редких семьях. Посуда разнообразная, покупная: фарфоровые и фаянсовые тарелки и чашки, пиалы, железные и алюминиевые миски и др. Распространены ковши для воды из тыквы-горлянки. Едят за корейским низким столиком—*пап-сан*, высотой 30—40 см. Мужчины обычно сидят, скрестив ноги перед собой, женщины — поджав одну ногу под себя, а другую согнув в колене.

Из старинной утвари сохраняются плетенные из прутьев ивы шумовки—*чори*, при помощи которых вынимают из котлов вареную лапшу, а также ручные веялки *кхи* в виде плоского совка.

Плетение — старинный вид корейского ремесла. Им занимаются старики, многие из которых усвоили навыки плетения с детства, когда еще жили в Корее. Материалом для плетения служат прутья ивы, камыш, рисовая солома. Из прутьев ивы, кроме утвари, плетут круглые корзиночки. Прочность изделий зависит от материала. Прутья ивы срезают летом, когда они обладают необходимыми качествами: гибкостью и матово-белым цветом. Из камыша плетут циновки, которыми застилается пол. Размер циновок примерно 2×3 м. Рисовая солома идет для изготовления национальных шести-восьмигранных шляп — кат. Ранее широко распространенные изделия из рисовой соломы — обувь, мешки, толстые маты — вышли из употребления.

Семейный быт и общественная жизнь

В корейских семьях в прошлом господствовали патриархальные отношения. Глава семьи пользовался неограниченной властью над женой и детьми. В случае неповиновения жены муж имел право даже продать ее в рабство. Существовал феодальный обычай купли-продажи девушек. Некоторые богатые корейцы на Дальнем Востоке покупали себе до десяти жен. Женщина не имела права на распоряжение имуществом и получение наследства. Девушку выдавали замуж, не считаясь с ее чувствами.

Нередко были случаи, когда взрослую девушку выдавали замуж за малолетнего мальчика.

После установления Советской власти большое внимание было обращено на преобразование семейных отношений, в первую очередь на изменение положения женщин-крестьянок. Теперь корейская женщина является равноправным членом семьи и общества. Она активно участвует в производственной и общественной жизни. За годы Советской власти многие корейские женщины получили высшее образование и стали педагогами, врачами, инженерами.

Современная корейская семья испытала на себе благотворное влияние социалистических преобразований. Она зиждется на взаимной симпатии и равенстве ее членов. Среди молодежи нередки случаи смешанных браков, особенно с русскими. Такие браки даже со стороны стариков не вызывают осуждения.

В браке у корейцев строго соблюдается экзогамия. Все лица, связанные происхождением от общего предка, считаются родственниками и браки между ними запрещены даже при самых отдаленных степенях родства. Обычно родственниками считаются лица, имеющие одну фамилию — *сонъ*. Но некоторые, наиболее распространенные фамилии — Ким, Пак, Ли и др. распадаются на несколько групп — *пон* (в местном произношении *пои* — корень, исток, родина), названия которых указывают на место жительства действительного или легендарного предка — основателя фамилии (рода) и связаны с определенными географическими пунктами Кореи. Все лица, входящие в одну пон, составляют экзогамную группу и браки между ними запрещены.

Брачный возраст у корейцев — 18—20 лет. Предпочитаются браки между одногодками или лицами, имеющими небольшую разницу в возрасте. В брачной церемонии из старых обрядов сохраняется сватовство, хотя, за редкими исключениями, молодые заранее договариваются о браке. В качестве сватов выступают отец, дядя как со стороны отца, так и со стороны матери, или, если нет родственников мужчин,— мать юноши. Сваты отправляются в дом родителей девушки, где происходит сговор. После этого объявляется день свадьбы. Через некоторое время после сговора в доме невесты устраивают так называемую малую свадьбу. Свадьба происходит в доме жениха. Основные расходы по свадьбе несет семья жениха. Для свадебного стола обязательны национальные кушанья, в том числе целая курица, оплетенная зелеными и красными нитками, что символизирует долгую радостную жизнь; в клюв курицы вставляют красный перец (символ любви). Эта курица, как и другие блюда со свадебного стола, отправляется родителям невесты, которые на свадьбе не присутствуют. Невеста, как правило, приносит в дом мужа приданое: постельные принадлежности, одежду, посуду. Брак регистрируется после свадьбы, очень часто даже после рождения первого ребенка. При регистрации женщина сохраняет свою фамилию.

Молодые в большинстве случаев поселяются в отдельном доме, построенном для них родителями и родственниками с помощью колхоза. Престарелые родители живут со старшим сыном, который обязан содержать своих родителей и относиться к ним с вниманием и уважением.

Корейские семьи многодетны. Обычно в семье имеется три-четыре ребенка, немало также семей, имеющих по семь детей и более. Многодетным семьям оказывается всесторонняя помощь со стороны государства и колхозов. В каждом колхозе на период полевых работ создаются ясли и детские сады, где забота о детях поручена опытным воспитателям, многие из которых имеют специальную педагогическую подготовку. Дети находятся под наблюдением медицинских сестер и врачей. Во многих корейских колхозах есть свои поликлиники, аптеки, больницы с родильным отделением.

В колхозном детском саду. Колхоз «Полярная звезда», Ташкентская область, Узбекская ССР

В корейских семьях распространен обычай усыновления детей. Усыновляют детей своих родственников, обычно племянников. В некоторых семьях соблюдается старый обычай, когда усыновление имеет лишь символический характер и предпринимается с целью ограждения ребенка от несчастий. Например, ребенка из семьи, где дети долго не живут и умирают, усыновляет многодетная семья, в которой дети выросли здоровыми и трудолюбивыми. Иногда новорожденному подбирается приемная мать из женщин, родивших и воспитавших много здоровых детей. Фактически ребенок остается жить у своих родителей, но усыновившие считают его своим сыном или дочерью, оказывают ему внимание, делают подарки. Когда ребенок вырастает, между ним и его приемными родителями устанавливаются тесные родственные отношения.

У корейцев нет определенных традиционных имен. Именем может служить название предмета, растения, животного и т. п. Имя дается произвольно. Встречаются семьи, где один ребенок назван корейским, другой — русским именем. Чаще всего детям дают русские имена. В отдельных семьях, где есть старики, придерживаются национальных традиций: первому внуку дед подбирает имя одного из мужских предков данной семьи, справляясь для этого в родословной книге. Как правило, такое имя состоит из двух частей. Очень часто дают имена типа Са Сон, Е Сон, что означает четвертый внук, пятый внук.

Первая годовщина ребенка считается большим семейным праздником. По этому случаю приготовляются различные национальные кушанья. На празднование приглашают родственников и знакомых, которые приносят подарки или дарят деньги. Традиционным моментом праздника является обряд узнавания судьбы ребенка, принявший в настоящее время характер развлечения. Перед ребенком ставят стол и на нем раскладывают в чашках отбивной хлеб, рис, бобы, а также различные предметы: ножницы, карандаш, тетрадь, книгу, деньги и др. Присутствующие при этом женщины смотрят, в какой последовательности ребенок берет предметы. В зависимости от того, что́ ребенок прежде всего возьмет в руки, определяют его за-

нятие в будущем. Так, если ребенок взял ножницы, считают, что он будет хорошо шить; если книгу, тетрадь или карандаш — будет хорошо учиться; если рис — будет богато жить. Если ребенок взял чашу с отбивным хлебом, то это считается плохим предзнаменованием; ребенок будет плохо жить или скоро умрет. Поэтому чашу с отбивным хлебом стараются поставить подальше от ребенка, а такие предметы, как карандаш, книгу, кладут на видное место. В заключение этого обряда присутствующие дарят деньги.

Из семейных праздников особенно пышно и торжественно отмечается 60-летие со дня рождения отца или матери. К этому празднику начинают готовиться за несколько месяцев. Оповещают и приглашают всех родственников и друзей юбиляра. Праздник обычно устраивает старший сын в своем доме. Стол стараются заполнить большим количеством разнообразных блюд. Юбиляр за столом занимает почетное место, по правую и левую руку от него сидят его одногодки, а далее гости рассаживаются по старшинству. Молодые мужчины, как и молодые женщины, празднуют отдельно от стариков, в разных комнатах. Родственники юбиляра, отвешивая глубокие поклоны, поздравляют его с днем рождения, желают долгой жизни и преподносят подарки: одежду, обувь и т. п. Праздник обычно заканчивается исполнением народных песен и танцев под аккомпанемент национальных инструментов — барабана и флейты.

Отдельные семьи, где есть пожилые люди, отмечают национальные праздники. Самым важным считается Новый год, который отмечается 1-го числа первого месяца по лунному календарю. Этот праздник длится несколько дней. В первый день делают визиты, поздравляют с праздником родственников и знакомых, обмениваясь при этом подарками. Первое число второго месяца по лунному календарю посвящается усопшим. В этот день, называемый *хансик* (буквально — холодное кушанье), посещают могилы родителей и родственников, приводят их в порядок. Верующие у могилы ставят различные кушанья, предназначая их для духа земли, в которой покоится умерший, а также и для духа самого умершего.

Похороны у корейцев обставлялись раньше с большой пышностью и сопровождались многими церемониями. В настоящее время после смерти главы семьи у его гроба собираются все ближайшие родственники, которые оплакивают покойника в течение трех суток. После этого его хоронят в деревянном с высокими прямыми стенками гробу на кладбище, расположенном вдали от селения. На могиле сжигают рубашку и другие вещи умершего. После того как гроб засыпан землей, совершают обряд приношения пищи и вина духу земли и душам умершего (по старым представлениям корейцев, у каждого человека имеются три души). Этот обряд совершает старейший член семьи умершего. На могиле насыпают земляной холм и ставят деревянный крест или же обелиск с красной звездой. На следующий день после похорон ближайшие родственники справляют по умершему поминки, которые в дальнейшем совершают раз в год, в ночь на годовщину смерти. По представлениям религиозных корейцев, души умерших обитают среди живых родственников, образуя как бы невидимую часть сородичей и требуя к себе большего внимания и забот, чем живые люди, так как они способны мстить и вредить, а сами недоступны возмездию. Отсюда тщательное выполнение обряда поминовения предков.

Для людей среднего и младшего поколения многие церемонии, связанные с погребальным обрядом, утратили религиозный смысл и выполняются из уважения к старикам. У корейцев никогда не наблюдалось религиозного фанатизма. Они проявляли терпимость к различным религиям. Духовенство не пользовалось популярностью, все обряды, связанные с важными вехами жизни человека (рождение, женитьба, похороны), проводились без участия служителей культа.

В книжном магазине. Колхоз «Полярная звезда», Ташкентская область, Узбекская ССР

В Корее с середины XIV в. официальной религией стало конфуцианство, сменившее буддизм. Но оно было в основном религией господствующих классов. Многие корейцы, переселившиеся в Россию, приняли христианство. Однако народной религией оставалось шаманство, уходящее корнями в древние анимистические верования корейцев. Корейское шаманство имело синкретический характер: шаманские воззрения сочетались в нем с конфуцианскими и буддийскими понятиями. Основная идея корейского шаманства заключается в почитании неба — *ханыр*, от которого якобы происходят все блага на земле. Наряду с почитанием неба корейцы одухотворяли окружающую природу, населяя ее бесчисленными злыми и добрыми духами. Корейцы верили, что счастье и благополучие каждого человека зависят от его умения снискать себе расположение добрых духов, для чего надо все время угождать им, совершать жертвоприношения. Посредниками между духами и человеком считались шаманы. До Октябрьской революции суеверия пронизывали все жизнь корейских крестьян. Особенно страдали от предсказателей, гадалок и шаманов женщины — наиболее угнетенная и бесправная часть корейского народа.

В настоящее время шаманство как определенная система взглядов совершенно исчезло. Наблюдаемая среди незначительной части стариков вера в злых и добрых духов представляет собой лишь пережиток шаманских воззрений. Среди некоторой части корейцев бытуют и пережитки конфуцианских воззрений, которые проявляются в обрядах, связанных с культом предков, и в сохранении патриархального взгляда на женщину.

Большинство корейцев, живущих в Средней Азии и Казахстане, по своим убеждениям атеисты.

В общественной жизни корейских колхозников большую роль играет местная интеллигенция: учителя, врачи, агрономы. Центром общественной жизни на селе является клуб. При клубах работают библиотеки и различные кружки, выпускаются стенные газеты. В сельских библиотеках имеется художественная, политическая, научная и периодическая литература на русском и корейском языках. Поступает литература и из Корейской

Выступление кружка художественной самодеятельности. Колхоз «Полярная звезда» Ташкентская область, Узбекская ССР

Корейский танец «Радуга» в исполнении артистов Корейского национального театра в г. Кзыл-Орде

Народно-Демократической Республики. В клубах демонстрируются кинофильмы, читаются лекции и доклады; клубы охотно посещают колхозники. В клуб приходят и женщины, иногда даже с грудными детьми, которых привязывают по традиции на спину. Молодежь часто устраивает танцы под радиолу, баян или самодеятельный духовой оркестр. Танцуют вальс, фокстрот и другие современные танцы.

Во время праздников в клубе устраиваются торжественные заседания и концерты участников кружков художественной самодеятельности. Широко и торжественно отмечаются всенародные праздники трудящихся: 1 Мая, день Октябрьской революции, Новый год. Во время новогоднего праздника в клубе наряжают елку, вокруг которой дети и молодежь танцуют и поют. Кроме того, в колхозах устраивается праздник по случаю годового отчета. Он длится два-три дня. На нем присутствуют гости из соседних колхозов и районных организаций.

Корейское население активно участвует в общественной жизни страны. Многие корейцы избраны депутатами в верховные и местные органы государственной власти. Например, бригадир кукурузоводов из колхоза «Политотдел» Верхне-Чирчикского района Ташкентской области Любовь Ли является депутатом Верховного Совета СССР. В Верховном Совете Казахской ССР — три депутата корейской национальности, в Верховном Совете Узбекской ССР — два.

Культура

Корейский народ создал богатый и яркий фольклор, в котором большое место занимают мифологические сюжеты. Они лежат в основе многих корейских народных сказок. В памяти стариков до сих пор сохраняется немало произведений народного творчества. Таковы сказки о счастье, повести, песни о героической борьбе корейского народа за свободу своей родины против иноземных захватчиков.

Корейская литература развивается в двух направлениях: по линии драматургии и поэзии. За последние годы вышло несколько сборников стихов корейских поэтов, в том числе сборники стихов Ким Цын Сона и Ен Сен Нена, переведенные на русский язык. В 1958 г. в Казахской ССР выпущен сборник, посвященный корейской поэзии с древнейших времен. Третий раздел сборника содержит стихи более 30 современных корейских поэтов. Раздел открывается поэмой Гэ Бон У, известного поэта и ученого, в которой он воспевает освобождение Кореи Советской Армией от японского колониального рабства и рассказывает о борьбе корейских патриотов за национальную независимость Кореи. В творчестве корейских поэтов значительное место занимает гражданская лирика. Они посвящают свои стихи родным колхозам, мирному созидательному труду, борьбе за мир, дружбе народов.

Корейский народ музыкален. Созданные им многочисленные песни делятся по содержанию на трудовые, лирические, плясовые, застольные и обрядовые. Особенно большой любовью пользуются у корейцев жизнерадостные трудовые песни «Онхея», «Нонбука», чудесные лирические песни «Ариран», «Янсандо», «Торади». Их исполняют на семейных и общественных вечерах под аккомпанемент современных русских музыкальных инструментов. Но корейцы любят также советские песни—русские и других братских народов.

Корейские народные песни в основном имеют многоголосый мелодический склад. Их мелодии отличаются напевностью и тонкой художественной отделкой. Развитие мелодии идет постепенно, без резких скачков. Народные песни веселы, бодры, ритмичны и в то же время лиричны. Основой корейского музыкального творчества является пентатонная гамма (пятизвуковая без полутонов).

Под мелодию многих народных песен исполняются массовые, групповые и сольные народные танцы. В корейском танце, как и в большинстве тан-

цев народов Востока, одним из основных выразительных средств являются руки. Движения рук очень разнообразны. Когда исполняется танец с какими-нибудь предметами — веерами, кинжалами, барабанами,— от исполнителя требуется мастерское обращение с ними. В групповых танцах участвуют девушки и юноши. Для девушек характерны мягкие, плавные движения с полуприседаниями, мелкие шажки с пятки на всю ступню. Мужской танец исполняется более энергично. В него включаются широкие шаги на пятку, бег, прыжки, приседания, хлопание в ладоши, высокий выброс ноги с характерным для китайской и корейской хореографии приемом: носок поднят вверх.

Из сольных танцев наибольшее распространение получили «танец с веерами», «танец с кинжалами», «танец с длинными рукавами»; их часто исполняют в кружках художественной самодеятельности и на сцене корейского национального театра.

Корейский национальный театр находится в г. Кзыл-Орде. Он был организован в 1932 г. во Владивостоке на базе кружков художественной самодеятельности. Вокруг театра группировались художники, композиторы, литераторы. В 1937 г. театр был переведен в Казахстан. В театре работают замечательные кадры национальных актеров. Многим из них присвоено звание народных артистов Казахской ССР. При театре имеется концертная группа, в репертуар которой входят народные песни и танцы корейского и других народов. Кадры для национального театра готовятся в Ташкентском театральном институте, при котором организована корейская студия.

Театр постоянно гастролирует по корейским колхозам Казахстана и Узбекистана. В репертуаре театра переведенные на корейский язык пьесы русских и европейских классиков и современных драматургов: «Враги» Горького, «Без вины виноватые» Островского, «Отелло» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера, «Любовь Яровая» Тренева, «Бай и батрак» узбекского драматурга Хамза Хаким-заде и др. Значительное место в репертуаре театра занимают национальные классические корейские пьесы: музыкальная драма «Сказание о Чхун Хян» и театрализованное народное сказание о бедном и богатом братьях «Хын Бу и Нор Бу», а также современные пьесы местных драматургов. Известный корейский драматург, член Союза советских писателей Тхай Дян Чун написал для театра более десяти пьес. Его драма «Южнее 38-й параллели» была переведена на русский язык и с успехом шла во многих театрах различных городов СССР.

Сохраняя и развивая все лучшие национальные традиции, корейцы Средней Азии и Казахстана охотно сочетают их с широким использованием достижений советской и прежде всего русской культуры, которая издавна пользуется с их стороны большим уважением и любовью. Совместный труд и повседневное общение с соседними народами — узбеками, казахами, каракалпаками — приводят к взаимовлиянию культур, что находит отражение как в быту, так и в проявлениях духовной жизни.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ АРАБЫ

Численность арабов (самоназвание — *араб*) в Советской Средней Азии, по данным переписи 1959 г., составляет 6,4 тыс. человек, из них в Узбекской ССР живет 5,4 тыс. и в Таджикской ССР — 0,5 тыс. Арабов, считающих своим родным языком арабский, зарегистрировано 2077 человек.

Сопоставление этих данных с разноречивыми сведениями переписей прежних лет показывает, что к 1959 г. произошло значительное уменьшение численности арабов в Средней Азии. Это объясняется активным процессом слияния арабов с узбеками и таджиками, который особенно ускорился с установлением Советской власти, когда быстрыми темпами стали складываться узбекская и таджикская социалистические нации.

Изменение национального самосознания можно проследить на примере арабов Самаркандской области. Побывавший у них в первые годы Советской власти известный этнограф М. С. Андреев писал: «Арабы в Самаркандской области сохранили ясное представление о себе как об отдельной народности и на вопрос о том, кто они, обыкновенно совершенно определенно отвечают, что они арабы...» [1]. Но теперь, спустя 40 лет, те же группы арабов официально называют себя уже узбеками, хотя в быту и продолжают считаться арабами. В некоторой степени этому способствует достаточно стойкое сохранение арабами переднеазиатских черт в физическом типе — более смуглая, чем у таджиков и узбеков, кожа, крупный нос, довольно мясистый внизу и с характерным горбом посредине, толстые губы, большие черные или темно-карие блестящие глаза миндалевидной формы, черные вьющиеся борода и усы, невыступающие скулы.

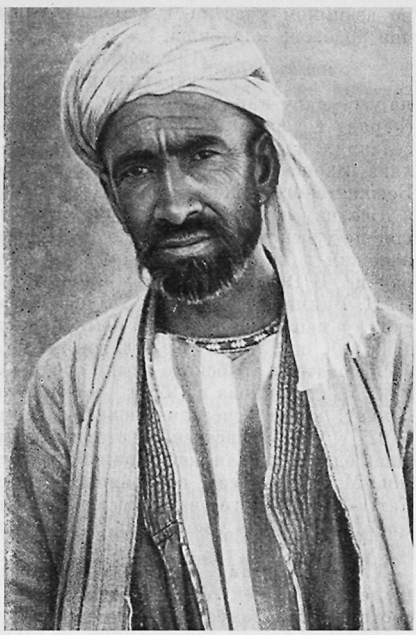
Большая часть арабов расселена по среднему и нижнему течению р. Зеравшана, от г. Самарканда до Каракульского оазиса. Эта полоса расселения арабов переходит и на левобережье Аму-Дарьи до районов Чарджоу и Дейнау в Туркменской ССР. Незначительное число арабов живет ниже по Аму-Дарье, в районе Питняка и Шавата. Значительная группа арабов расселена в низовьях Кашка-Дарьи. Далее на юго-восток небольшие группы арабов живут в долинах правых притоков Аму-Дарьи — Ширабад-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Кафирнигана, Вахша, Кызыл-Су, вплоть до долины реки Джилга, к юго-востоку от г. Куляба. Вдали от всех перечисленных групп — на востоке Ферганской долины — живет еще одна группа арабов.

В незначительном числе семьи арабов встречаются и в городах Бухаре, Карши, Катта-Кургане, Ленинабаде, Кулябе и в таких крупных селени-

[1] М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. «Изв. Туркест. отд. Русского географического общества», т. XVII, 1924, стр. 127.

ях (в прошлом считавшихся городами), как Нурата, Касан, Ширабад и некоторые другие.

В прошлом арабы в городах и крупных селениях жили компактно, занимая отдельные кварталы или часть квартала. В сельских местностях арабские кишлаки в одиночку или группами располагались среди узбекских, таджикских или туркменских селений. В настоящее время во вновь отстроенных кварталах в городах и крупных колхозных поселках арабы всюду живут смешанно с представителями других национальностей.



Араб из сел. Джейнау (низовья Кашка-Дарьи)

Исторические источники и данные топонимики говорят о более широком расселении арабов в Средней Азии в прошлом. Как уже отмечалось, уменьшение числа арабских поселений и арабских семей в городах было прежде всего следствием слияния относительно малочисленных групп арабов с местным населением. Происходили и некоторые изменения в расселении арабов—передвижения, вызванные в основном различными политическими событиями (войнами, междоусобицами и т. п.), в частности переселения с левобережья Аму-Дарьи на правобережье и обратно. Однако, как показали документы, опубликованные С. Л. Волиным[1], еще в середине XVI в. арабы жили в тех же областях Средней Азии, где и теперь: в Бухарской, Самаркандской областях и в долине Кашка-Дарьи.

Арабы Средней Азии, помимо деления на территориальные группы (бухарские, каршинские, каттакурганские, самаркандские и др.), сохранили следы деления на родоплеменные группы. По словам лиц старшего поколения, еще лет 60—70 назад родовых групп было довольно много, но теперь названия большинства из них уже забыты. В памяти населения сохранилось всего около двух десятков названий самого различного происхождения. Среди них имеется, например, название такого старого крупного арабского племени, как курейш; довольно старыми, по-видимому, являются такие названия, как шайбони, санони, балуи. Согласно преданиям, от имени предков, живших несколько сот лет назад, происходят названия таких родовых групп, как зангибои, бахшибои, искандари, рашиди, ходжаги. Названия большинства мелких групп связываются, как и у узбеков, с именем или с прозвищем предка, жившего несколько поколений назад. Связь внутри родовой группы выражалась в основном

[1] С. Л. Волин. К истории среднеазиатских арабов. Труды Второй сессии ассоциации арабистов. «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», вып. 36, М.— Л., 1941, стр. 116—117.

во взаимном участии в семейных торжествах, взаимопомощи и в наличии родового кладбища.

Язык

Среднеазиатские арабы в большинстве своем давно утратили родной язык и в настоящее время говорят на узбекском или таджикском. Арабский язык в качестве второго языка (наряду с узбекским или таджикским) сохранился только в нескольких селениях: в кишлаках Джогари и Чахдара Гиждуванского района и Арабхана Вабкентского района Бухарской области и в кишлаке Джейнау Бешкентского района Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР. Однако в Джейнау живут и арабы, уже утратившие свой родной язык и говорящие по-узбекски и по-таджикски. Произошла смена арабского языка таджикским в кишлаке Мушкоки, расположенном в том же Бешкентском районе. В 1938 г., когда там проводил этнографическое изучение арабов И. Н. Винников [1], 15% из 370 жителей этого кишлака говорило по-арабски, а в наши дни арабский язык знают только немногие из пожилых людей, для остальных же родным языком является таджикский. Первые исследователи арабского языка среднеазиатских арабов Н. Н. Бурыкина и М. М. Измайлова в 1929 г. в сел. Арабхана под Самаркандом застали момент, когда исчезали последние следы живого арабского языка — в 1927 г. умер единственный старик, знавший арабский язык, и оставалась лишь одна пожилая женщина из соседнего сел. Бози, говорящая по-арабски. М. С. Андреев, собиравший этнографические материалы у арабов Катта-Курганского уезда, писал, что по крайней мере 100—150 лет назад арабы этого уезда уже утратили свой язык и говорили только по-узбекски.

Г. В. Церетели, специально изучавший в течение ряда лет арабские диалекты Средней Азии, установил, что они, развиваясь в продолжение многих веков самостоятельно в иноязычном окружении, подвергались влиянию окружающих их языков — таджикского и узбекского, отчасти афганского и туркменского. В результате этого влияния произошли значительные изменения в фонетике и лексике, а также в синтаксисе. Наряду с этим язык среднеазиатских арабов, развивавшийся в продолжение многих веков без всякого контакта с литературным арабским языком или каким-либо арабским диалектом, полностью свободен от их влияния. Поэтому семитический материал в языке, характерный для арабов Средней Азии в период их появления на своей новой родине, сохранился в их речи в менее измененном виде, чем в других арабских диалектах.

В настоящее время установлено наличие в Средней Азии по крайней мере двух самостоятельных групп арабских диалектов — бухарской и кашкадарьинской. Разница между этими группами настолько значительна, что бухарские и кашкадарьинские арабы не понимают друг друга и предпочитают говорить между собой по-таджикски или по-узбекски. Разница заметна как в фонетике и морфологии, так и в лексике. Эта разница частично объясняется различным иноязычным влиянием: влияние тюркских языков сказывается в большей степени на кашкадарьинском арабском диалекте, а таджикского — на бухарском. Но эти различные влияния, по мнению Г. В. Церетели, относятся к значительно более поздней эпохе, и расхождения, вызванные ими, тоже позднего происхождения. Более важны расхождения, обнаруживающиеся в основном семитическом материале. Эти различия в области фонетики и морфологии не могут быть объяснены влиянием окружающих языков. Они, как предполагает Г. В. Церетели, восходят к более древней эпохе и свидетельствуют о том, что раз-

[1] И. Н. Винников. Арабы в СССР. Сб. статей «Советская этнография», вып. IV, М.— Л., 1940, стр. 13.

ница в языке существовала еще до переселения предков арабов в Среднюю Азию.

Среднеазиатские арабские диалекты настолько отличаются от всех известных арабских диалектов, что образуют совершенно самостоятельную группу, занимающую, подобно мальтийскому, обособленное место среди известных диалектов арабского языка. Исторически язык среднеазиатских арабов обнаруживает близкое сходство с иракской и отчасти центральноаравийской бедуинской речью.

Исторические сведения

Вопрос о том, когда поселились арабы в Средней Азии и выходцами из каких арабских стран они были, пока еще нельзя считать окончательно решенным. Данные исторических источников, а также лингвистические, этнографические и антропологические материалы с несомненностью показывают, что арабы пришли в Среднюю Азию не из одного района и не в одно время.

Предания среднеазиатских арабов об их происхождении различны. В большинстве преданий говорится, что в места современного расселения предки арабов пришли не непосредственно из арабских стран, а из северного Афганистана — из районов Балха (племя санони), Андхоя, Ахчи (племя шайбони). Исследования советских этнографов, в частности И. Н. Винникова, показали достаточную основательность преданий арабов.

Среди кашкадарьинских, каттакурганских и самаркандских арабов распространено предание о том, что их предков привел из похода в арабские страны эмир Тимур. При этом он хотел в чем-то провинившихся перед ним арабов отправить в Китай, но духовный наставник Тимура Мир-Хайдар из Касби будто бы сжалился над ними, выпросил их у Тимура и получил разрешение поселить их в окрестностях Гиссара и Карши, откуда они расселились в течение последующих двух-трех столетий в районах Катта-Кургана и Самарканда. В ответ на заботу о них арабы обязались за себя и своих потомков уплачивать особого рода налог в пользу Мир-Хайдара и его потомков и стали потом известны под названием *мир-хайдари* (мирхайдаровские). Это предание, впервые записанное М. С. Андреевым в 1921 г., сохранилось в памяти населения до сих пор.

Среди арабов распространена также легенда о том, что они являются потомками первых арабов-завоевателей.

Как известно, во времена завоевания Средней Азии арабами, в VII—VIII вв., в главных городах Мавераннахра — Бухаре и Самарканде — были оставлены крупные гарнизоны из арабов; в Бухаре им была передана половина домов и земель жителей. Позже, когда завоевание было закончено, ареал расселения арабов, по крайней мере горожан, был гораздо шире (по географу IX в. Якуби, во всех городах Хорасана, в который он включает Мавераннахр, уже были арабы).

В дальнейшем арабы в крупных городах быстро ассимилировались местным населением. Уже в IX в. Джахиз писал, что нельзя отличить арабов, поселившихся в Фергане или в других частях Хорасана, от коренного населения. Не исключена возможность, что современные арабы Бухары, Ленинабада и, возможно, некоторых других городов, почти не отличающиеся от таджиков, происходят от этих поселенцев первых веков ислама. По мнению С. Л. Волина, иначе обстояло дело на левом берегу Аму-Дарьи. Тут, в очень рано завоеванных арабами районах Мерва и Балха, ставших основными базами для дальнейших завоеваний, с самого начала было очень много арабов, селившихся крупными племенными группами. Если оседлые арабы, поселившиеся в городах и соседних селениях, довольно скоро растворились в массе коренного населения, то кочевые арабы, как везде, гораздо дольше сохраняли свои особенности. С. Л. Волин приводит сведения из исторических источников о больших группах арабов, кочевавших между Мервом и Амулем (Чарджоу, начало XI в.), в районе

современного Ашхабада (XII в.) и в Афганистане — в районе Хульма (X в.), в степи между Шибирганом и Балхом (конец X в.). Из документов, опубликованных С. Л. Волиным, видно, что арабы в названных районах северного Афганистана продолжали кочевать и в XVI в., и в первой четверти XIX в., сохраняя при этом свой родной язык. В тех же районах Афганистана незначительные по численности группы арабов живут и в наши дни. Они интересны для нас потому, что предания и генеалогии, сохранившиеся у отдельных групп среднеазиатских арабов, а также родственные связи между среднеазиатскими и североафганистанскими арабами с несомненностью говорят о том, что значительная часть среднеазиатских арабов происходит от арабов северных районов Афганистана. Часть их переселилась, по-видимому, лет 200 назад, но большинство — значительно раньше. Однако достоверных данных об этом пока не имеется.

Не исключена возможность переселения арабов в Среднюю Азию и из более западных и юго-западных областей. В связи с этим интересно отметить, что племенное название «балуи», имеющееся у среднеазиатских арабов, встречается также у арабов восточных областей Ирана — Хорасана, Йезда и Кермана.

Выше приводилось предание арабов, по которому их переселение в Среднюю Азию связывалось с именем Тимура. Однако, как справедливо замечает С. Л. Волин, два обстоятельства заставляют усомниться вдостоверности этого предания. Во-первых, историки Тимура, отмечающие каждый его шаг, ни слова не говорят о переселении арабов. Во-вторых, надо учитывать, что среднеазиатские легенды по традиции относят все крупные события или сооружения только ко времени правления Тимура или Абдулла-хана.

По мнению С. Л. Волина, переселение части арабов могло быть связано с событием, которое произошло на 100 лет позже Тимура, когда в 1513 г. узбекские султаны Джанибек и Убайдулла были вынуждены очистить захваченные перед тем Хорасан и Балх. При этом Джанибек-султан переселил через Аму-Дарью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, т. е. тех самых районов, где жили арабы северного Афганистана. Уделом Джанибека в это время была долина Зеравшана от Самарканда до Кермине. С. Л. Волин, как уже говорилось, приводит ряд документов, в которых сообщается об арабах, живших в середине XVI в. в Бухарском и Самаркандском районах и в долине Кашка-Дарьи, арабы (а'раб — бедуины) упоминаются среди кочевых племен наряду с аймаками — племенами тюркского или монгольского происхождения.

Антропологическое обследование арабов сел. Камаши в низовьях Кашка-Дарьи привело известного антрополога Л. В. Ошанина к выводу о том, что в Среднюю Азию переселилась не южная группа арабов (Аравии), которым свойствен долихокефальный средиземноморский тип, а северные арабы, месопотамские, для которых характерен тип брахикефальной переднеазиатской расы. Однако материалы К. Наджимова, обследовавшего арабов долины Сурхан-Дарьи, показывают, что Средняя Азия заселялась не только брахикефальными месопотамскими арабами, но и южными, долихокефальными. Проведенные антропологические исследования нельзя считать достаточными для того, чтобы использовать их данные в качестве одного из решающих источников при определении происхождения среднеазиатских арабов. Остается еще много нерешенных вопросов, связанных с этой проблемой.

Несмотря на относительную замкнутость арабов в быту, жизнь в течение ряда веков среди численно преобладающего местного населения Средней Азии, общие с ним исторические судьбы, одинаковый уровень развития производительных сил и, наконец, отсутствие различий в религиозных воззрениях вели к постепенному слиянию арабов с таджиками, узбеками

и туркменами. Однако процесс этот ко времени установления Советской власти еще не был завершен.

Социальные отношения у арабов в среднеазиатских ханствах были патриархально-феодальными, как и у остального местного населения. Высокая товарность овцеводства, в частности каракулеводства, которое было ведущим занятием большинства арабов, привела к глубокому классовому расслоению арабского кишлака. В то же время замкнутость арабской общины, сохранявшей видимость родовой общины, обусловливала живучесть патриархальных отношений, которыми весьма искусно прикрывалось имущественное неравенство, эксплуатация богатыми овцеводами бедных сородичей. Широко эксплуатировался женский труд, в частности труд ковровщиц, изделия которых поступали на рынок обычно через скупщиков.

В Бухарском ханстве административные мероприятия осуществлялись среди арабов через посредство мирихазоров, назначавшихся эмиром из среды именитой и зажиточной части арабов. Для каждой группы арабов назначался свой мирихазор. Например, арабы Нуратинского района, в частности селений, расположенных между хребтами Актау и Каратау, подчинялись мирихазору арабов Ромитана, так как являлись выходцами из Ромитана. Если в XVI в. одной из основных обязанностей мирихазора являлся сбор налогов, то в XIX в. сбор налогов производился амлякдарами и дарго, т. е. эмирским административным аппаратом, а мирихазор являлся посредником между населением и администрацией.

В Бухарском ханстве арабы, в отличие от остального населения, выплачивали особый налог — *араб пули* или *шатта пули*. Пока еще достоверно не выяснено, с какого времени, почему и в каких размерах выплачивался этот налог. Существует предание о том, что арабы однажды обманным путем отобрали у эмира его любимого коня и рассерженный эмир наложил на них налог, как штраф за нанесенную обиду (тадж. *шатта* — обида).

Основные занятия

Основными занятиями арабов как в прошлом, так и в настоящее время являются животноводство и земледелие. В степных и пустынных районах преобладает животноводство, в долинах рек — земледелие. Наиболее развитой отраслью животноводства издавна было разведение каракульских овец и верблюдов (каракульскую овцу местное население называет арабской — *араби*). В южных районах Таджикистана и Узбекистана арабы разводили курдючных овец.

Мейендорф, путешествовавший по Бухаре в 1820 г., писал о местных арабах: «Они живут в селениях, некоторая часть которых находится по соседству с Бухарой. Некоторые арабы кочевники, а также полукочевники, кочуют около Каршей и в направлении Термеза. Многие из арабов — земледельцы; они имеют стада, которые пасут в степях; это они главным образом доставляют для торговли знаменитые шкурки выкинутых ягнят»[1].

Н. Ханыков в 1843 г. писал об образе жизни и занятиях арабов Бухарского ханства: «...они до сих пор не покинули привычки предков своих вести кочевую жизнь, с тою только разницею, что здесь более суровый климат заставил променять их палатки на кибитки, весьма малая часть их оседлы и те принуждены к этому торговыми делами... Главная промышленность их состоит в разведении баранов, большая часть мерлушек, как серых, так и черных, доставляются ими на базары Ханства»[2].

Каракульские овцы содержались в течение всего года на подножном корму. В прошлом никаких заготовок кормов не делалось. Отдельные селе-

---

[1] G. de Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820... Paris, 1826, p. 191.

[2] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 57.

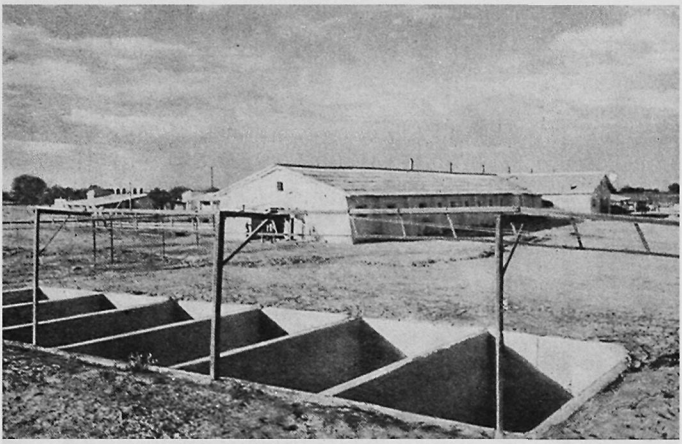
ния имели свои пастбища, которые делились на сезонные участки, в зависимости от природных условий тех или иных урочищ. Например, арабы кишлака Камаши, расположенного на границе с пустыней, в дореволюционное время выпасали своих овец и верблюдов в осенне-зимне-весеннее время в степи у селений Шах-Ходжа и Куня-Фазли, а летом на холмах вдоль железной дороги на отрезке между Карши и Керки. Арабы, жившие в долине Пянджа в южном Таджикистане, летом выпасали своих овец в горах Кара-Тау, а на зиму спускались в обширные тугаи в устье Кызыл-Су.

Богатые овцеводы перегоняли своих овец на далекие пастбища, используя обширные пространства, арендуя нередко пастбища в других районах. Например, арабские баи района Гиждувана на лето перегоняли свои отары в горы и долины Нуратинского района и нанимали чабанов из тамошних арабов. А баи Джейнау в засушливые годы, когда выгорали травы в Каршинской степи, перегоняли свои отары в Гиссарское бекство, в те районы, где жили арабы. Арабы во многих районах в прошлом возделывали только пшеницу и ячмень для собственного потребления, да люцерну для ездовых лошадей, а садов и огородов не имели. В этом они походили на полукочевых узбеков. Только в таких густонаселенных центрах старого земледелия, как пригородные районы Самарканда, живя бок о бок с таджиками, арабы стали сажать сады и растить виноградную лозу.

В земле- и водопользовании арабы ничем не отличались от узбеков и таджиков, которые, как отмечалось, жили не только в соседних с арабами кишлаках, но и совместно, в тех же селениях.

В настоящее время все арабы, живущие в сельских местностях, работают в колхозах и совхозах. Основным направлением сельскохозяйственного производства в районах расселения арабов являются хлопководство и каракулеводство. Сочетание в каракулеводстве достижений зоотехнической науки с многовековым народным опытом делает эту отрасль производства высокопродуктивной. Однако и хлопководство арабы настолько освоили, что немало среди них удостоенных звания Героя Социалистического Труда за высокие урожаи хлопка. Получили большое развитие и такие отрасли хозяйства, которые ранее были мало известны арабам,— садоводство, виноградарство и шелководство. В ряде районов возделывают зерновые, масличные и бахчевые культуры. Высокодоходное и высококультурное хозяйство имеет, например, колхоз им. Калинина Паст-Даргомского района Самаркандской области Узбекской ССР. В нем объединены семь селений узбекоязычных арабов (ныне считающих себя официально узбеками) и два селения узбеков. За колхозом закреплено 7583 га земли. Из них 1988 га поливной, 179 га под богарными посевами, а остальная площадь — пастбища. За последние годы в связи с пуском воды по древнему каналу Эски-Даргом колхоз освоил под хлопок 500 га земель древнего орошения. Доход колхоза от хлопководства в 1959 г. составил 12 364 тыс. руб., от животноводства — 1851 тыс. руб. (в старых деньгах). Кроме того, колхоз имеет сады и виноградники. В колхозе осуществлена комплексная механизация полевых работ и работ на ферме молочного скота. Получение высоких доходов от разведения молочного скота в колхозе им. Калинина, как и в других хлопкосеющих колхозах, стало возможно только благодаря посевам таких культур, как кукуруза и джугара, и их силосованию. В 1959 г. колхоз имел 42 трактора различных систем, много разного тракторного инвентаря и 25 автомашин. Организованные колхозом в 1959 г. две выставки его достижений в области комплексной механизации хозяйственных процессов посетили сотни гостей-колхозников из всех районов области.

В колхозах низовьев Кашка-Дарьи и Бухарской области, имеющих обширные пастбища, каракулеводство занимает более существенное место в хозяйстве, чем в колхозах Самаркандской области.



Ферма молочного скота в колхозе им. Калинина. На переднем плане — силосные ямы. Паст-Даргомский район, Самаркандская область, Узбекская ССР

Из домашних промыслов у арабов было развито ткачество безворсовых ковров — *гилам*[1]. По преданиям кашкадарьинских арабов, искусство ковроткачества является древним занятием, которое было известно им еще до переселения в Среднюю Азию. Своеобразие их ковров позволяет считать это утверждение правдоподобным. Однако сравнительного исследования ковроделия арабов не производилось.

Социально-экономические отношения, сложившиеся в селениях арабов овцеводов, определили постепенное превращение ковроткачества, продукция которого шла в основном на удовлетворение нужд своего хозяйства, в развитый промысел, ставший для многих хозяйств основным источником дохода. Развитию промысла способствовал большой спрос на ковровые изделия арабов со стороны населения Бухарского ханства, а также городов и районов Русского Туркестана. Они пользовались популярностью благодаря красоте и оригинальности узора, прочности и относительной дешевизне. Ковры скупали торговцы на местах их производства. Они же делали заказы арабским ковровщицам, выдавая денежные авансы и этим постепенно закабаляя их.

Производством ковров на рынок занимались арабы районов Ширабада и Денау (ныне Сурхан-Дарьинской области), а также селений Камаши и Джейнау (та же область, низовья Кашка-Дарьи).

Развитие коврового промысла приостановилось в период первой мировой войны и в годы гражданской войны. Но с организацией при Советской власти первых промысловых артелей, которые стали обеспечивать мастериц сырьем и осуществлять сбыт продукции, ковроделие в селениях Камаши и Джейнау возобновилось. В 1927 г. в сел. Камаши, а позже и в сел. Касан были созданы ковровые цехи в промысловых артелях. Женщины арабских селений научились у соседних туркменок ткачеству ворсовых ковров, и теперь они уже вырабатывают не только безворсовые ковры, но и ворсовые. Ковры ткут мастерицы и на дому, для себя, а также по заказу односельчан.

[1] Сведения о ковроткачестве взяты из рукописи покойной В. Г. Мошковой «Материалы по ковроделию народов Средней Азии конца XIX — начала XX в.» (Фонды Ин-та истории и археологии Академии наук Узбекской ССР).

Тканье ковра на горизонтальном станке. Селение Камаши (низовья Кашка-Дарьи)

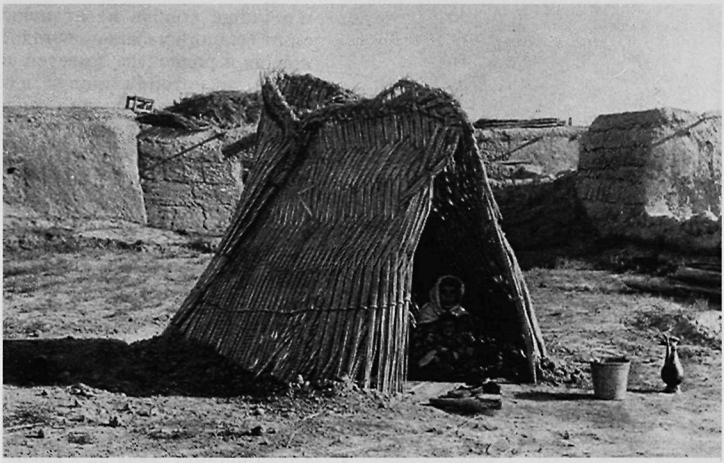
Особенность техники изготовления арабских ковров состоит в том, что орнамент их создается разноцветным утком, полностью застилающим основу. Уточная нить, выпрядаемая из мягкой шерсти, перекрывающая жесткие, обычно темно-серые шерстяные нити основы, пропускается без челнока, вручную, причем не по всей ширине ковра, а лишь на протяжении определенного количества нитей основы в строгом соответствии с узором. В результате получается чрезвычайно плотная, довольно толстая и очень прочная ткань.

Арабские ковры описанного типа известны под названием камашинских, каршинских или араби. В прошлом эти ковры были двух видов. Ковры среднего качества, предназначавшиеся для продажи, назывались *бозор гилам* (базарный ковер). Среди ковров, изготовлявшихся для собственного потребления, выделялись богато и своеобразно орнаментированные *қиз гилам* (девичий ковер). Их давали в приданое, и они играли определенную роль в свадебном обряде. В настоящее время ковры этого вида не производятся.

В прошлом, при кочевом образе жизни, изготовлялись для приданого и мелкие ковровые вещи — занавесы для дверей юрты, вещевые мешки разных видов, футляры для ножниц и веретен, мешочки для соли и т. п.

Арабы долины Пянджа не ткали ковров типа араби. Помимо полосатых безворсовых ковров, распространенных и у остального местного населения, они изготовляли высоковорсовые ковры *жулхирс*, сшиваемые из узких полос. Ковры этого типа распространены у узбеков Самаркандской области, а также у арабов селений Алачабоф и Майдааб в Каршинской степи.

Другими видами домашнего промысла и ремесла арабы не занимались и не занимаются. Правда, в селениях Ширабадского района одна группа арабов занималась как промыслом убоем скота и продажей мяса. Они были известны среди остального населения как арабы-мясники (*араб қассоблар*). Столярами, плотниками, кузнецами в арабских селениях были обычно узбеки и таджики.



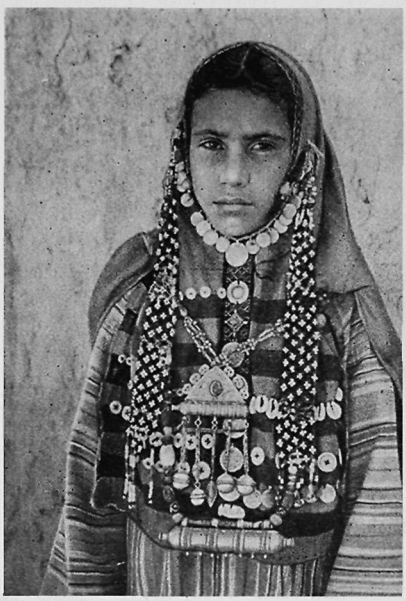
Шалаш «каппа́», используемый теперь как летняя кухня. Селение Камаши (низовья Кашка-Дарьи)

Жилище

Большая часть арабов в прошлом вела полукочевой образ жизни. У этой части арабов основным видом жилища вплоть до коллективизации была юрта, деревянный остов которой они приобретали у полукочевых узбеков, а различные тканые полосы для скрепления частей остова и кошмы для его покрытия изготовляли сами. Бедняки, которым трудно было приобрести и оборудовать юрту, жили в шалашах различных видов. В Камаши шалаш (*каппа́*) сооружают из трех камышовых плетенок: две ставят на землю в виде крутой двускатной кровли, а третья образует заднюю стенку. В настоящее время такой шалаш используется в качестве летней кухни. У других народов Средней Азии подобный шалаш не приходилось встречать. В южном Таджикистане, в долинах Пянджа и Вахша арабы летом жили в небольшом полусферическом шалаше, остов которого сооружали из гнутых палок и покрывали войлоком или камышовой циновкой (*лочиг*). Для зимы сооружали шалаши из камыша двух типов: или круглый в плане с куполообразным перекрытием (каппа́); или прямоугольный с двускатной кровлей (*чўбтора*). Эти три вида шалаша были распространены и среди других полукочевых народов южного Таджикистана.

Среди полукочевых арабов в первые годы Советской власти наблюдались различные этапы перехода к оседлому жилищу. В долине Пянджа и Вахша его вовсе не имелось. В Бухарской области и в районе Нурата беднота и семьи среднего достатка, живя круглый год в юрте, строили примитивные зимние помещения только для скота, а богачи имели еще дом для гостей. В Самаркандской области, а также в Камаши и Джейнау глинобитные жилища существовали довольно давно, но жили в них не каждый год, а только в наиболее суровые зимы.

Горожане и арабы пригородных селений вели оседлый образ жизни. Их жилища по планировке и строительной технике не отличались от домов таджиков и узбеков данной местности.



Девушка в старинном головном уборе «гиззи». Селение Джейнау (низовья Кашка-Дарьи)

В настоящее время селения и жилища арабов не отличаются от селений узбеков и таджиков, да и редко где имеется селение, в котором живут одни арабы. Многие селения сейчас заново перестраиваются согласно генеральному плану, имеющемуся в каждом колхозе, и превращаются в социалистические колхозные поселки. Для них характерны широкие прямые улицы, обсаженные по сторонам деревьями, высокие дома с окнами на улицу, дворы с виноградником и плодовыми деревьями посредине и цветами перед верандой.

По убранству жилища арабов также не отличаются от узбекских. Для них характерна традиционная любовь к коврам, которые стелют на пол и вешают на стены дома. За последние годы все более широкое распространение в украшении комнат получают настенные вышивки, что является новшеством в жилище арабов. Вышивки обычно приобретают на рынке, сами арабы их не изготовляют.

Одежда, пища

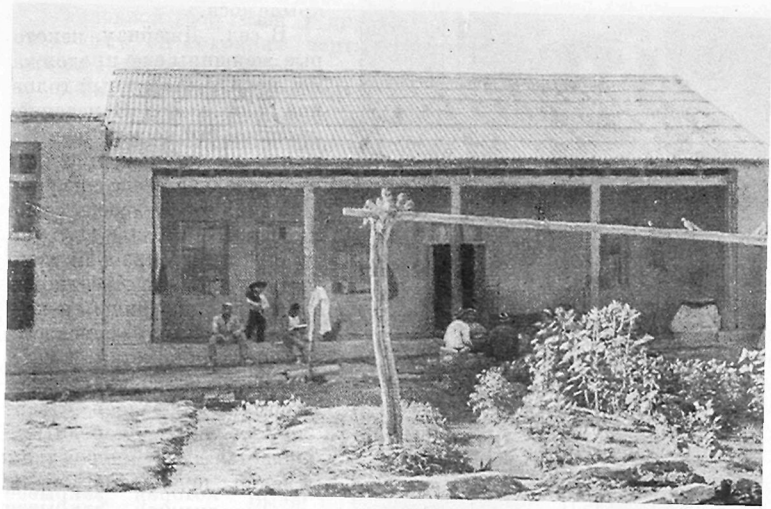
Одежда арабов аналогична узбекской и таджикской. Костюм мужчин пожилого возраста сохраняет традиционные формы. Старики носят длинную рубаху прямого покроя из полосатой или белой ткани с горизонтальным разрезом ворота. Штаны у них из той же ткани, длиной почти до щиколоток, с широким шагом и на вздержке. Поверх надевают один или два халата без подкладки, подпоясывая их платком, сложенным треугольником. При выходе из дома надевают еще халат, стеганный на вате, а зимой также и халат из домотканного сукна. На голове носят чалму, наматывая ее поверх тюбетейки. Обувью служат мягкие сапоги с остроносыми галошами.

Мужчины средних лет и молодые одеваются преимущественно по-городскому, покупая готовую одежду. Из традиционного костюма сохраняется обычно тюбетейка, стеганный на вате халат,а также штаны на вздержке, носимые в качестве нижнего белья. В районах низовьев Кашка- Дарьи колхозная интеллигенция предпочитает носить китель, брюки-галифе, сапоги, каракулевую шапку-ушанку или фуражку.

Некоторое своеобразие сохранилось в женской одежде, в особенности в украшениях и головном уборе в селениях Камаши и Джейнау.

В отличие от соседних узбеков и таджиков, у которых только замужние женщины заплетают две косы, у арабов названных селений все женщины и девушки, независимо от возраста, носят две косы, только замужние заплетают косы перед ушами и они немного выступают из-под головного убора, а девушки носят косы сзади.

Арабские женщины этих районов носили серьгу не на крыле носа, как это было принято у некоторых групп полукочевых в прошлом узбеков, а продевали ее в носовую перегородку. Эта золотая или позолоченная серь-



Дом колхозника. Селение Арабхана вблизи г. Самарканда

Комната в доме колхозника. Селение Арабхана вблизи г. Самарканда

Старинный праздничный костюм молодой женщины. Селение Джейнау (низовья Кашка-Дарьи)

га называется *зимóм*. Девушки носили серьгу на левом крыле носа.

В сел. Джейнау некоторые женщины еще продолжают носить старинный головной убор *гиззи*. В недавнем прошлом его носили и в Камаши, но теперь там он уже окончательно вышел из употребления. Для сосватанной девушки гиззи шьют из одного полотнища красной ткани (теперь преимущественно из сатина). Полотнище, закрывая всю спину, спускается почти до щиколоток, а верхний конец его сшивается так, чтобы образовалось отверстие для лица. Спереди пришивается другой кусок ткани в одно полотнище; на ту часть, которая закрывает грудь, нашивают четыре-пять горизонтальных полос из темной ткани (шириной около 5 см каждая), на равном расстоянии одна от другой. Поверх во всю длину нашивают вертикальную полосу темной ткани шириной в 5—6 см. Эту полосу украшают серебряными и позолоченными бляхами и монетами. Поперечные полоски по краям также украшают рядами различных пуговиц (преимущественно белых), монет и ракушек каури.

В торжественных случаях надевают нить коралловых бус, перемежающихся с серебряными монетами. Она окаймляет нижнюю половину лица, причем концы ее прикрепляются к гиззи над ушами. Носят и другие ожерелья из кораллов и бисера, а также серебряные украшения, приобретаемые нередко у соседних туркмен. Поверх гиззи покрываются платком, сложенным по диагонали; концы платка завязывают на лбу.

Замужние женщины носят белый гиззи несколько иного покроя: на спину он спускается треугольником, а плечи и грудь закрывает полностью наподобие казахского кимешека. Под подбородком гиззи украшают вышивкой. Кроме того, на гиззи нашивают *кӯррак* — украшение в виде двух плоских спиралей из конского волоса. Их пришивают так, что с обеих сторон они прилегают к щекам у рта. От каждой спирали спускается на грудь по одному тонкому шнурку, сплетенному из конского волоса, а вверх идет короткий шнурок, который пропускается с каждой стороны через отверстие шаровидной серебряной бусины и пришивается к краю гиззи у щеки. Поверх гиззи надевается *бӯхнуқ* — стеганная на вате шапочка типа узбекского и таджикского кулюта. Сзади от нее спускается до пояса полоса ткани, украшенная вышивкой тамбурным швом. Бухнук, в отличие от кулюта, имеет валик (*ғӯшак*), проходящий под подбородком. Поверх шапочки покрываются сначала небольшим платком, концы которого завязываются на лбу, а затем большим платком, преимущественно белым или с узорами на белом фоне.

Молодая женщина в праздники или когда идет в гости прикалывает на платок, шапочку и гиззи разнообразные серебряные украшения.

Головной убор гиззи у других народов Средней Азии не бытовал. По-видимому, он сохранил черты старинного женского головного убора среднеазиатских арабов.

Женщины у арабов, как и у полукочевых узбеков, в прошлом не закрывали лица. Исключение составляли жители городов и пригородных селений, где арабские женщины носили паранджу, а лицо закрывали волосяной сеткой.

В настоящее время для арабских женщин характерен тот же комплекс одежды, который распространен среди узбечек и таджичек. Он состоит из платья на кокетке с отложным воротником, короткой бархатной жилетки, шелковых шаровар, вышитой тюбетейки и шелкового платка, бархатного жакета и пальто, а также туфель и мягких сапожек с галошами так называемого азиатского фасона. Пожилые женщины продолжают носить платья прямого покроя.

Виды пищи арабов, способы ее приготовления, посуда и прочая утварь сходны с распространенными у узбеков и таджиков данной местности. В связи с ростом благосостояния колхозников и горожан, улучшением снабжения сельского населения изделиями пищевой промышленности и развитием огородничества, садоводства, виноградарства и пчеловодства пища арабов стала более разнообразной.

Семейный быт

Выше подчеркивалось, что среднеазиатские арабы строго придерживались браков внутри своего народа. Случаи женитьбы араба на узбечке, таджичке, туркменке все же бывали и до революции, но выдача замуж девушек за неарабов встречалась крайне редко и очень осуждалась.

По обычаям среднеазиатских арабов, браки между разными племенами и родовыми группами и между арабами отдаленных территорий, а также между узбекоязычными и таджикоязычными не запрещались, однако в некоторых селениях все же сложились местные обычаи. Например, арабы кишлака Джейнау не вступали в браки с арабами соседнего сел. Камаши, хотя по адату это и не было запрещено. Лет 30—40 назад один из жителей Джейнау тайно увез девушку из Камаши. С тех пор изредка стали заключаться браки между арабами этих селений.

В наши дни участились браки арабов с узбеками и таджиками. Но традиционное предпочтение кузенных браков поддерживает в некоторых местностях известную замкнутость групп арабского населения.

В области развития форм семьи, внутренней жизни семьи, положения женщины и молодежи у арабов наблюдаются те же закономерности, что и у узбеков и таджиков.

В настоящее время для арабов характерно господство малой семьи. Наряду с этим еще можно встретить большие, неразделенные семьи, которые имели широкое распространение в прошлом.

В обрядах и обычаях арабов, связанных с вступлением в брак, рождением и воспитанием детей, погребением умерших и поминками, тоже много общего с узбеками и таджиками, что объясняется не только тем, что все эти народы исповедовали ислам суннитского толка, но и совместным проживанием их в течение многих веков. Имелись, однако, и некоторые отличия в семейных обрядах и обычаях арабов. Наиболее существенным из них являлось отсутствие калыма у арабов южного Таджикистана. Сторона жениха несла только расходы по проведению свадьбы. Каждый араб считал делом чести снабдить свою дочь-невесту всем необходимым в будущей самостоятельной жизни — одеждой и домашней утварью, т. е. возможно большим приданым. Стоимость приданого обычно превышала стоимость расходов по проведению свадьбы. У других групп калым существовал, но приданое, как правило, превышало стоимость калыма.

В наши дни обе стороны на равных началах участвуют в расходах, связанных с проведением свадьбы и обеспечением новой семьи всем необходимым.

Интересно отметить, что сходство в погребальных и поминальных обрядах арабов с узбекскими и таджикскими распространяется не только на мусульманские каноны, но и на те их элементы, которые восходят к древним доисламским верованиям населения Средней Азии. У арабов в настоящее время сохраняется почти с прежней строгостью обычай погребения умершего на родовом кладбище, в то время как узбеки и таджики в большинстве местностей уже не придерживаются этого обычая.

В современной арабской семье при традиционном уважении старших утвердилось равноправие женщины, более свободное и самостоятельное положение молодежи.

* * *

Коренная перестройка всей жизни среднеазиатских арабов, которая произошла за годы Советской власти, может быть показана на примере упомянутого выше колхоза им. Калинина Паст-Даргомского района Самаркандской области, подавляющее большинство членов которого составляют узбекоязычные арабы. В этом колхозе объединено свыше тысячи дворов, около 5 тыс. человек.

Высокодоходное многоотраслевое хозяйство колхоза дает возможность колхозникам развернуть перестройку колхозных селений по генеральному плану. Специальная строительная бригада возводит не только общественные здания, но и дома для колхозников по типовым проектам. Колхоз имеет больницу и родильный дом со штатом врачей, фельдшеров и медсестер. Во всех 14 бригадах организованы детские сады и ясли. В сел. Искандари имеется средняя школа, в двух других восьмилетние школы, а в остальных — начальные.

В колхозе в 1959 г. работало 50 человек с высшим образованием, причем подавляющее большинство их — уроженцы этого колхоза. Высшее образование имеет большинство учителей, в том числе две женщины, закончившие университет. Среди специалистов сельского хозяйства высшее образование получили работающие в колхозе три агронома, зоотехник, инженер-механик и др. В 1959 г. в высших учебных заведениях из этого колхоза обучалось 73 человека, из них 20 девушек.

В колхозе имеются клуб, библиотеки, читальни. При клубе созданы коллективы художественной самодеятельности, спортивные секции и различные кружки.

Многообразной, интересной и содержательной жизнью живут колхозники арабских селений. Арабы-горожане в настоящее время уже не отличаются от узбеков и таджиков какими-либо особыми этнографическими чертами.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЦЫГАНЕ

Среднеазиатские цыгане издавна живут в разных районах Средней Азии. В настоящее время большинство их расселено на территории Узбекистана и Таджикистана. Они не составляют больших компактных групп, встречаются отдельными семьями среди окружающего населения. Переписью 1926 г. среднеазиатских цыган было зарегистрировано около 5 тыс., но эти данные не отражали их фактической численности, так как многие группы цыган, тогда еще в значительной степени ведших бродячий образ жизни, могли быть не учтены.

Согласно переписи 1959 г., в Узбекской и Таджикской ССР живет 7600 цыган, но надо учесть, что, все более сближаясь с местным населением, многие цыгане при переписи назвали себя таджиками и узбеками.

Среди окружающего населения цыгане Средней Азии известны под названием *лӯлӣ*, *ҷугӣ*, *мазанг*. Сами цыгане утверждают, что название «люли» им присвоено узбекским населением, а «джуги» — таджикским; в качестве самоназвания все группы цыган выдвигают этноним *мугат*[1]; отдельные группы цыган различают себя по территориальному признаку: *мугати самарқандӣ*, *мугати бухоройӣ* и т. п.

Между цыганами, за которыми по традиции закрепились названия «люли» и «джуги», нет резких этнографических различий. От них отличаются цыгане, именуемые мазанг, представители которых разбросаны по всей территории Средней Азии. Они никогда не вступали в родственные отношения с другими среднеазиатскими цыганами и резко выделялись среди них по характеру исконных занятий.

Большинство цыган двуязычны, они говорят на узбекском и таджикском, однако таджикский язык в их быту является основным.

Вместе с тем среднеазиатские цыгане широко пользуются арго, известным среди них под названием *лавзи мугат* (в некоторых случаях *арабӣ* или *арабча*); основой для него обычно служит таджикский язык. Лавзи мугат по словарному составу (50% общих слов) родствен другому арго— *абдол тили* цеха артистов и музыкантов, общин дервишей (*каландар*) Средней Азии. Оба названных арго развились из тайного языка *луга* средневековой корпорации деклассированных элементов Среднего Востока, известной под названием «бану сасан», «сасаниан» или «сасиан» [2].

---

[1] Араб. мн. ч. от тадж. «муг» — огнепоклонник, маг. Термин, в древности применявшийся по отношению к древнейшему населению Средней Азии — приверженцам зороастризма и огнепоклонникам.

[2] Эта корпорация состояла из скоморохов, бродячих гадальщиков и предсказателей, в нее же входили нищие и с нею, по всей вероятности, были тесно связаны и цыгане.

Исторические сведения

Исторических данных о появлении цыган в Средней Азии нет. В поэме Фирдоуси «Шах-наме» содержится легенда о переселении из Индии в Иран группы музыкантов *лури* [1], присланных в дар сасаниду Бахрам Гуру (Варахран V, 420—438 гг). У цыган Самарканда сохранилось предание о существовании в этом городе цыганского квартала еще в тимуровское время. О цыганах упоминают Бабур в своих «Записках» (XVI в.), Абуль-Гази в «Шеджаре-и тюрк» (XVII в.) и Мир Мухаммед Амин-и Бухари в «Убайдулла-наме» (XVIII в.).

Помимо этих источников, о давности появления цыган в Средней Азии свидетельствуют утрата ими своего языка и многочисленные заимствования различных элементов материальной и духовной культуры у окружающего населения. Теория индийского происхождения цыган в целом разделяется всеми исследователями (А. П. Баранников и др.); полностью она относится к среднеазиатским цыганам.

Говоря об индийском происхождении цыган, А. П. Баранников ссылается на наличие в Индии касты «дом», которую различные авторы сближают с цыганами. Такое сближение возможно не только на основании близкого звучания национального самоназвания «ром» европейских цыган, но и потому, что названная каста занимается в значительной мере тем же, чем и цыгане. Интересно, что в своих «Записках» Бабур, перечисляя музыкантов своей свиты, наряду с Рамазаном Лули называет Раух дама, несомненного представителя данной касты музыкантов. Наличие на территории Афганистана (Кабул, Бадахшан и др.) значительного числа представителей касты дом служит указанием на те ближайшие пути, которыми предки цыган могли передвигаться на территорию Мавераннахра из Индии.

У среднеазиатских цыган не сохранилось легенд, подтверждающих их связь с Индией, как не сохранилось и общецыганского самоназвания «ром». Наоборот, все группы среднеазиатских цыган убеждены, что родина их предков—Средняя Азия. Однако наличие среди цыган антропологического типа, резко отличающегося от окружающего населения и имеющего ближайшие аналогии среди дравидоидного населения Индии, характерный род занятий, близкий членам индийской касты дом (деревообделочное ремесло, нищенство и пр.), а также некоторые обычаи (например, татуировка лба) говорят о том, что предки среднеазиатских цыган были выходцами из Индии. Интересно, что наряду с самоназванием мугат у некоторых групп цыган (например, в Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областях) бытует этноним *мултони*, что несомненно также свидетельствует об их индийском происхождении [2].

В течение многих столетий цыгане Средней Азии были лишены всяких прав и представляли собой наиболее отсталую в культурном отношении этнографическую группу. Земельных наделов цыгане никогда не имели и были вынуждены постоянно передвигаться с места на место.

Однако у среднеазиатских цыган уже давно были места длительных стоянок вблизи городов и сельских населенных пунктов. Здесь они обычно зимовали. Поэтому термин «кочевание» может быть применим по отношению к образу жизни цыган лишь условно. Из таких стоянок выросли цыганские кварталы на окраинах Самарканда, Бухары, Ташкента и других городов Средней Азии. Наряду с землянками и шатрами в этих местах у наиболее состоятельной части цыган давно появились глинобитные дома. Однако вплоть до 1930-х годов и у этих оседлых цыган существовал обычай *шоманда*, согласно которому отдельные группы родственных се-

[1] «Лури», согласно толковым персидским словарям, то же, что и «каули», т. е. одно из названий цыган, равно как и уличных певцов и нищих.

[2] Мультан — город в северо-западном Пакистане, в средние века — перевалочный пункт караванной торговли с Персией и Средней Азией.

мей, возглавляемые старшинами-аксакалами, на летние месяцы уходили кочевать по сельским местностям.

Несмотря на наличие очагов оседлости, основная масса цыган до Октябрьской революции вела бродячий образ жизни. Различные группы цыган передвигались в пределах определенных территорий. Так, бухарские группы придерживались границ Бухарского ханства, самаркандские не нарушали границ кочевания цыган ташкентских. Исключение составляли южные, каршинские цыгане, достигавшие низовьев Аму-Дарьи.

Структура бродячей группы — *тӯп*, или *тӯпар* (от тадж. *тӯб*, *тӯп*— толпа, масса, группа) отражает, видимо, уже далеко зашедший процесс разложения патриархальной семейной общины. В ней еще прослеживается кровнородственная основа, однако она уже не является единственным принципом объединения отдельных семей, входящих в тупар. Кроме родственников и свойственников, к подобным группам присоединялись и семьи, не связанные кровным родством. Каждая семья вела свое индивидуальное хозяйство. Руководил тупаром старшина *оқсоқол*, избиравшийся собранием взрослых мужчин группы из числа опытных, авторитетных людей, не обязательно старейших по возрасту. По имени аксакала называлась и вся группа. В ханствах аксакал утверждался особым ярлыком и нес административные функции.

Сохранились предания, что в Ташкенте и Фергане выборы аксакалов больших групп сопровождались торжественным поднятием избранного на войлоке.

Аксакал тупара, видимо, воспринял ряд функций главы семейной общины. Он был главным распорядителем, его приказания беспрекословно выполнялись, он творил суд над провинившимися. Аксакалы возглавляли и старые оседлые группы в городах.

Остатки первобытнообщинных отношений прослеживаются в обычае взаимопомощи, которым были связаны все члены тупара. Новые шатры (*чодир*) шили сообща все женщины тупара. В случае несчастья (например, падежа скота) потерпевшему оказывали материальную помощь. Особенно четко взаимопомощь проявлялась при подготовке и проведении семейных торжеств (свадьбы, обрезания), а также во время похорон. У некоторых групп оседлых цыган (например, в Самарканде) до сих пор бытует обычай совместных утренних трапез мужчин, собирающихся в условленном месте и приносящих каждый еду из своего дома.

По религиозной принадлежности среднеазиатские цыгане — мусульмане. Они по-мусульмански хоронят умерших, совершают молитвы, постятся, соблюдают обряд обрезания. Однако в прошлом и у них, как и у многих других народов Средней Азии, ортодоксальный ислам сочетался с элементами различных доисламских верований, которые в семейном быту имели преобладающее значение. У цыган была распространена вера в различного рода духов — *ҷин*, *пари*, *алвастӣ*, в порчу — *зиён*, в силу всевозможных оберегов и амулетов — *тӯмор*, *бозбанд*. Лук, перец, хлеб, острые предметы, рога барана считались оберегами от действия злых духов и сглаза. Особой сакральной силой наделялся волк: клыки и высушенный нос волка нашивали на одежду в качестве оберегов. Такой же силой обладал, по цыганским верованиям, дикобраз, колючки которого также употреблялись в качестве оберега. Каршинские цыгане ели мясо дикобраза; у самаркандских цыган, напротив, существовало строгое табу на мясо этого животного и была распространена легенда о том, что некогда дикобраз был человеком. Возможно, это пережитки каких-то древних тотемистических представлений.

В наше время верующих среди цыган становится все меньше. Росту атеизма способствует то, что мусульманская религия и раньше была для цыган наносным явлением: цыгане придерживались больше обрядовой стороны религии, вероучение ислама знали смутно.

Народ, не знавший никогда школ, был предоставлен самому себе и надолго остановился в культурном развитии. По существу, подлинное приобщение среднеазиатских цыган к современной культуре началось после Октябрьской революции, по мере их оседания и трудоустройства. Только войдя в производственные коллективы в городах и колхозах, цыгане получили все условия для роста культурного уровня, развития тех способностей, которые присущи этому живому, любознательному и энергичному народу.

Основные занятия

Ремеслом занимались лишь немногие цыганские группы. Среди цыган встречались ювелиры и кузнецы. Цыганки же обычно изготовляли волосяные лицевые сетки — *чачвон*, которые продавали мусульманским женщинам, закрывавшим лицо.

У ферганских и ташкентских люли были группы ремесленников, занимавшихся выделкой щепного товара, изготовлением сит и решет; женщины плели решета, мужчины делали к ним ободья.

Среди цыган имелись музыканты и певцы, дрессировщики животных. Однако эти занятия как профессия не столь характерны для цыган Средней Азии, как для отдельных групп европейских цыган. Мужчины некоторых кашкадарьинских групп цыган занимались охотой.

В основном среди цыган люли и джуги мужчины были мало заняты производительным трудом, предоставляя заботы о пропитании семьи женщинам. Для большей части цыган главным источником существования являлось нищенство, которым занимались женщины. Вооружившись мешками *хӯрҷин*, *тӯрба* и посохами — *асо*, которыми они отгоняли собак, цыганки ежедневно выходили на сбор подаяния, обходя двор за двором в городах и кишлаках. И сами цыгане, и окружающее население на нищенство смотрели, как на профессию. Попутно цыганки гадали, смотря в зеркало или в чашу с водой.

Цыгане занимались и врачеванием. Особенно распространено было кровопускание путем отсасывания крови при помощи специального рожка. К цыганским лекарям окружающее население обращалось довольно часто.

Цыгане-мазанг нищенством не занимались совершенно. Мужчины мазанги были деревообделочниками и мелкими торговцами; мелочной торговлей занимались и женщины. Деревообделочники вырабатывали решета, сита, бубны, деревянную посуду. Мазанги селились по берегам рек и арыков, где было много ивы — *тол*, основного сырья для изготовления их продукции. Орудия цыгана-деревообделочника были крайне несложны: примитивный станок — *ҳаллоҷи*, на котором гнули ободья для решет и бубнов, универсальное тесло — *теша*, кривой нож — *кордча* и особый металлический резец — *ҳирги* — для тонкой обработки внутренней поверхности тарелок и ложек.

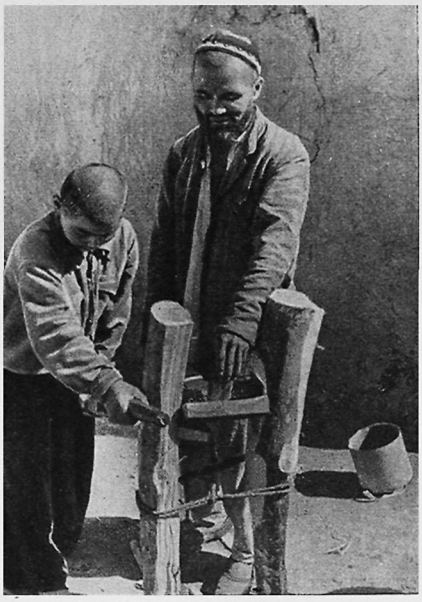
Все отмеченные особенности быта цыган в прошлом чрезвычайно осложняли вопрос об их трудоустройстве после революции, и оно окончательно не завершено и теперь. Цыгане лишь овладевают трудовыми навыками в местах их старой оседлости в городах и сельских поселениях. Еще в 1920-х годах в Самарканде была создана первая цыганская артель по сбору утиля, носившая название «Люлилар». Многие цыгане и позднее состояли членами кустарно-промысловых артелей «Утильсырье» (особенно в Бухарской области), однако в наши дни сбором утиля занимаются главным образом представители старшего поколения.

Городская цыганская молодежь и представители среднего поколения в значительной массе вовлечены в промышленность, строительство и транспорт. О степени охвата городских цыган производительным трудом можно судить хотя бы по г. Бухаре. Здесь цыгане работают на шелкомотальной и швейной фабриках, на кирпичном, хлебном и винном заводах, на железной дороге, на экскаваторной станции и других предприятиях. Если учесть, что в Бухаре живет немногим более 30 семей цыган, можно сказать, что процент вовлечения цыган в промышленность здесь очень зна-

чителен. Наибольший процент рабочих-цыган составляет молодежь, пришедшая на эти предприятия в самые последние годы.

На шелкомотальной фабрике в Самарканде, расположенной в непосредственной близости к цыганскому кварталу, среди рабочих также много цыган и цыганок.

Приобщение к трудовой деятельности давалось нелегко. Сказывалось отсутствие у цыган элементарных навыков трудовой дисциплины. Но коллективы рабочих помогли новичкам в овладении техникой производства и в воспитании трудовых навыков. Теперь среди цыган, работающих на производстве, немало перевыполняющих план; отдельные передовики производства выдвинуты на руководящую работу.



Цыган-мазанг у деревообделочного станка «халладжи». Город Самарканд

Работающие на фабриках и заводах цыгане вовлекаются в общественную жизнь коллектива предприятия; у них появляются новые интересы, вырабатывается новое отношение к окружающей действительности. Молодые цыгане — юноши и девушки — учатся в школах рабочей молодежи, участвуют в работе клубов, в художественной самодеятельности. Они посещают кино, лекции, доклады, спортивные площадки. Все это в корне меняет и внешний и внутренний облик среднеазиатского цыгана.

Уже давно начался процесс прочного оседания цыганских групп и отдельных семей и в сельских местностях, главным образом вблизи излюбленных в прошлом временных стоянок.

В 30-х годах в некоторых местах были организованы специальные цыганские колхозы. Однако вошедшие в них цыгане не имели сельскохозяйственных навыков, и колхозы быстро распались. Более успешно процесс приобщения цыган к сельскохозяйственному труду проходил в смешанных колхозах, где цыгане перенимали опыт у коренного земледельческого населения.

Особенно интенсивно проходил процесс оседания цыган в колхозах в послевоенный период. Правда, и тогда еще случались неудачи. Например, цыгане из колхоза «Коммунизм» Нариманов ского района Самаркандской области четыре раза оседали и четыре раза вновь покидали колхоз.

В настоящее время уже значительное число цыган занято в сельском хозяйстве. В некоторых колхозах сформировались и успешно работают цыганские бригады, руководимые бригадирами из числа цыган. Оседающие на землю цыгане получают различные льготы, в частности безвозвратный кредит, главным образом для жилищного строительства.

Показательна для процесса вовлечения цыган в сельскохозяйственные артели история седьмой (цыганской) бригады колхоза им. Фрунзе

Цыган-тракторист. Колхоз им. Фрунзе, Самаркандская область

Иштыханского района Самаркандской области.

Первый цыган — Рузиев Амин — пришел сюда со своей семьей в 1950 г. «Когда-то, — говорит он, — в этих местах останавливались наши деды». Ему предоставили полагающиеся льготы и помогли обосноваться. Вслед за Рузиевым из разных мест потянулись в колхоз его родственники. Первые годы цыгане работали в бригадах вместе с узбеками, учились у них технике хлопководства. В 1957 г. была создана из цыган особая бригада, ее возглавил сын Амина Рузиева — Тургунбай. В 1958 г. в бригаде было 24 человека, которые обрабатывали 41 га земли, используемой главным образом под посевы хлопка. В распоряжении бригады были трактор, лошади, арбы, различный инвентарь. Отдельные члены бригады овладели профессией тракториста.

Занимаются колхозники и шелководством. Колхозники-цыгане уже давно построили дома, имеют приусадебные участки.

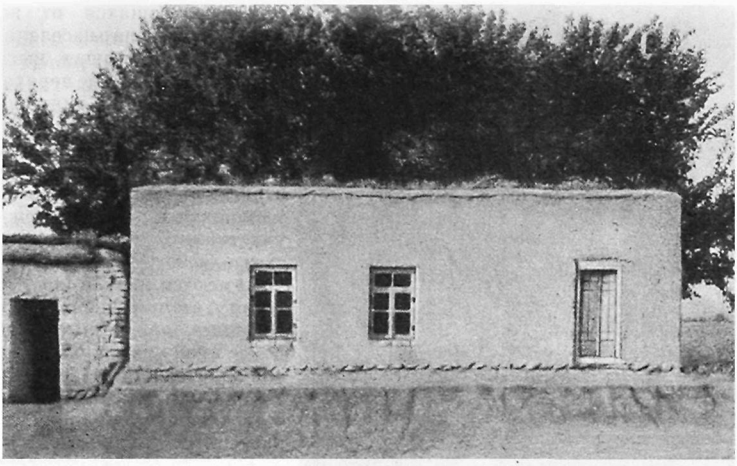
«Что мы, цыгане, имели в прошлом? — говорит старик Амин Рузиев. — Посох и мешок для сбора подаяния! Мы дрожали как шакалы среди холмов и кричали от голода. Сейчас у нас есть земля, дома, есть свой трактор и все для работы. В домах у нас электрическое освещение, радиоприемники, патефоны. У меня есть корова, об этом я не мог раньше и думать. Мы, цыгане, теперь покупаем себе часы, бархат и другие дорогие вещи. Наши дети учатся в школе. В бригаду приезжает кинопередвижка».

Группы цыган, которые еще не *осели* и живут в палатках, но подолгу останавливаются в одном месте, часто принимают участие в колхозных работах, иногда в течение всего сезона полевых работ. В подобных группах наблюдается определенная тенденция к прочному оседанию. Пример их соплеменников, уже порвавших с прежним образом жизни, при наличии постоянной связи между различными, даже отдаленными друг от друга тупарами, оказывает на них положительное влияние.

Жилище

Исконным жилищем цыган служил шатер — чодыр, крайне несложный по конструкции. Различались два вида шатров — зимний — *чодири зимистон* и летний — *чодири гарм* или *соябон*.

Зимний шатер состоял из бязевого полотнища, накидывавшегося на два или три врытых в землю шеста с естественными развилками, на которых укреплялся продольный шест. Концы полотнища растягивались и закреплялись на земле колышками. Летний шатер представлял собой по существу лишь навес для тени; он был значительно меньше и держался обычно на одном шесте.



Дом колхозника цыгана. Самаркандская область

В шатре расстилали кошму, раскидывали одеяла и подушки. Обогревались при помощи костра, разжигаемого в небольшом круглом углублении ближе к выходу. Над костром ставили сандал, который летом с собой не возили, а оставляли в кишлаках у родных и знакомых.

Пищу готовили тоже на кострах, которые разводили вне шатра. Котел ставили на металлический треножник — *сепоя* или на камни.

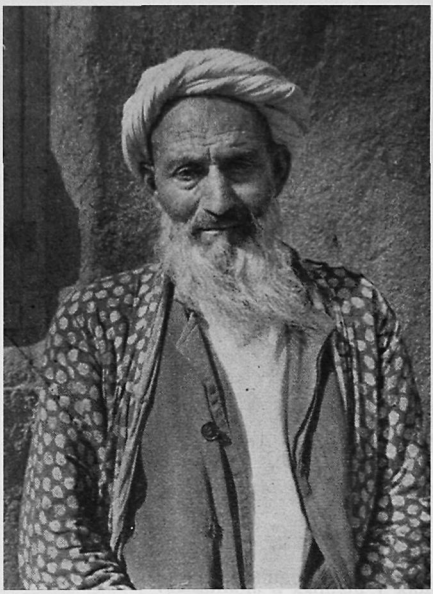
Имущество цыгана было легким, удобным для перевозки вьюком. Оно состояло главным образом из одеял и подушек; из посуды имелось лишь самое необходимое: котлы, кувшины, миски, пиалы, чайники. Характерным являлось употребление деревянной посуды (мисок, тарелок, чаш), удобной при постоянных переездах. Если тупар владел рогатым скотом, в наличии имелась и утварь для молочного хозяйства: деревянные маслобойки (*гўппи*) с мутовкой (*пишкак*) и др.

Сундуки (покупные) имелись лишь у цыган, осевших в городах, так же как и колыбели (*бешик*). Бродячие группы подвешивали в шатре люльку (*белинчак*). Лошадь и арба не были характерны для передвижения цыгана среднего достатка: основным вьючным животным был осел. Отсюда крайняя бедность и однообразие цыганского имущества.

От обычного чодыра отличалось жилище цыган-мазангов, они строили шалаш — *чайла* — из дугообразно согнутых и воткнутых в землю толстых ветвей ивы, которые покрывали мелкими ветками, камышом и сухой травой. Чайла, высотой в рост человека, достигала в длину 3—4 м; двери были из камышовой циновки или завешивались полотнищем ткани.

Зимовали цыгане на окраинах селений, часто занимая какую-нибудь хозяйственную постройку, за что они оставляли ее владельцу навоз для удобрения от своего скота. В Ташкенте и Фергане наиболее зажиточные цыгане-ремесленники имели на окраинах глинобитные дома, иногда с деревянным каркасом. Дом состоял из одного помещения с навесом перед ним. В одном окруженном стеной дворе жило несколько семей; каждая из них вела свое обособленное хозяйство. Такой тип поселения назывался *қўрғон*.

Типы жилища цыган в настоящее время очень разнообразны — от шатра у полубродячих групп до городских и сельских домов, мало



Старик-цыган в национальной одежде. Колхоз им. Фрунзе, Самаркандская область

чем отличающихся от жилищ окружающего населения. Для недавно осевших цыган характерно жилище переходного типа. Это уже глинобитный дом, однако в нем много своеобразия. Дома цыгане располагают без соблюдения строгой планировки, очень тесно один к другому; между участками нет обычных стен — *девор*, в лучшем случае имеются низкие (до 1 м в высоту) стенки, небрежновозведенные из глины. Такие дома ниже домов окружающего населения. Преобладают однокамерные постройки с небольшим коридором. Характерные для домов узбеков и таджиков ниши, где обычно складывают мягкие вещи, заменяет *боргундор* — невысокое (до 50 см) глинобитное возвышение, расположенное у стены рядом с входом. Часто боргундор делают более сложным — с небольшими нишами, в которые ставят посуду. В комнате такого дома отсутствует обстановка; как и в кочевом жилище, утварь однообразна и ее крайне мало. Все мягкие вещи, как правило, связаны в один большой узел *бўғҷома*, лежащий в углу на примитивной подставке *чортоқ* на четырех вбитых в землю колышках или на боргундоре. Отапливаются подобные дома железными времянками, которые вошли в цыганский быт в последнее десятилетие.

В сельских местностях у цыган повсеместно имеются теперь печи местного типа для выпечки хлеба — *тандир*, чего совершенно не было прежде. В городах таких печей у цыган обычно нет; они покупают хлеб в магазинах.

Дома цыган промышленных рабочих и многих колхозников ничем не отличаются от жилища окружающего населения.

У цыган, недавно порвавших с бродячим образом жизни и обосновавшихся в колхозах, наблюдается стремление в первую очередь обзавестись металлическими кроватями, паласами и коврами. Везде в цыганском быту очень распространены керогаз и керосинка; цыгане предпочитают пользоваться ими, а не очагом, даже для приготовления чая. У многих цыган появились велосипеды, радиоприемники, патефоны, стенные часы. В быту тех групп цыган, которые еще не полностью перешли на оседлость, также заметны черты нового. От костров они перешли к печкам-времянкам, которые возят с собой; широко пользуются покупной металлической посудой: кастрюлями, тазами, ведрами, бидонами и пр. Нередко можно видеть возвышающуюся над шатром антенну радиоприемника.

Одежда

Многовековое влияние культуры окружающего населения больше всего сказалось в одежде и пище цыган. Старая мужская и женская одежда цыган ничем не отличается от узбекской или таджикской. И теперь еще пожилые мужчины носят

халаты и широкие штаны; на голову надевают тюбетейки, на которые наматывают чалму. В женском костюме отсутствуют характерные для европейских цыган широкая юбка и шали; костюм среднеазиатской цыганки отличается от узбекского и таджикского, пожалуй, только большей любовью к ярким расцветкам, необычным по пестроте и сочетанию цветов; среднеазиатские цыганки не носили паранджу. Некоторое своеобразие сохранилось в головных уборах цыганок отдельных групп: для каршинских и шархисябзских цыганок характерны большие тюрбаны *дурра*.

Цыганка в головном уборе «дурра». Сурхан-Дарьинская область

В настоящее время в быт цыган, особенно мужчин, прочно вошли одежда, обувь и головные уборы городского типа.

Цыганки имеют большую склонность к различным украшениям — кольцам, серьгам, браслетам, ожерельям, но и эти предметы в значительной степени утратили национальное своеобразие.

Древние корни, возможно связанные с прародиной цыган — Индией, имеет цыганская татуировка. В настоящее время уже трудно установить подлинное значение этого обычая: даже старики-цыгане считают, что татуировка делается просто для украшения. Татуировка главным образом распространена у южных (каршинских, шахрисябзских, гиссарских) цыган. Она производится путем надреза или накола кожи с последующим втиранием сажи.

Знаки татуировки — *хол* (от тадж. *хол* — родинка, пятно) — бывают двух родов, в зависимости от употребляемого инструмента и места расположения знаков. *Холи покигин* — это ряд вертикальных параллельных линий (чаще семь) на лбу; наносятся они бритвой. Иногда холи покигин состоит из нескольких линий, радиально расходящихся от одной точки на лбу, между бровями. *Холи сӯзанӣ* (или *холи игнагин*) — наколы, расположенные по кругу на обеих щеках татуируемого; наколы производятся иголкой. Холи сузани наносятся иногда и на тыльной стороне кистей рук. Часто на лбу между бровями татуируют круглое пятно, напоминающее некоторые кастовые знаки народов Индии.

Татуировка характерна главным образом для женщин. В старину ее наносили молодым девушкам перед свадьбой; юношам делали татуировку по достижении ими половой зрелости. Это свидетельствует о связи данного обычая с древними возрастными обрядами посвящения.

Семейный быт

У среднеазиатских цыган, видимо, давно уже господствует малая индивидуальная семья. Сыновья отделялись сразу после женитьбы. Каждая семья, входившая

Цыганки в национальной одежде.
Город Самарканд

в группу, вела хозяйство и питалась отдельно от других.

Женщина занимала в цыганской семье подчиненное положение, хотя и являлась основной кормилицей семьи. Будучи мусульманкой, она тем не менее не закрывала лица и не изолировалась от мужского общества. Она была смела и свободна в обращении с людьми. Только у некоторых групп мазангов в прошлом женщины носили *ҷелак* — халат с ложными рукавами, который они набрасывали на голову, слегка прикрывая лицо. У среднеазиатских цыган существовал обычай уплаты калыма за жену; он целиком оставался у отца невесты. Широко было распространено многоженство: чем больше было жен, тем больше работниц и выше достаток в семье.

Девушек выдавали замуж с 12 — 15 лет. В брачные отношения вступали разные тупары и даже разные территориальные группы цыган. Однако ни одна из групп цыган люли и джуги не вступала в брачные отношения с мазангами. Это строгое правило, возможно, является отдаленным пережитком кастовой эндогамии предков цыган.

Сговор и все церемонии свадебного обряда мало чем отличались от аналогичных обрядов у окружающего населения. У цыган были распространены кузенные браки, часто наблюдался обычай *кӯч куёв* — принятие зятя в дом. Характерными для цыган были перекрестные браки *қарши қудо*: две семьи договаривались о перекрестных браках своих сыновей и дочерей; калым в этих случаях не платили. Обычай левирата у цыган соблюдался в тех случаях, когда после умершего оставался ребенок.

Прежде время от времени устраивались сборища различных групп, съезжавшихся в одно место, где одновременно справлялись все свадьбы и торжества по поводу обрезания, после чего группы разъезжались по своим местам. Цыганские празднества — *той* — справлялись с характерной для Востока пышностью, на них собиралось множество гостей. И в наше время на той, устраиваемый цыганом в Бухаре или Самарканде, приглашаются все цыгане, живущие в данной округе.

Так же как и у окружающего населения, цыганский той сопровождали выступления артистов, состязания. Среди цыган имелись и имеются теперь знаменитые борцы *полвон*. Азартно проводились у цыган и конные игры. Очень популярны были на тоях перепелиные и петушиные бои и бои ослов. Особенностью цыганских тоев были также соревнования в беге.

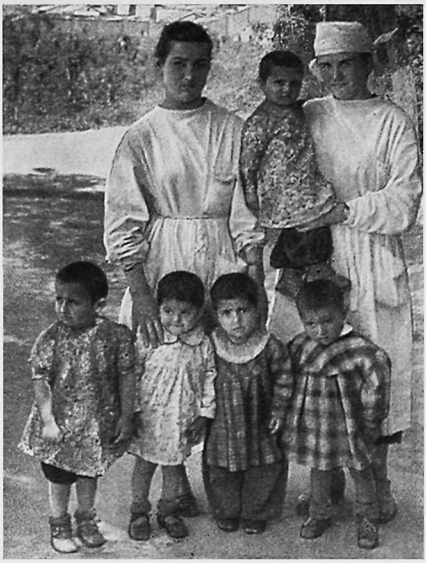
Мусульманский обряд бракосочетания происходил в доме невесты. Соблюдались различные свадебные обряды, бытовавшие у окружающего населения — проводы молодой в дом мужа, обведение новобрачной

вокруг костра, обряд смотрения молодых в зеркало и др.

После появления первого ребенка справлялся обряд *лачак бандон* — повязывание головного убора замужней женщины. На сбор подаяния цыганка обычно выходила только после совершения этого обряда.

Муж называл жену *муғат зан* (буквально — цыганка), а жена звала мужа по имени ребенка (отец такого-то).

У цыган бывали случаи тайного увода девушки из группы. Члены обиженной группы до тех пор не успокаивались, пока в свою очередь не уводили девушку или даже замужнюю женщину из группы обидчика.



Дети цыган в детском саду. Город Самарканд

Цыганские семьи весьма многочисленны. Бродячий образ жизни губительно сказывался на положении детей, у цыган была большая детская смертность. Обычно женщины уходили на сборы подаяния, и дети были предоставлены самим себе или оставались на попечении старух. Все ребятишки бегали босые, а летом часто и совершенно нагие.

У цыган, как и у других окружавших их народов, пережитки матриархальных отношений проявлялись в особой роли *тога* — дяди по матери, который обязан был заботиться о племянниках и в случае нужды заменял им отца. Предания также сохранили, правда смутно прослеживаемые, воспоминания о древних порядках материнского рода. У некоторых групп еще сохранилась легенда о женщине — родоначальнице цыган, прославившейся искусством врачевания.

Веками слагавшийся семейный уклад цыган быстро меняется теперь под влиянием резких изменений в их образе жизни и занятиях. Цыганка освободилась от унизительного занятия —нищенства. Цыганки-работницы и колхозницы имеют твердый заработок, что служит постоянно действующим фактором, обеспечивающим возрастающую независимость женщины в семье.

Цыганки пользуются регулярной помощью лечебных учреждений, женских и детских консультаций, о чем при старом образе жизни им нечего было и думать. Теперь уже принято отдавать детей в ясли и детские сады. Многие цыганки получают пособие по многодетности, есть среди них и матери-героини.

Девушки-цыганки теперь уже в большинстве случаев выходят замуж не по принуждению родителей, а по собственной склонности. Растет число смешанных браков, отражающих новые взаимоотношения цыган с окружающими народами. «В прошлое время, — вспоминает бухарский цыган Беги Саидов, — при эмирах, смешанных браков не могло быть. За джуги узбечек не выдавали, а если узбек женился на цыганке, ему отрубали голову». Теперь цыгане г. Бухары женятся на узбечках, таджичках, татарках, ирани, русских. Однако от старого сохранился запрет выдавать девушек-цыганок на сторону и некоторые другие обычаи.

Цыгане-школьники. Группа отличников из разных классов средней школы в г. Самарканде

Хол Халикович Назаров, преподаватель Медицинского института в г. Самарканде, с семьей (жена русская)

* * *

Бродячий образ жизни, занятие нищенством, унижающее человеческое достоинство, положение отверженного народа — все это сказалось на общем культурном уровне среднеазиатских цыган. Цыганскую среду характеризовала поголовная неграмотность.

Для цыган в наши дни характерна огромная тяга к знаниям.

Теперь дети цыган учатся в школах, городских и сельских, на таджикском и узбекском языках. Наибольший приток цыганских детей в школы наблюдается в последнее десятилетие, когда начался массовый переход к прочной оседлости. Постепенно растет число цыган, оканчивающих школы-десятилетки. Уменьшается отсев учащихся, связанный с наблюдавшимся еще десять лет назад передвижением отдельных групп или семей. В школах, как и на производстве, цыганам успешно прививаются навыки трудовой дисциплины. Среди детей цыган много отличников. Педагоги характеризуют их как очень восприимчивых и способных.

В городах есть цыгане — студенты университетов, педагогических и медицинских институтов. Уже имеются кадры цыганской интеллигенции, главным образом педагогов. Так, в Самарканде среди цыган многие имеют высшее педагогическое образование и работают директорами школ и преподавателями разных дисциплин.

В настоящее время в городах цыганская молодежь, работающая на производстве, обучается в школах рабочей молодежи. Люди среднего поколения, даже домашние хозяйки, посещают открытые при школах курсы ликвидации неграмотности. Среди цыган много музыкантов, певцов и танцоров. Были известные сказители *бахши*, разъезжавшие по таборам и выступавшие на празднествах. Однако давняя утрата цыганами своего языка и многовековое влияние культуры окружающих народов привели к исчезновению у них самостоятельного народного творчества. Музыканты и певцы из среды цыган исполняют узбекские и таджикские произведения народного творчества. Поют цыганские сказители под аккомпанемент домбры и дутара; из других музыкальных инструментов популярен бубен — *доира*, изготовлявшийся мазангами.

В наше время цыганская молодежь, от природы весьма музыкальная, вовлекается в художественную самодеятельность, дающую искусству новые кадры артистов.

В трудовых коллективах, городских и сельских, растет общественная активность цыган-рабочих и колхозников. Партийная прослойка среди цыган еще невелика. Это главным образом рабочие, особенно пришедшие из Советской Армии, и представители интеллигенции. Молодежь фабрик, заводов и колхозов, учащиеся школ вступают в комсомольские организации. Многие цыгане были участниками Великой Отечественной войны, награждены орденами и медалями.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЕВРЕИ

Среднеазиатскими называют евреев, живущих в республиках Средней Азии и говорящих на одном из диалектов таджикского языка. Сами себя среднеазиатские евреи называют *яҳудӣ*, представители старшего поколения — *исроэл* или *бане исроэл* (сыновья, потомки Израиля). После Октябрьской революции широкое распространение получило название *яҳудӣҳои маҳаллӣ* (местные евреи). В литературе среднеазиатские евреи известны также под наименованием «бухарские», «туземные», «местные» евреи.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., среднеазиатских евреев в СССР числилось 18 698, из них мужчин — 9364, женщин — 9334. Основная масса их жила в Узбекистане — 17 172 человека.

По данным Узбекистанского Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся, в 1934 г. в Узбекской ССР было зарегистрировано около 24 тыс. среднеазиатских евреев, из них подавляющее большинство проживало в городах: Самарканде (5750), Ташкенте (3340), Бухаре (1850), Коканде (2 тыс.), Хатырчи (980), Шахрисябзе (970), Андижане (900), Маргелане (860) и некоторых других. В сельских местностях было зарегистрировано 4500 человек.

За последние 25—30 лет около 5 тыс. среднеазиатских евреев переселилось в Таджикскую ССР, причем в подавляющем большинстве из Самарканда, Бухары и Шахрисябза и в меньшей мере из Ташкента и городов Ферганы, где местные евреи были двуязычны, т. е. хорошо владели наряду с таджикским и узбекским языком.

По особенностям фонетического и грамматического строя диалект, на котором говорят среднеазиатские евреи, может быть включен в самаркандско-бухарскую группу диалектов таджикского языка. Этому диалекту свойственны все те черты, которые отличают самаркандско-бухарские диалекты от других диалектов таджикского языка как северо-западной, так и юго-восточной группы. Отражением в языке этнического происхождения евреев, по-видимому, можно считать те особенности, которые отличают их речь от речи таджиков самаркандско-бухарской группы. К этим особенностям относятся в фонетике способность к сильной редукции гласных *а*, *и*, *у* в безударных слогах, наличие фонем *ε*, *h*, свойственных семитическим языкам, а также особый тип стяжения глагольной связки III л. ед. ч. — *е* < *аст* глагольных форм (рафте < рафтааст); в лексике — наличие небольшой группы слов древнееврейского происхождения, связанных с религией (*шабот* — суббота, *мацо* — маца, *суко* — название осеннего праздника, *гет* — развод, *ктуво* — свидетельство о браке, и др.). Некоторые древнееврейские слова вытесняются таджикскими, особенно в речи женщин и детей. Например, название праздника *шовуот* знают и употребляют мужчины, а женщины и дети говорят *гули сурх*, поскольку этот празд-

ник бывает в начале июня и совпадает с периодом цветения роз (роза — гули сурх); вместо *рошҳашоно* (новый год) — *каллахӯрӣ* по названию ритуального кушанья (вареная баранья голова); *писҳо* (пасха) — *хушкхӯрӣ* (буквально — едение сухого, поскольку на пасху едят мацу). Некоторые сложные слова состоят из древнееврейского и таджикского слов или древнееврейского слова и таджикского суффикса. На еврейско-таджикском диалекте говорят все среднеазиатские евреи; подавляющее большинство евреев Ферганы и Ташкента владеет и узбекским языком. В языке среднеазиатских евреев имеется значительное количество лексических заимствований из русского языка. В настоящее время основная масса среднеазиатских евреев владеет русским языком.

Исторические сведения

Время поселения среднеазиатских евреев в Средней Азии, а также место, откуда они переселились, не засвидетельствованы письменными источниками. В. В. Бартольд, рассматривая вопросы проникновения христианства в Туркестан, попутно указывает, что в X в. в восточноиранских областях (в Хорасане и Мавераннахре) было больше евреев, чем христиан. Географические названия свидетельствуют о существовании в то время еврейских общин в северной части Афганистана; достаточно упомянуть о городе Иехудие на месте Меймене и о «воротах евреев» в Балхе [1]. С этими указаниями согласуются и сохранившиеся у среднеазиатских евреев предания, согласно которым их предки были выходцами из Вавилонии, в давние времена поселившимися в Иране (в окрестностях Сабзавара и Мешхеда). В Афганистан они продвинулись якобы позднее. Исторические предания относительно переселения евреев в Среднюю Азию неоднородны и противоречивы. Так, по одним рассказам, в XIII в. в результате нашествия монголов какая-то часть евреев из Ирана выселилась в Самарканд, Шахрисябз и Бухару, а оттуда они стали переселяться и в другие города Средней Азии. По другим преданиям, евреи переселились в Самарканд из Шираза при Тимуре; есть также утверждения, что евреи пришли в Самарканд из Багдада, а затем уже расселились в других городах. Переселение в Ташкент и города Ферганы — явление более позднее.

О последующих единичных переселениях евреев в Среднюю Азию сохранились сведения и у потомков переселенцев. Так, по преданию, в конце XVIII в. некий Хахом Юсев Маарови Мамон из Багдада прибыл в Иран, а оттуда переселился в Бухару, где женился, у него было четверо детей. В настоящее время насчитывается свыше тысячи его потомков [2].

В то же время из Герата в Бухару, а затем в Шахрисябз в поисках работы прибыл слепой чтец молитв Мулло Ишай, потомки его под фамилией Якутиеловы до сих пор живут в Шахрисябзе. Есть семьи, переселившиеся в начале XIX в. Так, Мулло Рубин Меламед (учитель) в поисках работы из Мешхеда переселился в Самарканд, где в настоящее время живут его многочисленные потомки. Поздние переселенцы обычно получали прозвища, указывающие на их происхождение, например, Алишои Балхи — переселившийся из г. Балха, Амини Кобули — выходец из Кабула, Юсеф Ирони — выходец из Ирана. Есть семья, носящая фамилию Арабовы, основоположник этой семьи был выходцем из Ирака. К именам старых переселенцев иногда присоединяли название среднеазиатского города: Аронн Шихрисабзи.

В г. Маргелан евреи начали переселяться из Бухары в начале XIX в. и вскоре образовали отдельный квартал; в г. Фергане евреи стали селиться лишь с начала XX в. В Гиссарской долине евреи появились из

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 47—48.

[2] Со слов Азарья Юсупова, уроженца г. Бухары, 70 лет, составившего родословную своей семьи до 1929 г. Записано Я. И. Калонтаровым в Самарканде в 1957 г.

Бухары в середине XIX в., позднее они основали в Душанбе свой квартал (в районе современной Дехканской улицы) [1].

По религии среднеазиатские евреи — иудаисты. Среднеазиатский иудаизм представляет собой довольно сложное переплетение многих верований и обычаев, связанных с различными этапами истории евреев и их происхождением. По-видимому, в первые века существования еврейских колоний в Средней Азии, да и в последующее время, когда развились еврейские общины, среднеазиатские евреи не были ревностными исполнителями основного еврейского закона. Раввин, прибывший в конце XVIII в. в Бухару из Иерусалима, застал бухарских евреев в состоянии полного религиозного невежества. Он приступил к укреплению основ религиозной жизни, выписав еврейские книги из Европы. В дальнейшем представители духовенства из Палестины деятельно поддерживали религиозность евреев Средней Азии и эксплуатировали основную массу евреев, собирая большие денежные средства, усиливая связи среднеазиатских общин с Палестиной. Так, в конце XIX в. бухарские евреи даже организовали в Иерусалиме колонию, где в самом начале насчитывалось 179 домов, две синагоги и две школы; в дальнейшем эта колония значительно разрослась. Так как среднеазиатские евреи в массе своей не знали древнееврейского языка, представители духовенства перевели на таджикский язык Пятикнижие, Богослужебный свод и другие религиозные сочинения, содержащие правила, законы, запреты, регламентирующие нормы поведения евреев на всякий случай жизни.

Одной из характерных черт иудаизма являлась его реакционная направленность, выражавшаяся в стремлении к полной изолированности евреев от других народов, к отвлечению еврейской бедноты от участия в классовой борьбе против эксплуататоров. Одним из символов замкнутости и изоляции евреев были заставы — *эруб*, отделявшие улицы еврейского квартала от мусульманских; они состояли из двух кольев с натянутой между ними через улицу проволокой. В субботу евреи не имели права покидать территорию квартала и выходить за пределы эруб.

С проникновением русского капитализма в Среднюю Азию, способствовавшего резкому имущественному расслоению, среди евреев усилились иудаистские представления, поборниками которых выступали в первую очередь богачи. В этот период увеличилось число синагог и в общине появились «казенный» и духовный раввины.

Вплоть до установления Советской власти среднеазиатские евреи были угнетаемым в среднеазиатских мусульманских государствах иноверческим элементом. Они жили обособленной общиной, которая подчинялась законам, созданным в отношении евреев эмиратом, а в дальнейшем царским правительством.

Внутреннее управление и устройство общины регламентировалось нормами и правовыми обычаями самих евреев, определявшимися в основном положениями религии, однако ряд обычаев укоренился под влиянием норм и обычаев их соседей мусульман.

Путешественники, посещавшие в прошлом общину евреев в Бухаре, отмечали относительную автономию общины. Вместе с тем для евреев, как для иноверцев, существовала система правил и регламентаций, унижающих еврея и ущемляющих его права. Так, евреи были обязаны жить только в определенных кварталах; ворота еврейского дома должны были быть ниже ворот мусульманского дома; лавка еврея на ступеньку ниже лавки мусульманина. Еврей, в отличие от мусульманина, обязан был носить конусообразную черную шапку с узкой меховой оторочкой. Знаком отличия служила также тряпка, нашиваемая на халат, а впоследствии — веревка, кото-

[1] Записано Я. И. Калонтаровым в г. Душанбе в 1930 г. со слов ныне покойного Сабзанова, переселившегося в Гиссар из Бухары в 1870 г.

рой еврей обязан был опоясываться при выходе на улицу. Свидетельские показания евреев на суде в отношении мусульманина были недействительны. Все евреи, достигшие совершеннолетия, облагались подушной податью, называемой *чизья*.

Сбор этого налога проводился раз в год и сопровождался унизительными для евреев процедурами: сборщик налога, получая деньги, мог безнаказанно грубо обращаться с плательщиками и даже избивать их.

Во главе общины стоял старшина — *калонтар*, избиравшийся членами общины из числа наиболее зажиточных и авторитетных в общине людей. В дальнейшем стал выбираться также и раввин. Суду калонтара подлежали все дела, коммерческие, семейные и другие, возникавшие среди евреев. Старшина являлся признанным государственными властями представителем еврейской общины, он и раввин следили за соблюдением евреями предписаний государственных властей.

Патриархальные отношения, свойственные замкнутой общине, способствовали затушевыванию классовых противоречий. Эксплуатация труда бедняков маскировалась заботами о бедных, выражавшихся в подачках и благотворительной деятельности богачей. Так, за счет пожертвований, например, бесплатно хоронили неимущих, или какую-то часть бедняков обеспечивали топливом, раздавали им продукты на субботу. В богатых семьях часто эксплуатировали бедняков, состоявших в родственных отношениях с членами этих семей.

Преследование евреев за религиозные убеждения вынуждало часть из них отказываться от своей религии и обращаться в ислам. Обращенные в мусульманство евреи Бухары назывались *чала* (несовершенные). Новообращенные евреи-мусульмане либо ассимилировались местным населением, что случалось реже, либо, внешне совершая мусульманские обряды, тайно продолжали придерживаться иудейской религии, о чем еврейский раввин был осведомлен. Группа чала была эндогамна, т. е. браки совершались только внутри нее.

После присоединения Средней Азии к России царское правительство ввело деление среднеазиатских евреев на «туземных» и «иностранных». К первым, по положению 1886 г., причисляли евреев, живущих в Туркестанском крае «с незапамятных времен», ко вторым относились евреи — уроженцы сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств, к которым причислялось и Бухарское ханство. Приход русских облегчил положение евреев в городах, отошедших к России, смягчив юридическое неравенство, которое они испытывали при эмире. Впрочем, преимущества, приобретенные среднеазиатскими евреями при царском правительстве, были в значительной мере ограничены условиями, которые могла выполнять по существу лишь имущая часть еврейского населения. В ряде случаев было трудно доказать и свою принадлежность к «туземным» евреям, а «иностранные» евреи не имели права жить в русских владениях.

Еврейские общины и после присоединения края к России сохраняли свое самоуправление. В них, помимо калонтара и духовного раввина, был еще и «казенный» раввин, который избирался общиной в присутствии представителей русских властей. В функции «казенного» раввина входила регистрация рождений, смертей, браков среди еврейского населения. За подписью «казенного» раввина составлялись метрические свидетельства, заверяемые печатью русской администрации. Обычно «казенным» раввином был старшина общины.

С присоединением Средней Азии к России из среды среднеазиатских евреев вскоре выдвинулась группа крупной торговой и промышленной буржуазии, которая на своих предприятиях эксплуатировала труд рабочих — представителей разных национальностей. Среди евреев были крупные капиталисты — владельцы различных заводов в Фергане, Ташкенте, Самарканде.

Несмотря на правительственные запреты и притеснения, между евреями и мусульманами существовали добрососедские отношения как в быту, так и в хозяйственных и торговых делах. Евреи и мусульмане приглашали друг друга на семейные торжества, приносили полагающиеся по этому случаю подарки. Мусульмане не отказывались от еврейских угощений, евреи же в силу религиозных запретов не прикасались к мясным и некоторым другим блюдам. Поэтому бывали случаи, когда мусульмане, приглашая евреев, нанимали еврейского повара, который готовил для гостей-евреев.

Общественная жизнь среднеазиатских евреев, живших замкнуто в своих кварталах, проявлялась лишь в обязательном посещении всеми мужчинами и юношами с 13-летнего возраста синагоги, где проводилось богослужение.

Синагоги были центром общественной жизни, в них собирались для обсуждения общественных дел, выборов старшины. Иногда в синагоге совершались и некоторые ритуальные обряды и угощения, чаще связанные с поминками.

Общественная деятельность заключалась в сборах пожертвований на нужды общины, главным образом благоустройство кладбища, синагог, а также на благотворительные цели — помощь беднейшей части населения.

При синагогах существовали религиозные школы (*хомуло*), в которых обучались дети, главным образом мальчики, чтению молитв и письму. Существовали высшие группы хомуло, кончавшие их получали право стать резником (*шоҳет*) или учителем (*меламед*). Обстановка в школе и методы обучения были примерно те же, что и в старометодных мусульманских школах—*мактаб*. В результате многолетнего обучения дети обычно едва постигали грамоту.

После присоединения края к России в Самарканде открылась русско-туземная школа для евреев. Процент неграмотных среди евреев был очень высок, женщины почти поголовно были неграмотны.

Основные занятия

Хозяйственный быт среднеазиатских евреев определялся установленными для них эмирами и царизмом правовыми ограничениями. Евреи, не имея права на приобретение земли, не занимались земледелием и были вынуждены жить в городах и заниматься ремеслами и торговлей.

Основное место занимало красильное ремесло. Были среди евреев ткачи (главным образом в Бухаре и Маргелане), которые изготовляли шелковые ткани и ткань для тонких платков и рубах (*қалғай*). Некоторые занимались ювелирным мастерством, другие винокурением, но эти занятия не имели широкого распространения. Среди евреев были также портные (*мошиндӯз*), шапочники (*телпакдӯз*), парикмахеры (*мӯйсаргир*). Женщины работали прачками (*ҷомашӯй*), пекли на продажу хлеб (*нонпаз*), были поварихами (*ошпаз*) в богатых домах.

Красильное ремесло в Средней Азии находилось почти исключительно в руках евреев. Кубовое крашение пряжи синей краской индиго называлось *кабудгарӣ*, а занимавшихся им ремесленников называли *кабудгар*. Тех же, кто окрашивал пряжу в другие цвета, называли *рангборчӣ*. Это ремесло считалось почетным, по преданиям им занимались предки евреев, когда они жили в Иране. Обычно ремесло кабудгара передавалось от отца к сыну, но иногда мастер (*уста*) брал в обучение ученика (*шогирд*). Учениками были только евреи, часто они жили в семье хозяина. Ученика брали обычно в возрасте 14 лет, он работал у хозяина полгода — год, не получая оплаты за труд. Когда ученик становился мастером, он преподносил своему хозяину халат в дар за обучение, устраивал угощение.

Красильные мастерские (*дӯкони кабудгар*) евреев находились главным образом в городах Самарканде, Бухаре, Маргелане, Кермине и Мерве, они

Окраска шелковой пряжи. Город Маргелан

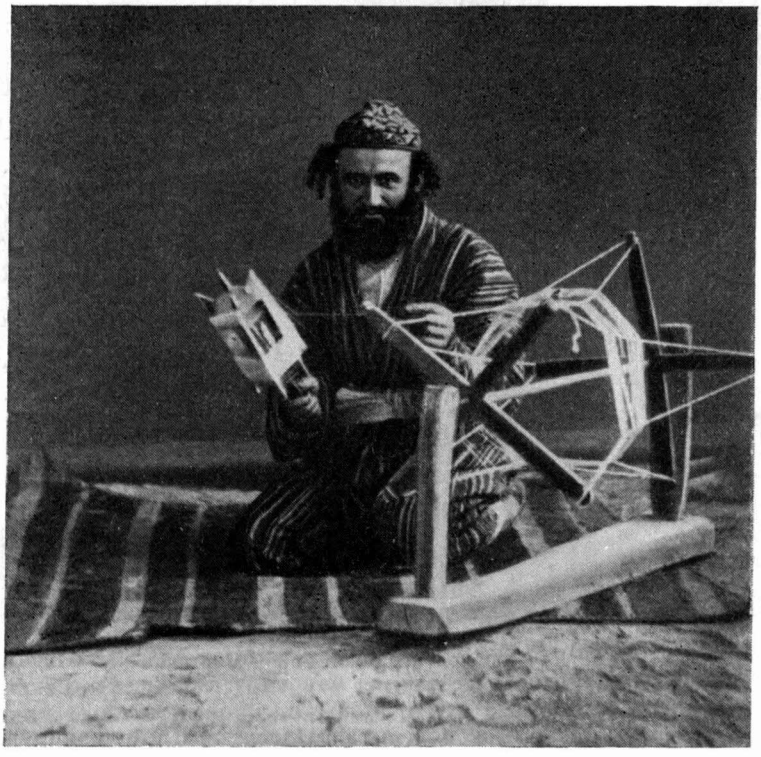
располагались при домах мастеров, но в дальнейшем помещения для мастерских начали снимать и за пределами квартала.

Процесс крашения был примитивен. Основной принадлежностью мастерской красильщика были глиняные корчаги (*хум*), высота которых достигала 1,5 м, а диаметр 70 см. Хумы эти вмазывались в пол мастерской почти на всю их высоту. Число хумов в мастерских было различно, но обязательно — четное. В небольших мастерских было четыре хума, в больших до 32. На 32 хумах работало три-четыре человека. Между четырьмя хумами в земле устраивался очажок (*танӯрча*), которым в теплую погоду не пользовались, а в холодную его плотно набивали мякиной, шелухой риса, зажигали сверху и огонь постепенно распространялся вниз, согревая раствор краски в хумах.

Краску индиго (*нил*) в виде твердых комьев привозили обычно купцы из Пешавера (*нили пешоварӣ*). Вначале краску заливали кипятком в ведрах, спустя день-два ее выкладывали в котел (*дег*), где разминали камнем (*ҳайроҳ*), затем наливали в котел воду. Перед тем как влить раствор краски в хум, туда засыпали гашеную известь (*оҳак*), поташ (*ишқор*) и около 400 г сушеных ягод шелковицы. Раствор краски в хуме перемешивали палкой (*ходаи хумқовак*) пять-шесть раз в день. Готовность раствора определялась по внешнему виду (появление пузырьков на поверхности), по цвету, хороший мастер определял степень готовности по запаху и по мере надобности добавлял поташ. Краской индиго окрашивали шерстяную, хлопчатобумажную и шелковую пряжу. Перед окраской пряжу кипятили в воде.

Заказчиками в красильных мастерских были главным образом ткачи, изготовлявшие хлопчатобумажные и шелковые кустарные ткани, реже ковроделы, приносившие в окраску шерстяную пряжу.

Переход среднеазиатских евреев к земледельческому труду начался вскоре после установления Советской власти. Интенсивное землеустройство евреев происходило при проведении в Средней Азии земельно-водной



Перемотка шелка. Город Самарканд. 1872 г.

реформы. Вначале евреи организовали несколько сельскохозяйственных товариществ, а в дальнейшем объединились в колхозы. Так, в 1929 г. еврейские колхозы возникли в ряде районов Самаркандского, Зеравшанского, Ташкентского, Бухарского, Ферганского, Андижанского и Ходжентского округов Узбекистана, т. е. в местах расселения среднеазиатских евреев. Колхозы объединили около 1000 еврейских семей. Основное направление хозяйства этих колхозов — производство хлопка, винограда, овощей. С течением времени эти колхозы укрупнялись, сливаясь с узбекскими.

Вовлечение среднеазиатских евреев в промышленное производство и в промысловую кооперацию получило очень широкое развитие вскоре после установления Советской власти в Средней Азии. Переход к труду в промышленности, фабрично-заводской и кустарной, был менее сложен, чем переход к земледелию, так как ремеслами евреи занимались и до революции.

Среднеазиатские евреи работали главным образом на шелкомотальных, текстильных, швейных фабриках, на хлопкоочистительных, маслобойных, гренажных, кирпичных и других заводах, а также в кустарнопромысловых артелях. С ростом промышленности в среднеазиатских республиках все более возрастает и количество рабочих-евреев, занятых на промышленных предприятиях. Характерно, что бóльшую часть промышленных рабочих-евреев составляют женщины.

Среднеазиатские евреи, получившие при Советской власти возможность учиться в средних и высших школах, работают во всех областях народного хозяйства и культуры — педагогами, инженерами, врачами, агрономами и др.

Работница-еврейка на шелкомотальной фабрике «Худжум» в г. Самарканде

Жилище

Среднеазиатские евреи жили исключительно в городах, причем в русских владениях — в старой части города. Селились они компактной массой, образуя отдельные кварталы. По-видимому, первоначально евреи жили в пределах и мусульманских кварталов. Так, еврейский квартал в Самарканде возник в 1843 г., когда группе евреев правителем самаркандского вилайета был продан участок земли в восточной части города за 10 тыс. серебром.

Крупные обособленные еврейские кварталы (*маҳалла*) были лишь в Самарканде и Бухаре. В Кермине, Шихрисябзе, Хатырчи, Панджшамбе, Катта-Кургане и Маргелане у них были более мелкие кварталы *гузар* — с синагогой; в остальных городах Средней Азии евреи жили вместе с мусульманами, однако и здесь была тенденция селиться компактной группой домов.

С начала XX в. еврейская буржуазия начала приобретать дома в новой части городов в русских владениях и переселяться за пределы еврейских кварталов.

Еврейский квартал в Бухаре состоял из трех частей — *Маҳаллаи кӯҳна*, *Маҳаллаи нав* и *Амиробод*. Первая из них — самая старая часть еврейского квартала — образовалась, вероятно, до XVI в., самая новая часть — Амиробод — возникла впоследствии в результате исключительной перенаселенности первых двух. В Самарканде еврейский квартал занимал около 30 га и состоял из 12 участков, не имевших особых названий. Дома, как и у мусульман, выходили на улицу глухой стеной. Улицы и переулки были немощеные (мостили лишь центр квартала), узкие и кривые. В квартале было несколько водоемов (*ҳавз*), которые снабжались водой из арыков, проходящих через дворы и по улицам. В некоторых усадьбах были колодцы. В квартале был небольшой базар, где торговали продуктами питания; особенно оживленной была торговля по пятницам, когда бывал подвоз из окрестных кишлаков. Магазинов в квартале не было

В еврейских кварталах до Октябрьской революции жили одни евреи. После революции евреи начали селиться и за пределами квартала, в новой

части города, где до революции жили только богачи, а в больших еврейских кварталах стали селиться и представители других национальностей.

Жилища евреев в основном были такого же типа, как и у их соседей таджиков, узбеков, лишь с некоторыми отличиями. Так, у среднеазиатских евреев не было деления дома на женскую и мужскую половины.

Обычно жилые помещения были каркасными, глинобитными или из сырцового кирпича, с глиняными плоскими крышами. Дома строили без окон, свет в помещение проникал через двери, которых в комнате было несколько, и через деревянные или алебастровые решетки (*тобадон*), устроенные над дверью. Пол, как правило, был земляной или кирпичный. Дом состоял из одной или нескольких жилых комнат. В домах богатых неразделенных семей жилых комнат было довольно много. При жилой комнате обычно имелись сени (*даҳлез*), в которых снимали обувь. Там же находился водосток (*тушнук*) и стояли принадлежности для умывания (*офтоба ва ташток*). Пол комнаты устилали циновками (*бурьё*), а поверх циновок войлоком (*намад*) или паласами (*шолча*), в богатых домах — коврами (*қолин*). В стенах жилых помещений имелись ниши, куда складывали одеяла, там же стояли сундуки, в которых хранилась одежда.

В комнате был очаг для обогревания (*сандалӣ*), возле которого зимой собиралась вся семья и здесь же вокруг него на полу спали на одеялах, протянув ноги к сандали.

Из мебели у среднеазиатских евреев был только стол на невысоких ножках (*шуиҳон*), за которым принимали пищу, сидя на полу. Обычно за шулхоном ели только по субботам и в праздничные дни, в будни же ели на полу, расстилая на нем скатерть (*дастархон*). Самая большая комната в доме (*хонаи калон*) считалась парадной, она была более высокая, обычно в ней не устраивали сандали; в богатых домах стены хонаи калон украшали росписью. Обязательной частью дома была открытая с одной или двух сторон веранда (*айвон*), на которой семья жила в летнее время. При жилом помещении был чулан (*қаноқ* или *қазноқ*), во многих домах имелись подвалы (*тагхона*), где хранились овощи, фрукты, виноград, подвешиваемый на зиму на балки, а также вино.

Как правило, в едином комплексе с жилым помещением были и хозяйственные постройки: кухня (*ошхона*), кладовая для топлива (*ҳезумхона*), кладовая для угля (*ангиштхона*), хлев (*говхона*). В домах богачей имелись конюшни (*аспхона*).

В кухне обычно устраивали печь для выпечки хлеба (*танӯр*) и несколько очагов (*оштон*) разных размеров для варки пищи, кипячения чая и пр. В стенах кухни имелись отверстия для выхода дыма (*мӯрӣ*), а в потолке над тануром был устроен дымоход (*ҳаштак*). Дома освещались светильниками в виде фитилей из ваты, погруженных в плошки с растительным маслом (*чароғ*), свечами (*шамъ*) и керосиновыми лампами (*чароғи лампа*).

Дворы обносили глинобитными заборами, вдоль которых шли постройки. Во дворе иногда устраивали глинобитное возвышение (*суфа*) и обычно сажали деревья и разводили цветник. Беднота большей частью не имела собственных домов и жила в арендованных (по нескольку семейств в одном доме) или же в общественных домах, построенных на средства общины (*хонаи ҷамоатӣ*).

После присоединения к России и начавшегося общения с русскими в еврейских кварталах в Самарканде, а также в других городах богачи стали строить двухэтажные дома из жженого кирпича. В некоторых домах появились окна с двойными рамами, выходящие на улицу, голландские печи, деревянные полы, железные крыши, двускатные или односкатные.

После революции совершенно преобразился вид средневековых еврейских кварталов. Улицы в них замостили или асфальтировали, озеленили, осветили электричеством. По внешнему облику эти кварталы не отличаются от других частей города. В настоящее время строят дома общепринятого типа, для отопления их служат плиты и печи. Дома радифицированы, обставляются мебелью: приобретаются кровати, шкафы, столы, стулья, приемники, холодильники, электроприборы.

Наряду с новыми жилищами много жилищ переходного типа, обычно это старые дома, которые перестраивают, вводя в них некоторые изменения. При домах часто сохраняются кухни старого типа, которыми пользуются обычно летом.

Одежда

Мужской костюм в прошлом состоял из длинной рубахи (*курта*) и штанов (*эзор*). Рубахи шили прямого покроя, либо с горизонтальным, либо с вертикальным разрезом и с завязками (*камарча*), либо только с прорезом для головы; рубаха последнего фасона была наиболее старинной. Материалом для рубахи служил ти[illegible] (*тики қаламӣ*), а в дальнейшем бязь или более тонкие фабричные хлопчатобумажные ткани. Незадолго перед революцией начали носить рубахи с воротником (высотой 1—1,5 см) и с застежками на пуговицах.

Штаны шили с широкой мотней, на вздержке (*қӯр*) у пояса, из той же ткани, что и рубахи. Зимой поверх рубахи надевали стеганную на вате куртку (*гуппича*) и халат на вате (*ҷомаи пахтанок*) или халат на подкладке (*ҷомаи астарнок*). Летом поверх рубахи носили халат без подкладки (*яктак*). Халаты в зависимости от благосостояния семьи и назначения шили из различных тканей. Богатые носили зимние халаты из драпа, кастора (*ҷомаи мовут*), верблюжьего сукна (*ҷомаи қоқма*), летние — из местного шелка (*ҷомаи ҳисорӣ, ҷомаи адрас*) или привозного, бедные шили халаты чаще всего из ситца или сатина с цветами (*сатини гулдор*). В начале XX в. ватную куртку стал вытеснять камзол (*камзӯл*) однобортный или двубортный, с низким стоячим воротничком, на застежке. Праздничные халаты и камзолы шили из более дорогих тканей.

Обувь состояла из кожаных туфель (*кафш*), зимой носили мягкие сапоги (*маҳсӣ*) и кафши, ноги обматывали портянками, шерстяными и хлопчатобумажными (*пайтоба*). Позже появились мягкие сапоги и кафши из лакированной кожи (*кафшу маҳсии амриконӣ*).

Мужской головной убор среднеазиатских евреев существенно отличался от головных уборов других народов Средней Азии и представлял собой круглую шапку из каракуля с бархатным верхом (*телпаки қарокӯлӣ*), под этой шапкой носили тюбетейку (*каллапӯш, тӯппӣ*). Зимой вместо каракулевой шапки надевали шапку на меху, отороченную лисьим мехом, с бархатным или каракулевым верхом (*телпаки камчатӣ*) или баранью меховую с узкой оторочкой (*телпаки пӯсти баррагӣ*), распространенную и у других среднеазиатских народов.

Женская одежда состояла из нижней рубахи (*куйлакча*), верхней рубахи (*куртаи рӯ*, курта) и штанов (эзор). Нижняя рубаха была прямого покроя с вырезом на груди и завязками (камарча), с длинными рукавами; в настоящее время женщины старшего поколения носят нижние рубахи без рукавов. Нижние рубахи шили из кисеи (*дока*) и шелкового тонкого белого материала (калгай).

Женские штаны были длиннее мужских и шире внизу. В отличие от мужских, верх женских штанов (*болоӣ*) делали из более дешевой ткани, чем их остальную часть (*поҷома*), низ штанов обшивали тесьмой (*зеҳ, зеҳи поча*). Штаны шили из шелка, ситца, сатина, зимой — из бумазеи.

Верхняя рубаха была прямого туникообразного покроя, длиной до лодыжек, с прямыми пришивными широкими рукавами, с разрезом на груди и невысоким стоячим воротником с застежкой. Рубахи шили обычно

Женщины и дети в национальной одежде. Город Самарканд. 1902 г.

из ситца, более состоятельные — из местных шелковых тканей, расцветка тканей варьировала соответственно возрасту. Распространены были ткани в узкую полоску и с узором в виде разводов и цветов. Зимой под верхнюю рубаху надевали стеганную на вате одежду, которая была короче нижней рубахи. Поверх рубахи носили стеганный на вате камзол. Камзолы шили всегда на подкладке, с узкими рукавами, на застежке; полы камзола обычно не находили одна на другую; впоследствии камзолы стали шить в талию.

Праздничный костюм довершала еще особая верхняя одежда (*калтача*) без воротника, с рукавами, полы ее не сходились и, так же как подол, обшивались тесьмой. Одежда эта обычно была ниже колен, ее шили из шелка и парчи. Такого же типа траурную одежду шили из темной полосатой алачи.

Поверх верхнего платья надевали также безрукавку (*ҷелак*, *ҷелакча*), которую чаще всего носили девочки и молодые девушки.

Женская обувь состояла из кожаных туфель, которые надевали на босу ногу. Были простые туфли и нарядные, расшитые золотом (*кафши заррин*). Зимой носили мягкие сапоги, в начале XX в. в состоятельных семьях большое распространение получили расшитые сафьяновые сапожки, которые привозили из Казани.

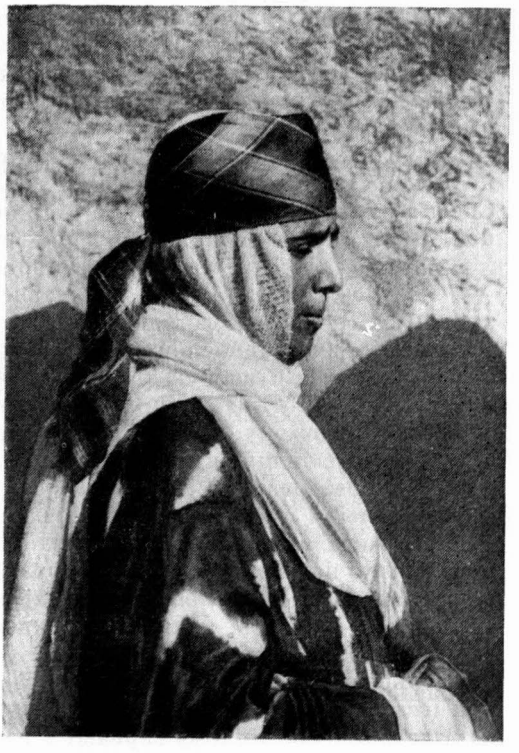
Головной убор различался в зависимости от возраста женщины. Замужние женщины повязывали на лоб платок (*рӯмоли фаранӣ*), который иногда разрезали на две части по диагонали; поверх налобного платка покрывались другим, концы которого завязывали на шее сзади. Эти платки были вязаные, либо из пуха (*рӯмоли пат*), либо из крученых бумажных ниток (*рӯмоли ресмонӣ*). Широкое распространение имели платки из тюля, расшитые металлическими блестками (*рӯмоли тӯри ойнача* или *рӯмоли пулакча*).

Старухи носили под платком шапочку с накосником (*кулӯта*). Замужние женщины в старину после рождения первого ребенка (особенно в период кормления грудью) ходили в особом головном уборе из белой кисеи (*лачак*), частью которого был кусок ткани, свешивающийся под

подбородком. Но уже к началу XX в. такой головной убор носили только старухи, которые поверх него повязывали налобный платок.

Девочки и молодые девушки ходили в тюбетейках из одноцветного бархата, иногда расшитых бисером, которые назывались *тӯппии нугай* или *тӯппии тошкандӣ*. В богатых семьях у девушек были расшитые золотом шапочки (*арақчин*) нескольких видов, носили их наподобие пилотки. Шапочки из черного бархата, расшитые золотом, назывались *арақчини авгонӣ*, что указывает на их происхождение.

Старые женщины переплетали волосы полосами белой кисеи (*мӯйбоф*), чтобы не было видно волос. Пожилые женщины заплетали волосы в две косы, молодые женщины и девушки — в мелкие косички, такая прическа называлась *мӯи қаландарӣ*. В косы вплетали подвески (*тӯф*) из черных нитей с кисточками из золотых ниток.



Женщина в национальном головном уборе. Город Самарканд. 1902 г.

Наиболее распространенными женскими украшениями были кольца (*ангуштпона*), серьги (*ҳалқа*), обычно с подвесками, браслеты, золотые и серебряные (*дастпона*), а более старинные — из кораллов и бус, нанизанных на нитку вперемежку с серебряными листочками. Вплоть до самой Октябрьской революции украшением служило носовое кольцо (*арабак*) или его разновидность — серьга в носу (*холаки бинӣ*). Нагрудными украшениями были ожерелья с подвесками (*ҷандарҳол*), нити бус вперемежку с серебряными или золотыми бляшками (*калмола*). На уши надевали золотые украшения в виде завитка (*каҷак*). Обычно все эти украшения, кроме серег, колец и браслетов, надевали только по торжественным случаям — в праздники, на свадьбу и пр.

Среднеазиатские еврейки дома лица не закрывали и мужчин евреев не избегали, но, выходя на улицу, надевали паранджу (*фаранҷӣ*) и закрывали лицо волосяной сеткой (*чашмбанд*), а молодые женщины и девушки — белой кисеей или тонкой шелковой тканью. В новой части города, где жили русские, многие сняли паранджу. После революции все еврейки сбросили паранджу.

После присоединения Средней Азии к России богатые евреи и члены их семей начали одеваться в общепринятое городское платье. Мужчины носили костюмы, галстуки, крахмальные воротнички, но в праздники поверх костюмов надевали шелковые халаты. В быт среднеазиатских евреев стали постепенно проникать такие предметы, как чулки, носки. Беднота по-прежнему носила одежду, сходную с таджикской и узбекской.

В настоящее время старый костюм почти повсеместно вытесняется костюмом общепринятого городского типа. Однако старики еще одеваются по-старому, иногда совмещая новые предметы одежды со старыми, например, носят брюки и камзолы. Костюм пожилых женщин под-

вергся меньшим изменениям. Сохраняются еще старые покрои верхнего платья и способ повязывания платков, но все уже носят чулки и обувь городского фасона. Появились платья переходного фасона — с выточками от плеч, со вшивными рукавами, которые иногда собирают на резинку (*остини нугаӣ*).

Молодежь и лица среднего возраста одеваются по-городскому, носят костюмы, платья, пальто, нижнее белье и др. современных фасонов. Среди молодых женщин широко распространены платья с отрезной кокеткой узбекского фасона.

Пища

На состав и приготовление пищи у среднеазиатских евреев до недавнего прошлого сильное влияние оказывали религиозные запреты, в силу которых нельзя было смешивать молочную пищу с мясной. Вся посуда строго делилась на молочную (*чоӣ* или *ширӣ*) и мясную (*ошӣ*). Запрещалось употреблять в пищу мясо некоторых животных (например, свинину, конину, верблюжатину).

Пища в богатых семьях среднеазиатских евреев была разнообразна, они приготовляли блюда, распространенные повсеместно в Средней Азии и своеобразные, присущие только среднеазиатским евреям: *чалов* (разновидность плова с подливой), *оши пораkарда* (рис с ломтиками отваренного мяса и моркови), *сирkаниз* (блюдо, приготовляемое на жиру из риса, мелко нарезанного мяса, гороха и заправленное ломтиками чеснока, обжаренного в масле), *оши моҳӣ* или *шурбомоҳӣ* (фаршированная рыба, уха), *бахш* (из риса, мелко нарезанного бараньего сала, печенки, мяса, заправленного петрушкой).

Большое распространение имели и мучные изделия: пирожки с начинкой (*самбӯса*), сдобные лепешки, печенье, блины, жаренные в масле (*чалпаk*), а также различные варенья и патока из виноградного сока (*шиннӣ, кома*). Большое место в пищевом рационе летом занимали фрукты и овощи, широкое распространение имели маринады. Хлеб прежде выпекали в виде лепешек, обычно раз в неделю (в пятницу или четверг).

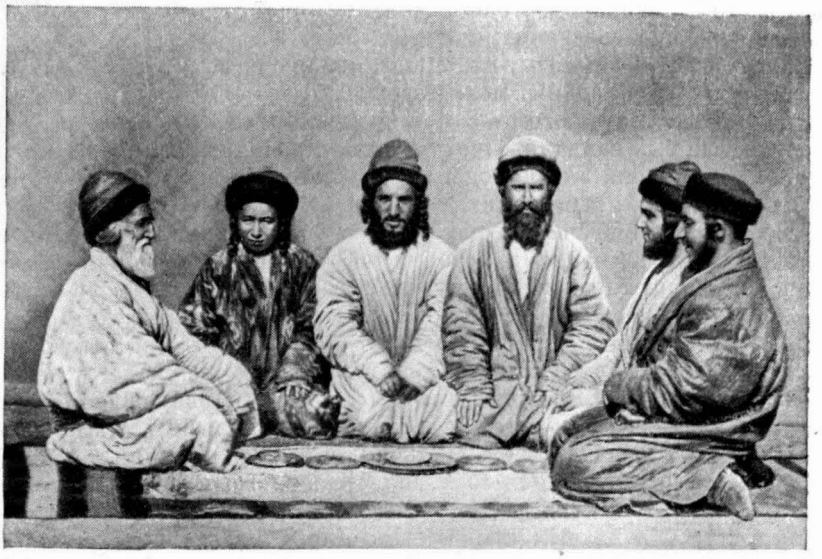
Религией евреям разрешалось и даже предписывалось употребление вина (*майо*) и водки (*араk*). Вино из винограда приготовляли примитивным домашним способом. До прихода русских водку изготовляли обычно из отжимок винограда и кишмиша, иногда из сушеных тутовых ягод — в котле или путем перегонки.

В бедных семьях основными продуктами питания являлись хлеб, маш, овощи, хлопковое масло; рис и мясо ели очень редко. Молочные продукты не занимали большого места в рационе.

В настоящее время в быту среднеазиатских евреев наряду с традиционными блюдами большое место занимают общепринятые у русских и других народов кушанья, а также продукты, приобретаемые в магазинах: мучные, кондитерские изделия, сливочное масло, макароны, консервы, колбасы. Религиозные запреты постепенно изживаются, и лишь престарелые и некоторые пожилые люди соблюдают предписания религии в отношении пищи.

К ритуальной пище у среднеазиатских евреев относится маца, которая в течение пасхальной недели употребляется вместо хлеба. Выпекание мацы связано с различными религиозными обрядами и запретами. К празднику пурим (*пурийо*) приготовляется обрядовое печенье *самбӯсаи пурийоӣ*, пирожки квадратной формы из тонко раскатанного теста с мясной начинкой, обжаренные в масле; *кулчаи ҷандин, леках* — печенье разнообразной формы (ромбовидное, круглое) из пресного сдобного теста, сверху оно обычно посыпается маком. На тесте иногда делают изображение человека, олицетворяющего легендарного Гамана. В день пурим посылают друг другу подносы (*лаълӣ*) с этим печеньем.

В прошлом у евреев была особая посуда, которой пользовались только на праздник пасхи (*писҳоӣ*).



Еврейский свадебный обряд (сватовство). Город Самарканд. 1871 г.

В настоящее время в быту широко распространена покупная фабричная чайная и столовая посуда, ложки, вилки, кастрюли; до Октябрьской революции такой утварью располагали только богатые.

Семейный быт

В семейных отношениях среднеазиатских евреев в прошлом господствовал патриархальный уклад. Довольно широко сохранялись большие неразделенные семьи; женатые сыновья во всем зависели от отца, который распоряжался расходами по хозяйству. Все питались из общего котла, отдельные семейные пары имели особые помещения. Работами по дому управляла свекровь, которой подчинялись невестки. С начала XX в. все чаще стали случаи выделения из общего хозяйства женатых сыновей.

Женщина пользовалась сравнительно большей свободой и правами, чем у мусульман. Но, не участвуя в производительном труде, она целиком зависела в девичестве от отца, а в замужестве от мужа и его родителей. Иудаизм, как и другие религии, рассматривал женщину как существо низшее в быту это выражалось в пренебрежительном, зачастую грубом обращении с ней. Девочек редко учили грамоте, сыновей в семье больше баловали и любили, чем дочерей, поскольку сын в будущем становился опорой родителей и со временем кормильцем. Кроме того, сын после смерти родителей читал по ним заупокойную молитву (*кадиш*): до первой годовщины — ежедневно, а в дальнейшем в каждую годовщину. Если сыновей не было, то кадиш могла читать дочь, но только до наступления половой зрелости.

Бесплодие женщины считалось несчастьем, в котором винили женщину. Существовало много способов, как магических, так и имеющих лечебный характер, применявшихся женщинами в случае бесплодия, в значительной степени распространенных также у соседних узбеков и таджиков. Если у женщины не было детей, то, по предписаниям религии, муж должен был ждать десять лет, после этого он имел право развестись с ней. Иногда с согласия жены мужчина брал в дом вторую жену, но вообще многоженство у евреев не было распространено.

В первый период беременности мать женщины присылала ей *гудоишона*, т. е. кушанья, удовлетворяющие прихоти беременной. На девятом месяце

мать вела ее к повивальной бабке (*доя*), которой относили угощение, и та принимала ее под свою опеку.

На всех стенах комнаты, где происходили роды, развешивали бумажные таблички со словами молитв (*чордевомӣ* — четырехстенные). Роды происходили на полу, летом в самой большой прохладной комнате, зимой в комнате, где был сандали. Повитуха массировала, разминала живот роженицы, затем ее катали по одеялу, на котором она лежала (*кӯрпагардон*); для усиления потуг заставляли роженицу дуть в бутылку. Применялись и различные магические действия: спускали воду по желобу, поили роженицу водой из чаши, в которую опускали две серебряные монеты, вращали над животом чашку с мукой или петуха.

Во время родов к роженице входили лишь те женщины, которые легко рожали и у которых дети не болели и не умирали. Радостную весть о рождении ребенка отцу сообщала повитуха, за что получала от него подарок или вознаграждение деньгами (*севанчӣ*). Новорожденного, если это была девочка, обычно в тот же день клали в колыбель, на которой кололи сахар и им угощали всех. Мальчика в колыбель клали после обрезания (*мисво*, *мило*), которое производилось на восьмой день. Обычно ребенка до положения в колыбель нянчила в богатых семьях специально нанимаемая няня, а в бедных семьях — кто-либо из старших родственниц.

Наречение имени дочери совершалось в синагоге, сыну давали имя одновременно с обрезанием. Выбор имени иногда связывался с месяцем, в который родился ребенок, например Нисан по названию месяца нисан. Часто детей называли по именам умерших родственников. Близнецам, если это были мальчики, давали имена Сосун и Симхо, что в переводе означает Веселье и Радость, а девочкам — Лио и Рохель, Билхо и Зилпо [1], Эстер и Малко [2]. Если дети не выживали, вновь родившимся давали не еврейские имена, а часто, как у узбеков и таджиков, означающие пожелание долгой жизни (Бако — вечный, Истам — да останусь и т. п.).

На восьмой день после родов повитуха вела роженицу с ребенком в баню, где тело ее обтирали настоем шафрана (*зарчӯва*) на водке.

Детская смертность в еврейских кварталах была велика, поэтому были распространены магические обереги, близко напоминающие бытовавшие у соседних узбеков и таджиков. Младенцам нередко прокалывали ухо и вдевали серьгу; впоследствии эту серьгу снимали на мазаре (мусульманском), устраивая там богатое жертвоприношение.

В настоящее время женщины рожают в родильных домах, в дальнейшем пользуются услугами детских консультаций. В связи с этим детская смертность очень снизилась. Среди евреек много счастливых многодетных матерей, носящих почетное звание Матери-Героини.

Положение в колыбель (*гаҳворабандон*) торжественно обставлялось только по отношению к первенцу. И колыбель, и все нужное для ребенка из одежды и постели дарила бабушка, мать матери. Устраивали угощение, одаривали няню и повитуху. Когда ребенку исполнялось три-четыре месяца, ему состригали ножницами ногти (*нохунгирон*). Прежде чем состричь ногти, ручку ребенка опускали в муку, из которой затем приготовляли пельмени и угощали ими родных. Волосы впервые состригались годовалому ребенку, по этому поводу также устраивалось торжество (*мӯйсаргирон*). Остриженные волосы бережно собирал и прятал дед ребенка.

С четырех-пяти лет детей, преимущественно мальчиков, отдавали в старометодную религиозную школу. При поступлении ребенка в школу учителю преподносился подарок, богатые одаривали отрезом ткани. По пятницам каждый ученик приносил учителю лепешку. Мальчик в 13 лет

[1] По именам библейских жен Иакова сестер Лио и Рохель и рабынь их Билхо и Зилпо, которые также были женами Иакова.

[2] В память царицы Эстер, одной из жен персидского царя Артаксеркса; имена образовались из расчленения сочетания Малко Эстер (Малко < малика — царица).

Жених и невеста в свадебной одежде

считался совершеннолетним. Достижение совершеннолетия отмечалось особым религиозным обрядом *тифилинбандон*, на мальчика впервые надевали ритуальные атрибуты — *тифилин* и *талес*.

В старину брачный возраст определялся для юношей в 15—16 лет, для девушек в 12—13 лет. С присоединением края к России было установлено, что девушек можно выдавать замуж только с 14-летнего возраста, но это предписание часто обходили.

У среднеазиатских евреев, так же как и у таджиков и узбеков, иногда совершалась помолвка детей еще в колыбели (*гаҳворабахш*). Устный договор родителей скреплялся денежными вознаграждениями повитухе, принимавшей девочку, и подарками со стороны отца сына, посылаемыми в дом отца дочери. Считалось, что нарушение договора приносило несчастье виновному в этом.

Широко были распространены кузенные браки; запрещались браки только между кровными родственниками, а также женитьба на тетках как со стороны матери, так и со стороны отца.

Родители жениха, выбрав для своего сына невесту, засылали свата (*хостгор*) к родителям девушки.

Свадьба, как правило, состояла из двух основных этапов: предварительного соглашения — помолвки (*ширинхӯрӣ*) и собственно бракосочетания (*ҳидуш*). Между этими двумя актами мог пройти довольно долгий срок, обусловленный либо возрастом жениха и невесты, либо невозможностью отпраздновать свадьбу по случаю траура в связи со смертью кого-либо из родственников жениха или невесты.

При помолвке устраивалось угощение. Раввин или кто-либо из стариков поздравлял отца невесты с помолвкой и раздавал сахар присутствующим. Отцы поздравляли друг друга, приглашенные читали молитву. Оставшиеся сласти родители невесты рассылали родным, тем самым оповещая о состоявшейся помолвке.

После помолвки совершались обряды, предшествующие бракосочетанию, каждый в определенный день недели, считавшийся счастливым для проведения данного обряда: *ҳудобинӣ* — встреча родителей жениха и

невесты, *рӯбинон* — смотрение лица невесты. Во время рубинона происходило и первое свидание жениха с невестой.

В период между первым свиданием и свадьбой жених систематически посещал дом невесты. Он иногда ночевал в ее доме и виделся с ней тайно от родителей. Обычай тайных свиданий жениха с невестой носит название *бахшидабозӣ*. Жених приходил в дом невесты обычно в дни новолуния, по субботам и по праздникам. В эти дни он приносил невесте подарки.

В субботу перед бракосочетанием в доме невесты проводилось празднество, называемое *таҳзанон*, — осмотр приданого невесты. Вечером устраивался девишник — *шаби духтарон*, на который приглашались подруги невесты; иногда на девишнике присутствовал жених с друзьями.

В воскресенье невесту вели в баню (*ҳаммомбарон*), а затем ей впервые подправляли брови (*қошчинон*) и особым способом при помощи нитки снимали волоски с лица (незамужним подправлять брови не полагалось). Связанные с этими событиями угощения оплачивались женихом. В понедельник у невесты устраивалось угощение по поводу окраски рук хной (*ҳинобандон*), на которое приглашались только женщины.

Во вторник накануне дня бракосочетания оформлялся брачный договор — *ктуво*. Текст этого договора составлялся на древнееврейском языке, на родном языке перечислялся состав приданого с указанием стоимости каждой вещи. Там же указывался размер калыма, выплачиваемого женихом отцу невесты.

Этим договором обеспечивалось в будущем состояние жены в случае смерти мужа или развода. Как правило, приданое (*ҷихоз*, *ҷези*) по стоимости во много раз превышало выкуп за невесту (*қалин*), который состоял из крупной суммы денег, примерно от 500 тенег и выше, и подарков невесте — отрезов на платье. У бедных людей калым тратился отцом невесты на расходы по свадьбе. Обычно калым вручался отцу невесты до свадьбы, а если родители невесты были состоятельными, то во время составления ктуво.

Однако бывали случаи, когда вносили большой калым, а приданого за невестой не брали, особенно если сватались евреи, жившие вдали от Самарканда и Бухары, например в Гиссаре.

Обычно в среду, которая считается наиболее благоприятным днем недели (по поверью, в этот день было сотворено солнце), в доме невесты происходило бракосочетание. Ее родители устраивали угощение, приходило много гостей, приглашались музыканты и певцы.

Обряд бракосочетания происходил под балдахином (*хупо*), под которым невеста стояла покрытая платком, низко сдвинутым на лицо, жених надевал на палец невесты кольцо или вручал ей серебряную монету. Прежде чем надеть кольцо, жених обязательно должен был посмотреть на невесту, с лица которой в это время кто-либо из родных приподнимал платок. Это проделывалось для того, чтобы жених убедился, что с ним венчается именно та девушка, которую он сосватал. Затем жених и невеста читали молитву, духовное лицо произносило благословение и читало ктуво; при этом разбивали тарелку или чашку в знак памяти и печали о разрушении иудейского храма в Иерусалиме, а также, чтобы предохранить жениха и невесту от сглаза.

После бракосочетания невесту отправляли к жениху на лошади или в разукрашенном фаэтоне. Жених встречал невесту у своего дома и снимал с экипажа. При этом совершались различные обряды, частично аналогичные тем, которые выполняли таджики и узбеки. В тот же вечер начиналось празднество в доме жениха (*шаби занон*). В последующие семь дней также устраивались различные торжества.

До появления первого ребенка молодая не имела права ходить к своим родителям, лишь после рождения ребенка она начинала посещать дом родных; первое посещение называлося *повокунон*.

Современная свадьба. Город Самарканд. 1957 г.

Свадебные торжества (*тӯй*) влекли за собой большие расходы, но отступление от правил порицалось и духовенством и членами всей еврейской общины, поэтому весь свадебный церемониал выполнялся неукоснительно. Менее торжественно обставлялась женитьба на вдове.

Разведенная женщина могла выйти замуж только спустя 90 дней после развода. Если она оставалась с грудным младенцем, то вступление в брак разрешалось лишь после того, как ребенку исполнялось 24 месяца. Женщина после смерти мужа, если у нее не было детей, обязана была выйти замуж за брата покойного мужа. Освободиться от необходимости выхода замуж за деверя вдова могла только за большой откуп и пройдя унизительный обычай разувания деверя.

В настоящее время многочисленные обременительные свадебные обряды постепенно уходят в прошлое; свадьбы устраиваются с регистрацией брака в ЗАГСе и отмечаются большим семейным торжеством в доме жениха или невесты, на которое приглашаются родные, знакомые, товарищи по работе.

В погребальных обрядах среднеазиатских евреев сохранились пережитки древних верований и поверий, отражающие установления как иудаизма, так и мусульманства, а в известной мере анимистические представления. Так, например, существовала погребальная песнь *шоҳхисейн* (шах Хусейн), связанная с оплакиванием имама Хусейна, сына Алия, почитаемого последователями шиитского толка; это указывает на связь среднеазиатских евреев с Ираном. Если умирал молодой человек — юноша или девушка,— то вокруг носилок с умершим кружились под звуки бубна. Подобные пляски около покойника совершались у таджиков в отдаленных горных районах.

Культура

После Октябрьской революции, когда началась интенсивная работа по коренному преобразованию экономического уклада, особенно активизировалась и культурно-просветительная деятельность. Первоначально вместо дореволюционного самоуправления общины возникли еврейские общественные комитеты, ве-

Фрида Матвеевна Пинхасова, заслуженная учительница Таджикской ССР

давшие делами общины. В Самаркандском еврейском квартале такой комитет был организован в 1920 г. В круг деятельности комитета входило проведение всех мероприятий Советской власти, направленных на поднятие политического, культурного и материального уровня населения: открытие школ, театров, аптек, больниц. Еврейский комитет в Бухаре с отделениями в Керках, Чарджоу, Шахрисябзе, Кермине и Хатырчи, в отличие от Самаркандского, имел в своем составе раввина, и деятельность его носила характер компромисса между старым и новым. У евреев городов Бухарского ханства реакционные силы и пережитки были более живучи, чем у евреев, находившихся в русских владениях. В Самарканде, где численность евреев была выше, чем в других городах Средней Азии, и где они жили компактной массой, сразу с установлением Советской власти коммунисты-евреи в числе нескольких сот человек образовали низовую организацию Российской коммунистической партии (большевиков), территориально размещавшуюся в еврейском квартале.

В еврейских кварталах организовывались курсы по подготовке учителей и открывались школы, которые постепенно вытесняли религиозные школы. В 1922/23 г. преподавание стало вестись на родном языке среднеазиатских евреев. В 1928 г. в основу письменности взамен древнееврейского был положен латинизированный алфавит, отражавший состав фонем разговорного языка среднеазиатских евреев.

Однако в дальнейшем среднеазиатские евреи приняли общетаджикскую письменность, поскольку, как отмечалось, их язык является по существу диалектом таджикского языка. Это мероприятие способствовало массовому вовлечению молодежи в школы и другие учебные заведения.

В настоящее время еврейская молодежь вместе с молодежью братских народов Советского Союза получает общее и специальное образование в многочисленных школах, техникумах и вузах республик Средней Азии. Как правило, молодежь обучается в русских школах, но значительная часть детей учится и в таджикских.

Число среднеазиатских евреев, получивших высшее образование, довольно велико. Среди среднеазиатских евреев имеется много кандидатов и несколько докторов наук—М. Софиев, Ю. Исхаков, С. М. Юсупова.

Среди старейших работников в области просвещения есть и заслуженные учителя как Таджикской, так и Узбекской ССР, например Ари Авезов, Ачил Аронов (Бухара), Фрида Пинхасова (Душанбе) и др.

Первые лечебные учреждения — больницы, амбулатории, аптеки — появились в еврейских кварталах после Октябрьской революции, в 1920 г.

С тех пор сеть медицинских учреждений и охват ими еврейского населения неуклонно расширяются.

На территории бывшего еврейского квартала в г. Самарканде расположено много лечебных учреждений — амбулатория, родильный дом и др. Медработниками проводится большая работа по лечебной профилактике и различные мероприятия по охране здоровья трудящихся. Среди среднеазиатских евреев много врачей, а также медицинских работников средней квалификации. Заслуженными врачами Узбекской ССР являются М. Рубинов, Д. Калонтарова, Д. Исхакбаева и др.

Вовлечение женщин в производство и учебные заведения сопровождалось открытием большого количества детских учреждений — яслей, детских садов.

После Октябрьской революции в еврейских кварталах были организованы культурно-просветительные учреждения: клубы, библиотеки, красные чайханы и красные уголки.

Литература у среднеазиатских евреев в прошлом была в основном посвящена религиозным и библейским сюжетам, ее язык не отличался от того языка, на котором писали таджикские и персидские классики. Одним из таких произведений была поэма начала IX в. «Байди Худойдод», повествующая о мученичестве Худойдода — еврея из Бухары. Она получила известность в иранистике благодаря публикации акад. К. Г. Залемана. Среднеазиатским евреям были хорошо известны также и произведения ирано-еврейских поэтов, среди которых крупнейшими являлись Шохин из Шираза (конец XIII — начало XIV в.), Имрони, Рогиб. Эти произведения, равно как и произведения классиков персидско-таджикской литературы (Саади, Низами, Хафиза), транслитерировались буквами письма среднеазиатских евреев, представлявшего одну из разновидностей древнееврейского письма. В начале XX в. часть из них была издана типографским способом. Среди народа весьма популярными были газели поэтов-классиков, исполнявшиеся певцами, часто даже неграмотными, но знавшими их в устной традиции.

В советское время у среднеазиатских евреев появились свои поэты, прозаики и драматурги, зародилась литература, посвященная современной жизни среднеазиатских евреев, темам нового быта, труда и борьбы с религиозной косностью и пережитками прошлого. Современными поэтами являются Яхиель Акилов, Юнатан Кураев, Мордухай Бачаев, Якуб Хахамов, Пинхос Абрамов и др. Известны также драматурги Якуб Хаимов, прозаики Гавриэль Самандаров, Моше Ягудаев.

Фольклор среднеазиатских евреев во многом заимствован у их соседей — равнинных таджиков и узбеков. Национальная специфика проявляется в наличии сказов и притч на библейские сюжеты, имеются также пословицы и загадки, отражающие отдельные особенности быта евреев, отличающие их от соседей. В старое время в быту было широко распространено рассказывание сказок (*қиссагӯй*) и загадывание загадок (*қиссаёбак*), которое происходило в виде занимательной игры, особенно среди детей и женщин. Бытовали скороговорки (*тезгӯйак*), пословицы, песни; и в настоящее время часто употребляются в речи пословицы, поговорки, до сих пор также бытуют обрядовые песни, которыми сопровождаются свадебные церемонии и похороны.

Издавна у среднеазиатских евреев была развита музыкальная культура, высокого уровня достигало вокальное искусство. Музыка, мелодии заимствовались у таджиков и узбеков. Так, народные певцы-евреи (*ҳофиз*) славились как одни из лучших исполнителей классических мелодий *шашмақом*. Имена лучших дореволюционных певцов были известны по всей Средней Азии (Борухи Калхок, Левича Бобохонов, Юсефи Гург, Довидча, Беньёмин Кори и др.). Заимствованные мелодии относились к циклу светской музыки и исполнялись обычно на семейных торжествах

и праздниках для увеселения гостей; певцы исполняли их в сопровождении струнных инструментов (*дутор*, *тамбўр*) и бубна (*доира*). Были и свои национальные мелодии, которыми сопровождались религиозные песнопения и молитвы. Существуют также мелодии свадебных и других обрядовых песен, которые слагались самим народом, часто женщинами.

До Октябрьской революции среди среднеазиатских евреев почти не было профессиональных певцов, а тем более профессиональных певиц. Обычно на свадьбы не только еврейские, но и мусульманские на женскую половину приглашали женщин, которые умели петь и танцевать, их называли *созанда* — это были представительницы бедных семей, которые жили подачками, получаемыми на этих празднествах. Некоторые из таких созанда были очень популярны и приглашались в другие города.

Октябрьская революция дала возможность развиться и вырасти многим талантам в области вокального искусства. Традиции музыкального и вокального искусства получают широкое развитие. Пользуется успехом искусство народных певцов. Наиболее популярными народными певцами являются народные артисты Узбекской ССР братья Михоэль и Гавриель Мулакандовы, Михоэль Толмасов. Много талантливых певиц и певцов приходит на сцены оперных театров и филармоний со специальным консерваторским образованием.

Широкую известность в Узбекистане и Таджикистане получили композиторы С. Л. Юдаков, удостоенный Государственной премии за кантату «Мирзачуль», он же автор Государственного гимна Таджикской ССР, и М. Б. Левиев. Заслуженной популярностью пользуются певцы и музыканты: народная артистка Узбекской ССР Фатима Борухова; заслуженные артисты Узбекской ССР Ксио Давыдова, Михаил Давыдов, Сарра Самандарова, Маргарита Окилова, Авнер Бараев; народные артисты Таджикской ССР — Рена Галибова, Авнер Мулокандов и заслуженные артисты Таджикской ССР — Рафаил Толмасов, Юно Исхакбаев, Шоиста Мулоджанова, Барно Исхакова; народный хафиз Таджикской ССР— Нерья Аминов и др. Среди артистов драматических театров известны Марьям Якубова— народная артистка Узбекской ССР, Гульчера Бакаева — народная артистка Таджикской ССР и др.

После Октябрьской революции среди евреев появились художники. Известностью пользуются художники Ю. И. Елизаров (в Узбекистане), Д. Ильябаев, И. Абдурахманов (в Таджикистане) и др.

В области киноискусства известен заслуженный деятель искусств Таджикской ССР, лауреат Государственной премии кинорежиссер Бенцион Кимягаров.

Среднеазиатские евреи, на протяжении многих веков разделявшие исторические судьбы народов Средней Азии, и, несмотря на религиозные различия, воспринявшие многие черты быта, материальной и духовной культуры местного населения, в настоящее время в тесном содружестве с таджикским и узбекским народами участвуют в хозяйственной и культурной жизни республик Средней Азии.

БЕЛУДЖИ

Основная масса белуджей живет за пределами СССР, главным образом в Пакистане[1]. В Советском Союзе, по данным переписи 1959 г., насчитывается 7,8 тыс. белуджей. Почти все они живут в Туркменской ССР — в Иолотанском, Туркмен-Калинском и Байрам-Алийском районах Марыйской области.

Небольшое количество белуджей живет также в Таджикской ССР — в Пархарском, Колхозабадском и некоторых других южных районах. Белуджи Таджикской ССР утратили родной язык и говорят на одном из наречий таджикского языка, но сохраняют некоторые национальные особенности в быту, например отличия в жилище, узорное безворсовое ткачество.

Белуджский язык — балучи — принадлежит к северо-западной группе иранских языков. По звуковому составу он близок к среднеперсидскому языку. Описанные до сих пор белуджские диалекты разделяются на две группы: восточные, или индо-афганские (у И. И. Зарубина — северная группа), содержащие много заимствований из синдхи, и западные (у И. И. Зарубина — южная группа)[2], включающие множество персидских и арабских слов. Обе группы имеют и фонетические различия. Язык белуджей Туркменской ССР одинаков с языком белуджей Хорасана и представляет собой особый диалект западной группы.

Белуджи Туркмении сохранили некоторые пережитки прежнего родового деления, например, частичное расселение по родам. Наиболее многочисленны родовые подразделения рахшани, чакарзи, реки, кашани, малекки, иесези, дамардаг, ренд, шехусейни, нотани.

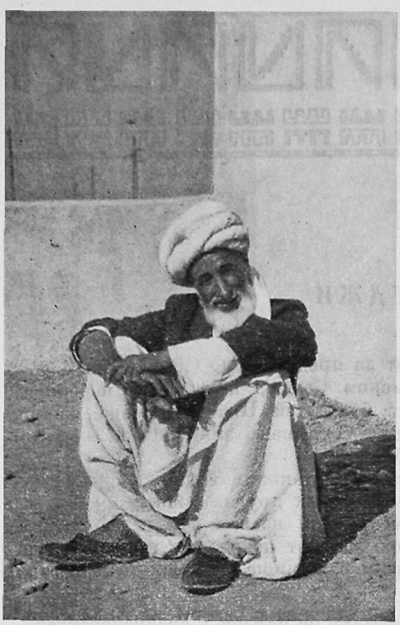
На всей обширной территории расселения белуджей с древних времен рядом или вместе с ними живет дравидоязычная народность брагуи, мало отличающаяся от них по образу жизни и постепенно ими ассимилируемая. На территории СССР процесс ассимиляции брагуи белуджами почти завершился. Брагуи Туркмении называют себя белуджами рода брагуй, хотя часть их еще знает свой язык.

Исторические сведения

В Средней Азии первые переселенцы белуджи появились в конце XIX — начале XX в. В «Статистическом обзоре Туркменской области за 1917—1920 гг.» отмечены белуджи в Байрам-Алийском районе в составе 936 человек. Наибольшее количество белуджей переселилось в Туркменскую ССР из Афганистана через Иран в 1923—1928 гг. Поселения брагуи обычно

[1] О зарубежных белуджах см. в настоящей серии том «Народы Южной Азии» (печатается).

[2] См. И. И. Зарубин. К изучению белуджского языка и фольклора. «Записки Коллегии востоковедов», т. V, Л., 1930.



Белудж в национальной одежде. Колхоз им. Жданова, Иолотанский район, Туркменская ССР

перемешаны с белуджскими. В СССР на территории Туркмении брагуи были впервые зарегистрированы И. И. Зарубиным в 1927 г.

Большинство белуджей Туркмении — это выходцы из Афганистана, большей частью из местности Чехансур в Афганском Сеистане; есть и выходцы из Иранского Сеистана. В настоящее время редко можно встретить белуджей, родившихся в Афганистане, даже некоторые старики родились в Туркмении, но знают, что их отцы переселились когда-то из Афганистана.

Можно предполагать, что белуджи Афганского Сеистана, а следовательно, и белуджи Туркмении являются потомками тех белуджей, которые, по свидетельству арабских географов, проникли в Сеистан с запада еще в IX в., а может быть, и ранее.

Некоторые родовые группы (рахшани, родени, реки, чакарзи и др.) сохранили, однако, предания о переселении их предков примерно четыре-пять поколений назад из Белуджистана на Гельменд и в Чехансур. Имеются среди белуджей также родовые подразделения афганского происхождения (иесези, калбали).

Причиной переселения части белуджей Чехансура в Иран и затем в Туркмению, а частично непосредственно из Афганистана в Туркмению являлись жестокие притеснения со стороны афганских чиновников, а иногда и белуджей-землевладельцев, воспоминания о которых сохранились у старшего поколения.

У белуджей, переселившихся на территорию Туркмении, основу социального строя составляли патриархально-феодальные отношения. Несмотря на наличие родовых подразделений, в группировке хозяйств родовой принцип не всегда играл существенную роль. Родовой состав в хозяйственной группировке был чрезвычайно пестрым; большинство белуджей обычно указывало на свою принадлежность не к определенному роду, а к тому или другому хану.

Хан стоял во главе поселка или нескольких поселков, его власть передавалась по наследству. Кроме своего рода, хан объединял под своей властью целые группы различных родов, являлся их неограниченным властелином и мог брать себе известную часть доходов своих подчиненных. Наиболее крупный из ханов, Керим-хан, объединявший под своей властью большую группу белуджей Иолотанского района, стремился создать вокруг себя пышную «княжескую» обстановку: имел личную охрану, секретаря (мирза), духовное лицо, конюхов и т. п. Содержание этого штата ложилось тяжелым бременем на население. Другие ханы стремились во всем подражать Керим-хану.

Керим-хан не был «родовым» ханом. Он принадлежал к роду келбели, весьма немногочисленному и незначительному как в Туркмении, так и за рубежом. В годы революции и гражданской войны Керим-хан, собрав дружину из представителей самых разнообразных родов, организовывал грабительские набеги на Туркмению и Иран. Став в результате этих набегов владельцем огромного количества скота, Керим-хан всеми силами старался сохранить за собой положение хана. Ханы и старшины из разных мест съезжались к нему за распоряжениями. Он разрешал споры и тяжбы, судил и наказывал виновных, распределял выделенные белуджам туркменскими властями земли и арыки, собирал через ханов подать с подчиненных белуджей.

В 1926 г., при проведении земельно-водной реформы, белуджам были предоставлены земли в Иолотанском и Байрам-Алийском районах, а также была выдана денежная помощь. Советское правительство, учитывая их бедственное положение, освободило белуджей на три года от налогов и предоставило им безвозвратные продовольственные ссуды. Благодаря помощи Туркменского правительства и организации ТОЗов экономическая зависимость белуджей от ханов постепенно ослабевала. Становясь мирными земледельцами, белуджи в подавляющем большинстве стали отказываться от уплаты подати ханам.

По мере оседания белуджей на землю им оказывалась большая техническая и агрономическая помощь. Весной 1929 г. поля их были впервые вспаханы и заборонены тракторами, сеяли они пшеницу и хлопок под руководством студентов Байрам-Алийского сельскохозяйственного техникума. Сельскохозяйственные навыки прививались у белуджей крайне медленно. Первое время у них сохранялось несколько пренебрежительное отношение к земледельческому труду. На предоставляемых им земельных участках они нередко не имели желания что-либо сеять и посылали для обработки их стариков и подростков. Однако упорная разъяснительная и воспитательная работа, проводившаяся партийными и советскими организациями, и экономические выгоды от хлопка, укреплявшие хозяйство, сделали свое дело. Весной 1930 г. с помощью ударной бригады текстильщиков Ашхабада и местных железнодорожников белуджи закончили сев раньше назначенного срока, причем 70% посевной площади занял хлопок. В том же году во время избирательной кампании ханы были лишены избирательных прав. В 1932 г. Керим-хан перекочевал в Афганистан, за ним последовали и другие ханы.

В 1933—1934 гг. белуджские хозяйства начали объединяться в колхозы. В 1935 г. среди белуджей были организованы группы бедноты, которые способствовали усилению темпов коллективизации.

Основные занятия

Белуджи, переселившиеся на территорию царской России, жили до Октябрьской революции очень бедно. Многие из них вынуждены были работать батраками в хозяйствах богатых туркмен или использовались в качестве рабочей силы на ирригационных сооружениях на р. Мургаб.

Для основной массы белуджей, переселившихся в Туркмению после Великой Октябрьской революции, были характерны крайне низкий хозяйственный и бытовой уровень, экономическая зависимость от ханов, постоянные перекочевки.

Кочевые традиции были специфичны для белуджей Туркмении еще до самого недавнего времени. Общающиеся с ними работники различных советских организаций отмечают чрезвычайную легкость, с которой белуджи еще недавно покидали места своего обитания и переселялись в другие районы. Белуджи Туркмении принесли со своей родины отсталые формы скотоводства и земледелия и примитивный кочевнический быт. Овцы и козы круглый год паслись на подножном корму под наблюдением пастухов. К селениям овец пригоняли только летом на сезон

доения и стрижки. Белуджи совершали за лето две-три сезонные перекочевки.

Земледелием белуджи занимались в ограниченных размерах. Способы обработки земли были чрезвычайно примитивны. Сеяли пшеницу, кунжут, меньше ячмень и люцерну, разводили бахчевые культуры: арбузы и дыни. Пахали примитивной сохой, в которую впрягали пару лошадей или волов. После посева заглаживали пашню распространенной по всей Средней Азии доской *мала*.

На основе скотоводства были развиты домашние производства. Из шерсти ткали ковровые изделия (небольшие коврики, большей частью для молитвы, ковровые подушки, переметные сумы — *хурджин*), паласы, ткань для мужских халатов, для мешков и грубую плотную ткань для полотнищ белуджского шатра, вязали мужские носки, вили веревки, катали кошмы. Интересно отметить особую расцветку в песочных тонах ковровых и паласных изделий белуджей, что объясняется включением в орнамент неокрашенной верблюжьей шерсти. Из цельных шкур овец и коз изготовляли сосуды для воды и продуктов питания.

В настоящее время все живущие в СССР белуджи объединены в колхозы или же работают в совхозах и на различных строительствах. Большинство из них вошло в колхозы в 1935—1937 гг. В Иолотанском районе Туркмении, где живут наиболее многочисленные группы белуджей, имеется два белуджских колхоза: им. Жданова, в 10 км к востоку от ст. Талхатан-Баба, и им. Калинина, около Султан-Бентской плотины; в Туркмен-Калинском районе также имеется белуджский колхоз им. Куйбышева, около г. Иолотани, кроме того, большая группа белуджей работает в совхозе «Захмет» (бывший колхоз им. Калинина, в 35 км к северо-востоку от районного центра Туркмен-Кала).

Наиболее крупным является колхоз им. Жданова (11 бригад). Остальные белуджи входят небольшими группами (до 350 человек) в туркменские колхозы Иолотанского, Туркмен-Калинского и Байрам-Алийского районов. В свою очередь, и в белуджские колхозы входят группы туркмен и небольшие группы другого населения Туркмении. Примером может служить колхоз им. Жданова, среди членов которого 63% белуджей, 22% туркмен и 10% персов. Остальные 5% составляют афганцы, русские, казахи и др.

Основным занятием в колхозах является земледелие. Труд в них механизирован. Ведущая культура — хлопок, занимающий 70% посевной площади, подсобные — зерновые на корм скоту (кукуруза, ячмень), а также люцерна.

Часть посевной площади занимают в белуджских колхозах бахчевые и огородные культуры: огурцы, помидоры, лук, чеснок, морковь, свекла, капуста, часто и картофель. Кроме лука, огурцов и изредка моркови, других огородных культур и картофеля белуджи никогда раньше не сажали и не сеяли.

Скотоводство является и теперь одним из ведущих занятий белуджей, *приносящим им немалый доход. Наибольшее количество трудодней* вырабатывают в колхозах пастухи.

Скотоводство перестало быть кочевым, приобрело современные формы. В колхозах имеются животноводческие фермы мелкого и крупного рогатого скота. Разводят овец, коров, в небольшом количестве коз. При современных способах ведения хозяйства используются также и старинные скотоводческие навыки и традиции белуджей, имеющих вековой хозяйственный опыт в области овцеводства.

Фермы мелкого рогатого скота расположены на пастбищных угодьях, специально отведенных для каждого колхоза в песках, обычно в 130—150 км от колхоза. На этих пастбищных участках, где овцы пасутся круглый год, имеются глубокие колодцы с лебедками, приводимыми в движе-

ние тракторами. К ним пригоняют овец на водопой. Около главного колодца располагается центральный поселок фермы: дом, в котором размещаются работники, имеющие семьи, общежитие для холостых и дом, где помещается контора и живут заведующий фермой, его помощник и различные специалисты, приезжающие на сезон или живущие на ферме постоянно: зоотехник, ветеринар, трактористы, работники, обслуживающие электрический агрегат для стрижки овец, сортировщик, бухгалтер по животноводству и др. Несколько поодаль стоят аулы обслуживающих колодцы и ферму казахов и туркмен. В поселке имеются загон для овец с навесом, под которым их стригут, складские помещения, шалаш — изолятор для больных овец, загон для верблюдов и пр.

На фермах строят также общежития, служащие временным жилищем для белуджских женщин, приезжающих на ферму в самое горячее и оживленное здесь время года — период окота и доения овец и заготовления молочных продуктов, главным образом масла.

Еще несколько лет назад белуджи сбивали масло из кипяченого и заквашенного молока старинным способом — в кожаных сосудах, подвешенных к деревянной треноге. Масло получалось кисловатое, невысокого качества. Теперь молоко сразу после доения овец пропускают через сепаратор и из сметаны сбивают масло в цинковых бидонах при помощи деревянных мутовок. Получается высококачественное масло, которое из-за жаркого климата хранят в топленом виде. Старый способ сбивания масла сохранился в личных хозяйствах.

Колхозные пастухи во главе с заведующим фермой и его помощником ведут тщательное наблюдение за окотом овец. Зимой колхозные овцы, разделенные на несколько отар, пасутся, как и раньше, на подножном корму, так как зимы в Туркмении мягкие и снега выпадает мало. Но, в отличие от прошлого, каждый колхоз имеет постоянные запасы сена, чтобы скот не остался без корма, если начнется снегопад. В случае внезапного сильного и длительного снегопада борьба за сохранение колхозных овец становится главной задачей не только председателя, всего правления колхоза и колхозников, но и всех местных советских и партийных организаций. Так было зимой 1957 г., когда снегопад, начавшийся 19 января, продолжался около месяца. Председатели колхозов, заведующие фермами, колхозники развозили запасы сена, ячмень и жмыхи, а также муку и чай для пастухов по отарам на грузовых машинах, причем в каждой машине ехало по 15—20 колхозников для расчистки снега, чтобы машина могла подойти к отаре. В прежние времена такой снегопад вызвал бы у белуджей колоссальный падеж скота, теперь же потери были сравнительно невелики.

Ферма крупного рогатого скота расположена обычно в центральном поселке или в поселке одной из бригад. Скот содержится в чистых коровниках и телятниках, зимой его кормят сеном, силосом и жмыхами.

Большое развитие получило у белуджей также птицеводство. В каждом колхозе есть птицеводческая ферма с несколькими сотнями кур, а иногда и уток. В личном пользовании, кроме кур, встречаются также гуси и индейки.

В каждом колхозе имеются свиноферма, пасека, крольчатник. Занимаются колхозники также разведением шелковичных червей, коконы сдают государству.

В колхозах со смешанным национальным составом при расстановке рабочей силы в различных отраслях хозяйства учитываются в известной мере традиционные навыки. Так, среди пастухов мелкого рогатого скота преобладают белуджи и брагуи. В колхозе им. Жданова на ферме мелкого рогатого скота работают только белуджи. Приезжают в пески на период доения овец также преимущественно белуджские доярки. На фермах крупного рогатого скота работают доярками женщины разных национальностей: татарки, немки, русские, но белуджских женщин среди них нет.

Сучи (туркм. *сувчы*) — наблюдающие в песках за колодцами и достающие из них воду для скота — казахи. Свиноводами работают в колхозах главным образом русские. Механики, плотники, строители и кузнецы тоже в основном русские, хотя и белуджи, и туркмены постепенно осваивают эти специальности.

Развитие социалистических форм труда явилось одной из предпосылок роста денежных доходов колхозов (в частности, неделимых фондов) и личных доходов каждого колхозника.

Возьмем для примера колхоз «Нокин Зиндагани» сельсовета Нижние Белуджи. В 1939 г. он имел на 37 дворов 50 га под зерновыми, 65 га под хлопком и 8 га под люцерной. Садов и виноградников у колхоза не было. Он не имел также ни мелкого, ни крупного рогатого скота, ни верблюдов. На весь колхоз было лишь 15 лошадей. Впоследствии этот колхоз влился в колхоз им. Жданова, в который, кроме него, вошли еще четыре белуджских и четыре туркменских колхоза. Созданный таким образом укрупненный колхоз является одним из ведущих в области по посеву и сдаче хлопка. Он объединяет 291 двор. Из земельных угодий в нем 769 га занято под хлопком, 162 га под зерновыми (пшеница и ячмень), 97 га под кукурузой, идущей на силос, 106 га под люцерной. Сады и виноградники занимают 16,1 га.

В начале 1962 г. колхозное стадо насчитывало 6 тыс. овец и коз, 372 головы крупного рогатого скота, 76 лошадей, 36 верблюдов. Имеются фермы мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота, птицеферма (свыше 700 кур) и пасека (100 ульев), крольчатник. В колхозе им. Жданова 75,5 га занято под бахчевыми культурами и огородами. Базар областного центра Мары снабжается дынями главным образом из этого колхоза.

Хорошо развиты все виды хозяйства и в других белуджских колхозах. Так, колхоз им. Куйбышева является сильным животноводческим хозяйством. В его стаде более шести тысяч овец и коз, 221 голова крупного рогатого скота, 29 лошадей, 30 верблюдов. В то же время он имеет хорошие показатели по хлопководству.

В каждом колхозе теперь не менее 10 грузовых автомашин, одна-две легковые машины и большое количество различных сельскохозяйственных машин. На трудодень колхозники получают от 1,5 до 3 руб. деньгами.

* * *

Коренной переворот в хозяйстве, т. е. переход к земледелию на высоком агрономическом и техническом уровне, а также к организованному колхозному животноводству и вызванный им переход к оседлости повлекли за собой изменения в домашнем быту и материальной культуре белуджей. Нынешнее материальное благосостояние белуджей ни в какой мере не идет в сравнение с примитивным, полунищенским существованием, которое было характерно для белуджей, когда они вели кочевой образ жизни. Новые черты быта колхозников проявляются, с одной стороны, в обильном проникновении в убранство жилищ, одежду, обувь, утварь и пищу большого количества русских и туркменских элементов, с другой стороны, в более богатом оформлении тех традиционных элементов, которые белуджи сохраняют в условиях инонационального окружения.

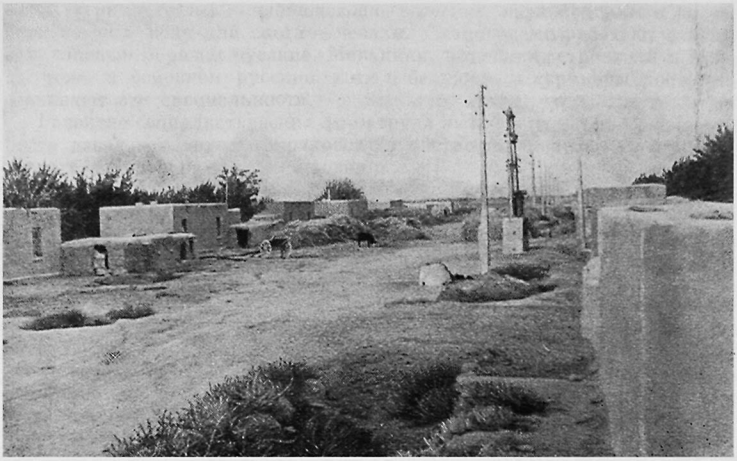
Жилище

Белуджи в прошлом имели особый тип жилища — шатер (*гедан*), покрытый плотной грубой темно-коричневой тканью из козьей шерсти, отличавшийся от кочевого жилища других народов Средней Азии. Шатры подобного типа, но различные по конструкции, широко распространены в Афганистане, Иране, Белуджистане и арабских странах. Покрытие белуджского шатра представляет собой большой прямоугольник, сшитый из продольных полотнищ ткани. Средняя его часть поддерживается стоящими в ряд тремя толстыми жер-

Изготовление шерстяного полотнища для шатра «гедан». Колхоз им. Жданова, Иолотанский район, Туркменская ССР

дями, средняя из них высотой более 2 м, две другие — около 2 м (ряд этот проходит параллельно передней и задней сторонам гедана, т. е. параллельно продольным полотнищам). Края покрытия натягиваются и привязываются к верхним концам кольев, вбитых в землю вдоль всех четырех сторон гедана. Колья в середине передней и задней сторон шатра довольно высокие, а с боков гораздо ниже, так что боковые края покрытия достигают земли. Передней и задней стенками шатра служат две полосы такой же ткани, которые прикалываются к продольным сторонам верхней части гедана при помощи толстых железных булавок *гедашик*. Несмотря на большие размеры гедана, площадь, на которой человек может двигаться не сгибаясь, очень невелика — всего около 4 кв. м. В остальной части гедана можно ходить только согнувшись. Вход обращен на юг.

Внутреннее убранство было однотипно во всех геданах. Справа от входа на возвышении (*бармук*) из жердей и досок, покрытом паласом, аккуратно складывали кошмы, ковровые хурджины и подушки, паласные мешки с одеждой и паласные мешки для муки. Со стороны, обращенной внутрь гедана, ковровые предметы украшали крупными белыми раковинами, привезенными из Афганистана. На бармук складывали также одеяла и подушки, находящиеся в постоянном употреблении. Под этим возвышением, которое обычно поднималось над полом на 20—30 см, хранились конские путы и упряжь, лишняя обувь. Мелкие вещи складывали в большую шерстяную сумку, висевшую на одной из подпорок гедана. Справа же, возле груды мягких вещей, называемой *джуль*, была мужская половина гедана. Здесь на разостланном паласе или ковре сидели обычно мужчины, тут же принимали гостей. Место на паласе в глубине шатра, у северной (задней) его стенки, считалось почетным. В левой половине гедана на нескольких камнях лежали турсуки с водой и стояла немногочисленная утварь: круглый чугунный котел, медный котел, железный таган-треножник, кожаные сосуды с мукой, маслом, тут же хранились зерно и мука в больших шерстяных мешках и лежали заготовленные шерстяные нитки. На земляном полу устанавливали ткацкий станок. У северной



Улица центрального поселка колхоза им. Жданова. Иолотанский район, Туркменская ССР

стенки вешали колыбель, у южной устраивали очаг. Тут же к жердям, подпирающим крышу, привешивали шерстяные сумки для мелочей и для зеркала. Это была рабочая, женская половина гедана.

Имущественное неравенство сказывалось в величине гедана и количестве находившегося в нем имущества.

Зимой жили в полуземлянках, крытых грубыми ивовыми циновками, обмазанными глиной, или в примитивных глинобитных домах, построенных персами и покинутых ими или же построенных персами на заказ. Сами белуджи строить дома не умели, и даже полуземлянки нередко строили для них персы.

Весь несложный домашний скарб, в противоположность внутреннему убранству гедана, располагался в этих домах и полуземлянках в полном беспорядке, так как большую часть года белуджи проводили в геданах, а дома являлись лишь убежищем на недолгий в Туркмении период холодов. Беднейшие семейства, не имевшие шерсти на гедан, жили в полуземлянках круглый год, иногда сооружая в жаркое время для жилья навес из тростниковых циновок.

В настоящее время белуджи живут в стандартных двух-трех- и четырехкамерных домах, которые строятся для всех колхозников колхозной строительной бригадой или приглашенными из города мастерами. Стены дома возводят из пахсы, реже из сырцового кирпича. Плоская крыша сделана из бревен, укрепленных концами на продольных стенах дома, поперек бревен положены деревянные доски, а затем плотный слой камыша. Поверх камыша кладут толстый слой глины. Стены, как и крышу, покрывают двумя слоями обмазки из глины с саманом (мелко нарезанной соломой).

В местностях, расположенных ближе к р. Мургабу, между досками и камышом кладут еще ивовые циновки. Во внутреннем убранстве домов, наряду с повсеместным проникновением радиоприемников, портьер, вешалок, электрических или кое-где еще керосиновых ламп и других предметов современного обихода, сохраняется национальный колорит.

В трехкамерных домах, состоящих из сеней, расположенных по середине, и двух комнат по бокам, комната справа (как в гедане правая сторона) предназначается большей частью для гостей, а комната слева является жилой и хозяйственной частью дома.

В комнате для гостей у стены напротив входа располагается нарядный джуль — сложенные в высокую груду на деревянном настиле (бармук) кошмы, ковровые хурджины, одеяла, подушки и прочие мягкие домашние вещи. В жилой комнате напротив входа сложен менее нарядный джуль из кошм, одеял и подушек, находящихся в постоянном употреблении. Прежде два бармука, больший по размерам, более богатый и нарядный справа и более скудный и поношенный слева, имелись только в самых богатых, обычно ханских геданах; теперь преобладающая часть колхозников имеет два бармука. Бармук складывают и украшают в обычной белуджской национальной манере. Непосредственно на деревянном настиле расстилают большой узорчатый палас, выдержанный в темной коричневато-красной гамме, причем край паласа свисает до пола, закрывая подпорки. Край ковровых хурджинов и подушек, обращенный в комнату, как и прежде, украшен раковинами, привезенными когда-то из Афганистана. Теперь на новые хурджины и подушки нашивают иногда вместо раковин ряд белых изоляционных роликов. Это сохраняет общий традиционный облик бармука.

В углу жилой комнаты висит колыбель. Сумки для мелочей развешаны на стенах дома, как прежде на подпорках гедана. Но хозяйственную утварь — посуду, принадлежности для печения хлеба, а также мешки с мукой и зерном, кожаные сосуды с маслом и другими продуктами (которые в гедане стояли рядом с бармуком) и всякие мелкие хозяйственные предметы теперь держат в сенях, которые используются для разных хозяйственных занятий. Утварь и всякие другие предметы в сенях ставят обычно на деревянные доски, под которые подложены кирпичи, или на деревянные ящики.

Летом небольшая часть белуджей по-прежнему живет в геданах. Это преимущественно те семьи, где есть старики. Молодые хозяева геданов не ставят. Ранней весной гедан иногда ставят рядом с домом для установки в нем ткацких станков, на которых женщины ткут ковровые хурджины и подушки или паласы. Для тканья паласов применяется примитивный белуджский ткацкий станок, в котором уток проталкивается между нитями основы руками, без челнока.

Одежда

Мужской национальный костюм белуджей состоит из белой рубахи *джомаг*, штанов *шалвар* из белой или черной хлопчатобумажной ткани и безрукавки *воскат*. Штаны чрезвычайно широкие (примерно 2,5 м) в талии, суживаются в щиколотке. На штаны идет от 8 до 10 м ткани. Верх штанов стягивается шерстяным шнурком или плетеным бумажным пояском, причем благодаря чрезмерной ширине в талии при стягивании образуется характерное для белуджских штанов обилие сборок и складок.

Покрой рубах разнообразен. Молодые и средних лет мужчины носят рубахи со стоячим прямым воротником и прямым разрезом на груди, застегивающимся на пуговицы. Рубаха сильно расширяется книзу, для большей ширины в полы вставляют 30 клиньев и даже более. Широкие рукава, суживающиеся к запястью, заканчиваются обшлагом. Широкая часть рукава собрана у плеча в мелкие складки, в нескольких местах прострочены поперек, чтобы они не расходились. Ворот, приполок и обшлага вышиты машинным швом черными или белыми хлопчатобумажными нитками или гладью цветным шелком. Пожилые мужчины также носят широкие рубахи, вместо воротника имеющие маленький круглый вырез по шее и небольшие разрезы вдоль плеч, застегивающиеся на две пуговицы по обе стороны разреза. Рубаху носят поверх штанов. Безрукавку —

Пастух в верхней войлочной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР

воскат — раньше шили из грубой шерстяной коричневой ткани домашнего производства, теперь шьют преимущественно из темной хлопчатобумажной ткани. Поверх воската или вместо него надевают городской пиджак. Черный или синий, иногда темно-серый пиджак стал настолько привычным в сочетании с национальной одеждой,что его можно считать как бы частью национального костюма. Верхней одеждой прежде служил халат из той же коричневой шерстяной ткани.

В настоящее время полный национальный костюм на мужчинах встречается крайне редко. Пожилые мужчины и служители культа больше придерживаются национальной одежды, но и у них полный национальный костюм (рубаха, штаны, безрукавка, халат и чалма) нередко сочетается с накинутой на плечи солдатской шинелью, пиджаком или пальто. У мужчин средних лет костюм большей частью смешанный, например штаны туркменского покроя, менее широкие, чем белуджские, и городского покроя рубашка и пиджак, или городской костюм, но под пиджаком белуджская рубаха. Молодежь почти полностью перешла на одежду городского типа, приобретаемую в магазинах.

Национальный костюм сохранился в качестве ритуального свадебного наряда. По старинному обычаю, невеста шьет жениху полный костюм: белую рубаху и штаны и богатую, часто бархатную безрукавку. Все это он надевает в день свадьбы после ритуального купанья. Штаны для свадебного костюма шьют чрезвычайно широкие, до 4 м. Свадебная рубаха *джомаг чильтринза* от талии (талия укорочена) делается отрезной, причем вся нижняя часть состоит из расширяющихся книзу клиньев (более 40), так что низ рубахи напоминает короткую широкую юбку. Грудь расшивают гладью пестрыми шелками. Костюм этот прежде сохранялся, и мужчины надевали его на свадьбы и другие праздники. Теперь его обычно снимают после свадьбы и больше не надевают.

Обувь у мужчин обычная фабричная, старики иногда носят туркменскую кустарную обувь, покупаемую на базарах.

Наиболее распространенным мужским головным убором служит круглая каракулевая шапка, несколько расширяющаяся кверху.

Шапки такого типа широко распространены по всей Туркмении. На мужчинах средних лет изредка еще встречается чалма, преимущественно белая; из стариков многие носят чалму, а муллы обязательно. Головной убор молодых людей — упомянутые выше шапки или кепки.

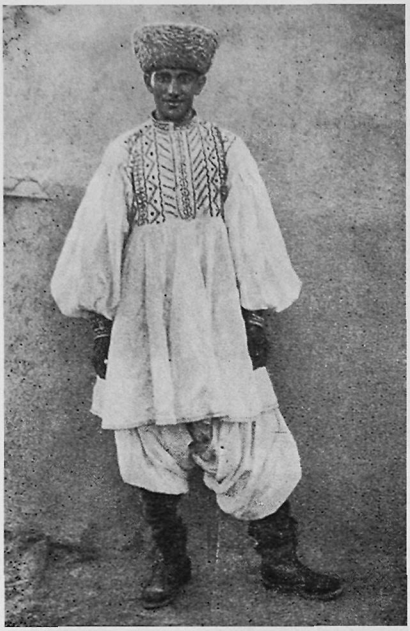
Среди сельской интеллигенции (учителя, председатели колхозов, бухгалтеры, заведующие фермами) распространены костюмы военного образца, коверкотовые и драповые пальто, кашне. Головной убор — та же туркменская шапка, но из высокосортного серого или золотистого каракуля.

Женщины целиком сохранили национальный костюм: штаны (шальвар) и надеваемую поверх них рубаху-платье (джомаг). Однако в покрое произошли некоторые изменения. Штаны шили прежде в виде двух широких прямых юбок, соединенных вместе. У пояса штаны стягивались на вздержку шерстяным шнурком и внешне имели вид широкой сборчатой юбки. Теперь женщины носят штаны такого же покроя, как и мужчины. Штаны старого покроя сохранились в качестве составной части праздничной одежды; постоянно их носят лишь некоторые пожилые женщины. Те и другие штаны шьют из цветного ситца или сатина.

Пожилой белудж в повседневной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР

Рубаха прежде состояла из одного прямого полотнища, сложенного пополам и образующего перед и спинку. От рукавов по бокам шли книзу клинья. Ворот и вертикальный разрез на груди обшивали тесьмой или отделывали скромной узенькой вышивкой. У современной женской рубахи передок подрезается на расстоянии 26—30 см от плеча, образуя грудку. К грудке, сплошь расшитой разноцветными шелками машинным швом, пришивается низ передка. Он состоит из двух полотнищ, собранных вверху под грудкой в мелкие сборки, прошитые шелковыми нитками. Бока и суживающийся книзу рукав вшивают так же, как и при прежнем покрое. К вороту пришивают узенький прямой стоячий воротник, застегивающийся на маленькую пуговицу. Иногда женщины, особенно пожилые, носят и рубахи старого покроя, но все, за исключением старух, вышивают их вокруг ворота. Шьют рубахи из цветных хлопчатобумажных тканей, иногда с цветами или букетиками, как прежде, но чаще из однотонных. Излюбленные цвета — зеленый и красный. Праздничные рубахи шьют из шелковых тканей.

Основное, что отличает современный женский костюм от прежнего, это общий нарядный вид, богатство вышивки на рубахе и опрятность.



Жених в свадебной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР

Костюм девочек повторяет костюм взрослых женщин, но проще по фасону и отделке.

Головной убор как женщины, так и девушки состоит из двух платков и покрывала. Нижний цветной платок — *чаргат* — набрасывается на голову, причем один угол его подгибается и сгиб проходит над лбом. Поверх него вдоль лба обвязывается вокруг головы сложенный как повязка небольшой черный шелковый платочек — *пати*. Поверх этих двух платков женщины, девушки и даже маленькие девочки накидывают выкроенное в виде полукруга светлое ситцевое покрывало — *чадыр*, ниспадающее до земли. Дома девочки часто ходят без покрывала, но женщины и девушки носят его постоянно.

Существует определенный способ повязывания покрывала при работе в поле: края его закидывают за плечи, затем они под мышками проходят вперед, оставляя свободными руки, концы перекидываются спереди на талии один за другой, уходят назад правый с правого и левый с левого бока и завязываются сзади на талии. Повязанное таким способом покрывало закрывает голову и спину женщины, как требуется обычаем, и не мешает работать.

На ногах женщины в холодную погоду носят шерстяные носки и туфли кустарного туркменского производства, покупаемые на базаре, а также фабричную обувь. Летом часто ходят босиком.

Женские украшения составляют серебряные серьги, кольца, широкие (6 см шириной) ажурные парные браслеты, ожерелья из бус и зерен гвоздики. Прежде женщины носили носовое украшение *пуллук*, представляющее собой небольшую серебряную розетку с цветным стеклышком в центре и небольшим загнутым шпеньком на оборотной стороне, который вставлялся в отверстие в левом крыле носа. Ныне это украшение вышло из употребления.

Наиболее богатым праздничным женским украшением является *хамоэль* — длинная шерстяная тесьма с пришитыми к ней за металлические петельки персидскими и афганскими серебряными монетами. Это украшение спускается с левого плеча на правый бок, проходя по диагонали через грудь и спину женщины. Большим распространением пользуются туркменские украшения, особенно браслеты и кольца, а также разноцветные (преимущественно красные и голубые) чешские бусы, которые покупают в местных магазинах.

Выходя на работу в поле, женщины и девушки надевают хорошую чистую одежду и украшения.

Одежда девушек отличается лишь более светлыми тонами. Прическу девушки носят иную, чем женщины. Те и другие расчесывают волосы на

прямой пробор и заплетают сзади в две косы, соединяемые на концах специальной тесемкой *муйпушток* с различными привесками. Женщины, кроме того, подрезают волосы по бокам и, смазав их соком урюкового дерева, укладывают в виде волнообразного локона *чатр*, спускающегося до шеи. Девушки чатр не носят.

Невеста в свадебной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР

Пища

Основа национальной пищи белуджей — пшеничный хлеб и продукты скотоводства. Хлеб пекут в тандурах — высоких сферической формы глиняных печах, делать которые белуджи научились у туркмен. Такие тандуры называют *тандур туркмани*, для изготовления их и теперь иногда приглашают туркменок, так как не все белуджские женщины умеют их делать. Белуджский тандур, имеющий форму глубокой, суживающейся кверху ямы, обмазанной внутри глиной, с двумя поддувалами в виде двух расположенных друг против друга подземных ходов, встречается теперь крайне редко. Тот и другой тандур раскаляют, и хлеб в виде круглых лепешек налепляют на его стенки при помощи круглой подушки.

В тех случаях, когда хлеб нужно испечь быстро и в большом количестве, например на санге, на свадьбах и других больших торжествах, в тандуре пекут большие тонкие лепешки *лаваш*. Прежде лаваш пекли на круглом выпуклом железном листе *тин*, который клали на горячие уголья выпуклой стороной вверх. С распространением туркменского тандура белуджи научились печь в нем лаваш, и тин совершенно вышел из употребления.

Пастухи в песках едят пастушеский хлеб *вари* в виде больших толстых (от 5 до 10 см) овальной формы лепешек, которые пекут в раскаленном песке.

Из молочных продуктов белуджи употребляют в пищу кислое молоко *бастаг*, масло и сыр. Масло сбивают из кипяченого и заквашенного молока старинным способом — в кожаных бурдюках *изек*, сделанных из цельной козьей шкуры. Для сбивания масла ставится деревянная тренога, к вершине которой подвешивают горизонтально на веревках палку, а к ней привязывают за концы изек. Женщина сбивает масло, сидя на земле и поджав под себя ноги; бурдюк подвешен на уровне ее груди и она обеими руками раскачивает его сильными движениями вперед и назад.

Масло едят в растопленном виде, обмакивая в него хлеб, а также добавляют его и в похлебку из тертого сыра с луком, которая является обычной пищей белуджей зимой. Пахтанье пьют, разбавляя водой, или приготовляют из него различные виды сыра. Для приготовления сыра *хурид* пахтанье кипятят и затем отделяют сыворотку путем отжимания в мешке из хлопчатобумажной ткани, подвешенном возле дома. Спрессо-

Молодые женщины из колхоза им. Куйбышева. Туркмен-Калинский район. Туркменская ССР

ванную в мешке массу скатывают небольшими комочками, придают им форму двух соединенных основаниями конусов и сушат на солнце на крыше гедана. Прежде сыворотку, оставшуюся после приготовления сыра хурид, не выбрасывали, а собирали в котел и использовали для приготовления сыра *рапинг*. Для этого ее подвергали длительному кипячению, до получения густой темно-коричневой массы,которую скатывали в виде конусов.

Для приготовления третьего вида сыра — *кашк* — пахтанье смешивают с пшеничной мукой, оставляют на четыре-пять дней для разбухания и сушат эту смесь на разостланной в доме шерстяной скатерти. Затем растирают ее руками в муку и просеивают сквозь решето. Из кашк зимой приготовляют похлебку: в котле слегка обжаривают в масле лук, добавляют кашк и соль, вливают постепенно воду и дают прокипеть. Едят похлебку, накрошив в нее хлеб. Раньше белуджи ели руками, теперь появились ложки.

Все описанные молочные продукты приготовлялись прежде из овечьего молока. Коров белуджи не имели. Теперь каждая семья имеет одну-две коровы и все описанные продукты приготовляются из коровьего молока. Овец в личных хозяйствах не доят.

В августе и сентябре среди основных продуктов питания большое место занимают арбузы и дыни. Из арбузов приготовляют патоку путем кипячения мякоти до получения густого сиропа. Дыни вялят на солнце, разрезав на куски. Арбузную патоку едят зимой, обмакивая в нее хлеб, причем иногда смешивают ее с топленым маслом. Лакомым блюдом является облитая арбузной патокой холодная *куурма* — заготовленная впрок, нарезанная кусочками и жаренная в сале баранина.

Из бараньего мяса приготовляют жаркое *дагй*, жаря его кусками в котле, или варят суп *атук*, прибавляя в него лук. Сначала едят суп, накрошив туда хлеб, потом на подносе или тарелке подают куски мяса.

Пища белуджей в основном осталась прежней, национальной, но стала обильнее, в частности они гораздо больше теперь потребляют мяса. Кроме того, входят в пищу новые, не бывшие прежде в употреблении продукты, которые служат самостоятельными блюдами или добавляются в старые белуджские блюда. Например, в обычную белуджскую мясную похлебку добавляют макароны, картофель, помидоры. Самым существенным отличием от прежнего является изобилие продуктов питания, в частности хлеба, которого раньше рядовые белуджи не могли есть досыта. В достаточном количестве стали потреблять сахар. На современном белуджском дастархане часто можно видеть масло, мед, покупное печенье, конфеты.

Крепкий бульон из бараньего мяса, приправленный по старому только луком, и подаваемое отдельно вареное мясо остаются обычным угощением на многолюдных белуджских свадьбах.

Свадебные обряды

Национальный свадебный ритуал в основных чертах сохраняется у белуджей до настоящего времени. Старинная белуджская свадьба сводится к следующим церемониям. Сватать девушку обычно отправлялся отец юноши или один из старших родственников с двумя-тремя почтенными друзьями. При сватовстве договаривались и о калыме — *лаб*, который раньше был обязательным.

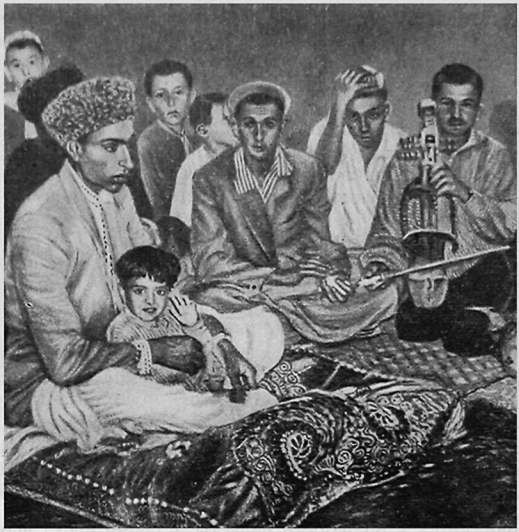
Свадьбе предшествовал интересный обычай, называемый *санг*. На санг отец жениха доставляет в дом невесты пару баранов, два мешка муки, один или два мешка конфет, сахар и чай для угощения. Вместе с родителями жениха большая группа женщин, близких родственниц и соседок жениха, отправляется к родителям невесты; с собой несут все, что нужно для одежды и туалета невесты: ткани на две рубахи, на две пары штанов, на два покрывала, два новых платка, две пары новых туфель или полуботинки, зеркало.

Берут с собой также подарки для близких родственников невесты.

Прибыв к дому родителей невесты, они останавливаются у входа и на приглашение войти отвечают: «*На раван гисайта лабба камма канай*» («Не пойдем в дом, сделайте меньше калым»). Отец и мать невесты заранее уговариваются между собой, насколько убавить калым. Речь ведет мать невесты или другая почтенная женщина, умеющая хорошо говорить. Во дворе собирается много женщин, принимающих участие в обсуждении. Когда приходят к соглашению, тогда только входят в дом. Таким образом, окончательная сумма калыма формально устанавливается женщинами на санге. Эта часть ритуала санг, обреченная на исчезновение вместе с калымом, восходит к очень древним общественным отношениям. После угощения собравшимся на санг женщинам показывают все принесенные подарки для невесты и ее родни, затем всем присутствующим раздают узелки с конфетами. Этим заканчивается санг.

К свадьбе невеста дарит жениху полный свадебный костюм. Отец ее покупает для жениха новую каракулевую шапку и кожаные туфли. Родители жениха за три-четыре дня до свадьбы снова приносят полный комплект материалов для одежды невесты.

Родственники жениха приезжают на свадьбу накануне, начиная с утра прибывают все новые гости. Весь день танцуют и угощаются. После вечернего намаза происходит торжественное бритье и купание жениха в реке или арыке. Во время купания молодежь танцует, музыканты играют на духовом инструменте *сурна* (узб. *сурнай*) и бьют в барабан, женщины поодаль играют на бубнах. На жениха надевают новую одежду; в сопровождении праздничной толпы и музыкантов он едет на лошади к дому, где к этому времени собираются самые уважаемые члены общества. Жениха сажают на *тахт* — «трон» из одеяла и подушек, и дают ему на руки мальчика, «чтоб молодые имели детей». Поздно вечером к невесте посылают двух свидетелей спросить, кого она назначает своим представи-



Жених среди наиболее почетных родственников и гостей.
Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР

телем. Обычно она называет имя ближайшего достаточно почтенного родственника. Мулла спрашивает, согласен ли он отдать девушку за предназначенного ей жениха: получив его согласие, спрашивает троекратно юношу о его желании вступить в брак с этой девушкой. Затем мулла читает свадебную молитву *ника*.

Свадьба сопровождается танцами, которым аккомпанируют на сурне и барабане музыканты-профессионалы.

Танцы

Самый распространенный мужской танец — *латбази* — состоит в том, что движущийся в одну сторону круг танцующих изображает бой. В руках танцующих короткие деревянные палки. Каждый танцующий попеременно наносит палками удары по палкам партнеров, движущихся спереди и сзади, успевая при этом иногда перевернуться. Удары палок составляют как бы ритмическую канву танца. Танцующие, особенно начиная танец, издают своеобразное шипение, как бы усиливая этим его воинственный характер. С ускорением аккомпанемента темп движения круга танцоров постепенно нарастает, одновременно ускоряются и все движения танцующих. Плавные шаги с поворотами в одну и другую сторону переходят в ритмический бег, а затем в прыжки с последующими приседаниями. Последняя часть танца настолько стремительна, что некоторым танцующим не хватает времени на прыжки, приседания и повороты, они перекатываются по земле, не переставая ритмично отражать своими палками удары партнеров. Бешеный ритм в конце пляски уже не дает возможности улавливать отдельные движения танцующих. Перед глазами зрителей проносятся выпущенные из-под безрукавок длинные в складках рубахи белуджей и их необъятные шаровары. Национальный костюм белуджей подчеркивает своеобразие рисунка танца. Каждый прыжок, поворот, взлет руки увлекает за собой складки волнующейся белой ткани, и движения приобретают плав-

ность, легкость. Однако в настоящее время лишь часть мужчин танцует в национальной одежде. Большинство, особенно молодежь, приходят на свадьбу в городских покупных костюмах, но танцуют с прежним увлечением.

Другой мужской танец исполняется белуджами без музыки: участвующие также составляют круг, кружатся и затем делают крупный шаг к центру круга, сталкиваясь друг с другом. При этом они нагибаются и громко рычат, затем расходятся кружась, снова сталкиваются и т. д Танец постепенно ускоряется, количество танцующих уменьшается, пока все не выбьются из сил. Иногда, если останется два человека, они бросаются друг на друга, начинают бороться и валятся на землю при общем смехе зрителей. Этот танец исполняется теперь редко.

Третий танец исполняется несколькими парами, также с палками; «бой» идет между партнерами каждой пары, при этом в основной рисунок танца вводятся различные фигуры. Интересен момент, когда один из партнеров, стоя на колене или лежа, отбивается от другого, а тот кружится над ним, с легкостью перескакивая через поверженного. И здесь каждый такт сопровождается ударами палок, определяющими ритм танца.

Исполняют также сольный танец *рахс*, напоминающий лезгинку.

Любопытен сольный танец с барабаном. Его исполняет один барабанщик, не прекращая сильных ударов по барабану короткой палкой и двумя пальцами правой руки, на которые надеты наконечники. Барабанщик кружится в одну сторону, незаметно переставляя ноги, скорость вращения и частота ударов по барабану увеличивается. И наступает момент, когда барабан как бы отрывается, передвигается на ремне с шеи на затылок и летит по кругу на уровне глаз и вытянутых, не прекращающих ударов, рук барабанщика.

Национальным белуджским музыкальным инструментом является *суроз* — род скрипки из тутового дерева, имеющей пять металлических и жильных струн. На сурозе играют мужчины, сидя на полу: его держат, как виолончель—вертикально, но ставят не на пол, а на колено левой ноги.

Женщины танцуют отдельно от мужчин под аккомпанемент сурны и барабана. Чисто женским музыкальным инструментом является бубен.

Фольклор

Богатство народного творчества белуджей выражено наиболее ярко в фольклоре. Большой материал по фольклору белуджей Туркменской ССР собрал проф. И. И. Зарубин. Наибольшее место в фольклоре занимает героический эпос. Свои песни (былины, баллады) белуджи очень любят, высоко ценят и охотно их исполняют. Действующие лица и содержание песен — это герои и богатыри легендарного прошлого и их подвиги в межплеменной борьбе. Любимая песня белуджей — «Насраджан», в которой прославляется один из героев сражений с англичанами.

Любовная лирика у белуджей имеет форму так называемых *лико*, своего рода частушек, состоящих из неопределенного количества коротких двустиший. Женщины поют частушки под аккомпанемент бубна.

Пение у белуджей всегда сольное.

Богатство фантазии особенно проявляется в белуджских сказках. В них преобладает элемент волшебного, чудесного. В большинстве сказок фигурируют обычные персонажи восточных сказок: цари, визири, дивы и т. д. Специфически белуджским является фантастическое чудовище *бузланги*.

Рост культурного уровня

Наряду с сохранением ярких национальных черт в быту, обычаях и фольклоре, в духовном облике белуджей произошли значительные перемены, вызванные изменением производственных и материальных условий жизни и особенно проникновением в их среду образования. Среднее образование белуджи получают на туркменском языке. В каждом колхозе есть школа

восьмилетка или десятилетка. Начальные, а иногда и восьмилетние школы имеются в некоторых поселках отдельных колхозных бригад. Учатся все мальчики и девочки школьного возраста, однако девочки посещают только младшие классы, что объясняется старым, отсталым отношением к образованию женщин. Дальше пятого класса девочки учатся редко. Мальчики часто после средней школы кончают еще какие-либо курсы в Мары, Байрам-Али или Ашхабаде по нужным для их колхоза специальностям: курсы трактористов, шоферов, механизаторов, сортировщиков шерсти или каракуля, бухгалтеров. Некоторые поступают в сельскохозяйственный и медицинский техникумы. Как правило, большая часть работников по названным специальностям в белуджских колхозах состоит из белуджей. Окончившие школу и курсы или техникумы хорошо говорят и пишут по-туркменски и несколько слабее по-русски. Среди учителей начальных и средних школ немало белуджей. Есть среди белуджей и получившие высшее образование.

Среди колхозников-белуджей есть члены и кандидаты в члены КПСС и много комсомольцев.

Несмотря на то, что у белуджей отчасти еще сохранились некоторые пережитки феодально-байского отношения к женщине (образованию девушек не придают достаточного значения, жениха им выбирают старшие родственники и т. п.), все же в жизни белуджских женщин произошли резкие перемены. Женщины работают теперь в колхозах, получая заработную плату за свой труд наравне с мужчинами. Выходя на работу, например на сбор хлопка, колхозницы имеют возможность оставлять своих детей в яслях и на детских площадках, организуемых колхозами. Белуджские женщины могут пользоваться квалифицированной помощью врачей, постоянно получают от медицинских работников советы по уходу за детьми, гигиене и т. п. При колхозах имеются медицинские пункты, детские ясли. Во всех колхозах построены радиофицированные клубы, где устраиваются киносеансы, посещаемые как мужчинами, так и женщинами.

Республиканские и местные партийные и общественные организации ведут активную борьбу за то, чтобы девочки получали среднее образование. Созданы специальные женские советы в каждом колхозе, в задачи которых входит как агитация за обучение девочек в школах, так и борьба за чистоту в поселках и жилищах, за правильное воспитание и кормление детей, за широкое участие женщин в общественной жизни.

В настоящее время белуджи, находившиеся раньше на положении угнетенного и бесправного национального меньшинства, наряду с другими народами Средней Азии активно участвуют в строительстве новой жизни.

КУРДЫ

В СССР, по данным переписи 1959 г., насчитывается 59 тыс. курдов. Из этого числа большая часть приходится на Закавказье: Армянскую, Азербайджанскую и Грузинскую ССР[1]. Свыше 14 тыс. курдов живут в Казахстане и республиках Средней Азии: Киргизской, Туркменской и Узбекской. В связи с процессом сближения курдов с соседними национальностями во время переписи 1959 г. многие курды назвали себя туркменами или азербайджанцами. Самоназвание курдов — *курмандж*.

Из всех среднеазиатских курдов наиболее ранними переселенцами из Передней Азии являются курды Туркмении, сохранившие этнографическое своеобразие, поэтому в настоящей главе приводятся в основном сведения об этой группе курдов.

Туркменские курды живут в южных районах Туркмении, расположенных на границе с Ираном: Ашхабадском, Геок-Тепинском, Каахкинском (селения Багир, Фирюза, Чули, Гермаб и др.), а также в Туркмен-Калинском и Байрам-Алийском Марыйской области и в городах Ашхабаде и Мары. В Марыйскую область курды переселились из южных, приашхабадских районов совсем недавно — в 30-х годах, в период коллективизации, а также в годы Великой Отечественной войны.

Курды Средней Азии, как и все курды, живущие в Советском Союзе, говорят на курманджи — диалекте курдского языка, относящегося к северо-западной группе иранских языков. Однако в Туркмении этот диалект имеет некоторые фонетические и грамматические особенности, несколько отличающие его от курманджи, на котором говорят закавказские курды, и сближающие его с языком курдов Хорасана. В языке курдов Туркмении имеется значительное количество слов, заимствованных из персидского и туркменского языков. Курды, живущие в Туркмении, хорошо знают туркменский язык. За последние годы среди них все большее распространение получает русский язык. Курдская молодежь, как правило, владеет туркменским и русским языками, старшее поколение — родным и туркменским. В некоторых селениях (Фирюза, Гермаб), где курды длительное время жили смешанно с русскими (молоканами), пожилые люди наряду с родным языком хорошо знают также русский.

В прошлом большинство курдов Туркмении исповедовало ислам шиитского толка, меньшинство — суннизм. В настоящее время молодежь почти полностью отошла от религии.

Антропологический тип курдов Средней Азии пока достаточно не изучен. Отрывочные сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что антропологически курды Туркмении объединяются с курдами Ирана и принадлежат к долихокефальным европеоидам Ирана.

[1] О курдах Закавказья см. в настоящей серии том «Народы Кавказа», II. Изд-во АН СССР, М., 1962.

Курды издавна населяли пограничные с Туркменистаном районы Ирана (Хорасан). В X в. поселения курдов имелись в восточном Хорасане (область Джуздджана), а в XII в. курды жили также в Мазандеране (районы Дейлема и Абаскуна). Персидские и арабские источники отмечают значительную роль курдов в истории восточных районов Ирана, начиная с XI в. Курды были активными участниками завоевательных походов сельджукидов в Хорасан.

Массовое возникновение курдских переселенческих колоний в Хорасане приходится на XVII в.— время царствования шаха Аббаса I, переселившего тысячи курдских семей из Иранского Курдистана[1] в восточные провинции Ирана. В 40-х годах XVIII в. такую же политику в отношении курдов проводил и Надир-шах. Курдов переселяли не только в Хорасан, но и в Гилян, Белуджистан и другие районы Ирана. Иранские шахи, переселяя курдов в Хорасан, стремились обеспечить охрану восточных границ Ирана от нападений туркмен и узбеков; в то же время они были заинтересованы в ослаблении беспокойных и воинственных горцев Иранского Курдистана и старались рассредоточить курдские селения по всей стране.

Первоначально в Хорасане было образовано пять курдских владений «на всем протяжении границы от Астрабада до Чинарана»[2] в виде заслона от набегов туркмен. Курдские «владения» располагались на территории полунезависимых ханств — Дерегезского, Келатского, Родканского, Кучанского, Буджнурдского и др. В этих ханствах жили также тюрки, таты, туркмены и персы, однако курды составляли большинство, поэтому, несмотря на смешанный этнический состав, все население обычно называлось курдским, а территория их расселения именовалась Хорасанским Курдистаном. Из этих владений к 1903 г. существовало только три: Буджнурд, Кучан и Дерегез. Наиболее сильными курдскими ханствами к этому периоду были Буджнурдское и Кучанское. К 90-м годам прошлого столетия курдское население Буджнурдского ханства состояло из родоплеменных объединений шадилу, зафаранлу, чемшкезек, карачорлю, пеглеванлу и амбарлу, а Кучанского —из шадилу, зафаранлу, бадилу.

О времени появления курдов в пределах Туркмении точных сведений нет. В период установления государственной границы между Персией и Россией (1893 г.) курды среди населения Закаспийской области не значились. Все же есть основания предполагать, что курды населяли в Туркмении местности, находящиеся на границе с Ираном, гораздо раньше конца XIX в., так как географически северные склоны Копет-Дага составляют продолжение иранского Хорасана.

О том, что курды жили в районе Абиверда (современный Каахкинский район Туркменской ССР) в XVIII в. сообщают иранские авторы, в частности летописец Надир-шаха Мирза Мехди-хан Астрабадский[3]. По преданию, сохранившемуся среди местного населения, в Фирюзинском ущелье (местность к юго-западу от Ашхабада) накануне присоединения к России существовало два небольших враждебных друг другу курдских владения.

В конце XIX в. в пределы Туркмении в поисках удобных мест для ведения земледельческого хозяйства перешла некоторая часть наименее обеспеченных курдов, выходцев из хорасанских селений Мальян, Шамхан, Сиспар, Меланжир, Кюркон, Рабат, Хальва-Чешме и др. До этого зажиточные скотоводы из этих селений обычно в зимние месяцы пригоняли свои стада на северные склоны Копет-Дага. Касаясь времени и

[1] В литературе встречаются сведения и о том, что наиболее крупные курдские объединения были переселены в Хорасан не из северо-западного Ирана, а из Турции.

[2] В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 62.

[3] Тарих-и-Надири. МИТТ, II. М.— Л., 1938, стр. 118—119.

причин перехода курдов Хорасана в Туркмению, Г. И. Карпов в 1931 г. писал: «Приблизительно 35 лет тому назад в «саранчовый» год значительная часть населения курдов перешла в б. Закаспийскую область»[1]. Старожилы селений Багир и Бекрова Ашхабадского района, с ужасом вспоминая о голоде в Иране в саранчовый год, рассказывают, что обычными были случаи, когда родители продавали туркменам своих малолетних дочерей за один пуд джугары. Однако не только налет саранчи и последовавший за этим голод вынудили курдов покинуть насиженные места и двинуться в чужие земли. Основной причиной этого были тяжелые социально-экономические условия жизни: тягостная зависимость от курдских феодалов и полнейший произвол местных правителей. Но и в Закаспийской области до установления Советской власти курдам пришлось жить в тяжелых условиях.

Курды размещались на территории Туркмении в зависимости от имевшихся свободных земель. Поэтому сначала они селились обособленно от туркмен. Ими были основаны селения Гяндовар, Алибег, Сюлюкли и некоторые другие в Ашхабадском районе. Как и другие переселенцы, курды «попадали в кабалу зажиточной части туркменского населения или же при попытке устроиться самостоятельным поселком рядом с туркменскими аулами из-за недостатка орошаемой земли вызывали недовольство со стороны туркмен. Вполне естественно, что ханы, баи и духовенство использовали это в своих целях»[2].

В начале 1920-х годов курды постепенно начали селиться в туркменских аулах. Больше всего курдов поселилось в аулах Багир, Бекрова, Маныш, Карадамак, Геокча, Гяурс Ашхабадского района, в нескольких аулах Каахкинского района, в меньшем количестве — в Бахарденском и Кара-Калинском районах.

Многие курдские семьи в поисках заработка переезжали в поселки, населенные русскими,— Фирюзу, Гермаб, в города и административные пункты — Ашхабад, Байрам-Али и др.

Хорасанские курды входили в основном в два крупных племени: зафаранлу и шадилу. В настоящее время туркменские курды, даже старики, не помнят своей племенной принадлежности. Однако еще до недавнего времени курды делились на родственные группы, обозначавшиеся термином *тупар*, что, по всей вероятности, соответствует понятию патронимии. В памяти населения сохраняются следующие названия тупаров: эллаверди, шарэ, хессе, сеффе, сафкон, дурунганли, бадыллы и некоторые другие.

Во время переписи 1959 г. в число курдов была включена этнографически мало отличающаяся от них часть жителей селений Фирюза и Гермаб, сохраняющих самоназвание *тюрк*. Эта часть населения отличает себя по происхождению от курдов и причисляет к иным родственным группам: кюрдовле, бильоре, галпак, емрели, бугаерлы, араб, кесиклер-курайлар, корлер, карахан и др. Свои родственные группы они называют термином *тире*. Рекогносцировочные полевые исследования показывают, что тюрки Фирюзы и Гермаба не знают курдского языка, а говорят на тюркском языке,близком к туркменскому, но сохраняющем фонетическое и лексическое своеобразие. Решение вопроса о происхождении тюрков требует дальнейших лингвистических, этнографических и антропологических исследований.

Различия в культуре и быте названных групп настолько малы,что данное в настоящей главе этнографическое описание курдов в значительной мере характеризует и тюрков.

---

[1] Г. Карпов. Национальные меньшинства ТССР. Журнал «Туркменоведение», Ашхабад, 1931, № 3—4, стр. 65.

[2] Там же, стр. 68.

В условиях советской действительности происходит быстрое сближение курдов и тюрков с туркменами, стирание этнической обособленности.

Основные занятия

Основными занятиями курдов до установления в Туркмении Советской власти были земледелие и скотоводство. Выращивали пшеницу, ячмень, горох. В горах земледелие было богарное, в долинах — поливное. Землю обрабатывали примитивной сохой (*рахт*) с железным наконечником, мотыгой (*катман*), лопатой (*бел*), боронили доской (*мола*) с деревянными зубьями.

В условиях Средней Азии первостепенное значение имела вода для орошения обрабатываемых земель. До проведения земельно-водной реформы (1926 г.) земля и вода принадлежали зажиточным туркменам-баям, которых называли *бояр* (господа), и духовенству. Большая часть курдских крестьян батрачила у туркменских баев или арендовала у них участки земли. Бедняки-туркмены также влачили жалкое существование, они вынуждены были продавать баям свои клочки земли и обрабатывать эти же земли уже на основе аренды. При разделе урожая обычно принимались во внимание пять элементов, определявших характер участия каждого и его право на определенную долю. Этими элементами считались земля — вода, семена, рабочий скот, орудия производства и затраченный труд производителя. Бедняк, вкладывавший лишь свой труд, получал пятую часть урожая.

В отличие от курдского крестьянина бедняк-туркмен мог пользоваться у своего работодателя кредитом, получая от бая за обработку земли муку, деньги, чай и т. п. При разделе урожая бай вычитал по списку стоимость всего того, что взял у него батрак в кредит.

В селениях, где курды жили в соседстве с русскими (молоканами), *в роли работодателей выступали богатые русские крестьяне.*

Селение Фирюза было издавна курортным и дачным местом для зажиточной части населения Ашхабада. Для выполнения черной работы на дачных участках и в домах, а также в качестве сторожей местная знать нанимала курдов, которые занимались наряду с этим и земледелием для удовлетворения хозяйственных нужд своей семьи. Большим подспорьем в бюджете здешних курдов служили заготовка в горах дров и обжиг угля, которые затем продавались в Фирюзе и Ашхабаде.

В меньшей мере курдское крестьянство занималось животноводством. Скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства лишь у незначительной части зажиточных курдов (*чодирчи*), живших в хорасанских селениях. В качестве пастухов они нанимали только курдов. Пригоняя зимой скот на склоны Копет-Дага, к долинам Гермаба и Фирюзы, курды Хорасана платили определенные налоги царскому правительству за аренду земли.

Местные жители, имевшие небольшое число голов скота, в летний сезон объединяли скот нескольких семей в одно стадо и нанимали сообща одного пастуха. Сезонные объединения по выпасу скота не обязательно создавались в пределах одной сельской общины, как это наблюдалось у закавказских курдов: в одно стадо могли собирать скот курды разных туркменских селений, это определялось материальными возможностями оплаты пастуха. В зависимости от вида скота пастухи назывались по-разному: пасший мелкий рогатый скот назывался *шэвоне пез*, пасший крупный рогатый скот — *шэвоне девир*.

Наряду с земледелием и скотоводством некоторое значение в хозяйстве курдов Туркмении имели домашние промыслы, но в гораздо меньшей степени, чем у закавказских курдов. Женщины пряли шерсть, ткали паласы (*холи*), изготовляли кошмы (*кулов*), ткали шерстяные хозяйственные мешки (*торве пштэ*), переметные сумы (*хурджин*), сумки для ложек (*торве кавчион*), сумки для соли (*торве хо*), веревки (*варис*) и т. п. Из предметов одежды ткали мужские пояса (*пышт*), мужские портянки

(*пытов*), вязали женские и мужские носки — однотонные (*буджоли*) и цветные (*курруқ*), широко распространившиеся впоследствии у туркмен.

После установления Советской власти курды получили возможность развивать свое хозяйство на новой экономической основе. С проведением в 1925—1926 гг. земельно-водной реформы в Туркмении курды наравне с туркменами получили землю и воду. В 30-х годах все курды объединились в коллективные хозяйства.

Первоначально существовали курдские колхозы, в 1935—1936 гг. курдские колхозы слились с туркменскими.

В настоящее время курды вместе с туркменами трудятся в колхозах и совхозах республики. Основное занятие курдских колхозников — богарное и поливное земледелие. Колхозники выращивают пшеницу, кукурузу, ячмень. Большое место в хозяйственной жизни колхозов и совхозов занимают овощеводство и садоводство. Для некоторых колхозов, таких, например, как «Коммунизм» или «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района, овощеводство является основным направлением хозяйства.

Колхозники выращивают картофель, капусту, томаты, огурцы, редис для снабжения населения Ашхабада и других промышленных центров. Хорошо развито также садоводство, преобладающие культуры — виноград, абрикосы, персики, вишня, алыча.

Животноводство в колхозах имеет второстепенное значение. Колхозники выращивают продуктивные породы мелкого и крупного рогатого скота. В совхозе им. Махтумкули Ашхабадского района, напротив, основной доход приносит животноводство (коневодство и разведение крупного рогатого скота).

За последние годы население приучается к занятию свиноводством, которое имеет пока незначительные масштабы. Большое место заняло в колхозах и совхозах птицеводство.

Значительное число курдов, живущих в городах Ашхабаде, Байрам-Али и в районных центрах — Геок-Тепе, Каахка и др., работает на промышленных предприятиях.

Из домашних производств в настоящее время сохраняется в основном вязание шерстяных носков для собственного потребления. Выделка паласов резко сократилась. Их вытеснили паласы и ковры фабричного производства и кошмы, имеющие повсеместное применение в быту. Кошмы валяют, как правило, со вкатанным разноцветным туркменским орнаментом и используют в качестве подстилок на земле, полу и деревянных топчанах — везде, где семья спит, отдыхает, принимает гостей.

Материальная культура

Общий для всех малых народов Советского Союза процесс сближения с культурой соседних с ними крупных народов происходит также в быту и культуре туркменских курдов. В силу ряда причин, основная из которых состоит в том, что курды и туркмены — народы, совершенно различные по своему происхождению, этот процесс еще не завершился, однако в послевоенные годы протекал очень интенсивно.

Традиционные элементы в меньшей степени сохраняются в жилище, мужской и детской одежде, пище; в большей степени — в женской одежде.

Старое жилище малоимущих курдов Туркмении представляло собой либо полуземлянку (*сум*), стены которой были выложены из камня, либо глинобитный дом. И в том и в другом случае дом состоял из одной жилой комнаты (*хоне, ой*). Очага в земляном полу, как это встречается у закавказских курдов, здесь не было.

Внутри жилого помещения стояли два — три столба (*куттак*), на которых лежала сквозная балка (*хаммол*), поддерживавшая четное число поперечных потолочных балок (*тир*). Балки покрывали камышом, засыпали землей и утрамбовывали, а сверху смазывали глиной, чтобы

вода не протекала в дом. Двери (*даре*) в таких домах были одностворчатые, деревянные, свет в комнату попадал через оставленные в стенах небольшие отверстия (*кун*). Для освещения жилья в зимнее время и вечерами курды пользовались масляными светильниками (*чиро*).

В зимнее время для обогревания жилья и варки пищи служила печь (*бухори*) типа камина, которую топили кизяком или высушенной травой (*хавшон*), собранной в горах. В горных селениях в домах старого типа такая печь бытует и теперь. Эта печь состоит из двух частей: верхней — дымохода в стене, называющейся собственно бухари, и нижней части — топки (*торни*), где варят пищу, а раньше также пекли зимой хлеб. Теперь хлеб выпекают в расположенной около дома специальной печи (*тандыр*), которой прежде пользовались только летом.

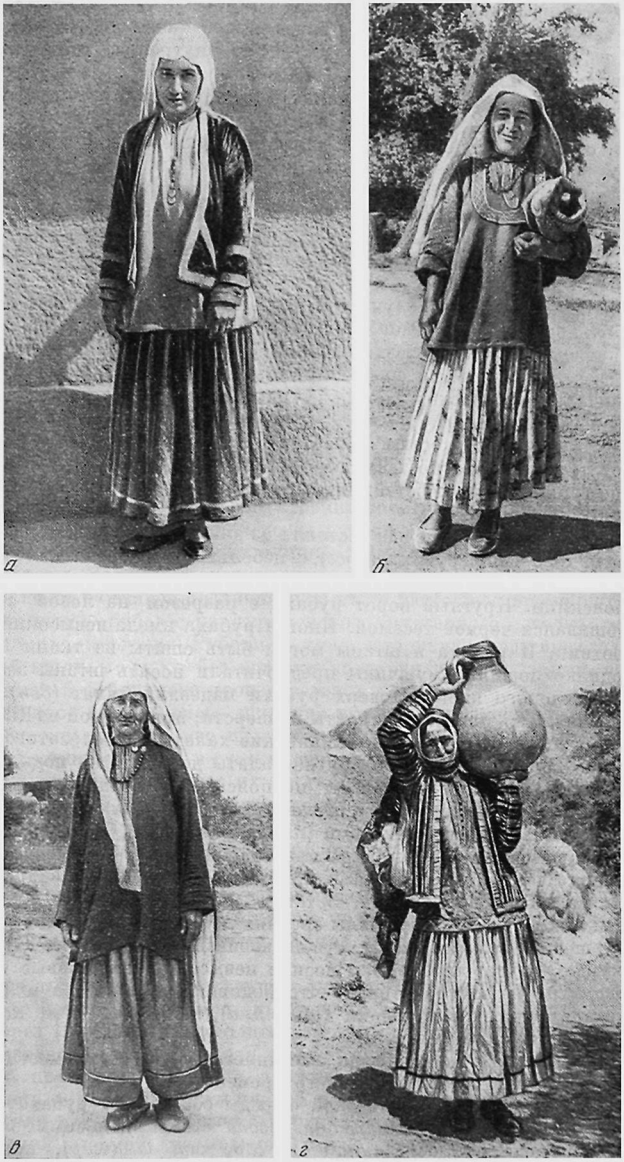
Внутреннее убранство небогатого курдского дома составляли две — три кошмы на полу, деревянная подставка со сложенными на день одеялами и подушками, колыбель (*хэлонак*), обычно подвешиваемая к потолочной балке, и ружье хозяина. В стенах были сделаны ниши (*тогча*) различной формы и величины, в которых размещались посуда (глиняные кувшины, миски), светильники и другие мелкие предметы. Ниши завешивали занавесками из хлопчатобумажной ткани. Семья спала на кошмах, разостланных на полу, тут же на полу ели и принимали гостей. Специальной комнаты для гостей (ода), как у армянских курдов, построенной обязательно рядом с конюшней, туркменские курды не имели. В Хорасане у наиболее зажиточных курдов имелись комнаты для гостей (*хоние мивонон*). Зажиточные курды Туркмении жили также в глинобитных домах, но состоявших из трех комнат, убранных дорогими коврами. Богатые скотоводы жили в шатрах (*кон*, *чодыр*).

В отличие от закавказских курдов, у которых жилые и хозяйственные помещения всегда составляли единый комплекс построек под одной кровлей, у зажиточных туркменских курдов кладовая (*гом*) и помещения для скота (*тавла*) строились под отдельными крышами, но располагались в один ряд, чаще под прямым углом к жилой части дома. Такие хозяйственные помещения строятся и теперь. У основной же массы курдского населения в прежнее время для скота не было отдельных построек; скот находился в том же помещении, где жила семья, в заниженной части у входа.

За годы Советской власти, особенно за последнее десятилетие, произошли огромные изменения в жилищно-бытовых условиях сельского и городского курдского населения Туркмении. Дома нового типа начали строить еще в 30-х годах, но массовое жилищное строительство особенно усилилось после землетрясения 1948 г., захватившего также районы расселения курдов.

В сельских местностях при каждом доме имеется приусадебный участок, на котором между домом и хозяйственными помещениями (коровником — *куме*, кладовой — гом и др.), отнесенными в конец участка, обычно посажены различные фруктовые деревья: алыча, абрикосы, вишни, а также гранаты и виноградные лозы. Часть участка отводится под огород.

В настоящее время в колхозах и совхозах широко практикуется строительство домов нового типа: из жженого и сырцового кирпича, на каменном фундаменте. Плоско-двускатные, двускатные или четырехскатные крыши покрывают железом, шифером или черепицей. Современные жилища имеют большие светлые окна, деревянные полы и потолки, обитые фанерой, покрашенной светлой масляной краской. Дома состоят из двух, обычно смежных, просторных комнат, в которые ведет вход через застекленную террасу и небольшую прихожую. Перед террасой устроена беседка, обвитая виноградом, в которой семья проводит большую часть времени летом. Для отопления в холодное время года служат чугунные



Курдянки в национальной одежде

а — селение Багир. Ашхабадский район; *б* — селение Гермаб, Геок-Тепинский район; *в* — селение Багир (костюм пожилых женщин); *г* — селение Чули. Ашхабадский район

или кирпичные печи. Все дома, даже в отдаленных от центра горных селениях, освещаются электричеством.

По внешнему виду дома курдов-колхозников ничем не отличаются от соседних с ними домов туркмен, однако во внутреннем убранстве еще сохраняется национальное своеобразие, сказывающееся в характере расположения вещей; в городах и в домах сельской интеллигенции эти традиционные черты в убранстве исчезли.

Если до установления Советской власти в Туркмении в курдском жилище, как и в туркменском, совершенно не было мебели, то теперь в каждом доме курдского интеллигента обычной является современная покупная мебель а также радиоприемники, телевизоры, вентиляторы, холодильники и т. п. В противоположность прошлому, когда курды жили в тяжелых антисанитарных условиях, современные жилища отличаются чистотой и опрятностью.

Все больший размах получает строительство общественных зданий: школ, больниц, детских садов, магазинов и хозяйственных помещений: сараев, конюшен и др. Во всех селениях, даже в горных, отдаленных от районного центра, имеются школы, почтовые отделения, больницы.

Национальная курдская одежда за годы Советской власти подверглась большим изменениям.

Мужской курдский костюм в настоящее время совершенно не отличается от туркменского костюма городского типа. Многие курды носят на голове туркменскую тюбетейку (*тахъя*) и барашковую высокую шапку (*тельпек*).

В прошлом мужская одежда состояла из длинной, спускавшейся ниже бедер, туникообразной рубахи (*крос*), с небольшими разрезами по бокам, и нешироких штанов (*дарпа*) длиной до щиколотки, по покрою схожих с туркменскими. Круглый ворот рубахи с разрезом на левой стороне груди обшивался черной тесьмой. Иногда рубаха имела невысокий стоячий воротник. И рубаха и штаны могли быть сшиты из ткани любого цвета, однако пожилые мужчины предпочитали носить штаны зеленого или темно-зеленого цвета. Поверх рубахи надевали халат (*дон*). Наилучшими считались полосатые халаты из шерсти, привозимой из Ширвана или Кучана (*доне фостуни*), или хивинские халаты из полосатого лощеного шелка (*доне хиве*). И те и другие халаты делались на подкладке и простегивались. Рубахи и халаты подпоясывали длинными поясами (*пыит*) из ткани или из козьего пуха (*пыите тифтк*); пуховые пояса у курдов назывались туркменскими (*пыите тырмони*), несмотря на то, что среди туркмен они не были распространены.

Во время работы курды повязывали голову небольшими квадратными платками из миткаля или ситца. В таких же платках они ходили и дома. При выходе из дома мужчины средних лет надевали войлочные или суконные шапки (*куме куловаги*), суживающиеся кверху и зачастую вышитые курдским узором. Старики носили невысокие барашковые шапки (*куме кыррыхт*) из шкурок только что родившихся ягнят, а молодежь предпочитала барашковые шапки (*шыпырма*), подобные тем, которые носили прикаспийские туркмены.

Женская национальная одежда сохраняется в сельских местностях, а частично и в городах до настоящего времени.

Комплекс национальной женской одежды составляют рубаха (крос, *койнех*), широкие штаны (*шыльваре бинэ, кодаи шыльвар*), носимые в качестве нательной одежды, юбка (*шыльваре сар, чит шыльвар*), короткая кофта (*кулла, кулладжа*), шапочка (*кум, культа*), носимая под платком, различные головные платки — из марли или кисеи (*кавн*), шелковый (*чаршав*), шерстяной (*шал*), носки или чулки и фабричная обувь.

Крос, койнех — свободная рубаха туникообразного покроя с длинными рукавами и небольшой вставкой на груди, с круглым вырезом во-

Дом колхозника. Селение Гермаб, Геок-Тепинский район, Туркменская ССР

круг шеи (а иногда и небольшим стоячим воротничком) и разрезом спереди до середины груди. Курдянки носят рубахи длиной до бедер, а женщины из группы тюрк — несколько длиннее. На бедрах рубаха имеет небольшие разрезы. Ворот и разрез на груди вышиты туркменским орнаментом. Рубахи шьют из тканей различного цвета. В настоящее время широко распространились рубахи из туркменского кустарного шелка красного цвета (*гырмызы кетени*). Рубахи из этого материала вследствие его незначительной ширины шьют без вставки на груди и более узкими, чем рубахи из тканей фабричного производства.

Шильваре бинэ — очень широкие штаны, производящие впечатление юбки благодаря тому, что шьются из 8—10 м бязи или ситца. В талии шильваре бинэ собраны в густую сборку и спускаются до щиколотки свободными складками. Шьют их из ткани синего или зеленого цвета. На расстоянии 6—7 см от нижнего края штанов нашивают узенькую белую ленту или тесьму (*мыдохил*).

Шильваре сар — широкая, собранная в талии в сборку юбка, надеваемая обычно поверх штанов. Чаще всего юбку шьют из светлых хлопчатобумажных тканей с цветочным орнаментом, иногда из подкладочного шелка. Как и на шильваре бинэ, по подолу юбки на некотором расстоянии от края нашивают тесьму. Длина юбки, как и штанов, приблизительно до щиколоток.

Пожилые женщины из группы тюрк вместо шильваре бинэ и шильваре сар носили широкие штаны на подкладке (*потча*, *балах*), простеганные через 15—20 см продольными стежками. Потча шили из трех кусков ткани разного цвета. Верхняя полоса, скрытая под рубахой, могла быть любого цвета, зато средняя должна была быть обязательно красной, а нижняя — черной. Куски черной и красной ткани (шелка или сатина) разделяли тесьмой мыдохил. Нижний край штанов обшивали черной шерстяной тесьмой, называемой также мыдохил. В настоящее время потча встречается довольно редко, чаще тюркские женщины носят шильваре бинэ без верхней юбки, надевая последнюю в праздники и когда отправляются в гости.

Кулла, кулладжа — чуть суживающаяся в талии короткая верхняя кофта с длинными рукавами, из-под которой выглядывает рубаха. Ее шьют на

Пожилой курд в современной рабочей одежде. Селение Гермаб, Геок-Тепинский район, Туркменская ССР

подкладке. Материалом для кофты служит яркий однотонный плюш или бархат. По бокам, как на рубахе, кофта имеет разрезы. Ворот, полы и манжеты обшивают шелковым шнуром или тесьмой. В старину на полы кофты нашивали монеты.

На голову курдские женщины набрасывают большой платок, сложенный треугольником. Чаще всего концы платка спускаются свободно на грудь, а в холодное время перекидываются на спину и завязываются узлом на шее. Лишь очень немногие женщины продолжают придерживаться старинного способа ношения платка. Концы платка они перекрещивают под подбородком и, закрывая ими рот, завязывают их на темени. Головные платки бывают нескольких видов. Наиболее распространен белый марлевый платок (кавн), которым покрывают голову и девушки и женщины.

Прежде широко бытовала девичья и женская шапочка (кум), из атласа или местного шелка, которую носили под платком. Кум надевали на голову так, чтобы лоб оставался открытым; на него свешивались монеты, пришитые к краям шапочки. Шапочку, украшенную монетами (*куме ви карон*), носили девушки и молодые замужние женщины (до рождения второго или третьего ребенка). У женщин старшего возраста шапочка была без украшений. В настоящее время кум сохраняется как обязательная часть головного убора у пожилых женщин.

Часть женщин, особенно из живущих в соседстве с туркменами или в городах и районных центрах, отказалась от ношения традиционного курдского костюма и стала носить национальный туркменский костюм или одеваться по-городскому. Иногда курдский костюм носят в сочетании с элементами туркменского костюма и купленными в магазине пальто и жакетами.

Старухи носят одежду темных тонов, в одежде молодых женщин преобладают красный и розовый цвета.

Прежде курдская девочка надевала описанную выше национальную одежду в 10—12 лет, а до этого ходила в длинной туникообразной рубахе. Теперь девочек одевают в платья из пестрых тканей— штапеля, сатина и т. п. Платья шьют с отрезным в талии лифом и чуть-чуть присборенной юбкой до колен, с длинными рукавами, круглым воротничком и небольшим разрезом спереди, застегивающимся на одну пуговицу.

Обувь у женщин исключительно покупная, фабричного производства. Ее надевают либо на босу ногу, либо на трикотажные чулки. Зимой носят среднеазиатские галоши, надетые на вязаные носки — белые или с разноцветными узорами.

Обязательным дополнением к национальной одежде женщин служат покупные украшения: бусы, серьги, кольца.

За последние годы большие изменения происходят в пище курдов. В пищевом рационе населения повседневными становятся туркменские и русские блюда. Современная пища колхозников становится все более разнообразной: появились различные мучные, кондитерские изделия. Большое место занимают фрукты и овощи. В районных и особенно городских центрах увеличивается сеть общественного питания. Заметно меняются обычаи, связанные с приемом пищи, а также посуда. Из традиционной пищи сохраняется хлеб домашней выпечки, пшеничные слоеные лепешки с маслом и медом (*фатир маска*), плов (*палов*) из риса, мяса и жареной лапши (*эришта*) и некоторые виды молочных национальных блюд. Курды, так же как и туркмены, потребляют зеленый чай.

Большим спросом у населения пользуется фабричная посуда: пиалы, чайники, подносы, чайные сервизы. Старинная утварь кое-где еще сохраняется в быту сельского населения. Это медный котел (*сител*) с двумя ручками для приготовления пищи по праздникам; *беруш* — котел такой же формы, что и сител, но меньших размеров. Чай в пиалах подают на медном подносе (*сини*). Для приготовления свадебного хлеба в большом количестве пользуются чугунным круглым листом (*сил*), который кладут на очаг.

Глиняная посуда почти не сохранилась у туркменских курдов. В прошлом она была представлена кувшинами с одной или двумя ручками для хранения масла и воды.

Из деревянной утвари очень редко, но еще встречается маслобойка (*яик*), представляющая собой узкий, довольно высокий сосуд.

Семья и обычаи

Бытовавшая в XIX в. патриархальная семейная община сменилась к началу XX в. малой моногамной семьей, поддерживающей тесные связи с большим кругом родственников. Среди малых моногамных семей встречаются неразделенные семьи, а также семьи, в которых женатые братья живут в разных домах, но питаются совместно. Если родители нетрудоспособны, то обычно живут с одним из сыновей.

Главой семьи является отец, если отца нет — старший брат. Большой властью и авторитетом пользуется дядя по материнской линии (*даи*). Мать в современной курдской семье также пользуется большими правами. Она воспитывает детей, приучает к хозяйству дочерей, оказывает на детей большое моральное влияние и является помощницей мужу в хозяйственной жизни семьи. Она же хранительница семейных доходов, распоряжается которыми отец.

Основной формой заключения брака до установления Советской власти являлась купля-продажа невесты за калым. Господствовал кузенный брак, широко был распространен левират. Предпочитались браки между членами одного тупара.

В настоящее время наблюдается увеличение не только числа браков между курдами, предки которых принадлежали к разным тупарам, но и числа смешанных браков с азербайджанскими, туркменскими и русскими женщинами. Курдские женщины реже выходят замуж за мужчин другой национальности.

В прошлом браки с туркменами считались не только недопустимым явлением, но и большим позором для всего тупара. Исключением были браки между курдами и туркменками племени анаули, поэтому туркмен-анаулинцев называют даи (родственники по материнской линии). Перед

революцией бедные туркмены покупали себе в жены курдских девушек, калым за которых был значительно меньше, чем за туркменок.

В современной курдской семье считаются с мнением молодежи. Браки заключаются по взаимной любви и свободному выбору. Повысился брачный возраст. Раньше девушку выдавали замуж, едва она достигала 12—13 лет, а юношу женили в 16—17 лет. Теперь девушки выходят замуж в 18—19 лет, а молодые люди женятся, когда им исполнится 21—23 года. Нередко юноши и девушки вступают в брак после завершения школьного или специального образования.

Уходят в прошлое старые обычаи, принижавшие женщину, вроде избегания, закрывания лица и т. п.

В доме мужа курдянка в течение нескольких первых лет замужества не имела права разговаривать с родственниками мужа до тех пор, пока они не делали ей подарки. Она не имела права одна выходить на улицу, разговаривать или даже находиться в одной комнате с посторонними мужчинами и т. п. Теперь курдская женщина не только свободно ходит по улицам, магазинам, учреждениям, но нередко и возглавляет тот или иной производственный участок в колхозе или на предприятии.

Немало курдских женщин с высшим образованием, среди них агрономы, педагоги, врачи. В Фирюзе, например, курдянка-врач возглавляет детский туберкулезный санаторий.

Уходят в прошлое многие старые семейные обычаи, связанные с рождением ребенка, наречением ему имени и воспитанием, приемом пищи и соблюдением определенного ритуала роженицей. Наибольшую устойчивость сохраняет похоронный обряд, обязательно проводятся поминки в 1-й, 3-й, 7-й и 40-й день после смерти и в годовщину. В похоронном обряде туркменских курдов немало различий с похоронным обрядом закавказских курдов и туркмен.

Довольно значительная часть населения еще отмечает мусульманские праздники: *курбанлык*, *ураза* и др. Повсеместно справляется весенний праздник *новруз*.

Торжественно отмечаются советские праздники: 1 Мая, 7 ноября, День Конституции. В эти дни в каждой семье устраиваются угощения, собираются гости, как и при проведении больших семейных торжеств, таких как свадьба, рождение сына, наречение имени ребенку и т. п.

Народное творчество и культура

У курдов Туркмении огромной популярностью пользуются народные пословицы и поговорки, сказки, короткие рассказы, легенды и песни (шуточные, лирические, свадебные, героические, трудовые и т.п.). Как и у многих других народов Востока, у курдов имеются свои сказители, певцы, народные поэты. Среди курдов Туркмении широко известно имя народного поэта Джафаркули, родившегося согласно устным преданиям в начале XIX в. в Хорасане, в семье курда-скотовода.

Богат и музыкальный фольклор курдов. Курдские мелодии, как правило, минорные и почти никогда не исполняются хором. Обычно часть мелодии начинает один мужчина, за ним продолжает другой, а окружающие слушают и в определенный момент (по окончании поющим куплета), подзадоривая исполнителя, восклицают: «ой-ой, хой-хой!».

На музыкальных инструментах — дутаре, зурне и барабане играют в основном на свадьбах и в праздничные дни. Под музыку и пение курды танцуют групповые национальные ритмичные танцы: *еке карсо*, *до карсо*, *се карсо*. Индивидуальных танцев народ не знал. У хорасанских курдов был распространен *белуджй* — танец двух мужчин с палками в руках.

До установления Советской власти курдское население, так же как и туркменское, было целиком предоставлено знахарям и муллам. Эпидемические болезни уносили сотни человеческих жизней. В условиях Средней Азии подлинным бичом были широко распространенные

болезни — пендинка, малярия, трахома. В настоящее время медицинским обслуживанием охвачены все районы республики. Большинство селений, в которых живут курды, связаны с Ашхабадом регулярным автобусным сообщением, что дает возможность, в случае необходимости, обратиться к квалифицированной медицинской помощи в городе.

Большие успехи достигнуты и в области просвещения. До революции в селениях не было ни одного грамотного курда. В 1920-х годах в крупных селениях Туркмении были открыты начальные школы и курсы ликвидации неграмотности (ликбезы). В настоящее время все курды учатся в школах на туркменском или русском языке, в каждом селении имеется школа, библиотека-читальня, красный уголок. Во многих селениях имеются клубы, а в районных центрах — дома культуры, где организуются лекции и беседы, демонстрируются кинофильмы.

Курды Туркмении активно участвуют в производственной и культурной жизни республики. Среди них немало передовиков сельского хозяйства, агрономов, учителей, врачей и общественно-политических деятелей.

РУССКОЕ, УКРАИНСКОЕ И БЕЛОРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В Туркестане, по данным переписи 1920 г.,[1] насчитывалось 437 тыс. переселенцев восточнославянского происхождения, более половины которых — 259 413 человек — жили в сельских местностях. Первое место по количеству переселенцев занимало Семиречье (116 400 человек), где помимо 32 чрезвычайно многолюдных крестьянских селений, расположенных в долине р. Чу, по северному, южному и восточному берегам Иссык-Куля, имелось 14 казачьих поселков близ городов Верного, Сергиополя и Капала. Сыр-Дарьинская область по количеству восточнославянского населения занимала второе место (96 754 человека), а по количеству поселков (263) — первое. Большая часть из них была сосредоточена в Аулие-Атинском, Чимкентском и Ташкентском уездах, а также в районе Голодной степи. В Закаспийской области имелось 46 переселенческих поселков (29 954 человека), расположенных вдоль линии Среднеазиатской железной дороги и Кушкинской ветки; в Ферганской области насчитывался 91 переселенческий поселок (12 597 человек), главным образом в Андижанском и Ошском уездах; в Самаркандской области было лишь девять переселенческих поселков (3708 человек), расположенных в Джизакском и Катта-Курганском уездах.

Восточнославянское городское население имелось и в старых среднеазиатских городах (например, в Ташкенте, Самарканде, Коканде), где оно жило в особых «русских» или «европейских» частях или кварталах; русские составляли значительный процент населения новых городов и поселков городского типа. Особенно много новых городов было построено во второй половине XIX в. (Красноводск, Ашхабад, Верный, Скобелев, Казалинск, Перовск и некоторые другие). Русское население городов формировалось из отбывших срок военной службы солдат, чиновников, ремесленников и интеллигенции. В начале XX в., в связи с постройкой промышленных предприятий и железной дороги, сюда переселилось много пролетариата из различных районов Украины и России.

Города, имевшие значительное русское население, были и в Бухарском ханстве, состоявшем под протекторатом России: Чарджуй, Новая Бухара, Керки, Термез. По неполным данным, русского населения в Бухарском ханстве было около 12 тыс. человек, в Хивинском — 800 человек.

---

[1] Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. I—V, Ташкент, 1922—1924. Данные по Семиреченской области извлечены из материалов Переселенческого управления.

По национальному признаку восточнославянское население Туркестана распределялось следующим образом:

Национальный состав восточнославянского населения в Туркестанском крае

Область	Восточных славян по отношению ко всему населению области, %	В том числе, %		
		великорусов	украинцев	белорусов
Семиреченская	11,7	9,3	2,2	0,2
Сыр-Дарьинская . . .	12,9	8,0	4,7	0,2
Закаспийская	9,0	7,7	1,1	0,2
Ферганская	5,3	3,2	2,1	0,0
Самаркандская	0,6	0,5	0,1	0,0

Приведенные цифры, заимствованные из опубликованных материалов переписей 1917—1920 гг., нельзя считать абсолютно точными, так как работники переписей в ряде случаев помимо рубрик «великорусы», «белорусы» и «украинцы» вводили и рубрику «русские». При подведении итогов «русских» приплюсовывали к «великорусам», что не всегда являлось правильным, так как, противопоставляя себя местному населению, многие переселенцы белорусы и украинцы называли себя «россейскими», или «русскими».

Название «россейские», или «русские», бытует среди русского, белорусского и украинского населения и в наши дни, поэтому мы иногда употребляем его в дальнейшем изложении для обозначения восточнославянского населения в целом.

О погубернском происхождении русского переселенческого населения Туркестана имеются данные лишь на начало века. Так, по сведениям, относящимся к 1904 г., 12,7% его составляли выходцы из Полтавской губернии, 10,2%—из Курской, 8,3% — из Черниговской, 6,8% — из Тамбовской, 5,3% — из Воронежской, 4,4% — из Орловской, 4,1% — из Харьковской, 3,9% — из Могилевской, 3,9% — из Самарской, 3,8% — из Вятской, 3,8% — из Витебской, 3,7% — из Пензенской, 2,9% — из Пермской, остальные из других губерний России, Белоруссии и Украины[1]. Местные обследования, как правило, давали то же соотношение: в большинстве областей преобладали выходцы из центральных черноземных губерний, крестьяне которых, как известно, страдали после реформы 1861 г. от большой земельной тесноты. Так, в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области 93,94% русских переселенцев составляли уроженцы южной и средней полосы России и Украины: 19,64% из Харьковской губернии, 14,48 из Области Войска Донского, 12,34% из Воронежской губернии, 10,2% из Астраханской губернии; остальные 37,28% из Курской, Полтавской, Орловской, Черниговской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерний и Кубанской области.

Заселение поселков производилось по-разному. При административном заселении состав их был часто монолитен. Например, в русских селениях, основанных в 1875—1877 гг. на Аму-Дарье, Сыр-Дарье и островах Аральского моря, жили высланные царским правительством уральские казаки. В большинстве же сел, заселенных «самовольцами» или с помощью переселенческих партий, население было смешанным. В Голодной степи и Приссыккулье преобладали выходцы из русских губерний, в Ферганской области — украинцы. Местами это нашло отражение

[1] Переселение крестьян Харьковской губернии, вып. III, Харьков, 1910, стр. 11.

и в топонимике. Например, один из концов с. Сазановки (ныне Ананьево, районный центр Иссык-Кульского района Киргизской ССР) в дореволюционное время по преобладающему населению назывался «Курщина», а другой — «Воронеж», в с. Тюп (Прииссыккулье) имелись Астраханская и Пензенская улицы.

Расселение землячествами встречалось, однако, довольно редко. Как показывают материалы Переселенческого управления, население большинства сел имело пестрый состав. Нередко встречались поселки, в которых непосредственно соседствовали выходцы из 15—20 различных русских, украинских и белорусских губерний.

В Казахстане к началу 1920-х годов насчитывалось 1 057 128 русских, 472 469 украинцев и 4072 белоруса, составлявших соответственно 29,9, 13,4 и 0,2% всего населения. Основная масса переселенцев (1 437 574 человека) и здесь жила в сельских местностях — в станицах и поселках[1].

Казачьи станицы были расположены главным образом по левому берегу р. Урала и по Иртышу. Крестьянские же селения распределялись по областям следующим образом: в Акмолинской области к 1913 г. было 483 селения (главным образом в Кокчетавском и Петропавловском уездах), в Тургайской — 232 (из них 140 в Кустанайском и 92 в Актюбинском уездах), в Семипалатинской — 67 селений, группировавшихся близ Усть-Каменогорска и Павлодара, а в Уральском и Темировском уездах Уральской области — 65 переселенческих поселков.

Русское городское население Казахстана было сосредоточено в Верном, Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Кокчетаве, Орске, Троицке, Уральске и более мелких поселениях городского типа.

Погубернское происхождение восточнославянского населения Казахстана было также чрезвычайно разнородно. В большей части степных районов оно было русско-украинским (с преобладанием в Павлодарском и Каркаралинском уездах украинских, а в остальных южнорусских элементов). В горных районах в основном жили русские (также с преобладанием выходцев с юга, за исключением района Бухтармы, заселенного севернорусскими уроженцами).

После Великой Октябрьской социалистической революции и последовавшей за ней гражданской войны массовые переселения крестьян в Среднюю Азию и Казахстан прекратились. Отмена помещичьего землевладения, а вместе с ним ликвидация причин земельного голода устранили необходимость переселения «на новые земли».

Рост русского населения происходил в дальнейшем главным образом в городах и промышленных центрах. Он был связан с осуществлением планов индустриализации ранее отсталых окраин царской России, ставших советскими республиками. Особенно большой прирост русского населения, занятого в промышленности, наблюдался в годы Великой Отечественной войны в связи с переводом в Казахстан и республики Средней Азии крупных промышленных предприятий из Европейской части СССР и перемещением сюда основных кадров рабочих, инженеров и техников этих предприятий. Приток русского населения в связи с развертыванием нового строительства продолжался и в послевоенный период.

Этим и объясняется тот факт, что карта расселения русских в сельских местностях Средней Азии остается и в наши дни без значительных изменений.

В Казахстан же, начиная с 1954 г., наблюдается значительный приток восточнославянского населения, главным образом в сельские местности, что связано с освоением целинных и залежных земель. Сентябрьский

[1] Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Алма-Ата, 1926. Приложение, стр. 80—87.

Пленум ЦК КПСС 1953 г., принявший историческое решение «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР», поставил задачу поднять и освоить в течение 1954—1955 гг. на территории Казахстана 10 млн. га целины. Понятно, что столь гигантская задача могла быть выполнена лишь ценой усилий всего советского народа. К июню 1954 г. в Казахстан по путевкам комсомола прибыло более 600 тыс. комсомольцев, значительный процент которых составляли уроженцы Москвы и Ленинграда, Московской, Тамбовской, Горьковской, Куйбышевской областей и Украинской ССР. Численность, национальный и «областной» состав этого продолжающего по сей день прибывать в Казахстан населения пока еще не установлены.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в среднеазиатских республиках и Казахской ССР в целом в настоящее время живет 6213,8 тыс. русских и 1034,9 тыс. украинцев, что составляет 31,5% численности всего населения названных республик. Больше всего русских и украинцев в Казахской ССР, где их насчитывается 4736,3 тыс., или 50,9% общей численности населения республики. Следующее место по численности русских и украинцев занимает Узбекская ССР. Здесь их живет 1178,6 тыс., что составляет 14,5% всего числа жителей республики. Крупный массив русских и украинцев сосредоточен и в Киргизской ССР — 760,6 тыс. человек (36,8% общего количества населения). В Таджикской ССР насчитывается 289,5 тыс. русских и украинцев (14,7%), в Туркменской ССР — 283,7 тыс. (18,7%). Больше всего украинцев живет в Казахской ССР (762 тыс. человек). Белорусы живут главным образом в Казахской ССР (107 тыс. человек) и в Узбекской ССР (9,6 тыс. человек).

Как показывают цифры этой переписи, численность населения Средней Азии и Казахстана с 1939 по 1959 г. возросла на 38%. При увеличении абсолютной численности коренных национальностей русское, украинское и белорусское население также сильно увеличилось, особенно в некоторых республиках, например, в Казахстане (за счет переселения на целину).

Говоры украинцев и белорусов Средней Азии и Казахстана до сего времени еще не описывались и не изучались. По русским же говорам имеются материалы, относящиеся только к двум группам: населению Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области и Прииссыккулья (Киргизия).

Лингвистическое обследование русского населения долины р. Бухтармы (Катон-Карагайский район) показало, что говоры бухтарминцев по происхождению принадлежат к северновеликорусской группе, но имеют некоторые особенности, порожденные долговременной изоляцией этой группы от коренного северновеликорусского населения, а также влиянием сибирских и южнорусских говоров соседнего населения.

К северновеликорусским чертам этого говора относится оканье, позднее частично нарушенное, взрывное *г*, лабиодентальное *в*, нечистое произношение звуков *ч* и *ц*, а также *т* без палатализации в глагольных окончаниях. Под влиянием сибирских говоров бухтарминцы произносят звук *ц* как *с*, местоимение *кто* в значении *что*. Под влиянием южнорусских говоров у них появляется аканье со всеми его следствиями.

Говор русских старожилов Прииссыккулья представляет собой более сложный конгломерат, сложившийся в результате смешения южнорусских говоров курско-воронежского типа, взаимовлияния с родственными украинскими говорами и неродственным киргизским языком.

Фонетические особенности этого говора следующие: недиссимилятивное аканье, яканье невыдержанного типа, фрикативное *г*, замена звука *в* звуком *у*, употребление *х* или *хв* вместо *ф*. Морфологические его особенности состоят в замене среднего рода женским; в существовании особой формы родительного и винительного падежей единственного числа

личных и возвратных местоимений на *е*; окончании на мягкое *т* глаголов настоящего времени 3-го лица; употреблении формы родительного падежа множественного числа на *-ов, -ев* для всех родов; окончании на *-ым, -им* прилагательных мужского рода единственного числа и др.

Словарный состав говора русского старожильческого населения Приссыккулья отражает пестроту состава переселенцев. Наряду с южновеликорусскими словами он включает довольно много северновеликорусских, украинских и киргизских слов, подвергающихся в ряде случаев фонетическому и морфологическому освоению. Большая часть киргизских слов относится к топонимике (названия сел — Тюп, Уйтал, рек — Аксу, Кызылсу и др.), местному растительному миру (джерганак — колючий кустарник, кунак — вид проса), поливному земледелию и скотоводству (арык — оросительный канал, кетмень — мотыга, турпак — бычок, кулун — жеребенок). Много тюркских слов и в своеобразном говоре уральцев. Включение в словарный фонд местных тюркских или иранских терминов (в зависимости от окружающей тюркоязычной или ираноязычной среды) — явление, характерное для всех групп восточнославянского городского и сельского населения. Уральцы были знакомы с казахским языком еще до переселения в Среднюю Азию.

Результатом повседневного общения с местным тюркоязычным и ираноязычным населением явилось не только включение ряда терминов, обогативших словарный запас русского населения, но также овладение одним или даже несколькими местными языками. Значительная часть русских — уроженцев Средней Азии и Казахстана — дву- или даже трехъязычна.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Исторические связи России со Средней Азией зародились много веков назад. После присоединения Казанского и Астраханского ханств в XVI и особенно в XVII в. торговые связи между Россией (в частности Сибирью) и Средней Азией стали быстро расширяться.

Большая роль в торговле принадлежала бухарским и хивинским купцам. К этому же времени относится установление и политических связей между Русским государством и среднеазиатскими ханствами, куда направлялись русские посольства.

Еще в XVI в. в Казахстане появились поселения яицких казаков. О достаточно подробном знании русскими Средней Азии свидетельствуют относящиеся к XVII в. русские «Дорожники».

Благодаря все большему усилению политических и экономических связей между русским народом и народами Средней Азии и Казахстана постепенно устанавливались контакты, приведшие в дальнейшем к важным последствиям.

Первые русские появились в Средней Азии значительно раньше. Сообщения о русском населении в пределах Средней Азии встречаются уже в письменных источниках XIII в. Францисканский монах Плано Карпини, посланный в 1264 г. папой Иннокентием IV с дипломатической миссией к монголам, при описании Средней Азии, через которую он проезжал, неоднократно упоминает о проживающих там русских пленных и указывает, что использовались они главным образом в качестве воинов и переводчиков. Иоанн де Рубрук, глава другой миссии, посланной туда же одновременно, отмечает, что русские пользовались репутацией не только прекрасных воинов, но и людей искусных в различных ремеслах, в частности в ювелирном деле и архитектуре. Благодаря таким качествам русских, прибывших в край добровольно или захваченных в плен и обращенных в рабство, ценили очень высоко и на родину не отпускали.

Путешественники XVIII в. также отмечают наличие в среднеазиатских ханствах большого количества рабов, захваченных в пограничных областях России и на побережье Каспийского моря. В последнем случае попадали в плен рыбаки, суда которых прибивало к восточному берегу Каспия. Русских и в это время продолжали ценить как переводчиков, а также знатоков в области военного дела и техники. Военная техника среднеазиатских ханств того времени находилась на очень низком уровне, например вооружение хивинской армии в начале XVIII в. состояло из луков. Создателем первой артиллерийской батареи здесь стал бывший русский ефрейтор Сергей-ага, который собрал и отремонтировал пушки, захваченные хивинцами в 1717 г. у отряда Бековича-Черкасского, научил местных воинов стрелять из них и отливать пушечные ядра. В то же время в Бухарском ханстве охрана ханского двора была возложена на отряд, сформированный из русских (свыше 100 человек), во главе которого стоял русский топчибаши, именовавшийся капланом[1]. Реформатором армии этого ханства также был русский — пленный сибирский казак Алексей Яковлев. Он разделил армию на полки и более мелкие воинские подразделения, ввел обязательную единообразную форму, команду и войсковую дисциплину. Благодаря ему бухарцы научились приготовлять высококачественный порох, лить пушки и исправлять ружья. В 1728 г. русские пленники возглавили восстание персидских и других рабов против хивинского хана Ширгази; хан был убит восставшими.

Начиная с первой половины XVIII в., границы России и коренных областей Средней Азии постепенно стали сближаться. В 1731—1732 гг. в русское подданство перешли разорявшиеся междоусобицами казахи Младшего и части Среднего жуза, в 1740—1846 гг. — Среднего и Старшего жузов, а с 1855 г. начался постепенный переход в подданство России северокиргизских племен. Вслед за воинскими частями и чиновничеством, размещавшимися во вновь основанных русскими фортах и городах, появились и военные поселенцы — казаки Оренбургского и Сибирского войск.

Организовывая принудительное заселение края казаками, русское правительство преследовало не только политические, но и экономические цели. Казачьи станицы должны были служить устойчивой опорой царизма в Казахстане и Средней Азии, а также непосредственным проводником его влияния на экономическую жизнь края.

Однако если правительству удалось достичь желаемых результатов в смысле укрепления политического влияния России, то в хозяйственном отношении его расчеты не оправдались. Казаки, получившие громадные наделы, предпочитали жить на доходы со сдачи в аренду этих участков, а проводником русской культуры в кишлаке и ауле стали в первую очередь переселенцы из среды трудового русского крестьянства.

Первые русские крестьянские поселения в Казахстане появились в XVIII в., некоторые даже в конце XVII в. Они были основаны в нынешней Восточно-Казахстанской области беглыми крестьянами из поволжских и центральных русских губерний, искавшими здесь прибежище от экономического и религиозного гнета, а также от рекрутчины. Эти поселения в труднодоступных горных долинах р. Бухтармы (по местной терминологии «в камне», отчего и все население получило название «каменщиков») долго оставались неизвестны правительству, и лишь с 1791 г. жители их были официально включены в русское подданство.

В 60-е годы XVIII в. русское население Восточного Казахстана значительно увеличилось за счет русских старообрядцев, бежавших от религиозных преследований за польский рубеж принудительно возвращенных на родину (поэтому их и стали называть «поляками»).

[1] Ф. Ефремов. Девятилетнее странствие. М., 1952, стр. 38.

В первой половине XIX в. в Казахстан было переселено незначительное количество «крепких крестьян» и богатых казаков, которые должны были служить опорой царизма в крае.

Так называемая вольная колонизация Казахстана относится ко второй половине XIX — началу XX в. Как известно, отмена крепостного права сопровождалась для русского и украинского крестьянства почти полным «освобождением» его от основного средства производства — земли. Мизерные наделы, чересполосица, отсутствие рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря заставляли крестьянина добровольно идти в экономическую кабалу к помещику. Особенно тяжелым было положение крестьян в центральных и южных областях России, страдавших после реформы 1861 г. от большой земельной тесноты. Поэтому-то основную массу переселенцев составляли южные великорусы и украинцы.

Укрепившись в Казахстане, царизм начал продвижение в Среднюю Азию, закончившееся в 80-х годах XIX в. Присоединенный край получил название Туркестанского генерал-губернаторства, территория же нынешнего Казахстана — Степного края.

Первоначально местная администрация отрицательно относилась к переселению в Степной край, опасаясь, что это может привести к упадку скотоводческого хозяйства. К 1890 г. русское население северных областей Казахстана было еще очень незначительным: в Кокчетавском уезде насчитывалось 12 селений, имевших около 4 тыс. жителей, в Петропавловском уезде — одно (менее 2 тыс. человек), в Омском — ни одного крестьянского селения.

Переселение же в коренные области Туркестана всячески поощрялось, так как считалось, что каждый новый крестьянский поселок имеет большее значение для закрепления власти России в крае, чем воинский батальон.

В 1869 г. были разработаны льготные правила для привлечения переселенцев в Семиреченскую область, которые были распространены позднее и на другие области Туркестана. На основании этих правил, повторенных с незначительными изменениями Туркестанским уложением 1883 г., и производилось расселение переселенцев. Лучшие покосы, орошенные пашни и другие удобные земли объявлялись государственными и передавались для наделения переселенцев.

По мере увеличения числа переселенцев, размер надела, составлявшего вначале 30 десятин на каждого переселенца мужского пола, сокращался. В 1876 г. он был официально уменьшен до 17, а вскоре сведен к 10 десятинам.

Несмотря на льготы и привилегии, переселение было тяжелым испытанием для крестьян. Только единичные кулацкие семьи приезжали с имуществом и капиталом. Основная масса переселенцев, гонимая с родины нуждой, добиралась до Средней Азии совершенно разоренной. По приезде мытарства продолжались. Бесконечное обивание порогов и выстаивание в канцеляриях далеко не всегда давало положительный результат. В некоторых пунктах свободные участки были давно разобраны, в других — их еще только собирались нарезать. Плохое материальное положение переселенцев приводило к массовой смертности их от голода и эпидемий.

Размещение переселенцев с каждым годом становилось все более затруднительным. Несмотря на официальное закрытие в 1889 г. Семиреченской области для переселения, переселенцы-«самовольцы», наслышанные о необычайном плодородии почв Туркестана, продолжали прибывать. Особенно большое количество их нахлынуло в 1892—1893 гг. из охваченных неурожаем районов Европейской части России. По закону самовольцы подлежали выселению из края, однако практически администрация просто игнорировала их. Голодные, доведенные до отчаяния люди устраи-

вались кто как умел. Они поступали батрачить к русским и местным богатеям или поселялись в русских старожильческих поселках в качестве квартирантов, арендуя землю у местного населения или захватывая ее. Бывали случаи, когда на захваченных участках образовывались не только хутора, но даже целые селения.

После подавления революции 1905 г., когда крестьяне потеряли надежду на прирезку наделов на месте, волна переселенцев достигла небывалого уровня. Тысячи крестьянских семей, в поисках лучших материальных условий, устремились в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Правительство в этот период поощряло переселения, так как господствующий класс — «помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России»[1].

Для размещения и устройства вновь прибывающих в 1906 г. были учреждены Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайско-Уральская, Акмолинская и Семипалатинская переселенческие партии. Земли для наделов изыскивались двояким образом: путем обводнения новых участков и изъятия «излишков» земель у коренного населения.

В Самаркандской области и Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области правительством проводились работы по орошению. В противоположность районам старых русских поселений, где значительный процент составляла крестьянская беднота, на землях нового орошения правительство насаждало кулачество. Орошенные участки вручались исключительно «крепким поселенцам». Эти кулацкие села, так же как и богатые казачьи станицы Семиречья, послужили впоследствии опорой царизма в Туркестане, что сказалось особенно отчетливо во время Октябрьской революции. В период гражданской войны они стали очагами контрреволюционных восстаний.

Крестьянская беднота находилась в очень тяжелых условиях. Истратив незначительные средства, вырученные при ликвидации хозяйства на родине, сотни переселенческих семейств в ожидании наделов вымирали от голода и эпидемий. К 1906 г. только в коренных областях Туркестана было зарегистрировано свыше 77 тыс. неустроенных переселенцев.

Между тем, Комиссии для выявления земельных излишков у коренного населения первоначально бездействовали, так как в районах оседлости такие излишки падали лишь на участки, совершенно непригодные для обработки. Значительный рост числа русских поселков в крае начался лишь после 1910 г., когда закон об изъятии излишков был распространен на кочевые районы.

С этого времени процесс изъятия земель пошел полным ходом. К 1915 г. в Сыр-Дарьинской области было изъято более 0,5 млн. десятин земли, в Семиреченской — 3,3 млн., а в Степном крае — 21 млн.

Процесс конфискации «излишков» у местного населения часто выливался в настоящий разбой со стороны местной администрации. В результате лучшие земли перешли в собственность переселенцев, казахи же были оттеснены в пустынные районы с солончаковой и песчаной почвой, киргизы — в высокогорные районы.

Однако все перечисленные меры не могли предотвратить кризис переселенческой политики царизма. Параллельно с ростом числа переселенцев на новые земли росло и число «обратных переселенцев». По данным одного только Ташкентского переселенческого района, процент обратных переселенцев в 1911 г. достиг 81% числа приезжающих, а в 1913 г.—99%.

«Этот громадный поток вконец разоренных обратных переселенцев с неопровержимой наглядностью говорит нам о полном крахе правительственной

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 46.

переселенческой политики»,— писал В. И. Ленин в статье «К вопросу об аграрной политике современного правительства»[1].

Не все неустроенные переселенцы попадали обратно на родину, в деревни. Многие расселялись в железнодорожных поселках и городах, образуя резерв, из которого комплектовался местный русский пролетариат.

Политика разжигания межнациональной вражды и недоверия между народами, которую проводило в Средней Азии и Казахстане, как и на других национальных окраинах, царское правительство, не принесла желаемых результатов. Как в среде крестьянства, так и в рабочих кругах представители разных национальностей постепенно находили общий язык и сплачивались на базе единых классовых интересов.

Начало XX в. в рабочем движении Туркестана ознаменовалось рядом забастовок, в которых участвовал сперва только русский, а затем и местный пролетариат. Наиболее организованно действовали рабочие железнодорожники, участвовавшие во всероссийской Октябрьской забастовке в 1905 г. Трудящиеся местных национальностей также постепенно втягивались в революционное движение и начинали понимать, что русский рабочий класс—друг и опытный союзник в борьбе с общими врагами — царизмом и капитализмом. Начали возникать межнациональные рабочие объединения. Одной из первых организаций такого рода явился возникший в 1905 г. на Успенском руднике в Казахстане «Русско-Киргизский союз борьбы против капитализма».

Проводниками марксистских идей в Туркестане были социал-демократы, появление которых здесь относится к 90-м годам прошлого века. Одними из первых сюда попали участники казанской социал-демократической организации В. Д. Корнюшин, Феофанов, Филиппович и А. Р. Бахарев.

К концу XIX в., в связи с ростом революционного движения в России, в Средней Азии и Казахстане значительно увеличилось количество политических ссыльных. Особенно много их было в городах Узбекистана (главным образом в Ташкенте) и Казахстана. В 1904 г. в Туркестан приехал М. В. Морозов — большевик, высланный из Петербурга за революционную деятельность. Значительно возросло число политических ссыльных после волны студенческих выступлений в центральной России. Туркестанская администрация начала отмечать появление в крае устной пропаганды, направленной к «низвержению существующего порядка», и распространение нелегальной литературы; она стала настаивать на прекращении использования Туркестана в качестве места ссылки. Однако это уже помочь не могло. Местные демократические силы к этому времени в достаточной мере окрепли, хотя социал-демократическим организациям приходилось работать в нелегальных условиях. В некоторых городах Средней Азии и Казахстана — в Ташкенте, Самарканде, Перовске, Уральске, Оренбурге, Семипалатинске и др.— имелись самостоятельные большевистские группы. Особенной организованностью отличалась ташкентская группа, состоявшая из рабочих железнодорожных мастерских. Большевики Н. В. Шумилов, И. Т. Фиолетов, В. С. Ляпин и другие проводили громадную работу по распространению большевистской литературы, внедрению в сознание народных масс идей партии большевиков, подготовлявшей социалистическую революцию.

Великая Октябрьская социалистическая революция подняла на борьбу за национальное и социальное освобождение угнетенные народы Средней Азии и Казахстана. Выдающуюся роль в штурме твердынь самодержавия, в свержении местных органов контрреволюционного Временного правительства и в создании первых Советов сыграл русский

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 160.

рабочий класс Средней Азии и Казахстана, выступавший в союзе с рабочими и дехканами местных национальностей.

С помощью Красной Армии трудящиеся Средней Азии разгромили силы контрреволюции и вступили на путь мирного строительства. Неоценимую помощь народам Средней Азии в этот период оказали посланцы Ленина, виднейшие государственные деятели — В. В. Куйбышев и уроженец Средней Азии М. В. Фрунзе.

Как и во всем многонациональном Советском Союзе, русские, украинцы и белорусы, живущие в республиках Средней Азии и Казахстане, в братском содружестве с народами этих республик вносят свой вклад в строительство коммунизма.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Сельское хозяйство в прошлом

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции основная масса русского населения Средней Азии и Казахстана жила в сельских местностях и занималась сельским хозяйством. Несмотря на то, что в большинстве районов землепользование имело общинный характер (подворно-наследственное пользование с периодическими переделами), русское население в социально-экономическом отношении было резко дифференцировано. Кулацкая группа, умело обходя все препоны, сосредоточила к этому времени в своих руках обширные земельные наделы и широко использовала наемную рабочую силу. Середняцкая прослойка была незначительна. Бедняки же, не имея необходимых средств производства, окончательно разорялись и превращались в батраков. Лишь некоторые из них выбивались и постепенно обзаводились самостоятельным хозяйством, подавляющая же часть, опутанная кабальной системой, так и застревала в работниках, умножая ряды сельского пролетариата. Кулачество состояло главным образом из верхушки казачества (внутри которого к этому времени также наблюдалась резкая дифференциация), старожилов, получивших, как известно, громадные земельные наделы, и «крепких» поселенцев, размещенных правительством в эпоху столыпинской реакции на землях нового орошения. Кулаки эксплуатировали своих односельчан и использовали местное население как дешевую рабочую силу, а также сдавали землю в аренду исполу или ссужали деньги на ростовщических процентах.

По приезде переселенцев им на первых порах приходилось многому учиться у местного населения. Новые климатические условия, новые почвы заставляли приглядываться к тому, как хозяйничает местное население: пашет, прокладывает арыки, орошает посевы. Основную сложность представляло освоение техники ирригации, на которой основано сельское хозяйство большей части районов Средней Азии. Переселенцы целиком, вплоть до названий, заимствовали ее у местного населения. Они также вводили в свой обиход некоторые сельскохозяйственные орудия, широко распространенные в Средней Азии (кетмень), и отдельные сельскохозяйственные культуры, которые не были знакомы им на родине (люцерна, хлопчатник, мак).

Большое разнообразие естественноисторических условий мест расположения русских селений (межгорные долины, Ферганская котловина, обширные равнины Казахстана и Узбекистана) определило и различный характер переселенческого хозяйства, основу которого в дореволюционное время составляло земледелие. В зависимости от климатической зоны развивалось богарно-поливное или чисто поливное полеводство. Форма хозяйства первоначально была примитивна — чаще всего двухпольная или трехпольная (с перелогом). Во всех районах (за исключением земель нового орошения) в дореволюционное время господствовали зерновые

культуры: пшеница различных, главным образом жестких, сортов (кубанка, арнаутка), ячмень, овес и просо. Незначительный, но постоянный процент составляли масличные (сурепка, подсолнух — 7—8%) и волокнистые культуры (лен, конопля — 4—6%). На землях же нового орошения, наоборот, основу хозяйства составлял хлопчатник, пшеницу сеяли в очень небольшом количестве или совсем не сеяли. Если хозяйства первого типа в основном имели натуральный характер, так как сами производили продукты питания и необходимое для одежды волокно, то отраслевые хозяйства второго типа уже всецело ориентировались на рынок.

Техника обработки почвы и уборки урожая у русских переселенцев находилась на несравненно более высоком уровне, чем у местного населения: железные плуги, бороны, лобогрейки, молотилки и веялки имелись во многих хозяйствах или обслуживали группы хозяйств. Кулачество часто использовало сельскохозяйственные машины, так же как и кустарные мельницы и маслобойки, для эксплуатации окружающего населения.

Помимо полеводства, существенную роль в хозяйстве переселенцев играли огородничество и садоводство. Здесь также господствовали растения, вывезенные из Европейской части России: на огородах — картофель, капуста, огурцы, помидоры, лук; в садах — яблоня, груша, слива, вишня и изредка виноград. Особенно широкое развитие садоводство получило у русского населения Ферганской долины, Южного Казахстана и Северной Киргизии.

Скотоводство, как правило, имело подсобное значение. Правда, благодаря лучшей материальной обеспеченности части переселенцев, по сравнению с прежними условиями жизни, возрос процент хозяйств с рабочим и продуктивным скотом, увеличилось количество скота в середняцких и кулацких хозяйствах, но все же процент хозяйств, у которых скотоводство стало основным занятием, был очень невелик. Известное развитие получили главным образом свиноводческие хозяйства в старожильческих селениях Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, фермы тонкорунного овцеводства в Сыр-Дарьинской и Ферганской областях, а также мараловодческие хозяйства в Восточном Казахстане. Продукция последних (панты) шла главным образом на экспорт (в Китай). Для ухода за крупным и мелким рогатым скотом большей частью нанимали пастухов из местных коренных национальностей — казахов или киргизов. Платили им натурой или деньгами, нанимали всем селом, улицей или индивидуально — в зависимости от зажиточности хозяйств и количества скота. С появлением русских в Туркестане и Казахстане начали разводить кур, возникли хозяйства, занятые разведением гусей, уток, индеек и цесарок.

Промыслы

Из промыслов наиболее распространенным в дореволюционное время было рыболовство, получившее широкое развитие у уральских казаков и являвшееся на Урале их исключительной привилегией. Ловля производилась ватагами под руководством выборных атаманов по ярлыкам, выдававшимся лишь казакам, находившимся на действительной военной службе. Они же строили и чинили запруды (*заколы*, *учуги*), преграждающие рыбе выход в Каспийское море. Основными орудиями лова были сети различной длины и ширины с ячейками в три и четыре пальца, *соромный багор* для ловли на мелководье и *яровой багор* для ловли на глубине. Древки последних отличались большой длиной. Ловля происходила весной (*вешняя плавня*), осенью (*осенняя плавня*) и зимой подледно. Пойманную рыбу, основную массу которой составляла белорыбица, скупали местные богатеи, которые вели крупную оптовую торговлю с отечественными и зарубежными фирмами. Особенно ценились на мировом рынке поступавшие отсюда балыки и зернистая икра.

Создателями крупного, для того времени технически оснащенного рыболовного хозяйства в Туркестанском крае стали также уральские

Рыболовные лодки и снасти уральцев на Аральском море. 1900 г.

казаки, высланные сюда царским правительством в 1875—1877 гг. за отказ подчиниться новому воинскому уложению. Они расселились по берегам Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и на островах Аральского моря и занялись охотой и рыболовством, поставив эти промыслы на широкую ногу: ввели сетный лов различных типов, построили садки и ледники для хранения рыбы и наладили регулярную оптовую торговлю с далекими районами Европейской части России. К концу 80-х годов прошлого века уральцы также завоевали репутацию искуснейших строителей лодок и лучших местных лоцманов.

Вторым по значению промыслом уральцев была охота, которой также занималось и местное коренное население, но в меньших масштабах, для своих личных потребностей. Уральцы же придали ей торговый характер. Охотились они преимущественно в осенние и зимние месяцы на диких свиней и птицу. Кабанье мясо засаливали и затем продавали местному восточнославянскому населению и войсковым частям Аму-Дарьинского отдела, а также сбывали в Оренбурге, Ташкенте и других городах. Помимо этого, уральцы с ружьем или при помощи капканов и самострелов охотились на диких коз, волков и лисиц.

Охота и рыболовство были широко распространены и у других групп восточнославянского населения Средней Азии и Казахстана, однако ни у кого из них, кроме уральцев, не являлись основными занятиями. Так, например, русские, жившие в районе Иссык-Куля, в основном являлись земледельцами, однако отчасти занимались рыболовством, вели и промысловую охоту на птицу, пушного зверя, медведей, кабанов, горных козлов и косуль.

Русские поселенцы были и зачинателями пчеловодства, получившего повсеместное развитие, главным образом на богатых пастбищах с медоносными травами в районах Казахстана и Киргизии. Так, имелись пасеки, в которых насчитывалось до 500 ульев и более, первоначально дупляных, а с 70-х годов XIX в. и рамочных. Ташкентские купцы скупали мед на

местах, в русских поселках, и целыми обозами сбывали его чаще всего в пределах Туркестана. Особенно большое количество меда поступало из Лепсинского уезда, получившего даже прозвище «медового».

Помимо перечисленных занятий, русские, жившие в сельских местностях, занимались извозом, лесным промыслом, плотницким, столярным, сапожным, кузнечным, ткацким, портняжным и гончарным ремеслами.

* * *

Наличие постоянного сельскохозяйственного и промыслового русского населения в крае оказало огромное положительное влияние на развитие хозяйства местных национальностей Туркестана. Начиная с конца прошлого века казахская и киргизская беднота, лишавшаяся скота и пастбищ, селилась вокруг русских сел, заимствуя у переселенцев навыки оседлого быта и оседлого земледельческого хозяйства.

В сельском хозяйстве Средней Азии с приходом русских произошли значительные сдвиги: увеличилось количество посевов на богаре, улучшились сорта местных сельскохозяйственных культур (хлопчатник, табак, виноград), появились некоторые не известные здесь ранее зерновые, огородные и технические культуры (овес, картофель, капуста, помидоры, сахарная свекла и др.). В связи с оживлением торговли и обмена некоторые отрасли хозяйства, как, например, плодоводство, виноделие, пчеловодство, молочное хозяйство и рыболовство, начали приобретать товарный характер. Русские стали улучшать породы местного молочного скота и лошадей, внедрять новые навыки консервации пищевых продуктов: соление рыбы и мяса, квашение овощей и др.

Прогрессировала и сельскохозяйственная техника: под влиянием русских в крае появились косы, плуги, конные грабли, молотилки, сеялки и другие сельскохозяйственные машины и орудия. Существенную роль в их распространении сыграли правительственные склады сельскохозяйственных машин, так же как и склады Переселенческого управления. Стоимость машин, доставляемых из далекой России, была, однако, очень велика, и поэтому они были доступны лишь байским и зажиточным хозяйствам. Проводниками передовой техники в области рыболовства стали уральцы, под влиянием которых на Сыр-Дарье и Аму-Дарье появились усовершенствованные орудия лова, а господствующим типом лодки стала уральская *бударa*.

Рабочий класс в Средней Азии в конце XIX в. только еще нарождался и был разобщен, что объяснялось преобладанием мелких, изолированных одно от другого полукустарных промышленных предприятий. В Закаспийской области имелись соляные разработки, в Ферганской и Сыр-Дарьинской — нефтяные промыслы и каменноугольные копи, а также хлопкоочистительные заводы. Более или менее компактная масса рабочих была только на железных дорогах. Здесь, так же как и на других промышленных предприятиях, русские составляли наиболее квалифицированную и сознательную часть рабочих. Вопреки стремлениям царизма расколоть рабочее движение и усилить национальную рознь русские рабочие вовлекали трудящихся местных национальностей в революционную борьбу, распространяли в их среде марксистско-ленинские идеи интернациональной солидарности и дружбы народов.

Значительный процент русского населения городов Средней Азии и Казахстана составляло также чиновничество и интеллигенция.

Социалистическое хозяйство

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в занятия, хозяйственную жизнь и производственный быт русского населения Средней Азии и Казахстана. В единой дружной семье с местными национальностями русские, украинцы и белорусы участвовали в преобразовании экономики республик Средней Азии и Казахской ССР.

При повседневной братской поддержке русского народа и других народов СССР, под руководством Коммунистической партии, при неизменном внимании и помощи со стороны Советского правительства на месте отсталых колоний царизма выросли социалистические республики с высокоразвитой промышленностью и крупным механизированным сельским хозяйством. Здесь возникли такие крупные предприятия, как текстильные комбинаты в Ташкенте и Душанбе, Ленинабадский шелковый комбинат, Узбекский и Карагандинский металлургические заводы, Карагандинский угольный бассейн, Фрунзенский завод сельскохозяйственного машиностроения и многие другие. На всех предприятиях промышленности, в строительной индустрии, на транспорте заняты сотни тысяч русских рабочих, инженеров и техников, считающих своим долгом не только самоотверженно трудиться, но и повседневно помогать молодому рабочему классу местных национальностей овладевать современной техникой.

Русские были первыми техническими специалистами и первыми инструкторами на создававшихся с их же участием крупных современных фабриках, заводах и шахтах. С их помощью выросли многочисленные кадры инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих из узбеков, казахов, таджиков, киргизов, туркмен.

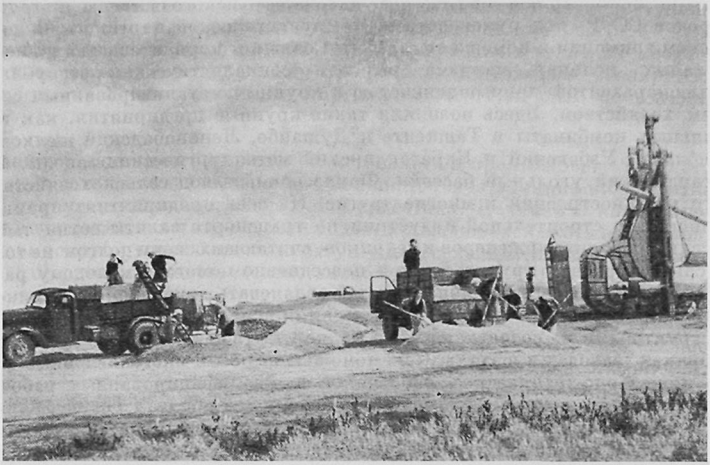
В историю социалистического строительства среднеазиатских республик и Казахстана вписано немало славных имен представителей русской технической интеллигенции, бескорыстно отдававших свой опыт и знания делу экономического развития этого края. Среди них следует назвать Ф. Г. Логинова, руководившего постройкой Чирчикского электро-химического комбината в Узбекистане, проф. А. Н. Аскоченского — главного инженера по проектированию Большого Ферганского канала, М. Д. Свириденко — главного инженера таджикской части того же канала, строителя Гиссарского канала, а позже наркома водного хозяйства Таджикистана. Именем М. Д. Свириденко названа одна из улиц Душанбе, гидротехнический техникум и железнодорожная станция близ столицы Таджикистана.

Больших успехов добилось русское, украинское и белорусское население в развитии сельского хозяйства. Решающую роль в этом сыграло объединение крестьян в коллективные хозяйства и организация крупных государственных сельскохозяйственных предприятий — совхозов.

Благодаря огромному размаху ирригационного строительства посевная площадь республик Средней Азии и Казахстана с каждым годом расширяется. Увеличивается она и путем улучшения почвы в южных районах, где успешно ведется борьба с ее засолением. На севере для повышения влажности и ослабления вредоносного действия ветров произведены лесозащитные насаждения.

Особенно большое количество новых площадей (свыше 23 млн. га) вступило в строй в Казахстане, начиная с 1954 г., в результате подъема целинных и залежных земель. Создано 337 целинных совхозов в степных районах, не имевших прежде постоянного оседлого населения, сотни совхозов в еще недавно слабо заселенных районах республики.

Доминирующей культурой в большей части республик Средней Азии является хлопчатник, а в Казахстане — пшеница, однако и там, и тут большинство колхозов и совхозов представляют собой комплексные многоотраслевые хозяйства. Это характерно в особенности для колхозов и совхозов со смешанным национальным составом, которые часто встречаются на территории края. Особенно много их появилось в последние годы в связи с укрупнением колхозов и освоением целинных и залежных земель. Интересно отметить, что специализация в многонациональных колхозах, как правило, соответствует производственным навыкам и традициям представленных здесь народностей, что особенно рельефно выявляется в тех многоотраслевых хозяйствах, где наряду с полеводством развивается



Совхозный ток. Совхоз «Шолоксайский». Октябрьский район, Кустанайская область, Казахская ССР

животноводство. В подобных хозяйствах (составляющих значительный процент в Киргизии и Казахстане) киргизы и казахи работают преимущественно в области животноводства, в то время как русские и украинцы — в области полеводства.

Так, в Прииссыккулье, где, по данным переписи 1939 г., русские составляли 31,7%, а украинцы 7,9% общего числа населения, значительная часть селений имеет смешанный национальный состав. Многие колхозы этого края ведут комплексное хозяйство, ежегодно дающее значительные денежные доходы. Например, в колхозе «Коммунизм» (с. Покровка Джеты-Огузского района), в котором объединены русские и киргизы, почти равные доли дохода дают его главные отрасли—животноводство и растениеводство. Прибыль от животноводства (обслуживаемого преимущественно киргизами), складывается из доходов от реализации молочных продуктов, мяса свиней и рогатого скота (алатауской и швицкой пород), а также шерсти и мяса тонкорунных и полугрубошерстных овец. Кроме того, приносит доход и ферма для разведения чистопородных лошадей орловской и донской пород.

В растениеводстве, обслуживаемом главным образом русскими, основной доход дает реализация зерновых (высокосортные сорта пшеницы, фуражные культуры) и лекарственного мака.

Благодаря внедрению передовой агротехники колхоз получает довольно высокие урожаи. Так, например, вместо 12—13 ц с 1 га, считавшихся в прошлом предельным урожаем, в настоящее время передовики сельского хозяйства собирают до 30—33 ц пшеницы и других зерновых культур.

Значительный доход приносят также огороды, бахчи и в особенности возделывание ценной, но очень трудоемкой культуры — лекарственного мака. Сбор опия-сырца производится, как правило, девушками и женщинами; эта работа требует большой тщательности и терпения.

Девушки и женщины составляют также основные кадры садоводов. Здесь культивируются главным образом семечковые и косточковые сорта фруктов, в том числе знаменитый алма-атинский апорт, лимонка и дру-

Тепличный комбинат колхоза им. Логвиненко. Чуйская долина, Киргизская ССР

гие сорта, получившие заслуженную известность и за пределами Киргизской республики. Продукция садового хозяйства вывозится свежей или в виде сухофруктов, а также перерабатывается заводом в Пржевальске на плодоягодное вино.

Культура сахарной свеклы появилась в Средней Азии одновременно с поселением русских. Однако широкое распространение она получила после Великой Октябрьской революции и главным образом в Киргизии и Казахстане. До недавнего времени наивысшие урожаи этой культуры (607 ц с 1 га) собирали в Швеции и Голландии. Начиная с середины 30-х годов XX в. колхозники Киргизии и Казахстана стали перекрывать этот показатель.

Такие блестящие результаты в области сельского хозяйства стали возможны лишь благодаря высокой культуре земледелия и его широкой механизации.

Культурно-технический уровень колхозников повышается с каждым годом, чему способствует разветвленная сеть агро- и зоотехнических курсов, где занятия с колхозниками проводят лучшие мастера социалистического сельского хозяйства, агрономы и научные работники. В местных домах сельскохозяйственной культуры, на селекционных станциях, опытных полях проводятся работы по повышению урожайности различных культур и подъему продуктивности животноводства. Для облегчения обмена опытом и популяризации методов получения высоких урожаев выпускаются книги и брошюры, освещающие опыт новаторов и передовиков производства.

Высокая агрономическая культура сочетается в колхозах с разносторонним использованием машин и механизмов. Первыми трактористами и комбайнерами в Средней Азии и Казахстане были русские. Они воспитали многочисленные технические кадры из местных национальностей, но и сами сегодня составляют значительный процент среди механиков, комбайнеров, трактористов и преподавателей в школах механизации.

За выращивание высоких урожаев сельскохозяйственных культур значительная группа колхозников, колхозниц и работников совхозов среднеазиатских республик и Казахстана, в том числе русских, украин-

цев и белорусов была удостоена высоких наград. Особенно много труженников сельского хозяйства было награждено в связи с освоением целины

За успехи в освоении целины Казахская республика была награждена в 1956 г. орденом Ленина; эту награду заслужили вместе с другими и русские труженики сельского хозяйства Казахстана. О роли восточнославянского населения в народном хозяйстве этой республики свидетельствует хотя бы тот факт, что из 139 лиц, удостоенных в 1957 г. почетного звания Героя Социалистического Труда, 116 являются по своей национальности русскими и украинцами. В Узбекистане заслуженную известность в последние годы получил один из инициаторов комплексной механизации хлопководства, ныне Герой Социалистического Труда Валентин Тюпко.

Животноводство как основная отрасль производства получает наиболее широкое развитие в Киргизии и Казахстане, бескрайние пастбища и сенокосы которых представляют неограниченные возможности для разведения и выпаса скота. Пастбища Узбекистана расширяются за счет безводных в прошлом пустынь. Развитию животноводства способствует строительство артезианских скважин в Кзылкумах, что обеспечивает рост водопоев для скота.

Для современного общественного животноводства характерно умелое использование природных условий, а также последних достижений советской биологической науки и передовой техники. Животноводческие фермы русских сельхозартелей перенимают опыт казахских колхозов и используют различные виды выпаса скота, вплоть до частичного использования зимнего отгона. В то же время русские и украинцы передали бывшим кочевникам из местных национальностей Средней Азии и Казахстана свой богатый опыт стойлового содержания скота, которое теперь широко применяется во многих местных колхозах. На фермах повсюду развертываются работы по механизации производственных процессов, внедрению таких прогрессивных приемов животноводства, как бесстаночное и беспривязное содержание скота, уплотненный окот овец и др.

За советский период сделано многое для улучшения пород местного скота. Научные работники совместно с передовиками животноводства вывели высокопродуктивные породы животных, прекрасно приспособленных к местным климатическим условиям: тонкорунных и полугрубошерстных овец, ангоризованных коз, мясо-молочные и молочные породы крупного рогатого скота, а также рабочих и скаковых лошадей. В ряде городов и сел Средней Азии имеются ипподромы, на которых демонстрируются и испытываются выращенные в районах скакуны.

Во всех этих достижениях немалая роль принадлежит русским специалистам и практикам-животноводам, имена которых встречаются среди лауреатов Государственных премий и Героев Социалистического Труда.

Селения и жилища

Внешний вид русского села в Средней Азии мало отличается от обычных степных украинских или великорусских сел, называемых в литературе линейными. Они расположены по течению рек или вдоль дорог и имеют одну, иногда очень длинную, или несколько параллельно распланированных улиц. Центром такого села служит площадь, вокруг которой расположены правление колхоза, клуб, школа и другие общественные здания. На окраине же поселка группируются фермы и другие хозяйственные постройки. Особенным благоустройством отличаются усадьбы целинных зерносовхозов Казахстана. Они застраиваются по типовым проектам, разработанным в Москве и Ленинграде в Институте градостроительства, но благодаря «привязке» к конкретной местности выглядят не стандартно. В ряде совхозов и колхозов края на площадях уже выросли монументальные здания средних школ (пос. Банновка Федоровского района), дворцов культуры (пос. Комсомолец Карабалыкского района), административных корпу-

Общий вид центральной усадьбы совхоза «Федоровский» Федоровский район, Кустанайская область, Казахская ССР

сов. Кое-где уже ясно вырисовываются контуры хорошо спланированных, красиво архитектурно оформленных агрогородов.

Отличительной чертой русских сел является обилие в них зелени. Издали они кажутся огромным садом. Если посадка по обочинам шоссейных дорог тополей, буков и вязов, украшение улиц газонами, клумбами и живой изгородью в богатых колхозах и совхозах края — достижение советского времени, то озеленение сел древесными насаждениями имеет за собой многолетнюю традицию. Вековые тополя обрамляют улицы, а на приусадебных участках везде имеются плодовые сады[1]. Приусадебные участки располагаются по обеим сторонам улицы, и каждый из них разделяется на две части: хозяйственный двор и огород. Господствующим является двор открытого типа, застроенный по периметру хозяйственными постройками. Непременной принадлежностью его служат хлев и навесы для содержания скота, погреб, амбар, баня, летняя кухня или летняя печь. Все хозяйственные постройки, за исключением амбара, который в ряде районов (Северный Казахстан, Киргизия) стремятся сделать срубным, сооружают из глины. На севере Казахстана (в Кокчетавском, Павлодарском и Щучинском районах) преобладает двор закрытого типа. Его пристраивают вплотную к дому (двурядная связь) и полностью перекрывают двускатной крышей, под которой и размещают все хозяйственные постройки и колодец. В первых двух районах, где лес почти не растет и поэтому ценится очень дорого, стены двора часто делаются из жердей.

Первоначально в большинстве районов дома ставили длинной стороной вдоль улицы — планировка, характерная для южных великорусов. В последние годы эта традиция начинает исчезать и основная масса новых домов ставится вдоль усадьбы, торцом к улице.

До революции господствующим типом было двухкамерное жилище, состоящее из сеней и избы. Трехкамерное жилище «из хаты в хату», состоящее из сеней, избы и горницы[2] и генетически представляющее собой

[1] Исключение в этом отношении составляют высокогорные села Восточного Казахстана, где садов, как правило, нет, так как фрукты здесь не вызревают.

[2] Дома с подобным планом встречаются в степной части Украины и у южных великорусов (вне зоны срубных построек) и, в частности, характерны для Воронежской губернии. (Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 158).

дальнейшее развитие жилища двухкамерного типа, бытовало реже и являлось признаком известной зажиточности.

Трехкамерное жилище «на две хаты» (изба и горница, разделенные сенями) было менее распространено. Многокомнатные дома с коридорной системой городского типа можно было встретить еще реже и только у верхушки кулачества. Обычно же и кулацкие дома имели излюбленную двухили трехкомнатную планировку и лишь отличались бо́льшим размером комнат.

В настоящее время, наряду с широко бытующими постройками старого типа, имеется много трех- и четырехкамерных домов, возводимых по типовым проектам. Это чаще всего дома-«крестовики», состоящие из сеней, *прихожей хаты* (кухни), горницы и спальни.

Государственное строительство в совхозах осуществляется главным образом путем сборки каркасных домов, доставляемых в разобранном виде. Чаще всего это одноэтажные дома на четыре квартиры, каждая из которых состоит из двух-трех комнат. Однако встречаются и двухэтажные постройки на 14 квартир и более.

Внутренняя планировка основной жилой ячейки — избы — не имеет единообразия. Наряду с широким распространением западного и восточного вариантов южнорусского плана (печь ставится сбоку от двери, устьем к длинной стороне дома), часто встречается план северновеликорусского типа (печь справа или слева от двери, устьем к торцовой стене дома) и украинского типа (печь по диагонали от двери, устьем или боком к ней).

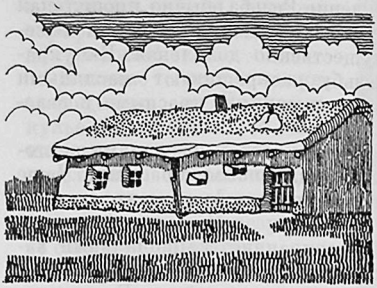
По технике постройки жилище русского населения Средней Азии и Казахстана можно разделить на четыре группы: к первой группе относится срубное жилище из бревен, горбылей или плах (с последующей двухсторонней штукатуркой или без нее), распространенное главным образом в Восточном Казахстане и в Прииссыккулье (Киргизия). Вторая группа — это каркасное жилище, состоящее из двух рядов жердей (с камышовыми или соломенными прокладками между ними и с двухсторонней штукатуркой). Оно распространено в ряде областей Казахстана (Кустанайская и др.) и во всех бедных лесом районах Средней Азии, особенно в местах с сильно засоленными почвами (Гулистанский район Узбекской ССР). Третья группа — глинобитные жилища. Четвертая группа — жилища из сырцового кирпича. Оба последних типа тоже повсеместно распространены в безлесных районах Средней Азии.

Жилище перекрывается чаще всего четырехскатной соломенной или камышовой крышей. В местах с особо засушливым климатом бытует двускатная, слабо профилированная крыша и изредка встречается плоская кровля. Ее обмазывают глиной, смешанной с рубленой соломой или половой в пропорции 1 : 10.

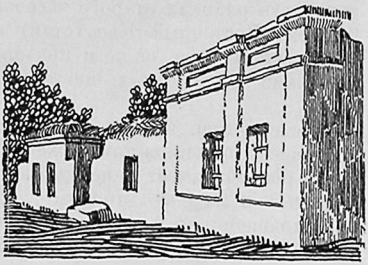
В Южном Казахстане крыша со стороны входа значительно удлиняется и имеет дополнительную опору в виде четырех-восьми столбиков. Это крытое пространство называется *галерейкой*. Нередко галерейку делают с двух, реже с трех сторон здания. В послевоенные годы часто вместо галерейки строят остекленную террасу.

В передовых колхозах Казахстана бытовые удобства проникли на полевые станы, где построены капитальные дома, бани с душами, имеются зеленые насаждения. Это настоящие оазисы в степи. Полевые станы имеют телефонную связь с правлением колхоза.

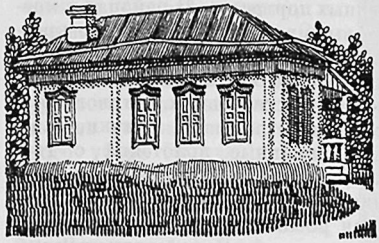
Близость культур русского, украинского и белорусского народов и давнее тесное сожительство привели к тому, что у смешанного восточнославянского населения выработались общие декоративные приемы внешнего оформления жилища. Так, например, все глинобитные и каркасные постройки (независимо от национальной принадлежности предков хозяев) белят, а также нередко украшают резьбой великорусского типа или



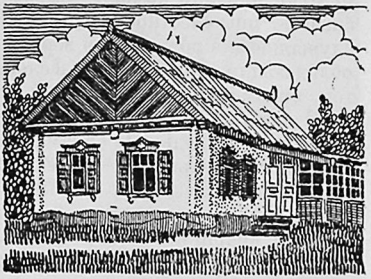
1



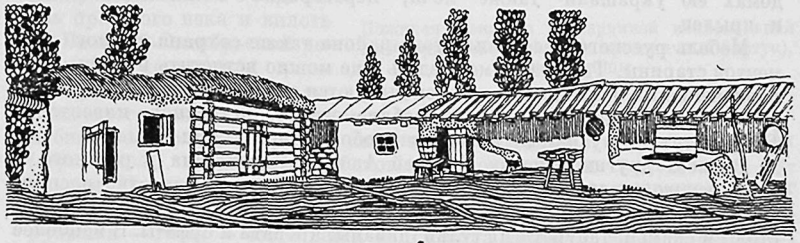
3



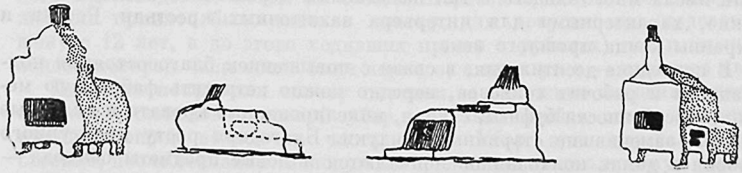
2



4



5



6

Типы жилищ русских и украинцев в Средней Азии

1— старый тип жилища—дерновая полуземлянка (украинцы, Северный Казахстан); *2* — срубный дом-крестовик (русские, Южный Казахстан); *3* — дом из сырцового кирпича (поселок уральцев в Кара-Калпакии); *4*— камышитовый дом новейшего типа (русские, Казахстан); *5* — надворные постройки (Прииссыккулье),слева направо: курятник, амбар, поветь, летняя кухня, погреб; *6* — типы летних печей

росписью, имеющей украинское происхождение. Резьба обычно пропильная и лишь в районах старого заселения с преобладающим русским населением (Восточный Казахстан) преимущественно долбленая. Ею украшают наличники окон и подзоры. Резьбу раскрашивают масляными красками контрастных цветов: желтыми и синими, красными и зелеными.

Роспись стен здания выполняется местными цветными глинами желто-оранжевых оттенков или реже покупными анилиновыми красками. Чаще всего роспись имеет линейные контуры и обрамляет фундамент, а также оконные и дверные проемы.

Украшения внутри дома более стойко сохраняют национальный характер. У жителей украинского происхождения в Южном и Восточном Казахстане можно еще кое-где встретить настенную роспись. Ее наносят в простенках и на внешней стороне русской печи анилиновыми красками от руки или при помощи самодельных штампов. Более широкое, можно сказать, повсеместное распространение имеют декоративные полотенца, служащие для обрамления зеркал и семейных портретов. В районах с преобладающим украинским населением их вышивают исключительно крестом, орнамент — растительный (мотивы розы, вьюнка и др.).

В районах с преобладающим русским населением полотенца вышиты крестом или гладью. В орнаменте их, кроме растительных мотивов, значительный удельный вес имеют и зооморфные (петушки, птички, львы и др.). Встречаются также искусно вытканные полотенца с геометрическим орнаментом (*крюк*, *репей*, *круг*) и домотканные настенные коврики. У русского населения Восточного Казахстана в некоторых домах сохранилась декоративная роспись масляными красками подпечья, полатей, бровок над окнами и дверей. В дореволюционный период эта роспись имелась в домах большинства крестьян, в богатых же домах ею украшали также печи, перегородки и потолки комнат и крылец.

Мебель русского населения этого района также сохранила много элементов старины. Так, например, здесь еще можно встретить полати, хотя назначение их изменилось: они используются уже не для сна, как в старину, а для хранения редко употребляемого хозяйственного инвентаря. Бытует тут и кухонный шкафчик особой конструкции—*залавок*.

Во всех других районах Средней Азии и Казахстана у русского и украинского населения до недавнего времени была повсеместно распространена подвижная деревянная мебель выделки местных мастеров: столы и скамьи, табуреты и стулья, диваны, кровати и буфеты. В наиболее зажиточных домах их украшали росписью масляными красками, обычно же окрашивали коричневой краской для пола. По своим формам эта мебель имела много общего с так называемым деревенским ампиром и барокко, характерными для интерьера зажиточных крестьян России и Украины конца прошлого века.

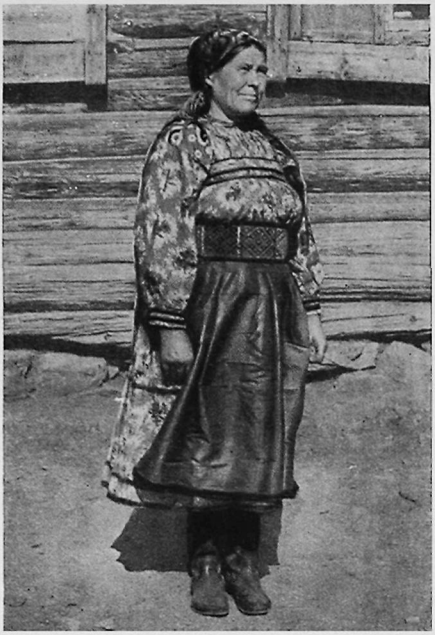
В последние десятилетия, в связи с повышением благосостояния колхозников и рабочих совхозов, нередко можно встретить фабричную мебель, в особенности буфеты, стулья, никелированные кровати и платяные шкафы, заменившие старинные сундуки. Благодаря росту культурного уровня в домах колхозников появляются и новые предметы обихода — письменный стол и книжный шкаф. Особенно характерен интерьер городского типа для жилых домов целинных совхозов, значительный процент населения которых составляют бывшие горожане.

Одежда

Одежда русского населения Средней Азии изучена еще в меньшей мере, чем жилище. Дореволюционные исследователи не описывали ее, а лишь отмечали, что она крайне разнообразна: «Тут и малороссийская плахта рядом с «немецкою» кофточкой и хохлацкие шаровары «шире Черного моря», и едва ли не рейтузы

в обтяжку, рубахи, пиджак, сарафаны, картузы, бараньи шапки»[1].

Полевые исследования, проведенные в Прииссыккулье, в селениях со смешанным русско-украинским населением, показали, однако, что это разнообразие отошло в прошлое. В результате совместного обитания русских и украинцев здесь повсеместно выработалась единая, общепринятая манера одеваться, которой следовали, чтобы е вызывать насмешек («сарафанницы»), и все вновь приезжавшие. Основу этой одежды составлял национальный костюм южнорусского типа, на что указывает тип женского головного убора (*шлычка*), наличие фартука (*запон*) и быстрое вытеснение сарафана поясной одеждой — юбкой.



Пожилая женщина в старинной национальной одежде(парочка,опояска и праздничный фартук). Бухтарминцы

Будничный костюм женщины-переселенки в Прииссыккулье, начиная с 70-х годов прошлого века и вплоть до Великой Октябрьской революции, составляли длинная рубаха и юбка из домотканного,крашеного, реже набивного, полотна. Рубахи носили сшивные, чаще всего с кокеткой (*перелинкой*), скошенными боковыми полотнищами и длинными рукавами. Первоначально их шили из холста и украшали вышивкой вокруг ворота. В предреволюционные же годы в богатых семьях верхнюю часть рубашки — *стан* — часто шили из ситца, а нижняя часть — *подстава*, или *подточка* — оставалась холщевой. Поверх рубахи надевали широкую, в четыре-пять полотнищ, юбку, зимой из шерстяной ткани домашнего производства, летом из ситца. Шерстяные ткани для замужних женщин принято было ткать в клетку, для девушек же (надевавших юбку с 12 лет, а до этого ходивших просто в рубахах) ткали *двуличку*, основа которой чаще всего была черного, а нить утка — красного цвета.

Девушки покрывали голову платком, а замужние женщины носили шлычку — сшивной головной убор, завязывающийся сзади тесемками, прикрывающий волосы и часть шеи. Убор этот надевали торжественно, после венчания: молодую загораживали шалью,которую держали за уголки *дружка* и *подружка*; сваха разделяла волосы (девушки носили всегда одну косу «под зачес», пробор делать считалось зазорным), заплетала две косы, выкладывала их венцом на голове и повязывала шлычку. При выходе на улицу поверх шлычки надевали платок. Шлычки можно и теперь встретить на головах старух, только уже не белого цвета с вышивкой и сборками или алого, как того требовала мода конца прошло-

[1] В. П. Вощинин. Очерки нового Туркестана. СПб., 1914, стр. 43.

Девушка в старинной национальной одежде (сарафан, рукава, нарукавники, девичья повязка). Бухтарминцы

го — начала настоящего века, а пестрые ситцевые. По покрою шлычка является модернизированной сорокой южнорусского типа.

Вторым сшивным женским головным убором были *самшурки* — чепчики на вздержке, плотно облегающие волосы. Они встречались значительно реже, главным образом у позднейших переселенцев с Алтая и из Сибири.

Платок — универсальный женский и девичий головной убор — широко бытует и в наши дни. Не только на улице, но и дома редко можно встретить женщин и девушек с непокрытой головой. Большая часть из них носит длинные волосы. Правда, традиционные прически уже не соблюдаются. Девушки часто заплетают две косы и укладывают их различными способами: одни носят высокую прическу «короной», другие — улиткообразный узел на затылке — *кукушечку*.

Непременной принадлежностью будничного женского костюма в начале нашего столетия был передник, а для особенно грязной работы и для жнивья — запон — фартук, надевавшийся поверх рубахи и прикрывавший рукава и переднюю часть туловища от шеи до колен, с длинными рукавами. Праздничные передники были поясные. По подолу девушки вышивали их крестом, женщины же чаще украшали кружевом.

Праздничной одеждой служили юбки и кофты из хлопчатобумажной ткани, а у богатых — из шерсти или шелка. Если они были одноцветные, их украшали вышивкой. Кофты шили широкие, на кокетке, их всегда носили навыпуск, но обязательно подпоясывали фартуком и поясом, тканным или плетенным из разноцветной шерсти. Чулки вязали сами из конопляных или шерстяных ниток. Будничную обувь (*калиголки*, *чуньки*, *чирки*) делали обычно из сыромятной, реже из выделанной кожи; в праздничные дни носили покупные ботинки на резинках, или на шнуровке.

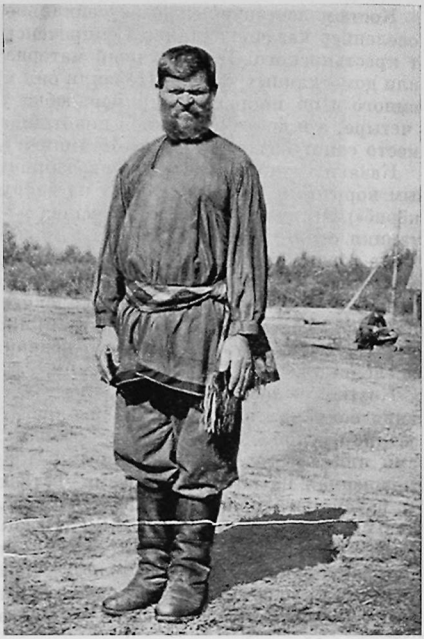
Верхнюю одежду рабочего типа шили из домотканного сукна; *теплушки* — жилетки в талию носили главным образом старухи; *корсетки* — короткие жакеты с рукавами — девушки и женщины. В дальнюю дорогу надевали *стеженные* или овчинные тулупы и валенки.

Праздничные *пальто* и *полупальто* — *сачки*, *казачки*, стеганные на вате, шили из фабричной ткани.

Сачки и *шубки* (которые крыли чаще всего черной хлопчатобумажной тканью) приготовляли главным образом к свадьбе. По местным обычаям это делали за счет жениха и включали в стоимость *кладки*. Кладка — частичное обеспечение молодых (называемая здесь в подражание местно-

му термину калымом) — состояла из двух упомянутых пальто, двух полушалков, ткани на подвенечное платье, ботинок и 25—30 руб. деньгами. Со стороны невесты таким обеспечением были *дары* — подарки от ближайших родственников и приданое, состоявшее из постельных принадлежностей (войлока для подстилки, одеяла и подушек), полотенец, скатертей и одежды. Скатерти и полотенца невеста изготовляла сама на ткацком стане, в зависимости от умения на двух или четырех *дощечках*.

В настоящее время многоремизное ткачество уже не бытует, и хотя в большей части сел имеются ткацкие станы, их используют исключительно для тканья половиков.



Мужчина в старинной национальной одежде. Бухтарминцы

В наши дни одежда девушек и женщин Прииссыккулья совершенно изменилась. Они носят готовые или сшитые по городской моде платья, костюмы, пальто и фабричную обувь. Из элементов городской одежды здесь упорно не прививаются только шляпы, вместо которых носят разнообразные хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные платки, преимущественно белые.

Мужчины в дореволюционное время в будни носили одежду из домотканного полотна: рубаху с высоким косым воротом и кокеткой, штаны довольно узкого покроя (без срединной вставки) и высокие сапоги. Во время уборки снопов и на охоту часто надевали кожаные штаны (*чамбары*), которые шили также без срединной вставки.

Мужскую верхнюю будничную одежду изготовляли из домотканного сукна и называли корсеткой. Зимой носили полушубки из овчины, поверх которых в дорогу надевали зипуны с очень широкими воротниками шалью, заменяющими капюшон, и тулупы. Верхнюю одежду подпоясывали широким поясом: длинным, трехаршинным куском кумача или синей тканью, несколько раз обмотанной вокруг талии и стянутой спереди узлом.

Излюбленные головные уборы — картузы, валяные колпаки и шапки с круглым меховым околышем или ушанки.

В праздник надевали рубаху из ситца, кумача или миткаля (последний часто с вышивкой), а наиболее богатые — из кашемира, и *летник* — пиджак из фабричной шерстяной ткани. Кулацкие сынки носили костюмы-тройки городского типа и лакированные сапоги.

В настоящее время мужской костюм русского сельского населения мало отличается от городского. Следует лишь отметить повсеместное ношение тюбетеек, а в праздничные дни тужурок и костюмов из вельвета и бархата.

Костюм исчезнувшей ныне социальной группы населения — военных поселенцев казачьих станиц Семиреченского войска несколько отличался от крестьянского. Имея лучший материальный достаток, казачки не носили домотканных тканей. Не шили они и фартуков. Костюм их отличался немного и по покрою. Например, юбка у них была значительно уже (не в четыре, а в два с половиной полотнища), кофточка короче и по фигуре, вместо сапог казачки носили ботинки и даже туфли.

Казаки ходили в костюмах из фабричной ткани, носили рубаху с прямым воротом и высокую папаху из мерлушки — *курпечка* (от киргизского «кёрпё»). Отличались они и прической с чубом, в то время как крестьяне старики стриглись под кружок, а молодежь — под польку.

На территории Средней Азии имеется одна локальная группа русского населения, у которой вплоть до наших дней бытует старинная женская одежда. Это уральцы Аму-Дарьинского оазиса, консервации быта которых способствовало то, что они принадлежали к старообрядцам различных толков, чуждавшимся до недавнего времени не только местного населения, но и остальных русских.

Костюм женщин этой группы не только старшего, но и среднего поколения сохранил вплоть до наших дней покрой и некоторые особенности севернорусской одежды XVIII — начала XIX в. Основными его элементами являются рубаха с длинными, присборенными у кисти рукавами, украшенная на плечах цветными вставками — *выставками*, и сарафаны различного покроя (*в перекат*, *косоклинник*), пояс домашнего изготовления, плетенный или тканный из разноцветного гаруса, запон, простой или с вышивкой, а на голове *волосник*, поверх которого в праздничные дни повязывают расшитую *золотовку*, покрываемую платком.

Девушки чаще всего уже одеваются по городской моде, но каждая имеет в сундуке *сарафанку*—девичий сарафан прямого кроя, с грудкой, выложенной крупными складками из той же ткани, в который наряжается по праздникам. На голову они надевают твердый полуобруч, носимый на макушке, поверх которого повязываются золотовка и платок.

Мужская одежда уральцев менее сохранила налет старины и мало отличается от костюма остального русского населения среднеазиатских республик.

О костюме потомков коренного населения уральского казачества, живущих в Казахстане по берегам Урала, в современной литературе сведений не имеется. По историческим данным, будничная летняя одежда уральских казаков в начале XIX в. состояла из длинной холщевой рубашки, широких шаровар (кроившихся с ширинкой), халата из легкой ткани с широкими, суживающимися к кисти рукавами, узорного пояса из цветного гаруса и высоких сапог. Зимняя одежда дополнялась зипуном — верхней одеждой из сукна того же покроя, что и халат, и тулупом — зипуном, подбитым, в зависимости от зажиточности семьи, более или менее дорогим мехом. Покрой халата, зипуна и тулупа был очень близок к покрою халатов местного казахского населения, от которого, по всей вероятности, и был заимствован. В праздничные дни казаки надевали форменное платье.

Казачки до середины прошлого века носили *сороку* — кокошник северновеликорусского типа, который покрывали платком, а девушки только платок; рубаху северновеликорусского типа из холста или полотна с цветными выставками на плечах из фабричной ткани и глухой, по горло, сарафан. Сарафан имел косоклинный покрой и у шеи собирался крупными складками. Спереди его украшали пуговицами и двойным рядом галуна. Рубаху и сарафан подпоясывали под самой грудью шнуром, шелковым или гарусным поясом. Поверх сарафана носили распашную безрукавную одежду, называемую *фуфайкой*, а в зимнее время короткую шубку на меху. Обувью служили туфли, называемые *черыками*.

Уральцы в старинной одежде. 1929 г.

Одежда так называемых бухтарминцев — локальной группы русского населения, обитающей на крайнем востоке Восточного Казахстана — до Великой Отечественной войны поражала архаичностью. Поселившись в конце XVII — начале XVIII в. в труднодоступных горных долинах, вдалеке от основной русской территории, на границе с Монголией, бухтарминцы жили крайне замкнуто и в неприкосновенности сохранили реликтовые формы одежды, совершенно исчезнувшие или сильно видоизмененные на равнине под влиянием соседей и главным образом городских образцов.

Основными элементами женской одежды бухтарминок была рубаха (*рукава*) и сарафан. Рубаху кроили с прямыми поликами. Она имела длинный широкий присборенный у кисти рукав, узкий стоячий или отложной воротник и украшалась по вороту *борками*, поверх которых наносили вышивку. Часто рукава и сарафан шили из одинаковой ткани и в таком случае этот костюм назывался *парочкой*. Древнейшей формой сарафана у этого населения, теперь уже вышедшей из употребления, был косоклинный сарафан без переднего шва (*дабинник*), восходящий по форме к севернорусской одежде XVI—XVII вв. Встречающиеся в настоящее время косоклинные сарафаны *с ластавкой* также имеют многочисленные аналогии в севернорусской одежде, но несколько более позднего времени. Однако наибольшее распространение в наши дни имеют «полукруглые» и «круглые» сарафаны, которые шьют из шести-восьми прямых, сверху присборенных полотнищ. Эта мода вошла здесь в быт с начала нынешнего столетия и до сих пор является господствующей для женщин пожилого возраста. Круглые сарафаны чаще всего также шьют парочкой и подпоясывают тканым, реже вязанным из разноцветного гаруса поясами. Поверх сарафана раньше надевали *нарукавники* — фартук на кокетке с длинными рукавами. Будничные нарукавники шили из тканей домашнего производства, праздничные — из пестрых фабричных. Вдоль кокетки и на плечах их украшали вышивкой. В настоящее время нарукавники выходят из употребления и встречаются лишь у глубоких старух в качестве праздничного наряда.

Верхнюю женскую одежду прежнего времени называли *одежкой*. Это стеганный на шерсти халат, подпоясываемый широкой гарусной опояской. В зимнее время носили шубу на меху и теплый платок.

Головные уборы бухтарминских женщин по своему типу также принадлежат к северновеликорусским. Прабабкам нынешних женщин по выходе замуж волосы заплетали в две косы (девичья прическа — одна коса без пробора) и укладывали их венцом таким образом, чтобы сзади они не перекручивались (иначе «грех»), поверх надевали кокошник из позумента. Бухтарминские кокошники по форме близки к кокошникам архангельского типа. Они имели жесткое, не очень высокое очелье и увенчивались выпуклым нависающим жгутом (*кишка*). В наше время даже в сундуках они уже ни у кого не хранятся, но заменивший их *шамшур* — мягкая шапочка без каркаса, на вздержке, из хлопчатобумажной ткани имеет сходный покрой. Все пожилые женщины продолжают носить шамшуры, прикрывая их, даже дома, платком. Головной убор девушки — *повязка* — представляет собой большую, в несколько слоев сложенную наискосок шаль, так что она как бы превращается в широкую ленту. Повязкой охватывают лоб, а на затылке завязывают ее простым узлом. В настоящее время такой способ ношения платка стал редкостью. В 20-е годы нынешнего века под влиянием соседей появилась мода на платки меньшего формата, которые складывают на угол и повязывают «под губу». Такая манера ношения платка и до настоящего времени является господствующей и у девушек и у женщин.

Одежда женщин среднего возраста и молодежи после Великой Отечественной войны под влиянием нового быта, властно врывающегося в эти районы, особенно в связи с постройкой Иртышской ГЭС, совершенно изменилась. Они одеваются преимущественно в готовое платье, приобретаемое в местных магазинах. Единственной уступкой старому с их стороны является то, что одежду обычно покупают не по мерке, а на несколько номеров больше с тем, чтобы она не обтягивала фигуру, а ложилась на ней свободными складками. Характерно также предпочтение, отдаваемое одежде из ярких цветастых тканей.

Обувь, бытующая и по настоящее время,— высокие сапоги, а зимой — валенки.

Мужская одежда старейшего типа — рубаха-косоворотка без воротника и широкие холщевые штаны — чамбары. Как то, так и другое уже вышло из употребления лет 80 назад. Рубаха более нового типа, бытовавшая вплоть до Великой Отечественной войны, кроилась с клиньями по бокам и имела небольшой воротник — *ошейник*. Ее украшали *борами*, образующими вид кокетки, и богатой вышивкой с геометрическим узором. Рубахи эти шили из тканей ярких тонов и подпоясывали широкими опоясками, вытканными или связанными из разноцветного гаруса. В настоящее время таких рубах уже не носят. Их хранят в сундуках в качестве «смертной» одежды, а молодежь использует их для клубных выступлений. Старинная верхняя одежда (*подоболочка*) — *кафтан* или *шабур* в настоящее время вытеснена шинелью, ватником или пальто.

Сменился и головной убор — вместо валянной из шерсти шляпы с полями — *пуховки* — носят близкую ей по форме фетровую шляпу, а молодежь, прошедшая службу в армии, ходит в фуражках воинского образца.

Одежда русского, украинского и белорусского населения совхозов, организованных на целинных и залежных землях Казахстана, благодаря значительному проценту переселившихся сюда горожан имеет много общего с одеждой городского типа, отличаясь от нее лишь типом обуви и наличием непромокаемой рабочей одежды, более приспособленной к местным климатическим условиям.

Пища и утварь

Пища русского, украинского и белорусского населения Средней Азии и Казахстана изобилует мучными изделиями. Это является естественным следствием того, что в течение многих веков основным занятием этих народов было земледелие.

Кроме хлеба, главным образом пшеничного (рожь здесь плохо родится и редко высевается), пекут из кислого теста и жарят *калачики*, *шаньги* и различное печенье.

В праздничные дни пекут пироги с начинкой из творога, картофеля, гороха, рыбы и медовые пряники.

В ряде районов Северного Казахстана широко распространены, как праздничное блюдо, пельмени, а в районах с преобладающим украинским населением (Южный Казахстан) — вареники со сливами и вишнями. К излюбленным мучным блюдам относятся также лапша домашнего приготовления и затируха. Из муки приготовляют и напитки: хлебный квас, пиво и просяную или ячменную бузу, способы приготовления которой из этих злаков заимствованы у местного населения.

Крупы, выделка которых в дореволюционный период производилась на местных крупорушках, шли на приготовление *толстых щей* (супа без мяса, преимущественно из ячменной крупы) и каш. В настоящее время под влиянием соседних народов в праздничные дни часто приготовляют плов.

Мясо употребляют в свежем, соленом и вяленом виде. Из него приготовляют *жидкие щи*, похлебки и жаркое. Помимо говядины, баранины и свинины используют в пищу (особенно для супов) домашнюю птицу.

Рыбу едят свежей, соленой и вяленой. Ее жарят, приготовляют из нее уху или начиняют ею пироги.

Молочные продукты в пище русского населения занимают значительное место. Молоко пропускают через сепаратор, который является непременной принадлежностью семьи колхозника. Сливки хранят в глиняных крынках или перерабатывают на масло; обрат, как правило, идет на пойло скоту.

Творог употребляют в свежем, соленом и сушеном виде; его используют для приготовления горячей пищи, а также в качестве холодного блюда с приправой из сметаны.

Овощи (картофель, брюква и свекла) идут главным образом на заправку супов; кроме того, их едят в пареном виде; на зимнее время некоторые овощи (помидоры, огурцы, арбузы) засаливают (*солонинка*) с острой приправой из дикого или выращенного на огороде чеснока и лука.

Фрукты и ягоды едят в сыром, вареном и сушеном виде, а также приготовляют из них варенье, которое в хозяйствах, имеющих пасеку, варят на меду.

На праздники (помимо перечисленных блюд) приготовляют всевозможное жаркое и студень из мяса и птицы. Особые блюда, которые были связаны в прежнее время с религиозными праздниками и с похоронами (например пасхальные куличи, крашеные яйца, поминальная кутья); в настоящее время приготовляют крайне редко.

У местного русского населения продолжают сохраняться некоторые традиционные свадебные обряды (хотя современный брак резко отличается от старого), а с ними и характерные свадебные блюда. Когда отправляются сваты (обычно отец и дядя, а если их нет — пожилые уважаемые люди данного селения), они одеваются в праздничную одежду, перевязывают через плечо вышитые полотенца и захватывают с собой угощение — каравай хлеба и несколько бутылок водки или вина. В случае согласия невеста собственноручно разрезает каравай, угощает сватов, но сама, так же как и жених, в трапезе участия не принимает. Во время этого угощения, называемого *запоем*, договариваются о дне свадьбы и расходах, связанных с ней.

В состав свадебного угощения входят несколько супов, жаркое, холодец. Родня невесты обязательно печет *каравай*, в который запекает серебряные монеты. По обычаю, этот каравай разрезает деверь и подносит первые куски жениху и невесте, а остальные родне жениха. В семьях украинского происхождения этому соответствует *дивень* — каравай, украшенный палочками с навитыми на них полосками сдобного теста. Часто также пекут *шишки* — булочки особой формы из кислого теста, которыми угощают во время сбора подарков молодоженам (даров).

Сильно изменился за годы Советской власти характер домашней утвари и посуды.

В прошлом фарфоровая и фаянсовая посуда являлась признаком особой зажиточности, а до недавнего времени и металлические предметы насчитывались единицами. Это были главным образом чугунные котлы для варки пищи, железные противни для выпечки хлеба и лишь в богатых семьях — самовары. В отдельных районах Киргизии и Казахстана, изобилующих лесом, бытовала деревянная утварь. Специальных мастеров здесь, как правило, не было. Большинство мужчин прекрасно владело плотничьими и бондарными инструментами и самостоятельно изготовляло необходимую для семейных надобностей утварь и посуду. В каждом доме имелись дощатые лари для хранения муки и зерна, кадки, квашенки, *лагуны* (сосуды для кваса), ушаты, долбленые ступы, корыта, колоды, бадейки, ковши и чашки различного размера, а также берестяные туеса, коробки для масла, меда. Реже встречалась посуда, изготовленная из дерева на токарном станке (тарелки, чашки). Ее приобретали у местных ремесленников.

В степных районах преобладала глиняная посуда, промысловое производство которой наладили украинцы-переселенцы.

В настоящее время домашняя утварь и посуда мало отличается от городской. В наборе посуды преобладают фарфоровые и металлические изделия фабричного производства.

* * *

В результате тесного соприкосновения с народами Средней Азии и Казахстана русские, украинские и белорусские переселенцы заимствовали у них некоторые элементы материальной культуры. Так, они носят тюбетейку, а кое-где местную обувь и штаны (чамбары), приготовляют некоторые местные блюда (плов, манты), применяют местные способы консервации продуктов (сушка творога, вяленье и заливка мяса жиром), строят жилища, особенно в засушливых районах, с плоской крышей.

В то же время и русские оказали в этой области громадное влияние на местное население. Ярче всего это прослеживается на примере жилища. Процесс заимствования жилища русского типа, отмечавшийся в ряде районов еще в дореволюционный период, в наши дни, благодаря все более интенсивному сближению различных национальностей, приобрел массовый характер. Народы Средней Азии заимствуют у своих русских, украинских и белорусских соседей общую планировку и озеленение села, конструкцию, внутреннюю планировку жилища и отдельные элементы интерьера, а также способы внешнего и внутреннего украшения дома. Наиболее широкое распространение русский тип жилища получил среди недавних кочевников (киргизы, казахи), реже, но все же он встречается и у народов, обладающих древней оседлой культурой (узбеки).

Частично заимствуются у русских местными жителями (казахи, киргизы) мотивы и техника вышивки, применяемой для украшения полотенец и занавесей, широко используемых ими в убранстве дома. Вместе

с приходом русских в жилище казаха появилась и печь, сперва с прямым дымоходом, а затем и с обогревателем.

Под влиянием русской одежды в костюм среднеазиатской женщины вошли фабричные ткани и шали, а также некоторые фасоны платья, распространенные до сих пор в среднеазиатских республиках наряду с разнообразной городской одеждой. Из мужского костюма заимствованы новый тип рубахи (косоворотка), русские сапоги, а кое-где и пимы.

Обогащается и пищевой рацион местного населения. Оно стало потреблять хлеб из заквашенного теста (казах. «булке нан»), калачи, блины, картофель и некоторые не известные ранее овощи (капуста, помидоры, огурцы), широкое распространение получили блюда из домашней птицы и многое другое.

* * *

Еще в середине прошлого века Средняя Азия была страной, совершенно неизведанной в научном отношении. Многие русские ученые самых различных специальностей стали проявлять к ней большой интерес. Правительство поощряло некоторые виды научно-исследовательской работы, поскольку изучение края помогало выявлению его природных богатств. Были составлены топографические, географические и ботанические карты, открыт ряд месторождений полезных ископаемых, собраны многочисленные материалы по истории и этнографии народов Средней Азии. Первоначально ученые наезжали из Москвы и Петербурга, а затем постепенно они появились и в разраставшихся городах Средней Азии. Крупнейшим научным центром стал Ташкент. Там была основана публичная библиотека, насчитывавшая в 1905 г. более 40 тыс. книг и рукописей, открыт музей истории, этнографии и археологии, основаны Туркестанский отдел Русского географического общества, Туркестанский кружок любителей археологии, Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, Общество садоводов, Общество сельского хозяйства, Геологический комитет, Ташкентская химическая лаборатория и некоторые другие научные организации.

Изучением Средней Азии занимались многие ученые: в области географии и естественных наук — П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. А. Северцов, А. П. и Б. А. Федченко, В. Ф. Ошанин, И. В. Мушкетов, П. К. Залесский, Л. С. Берг, С. И. Коржинский, В. Л. Комаров, В. И. Липский и др.; в области истории и филологии — Н. В. Ханыков, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, В. Л. Вяткин, В. П. Наливкин, Г. Н. Потанин и др. Результаты исследований публиковались в крупнейших научных центрах России и в городах Средней Азии. Большое количество статей по естественной и политической истории, а также по этнографии печаталось в местных газетах, иногда выходивших на двух языках. Так, например, в Ташкенте, помимо официальных «Туркестанских ведомостей», издавались газеты «Туркестанский курьер», «Туркестанское сельское хозяйство» и «Туркестанская туземная газета» (на узбекском языке). В Самарканде выходила газета «Окраина», на русском и казахском языках издавались в Омске газета «Степной край» («Дала уалаяты») и в Оренбурге «Тургайская газета».

Изучение края дало реальные результаты. В отдельных районах Туркестана началась разработка естественных богатств, что в свою очередь послужило толчком к дальнейшему развитию местных производительных сил.

В то же время наличие оживленной научной жизни сыграло громадную роль в повышении культуры народов Средней Азии.

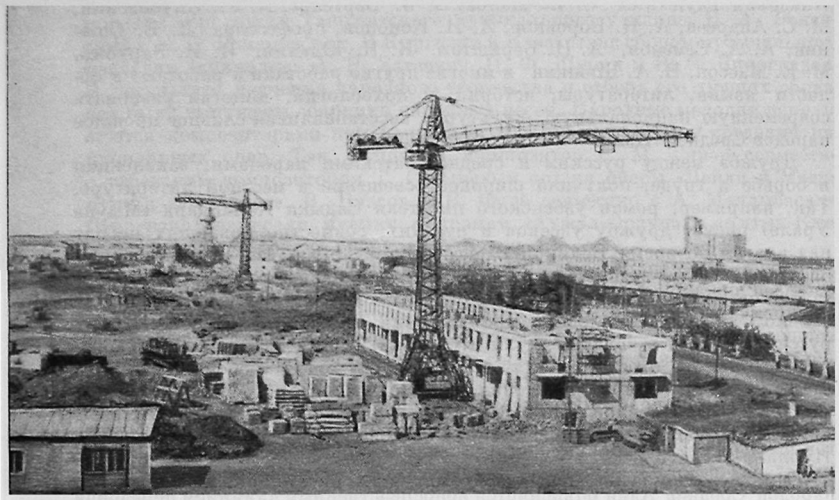
Общий вид строительства жилых домов по

Первой ступенью к овладению знаниями и русской культурой послужили русско-туземные школы, в которых дети местных национальностей обучались чтению, письму и арифметике.

«Русская школа, — вспоминал известный казахский писатель Мухтар Ауэзов, — была демократична, ласкова к нам, казахским мальчикам, как мать... Никто не ощущал в ее стенах глухой неприязни, потому и притягивала она нас своим открытым радушием. Я обязан, — добавляет он, — русской школе, так же как и русской культуре в целом».

При всех недостатках этих школ, ставивших своей целью подготовку преданных царизму кадров переводчиков и туземной администрации, они являлись шагом вперед по сравнению с местной системой образования. Прежде всего они уже походили на светские школы, тогда как мусульманские училища — мектебы — находились при мечетях и носили конфессиональный характер. Преподавателей для русско-туземных школ готовила Туркестанская учительская семинария, в которой с каждым годом увеличивался процент учащихся из молодежи местных национальностей.

Передовая часть таджикского, узбекского и казахского народов постепенно начинала понимать значение образования и важность приобщения к современной русской культуре. Одним из образованнейших людей Бухары был Ахмад Дониш (1828—1897 гг.), трижды посетивший Петербург с бухарским посольством. Он был сторонником просвещения, которое мыслил себе путем изучения культуры русского народа. Главной задачей своей жизни его последователи ставили просвещение народов Бухарского ханства. Узбекский поэт Фуркат (1859—1909 гг.) доказывал в своих произведениях, что Узбекистан сможет стать одной из ведущих стран Востока лишь с помощью России и ее передовой, разносторонней культуры. Того же мнения о роли русской культуры придерживались первый казахский ученый, путешественник Чокан Валиханов (1835—1865 гг.), поэт-просветитель, переводчик произведений А. С. Пушкина на казахский язык Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.) и писатель, организатор светских школ в Казахстане Ибрай Алтынсарин.



улице Мира в Целинограде. Казахская ССР.

К дружбе с русским народом, к сближению с русской культурой призывал великий киргизский акын-демократ Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.).

Неоценимую помощь в деле просвещения народов Средней Азии и Казахстана оказала русская демократическая интеллигенция, представителями которой в крае были первоначально ссыльные. Среди первых сосланных в Казахстан были петрашевцы и сторонники идей Чернышевского — революционные демократы. Культурным центром западной части Казахской степи стал Оренбург, где громадным влиянием пользовался ссыльный поэт-революционер Т. Г. Шевченко. Для северных районов культурными центрами были Семипалатинск и Омск, где отбывали ссылку С. Ф. Дуров, М. В. Буташевич-Петрашевский и др. Под идейным воздействием этих передовых русских демократов и сложились убеждения пионеров казахского просвещения — Ч. Валиханова, А. Кунанбаева и И. Алтынсарина.

Неизмеримо выросла роль русского населения Средней Азии и Казахстана после Великой Октябрьской социалистической революции. Выдающееся значение имело создание в местных республиках с помощью русских деятелей науки и техники первых высших и средних специальных учебных заведений, в которых была начата подготовка кадров интеллигенции из местных национальностей.

Старейшим высшим учебным заведением Средней Азии является Ташкентский государственный университет, созданный по указанию В. И. Ленина. Химический факультет университета носит имя его основателя С. И. Наумова. Профессора И. А. Колосовский, М. И. Усанович воспитали здесь многих химиков-преподавателей и научных работников. Заслуженный деятель науки В. И. Романовский являлся главой и воспитателем математической школы, имеющей многочисленных последователей.

Академик Д. В. Наливкин, член-корреспондент Академии наук П. А. Баранов, профессора А. А. Коровин, И. А. Райкова много сделали в области изучения естественной истории края. Члены-корреспонденты

Академии наук СССР С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский, М. С. Андреев, А. К. Боровков, А. Н. Кононов, профессора Л. В. Ошанин, А. А. Семенов, А. Н. Бернштам, К. К. Юдахин, И. И. Зарубин, М. Е. Массон, В. А. Шишкин и многие другие работали и работают в области языка, литературы, истории и археологии, помогая развивать современную национальную культуру, восстанавливая славное прошлое народов Средней Азии.

Дружба между русским и среднеазиатскими народами, закаленная в борьбе и труде, получила широкое освещение в местной литературе. Так, например, роман узбекского писателя Садыка Каландара «Мы на Урале» рисует дружбу узбеков и русских, совместно ковавших победу над врагом во время Великой Отечественной войны. Пьеса таджикского писателя С. Улуг-заде «Краснопалочники» посвящена совместной борьбе таджиков и русских с басмачеством. Казахский драматург А. Абишев в одном из своих последних произведений осветил руководящую роль русского народа в области науки и техники. Одним из главных персонажей его пьесы «Достык пен махаббат» («Дружба и любовь») является старый механик Мирон Павлович, с помощью которого в тяжелые дни Великой Отечественной войны был сконструирован и построен угольный комбайн в соответствии с замыслами молодого казахского инженера — Нурлана.

Само возникновение прозы и драматургии на национальных языках народов Средней Азии объясняется непосредственным влиянием передовой русской литературы. При всем богатстве духовной культуры народов Средней Азии прежде лишь небольшая часть ее получала отражение в печатных книгах, так как только с приходом русских в Туркестане было введено книгопечатание. До этого книги писались от руки, ценились очень дорого и включали в себя лишь произведения крупнейших поэтов Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и сопредельных стран (Ирана, Индии). Поэмы менее видных авторов, так же как и произведения большинства казахских, киргизских и каракалпакских поэтов, распространялись преимущественно в устной форме. Их сохраняли и популяризировали местные народные певцы, поэты, пользовавшиеся громадным уважением и любовью народа.

Прозаический и драматический жанры у казахов и большинства народов Средней Азии вовсе отсутствовали. Так, например, первыми прозаическими произведениями на казахском языке были переводы русских рассказов, сделанные составителем первой хрестоматии на родном языке — Ибраем Алтынсариным. Им же написаны и первые оригинальные прозаические произведения на казахском языке из жизни родного народа.

Театральное искусство и драматургия в Казахстане возникли лишь в наше время. До Великой Октябрьской революции здесь не было ни одного театра, а следовательно, и ни одной пьесы на казахском языке. Первые драмы были написаны лишь в 1920-х годах и явились переработкой сюжетов народных лирических поэм. Возникшие тогда же театральные коллективы были еще чрезвычайно слабыми. В 30-е годы в Казахский драматический театр пришли русские режиссеры, которые ввели в репертуар пьесы с современной тематикой и начали обучать казахских актеров театральному мастерству.

Большие группы актеров и музыкантов были отправлены для обучения в консерватории, театральные и хореографические училища Москвы и Ленинграда. Такой же путь прошли и театральные коллективы среднеазиатских республик.

Большое значение имели осуществленные с помощью русских деятелей культуры сбор и разработка музыкального наследия народов Средней Азии и Казахстана.

В Узбекистане громадную работу по сбору музыкального фольклора провели основатели Ташкентского музыкального училища В. А. Успенский и Е. Е. Романовская. В Киргизии и Казахстане сбором музыкального наследия занимались А. В. Затаевич, П. Ф. Шубин и В. С. Виноградов. В результате изучения народного творчества и отбора его лучших образцов были выпущены сборники народных песен. Народные мелодии используются композиторами при написании музыки к драмам и создании национальных опер. Так, например, композитор Р. М. Глиэр совместно с узбекским композитором Т. Садыковым создал оперы «Лейли и Меджнун» и «Гюльсара», В. Власов и В. Фере совместно с А. Малдыбаевым (Киргизия) написали музыку к драмам «Аджал-Ордуна», «Алтын-Кыз» и первую киргизскую оперу «Ай-Чурек».

Русские художники обучают и воспитывают талантливых юношей и девушек из местных национальностей; благодаря их помощи возникли такие виды изобразительного искусства, как станковая живопись и скульптура, которые отсутствовали здесь еще в недалеком прошлом.

Большую помощь местным архитекторам и строителям оказывают русские архитекторы. В новом строительстве сочетаются достижения советской архитектурной школы с богатым опытом и традициями национального зодчества. В Казахстане и республиках Средней Азии вырастают новые, отвечающие национальным вкусам социалистические поселки и города с величественными общественными зданиями и комфортабельными жилыми домами. Влияние русских в области архитектуры не ограничивается городом, оно проявляется и в сельских местностях, где начало сказываться гораздо раньше.

* * *

Всем группам русского ,украинского и белорусского населения Средней Азии и Казахстана, хотя они и различаются по своему этническому происхождению, времени переселения, живут среди разных местных национальностей и в различных природных условиях, — присущи многие общие черты.

Несмотря на то, что некоторые группы русского, украинского и белорусского населения живут в Казахстане и Средней Азии более трех столетий, у них устойчиво сохраняется национальное самосознание. Оно не исчезло ни в результате долговременной изоляции от родины («каменщики»), ни в результате длительного и тесного общения и даже браков с местным населением. Отчасти только сгладилось прежнее разграничение на великорусов, украинцев и белорусов, многие называют себя просто русскими, что отразилось, как уже указывалось выше, и на материалах переписей населения 1917—1920 гг.

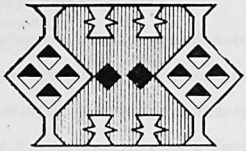
В годы Великой Отечественной войны все восточнославянское население Средней Азии и Казахстана, вне зависимости от места своего обитания, не исключая таких отсталых в прошлом групп, как уральцы и бухтарминцы, показало высокий патриотизм.

В жизни уральцев и бухтарминцев, еще недавно сопротивлявшихся введению любых новшеств (школ, больниц, электричества), за годы Советской власти, особенно за последние два десятилетия, произошли громадные сдвиги. Многие из них с честью сражались в рядах Красной Армии за победу Родины, а ныне активно участвуют в общественной жизни, трудятся в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях.

Народы Средней Азии и Казахстана отдают должное братской русской нации. Признавая ее ведущую роль в области промышленности и сельского хозяйства, культуры, науки, они присваивают наряду с именами великих вождей пролетариата имена русских революционеров, выдающихся государственных деятелей, заслуженных инженеров, ученых,

деятелей искусства городам, улицам, селам, колхозам, а также различным учреждениям и предприятиям. Наряду с национальными кадрами они выдвигают представителей русского народа на ответственные руководящие посты в районные, областные, республиканские организации и государственные учреждения, избирают лучших сынов русского народа в высшие органы власти — Верховные Советы республик, Совет Союза и Совет Национальностей СССР.

ПРИЛОЖЕНИЯ



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Туркмены

Абуль-Гази —см. Кононов А. Н.

Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883.

Аннаклычев Ш. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (Историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961.

Антология туркменской поэзии. М., 1949.

Атлас к путешествию в Туркмению и Хиву гвардейского ген. штаба капитана Николая Муравьева. М., 1822.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929.

Бернштам А. Н. Некоторые данные к этногенезу туркмен. «Советская этнография», 1951, № 4.

Бодэ К. О туркменских поколениях Ямудах и Гокланах (Писано в 1842 г.). Зап. Русского географического общества, 1847, кн. II.

Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.

Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. «Советская этнография», 1959, № 5.

Васильева Г. П. и Джикиев А. Некоторые результаты изучения материальной культуры и быта населения юго-западной Туркмении. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXIV, 1960.

Васильева Г. П. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. «Материалы Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1959.

Васильева Г. П. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташауэской области ТССР. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». «Труды Ин-та этнографии», т. XLVIII, М.—Л., 1961.

Васильева Г. П. Туркмены-иохурли (Историко-этнографический очерк). «Среднеазиатский этнографический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI, М., 1954.

Виниников Я. Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI, М., 1954.

Виниников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», серия этнографическая, т. VI, Ашхабад, 1962.

Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869; см. также «Зап. Русского географического общества по отд. этнографии», I, 1867; то же отд. изд. СПб, 1868.

Демидов С. М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», серия этнографическая, т. VI, Ашхабад, 1962.

Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (Историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961.

Ибрагимов Н. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (Из записной книжки). «Военный сборник», 1874, № 9.

Номудская-Бурунова Д. Г. Женщина в старой Туркмении. Бытовой очерк. Москва — Ташкент, 1931.

Номудский Карашхан-оглы. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенное и родовое деление. «Изв. Среднеазиатского Комитета по охране памятников старины и искусства», вып. III, Ташкент, 1928.

История Туркменской ССР, т. I, кн. 1 и 2; т. II, Ашхабад, 1957.

Карпов Г. И. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк 1925.

Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен. «Изв. Туркм. филиала АН СССР», Ашхабад, 1945, № 3-4.
Карпов Г. И. Туркмены-огузы (Материалы к этногенезу туркменского народа). «Изв. Туркменского филиала АН СССР», Ашхабад, 1945, № 1.
Комаров. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих левый берег Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», XXV, СПб, 1887.
Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М. — Л., 1958.
Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. III, М., 1953.
Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров). «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», XIII, СПб., 1884; то же. «Изв. Русского географического общества», XXI, 1885.
Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад. 1897.
Марков Г. Е. К вопросу о формировании туркменского населе ия Хорезмского оазиса. «Советская этнография», 1953, № 4.
Марков Г. Е. Из этнической истории туркменского народа «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIX, 1958.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.— Л., т. I, 1939; т. II, 1938.
Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь Этнографический очерк. Ашхабад, 1900.
Мошкова В. Г. Племенные «гёли» в туркменских коврах. «Советская этнография», 1946, № 1.
Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I и II. М., 1822.
Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», серия этнографическая, т. VI, Ашхабад, 1962.
Овезов Д. М. Туркмены мурчали. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» т. IX, Ашхабад, 1959.
Огородников П. На пути в Персию и Прикаспийские провинции ее, СПб., 1878.
Ошанин Л. В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. IX, Ашхабад, 1959.
Петрусевич Н. Г. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. «Зап. Кавказского отд. Русского географического общества», XI, вып. I. Тифлис, 1880.
Росляков А. А. К вопросу об этногенезе туркмен (О времени и условиях образования туркменской народности). «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1950, № 5.
Росляков А. А. Туркмены и огузы. «Уч. зап. Туркменского гос. ун-та», вып. 3, Баку, 1956.
Русинов В. В. Водоземельные отношения и община у туркмен. «Труды Туркестанского статистико-экономического об-ва», вып. I, Ташкент, 1918.
Синявер Л. С. Туркменская ССР. М., 1957 (серия «Музыкальная культура союзных республик»).
Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9-10.
Туркменские сказки. Сост. Сакали М. А. и Каушутов А. Ред. Каррыев Б. А. Сб. 1. Ашхабад, 1948.
Успенский В. А. и Беляев В. М. Туркменская музыка. Под. ред. В. Беляева. М., 1928.
Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен, вып. VIII—X вв. «Советская этнография», 1947, № 3.

КИРГИЗЫ

Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVII, М. 1958.
Абрамзон С. М. В киргизских колхозах Тянь-Шаня. «Советская этнография», 1949, № 4.
Абрамзон С. М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.
Абрамзон С. М. Киргизская семья в эпоху социализма. «Советская этнография», 1957, № 5.

Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции». т. II, М., 1959.
Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.
Абрамзон С. М. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия. «Советская этнография», 1954, № 4.
Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960.
Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857). «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, 1953.
Абрамзон С. М. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». «Советская этнография», 1947, № 2.
Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов (по материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР), Фрунзе, 1957.
Айтбаев М. Очерк охоты киргизов XIX и начала XX вв. «Труды Ин-та истории АН Киргизской ССР», вып. 5, Фрунзе, 1959.
Формирование и развитие киргизской социалистической нации. Под ред. С. К. Керимбаева и В. П. Шерстобитова. Фрунзе, 1957.
Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
Антология киргизской поэзии. М., 1957.
Бартольд В. В. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1943.
Батманов И. А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.
Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.— Л., 1950.
Богданова М. И. К вопросу о происхождении жанров киргизского фольклора. «Труды Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР», вып. I, 1944, Фрунзе, 1945.
Брудный Д. Л. Искусство Советской Киргизии. Фрунзе, 1958.
Бурковский А. Ф. Из истории техники деревообделочного производства у киргизов. «Уч. зап. исторического факультета Кирг. гос. ун-та», вып. 3, Фрунзе, 1954.
Бурковский А. Ф. Из истории техники металлического производства у киргизов. «Ученые записки исторического факультета Киргизского гос. ун-та», вып.V, Фрунзе, 1958.
Бурковский А. Ф. К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов. «Ученые записки Киргизского женского педагогического ин-та», вып. II, Фрунзе, 1957.
Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961.
Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории южной Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956.
Виноградов В. С. Киргизская народная музыка. Фрунзе, 1958.
Виноградов В. С. Токтогул Сатылганов и киргизские акыны. М.— Л., 1952.
Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.
Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926.
Дебец Г. Ф. Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXVI, 1957.
Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
Джумагулов А. Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи. «Изв. АН Кирг. ССР», серия общественных наук, т. I, вып. I. (История), Фрунзе, 1959.
Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и «психические запреты» у кыргызов. «Сборник этнографических материалов», вып. 2, Л., 1927.
Загряжский Г. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). Газ. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1874, № 41, 42, 44, 45.
Затаевич А. В. 250 киргизских пьес и напевов. М., 1934.
Иванов С. В. Киргизский орнамент как этногенетический источник. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.
Ильясов С. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», вып. I, Фрунзе, 1944.
История Киргизии, т. I, II. Фрунзе, 1956.
Кармышева Б. Х. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. «Изв. Отд. общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 10-11, Сталинабад, 1956.
Киргизский героический эпос «Манас» (Сборник статей). М., 1961.

Киргизский национальный спорт и игры, Фрунзе, 1928.
Киргизский национальный узор. Материалы собраны и обработаны художником М. В. Рындиным. Под общей ред. акад. И. А. Орбели. Вступительная статья А. Н. Бернштама. Ленинград — Фрунзе, 1948.
Кушнер П. И. Горная Киргизия (Социологическая разведка). М., 1929.
Львов Н. Киргизский театр. Очерки истории. М., 1953.
Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959.
Народное хозяйство Киргизской ССР в 1960 г. Статистический ежегодник. Фрунзе, 1961.
Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
Ромм А. Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М.— Л., 1941.
Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934.
Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1946.
Современный аул Средней Азии (Социально-экономический очерк). Под ред. Б. Б. Карп и И. Е. Суслова, вып. X. Загорная волость (Каракол-Нарынского Округа Киргизской АССР), Ташкент, 1927.
Уметалиева Дж. Киргизские ковры. «Изв. Академии наук Кирг. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. I (философия, право, эстетика), Фрунзе, 1961.
Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.
Усенбаев К. Присоединение южной Киргизии к России. Фрунзе. 1961.
Чепелев В. Киргизское народное изобразительное творчество. «Искусство». 1939, № 5.
Шибаева Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXV, 1956.
Шибаева Ю. А. Материалы по жилищу мургабских киргиз. «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея», вып. 2. История и этнография. Душанбе, 1955.
Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. «Труды Ин-та языка и литературы АН Кирг. ССР», вып. VI, Фрунзе, 1956.

Казахи

Абрамзон С. М. Преобразования в хозяйстве и культуре казахов за годы социалистического строительства. «Советская этнография», 1961, № 1.
Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства. «Зап. Оренбургского отд. Русского географического общества». I, 1870.
Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства. «Зап. Оренбургского отд. Русского географического общества». I, 1870.
Аничков И. В. Забытый край. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. V, 1896.
Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.
Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX вв. (По материалам Восточного Казахстана). «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6. Этнография, Алма-Ата, 1959.
Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», 1894, III—IV.
Баишев С. Победа социализма в Казахстане. Алма-Ата, 1961.
Басенов Т. К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957.
Басенов Т. К. Прикладное искусство Казахстана. Алма-Ата, 1958.
Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
Брусиловский М. Б. Очерки истории физической культуры и спорта в Казахстане. Алма-Ата, 1959.
Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961.
Востров В. В. К вопросу о пережитках древних верований у казахов. «Изв. АН Казах. ССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 2 (10), Алма-Ата, 1959.

Востров В. В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк). «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 3. Этнография, Алма-Ата, 1956.
Востров В. В. К истории развития оседлого жилища у казахов. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». «Труды Ин-та этнографии», т. XLVIII, М.— Л., 1961.
Востров В. В. Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров (по материалам экспедиции 1955 г.) «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959.
Востров В. В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 8, Алма-Ата, 1960.
Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 12, Алма-Ата, 1961.
Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
Диваев А. А. Этнографические материалы. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I—XIII, Ташкент, 1891—1907.
Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. «Изв. Оренбургского отд. Русского географического общества». 1900—1902, вып. 15, 16, 17.
Дюсенбаев И. Т. и Хусаинов Ш. Народные истоки казахского театра. «Вестник АН Казах. ССР», Алма-Ата, 1948, № 4(37).
Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.
Ерзакович Б. Г. Казахская ССР. М., 1957. (Серия «Музыкальная культура союзных республик».)
Загряжский Г. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 25, 27—32.
Захарова И. В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 3. Этнография, Алма-Ата, 1956.
Захарова И. В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959.
Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.
Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казах». «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 8, Алма-Ата, 1960.
История Казахской ССР, т. I, II. Алма-Ата, 1957, 1959.
Казахские сказки. Сост. и ред. Сидельников В. М., т. I, Алма-Ата, 1958.
Казахский народный костюм. Альбом. Сост. С. С. Есова, Н. А. Оразбаева, Алма-Ата, 1958.
Казахский эпос. Под ред. И. Сельвинского, Алма-Ата, 1958.
Казахстан за 40 лет. Статистический сборник, Алма-Ата, 1960.
Канапин А. К. и Варшавский Л. И. Искусство Казахстана. Алма-Ата, 1958.
Каруцц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., 1910.
Катанаев Г. Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (К вопросу о культурном взаимодействии рас). «Зап. Зап.-Сиб.отд. Русского географического общества», кн. XV, вып. 2. 1893.
Клодт Е. Казахский народный орнамент. М., 1939.
Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.», вып. V, отд. 2.
Корбе О. А. Культура и быт казахского колхозного аула. «Советская этнография», 1950, № 4.
Корбе О. А., Махова Е. И. Декоративное искусство колхозниц Казахстана «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XI, 1950.
Краснов А. Н. Очерк быта семиреченских киргиз. «Изв. Русского географического общества», т. XXIII, СПб., 1887.
Культурное строительство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1960.
Куфтин Б. А. Киргиз-казаки, культура и быт. Этнологические очерки, №2. М., 1926.
Левашевский М. А. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда. «Землеведение», т. I, кн. 2—4; т. II, кн. 2-3, 1894—1895; то же. «Тургайская газета», Оренбург, 1896, № 18, 19, 24, 28, 33, 34, 36—42, 44 и 51.
Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. I—III. Ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832.
Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
Масанов Э. А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX—начале XX в. «Уч. зап. Казах. ун-та», т. XXXVIII, вып. 4, серия историческая. Алма-Ата, 1959.

Масанов Э. А. Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX в. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959.
Масанов Э. А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (вторая половина XIX — начало XX в.). «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 12, Алма-Ата, 1961.
Масанов Э. А. Из истории ремесла казахов. «Советская этнография», 1958, № 5.
Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I, Алма-Ата, 1948.
Муканов М. С. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 12, Алма-Ата, 1961.
Муканов М. С. Ковровое производство и его орнаментика. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6, Этнография, Алма-Ата, 1959.
Муканов М. С. Резьба по дереву у казахов. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 6. Этнография, Алма-Ата, 1959.
Нейштадт С. А. Экономическое развитие Казахской ССР (Период социализма и развернутого строительства коммунизма). Алма-Ата, 1960.
Оразбаева Н. А. Искусство резьбы по кости у казахов. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», № 6. Этнография, Алма-Ата, 1959.
Погорельский П. В. Оседание кочевников и развитие животноводства. «Труды экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР», вып. 8, Алма-Ата, 1949.
Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», 1916, II—III.
Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии, вып. II. Материалы этнографические. СПб, 1881; то же, вып. IV, СПб., 1883.
Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XII, М.— Л., 1949.
Поярков Ф. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», М., 1891, № 4.
Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казаков. «Казаки». Сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции. Исследование 1927г. «Материалы Комиссии экспедиционных исследований», вып. 15, Л., 1930.
Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза. «Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик при АН», серия Казахстанская, вып. 3. Казаки. Антропологические очерки, Л., 1927.
Сабитов Н. С. Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 3. Этнография, Алма-Ата, 1956.
Толыбеков С. Е. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в. «Труды Ин-та экономики АН Казах. ССР», т. II. Алма-Ата, 1957.
Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологический очерк, вып. 1, 2. «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те», т. LXIII, М., 1889 (вып. 1) и т. LXXII, М., 1891 (вып. 1).
Чулошвиков А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I. Древнее время и средние века. Оренбург, 1924.
Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.
Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Зап. Зап.-Сиб. отд. Русского географического общества», вып. 1, кн. XVII, 1894.
Юсупов Ш. Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости. «Вопросы истории», 1960, № 3.

Уйгуры

Алиева М. К вопросу о собирании, публикации и изученности уйгурских сказок. «Труды сектора востоковедения АН Казах. ССР», т. I, Алма-Ата, 1959.
Бернштам А. Н. Русская и советская уйгуристика. «Изв. Ан. Казах. ССР», № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1, Алма-Ата, 1950.
Виноградский А. В. Таранчи (очерк). «Естествознание и география», 1907, № 9.
Галузо П. Г. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье. Вопросы истории Казахстана XIX — начала XX в. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. 11, Алма-Ата, 1961.

Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза. «Среднеазиатский этнографический сборник», II. «Труды Ин-та этнографии», т. XLVII, М., 1959.
Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951.
Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. V, Таранчи. Сборник под ред. Румянцева П. П., СПб., 1914.
Мацеевский и Поярков. Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района, Омск, 1883.
Пайсель В. Э. Материалы для антропологии таранчей. СПб., 1897.
Ходжаева. Р. Д. Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. 3. Этнография, Алма-Ата, 1956.
Фэн Цзя-шэн, Чэн Су-ло, Му Гуан-вэнь. Вэйурцзу шиляо цзяньбянь. Сборник материалов по истории уйгуров, ч. I. Пекин, 1958. (На кит. языке).

Дунгане

Васильев В. А. Дунгане. «Культура и письменность Востока», кн. VII—VIII, М., 1931.
Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
Гинс Г. К. Таранчи и дунгане. Очерки из поездки к Семиречью. «Исторический вестник», 1911, № 8.
Драгуновы А. и Е. Дунганский язык. «Зап. Ин-та востоковедения», VI, М.— Л., 1937.
Линь Гань (Пекин). Об этногенезе дунган. «Советская этнография», 1954, № I.
Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания (маленькая страничка из прошлой жизни Семиречья). Памятная книжка Семиреченской области за 1901 г. Верный.
Поярков Ф. В. Сватовство (ше-мий) у дунган. «Этнографическое обозрение», 1903, № 2.
Поярков Ф. В. Дунгане селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области (этнографические очерки). Свадьба (цюй-си-фур). «Этнографическое обозрение», 1907, № 4.
Рифтин Б. Л. О дунганских исторических сказаниях. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIX, 1958.
Селицкий И. В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь джаркентских таранчей и дунган. «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XX, вып. 6, 1904.
Селицкий И. В. Сельскохозяйственная промышленность переселившихся из Илийского края в Семиреченскую область таранчей и дунган. «Киргизская степная газета», 1901, № 30, 31, 33, 34, 36, 38, 40 и 42.
Стратанович Г. Г. Изобразительное искусство дунган, живущих в СССР. «Труды сектора востоковедения АН Казах. ССР», т. I, Алма-Ата, 1959.
Стратанович Г. Г. Отчет об экспедиции к дунганам Киргизии (1945). «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. III, М., 1947.
Стратанович Г. Г. У дунган Ошской группы. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. IV, М., 1948.
Стратанович Г. Г. Экспедиция к дунганам Ошской группы (1947). «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. VI, М., 1949.
Сушанло М. Дунгане Семиречья. Фрунзе, 1959.
Фесенко П. И. Дунгане в Киргизии. Газ. «Советская Киргизия», 1931, № 234, 236, 244, 247.
Цыбузгин В. и Шмаков А. Заметка о жизни дунган селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области. «Зап. Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. Русского географического общества», вып. IV, Семипалатинск, 1909.
Чебоксаров Н. Н. Дунганская экспедиция. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. III, М., 1947.
Шинло Л. Т. К истории дунганского колхоза имени Фрунзе. «Труды Ин-та языка и литературы и Ин-та истории АН Киргизской ССР», вып. V, Фрунзе, 1956.
Шинло Л. Т. Орнамент дунган (Альбом). Фрунзе, 1959.
Шинло Л. Т. Дунганская вышивка. «Изв. АН Киргизской ССР, серия общественных наук», вып. 2 (дунгановедение), Фрунзе, 1960.
Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе, 1959.
Юсупов И. И. Кооперирование среди дунган Киргизии и Казахстана. (1923—1930 гг.). Фрунзе, 1960.

Юсуров Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961.
Бай Шоу-й, Дин И-минь, Хань Дао-жэнь. Хуэйхуэй миньцзуды лиши хэ сяньчжуан. История и современное положение народности хуэйхуэй. Пекин, 1957. (На кит. языке).

Среднеазиатские арабы

Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. «Изв. Туркестанского отд. Русского географического общества», т. XVII, Ташкент, 1924.
Бурыкина Н. Н. и Измайлова М. М. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашка-Дарьинского округа Узбекской ССР. «Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V, Л., 1930.
Винников И. Н. Арабы в СССР. «Советская этнография», IV, М.— Л., 1940.
Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов. «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.». «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», вып. XXXVI, М.— Л., 1941.
Церетели Г. В. Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии. «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.— Л., 1939.
Церетели Г. В. Арабские диалекты в Средней Азии. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция семитологии. М., 1954 (на русск. и англ. языках).

Белуджи

Винников Я. Р. Белуджи Туркменской ССР. «Советская этнография», 1952, № 1.
Гаффенберг Э. Г. Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. «Советская этнография», 1960, № 1.
Пикулин М. Белуджи Пакистанского Белуджистана. «Советская этнография», 1958, № 6.

Среднеазиатские евреи

Амитин-Шапиро З. Л. Очерки социалистического строительства среди среднеазиатских евреев. Ташкент, 1933.
Амитин-Шапиро З. Л. Женщина и свадебные обряды у туземных (бухарских) евреев Туркестана. «Изв. Туркестанского отд. Русского географического общества», XVII, 1924.
Амитин-Шапиро З. Л. Верования и обряды среднеазиатских евреев, связанные с материнством и ранним детством. «Советская этнография», № 3-4, 1933.
Амитин-Шапиро З. Л. Очерк правового быта среднеазиатских евреев. Ташкент, 1931.
Бабаханов И. М. К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре. «Советская этнография», 1951, № 3.
Заметки о среднеазиатских евреях. «Новый Восток», 1922, № 1.
Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Опыт характеристики. Л., 1928.
Иофан Д. Научное исследование истории туземных евреев Бухары и Туркестана «Челы» и части горных таджиков. «Новый Восток», 1922, № 1.
Радлов В. В. Евреи в Самарканде. Из отчета о поездке в Зеравшанский край. «Изв. Русского географического общества», т. V, вып. 6, 1869.

Среднеазиатские цыгане

Вилькинс А. И. Среднеазиатская богема. «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Ун-те», вып. XXXV, М., 1879.
Гребенкин А. Д. Мелкие народности Зеравшанского округа. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872.
Снесарев Г. П. Среднеазиатские цыгане. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXIV, 1960.
Троицкая А. Л. Abdoltili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии. «Советское востоковедение», т. V, М.— Л., 1948.

Корейцы

Джарылгасинова Р. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Каракалпакской АССР. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXV, 1960.
Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXVIII, 1962.

Курды

Артамонов Л. Астрабад-Шахрудский район и северный Хорасан. Ч. II, вып. I. Тифлис, 1894.
Карпов Г. И. Нацменьшинства ТССР. «Туркменоведение», 1931, № 3—4.
Iwanow W. Notes of the ethnology of Khorasan. «The Geographical Gournal», 1926, № 2.

Русское, украинское и белорусское население Средней Азии и Казахстана

Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX вв. (по материалам Восточного Казахстана). «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. VI. Этнография, Алма-Ата, 1959.
Бломквист Е. Э. Этнографическая работа среди «уральцев». «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. III, 1947.
Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований, серия Казахстанская, вып. 17, Л., 1930.
Вощинин В. П. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914.
Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк, ч. I. Уральск, 1911.
Комаров А. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913.
Коротенко Г. И. Говор русских старожилов Иссык-Кульской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Фрунзе, 1953.
Миртов А. В. Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии. Ташкент-Самарканд, 1941.
Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.
Переселение крестьян Харьковской губернии, вып. III. Харьков, 1910.
Половцев А. А. Отчет чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел А. А. Половцева, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898.
Румянцев П. П. Русские старожильческие селения Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, VI, ч. 1, Пг., 1915.
Румянцев П. П. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», 1911, № 9.
Скрыплев П. А. Экономическое положение переселенцев, водворившихся в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. «Вопросы колонизации», 1908, № 4.
Станюкович Т. В. У русских переселенцев в Средней Азии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», IV, 1948.
Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.
Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии, Л., 1930.
Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. «Исторические записки», 1940, № 8.

ГЛОССАРИЙ

(словарь местных терминов) *

Принятые сокращения названий языков, на которых данный термин встречается в настоящем издании:

каз.— казахский
кирг.— киргизский
уйг.— уйгурский
уйг. ф.— говор уйгуров Ферганы
турк.— туркменский
узб.— узбекский
узб. *ар.*— узбекский (говор среднеазиатских арабов)
тадж. *евр.* — таджикский (говор среднеазиатских евреев)
евр.— еврейский **
тадж. *цыг.*— таджикский (говор среднеазиатских цыган)
бел.— белуджский ***
курд.— курдский
рус.— говоры русского населения Средней Азии
дунг. — дунганский
кор. — корейский

Абдал тили (узб. абдол тили) — тайный язык цеха артистов и музыкантов, общин каляндаров (см.), маддахов (см.)
Абдире (каз. әбдіре) — расписной сундук
Ага манап — см. Чонг манап
Агаран (турк. агаран, ак) — сливки, снятые с верблюжьего молока
Аташ шебер (каз. ағаш шебер, кирг. жыгач уста) — мастер по дереву
Агы — см. Джоктау
Адаглы — см. Жастай кудаласу
Адалбакан — см. Бакан
Адаргы (каз. адарғы) — распялка ручного ткацкого станка
Адат (каз. әдет, кирг. нарк) — обычай; обычное право
Аджа (кирг. ажа) — старшóй
Азал — см. Омач
Аил (кирг. айыл) — селение кочевого или полукочевого типа
Айван (кирг. айван, уйг. ф. әйван, турк. эйван, тадж. *евр.* айвон) — терраса
Айдым (турк. айдым) — песня
Айран (турк. айран) — оставшееся после приготовления масла пахтанье, смешанное с водой; см. также Катык, Чалап
Айтыс (каз. айтыс, кирг. айтыш) — состязание на лучшие поэтические и музыкальные импровизации
Айып (кирг. айып) — штраф
Айыр аташ (каз. айыр ағаш) — жердь с развилкой на конце
Айыр калпак (каз. айыр қалпақ) — калпак из тонкого белого войлока с отгибающимися разрезными полями
Айыр оркеш (каз. айыр өркеш, турк. бугра) — двугорбый верблюд
Айырмач (кирг. айырмач) — детское седло
Ак кангы ээр (кирг. ак кaңгы ээр) — седло с широкой полукруглой передней лукой
Ак суяк — см. Тюре
Ак чекмень (турк. ак чәкмен) — халат из ткани домашнего производства, сотканной из шерсти верблюжонка с прибавлением шелковой нити, которая придает голубоватый оттенок
Ак чоольмёк (кирг. ак чөөлмок) — одна из игр молодежи
Ак юп (турк. ак йүп) — тканая полоса с ковровым узором для стягивания остова юрты
Аккайма (турк. акгайма) — один из трех основных видов шва в туркменской вышивке (см. Ильме и Коджиме)

---

* Местные термины, имеющие несколько значений, даны только в тех значениях, в которых они встречаются в тексте настоящего издания.
** Еврейские термины, сохранившиеся в говоре среднеазиатских евреев.
*** Термины белуджские, курдские и корейские, для написания которых принят русский алфавит (см. Предисловие), в скобках, как правило, не повторяются.

Аксакал (каз. ақсақал, тадж. *цыг.* оқсоқол) — глава родовой общины; старшина цыганского табора

Акый (кирг. акый, акыйнек) — состязание девушек в пении

Акын (каз. ақын, кирг. акын) — народный поэт, певец-импровизатор

Ала кийиз (кирг. ала кийиз) — войлочный ковер с вкатанным узором

Ала кучук (кирг. ала күчүк) — детская игра в «кошки-мышки» (букв. «пегий щенок»)

Ала-елек—см. Кирлик

Алал зекет — см. Зякет

Аламан (турк. аламан) — набег с целью грабежа

Аламан байга (каз. аламан бәйге, кирг. аламан байга) — конские скачки на длинные дистанции

Аластау (каз. аластау) — ритуальное очищение огнем

Алачик (каз. жаппа, қос, кирг. алачик, турк. ороча, готдикме) — юрта, у которой отсутствовала кереге (см.), а нижние концы уков (см.) прикреплялись к колышкам

Алаша (каз. алаша) — безворсовый ковер, сшитый из узорных полос ткани домашнего производства

Албасты (каз. албасты, кирг. албарсты, тадж. *цыг.* албастӣ, дунг. албастэ) — одно из демонических существ

Алгоо (кирг. алгоо, уюшма) — обычай взаимопомощи, выражающийся в предоставлении друг другу скота для обработки земли, в оказании помощи своим трудом

Алка (каз. алқа) — расшитый нитками и украшенный серебряными монетами нагрудник, надевавшийся молодыми женщинами и девушками поверх рубахи

Алкым дамар (турк. алкым дамар) — пульсация кровеносного сосуда на шее испытуемого во время игры в чеке (см.)

Алтын кабак (каз. алтын қабақ, турк. нышана атышмак, атышык) — соревнования по стрельбе в цель

Алынданы (турк. алынданы) — налобная повязка — составная часть современного женского головного убора

Алып (каз. алып, дәу) — сказочный великан

Амбар (уйг. амбар, турк. амбар, аммар, үчек) — амбар

Амлякдар (узб. *ар.* амлокдор) — чиновник, стоявший во главе амляка — административно-податной единицы в Бухарском ханстве

Аммар чукур — см. Ора

Ангиштхана (тадж. *евр.* ангиштхона) — кладовая для угля

Ангуштпона — см. Юзук

Анилик (уйг. анилик) — подарок жениха матери невесты (букв. «материнство»)

Анши — см. Оленши

Апкур чина (уйг. апқур чина) — большая пиала (см.)

Аппасы (турк. апбасы) — монеты или круглые пластинки из серебра, пришиваемые женщинами на платье как нагрудное украшение

Араб пули (узб. *ар.* араб пули, шатта пули) — особый налог, взимавшийся с арабов в Бухарском ханстве

Арабак (турк. иребек, тадж. *евр.* арабак) — украшение в виде кольцеобразной серьги, продевавшейся в крыло носа

Араби (узб. *ар.* араби, тадж. *цыг.* арабӣ) — порода каракульских овец; тип безворсового ковра (букв. «арабский»); см. также Лявзи мугат

Арабча — см. Лявзи мугат

Арак (тадж. *евр.* арақ) — водка

Аракчин (тадж. *евр.* арақчин) — девичья шапочка, расшитая золотом

Аракчини авгони (тадж. *евр.* арақчини авғонӣ) — аракчин (см.) из черного бархата, расшитый золотом (букв. «афганский аракчин»)

Арба (уйг. көтәк һарву) — двухколесная повозка

Арвана — см. Нар

Арвах (каз. аруақ, кирг. арбак) — дух предков

Аркан (каз. арқан, кирг. аркан, курд. варис) — шерстяная или волосяная веревка

Аркан тартыш (кирг. аркан тартыш) — состязание по перетягиванию каната

Аркау (каз. аркау) — уточная нить

Арман (кирг. арман) — один из видов лирических песен (букв. «неисполненное желание»)

Арпа (уйг. арпа) — ячмень

Арча (кирг. арча) — древовидный можжевельник (Juniperus L.)

Арык (кирг., рус. арык) — оросительный канал

Ас (каз. ас, жылы, кирг. аш) — годовая тризна по умершему

Асар — см. Хашар

Асо (тадж. *цыг.* асо) — посох нищенствующей цыганки

Астау (каз. астау) — деревянное корытце для мяса

Асык (турк. асык) — серебряные сердцевидные подвески к косам

Ат (турк. ат) — конь

Ат майын беру (каз. ат майын беру) — одна из форм эксплуатации баем бедного сородича (на основе ссуды ездовой лошадью)

Ат чапышдырмак—см. Байга

Аталар созы (турк. аталар созы) — поговорка

Аталя (кирг. атала) — похлебка в виде болтушки из муки, заправленной кислым молоком или маслом

Аткан чай (уйг. аткән чай) — чай с молоком, маслом или салом и солью

Атлы (турк. атлы) — всадник

Атлык (турк. атлык) — участок земли, выделявшийся ханом нукеру (см.)

Атпа (каз. атпа) — приспособление для подъема воды в оросительной сети деревянным черпаком или кожаным ведром

Атук (бел.) — мясной бульон с луком

Атхана (турк. атхана, сейисхана, тадж. *евр.* асихона) — конюшня

Аударыспак (каз. аударыспақ, кирг. оодарыш, эңиш) — конно-спортивное состязание, во время которого каждый из двух всадников стремится сбросить противника с седла

Аул (каз. ауыл) — селение

Ауыз үй — см. Дализ

Ауыт — см. Жазы

Ахун (уйг., дунг. ахун) — духовное лицо; преподаватель медресе; глава причта дунганской мечети; глава религиозной общины дунган

Ачык кёйнок — см. Яктак

Ашар — см. Хашар

Ашкабак (кирг. ашкабак) — тыква

Ашкана (каз. шым шиӣ, кирг. ашкана, чыгдан) — орнаментированная ширма из стеблей чия (см.), отгораживающая хозяйственный уголок в юрте; см. также Ашхана

Ашхана (кирг. ашкана, уйг. ашхана, тадж. *евр.* ошхона, дунг. ашхана, фангуанзы) — кухня; столовая

Аяк (каз. аяқ) — деревянная чашка

Аяк кап (каз. аяқ қап) — войлочный мешочек для посуды

Аяк шыгыр (каз. аяқ шығыр) — чигирь (см.), приводимый в движение ногами человека

Баба Дыйкан (кирг. Баба Дыйкан) — мифический патрон земледелия

Баг (уйг. бағ) — завязка; гашник

Бадак салмак (турк. бадак салмак, бадак атмак) — один из приемов национальной спортивной борьбы

Базар гилям (узб. *ар.* бозор гилам) — безворсовый ковер, сотканный для продажи

Бай (каз., кирг., уйг., турк., узб. *ар.* бай) — богач; богатый скотовладелец

Байга (каз. бәйге, кирг. ат чабыш, турк. ат чапышдырмак, ярыш) — конские скачки

Байпак (каз. байпақ, киіз байпақ, кирг. байпак) — войлочные чулки

Байрак (турк. байрак) — приз; скачки на приз

Бакан (каз. адалбақан, кирг. бакан) — шест с крюками для подвешивания домашних вещей

Бал—см. Чиль

Балак—см. Ыштан

Балак юзи (турк. балак йузи) — нижняя часть женских штанов, выступающая из-под платья и вышитая по нижнему краю

Балах — см. Потча

Балахана (уйг. ф. балаханә)—беседка в саду на высоких столбах, служащая кладовой и летней кухней

Баранглык (уйг. бараң, бараңлық) — беседка

Баранта (каз., кирг. барымта) — набег с целью угона скота

Бармук — см. Джук

Бас арык (каз. бас арық) — головной канал

Баскур (каз. басқур) — широкая тканая узорная полоса для стягивания остова юрты

Басма таар (кирг. басма таар, тепме) — виды сукна домашнего производства

Басмач (узб. босмачи) — участник контрреволюционного кулацко-националистического движения в Средней Азии в первые годы Советской власти (букв. «разбойник», «грабитель»)

Бастаг — см. Катык

Бастырма (кирг. бастырма, турк. басдырма) — навес

Батыр (каз. батыр) — военачальник, возглавлявший родоплеменное ополчение; позднефеодальный владетель, представитель феодальной знати

Бау (каз. бау) — тканые шерстяные полосы для скрепления остова юрты

Бауырсак (каз. бауырсақ, кирг. боорсок)—жареные в кипящем масле или сале кусочки пресного теста

Бахш (тадж. *евр.* бахш) — вид кушанья из риса, сала, печенки и мяса, заправленного петрушкой

Бахши (каз. бақсы, кирг. бакшы, уйг. бахши, перихан, турк. порхан) — шаман; см. также Жыршы

Бахшидабози — см. Урын келу

Баш кеп — см. Кулюта

Бегейик (турк. бегейик) — ластовица треугольной формы

Беда (уйг. бедә) — люцерна (Medicago sativa L.)

Бедре (турк. бедре) — оцинкованное ведро для воды

Бейит башына баруу (кирг. бейит башына баруу) — посещение могилы родственниками покойного на 20-й (40-й) день после его смерти

Бекасаб (кирг. бекасаб) — двухсторонняя полосатая ткань с шелковой основой и бумажным, более толстым, утком

Бекбекей (кирг. бекбекей) — женская пастушеская песня

Белинчак (турк. салланчак, тадж. *цыг.* белинчак, курд. хелонак) — подвесная люлька для ребенка

Белуджи (курд.) — танец двух мужчин с палками в руках (букв. «белуджский»)

Бель (турк. пил, курд. бель) — железная лопата

Бельагаш — см. Матке

Бельбеу сокты (каз. белбеу соқты) — вид народной игры (букв. «удар поясом»)

Бельдемчи (кирг. белдемчи) — женская распашная набедренная одежда

Бельдеу (каз. белдеу)—аркан или тканая полоса, которой опоясывают юрту снаружи

Бельдик (каз. белдік, кирг. белдик) — пояс

Белькур (кирг. белкур, уйг. бәлвағ) — кушак

Беруш (курд.) — котел меньших размеров, чем сител (см.)

Бесик салар (каз. бесік салар) — подарок родителей новорожденного женщине, давшей имя ребенку и уложившей ребенка впервые в колыбель

Бет ашар (каз. бет ашар, уйг. ф. юз ачиш, тадж. *евр.* рӯбинон) — обряд открывания лица новобрачной в доме мужа; песня, сопровождающая этот обряд (казахи)

Бет жабуу (кирг. бет жабуу, бет калка, чумбөт) — лицевая занавеска невесты

Бет жырту (каз. бет жырту) — обряд расцарапывания женщинами своего лица в знак скорби по умершему

Бешбармак (каз. бесбармақ, кирг. бешбармак, туураган эт) — мелко нарезанное вареное мясо с лапшой или с небольшими кусочками теста

Бешилик (кирг. бешилик) — деревянные вилы

Бешик (каз. бесік, кирг., тадж.*цыг.* бешик) — колыбель

Бешик той (каз. бесік той, кирг. бешик той, тадж. *евр.* гаҳворабандон) — празднество по случаю первого укладывания новорожденного в колыбель

Бешкеште (кирг. бешкеште) — тип безворсового узорного тканья со светлой одноцветной основой, имеющего вид вышивки

Бешмет (каз. бешпент, мешпент, кирг. бешмант) — верхняя одежда типа камзола

Бёрек — см. Чучбара

Бёрик (турк. борик) — старинный женский головной убор

Бёрик (каз. бөрік) — мужская и девичья шапка с матерчатой тульей и широким меховым околышем; см. также Такыя

Бий (каз. би, кирг. бий) — глава рода, феодальный вождь; впоследствии — судья; выборный организатор джоро бозо (см.)

Бийлик (каз. билік, кирг. бийлик) —судебная пошлина с тяжущихся в пользу судьи

Билезик (турк. билезик, бизелик, тадж. *евр.* дастпона, дунг. жүэзы) — браслет

Бильйуп — см. Дузи

Бир атанын балдары (кирг. бир атанын балдары) — семейно-родственная группа (букв. «дети одного отца»)

Богджома (тадж.*цыг.* бӯҷома) — связанные в один узел мягкие вещи (одеяла, подушки)

Богмач (турк. богмач) — женский головной убор, напоминающий русский кокошник

Боз уй — см. Уй

Бозбанд — см. Тумар

Бозбент (турк. бозбент) — массивное серебряное украшение круглой формы, нашиваемое как наплечное украшение на верхнюю одежду

Боксо — см. Коктеу

Болои (тадж.*евр.* болой) — верхняя часть женских штанов

Боо (кирг. боо) — сноп

Боргундор (тадж.*цыг.* борғундор) — глинобитное возвышение с нишами в оседлом жилище, служащее для хранения посуды

Боры (рус. боры, борки) — мелкие сборки на одежде

Босого (кирг. босого)—дверная рама в юрте

Ботко (кирг. ботко) — просяная каша

Боюнтурук (уйг. боюнтуруқ) — ярмо

Боюнча (турк. боюнча, нарванча) — бисерное ожерелье

Бояр (турк., курд. бояр) — первые из текинцев, захватившие землю и воду в Ахальском оазисе (букв. «господа»)

Бугдай (уйг. буғдай) — пшеница

Бугра — см. Айыр оркеш

Бугу (кирг. бугу) — название одного из месяцев народного календаря (букв. «самец оленя»)

Бугуса—см. Омач

Бударa (рус.) — вид лодки (уральцы)

Буджоли (курд.) — белые шерстяные носки

Буза (каз. боза, кирг. бозо)—хмельной напиток из пшеницы, проса или риса

Бузланги (бел.) — сказочное чудовище

Буйла—см. Мурундык

Букара (кирг. букара, чарба) — зависимое от феодалов население, в основном владельцы небольших стад

Букары — см. Каджары

Бурдж (турк. бурч) — угловые башни текинских усадеб-крепостей

Буркут (кирг. бүркүт) — орел беркут

Бурма койнак (уйг. ф. бӯрмә койнәк)— платье с короткой отрезной кокеткой

Бурунхал (турк. бурунхал, тадж.*евр.* холаки бини, бел. пуллук) — маленькая невисячая серьга, продевавшаяся в крыло носа (букв. «родинка на носу»)

Буршак (каз. бұршақ) — веревочные петли, с помощью которых привязывают за шею ягнят и козлят к когену (см.)

Бурьё (уйг. бора, тадж. *евр.* бурьё) — циновка, плетенная из камыша

Буурсун — см. Омач

Бухнук — см. Кулюта

Бухори — см. Мури

Бучулук (кирг. бүчүлүк, төөноч) — женское серебряное украшение типа броши

Бушлук хакы—см. Союнчи

Бушпак (каз. бушпақ) — мех с лисьих лапок

Буюрма ичик (кирг. бүйүрмө ичик) — мужская шуба типа русской поддевки

Буюрма кёйнёк (кирг. бүйүрмө көйнөк) — женское платье отрезное ниже талии, с присборенной юбкой

Буюрма тон (кирг. бүйүрмө тон) — овчинный полушубок

Буян (турк. буян) — растение солодка голая (Glycyrrhiza glabra L.), употребляемое при приготовлении сыра, придающее ему коричневый цвет и особый привкус; *ныне применяется в пищевой* и химической промышленности

Быжы (кирг. быжы) — вареная колбаса из печени, крови, сала, лука и перца, иногда риса

Быштак (кирг. быштак, пышлак) — пресный сыр

Бэйчжозы (дунг. бэҗүэзы) — алтарь

Бюбю (кирг. бүбү) — шаманка

Вакиль ата (уйг. вәкил ата) — посаженый отец невесты

Вакуф (турк. вахым, вакуф)— имущество, завещанное или переданное мусульман-

скому духовному учреждению с правом пользоваться доходами с этого имущества, но без права продажи

Ваньзы (дунг. ванзы) — тефтели; котлеты

Вари (бел.) — пастушеский хлеб, выпекаемый в раскаленном песке в виде больших толстых лепешек

Варис—см. Аркан

Вей дузы (дунг. вый дузы) — пояс (с кошельком для денег)

Вешняя плавня (рус.) — весенний лов рыбы (уральцы)

Волосник (рус.) — головной убор замужней женщины (уральцы)

Воскат (бел.) — мужская безрукавка

Вперекат (рус.) — покрой сарафана (уральцы)

Вушэр—см. Ушр

Выставка (рус.) — цветные вставки на плечах женских рубах (уральцы)

Гаворабандон — см. Бешик той

Гаворабахш — см. Жастай кудаласу

Галерейка (рус.) — узкая открытая терраса

Гаодир хэй (дунг. гаодир хэ) — туфля невесты

Гапыгунлук (турк. гапыгунлик) — занавеска на двери юрты

Гапыкилим (турк. гапыкилим) — безворсовый узорный ковер, закрывающий дверной проем юрты

Гара ой — см. Уй

Гарчын (турк. гарчын) — ковровый (ворсовый) мешок для вещей

Гарша — см. Карши куда

Гарындашлык (турк. гарындашлык) — родственные связи в широком смысле этого слова

Гедан (бел.) — шатер, переносное жилище белуджей

Гедашик (бел.) — железные булавки для скалывания отдельных частей покрытия гедана (см.)

Гельмишек (турк. гелмишек, гоңшы) — человек из другого рода или племени (букв. «пришелец»), не пользующийся равными правами с иг (см.)

Геми — см. Кеме

Генгеш — см. Маслахат

Гет (евр. гет) — развод

Гиджак (уйг. гиҗәк, турк. гыҗак) — смычковый музыкальный инструмент

Гиззи (узб. *ар.* гиззи) — старинный женский головной убор

Гилям — см. Палас

Гобек эне — см. Киндик шеше

Гова — см. Кауга

Говурдак — см. Куурдак

Говурма — см. Куурма

Голан (турк. голан) — ворсовая ковровая полоса для опоясывания юрты снаружи, поверх камышовой циновки

Голмак — см. Енсиз кемзор

Голтурмак — см. Чабыт

Голь (турк. гол) — центральный узор в туркменских коврах

Гом (курд.) — зимнее помещение для мелкого рогатого скота; кладовка

Гореш — см. Куреш

Готдикме — см. Алачик

Гоухона — см. Малхана

Гочак — см. Сары ичян

Гошма кече (турк. гошма кече) — войлок, орнаментированный с обеих сторон

Гошнан — см. Самса

Гоюнъятак (турк. гоюнятак) — помещение для овец

Гу — см. Награ

Гуазы (дунг. гуазы) — мужская распашная куртка-полукафтан

Гуаляк (уйг. ф. гувәләк) — комья глины овальной формы, служащие для кладки стен

Гудачылык (турк. гудачылык) — сватовство

Гудоишона (тадж. *евр.* гудоишона)— кушанья, удовлетворяющие каприз беременной

Гузар — см. Махалля

Гуйзлик (турк. гүйзлүк) — озимое

Гуйи (турк. гуйы) — колодец

Гуйчжо (дунг. гуйҗуә) — небольшой шкаф

Гул — см. Кул

Гулакхалка — см. Халка

Гулакчин (турк. гулакчын, сопбаш) — детская шапочка-ушанка, стеганая на вате, иногда отороченная мехом

Гули сурх — см. Шовуот

Гуллукчи — см. Джалчы

Гулпак (турк. гулпак) — косички, которые начинали отращивать девочкам с 4 лет; волосы, оставлявшиеся после первой стрижки на висках ребенка, см также Кокуль

Гуль (уйг. гүл) — орнамент

Гульяка (турк. гуляка) — массивная серебряная брошь

Гунза — см. Мала таш

Гуоту (дунг. гуәту) — печь, отапливающая кан (см.)

Гупба (турк. гупба) — массивный серебряный куполок, который пришивается на макушку шапочки у девочек

Гупи (каз. күбі, кирг. гүү, күп, турк. күпы, гуфы, тадж. *цыг.* гуппӣ, курд. яик) — маслобойка

Гуппича (тадж. *евр.* гуппича) — куртка, стеганная на вате

Гурт — см. Курут

Гуртикин — см. Пугтыма

Гуруч аш (уйг. гүрүч аш) — вид плова, приготавливаемый с сухими фруктами

Гутаб — см. Самса

Гучжэр — см. Эртеки

Гушак (турк. гушак) — кушак из длинной полосы ткани; платок, сложенный по диагонали, употребляемый в качестве пояса

Гушак (узб. *ар.* гўшак) — элемент бухнука (см.) в виде валика, проходящего под подбородком

Гыйнач (турк. гыйнач) — большой головной платок из шелка домашнего производства с длинной бахромой

Гырмызы дон (турк. гырмызы дон) — халат из красного кустарного шелка в узкую черную и белую полоску, на подкладке

Гырмызы кетени (турк., курд. гырмызы кетени) — шелк красного цвета, кустарного производства

Да ли (дунг. да лир) — выкуп за невесту (букв. «большие подарки»)
Да саньзы — см. Саньзы
Да чузы (дунг. да чузы) — поэма
Дабинник (рус.) — косоклинный сарафан без переднего шва — старинная женская одежда (бухтарминцы)
Дагдан (турк. дагдан) — амулет, вырезанный из дерева каркас (Celtis caucasica Willd.), считавшегося священным
Даги — см. Куурдак
Дан — см. Тага
Далан (уйг., уйг. ф., турк. далан) — внутренний крытый двор (семиреченские уйгуры); средняя комната в трехкамерном доме (ферганские уйгуры); узкий сквозной коридор, разделяющий жилые и хозяйственные помещения внутри дома (туркмены)
Далбай — см. Жалбагай
Дализ (каз. ауыз үй, кирг. дализ, уйг. ф. дəhлиз, тадж. *евр.*даҳлиз) — прихожая; сени
Далычи (кирг. далычы) — гадальщик на бараньей лопатке
Дамбал (каз. дамбал, уйг. тамбал) — нижние штаны
Данбаш ээр (кирг. данбаш ээр) — седло с широкой дугообразной передней лукой
Дандана (турк. дандана) — борона в виде доски с деревянными зубьями
Дап (уйг. дап, шалдап) — бубен
Дарадан (турк. дарадан) — сеть для ловли птиц
Дарваза (уйг. давуз) — ворота
Дарвазахана (уйг. ф. дəрвазəханə) — крытое помещение, непосредственно примыкающее к воротам, ведущим с улицы во двор
Дарга (узб. *ар.* дарғо) — чиновник, ведавший сбором налогов с урожая в Бухарском ханстве
Даре — см. Есик
Даригер — см. Табиб
Дармык (турк. дармык) — узорные тканые полосы, украшающие снаружи и внутри купол юрты
Дарпа — см. Чалбар
Дарча (кирг. дарча) — дощатая ставня
Дары (рус.)— подарки новобрачным в начале свадебного пира и сам ритуал их поднесения
Дарымчы (кирг. дарымчы, эмчи) — знахарь
Дастархан (каз. дастарқан, уйг. дəстихан, турк. дестерхан, сачак, тадж. *евр.* дастархон) — скатерть; угощение на ней
Дастпона — см. Билезик
Дато (дунг. дато, дадуй, дахуэ) — формы совместной обработки земли
Даус — см. Джоктау
Дауылпаз (каз. дауылпаз, кирг. доолбаш) — маленький барабан, употребляемый при охоте с ловчей птицей, а в прошлом и в походах
Двуличка (рус.) — вид ткани, основа которой одного, а уток другого цвета
Дег — см. Казан
Дегее (кирг. дегээ) — острога
Демирчи — см. Темирчи
Дестан (турк. дестан) — эпическая поэма
Деу — см. Алып
Даулетти шаруа (каз. дəулетті шаруа) — скотовод среднего достатка
Дехканин (уйг. дехан, деханчи) — крестьянин, земледелец
Джабыкбаш (кирг. жабыкбаш) — широкая узорная полоса из цветного войлока, которая закрывает место соединения верхних и нижних войлочных покрытий юрты
Джаван (кирг. жаван) — деревянный шкафчик с раздвижными дверцами
Джай (турк. ҷай) — помещение, жилая комната
Джайляу (каз. жайлау, кирг. жайлоо) — летнее пастбище
Джайчи (кирг. жайчи) — заклинатель, якобы способный вызывать изменение погоды
Джака (кирг. жака) — вышитый нагрудник, надевавшийся на женскую рубаху
Джалбар — см. Чалбар
Джалган куран (кирг. жалган куран) — название одного из месяцев народного календаря (букв. «ложный самец косули»; ср. Чын куран)
Джалчы (кирг. жалчы, турк. гуллукчы, хызматкэр) — батрак; поденщик
Джанг (уйг. ҷаң) — ударный музыкальный инструмент в виде медных тарелок
Джандархол (тадж.*евр.* чандарҳол) — ожерелье с подвесками
Джапкак (кирг. жапкак) — квадратные или круглые «ступающие» лыжи
Джаргак шым (кирг. жаргак шым) — мужские верхние штаны из кожи или замши домашней выделки
Джаргылчак (кирг. жаргылчак, турк. дегирмен, кор. мэттори) — ручная мельница
Джардам (кирг. жардам) — материальная помощь сородичу
Джаркоп (кирг. жаркоп) — картофель, жаренный с мясом
Джарма (кирг. жарма) — напиток, приготовленный из отвара ячменной или пшеничной крупы
Джатак (каз. жатақ, кирг. жатакчы) — бедняк, из-за отсутствия скота не выезжающий на джайляу (см.) и занимающийся земледелием
Джашынбак (кирг. жашынбак) — игра в прятки
Джегде (каз. жейде, желде, кирг. жегде, уйг. койнэк) — старинная мужская рубаха
Джези — см. Жасау
Джезтырнак (каз. жезтырнақ, кирг. жезтырмак) — демоническое существо в образе женщины с медными когтями
Джеле (каз. желі, кирг. желе) — привязь для жеребят и телят в виде натянутой по земле на кольях веревки

Джелек (кирг. желек) — легкая распашная верхняя одежда молодых женщин; см. также Якгак

Джеляк — см. Паранджа, Джилитке

Дженгетай (кирг. жеңгетай) — подарок жениха родственницам невесты

Джентек (кирг. жентек) — угощение по случаю рождения ребенка

Джерганак (рус.) — облепиха (Hippophae rhamnoides L.)

Джер-Суу (кирг. Жер-Суу) — древнее божество земли и воды

Джетилик (каз. жетісі, кирг. жетилик) — поминки, устраиваемые семьей покойного на седьмой день после его смерти

Джида (уйг. жигдə, турк. игде) — джида, лох (Elaeagnus orientalis L.)

Джизья (тадж. *евр.* ҷизья) — подушная подать, уплачивавшаяся иноверцами в мусульманских странах

Джилитке (каз. желетке, кирг. пенжек, кямзир, камзур, турк. ҷилитке, гурсакча, тадж. *евр.* ҷелак, ҷелакча) — короткая женская безрукавка

Джимбиль (уйг. ҷимбил) — специальное приспособление в виде плоской корзины для приготовления на пару различных блюд

Джин (кирг. жин, уйг. ҷин, тадж. *цыг.* ҷин) — злой дух

Джихоз — см. Жасау

Джоза (уйг. ҷоза) — низенький обеденный стол, за которым сидят на полу

Джоктау (каз. жоқтау, жылау, даус, кирг. жоктоо, турк. агы) — поминальная песня-оплакивание

Джомаг (бел.) — рубаха мужская и женская

Джомаг чильтринза (бел.) — мужская праздничная рубаха

Джомаи адрас (тадж. *евр.* ҷомаи адрас) — халат из местной полушелковой ткани адрас

Джомаи астарнок (тадж. *евр.* ҷомаи астарнок) — халат на подкладке

Джомаи кокма — см. Чекмень

Джомаи мовут (тадж. *евр.* ҷомаи мовут)— халат из кастора и др. видов сукна

Джомаи пахтанок—см. Чапан

Джомаи хисори (тадж. *евр.* ҷомаи ҳисорӣ) — халат из шелковой ткани, вырабатывавшейся в Хисаре

Джомашуй (тадж. *евр.* ҷомашуй)—прачка

Джомокчу (кирг. жомокчу, тадж. *евр.* қиссагуй) — сказочник

Джоо джомок — см. Эртеки

Джоолук таштау (кирг. жоолук таштау) — одна из игр молодежи, аналогичная русской игре «в жгут»

Джоро бозо (кирг. жоро бозо) — сборища мужчин и женщин одного возраста с угощением бузой (см.), устраиваемые по очереди зимой

Джороп (кирг. жороп) — шерстяные вязаные чулки

Джоухер клыч (турк. ҷовхер гылыч) — сабля из булатной стали

Джоухер пычак (турк. ҷовхер пычак) — кинжал из булатной стали

Джуваз (уйг. жугаз, турк. жуваз) — пресс для выжимания масла из семян

Джувазхана (турк. жувазхана) — помещение, где устанавливался джуваз (см.)

Джуга (уйг. жуга) — овчинная шуба

Джук (каз., кирг. жүк, бел. бармук)— сложенные в несколько рядов постельные принадлежности, войлоки, сундуки и тюки с одеждой

Джуламейка — см. Жолым уй

Джуль (бел.) — груда мягких вещей, сложенных в джук (см.)

Джульхирс (узб. *ар.* жулхирс) — высоковорсовый ковер

Джупка — см. Жука нан

Джут (каз. жұт, кирг. жут) — массовый падеж скота от бескормицы

Джуушан (кирг. жуушан) — ножницы для стрижки овец

Джыгач уста — см. Агаш шебер

Джылкычы (кирг. жылкычы) — табунщик

Джээн аяк (кирг. жээн аяк) — свадебное угощение для гостей-племянников

Дивень — см. Каравай

Диирмен (каз. диірмен, уйг. түгмән) — мельница

Дин вар (дунг. дин вар) — починка посуды (фарфора, фаянса)

Динг (турк. дин) — сторожевая башня

До карсо — см. Еке карсо

Дограма (турк. дограма) — мясной бульон с накрошенными в него кусочками лепешки

Дойра (тадж. *евр.*, тадж. *цыг.* доира) — бубен

Долак — см. Пайтоба

Доле (турк. доле) — сарай; место для хранения дров и сена

Дока (тадж. *евр.* дока) — кисея

Домбра (каз. домбыра) — щипковый музыкальный инструмент

Дон (турк., курд. дон) — шелковый халат на подкладке

Доне фостуни (курд. доне фостуни) — халат из полосатой ширванской или кучанской шерстяной ткани

Доне хиве — см. Хивали дон

Доорон (каз. ысқат, кирг. доорон) — обряд очищения умершего от грехов путем «передачи» их другому лицу

Допа — см. Туппи

Дорба — см. Торба

Дощечка (рус.) — дополнительная часть ткацкого стана при браном тканье

Доя — см. Киндик шеше

Дувал (турк. дивар, тадж. *цыг.* девор)— глинобитная стена

Дуе халык—см. Халык

Дуеятак (турк. дуеятак) — помещение для верблюдов

Дузи (турк. дүзи, билйүп) — безворсовые ковровые дорожки для опоясывания снаружи деревянного остова юрты

Дукаба пальто (кирг. дукаба палто) — женское плюшевое пальто

Дукён (кирг. дүкөн) — ткацкий стан для изготовления ковра; см. также Кырма

Дукон (тадж. *евр.* дӯкон) — лавка

Дукони кабудгар (тадж. *евр.* дӯкони кабудгар) — красильная мастерская

Думбак — см. Наґра

Думпулдок (кирг. дүмпулдөк) — одна из игр молодежи, аналогичная игре в «волки и овцы».

Дурия (кирг. дурия) — вышитый двусторонней гладью платок, накидываемый на женский тюрбан

Дурлук (каз. туырлық, турк. дурлук) — специальные кошмы, которыми покрывают решетку и нижнюю часть купола юрты

Дурра (тадж.*цыг.* дурра) — высокий тюрбан каршинских и шахрисябзских цыганок

Дутар (кирг., уйг., дутар, тадж.*евр.* дутор) — двухструнный щипковый музыкальный инструмент

Дянь (дунг. дян) — заезжий двор; караван-сарай

Егил — см. Малхана

Егинши (каз. егінші) — земледелец; пахарь

Ек мердем (турк. ек мердем) — небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева, бытующая у рыбаков Каспийского моря (букв. «для одного человека»)

Еке карсо (курд. еке карсо, до карсо, се карсо) — хороводные ритмичные танцы

Ектай — см. Яктак

Елек (турк. елек) — халат-накидка, отличающаяся обилием серебряных украшений; см. также Кирлик

Елькен — см. Чепек

Енге (турк. еңге) — спутница невесты во время свадебной церемонии и первых дней пребывания молодой в доме свекра — обычно жена ее старшего брата или другого близкого родственника

Енсиз кемзор (турк. еңсиз кемзор, гөлмак) — длинная, до колен, женская безрукавка в талию

Енши (каз. енші) — доля имущества, получаемая сыном при отделении от отца

Еншилес (каз. еншілес) — усыновленный баем подросток, обычно сын бедного сородича

Ер — см. Эер

Ер демир — см. Тиш

Ер тандур (уйг. ф., тадж.*евр.* тандир) — тандыр (см.), установленный вертикально

Ерулик (каз. ерулік, кирг. өрүлүк) — *празднество на джайляу* (см.), которое устраивал аул, прикочевавший ранее, для прибывших позднее

Ерши (каз. ерші) — мастер по изготовлению деревянных ленчиков седел

Есик (каз. есік, курд. дарэ) — дверь

Естирту (каз. естірту) — один из жанров народной песни — исполняется с целью подготовить людей к получению трагического известия (букв. «предупреждение»)

Ет (каз. ет) — мясо; вареное мясо

Етик (каз. етік, кирг. уйг. өтүк, турк. эдик) — сапоги

Евар — см. Хашар

Жабагы жун (каз. жабағы жүн) — шерсть весенней стрижки

Жазы (каз. жазы, ауыт, кирг. ком) — вьючное седло для верблюда

Жалбагай (каз. жалбағай, далбай) — башлык без подкладки (летний), надеваемый для защиты лица от ветра и пыли

Жапрак (каз. жапрақ),— название орнамента (букв. «лист»)

Жаппа — см. Алачик

Жаргак (каз. жарғақ) — одежда из шкур животных с короткой шерстью (чаще конских, иногда козьих и телячьих)

Жар-жар (каз. жар-жар) — вид свадебной песни

Жасау (каз. жасау, кирг. сеп, тадж.*евр.* ҷиҳоз, чези) — приданое

Жастай кудаласу (каз. жастай құдаласу, турк. адаглы, тадж.*евр.* гаҳворабахш)— помолвка детей еще в колыбели

Жастык агаш (каз. жастық ағаш) — деревянный подголовник

Жатак — см. Джатак

Жаулык (каз. жаулық) — старинный головной убор молодой женщины

Жауыр агаш (каз. жауыр ағаш) — деревянное приспособление, надеваемое на шею лошади для предохранения от расчесывания ран, образовавшихся на ее спине от нагнета

Жейде — см. Джегде

Жезтырнак — см. Джезтырнак

Желетке — см. Джилитке

Жели — см. Джеле

Жельаяк (каз. желаяқ) — сказочное существо — скороход

Жельде — см. Джегде

Жельдирме (каз. желдірме, терме) — речитативная манера исполнения народных поэтических произведений

Жертоле (каз. жертөле, қазба үй) — землянка

Жетиси — см. Джетилик

Жигит жарыс (каз. жігіт жарыс) — джигитовка

Жидкие шти (рус.) — мясной или постный суп с капустой

Жиек (каз. жиек) — тканая узорная тесьма преимущественно для отделки одежды

Жолым уй (каз. жолым үй, рус. джуламейка) — уменьшенная юрта: из 3—4 звеньев кереге (см.), кровли из уков (см.), но без верхнего обода

Жоктау — см. Джоктау

Жонгы (каз. жонғы) — струг

Жонт (каз. жонт) — сладкое блюдо из мелко растолченного сухого сыра, смешанного со сливочным маслом и сахаром

Жуасыткан (каз. жуасытқан) — период привязывания жеребят и доения кобылиц

Жубату (каз. жұбату) — один из жанров казахской народной песни (букв. «утешение»)

Жуген (каз. жүген) — уздечка

Жуз (каз. жүз) — название каждого из трех объединений казахов (букв. «сторона», «часть»)

Жук — см. Джук
Жука нан (каз. жұқа нан, кирг. жупка)— тонкая лепешка
Жукаяк (каз. жұқаяқ, турк. теләр) — деревянная подставка под джук (см.)
Жун беру (каз. жүн беру) — одна из форм эксплуатации баем бедного сородича (на основе ссуды овцами с правом пользования их шерстью)
Жут — см. Джут
Жылан басы (каз. жылан басы) — название орнамента (букв. «голова змеи»)
Жылау — см. Джоктау
Жылма (каз. жылма) — специально приготовленный напиток, считавшийся целебным для больных туберкулезом
Жылу (каз. жылу) — сбор скота в пользу сородича, потерявшего часть скота в результате стихийного бедствия
Жылы — см. Ас
Жыр (каз. жыр) — семи-восьмисложный стих тирадного строения в народной поэзии
Жыршы (каз. жыршы, кирг. ырчы, турк. бахшы, тадж.*цыг.* бахши) — сказитель; народный певец

Зазы (дунг. зазы) — часть; доля
Закол (рус. закол, учуг) — запруда для ловли рыбы
Залавок (рус.) — кухонный шкафчик старинной конструкции
Зан (кирг. заң) — обычай
Запой (рус.) — угощение сватов в день сговора о свадьбе
Запон (рус.) — фартук с рукавами, надевавшийся поверх платья во время работы
Зарчува (тадж.*евр.* зарчӯва) — настой шафрана на водке
Зенана гейим—см. Чабыт
Зергер (каз., кирг. зергер, турк. зергәр) — ювелир
Зех (тадж.*евр.* зеҳ, зеҳи поча) — узорная тесьма
Зикр (турк. зикир) — радение; общее моление, устраивавшееся ишанам (см.) для «излечения» больных; в настоящее время — танец на свадьбе
Зиль тусу (каз. зіл тұсу) — заболевание скота от клещей
Зимом (узб. *ар.* зимом) — золотая серьга, которую женщины носили продетой в носовую перегородку
Зиян (тадж. *цыг.* зиён) — порча; сглаз
Золотовка (рус.) — деталь женского головного убора, расшитая золотом или сделанная из парчи
Зуань шоу (дунг. зуан шу) — обрядовое рукопожатие во время сговора.
Зукан (дунг. зўхў) — форма аренды земли
Зээр—см. Чолпу
Зякет (каз. зекет, кирг. алал зекет, турк. зекат, дунг. зэкэти) — налог со скота и товаров

Ибуль (кор.) — одеяло
Иг (турк. иг) — «чистокровный» (не имеющий примеси крови раба или рабыни)— полноправный член родовой общины
Игде — см. Джида
Ийик — см. Уршык
Изек (бел.) — бурдюк для сбивания масла
Илак (турк. илак) — песчаная осока (Carex physodes M. B.)
Илгын (турк. йылгын) — гребенщик (Tamarix L.)
Илеки — см. Элечек
Иль (турк. ил, тайпа) — народ; племя
Ильбеги (кирг. илбеги) — чиновник, назначавшийся кокандскими властями в каждом киргизском роде для несения полицейской службы
Ильме (турк. илме, илдирме) — один из трех основных типов шва, характерных для туркменской вышивки (см. Аккайма, Коджиме)
Имам — духовное лицо, руководящее молением в мечети
Иребек — см. Арабак
Иримшик (каз. ірімшік) — сладкий сухой сыр
Исерга — см. Халка
Ительгуш (турк. ителгуш) — охотничий сокол балобан
Ичик (каз. ішік, кирг. ичик) — меховая шуба, крытая тканью
Ичмек — см. Тон
Ишан (турк. ишан) — духовный наставник у последователей суфизма
Ишки тон (каз. ішкі тон) — меховая безрукавка
Ишкар (тадж.*евр.* ишкор) — поташ
Иштан — см. Ыштан

Йактак — см. Яктак
Йолам — принятый в дореволюционной русской литературе термин для обозначения ковровых дорожек, искаженное туркменское «голан» (см.)
Йуп (турк. йуп) — шерстяные веревки или узкие тканые полосы, стягивающие юрту поверх войлоков

Кабудгар (тадж.*евр.* кабудгар) — красильщик, окрашивающий ткани в синий цвет (индиго)
Кабудгари (тадж.*евр.* кабудгарӣ) — ремесло красильщика — кабудгара (см.)
Кави (курд.) — кисейный или марлевый женский головной платок
Каде (каз. кәде) — подарок-«выкуп», вымогаемый молодежью из аула невесты (преимущественно молодыми женщинами) с жениха, его родни и дружков по всевозможным поводам в ходе свадьбы
Каджак (тадж.*евр.* қачак) — наушное золотое украшение в виде завитков
Каджары (кирг. кажары, букары) — тип узорного безворсового тканья с разноцветной основой и одноцветным утком
Кадиш (евр. кадиш) — заупокойная молитва
Казан (каз., уйг. қазан, кирг. казан, турк. газан, тадж.*евр.* дег) — котел для варки пищи
Казан кыргуч (уйг. қазан қирғуч) — железный скребок для чистки котла
Казандык (каз. қазандық) — очаг с вмазанным в него котлом

Казачек (рус.) — женское праздничное полупальто
Казба уй — см. Жертоле
Казий (турк. казы) — судья, судивший по шариату (см.)
Казмойын — см. Кеукерин
Казнак (уйг. казнак, тадж.*евр.* қазноқ, қаноқ) — кладовая; чулан
Казы (каз. қазы) — копченая колбаса из конины
Каймак (каз. қаймақ, кирг. каймак, турк. гаймак) — сливки
Кайнатма — см. Шорпа
Кайрак (тадж.*евр.* қайроқ) — булыжник
Кайтарма (турк. гайтарма, чувалгыз) — обычай возвращения новобрачной после свадьбы в дом своих родителей на определенный срок
Как (турк. как) — водосборная яма; естественное углубление в глинистой почве, где собираются дождевые воды; вяленая дыня
Какма (турк. какма) — техника, применяемая при тканье безворсовых паласов, мешков и пр.
Кала (турк. гала) — небольшая глинобитная крепость с башнями по углам и у ворот
Калачики (рус.) — изделия из теста, жаренные в масле
Калгай (тадж.*евр.* қалғай) — тонкая шелковая ткань, вырабатывавшаяся из неотваренной грежи и подвергавшаяся отварке в сотканном виде
Калиголки — см. Чуньки
Калидор (кирг. калидор) — терраса
Калкан (кирг. калкан) — украшение на женском тюрбане (букв. «щит»)
Каллахури — см. Рошхашоно
Калляпуш — см. Туппи
Калмола (тадж.*евр.* калмола) — нагрудное украшение в виде бус, нанизанных на нитку вперемежку с золотыми и серебряными бляшками
Калонтар (тадж.*евр.* калонтар) — старшина еврейской общины
Калпак (кирг. калпак) — войлочная шапка
Калта (каз. калта) — сумка
Калун (уйг. калун) — струнно-ударный музыкальный инструмент типа цимбал
Кальтача (тадж.*евр.* калтача) — тип праздничной женской верхней одежды
Калым (каз. қалын, тадж.*евр.* қалин, бел. лаб) — выкуп за невесту; см. также Кладка
Калып (каз. қалып) — деревянный штамп для тиснения кожи
Каляндар (узб. каландар) — нищенствующий дервиш
Камарча (тадж.*евр.* камарча) — завязка рубахи
Камзол (каз. камзол, кирг. камзур, кямзир, кемсел, уйг. кәмзәл, уйг. ф. кәмзүр, турк. кемзор, тадж.*евр.* камзӯл) — женская одежда типа камзола; женская безрукавка; см. также Джилитке, Костюм
Камшы (каз. қамшы) — плетенная из кожи нагайка
Кан (уйг, қан, дунг. кон, кор. кудыри, ондол) — система отопления, при которой дымоход от кухонного очага прокладывается под приподнятым глиняным полом, образуя теплую лежанку
Канат (каз. қанат, турк. ганат) — звенья решетки деревянного остова юрты (букв. «крыло»)
Кандагай (кирг. кандагай) — мужские штаны из козлиной кожи
Канджа (кирг. канжа) — курительная трубка
Кандым (турк. гандым) — растение Colligonum L.
Канчань (кор.)— жидкая подливка из сои
Кап (каз. қап, турк. кап) — мешок; ковровая торба у туркмен
Капак (уйг. қапақ) — тыква-горлянка
Каппа (узб. *ар.* каппа) — шалаш из камышовых плетенок или из камыша и травы
Каптал шапан (каз. қаптал шапан) — женский стеганый халат на вате
Кара бурч (турк. гара бурч) — черный перец
Кара голан (турк. гара голаң) — черная тканая полоса, употреблявшаяся в зимнее время для удерживания камышовых циновок на войлочном покрытии юрты
Кара казан (кирг. кара казан) — одна из игр молодежи
Кара салык (каз. қара салық) — черный платок, который носила вдова в знак траура в течение года
Кара уй — см. Уй
Кара чай (турк. гара чай) — черный чай
Кара чаршенбе (турк. гара чаршенбе) — «черная среда», день, отмечавшийся ежегодно в последнюю среду мусульманского лунного или старого иранского солнечного года
Кара шурпа (турк. гара чорба) — бульон, сваренный из заготовленного впрок мяса
Каравай (рус. каравай, дивень) — свадебный хлеб
Карагач — вяз (Ulmus densa Litw.)
Караж — см. Харадж
Каргы бау (каз. қарғы бау) — первый подарок со стороны родных жениха родителям невесты, означавший окончательное закрепление сговора (букв. «ошейник»)
Кармак (каз. қармақ) — название орнамента (букв. «крючок»)
Карнай (уйг. канай) — духовой музыкальный инструмент в виде длинной медной трубы
Карсы уй (каз. қарсы үй, қоржын үй)— дом из трех помещений, среднее из которых — прихожая
Каршы куда (турк. гарша, гаршылык, тадж. *цыг.* қарши қудо, дунг. хуанмын чин) — обычай перекрестных браков
Кары (кирг. кары) — часть руки от локтя до плеча
Карын (кирг. карын, турк. гарын) — высушенный желудок животного, употребляемый как сосуд для хранения некоторых видов молочных и других продуктов

Каскан (уйг. қасқан, кирг. каскан) — приспособление из системы решет, вставленных друг в друга для приготовления манты (см.)

Костюм (каз. костім, кирг. костүм, камзур, уйг. ф. костүм) — короткий женский жакет городского покроя

Кат (кор.) — соломенная шляпа

Катта үй (кирг. катта үй, уктай турган үй, уйг. ф. кәттә ой) — главная жилая комната в доме

Каттама (кирг. каттама, уйг. қатлима) — сдобная слоеная лепешка

Катык (каз. қатық, айран, турк. гатык, бел. бастаг) — заквашенное кипяченое молоко

Кауга (каз. кауға, турк. гова) — кожаное ведро для доставания воды из колодца

Каум (турк. ковум) — мелкое родовое подразделение; кровнородственная группа

Кафш (каз. кебіс, турк. ковуш, тадж. *евр.* кафш) — старинные кожаные галоши

Кафши заррин (тадж. *евр.* кафши заррин) — кафш (см.), расшитый золотом

Кашау (каз. қашау) — стамеска

Кашик (турк. кашык) — ложка

Кашк (бел.) — род сыра с пшеничной мукой

Кашкин (уйг. кәшкин) — дышло

Кебаб (турк. кебап, шара) — шашлык

Кебеже (каз. кебеже, кирг. үкөк) — деревянный шкафчик (сундучок) для хранения хлеба и продуктов

Кебин (каз. кебін) — саван

Кеджебе (турк. кеҗебе) — свадебная палатка, устанавливаемая на верблюде для невесты и ее енге (см.); покрывало, набрасываемое на автомашину, в которой едет невеста и ее енге

Кеджебе-голь (турк. кеҗебе-гөл) — элемент старинного текинского коврового орнамента

Кедей, шаруа (каз. кедей шаруа, кирг. кедей) — бедняк

Кейваны (турк. кейваны) — старшая по возрасту женщина в семье; в прошлом — старшая жена

Кейик (турк. кейик) — лань

Келин (уйг. келин) — невестка, сноха

Кеме (турк. кеме, гәми) — плоскодонный баркас для перевозки грузов

Кементай (кирг. кементай, кебенек) — верхняя мужская одежда из войлока

Кемер (каз., кирг., турк. кемер) — мужской кожаный пояс, украшенный серебряными бляхами; бархатный или шелковый расшитый пояс девушек и женщин (казахи)

Кеп такыя — см. Кулюта

Кеп чач — см. Кулюта

Кепбе (турк. кепбе) — жилище переходного типа от кочевого к оседлому

Кепе (кирг. кепе) — сарай; помещение для скота

Керайыл (каз. керайыл) — подпруга

Кереге (каз., кирг. кереге, турк. тәрим) — раздвижной решетчатый каркас, образующий стенки юрты

Кереге тану (кирг. кереге тануу) — тканая полоса, стягивающая решетчатый остов юрты

Кермен (турк. кәрмен) — мужская рабочая шапка

Кесе—см. Пиала

Кесме (каз. кеспе, кирг. кесме, уйг. суюқ аш) — суп-лапша

Кесте (каз. кесте, турк. кешде) — декоративная вышивка

Кетмень (кирг. кетмен, уйг. кәтмән, турк. кәтмен, курд., рус. кетмень, дунг. кантман) — род мотыги с широким лезвием

Кеукерин (каз. кеукерін, қазмойын, кир. көөкөр)— кожаная фляга для кумыса (см.)

Кече (турк. кече, тадж. *евр.* намад, курд. кулов) — войлок

Кеш-кеш—см. Хараз

Кёмкормё токоч (кирг. көмкөрмө токоч)— лепешки, выпеченные в котле

Кёмоч (кирг. көмөч) — хлебцы, печенные в золе

Кемочтон — см. Таба нан

Кёньчжо (кор. кёнъчжо, кензо) — сорт риса

Кёрумдук (кирг. көрүмдүк) — подарки родни молодого новобрачной за смотрины

Кётек арву — см. Арба

Кёш (каз көш) — караван перекочевывающего на новое место аула

Кидуш (евр. кидуш) — еврейский обряд бракосочетания

Киит (каз. киіт) — одежда, преподносимая стороной невесты каждому из сватов в ответ на каргы бау (см.)

Кийиз байпак — см. Байпак

Кийиз үй — см. Үй

Килем (каз. клем, кирг. килем, турк. халы, тадж. *евр.* қолин) — ворсовый ковер

Кимешек (каз. кимешек) — головной убор замужней женщины из белой хлопчатобумажной ткани, закрывающий голову, грудь, плечи и спину и имеющий вырез для лица

Кимхан бок (уйг. кимхан бөк) — парчевая женская шапочка

Кимчхи (кор.) — овощной салат

Киндик шеше (каз. кіндік шеше, турк. гобек эне, тадж.*евр.* доя) — повивальная бабка

Кир калта (каз. кір қалта) — сумка (мешочек) для белья

Кирлик (турк. кирлик, елек, ала-елек, өвселик) — нагрудник для детей; вид детской одежды, надеваемой через голову и завязываемой по бокам на тесемках

Кирме (кирг. кирме) — приущенник— человек, вошедший в чужой род, но продолжавший сохранять свое родовое наименование

Кисе (каз. кісе) — ременный охотничий пояс с подвешанными к нему кожаными ножнами и сумкой

Киссагуи — см. Джомокчу

Киссаёбак (тадж.*евр.* қиссаёбак) — загадывание загадок
Кичик уй (уйг. кичик өй) — третья (маленькая) комната в доме
Кишен — см. Тосау
Кишка (рус.) — выпуклый жгут, увенчивающий спереди кокошник (бухтарминцы)
Кишлак (каз. қыстақ, кирг. кыштак, турк. оба, узб. *ар.* қишлоқ) — селение
Кладка (рус. кладка, калым) — частичное обеспечение молодых со стороны родни жениха
Кобыз (каз. қобыз) — смычковый музыкальный инструмент
Коген (каз. көген) — веревка, натянутая по земле и служащая для привязывания ягнят и козлят
Когунлук (уйг. қоғунлук) — бахча
Кодаи шыльвар — см. Шыльваре бинэ
Коджиме (турк. коҗиме, коҗуме) — один из трех (см. Ильме и Аккайма) основных типов вышивального шва; переплетение петель на хурджине (см.)
Кой куземи (каз. қой күземі) — осенняя стрижка овец
Койнек (каз. көйлек, кирг. көйнөк, уйг. көйнәк, туркм. көйнек, тадж. *евр.* курта, курд. крос, койнех) — рубаха; платье
Койчу — см. Чопан
Кок (каз. көк) — ремешки из сыромятной верблюжьей или воловьей кожи для скрепления перекрещивающихся планок решетки юрты
Кок бори (каз. көк борі)—одна из народных игр
Кок тенгир (каз. Көк тәңір) — бог неба
Кок чай (кирг., уйг. көк чай, турк. гөк чай) — зеленый чай
Коквеши (уйг. көквеши) — лицо, ведавшее распределением воды внутри своей общины
Кокпар — см. Улак тарту
Коктеу (каз. көктеу, кирг. көктөө, бөксө) — весеннее пастбище
Кокуль (турк. көкүл, чокул) — косички, которые начинали отращивать девочкам с 4 лет; см. также Гулпак
Кол арык (кирг. кол арык) — мелкий арык (см.), подающий воду на данный участок
Кол кабыш (кирг. кол кабыш) — трудовая помощь сородичу в хозяйстве
Кол устатар (каз. қол ұстатар) — один из свадебных обрядов: жениху дают руку невесты
Колбаг (турк. голбаг) — узкие, богато вышитые манжеты, надеваемые на рукава мужской рубахи
Колик майы беру (каз.қолік майы беру)— одна из форм эксплуатации баем бедного сородича (на основе ссуды выючным скотом для перекочевки)
Коломто — см. От басы
Кольжутар (каз. көлжутар) — сказочное существо, проглатывающее озера и моря
Ком—см. Жазы
Кома (тадж. *евр.* кома) — варенье на виноградном сиропе
Комек (каз. көмек) — участие родственников жениха и невесты в расходах на проведение свадебных обрядов
Комсомол бёрик (турк. комсомол бөрик) — современный женский головной убор, отличающийся от бёрика (см.) небольшими размерами
Комуз (кирг. комуз) — щипковый музыкальный инструмент
Кон — см. Чадыр
Конак уй — см. Мехманхана
Конек (каз. көнек) — кожаный подойник для доения кобылиц
Коншы (каз. қоңсы, кирг. коңшу, турк. гоңшы) — бесскотный и безземельный крестьянин, экономически зависимый от бая и работающий на него (букв. «сосед»); см. также Гельмишек
Коон узмей (кирг. коон үзмөй) — одна из игр молодежи
Кора (каз., уйг. қора) — двор
Кордоо (кирг. кордоо) — песня-издёвка
Кордча (тадж. *цыг.* кордча) — кривой нож, орудие деревообделочника (букв. «ножик»)
Коржын — см. Хурджин
Корсетка (рус.) — короткий жакет девушек и молодых женщин; мужская верхняя повседневная одежда из домотканого сукна
Корук (кирг. корук) — огороженный участок земли или урочище, считающееся личной собственностью
Кос — см. Алачик
Косоклинник (рус.) — покрой женского сарафана (уральцы)
Кочо (каз. көже, кирг. көчө, көжө) — похлебка из пшеницы или пшена, которую заправляли молоком или катыком (см.)
Кош (кирг. кош, отоо) — юрта уменьшенного размера, которой пользуются во время дальних перекочевок
Кошджабык (кирг. кошжабык) — мешок для хранения домашних вещей
Кошкар муйиз (каз. қошқар мүйіз) — название орнамента (букв. «рога барана»)
Кошого (кирг. көшөгө) — свадебная занавеска
Кошок (кирг. кошок) — песня-похоронный плач
Коштасу (каз. қоштасу) — обряд прощания невесты с родным аулом при отъезде в аул жениха
Кошташуу (кирг. коштошуу) — песня-прощание
Кошумча (кирг. кошумча) — материальная помощь устроителю пира или трапезы в виде подношения (букв. «добавка»)
Кошчинон (тадж.*евр.* қошчинон) — обряд подправления бровей невесты
Коян (каз қоян) — название года в календаре по 12-летнему животному циклу (букв. «заяц»)
Крюк (рус.) — название орнамента
Ктуво (евр. ктуво) — брачный договор; брачное свидетельство

Куайцзы (дунг. куэзы) — палочки для еды
Куби — см. Губи
Кудабини (тадж.*евр.* кудобинӣ) — обряд встречи родителей жениха и невесты
Куёу джолдош (кирг. күйөө жолдош, турк. мысайыш) — дружка жениха
Куёулёу — см. Урын келу
Кузеу (каз. кузеу) — питченки в ручном ткацком станке
Кузеу (каз. күзеу, кирг. күзөө) — осеннее пастбище
Кузем жун (каз. күзем жүн) — овечья шерсть осенней стрижки
Кузы (дунг. күзы) — узкие штаны
Куйган опко (кирг. куйган өпкө, олобо)— блюдо из легкого овцы, наполненного молоком и маслом и сваренного в воде
Куйлякча (тадж.*евр.* кӯйлакча) — женская нижняя рубаха
Куймак (кирг. куймак) — оладьи
Куйме (каз. күйме) — крытая четырехколесная повозка
Куксу (кор.) — лапша из пресного теста домашнего приготовления с кусочками вареного или жареного мяса и острой приправой
Кукушечка (рус.) — название женской прически
Кул (кирг. кул, турк. гул) — раб
Кулакшин (каз. құлақшын) — шапка
Кульдиреуш (каз. күлдіреуіш) — деревянные дужки, скрепляющие шанырак (см.).
Кулепара (каз. күләпара) — башлык, надеваемый зимой поверх шапки
Кулла (курд. кулла, кулладжа) — женская верхняя короткая кофта
Кулпы тас (каз. құлпы тас) — намогильный камень
Кулун (рус.) — жеребенок-сосунок
Кульджа (кирг. кулжа) — название одного из месяцев народного календаря (букв. «горный баран»)
Кульчаи кандин (тадж.*евр.* кулчаи қандин) — вид печенья из пресного сдобного теста
Кульчетай (каз. күлшетай, кирг. күлчөтай) — вареное мясо с кусками тонко раскатанного отдельно отваренного теста
Кулюта (кирг. баш кеп, кеп такыя, чач кеп, кеп чач, узб.*ар.* бухнук, тадж. *евр.* кулӯта, узб. култа) — старинный головной убор замужней женщины в виде круглой шапочки с накосником, поверх которой надевается платок или тюрбан
Кум (курд. кум, культа) — старинный головной убор девушек и женщин в виде круглой шапочки, поверх которой надевается платок
Кумалак (каз. құмалақ) — катышки, камешки, употребляемые в играх и при гадании (букв. «овечий, козий или верблюжий помет»)
Кумарчик (каз. құмаршық) — дикорастущее злаковое растение (Agriopyllum M. B.)
Кумбёз (кирг. күмбөз) — мавзолей в виде купольного сооружения
Кумган (каз. құман, кирг. кумган, уйг. қумған, турк. кумган, күндүк, тадж. *цыг.* қумғон) — медный или чугунный кувшин для кипячения воды для чая
Куме — см. Малхана
Куме ва карон (курд.) — женская и девичья шапочка с монетами
Куме куловаги (курд.)— войлочная мужская шапка
Куме кыррыхт (курд.)— барашковая мужская шапка
Кумис алу — см. Тенге алу
Кумис бельдик (каз. күміс белдік) — пояс с металлическими бляхами
Кумуш кыргак (кирг. күмүш кыргак) — украшение из серебряных штампованных пластинок, прикрепляемое к женскому тюрбану
Кумуш уста (кирг. күмүш уста, турк. күмүшчи) — серебряных дел мастер
Кумыс (каз. қымыз, кирг. кымыз) — напиток из кобыльего молока
Кун (каз. құн, кирг. кун, турк. хун) — выкуп за убийство или увечье (по обычному праву — адату)
Кун (курд.) — световое отверстие в стене
Кунак (уйг. қонақ, рус. кунак) — итальянское просо (Panicum italicum L.)
Кунгеришти шаруа (каз. кунгерішті шаруа)—маломощное крестьянское хозяйство
Кунде — см. Омач
Кундик (каз. күндік) — старинный женский головной убор в виде тюрбана из белой ткани, надеваемый поверх кимешека (см.)
Куп — см. Гупи
Купи (каз. күпі) — зимняя верхняя одежда из свалявшихся пластов верблюжьей шерсти, верх покрыт тканью
Кур (кирг. кур, тадж. *евр.* қӯр) — кушак (киргизы); вздержка; тесьма
Курайыл (каз. құрайыл) — подпруга, сотканная из шерсти
Курбан хайт (каз. құрбан айт, кирг. курман айт, уйг. қурбан hейт)—мусульманский праздник жертвоприношения
Курган (тадж.*цыг.* қӯрғон) — поселение нескольких оседлых цыганских семей, окруженное стеной
Куреш (каз. күрес, кирг. күрөш, турк. гюреш) — спортивная борьба
Курке (каз. күрке) — шалаш, составленный из двух звеньев кереге (см.) и покрытый одним — двумя войлоками
Курпагардон (тадж. *евр.* кӯрпагардон)— перекатывание роженицы на одеяле (при трудных родах)
Курпечек (рус.) — мерлушка
Куррак (узб.*ар.* кӯррак) — украшение в виде спирали, сплетенной из конского волоса, пришиваемое к гиззи (см.)
Куррук (курд.)— цветные шерстяные носки
Курсакча—см. Джилитке
Курт бичим (турк. гүрт бичим) — верхняя мужская одежда «курдского» покроя, похожая на бешмет

Куртаи ру (тадж. *евр.* куртаи рӯ) — женская верхняя рубаха

Курте (турк. күрте) — женская верхняя одежда, по покрою аналогичная чабыту (см.); см. также Паранджа

Куртекче (турк. күртекче) — теплая стеганая куртка с завязками на плечах, носимая пожилыми мужчинами поверх рубахи

Курут (каз. құрт, кирг. курут, уйг. қурут, турк. гурт, бел. хурид) — кислый высушенный сыр

Курык — см. Укрюк

Кус канат (каз. құс қанат) — название орнамента (букв. «крыло птицы»)

Кусбеги (каз. құсбегі) — дрессировщик ловчих птиц

Куттак (курд.) — столб, поддерживающий в помещении центральную потолочную балку

Куурдак (каз. қуырдақ, кирг. куурдак, куурма, уйг. қордақ, турк. говурдак, говурма, бел. даги) — жареное мясо

Куурма (турк. говурма, бел. куурма) — заготовленная впрок баранина, нарезанная кусочками и жаренная в сале

Куурма чай (кирг. куурма чай) — напиток из молока, разбавленного водой, заправленный жареной мукой и солью

Куучу (кирг. куучу) — знахарь, якобы способный отгонять злых духов от роженицы

Куфайка (*уйг. ф. пинжак, турк.* куфайка) — стеганая куртка, употребляемая в качестве зимней рабочей одежды мужчин

Куч (кирг. куч) — рабочий скот, взятый во временное пользование за отработки

Куч куяу (тадж. *цыг.* кӯч кӯёв) — примачество (брак, при котором зятя берут в дом родители жены)

Кушбаш ээр (кирг. кушбаш ээр) — седло узбекского типа, имеющее одну переднюю луку, заканчивающуюся раздвоенной головкой, и широкое сиденье

Кхи (кор.) — ручная веялка

Кыз бори (каз. қыз бөрі) — вид народной игры (букв. «волк-девушка»)

Кыз гилям (узб. *ар.* қиз гилам) — безворсовый ковер, изготовляемый для приданого (букв. «девичий ковер»)

Кыз куу (каз. қыз қуу, кирг. кыз куу) — конно-спортивная игра, в которой джигит должен догнать девушку

Кыз оюн (кирг. кыз оюн) — свадебные игры молодежи

Кызыл голан (турк. гызыл голаң) — богато орнаментированный голан (см.), употребляемый в сухое время года

Кызыл донлык (турк. гызыл донлык) — кустарная шелковая ткань красного цвета для мужских халатов

Кызыл отау (каз. қызыл отау, қызыл керуен) — специальная юрта для культурно-просветительной работы (букв. «красная юрта», «красный караван»)

Кыймайы (каз. қыймайы) — мазь для лечения ран животных, получаемая из овечьего помета

Кыймал шапан (каз. қыймал шапан) — бешмет, украшенный галуном

Кыйыкша нан (каз. қыйықша нан) — жаренные в масле или сале кусочки пресного теста, «хворост»

Кылыш (каз. қылыш) — бердо в ручном ткацком станке

Кымкап (кирг. кымкап) — парча

Кыргак (кирг. кыргак, тартма) — повязка из цветного шелка в виде широкой ленты, украшающая женский тюрбан; см. также Кумуш кыргак

Кыргы (тадж. *цыг.* қирғи) — металлический резец, инструмент деревообделочника

Кыргыз уй — см. Уй

Кырк чоро (кирг. кырк чоро) — легендарная дружина из сорока витязей (в эпосе)

Кыркы (каз. қырқы, кирг. кыркы) — поминки, устраиваемые семьей покойного на сороковой день после его смерти; см. также Кыркынан шыгару

Кыркынан шыгару (каз. қырқынан шығару, кирг. кыркы) — празднество на сороковой день после рождения ребенка

Кырма (кирг. кырма, дүкөн) — токарный станок

Кырман — см. Хирман

Кырнак (турк. гырнак) — рабыня

Кыстау (каз. қыстау, кирг. кыштоо) — зимнее пастбище; зимнее стойбище скотовода

Кыяк (кирг. кыяк) — смычковый музыкальный инструмент

Кыял (кирг. кыял) — название орнамента (букв. «фантазия», «мечта»)

Кюй (каз. күй, кирг. күү) — мелодия, инструментальная пьеса

Кюйгён (кирг. күйгөн) — вид лирической песни (букв. «влюбленный (-ая)»)

Кюйши (каз. күйші, тадж. *евр.* созанда) — музыкант

Кяляк — см. Элечек

Кяриз (турк. кэриз) — система подземных галерей и колодцев для выведения грунтовых вод на поверхность земли

Лаб — см. Калым

Лаваш (бел.) — тонкая лепешка

Лагман (кирг. лагман, уйг. ләңмән) — вареная длинная лапша с приправой из мелко нарезанных кусочков жареного мяса и овощей

Лагун (рус.) — сосуд для кваса

Ластовка (рус.) — четырехугольная цветная ластовица

Лат-бази (бел.) — мужской танец с палками

Лачиг (узб. *ар.* лочиғ) — полусферический шалаш, деревянный остов которого покрывается войлоком или циновкой

Лаъли (тадж. *евр.* лаълӣ, курд. сини) — поднос

Леках (тадж. *евр.* леках) — вид печенья

Летник (рус.) — пиджак из покупной шерстяной ткани

Либэ сы — см. Мечеть

Лико (бел.) — частушка

Лим (уйг. лим, курд. тир) — поперечная потолочная балка
Лявзи мугат (тадж. *цыг.* лавзи муғот, арабӣ, арабча́) — арго среднеазиатских цыган
Ляле (турк. лэле) — девичьи песни
Лямпе (уйг. ләмпә) — навес над летней кухней
Лячак (тадж. *евр.* лачак) — часть женского головного убора—кусок белой ткани, облегающей лицо и прикрывающей грудь
Лячак бандон (тадж. *цыг.* лачак бандон) — обычай повязывания головного убора замужней женщиной (после рождения первого ребенка)

Мавут (турк. мавут) — тонкое дорогое сукно для халатов, привозившееся из России
Магуазы (дунг. магуазы) — женская куртка
Маддах (узб. маддоҳ) — профессиональный рассказчик священных историй
Мадихан (уйг. мадихан) — аппликация на рубахе хатайча койнак (см.)
Мазар (каз., кирг. мазар) — место религиозного поклонения (гл. обр. могилы «святых»); см. также Мола
Май токоч (кирг. май токоч) — лепешки, жаренные в масле
Майо (тадж. *евр.* майо) — вино
Максым (кирг. максым) — питьё из толокна или дробленого ячменя
Мактау (каз. мақтау, кирг. мактоо) — песня-восхваление
Мала (каз., кирг., турк., бел. мала, уйг. малә, курд. мола, кор. пончи) — борона в виде толстой доски
Мала таш (кирг. мала таш, уйг. тулуқ, дунг. гунза) — молотильный каменный каток
Малай (кирг. малай) — работник; слуга; батрак
Малхана (уйг. еғил, турк. малхана, тадж. *евр.* говхона, курд. тавла, куме) — хлев, помещение для содержания коров
Мамы (кирг. мамы, момук) — столб на току для привязывания животных, используемых для молотьбы
Манап (кирг. манап) — представитель феодально-родовой знати
Манасчы (кирг. манасчы) — сказитель эпоса «Манас»
Манат чапан (кирг. манат чапан) — свадебный халат невесты из красного сукна
Мангдайша (каз. мандайша) — налобное серебряное украшение, прикрепляемое к саукеле (см.)
Мангель (кир. маңгел) — род серпа для жатвы грубостебельных трав
Манджура аш (уйг. мәнәжурә ош) — тесто, нарезанное треугольниками; тонко нарезанная лапша
Манта (уйг. манта) — углубленная площадка перед очагом, куда кладут дрова для топки
Манты (каз. манты, кирг. мантуу, уйг. манта) — крупные пельмени, приготовленные на пару
Маржан (каз. маржан) — коралловые бусы
Марупанъ (кор.) — парадная комната в доме, с деревянным полом, обставленная покупной мебелью
Маслахат (турк. маслахат, гецеш) — совет родовых старейшин и духовенства
Маслихат (уйг. мәслиһәт) — приглашение родственников для совета по поводу сватовства и проведению свадьбы (букв. «совет»)
Мастан кемпир (кирг. мастан кемпир) — демоническое существо в образе старухи, сосущей кровь из пятки человека
Матал (турк. матал) — загадка
Матке (каз. мәтке, белағаш, курд. хамбал) — основная потолочная балка—матица
Мафрач (турк. мапрач) — ковровая торба (см.) большого размера, бытовавшая в прошлом
Махалля (тадж. *евр.* маҳалла, гузар) — квартал; приход
Махр (уйг. мәһр) — денежное обеспечение жене в случае развода
Махси (каз. мәсі, кирг. маасы, уйг. мәсә, турк. меси, тадж. *евр.* маҳси) — сапоги на мягкой подошве без каблука
Маца (евр. мацо) — ритуальный хлеб в виде тонких лепешек из пресного теста, замешанного на воде, без соли
Маш (уйг. маш) — растение из семейства бобовых (Phaseolus aureus Roxb.)
Машиндуз (тадж. *евр.* мошиндӯз) — портной
Медресе (турк. медресе) — высшая мусульманская школа
Мектеб (каз., кирг. мектеп, турк. мекдеп) — школа; в дореволюционное время — начальная мусульманская школа
Меламед (евр. меламед) — учитель
Мерген (каз., турк. мерген) — охотник; стрелок
Мес (каз. мес) — бурдюк
Меске яг (турк. меске яг) — сливочное масло
Мехманхана (каз. қонақ үй, төр үй, кирг. мейманкана, турк. мыхманхана, курд. хоние мивонон) — комната для гостей
Мехраб (уйг. ф. меһраб) — две большие ниши в комнате для складывания домашних вещей
Мечеть (уйг. мечит, дунг. либэ сы) — мусульманский храм
Мешпент — см. Бешмет
Мило (евр. мило, мисво) — обряд обрезания
Мираб (кирг. мурап, уйг. мирап) — лицо, ведающее распределением воды в оросительной сети
Мирза (бел.) — секретарь
Мирихазор (узб. *ар.* мириҳазор) — старшина, назначаемый эмиром (букв. «тысяцкий»)
Мис (турк. мис) — медный сосуд для воды
Михузы (дунг. михузы) — двухструнный смычковый музыкальный инструмент
Мола (каз. мола, мазар, кирг. моло, мазар) — надмогильное сооружение; мавзолей

Монджук атмак (турк. монҗук атмак)— своеобразные подблюдные игровые песни
Мугат зан (тадж. *цыг.* муғот зан) — обращение мужа к жене
Муи каландари (тадж. *евр.* мӯи каландарӣ) — прическа в виде мелких косичек у девушек и молодых женщин
Муйбоф (тадж. *евр.* мӯйбоф) — полоски ткани, вплетаемые в косы пожилыми женщинами
Муйпушток (бел.) — привеска к косам
Муйсаргир (тадж. *евр.* мӯйсаргир) — парикмахер
Муйсаргирон (тадж. *евр.* мӯйсаргирон)— обряд первой стрижки волос ребенка
Муноз тамак (кирг. мунөз тамак) —«нейтральная пища» (по народным представлениям, делящим пищу на «горячительную», «охладительную» и «нейтральную»; ср. Сууктук Ысылык)
Мури (кирг. мору, уйг. морочақ; тадж. *евр.* мӯрӣ, курд. бухори) — очаг-камин
Мурындык (каз. мұрындық, кирг. буйла)—продеваемая сквозь носовой хрящ верблюда палочка, за которую привязывают поводок
Мусайыб — см. Куёу джолдош
Мучё (кирг. мучө) — подарки «на помин души», раздаваемые семьей умершего прибывшим на похороны
Мыдохил (курд.) — тесьма
Мэттори — см. Джаргылчак
Мюльк (турк. мүлк) — частное землевладение; участок земли
Мянди (дунг. мянди) — зимняя одежда, стеганная на вате
Мяньхуа (дунг. мянхуа) — вата для одежды

Награ (кирг. доолбаш, уйг. нағра, думбақ, дунг. гӯ) — барабан
Най (уйг. нәй) — флейта, свирель
Накыл (турк. накыл) — пословица
Намад — см. Кече
Намазлык (турк. намазлык) — небольшой коврик, на который становились во время молитвы
Нан (каз., уйг. нан, турк. нан, чөрек)— хлеб в виде различных по размерам и форме лепешек
Нанпаз (тадж. *евр.* нонпаз) — пекарь
Нан пеш (каз. нан пеш) — хлебная печь
Нар (каз. нар, турк. арвана) — одногорбый верблюд
Нар (турк. нар) — гранат
Нарванча — см. Боюнча
Нарк — см. Адат
Нарукавник (рус.) — фартук на кокетке с длинными рукавами (бухтарминцы)
Нарын (кирг. нарын) — блюдо в виде мелко накрошенного вареного мяса
Насият (кирг. насыят) — нравоучительная поэма (букв. «наставление», «совет»)
Насыбай (кирг. насыбай) — особо приготовленный табак, закладываемый под язык
Нат — см. Орак
Нау (турк. нав) — парусное судно для перевозки грузов по морю
Науруз (каз. наурыз, кирг. нооруз, оруз дама, уйг. наврүз, турк., курд. новруз) — праздник Нового года, отмечаемый в день весеннего равноденствия
Нидизы (дунг. нидизы) — дощечка с выступами, которую привязывали к обуви в дождливую погоду (букв. «подошва для грязи»)
Ника (кирг. ике, турк., бел. ника) — мусульманский обряд бракосочетания
Ника-су (турк. ника-сув) — доля поливной воды, выделявшаяся в дореволюционное время каждому женатому мужчине с соответствующим количеством земли (букв. «брачная вода»)
Ниль (тадж. *евр.* нил) — индиго
Нийи (дунг. нийи) — свадебный костюм невесты (букв. «разлучающее платье»)
Нова (кирг. ноо, турк. нова) — акведук с желобом в оросительной сети; примитивное водоподъемное сооружение, приводимое в действие силой человека (туркмены)
Нокта (каз. ноқта, кирг. нокто) — недоуздок
Нохунгирон (тадж.*евр.* нохунгирон) — обряд первого обрезания ногтей младенцу
Нукер (турк. нокер) — воин, служивший в отряде феодала
Нышана атышмак — см. Алтын кабак

Оба — см. Кишлак
Обадашлык (турк. обадашлык) — территориальные связи; связи между односельчанами
Овселик — см. Кирлик
Огул той (турк. огул той) — празднество в честь рождения сына
Одежка (рус.) — женский стеганный на шерсти халат (бухтарминцы)
Ожау (каз. ожау) — половник для разливания кумыса
Ой (курд.) — комната; см. также Уй
Ойтак (турк. ойтак) — котловина, низина
Ок арык (кирг. ок арык) — главный арык (см.) на поливном участке
Олен (каз. өлең) — четырехстрочный одиннадцатисложный стих в народной поэзии
Оленши (каз. өлеңші, әнші) — народный певец
Олобо — см. Куйган опко
Омач (каз. омаш, тіс ағаш, кирг.-буурсун, омоч, амач, ысфар, уйг. сапан, буғуса, уйг. ф. амач, турк. азал, кунде, курд. рахт) — пахотное орудие
Омач (уйг. омач) — затируха; кукурузная похлебка
Ондол — см. Кан
Онир (каз. өңір, кирг. өнүр) — вышивка на нагрудной части женской рубахи
Онирше (каз. өнірше) — расшитый нитками и снабженный украшениями нагрудник, надеваемый молодыми женщинами и девушками поверх рубахи
Оодарыш — см. Аударыспак
Ооз комуз — см. Темир комуз
Оп-майда (кирг. оп-майда) — песня, исполнявшаяся во время молотьбы

Ора (кирг. ороо, уйг. ора, турк. уры, амбар чукур) — яма для хранения зерна или овощей

Ораза (кирг. орозо, курд. ураза) — мусульманский пост, соблюдаемый в течение месяца рамазана

Ораза айт (кирг. орозо айт, уйг. роза нейти) — праздник окончания поста

Орак (кирг. орок, кол орок, уйг. оғақ, уйг. ф. орақ, турк. орак, кор. нат) — серп

Ордо (кирг. ордо) — игра взрослых в бабки

Ормек (каз. өрмек, кирг. өрмөк) — узконавойный ручной ткацкий станок

Оромак (турк. оромак) — современный женский головной убор

Оромпой (кирг. оромпой) — игра в догонялки на одной ноге

Ороча — см. Алачик

Орто манап (кирг. орто манап) — средний манап (см.)

Орток (кирг. орток) — издольщик

Оруз дама — см. Науруз

Орук ой (турк. өрүк өй, өргей) — специальная юрта, в которой происходило первое свидание жениха и невесты

Оруулук — см. Ерулик

Осенняя плавня (рус.) — осенний лов рыбы (уральцы)

Осмолдук (турк. осмалдык) — украшение для свадебного верблюда, сшитое из кусочков ткани прямоугольной формы; см. также Халык

Останг (кирг. өстөн, уйг. өстәң) — магистральный канал

Остини нуган (тадж. *евр.* остини нӯғай)— вшивные рукава (букв. «татарские рукава»)

От басы (каз. от басы) — место посредине юрты у огня

От май (кирг. от май, чөп ооз) — плата скотом крупному манапу (см.) за пользование пастбищем

Отау (каз. отау) — юрта молодоженов

Отка май кую (каз. отқа май құю) — обряд приношения новобрачной жертвы очагу в доме отца мужа

Отоо — см. Кош

Отор (кирг. отор) — отдаленное отгонное пастбище

Отук — см. Етик

Офтоба ва таштак (тадж. *евр.* офтоба ва таштак) — кувшин и таз (принадлежности для умывания)

Охак (тадж. *евр.* оҳак) — известь

Ошейник (рус.) — воротник мужской рубахи (бухтарминцы)

Оши (тадж. *евр.* ошӣ) — посуда для мясной пищи

Оши мохи (тадж. *евр.* оши моҳӣ) — фаршированная рыба

Оши поракарда (тадж. *евр.* оши поракарда) — вид кушанья из риса с ломтиками отваренного мяса и моркови

Ошпаз (тадж. *евр.* ошпаз) — повар

Оштон (тадж. *евр.* оштон) — очаг

Ошхона — см. Ашхана

Оюк — см. Такча

Падэи (кор.) — мужские штаны

Пайкан — см. Темин басуу

Пайтоба (турк. долак, тадж. *евр.* пайтоба, курд. пытов) — портянки из специальной шерстяной ткани домашнего производства

Палас (турк. палас, узб. *ар.* гилам, тадж *евр.* шолча, курд. холи) — безворсовый ковер

Палау (каз. палау, уйг. полу, палау, турк. палав, курд. палов) — плов

Палван (каз. палуан, турк. пәлван, тадж. *цыг.* полвон) — силач; борец

Палпанъа (кор.) — ножная крупорушка

Пальтун (турк. палтун) — пальто фабричного производства

Панджара (уйг. пәнҗәрә) — решетчатое световое окно в потолке жилого помещения

Пань-нор (дунг. пан-нор) — женский парадный халат

Пап (кор.) — рисовая каша

Папсан (кор.) — столик

Паран (кирг. паран) — решето

Паранджа (уйг. ф. пәрәнҗә, турк. чырпы, пүренҗек, елек, күрте, тадж. *евр.* фаранчи, ҷелак) — женское покрывало в виде халата различной длины с ложными рукавами, накидываемое поверх головного убора

Парочка (рус.) — сшитые из одного материала рубаха и сарафан или кофта и юбка (бухтарминцы)

Пата (турк. пата) — благословение; поминки по умершему

Пати (бел.) — род головного платка

Пахса (кирг. пакса) — способ возведения глинобитных стен

Пегэ (кор.) — подушка, имеющая форму валика

Пейнир (турк. пейнир) — сыр из козьего или овечьего молока

Пель (турк пел, пелче) — выровненный для удобства полива небольшой участок поля

Пенджек — см. Джилитке

Перелинка (рус.) — кокетка на женской рубахе

Пери (каз. перi, уйг. пери, тадж. *цыг.* пари) — пери; дух

Периджэ (уйг. периҗә) — длинный просторный легкий женский халат

Перихан — см. Бахши

Петир нан (турк. петир нан) — лепешка из пресного теста

Пиала (узб. пияла, каз. кесе) — чашка для чаепития полусферической или усеченно-конической формы на низком поддоне и без ручки

Пиль — см. Бель

Пинао (дунг. пино) — шуба на меху

Пинжак — см. Куфайка

Пир (турк. пир) — мифический основатель данного вида ремесла и покровитель его; духовный наставник

Писпек (каз. піспек) — мутовка для взбалтывания кумыса; см. также Пишкак

Писхо (евр. писҳо, тадж.*евр.* хушхӯрӣ)— пасха

Писхои (евр. писҳой) — посуда, которой пользовались только в праздник пасхи
Пишкак (каз. піспек, турк. пишек, тадж. ыг. пишкак) — мутовка для сбивания масла в маслобойке
Пиязи таар (кирг. пиязи таар) — ткань домашнего производства из верблюжьей шерсти
Повокунон (тадж. *евр.* повокунон) —первое посещение новобрачной дома родителей
Повризе (турк. повризе, пейруза) — бирюза
Повязка (рус.)—девичий головной убор—большая, сложенная наискосок в несколько рядов шаль (бухтарминцы)
Поджома (тадж. *евр.* поҷома) — нижняя часть женских штанов
Подоболочка (рус.) — мужская верхняя одежда типа кафтана (бухтарминцы)
Подстава (рус. подстава, подточка) — нижняя часть женской рубахи
Пон (кор. пон, пои) — родовое название (букв. «исток», «родина», «корень»)
Пончи — см. Мала
Попуч (уйг. попуч) — кожаные галоши; см. также Кафш
Пора (уйг. пора) — пельмени или блинчики с начинкой из свежей зелени
Порхан — см. Бахши
Постун — см. Тон
Потча (курд. потча, балах) — штаны пожилых женщин из группы «тюрк»
Пошкал (уйг. пошқал) — тонкие блины на сале
Прихожая хата (рус.) — кухня
Путтыма (турк. цуттыма, гүртикин) — подсобный кроющий шов, типа глади, прямыми и косыми стежками
Пугэйчуанза (дунг. пўгэчуонзы) — столшкафчик для кана (см.)
Пуллук — см. Бурунхал
Пуок (кор.) — кухня
Пурим (евр. пурим, пурийо) — один из еврейских праздников
Пуховка (рус.) — валяная из шерсти мужская шляпа с полями
Пходан (кор.) — подстилка в виде толстого ватного одеяла
Пыйчжянь (дунг. пыйҗян, пыйпыйза)— воротник-пелерина в костюме невесты
Пышак (каз. пышақ) — нож
Пышлак — см. Быштак
Пышт (курд.) — мужской пояс
Пыште тырмони (курд. пыште тырмони, пыште тифтк) — пояс из козьего пуха, называемый туркменским
Раван (уйг. раван) — пятиструнный щипковый музыкальный инструмент
Рангборчи (тадж. *евр.* рангборчӣ) — красильщик, окрашивающий пряжу во все цвета, кроме синего
Рапинг — см. Сарысу
Рахс (бел.) — сольный мужской танец
Рахт — см. Омач
Репей (рус.) — название орнамента солярного типа
Рисоля (турк. рисале) — устав ремесленной корпорации
Роза хайти — см. Ораза айт
Ромал (уйг. ф. румал) — женский головной платок
Рошхашоно (евр. рошҳашоно, тадж. *евр.* каллахӯрӣ) — праздник Нового года
Ру (каз. ру) — род
Рубинон — см. Бет ашар
Рукава (рус.) — женская рубаха (бухтарминцы)
Румоли пат (тадж. *евр.* рӯмоли пат) — пуховый платок
Румоли пулакча (тадж. *евр.* рӯмоли пулакча, рӯмоли тӯри ойнача) — головной платок из тюля, расшитый металлическими блестками
Румоли ресмони (тадж. *евр.* рӯмоли ресмонӣ) — головной платок, вязанный из бумажных ниток
Румоли фаранги (тадж. *евр.* рӯмоли фарангӣ) — шелковый головной платок (букв. «французский платок»)

Саба (каз. саба) — бурдюк из конской кожи, в котором приготовляется и содержится кумыс
Сабау (каз. сабау) — взбивание шерсти; палочки для взбивания шерсти
Савчи (турк. савчы, тадж. *евр.* хостгор)— сват
Садак (каз. садақ) — лук (оружие)
Садака (каз. садақа) — милостыня; подношение мулле
Сазак (турк. сазак) — саксаул (Haloxylon Bge.)
Саиля (уйг. сәйлә) — весенние народные гуляния
Сайыш (кирг. сайыш) — поединок всадников, вооруженных деревянными пиками
Саккулак (каз. саққұлақ) — сказочное существо с необычайно острым слухом
Сакман (кирг. сакман) — группа маток с ягнятами одного возраста, находящаяся в период расплода на попечении одного лица
Салланчак — см. Белинчак
Салык (кирг. салык) — налог, взимавшийся скотом и продуктами в пользу манапа (см.)
Саманхана (уйг. саманлик, турк. саманхана) — помещение для сена и соломы
Самбусаи пурийои (тадж. *евр.* самбӯсаи пурийӣ) — пирожки, приготовляемые к празднику пурим (см.)
Самшурка (рус.) — женский головной убор в виде чепца на вздержке (переселенцы с Алтая и из Сибири)
Самса (уйг. самса, гошнан, турк. гутап, тадж. *евр.* самбӯса) — пирожок
Сан (уйг. сан) — кладовая для зерна и муки, закром
Санат (кирг. санат) — песня или поэма, состоящая из ряда рифмованных афоризмов
Санашик (турк. санашык) — общинное землевладение
Санг (бел.) — женский праздник, предшествующий свадьбе
Сангза (уйг. санза) — изделия из сдобного теста, жаренные в масле или сале

Сандал (уйг. ф. сандал, тадж. *евр.* сандалй) — обогревательное приспособление в виде низенького столика, покрытого большим ватным одеялом и установленного над углублением в полу, куда насыпаются горячие угли

Сандык кап (каз. сандық қап) — узорный войлочный чехол для сундука

Саньзы (дунг. санзы, да санзы, шанзы) — рубаха

Саньсяньзы (дунг. санцянзы) — трехструнный щипковый музыкальный инструмент

Сапан — см. Омач

Саптама етик (каз. саптама етік) — сапоги с широкими голенищами, надеваемые зимой поверх валяных чулок

Сарай (уйг. сарай, тадж. *евр.* хонаи калон) — парадная комната в доме

Сарапан (кирг. сарапан) — юбка на бретелях

Сарафанка (рус.) — девичий сарафан прямого покроя (уральцы)

Сары гайма (турк. сары гайма) — один из основных туркменских типов шва, названный по преобладающему цвету ниток (букв. «желтая кайма»)

Сары ичян (турк. сары ичян, сайлан, гочак) — обрамляющий центральное поле рисунок в кошме в виде бегущей волны

Сары май (каз., кирг. сары май) — топленое масло

Сарысу (каз. сарысу, бел. рапинг) — вид сухого сыра, получаемый путем выпаривания сыворотки

Сатини гулдор (тадж. *евр.* сатини гулдор) — цветастый сатин

Саукеле (каз. сәукеле, кирг. шөкүлө) — старинный свадебный головной убор невесты

Саун (каз. саун, кирг. саан) — одна из форм эксплуатации баем бедного сородича (на основе ссуды молочным скотом)

Сачак — см. Дастархан

Сачок (рус. сачек, сак) — женское праздничное пальто

Саяван (турк. саяван) — крытая узкая галерея, окружающая комнаты в деревянных домах, построенных на сваях; см. также Чадыри гарм

Саяз кудук (каз. саяз құдық) — колодец небольшой глубины

Се карсо — см. Еке карсо

Севат (уйг. севат) — корзина

Седир (уйг. седир) — вид парного танца с приседаниями и хлопанием в ладоши

Сеисхана — см. Атхана

Секетбай (кирг. секетбай) — один из видов лирической песни (букв. «возлюбленный (-ая)»

Секи (каз. сәкі) — деревянный помост в жилой комнате

Селик (уйг. селиқ) — расходы жениха на проведение свадьбы (букв. «налог»)

Селле (кирг. селде, турк. селле) — тюрбан, чалма

Селькинчек (кирг. селкинчек) — качели

Сенгир (турк. сеңгер) — глинобитное укрепление с жилыми помещениями, в которых укрывалось население во время военных столкновений

Сенек (каз. сенек) — холодные сени, служащие летом рабочим помещением

Сеп — см. Жасау

Сепоя (тадж. *цыг.* сепоя) — железный таган для установки котла над костром

Сердар (турк. сердар) — военный вождь, предводитель

Сере — см. Чарпая

Серпук — см. Тундик

Сетар (уйг. сетар) — щипковый музыкальный инструмент с тремя металлическими струнами

Сё ишан (дунг. щё йишон) — часть свадебных подарков «да лир» (см.) (букв. «малые одежды»)

Сё лир (дунг. щё лир) — предсвадебное подношение жениха невесте (букв. «малые подарки»)

Сё чиды (дунг. щё чиди) — «малый» обед в доме невесты

Сё чузы (дунг. щё чузы) — лирическая песня

Сёёк (кирг. сөөк) — свойство, родство по браку (букв. «кость»)

Сёёк тамыр (кирг. сөөк тамыр) — свойственники

Сёйкё (кирг. сөйкө) — женское нагрудное серебряное украшение

Си (дунг. щи) — парадный праздничный обед из 13, 18 и более блюд

Силь — см. Тин

Силькме ичмек (турк. силкме ичмек) — праздничный тулуп из шкурок шестимесячных ягнят

Силькме тельпек (турк. силкме телпек) — мужская шапка, подбитая мехом, с тульей из каракуля, сукна или бархата, отороченная полоской каракуля или пушистым мехом

Силях-су (турк. сылаг-сув) — участки орошаемой земли, которые община выделяла в пользование духовенства

Сини — см. Лаэли

Синч (уйг. ф. синч) — каркасная стена дома

Сирге (каз. сірге, тұмылдырық, кирг. ширге) — намордник, надеваемый жеребенку (теленку), чтобы он не сосал матку

Сирканиз (тадж. *евр.* сирканиз) — кушанье из риса, мяса, гороха, приправленное чесноком

Ситэл (курд.) — медный котел с двумя ручками для приготовления пищи

Согым (каз. соғым, кирг. согум) — осенний убой скота с целью заготовки мяса на зиму

Созанда — см. Кюйши

Сойыл (каз. сойыл) — дубина; длинная палка с набалдашником

Сокматаш (уйг. соқматаш) — каменная кувалда для утрамбовки глины при возведении стены

Сокмаягач (уйг. соқмаяғач) — опалубка из жердей и досок, сооружаемая при возведении глинобитной стены

Сокы (кирг. соку, турк. сокы) — деревянная ступа

Сокыр теке (каз. соқыр теке) — вид на-

родной игры — жмурки (букв. «слепой козел»)
Солонинка (рус.) — соленые овощи
Сонъ (кор.) — фамилия
Сопбаш — см. Гулакчин
Сорам — см. Увал
Сорес (каз. сөрес) — леший
Сорока (рус.) — женский головной убор — кокошник северновеликорусского типа
Соромный багор (рус.) — орудие для ловли рыбы на мелководье (уральцы)
Сорпа — см. Шорпа
Союнчи (турк. сөйүнҗи, бушлук хакы, тадж. *евр.* севанчӣ) — вознаграждение за радостную весть
Союш (кирг. союш) — доставка к столу манапа (см.) скота и продуктов
Стан (рус.) — верхняя часть женской рубахи
Су (турк. сув) — доля воды для полива, приходящаяся на каждого члена общины
Сувчи (турк. сувчы, бел. сучи) —человек, приставленный доставать воду из колодца во время водопоя скота
Сузгиш (каз. сузгіш) — мешок из редкой ткани для ловли рыбы
Сугатчы (кирг. сугатчы) — поливальщик
Сузме (кирг. сүзмө, турк. сүзме) — особый вид творога
Сузме дери (турк. сүзме дери) — бурдюк из овечьей шкуры, используемый для приготовления сузме (см.)
Суйретки — см. Чийне
Суко (евр. суко) — осенний праздник
Султан — см. Тюре
Сульгу (кирг. сүлгү) — декоративное полотенце
Сум (курд.) — полуземлянка
Суннет (кирг. сүннөт) — мусульманский обряд обрезания
Суннет той (турк. сүннет той) — торжество, устраиваемое в честь обрезания мальчика
Сурнай (кирг. сурнай, уйг. сүнәй, бел. сурна) — духовой музыкальный инструмент
Суроз (бел.) — смычковый музыкальный инструмент
Суфа (уйг., кирг. супа, тадж. *евр.* суфа) — глинобитное возвышение в доме или во дворе
Сууктук (кирг. сууктук) — «охладительная пища» (в народной медицине определенный разряд пищи, ср. Ысылык, Муноз тамак)
Суюк аш — см. Кесме
Сыбызгы (каз. сыбызғы, кирг. чоор, турк. түйдүк) — пастушья свирель
Сыйлау (каз. сыйлау) — преподнесение подарка представителям власти
Сынгар окше (каз. сыңар өкше)—название орнамента (букв. «непарный каблук»).
Сынчы (кирг. сынчы) — предсказатель
Сыныкшы (каз. сыныкшы) — костоправ
Сыргаул (каз. сырғауыл) — жерди, укладываемые поперек матицы при возведении плоской кровли
Сырмак — см. Шырдак
Сырнай (каз. сырнай) — гармонь
Сырт (кирг. сырт) — высокогорное плато; высокогорные степи и полупустыни на Тянь-Шане, используемые как пастбища
Сыхузы (дунг. сыхўзы) — четырехструнный смычковый музыкальный инструмент
Сюнху (дунг. шунху) — нагрудное украшение
Сют (каз. сүт) — молоко

Таар (кирг. таар) — ткань домашнего производства из шерсти
Таба нан (каз. таба нан, кирг. көмөчтөн) — лепешка, испеченная в двух сковородах, одна из которых служит крышкой
Табак (каз. табақ, турк. табак, уйг. тавақ) — деревянное блюдо
Табиб (каз. тәүіб, дәрігер, кирг. табып, уйг. тевип, турк. тебип) — лекарь
Табшязы (дунг. табўщязы) — похоронные носилки
Тавла — см. Малхана
Тага (тадж. *цыг.* тоға, турк., курд. даи)— дядя по матери (брат матери)
Тагхона (тадж. *евр.* тагхона) — подвал
Тазы (каз., турк. тазы, кирг. тайган) — борзая собака местной породы
Тай туяк (кирг. тай туяк) — приспособление из конских копыт для ходьбы в горах
Таймун (турк. таймун, таймыл) — узкий плоскодонный челнок рыбаков, выдолбленный из целого ствола дерева
Тайпа (каз. тайпа) — часть рода; см. также Иль
Так теке (кирг. так теке) — увеселительный аттракцион — деревянная фигурка козла-марионетки, приводимая в движение музыкантом
Такча (кирг. такча, уйг. оюқ, уйг. ф. такчә, турк. тегче, курд. тогча) — ниша в стене комнаты
Такыя (каз. тақыя, бөрік, кирг. тебетей) — девичий головной убор в виде шапки с матерчатой тульей и меховым околышем
Тал (тадж. *цыг.* тол) — ива
Талес (евр. талес) — покрывало, накидываемое на плечи при совершении молитвы
Талкан (кирг. талкан) — толокно из поджаренного ячменя, пшеницы или кукурузы
Талкы (каз. талқы) — кожемялка
Там (турк. там) — глинобитный жилой дом
Тамбал — см. Дамбал
Тамбур (уйг, тәмбир, тадж. *евр.* тамбӯр)— щипковый музыкальный инструмент
Тамкепбе (турк. тамкепбе) — многокомнатное кепбе (см.), по типу и планировке приближающееся к глинобитным домам
Тамырчы (кирг. тамырчы) — лекарь, устанавливавший диагноз по пульсу
Тангпа (уйг. тәңнә) — деревянное корытце для теста
Тангыш (каз. таңғыш) — тканая тесьма для скрепления решеток юрты

Тандыр (каз., кирг., курд. тандыр, уйг. тону, уйг. ф. тандир, турк. тамдыр, тадж. *евр.* танӯр, тадж. *цыг.* тандир, бел. тандур туркмани) — печь для выпечки лепешек

Танурча (тадж. *евр.* танӯрча) — очажок, устраиваемый в земляном полу красильной мастерской; небольшой тандыр (см.)

Тапса (уйг. тапса) — площадка перед дверью, на которой оставляют обувь, входя в комнату

Тартма — см. Кыргак

Тарту (каз. тарту) — подношение или подарок вышестоящему

Таусогар (каз. таусоғар) — сказочное существо, раздвигающее горы

Тауык (каз. тауык) — название года в календаре по 12-летнему животному циклу (букв. «курица»)

Тахзанон (тадж. *евр.* таҳзанон) — церемония осмотра приданого

Тахт (бел.) —сидение для жениха (букв. «трон»)

Тахтавеши (уйг. тахтавеши) — полка для посуды

Таш боркок (кирг. таш боркок) — старинный способ варки мяса в желудке убитого животного, опуская в него раскаленные камни

Таш короо (кирг. таш короо) — загон для овец, обнесенный оградой из камня

Тевильваз (уйг. тевилваз) — литавры из одного медного полушария

Тегбент (турк. тегбент) — старинный женский кожаный пояс, сплошь украшенный серебром

Тегирич (кирг. тегирич) — широкая узорная тканая полоса, укрепляемая в юрте за уками (см.) ниже их сгиба

Тез (каз. тез) — станок, при помощи которого изготовляют решетчатую часть и купольные жерди остова юрты

Тезгуяк — см. Янглытмач

Теке (кирг. теке) — название одного из месяцев народного календаря (букв. «горный козел»)

Текемет (каз. текемет) войлочный ковер с вкатанным узором

Телек (турк. телек) — двухэтажная кладовая

Телер (турк. теләр) — деревянный двухтрехэтажный настил возле дома или юрты для отдыха и сна летом; см. также Жукаяк

Тельпек (турк. телпек, курд. тельпек) — большая шапка из овчины, надеваемая мужчинами поверх тюбетейки

Тельпек лезги пормасы (турк. телпек лезги пормасы) — шапка-«кубанка» (букв. «шапка лезгинской формы»)

Тельпакдуз (тадж. *евр.* телпакдӯз) — шапочник

Тельпаки камчати (тадж. *евр.* телпаки камчати) — шапка на меху, отороченная бобровым мехом

Тельпаки каракули (тадж. *евр.* телпаки қарокӯлӣ) — круглая шапка с бархатной тульей, отороченная каракулем

Тельпаки пусти барраги (тадж. *евр.* телпаки пусти баррагӣ) — шапка из шкурки ягненка с узкой меховой оторочкой

Темин басуу (кирг. темин басуу, пайкан) — молотьба путем прогона по разостланным снопам животных

Темир комуз (кирг. темир комуз, ооз комуз) — женский музыкальный инструмент типа варгана

Темир чокой (кирг. темир чокой) — приспособление из железа для ходьбы по льду (своеобразные «кошки»)

Темирчи (каз. темірші, кирг. темир уста, турк. демирчи) — кузнец

Тен (каз. тең) — тюк (носильные и другие вещи в войлочном мешке)

Тенге алу (каз. теңге алу, күміс алу, кирг. тыйын энмей) — конноспортивное состязание по поднятию с земли монеты на полном скаку

Теплушка (рус.) — теплая жилетка в талию, носимая пожилыми женщинами

Тепме — см. Басма таар

Терик (уйг. терик) — просо

Терим — см. Кереге

Терме — см. Жельдирме

Терме (кирг. терме) — способ узорного тканья

Терме (турк. терме) — дорогая шелковая ткань, привозившаяся из Ирана или Индии

Терме алаша (каз. терме алаша) — узорный палас (см.)

Терсэйван (турк. терсэйван) — терраса, обращенная на север

Теша (тадж. *цыг.* теша) — тесло

Тёёнёч — см. Бучулук

Тёр (каз., кирг. төр) — почетное место в юрте (обычно напротив входа)

Тёр уй — см. Мехманхана

Тёрбёлжуи — см. Шырдак

Тёркулёо (кирг. төркүлөө) — обычай посещения молодухой своих родителей спустя год после свадьбы

Тик жага (каз. тік жағa) — шейное украшение в виде стоячего воротника с нашитыми на него украшениями

Тики калами (тадж. *евр.* тики қаламӣ) — сорт грубой хлопчатобумажной ткани

Тин (бел. тин, курд. силь) — круглый железный или чугунный лист для выпечки лепешек на очаге

Тир — см. Лим

Тире (турк., курд. тире) — род

Тис агаш — см. Омач

Тифилин (евр. тифилин) — ритуальный головной убор

Тифилинбандон (тадж. *евр.* тифилинбандон) — обряд, устраиваемый по случаю совершеннолетия мальчика

Тиш (каз. тіс, кирг. тиш, уйг. чиш, турк. ер демир) — чугунный или железный сошник омача (см.)

Тобадан (тадж. *евр.* тобадон) — фрамуга, закрытая деревянной или алебастровой решеткой

Тоган (каз. тоған) — плотина

Тогоол (кирг. тогоол) — счет времени по звездам (Плеядам)

Тогры койнак (уйг. ф. тоғри койнәк) — платье прямого туникообразного покроя

Тогуз коргол (кирг. тогуз коргол) — вид народной настольной игры

Тогыз кумалак (каз. тоғыз құмалақ) — вид народной настольной игры

Той (каз., кирг., уйг., турк., тадж. *цыг.* той, тадж. *евр.* тӯй) — празднество; пир; пиршество по случаю обрезания или свадьбы

Той бастар (каз. той бастар) — традиционная песня, начинающая свадебную церемонию

Той малы (каз. той малы) — предназначенный для свадьбы подарок жениха родным невесты (скотом или деньгами)

Токач (уйг. тоғач) — маленькая лепешка из пресного теста

Токмок салуу (кирг. токмок салуу) — одна из свадебных игр молодежи

Току (дунг. токӯ) — паголенки, ноговицы

Тольгочу (кирг. төлгөчү) — гадальщик на камешках

Толстые шти (рус.) — постный суп из ячменной крупы

Томылдырык — см. Сирге

Тон (каз., кирг. тон, кирг., турк. постун, турк. ичмек) — нагольный тулуп; см. также Чапан

Тонмэмэ (дунг. тонмэмэ)—сдобный хлебец

Тончжен (дунг. тонҗен, халвачи) — кондитер

Топа (уйг. төпә) — суконная или бархатная шапка, подбитая и отороченная мехом

Топбы (турк. топбы, шепке) — суконная, богато вышитая женская шапочка

Топоз (кирг. топоз) — як

Торба (каз. дорба, турк. торба, тадж. *цыг.* тӯрба) — сумка, мешочек

Торве кавчион (курд.) — сумка для ложек из шерстяной ткани домашнего производства

Торве пштэ (курд.) — мешок из шерстяной ткани домашнего производства

Торве хо (курд.) — мешок для соли

Торни (курд.) — топка камина

Торсык (каз. торсық) — кожаный сосуд для кумыса

Торт кулак (каз. төрт құлақ) — название узора в виде крестовины, заключенной в ромб

Торы бие (каз. торы бие) — вид народной игры (букв. «гнедая кобыла»)

Тос агаш (каз. төс ағаш) — деревянная кровать

Тосау (каз. тұсау, кирг. кишен) — конские путы

Тошала — см. Шошала

Ту (каз. ту) — знамя

Тугай (узб. *ар.* тоқай) — заросли кустарников и тростников в речных поймах и дельтах

Тугмэн—см. Диирмен

Туе табан (каз. түйе табан) — название орнамента (букв. «стопа верблюда»)

Туздык (каз. тұздық) — подливка к вареному мясу в виде крепкого пересоленного бульона

Туйдук — см. Сыбызгы

Туйнук (уйг. түңүк, турк. түйнүк) — световое отверстие в крыше, служащее одновременно и для выхода дыма; см. также Шанырак

Тулак (каз. тулақ) — высушенная шкура коровы или быка, на которой взбивают шерсть, предназначенную для дальнейшей обработки

Тулёо (кирг. түлөө) — приношение в жертву животного

Тулук — см. Мала таш

Тулум (турк. тулум, яныk яйык) — бурдюк для сбивания масла

Тумар (каз. тұмар, турк. тумар, тадж. *цыг.* тӯмор, бозбанд) — амулет-оберег; серебряное украшение, подвешенное на ленте через плечо и носимое на боку (туркмены)

Тумарша (каз. тұмарша) — амулет; украшение для женского головного убора в виде треугольного серебряного футляра с заключенной в нем молитвой, написанной на бумаге

Тундик (каз. түндік, турк. серпук) — прямоугольный кусок войлока, которым закрывают дымовое отверстие юрты; см. также Шанырак

Тундюк зякет (кирг. түндүк зекет) — «подымный» налог в размере одной овцы с юрты

Тупар (курд. тупар) — родственная группа; род; патронимия

Тупар (тадж. *цыг.* тӯпар, тӯп) — группа совместно кочующих цыган; табор

Туппи (кирг. топу, уйг. допа, турк. тахя, тадж. *евр.* тӯппӣ, каллапӯш, курд. тахья) — тюбетейка

Туппии нугаи (тадж. *евр.* тӯппии нӯғаӣ)— тюбетейка из черного бархата с высоким околышем и плоской тульей (букв. «татарская тюбетейка»)

Туппии тошканди (тадж. *евр.* тӯппии тошкандӣ) — тюбетейка из одноцветного бархата (букв. «ташкентская тюбетейка»)

Турпак (рус.) — бычок

Тускииз (каз. тұскиіз, кирг. туш кийиз)— декоративный настенный ковер, изготовляемый различным способом — аппликацией, вышивкой, сшиванием узоров, вырезанных из кошм разного цвета

Тут (уйг. ф. тут)— шелковица (Morus alba L. и M. nigra L.)

Тутураган эт — см. Бешбармак

Тушнук (тадж. *евр.* тушнук) — водослив в доме в виде крытой ямы

Туырлык — см. Дурлук

Туяк пул (кирг. туяк пул) — поборы со скотопромышленников и торговцев в пользу манапа (см.)

Тымак (каз. тымақ) — шапка на лисьем меху с высокой тульей и широкими в виде лопастей наушниками, назатыльником и налобником

Тышкан (каз. тышқан) — название года в календаре по 12-летнему животному циклу (букв. «мышь»)

Тюленгут (каз. төленгіт) — скотовод, оторвавшийся от своего рода, принявший покровительство султана, отдав под его защиту свое имущество и неся определенную службу у султана (в зависимости от имущественного положения — воин, слуга, гонец и т. п.)

Тюре (каз. төре, сұлтан, ақ сүйек) — высшее сословие в феодальном казахском обществе, представители которого вели свою родословную от потомков Чингис-хана (букв. «благородные», «белая кость»)

Тянжу (дунг. тянжу) — редис (дунганский сорт)

Увал (кирг. увал, уйг. сөрәм) — приспособление для молотьбы в виде волокуши, сплетенной из прутьев

Узенги (каз. үзенгі) — стремя

Узик (каз. үзік, турк. үзүк) — два войлока трапециевидной формы, которыми покрывают куполообразную часть юрты

Узун жака (кирг. узун жака) — тип мужской рубахи с треугольным вырезом ворота

Узынқулак (каз. ұзынқұлақ)—устная передача вестей от человека к человеку (из уст в уста)

Уй (каз. киіз үй, кирг. үй, кара үй, кыргыз үй, боз үй, турк. гара өй, өй) — юрта

Уй кымыз (кирг. уй кымыз) — напиток из коровьего молока типа кумыса (см.)

Уйир (каз. үйір) — косяк — гурт кобылиц с одним жеребцом

Уйши (каз. үйші) — мастер по изготовлению деревянного остова юрты

Ук (каз. ұық, кирг. уук, турк. ук) — жерди, составляющие купольную часть остова юрты

Укбагджик (турк. укбагҗик) — плетеные или витые шнурки, с помощью которых уки (см.) прикрепляются к кереге (см.)

Укёк—см. Кебеже

Уки (каз. үкі) — филин; перья филина; амулет в виде пучка перьев филина

Уки аяк (каз. үкі аяқ) — амулет из когтей филина

Уккан (кор.) — комната с теплым полом, служащая обычно спальней

Укрюк (каз. құрық, кирг. укурук) —легкий шест со скользящей петлей на конце для поимки пасущихся лошадей

Уктай турган уй — см. Катта уй

Улак тарту (каз. көкпар, кирг. улак тартыш, көк бөрү) — конноспортивное состязание, в котором участники вырывают друг у друга тушу козла

Улькен қоян (каз. үлкен қоян) — год зайца (см. Коян), наступавший через каждые 35 лет и считавшийся скотоводами особенно тяжелым (букв. «большой заяц»)

Уме (турк. уме) — обычай взаимопомощи среди женщин

Умай эне (кирг. умай эне) — древнее божество — покровительница женщин и детей

Унаш (турк. унаш) — суп-лапша, заправленный кислым молоком

Урган (турк. урган) — толстая веревка, удерживающая камышовые циновки на войлочном покрытии юрты

Уруг (турк. уруг) — род; небольшое племя

Уршык (каз. ұршық, кирг. ийк) — веретено

Уры — см. Ора

Урын келу (каз. ұрын келу, кирг. күйөөлөө, тадж. *евр.* бахшидабозӣ) — обычай добрачных встреч жениха с невестой

Уски (каз. үскі) — примитивный сверлильный станок

Усма (уйг. носма) — растение вайда (один из видов индиго — Isatis tinctoria), сок которого служит для окрашивания бровей

Уссул (уйг. уссул) — название одного из танцев

Усто (уйг. уста, тадж. *евр.* усто) — мастер

Учек — см. Амбар

Учуг — см. Закол

Уу (кирг. уу) — коллективная облавная охота

Уши (каз. үші, кирг. үчүлүк) — поминки, устраиваемые семьей покойного на третий день после его смерти

Ушр (каз. үшір, турк. хүшүр, дунг. вушэр) — налог, взимавшийся с оседлого населения в размере одной десятой урожая

Уюшма — см. Алгоо

Уыз (каз. уыз) — молозиво

Фаньгуанзы — см. Ашхана

Фараджи — см. Параджа

Фатир маска (курд.) — слоеные лепешки с маслом и медом или сахарным песком

Фа сифур (дунг. фа щифур) — один из обрядов свадебного цикла «шутки над женой»

Фуфайка (рус.) — распашная женская безрукавная одежда, носимая поверх сарафана уральцы)

Фу (дунг. фу) — один из жанров фольклора — повествование

Хавшон (курд.) — высушенная горная трава, употреблявшаяся в качестве топлива

Хадж (кирг. ажы) — паломничество к мусульманским святыням в Мекке

Хакык (турк. хакык) — сердолик

Халвачи — см. Тончжен

Халиваш (уйг. халиваш) — кушанье из отваренного тонко раскатанного теста, нарезанного четырехугольниками, с мясом и овощами

Халка (турк. гулакхалка, лысырга, тадж. *евр.* ҳалқа, дунг. әрхуанзы) — серьги

Халладжи (тадж. *цыг.* ҳаллоҷӣ) — станок для гнутья ободьев сит и бубнов

Халы — см. Килем

Халык (турк. халык, дүе халык, осмалдык) — парные ковровые украшения на свадебного верблюда

Хамбал — см. Матке

Хаммомбарон (тадж. *евр.* ҳаммомбарон)— церемония мытья невесты в бане

Хамоэль(бел.)—женское украшение в виде тесьмы с пришитыми к ней монетами

Хансик (кор.) — праздник в первый день второго месяца лунного календаря, посвященный духам умерших (букв. «холодное кушанье»)

Ханыр (кор.) — небо
Хапаванд (турк. хапаванд) — нагрудное бисерное украшение
Харадж (кирг. караж, турк. хараҷ) — поземельный налог
Хараз (турк. хараз, харазхана, кешкеш) — мельница, в которой жернова приводятся в движение силой животного
Хасава (турк. хасаба)— старинный женский головной убор
Хауз (тадж. *евр.* хавз) — водоем
Хаули (турк. ховлы) — хутор-усадьба, обнесенная высокой стеной
Хафиз (тадж. *евр.* ҳофиз) — певец
Хашар (каз. асар, кирг. ашар, турк. ёвар) — взаимопомощь среди односельчан личным участием при каких-либо работах за угощение
Хаштак (тадж. *евр.* ҳаштак) — особым образом устроенное в крыше кухни отверстие для выхода дыма
Хезумхана (тадж. *евр.* ҳезумхона) — помещение для дров
Хейгенек (турк. хэйгенек) — яичница
Хейкель (турк. хейкел) — украшенная серебром кожаная сумочка, в которой женщины хранили ключи и мелкие вещи
Хелонак — см. Белинчак
Хивали дон (турк. хывалы дон, курд. доне хиве) — стеганный на вате халат (мужской и женский) из ткани хива мата (см.)
Хива мата (турк. хыва мата) — кустарная лощеная ткань в полоску, вырабатываемая хивинскими узбеками
Хинобандон (тадж. *евр.* ҳинобандон) — обряд окраски хной рук невесты
Хирман (каз. кырман, кирг. кырман, уйг. хаман, турк. харман) — ток
Хиш (уйг. хиш) — сырцовый кирпич
Ховдан (турк. ховдан) — большой бассейн для сбора воды
Ходаи хумковак (тадж. *евр.* ходаи хумковак) — палка для размешивания содержимого хума (см.)
Ходжа (каз. қожа) — группа населения, считающая себя потомками первых четырех халифов
Хол (тадж. *цыг.* хол) — татуировка на лице (букв. «родинка»)
Холаки бини — см. Бурунхал
Холи — см. Палас
Холи покигин (тадж. *цыг.* холи покигин) — татуировка на лбу, наносимая *при помощи бритвы*
Холи сузани (тадж. *цыг.* холи сӯзанӣ, холи игнагин) — татуировка на щеках и на кистях рук, наносимая иголкой
Холук нан (уйг. holuқ нан) — слоеное тесто с начинкой из моркови или тыквы, приготовленное на пару
Хоми (кор.) — сапка
Хомуло (евр. хомуло) — еврейская религиозная школа
Хонаи джамоати (тадж. *евр.* хонаи ҷамоати) — общественный дом, построенный на средства общины
Хонаи калон — см. Сарай
Хоние мивонен — см. Мехманхана
Хоне (курд.) — жилая комната; дом
Хосма — см. Усма
Хостгор — см. Савчи
Хтайча койнак (уйг. хтайчэ көйнәк) — женская кофта китайского покроя
Хуа момо (дунг. хуа мәмә) — свадебный хлеб, расписанный красной краской
Хуаньмынь чин — см. Каршы куда
Хуаюан (дунг. хуайуан) — цветочный газон (букв. «сад»)
Хувди (турк. хувди) — колыбельная песня
Ходай ёлы (турк. худай ёлы) — угощение с целью умилостивить бога, устраивавшееся в случае болезни, несчастного случая, неудачи и т. д.
Хум (тадж. *евр.* хум) — большая глиняная корчага
Хун — см. Кун
Хунджи (турк. хүнҗи) — бисер; ожерелье девочек, состоящее из монет, бусинок, блях и медальонов с сердоликами
Хупо (евр. хупо) — балдахин, под которым производится религиозный обряд бракосочетания
Хурджин (каз. қоржын, кирг. куржун, турк. хоржун, тадж. *цыг.* хӯрчин, бел., курд. хурджин) — переметная сума
Хурид — см. Курут
Хушкхури — см. Писхо
Хызматкер — см. Джалчы
Хырлы (турк. хырлы) — старинное нарезное ружье на подсошках
Хэбао (дунг. хэбор) — нагрудное украшение

Цин (дунг. чин) — музыкальный инструмент типа цитры
Цынцынзы (дунг. чынчынзы) — свадебный головной убор невесты (теперь — свадебная прическа)

Чабадан (кирг. чабадан) — ковровый мешок для хранения домашних вещей; ковровая подушка
Чабыт (турк. чабыт, голтурмак, зенана гейим) — женская верхняя праздничная одежда — халат с длинными, сужи вающимися к запястью рукавами
Чадыр (тадж. *цыг.* чодир, курд. чодыр, кон) — шатер
Чадыр (бел.) — женское головное покрывало
Чадыри гарм (тадж. *цыг.* чодири гарм, чодири соябон) — летний шатер для защиты от солнца
Чадыри зимистон (тадж. *цыг.* чодири зимистон) — зимний шатер
Чай чорба (турк. чай чорба) — питательный напиток, получаемый путем прибавления в чай куурмы (см.), чаще всего приготовляется в дороге и пастухами на пастбищах
Чайля (тадж. *цыг.* чайла) — жилище типа шалаша из дугообразно согнутых ветвей ивы, крытого камышом, травой и ветками

Чал (каз. шұбат, турк. чал) — напиток из верблюжьего молока

Чала (тадж. *евр.* чала) — еврей, принявший мусульманство

Чала манап (кирг. чала манап) — второстепенный манап (см.), зависимый от старшего манапа

Чалап (каз. шалап, кирг. чалап, айран) — напиток из катыка (см.), разбавленного водой

Чалбар (каз. шалбар, кирг. чалбар, шым, турк. ҷалбар, курд. дарпа, рус. чамбары) — верхние мужские штаны

Чалгы (кирг. чалгы, чашкы) — коса-литовка

Чалма (кирг. чалма) — аркан для ловли лошадей

Чалоу (тадж. *евр.* чалов) — вид плова

Чальпак (тадж. *евр.* чалпак) — тонкие лепешки, жаренные в масле

Чамберек (кирг. чамберек) — кольцо из прутьев, надеваемое на мамы (см.)

Чанъ (кор.) — приправа к кушаньям, приготовленная в виде пасты из сои

Чангза (уйг. чәнҗә) — тонкие слеги для покрытия кровли, жердь

Чанчаза (уйг. чәнчәзә) — лопаточка для пропалывания и окучки овощей

Чапан (каз. шапан, кирг., уйг., турк. чапан, уйг. ф. тон, тадж. *евр.* ҷомаи пахтанок) — халат — стеганная на вате наплечная распашная одежда с открытым воротом

Чапраз (турк. чапрас) — серебряное ромбовидное массивное украшение, пришиваемое на халат

Чарба — см. Букара

Чарва (турк. чарва, курд. чодирчи, биначи) — скотовод; кочующая часть населения

Чаргат (турк. чаргат) — большой тонкий шерстяной платок фабричного производства, накидываемый женщинами поверх головного убора

Чаргат (бел.) — головной платок

Чароги лампа (тадж. *евр.* чароғи лампа)— керосиновая лампа

Чарпая (кирг. чарпая, сере, уйг. ф. чарпая) — широкая деревянная кровать

Чарх (уйг. чәрх) — прялка

Чарчы (кирг. чарчы) — мужской поясной платок

Чаршав (курд.) — шелковый женский головной платок

Чарык (уйг. чорук, турк. чарык)— обувь из сыромятной кожи, напоминающая русские поршни

Чаръякчи (турк. чәръекчы) — арендатор-издольщик, получающий четверть урожая с обрабатываемой земли

Чатма (турк. чатма) — шалаш из ветвей, камыша или дерева, в котором в прошлом жили бедняки

Чатр (бел.) — особо укладываемый локон женской прически, спускающийся от виска к шее

Чач кеп — см. Кулюта

Чач папик (кирг. чач папик) — женское накосное украшение в виде кистей из черных ниток

Чач танга (уйг. чач тәңгә) — металлическое украшение ювелирной работы, подвешиваемое к косам

Чашмбанд (тадж. *цыг.* чачвон; тадж. *евр.* чашмбанд) — покрывало для лица, сплетенное из черного конского волоса

Чек (дунг. чек) — участок земли

Чеке (турк. чеке, йузук) — игра на самообладание и ловкость, проводимая обычно во время больших празднеств (букв. «колечко»)

Чекмень (каз. шекпен, кирг. чепкен, чекмен, уйг. чәкмән, турк. чәкмен, тадж. *евр.* ҷомаи қокма) — широкий длиннополый мужской халат из сукна домашнего производства преимущественно из верблюжьей шерсти

Челек (кирг., турк. челек) — кадка; деревянная бочка для воды

Чепбетев (турк. чепбетов) — желтая шелковая ткань с черными и белыми полосами, изготовляемая для чабытов (см.)

Чепек (турк. чепек, елкен) — обувь в виде подошвы, привязываемой к ноге шерстяными шнурками

Черкез (турк. черкез) — древовидная солянка (Salsola Richteri Kar.)

Черыки (рус.) — туфли (уральцы)

Чеч (кирг. чеч) — обрядовое угощение, устраиваемое по окончании обмолота

Чжозы — см. Билезик

Чжонгуйдиди зазы (дунг. ҷонгуйдиди зазы) — доля урожая, отдаваемая издольщиком землевладельцу или субарендатору (букв. «хозяйская доля»)

Чжу яоза (дунг. ҷў йоза) — женская кофта

Чжюцай (дунг. ҷюцэ) — черемша огородная

Чжяҷжязы (дунг. ҷяҷязы) — безрукавка женская

Чигирь (каз. шығыр, турк. ҷыкыр) —водоподъемное сооружение в виде колеса с кувшинами, приводимого в движение животным или силой течения воды

Чидер — см. Шидер

Чий (каз. ши, кирг. чий) — растение (Lasiagrostis splendens (Trin) Kunth.), из стеблей которого изготовляют циновки

Чийне (каз. сүйреткі, кирг. чийне, уйг. чина) — волокуша из длинных жердей, скрепленных поперечными брусьями и оплетенных ветками

Чикит (кирг. чикит) — детская игра

Чиле (турк. чиле) — первые 40 дней жизни ребенка, считавшиеся особенно опасными как для него самого, так и для жизни его матери

Чиль (турк. чил, дунг. бал) — невысокие земляные валики, разделяющие поле на несколько участков

Чин — см. Цин

Чираг (каз. шырақ, кирг. чырак, уйг. чирақ, турк. чырағ, тадж. *евр.* чароғ, курд. чиро) — масляный светильник

Чирки — см. Чуньки

Чит шыльвар — см. Шыльваре сар

Читме (турк. читме) — ворсовая техника, применяемая туркменами при тканье ковров, ковровых сумок и т. п.

Чиш — см. Тиш
Чогори (кор.) — женская кофта
Чодырчи (курд.)—зажиточный скотовод
Чои (тадж. *евр.* чой) — чайная посуда
Чоймо токоч (кирг. чоймо токоч) — печенье типа «хвороста»
Чокки (кор.) — жилет
Чокай (кирг. чокой, турк. чокай) — обувь из телячьей кожи с острым загибающимся кверху носком (туркмены); сапоги с невысокими голенищами, скроенные из одного куска кожи (киргизы)
Чолпу (каз. шолпы, кирг. чолпу, зээр)— шнурки с монетами на концах, вплетаемые в косы
Чолук (турк. чолук) — помощник пастуха; подпасок
Чолок бешмант (кирг. чолок бешмант) — бешмет (см.) с короткими рукавами
Чомур (турк. чомры) — оседлое население
Чонг ахун (уйг. чоң ахун) — духовное лицо; главный преподаватель медресе
Чонг манап (кирг. чоң манап, ага манап)— старший манап (см.)
Чонг мираб (уйг. чоң мирап) — мираб (см.), ведавший распределением воды из головного канала
Чонгун (дунг. чонгун) — форма издольщины
Чонгун хачжи (дунг. чонгун хуәҗи) — работник по долгосрочному найму
Чонгун чжонтур (дунг. чонгун җонтур)— главный в десятке чонгун хачжи (см.)
Чоор — см. Сыбызгы
Чоп ооз — см. От май
Чопан (кирг. койчу, турк. чопан, курд. шэвоне пез) — пастух мелкого рогатого скота
Чорба — см. Шорпа
Чордеволи (тадж. *евр.* чордеволӣ) — бумажки с молитвами, которые вешали на все четыре стены комнаты
Чори (кор.) — шумовка, сплетенная из прутьев
Чорток (тадж. *цыг.* чорток) — подставка для богджома (см.)
Чубтара (узб. *ар.* чубтора) — прямоугольное в плане жилище из камыша, перекрытое двускатной кровлей из камыша и травы.
Чувал (турк. чувал) — ковровый безворсовый мешок для хранения платья и других вещей, подвешивавшийся в юрте
Чувалгыз — см. Кайтарма
Чугурме (турк. чөвүрме) — мужская шапка из черной овчины
Чукур айван (уйг. ф. чуқур әйван) — помещение между двумя комнатами дома, не имеющее передней стены
Чулук (кирг. чулук) — деревянное кольцо, продеваемое в носовую перегородку быка
Чуньки (рус. чуньки, чирки, калиголки) — будничная обувь из сыромятной кожи
Чумбёт — см. Бет жаббу
Чурек — см. Нан
Чучбара (кирг. чучбара, уйг. чөшүрә, турк. борек) — пельмени
Чучук (кирг. чучук) — род колбасы
Чхалтток (кор.) — отбивной хлеб
Чхима — см. Шыльваре сар
Чыгдан — см. Ашкана
Чыгым (кирг. чигим) — сбор с населения для покрытия расходов манапа (см.) на угощение
Чайратма (кирг. чайратма) — ткань домашнего производства из крученой шерстяной пряжи
Чын куран (кирг. чын куран) — название одного из месяцев народного календаря (букв. «истинный самец косули»; ср. Джалган куран)
Чынчынзы — см. Цынцынзы
Чырпы — см. Паранджа
Чырпык короо (кирг. чырпык короо) — загон для овец, огороженный кустарником
Чэньги (кор.) — плуг

Шаби духтарон (тадж. *евр.* шаби духтарон) — девичник
Шаби занон (тадж. *евр.* шаби занон) — женский праздник в доме жениха
Шабот (евр. шабот) — суббота
Шабур (рус.) — старинная мужская верхняя одежда типа кафтана
Шавля (уйг. ф. шәвлә) — рисовая каша с поджаренным мясом, луком и морковью
Шагирд (турк. шагирд, тадж. *евр.* шогирд) — ученик
Шак мала (кирг. шак мала) — борона, связанная из ветвей и сучьев
Шал (уйг. шал) — неочищенный рис
Шал (курд.) — шерстяной платок
Шалап — см. Чалап
Шалбар — см. Чалбар
Шалвар (бел.) — мужские штаны
Шалдап — см. Дап
Шамшур (рус.) — головной убор замужней женщины, напоминающий чепчик (бухтарминцы)
Шам (тадж. *евр.* шамъ) — свеча
Шанг (уйг. шаң) — поливной участок поля
Шангза (уйг. шәңзә) — трехструнный щипковый инструмент китайского происхождения
Шаньги (рус.) — ватрушки с картофелем или творогом
Шаньзы — см. Саньзы
Шанырак (каз. шаңырақ, кир. түндүк, турк. түйүнүк) — деревянный круг, завершающий купольную часть юрты; см. также Туйүнүк
Шао лихуа (дунг. шо лихуа) — «малый» плуг, применявшийся на рисовых полях
Шапан — см. Чапан
Шапкы (каз. шаңқы) — железный инструмент для кровопускания домашним животным
Шаппа шот (каз. шаппа шот) — теслообразный топорик типа теши
Шара (каз. шара) — глубокое деревянное блюдо
Шара — см. Кебаб
Шариат (каз. шариат) — свод мусульманских законов и правил, основанных на коране

Шарши (каз. шарші) — старинный женский головной убор из белой ткани
Шатта пули — см. Араб пули
Шашбау (каз. шашбау) — ленты с серебряными украшениями, вплетаемые девушками в косы
Шашкап (каз. шашқап) — накосник, сшитый из ткани и украшенный вышивкой и бляшками
Шашмаком (тадж. *евр.* шашмақом)—классическое народное музыкально-вокальное произведение, состоящее из шести основных больших частей
Шашу (каз. шашу) — обряд осыпания новобрачных сладостями
Шахир (турк. шахыр) — народный поэт
Шекпен — см. Чекмень
Шепке — см. Топбы
Шерне (кирг. шерне) — в прошлом мужские сборища с угощением, устраивавшиеся по очереди летом
Ши — см. Чий
Шидем купи (каз. шідем күпі) — зимняя верхняя одежда из свалявшейся овечьей шерсти, верх покрыт тканью
Шидер (каз. шідер, кирг. чидер) — конские путы из ремня или шерстяной веревки
Шикаммолон (тадж. *евр.* шикаммолон)— массирование живота беременной при трудных родах
Шильдекана (каз. шілдеқана) — веселое сборище молодежи в юрте роженицы, продолжавшееся в течение всей ночи с целью отпугивать духов, якобы стремящихся похитить новорожденного
Шинни (тадж. *евр.* шинни) — виноградная патока
Ширге — см. Сирге
Шири (тадж. *евр.* ширӣ) — посуда для молочной пищи
Ширинхури (тадж. *евр.* ширинхӯрӣ) — помолвка
Шишки (рус.) — булочки из кислого теста особой формы, выпекаемые для свадебного угощенья
Шлычка (рус.) — головной убор замужней женщины
Шовуот (евр. шовуот, тадж. *евр.* гули сурх) — весенний праздник
Шокулё — см. Саукеле
Шолпы — см. Чолпу
Шолча — см. Палас
Шоманда (тадж. *цыг.* шоманда) — обычай осевших цыган переходить летом на сезонное кочевание
Шорпа (каз. сорпа, кирг. шурпа, сорпо, уйг. шова, турк. чорба, гайнатма) — мясной бульон; мясной суп
Шохет (евр. шоҳет) — резник
Шоххисейн (тадж. *евр.* шоҳхисейн)—погребальная песня
Шошала (каз. шошала, тошала) — жилище переходного типа (от кочевого к оседлому)в виде шалаша с конической кровлей; в настоящее время — кладовка или кухня с маленьким оконцем
Шубат — см. Чал
Шубка (рус.) — женское праздничное пальто, крытое черной бумажной тканью; обычно шьется к свадьбе
Шуихон (тадж. *евр.* шуиҳон) — невысокий стол, за которым принимают пищу, сидя на полу
Шурбомохи (тадж. *евр.* шурбомоҳӣ) — уха
Шучинды (дунг. шучинди) — провожатая невесты
Шыгым (каз. шығын) — сбор с населения на общественные нужды и благотворительные цели в дореволюционном Казахстане
Шыгыр (см. Чигирь)
Шыльваре бинэ (курд. шыльваре бинэкодаи шыльвар) — юбка-штаны, носимые женщинами в качестве нательной одежды
Шыльваре сар (курд. шыльваре сар, чит шыльвар, кор. чхима) — женская верхняя юбка
Шым — см. Чалбар
Шым (каз. шым) — дёрн
Шым ший — см. Ашкана
Шымылдык (каз. шымылдық) — полог, которым кровать отделяется от остальной части комнаты
Шынырау кудук (каз. шыңырау құдық)— колодец большой глубины
Шыпыргы (кирг. шыпыргы) — веник
Шыпырма (турк., курд. шыпырма) — мужская шапка туркменского типа
Шырак — см. Чираг
Шырдак (каз. сырмақ, кирг. шырдак, шырдамал, төрбөлжүн) — войлочный ковер, изготовленный путем сшивания узоров, вырезанных из войлоков разных цветов
Шырылдан (кирг. шырылдақ) — песня пастуха-табунщика
Шэвоне дэвир (курд.) — пастух крупного рогатого скота
Шэвоне пез — см. Чопан

Щё йишон — см. Сё ишан
Щё лир — см. Сё лир
Щё чиди — см. Сё чиды
Щё чузы — см. Сё чузы
Щи — см. Си

Ыныpчак (каз. ыңыршақ, кирг. ыңырчак) — вьючное седло для быка
Ырчи — см. Жыршы
Ыскат — см. Доорон
Ысфар — см. Омач
Ысылык (кирг. ысылык) — «горячительная пища» (в народной медицине определенный разряд пищи, ср. Муноз тамак, Сууктук)
Ыштан (кирг. ыштан, уйг. иштан, тадж. *евр.* эзор) — штаны

Эгер кёпчук (кирг. эгер көпчүк) — коврик для седла
Эгме (турк. эгме) — массивное серебряное украшение на женском головном уборе
Эджигей (кирг. эжигей) — вид сладкого сыра
Эдик — см. Етик
Эер (каз. ер, кирг. ээр, турк. эер) — седло для верховой езды на лошади
Эзор — см. Ыштан
Эйван — см. Айван

Элечек (кирг. элечек, илеки, кияляк) — женский головной убор в виде тюрбана

Эмчи — см. Дарымчы

Энгиш — см. Аударыспак

Энгси (турк. эңси) — специальный ворсовый коврик, которым завешивается верхняя часть дверного проема юрты

Эпчи джак (кирг. эпчи жак) — женская половина в юрте

Эр джак (кирг. эр жак) — мужская половина в юрте

Эришта (курд.) — жареная самодельная лапша, употреблявшаяся при приготовлении ряда национальных кушаний

Эрке бала (кирг. эрке бала) — выборный организатор игр и развлечений во время джоро бозо (см.)

Эртеки (кирг. жөө жомок, турк. эртеки, дунг. гўҗир) — сказка

Эруб (евр. эруб) — застава в виде жерди на двух подпорках, отделявшая улицы еврейского квартала от мусульманских

Эрхуаньзы — см. Халка

Эрхузы (дунг. эрхўзы) — двухструнный щипковый музыкальный инструмент

Эсепчи (кирг. эсепчи) — знаток народного календаря; предсказатель погоды

Этли нан (турк. этли нан) — слоеный пирог с мясной начинкой

Эшек арба (турк. эшек араба, дунг. эргўлўчэ) — двухколесная повозка, в которую впрягают осла

Эшек секиртмей (кирг. эшек секиртмей) — игра в чехарду

Югозы (дунг. югуэзы) — хлебцы в составе да ли (см.)

Юз ачиш — см. Бет ашар

Юзук (турк. йүзүк, тадж. *евр.* ангуштпона) — кольцо; см. также Чеке

Юзук бериджи (турк. йүзүк беричи) — вожатый одной из групп во время игры в чеке (см.)

Юзукчи (турк. йүзүкчи) — игрок в чеке (см.)

Юкъери (турк. йүкери) — место в юрте для складывания джука (см.)

Юнь (дунг. йун) — фигурный обрез воротника-пелерины невесты (букв. «облако»).

Юсян (дунг. ющён) — поминальные лепешки

Ябы (турк. ябы) — лошадь, использовавшаяся для различного рода сельскохозяйственных работ

Яг (турк. яг) — масло

Ягырын ишилик (турк. ягырын ишилик) — подоплека, делавшаяся в верхней части рубахи, чтобы предохранить ее от быстрого загрязнения и изнашивания

Яик — см. Гупи

Яктак (кирг. ачык көйнөк, уйг. ф. йәктәк) — мужская распашная рубаха

Яктак (кирг. желек, турк. ектай, тадж. *евр.* яктак) — мужской летний халат без подкладки

Янглытмач (турк. яңлытмач, тадж. *евр.* тезгўяк) — скороговорка

Янджин (уйг. йәнҗин) — музыкальный инструмент типа цимбал

Янтак (турк. яндак) — верблюжья колючка (Alhagi camelorum Fisch. s. L.)

Яныk яйык — см. Тулум

Яровой багор (рус.) — орудие для ловли рыбы (уральцы)

Ярым (турк. ярым) — потомки от смешанных браков «чистокровных» туркмен с рабынями-нетуркменками

Ярымчи (турк. ярымчы, ярпачы) — арендатор, получающий половину урожая с арендованной земли

Ярыш — см. Байга

Ястук (уйг. ястуқ) — подушка

Яшмак (турк. яшмак) — конец женского головного платка, которым женщина прикрывала нижнюю часть лица

Яшулы (турк. яшулы) — аульный старшина; почтительное обращение к пожилым мужчинам

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Принятые сокращения

ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства СССР (Москва)
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград)
ИЭ — Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва — Ленинград)
Каз. ТАГ — Телеграфное Агентство Казахской ССР (Алма-Ата).
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Ленинград)
ТАСС — Телеграфное Агентство Советского Союза (Москва)
Туркмен. ТАГ — Телеграфное Агентство Туркменской ССР (Ашхабад)
ЦГА ФФКД ТССР — Центральный государственный архив фоно-фото-кинодокументов Туркменской ССР (Ашхабад)

Родоплеменная структура туркмен к началу XX в. 19
Общий вид крепости Коушут-Хан-Кала в Мерве. Рис. Н. Каразина, 1884 г. («Всемирная иллюстрация», т. 31, СПб., 1884, стр. 148—149) . . . . . 24—25
Сортировка дынь «гуляби» в Сакарском дынесовхозе (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-11368) 36
Чарджоу. Одна из улиц города в прошлом. Рис. Л. Е. Дмитриева-Кавказского, 1894 г. (Л. Е. Дмитриев-Кавказский. По Средней Азии, СПб. 1894, стр. 10) 37
Чарджоу. Улица в современном городе (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 38
Ташауз. Один из сохранившихся кварталов старого города (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1960 г.) 39
Ташауз. Новый город. Здание школы-интерната № 1 (фототека ВДНХ № 5655) 40
Подрезка винограда весной в колхозе. Бахарденский район (ЦГА ФФКД ТССР № 0-3163) 41
Прядильно-ткацкая фабрика в г. Ашхабаде. Прядильный цех (фототека ВДНХ № 75013-а) 42
Нефтяные вышки на берегу Каспийского моря. Город Челекен (фототека ВДНХ № 135930) 43
Красноводск. Одна из улиц города (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 43
Небит-Даг. Жилой дом в одном из кварталов (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 44
Нефтеперерабатывающий завод в г. Красноводске (фототека ВДНХ № 109495) 45
Схема кяриза (Л. И. Цимбаленко. Кяризы (водопроводы) Закаспийской области. СПб., 1896, Приложения) 51
Старинный способ подъема воды на высокие поля при помощи примитивного устройства «нова» (фото МАЭ № И-1007-6) 52
Общий вид плотины Карры-Бент у Тедженского водохранилища (фототека ВДНХ № 112473) 53
Одно из сооружений Каракумского канала у Хауз-Хана (фотохроника ТАСС № 469507) 54
Хауз-Хан. Поселок строителей Каракумского канала (фотохроника Туркмен. ТАГ, фото Гусейнова, 1961 г.) 55
Каракумский канал. Животноводы с далеких отгонных пастбищ запасают пресную воду (фотохроника Туркмен. ТАГ, фото Гусейнова, 1961 г.) 55

Канавокопатель на тяге трактора ДТ-54. Кировский район (фототека ВДНХ № 48223) 56
Опыление хлопчатника ядохимикатами на землях колхоза «Большевик». Ильялинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) . . . 56
Подъем воды из колодца кожаным ведром «гова». Дейнауский район (фото МАЭ № И-1039-3, 1939 г.) 57
Бонитировка овец при рождении. Племсовхоз «Равнина», Байрам-Алийский район (фототека ВДНХ № 91421) 58
Клуб в колхозе им. Тельмана. Ленинский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 58
Сбор коконов. Туркмен-Калинский район (ЦГА ФФКД ТССР № 0-13529) . 59
Колхозник охотник. Тедженский район (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-6270) 60
Тренировка коня ахалтекинской породы перед скачками. Ашхабадский район (фототека ВДНХ № 48386) 61
Лодка «таймун», распространенная на Аму-Дарье (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1948 г.) 63
Типы туркменских юрт (*1, 4* — фото МАЭ № 4071-6; 1397-14; 2 — из материалов Г. П. Васильевой, 1958 г.; *3* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.; *5* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 64
Аул туркмен-текинцев у Ашхабада. Начало XX в. (фото ГМЭ № 40-5). . 65
Старый дом с купольными перекрытиями, ныне служащий хозяйственным помещением. Селение Кодж, Кизыл-Арватский район (материалы Г. П. Васильевой, 1958 г.) 66
Усадьба туркмена в урочище Уаз, покинутая на рубеже XIX—XX вв. из-за отсутствия воды (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) . . . 67
Хозяйственное помещение «чатма». Кара-Калинский район (архив ИЭ, материалы Г. П. Васильевой, 1957 г.) 69
Усадьба туркмена. Слева «тамкепбе», ныне служащее хозяйственным помещением. Чарджоуская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 70
Жилые постройки из камня в горах. Селение Койне-Гумме, Бахарденский район (архив ИЭ, материалы Г. П. Васильевой, 1957 г.) 71
Селение Койне-Касыр. Кара-Калинский район (материалы Г. П. Васильевой, 1958 г.) 71
Новые дома в пос. Равнина. Байрам-Алийский район (фототека ВДНХ № 91402) 72
План дома. Колхоз им. Кирова, Бахарденский район (архив ИЭ, материалы Г. П. Васильевой, 1949 г.) 73
План усадьбы и дома колхозника. Колхоз «Зарпчи». Марыйский район (архив ИЭ, материалы Я. Р. Винникова, 1950 г.) 73
Современное жилище колхозника. Куня-Ургенчский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 74
Усадьба колхозника. Колхоз им. Ленина, Калининский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 75
Современная усадьба туркмена. Чарджоуская область (*I* — архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.; *II* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 76
Усадьба туркмена. Чарджоуская область (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1954 г.) 77
Дом туркмена-рыбака в прибрежном поселке Чекишляр. Гасан-Кулийский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 78
В новом доме колхозника. Марыйская область (фототека ВДНХ № 133647) 79
Селение Шарлоук в юго-западной Туркмении (архив ИЭ, материалы Г. П. Васильевой, 1957 г.) 80
Мужская национальная одежда (*1* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1948 г.; *2, 5* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.; *3* — архив ИЭ, оп. 75/9; *4, 7* — то же, оп. 75/10; *6* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.; *8* — Л. Е. Дмитриев-Кавказский. По Средней Азии, СПб., 1894, стр. 70; *9* — из коллекции ГМЭ) 81
Мервский текинец в халате «гырмызы-дон». 1909 г. (фото МАЭ № 1397-27) . 84
Туркмен в зимней одежде «ичмек». Ташаузская область (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 85
Мальчик-пастух в обуви «чарык». Куня-Ургенчский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 86
Женская национальная одежда (архив ИЭ, по материалам Хорезмской экспедиции) 88
Молодая женщина в национальном костюме. Туркмены-йомуты. Начало XX в. . . . . вкл. 88—89
Накидка «курте» — верхняя одежда туркменок-текинок (Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 231) 90

Туркменка похурли в национальном головном уборе (архив ИЭ, материалы Г. П. Васильевой, 1958 г.) 91
Богатая туркменка из племени сарык в национальном костюме. 1901 г. (фото МАЭ № И-747-4) 92
Туркменки-текинки в современных головных уборах (ЦГА ФФКД ТССР № 0-3122) 93
Туркменка с детьми в современной одежде. Куня-Ургенчский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 94
Туркменка в современном костюме. Красноводский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 95
Туркменка из Ташаузской области. На ребенке стеганая шапочка «гулакчын» (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 96
Девочка в нарядном халате. Куня-Ургенчский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 97
Женщина в праздничной одежде. Западная Туркмения (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 97
Девушка с серебряными украшениями на руках. Куня-Ургенчский район (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 г.) 98
Женские серебряные украшения (*1, 2, 4—6* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955, 1956 и 1959 гг.; *3* — фото МАЭ № 1486-15) 99
Хозяйственный уголок в юрте (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1951 г.) 101
Делегаты профсоюзных организаций Туркменской ССР С. Байсахатова и О. Аннаева в зале заседаний Большого Кремлевского дворца (фотохроника ТАСС № 401418) 105
Слушательницы курсов механиков-водителей хлопкоуборочных машин при Чарджоуском отделении «Туркменсельхозтехники» (фотохроника Туркмен. ТАГ, фото Гусейнова, 1961 г.) 106
Детские ясли в колхозе им. Горького. Чарджоуская область (фототека ВДНХ № 117188) 108
Выпечка лепешек в игрушечном тандыре (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 108
Свадебный поезд текинцев. Невеста сидит в «кеджебе». Конец XIX века (фото ГМЭ № И-746-12) 111
Молодая (закрыта белым платком) в кругу подруг на второй день после свадьбы (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 112
В кабинете детской консультации при медицинском пункте сельсовета Багир (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-13497) 114
Родильный дом в г. Ташаузе (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1960 г.) 115
Борьба «гореш». Начало XX в. (фото МАЭ № 1307-14, 1908 г.) 116
Колхозная читальня. Игра в шахматы. Колхоз «Большевик», Куня-Ургенчский район (фототека ВДНХ № 253) 118
Средняя школа в колхозе. Тахтинский район, Ташаузская область (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1960 г.) 121
В Небит-Дагской школе-интернате. Дежурство в столовой (фотохроника Туркмен. ТАГ, фото Гусейнова, 1961 г.) 122
Вступительные экзамены по литературе в Туркменский государственный университет (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-12461) 123
Занятия студентов в лаборатории Ашхабадского медицинского института (фото ЦГА ФФКД ТССР № 59235) 123
Репетекская песчано-пустынная станция. Чарджоуская область (фото ЦГА ФФКД ТССР № 75035) 124
Дворец культуры нефтяников в г. Небит-Даге (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 125
Бахши играет на дутаре, аккомпанирующие — на гыджаках (фото МАЭ № 1398-17, 1909 г.) 128
Студентка Керкинского педагогического училища — участница художественной самодеятельности (фототека ВДНХ № 60393) 133
Танец пастухов. Республиканская филармония (фототека ВДНХ № 20485) . 135
Государственный драматический театр в г. Ашхабаде (фототека ВДНХ № 75012) 137
Хидыр Аллануров, дирижер Театра оперы и балета в г. Ашхабаде (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-6093) 138
Майя Кулиева, народная артистка СССР. Театр оперы и балета в г. Ашхабаде (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-11955) 139
Алты Карлиев, народный артист СССР. Театр оперы и балета в г. Ашхабаде (фото ЦГА ФФКД ТССР № 0-9683) 140
Кинотеатр в г. Чарджоу (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) . . 141
Ковровые изделия южных туркмен (коллекция ГМЭ № 26-50; 26-14; 12-185) 142
Ковровые изделия северных туркмен (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1956 и 1959 гг.) 143
Образцы туркменской вышивки (*1* — архив ИЭ, материалы К. Овезбердыева, 1954 г.; *2—4, 6* — архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 и 1956 гг.,

5 — из коллекций Государственного музея искусства народов Востока) . . . . . вкл. 144—145
Ковровщицы за работой на горизонтальном станке. Ковровая артель в пос. Гасан-Кули (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) 145
Опытная мастерица беседует с молодой ковровщицей. Экспериментальная мастерская в г. Ашхабаде (фототека ВДНХ № 108 960) 147
Изготовление кошмы. Раскладывание узора (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1960 г.) 148
Изготовление кошмы. Первоначальное сваливание войлока (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1960 г.) 148
Изготовление кошмы. Процесс окончательного валяния (материалы Г. П. Васильевой, 1958 г.) 149
Художник Иззат Клычев (фотохроника Туркмен. ТАГ, фото В. Ибряшкина, 1961 г.) 151
Делегатки XII съезда профсоюзов от Туркменской ССР беседуют в перерыве между заседаниями в Большом Кремлевском дворце с представителями Индии и Цейлона (фотохроника ТАСС, № 401515) 152
Ковровые изделия туркмен: торба ахальских текинцев (из материалов С. П. Русяйкиной) и чувал марыйских текинцев (из коллекции Государственного музея искусства народов Востока) . . . . . вкл. 152—153
Двусторонняя кошма «кошма кече» (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1955 г.) . . . . . вкл. 152—153
Родоплеменная структура киргизов 176
Перекочевка. Алайская долина (фото ГМЭ № 43-71, 1900—1901 гг.) . . . 189
Охотники с ловчими птицами. Прииссыккульe (архив ИЭ, ф. К-У, оп. I, № 188) 193
Пасека колхоза «Кайрма». Северная часть Ошской области (фото МАЭ № И-1626-75) 197
Ветеринарное обслуживание колхозных отар на высокогорном пастбище. Тянь-Шаньская область (из материалов С. М. Абрамзона) 199
Беседа зоотехника с табунщиками на летнем пастбище. Кеминский район (фототека ВДНХ № Г-38679) 200
Агитатор читает чабанам газету. Урочище Кен-Кол, Таласская долина (фотохроника ТАСС № 225130) 202
Отара племенного овцеводческого совхоза «Джуан-Тюбе» у кошары. Таласская долина (фототека ВДНХ № Г-91443) 203
Колхозный табун на высокогорном пастбище. Прииссыккулье (фототека ВДНХ № Г-15971) 205
Яки. Восточный Памир (Горно-Бадахшанская автономная область) (фото О. Чистовского, 1948 г.) 206
Помещения коневодческой фермы колхоза «Кенеш». Чуйская долина (фототека ВДНХ № Г-20 908-а) 207
Головной регулятор распределителя Ат-Башинской оросительной системы. Чуйская долина (фототека ВДНХ № Г-6189) 208
Чумышская железобетонная плотина на р. Чу (фототека ВДНХ № Г-111010) 208
Продольная и поперечная обработка хлопчатника на колхозных полях. Ошская область (фототека ВДНХ) 209
Колхозная гидроэлектростанция. Чуйская долина (фототека ВДНХ № Г-38729) 210
Сад колхоза «Кызыл-Шарк». Ошская область (фототека ВДНХ № 25321) . 211
Сушка табака. Наукатский район, Ошская область (фототека ВДНХ № Г-119965) 211
Угольная шахта № 6. Город Кызыл-Кия (фототека ВДНХ № Г-31834) . . . 213
Прядильный цех хлопкопрядильной фабрики в г. Фрунзе (фототека ВДНХ № Г-87982) 214
Выпарная станция Новотроицкого сахарного завода. Чуйская долина (фототека ВДНХ № Г-119929) 215
Поселок строителей гидроэлектростанции на Чуйском канале (фотохроника ТАСС № 304 222) . . . . . 216—217
Завод физических приборов в г. Фрунзе. Сборочный цех (фотохроника ТАСС № 473196) 218
Пристань у г. Пржевальска (фототека ВДНХ № Г-134845) 220
Автомобильная дорога (фото МАЭ № И-1705-106) 220
Киргизский аул. Тянь-Шань (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1954 г.) 224
Установка юрты на летнем пастбище. Алайская долина (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 225
Тип юрты, распространенной в северной Киргизии (фототека ВДНХ) . . . 226
Интерьер юрты. Южная Киргизия (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 227
Упрощенное жилище переносного типа — «алачык». Северная Киргизия (фото ГМЭ № 3928-17) 229
Юрта уменьшенного размера. Северная Киргизия (фото ГМЭ № 3928-20) . 229

Улица в поселке колхоза «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область (фототека ВДНХ № 31851) 233
Главная улица в сел. Чаек — центре Джумгальского района. Тянь-Шаньская область (фото МАЭ № И-1705-372) 234
Дома рабочих в поселке Иссык-Кульской опытной станции по овцеводству (ранее совхоз «Оргочор»). Джеты-Огузский район (фототека ВДНХ № Г-105005) 235
Дом, в котором родился М. В. Фрунзе (фототека ВДНХ № 6317) 241
Поселок шахты «Северная» в г. Таш-Кумыре (фотохроника ТАСС № 348725) 243
Поликлиника, обслуживающая шахтеров и их семьи. Город Кызыл-Кия (фото МАЭ № И-1696-237) 244
Кочкор-Ата, поселок нефтяников (фототека ВДНХ № Г-137624) 245
Киргизская женская одежда первой четверти XX в. (*1, 2, 4, 5, 10* — из коллекций ГМЭ №№ 4203-110; 4314-53; 22904; 22924; 22952; *6*-архив ИЭ, Иссык-Кульская экспедиция, 1952 г.; *7* — из коллекций ГМЭ, № 14-—11; *3, 8—9* архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1954 г.) 247
Мужская одежда киргизов первой четверти XX в. (*1, 8* — из коллекций ГМЭ, №№ 22859; 16-40; *2, 6*— архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1954 г.; *3, 4* — архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1953 г.; *7* — архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.; *5* — С. М. Абрамзон. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова. «Сборник МАЭ», т. XIV, М.—Л.,1953, отд. III, табл. I) 248
Молодая киргизская женщина в национальном костюме. Начало XX в. (по материалам ГМЭ) . . . . . вкл. 250—251
Девочка в старинной шапочке «тебетей». Тянь-Шань (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1954 г.) 251
Молодая женщина в национальном костюме и головном уборе «элечек» (фото МАЭ № 3793-79) 253
Киргизская женщина в старинном головном уборе. Алайская долина (фото ГМЭ № 5152-41) 254
Женщина племени кыпчак в старинном головном уборе «кияляк». Алайская долина (фото ГМЭ № 43-132 в) 255
Мужчина в национальной одежде. Алайский район, Ошская область (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 256
Киргиз в нагольном тулупе. Южная часть Ошской области (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 258
Приготовление лепешек. Наукатский район, Ошская область (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 261
Собрание колхозников. Тянь-Шаньская область (архив ИЭ, Памиро-Ферганская экспедиция, 1951 г.) 265
Скорая помощь в колхозе. Араванский район, Ошская область (фототека ВДНХ № Г-119955) 280
Здание солярия на Джалал-Абадском курорте (фото МАЭ № И-1696-403) 281
Средняя школа. Чуйская долина (фототека ВДНХ № Г-87984) 285
Общежитие в интернате киргизской средней школы № 3 в г. Фрунзе (фототека ВДНХ № 1 Г-87983) 286
Работа на пришкольном участке. Панфиловская средняя школа (фототека ВДНХ № 38798) 287
Киргизский государственный университет (фототека ВДНХ № Г-135 198) 288
Токтогул Сатылганов (фото МАЭ № И-1023-67) 299
Байымбет Абдырахманов (Тоголок Молдо) (фото Института истории АН Кирг. ССР) 301
Ворсовый ковер. Восточный Памир (коллекция МАЭ № 4228-1) 306
Изготовление войлочного ковра с вкатанным узором «ала-кийиз». Наукатский район, Ошская область (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1955 г.) 307
Сшивание узоров для войлочного ковра «шырдак». Джеты-Огузский район, Прииссыккулье (архив ИЭ, Киргизская экспедиция, 1953 г.) . . . 308
Образец современной вышивки на настенном ковре «туш кийиз». Ат-Башинский район, Тянь-Шаньская область (фото МАЭ № И-1705-353) 309
Резной шкафчик работы мастера Касымова. Город Токмак (коллекция ГМЭ № 6237-18) 310
Киргизская вышивка (коллекция ГМЭ № 23163т) . . . . . вкл. 310—311
Колхозный музей изобразительных искусств. Колхоз «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область (фотохроника ТАСС № 417926) . 312
Борьба «эниш». Стадион в г. Фрунзе (фототека ВДНХ, № Г-124226) . . 319
Родоплеменная структура казахов 325
В мусульманской школе. Семиречье (фото МАЭ № 1199-179, 1907 г.) . . 347
Двугорбые верблюды на пастбище. Южный Казахстан (фототека ВДНХ № 74079) 353
Перекочевка аула. Юго-западные Кызылкумы (фото МАЭ № 1380-37) . 355

Предметы, связанные с животноводством у казахов и киргизов (*1, 2, 6—10, 12—18* — из коллекций ГМЭ №№ 4203-2; 4203-3; 3378-16; 4203-7; 3378-22; 3378-11; 3378-13; 3372-2; 3378-5; 4203-9; 4532-3, 4; 4532-5; 3378-24; 3378-39, 40; *3—5, 11, 19* — из коллекций МАЭ №№ 1710-8; 1287-48; 1287-47; 1710-7; 1287-57) . . . . . 356—357
Толчение проса. Акмолинская область (фото МАЭ № 1199-231, 1907 г.) . . . 363
Взбивание шерсти. Семиречье (фото МАЭ № 1199-174, 1907 г.) 367
Ткацкий станок. Павлодарский уезд (фото МАЭ № 748-19, 1907 г.) . . . 368
Плетение циновок. Семиречье (фото МАЭ № 1199-213, 1907 г.) 369
Карагандинский угольный бассейн. Шахта № 86—87 (фотохроника Каз. ТАГ, фото П. Федорова, 1959 г.) . . . . . 370—371
Машиностроительный завод в г. Караганде (фототека ВДНХ № Г-137413) 372
Сборка каркасно-камышитовых 8-квартирных жилых домов в г. Алма-Ате (фотохроника ТАСС № 331966) 373
Новые кварталы жилых домов в г. Усть-Каменогорске (фототека ВДНХ № Г-139098) 374
Дворец культуры металлургов в г. Балхаше (фототека ВДНХ № Г-137944) 375
Театр оперы и балета им. Абая в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № 14099) . 375
Жилой квартал в поселке строителей Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау (фотохроника ТАСС № 436202) . . . . . 376—377
Улица Костенко в г. Караганде (фототека ВДНХ № Г-114168) 378
Строительство крупнопанельного сборного дома на проспекте им. Ленина в г. Усть-Каменогорске (фотохроника ТАСС № 459463) 379
В доме Дулатбека Рахимбергенова, рабочего Чимкентского свинцово-цинкового завода (фотохроника КазТАГ, фото М. Ктитарева, 1959 г.) . . . 380
Целинный край. Поселок Есиль — центр крупного зернового района Казахстана (фотохроника ТАСС № 494102) . . . . . 382—383
Общий вид поселка совхоза «Свободный». Целиноградская область (фототека ВДНХ № Г-134406) 384
Арычная система. Карагандинский совхоз (фототека ВДНХ № Г-114069) . 385
Улица в поселке совхоза «Пахта-Арал». Чимкентская область (фотохроника ТАСС № 446148) 385
Полив хлопчатника дождевальным агрегатом в совхозе «Пахта-Арал». Чимкентская область (фотохроника ТАСС № 309593) 386
Раздельная уборка пшеницы в Самарском зерносовхозе. Атбасарский район, Целиноградская область (фотохроника КазТАГ № 12692) 387
Сбор яблок в колхозе им. Кирова. Ильичевский район, Чимкентская область (фототека ВДНХ № Г-11754) 387
Механизированный сев риса. Колхоз «Кзыл-Ту». Чиилийский район, Кзыл-Ординская область (фототека ВДНХ № Г-50333) 389
Ломка табака в колхозе. Джамбулский район, Алма-Атинская область (фототека ВДНХ № Г-50302) 389
Электростижка овец (фототека ВДНХ № Г-97894) 390
Спаренные камышитовые кошары на отгонном участке Эден. Джамбулская область (фотохроника Каз. ТАГ № 14296) 390
Сакманщица с ягнятами. Колхоз им. Калинина, Кировский район, Алма-Атинская область (фотохроника Каз. ТАГ № 20 458) 391
Табун лошадей колхоза им. Ленина. Энбекши-Казахский район, Алма-Атинская область (фотохроника Каз. ТАГ № 20741) 392
Старший чабан Маматай Сарсенбаев делится опытом с молодым чабаном. Колхоз им. Калинина, Чиликский район, Алма-Атинская область (фототека ВДНХ № Г-27542) 393
Осеннее купание овец. Совхоз им. Фурманова, Уральская область (фототека ВДНХ № Г-142656) 394
Передача дневной сводки по радио с отгонного участка Кастекского овцесовхоза (фототека ВДНХ) 395
Общий вид строительства металлургического завода в г. Темиртау (фотохроника ТАСС № 450983) . . . . . 396—397
Бухтарминское водохранилище (фотохроника ТАСС № 446497) 398
Перевозка груза на волокуше. Семиречье (фото МАЭ № 1199—171, 1907 г.) 399
Опыление хлопковых полей с самолета. Чимкентская область (фототека ВДНХ № 11733) 400
Внешний вид казахской юрты. Темирский район (фото МАЭ № 1708—59) 401
Внутренний вид казахской юрты. Павлодарский уезд (фото МАЭ № 1199-95, 1907 г.) 402
Старинная казахская кровать (фото МАЭ № 1199-121, 1907 г.) 403
Юртообразная постройка из камыша. Кзыл-Ординская область (фото МАЭ № И-1343-23) 405
Одна из улиц поселка Диевского совхоза. Кустанайская область (фотохроника Каз. ТАГ № 21679) 408

Современное жилище казаха-колхозника. олхоз «Бельбасар», Чуйский район (архив ИЭ, Казахская экспедиция, 1949 г.) 409
Новые дома колхозников. Колхоз «Трудовик», Курдайский район, Джамбулская область (фототека ВДНХ № Г-124668) 411
Центральный стадион в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № Г-143543) . . . . 414—415
Казахская семья. Семиречье (фото МАЭ № 418-6, 1898 г.) 416
Мужская одежда казахов (*1—3, 5, 7, 9* — из коллекций ГМЭ №№ 1062-1; 2241-7; 1062-28; 23550; 23540; 23540; *4, 6 10* — альбом «Казахский народный костюм». Алма-Ата, 1958, табл. №№ 55; 60; 42; *8*—архив ИЭ, Казахская экспедиция, 1947—1949 гг.) 417
Женская одежда казахов (*1, 3, 7* — из коллекций Центрального государственного музея Казахской ССР №№ КП № 3421-205; 520-561; 3389-332; *2* — архив ИЭ, Казахская экспедиция, 1950 г.; *4, 6* — из коллекций ГМЭ №№ 1062-45; 2402; *5* — альбом «Казахский народный костюм». Алма-Ата, 1958, табл. 21) 419
Старинный свадебный головной убор «саукеле». Семипалатинская область (фото МАЭ № 1199-88, 1907 г.) 422
Казашка в национальном головном уборе «кимешек». Алма-Атинская область (фототека ВДНХ № Г-112002) 423
Свадебный обычай «кол-устатар». Семипалатинская область (летовка у оз. Саумал-Куль) (фото МАЭ № 1199-81, 1907 г.) 435
Ребенок в колыбели. Семиречье (фото МАЭ № 1199-99, 1907 г.) 436
Санитарное авиаобслуживание далеких аулов (фототека ВДНХ № 147537) 441
В родильном отделении колхозной больницы. Колхоз «Трудовик», Курдайский район, Джамбулская область (фототека ВДНХ № Г-124648 . 441
Детский сад колхоза «Октябрь». Каратальский район Алма-Атинская область (фотохроника Каз. ТАГ № 21163) 442
Республиканский чемпионат по казахской национальной игре «тогыз кумалак» (из материалов Н. С. Сабитова) 444
Группа туристов в отрогах Заилийского Ала-Тау (фотохроника Каз. ТАГ № 10434) 445
Средняя школа в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № Т-69594) 448
Дочь чабана, ученица местной школы. Урочище Ескара (пески Муюнкум), Свердловский район, Джамбулская область (фотохроника Каз. ТАГ № 19195) 449
Студентки Казахского женского педагогического института. Город Алма-Ата (фото ВДНХ № Т-19130) 450
Марьям Ильясовна Даулетбекова, доцент Карагандинского медицинского института, кандидат медицинских наук (фотохроника Каз. ТАГ, фото П. Федорова, 1959 г.) 452
Красная юрта. Алма-Атинская область (фотохроника Каз. ТАГ № 342-48) 454
Коллективная читка газеты в семье колхозника. Колхоз им. Калинина, Алма-Атинская область (фототека ВДНХ) 455
Дом культуры колхоза им. Ленина. Талды-Курганский район, Алма-Атинская область (фотохроника Каз. ТАГ, фото В. Денисова, 1959 г.) . . 456
Выступление бригады артистов районного театра на отгонном пастбище. Актюбинская область (фотохроника Каз. ТАГ № 5897) 456
Изготовление ворсовых ковров. Мастерская в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № Г-137346) 459
Тканая полоса «баскур» (фото МАЭ № 4077-41) 460
Резная дверь (фото МАЭ № 1199-126) 461
Абдыкарим Есалинов, ювелир и резчик. Павлодарская область (фотохроника Каз. ТАГ, № 21198) 462
Казахские подвесные войлочные сумки «аяк кап». Аппликация тканью по войлоку (из коллекции МАЭ № 1287-3, 1753-5; 410-20 и по материалам выставки народного прикладного искусства казахского народа в Москве, 1958 г.) . . . . . вкл. 464—465
Народный художник Казахской ССР Абылхан Кастеев на этюдах в предгорьях Заилийского Ала-Тау (фотохроника Каз. ТАГ, 1959 г., фото П. Кудряшева) 465
Музыкальные инструменты туркмен, киргизов и казахов (*1, 5—8*—из коллекций Научно-исследовательского института театра и музыки (Ленинград) №№ 27; 1963; 538, 574; *2—4* —из экспонатов ВДНХ) . . . 467
Танец «Сбор хлопка» в исполнении артистов Казахской государственной филармонии им. Джамбула (фототека ВДНХ № 69993) 471
Учебные занятия в хореографическом училище в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № Г-143179) 471
Сцена суда из второго акта оперы «Абай». Театр оперы и балета им. Абая в г. Алма-Ате (фототека ВДНХ № 69616) 473
Джамбул Джабаев (фототека ВДНХ) 485

Селение Кальджат. Уйгурский район, Алма-Атинская область (фото Центрального Государственного музея азахской ССР № 6307) 503
Строительство дома в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область (фото Центрального Государственного музея Казахской ССР) 504
Настенный рельефный орнамент «гуль», встречающийся в старинных уйгурских домах в сел. Кальджат. Уйгурский район, Алма-Атинская область (архив ИЭ, Казахская комплексная экспедиция, 1947 г.) . . . . . 506 и 507
План старого уйгурского дома в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область (архив ИЭ, Казахская комплексная экспедиция, 1947 г.) 508
Новый дом колхозника в сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область (фото Центрального Государственного музея Казахской ССР, пл. XI, к. 9) 509
Мужская одежда уйгуров конца XIX — начала XX в. (коллекция МАЭ № 3964-18; 20; 19; 15а, б; 16а, б; 17; 14) 511
Одежда пожилых уйгурок конца XIX — начала XX в. (коллекция МАЭ № 3964-18, 20, 19, 15а, б, 16а, б, 17, 14) 513
Уйгурка в старинном костюме. Город Джаркент (ныне Панфилов) (фото из фондов Уйгурского музыкально-драматического театра, пл. XXII, к. 18, 1928 г.) 514
Молодая уйгурка в старинном девичьем костюме. Город Джаркент (ныне Панфилов) (фото из фондов Уйгурского музыкально-драматического театра, пл. XXII, к. 13, 1928 г.) 515
Занятия по машиноведению в средней школе сел. Чон-Аксу. Уйгурский район, Алма-Атинская область (фото из фондов Уйгурского музыкально-драматического театра, пл. XIV, к. 1) 521
Танец с пиалами в исполнении артистов Уйгурского музыкально-драматического театра (архив Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР) 524
Выступление участников Народного театра колхоза «Эмгек». Селение Чон-Аксу, Уйгурский район, Алма-Атинская область (фото из фондов Уйгурского музыкально-драматического театра, пл. X, к. 22) 525
Прибытие в Россию дунган-переселенцев в 1877 г. Картина художника И. А. Белевича (Художественный фонд Союза художников Киргизской ССР) 530
Закрия Юсуров, организатор первой дунганской красногвардейской группы в г. Джаркенте (фото Г. Г. Стратановича, 1958 г.) 537
Пожилая дунганка и девочка у летней печи. Селение Каракунуз, Казахстан (фото Г. Г. Стратановича, 1958 г.) 545
Женская одежда дунган из г. Пржевальска (по материалам Г. Г. Стратановича) 548
Дунганки в праздничном наряде. Город Пржевальск, Киргизская ССР (фото МАЭ № 4259-3, 1931 г.) 549
Средняя школа в центральном поселке колхоза «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область, Киргизская ССР (фото Г. Г. Стратановича, 1958 г.) 558
Детский сад колхоза «Октябрь». Джамбулский район, Казахская СССР (фото Института языка и литературы АН Кирг. ССР) 559
Ясыр Шиваза, дунганский поэт (фото Института языка и литературы АН Кирг. ССР) 560
Прополка рисового поля. Ташкентская область (фототека ВДНХ № 30544) 567
Домашняя ножная рисорушка. Кунградский район, Кара-Калпакская АССР (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 569
Любовь Ли, Герой Социалистического Труда, бригадир кукурузоводческой бригады. Колхоз «Политотдел», Ташкентская область (фототека ВДНХ № 156387) 570
Общий вид селения колхоза «Полярная звезда». Ташкентская область, Узбекская ССР (фото МАЭ № И-1779-89) 571
Корейские девушки (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 572
Кореянка в национальной одежде. Кара-Калпакская АССР (архив ИЭ, Хорезмская экспедиция, 1959 г.) 573
В колхозном детском саду. Колхоз «Полярная звезда». Ташкентская область, Узбекская ССР (фототека ВДНХ № 30530) 576
В книжном магазине. Колхоз «Полярная звезда». Ташкентская область, Узбекская ССР (фототека ВДНХ № 37753) 578
Выступление кружка художественной самодеятельности. Колхоз «Полярная звезда», Ташкентская область, Узбекская ССР (фототека ВДНХ № 30495) 579
Корейский танец «Радуга» в исполнении артистов Корейского национального театра в г. Кзыл-Орде (фото МАЭ № И-1859-29) 579

Араб из сел. Джейнау (низовья ашка-Дарьи) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 583
Ферма молочного скота в колхозе им. Калинина. На переднем плане — силосные ямы. Паст-Даргомский район, Самаркандская область, Узбекская ССР(архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 589
Тканье ковра на горизонтальном станке. Селение Камаши (низовья Кашка-Дарьи) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 590
Шалаш «каппа», используемый теперь как летняя кухня. Селение Камаши (низовья Кашка-Дарьи) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 591
Девушка в старинном головном уборе «гиззи». Селение Джейнау (низовья Кашка-Дарьи) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) . . 592
Дом колхозника. Селение Арабхана вблизи г. Самарканда (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 593
Комната в доме колхозника. Селение Арабхана вблизи г. Самарканда (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 593
Старинный праздничный костюм молодой женщины. Селение Джейнау (низовья Кашка-Дарьи) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1957 г.) 594
Цыган-мазанг у деревообделочного станка «халладжи». Город Самарканд (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 601
Цыган-тракторист. Колхоз им. Фрунзе, Самаркандская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 602
Дом колхозника цыгана. Самаркандская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 603
Старик-цыган в национальной одежде. Колхоз им. Фрунзе, Самаркандская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 604
Цыганка в головном уборе «дурра». Сурхан-Дарьинская область (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 605
Цыганки в национальной одежде. Город Самарканд (фото МАЭ, № 1006-1) 606
Дети цыган в детском саду. Город Самарканд (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция 1958 г.) 607
Цыгане-школьники. Группа отличников из разных классов средней школы в г. Самарканде (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) . 608
Хол Халикович Назаров, преподаватель Медицинского института в г. Самарканде, с семьей (жена русская) (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 608
Окраска шелковой пряжи. Город Маргелан (фото МАЭ № И-1016-91/615) . 615
Перемотка шелка. Город Самарканд (фото МАЭ № И-1718-118, 1871—1872 гг.) 616
Работница-еврейка на шелкомотальной фабрике «Худжум» в г. Самарканде (фото МАЭ № И-747-6) 617
Женщины и дети в национальной одежде. Город Самарканд (фото ГМЭ, колл. 49, 1902 г.) 620
Женщина в национальном головном уборе. Город Самарканд (фото ГМЭ, колл. 49, 1902 г.) 621
Еврейский свадебный обряд (сватовство). Город Самарканд (фото МАЭ № 1718-210, 1871 — 1872 гг.) 623
Жених и невеста в свадебной одежде (фото из собраний Калонтарова) . . . 625
Современная свадьба. Город Самарканд. 1957 г. (фото из собраний Калонтарова) 627
Фрида Матвеевна Пинхасова, заслуженная учительница Таджикской ССР (фото из собраний Калонтарова) 628
Белудж в национальной одежде. Колхоз им. Жданова, Иолотанский район, Туркменская ССР (фото МАЭ № И-1891-1640) 632
Изготовление шерстяного полотнища для шатра «гедан». Колхоз им. Жданова, Иолотанский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 637
Улица центрального поселка колхоза им. Жданова. Иолотанский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 638
Пастух в верхней войлочной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1958 г.) 640
Пожилой белудж в повседневной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 641
Жених в свадебной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район,Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция,1959 г.) 642
Невеста в свадебной одежде. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район,Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 643
Молодые женщины из колхоза им. Куйбышева. Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 644

Жених среди наиболее почетных родственников и гостей. Колхоз им. Куйбышева, Туркмен-Калинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1959 г.) 646
Курдянки в национальной одежде (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1962 г.) 655
Дом колхозника. Селение Гермаб, Геок-Тепинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1962 г.) 657
Пожилой курд в современной рабочей одежде. Селение Гермаб, Геок-Тепинский район, Туркменская ССР (архив ИЭ, Среднеазиатская экспедиция, 1962 г.) 658
Рыболовные лодки и снасти уральцев на Аральском море (фото МАЭ, ф. 10, оп. 2, № 148, 1900 г.) 673
Совхозный ток. Совхоз «Шолоксайский». Октябрьский район, Кустанайская область, Казахская ССР (архив ИЭ, Экспедиция по изучению русского и украинского населения Средней Азии, 1959 г.) 676
Тепличный комбинат колхоза им. Логвиненко. Чуйская долина, Киргизская ССР (фото МАЭ № 4-1840-41) 677
Общий вид центральной усадьбы совхоза «Федоровский», Федоровский район, Кустанайская область, Казахская ССР (архив ИЭ, Экспедиция по изучению русского и украинского населения Средней Азии, 1959 г.) . 679
Типы жилищ русских и украинцев в Средней Азии (архив ИЭ, Экспедиция по изучению русского и украинского населения Средней Азии, 1959 г.) 681
Пожилая женщина в старинной национальной одежде (нарочка, опояска и праздничный фартук). Бухтарминцы (фото МАЭ № И-1879-598) 683
Девушка в старинной национальной одежде (сарафан, рукава, нарукавники, девичья повязка). Бухтарминцы (фото МАЭ № И-1879-539) 684
Мужчина в старинной национальной одежде. Бухтарминцы (фото МАЭ № И-1879-511) 685
Уральцы в старинной одежде (фото МАЭ ф. 10, оп. 2, № 148, 1929 г.) . . 687
Общий вид строительства жилых домов по улице Мира в Целинограде. Казахская ССР (фотохроника ТАСС № 493356) . . . . . 692—693

СПИСОК КАРТ

Этнографическая карта Туркменской ССР . . . . . вкл. 8—9
Карта расселения родоплеменных групп туркмен в дореволюционный период . . . . . вкл. 16—17
Этнографическая карта Киргизской ССР . . . . . вкл. 160—161
Карта дореволюционного расселения родоплеменных групп киргизов * . . . . . вкл. 176—177
Этнографическая карта Средней Азии и Казахстана . . . . . вкл. в конце книги
Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана . . . . . вкл. в конце книги

---

* Из статьи Я. Р. Винникова «Дореволюционное родоплеменное деление киргизов и расселение их в южной Киргизии». «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, М., 1957, вкл. 70—71.

СПИСОК ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Предисловие	Орнамент вышивки на киргизской женской одежде (собрание Государственного музея Этнографии народов СССР. Ленинград)	Фрагмент резьбы по дереву на дверях юрты. (ИЭ. Полевые материалы Хорезмской экспедиции, 1958 г.)
Туркмены	Орнамент туркменской кошмы. Ташаузская область ТССР. (ИЭ. Полевые материалы Хорезмской экспедиции, 1960 г.)	Фрагмент орнамента пендинского чувала (А. А. Бобринский. Ковровые изделия Средней Азии, вып. 1, табл. III, СПб., 1908)
Киргизы	Орнамент вышивки на киргизской женской одежде (собрание Государственного музея этнографии народов СССР. Ленинград)	То же
Казахи	Фрагмент резьбы по дереву на шкафчике «кебеже» («Казахское прикладное искусство». Каталог декадной выставки казахского искусства и литературы в Москве. М., 1958)	Фрагмент резьбы по дереву на дверях юрты. (ИЭ. Полевые материалы Хорезмской экспедиции, 1958 г.)
Уйгуры	Образцы штампованного орнамента на стенах уйгурских домов Семиречья (И. В. Захарова. Материальная культура уйгуров Советского Союза. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. «Труды Ин-та этнографии», н. с., т. XLVII, М., 1959, стр. 260—261)	То же
Дунгане	Орнамент дунганской вышивки (Альбом «Орнамент дунган». Сост. Л. Т. Шинло. Фрунзе, 1959, рис. 56, орнамент «Утка возле лотоса»)	Там же, рис. 51, орнамент «Золотая рыбка»
Корейцы	Корейский орнамент из росписей когурёских гробниц (IV—VII вв. н. э.) (Альбом «Культурные памятники Кореи», Пхеньян, 1957, стр. 125)	То же
Среднеазиатские арабы	Фрагмент орнамента на «арабигилям» — цельнотканом широком паласе (фото МАЭ № И-1710-16)	То же
Среднеазиатские цыгане	Орнамент с цыганских бубнов. (ИЭ. Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции, 1958 г.)	То же

(Окончание)

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Среднеазиатские евреи	Орнамент с золотошвейного панно работы бухарских мастериц артели «40 лет Октября» (Декадная выставка узбекского декоративного и изобразительного искусства в Москве, 1959 г.)	Золотошвейная подушка. Бухара (Декадная выставка декоративного и изобразительного искусства в Москве, 1959 г.)
Белуджи	Орнамент с белуджских ковровых подушечек (коллекция МАЭ № 3993-198)	То же, № 3258-8
Курды	Фрагмент коврового орнамента (ИЭ. Полевые материалы Комплексной экспедиции 1959 г.)	То же
Русское, украинское и белорусское население Средней Азии	Фрагмент резьбы по дереву: карниз. Поселок Федоровка, Кустанайская область, Северный Казахстан (архив ИЭ (Лен. часть) № И-1841, Комплексная экспедиция, 1960 г.)	То же. Деталь наличника № И-1844
Приложения	Орнамент вышивки на старинном женском платье туркмен-чоудоров (ИЭ. Полевые материалы Хорезмской экспедиции, 1960 г.)	Элемент орнамента вышивки на киргизской одежде (собрание Государственного музея этнографии народов СССР. Ленинград)

УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения, принятые в указателе

а. о.— автономная область
арх.— археологический термин
арх. пам.— археологический памятник
АССР — автономная советская социалистическая республика
басс.— бассейн
бек.— бекство
возв.— возвышенность
г.— гора, горы
геогр. обл.— географическая область
гов.— говор, говоры
гор.— город
гос-во — государство
губ.— губерния
диал.— диалект, диалекты
дин.— династия
дол.— долина
дор.— дорога
им.—имя собственное
им. рел.— имя религиозное, мифическое
им. эп.— имя героя эпоса (фольклора)
ист.— исторический термин, историко-географическая область, понятие
кн.— канал
котл.— котловина
кр.— край
кур.— курорт
нас. п.— населенный пункт
низм.— низменность
о.— остров
оаз.— оазис
обл.— область
оз.— озеро
окр.— округ
пам. архит.— памятник архитектуры
п-ов — полуостров
пуст.— пустыня
р.— река
рел.— религия, религиозный термин
р-н — район
стп.— степь
у.— уезд
ур.— урочище
ущ.— ущелье
хан.— ханство
хр.— хребет
этн.— этнические, племенные названия
яз.— язык, языки

Абай, гор. 378
Аба-сердар, им. 13
Абаскун, геогр. обл. 650
Аббас I, им. 650
Абдалы (абдал), этн. 12, 18, 47, 49
Абдолтили, яз. см. Арго
Абдраев М., им. 315
Абдукадырова Субайылда, им. 269
Абдукаимов У., им. 304
Абдукаримов Мамасалы, им. 304
Абдукаримова Л., им. 476
Абдукаримова Сатин, им. 269
Абдулла-хан, им. 586
Абдуллин Мусим, им. 474
Абдуллин Рашид, им. 474
Абдуллин Х., им. 523
Абдумомунов Т., им. 304, 317
Абдурахманов И., им. 630
Абду-Саттар-Кази, им. 131
Абдырахманов Байымбет (Тоголок Молдо), им. 298, 300, 301
Абиверд, гор. 46, 650
Абилев Д., им. 484
Абишев А., им. 475, 476, 693
Аблай, им. 333, 334, 479
Аблизова Садатхан, им. 519
Абрамзон С. М., им. 190
Абрамов Пинхос, им. 629
Абуль-Гази (Абулгази), им. 12, 13, 598
Абулмамбет, им. 333
Абулхайр, им. 332—334
Абулхайр-хан, им. 326
Авагат (ават), этн. 175, 176
Ават, нас. п. 498, 506
Авган, этн. 18
Авезов Ари, им. 628
Австрийцы, этн. 29
Автомобильный транспорт см. Транспорт
Авункулат см. Семья и семейно-брачные отношения
Агаджанов В., им. 134
Агаджиков А., им. 134

Агехи, им. 12
Адай, этн. 326
Адак, ист. 13
Адаклы-хызыр, этн. 12, 13
Адамова Е. М., им. 152
Адигине, этн. 175, 177, 252, 254, 255
Адыева Нурджемал, им. 133
АЕ-Ложэнцзя 530
Ажиев У., им. 465
Азади, им. см. Доулет-Мамед-Азади
Азат, нас. п. 498
Азербаев Кенен, им. 470
Азербайджан 10, 29, 130, 399
Азербайджанская ССР 649
Азербайджанцы, этн. 8, 10, 45, 124, 135, 138, 321, 649, 659
Азимов Роза, им. 185
Азия 48, 125, 141, 159, 268, 347, 377
— Восточная 574
— Передняя 9, 649
— Центральная 10, 162, 223, 249, 322
Азрет-Аюп, рел. 180
Азык, этн. 175, 176
Айгерик, р. 362
Аймагамбетов Орымбай, им. 380
Аймаки, этн. 12, 586
Аймаклар, этн. 18
Айманбаев Манаке, им. 284
Айманов Ш., им. 475, 476
Айтиев Гапар, им. 311
Айтман, им. 413
Айтматов Чингиз, им. 304, 317, 318
Академии наук
— Советского Союза 121, 157, 451, 561
— Казахской ССР 376, 414, 438, 451—454, 458, 474;
— Киргизской ССР 162, 240, 241, 291, 562, 563;
— Туркменской ССР 41, 106, 121, 125
Акаев К., им. 303
Акилов Исахар, им. 630
Акилов Яхиель, им. 629
Ак-конгур, этн. 18
Ак-Мечеть, нас. п. см. Кзыл-Орда
Акмолинск, гор. 338, 664
Акмолинская обл. 335, 336, 338, 350, 356, 357, 363, 404—406, 423, 664
Ак-Сай, р. 198
Ак-Сай, ур. 201
Ак-Су, кур. 281
Аксу (Беловодск), гор., 166
Аксу, гор. 489, 490
Аксу, (Большое Аксу, Чон-Аксу), нас. п. 492, 494, 504, 506, 508, 509, 520, 521, 525, 526
Аксу, р. 666
Ак-Талинский р-н 300
Актау, г. 351, 387
Актюбинск, гор. 341, 371
Актюбинская обл. 321, 357, 386, 399, 401, 423
Актюбинский у. 360, 361, 664
Акылбеков Сабырбек, им. 311
Ала-Букинский р-н, 180
Алай (Алайская дол.) 156, 165, 170, 177, 189, 198, 222, 225, 227, 231, 236, 254, 255, 257
Алайский р-н 155, 256, 311
Алайский хр. 177, 232, 241
Алам, этн. 110
Аланы, этн. 11, 323
Алатавский округ 168
Ала-Тау, хр. 157
Алатауские киргизы, этн. 157
Алачобоф, нас. п. 590
Албан, этн. 326
Алдар-Косе, им. эп. 127, 477
Александровка, нас. п. 528, 531, 532, 541, 550, 551, 557, 558
Александровский форт 16, 339
Алжир 268
Али, им. 129
Али (Алий), им. рел., 627
Алиахупов Абдыкадыр, им. 542, 543
Алибег, нас. п. 651
Али-или (алили), этн. 9, 12—14, 18, 66, 130
Алимбаев Доскей, им. 486
Алим улы (алимулы), этн. 326, 334
Али-султан, им. 12, 13
Алишер Навои, им. 127, 130, 482, 522
Аллабердыев Хаки, им. 151
Алламурадов Т., им. 134
Аллануров Хидыр, им. 134, 138, 139
Алланурова И., им. 139
Алма-Арасан, нас. п. 443
Алма-Ата (Верный) гор. 219, 221, 267, 290, 321, 335, 341, 350, 371, 374, 376, 399, 414, 415, 438, 447—451, 453, 454, 457—459, 463—466, 471, 473, 487, 495, 501, 502, 519, 521, 522, 526, 527, 531, 533, 540, 541, 543, 546, 557—559, 561, 662, 664
Алма-Атинская обл. 321, 384, 389, 392, 393, 408, 411, 423, 438, 442, 454—457, 488, 489, 495, 497, 500, 503, 504, 506, 507, 509, 519, 521, 525, 565
Алпамыс, им. эп. 479
Алтай, геогр. обл. 158, 162, 163, 273, 294, 310, 313, 321, 332, 336, 339, 351, 371, 386, 452, 684
Алтайское нагорье 164
Алтайско-Хангайское нагорье 164
Алтайцы, этн. 162, 163, 221, 273, 294, 310, 313, 479
Алтынсарин Ибрай, им. 347, 446, 480—483, 692, 694
Алтырское княжество 165
Алтысарское княжество 165
Алыкулов Барпы, им. 301
Алымбекова Машон, им. 311
Аль-Омари, им. 324
Аманбаев А., им. 315, 317
Аманбаев Алусбай, им. 386
Аманбаки, им. 494
Амангельдинский р-н, 407
Амангельды Иманов, им. см. Иманов Амангельды
Амангельдыев Аман, им. 152
Аманов Базар, им. 136, 137
Аманов Гичгельды, им. 133
Аманша-геокча, этн. 18
Амасанджа-тайши, им. 164
Амбарлу, этн. 650
Америка 209
Аминов Нерья, им. 630
Аминов Тургунбай, им. 602
Аму-Дарьинский оаз. 36, 37, 686
Аму Дарьинский (Туркменский) окр. 30
Аму-Дарьинский отдел 673
Аму-Дарья, р. 8, 9, 14—17, 20—22, 26, 34—38, 45, 47, 50, 52, 62, 63, 68—70,

75, 83, 96, 150, 323, 566, 582, 583, 585, 586, 599, 663, 673, 674
Амуль, гор. см. Чарджоу, гор.
Ананьево (Сазоновка), нас. п. 664
Анау, ист. 46, 66
Анаули, этн. 12, 18, 20, 49, 50, 66
Английский яз. 304
Англичане, этн. 647
Англия 125, 268
Андалиб Нурмухаммет, им. 126, 129
Андижан, гор. 195, 495, 501, 526, 610
Андижанская обл. 155, 488, 489, 495, 498—500, 502, 503, 565
Андижанский окр. 616
Андижанский у. 662
Андреев И. Г., им. 166, 189, 416
Андреев М. С., им. 582, 584, 585, 693
Андхой, геогр. обл. 585, 586
Аннабердыев Э., им. 139
Аннаев Х., им. 138
Аннаева Н., им. 139
Аннаева О., им. 105
Аннаклыч Нуры, им. 131
Аннакулиева Аннагуль, им. 106, 138
Аннамамедова Г., им. 134
Аннануров Якуб, им. 151, 152
Аннаули, этн. 659
Антипина К. И., им. 190
Антропологические сведения 10, 156, 157, 162, 322, 489, 528, 582, 586, 598, 649
Аппликация см. Изобразительное искусство
Араб, этн. 18, 651
Арабачи, этн. 12, 18, 150
Араббаев, им. 526
Араби (арабча) яз. см. Арго
Арабский яз., диал. 10, 160, 520, 528, 584—586
Арабское завоевание 585
Арабхана (бухарская) нас. п. 584
Арабхана (самаркандская) нас. п. 584, 593
Арабы, этн. 11, 160, 528, 529
— среднеазиатские 582—596
Араванский р-н 280, 488
Аравия 586
Арагон Луи, им. 304
Аразов Анна Мурад, им. 57
Аракелян Г., им. 134
Аральское море 11, 34, 326, 351, 365, 366, 398, 663, 673
Арасан, кур. 281
Арбуда, А., им. 561
Арго (абдолтили, араби, арабча, лявзимугат), яз. 597
Аргыны, этн. 326, 421, 423, 424
Арефьев А. Г., им. 414
Арзымат, им. 299
Аристов Н. А., им. 158, 161, 291, 347
Аркалык, этн. 177
Армения 267, 649
Армяне, этн. 8, 17, 124
Аронов Ачил, им. 628
Арпа, р. 198
Арсланбоб, ур. 215
Арстанбап (Арсланбоб), рел. 181
Арстанбек, им. 297
Артаксеркс, им. 624
Артыков Б., им. 134, 138
Артыков Ч., им. 134
Архитектура и архитектурные памятники 21, 40—43, 66—68, 70—72, 74, 75, 77, 78, 242, 374—376, 413—415, 456, 535, 544, 546, 654, 679, 695
Арчман, кур. 8, 114
Асанов Даир, им. 185
Асарбекова Суура, им. 311
Асафьев Б., им. 472
Асилов Ж., им. 523
Асимов Джалаль, им. 526
Аскоченский А. Н., им. 675
Ассии, этн. см. Усуни
Астрабад, геогр. обл. 650
Астраханская губ. 351, 663
Астраханская обл. 9, 321, 322
Астраханское хан. 666
Астрахань, гор. 15, 75, 130, 396, 398
Асык баш, этн. 171
Ата, этн. 12, 18, 49, 92
Атабай, этн. см. Йомуты
Ата-Мурад-хан, им. 16
Ата-Салых, им. 131
Атбасарский р-н 387
Атбасарский у. 360, 444
Ат-Баши, р. 175, 190
Ат-Башинская оросительная система 208; см. также Ирригация
Ат-Башинский р-н 156, 204, 205, 232, 269, 286, 309
Атек, геогр. обл. 14, 15, 21, 110
Атек бий, им. 168
Атекский оаз. 21, 66, 67
Атрек, р. 9, 11, 13, 14, 35, 39, 41, 42, 49, 69
Аулие-Ата, гор. см. Джамбул, гор.
Аулиеатинский у. 361, 532, 662
Ауэзов М., им. 302, 466, 470, 472, 474, 475, 484, 485, 692
Афганистан 7, 9, 16, 35, 38, 39, 125, 130, 135, 153, 155, 268, 585, 586, 598, 611, 631—633, 636, 637, 639
Афганский Сеистан, геогр. обл. 632
Афганский яз. 584
Афганцы, этн. 634
Африка 141
Ахал (Ахальский оаз)., геогр. обл. 13—16, 20—22, 66—68, 72, 74, 91, 103
Ахмед, им. 160
Ахмедов В., им. 134
Ахтамов Т., им. 476
Ахундов М., им. 139
Ахунов, им. 526
Ахунова Турсуной, им. 209
Ахчи, геогр. обл. 585
Ашики, им. 131
Аширмурадов Мамед, им. 62
Аширов К., им. 134
Аширов Ч., им. 124, 131
Ашхабад гор. 8, 17, 27—31, 35, 40—42, 46, 48, 52, 57, 62, 65, 66, 72, 79, 80, 106, 113—115, 122—124, 134, 136—140, 146, 147, 151, 586, 633, 648—653, 661, 662
Ашхабадский р-н 61, 649, 651, 653, 655
Ашырова Сайра, им. 311
Аягуз, р. 351

Баарын, этн. 175, 176
Баба Дыйкан, им. рел. 192
Бабаниязов Кул, им. 150
Бабур, им. 163, 598
Багир, нас. п. 20, 114, 649, 651, 655

Багдад, гор. 611
Багланова Роза, им. 474
Багыш, эти. 166, 175—177, 255
Бадахшан, геогр. обл. 598
Бадахшанская обл. (Афганистан) 155
Бадилу, эти. 650
Бадхыз, возв. 34
Бадыллы, эти. 651
Бадыров Канан, им. 474, 476
Баетов Муса, им. 315
Базанова Н. У., им. 438, 452
Базар-Курганское водохранилище 207
Байбакты, эти. 326
Байганин Нурпеис, им. 486
Байжанов Жаяу Муса, им. 469
Байжанов Кали, им. 470
Байзаков Иса, им. 474
Байкадам, гор. 399
Байкадамов Б., им. 473, 474
Байкал, оз. 159
Байрам-Али, гор. 8, 17, 28, 39, 46, 488, 648, 651, 653
Байрам-Али, кур. 114
Байрам-Алийский р-н 58, 72, 631, 633, 634, 649
Байрам-шали, эти. 14, 18
Байрам-шахыр, им. 131
Байсахатов И., им. 139
Байсахатова С., им. 105
Байсеит, нас. п. 501
Байсеитов Канабек, им. 472, 476
Байсеитова Куляш, им. 472, 474
Байтемиров Насридин, им. 303
Бай улы (байулы), эти. 325, 326, 334
Бакаева Гульчера, им. 630
Бакиев Махпир, им. 526
Баку, гор. 42, 62
Баласагунский Юсуф хас хаджиб, им. 522
Балтаева Фатима, им. 474
Балуи, эти. 583, 586
Балучи см. Белуджский яз.
Балх, ист. 585, 586, 611
Балхаш, гор. 371, 374, 375, 377, 398, 450, 474
Балхаш, оз. 351, 352, 354, 365, 366, 377
Балхаш-Алакольская впадина 351
Балхаши, ур. 157
Банновка, нас. п. 678
Бараев Авнер, им. 630
Баранников А. П., им. 599
Баранов П. А., им. 693
Барбюс А., им. 125
Барлы, эти. 175, 176
Бардашев Г., им. 224
Барскоун, нас. п. 166, 167
Бартольд В. В., им. 12, 158, 189, 291, 611, 650, 691
Баскунчак, оз. 338, 340
Басмачество 28—30, 33, 184, 316, 494, 538
Басыз, эти. 175, 176, 255
Баткенский р-н 236, 254
Батманкулова С., им. 270
Батюшков, им. 242
Бахарден, геогр. обл. 20
Бахарденский р-н 41, 71, 73, 651
Бахарев А. Р., им. 670
Бахрам Гур (Варахран V), им. 598
Бахчеводство 36—40, 50, 51, 364, 383, 497, 499, 500, 539, 550, 588, 634
см. также Сельское хозяйство
Бахшибои, эти. 583
Бачаев Мордухай, им. 629
Башкиры, эти. 324, 341, 345, 479
Баялинов Касымала, им. 303, 305
Баян (Баян-Слу), им. эп. 478
Баян-Аульский окр. 338
Баян-Улэгэйский аймак 322
Баяты (баят), эти. 12, 18
Бегалин М., им. 476
Бегенчева Айнабат, им. 106
Бегенчева Д., им. 134
Бегляров С. Н., им. 151
Бейсеитов Максут, им. 380
Бейшеналиев Ш., им. 304
Бейшеналиева Бюбюсара, им. 268, 316, 317
Бек, эти. 18, 20
Бековул, эти. 18
Бекмуратова Салима, им. 268, 317
Бекович-Черкасский, им. 16, 667
Бекран, им. 161
Бекрова, нас. п. 651
Белевич И. А., им. 530
Беловодск., нас. п. см. Аксу
Белоруссия 495, 663
Белорусы, эти. 321, 451, 546, 662—696
Белуджи, эти. 631—648
Белуджистан, геогр. обл. 632, 636, 650
Белуджский (балучи) яз., диал. 631
Белуха, г. 351
Бербери, эти. 635
Берг Л. С., им. 691
Бердычев Клыч, им. 137
Берегова З. И., им. 466
Бериш, эти. 326
Беркимбаев Естай, им. 469, 470
Берлин, гор. 453
Бернштам А. Н., им. 158, 161, 189, 223, 693
Бертельс Е. Э., им. 693
Беру, эти. 175, 176
Берсиев Чаганак, им. 386
Бертыс, бухта 377
Бет-Пак-Дала, геогр. обл. 351
Беш Кёрюк, эти. 171
Бешкентский р-н 584
Бёрюбаш, нас. п. 156
Бизе Жорж, им. 472
Билхо, им. рел. 624
Бильоре, эти. 651
Бирма 125
Бирман С. Г., им. 136
Бичурин Н. Я. (Иакинф), им. 157, 249
Бломквист Е. Э., им. 679
Бобохонов Левича, им. 629
Бодэ К., им. 109
Бози, нас. п. 584
Боз-Учук, нас. п. 190
Бокбаева А., им. 311
Бокин Токаш, им. 349
Боконбаев Джоомарт, им. 303
Болкоев Ф. И., им. 464
Большая Кайсацкая орда, 157
Большая Узень, р. 354
Большие Балханы, г. 12—14, 34
Большое Аксу, нас. п. см. Аксу, нас. п.
Большое Чуйское водохранилище 384
Большой Савва, им. 365

Большой Туркестанский кн. 384
Большой Ферганский кн. 675
Большой Чуйский кн. 207
Бооромбай, им. 168, 171, 224
Борбогулов Мухтар, им. 304
Боровков А. К., им. 693
Боровое, нас. п. 443
Бортников А. И., им. 465
Борухова Фатима, им. 630
Боссага, нас. п. 38
Боссага-Керкинский кн. 52
Бостон, этн. 175, 176
Брагун, этн. 631, 635
Брак см. Семья и семейно-брачные отношения
Брусиловский Е. Г., им. 470, 472, 473
Бруснецов Г. Я., им. 146, 152
Брюссель, гор. 146, 315
Бугаерлы, этн. 651
Бугазов Х., им. 562
Бугу, этн. 166, 168, 171, 175—177, 223, 224, 254, 257
Буддизм см. Религии и религиозные верования
Буджнурдское хан. 650
Букеевская орда 334, 340, 345, 347, 440, 479
Букей-хан, им. 334
Букейханов Науша, им. 470
Букинич Д., им. 362
Бультрикова Б., им. 437
Буркоз, этн. 47
Бурма, им. 299
Бурунов К., им. 131, 136
Бурут, этн. 154, 179
Бурхан-эд-дин-Сиваси, им. 129
Бурыкина Н. Н., им. 584
Буряты, этн. 156
Буташевич-Петрашевский М. В., им. 692
Бухар, им. см. Калкаманов Бухаржирау.
Бухара, ист. 13, 14, 16, 20, 22, 26, 28—30, 47—49, 86, 117, 129, 166, 396, 582, 585, 587, 598, 600, 606, 607, 610—614, 617, 626, 628, 629, 692
Бухарест, гор. 453
Бухарская народная советская республика 30
Бухарская обл. 7, 10, 322, 583, 584, 588, 591, 600
Бухарский диал. см. Арабский яз., диал.
Бухарский оаз. 80
Бухарский окр. 616
Бухарский р-н 586
Бухарский у. 155
Бухарское хан. 49, 68, 587, 589, 599, 613, 628, 662, 667, 692
Бухгольц Иван, им. 332
Бухтарма, р. 665, 667
Бухтарма, геогр. обл. 664
Бухтарминцы, этн. 683—685, 687, 688, 695
Бый Ян-ху (Бо Янь-ху), им. 530, 531
Бюлебалаев Осмонкул, им. 302

Вабкентский р-н 584
Вавилония, ист. 611
Вакуфы 22 см. также Землевладение и землепользование
Валиев Р., им. 115
Валиев Исхак, им. 470
Вали-хан, им. 334
Валиханов Габайдулла, им. 334
Валиханов Ч. Ч., им. 158, 164, 170, 179, 223, 249, 259, 262, 294, 295, 446, 451, 464, 480, 482, 483, 692
Васильева Г. П., им. 190
Васильковский С. В., им. 414
Вахш, р. 582, 591
Векиль, этн. 18, 20
Великанов В., им. 472
Великая Октябрьская социалистическая революция 26—28, 48, 86, 89, 110, 113, 120, 122, 130—132, 135, 140, 146, 150, 154, 156, 177, 183—185, 190, 191, 193, 195, 212, 217, 219, 221, 225, 231, 240, 243, 245, 250, 263, 270, 280, 282—284, 288, 289, 291, 298, 300—303, 306, 310, 314, 318, 319, 321, 322, 341, 350, 351, 369, 372, 395, 407, 413, 424, 429, 437, 442, 447, 451, 460, 466, 474, 483—485, 489, 494, 498, 501, 502, 505, 518, 519, 527, 528, 531, 535, 537, 540—543, 546, 556—558, 561—565, 578, 580, 599, 600, 610, 617, 619, 621, 623, 627, 629, 630, 633, 664, 670, 671, 674, 677, 679, 683, 692, 694
Великая Отечественная война 33, 46, 82, 96, 105, 106, 128, 133, 136, 154, 185, 267, 277, 278, 303, 304, 311, 321, 450, 463, 486, 495, 523, 649, 664, 688, 693, 695
Великорусы, этн. 663, 679
Вельмурат-ага, им. 122
Венгры, этн. 29, 267
Венюков М. И., им. 246, 347
Верблюдоводство см. Животноводство
Верещагин В. В., им. 464
Верненский у. 360, 532, 539
Верный, г. см. Алма-Ата
Верхнеуральск (Верхнеяицк), нас. п. 333
Верхне-Чирчикский р-н 568, 580
Верхнеяицк, нас. п. см. Верхнеуральск
Вечкутов В. С., им. 542
Винников В., им. 136
Винников И. Н., им. 584, 585
Виноградарство 37—41, 50, 73, 210, 212, 383, 384, 539, 588, 616, 653
Виноградов В. С., им. 695
Винокурение см. Ремесла и домашние промыслы
Витебская губ. 663
Владивосток, гор. 581
Владычук А. П., им. 151
Власов В., им. 316, 317, 695
Внешние салыры (даш-салыр), этн. 12
Внутреннее убранство жилища см. Жилище
Внутренняя орда, ист. см. Букеевская орда
Внутренние салыры (ички-салыр), этн. 12
Водный транспорт см. Транспорт
Водопользование 21—23, 26, 27, 102, 110, 341, 342, 492, 496, 533, 588, 652, 653
Воздушный транспорт см. Транспорт
Войнович, им. 16
Волга, р. 322, 324, 334, 345, 359, 386, 495, 561

Волгоградская обл., 33, 321, 322
Волин С. Л., им. 583, 585, 586
Волоколамский р-н 33
Воронеж, гор. 51
Воронежская губ. 663, 679
Воронежская обл. 267
Воспитание детей см. Семья и семейно-брачные отношения
Восстание 1916 г. 17, 183, 349, 493, 494, 537
Восток Дальний 324, 495, 564, 565, 572, 574
— Средний 13, 26, 49, 597
Восточно-Казахстанская обл. 321, 665, 667
Восточнокыпчакские племена 164
Восточные (индо-афганские) диал. см. Белуджский яз., диал.
Восточные славяне, этн. 662—664, 695
Вощинин В. П., им. 683
Вышивание, вышивка см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы
Вьетнам 135
Вьючный транспорт см. Транспорт
Вэйвур, этн. 489
Вязание см. Ремесла и домашние промыслы
Вяткин В. Л., им. 691
Вятская губ. 663

Гаганова В., им. 270
Газават, кн. 35
Галибова Рена, им. 630
Галимбаева А., им. 465, 466
Галпак, этн. 651
Гальченко И. П., им. 312
Гаман, им. рел. 622
Ганьсу, провинция 249, 322, 528, 529, 533, 551
Ганьсуйский диал. см. Дунганский яз., диал.
Гасан-Кули, нас. п. 46, 60, 145
Гасан-Кулийский р-н 75, 78
Гаурдак, р-н 34, 46
Гаурдак-Кугитангский р-н 37
Гельдыев И., им. 139
Гельменд, геогр. обл. 632
Географические сведения 7—9, 34, 35, 42, 44, 154—156, 321, 322, 351, 352, 488, 527, 528, 564, 565, 582, 583, 597, 610, 631, 649, 650, 662— 665
Геок-Тепе, нас. п. 16, 21, 653
Геок-Тепинский р-н 649, 655, 657, 658
Геокча, нас. п. 651
Георги, им. 416
Герат, гор. 611
Гермаб, нас. п. 649, 651, 652, 655, 657, 658
Германская Демократическая Республика 268
Гёр-оглы, им. эп. 125, 126, 129
Гиждуван, нас. п. 588
Гиждуванский р-н 584
Гиждуванский у. 155
Гилян, геогр. обл. 650
Гиндукуш, г. 154, 155, 222
Гирей, этн. 18
Гиссар, геогр. обл. 163
Гиссар, гор. 585, 612, 626
Гиссарская дол. 611
Гиссарский кн. 675
Гиссарское бек. 588
Гладышев, им. 416
Глазунов, им. 316
Глезос Манолис, им. 268
Глиэр Р. М., им. 472, 695
Гоголь Н. В., им. 124, 136, 305, 475
Гоклены (гоклен), этн. 9, 12—14, 16, 18, 19, 50, 68—70, 92, 110, 130, 146, 149
Голландия 677
Головные уборы и прически см. Одежда
Голодная степь 383, 394, 662, 663
Гольдони К., им. 136
Гончарство см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство, керамика
Горно-Алтайская а. о. 322
Горно-алтайский яз. 162
Горно-Бадахшанская а. о. 155, 206
Города 8, 9, 13, 27, 37—46, 67, 79, 239—245, 250, 277, 341, 372, 374—376, 413—415, 450, 463, 533, 546, 617, 662, 664, 693, 694
Горький М., им. 136, 302, 305, 483, 523, 560, 581
Гоу Дж., им. 475
Гражданская война 28, 29, 128, 140, 349, 350, 498, 537, 565, 633, 671
Графика см. Изобразительное искусство
Гребенщикова Валя, им. 266
Грузинская ССР 649
Грузинский яз. 560
Губкин И. М., им. 31
Гужевой транспорт см. Транспорт
Гулаль Салыр-баба, им. 12
Гулистанский р-н 680
Гуно Шарль, им. 472
Гуннское нашествие 159
Гунны, этн. 158, 159, 161, 223, 323
Гург Юсефи, им. 629
Гурген, р. 13—15, 129
Гурлен, нас. п. 47
Гурленский р-н 567
Гурьев, гор. 339, 398, 414, 476
Гурьевская обл. 321, 322, 428, 454
Гурьевский у. 366
Гызыл-эргенек, этн. 47
Гэ Бон У, им. 580
Гэ-Гу, этн. 159 см. также Гэ-гунь
Гэ-гунь (гянь-гунь, цзянь-кунь, кыргыз), этн. 158 см. также Гэ-гу
Гюго В., им. 125
Гюнеш, этн. 18
Гяндовар, нас. п. 651
Гянь-гунь, ист. 159
Гянь-гуньцы, этн. 159 см. также Гэ-гунь
Гяурс, нас. п. 651

Да Сы-фу, им. 530
Давлесов Н., им. 317
Давлештин, им. 110
Давуза Айша, им. 550
Давуза Мамэ, им. 542
Давыдов Михаил, им. 630
Давыдова Ксио, им. 630
Дагазиев Шафуза, им. 543
Дагестанская АССР 9
Даль В. И., им. 347, 454
Дамардаг, этн. 631

Данешвар Ю. П., им. 152
Дарваза, нас. п. 8
Дарган-Ата, нас. п. 35
Дарган-Атинский р-н 92
Дархан (Тарханы), нас. п. 190, 231
Дарьялык, р. 68, 69
Даулетбекова М. И., им. 452
Дахи (тохары), этн. 10, 323 см. также Массагеты
Дебец Г. Ф., им. 162
Дейлем, геогр. обл. 650
Дейнау, нас. п. 582, 589
Дейнауский р-н 57
Дербики, этн. 323 см. также Массагеты
Дервишизм см. Религии и религиозные верования, суфизм
Дерегезское хан. 650
Дерьяев Х., им. 124, 136
Джабаев Джамбул, им. 478, 486, 523
Джабарлы Дж., им. 136
Джакабаева Сайнат, им. 316
Джакишев У., им. 302
Джалал-Абад, гор. 214, 242, 290
Джалал-Абад, кур. 281
Джалилова Халида, им. 526
Джалпак-Тюбе (Дунгановка), нас. п. 527, 531, 541, 545
Джаманова Р., им. 475
Джаманова Чолпон, им. 316
Джамбул (Аулие-Ата), гор. 167, 219, 335, 339, 399, 414, 476, 527
Джамбулская обл. 321, 384, 390, 407, 411, 412, 441, 449, 527
Джамбулский р-н 389, 542, 559
Джанбаклар, им. эп. 127
Джангазиев Муса, им. 303
Джангильдин, им. 465
Джангир-хан, им. 479
Джандарбеков Курманбек, им. 472, 474
Джанибек, им. 586
Джантай, им. 171
Джантошев Касымалы, им. 304, 317
Джапаров К., им. 139
Джапаров Сахи, им. 133
Джаркент, гор. см. Панфилов
Джаркентский у. 343, 539, 557
Джафарбай, этн. см. Иомуты
Джафаркули, им. 660
Джафарова С., им. 134
Джахиз, им. 585
Джебел, нас. п. 42
Джезказган, гор. 370, 371, 398, 450, 457
Джезказган, ур. 338, 339
Джейнау, нас. п. 583, 584, 588, 589, 591, 592, 594, 595
Дженов Курбандурды, им. 133
Джеты-Огузский, кур. 281
Джеты-Огузский р-н 235, 308, 541, 542, 676
Джизакский у. 662
Джилга, р. 582
Джилгындинское водохранилище 201
Джинджиган, гор. 216
Джиргаталь, геогр. обл. 258
Джиргатальский р-н 155, 222, 236, 255
Джогари, нас. п. 584
Джон А., им. 562
Джубаев А., им. 542
Джуги, этн. 597, 600, 606, 607
Джуджан, геогр. обл. 650
Джумаакматов А., им. 317
Джумабаев Асек, им. 268
Джумабаев Ташмамат, им. 185
Джумгал, геогр. обл. 166, 177
Джумгальская дол. 206, 233, 258
Джумгальский р-н 233, 234, 311
Джунаид-хан, им. 28, 29
Джунгария, ист. 165
Джунгарский Ала-Тау, хр. 351, 382
Джунгарское гос—во 165, 331
Джунгары (зюнгары, ойраты) 157, 164, 165, 296, 331—333, 360 см. также Калмыки
Джурджанское море см. Аральское море
Джусуев С., им. 304
Джусупов А., им. 466
Джусупов Аалы, им. 312
Джутакеев Абылкасым, им. 301
Джууку (Заука), ур. 224
Джучи, им. 160
Джээнбекова Барниса, им. 311
Дикамбаев Мурзабек, им. 233
Диккенс Ч., им. 125
Димитров Георгий, им. 268
Динлинские племенные союзы 159
Динлины, этн. 159
Динлоэр Агуэза, им. 542
Дихистан, ист. 11
Дмитриев-Кавказский Л. Е., им. 37
Днепр, р. 324
Довидча, им. 629
Доводов Ниязмурад, им. 151, 152
Додурга, этн. 18
Доисламские верования см. Религии и религиозные верования
Донбасс, геогр. обл. 33
Донентаев С., им. 482, 483
Дониш Ахмад, им. 692
Доолос, этн. 175, 176
Дороги 17, 37, 39, 62, 219, 397—399, 502 см. также Транспорт
Досбергенов Тюлюбек, им. 203, 204
Дос-Мамед, им. 131
Доспаева Балганым, им. 437
Досымжанов Байгали, им. 474
Доулет-Мамед-Азади, им. 129
Драгунов А. А., им. 561
Древнееврейский яз. 610—612, 626
Древнеуйгурский яз. 490
Древние кыргызы (хагасы), этн. 223
Дуганов Икрам, им. 495
Дудин С. М., им. 145
Дукенов Ыхлас, им. 469
Дулаты, этн. 325
Ду-лу, им. 159
Дунгане, этн. 155, 260, 263, 265, 266, 321, 451, 527—563
Дунгановка, нас. п. см. Джалпак-Тюбе
Дунганский яз., диал. 289, 527, 528, 531, 559—561
Дурдыев А., им. 132
Дурдыев Ата, им. 137
Дурдыева С., им. 134
Дурды-Клыч, им. 131
Дурды Курбан, им. 33
Дуров С. Ф., им. 692
Дурсунова Сачли, им. 106
Дурун, ист. 13, 24
Дурунганли, этн. 651

Дутов, им. 350
Душанбе, гор. 628, 675
Дыйканбай, им. 299
Дыренкова Н. П., им. 272
Дюечи, этн. 12
Д'Юссо, им. 475

Евреи бухарские, этн. см. Евреи среднеазиатские
Евреи среднеазиатские, этн. 610—630
Еврейско-таджикский диал. (среднеазиатских евреев яз.) 610, 611, 628
Европа 48, 125, 377, 612
— Восточная 490
— Западная 450
Европейская часть России 668, 672, 673
Европейская часть СССР 664
Езерское княжество, ист. 165
Екатерина II, им. 168
Елебеков Жусупбек, им. 470
Елизаров Ю. И., им. 630
Елькович Л. Я., им. 91
Ельнинский р-н 33
Емрели, этн. 9, 12—15, 18, 20, 66, 68, 147, 651
Енисей, р. 157—160, 165
Енисейские киргизы, этн. 490
Енисейско-Иртышское междуречье 164
Ен Сен Нен, им. 580
Ержанов Манарбек, им. 470
Ерзакович Б. Г., им. 470
Есалинов Абдыкарим, им. 462
Есиль, нас. п. 382
Есим, им. 327
Ескара, ур. 449

Жагалмай (джагалмай), этн. 175, 176
Жадлиев А., им. 152
Жалайыр (джалайыр), этн. 326
Жанак, им. 480
Жансугуров, И., им. 484
Жароков Т., им. 484
Жахаев Ибрай, им. 386
Жедигер (джедигер), этн. 175, 176
Железинская крепость, нас. п. 332
Железнодорожный транспорт см. Транспорт
Живопись см. Изобразительное искусство
Животноводство 8, 12, 13, 22, 23, 32, 36, 38—40, 42, 44, 49—52, 54, 55, 57, 58, 159, 165, 170—172, 174, 175, 185—189, 195, 198—205, 212, 230, 269, 284, 291, 323, 327, 331, 336, 337, 352—360, 366, 382, 386, 388, 390—395, 408, 427, 495, 497, 498, 500, 540, 542, 543, 568—570, 587, 588, 633—636, 652, 653, 672, 676, 678;
— верблюдоводство 12, 22, 40, 42, 44, 49, 52, 55, 61, 68, 159, 171, 186, 269, 352—355, 357, 358, 391, 587, 635;
— каракулеводство 37—40, 44, 49, 51, 52, 54, 57, 62, 352, 391, 587, 588;
— коневодство 12, 28, 40, 49, 61, 68, 69, 159, 171, 186, 188, 189, 198, 199, 202, 203, 205, 207, 269, 330, 331, 352—360, 388, 391, 392, 410, 497, 500, 540, 543, 568, 636, 653, 676, 678;
— кролиководство 205, 635, 636;
— мараловодство 672;
— овцеводство 12, 22, 39, 40, 42, 46, 49, 50—52, 54, 57—59, 68, 159, 171, 186, 188, 197—204, 212, 224, 226, 235, 279, 330, 331, 342, 352, 354, 356—358, 360, 388, 390, 391, 393—395, 497, 542, 568, 587, 588, 633—636, 672, 676, 678;
— птицеводство 59, 205, 260, 388, 498, 540, 568, 635, 636, 653, 672;
— разведение мелкого рогатого скота 40, 42, 44, 49, 52, 198, 224, 354, 356, 358, 367, 388, 497, 500, 633, 634, 636, 672, 678;
— разведение крупного рогатого скота 40, 49, 59, 159, 171, 186, 188, 198, 199, 201, 202, 204, 212, 269, 330, 331, 342, 352, 353, 356—358, 360, 388, 391, 500, 540, 542, 568, 634—636, 652, 653, 672, 674, 676, 678;
— свиноводство 198, 205, 212, 388, 568, 635, 636, 653, 672, 676;
— яководство 163, 171, 186, 204—206;
— кочевое 11, 13, 18, 32, 49, 50, 160, 169, 185—188, 222, 224, 323, 327, 330, 336, 341, 342, 352—354, 587, 633;
— отгонно-пастбищное 11, 13, 18, 49, 50, 54, 55, 57, 169, 178, 185, 186, 190, 198—200, 201—205, 224, 225, 230, 269, 276, 327, 336, 341, 342, 353, 354, 358, 359, 382, 388, 391, 392, 409, 500, 540, 588, 634, 635, 652, 678;
— стойловое 40 198, 203, 212, 236, 341, 342, 348, 353, 359. 388, 391, 392, 410, 500, 635, 678
Жилище 63—80, 213, 222, 224—239, 340, 347, 366, 368, 369, 373, 376, 378—380, 392, 400—413, 503—510, 531, 544—546, 571, 572, 591—593, 598, 602—604, 617—619, 636—639, 653—654, 656—657, 678—682, 690, 693;
— переносного типа 48, 63—70, 74, 75, 77, 80, 101, 103, 111, 141, 142, 159, 199—200, 222—231, 234, 237, 239, 347, 368, 376, 392, 395, 400—405, 408, 435, 461, 500, 591, 598, 599, 602, 603, 636—637;
— стационарного типа 44, 63, 66—80, 103, 200, 224, 228, 230—239, 242, 243, 376, 378—380, 382, 385, 404—414, 503—510, 544, 546, 571, 572, 591, 598, 603, 604, 618, 619, 638, 639, 653, 654, 656, 679—682, 690;
— внутреннее убранство 48, 65, 73, 77, 79, 80, 101, 141—143, 146, 195, 227, 228, 230, 237— 239, 242, 243, 401—403, 406, 412, 413, 507, 508, 510, 544, 546, 571, 572, 592, 593, 603, 618, 619, 637—639, 654, 656, 682, 690
Жиренше, им. эп. 477
Жетиген (джетиген), этн. 175, 176, 255
Жетиру (жеты ру) этн. 326, 334
Жирмунский В. М., им. 126, 302
Жоо кесек (джао кесек), этн. 175, 176
Жоо чалыш, этн. 171
Жору, этн. 175, 176
Жубан, им. 413
Жубанов А. К., им. 470, 473
Жубанов Ахмет, им. 472
Жубанова Г., им. 473
Жузден, им. 413
Жуковский В. А. 482

Заалайский хр. 154
Загряжский Г. С., им. 174
Зазаза Фатима, им. 542
Заилийский Ала-Тау, хр. 386, 445
Зайсан, оз. 337, 339, 351, 361, 365, 366
Зайсанская впад. 351
Закавказье, геогр. обл. 153, 236, 649
Закаспий, геогр. обл. 16, 17, 27—30
Закаспийская обл. 16, 17, 27—29, 40, 49, 104, 119, 650, 651. 662, 663, 674
Закаспийский отдел 16
Залеман К. Г., им.,629
Залесский П. К., им. 691
Заманов Заман, им. 28
Зангибои, этн. 583
Западная ветвь тюркских яз. см. Тюркские яз.
Западно-Казахстанский кр. 321
Западно-Сибирская низм. 351, 352
Западно-Сибирское генерал-губернаторство, 335
Западно-Тюркский каганат 161, 323
Западные диал. см. Белуджский яз., диал.
Западных огузских племен диал. 10
Зеравшан, р. 155, 582, 586
Зеравшанская дол. 155
Зеравшанский окр. 616
Зарифов Х. Т., им. 126
Зарубин И. И., им. 631, 632, 647, 693
Затаевич А. В., им. 470, 695
Заунгузские Каракумы, пуст. 9
Зафаранлу, этн. 650, 651
Звериноголовск, нас. п. 333
Здравоохранение 40, 41, 59, 109, 113—115, 241—244, 278—282, 347, 439—443, 453, 520, 556, 557, 596, 628, 629, 648, 660, 661
Зегерс А., им. 125
Зеланд Н., им. 291
Зелили, им. 24, 124, 126, 130, 131
Земельно-водная реформа 32, 102, 184, 197, 231, 380, 498, 615, 633, 652, 653
Землевладение и землепользование 21—23, 26, 27, 110, 167, 170, 172, 174, 327, 328, 336, 341—344, 349, 361, 380, 381, 492, 496, 497, 532, 533, 535, 536, 565, 588, 598, 614, 633, 652, 668, 669, 671
Земледелие 8, 11, 13, 21, 32, 36, 37, 40, 41, 49, 50, 51, 73, 159, 165, 172, 175, 178, 186, 189, 190—192, 205—212, 230, 231, 323, 336, 338, 341, 342, 348, 359, 360—364, 381—384, 386, 387, 389, 400, 427, 490, 495—499, 531, 532, 538—543, 565—568, 587—589, 601, 602, 615, 616, 633, 634, 652, 653, 671, 672, 675—678;
— булачное 13, 361;
— каирное 51;
— кяризное 35, 40, 50, 51;
— лиманное 362;
— неполивное 40, 51, 191, 361, 362, 387, 538, 589, 653, 671, 674;
— поливное 13, 21, 22, 35, 37—39, 49, 50, 51, 53, 55, 178, 189, 191, 206, 207, 209, 323, 342, 361, 362, 383, 385, 389, 490, 495, 496, 499, 532, 538, 566, 567, 589, 652, 653, 671, 672
Земледельческие обряды см. Обряды
Зертлы, этн. 18
Зибберштейн, им. 168
Зилпо, им. рел. 624
Золотая орда 324
Золя Э., им. 125
Зохре, им. эп. 131
Зуев Ю. А., им. 158
Зунун Кадыр, им. 526
Зынхари, им. 131
Зюнгарское владение 157
Зюнгары этн. см. Джунгары
Зяйналдинова Хетхан, им. 519

Иаков, им. рел. 624
Ибн Хаукаль, им. 241
Иванов, им. 377
Иванов Д. Л., им. 231
Ивановка, нас. п. 530
Игдыры, (игдыр), этн. 10, 96, 147
Игнатьев А. И., им. 312
Игры и состязания 47, 107, 112, 115—118, 199, 266, 268, 269, 275, 315, 318—320, 431, 435—437, 443—446, 478, 523, 533, 554, 606, 607 см. также Народные праздники
Идрис Пайгамбар, рел. 180
Иезд, геогр. обл. 586
Иезид, им. 11
Иерусалим, гор. 612, 626
Иесези, этн. 631, 632
Иехудие, гор. 611
Избаскентский р-н 488
Избегание см. Семья и семейно-брачные отношения
Измайлова М. М., им. 584
Изобразительное искусство 141—152, 267, 305—313, 413, 458—466, 502, 505—507, 512, 546, 559, 563, 590, 619, 630, 639;
— аппликация 306, 307, 308, 413, 460, 512;
— вышивка 82, 83, 85—89, 93, 146, 147, 149, 243, 248, 249, 255, 307—309, 311, 413, 418, 419, 421, 459, 461, 464, 502, 512, 546, 547, 549, 551, 563, 572, 594, 621, 639—641, 682, 684, 688, 690;
— графика 150—152, 310, 466;
— керамика 413, 463;
— ковроделие 26, 38, 39, 41, 47—49, 65, 79, 80, 121, 141—147, 150, 152, 194, 196, 306—309, 311, 412, 413, 458—461, 463, 464, 502, 507, 589, 590, 639;
— резьба по дереву 194, 239, 305, 309—311, 402, 413, 459, 461, 462, 467, 505, 680, 682;
— резьба по камню 413, 462—464;
— резьба по кости 311, 459, 462—464;
— роспись 239, 309—311, 413, 510, 618, 682;
— скульптура 150, 152, 310, 312, 465, 466, 559;
— станковая живопись 150—152, 267, 268, 310—313, 464—466, 559, 562, 630, 695;
— тиснение по коже и инкрустации 61, 305, 308, 413, 459, 463;
— узорное вязание 94, 461, 572, 634, 653;
— узорный войлок 48, 80, 146, 148, 149, 194, 228, 239, 305—307, 311 402, 412, 413, 458, 460, 463, 464, 502;
— узорная циновка 65, 194, 196, 227, 305, 308, 369, 402, 459, 461, 463, 464, 501, 574;

— художественная обработка металла 47, 194—195, 305, 308, 309, 311, 420, 422, 462, 463;
— ювелирное дело 46, 47, 95, 99, 146, 149, 150, 194—195, 253, 305, 308, 309, 311, 420, 422, 424, 459, 462—464, 501, 592, 594, 600, 614, 621
Израиль, им. рел. 610
Илахунова Румангуль, им. 526
Илек, р. 337, 566
Или, нас. п. 531
Или, р. 351, 354, 394
Илиева Хеличам, им. 526
Или-Иртышское междуречье, геогр. обл. 164
Илийская впад. 351
Илийская дол. 529
Илийский (Казахский) авт. окр. 155
Илийский край, геогр. обл. 489, 501
Илийский р-н 438, 488
Илиппаев Ишемби, им. 204
Ильин И. И., им. 152
Ильина Л. А., им. 312
Ильичевский р-н 383, 387
Ильябаев Д., им. 630
Ильялинский р-н 9, 56
Иманов Амангельды, им. 349, 350, 472, 476
Имрони, им. 629
Индустриализация см. Промышленность и рабочий класс
Индия 85, 125, 130, 135, 152, 268, 322, 457, 598, 605, 694
Индонезия 135, 268
Иннокентий IV, им. 666
Иньпань, нас. п. 531
Иньчуан, гор. 531
Иолотанский р-н 9, 631—634, 637, 638
Иолотань, геогр. обл. 14—16, 80
Иолатань, гор., 634
Иомудский Карашхан-оглы, им. 18
Иомудский С. Н, им. 93
Йомуты (ёмут), этн. 9, 12—16, 18—20, 47, 61, 64, 65, 68, 69, 81, 84, 86, 87, 89, 91—96, 103, 109—112, 130, 143—145 147, 149, 150;
— гургено-атрекские 20;
— джафарбаевцы 111, 112, 149;
— приатрекские 16;
— хорезмские 16, 20
Иран (Персия) 7, 9, 12—16, 22, 26, 34, 35, 39, 40, 46, 80, 84, 85, 90, 102, 130, 153, 216, 280, 451, 586, 598, 611, 614, 627, 631—633, 636, 649—651, 694
Ирани, этн. 607
Иранские племена 12
Иранские яз. 10—13, 631, 649, 650
Иранский Курдистан, геогр. обл. 650
Иранский Сеистан, геогр. обл. 632
Иранцы, этн. 14, 529
Ирак 9, 10, 153, 268, 611
Иргиз, р. 351, 361, 362
Иркутск, гор. 219, 399
Ирригация 11, 13, 21, 32, 35, 38, 39, 50—54, 190, 191, 201, 206—209, 215—217, 221, 222, 244, 342, 361, 362, 383—385, 394, 490, 492, 495, 496, 499, 532, 536, 538, 539, 589, 675
Иртыш, р. 322, 326, 332, 333, 337, 339, 351, 360, 361, 393, 394, 398, 453, 664
Иртышская впад. 351
Иртышское, нас. п. 398
Исабаева В. А., им. 269
Искандари, нас. п. 596
Искандари, этн. 583
Искандеров Изим, им. 523
Ислам см. Религии и религиозные верования
Исламов А., им. 526
Исламов, Махмуд, им. 495
Исмаилов А., им. 476
Исмаилов Аубакир, им. 464, 465
Исмаилов И., им. 522
Исмаилов Тёлёсун, им. 202, 204
Исмаилов Х., им. 139
Исмаилов Х., им. 124
Исмаилова Г., им. 476
Исмаилова Г., им. 465
Исмаилова Инохан, им. 542, 543
Исманова Толгонай, им. 311
Испания 216
Испанский яз. 304
Исроэл (бане исроэл), этн. 610
Иссык, нас. п. 488
Иссык-Куль, оз. 156, 161, 166, 168, 175, 194, 196 219, 243, 244, 281, 290, 311, 662, 673
Иссык-Кульская котл. 154, 155, 183, 188, 190, 206, 219, 224, 232, 262, 290, 539
Иссык-Кульский р-н 281, 664
Истам, им. 624
Истахри, им. 161
Исфара, гор. 306
Исфара, р. 215
Исфендиар-хан, им. 14
Исхакбаев Юно, им. 630
Исхакбаева Д., им. 629
Исхаков Ю., им. 628
Исхакова Барно, им. 630
Италия 216
Иудаизм см. Религия и религиозные верования
Ичкилик, этн. 163, 175—177, 182, 227, 239, 252, 254, 255, 305
Ишаны см. Религия и религиозные верования, суфизм
Ишим, р. 326, 351
Иштыханский р-н 602

Каахка, нас. п. 653
Каахкинский р-н 9, 106, 119, 649, 650, 651
Кабиров М. Н., им. 522
Кабул, гор. 598, 611
Кавказ, геогр. обл. 9, 62, 80, 87, 114, 338
Кавкы-Зерен, нас. п. 132
Кадырахунов Ахмед, им. 495
Кадырахунова Давлятхан, им. 526
Казак, этноним 18
Казаки, этн. 663, 667, 671—673, 686
Казак-киргизы, этн. 154
Казалинск, гор. 362, 662
Казалы, нас. п. 345
Казань, гор. 447, 620
Казанское хан. 666
Казахи, этн. 7, 14, 29, 45, 46, 59, 60, 62, 65, 69, 77, 80, 89, 124, 150, 154—158, 161, 162, 167, 175, 186, 187, 222, 249, 294, 296, 307, 310, 313, 321—488, 493,

494, 496, 500—502, 512, 526, 532, 537, 545, 549, 552, 568, 581, 634—636, 667, 672, 674, 676, 686, 690—694
Казахская АССР 351, 437, 451
Казахская стп. 692
Казахский яз., диал. 122, 124, 288, 322, 347, 432, 449, 457, 458, 476, 482, 528, 560, 565, 566, 666, 691, 694
Казахская ССР 7, 29, 154, 155, 163, 201, 215, 219, 222, 267, 291, 298, 310, 321, 322, 349, 351, 371, 374, 381, 383, 388, 393—395, 399, 400, 403, 407—414, 416, 425, 427—432, 437, 438, 440, 441, 443, 445—455, 457, 458, 462—466, 469, 470, 472, 474—476, 479, 484, 485, 495, 498—500, 502, 503, 505, 508—510, 514—517, 519, 521—523, 526—528, 530, 536, 537, 541, 542, 545, 546, 551, 556, 558, 559, 562, 649, 664, 665, 667—672, 675—680, 682, 686, 688—690, 692—695
Казахское хан. 326
Казахстан, ист. 344, 346, 353, 354, 359—361, 364—366, 368, 397—399, 401, 403—405, 407, 413, 416, 420, 421, 424, 427—440, 451, 464, 469, 476, 482—485
Казахстан
— Восточный 322, 332, 336, 354, 359, 365, 399, 409, 420, 421, 667, 672, 679, 680, 682, 687;
— Западный 323, 354, 364, 382, 391, 397, 404, 408—410, 413, 420, 421, 424, 427, 452;
— Северный 322, 337, 359, 361, 401, 405, 409, 421, 679, 681, 689;
— Северо-Восточный 361, 397, 404;
— Центральный 323, 351, 355, 360, 371, 382, 391, 394, 397, 408—410, 412, 413, 420, 421, 452, 453, 462;
— Южный 322—324, 335, 346, 353, 354, 358, 360, 361, 381, 383, 391, 397, 404, 405, 409, 411—413, 424, 425, 427, 452, 672, 680—682, 689 см. также Казахская ССР
Казибек-бий, им. 329
Каимов К., им. 304
Кайназар, нас. п. 525
Кайназарова Суракан, им. 210
Кайтабаев М., им. 473
Кайы (гайы), этн. 18
Каламбаев Жаппас, им. 470
Каландар Садык, им. 693
Калбали, этн. 631—633
Калбинский хр. 351
Калимов А., им. 562
Калинин, гор. 51
Калинин М. И., им. 350
Калининский р-н 9, 75
Калишев, им. 413
Калкаманов Бухаржирау, им. 479
Калмак, этн. 156, 176
Калмак-кыргыз, этн. 176
Калмыки, этн. 14, 154, 156, 157, 165, 294, 489 см. также Джунгары
Калмыклар (галмыклар), этн. 18
Калонтаров Я. И., им. 611, 612
Калонтарова Д., им. 629
Калхок Борухи, им. 629
Калча, этн. 156
Кальджат, нас. п. 501—503, 506, 507
Кальчеке, им. 314
Калыгул, им. 297
Калым см. Семья и семейно-брачные отношения
Кама, р. 326
Камаши, нас. п. 586, 588, 589, 590—592, 594, 595
Камбар-батыр, им. эп. 477
Камбоджа 268
Камышлы-Баш, оз. 362
Камышлыджа, нас. п. 45
Канай, им. 171
Канат, этн. 175
Кангды, этн. 175
Канглы, этн. 326
Кангюй, ист. 323
Кант, гор. 216
Кантский р-н 281, 528, 539, 541
Канукей, им. эп. 295
Капиталистические отношения см. Социальный строй
Каптагай, им. эп. 297
Кара, этн. 18
Кара багыш, этн. 175, 176
Кара-Балты, нас. п. 166
Карабалыкский р-н 678
Карабекаульский кн. 52
Карабиль, возв. 34
Кара-Богаз-Гол, зал. 8, 31, 34, 41, 45, 46
Караганда, гор. 371, 372, 374, 378—380, 414, 450, 457, 466, 473, 475, 476, 675
Карагандинская обл. 321, 409, 410, 412, 423, 424
Карадамак, нас. п. 651
Кара-Дарья, р. 215, 242, 497
Карадашлы, этн. 9, 12, 14, 18, 48, 66, 92 см. также Языры
Караев Кара, им. 317
Каразин Н., им. 25
Кара-Кала, нас. п. 15, 28
Кара-Калинский р-н 9, 69, 71, 90, 651
Каракалпаки, этн. 7, 8, 29, 65, 80, 86, 89, 96, 145, 150, 226, 296, 324, 332, 400, 479, 581, 694
Кара-Калпакская АССР 7, 8, 62, 322 565, 567, 569, 573, 681
Каракалпакский яз. 322
Кара-киргизы, этн. 154
Кара-Киргизская а. о. 184
Кара-китаи (кидани, ктай), этн. 160, 324
Каракол, гор. см. Пржевальск, гор.
Каракол, р. 269
Каракольский р-н 156, 488
Каракольский у. 356
Кара-конгур, (гара-гонгур), этн. 18
Кара-Куджур, р. 198
Кара-Куджур, ур. 201
Каракулеводство см. Животноводство
Каракуль, р-н 10
Каракульский оаз. 582
Каракум, пуст. 9, 11, 34, 35, 44, 46, 49, 52, 54
Каракумская низм. 61
Каракумский кн. 35, 38, 39, 52, 54, 55, 62
Каракунуз, нас. п. 527, 530—532, 535, 541, 545—547, 557—559, 563
Каралаев Саякбай, им. 302
Карам, нас. п. 496, 502, 520
Караман, этн. 18
Карамет-Нияз, нас. п. 39
Карамсин Ахажерэ, им. 469, 470
Карамугол, этн 18
Кара-оглан, им. 24

Караойли, этн. 12
Кара сакал, этн. 171, 325
Кара-Сопы, им. 413
Кара-Су, нас. п. 547
Кара-Суйский р-н 210, 233, 265, 312, 528, 531, 541—543, 558
Каратал, р. 351, 566
Каратальский р-н 442
Кара-Тау (Казахстанские), г. 360
Кара-Тау (Нуратинский), хр. 326, 351, 371, 587
Кара-Тау (Таджикистан), г. 588
Каратегин, геогр. обл. 155, 163, 222, 259
Карахан, этн. 651
Караханидского государства яз. 10
Караханиды, ист. дин., 324, 346, 490
Кара-чока, этн. 18
Карачорлю, этн. 650
Карбоз, им. 171
Карелин, им. 16
Каркаралинский окр. 338
Каркаралинский р-н 360
Каркаралинский у. 362, 664
Карлиев А., им. 132, 136, 137, 139, 140
Карлиев Махтумкули, им. 133
Карлуки, этн. 10, 159—161, 323, 326, 490, 491
Карлукская группа яз. см. Тюркские яз.
Карлукский каганат, ист. 323
Карлыгаш, им. эп. 477
Карпов Г. И. 9, 651
Карры-Бент, плотина 53
Карсакпай, гор. 370
Карутц Д., им. 100
Карши, гор. 582, 585, 587, 588
Каршинская стп. 588, 590
Карымшак, нас. п. см. Октябрьский
Касан, нас. п. 583, 589
Касби, нас. п. 585
Каспийское море 7—9, 11, 13, 15, 16, 26, 34, 35, 42, 43, 49, 59, 60, 62, 72, 75, 113, 147, 149, 150, 351, 354, 365, 398, 667, 672
Кастеев Абылхан, им. 465, 466
Касымов, им. 310
Касымов Кенесары, им. 334
Касымов Саржан, им. 334
Касым-хан, им. 327
Катон-Карагайский р-н 665
Катта-Курган, гор. 582, 585, 617
Катта-Курганский отдел 155
Катта-Курганский у. 584, 662
Каули, этн. см. Лури
Каушутов Ата, им. 124, 132, 135, 136
Кафирниган, р. 582
Каххар А., им. 526
Кашани, этн. 631
Кашаубаев Амрэ, им. 470, 474
Кашгар, геогр. обл. 161, 165, 324, 349, 489, 490
Кашгар, гор. 195, 246, 489, 494, 495, 502
Кашгари, им. см. Махмуд Кашгарский
Кашгаро-яркендский диал. см. Уйгурский яз., диал.
Кашкадарьинский диал. см. Арабский яз., диал., гов.
Кашка-Дарья, р. 582, 583, 586, 588—592, 594
Кашмир, геогр. обл. 322
Кахиани Г., им. 138
Кварталы 46, 79, 502, 583, 598, 612, 617—619, 628, 629, 662 см. также Города
Квон Роза, им. 569
Кеген, р. 175
Кегенский р.-н 411, 500
Кеймир, нас. п. 41
Кекилов А., им. 124, 131
Кекилов Ш., им. 136
Кек-Терек, р-н 155
Келатское хан. 650
Келдине, этн. 176
Келиф, ист. 9
Келиф, нас. п. 9, 35
Кемине, им. 24, 124, 126, 127, 131
Кеминский р-н 200
Кенбаев М., им. 465, 466
Кенес-Анархай, геогр. обл. 201, 269
Кен-Кол, ур. 202
Керамика см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы, гончарство
Кербабаев Б., им. 124, 131, 132, 134—137
Кердери, этн. 325, 326
Кереиты (керей), этн. 326
Керимбеков К., им. 312
Керимджанова Б., им. 269
Керим-хан, им. 632, 633
Керки, гор. 8, 27, 34, 38, 49, 62, 75, 133, 134, 588, 628, 662
Керкинский вилайет 30
Керкичи, нас. п. 38
Керман, геогр. обл. 586
Кермине, гор. 586, 614, 617, 628
Керминский у. 155
Кесек, этн. 175, 176, 226
Кесиклер-курайлар, этн. 651
Кете, этн. 325, 326
Кетмень, нас. п. 520
Кетмень, хр. 351
Кетменьская волость 520
Кетмень-Тюбе, дол. 166, 190, 284
Кетмень-Тюбе, нас. п. 284
Кеши, нас. п. 20, 22
Кзыл-Орда (Перовск, Ак-Мечеть) гор. 335, 345, 349, 384, 447, 463, 464, 565, 566, 579, 581, 662, 670
Кзыл-Ординская обл. 321, 322, 386, 389, 391, 405, 565, 567
Киат-хан, им. 16
Кибиров А., им. 522
Кидани, этн. см. кара-китаи
Кизыл-Арват, гор. 8, 9, 17, 42, 119
Кизыл-Арватский р-н 66
Кизил-Атрекский р-н, 64
Кизыл-гёз, этн. 20
Киизбаева Сайра, им. 316, 317
Кимаки, этн. 324
Ким Пен Хва, им. 570
Ким Цын Сон, им. 580
Кимягаров Бенцион, им. 630
Кино 139, 140, 141, 268, 289, 318, 455, 457, 474—476, 601, 603, 630, 661
Киргизия см. Киргизская ССР
Киргиз-кайсаки, этн. 157, 166
Киргизская а. о. 158, 184, 240
Киргизская АССР 184, 240, 350, 351, 437
Киргизская ССР 29, 154—156, 158, 162, 163, 165—169, 171, 175, 177, 178, 180, 181, 183—186, 188—191, 194—198, 201—203, 205, 206, 209, 210, 212—219,

221—237, 239—247, 249—252, 254, 256—270, 272, 273, 275, 276, 279—282, 284—291, 297, 298, 300—304, 306, 308, 310—322, 488, 489, 494, 500, 522, 527, 528, 530, 531, 536—539, 541—543, 546, 549—551, 556, 558, 559, 562, 564, 649, 664, 665, 672, 673, 676—680, 690, 695
Киргизские племена 159, 160, 175, 176
Киргизский хр. 175, 240
Киргизский яз., диал. 305, 316, 528, 560, 665, 666
Киргизско-Монгольское государство (улус) 164
Киргизы, этн. 60, 124, 154—320, 324, 349, 356, 357, 400, 467, 489, 491, 493, 494, 500, 502, 532, 539, 541, 542, 545, 546, 549, 552, 667, 669, 672, 674, 676, 690, 694;
— бадахшанские 166;
— каратегинские 166;
— памирские 163, 166, 195, 221, 228, 231, 246, 305, 319;
— северные 156, 158, 161, 163, 164, 165—168, 188, 221, 236, 238, 239, 252—255, 257, 262, 313;
— южные 156, 157, 167, 168, 188, 194—196, 221, 239, 252, 253, 257, 261, 262, 305, 319
Киргизы (кыргызы, хагасы) енисейские 157, 158, 161, 163, 164, 165
Кипеи, этн. (казахи-кипеи) 424
Кириллов И. К., им. 333
Кировский р-н 56, 156, 267, 311, 383, 391
Китай 140, 159, 160, 175, 183, 184, 193, 249, 268, 349, 415, 490, 525, 527, 540, 546, 551, 557, 564, 585, 672 см. также Китайская Народная Республика
Китайская Народная Республика (КНР) 154, 155, 190, 249, 268, 305, 321, 322, 474, 488, 489, 490, 491, 527, 529, 556 см. также Китай
Китайский яз., диал., гов. 303, 527, 528, 557
Китайцы (хань), этн. 159, 489, 527, 529, 540, 546, 549, 555
Кичи-ага, этн. 18
Кичи-Кемин, р. 175
Клин, гор. 316
Клычев Иззат, им. 151, 152
Клычев М., им. 136
Кобеев С., им. 482
Ковроделие см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Ковусов А., им. 131
Кодар, им. эп. 478
Кодж, нас. п. 66
Коджоакматов Джакуль, им. 311, 312
Коджоджаш, им. эп. 294
Кожагулов Биржан, им. 469, 470, 472, 478
Кожевенное производство см. Ремесла и домашние промыслы
Кожмагулов Серке, им. 474
Козубекова Мееркан, им. 268
Козы-Корпеш, им. эп. 478
Койне-Гумме, нас. п. 71
Койне-Касыр, нас. п. 71
Койсара, кур. 281
Коканд, ист. 117, 166, 167, 335
Коканд, гор. 610, 662
Кокандское хан. 166—168, 179, 297, 377, 491, 495
Кокетей, им. эп. 295
Кокжота, г. 351
Кокпектинский окр. 338
Кокчетав, гор. 454, 664
Кокчетавская обл. 321, 388, 408, 410
Кокчетавский р-н 679
Кокчетавский у. 360, 406, 664, 668
Кок-Янгак, гор. 213, 242
Коллективизация сельского хозяйства 32, 102, 136, 184, 195, 196—198, 231, 234, 250, 263, 316, 381, 382, 407, 430, 453, 494, 495, 498, 536, 538, 541, 542, 616, 633, 653, 675
Колосовский И. А., им. 692
Колояров Г. И., им. 152
Колхозы и совхозы 8, 32, 33, 51, 52—54, 56—59, 63, 73, 77, 108, 109, 114, 121, 127, 184, 193, 195—207, 209—212, 215, 230—235, 238, 239, 263, 265, 280—282, 285, 286, 290, 312, 381—387, 389, 391—393, 395, 408, 409, 411, 412, 430—432, 453—458, 495, 498—503, 508, 510, 519, 526, 538, 541—543, 546, 559, 562, 566—569, 578—579, 588, 589, 596, 601, 602, 616, 634—636, 653, 675—680, 682.
Колхозабадский р-н 631
Колхозбентское водохранилище 52
Колчак, им. 350, 565
Комаров В. Л. им. 451 691
Комсомолец, нас. п. 678
Комсомольское оз. 240
Коммунистическая партия Советского Союза 28—33, 53, 59, 119, 122, 124, 128, 133, 140, 153, 183, 185, 210, 213, 216—218, 221, 231, 264, 273, 277, 283, 302, 350, 351, 369, 372, 373, 378, 381, 382, 394, 407, 431, 440—448, 450, 451, 475, 494, 500, 519, 538, 558, 569, 609, 648, 665, 670, 675
Комула, гор. см. Хами
Конгур (гонгур), этн. 18
Конгурат, этн. 175, 176
Кондучалова Кулийпа, им. 270
Коневодство см. Животноводство
Кононов А. Н., им. 12, 693
Конрат, этн. 325
Конур-Улен, нас. п. 167
Конфуцианство см. Религии и религиозные верования
Копал, гор. 334, 662
Копет-Даг, г. 8, 9, 34, 40, 46, 52, 60, 66, 67, 72, 650, 652
Копет-Дагский оаз. 36, 40, 41
Копек-Мергенов Ата, им. 131
Кёр-Молла, им. 131
Корейцы, этн. 265, 321, 451, 475, 487, 564—581
Корейская Народно-Демократическая республика 580 см. также Корея
Корейский яз., диал. 565, 566
Корёсарам, этн. 564
Корея, 564, 565, 571, 572, 574, 575, 578, 580
Коржинский С. И., им. 691
Кори Беньёмин, им. 629
Коркур, ур. 157
Корлер, этн. 651
Корнейчук А., им. 136, 475

Корнюшин В. Д., им. 670
Коровин А. А., им. 693
Корчмарев К., им. 138
Котон (хотон), этн. 489
Котур-Тепе, нас. п. 45
Коушут-Хан-Кала, ист. 21, 24—25
Кочевничество 12—14, 49, 63, 69, 158—160, 164—166, 169, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 180—182, 184—192, 196—198, 222—228, 231, 232, 237, 239, 246, 292, 323, 326, 327, 329, 330, 331, 336, 341, 344, 352—355, 381, 382, 403, 415, 428, 446, 585—587, 598, 599, 633
Кочевое скотоводство см. Животноводство
Кочкор-Ата, нас. п. 244, 245
Кочкорка, нас. п. 166
Кочкорская дол. 175, 206
Кочкорский р-н 269, 281
Кошаева И., им. 134
Кош-Агачский р-н 322
Кошаров П. М., им. 223, 249
Кошмоваляние см. Ремесла и домашние промыслы
Кош тамга, этн. 175, 176
Кошчи, союзы дехкан 30, 197, 429
Красильное дело см. Ремесла и домашние промыслы
Красная Армия 28, 29, 184, 185, 350, 474, 486, 495, 538, 565, 671
Красноводск, гор. 8, 16, 17, 27, 29, 35, 41—43, 45, 46, 62, 134, 147, 150, 339, 662
Красноводская обл. 41
Красноводские г. 34
Красноводский зал. 34
Красноводский п-ов 35
Красноводский р-н 95
Красноводское плато 42
Кролиководство см. Животноводство
Крупская Н. К., им. 317
Крутильников Н. И., им. 464, 465
Крылов И. А., им. 481, 482
Крым, геогр. обл. 62, 114
Ктай, этн. см. Кара-китаи
Куанышпаев Калибек, им. 474, 475
Кубань, геогр. обл. 51
Кубанская обл. 663
Куван-Дарья, р. 323
Кудай, рел. 179
Кужамьяров Куддус, им. 472, 525
Кузнечество см. Ремесла и домашние промыслы
Куйбышев В. В., им. 184, 350, 454, 671
Куйбышевская обл. 665
Кулиев, им. 117
Кулиев А., им. 139
Кулиев Ашир, им. 133, 134, 138
Кулиев К., им. 134
Кулиев Овезберды, им. 28
Кулиева Майя, им. 106, 134, 138, 139
Куллар (гуллар), этн. 18
Куломзино, нас. п. 398
Кулсары, им. 437
Кулханова Э., им. 134
Кульарыкский кн. 52
Кульджа, гор. 195, 396, 493, 494, 495
Кульджанский край 349
Кульмамедов Аман, им. 137
Культурно-просветительная работа 31, 39, 41, 51, 58, 59, 63, 73, 105, 118, 119—125, 135, 139—141, 200—202, 212, 217, 221, 230, 233, 234, 240—245, 266—270, 284, 285, 289, 290, 318—320, 347, 374—380, 383, 386, 392, 393, 431, 432, 445, 447, 453—458, 508, 558—560, 565, 566, 569, 570, 578—580, 596, 601, 609, 627—629, 647—648, 661, 678, 694
Куляб, г. 582
Кума, р. 9
Кум-Даг, нас. п. 8, 41, 45
Кумыш-Тепе, нас. п. 46
Кунанбаев Абай, им. 347, 446, 454, 466, 469, 481—483, 485, 692
Кунгей Алатау, хр. 175
Кунград, гор. 62, 398
Кунградский р-н 567, 569
Кундуз, ист. 166
Куня-Ургенч, гор. 9, 26, 79
Куня-Ургенчский р-н 53, 74, 86, 94, 97, 98, 118, 119
Куня-Фазли, нас. п. 588
Кураев Юнатан, им. 629
Курама (гурама), этн. 18
Курбан Дурды, им. 33
Курбаннепесов К., им. 131
Курбанниязов О., им. 134
Курбанов А., им. 134
Курбанов Алим, им. 495
Курбанов Аллаяр, им. 29
Кургальджин, оз. 361
Курганская обл. 321
Курд, этн. 18
Курдайский р-н 411, 441, 527, 542
Курдистан Иранский 650
Курды, этн. 8, 22, 84, 94, 110, 649—661
— закавказские 649, 650, 654, 660;
— хорасанские 660
Курдский яз. 649
Курейш, этн. 583
Куренкеев Мураталы, им. 314, 317
Куренкей, им. 314
Куркурес, этн. 176
Курмандж, этн. 649
Курманджандатха, им. 170
Курманджи, диал. см. Курдский яз.
Курманкулов Бейшеналы, им. 311
Курама, этн. 18
Курен, этн. 176
Курская губ. 663
Куртинское водохранилище 384
Куртка, нас. п. 166, 300
Кустанай, гор. 341, 393, 397, 458
Кустанайская обл. 321, 388, 399—407, 410, 423, 428, 676, 679
Кустанайский у. 360, 664
Куттубаев А., им. 317
Куча, геогр. обл. 222
Кучан, нас. п. 656
Кучанское хан. 650
Кучум, им. 325
Кушка, нас. п. 28, 39, 50
Кушчу (кутчу), этн. 175—177, 255
Куэнь-Лунь, г. 222
Кыдыкеева Бакен, им. 268, 317
Кыдыр-ата (Хызыр), рел. 181
Кыз-Жибек, им. эп. 472
Кызыл-Аскер, нас. п. см. Фрунзе, гор
Кызыл-Кия, гор. 212, 213, 242—244
Кызылкумы, пуст. 355, 678
Кызыл-Курэ (Текес), у. 155
Кызыл-Су, р. 215, 582, 588, 666

Кызыл-Суу, авт. окр. 155
Кызыл-Шарк, нас. п. 528, 550
Кызыл-эргенек, этн. 47
Кыпчаки (кыпчак), этн. 11, 18, 175, 176, 324, 326, 424
Кыпчакская группа тюркских языков 322
Кыпчакские яз. 10, 322
Кыпчакско-ногайская подгруппа кыпчакских языков 322
Кыргыз, этноним, 154, 158, 159
Кыргыз, этн. 154, 155, 157—159, 223, см. также Киргизы (кыргызы, хагасы) енисейские; Гэгунь.
Кыргыз-Нор, оз. 159
Кыргыз-хана, гор. 161
Кыркун, этн. 158
Кытай, этн. 166, 175, 176, 255
Кюрдовле, этн. 651
Кюрён, этн. 156
Кюркюрёё, этн. 156
Кюрен-Даг, возв. 34
Кюркон, нас. п. 650

Ланьчжоу, гор. 531
Лаос 268
Лаохуэйхуэй, этн. 527
Латыши, этн. 124
Левиев М. Б., им. 630
Левират см. Семья и семейно-брачные отношения
Левшин А. И., им. 158
Лейпциг, гор. 466
Лекеров Куан, им. 470
Ленин В. И., им. 17, 31, 34, 124, 128, 146, 289, 300, 350, 437, 458, 484, 523, 565, 670, 671, 692
Ленинабад, гор. 582, 585, 675
Ленинград, гор. 51, 139, 144, 163, 185, 267, 287, 311, 313, 317, 447, 465, 495, 521, 522, 558, 561, 665, 678, 694
Лениногорск, гор. 474
Ленинский р-н 9, 53, 57, 58, 488, 495
Леонидов Л. М., им. 136
Лепсинск, нас. п. 349
Лепсинский у. 674
Лермонтов М. Ю., им. 124, 305, 481, 523, 560
Ли-Лин, им. 159
Ли Любовь, им. 569, 570, 580
Лио, им. рел. 624
Липский В. И., им. 691
Литература художественная 24, 124, 125, 129—132, 135—138, 140, 266—268, 298, 300—305, 432, 458, 474—486, 528, 559—561, 580, 629, 692—694
Лихарев, им. 332
Логинов Ф. Г., им. 675
Лондон Джек, им. 125
Луначарский А. В., им. 316
Лури, этн. 598
Лу Синь, им. 125
Лутфуллаев Судхи, им. 495
Люли, этн. 597, 600, 606
Лявзи-мугат см. Арго
Ляйлякский р-н 254
Ляпин В. С., им. 670

Мааке, этн. 171
Мавераннахр, ист. 13, 46, 490 585, 598, 611
Магомаев, им. 472
Магуев, им. 560, 561
Ма Да-жень (Ма Дарын), им. 530
Мадалиева Баян, им. 311
Мадемилова Э., им. 316
Мазанг, этн. 597, 600, 601, 603, 606
Мазандеран, геогр. обл. 650
Мазары см. Религии и религиозные верования, ислам
Мазель И. М., им. 151
Майдаяб, нас. п. 590
Майлин Б., им. 484
Майрыкова Алтын, им. 311
Макат, нас. п. 398, 437
Макэ, им. 561
Малашенко И. Н., им. 204
Малая Узень, р. 354
Малдыбаев Абдылас, им. 315—317, 695
Малекки, этн. 631
Маликов Кубанычбек, им. 303—305
Малов С. Е. им. 693
Мальтийский диал. см. Арабский яз., диал.
Мальян, нас. п. 650
Малыбай, нас. п. 492, 500, 520
Малые Балханы, возв. 34
Мамадьяров Х., им. 138
Мамбеев С., им. 465, 466
Мамедкулова Мукарам, им. 146
Мамедов А., им. 117
Мамедова А., им. 134
Мамедова Б., им. 139
Маметов, Усман, им. 386
Мамырканова Турдукан, им. 311
Мамыров Тобокел, им. 320
Манап, этн. 171
Манас, им. эп. 295—297, 480
Мангыт, этн. 326
Мангышлак, п-ов 9, 11—16, 345, 351, 354, 355, 358, 364, 366, 404, 413, 421, 462
Мануйлова О. М., им. 312
Маныч, р. 9
Маныш, нас. п. 651
Мараловодство см. Животноводство
Марвази, им. 10
Маргелан, гор. 157, 610, 611, 614, 615, 617
Маргеланский Алай 231
Маргулан А. Х., им. 164
Мариинское, нас. п. см. Ырдык
Марка-Куль, оз. 351
Маркс Карл, им. 124, 174, 289, 458
Мары (Мерв) гор. 8, 13—16, 20, 25—28, 39, 46, 47, 62, 67, 91, 134, 586, 636, 648, 649
Марыйская обл. 7, 8, 52, 57, 72, 74, 79, 631, 632, 649
Марыйский (Мервский) оаз. 14, 35, 50, 61, 68
Марыйский р-н 73
Масанчин Магаз, им. 538
Массагеты, этн. 10, 323 см. также Дахи; Дербики
Массон М. Е., им. 693
Масумов М., им. 138
Маткаримова Айша, им. 311
Махатова Р., им. 438
Махмуд Кашгарский, им. 10, 129, 522
Махмутова Марьям, им. 317
Махова Е. И., им. 190
Махтум, этн. 12, 18, 20, 50

Махтумкули, им. 24, 122, 124, 126, 129—131, 138
Мацуцин Д. Д., им. 470
Мацхун, им. 532
Машерипова Р., им. 152
Маяковский В. В., им. 124, 302, 483, 523
Мезна, геогр. обл. 20
Меана-Баба, рел. 119
Медетов С., им. 315
Меджеур, этн. 12, 18, 20
Мейендорф, им. 587
Меймене, ист. 611
Мейтус Ю., им. 138
Мекка, гор. 180
Меланжир, нас. п. 650
Мендыгалиев Н., им. 473
Мендыхаков Имангали, им. 474
Мералиев Мухит, им. 469
Мерв, гор. см. Мары
Мервский оаз. 14, 21, 48, 50, 61, 67, 68
Мервский окр. 32
Мервский у. 27, 48, 49
Мередов Халлы, им. 133
Меркиты, этн. 324, 325
Месизов М., им. 542
Металлообработка см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Механизация сельского хозяйства 32, 51—53, 56, 195, 197, 198, 201, 203—205, 207, 209, 210, 212, 381—384, 386—390, 400, 540, 542, 543, 545, 566—568, 588, 602, 633, 635, 636, 676—678
Мехинли, этн. 12, 18, 20, 49, 50
Мешхед, гор. 611
Мешхед-и Мисриан, арх. пам. 11
Милянтан (Красный Милянтан), нас. п. 528
Милянфан, нас. п. 528, 541, 542, 545, 558
Минг, этн. 326
Минусинская котл. 159, 160
Мирза Мехди-хан Астрабадский, им. 650
Мир Мухаммед Амин-и Бухари, им. 598
Мир-Хайдар, им. 585
Мир-хайдари, этн. 585
Мискин-Клыч, им. 131
Младший жуз, ист. 325, 332—334, 345, 354, 361, 365, 423, 667
Многоженство см. Семья и семейно-брачные отношения, брак
Могилевская губ. 663
Моголистан, ист. 160, 161, 326
Моголы, этн. 164 см. также тюрко-монгольские племена
Моинты, нас. п. 398
Молдоакматов Асанбек, им. 312
Молдобасанов К., им. 315, 317
Молдоджаш, им. эп. 294
Молла Дурды, им. 131
Моллаева Айсолтан, им. 120
Молла-Кара, кур. 8, 26, 114
Молла-Мурт, им. 131
Молланепес, им. 124, 126, 131, 135
Молутов Илья, им. 523
Мольер, им. 136, 526
Монголдор, этн. 175, 176, 252, 255
Монголия 140, 159, 160, 163, 222, 268, 463, 489, 490, 687
Монгол-Курэ (Чжаосу), у. 155
Монгольская Народная Республика 156, 322, 474
Монгольское завоевание 11, 158, 160, 164, 324, 490, 611
Монголы, этн. 11, 160, 223, 226, 296, 324, 326, 489, 490, 611
Мордва, этн. 321
Морозов Павлик, им. 304
Морозов М. В., им. 670
Морской транспорт см. Транспорт водный
Москва, гор. 15, 62, 117, 134, 136—139, 219, 267, 268, 287, 302, 311, 313, 315—317, 320, 399, 414, 447, 458, 465, 466, 472, 474, 475, 495, 521, 526, 558, 561, 665, 678, 691, 694
Московская обл. 33, 665
Московский р-н 528, 541, 542, 546, 562
Мошкова В. Г., им. 142, 589
Моюн Чур, им. 490
Мугат, этн. 597, 598
Мугоджарские г. 351
Музооке, им. 300, 314
Музыка и музыкальные инструменты 112, 128, 132—135, 138, 139, 268, 269, 283, 292, 293, 295, 299, 300, 309, 313—317, 346, 455, 459, 462, 466—474, 523—526, 562, 577, 579, 580, 609, 629, 630, 645, 647, 660, 694, 695
Муканов С., им. 465, 475, 476, 484—486
Мукры, этн. 18
Мулло Ишай, им. 611
Мулло Рубин Меламед, им. 611
Мулоджанова Шоиста, им. 630
Мулакандов Гавриель, им. 630
Мулакандов Михоэль, им. 630
Мулокандов Авнер, им. 630
Мультан, гор. 598
Мультани, этн. 598
Мунгуш, этн. 175—177, 252, 254, 255
Мундуз, этн. 175, 176, 255
Мунис, им. 12
Муравин, им. 416
Муравьев, им. 16
Мурадов Сапар, им. 29
Мурадова Сона, им. 106, 137—139
Мурадова Сурай, им. 106, 137, 138
Мурат, им. 480
Мургаб, р. 8, 9, 14, 15, 22, 34, 35, 38, 39, 46, 47, 52, 633, 638
Мургабский р-н 155
Мургабский оаз. 34—36, 38, 46, 60, 61, 66, 67
Мурчали, этн. 12, 18, 48—50, 66
Мусаев С., им. 445
Мусин К., им. 473
Мусоргский, им. 317
Мусрепов Г. Н., им. 470, 475, 484, 486
Мустафин Г., им. 475, 476, 484, 486
Мусульманство см. Религии и религиозные верования, ислам
Мухамеджанов К., им. 476
Мухамеджанов С., им. 473
Мухаммед, им. 161
Мухаммед, им. рел. 179
Мухаммедова З. Б., им. 106
Мухаммед-Рахим, им. 15, 131
Мухаммед Хайдер Дуглат, им. 158
Мухаммедыев Омер, им. 523
Мухатов Велимухаммед, им. 133, 134, 138
Мухатов Н., им. 134, 138, 139
Мухатова М., им. 317
Мухитов Лукпан, им. 470

Мухтаров Г., им. 132, 136, 137
Мушкетов И. В., им. 290, 451, 691
Мушкоки, нас. п. 584
Муюнкум, пуст. 326, 448, 449
Муялды, нас. п. 443
Мырзабаев А., им. 317
Мягков И. А., им. 152
Мятаджи, им. 131

Наджимов К., им. 586
Надир-шах, им. 14, 650
Назаров Гапп, им. 29
Назаров, им. 115
Назаров, им. 526
Назаров Хол Халикович, им. 608
Найманы (найман), этн. 175, 176, 236, 324, 325, 421, 424
Найманское водохранилище 207
Найматан, гор. см. Наманган
Наливкин В. П., им. 190, 691
Наливкин Д. В., им. 693
Наманган, гор. 157, 246
Нам Хын Дюн, им. 567
Наримановский р-н 601
Народная медицина 113, 279, 280, 284, 360, 436, 442, 556, 557, 600, 623, 624
Народное образование 8, 33, 41, 105, 109, 118—125, 200, 202, 212, 217, 233, 241—244, 269, 277, 281, 283—291, 346, 347, 373, 374, 377, 383, 392, 438—440, 446—451, 457, 473, 480, 481, 520—522, 534, 555, 557—559, 560, 565, 566, 570, 596, 601, 608, 609, 614, 616, 624, 628, 648, 661, 692
Народные праздники 115, 116, 187, 199, 256, 266, 268—270, 318—320, 431, 435, 446, 466, 476, 478, 523, 576, 577, 580, 622, 660 см. также Игры и состязания
Народный календарь 160, 192, 283, 284, 359, 577
Нарын, гор. 244, 316
Нарын, р. 175, 177, 215, 221, 222, 244, 300
Нарынбетова Ырыс, им. 311
Нарынкольский р-н 500
Нарынкумы, геогр. обл. 334
Нарынский р-н 156
Насреддин (Эпенди), им. эп. 127
Насырли Я., им. 131
Наука 12, 41, 53, 57, 121, 124, 125, 241, 244, 282, 290, 291, 443, 451—453, 522, 561, 562, 628, 691—693
Наукатский р-н 206, 211, 261, 307
Наумов С. И., им. 692
Наурызбаев Х., им. 466
Национально-государственное размежевание 30, 184, 351
Небит-Даг, гор. 8, 31, 41, 42, 44, 45, 79, 101, 115, 122, 125, 134
Некрасов Н. А., им. 124, 481, 523
Немцы, этн. 155, 321, 546, 635
Неразымли, этн. 20
Неуструев С. С., им. 451
Нигматулин Б., им. 139
Нижне-Амударьинский оаз. 37, 38
Нижние Белуджи, нас. п. 636
Низами, им. 130, 305, 482, 629
Нил, р. 130
Нинся-ланьчжоуский диал. см. Дунганский яз., диал.
Нинся-Хуэйский а. р.-н. 527
Ниса, ист. 12, 91, 95
Ниязов О., им. 139
Ниязова Марьям, им. 386
Новая Бухара, гор. 662
Новосибирск, гор. 219, 399
Новосибирская обл. 321
Новоузенск, нас. п. 345
Ногайбаев И., им. 476
Ногайский яз. 322
Ногайское хан. 324, 325
Ногайцы, этн. 9
Нойгут, этн. 163, 175, 176, 236
Нотани, этн. 631
Нохурли, этн. 12, 18, 46, 48, 66, 91, 93, 110, 112
Нура, р. 326, 351, 361, 362
Нурали, им. 334, 345
Нурали Бяшим, им. 146, 151
Нуралиев Каратай, им. 334
Нуралиева Амансолтан, им. 146
Нурата, нас. п. 10, 583, 591
Нуратинский р-н 587, 588
Нуриев Д., им. 134
Нурмаханов А., им. 445
Нурмухаммедов Н., им. 466
Нурмухаммедова Набад, им. 133
Нурпеисова Дина, им. 470
Нью-Йорк, гор. 311

Область Войска Донского, ист. 663
Обработка дерева, камня, кости, шерсти см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Обручев В. А., им. 452
Обряды 93, 107, 109—113, 175, 179—182, 258, 259, 290, 293, 345, 346, 433, 434, 443, 476, 518—520, 550—556, 563, 575—578, 595, 596, 599, 605—607, 622—627, 640, 645, 646, 660, 684, 685, 689, 690,
— земледельческие 192;
— охотничьи 193;
— погребальные 93, 118, 179—181, 230, 259, 271, 278, 279, 293, 299, 345, 433, 436, 437, 440, 468, 476, 534, 556, 577, 596, 599, 627, 660;
— свадебные 109—113, 179, 181, 258, 259, 274, 275, 290, 293, 299, 422, 434, 435, 438, 466, 476, 477, 518—520, 533, 551—555, 575, 596, 606, 607, 625—627, 640, 645, 646, 684, 685, 689, 690;
— связанные с рождением и воспитанием детей 92, 94, 107, 181, 277, 290, 433, 436, 439, 551, 576, 577, 599, 606, 623—625, 660;
— скотоводческие 181, 188, 230, 345, 346, 358
Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, см. Обряды
Обувь, см. Одежда
Обулова Бувихан, им. 519
Общественная жизнь 21, 106, 200, 263—271, 331, 429—432, 434—436, 482, 534, 555, 559, 578—580, 601, 614, 648
Община 18, 20—25, 50, 67, 172, 174, 187, 224, 271, 285, 327—329, 331, 341—343, 365, 491, 496, 533—535, 557, 587, 599, 611—614, 627, 652, 659, 671
Обычное право 25, 26, 104, 173, 276, 329—331, 335, 348, 432, 433, 595
Объединенная Арабская Республика 268
Овган, этн. 18

Овезов Ата, им. 117
Овезов Дангатар, им. 134, 138
Овцеводство см. Животноводство
Огланлы, нас. п. 41
Огонбаев Атай, им. 268, 304, 315
Огородничество 37, 38, 40, 50, 73, 210, 212, 260, 364, 384, 428, 495, 497, 500, 539—541, 544, 550, 565, 567, 568, 634, 653, 672, 674, 676
Огузская группа тюркских яз. 10
Огузский яз. 10, 11
Огузы, этн. 10, 11, 18, 20, 323
Огурджали, этн. 18
Огурчинский о. 35, 72, 75
Одежда 80—98, 146, 147, 159, 194, 202, 222, 223, 245—259, 266, 368, 379, 395, 405, 415—426, 435, 454—456, 510—515, 546—549, 553—555, 572, 573, 592, 594, 595, 604—606, 619—622, 639—643, 644, 656—659, 682—688, 690, 691;
— детская 94—97, 246, 252, 277, 416, 547, 549, 621, 658, 687;
— женская 80, 87—98, 146, 147, 149, 159, 247—256, 258, 259, 419—425, 454—456, 512—515, 518, 546—549, 555, 572, 573, 592, 594, 595, 605, 606, 619—622, 641—644, 655—659, 683—688, 691;
— мужская 80—87, 146, 159, 248—250, 256—258, 416—419, 421,424, 425, 454—456, 510—512, 514, 546, 547, 549, 554, 572, 573, 592, 604, 605, 619, 621, 622, 639—642, 656, 658, 685—688, 691;
— головные уборы и прически 80—82, 84—88, 90—98, 146, 147, 149, 159, 223, 246—250, 252—259, 265—266, 278, 367, 395, 416, 417, 419, 421—426, 454—456, 511—515, 518, 547, 553, 573, 592, 594, 595, 604—606, 619—622, 640—644, 655, 656, 658, 683—688, 690;
— обувь 80—82, 84—88, 93, 94, 194, 223, 246—251, 253, 257, 258, 266, 367, 417, 420, 421, 425, 511—515, 518, 547—549, 555, 573, 592, 595, 619, 620, 622, 640, 642, 656, 659, 683—686, 688, 690, 691;
— украшения 47, 87—99, 150, 223, 245—248, 250, 252—256, 308, 417—422, 424, 426, 456, 459, 512, 514, 515, 518, 534, 547, 548, 552, 553, 592, 594, 595, 605, 621, 642, 643, 659
Ойратское гос-во см. Джунгарское гос-во
Ойраты, этн. см. Джунгары, а также Калмыки
Окарем, нас. п. 45
Окилова Маргарита, им. 630
Октогай, нас. п. 398
Октябрьский (Карымшак), нас. п. 233, 234
Октябрьский р-н 676
Окунев Г., им. 317
Омаров М., им. 445
Омарова Зауре, им. 437
Омарова Шамал, им. 472, 474
Оморкулов Мурза, им. 312
Омск, гор. 168, 339, 347, 399, 447, 451 691, 692
Омская крепость, ист. 332
Омская обл. 321, 322
Омский у. 342, 361, 668
Омурканова Мыскал, им. 317
Онбеги, этн. 18, 20
Ораз-Мятиев, им. 133
Оразова А., им. 134
Оренбург, гор. 333, 347, 349, 350, 396, 397, 447, 451, 458, 464, 474, 670, 673, 691, 692
Оренбургская обл. 321, 322
Оренбургское генерал-губернаторство 335
Орловская губ. 663
Ормон, им. 171, 179
Ормонова Кюмюш, им. 311
Орнамент 49, 64, 65, 95, 99, 142—146, 149, 150, 306—311, 401, 417—419, 460—464, 467, 505—507, 548, 549, 563, 590, 634, 682
Орозбаков Сагынбай, им. 297
Орозов Карамолдо, им. 315
Орск, гор. 333, 396, 664
Орто-Сырт, ур. 201
Орто-Токойское водохранилище 207, 244
Орь, р. 333
Орхон, р. 159, 489
Орхоно-енисейские надписи, арх. пам. 129, 159
Освоение целинных и залежных земель 52, 74, 153, 222, 321, 382—385, 408, 454, 541—542, 566, 588, 664, 675, 678, 693, 694
Оседание 13, 32, 46, 49, 67, 68, 153, 173, 178—191, 197, 224, 228, 230—234, 250, 260, 324, 341—343, 359—361, 381, 382, 404, 406, 407, 416, 439, 453, 587, 591, 598, 600—602, 634, 636, 674
Осмонов А., им. 203
Осмонов Алыкул, им. 303, 305
Оснос О., им. 136
Островский А. Н., им. 124, 137, 317, 475, 581
Отамыш, этн. 18
Отгонно-пастбищное скотоводство см. Животноводство
Отрарский оаз. 324
Отуз уул, этн. 175, 176
Отхожие промыслы 26, 59—60, 192—194, 338—340, 348, 364, 365, 369, 501, 536, 540, 541, 565, 600, 614, 633, 652, 672—674
Охота 39, 52, 59—61, 159, 165, 170, 173, 192—194, 364, 365, 402, 600, 673
Охотничьи обряды см. Обряды
Очаги и печи 70, 73, 75—77, 98, 228, 231, 235—237, 403, 405, 406, 412, 505—507, 510, 516, 544—546, 571, 603, 604, 618, 619, 638, 643, 654, 656, 680—681, 682
Ош, гор. 180, 195, 214, 216, 219, 239, 241, 242, 266, 282, 284, 290, 312, 316, 317, 495, 501, 531, 533, 547
Ошанин В. Ф., им. 691
Ошанин Л. В., им. 586, 693
Ошская обл. 149, 154, 155, 186, 196, 197, 209—211, 222, 226, 233, 236, 239, 252, 255—258, 261, 265, 280, 290, 299, 305, 307, 308, 311—313, 489, 495, 498—500, 503, 510
Ошский р-н 488

Павел I, им. 334
Павлодар, гор. 349, 393, 664
Павлодарская обл. 321, 388, 391, 399 462, 479
Павлодарский р-н 679
Павлодарский у. 338, 368, 402, 664

Пайсель, им. 520
Пакистан 155, 216, 280, 287, 598, 631
Палестина 612
Палиашвили З., им. 472
Паллас, им. 416
Палтаев Х., им. 117
Палтаева Уличам, им. 519
Палтусова Зейнахан, им. 526
Пальвартский кн. 52
Памир, геогр. обл. 34, 155, 164, 165, 231, 259;
— Большой 155;
— Восточный 155, 156, 177, 186, 206, 222, 227, 228, 258, 306;
— Малый 155
Памиро-Алай, геогр. обл. 154, 157, 163, 222
Панджшамбе, гор. 617
Панфилов (Джаркент), гор. 454, 488, 493—495, 501, 502, 514, 515, 520, 526, 527, 529, 531, 533, 535, 537, 540, 546, 550
Панфиловский р-н 488, 492, 495, 496, 499, 500, 506, 519, 521
Папанское водохранилище 207
Парау-Биби, им. рел. 119
Париж, гор. 146, 311, 453
Паропамиз, хр. 34
Парфяне, этн. 11, 91, 95
Пархарский р-н 631
Пастбища см. Животноводство, отгонно-пастбищное
Паст-Даргомский р-н 588, 589, 596
Патриархальная семья, большая семья см. Семья и семейно-брачные отношения
Патриархально-феодальные отношения см. Социальный строй
Паульсон Н. И., им. 481
Пахтаабадский р-н 488, 495, 498
Пахта-Аральский р-н 383
Пеглеванлу, этн. 650
Пекин, гор. 453
Пелльо, им. 158
Пенде, оаз. 15, 16, 80
Пенджим, нас. п. 502
Пензенская губ. 663
Первобытнообщинный строй см. Социальный строй
Перовск, гор. см. Кзыл-Орда
Персидский яз. 11, 158, 160, 649
Персия см. Иран
Персы, этн. 90, 110, 129, 634, 638, 650
Петербург, гор. 15, 150, 332, 348, 691, 692 см. также Ленинград
Петефи Ш., им. 125
Петр I, им. 15, 16, 332
Петроалександровск, гор. 29
Петров К. И., им. 164, 165
Петропавловск, гор. 341, 349, 397, 447, 457, 458, 474, 664
Петропавловский у. 342, 664, 668
Печенеги, этн. 11, 323, 324
Пешавер, гор. 615
Пештак, нас. п. 66
Пинхасова Ф. М., им. 628
Письменность 288, 291, 448, 449, 476, 521, 529, 557, 560, 628, 629
Питняк, гор. 582
Пишман, нас. п. 498
Пишпек, гор. см. Фрунзе, гор.
Пишпекский у. 178, 190, 191, 228, 532, 539
Пища 96—102, 159, 160, 180, 213, 259—263, 266, 277, 353, 366, 376, 379, 402, 426—429, 515, 516, 539, 541, 549, 550, 573, 574, 595, 622—623, 643—645, 659, 689—691
Плано Карпини, им. 666
Племя см. Социальный строй, пережитки первобытнообщинного строя
Поволжье, геогр. обл. 322, 396
Погодин Н., им. 475
Погребальные обряды см. Обряды
Подгорное, нас. п. 520
Подуральское плато 351
Покровка, нас. п. 676
Поленов В. Д., им. 151
Поливанов Е. Д., им. 561
Поливанов С., им. 136
Положение женщины см. Семья и семейно-брачные отношения
Полтавская губ. 663
Полторацк, гор. 29, 30 см. также Ашхабад
Полторацкий окр. 32
Полторацкий П. Г., им. 29
Польский яз. 303
Польша 135
Помма-Нурбедыев, им. 131
Понамарев А. С., им. 466
Поселения 8, 20, 21, 39, 55, 65—74, 77, 79, 80, 216—217, 223 — 225, 230—235, 243, 245, 323, 383—385, 407—412, 502, 503, 531, 533, 545, 559, 565, 570, 571, 583, 592, 596, 598, 632, 651, 663, 664, 667, 668, 678—679
Потанин Г. Н., им. 18, 347, 364, 451 691
Потапов Л. П., им. 273
Поярков Ф. В., им. 279, 291, 551, 552, 561
Прага, гор. 453
Преображенский П. Ф., им. 18
Пржевальск (Каракол), гор. 156, 166, 167, 188, 214, 220, 239, 243, 244, 266, 279, 281, 282, 284, 290, 316, 488, 528, 533, 535, 548, 549, 677
Пржевальский Н. М., им. 243, 244, 290
Пржевальский р-н 156, 488
Пржевальский у. 190, 191, 231, 279
Приаралье, геогр. обл. 10, 351
Прибалтика, геогр. обл. 114
Прибалхашье, геогр. обл. 351
Прибалхашская низм. 201
Прииртышье, геогр. обл. 163
Приссыкулье, геогр. обл. 156, 189, 190, 193, 196, 204—206, 210, 222, 230, 231, 235, 236, 238, 244, 249, 255—258, 260—263, 284, 307, 308, 311, 539, 543, 663—666, 676, 680, 683, 685
Прикаспийская низм. 45, 351
Прикладное искусство см. Изобразительное искусство
Приморский (Уссурийский) край 564
Приморье, геогр. обл. см. Приморский край
Присоединение к России 16—21, 26, 47, 68, 86, 167—169, 172, 177, 178, 182, 183, 186, 190, 196, 224, 249, 259, 284, 297, 298, 332—337, 360, 377, 413,

429, 438, 446, 613, 614, 618, 621, 667, 668, 669
Притяньшанье, геогр. обл. 163
Производство циновок, узорная циновка см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Промышленность и рабочий класс 7, 8, 17, 27, 30, 31, 33, 37—46, 106, 153, 154, 196, 212—219, 221, 240—245, 264, 338—341, 348, 369, 393, 394, 396, 397, 413, 430, 546, 566, 600, 601, 616, 617, 653, 664, 670, 671, 674, 675
Процесс сближения наций 15—17, 30, 31, 33, 57, 70, 97, 110, 124, 125, 129, 139, 150, 151, 153, 168, 169, 178, 179, 183, 185, 188—192, 221, 224, 230—232, 234—237, 243—245, 250—253, 256 — 258, 260, 263, 265—268, 274, 277, 279, 280, 283, 284, 288, 297, 299, 300, 305, 310, 315, 317, 340, 341, 346—348, 359, 361, 363—365, 369, 370, 376, 379, 380, 405, 406, 415, 416, 423, 424, 426, 427, 429—432, 438, 439, 450, 451, 469, 483, 485—488, 497, 503, 528, 529, 532, 539, 541, 542, 546, 549, 557, 558, 560, 566, 572, 580—582, 586, 587, 595, 596, 601, 602, 607, 608, 622, 630, 636, 641, 648, 652, 653, 659, 667, 674, 675, 680, 690—695
Прядение см. Ремесла и домашние промыслы
Птицеводство см. Животноводство
Пугачев Емельян, им. 345
Пугаченкова Г. А., им. 83, 91
Пуччини, им. 316, 472
Пчеловодство 196, 197, 260, 568, 636, 673—674
Пушкин А. С., им. 124, 137, 305, 481, 523, 560, 692
Пыжова О. И., им. 136
Пяндж, р. 588, 590, 591

Рабат, нас. п. 650
Равич М., им. 138
Равнина, нас. п. 72
Радимов П. А., им. 151
Радлов В. В., им. 158, 161, 181, 223, 249, 290, 295, 451, 691
Разведение крупного рогатого скота см. Животноводство
Разведение мелкого рогатого скота см. Животноводство
Райкова И. А., им. 693
Ракитин, им. 242
Ракшани, этн. 631, 632
Рамазан Лули, им. 598
Раухвергер М., им. 316, 317
Раух дам, им. 598
Рахимбергенов Дулатбек, им. 380
Рахимов Б., им. 134
Рахмадиев Е., им. 473
Рашид-ад-Дин, им. 12
Рашиди, этн. 583
Революционное движение 17, 27—30, 182—184, 348, 349, 350, 537, 670, 674
Реджепов А., им. 134
Реджепов Пена, им. 33
Резьба по дереву, кости, камню см. Изобразительное искусство; Ремесла и домашние промыслы
Реки, этн. 631, 632
Религии и религиозные верования 113, 117—119, 160, 180, 181, 270, 290, 345, 346, 431, 435, 490, 533—535, 537, 538, 557, 562, 577, 578, 595, 596, 599, 611, 612, 622;
— буддизм 578;
—доисламские верования, шаманизм 94, 95, 113, 118, 119, 160, 179—182, 188, 277—280, 290, 294, 310, 345, 346, 422, 435—437, 493, 534, 555, 556, 563, 577, 578, 596, 599;
— ислам 10, 17, 22, 23, 25, 87, 105, 110, 113, 117—119, 142, 150, 156, 161, 167, 179—182, 242, 270, 272, 274, 277, 278, 284, 290, 297, 299, 345—347, 413, 424, 431, 432, 434, 436, 446, 479, 480, 481, 490, 492, 493, 527, 529, 530, 535, 537, 551, 554—557, 595, 596, 599, 613, 624, 627, 649;
— иудаизм 612, 613, 623—625, 627;
— конфуцианство 578;
— суфизм, 86, 117, 118, 179, 297;
— христианство 346, 578, 611, 667
Ремесла и домашние промыслы 13, 46—48, 194—196, 239, 305—312, 366—369, 395, 490, 495, 501, 540, 541, 589, 590, 600, 614—616, 634, 652, 653, 674;
— винокурение 614;
— вышивка 82, 83, 85—89, 93, 146, 147, 149, 227, 239, 248, 249, 255, 258, 307—309, 311, 459, 461, 464, 502, 512, 546 — 549, 551, 563, 682, 685;
— вязание 94, 461, 572, 634, 653;
— гончарство 46—48, 674;
— ковроделие 38, 39, 47, 48, 65, 79, 80, 105, 112, 121, 141—147, 151, 194, 227, 228, 305—307, 311, 459, 463, 464, 502, 589, 590, 634, 639, 652;
— кожевенное производство 46—48, 61, 84, 194, 196, 239, 305, 309, 366—369, 395, 417, 418, 459, 634;
— кошмоваляние, изготовление войлочных ковров 23, 48, 64, 80, 104, 148, 149, 194, 196, 225—228, 305—308, 311, 366, 367, 369, 395, 433, 458, 460, 463, 464, 501, 634, 652, 653;
—красильное дело 39, 142, 306, 307, 614, 615;
— кузнечество 46—48, 194, 195, 337, 368, 395, 397, 501, 600, 674;
— металлообработка 46, 47, 194, 305, 308, 309, 366, 368, 395—397, 462, 501, 502, 540;
— обработка дерева 46—48, 194—195, 309—311, 366, 368, 369, 395—397, 459, 461, 462, 467, 501, 540, 600, 601, 674, 682;
— обработка камня 413, 462—464;
— обработка кости 311, 459, 462, 463
— обработка шерсти 23, 104, 194—196, 246, 366, 367, 395, 418, 433;
— производство циновок 65, 194, 196, 227, 308, 369, 459, 461, 463, 464, 501, 574;
— прядение 23, 104, 194, 358, 501, 652
— ткачество 47, 48, 65, 83, 84, 91, 104, 112, 142—145, 194, 196, 226, 227, 239, 253, 305, 308, 367, 368, 433, 458, 460—464, 501, 502, 589, 614, 615, 634, 639, 652, 653, 674, 685;

— ювелирное дело 46, 47, 95, 96, 99, 149, 150, 194, 195, 305, 308, 309, 311, 419, 420, 422, 424, 459, 462—464, 501, 547, 600, 614
Ренд, этн. 631
Репин И. Е., им. 151
Риддер, нас. п. 349, 370
Ризаев К., им. 138
Рисоводство 384, 386, 389, 531, 538, 539, 541, 542, 550, 565, 566, 567, 570
Риттих А. А., им. 464, 465
Рогиб, им. 629
Род, родовое общество см. Социальный строй, пережитки первобытнообщинного строя
Родени, этн. 632
Родканское хан. 650
Розамов Султанмурат, им. 526
Розахунова Тохтыхан, им. 499
Розов В., им. 526
Розыбакиев А., им. 522
Ром, этн. 598
Романишвили, им. 560
Романов С., им. 465, 466
Романовская В., им. 414
Романовская Е. Е., им. 695
Романовский В. И., им. 692
Ромитан, нас. п. 587
Ромодин В. А., им. 163
Роспись см. Изобразительное искусство
Россия 16—18, 20, 21, 26, 27, 29, 31, 40, 42, 47—49, 62, 68, 86, 104, 117, 147, 167—169, 172, 177, 178, 183, 184, 186, 188, 190, 192, 195, 196, 224, 246, 249, 259, 267, 284, 297, 298, 300, 327, 332—340, 346—350, 352, 360, 364, 366, 377, 396, 413, 423, 427, 429, 440, 446, 451, 483, 485, 486, 489, 492, 493, 495, 501, 502, 522, 530—533, 536, 537, 544, 557, 564, 578, 613, 614, 618, 621, 625, 633, 650, 662—664, 666—670, 672, 673, 682, 691, 692
РСДРП 348
РСФСР 7, 9, 51, 105, 184, 322, 350, 351, 372, 373, 383, 399, 437, 443, 447, 452, 457, 564
Рубинов М., им. 629
Рубинштейн А. Г., им. 472
Рубрук Иоанн, им. 666
Руденко С. И., им. 451
Рудный, гор. 377, 450
Рузиев Амин, им. 602
Русские, этн. 8, 15—17, 25, 27—29, 33, 45—47, 49, 57, 60, 62, 66, 70, 75, 80, 86, 91, 97, 101, 110, 117, 120, 129, 131—133, 135, 137, 138, 147, 150—152, 155, 157, 165, 168, 169, 178, 183, 184, 188—192, 196, 209, 221, 224, 230—232, 234—237, 243, 244, 250—253, 260, 263, 265—270, 274, 277—280, 283, 284, 288, 291, 297—301, 308, 321, 322, 332—338, 340, 341, 343, 346—349, 359, 361—365, 369, 370, 376, 377, 380, 396, 403—407, 410, 412, 416, 424, 427, 429—431, 446, 449, 451, 461, 464, 472, 475, 480, 481, 484—487, 494—497, 501, 502, 526, 532, 542, 545, 546, 557, 560, 571, 572, 575, 608, 628, 634, 636, 649, 652, 659, 662—696
Русский яз., диал. гов. 80, 120, 122, 124, 125, 138, 289, 303, 304, 457, 458, 480, 528, 557, 558, 560, 565, 566, 580, 581, 611, 648, 649, 661, 665, 666, 691
Руставели Шота, им. 305
Рыбачье, гор. 219, 243, 244
Рыболовство 15, 26, 35, 39, 42, 52, 59, 196, 323, 337, 339, 364—366, 400, 672—674
Рыскулбек, им. 299
Рыскулов Муратбек, им. 317
Рыскулова Жамал, им. 438
Рыскулова К., им. 269
Рычков П. И., им. 157
Рязановы, им. 338
Ряузов, им. 317

Саади, им. 629
Сабзавар, гор. 611
Сабзанов, им. 612
Саблуков Г., им. 12
Савроматы (сарматы), этн. 323
Сагыз, р. 354
Сагымбаева Тегелей, им. 270
Сагырбаев Курмангазы, им. 469
Садвокасов К., им. 522
Садоводство 37, 40, 42, 50, 73, 210—212, 234, 242, 260, 341, 364, 383, 384, 387, 428, 495, 497, 500, 539, 540, 544, 545, 568, 588, 589, 653, 672, 676, 677, 679 см. также Сельское хозяйство
Садовяну М., им. 125
Садывакунов Таншырма, им. 204
Садыкбеков Т., им. 268, 304
Садыков Самат, им. 185
Садыков Т., им. 312
Садыков Т., им. 695
Саидов Беги, им. 607
Саин-хани, этн. 12
Сайрам, ист. 332
Сакар, нас. п. 29, 36
Сакараваки, этн. 323, см. также Саки
Саки водные (апасиаки и аугасии), этн. 323, см. также Саки
Саки, этн. 165, 223, 323
Сакский яз. 489
Салар, р. 533
Салиева Батый, им. 270
Салтыков-Щедрин М. Е., им. 305
Салур, ист. 12
Сальвадор Марини, им. 135
Салыры (салыр), этн. 9, 12—16, 18, 19, 67, 87, 142
Самандаров Гавриэль, им. 629
Самандарова Сарра, им. 630
Саманишты, ист. 324
Самара, гор. 447
Самарканд, гор. 47, 48, 582, 584—586, 588, 593, 598—601, 606—608, 610, 611, 613, 614, 616—618, 620, 621, 623, 626—629, 662, 670, 691
Самаркандская обл. 10, 177, 322, 565, 588—591, 598, 601, 602, 604, 605, 662, 663, 669
Самаркандский вилайет 617
Самаркандский окр. 616
Самаркандский отдел 155
Самаркандский р-н 586
Самаркандско-бухарская группа диал. см. Таджикский яз., диал.
Самарская губ. 663
Самарханова Суйрик, им. 437
Самойлович А. Н., им. 451

Самоназвания этнические 7, 154—157, 165, 323, 325, 489, 527, 564, 582, 597, 598, 610, 631, 649, 651, 663
Санони, этн. 583, 585
Сапармухаммедова Дурдынияз, им. 32
Сара, им. 478
Саратовская губ. 663
Саратовская обл. 321
Сарбагишев Уран, им. 316
Сарматы, этн. см. Савроматы
Сарногоев Б., им. 304
Сарсенбаев Мамотай, им. 393
Сарт-калмак (сарт-калмык), этн. 156, 176
Сарттар, этн. 175, 176
Саруу, этн. 175—177, 255
Сарьян М. С., им. 151
Сары багыш, этн. 168, 171, 175, 176, 223, 224
Сарыев Аннамурад, им. 29
Сарыев Пурли, им. 133
Сарыкамышская впадина 34
Сарыкамышское оз. 11—13
Сарыки (сарык), этн. 9, 12—16, 18, 19, 48, 67, 70, 80, 83, 86, 87, 89—92, 94, 110, 146, 147
Сары-Озек, нас. п. 399
Сары-Су, р. 326, 351
Сары уйсин, этн. 325
Сарыханов Нурмурад, им. 122, 124, 132
Сары-Язынское водохранилище 52
Сасаниды, ист. дин. 598
Сасыкбаев С., им. 304
Сасык-Джийде, ур. 299
Сасыкова Мадакан, им. 311
Сатаров Г., им. 312
Сатарова Марзия, им. 311
Сатпаев К. И., им. 452
Саттаров Исмаил, им. 523
Сатыбалдыев А., им. 242
Сатылганов Токтогул, им. 298, 299 — 301, 311, 314, 692
Саумал-Куль, оз. 435
Саур, хр. 351
Сафид-Буленд, нас. п. 180
Сафкон, этн. 651
Сахалин о. 564
Саяк, этн. 166, 167, 175, 176, 180
Саяно-Алтай, геогр. обл. 161, 164
Саянский хр. 160
Саят, этн. 18
Саятский кн. 52
Свадебные обряды см. Обряды
Свердловск, гор. 399
Свердловский р-н 449
Светлый мыс, кур. 281
Свиноводство см. Животноводство
Свириденко М. Д., им. 675
Свободный, нас. п. 384
Северновеликорусский гов. см. Русский яз., гов.
Северный Хамгёндо (провинция) 564
Северо-восточный диал. см. Корейский яз., диал.
Северо-западная группа диал. см. Таджикский яз., диал.
Северо-западная группа иранских яз. 631, 649
Северо-Казахстанская обл. 321, 388
Северцов Н. А., им. 347, 451, 691
Сеид, этн. 20
Сейди, им. 124, 126, 130
Сейдниязов Мурад, им. 137
Сеидов М., им. 131
Сеистан, геогр. обл. 632
Сейтаков Б., им. 124
Сейтек, им. эп. 295
Сейтлиев К., им. 124, 131, 132, 136, 137
Сейфаддин Ахсикенди, им. 163
Сейфуллин Сакен, им. 483, 484
Селенга, р. 159, 490
Сельджукиды, ист. дин. 650
Сельджукские племена 11
Сельджукский союз племен 10
Сельское хозяйство 27, 29, 30, 32, 33, 38—40, 42, 44, 45, 49—59, 185—192, 196—212, 214, 240, 242, 330, 331, 336, 341, 342, 352—364, 380—395, 399, 430, 495—499, 538 — 543, 565—568, 587—589, 601, 602, 616, 633—636, 652, 653, 671, 672, 674—678 см. также отдельные отрасли сельского хозяйства. Сельскохозяйственные культуры; Сельскохозяйственные орудия
Сельскохозяйственные культуры 27, 32, 36—40, 42, 50, 51, 57, 159, 191, 205—207, 209—212, 214, 364, 383, 384, 386—389, 394, 427, 492, 496, 497, 500, 516, 538, 541—543, 566—588, 616, 633, 634, 652, 653, 672, 674—677
Сельскохозяйственные орудия 27, 50, 188, 191, 192, 356—358, 363—364, 368, 381, 384, 496, 497, 535, 539, 540, 566—568, 634, 652, 672, 674
Селявное, нас. п. 267
Семенов А. А., им. 693
Семенов-Тян-Шанский П. П., им. 223, 290, 347, 451, 691
Семетей, им. эп. 295
Семипалатинск, гор. 168, 333, 339, 341, 349, 397, 450, 453, 454, 463, 464, 466, 476, 664, 670, 692
Семипалатинская крепость, нас. п. 332
Семипалатинская обл. 321, 335, 336, 350, 356, 357, 359, 360, 391, 399, 404, 409, 410, 412, 420, 422—424, 435, 664
Семиреченская обл. 177, 228, 335, 349—351, 380, 404, 447, 491, 492, 495, 520, 538, 540, 541, 663, 668, 669, 672
Семиречье, геогр. обл. 10, 158, 222, 223, 323, 324, 326, 332, 333, 335, 336, 341, 347, 349, 350, 356, 357, 360, 361, 367, 369, 399, 404, 405, 409, 410, 416, 436, 490, 491, 493, 495—501, 503, 510, 512, 536—538, 540, 662, 669
Семья и семейно-брачные отношения 102—113, 238, 263, 265, 271—279, 402, 432—440, 506, 510, 533, 550—556, 574—577, 595, 596, 605—608, 623—627, 659—660, 690;
— авункулат 272, 607, 659;
— брак 20, 22, 103—105, 109—113, 174, 271—275, 331, 346, 422, 433, 434, 438, 439, 517—519, 533, 551—555, 574, 575, 595, 596, 606—608, 625—627, 645—646, 659, 660, 689—690;
— воспитание детей 102, 104, 105, 107—109, 119, 120, 273, 277, 278,

281, 284—287, 374, 433, 436, 439, 440, 441, 443, 447, 474, 520, 551, 555, 559, 576, 577, 607, 614, 625, 660;
избегание 103, 104, 112, 273, 433, 435, 439, 626, 660;
— калым 22, 23, 50, 104, 105, 111—113, 172, 271—274, 329, 331, 434, 435, 474, 517, 518, 552, 553, 595, 626, 645, 659, 660, 685;
— левират 104, 271, 272, 274, 433, 434, 438, 478, 551, 606, 627, 659;
— патриархальная, большая семья 22, 73, 102—103, 182, 265, 271, 273, 275, 276, 433, 434, 517, 550, 551, 574, 595, 623, 659;
— положение женщины 22, 23, 26, 46, 48, 49, 102—107, 109—113, 119, 123, 128, 136—139, 146, 182, 188, 227, 236, 269—271, 273—276, 278, 284, 297, 373, 432—434, 436—440, 442, 443, 452, 481—483, 517, 519, 520, 536, 551, 555, 574, 575, 595, 596, 606, 607, 623, 627, 629, 648, 659, 660
— сорорат 271, 273, 434;
— экзогамия 110, 272, 274, 433, 575;
—эндогамия 110
Семятова Мариям, им. 526
Сералин М., им. 482
Серахс, геогр. обл. 14—16
Серахс, ист. 67
Серахский р-н 9
Сервантес М., им. 125
Сергей-ага, им. 667
Сергиополь, гор. 662
Серкебаев Ермек, им. 474, 475
Серкеш, эти. 326
Серов В. А., им. 151
Сеффе, эти. 651
Сибирский гов. см. Русский яз., гов.
Сибирское хан. 326
Сибирь, геогр. обл. 157, 165, 299, 322, 398, 463, 666, 669, 684;
— Западная 168, 404;
— Южная 157, 165, 222
Сидоркин Е. М., им. 466
Синдхи, яз. 631
Синьцзян, геогр. обл. 222, 268, 306, 489—491, 496, 514, 527, 528 см. также Туркестан Восточный
Синьцзян-Уйгурский автономный р-н 155, 190, 268, 305, 322, 488—491 см. также Туркестан Восточный
Сиспар, нас. п. 650
Скобелев, гор. 662
Скобелев, им. 16
Скотоводство см. Животноводство
Скотоводческие обряды см. Обряды
Скульптура см. Изобразительное искусство
Словцов И., им. 406
Смоленская обл. 33
Советский р-н, 286
Совет-яб, кн. 35
Согд, ист. 189
Согдийский яз. 489
Согдийцы, эти. 165
Сокольский Д. В., им. 452
Сокулук, нас. п. 531
Сокулук, р. 531
Соломон (Сулейман), им. рел. 242
Солто, эти. 166, 167, 171, 175, 176
Сон-Куль, оз. 170, 198
Сорорат см. Семья и семейно-брачные отношения
Соснин Г. В., им. 146
Софиев М., им. 628
Сох, р. 215, 236
Социалистические нации, их формирование и развитие 30, 31, 153, 184, 217, 218, 264, 266, 267, 283, 351, 432, 488, 582
Социальный строй 9—11, 13, 16, 18, 20—28, 66, 103, 159, 160, 169—174, 177, 180—182, 187, 190, 195, 197, 222—225, 260, 265, 271, 272, 275, 278, 283, 284, 296, 297, 314, 326—331, 335—337, 339—340, 348, 403, 406, 434, 482, 491—494, 533—537, 564, 587, 599, 612—614 632, 633, 651, 652, 669;
— капиталистические отношения 17, 23, 26, 27, 177, 178, 184, 190, 195, 212, 213, 218, 249, 271, 337—344, 348, 349, 361, 369, 430, 492—494, 498, 533—537, 564, 612, 613, 668—671, 674;
— патриархально-феодальные отношения 12, 18, 20, 23, 24, 26, 30, 67, 103, 152, 160, 165, 167, 169—174, 178, 180—182, 187, 189, 271, 283, 296, 298, 323, 325—331, 337, 340, 344, 345, 429, 430, 432—434, 446, 476, 535, 587, 613, 632, 633, 651;
— пережитки первобытно-общинного строя, племя, род 9—12, 18—20, 23—25, 47—49, 66, 80, 103, 112, 130, 142, 153, 156, 159, 160, 163, 165, 166, 169—177, 180—182, 187, 222, 224, 225, 246, 265, 270—273, 275, 278, 297—300, 323—325, 327—331, 341, 344, 364, 366, 430, 433—435, 446, 490, 533, 583, 584, 587, 599, 631, 632, 651;
— феодальный строй 13—16, 20—29, 66, 67, 160, 161, 166—175, 177, 179, 182—184, 186, 187, 190, 193, 196—198, 223, 224, 230, 246, 296, 297, 324, 326—334, 343—346, 360, 361, 364, 405, 429, 480, 482, 484, 490, 491, 530, 533, 535, 536, 564, 587, 650, 651, 667
Союнова Нурджамал, им. 137
Спорт и физкультура 112, 115—117, 233, 266, 268, 269, 318—320, 414, 415, 431, 443—446, 457, 570, 601
Среднеазиатских евреев яз. см. Еврейско-таджикский диал.
Среднеазиатское междуречье, геогр. обл. 157, 324
Среднеперсидский яз. 631
Средний жуз, ист. 326, 329, 332—334, 338, 354, 361, 423, 667
СССР (Советский Союз) 7, 8, 30—35, 38, 39, 41, 42, 44, 53, 54, 57, 59, 62, 80, 101, 106, 109, 114, 120, 121, 124, 125, 134, 136—140, 142, 153—157, 184, 185, 203, 209, 210, 213, 215—219, 221, 241, 245, 264, 267, 269, 283, 287, 291, 302, 312, 316—318, 320—322, 351, 352, 371, 372, 431, 469, 470, 486, 488, 527, 541, 556, 564, 565, 581, 632, 634, 649, 653

Ставропольский край 9
Станиславский К. С., им. 136
Станковая живопись см. Изобразительное искусство
Староузбекский яз. 10
Старший жуз, ист. 325, 332—335, 354, 401, 423, 667
Стасов В. В., им. 151
Степанов Л., им. 472
Степной край, геогр. обл. 364, 668, 669
Стиль А., им. 125
Стойловое скотоводство см. Животноводство
Столяров С., им. 464
Суан, этн. 325
Сузакский р-н 236
Сул, им. 11
Сулайманов Д., им. 190
Сулейманов И., им. 542
Султан Саид-хан, им. 161
Суфизм см. Религии и религиозные верования
Сулюкта, гор. 212, 213, 242
Сумбар, р. 9, 29, 35, 70
Сумсар, нас. п. 244
Сунчали, этн. 18
Суриков В. И., им. 151
Суртубаев М., им. 476
Сурхан-Дарьинская обл. 584, 589, 598
Сурхан-Дарья, р. 582, 586
Сусамыр, р. 170, 177, 197, 198, 269
Суу мурун, этн. 175, 176
Суханкулиев Тачмамед, им. 133
Сушанло М. Я., им. 562
Суяб, ист. 323
США 350
Сыдыкбеков Тугельбай, им. 303, 304
Сыдыков Т., им. 312
Сыма Цянь, им. 158
Сыр-Дарьинская обл. 177, 335, 341, 350, 351, 380, 404, 662, 663, 669, 672, 674
Сыр-Дарья, р., 157, 215, 323, 324, 335, 345, 351, 352, 360, 362, 364—366, 383, 384, 394, 409, 566, 663, 674
Сыртбай, им. 314
Сычмаз, этн. 20
Сюань-Цзан, им. 223
Сюлюкли, нас. п. 651
Сююк, им. 334
Сяо цзя, этн. 527

Табын, этн. 325
Тагай, этн. 175—177
Тагеев Б., им. 246
Тагирджанов А. Т., им. 163
Тагор Р., им. 125
Таджики, этн. 66, 80, 96, 124, 155, 163, 190, 192, 193, 224, 231, 232, 234, 237, 250, 251, 253, 258—260, 265, 467, 582, 583, 586, 588, 591, 592, 594—597, 604, 607, 610, 623—626, 628—630, 675, 693
Таджикистан см. Таджикская ССР
Таджикская ССР 9, 154, 155, 236, 255, 267, 306, 322, 488, 538, 564, 582, 587, 588, 591, 595, 597, 610, 628, 630, 631, 665, 675, 694
Таджикский яз., диал. 11, 20, 289, 432, 584, 597, 609, 610, 612, 628, 631
Тажибаев А., им. 475, 484, 486
Тайманов Исатай, им. 345, 479
Тайпакский магистральный кн. 384
Талас, геогр. обл. 206, 219, 252, 263, 307, 308
Талас, р. 156, 190, 215, 226, 261, 295, 323, 354, 360, 361
Таласская дол. 54—156, 177, 202, 203, 206, 222, 225, 226, 232, 236, 251, 253, 254, 255, 258, 260, 261, 311
Талды-Курганская обл. 391, 456
Талиби, им. 131
Талкан, этн. 171
Талкынбаев Токторалы, им. 301
Талхатан-Баба, нас. п. 634
Тама, этн. 325
Тамбовская губ. 663
Тамбовская обл. 665
Тамга, кур. 281
Тан, ист. дин. 159, 160
Тана, этн. 325
Тангут, этн. 325
Тансыкбаев Урал, им. 465
Танцы 134, 135, 138, 139, 315—317, 455, 456, 470—472, 523—526, 534, 562, 579—581, 609, 646, 647, 660
Тан Шу, ист. 223, 249
Таранчи, этн. см. Уйгуры
Тарбагатай, хр. 351
Тарханы, нас. п. см. Дархан
Тат, этн. 18, 20
Татарский яз. 288, 558
Татары, этн. 8, 89, 110, 155, 157, 178, 179, 244, 250, 284, 321, 341, 406, 416, 451, 479, 542, 546, 571, 607, 635
Татищев В. Н., им. 157
Таты, этн. 650
Тауке, им. 327, 329, 432
Тахир, им. эп. 131
Тахиров Айдогды, им. 33
Тахир хан, им. 161
Тахта-Базарский р-н 9
Тахтинский р-н 121
Тачмамедов Чары, им. 133
Тачмурадов Мыллы, им. 133
Ташауз, гор. 8, 34, 38—40, 46, 79, 115, 134
Ташаузская обл. 7, 35, 38, 53, 57, 64, 65, 72, 74, 77, 84, 85, 89, 91, 92, 96, 99, 102, 103, 120, 121, 147, 150
Ташаузский оаз. 61
Таширов Хайтахун, им. 210, 266, 541, 542, 543
Ташкент, гор. 137, 141, 157, 219, 221, 287, 313, 332, 335, 339, 349, 397, 398, 400, 447, 451, 489, 521, 522, 528, 540, 541, 543, 558, 565, 598, 599, 603, 610, 611, 613, 662, 670, 673, 675, 691
Ташкентская обл. 565, 566, 568, 570, 571, 576, 578—580
Ташкентский окр. 616
Ташкентский у. 662
Ташкепри, нас. п. 8
Ташкепринское водохранилище 52
Таш-Кумыр, гор. 213, 242, 243
Ташлиева М., им. 134
Ташназаров О., им. 140
Таш-Тюбе, нас. п. 190, 231
Твен Марк, им. 125
Театр 41, 132—141, 242, 244, 266—268, 290, 311, 315—317, 457, 470—474, 476, 523, 525, 579, 581, 630, 694

Тевеккель, им. 327
Тевкелев А. И. им. 333
Теджен, геогр. обл. 14
Теджен, гор. 28
Теджен, р. 9, 34, 35, 39, 52
Тедженский оаз. 34, 36, 39
Тедженский р-н 60, 132
Тедженское водохранилище 39, 52, 53
Теелес, этн. 180, 181
Тейит, этн. 163, 175, 176, 236
Теке (текинцы), этн. 9, 12—16, 18—20, 22, 24, 63—69, 82, 88, 90, 92, 93, 103, 109—111, 130, 142, 143, 146, 147, 149
Текели, гор. 371, 378
Текемамедов Ильяс, им. 117
Теле, этн. 323
Телек, этн. 171
Тельжанов К., им. 465, 466
Тельманский р-н 120
Тельман Эрнст, им. 268
Темир, р. 361
Темировский у. 664
Темирский р-н 401
Темир-Тау гор. 371, 372, 378, 393, 397, 450
Темучин, им. см. Чингиз-хан
Термез, гор. 587, 662
Термечиков Шаршен, им. 315
Терпсихоров Н., им. 151
Терскей Ала-Тау, хр. 175, 351
Тибет, геогр. обл. 222, 322
Тибетцы, этн. 160, 490
Тиермень, нас. п. 491, 502, 506
Тилен, им. 314
Тимур, им. 324, 585, 586, 611
Типы земледелия (булачное, каирное, кяризное, лиманное, неполивное, поливное) см. Земледелие
Тиснение по коже и инкрустации см. Изобразительное искусство
Тишеев Сайдулла, им. 218
Тлендиев Н., им. 472
Ткачество см. Ремесла и домашние промыслы
Тобой, этн. 175, 176
Тобол, р. 326, 333, 351
Тоголок Молдо, им. см. Абдырахманов Байымбет
Тогуз-Тороо, дол. 166, 189, 258
Тогуз Тороузский р-н 286
Токабаев Молдогазы, им. 304
Токкуз-огузы, этн. 490
Токмагамбетов, А., им. 484
Токмак, гор. 166, 241, 310, 488, 528, 531, 533
Токмакский у. 532, 557
Токомбаев Аалы, им. 268, 303, 304
Токтогульский р-н 299
Токтамушев Абдрасул, им. 268, 303
Токтоналиев С., им. 317
Тола, р. 490
Толе-бий, им. 329
Толкановская волость 536
Толмасов Михоэль, им. 630
Толмасов Рафаил, им. 630
Толстов С. П., им. 159
Толстой Л. Н., им. 124, 305, 481, 482, 523, 560
Тоолос, этн. 175, 176
Торайгыров С., им. 482, 483
Торговля 15, 16, 26, 27, 30, 33, 40, 42, 47, 48, 97, 160, 170, 195, 245, 246, 249—251, 332—334, 337, 341, 343, 344, 360, 361, 364, 366, 415, 416, 427, 492, 497, 501, 540, 541, 590, 600, 614, 617, 672—674
Торт-Кара, пам. архит. 413
Торт кара, этн. 325
Тохарский яз. 489
Тохтамыш, этн. 18
Тохтанова Ризван, им. 526
Транспорт 7, 17, 29, 31, 33, 35, 37—39, 41, 42, 45, 52, 59, 61—63, 199, 201, 202, 219—222, 225, 244, 370, 396—400, 502, 540, 543;
— автомобильный 62, 219, 220, 234, 240, 244, 280, 376, 399, 502, 543, 661
— водный 17, 35, 41, 42, 45, 52, 59, 62, 63, 219—222, 244, 339, 397, 399;
— воздушный 62, 201, 219, 240, 399—400;
—вьючный 61, 172, 187, 199, 202, 203, 219, 221, 225, 353, 354, 355, 396, 397, 603;
— гужевой 61, 202, 221, 396, 397, 399, 403, 502, 540;
— железнодорожный 17, 31, 33, 37—39, 41, 42, 52, 61, 62, 219, 240, 242, 244, 339, 397, 398, 502
Тренев К., им. 475, 581
Троицк, гор. 664
Ту (монгоры), этн. 249
Тубинское княжество, ист. 165
Тувинская АССР 160
Тувинцы, этн. 165, 221
Тугелов Н., им. 316
Ту-кю, этн. 159
Тулебаев М. Т., им. 470, 472—475
Тулебердиево, нас. п. 267
Тулебердыев Чолпонбай, им. 185, 267
Тулеев А., им. 315
Тулуй, им. 160
Туманов Ибрай, им. 315
Туманский А., им. 12
Тунгусо-маньчжурская ветвь алтайской семьи яз. 565
Туранская низм. 351
Тургай, геогр. обл. 410, 412, 421
Тургай, гор. 349, 480
Тургай, р. 337, 361, 362, 365, 407
Тургайская впадина 452
Тургайская обл. 335, 336, 338, 349—351, 404, 446, 664
Тургайская стп. 424
Тургенев И. С., им. 124
Туркестан, геогр. обл. см. Туркестанский край
Туркестан Восточный, геогр. обл. 159, 160, 163, 166, 191, 236, 306, 324, 489, 501, 524
Туркестан, гор. 332, 335
Туркестанская АССР 351, 380
Туркестанская Советская Социалистическая Республика 184
Туркестанский край 16, 17, 29, 30, 183, 494, 589, 611, 613, 662, 663, 668—670, 672, 674, 691, 694
Туркестанское генерал-губернаторство 177, 335, 668

Туркмения, Туркменистан, см. Туркменская ССР
Туркмен-Кала, нас. п. 634
Туркмен-Калинский р-н 59, 631, 634, 640—644, 646, 649
Туркменская ССР 7—17, 20—22, 26—42, 44—48, 51—54, 57, 60—63, 66, 69, 70, 72—74, 77, 80, 82, 83, 86, 87, 89, 90, 93, 97—103, 105, 106, 109, 110, 113, 114, 117, 119—122, 124, 125, 127, 129—141, 146, 151—153, 155, 267, 321, 322, 399, 424, 488, 564, 582, 631—635, 637, 638, 640—658, 660, 661, 665, 694
Туркменская обл. 29, 30, 631
Туркменский яз., диал. 9, 10, 11, 80, 120, 122, 124, 125, 129, 131, 132, 138, 141, 432, 584, 647—649, 651, 661
Туркмены, этн. 7—153, 324, 349, 587, 590, 594, 595, 633—636, 641, 643, 644, 649—653, 656, 658—660, 675;
— балханские 23, 49;
— бухарские — 23;
— западные 60, 92, 147;
— марыйские 16, 23, 46, 64, 70, 84, 85;
— *приамударьинские 16, 23, 68, 80, 87*;
— прикаспийские (и мангышлакские) 9, 15, 16, 49, 60, 80, 82, 100, 104;
— северные 12, 144;
— ставропольские 9, 10;
—хивинские (ташаузские) 23, 80, 89, 90, 91, 92, 147;
—хорезмские 16, 20, 23, 30, 68;
— южные 143, 147
Турфан, геогр. обл. 490
Турция 9, 140, 153, 216, 280
Тхай Дян Чун, им. 581
Тынаева Зуура, им. 203, 204
Тыныбекова Бюбюкан, им. 204
Тынымсейит, этн. 175, 176
Тюлёёберди, им. 171
Тюменская обл., 321
Тюп, нас. п. 664, 666
Тюпко Валентин, им. 678
Тюргеши, этн. 323
Тюргешский каганат, ист. 323
Тюрк, этн. 650, 651, 652, 657
Тюрки, этн. 10, 11, 129, 159, 161, 165, 181, 223;
— огузы 159
Тюркские яз. 12, 156, 323, 489, 491, 528, 584, 651
Тюркский каганат, ист. 323
Тянь-Шань, геогр. обл. 154, 156—166, 175, 179, 183, 189, 197, 199, 204—207, 210, 215, 219, 222, 224, 232, 238, 244, 251, 253, 255, 257—259, 263, 268, 311, 313, 323, 351, 382
Тянь-Шаньская обл. 154, 156, 199, 202, 232—234, 237, 245, 251, 265, 269, 300, 309

Уаз, ур. 59, 67
Убайдулла, им. 586
Убса, р. 156
Угурлиев Гельды, им. 133
Угэчи Хашага, им. 164
Узбеки, этн. 7, 9, 10, 13, 14, 29, 30, 46, 54, 66, 68, 80, 83, 89, 96, 102, 124, 138, 150, 155, 163, 167, 178, 190, 192, 209, 224, 226, 231, 232, 234, 236, 237, 241, 242, 250, 252, 256, 257, 260, 263, 265, 266, 268, 274, 284, 296, 321, 324, 341, 349, 377, 379, 404, 427, 428, 451, 479, 488, 489, 493, 494, 501, 503, 528, 529, 532, 538, 546, 548, 550, 568, 570, 571, 581—583, 586—592, 594—597, 602, 604, 607, 623—626, 629, 630, 650, 675, 690, 693;
— полукочевые 226
Узбекистан см. Узбекская ССР
Узбекская ССР 7, 8, 10, 35, 62, 89, 154, 155, 215, 219, 256, 267, 321, 322, 488, 489, 494, 495, 501, 515, 516, 523, 526—528, 538, 564—568, 570, 571, 576, 578—582, 584, 587—589, 597, 610, 616, 628—630, 649, 665, 670, 671, 675, 678, 680, 694, 695
Узбекский яз., диал. 9, 122, 124, 266, 288, 289, 432, 458, 489, 490, 528, 558, 565, 566, 584, 595, 597, 609—611, 691
Узбой, сухое русло Аму-Дарьи 12, 26
Узген, гор. 242
Узгенский р-н 236
Узорная циновка, см. Изобразительное искусство
Узорное вязание см. Изобразительное искусство
Узорный войлок см. Изобразительное искусство
Уйгур, нас. п. 498
Уйгурские племена 490
Уйгурский каганат, ист. 490
Уйгуры (таранчи), этн. 155, 159, 160, 234, 244, 260, 263, 265, 266, 321, 379, 404, 427, 428, 451, 479, 487, 488—526, 528, 529, 538, 542—546, 550, 557;
— семиреченские 488, 489, 493, 497, 500, 510, 516;
— ферганские 488, 497, 502, 510, 516;
— центральноазиатские 489
Уйгурский р-н 488, 492, 495, 496, 499—504, 506—509, 519—521, 525, 526
Уйгурский яз., диал. 457, 458, 488—490, 528, 560
Уил, р. 354
Уйтал, нас. п. 666
Украина см. Украинская ССР
Украинская ССР 7, 267, 372, 447, 457, 495, 663, 665, 682
Украинский яз. диал. 560
Украинцы, этн. 8, 33, 110, 124, 133, 155, 178, 188—190, 192, 230—232, 235, 236, 251, 253, 266, 268, 321, 322, 359, 361, 416, 431, 451, 461, 487, 542, 546, 662—696
Украшения см. Одежда
Укил А. К., им. 457
Улам, этн. 18, 49
Улангом, р-н 156
Улуг-заде, им. 693
Улуг-тепе, этн. 18
Умай-эне, рел. 181
Умаров Бедельжан, им. 522
Умаров Махмуд, им. 522
Умбетбаев Анварбек, им. 474

Уметаалы, им. 171
Уметалиев Темиркул, им. 268, 303
Умурзаков Емобай, им. 474, 476
Упенник Микола, им. 560
Урал, геогр. обл. 322, 338, 398
Урал, р. 323, 324, 326, 334, 337, 351, 359, 366, 664, 672, 686
Урало-Кушумская обводнительная система 384
Уральск, гор. 341, 348, 350, 398, 453, 466, 664, 670
Уральская обл. 321, 335, 336, 338, 350, 351, 369, 408, 446, 664
Уральские г. 386
Уральский гов. см. Русский яз., гов.
Уральский у. 664
Уральцы, этн. 686, 687, 695
Ура-Тюбе, г. 222
Ургенч, гор. 397
Ургутский тюмень 155
Урда, нас. п. 458
Урманче В. И., им. 465
Усадьба 66—70, 73—77, 230, 232, 236, 409—412, 502, 503, 505, 506, 508, 531, 544—546, 570, 571, 604, 618, 654, 678—681
Усанович М. И., им. 692
Усенбаев Алымкул, им. 302, 303
Усенов У., им. 445
Успенский В. А., им. 133, 695
Уссурийский край см. Приморский край
Усть-Каменогорск, гор. 333, 371, 375, 379, 414, 457, 466, 664
Усть-Каменогорская крепость, нас. п. 332
Усть-Каменогорский у. 343
Устюрт, плато 11, 12, 14, 15, 34, 60, 351, 354, 355
Усубалиев Алтымыш, им. 268, 312
Усуни (усунь), этн. 158, 165, 223, 323, 325
Усупова Алима, им. 270
Утварь 65, 77, 80, 96—102, 194—196, 222, 223, 227, 228, 230, 236, 238, 239, 243, 261—263, 308, 310, 367, 368, 395, 402, 403, 406, 412, 426—429, 459, 461, 505, 507, 510, 516, 546, 550, 555, 556, 572, 574, 603, 604, 618, 622, 623, 637, 639, 643, 644, 659, 682, 689, 690
Утегенова К., им. 438
Утемисов Махамбет, им. 345, 479, 480
Утеулиева Уштан, им. 438
Ушаков, им. 338
Ушинский К. Д., им. 347, 481
Ушуров Турсун, им. 386

Федеративная Республика Германии 287
Федоровский р-н 678, 679
Федченко А. П., им. 691
Федченко Б. А., им. 691
Фелькерзам А., им. 87, 145
Феодальный строй см. Социальный строй
Феофанов, им. 670
Фергана, гор. 599, 603, 611, 613
Фергана, геогр. обл. 165, 189, 195, 224, 236, 237, 242, 252, 361, 488, 492, 495, 497—501, 503, 509, 514 —518, 585, 610, 611
Фергана, ист. 491, 493
Ферганская дол. 156, 165, 166, 191, 361, 497, 528, 529, 531, 543, 568, 582, 672
Ферганская котл. 156, 177, 189, 190, 206, 241
Ферганская обл. 155, 177, 231, 662, 663, 672, 674
Ферганский окр. 616
Ферганский хр. 177, 232
Фере, В., им. 316, 317, 695
Ферсман А. Е., им. 31, 451
Фесенков В. Г., им. 452
Фетисов, им. 240
Филиппович, им. 670
Филиппченко Ю. А., им. 451
Финляндия 268
Фиолетов И. Т., им. 17, 670
Фирдоуси, им. 130, 482, 598
Фирюза, нас. п. 8, 114, 649, 651, 652, 660
Фирюзинская дол. 40
Фирюзинское ущ. 650
Фишер И. Э., им. 158
Фольклор 24, 112, 125—129, 132, 133, 177, 181, 192, 273, 283, 292—302, 313—315, 317, 466, 468—470, 476—480, 522, 523, 562, 563, 580, 609, 629, 647, 660, 695
Франция 125, 268, 287, 304
Французский яз. 304
Фриде, им. 557
Фрунзе М. В., им. 154, 184, 240, 279, 290, 350, 494, 538, 671
Фрунзе (Пишпек), гор. 154, 156, 162, 166, 168, 214, 216, 218, 219, 239—241, 244, 248, 266, 267, 268, 279, 281, 284, 286, 287, 290, 311, 313, 317, 320, 400, 488, 528, 533, 535, 536, 540, 542, 543, 558, 560—562, 675
Фрунзенский р-н 236, 254
Фуркат, им. 692
Фурманов Д. А., им. 124, 136, 350, 465
Фучик Юлиус, им. 268

Хагасы, этн. см. Киргизы (кыргызы) енисейские
Хаджиговшан, геогр. обл. 129
Хаджиев Айхан, им. 151, 152
Хазрет Аюб, им. рел. 242
Хаидов А., им. 131
Хайду, им. 164
Хаимов Якуб, им. 629
Хакасская а. о. 165
Хакасы, этн. 165, 313
Хакназар, им. 327
Халачский р-н 64
Халдурдыев А., им. 135
Хальва-Чешме, нас. п. 650
Хами (Комула), гор. 490
Хами, оаз. 490
Хамиди Л. А., им. 470, 472—474
Хамза Хаким-заде, им. 317, 581
Хаммедова Аннагозель, им. 146
Хаммедова Курбангуль, им. 146
Хамраев Абдулла, им. 495
Хангай, г. 158
Ханов К., им. 115
Хансахатов Джепбар, им. 133
Хань, этн. 529, 540
Ханыков Н. В., им. 587, 691

Харламова В., им. 475
Харьковская губ. 663
Хасанов Кадыр, им. 523
Хасанова Таджихон, им. 266
Хатырчи, гор. 610, 617, 628
Хауз-Хан, геогр. обл. 54, 55
Хаузханское водохранилище 52
Хафиз, им. 629
Хахаза Хачеза, им. 542
Хахамов Якуб, им. 629
Хахом Юсев Маарови Мамон, им. 611
Хван Ман Гым, им. 569
Хемингуэй Э., им. 125
Хемницер, им. 482
Хессе, этн. 651
Хива, гор. ист, 15, 16, 20, 22, 26, 28—30, 117, 129, 131, 332
Хивинское хан., 14—16, 23, 25, 68, 83, 662
Хикмет Н., им. 125, 136
Хионiты, этн. 11
Хисамеддин, им. 494
Хлопководство 27, 29, 32, 37, 40, 44, 50—54, 56, 57, 59, 106, 191, 206, 209, 212, 383, 384, 394, 498, 499, 538, 539, 541, 543, 568, 570, 588, 602, 616, 633, 634, 636, 672, 674, 675
Хлудов Н. Г., им. 464
Хобда, р. 354
Ходжа (ходжинцы), этн. 18, 20, 96, 147
Ходжабаев Д., им. 139
Ходжаги, этн. 583
Ходжаев Ораз, им. 32
Ходжаева Р. Д., им. 522
Ходжамамедов М., им. 30
Ходжамухаммедов Нури, им. 152
Ходжа Непес, им. 15
Ходжент, гор. 332
Ходжентский окр. 616
Хон Бон До, им. 565
Хорасан, геогр. обл. 10, 11, 14, 585, 586, 611, 631, 649—652, 654
Хорасанский Курдистан, геогр. обл. 650
Хорезм, ист., геогр. обл. 10, 11, 13, 14
Хорезми, им. 129
Хорезмийский яз. 11
Хорезмийцы (хорасмии), этн. 11, 323
Хорезмская Народная Советская республика 30
Хорезмская обл. 35, 565, 567
Хорезмский оаз. 9, 11, 13, 21, 22, 30, 34, 35, 38, 47, 61, 62, 66, 68
Хотан, геогр. обл. 502
Хотан, гор. 502
Хотоны, этн. 156
Христианство см. Религии и религиозные верования
Хуан-хэ, р. 561
Хубилай, им. 164
Худайбердыев Хилян, им. 495
Художественная обработка металла см. Изобразительное искусство
Хульм, ист. 586
Хуммедов Баллы, им. 57
Хунхан, нас. п. 528
Хунчи, нас. п. 528
Хусейн, им. рел. 627
Хуэйзу (хуэйхуэй), этн. 527, 529
Хызрили (хыдыр-эли), этн. 20, 47
Хягас, ист. 159, 161
Цао Юй, им. 136, 317
Цейлон, 152
Целинный край 321, 382, 384, 398, 408, 454
Целиноград, гор. 474, 693, 694
Целиноградская обл. 321, 384, 387, 388, 409
Церетели Г. В., им. 584
Цзянь-кунь, этн. см. Гэ-гунь
Цимбаленко Л. И., им. 51
Цин, ист. дин. 530
Цинхай, провинция 249, 322
Цунвазо Ю., им. 562
Цыбузгин В., им. 561
Цыган среднеазиатских яз. 597
Цыгане европейские, этн. 598, 600, 605; — среднеазиатские, этн. 597—609

Чаача, геогр. обл. 20
Чабалдаев Джапар, им. 268
Чагатаи, этн. 12
Чагатайская (юго-восточная) группа тюркских яз. см. Тюркские яз.
Чагатая улус, ист. 324
Чаек, нас. п. 233, 234
Чайковский П. И., им. 317, 472
Чакарзи, этн. 631, 632
Чакрак (чограк, чегерак), этн. 163
Чала, этн. 613
Чала-казак, этн. 156, 176
Чандыр, р. 9, 70
Чаргын, им. 171
Чардаринское водохранилище 383
Чарджоу (Чарджуй), гор. 8, 9, 12, 17, 27—29, 34, 37, 38, 45, 46, 49, 50, 62, 75, 101, 106, 134, 141, 582, 585, 628, 662
Чарджоуская обл. 7, 9, 37, 57, 64, 70, 72, 74, 76, 77, 84, 89, 108, 119, 124
Чарджуйский вилайет 30
Чарджоуский (Чарджуйский) оаз. 34, 35, 37, 61
Чарыев Х., им. 136
Чарын, нас. п. 496, 506, 520
Чарынская волость 492
Чаткал, р. 198
Чаткальская дол. 177, 180, 222, 226, 254
Чахдара, нас. п. 584
Чекир саяк, этн. 175—177
Чекишляр, нас. п. 41, 78
Челекен, гор. 42, 43, 101, 134
Челекен, п-ов 17, 26, 31, 34, 35, 41, 45, 46, 72, 75, 79
Чельпек, нас. п. 156
Челябинская обл. 321, 322
Чемшкезек, этн. 650
Черик, этн. 166, 175—177
Черинько И. И., им. 152
Черкасский А. М., им. 465
Черкезов Мухаммед, им. 137
Черниговская губ. 663
Чернышевский Н. Г., им. 481, 692
Черняевский у. 361
Чехансур, геогр. обл. 632
Чехи, этн. 29, 267
Чехов А. П., им. 124, 523, 560
Чехословакия 268
Чеченцы, этн. 155, 451
Чешский яз. 303
Чжи-Чжи, им. 161

Чжуньюаньжын (двунйуанжын), этн. 527
Чигили, этн. 323, 490
Чилик, нас. п. 488, 501, 526, 527, 531
Чиликский р-н 393, 488, 492, 501, 526
Чимкент, гор. 219, 335, 339, 371, 377, 380, 464, 474, 476, 488, 522, 526
Чимкентская обл. 321, 385—387, 438
Чиликский р-н 488, 492, 497, 499—501, 506, 519, 521, 526
Чимкентский у. 342, 662, 663, 669
Чинаран, геогр. обл. 650
Чингис-хан (Тимучин), им. 160, 164, 324, 328
Чиной Д., им. 457
Чирчик, гор. 675
Чихаза Фусеза, им. 542
Чогорок, этн. 163
Чокаев Анналн, им. 150
Чокин Ш. Ч., им. 452
Чокоева Рейна, им. 316
Чолокай, нас. п. 496
Чолпон-Ата, кур. 281
Чон-Аксу, нас. п. см. Аксу
Чонг багыш, этн. 176
Чонг-Кемин, р. 175
Чони-атабай, этн. 18
Чони-шереф, этн. 14, 18
Чортеков Анварбенк, им. 185
Чоудоры (човдур), этн. 9, 10, 12, 14, 18, 19, 47, 49, 64, 65, 88, 92, 144, 147, 150
Чу р., 156, 175, 183, 190, 208, 215, 241, 323, 342, 351, 354, 360, 361, 364, 527, 531, 543, 662
Чугучак, нас. п. 396
Чу-Илийские г. 351
Чулийский р-н 389
Чуйков С. А., им. 312
Чуйская впадина 351
Чуйская дол., 154—156, 166, 168, 175, 189, 191, 197, 201, 206—208, 210, 214, 215, 222, 224, 232, 233, 236, 240, 255, 258, 260, 263, 269, 285, 290, 291, 307, 311, 541, 550, 677
Чуйский кн. 217
Чуйский р-н 204, 282, 409, 412
Чулак-Курган, гор. 398
Чулак-Тау, гор. 378, 398
Чулетов Мурад, им. 62
Чули, нас. п. 649, 655
Чулийская дол. 8, 40, 114
Чунджа, нас. п. 488, 502, 520
Чунь Юань, им. 223
Чыны, им. 171

Шават, гор. 582
Шават, кн. 35
Шадилу, этн. 650, 651
Шадурдыева С., им. 134
Шайбеков Ысак, им. 301
Шайбони, этн. 583, 585
Шалта, этн. 171
Шамалды-Сай, нас. п. 244, 245
Шаманизм см. Религии и религиозные верования
Шамиев Ахмет, им. 526
Шамиева Айша, им. 521, 522
Шамшиев Толан, им. 303
Шамырканов Молдо Кылыч, им. 298
Шандыкбаев К., им. 476
Шаньси, провинция 529
Шапошников А., им. 138
Шара, им. 472, 474, 476
Шарипова А., им. 134
Шарипова З., им. 476
Шарлоук, нас. п. 80
Шарэ, этн. 651
Шахбердыева М., им. 134
Шах-Мурад, им. 14
Шахрисябз, гор. 610, 611, 617, 628
Шахрисябзский у. 155
Шахтинск, гор. 378
Шах Фазиль, рел. 180
Шах-Ходжа, нас. п. 588
Шамхан, нас. п. 650
Шаяхметов К., им. 466
Швеция 677
Швецов С. П., им. 451
Шевченко Т. Г., им. 454, 464, 523, 692
Шевченко, форт, нас. п. 454
Шейман Л., им. 157
Шекспир В., им. 125, 136, 305, 316, 475, 526, 581
Шелководство 37, 38, 44, 51, 57, 59, 196, 497, 500, 517, 568, 588, 602, 635
Шереф-джафарбай, этн. 18
Шехусейни, этн. 631
Шибирган, ист. 586
Шиваза Ясыр, им. 560—562
Шигаев Даулеткерей, им. 469, 470
Шиллер Ф. им. 136, 316, 581
Шимеев С., им. 303
Шинло Л. Т., им. 562
Ширабад, нас. п. 583, 589
Ширабад-Дарья, р. 582
Ширабадский р-н 590
Шираз, гор. 611, 629
Ширван, геогр. обл. 656
Ширгази хан, им. 667
Ших, этн. 18, 147
Шишкин В. А., им. 693
Шкапский О. А., им. 231
Шмаков А., им. 561
Шокей, рел. 413
Шолохов М., им. 124, 304
Шомекей, этн. 325
Шор-Тюбе, нас. п. 527, 530, 531, 541, 545, 551
Шопоков Дуйшенкул, им. 185, 270
Шопокова Керимбюбю, им. 270
Шохин, им. 629
Штейн А., им. 475
Штейн Я., им. 475
Шубин П. Ф., им. 315, 695
Шудрак, им. 136
Шукурбеков Р., им. 304
Шумилов Н. В., им. 670
Шэньси, провинция, 528, 529
Шэньсийский диал. см. Дунганский яз.

Щучинский р-н 679

Ырдык (Мариинское), нас. п. 528, 531, 533, 541, 547, 551, 557, 558
Ырсалиев Андашбай, им. 311

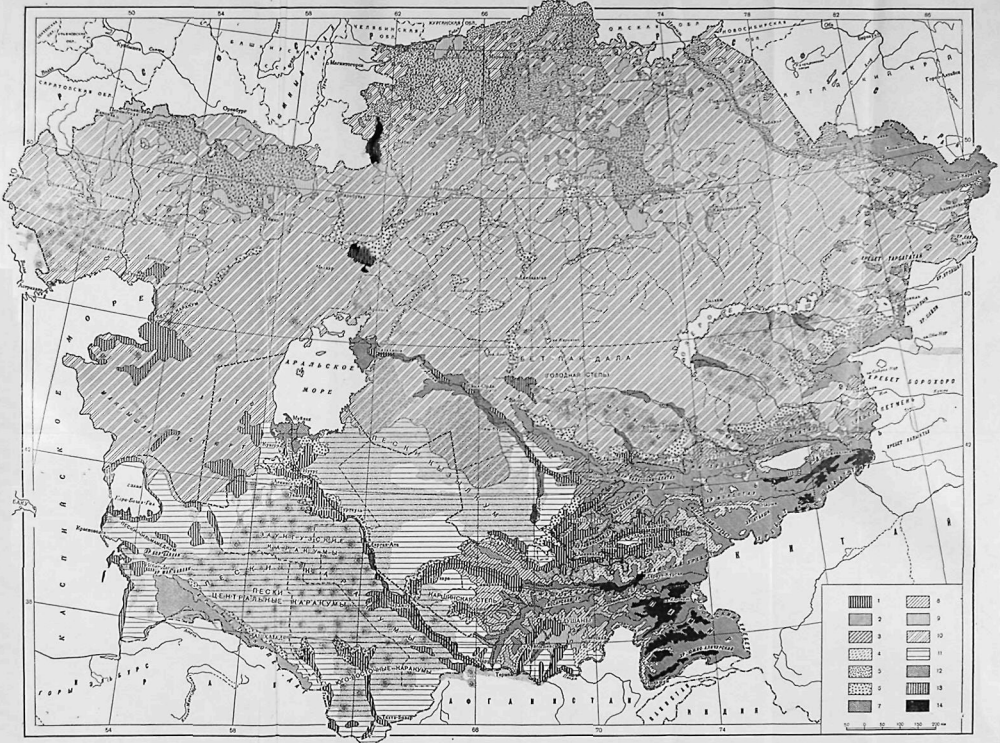
Эзбер-Баба, рел. 119
Эзизов К., им. 134
Эймуры, этн. 12
Экибастуз, гор. 349, 371, 398
Экзогамия см. Семья и семейно-брачные отношения

Элебаев Мукай, им. 304
Электрификация 8, 46, 77, 79, 209, 210, 212, 215, 216, 219, 221, 222, 234, 238, 244, 245, 249, 378, 394, 510, 570, 619, 656, 688
Эллаверди, этн. 651
Эльтон, оз. 338
Эмба, р. 11, 338, 349, 351, 354, 361, 371, 413
Эмба, гор. 349
Энбекши-Казахский р-н 392, 488, 497—500, 506, 525
Энгельс Фридрих, им. 124, 171, 289, 458
Эндогамия см. Семья и семейно-брачные отношения
Эпенди, им. эп. см. Насреддин
Эрматов Т., им. 315
Эрсаринцы (эрсари), этн. 9, 12—15, 18, 20, 21, 23, 26, 64, 68, 83, 86, 87, 89, 91, 94, 96
Эрсарыев Оразгельды, им. 54, 57, 152
Эсадов А., им. 134
Эсенова Т., им. 136, 137
Эсен Полат, им. эп. 127
Эсен-хани (хасан эли), этн. 12, 147
Эски, этн. 18
Эски-Даргом, кн. 588
Эстер, им. рел. 624
Эсэху, им. 164
Этногенез, этническая история 9—11, 18, 20, 80, 96, 149, 157—166, 222, 223, 249, 296, 322—326, 489—491, 529—532, 564, 583—586, 598, 611, 631—632, 649, 650, 666, 667
Эфталиты, этн. 11
Эшек Анкрен, плато 34
Эшкоджо, им. 171
Эшмамбетов К., им. 304, 305

Ювелирное дело см. Ремесла и домашние промыслы; Изобразительное искусство
Юго-восточная группа диал. см. Таджикский яз., диал.
Юдаков С. Л., им. 317, 630
Юдахин К. К., им. 693
Южно-Казахстанский край 321, 383, 384, 405
Южнорусский гов. см. Русский яз., гов.
Юзбаши, этн. 18, 20
Юзовка, нас. п. 493
Юлдашев Вали-Ахун, им. 492, 493
Юмудский Назар, им. 150—151
Юнусалиев Б. М., им. 162
Юсупов И. И., им. 562
Юсупова С. М., им. 628
Юсуров Закрия, им. 537
Юсуров Х. Ю., им. 562

Ягма, этн. 323, 490, 491
Ягудаев Моше, им. 629
Ягэ, этн. 532
Язкулиев С., им. 139
Язы, этн. 47, 61
Языры (языр), этн. 11—13, 130 см. также Карадашлы
Яик р. см. Урал
Яковлев Алексей, им. 667
Яководство см. Животноводство
Якуби, им. 585
Якубов Исмаил, им. 498
Якубова Марьям, им. 630
Якубовский А. Ю., им. 693
Якушенко И., им. 138
Ялавач, этн. 18
Ямышевое оз. 332
Январский, нас. п. 242
Янгикент, гор. 324
Яншансин Ю., им. 561, 562
Япония 216, 268
Яркенд, гор. 195, 489
Яры-геокча, этн. 47
Яхуди, этн. 610

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТИПЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (19 в.)


ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛ.
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛ.
САРАТОВСКАЯ ОБЛ.
ГУРЬЕВСКАЯ ОБЛ.
ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ НИЗМ.
ПРИАРАЛЬЕ
ПЕСКИ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КАРАКУМЫ
ПЕСКИ ЮЖНЫЕ КАРАКУМЫ
ПЕСКИ КЫЗЫЛКУМЫ
ПЕСКИ МОЙНАКУМЫ
ПЕСКИ БЕЛЬТАУ
ПЕСКИ ТАУКУМЫ
ПЕСКИ ТАЛДЫКУМЫ
ПЕСКИ ЧУ-САРЫСУЙСКИЕ
ПЕСКИ ЧИЛИКТИНСКИЕ
ПЕСКИ ЧАГАЛА
ПЕСКИ ЧИЛИКСКИЕ
ПЕСКИ ЧЕТЫРТАУ
ПЕСКИ ЧЕТЫРТАУ
ПЕСКИ ЧЕТЫРТАУ

Территории с преобладанием интенсивного поливного земледелия

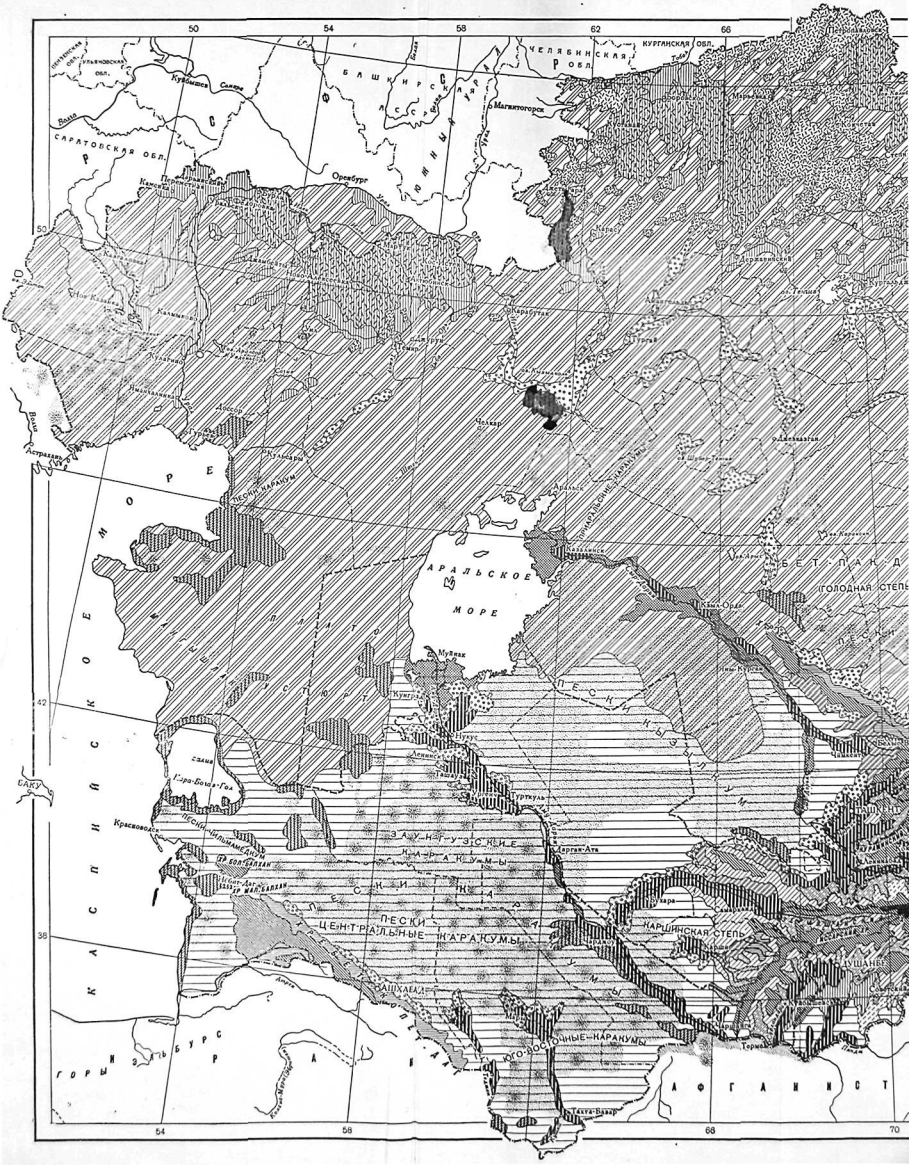
1. Крупнооазисное поливное земледелие аллювиальных равнин и речных долин (в сочетании со стойловым и пустынным отгонным скотоводством: Хорезмский оазис — узбеки, каракалпаки, туркмены, Бухарский оазис — узбеки, таджики, Ташкентский оазис — узбеки, казахи, Мургабский оазис — туркмены, Теджинский оазис — туркмены; в сочетании с горно-пастбищным скотоводством: Ферганский оазис — узбеки, таджики, Самаркандский — узбеки, таджики, Шахрисябский — узбеки, таджики). 2. Мелкооазисное («очаговое») поливное земледелие в предгорьях Копет-Дага и Карачау с широким развитием кяризного орошения в сочетании с пустынным отгонным скотоводством (туркмены, узбеки). 3. Мелкооазисное («очаговое») поливное земледелие в предгорьях Тянь-Шаня в сочетании с отгонным скотоводством (узбеки, уйгуры, казахи, киргизы). 4. Мелкооазисное горное поливное и богарное земледелие (долин и котловин Памира, Алая и Тянь-Шаня) в сочетании с горно-пастбищным скотоводством (таджики, киргизы и др.). 5 Богарное земледелие русских и украинских переселенцев.

Территории с преобладанием полуоседлого земледелия в сочетании со скотоводством

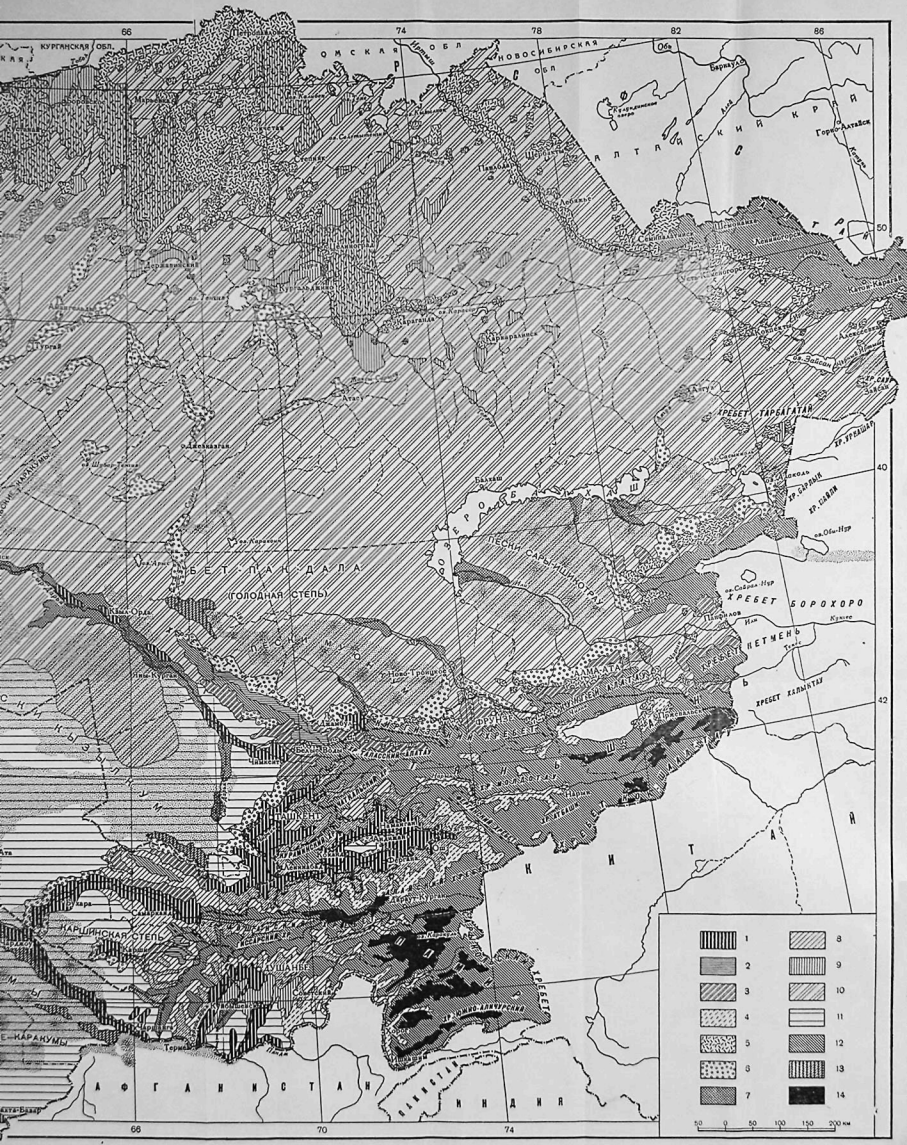
6. Нерегулярное поливное земледелие и каирное земледелие на окраинах больших земледельческих оазисов в сочетании с пустынным пастбищным скотоводством (в Хорезмском оазисе — каракалпаки, туркмены, северо-хорезмские узбеки; в Бухарском оазисе — каракалпаки, туркмены, казахи; в Ташкентском оазисе — казахи; в Ферганском — каракалпаки и др.). 7. Нерегулярное поливное, каирное и лиманное земледелие в низовьях рек в сочетании с пастбищным скотоводством и рыболовством (каракалпаки, казахи, узбеки). 8. Богарное земледелие предгорий, горных склонов и плоскогорий Средней Азии в сочетании с горно-пастбищным скотоводством (узбеки, таджики). 9. Богарное земледелие Северного Казахстана в сочетании с кочевым скотоводством (казахи).

Территории с преобладанием кочевого скотоводства

10. Кочевое пустынное и полупустынное скотоводство с преобладанием меридионального кочевания (казахи). 11. Кочевое пустынное скотоводство, базирующееся на колодцах (туркмены). 12. Кочевое и отгонное горное скотоводство с редкими очагами поливного и богарного земледелия (киргизы, горные таджики, казахи и др.). 13. Неудобные земли. 14. Высокогорные территории.


50
54
58
62
66
Челябинская обл.
Курганская обл.
Ульяновская обл.
Куйбышев
Самара
Башкирская АССР
Магнитогорск
Волга
Саратовская обл.
Оренбург
Уральск
Актюбинск
Гурьев
Каспийское море
Мангышлакский п-ов
Мангышлак
Красноводск
Гора-Богдо-Гол
Баку
Аральское море
Муйнак
Кунград
Нукус
Турткуль
Ургенч
Чарджоу
Бухара
Карши
Термез
Кушка
Мары
Ашхабад
Кизыл-Арват
Пески Кара-Кумы
Пески Центральные Кара-Кумы
Пески Юго-Восточные Кара-Кумы
Каршинская степь
Голодная степь
Пески Кызыл-Кум
Горы Копет-Даг
Горы Эльбурс
Иран
Афганистан
42
46
50
54
58
62
66
70

...ственные типы средней Азии и Казахстана (19 в.)



ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Туркмены 7
Киргизы 154
Казахи 321
Уйгуры 488
Дунгане 527
Корейцы 564
Среднеазиатские арабы 582
Среднеазиатские цыгане 597
Среднеазиатские евреи 610
Белуджи 631
Курды 649
Русское, украинское и белорусское население Средней Азии и Казахстана . . 662

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список литературы 699
Глоссарий 708
Список иллюстраций 736
Список карт 746
Список заставок и концовок 747
Указатель 749

Народы Средней Азии и Казахстана,
Том II

Утверждено к печати Институтом
этнографии им. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *Т. Д. Селявина*
Художник *М. Л. Компанеец*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректоры *Н. М. Вселюбская, В. Г. Петрова.*

РИСО АН СССР № В—63. Сдано в набор 19/VI 1962 г.
Подписано к печати 26/XII 1962 г. Формат $70\times108^{1}/_{16}$
Печ. л. 48,75+13 вкл. Усл. печ. л. 66,79+13 вкл.
Уч.-изд. л. 72,4(69,6+2,8 вкл.) **Тираж** 3750 экз.
Т-15614. Изд. № 5143. Тип. зак. 924.

Цена 4 руб. 76 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
225	8 св.	кыргыз-уй	кыргыз уй
302	1 св.	Саакбая Ааралаева	Саякбая Каралаева
368	15—14 сн.	столь же простым станком	на столь же простом станке
405	9 сн.	тришять	три-пять
463	17 сн.	құс қанат	қус қанат
465	8 сн.	наименовавшиеся	ознаменовавшиеся
618	25 св.	шуиҳон	шулҳон
666	12—11 сн.	Плано Карпини	Иоанн де Плано Карпини
666	7 сн.	Иоанн де Рубрук	Вильгельм (Виллем) де Рубрук
667	3 сн.	рубежи	рубеж и
706	25 св.	Гаффенберг	Гафферберг
716	левый стб. 24 сн.	ишанам	ишаном
717	левый стб. 23 сн.	калта)	қалта)
717	правый стб. 24 сн.	карғы бау)	қарғы бау)
718	правый стб. 34 св.	каз көш)	каз. кош)
731	левый стб. 32 сн.	кырман	қырман
734	правый стб. 1 св.	Шуихон (тадж. *евр.* шуиҳон)	Шулхон (тадж. евр. шулҳон)